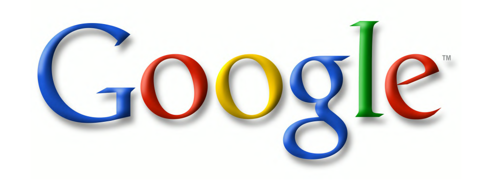





STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ИСТОРІЯ
ГРЕКО-ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ
ПОДЪ ВЛАСТІЮ ТУРОКЪ.

От паденія Константинополя (въ 1453 году) до настоящаго времени.

ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
А. П. Лебедева.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

На основаніи циркулярнаго предложенія Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 10 — 19 Ноября 1901 г. за № 31977, допущено въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.



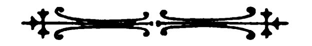
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И. Л. ТУЗОВА.
(Гостиный дворъ, № 45).
1903.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 23 Марта 1903 года.
Старшій Цензоръ, Архимандритъ *Филаретъ*.

Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева, Бассейная ул., 14.

Одинъ изъ критическихъ отзывовъ о книгѣ проф. А. П. Лебедева: *„Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ“* напечатанъ въ извѣстномъ ученомъ журналѣ: *Византійскій Временникъ*. Приведемъ заключительныя слова изъ этого отзыва:

„Книга проф. Лебедева заслуживаетъ вниманія по одному тому, что представляетъ первый въ русской литературѣ серьезный опытъ подробнаго изученія судьбы православной греческой церкви послѣ завоеванія Византіи турками. Авторъ воспользовался для своей цѣли многочисленною иностранною литературою вопроса, весьма тщательно и критически изучилъ ее и воспроизводитъ въ своемъ изслѣдованіи эту литературу всю сполна, до мелочей включительно. При этомъ книга написана яснымъ и простымъ языкомъ и вполнѣ пригодна для популярнаго чтенія. Проф. Лебедевъ настоящимъ изслѣдованіемъ удачно пополнилъ цѣлую серію своихъ работъ по исторіи греко-восточной церкви“ (1896 г. или томъ III, стр. 680).



Ist wohl kein Volck, welches mehr Liebe und Hochachtung gegen seine Kirche habe, als die Griechen.

«*Не существуетъ народа, который имѣлъ бы больше любви и уваженія къ своей церкви, чѣмъ Греки*».

Heineccius, Oberpfarrer (XVIII вѣка).

ВВЕДЕНІЕ.

Если отъ кого мы вправѣ ожидать серьезнаго и разнообразнаго изученія греческой церковной жизни послѣднихъ четырехъ столѣтій, то конечно отъ Грековъ. Греки обязаны и сами хорошо знать исторію своей церкви и давать способы ознакомляться съ нею и не-Грекамъ. Каждый народъ только самъ можетъ должнымъ образомъ изучать прошедшее своей исторической жизни. Мы—Русскіе изучаемъ и знаемъ церковную исторію своей родины такъ, какъ никто, никакой другой народъ на свѣтѣ; тоже должно сказать о каждой другой просвѣщенной націи по отношенія къ изученію ею своей исторіи. Французъ, Англичанинъ знаютъ свою исторію наилучшимъ образомъ по сравненію съ тѣмъ, какъ знаютъ ее другіе народы. И это вполнѣ естественно. Если „и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ“, то тѣмъ болѣе для насъ дорого все родное и настоящее, и прошедшее въ исторической жизни и развитіи общества. Мало того: только самъ народъ, который пережилъ свое прошедшее и въ настоящее время живетъ въ связи съ преданіями своей родной старины, только этотъ народъ и способенъ надлежащимъ образомъ понимать и воскрешать въ памяти вѣрный образъ былого. Истины извѣстныя. Поэтому, мы вправѣ ожидать—повторяемъ,—что и Греки прошедшихъ временъ хорошо знали

свою болѣе раннюю исторію, или точнѣе: церковную исторію, такъ какъ только объ этой послѣдней у насъ рѣчь, — и что Греки нашего времени еще лучше знаютъ и изслѣдуютъ прошедшую свою родную исторію. Но надежды наши въ этомъ отношеніи не совсѣмъ оправдываются. Греки прежнихъ временъ очень не старательно и не очень внимательно изучали свою родную исторію; не очень-то большихъ успѣховъ въ этомъ отношеніи достигли Греки и нашего времени. Прежніе вѣка мало имѣли историковъ, занимавшихся сколько-нибудь серьезно дѣломъ изученія прошлой церковно-исторической жизни. Такихъ можно насчитать пожалуй только двоихъ: Досиѳея, патріарха іерусалимскаго и Мелетія, митрополита аѳинскаго. Оба они жили въ одно и тоже время — во второй половинѣ XVII вѣка и умерли въ началѣ XVIII-го. Первый написалъ „Исторію іерусалимскихъ патріарховъ въ 12 книгахъ“ (на самомъ же дѣлѣ это есть исторія не одного іерусалимскаго патріархата, а всей церкви); второй озаглавилъ свой трудъ: „Церковная Исторія“. Несомнѣнно оба они очень полезные церковные историки. Но если мы узнаемъ, какъ составлялись, издавались и печатались названные историческіе труды Досиѳея и Мелетія, то мы отлично поймемъ, что въ ихъ время и въ эпоху ближайшую къ нимъ на исторію смотрѣли съ замѣчательною беззаботностію, разумѣется, не случайною, а составлявшею характеристическую черту времени. Какъ сознается Досиѳей іерусалимскій, онъ не самъ сполна написалъ свой трудъ, но въ основу его положилъ готовое рукописное сочиненіе извѣстнаго Паисія Лигарида (латинофрона, по отзыву Досиѳея) [1]); въ свою очередь трудъ Досиѳея прежде печатанія былъ исправленъ и усовершенъ издателемъ его Хрисанѳомъ, патріархомъ іерусалимскимъ, преемникомъ Досиѳея по каѳедрѣ и его племянникомъ [2]). Спрашивается: чье же въ дѣйствительности произведеніе мы имѣемъ подъ именемъ Досиѳея? Лигаридово? Досиѳеево? или же Хрисанѳово? Авторитетъ и характеръ каждаго изъ числа этихъ трехъ лицъ (Лигарида, Досиѳея и

[1]) Δοσιθέου. Ιστορία περὶ τῶν ἐν Ιεροσολ. πατριαρχευσάντων. Βιβλ. 11, σελ. 1180. In. fol., Бухарестъ, 1715.

[2]) Какъ это видно изъ самаго заглавія Досиѳеевой исторіи, пространно изложеннаго.

Хрисанѳа) не одинаковы; а между тѣмъ, руководясь главнымъ образомъ нашими свѣдѣніями объ авторитетѣ и характерѣ историческаго повѣствователя, мы составляемъ критерій, которымъ пользуемся при опредѣленіи степени достовѣрности извѣстій или достоинства изысканій даннаго историка. Такимъ образомъ, при первомъ же знакомствѣ съ Досиѳеевой исторіей, мы встрѣчаемся съ препятствіями, которыя лишаютъ насъ возможности рѣшить существенный вопросъ: съ какой степенью довѣрія мы можемъ полагаться на составителя указанной исторіи, какъ на историческаго свидѣтеля. Пользоваться подобнымъ трудомъ, какъ историческимъ памятникомъ, мы можемъ собственно только подъ условіемъ строжайшей провѣрки показаній, заключающихся въ этомъ произведеніи. Легкое ли это дѣло вообще, для иностранца въ особенности?—Не меньшія затрудненія испытываетъ историкъ нашего времени, если онъ захочетъ взять въ помощники своего дѣла и Мелетія аѳинскаго. Мелетій умеръ, не напечатавъ своего труда. Этотъ послѣдній долго лежалъ безъ всякаго употребленія въ одной константинопольской библіотекѣ, пока въ концѣ XVIII вѣка одинъ любитель науки случайно не наткнулся на рукопись, изумляясь открытію такъ, какъ будто бы онъ открылъ невѣдомую Америку. Затѣмъ этотъ любитель науки издалъ рукопись въ свѣтъ. Но спрашивается: какъ онъ издавалъ ее? Совершенно необыкновеннымъ образомъ. Найдя рукопись, любитель просвѣщенія отдалъ ее для приведенія въ порядокъ и исправленія какому-то Іоанну Палеологу, который не столько исправилъ ее, сколько исказилъ; въ виду этого, лице, обрѣтшее рукопись, вынуждено было передать ее еще третьему посреднику для той-же цѣли—нѣкоему Георгію Вендотису, который подвергъ Мелетіеву исторію безконтрольной редакціи [1]). Спрашивается: въ какомъ видѣ исторія Мелетія вышла изъ рукъ ея творца? Сколь много причинилъ ей вреда Палеологъ? И насколько къ лучшему работалъ надъ нею Вендотисъ? Какой авторитетъ можетъ имѣть исторія Мелетія въ наукѣ? Вмѣсто того, чтобы слу-

---

[1]) Μελετίου, Μητροπολ. Ἀθηνῶν. Ἐκκλησιαστικὴ Ἱστορία. Προλεγόμενα, σελ. 7—10. Τόμ. I. Βѣна, 1783.

жить контролемъ вѣрности и точности свѣдѣній откуда-либо нами заимствуемыхъ, она сама нуждается въ строжайшемъ контролѣ и должна пробуждать неискоренимый скепсисъ.

Не въ лучшемъ положеніи очутится иностранный ученый, изучающій исторію греческой церкви новѣйшихъ временъ и въ томъ случаѣ, если онъ обратится за необходимыми уроками къ современнымъ греческимъ ученымъ, даже извѣстнѣйшимъ между ними. Помощь ихъ будетъ очень сомнительна, а иногда не будетъ оправдывать и самыхъ скромныхъ надеждъ. Оказывается, что и современные греческіе ученые, долгъ которыхъ хорошо и обстоятельно знать свою родную исторію и—въ этомъ отношеніи помогать своими совѣтами ученымъ негреческой національности,—въ своихъ познаніяхъ не стоятъ на высотѣ призванія. Для примѣра остановимся на одномъ, очень извѣстномъ современномъ греческомъ историкѣ, имя котораго на устахъ у каждаго, занимающагося греческой исторіею, историкѣ, несомнѣнно оказавшемъ большія услуги по части изученія этой послѣдней, къ трудамъ котораго и мы сами очень часто будемъ прибѣгать въ дальнѣйшихъ нашихъ рѣчахъ; говоримъ объ аѳинскомъ ученомъ,—кажется, еще и теперь здравствующемъ—Константинѣ Сатѣ. Какъ ни цѣнны для изученія греческой исторіи разныя изданія и ученые труды Константина Саты, однакожъ требуется большая осторожность, чтобы избѣжать тѣхъ поразительныхъ ошибокъ и заблужденій, въ какія нерѣдко впадаетъ ново-греческій ученый въ своихъ трудахъ. Одинъ, очень почтенный греческій-же ученый, архимандритъ Андроникъ Димитракопулъ († 1872), жившій на европейскомъ Западѣ, говорилъ о Сатѣ, что этотъ послѣдній очень не надежный руководитель для изучающихъ греческую церковную исторію новѣйшаго періода. Въ самомъ дѣлѣ, по словамъ названнаго греческаго архимандрита Димитракопула, Сата, говоря о греческихъ ученыхъ нашего времени, по невнимательности къ своему дѣлу „воскрешаетъ много мертвыхъ и хоронитъ много живыхъ“ (т. е. пишетъ о живыхъ, причисляя ихъ къ умершимъ, а о умершихъ, причисляя ихъ къ живымъ). Еще тяжеле погрѣшаетъ Сата, когда дѣлаетъ ученыя

разъясненія о лицахъ, давно умершихъ, но замѣчательныхъ въ исторіи греческой церкви: однихъ изъ такихъ—совершенно православныхъ онъ объявляетъ еретиками, а другихъ — неправославныхъ, аттестуетъ какъ людей чистѣйшаго православія, хотя еретичество первыхъ съ точки зрѣнія болѣе внимательнаго изслѣдователя есть невѣроятный абсурдъ, а православіе вторыхъ для такого же изслѣдователя болѣе, чѣмъ сомнительно [1]). Впрочемъ и безъ указаній греческаго критика Димитракопула, не трудно усмотрѣть, что Сата дѣйствительно принадлежитъ къ числу тѣхъ изслѣдователей, жребій которыхъ впадать въ непозволительныя ошибки, тѣмъ болѣе опасныя, что онѣ легко могутъ переходить въ книги иностранныхъ ученыхъ, полагающихся на авторитетъ этого неутомимаго писателя. Представимъ нѣсколько любопытныхъ обращиковъ блужданій авторитетнаго греческаго ученаго—въ его изслѣдованіяхъ. Въ 1870 году, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, дѣлая замѣчанія о хронографіи, извѣстной съ именемъ Дороѳея монемвасійскаго (XVI в.), К. Сата заявляетъ слѣдующее: „замѣчательно, что патріархъ Константій, синаитъ (прошедшаго вѣка), въ сочиненіи: Константиніада впадаетъ въ двойную ошибку относительно автора указанной хронографіи, ибо онъ погрѣшительно считаетъ авторомъ этой хронографіи *Іероѳея*, митрополита монемвасійскаго, а потомъ, стараясь поправить эту ошибку, впадаетъ въ новую“ и т. д. [2]). А чрезъ два года, именно въ 1872 году, тотъ же Сата, но въ другомъ своемъ сочиненіи, по этому же вопросу объ авторѣ хронографіи, извѣстной съ именемъ Дороѳея,—говоритъ совсѣмъ обратное, т. е. то самое, за что онъ порицалъ патріарха Константія, какъ писателя и ученаго; именно въ этомъ, другомъ, сочиненіи аѳинскій ученый дѣйствительнымъ авторомъ разсматриваемой хронографіи считаетъ не другаго кого, какъ Іероѳея монемвасійскаго и въ доказательство говоритъ вотъ что: „во всей хронографіи совсѣмъ не упоминается Дороѳей, митроп. монемвасійскій, напротивъ объ

[1]) Проф. И. Е. Троицкаго. Труды архимандрита Андроника Димитракопула. «Христ. Чтеніе», 1873, т. III, стр. 635, 614—15, 622—623.

[2]) Σάθας. Βιογραφικὸν σχεδίασμα περὶ τοῦ Πατριάρχου Ἱερεμίου II: Παράρτημα, σελ. 3. Аѳины, 1870.

Іероѳеѣ монемвасійскомъ весьма часто здѣсь сообщаются такія свѣдѣнія, которыхъ другой никто знать не могъ; этотъ послѣдній крѣпко стоялъ за гонимаго патріарха Іеремію II-го и былъ его спутникомъ въ путешествіи въ Россію", въ 1588—1591 году [1]). Итакъ въ этихъ словахъ Сата считаетъ совершенно вѣрнымъ то, что признавалъ ученый патріархъ Константій и что незадолго предъ этимъ объявлялъ за ошибку аѳинскій ученый. Спрашивается: что же составляетъ правильное мнѣніе, истину—то ли, что Сата принималъ въ 1870 году или же то, что онъ сталъ признавать съ 1872 года? То, что онъ началъ утверждать съ 1872 года, ибо это мнѣніе о писателѣ хронографіи сдѣлалось господствующимъ въ наукѣ (на это мы имѣемъ факты). Итакъ оказывается, что патріархъ константинопольскій Константій еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда онъ написалъ свою „Константиніаду", держался совершенно правильныхъ воззрѣній на автора хронографіи, извѣстной съ именемъ Дороѳея. А аѳинскій ученый, пиша уже въ 1870 году, не только не съумѣлъ оцѣнить ученаго открытія патріарха константинопольскаго, но еще надѣлалъ ему упрековъ. Какъ назвать такого ученаго? Легкомысленнымъ? Думаемъ, что такъ. Какимъ руководителемъ и наставникомъ иностранныхъ историковъ, изучающихъ греческую исторію, можетъ быть такой ученый, которому они, по народному выраженію, по истинѣ должны бы отдать „и книги въ руки", но который открытыми глазами взирая на научную истину, вмѣсто нея провозглашаетъ ложь? Разумѣется, очень не надежнымъ.—Еще другой, не менѣе любопытный примѣръ ученыхъ кривотолковъ Саты. Въ третьемъ томѣ своей „Греческой Библіотеки" аѳинскій изслѣдователь пишетъ слѣдующее о вышеуказанномъ нами греческомъ церковномъ историкѣ Мелетіи аѳинскомъ: Мелетій „имѣлъ своимъ сотрудникомъ Хрисанѳа, родственника и преемника Досиѳеева по трону патріаршему въ Іерусалимѣ". Къ этимъ словамъ подъ строкой еще сдѣлано примѣчаніе, гласящее: „къ нему (ясно къ Хрисанѳу)

[1]) Sathas. Bibliotheca Graeca medii aevi. Vol. III, Πρόλογος σελ. XVII Venetiis, 1872.

Мелетій послалъ на просмотръ неизданный автографъ его (т. е. чей? свой собственный?), находившійся въ святогробской библіотекѣ въ Константинополѣ. По сей причинѣ" и пр.[1]). Всѣ эти извѣстія ученаго Саты представляютъ сущій вздоръ, достойный незабвенной памяти извѣстнаго героя комедіи—Ивана Александровича Хлестакова. Мелетій аѳинскій не имѣлъ Хрисанѳа сотрудникомъ въ своей церковно-исторической работѣ, ибо Хрисанѳъ былъ сотрудникомъ дяди своего Досиѳея, автора сочиненія: „Исторія іерусалимскихъ патріарховъ", а вовсе не сотрудникомъ Мелетія; въ святогробской константинопольской библіотекѣ Мелетій своего собственнаго сочиненія не открывалъ и не посылалъ его къ Хрисанѳу, ибо при жизни не имѣлъ никакой нужды сдавать свой трудъ въ архивъ. Всѣ ошибки Саты произошли отъ феноменальной его безпамятности. Вь другомъ своемъ произведеніи, явившемся въ свѣтъ на 4 года раньше третьяго тома „Греческой Библіотеки", авторъ, т. е. Сата, очень правильно разсказывалъ всю исторію открытія и изданія Мелетіева сочиненія. Здѣсь говорится, что рукопись Мелетія подлинно была открыта въ святогробской библіотекѣ въ Константинополѣ, но открыта она спустя 60 лѣтъ по смерти митрополита аѳинскаго и спустя 35 лѣтъ по смерти Хрисанѳа. Значитъ посылать свою рукопись къ Хрисанѳу Мелетій не могъ, ибо оба они были въ это время въ мірѣ загробномъ. Да и вообще по открытіи рукописи, она совсѣмъ ни куда не посылалась и надолго оставалась въ Константинополѣ. Дальнѣйшая ея судьба тоже хорошо извѣстна [2]). Итакъ мы встрѣчаемся съ печальной истиной. Сата въ третьемъ томѣ указанной „Греческой Библіотеки" наговорилъ небылицъ объ исторіи Мелетія аѳинскаго единственно потому, что окончательно забылъ то, что онъ самъ писалъ о ней назадъ тому 4 года, а взглянуть въ свою собственную книгу и навести въ ней справку, когда онъ составлялъ III-ій томъ „Греческой Библіотеки", ему не захотѣлось или не пришло на умъ. Такъ пишется исторія... Научнымъ чутьемъ историка и критика К. Сата

---

[1]) Sathas. Bibliotheca Graeca, tom. III, Πρόλογ. σελ. XXI.
[2]) Σάθα Νεοελληνική φιλολογία, σελ. 392. Афины, 1868 г.

обладаетъ въ самой незначительной степени. Такъ, печатая открытый имъ памятникъ—„Церковную Исторію", обхватывающую второе полустолѣтіе XVIII вѣка греческой церкви и написанную современникомъ, Сергіемъ Макреемъ, Сата чувствуетъ большое упоеніе отъ доставшагося ему счастія издать этотъ памятникъ. Онъ говоритъ о самомъ Макреѣ, что „это—единственное лице, достойное имени историка"; объ исторіи же, написанной Макреемъ, замѣчаетъ: „исторія эта должна быть разсматриваема, какъ одинъ изъ наиболѣе почтенныхъ памятниковъ эллинизма, находившагося подъ господствомъ Турокъ» [1]). Но въ дѣйствительности нѣтъ надобности быть издателемъ исторіи Макрея, т. е. человѣкомъ, хорошо изучившимъ издаваемую въ свѣтъ рукопись, достаточно быть лишь человѣкомъ съ небольшимъ историческимъ вкусомъ и прочесть содержащееся въ произведеніи Макрея, чтобы признать слѣдующее: Исторія Макрея есть не исторія, а второстепенныхъ качествъ мемуаръ, не могущій претендовать на особенно высокое мѣсто въ ряду достойныхъ своего имени историческихъ сочиненій. (Впрочемъ подробнѣе о Макреѣ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ).

Разсуждая такъ о старинныхъ греческихъ историкахъ и въ особенности о новѣйшемъ и знаменитомъ греческомъ ученомъ Константинѣ Сатѣ, мы однакожъ вовсе не хотимъ осуждать и порицать ихъ труды, во многомъ полезные. Мы сдѣлали нѣсколько критическихъ замѣтокъ о вышеуказанныхъ писателяхъ съ другою цѣлію. Если, какъ мы старались показать, старинные греческіе церковно-историческіе труды, судя по нѣкоторымъ признакамъ, не обладаютъ должнымъ авторитетомъ въ глазахъ иностранца, пишущаго по исторіи греческой церкви, и если Сата такъ часто обманываетъ надежды этого послѣдняго, то можно ли признать благопріятнымъ положеніе не-греческаго ученаго, изслѣдующаго чуждую ему историческую среду? Нѣтъ, его положеніе очень затруднительно. Какая непріятная перспектива открывается для него къ своимъ собственнымъ ошибкамъ и погрѣшностямъ (безъ которыхъ не обойдешься) присоединить ошибки греческихъ истори-

[1]) Sathas. Bibliotheca Graeca. Jbid., σελ. 24, 85.

ковъ въ особенности нашего времени, которые имѣютъ всѣ средства сокращать до минимума свои ошибки, но которые, какъ на грѣхъ, распространяютъ ихъ и тамъ, гдѣ имъ не должно бы быть мѣста! Сколько ошибокъ можно сдѣлать совершенно невольно, полагаясь, напримѣръ, на авторитетъ Саты! И русская литература своимъ горькимъ опытомъ уже въ самомъ дѣлѣ доказала—и не разъ, какъ опасно полагаться на слова знаменитаго аѳинскаго историка. Представимъ себѣ такой случай: иностранецъ, пишущій по греческой церковной исторіи, имѣетъ подъ руками то сочиненіе Саты, гдѣ утверждается, что неправильно считать авторомъ хронографіи, извѣстной съ именемъ Дороѳея, не самого Дороѳея, а не имѣетъ подъ руками того сочиненія Саты, гдѣ это воззрѣніе опровергается и возстановляется истина—и вотъ у иностранца промахъ; или: если тотъ же иностранецъ прочтетъ новое сочиненіе Саты, гдѣ сообщаются невѣрныя извѣстія объ исторіи Мелетія аѳинскаго, а не прочтетъ болѣе стараго сочиненія того же автора, гдѣ изложены точныя свѣдѣнія относительно указанной исторіи—опять у иностранца промахъ, и очень постыдный. Но скажите: можно ли требовать отъ иностранца, чтобы онъ обладалъ всѣми книгами, изслѣдующими исторію чужой страны и не довѣрялъ туземцамъ этой, изслѣдуемой имъ, страны? Не было ли бы подобное требованіе слишкомъ притязательнымъ? Полагаемъ, что такъ. Поэтому, указывая на неизвинительныя ошибки Саты, мы только и хотимъ заявить о трудностяхъ, принимаемаго нами на себя, дѣла. Наша рѣчь о Сатѣ должна быть разсматриваема какъ captatio benevolentiae, обращенная въ сторону слишкомъ строгихъ читателей предлагаемыхъ очерковъ. Что наши очерки не будутъ свободны отъ ошибокъ—это несомнѣнно; но нужно брать во вниманіе условія, при какихъ возникалъ самый трудъ...

Еще болѣе ошибокъ предстоитъ намъ надѣлать по исторіи Турціи. Писать о положеніи Грековъ въ Турціи, не имѣя основательныхъ руководствъ по политической и религіозной исторіи Турокъ—не легко и сопряжено съ опасностями. Подобныхъ трудовъ мы опять вправѣ были бы ожидать отъ Грековъ, столь давно живущихъ или еще недавно жившихъ подъ оттоманскимъ владычествомъ. Но

сдѣлано ли что-либо Греками въ этомъ отношеніи? Сомнительно. По крайней мѣрѣ намъ не приходилось слышать о какой либо исторіи Турокъ, написанной Греками и пользующейся солидной ученой репутаціей. Между тѣмъ руководство Грековъ въ этомъ случаѣ—нѣтъ сомнѣнія—было бы для насъ очень полезно. Греки живутъ или недавно жили среди Турокъ и лучше другихъ знаютъ характеръ этихъ послѣднихъ, между Греками нерѣдко встрѣчаются люди, знающіе трудный турецкій языкъ, для нихъ удобнѣе собирать книги по исторіи Турціи и прилагать ихъ къ научному дѣлу. А какъ скоро ничего серьезнаго Греками не сдѣлано по этой части, иностранецъ, изучающій греческую церковную исторію турецкаго періода, терпитъ многоразличныя затрудненія. Какъ съумѣетъ подобный иностранецъ разобраться въ запутанныхъ вопросахъ объ отношеніи Турокъ къ христіанамъ, подданнымъ падишаха, и христіанъ къ турецкому правительству и народу? Иностранныя и русскія пособія въ данномъ случаѣ не могутъ приносить всей пользы, потому что они держатся неодинаковыхъ воззрѣній и равно недостаточно компетентны. Въ разсматриваемой, т. е. не-греческой литературѣ, возникаетъ вопросъ о томъ: нужно ли считать владычество Турокъ несчастіемъ для греко-христіанской націи, или же оно было скорѣе благомъ для нея, чѣмъ бѣдствіемъ? Повидимому, такого вопроса не должно бы и существовать; но на самомъ дѣлѣ онъ существуетъ и рѣшается неодинаково — и притомъ, повидимому, не безъ основаній [1]). Далѣе: чѣмъ слѣдуетъ объяснять деспотическія отношенія Турокъ къ подвластнымъ христіанамъ (а такія отношенія фактъ общеизвѣстный)? Тѣмъ ли, что Турки грубы, а главное — фанатичны, какъ приверженцы ислама, или же тѣмъ, что они завидуютъ богатству и процвѣтанію подвластныхъ имъ Грековъ и вобще христіанъ

---

[1]) Въ дальнѣйшей рѣчи нашего «введенія» читатель встрѣтитъ много голословныхъ указаній, не подтвержденныхъ соотвѣтствующими цитатами. Это потому, что еслибы всѣ эти указанія мы стали подтверждать цитатами (и выдержками изъ книгъ), то половина введенія состояла бы у насъ изъ цитатъ, что однакожъ я считаю педантизмомъ. Замѣчу одно: вся дальнѣйшая рѣчь введенія основана на документахъ и авторитетныхъ показаніяхъ: тѣ и другія найдутъ мѣсто впослѣдствіи. Здѣсь же, т. е. во введеніи, мы ограничимся лишь необходимѣйшими ссылками.

православныхъ (а иногда нѣкоторые писатели думаютъ и такъ)? Какъ рѣшить этотъ вопросъ? Да и самое богатство и процвѣтаніе Грековъ въ Турціи—есть ли несомнѣнный фактъ или плодъ воображенія? Кто стоялъ во главѣ деспотическихъ дѣйствій Турокъ противъ разсматриваемыхъ христіанъ: само ли высшее турецкое правительство или второстепенные органы власти и народъ? Опять нѣтъ удовлетворительнаго отвѣта. Отчего вначалѣ такъ сильно процвѣтала турецкая имперія, а потомъ стала неудержимо клониться къ паденію? Оттого ли, что на первыхъ порахъ Турки привлекали христіанъ къ разнымъ виднымъ должностямъ и пользовались ихъ опытомъ и знаніями, а потомъ взяли всѣ главныя дѣла въ свои неискусныя руки? Встрѣчается и тотъ, и другой отвѣтъ. Какъ тутъ разобраться? Да и вѣрно ли то, что сначала Турки давали ходъ Грекамъ, а потомъ преградили имъ доступъ къ вліятельнымъ должностямъ? Одни говорятъ по этому вопросу такъ, а другіе же иначе. Гдѣ найти контроль для себя? Само собою понятно, что какъ эти, такъ и многіе другіе подобные вопросы намъ придется опредѣленнымъ образомъ рѣшить. Но можетъ ли быть у насъ увѣренность, что въ рѣшеніи ихъ мы становимся на правый, а не фальшивый путь? Такой увѣренности, къ сожалѣнію, быть не можетъ. У насъ нѣтъ авторитетныхъ руководителей, какими могли быть только Греки, если бы они взяли на себя серьезный трудъ изученія исторіи турецкой имперіи — въ особенности съ точки зрѣнія отношеній Турокъ къ христіанамъ.

При такихъ, не совсѣмъ-то благопріятныхъ, условіяхъ взялись мы за предпринимаемый нами трудъ.

Вышеуказанныя затрудненія такъ затрудненіями и остаются. Можемъ утѣшать себя тѣмъ, что если только тотъ не ошибается,—какъ говоритъ поговорка,—кто ни о чемъ не мыслитъ; то и не чувствуетъ затрудненій только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Есть вопросъ еще важнѣе. Можетъ быть, и не стоитъ посвящать себя изученію исторіи греческой церкви такого періода, который ничѣмъ не прославился? Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, изучать такія времена, которыя не оставили по себѣ никакихъ крупныхъ историческихъ слѣдовъ? По общему мнѣнію иностранцевъ,

Греки послѣднихъ вѣковъ представляютъ изъ себя въ религіозномъ отношеніи какихъ-то мумій, только именующихся людьми; къ нимъ, повидимому, могутъ вполнѣ подходить ироническія замѣчанія русскаго сатирика по адресу людей, исполненныхъ претензіями, но въ самомъ дѣлѣ ничтожныхъ, относительно которыхъ онъ саркастически говоритъ, что они „мертвыми дланями ударяютъ въ пустыя перси".

И не должно обманывать себя: періодъ исторіи греко-восточной церкви отъ паденія византійской имперіи до нашего времени далеко не принадлежитъ къ блестящимъ, т. е. къ такимъ, гдѣ церковно-историческая жизнь течетъ широко и своимъ теченіемъ захватываетъ многое-множество жизненныхъ явленій, къ такимъ, гдѣ результаты изученія возбуждаютъ интересъ, научное любопытство и представляются поучительными, понимая поучительность въ обширномъ смыслѣ этого слова. Греческая церковь давненько уже поувяла: задолго до паденія Византіи. Завоеваніе Византіи и съ нею греческаго народа Турками, конечно, не могло содѣйствовать оживленію историческаго положенія греческаго народа. Если сравнимъ состояніе греко-восточной церкви турецкаго періода съ состояніемъ той же церкви въ прошедшіе вѣка, то увидимъ, что такое сравненіе далеко не будетъ клониться въ пользу новѣйшей греческой церковной исторіи. Разумѣется, мы не думаемъ сравнивать состояніе этой церкви съ тѣмъ, какое характеризуетъ IV и V вѣка церкви, или эпоху иконоборцевъ или даже эпоху Фотія. Здѣсь сравненія не возможны, — и онѣ обнаруживали бы непонятную притязательность. Сравнимъ состояніе изучаемаго турецкаго періода съ періодомъ церковной жизни, начиная X-мъ, XI-мъ вѣкомъ и до половины XV-го, или до паденія византійской имперіи, т. е. съ совершенно неблестящими временами. Что же окажется? И здѣсь преимущества на сторонѣ древности. Если уже о Грекахъ отъ IX-го до XV-го вѣка люди очень расположенные къ этому народу, разсматривая ихъ преимущественно съ религіозной стороны, говорятъ, впрочемъ не безъ преувеличенія, что они уже въ это время „совершенно изжились нравственно, умственно и физи-

чески“, то лучше ли стали Греки дальнѣйшихъ временъ, послѣ XV-го вѣка?

Что касается исторіи греко-восточной церкви отъ X, XI-го вѣка до половины XV-го [1]), то по нашему сужденію, она не чужда еще интереса и возбуждаетъ нѣкоторую любознательность. Въ это время Греки, если и не задавались цѣлію воплощать въ жизнь религіозные идеалы, не поставляли никакихъ великихъ задачъ для настоящаго и будущаго въ церковномъ отношеніи, но они во всякомъ случаѣ хорошо знали и цѣнили тѣ религіозные идеалы, которые господствовали въ лучшія, прошедшія времена; они ихъ знали, цѣнили, хотя и не прилагали попеченій о томъ, чтобы воплотить ихъ въ своей жизни, да и едвали съумѣли бы приняться за это дѣло. Да, Греки этой эпохи хорошо знали, что въ прежнія времена были такіе писатели, какъ Аѳанасій, Василій Великій, Златоустъ, Ѳеодоритъ, Евсевій, Сократъ; изучили ихъ творенія и не чуждались доброй и ободряющей мысли, что и они сами подъ руководствомъ своихъ давнихъ учителей могутъ сдѣлать какой-нибудь вкладъ въ сокровищницу богословскихъ и другихъ знаній. Пусть они въ дѣйствительности мало сдѣлали; но самая вѣра ихъ въ собственныя силы да вмѣнится имъ вмѣсто дѣлъ. Они способны были къ самокритикѣ, этому могущественному двигателю просвѣщенія и всякаго прогресса. Самокритика ихъ заключалась не въ томъ, что они бичевали себя на перекресткахъ, дѣлая изъ этого дѣла зрѣлище, а въ томъ, что они думали исправить себя, создать лучшее теченіе жизни. Положимъ это удавалось Грекамъ очень мало, или даже совсѣмъ не удавалось; но все же такая самокритика свидѣтельствовала, что застой, старческій маразмъ не охватилъ и не оледѣнилъ всѣхъ силъ народа. Добавимъ: не безлюбопытства можно слѣдить за ходомъ жизни греческаго народа отъ X-го, XI-го вѣка до XV-го уже потому одному, что такое разсмотрѣніе даетъ возможность разрѣшить для себя вопросъ: „что было и что стало“? Какъ случилось, что изъ народа живаго, бодраго, сильнаго онъ началъ превращаться въ

[1]) См. мои «Очерки исторіи греко-восточной церкви отъ конца XI до пол. XV вѣка» (М. 1902).

какую-то полумумію хоть и съ добрыми порывами, но съ безцвѣтною, печальною дѣйствительностію. Такъ было до половины XV-го вѣка.

Какъ же пошли дѣла среди греческаго народа въ религіозномъ отношеніи послѣ порабощенія его Турками?.. Съ полною увѣренностію можно сказать одно: Греки новѣйшаго времени не исцѣлились отъ своихъ старыхъ недуговъ, а лишь пріумножили ихъ безъ мѣры и числа. Всякіе идеалы, какими и красна жизнь, изсякли; религіозное знаніе, которое составляетъ важнѣйшій стимулъ въ церковной жизни каждаго народа, совсѣмъ изчезло. Великія имена плодовитѣйшихъ церковныхъ писателей древности сдѣлались лишь именами календарными. Великія имена никого не воодушевляли: они оставались какимъ-то внѣшнимъ декорумомъ. Почти вся литературная дѣятельность церковныхъ представителей ограничивалась полемикой съ латинянами и протестантами, но полемика эта была безплодна и бездушна. Съ латинянами полемизировали такъ, какъ будто это были паписты IX-го, X-го вѣка. За тѣми измѣненіями, которыя происходили въ римско-католическомъ мірѣ и которыя давали новые поводы для живой и плодотворной полемики, никто не слѣдилъ. Поэтому, борьба съ латинянами была суха, оффиціальна, формалистична — и въ сущности ни для кого не нужна. Мало того: полемика эта была иногда просто нелѣпа и заставляетъ краснѣть за Грековъ, разсчитывавшихъ обезоруживать папистовъ выдумками и бабьими баснями; выдумками и баснями, къ сожалѣнію, вошедшими въ самыя важныя церковныя ихъ книги—въ Пидаліоны, кормчіи. О, Греки! Быть можетъ еще болѣе ничтожна полемика Грековъ разсматриваемыхъ вѣковъ съ протестантствомъ. Протестантство въ тѣ времена было явленіемъ новымъ, и должно было бы привлечь къ себѣ вниманіе греческихъ богослововъ и представителей церкви. Ничего такого однакожъ не случилось. Они поняли только одно: что протестантство не есть православіе (а это пойметъ и ребенокъ!) и ограничивались тѣмъ, что на разные лады стали бранить „нечестивыхъ лютеранъ“, какъ будто это были какіе-то аріане или несторіане давняго времени. Грекамъ или греческой церкви въ концѣ XVI-го и началѣ

XVII вѣковъ представлялся прекрасный случай „взять" у протестантовъ „ихъ серебро и золото, оставивъ идоловъ при нихъ", какъ поступили Израильтяне съ Египтянами, при выходѣ изъ ихъ страны [1]), то есть заимствовать отъ протестантовъ то, что есть наилучшаго у нихъ, — ихъ науку богословскую, оставивъ заблужденія ихъ при нихъ самихъ, (сдѣлать то самое, что русское богословіе сдѣлало въ новѣйшее время); но ничего такого Греки не съумѣли, да и не хотѣли устраивать. Если бы Греки раньше усвоили себѣ богословскую науку, созданную протестантами (какъ это позднѣе сдѣлали Русскіе), то безъ сомнѣнія было-бы лучше для русской церкви: эта послѣдняя могла-бы отъ родственной церкви призанять западную науку, не дожидаясь случая самой знакомиться съ этой наукой въ позднѣйшее время при менѣе благопріятныхъ условіяхъ,—разумѣемъ сильно обострившіяся междуцерковныя отношенія. Нужно ли говорить, что жизнь греческой церкви послѣдняго періода ея существованія—жизнь въ широкомъ смыслѣ слова — не представляла ничего особенно-отраднаго и религіозно-высокаго? Теченіе церковной жизни обмельчало. Не ищите здѣсь многихъ и зрѣлыхъ плодовъ. Извѣстный знатокъ христіанскаго Востока, преосвящ. Порфирій (Успенскій) находилъ, что Восточную церковь справедливо упрекаютъ въ безплодіи: „она не Сарра, а Сара", по выраженію этого знаменитаго историка [2]). За неимѣніемъ высшихъ интересовъ, которые даютъ жизни смыслъ и цѣль, греческая церковь и ея представители начали тратить свои душевныя и нравственныя силы на пустяки. Греческіе архіереи только и думали о томъ, чтобы попрочнѣе держаться на своихъ мѣстахъ, въ виду интригъ и зависти, отличавшихъ этотъ ликъ вождей церкви; о томъ, чтобы угождать турецкой власти и въ замѣнъ того притѣснять подчиненный имъ народъ, выжимать изъ него побольше денегъ для возможно веселаго житія. Народъ представлялъ собою послушное стадо, которое волей-неволей давало себя стричь своимъ пастырямъ, не получая въ вознагражденіе за свое послушаніе — почти ничего. Внѣ-

[1]) Исх. XI, 2; 35—36—съ перифразомъ блаж. Августина.

[2]) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митр. московскаго. Томъ дополнительный, стр. 560. Петерб., 1887.

шняя обрядность, суевѣріе, невѣжество, изрѣдка индифферентизмъ—вотъ главное, къ чему сводилось проявленіе религіознаго начала у греческаго народа. Въ августѣ, 1891 года, скончался отъ апоплексическаго удара константинопольскій патріархъ Діонисій. Русскія газеты говорятъ, что онъ умеръ вслѣдствіе полученныхъ имъ худыхъ извѣстій о состояніи церкви въ его патріархатѣ. Газеты не разъясняютъ, въ чемъ состояли эти извѣстія; но во всякомъ случаѣ они были настолько тяжелы, что отъ нихъ можно было умереть, какъ отъ удара ножемъ въ сердце.

Изъ сейчасъ сдѣланной нами общей характеристики состоянія греческой церкви отъ паденія Константинополя до нашего времени, открывается, что въ сущности дѣла исторія указаннаго періода не заслуживаетъ серьезнаго научнаго изученія. Нельзя изучать всѣхъ и всяческихъ историческихъ явленій; еслибы наука взялась за это, то, она только запуталась бы. Историческая наука, сохраняя свое достоинство, можетъ изучать только дѣйствительно живое, т. е. привносившее что-либо новое въ жизнь, и замѣчательное. Но какъ ни мало интереснаго и примѣчательнаго даетъ позднѣйшая греческая церковь для изучающаго ее историка, ревностные почитатели этой церкви для доказательства смысла и важности изученія ея, стараются открывать въ ней такія стороны, которыя невольно будто бы приковываютъ наше вниманіе къ ней, указываютъ, наприм., на великое просвѣтительное вліяніе со стороны „восточной церковной жизни“ и говорятъ: „въ XV-мъ вѣкѣ Греки, разбѣжавшіеся изъ порабощеннаго Турками отечества, положили начало умственному пробужденію западныхъ народовъ“. Положимъ такъ, скажемъ мы на это. Греки пробудили Западъ въ научномъ отношеніи, но, весьма вѣроятно, только потому, что лица, съ которыми они столкнулись, оказались воспріимчивыми для образованія и науки, чѣмъ сами Греки едва ли могли похвалиться: Греки пришли на Западъ и принесли съ собою много превосходныхъ греческихъ сочиненій (конечно, древнихъ). Эти-то книги и были полезны для Запада, а не сами Греки; Греки, быть можетъ, были полезны тѣмъ, что сдѣлались учителями и руководителями при изученіи греческаго языка западными любителями науки. А главное при оцѣнкѣ

разсматриваемаго факта не слѣлуетъ упускать изъ вниманія вотъ чего: 1) это были Греки, родившіеся и воспитавшіеся въ эпоху Палеологовъ, слѣдовательно въ тѣ времена, которыя можно назвать прошедшими по отношенію къ эпохѣ греческой церкви и народа послѣ паденія Византійской имперіи. 2) Весьма странно: какъ это могло случиться, что *всѣ* образованные Греки разбѣжались, такъ что въ отечествѣ остались только одни невѣжды; а такъ именно и представляютъ дѣло сами Греки, наприм. извѣстный Сата говоритъ: „разумнѣйшіе Греки, выселившись изъ отечества послѣ паденія Византіи, перенесли на Западъ пріятую отъ предковъ мудрость, оставили своихъ соотечественниковъ, находившихся въ Турціи, погруженными въ тьму жалкаго невѣжества. Такъ было до XVII вѣка" [1]. Въ дѣйствительной же исторіи, сколько извѣстно, ничего такого не бываетъ. Если водворилась тьма непросвѣщенія въ Греціи, то дѣлу не помогло бы и то, когдабы разбѣжавшіеся снова возвратились въ отечество. Да и бѣжали большею частію такія лица, которымъ дорого было не отечество, а самое бѣгство, сулившее имъ выгоды и интересъ—въ чемъ бы они не заключались.—Тѣже ревностные почитатели греческой церкви далѣе находятъ, что при изученіи греческой церковной исторіи, послѣ паденія Византіи, и нельзя быть очень требовательнымъ въ отношеніи къ этой исторіи, принимая во вниманіе иновѣрное господство, не благопріятствовавшее интересамъ христіанства. Намъ говорятъ: „здѣсь едва ли и можно спрашивать о томъ, внесла ли Восточная церковь новыхъ вѣковъ что-либо значительное въ развитіе христіанской жизни и мысли. Здѣсь достаточно—говорятъ намъ (смотря на дѣло съ высоты птичьяго полета) ограничиваться вопросами такого рода: сохранила ли Восточная церковь въ наиболѣе темныя и тяжелыя времена—цѣлымъ и неповрежденнымъ святой залогъ православія, чистое преданіе древней вселенской церкви, среди многихъ искушеній и прельщеній, угрожавшихъ цѣлости ея вѣры? Помогла ли Восточная церковь, хоть сколько нибудь сохранить греческому народу нравственное сознаніе и національную самостоя-

---

[1] Sathas. Biblioth. Graeca. Tom. III. Πρόλογος, σελ. 69.

тельность, удержаны ли въ немъ хоть какіе нибудь залоги для будущаго возстановленія и возрожденія"? [1]) На эти важные вопросы, говорятъ намъ, нужно отвѣчать утвердительно, и такимъ образомъ оказывается, что будто бы греческая церковь имѣетъ не малыя заслуги въ исторіи. Конечно, скажемъ мы, заслугъ, сейчасъ указанныхъ, нельзя отрицать у греческой церкви. Но нужно сознаться, что о подобныхъ заслугахъ обыкновенно начинаютъ распространяться, когда не знаютъ: что еще можно поставить въ заслугу извѣстному народу или извѣстной церкви? Несомнѣнно: Греки сохранили себя православными, не сдѣлались ни мусульманами, ни папистами, ни протестантами. Но еще вопросъ: не выгоднѣе ли было имъ оставаться православными, чѣмъ принимать другую какую вѣру? Собственной ли ревности ихъ нужно приписывать честь сохраненія у нихъ православія? Какъ это ясно откроется изъ дальнѣйшихъ нашихъ рѣчей—на тотъ и другой вопросъ нельзя отвѣчать такъ, чтобъ престижъ греческаго народа значительно не поблекъ. Не вдаваясь въ подробныя разъясненія относительно перваго изъ указанныхъ вопросовъ, такъ какъ утвердительное рѣшеніе его не представится удивительнымъ и невѣроятнымъ; относительно же второго вопроса приведемъ очень рѣшительныя слова одного нашего современника, человѣка долго жившаго на Востокѣ. Онъ говоритъ: „увы, живя въ Турціи, я скоро понялъ ужасающую вещь: я понялъ съ ужасомъ и горемъ, что *благодаря только Туркамъ* (курсивъ не нашъ) и держится еще многое истинно-православное на Востокѣ". И это говоритъ ярый грекофилъ, не довѣрять словамъ котораго нѣтъ никакихъ основаній. Да и еще дѣло не безспорное: нужно ли особенно восхищаться тѣмъ православіемъ, какое удержали у себя Греки? Не увѣрены. Православіе Грековъ—это талантъ, зарытый въ землю. Прежде всего истинное православіе есть высшая христіанская гуманность, преизобиліе любви. Православія, лишеннаго этой черты, представить себѣ нельзя. Между тѣмъ таково ли

[1]) Прот. А. М. Иванцова, Первыя лекціи по исторіи христ. церкви въ Моск. университ. М. 1872 г.

именно греческое православіе? [1]). Оно безо всякихъ доказательствъ только себя почитаетъ настоящимъ православіемъ. Греки не иначе, какъ косо и непріязненно смотрятъ, не говоря уже о какихъ-нибудь Болгарахъ и Сербахъ, но и на всѣхъ Русскихъ. Православіе Русскихъ для нихъ сильно подозрительно, а подозрительно оно между прочимъ потому, что Русскіе не чуждаются связей съ европейской культурой и наукой и не считаютъ единственнымъ источникомъ святости Греческую церковь. Намъ самимъ въ бесѣдахъ съ лицами вполнѣ компетентными, облеченными высокимъ церковнымъ авторитетомъ, проведшими полжизни среди Грековъ, приходилось слышать (да и не секретъ это), что православные греки давно предали бы открытой анаѳемѣ православныхъ Русскихъ, если бы не мѣшали финансовыя соображенія. Хорошо же, значитъ, православіе Грековъ, если оно не питаетъ любви къ такимъ же христіанамъ, какъ и они сами и если нетерпимость составляетъ рельефную черту этого (т. е. греческаго) православія? Что касается вопроса о томъ: помогла ли греческая церковь поддержанію національнаго чувства у Грековъ, то для церковнаго историка эта сторона дѣла малоинтересна. Извѣстно однако, что національное чувство среди греческой іерархіи приняло странную форму филэллинства, т. е. исключительнаго поклоненія и прославленія всего своего греческаго и вмѣстѣ съ тѣмъ пренебреженія къ тому, что не составляетъ принадлежности греческой націи. Этимъ объясняется вражда Грековъ какъ къ балканскимъ славянамъ, такъ и къ Русскимъ. Греки мечтаютъ о возстановленіи какого-то своего греческаго

[1]) Позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее сопоставленіе. Многознаменательный фактъ учрежденія, по иниціативѣ русскаго государя, постояннаго третейскаго трибунала въ Гаагѣ,—не за тѣмъ ли явленъ, чтобы положить, по милости Божіей, прочное основаніе для осуществленія словъ, не всуе ежедневно повторяемыхъ въ церквахъ православно-русскихъ: «миръ мірови Твоему даруй»? Такъ заявляетъ себя православіе въ нашемъ отечествѣ, а не такъ, какъ въ православной греческой церкви, гдѣ еще очень недавно малились буквально сими словами: Ἅγιε Βασιλεῦ τῆς δόξης πρόσδεξαι... τὴν ὑπὲρ τοῦ βασιλέως σουλτὰν Αππτοῦλ Μετζὶτ — χὰν (Абдула Меджида-хана), προσφερομένην σοι δέησιν... Ναί, Κύριε ὁ Θεὸς τοῦ ἐλέους... κραταίωσον μὲν αὐτόν..., τὰ δὲ τούτου στρατεύματα ενίσχυσον, διάλυσον τὰς ἔχθρας καὶ στάσεις τῶν ἐπανισταμένων (т. е. Русскихъ). Преосв. Порфирія. Исторія Аѳона. Часть III, отдѣл. 2-ое, стр. 1081. Петерб. 1892.

царства и съ ужасомъ останавливаются предъ мыслію о возможности замѣны турецкаго владычества на Босфорѣ русскимъ.

Поистинѣ, Греки только и умѣютъ дѣлать одно: „мертвыми дланями ударять въ пустыя перси". Неужели стоитъ изучать ихъ церковно-историческую жизнь?

Несомнѣнно, что изученіе исторіи греческой церкви очень полезно для пониманія развитія русской церковно-исторической жизни съ XV-го вѣка. Софья Палеологъ, преп. Максимъ Грекъ, Лихуды были люди греческой націи и до извѣстной степени греческой культуры. Много ли—мало ли, они всежъ вносили греческій элементъ въ жизнь русскаго народа, русской церкви. Вотъ почему, пожалуй, не лишнее дѣло изучать Восточную церковь и послѣ паденія Византіи. И въ большую ошибку впадаютъ русскіе изслѣдователи, если пишутъ сочиненія по русской церковной исторіи и говорятъ при этомъ объ отношеніи Грековъ къ Россіи, не заглядывая однакожъ въ самую исторію греко-восточной церкви, въ ея документы (пусть они и скудны). Сочиненія такихъ русскихъ изслѣдователей оставляютъ странное впечатлѣніе въ читателѣ: какъ будто бы авторы написали и напечатали второй томъ своихъ произведеній, забывъ написать и оттиснуть предъидущій, первый томъ. Для писателя, возсоздающаго историческую картину русской церковно-исторической жизни XV, XVI и XVII вѣковъ знать и изучать Восточную церковь, безъ сомнѣнія, весьма полезно. Впрочемъ этимъ замѣчаніемъ хотимъ сказать мы то, что она съ этой стороны интересна для другихъ, но не для насъ, такъ какъ задачи русской церковной исторіи для насъ лично дѣло постороннее.

Для насъ и вообще для историковъ, посвящающихъ свой трудъ и отдающихъ свое вниманіе исторіи вселенской церкви—и конечно, больше всего древнихъ временъ—единственнымъ побужденіемъ изучать греческую церковь временъ турецкаго владычества, служитъ лишь слѣдующее соображеніе: какъ всякому болѣе или менѣе просвѣщенному Русскому прежде всего и больше всего нужно знать свою русскую исторію, хотя бы она въ общемъ развитіи человѣчества не имѣла великаго значенія, такъ

точно и православному человѣку весьма не лишне знать исторію православной церкви и православному историку весьма не лишне заниматься этой исторіею и даже предпочтительно предъ римско-католическою и протестантскою исторіею. Исторія греческой церкви вѣдь это наша исторія, т. е. исторія нашей православной церкви. Хороша ли—не хороша ли эта исторія—зачеркнуть ее намъ жаль. Перефразируя извѣстныя слова Сенеки можно сказать: мы православные, т. е. греко-восточные христіане, и все православное, греко-восточное, не можетъ быть намъ чуждо. Да и самыя слова, поставленныя нами, въ эпиграфѣ—развѣ мало они значатъ? Нѣмецкій протоіерей (Oberpfarrer) считаетъ своимъ долгомъ заявить: „не существуетъ народа, который имѣлъ бы больше любви и уваженія къ своей церкви, чѣмъ Греки", не смотря на обычное нерасположеніе протестантовъ къ греко-восточной церкви. И слова его вполнѣ вѣрны: только греческій народъ имѣетъ столь большую привязанность къ своему духовенству, что онъ скорѣе самъ наголодается, чѣмъ допуститъ священниковъ до голоданія; христіанинъ Грекъ скорѣе согласится умереть, чѣмъ принять сомнительнаго состава лекарство, постомъ; по народному воззрѣнію Грековъ, тѣло человѣка, умершаго подъ церковной клятвой, цѣлые вѣка сохраняетъ отталкивающій видъ неразложившагося трупа. Не среди ли Грековъ создалась легенда, что въ запертой камерѣ Софійскаго храма въ Константинополѣ насильственно замуравленъ врагами священникъ XV-го вѣка, который совершалъ литургію въ часъ взятія столицы Турками и который въ часъ паденія владычества Турокъ въ той же столицѣ, закончитъ когда-то начатую, но прерванную службу? Не о славѣ своего великаго города мечтаетъ Грекъ въ Софіи, а о томъ, что составляетъ „единое на потребу". Не клики: ζήτω (ура!) желаетъ онъ слышать здѣсь и зрѣть на браваго Константина XII Неопалеолога, а слышать слова божественной службы, произносимыя дряхлымъ іереемъ! Еще интереснѣе примѣръ привязанности Грековъ къ ихъ церкви увидимъ сейчасъ—нѣсколько ниже... Развѣ все это не знаменательно? Не возбуждаетъ своего рода интереса?

Но вотъ вопросы: на что главнѣе всего слѣдуетъ обра-

щать вниманіе при изслѣдованіи и описаніи турецкаго періода греческой церкви? Многіе думаютъ, что предметомъ, наиболѣе достойнымъ вниманія историка въ этомъ случаѣ должно быть мученичество турецкихъ Грековъ, какъ проявленіе христіанскаго характера и совершенства этого народа, сильно тѣснимаго, но не поборимаго деспотическимъ мусульманствомъ. Но мы не раздѣляемъ этого мнѣнія. Мартирологъ вездѣ и всегда одинаковъ [1]. Мартирологъ греческій разсматриваемаго времени не носитъ ничего характеристичнаго. Тѣже тяжелыя, но крайне монотонныя сцены, какъ вездѣ и всегда. Нѣтъ, не сюда мы устремимъ наши взоры. Нѣчто другое привлечетъ наше вниманіе. Предметомъ нашего наиболѣе ревностнаго изученія будетъ константинопольская патріархія. „Какъ? спроситъ читатель. „Это гнѣздо фанаріотовъ, обезславленное у всѣхъ народовъ и притомъ уже съ давнихъ временъ"? Оно самое — подтвердимъ мы. Что же дѣлать? Константинопольская патріархія—тамъ что ни говорите— есть важный факторъ въ исторіи греко-восточной церкви. Если обратимъ недостаточно вниманія на это явленіе, то совсѣмъ не поймемъ греческой церковной исторіи. Въ 1453 году византійская имперія пала, но не совсѣмъ; могущество ея сокрушено, но не до конца. Не тѣнь величія только, а и то, что составляетъ дѣйствительное величіе, отъ временъ древнихъ наслѣдовано именно константинопольской патріархіей, точнѣе—самимъ константинопольскимъ патріархомъ. Какъ это случилось, рѣчь объ этомъ отложимъ до одного изъ послѣдующихъ нашихъ очерковъ. Только несомнѣнно случилось такъ, какъ утверждаемъ мы. Разогнемъ листы одной старой-престарой книги, насчитывающей болѣе трехъ сотъ лѣтъ бытія, прочтемъ здѣсь о томъ, что послѣдовало за избраніемъ одного изъ безчисленныхъ патріарховъ константинопольскихъ XVI вѣка и вникнемъ въ смыслъ словъ давняго лѣтописца. Лѣтописецъ говоритъ:

Ἐκάθισεν ἐπὶ θρόνου... Οἱ ἀρχιερεῖς ἐπροσκύνησαν αὐτὸν ὡς αὐθέντην αὐτῶν καὶ βασιλέαν, καὶ πατριάρχην [2]).

[1]) Исключеніе представляетъ лишь мартирологъ первыхъ временъ христіанства, потому что онъ имѣетъ не только историческое, но и глубоко религіозное значеніе.

[2]) Historia Patriarchica p. 168. Въ Turco-Graecia. Basiliae, 1584.

Патріархъ „сѣлъ на тронѣ... Архіереи же поклонились ему, какъ своему властелину и какъ своему царю—и какъ патріарху".

Это не случайная замѣтка. Нѣтъ, это характеристика многознаменательнаго явленія. Лѣтописецъ отмѣчаетъ крупный историческій фактъ. Архіереи, а въ лицѣ ихъ и самъ народъ греческій—въ чемъ нельзя сомнѣваться—поверглись предъ новоизбраннымъ первѣе всего какъ предъ своимъ царемъ и монархомъ, а потомъ и своимъ патріархомъ. Первая ихъ мысль при этомъ та, что избранъ у нихъ новый царь, и затѣмъ уже второе мѣсто занимаетъ мысль, что они получили въ его лицѣ законнаго патріарха. Но однакожъ не потому онъ для нихъ патріархъ, что онъ въ то же время и царь; напротивъ потому онъ и царь, что онъ есть патріархъ. Патріархъ Новаго Рима есть какъ бы томящійся въ неволѣ византійскій императоръ, лишенный свободы, но не власти; „и судилъ онъ безбоязненно" (ἀφόβως) прибавляетъ вышеупомянутый лѣтописецъ въ томъ же мѣстѣ и при томъ же случаѣ. Да и чего можетъ бояться царь не свободный, но со властію, о которой здѣсь не мѣсто распространяться. „Поверженный идолъ все же богъ". Его глава украшена митрой въ видѣ короны съ изображеніемъ византійскаго двухглаваго орла, но въ рукахъ его не всуе носимый патріаршій жезлъ.

Читатель подумаетъ: „кажется, авторъ говоритъ не о константинопольскомъ патріархѣ, но о римскомъ папѣ, какимъ онъ былъ до 1870 года—времени потери этимъ послѣднимъ свѣтской власти". Совершенно справедливо, онъ говоритъ о греко-восточномъ папѣ, но не обездоленномъ и находящемся „не у дѣлъ", а дѣйствующемъ и правящемъ. Патріархъ византійскій есть и „царь" для своего греческаго народа и первосвященникъ для него. И во всякомъ случаѣ въ турецкія времена патріархъ несомнѣнно сталъ единымъ духовнымъ главою всего своего народа. Онъ стремился къ этому необыкновенному положенію еще во времена византійскихъ императоровъ и многаго достигъ [1], но наибольшій успѣхъ увѣнчалъ его стремленіе

[1]) Мнѣніе, сейчасъ выраженное, не ново. Оно раскрыто въ книгѣ проф. Т. В. Барсова: «Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою

только послѣ 1453 года... Давно ли случилось въ греческой константинопольской церкви любопытнѣйшее явленіе: что-то въ родѣ наложенія интердикта... Засимъ чуть-ли не послѣдовало то, что происходило въ средніе вѣка при такихъ же случаяхъ, по волѣ римскаго первосвященника на западѣ, когда двери церквей затворялись, дѣти оставались безъ крещенія, мертвые хоронились безъ соблюденія церковнаго обряда, любящія сердца на неопредѣленный срокъ отлагали заключеніе брака. Зачѣмъ понадобилась подобная мѣра? Отнюдь не для отомщенія прегрѣшеній народа; потому что народъ ничѣмъ не преогорчилъ патріарха; а единственно для того, чтобы воочію показать Блистательной Портѣ, что и у патріарха тоже есть подданные, и при томъ очень послушные и вѣрные. Кажется ни одного голоса протеста не раздалось изъ среды Грековъ: всѣ подчинились своему духовному владыкѣ и съ умиленіемъ ожидали, чѣмъ все это кончится. (Это ли не „любовь и уваженіе къ церкви?"). Султанъ, олицетвореніе восточнаго деспотизма, смирился и уступилъ патріарху въ спорѣ о своихъ правахъ. „Орелъ затмилъ луну". Какъ не похоже на отношенія дѣйствительнаго папы къ его врагу, итальянскому королю! Папа сидитъ подъ замкомъ въ Ватиканѣ и тѣмъ думаетъ отстаивать свои сомнительныя права!

Патріархъ константинопольскій — историческая величина, гораздо значительнѣйшая, чѣмъ многіе воображаютъ. Не даромъ хронографическая церковно-историческая литература, появившаяся послѣ разгрома 1453 года, началась съ изданія книги подъ заглавіемъ: Historia patriarchica (1584 года), этой краткой лѣтописи патріарховъ константинопольскихъ XV и XVI-го вѣка, написанной взамѣнъ подобныхъ же византійскихъ царскихъ лѣтописей; и не даромъ же новѣйшее греческое церковно-историческое сочиненіе Мануила Гедеона: Πατριαρχικοὶ πίνακες (1890 года)— „Очерки патріарховъ" замѣняютъ для грековъ самую церковную исторію въ широкомъ смыслѣ этого слова: знать

церковію» (Петерб., 1878). Со стороны критики мнѣніе это принято не одобрительно (въ особенности вооружался противъ него проф. А. С. Павловъ). Но должно сказать, что идея о восточномъ папствѣ сама по себѣ вѣрна. Ошибка г. Барсова заключается не въ допущеніи самой идеи, а единственно въ томъ, что онъ старается обосновать ее на каноническихъ документахъ, тогда какъ доказывать ее возможно только историческими данными.

исторію своихъ патріарховъ для Грека значитъ знать все, что наиболѣе необходимо для человѣка просвѣщеннаго по части родной церковной исторіи.

Одною изъ главныхъ и непремѣннѣйшихъ задачъ и нашего труда будетъ историческая жизнь константинопольскихъ патріарховъ.—Патріарховъ—хорошо знаемъ это: часто—озлобляемыхъ, унижаемыхъ, гонимыхъ, изгоняемыхъ и умерщвляемыхъ; едва ли не въ большинствѣ случаевъ—унижающихся, роняющихъ свой санъ и достоинство, низкихъ и коварныхъ, корыстолюбивыхъ и порочныхъ; положимъ рѣдко—совершенно невѣжественныхъ, еле бредущихъ по части греческой грамоты; положимъ и еще рѣже—шатающихся по улицамъ столицы, подъ предводительствомъ поводыря, съ протянутой рукой и твердящихъ что-нибудь въ родѣ слѣдующихъ словъ: „дайте Велисарію на хлѣбъ, Велисарій нищенствомъ питается"; живущихъ въ грязномъ и вонючемъ Фанарѣ, одѣтыхъ въ бѣдную черную рясу и священническую камилавку, не знающихъ что такое дворцы прелатовъ, а довольствующихся очень скромнымъ обиталищемъ, но—все же великихъ своимъ авторитетомъ и вліятельнымъ положеніемъ въ церкви вселенской, — этихъ папъ христіанскаго греческаго міра. Есть вещи, которыя и въ грязи блестятъ... Что было бы, если бы случился невѣроятный фактъ: примѣрно, если бы патріархъ константинопольскій обратился въ католичество римское?!...

Вотъ центръ тяжести предполагаемаго нами труда! Вотъ, основная точка зрѣнія на взятый нами для изученія періодъ! Выдержитъ ли она критику — этого мы не знаемъ.

Существуетъ пословица: „пять грековъ—шесть мнѣній" [1]). Если такъ говорятъ о Грекахъ, то у пяти Русскихъ касательно Грековъ непремѣнно семь мнѣній [2]). Съ этимъ явленіемъ по необходимости приходится считаться. Чтожъ? Мы готовы, если должны.

---

[1]) Гервинуса. Возстаніе и возрожденіе Греціи (исторія XIX вѣка, т. V-ый), стр. 92. Переводъ. Петерб., 1868.

[2]) Очень яркій примѣръ непримиримыхъ противорѣчій, свойственныхъ русскимъ ученымъ, даже самолично изучавшимъ христіанскій Востокъ к при томъ, со стороны вопросовъ, можно сказать, непосредственно очевидныхъ, указанъ въ статьѣ: А. Л.: «Свѣдѣнія и отзывы о современномъ состояніи христіанскаго Востока». (Чтен. въ Общ. любит. Дух. Просвѣщ., 1893, апрѣль).

Обзоръ источниковъ исторіи Греко-восточной церкви послѣ паденія византійской имперіи, съ критическими о нихъ замѣчаніями.

Изучающій древнюю церковную исторію не испытываетъ никакихъ затрудненій въ собираніи и изученіи источниковъ: они хорошо извѣстны, прекрасно изданы, перечислены въ каталогахъ и въ церковно-историческихъ руководствахъ наиболѣе просвѣщенныхъ народовъ. Имѣя подъ руками „Патрологію" Миня, „Соборные Акты" Манси и нѣсколько пользующихся почетною извѣстностію церковно-историческихъ сочиненій новѣйшаго времени, желающій изучать древнюю церковную исторію, не встрѣтитъ большихъ затрудненій при исполненіи своего намѣренія и въ томъ случаѣ, еслибы мѣстомъ своего жительства избралъ Сандвичевы острова. Положимъ, имѣя въ своемъ распоряженіи вышеуказанныя книги, неизвѣстное гипотетическое лице не въ состояніи будетъ сдѣлать всего, чего бы оно пожелало, но во всякомъ случаѣ ничто не мѣшаетъ ему сдѣлать очень многое. Въ иномъ положеніи находится тотъ, кто пожелаетъ изучать исторію греко-восточной церкви новѣйшаго періода, до нашего времени. Если бы таковой и не избиралъ мѣстомъ своего жительства Сандвичевы острова, а спокойно проживалъ бы въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, бокъ-о-бокъ съ университетомъ, все бы онъ очутился бы въ худшемъ положеніи, чѣмъ вышеуказанное гипотетическое лице, поселившееся на упомянутыхъ островахъ. Со всѣхъ сторонъ одолѣваютъ его препятствія: ни одна благодѣтельная рука не собирала и не бралась исчислить самонужнѣйшія книги, необходимыя при изученіи новѣйшей греко-восточной церкви, ни одинъ критикъ не произвелъ оцѣнки этихъ книгъ; самыя книги этого

рода составляютъ рѣдкость наравнѣ съ рукописями; онѣ большею частію стары, безобразно изданы, напечатаны слѣпымъ шрифтомъ, страницы ихъ небрежно пронумерованы (съ пропусками), форматъ вандальскій, оглавленій содержанія нѣтъ или же они напечатаны на ряду съ текстомъ сочиненія; въ продажѣ искать книги очень мудрено — въ Лейпцигѣ отсылаютъ въ Константинополь, а въ Константинополѣ на оборотъ, да и самыя книги очень дороги; отысканіе книгъ въ продажѣ затрудняется и тѣмъ, что одно и тоже старое сочиненіе у разныхъ авторовъ нашего времени озаглавляется различно — по вдохновенію минуты, имена писателей разсматриваемыхъ книгъ пишутся то такъ, то иначе--съ перемѣной одной или нѣсколькихъ буквъ въ фамиліи; если и обрѣтешь нужную книгу, не радость внушаетъ она: или она съ вырванными листами, неизвѣстно какое употребленіе нашедшими, или не смотря на сторублевую цѣнность и рѣдкость, испещрены замѣтками невѣжественнаго, конечно русскаго читателя. Это во многихъ отношеніяхъ удивительная литература: имена дѣйствительныхъ авторовъ книгъ исчезаютъ, благодаря мудрованію типографій и замѣняются другими никому невѣдомыми, при чемъ проходятъ потомъ столѣтія и никто не замѣчаетъ, что имя автора извращено; книги, написанныя на древле-греческомъ языкѣ, безъ нужды переводятся на ново-греческое нарѣчіе; а книги, написанныя на этомъ нарѣчіи издаются — неизвѣстно почему — въ переводѣ на древне-греческій языкъ, а въ концѣ концовъ въ новомъ изданіи тратится неимовѣрный трудъ на возстановленіе первоначальнаго языка, на которомъ книга написана авторомъ; а содержаніе книгъ заключаетъ неимовѣрную массу глупостей; въ одной старинной книгѣ, посвященной греческой церковной исторіи, появившейся въ началѣ XVIII вѣка, и имѣющейся у насъ въ рукахъ, какой-то неизвѣстный читатель стариннымъ почеркомъ (не русскаго пошиба) начерталъ слѣдующія слова: Dans tout cet ouvrage m—r (nomina odiosa sunt—имя пропускаемъ)... fait paroître une grande ignorance de l'Histoire Eccelesiastique", и критикъ правъ, сто разъ правъ, тѣмъ не менѣе онъ говоритъ о такомъ источникѣ, который считается очень важнымъ.

Въ виду такого положенія вещей мы и рѣшились первѣе всего въ наученіе себѣ, а потомъ пожалуй, и ради вспомоществованія другимъ людямъ, еще менѣе опытнымъ въ наукѣ, чѣмъ мы сами, составить обзоръ самонужнѣйшихъ книгъ при изученіи указаннаго періода церкви, съ показаніемъ научнаго значенія этихъ книгъ. Сдѣлаемъ что можемъ, за неимѣніемъ возможности сдѣлать большаго.

Но прежде чѣмъ приступить къ составленію задуманнаго нами обзора указанныхъ книгъ, мы должны довести до свѣдѣнія читателя, что книгъ этихъ мало, такъ мало, что совѣстно становится за Грековъ. Аѳинскій ученый нашего времени Сата говоритъ: „за неимѣніемъ политическихъ хронографій, мы могли бы надѣяться, что въ записяхъ патріархіи и въ церковныхъ хронографіяхъ найдемъ тотъ свѣтъ, который нуженъ для освѣщенія страницъ этого мученическаго (т. е. нашего) періода исторіи, но къ сожалѣнію, приходится покинуть эту надежду“ [1]). Проф. И. И. Малышевскій съ своей стороны къ этому добавляетъ: „въ Вѣну перешла часть архивовъ изъ Константинополя послѣ паденія Византіи. Поэтому вѣнская императорская библіотека обладаетъ богатѣйшими сокровищами для исторіи греческой церкви. Но и въ итальянскихъ библіотекахъ, особенно Венеціи, осталось еще довольно“ (документовъ) [2]). Изволите ли видѣть—въ Вѣнѣ, Венеціи! Не сладкая доля ожидаетъ историка греческой церкви новѣйшихъ временъ: на основаніи очень неопредѣленнаго онъ долженъ говорить что-либо опредѣленное, на основаніи малоизвѣстнаго что-либо положительное, какъ бы изъ камня источать воду.—Но приступимъ къ обзору.

I. Послѣдніе византійскіе историки.—Извѣстенъ цѣлый рядъ историковъ, разсказывавшихъ событія византійской имперіи отъ пятаго вѣка до паденія Константинополя, при Магометѣ II. Эти историки имѣли свои особенности, которыя ихъ отличали и которыя переходили какъ бы по наслѣдству отъ одного такого историка къ другому [3]).

---

[1]) Sathas. Bibliotheca Graeca, tom. III, πρόλογος, σελ. 7.

[2]) «Александрійскій патріархъ, Мелетій Пигасъ», стр. XVI, Кіевъ, 1872.

[3]) Общія характеристическія черты византійскихъ историковъ указаны въ моемъ сочиненіи: «Очерки визант. восточн. церкви отъ XI до полов. XV в.», 1—2. М. 1892. (Изд. 1-ое).

По паденіи Византіи имъ уже было нечего разсказывать въ такомъ родѣ, къ какому они привыкли: дѣла круто измѣнились. Поэтому событіе паденія Византіи видѣло послѣднихъ историковъ разсматриваемаго типа. Ихъ извѣстно трое: Дука (имя его неизвѣстно) написалъ Historia Byzantina (Византійская исторія), доводя свой трудъ до 1462 года. Онъ не былъ очевидцемъ послѣднихъ важныхъ событій и потому имѣетъ мало значенія (Vid. Migne, tom. 157). Не большее значеніе имѣетъ и другой византійскій писатель, имѣющій странное имя: Лаоникъ (испорченное: νίκο—Λαος) и извѣстенъ съ фамиліей: Халкокондилъ; онъ написалъ сочиненіе: De rebus Turcicis (исторія Турокъ), она доводитъ свое дѣло до 1463 года (Bonnae, 1843). Онъ то же не былъ очевидцемъ грозныхъ событій времени. Несравненно большее значеніе имѣетъ историкъ Георгій Франдзій (Φραντζῆ). Его сочиненіе заглавляется Chronicon (Хроника) и простирается до 1477 года (Migne, tom. 156). Его значеніе опредѣляется слѣдующимъ: онъ довелъ свою исторію дальше его современниковъ, онъ былъ другъ послѣдняго византійскаго императора, имѣя важный византійскій титулъ—протовестіарія, онъ своими глазами видѣлъ паденіе города Константинова, и главное—больше другихъ обращаетъ вниманіе на церковныя событія начинающагося турецкаго періода греческой исторіи [1]). Остановимся слегка на важнѣйшихъ церковно-историческихъ показаніяхъ Франдзія. Онъ первый разсказываетъ знаменательный фактъ избранія перваго патріарха (Геннадія) при Магометѣ II. Впрочемъ этотъ разсказъ намъ представляется не вѣрнымъ. Авторъ писалъ въ глубокой старости и вѣроятно многое перезабылъ. Онъ говоритъ, что избраніе новаго патріарха произошло, по волѣ султана, на третій день по паденіи Византіи [2]). Такая поспѣшность невѣроятна: изъ города почти всѣ разбрелись и не кому было поручить такого важнаго дѣла. Авторъ самъ себѣ противорѣчитъ, когда

[1]) За подробностями косательно сейчасъ названныхъ историковъ отсылаемъ читателей къ Васильевскому (Обозрѣн. трудовъ по византійской исторіи», Петерб. 1890), Погодину («Обзоръ источниковъ по исторіи паденія Византіи»: Ж. М. Н. Просвѣщ. 1889, авг.) и Лестунису («Біографія Г. Франдзія», ibid. 1893, іюнь. Превосходная статья).

[2]) Эту невѣрную дату повторяютъ: Пихлеръ, грекъ — Мата, Hammer, Стасюлевичъ, Скабалановичъ и друг.

утверждаетъ, что Магометъ въ одинъ и тотъ же день и издалъ приказъ, чтобы разбѣжавшіеся Греки вернулись въ городъ, обѣщая имъ внѣшнюю безопасность и свободу религіи,—и велѣлъ архіереямъ и клирикамъ выбрать патріарха. Ясное дѣло, что второй фактъ могъ совершиться спустя долго послѣ перваго,—а не въ одинъ и тотъ же день. Франдзій говоритъ еще, что Магометъ желалъ, чтобъ провозглашеніе новаго патріарха произошло такъ же, какъ велось дѣло при византійскихъ императорахъ. Затѣмъ ясно указываетъ, что именно сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ самъ Магометъ. Разсказъ этотъ простъ и натураленъ, и очень жаль, что послѣдующіе историки, передавая указанный разсказъ, слишкомъ много вносятъ неподобающей византійской окраски. Кратко, но довольно выразительно этотъ лѣтописецъ говоритъ о большихъ правахъ, данныхъ султаномъ патріарху (Migne, tom. 156, p. 893—896). Тонъ хроники меланхолическій: видно, что авторъ никакъ не могъ приспособиться къ новымъ порядкамъ. И Франдзій, какъ и Дука и Халкокондилъ, немного оказываетъ помощи церковному историку.

Дѣйствительная историографія греческой церкви турецкаго періода начинается только съ XVI вѣка, когда, кромѣ этого вѣка, занялись изученіемъ и предшествующаго. Толчокъ, какъ увидимъ, данъ впрочемъ со стороны.

II. Источники для изученія греческой церковной исторіи XV-го и XVI-го вѣковъ.

Большая часть источниковъ, сюда относящихся, въ разныхъ отношеніяхъ стоитъ во взаимномъ родствѣ, вслѣдствіе чего эти источники составляютъ въ нѣкоторомъ родѣ одно цѣлое. Первое мѣсто между ними, по всей справедливости должна занимать: Historia Patriarchica („Патріаршая исторія"), объ авторѣ которой рѣчь впереди. Появилось въ свѣтъ это сочиненіе, при особенныхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ, хотя кратко, но слѣдуетъ сказать. Въ XV-мъ и въ большую часть XVI вѣка Греки, подчиненные турецкому владычеству, жили въ большомъ отчужденіи отъ остальной просвѣщенной Европы. А самая эта Европа такъ мало интересовалась христіанскимъ Востокомъ, что съ теченіемъ времени забыла и думать о Грекахъ и оказалась сущею невѣждою относительно со-

стоянія греческой церкви и греческаго народа XV-го и XVI вѣковъ. На Западѣ такъ основательно забыли о Грекахъ, что стали думать, будто христіанская вѣра „не существуетъ больше ни въ Азіи, ни въ Элладѣ, ни во Ѳракіи"; мало того: въ концѣ XVI-го вѣка западные ученые мужи считали нужнымъ обратиться въ Константинополь съ вопросомъ: существуютъ-ли теперь такіе города, какъ Ѳессалоника, Никея, Халкидонъ и даже Аѳины? Простираться еще дальше невѣжество, конечно, не могло. Изъ этого постыднаго состоянія просвѣщенный Западъ былъ изведенъ нѣмецкимъ тюбингенскимъ университетомъ. Въ числѣ профессоровъ этого университета во второй половинѣ XVI вѣка былъ Мартинъ Крузій (или Крузе—по нѣмецкому произношенію), знаменитый эллинистъ, любившій греческій языкъ и науку и въ этомъ же направленіи вліявшій на своихъ студентовъ. Узнавъ случайно, что греческій народъ далеко еще не погибъ для христіанства и просвѣщенія, онъ захотѣлъ поточнѣе узнать о современномъ ему состояніи Грековъ. Вскорѣ представился благопріятный случай, который привелъ его къ вожделѣнной цѣли. Въ 1573 году австрійскимъ императоромъ отправлено было посольство въ Константинополь; во главѣ посольства стоялъ баронъ Унгнадъ—протестантъ, который пожелалъ имѣть при себѣ капеллана или протестантскаго пастора. Этотъ жребій, по счастливому стеченію обстоятельствъ, палъ на молодого магистра тюбингенскаго университета Стефана Герлаха, при посредствѣ котораго Крузій легко вступалъ въ сношенія съ болѣе просвѣщенными Греками. Крузій былъ весьма любознательный человѣкъ, а поэтому ему хотѣлось знать рѣшительно все о Грекахъ: какъ живутъ они теперь, какъ жили съ начала турецкаго владычества; есть ли у нихъ книги, школы; какимъ языкомъ они говорятъ, т. е. насколько онъ сохранилъ связь съ древне-эллинскимъ языкомъ и т. д. Тюбингенскій профессоръ началъ съ того, что написалъ письмо на греческомъ языкѣ тогдашнему патріарху Іереміи II-му (котораго онъ, по видимому, не зналъ по имени) и послалъ его (въ 1573 г.) съ Герлахомъ. Въ этомъ письмѣ онъ рекомендуетъ съ лучшей стороны этого послѣдняго и слегка касается своихъ pia desideria. Впрочемъ письмо

это, какъ естественно, не принесло желаемыхъ плодовъ. У патріарховъ константинопольскихъ слишкомъ много было своихъ дѣлъ, чтобы найти возможность войти въ сношенія съ невѣдомымъ нѣмецкимъ профессоромъ. Дѣла Крузія пошли не только лучше, но можно сказать—блестяще, лишь послѣ того, какъ ученый тюбингенецъ узналъ отъ Герлаха о существованіи въ Константинополѣ двухъ образованныхъ Грековъ—Іоанна Зигомалà, „ритора великой церкви" и толкователя Св. Писанія, и его сына Ѳеодосія Зигомалà, патріаршаго протонотарія. Съ ними Крузій вскорѣ вступилъ въ переписку (съ января 1575 года), которая въ концѣ концовъ и привела его къ самымъ счастливымъ результатамъ. Отецъ и сынъ (въ особенности послѣдній) Зигомалà сдѣлались ревностными посредниками между Константинополемъ и Тюбингеномъ; они охотно и весьма успѣшно исполняли ученыя порученія Крузія. Сношенія ихъ тянулись десятки лѣтъ. Отъ этого, конечно, много выиграла эллинская наука въ Тюбингенѣ. А главное выиграла наша наука—церковная исторія.

Мартинъ Крузій захотѣлъ ознакомиться съ греческой церковной исторіей того періода, о которомъ на Западѣ ничего не знали—съ греческой церковной исторіей послѣ паденія Константинополя до 70-хъ годовъ XVI вѣка. И любопытство Крузія замѣчательно быстро было удовлетворено. Въ ученомъ кабинетѣ тюбингенскаго профессора на столѣ появилась греческая рукопись, которая потомъ получила и латинское заглавіе: Patriarchica Constantinopoleos Historia, и которая заключала описаніе правленія константинопольскихъ патріарховъ отъ Геннадія Схоларія до Іереміи II-го включительно (впрочемъ она описывала только часть правленія этого патріарха церковію), точнѣе: отъ 1454-го года до 1578. Вотъ первая церковная исторія, при посредствѣ которой, ничего не вѣдавшій о греческой церкви турецкаго періода—Западъ ознакомился съ этимъ, несомнѣнно, интереснымъ предметомъ. Эта „Патріаршая исторія" вмѣстѣ съ другимъ историческимъ трудомъ, полученнымъ въ Тюбингенѣ Крузіемъ подобнымъ же путемъ (но о которомъ—трудѣ—скажемъ ниже отдѣльно) и вмѣстѣ со множествомъ другихъ документовъ, составившихся частію изъ корреспонденціи Крузія съ Греками, частію

изъ другихъ греческихъ письменныхъ произведеній—была напечатана Крузіемъ въ Базелѣ въ 1584 году въ обширномъ фоліантѣ подъ заглавіемъ: Turco-Graecia (Турко-Греція) [1]. Книга эта составляетъ истинную сокровищницу знаній по части изученія греческой церкви, греческой націи и языка въ особенности второй половины XVI вѣка и до сихъ поръ пользуется великимъ научнымъ авторитетомъ. Греческіе памятники изданы здѣсь съ латинскимъ переводомъ и многочисленными примѣчаніями Крузія. Жаль только, что, не смотря на трехсотлѣтнюю давность, Турко-Греція до сихъ поръ не имѣетъ втораго изданія, нужда въ которомъ сильно чувствуется не только вслѣдствіе рѣдкости и дороговизны книги Крузія, но и вслѣдствіе типографскихъ несовершенствъ XVI вѣка, отразившихся въ самомъ текстѣ и способѣ его печатанія. Не наше ли дѣло: переиздать Крузія?

Но что такое „Патріаршая Исторія"? Кто ее написалъ? Какое значеніе имѣетъ она въ наукѣ? Эта исторія занимаетъ 78 столбцовъ in folio (107—184 col.) и описываетъ почти исключительно счастливыя или несчастныя (больше этого рода) судьбы патріарховъ константинопольскихъ и ихъ отношенія къ Туркамъ, греческимъ архіереямъ и греческому народу. Объ авторѣ сочиненія до послѣдняго времени не было точныхъ свѣдѣній. Такимъ признавали Мануила Малакса, учителя патріаршей школы въ Константинополѣ, но это мнѣніе находитъ себѣ опроверженіе въ томъ, что самъ Малаксъ не считалъ себя авторомъ, какъ видно изъ слѣдующей приписки, находящейся въ самомъ началѣ разсматриваемаго сочиненія: „это переложено мною, Мануиломъ Малаксомъ, на простое нарѣчіе (разумѣется съ чисто-греческаго языка) для г. Мартина Крузія". Конечно, можно бы полагать, что скромность заставила Малакса скрыть свое авторство, но это едвали такъ. Дошедшія до насъ свѣдѣнія о Малаксѣ, встрѣчающіяся въ Турко-Греціи Крузія, лишаютъ насъ возможности предполагать, чтобы такой человѣкъ, какъ Малаксъ, способенъ былъ написать серьезное историческое произведеніе, какимъ

---

[1] Заглавіе читается такъ: Turco-Graeciae libri octo, a Martino Crusio edita. Basiliae. 1584.

признается „Исторія Патріаршая“. М. Крузій говоритъ, что это былъ „учитель патріаршей школы, учившій греческихъ дѣтей и юношей, человѣкъ старый и бѣдный, питавшійся сушеною рыбою, которая была развѣшана по стѣнамъ классной комнаты и которую онъ самъ и варилъ; онъ пріобрѣталъ средства къ жизни перепискою книгъ и любилъ тратить деньги больше всего на вино“ [1]). Очевидно, очень сомнительно, чтобы Малаксъ былъ историкомъ.... Но спрашивается: на какомъ же основаніи почти простаго переписчика „исторіи патріаршей“, какимъ именуетъ себя Малаксъ, могли однакоже считать авторомъ ея? Основанія для этого были и заключались частію въ томъ, что оставалось совершенно неизвѣстнымъ, съ чего именно онъ списывалъ свой трудъ, и что служило оригиналомъ его переложенія; а частію—и главное—въ томъ, что въ одномъ письмѣ Өеодосія Зигомала къ Крузію встрѣчаемъ слѣдующія рѣчи. Өеодосій пишетъ: „я описалъ бы тебѣ и времена патріарховъ (константинопольскихъ), въ какія каждый изъ нихъ занималъ престолъ, — какъ ты желалъ того,—если бы я не зналъ, что ты съ этимъ можешь познакомиться изъ книги Малакса, написанной на народномъ нарѣчіи, и которая есть у Герлаха“. Не ясное ли дѣло, что Өеодосій, современникъ появленія на свѣтъ первой патріаршей хроники, прямо называетъ Малакса авторомъ ея? Удивительно! Въ особенности послѣ вышеприведеннаго собственнаго заявленія Малакса. Удивленіе наше возрастаетъ еще болѣе, когда нѣсколько далѣе Өеодосій въ своемъ письмѣ пишетъ: „о Малаксѣ нужно сказать, что въ томъ, что онъ написалъ, собравъ изъ многихъ книгъ, не вездѣ находимъ истину. Въ однихъ случаяхъ онъ пишетъ, руководясь благорасположеніемъ, а въ другихъ непріязнью. Примѣромъ можетъ служить его повѣствованіе о патріархѣ Іоасафѣ (II-мъ), мужѣ превосходномъ, любителѣ эллинизма, несправедливо по зависти лишенномъ каѳедры [2]). Опять ясное указаніе, что Малаксъ самъ написалъ „Патріаршую исторію“ и притомъ не безпристрастно, наприм. изобразилъ Іоасафа въ чертахъ не-

[1]) Turco-Graecia, p. 185 (annotatio Crusii).

[2]) Epistola Theod. Zygomalae: Turco-Graecia p. 95—96. Письмо это писано въ апрѣлѣ 1581 года, по смерти Малакса (см. предъидущее примѣч.).

привлекательныхъ, вопреки справедливости, по сужденію Өеодосія Зигомалà? Какъ тутъ быть? Самъ Малаксъ отрекается отъ написанія имъ Патріаршей исторіи, а Зигомалà, современникъ, ясно приписываетъ ему этотъ трудъ! Не смотря на такое прямое и повидимому авторитетное показаніе Өеодосія Зигомалà,—мы должны отрицать происхожденіе хроники отъ Малакса, какъ ея автора. Правъ самъ Малаксъ и не правъ патріаршій протонатарій—Зигомалà. Впрочемъ оставимъ неправильныя показанія этого послѣдняго на его совѣсти, не вдаваясь въ дальнѣйшія разъясненія по этому вопросу. Въ недавнее время открылось одно очень внушительной важности обстоятельство, которое окончательно разъяснило темный вопросъ объ авторѣ „Патріаршей исторіи", обстоятельство, которое, однакожъ, сколько знаемъ, совсѣмъ осталось неизвѣстнымъ въ русской ученой литературѣ, по крайней мѣрѣ мы не встрѣчали никакихъ указаній на него здѣсь, и потому оно должно явиться новинкой для русской исторической науки.

Открыта *рукопись*, съ которой списывалъ и переводилъ Мануилъ Малаксъ. Этимъ открытіемъ наука обязана аөинскому ученому Константину Сатѣ. Рукопись найдена Сатою въ святогробской библіотекѣ въ Константинополѣ (она помѣчена 569 №) и заключаетъ въ себѣ ту самую патріаршую исторію, которую прежде съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ приписывали по ея происхожденію Малаксу. Авторомъ разсматриваемой „Исторіи" былъ митрополитъ навпактскій и артскій, по имени Дамаскинъ Студитъ. Его трудъ заглавляется: „о патріархахъ константинопольскихъ (περὶ τῶν ὅσοι ἐπατριάρχευσαν εἰς Κωνσταντινούπολιν) отъ временъ Константина Великаго до нашего времени". Трудъ оконченъ написаніемъ въ 1572 году. Для доказательства мысли, что Малаксъ списалъ съ готовой Патріаршей исторіи безвѣстнаго Дамаскина Студита, Сата приводитъ двѣ большихъ выдержки—одну изъ рукописи Дамаскина, а другую изъ книги Малакса; тожество оказывается очень точнымъ. Мы однакожъ не совсѣмъ понимаемъ, почему Сата ограничился приведеніемъ лишь одного мѣста (въ которомъ идетъ рѣчь объ обстоятельствахъ перенесенія патріаршей резиденціи при патріархѣ Геннадіи отъ храма Св. Апостоловъ въ монастырь „Всеблаженнѣйшей"). Такъ какъ авто-

графъ Дамаскина (а это дѣйствительно автографъ) не изданъ и не извѣстно, когда будетъ изданъ, то было бы болѣе цѣлесообразно, если бы, ради большей убѣдительности въ тожествѣ Малакса и Дамаскина, Сата привелъ нѣсколько параллельныхъ мѣстъ изъ разныхъ отдѣловъ обоихъ произведеній. Теперь же, если и не остается мѣста для сомнѣній (нѣтъ основаній не довѣрять Сатѣ на слово), то во всякомъ случаѣ читатели Саты лишены возможности составить хотя какое нибудь понятіе о манерѣ работы Малакса надъ готовой рукописью, напр., о томъ, въ чемъ и какъ видоизмѣнялъ онъ слогъ и изложеніе Дамаскина, всегда ли ясно онъ передавалъ мысли подлинника и проч. Самъ аѳинскій ученый очень мало говоритъ объ отличіяхъ труда Малакса отъ оригинала, т. е. сочиненія Дамаскина. Сата указываетъ, что конецъ „Патріаршей исторіи" взятъ не изъ Дамаскина, а написанъ кѣмъ нибудь еще, можетъ быть Малаксомъ. Конецъ! однакожъ на чемъ же собственно прерывается разсказъ Дамаскина въ списанной Малаксомъ книгѣ? На этотъ, какъ намъ кажется, любопытный вопросъ, аѳинскій ученый отвѣчаетъ очень странно: «*на 199 страницѣ Малакса въ боннскомъ его изданіи*», говоритъ онъ. Sic! На 199 страницѣ боннскаго изданія! [1]). Западный ученый, производящій сличеніе книги съ важною рукописью, не ограничился бы такимъ неопредѣленно-скупымъ заявленіемъ, а разъяснилъ бы на какомъ именно мѣстѣ указанной страницы прерывается повѣствованіе Дамаскина. Дѣло въ томъ, что на указанной Сатою страницѣ идетъ непрерывная рѣчь о церковномъ правленіи Іереміи II-го и, не будучи прозорливцемъ, ни одинъ ученый не можетъ съ увѣренностію рѣшить вопроса: съ какихъ словъ начинается разсказъ не-Дамаскина. Изъ разбираемаго показанія Саты съ несомнѣнною ясностію вытекаетъ одно — именно, что не принадлежатъ Дамаскину въ концѣ „Патріаршей исторіи" боннскаго изданія только какія нибудь пять страницъ. Дальнѣйшія указанія Сатою отличій Малакса отъ Дамаскина исчерпываются слѣдующимъ: у Малакса есть раз-

[1]) Historia patriarchica Constantinopoleos напечатана въ: Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Tom. XVII, Bonnae, 1849 г. Жаль, что въ этомъ изданіи почему то опущены Крузіевы примѣчанія къ «Исторіи Патріаршей».

сказъ объ Арсеніи, ученомъ митрополитѣ манемвасійскомъ, какого не встрѣчается у Дамаскина, а также нѣтъ у этого послѣдняго и повѣсти о томъ, какъ Іеремія I спасъ греческія церкви отъ разрушенія ихъ турецкимъ правительствомъ (повѣсти, нужно сказать, очень маловѣроятной); наконецъ по словамъ Саты, Малаксъ подробнѣе разсказываетъ о послѣднихъ патріаршествахъ его времени—Діонисія, Іоасафа и Іереміи [1]). Итакъ въ настоящее время можно смѣло выставлять на „Патріаршей исторіи", изданной Крузіемъ, подлинное имя ея автора: Дамаскина Студита. Но не странно ли: почему Малаксъ въ свое время въ извѣстной цитированной нами его припискѣ, не написалъ имени автора той рукописи, съ которой онъ списывалъ Патріаршую исторію для Крузія? А съ другой стороны: не странно ли и то, что Крузій не поинтересовался тѣмъ, чтобы узнать (а это онъ, конечно, могъ бы сдѣлать): съ какого автора списывалъ свой трудъ Мануилъ Малаксъ? Впрочемъ, каждый вѣкъ имѣетъ свои нравы и обычаи—и не станемъ строго судить людей, жившихъ назадъ тому 300 лѣтъ. Будемъ благодарны Малаксу и въ особенности Крузію и за то, что ими сдѣлано для науки.

„Патріаршая Исторія" имѣетъ большое значеніе въ наукѣ. Она носитъ на себѣ черты безпристрастія, если, увы, обиліе рѣзкихъ отзывовъ и изображеніе темныхъ сторонъ въ жизни патріарховъ, считать признакомъ безпристрастія. Въ дѣйствительности, мы не можемъ опредѣлить степени безпристрастія этой исторіи, потому что намъ не чѣмъ провѣрять ея показанія. Замѣтимъ одно: извѣстія о константинопольскихъ патріархахъ XV и XVI вѣковъ, какія только циркулируютъ въ теперешней исторической наукѣ, въ подавляющемъ большинствѣ, заимствуются лишь отсюда. Какъ мы имѣли случай указать выше, одинъ изъ современниковъ автора,—говоримъ о Ѳеодосіи Зигомалѣ,—выразилъ сомнѣніе въ безпристрастіи „Патріаршей Исторіи" и въ примѣръ указывалъ на описаніе авторомъ правленія патріарха Іоасафа II; но наука едвали вправѣ внимать этому, можетъ быть, единственному скептическому голосу, раздающемуся противъ „Патріаршей Исторіи". И

[1]) Sathae. Bibliotheca Graeca. Vol. III. Prol. p. XI—XIII. Venet., 1872.

на это есть достаточное основаніе: разсказъ объ Іоасафѣ II ведется въ книгѣ не просто отъ лица автора „Исторіи", а представляетъ собой полное или сокращенное изложеніе соборнаго дѣянія противъ патріарха, дѣянія, подписаннаго болѣе чѣмъ 50-ью митрополитами и епископами (имена которыхъ полностію прописаны у автора исторіи). Можетъ ли историкъ съ легкимъ сердцемъ отметать такой документъ, основываясь на скептической замѣткѣ Зигомала̀, хотя бы онъ и былъ протонатаріемъ?

Любознательный Крузій не ограничился тѣмъ, что пожелалъ отъ его константинопольскихъ корреспондентовъ удовлетворенія своему ученому любопытству по части церковной исторіи, вслѣдствіе чего ему и была послана изъ Константинополя Historia Patriarchica; онъ хотѣлъ имѣть обстоятельныя свѣдѣнія и по части гражданской исторіи того періода, который обнимала сейчасъ названная „Historia Patriarchica". А потому обращался съ просьбою въ Константинополь къ своимъ греческимъ друзьямъ о томъ, чтобы они удовлетворили и этому его желанію. Друзья вняли его просьбѣ и послали ему рукопись, которая издана была потомъ подъ такимъ латинскимъ заглавіемъ: Historia Politica Constantinopoleos (отъ 1391 до 1578 года). По объему она вдвое меньше „Исторіи Патріаршей", и повѣствуетъ преимущественно о турецкомъ господствѣ надъ Греками. Эта „Политическая Исторія" отпечатана Крузіемъ въ той же его „Турко-Греціи" [1]). Конечно, эта исторія имѣетъ для насъ гораздо меньше значенія, чѣмъ „Исторія Патріаршая", но все же она не лишена значенія и для церковнаго историка, какъ увидимъ ниже. Кто авторъ „Исторіи Политической"? На этотъ вопросъ до послѣдняго времени нельзя было находить удовлетворительнаго отвѣта. Въ концѣ рукописи, въ которой была начертана эта исторія и которая была послана Крузію, находилась слѣдующая приписка рукою Ѳеодосія Зигомала̀: „Благодареніе Богу. Какъ я нашелъ, такъ и переписалъ для Мартина Крузія, исправивъ по силѣ-возможности". Отсюда видно, что рукопись была съ чего то списана,

[1]) Turco-graecia, p. 1—43, съ примѣчаніями Крузія, помѣщенными въ концѣ «Исторіи». Historia Politica перепечатана въ боннскомъ изданіи (томъ XVII), но безъ вышеуказанныхъ примѣчаній.

какъ удостовѣряетъ Зигомала̀, и слегка при этомъ поправлена. Но возникаетъ вопросъ: что было оригиналомъ, съ котораго съ исправленіями списывалъ Зигомала̀? Рѣшить вопросъ опять помогаетъ намъ Константинъ Сата. Онъ говоритъ: „Политическую Исторію", посланную Крузію, Зигомала̀ списалъ съ автографа Дамаскина Студита, не поименовавъ автора. Греческій корреспондентъ Крузія, по словамъ Саты, только переложилъ на болѣе чистый греческій языкъ повѣствованіе Дамаскина, написанное на простонародномъ греческомъ нарѣчіи" [1]). Больше Сата не даетъ никакихъ подробностей. Очевидно и этотъ новый автографъ Дамаскина найденъ тамъ же, гдѣ и „Патріаршая Исторія" Дамаскина,—въ Святогробской библіотекѣ въ Константинополѣ. Непонятно, почему такъ мало Сата даетъ свѣдѣній по интересному вопросу объ отношеніи печатной „Политической Исторіи" къ рукописной. Несомнѣнно одно: митрополита Дамаскина, своего современника, греческіе ученые XVI вѣка обворовывали, заметая слѣды своего плагіата. Что касается вопроса о научномъ значеніи „Политической Исторіи" для церковнаго историка, то оно не велико. Эта исторія даетъ свѣдѣнія обо всѣхъ патріархахъ константинопольскихъ разсматриваемаго періода, но эти свѣдѣнія суть сокращенія того, что говорится о нихъ въ „Патріаршей Исторіи": сейчасъ видно, что источникъ свѣдѣній у автора „Политической Исторіи"—общій съ авторомъ „Патріаршей Исторіи", съ тѣмъ различіемъ, что эта послѣдняя говоритъ о патріархахъ подробнѣе, а первая значительно короче [2]). Есть однакожъ одинъ вопросъ, въ разрѣшеніи котораго Historia Politica должна имѣть руководственное значеніе. Разумѣемъ вопросъ о времени и обстоятельствахъ поставленія Геннадія—перваго патріарха по паденіи Византіи. Какъ мы знаемъ, Франдзій очень мало удовлетворителенъ по этому

[1]) Sathae. Bibliotheca Graeca, tom. III, Πρόλ., σελ. XIII—XIV.

[2]) Мы сличили по боннскому изданію извѣстія о патріархахъ преемствовавшихъ Геннадію, извѣстія Политической Исторіи и Патріаршей Исторіи и нашли, что они таковы, какими мы ихъ признали выше (о патр. Исидорѣ: p. 31 et 95; о Іоасафѣ І-мъ p. 39 et 96—98; о Маркѣ 39 et 101, о Симеонѣ и Діонисіи p. 39—41 et 102—107; о Діонисіи (филиппольскомъ) въ отдѣльности p. 41—42 et 104—111; о Рафаилѣ p. 43—47 et 113—114 и т. д.).

вопросу: онъ больше зналъ, какъ дѣло въ такихъ случаяхъ происходило во времена византійскія, и недостаточно помнилъ о томъ, какъ дѣло произошло при Магометѣ II, какъ совершилось избраніе Геннадія. Дамаскинъ-же, т. е. авторъ „Политической Исторіи", указываетъ, что протекло значительное время между фактомъ паденія Византіи и избранія Геннадія [1])—и онъ вполнѣ правъ: такъ какъ ни съ чѣмъ не сообразно думать, что будто Магометъ на третій день по завоеваніи Византіи распорядился избраніемъ новаго патріарха въ столицѣ, какъ заставляетъ думать Франдзій. Современная наука оцѣнила показанія Дамаскина и перестала вѣрить Франдзію — въ чемъ она вполнѣ права [2]). Любопытны также взгляды Дамаскина, выраженные въ разбираемой исторіи на отношенія Магомета II къ Грекамъ [3]); любопытны они уже и тѣмъ, что къ нимъ возвращается современная наука, переставъ безъ нужды много говорить о деспотизмѣ и тираннiи турецкаго правительства вообще и Магомета II въ особенности.

Сношенія Мартина Крузія съ Константинополемъ, о которыхъ намъ пришлось уже не мало говорить, не ограничивались научной сферой; вмѣстѣ съ другими тюбингенскими богословами, канцлеромъ университета Іаковомъ Андреэ, Лукою Озіандеромъ и позднѣе Герлахомъ, Крузій вошелъ въ переписку съ тогдашнимъ константинопольскимъ патріархомъ Іереміею вторымъ (и Митрофаномъ), съ цѣлію познакомить греческую церковь съ протестантскимъ ученіемъ, и узнать какъ смотритъ Греческая церковь на это ученіе. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности по вопросу: какіе собственно мотивы руководили тюбенгенцами въ ихъ церковныхъ сношеніяхъ съ Константинополемъ. Важно то, что эти сношенія повели къ появленію въ свѣтъ очень интереснаго собранія историческихъ документовъ извѣстнаго подъ названіемъ: *«Акты Виртембергскіе»*. Что такое „Акты Виртембергскіе"? Лишь только начались сношенія Крузія и другихъ тюбингенцевъ съ константинополь-

---

[1]) Historia polit. p. 26—28. Edit. Bonn.

[2]) Sathae Bibliotheca Graeca, tom. III. Πρόλογος, σελ. XXV—XXVI.

[3]) Historia politica, ibid. p. 24, 26, Conf. p. 94: «много возлюбилъ (Магометъ II) родъ христіанскій (Грековъ) и взиралъ на него благосклонно».

скою церковію съ вышеуказанною цѣлію, какъ возникло безпокойство въ римско-католическихъ кружкахъ, основанное на этихъ отношеніяхъ. Въ этихъ кружкахъ возникли опасенія, какъ бы сношенія протестантовъ съ Греками не послужили къ болѣе тѣсному сближенію протестантизма съ греческою церковію, вслѣдствіе чего протестантство, естественно, стало бы сильнѣе и вліятельнѣе, а пропорціонально этому римско-католицизмъ слабѣе и отчужденнѣе. Чтобы повредить указаннымъ сношеніямъ протестантовъ съ Греками, нѣкоторые римско-католитическіе писатели рѣшились истолковать эти сношенія въ самомъ нежелательномъ для протестантовъ смыслѣ, и тѣмъ повредить усиленію и развитію протестантства. Такъ съ указанною цѣлію, придворный проповѣдникъ польскаго короля Станиславъ Соколовіусъ, краковскій каноникъ, издалъ сочиненіе, въ которомъ старался доказать, что протестанты, чувствуя себя неловко, какъ отщепенцы отъ Церкви, вздумали, по отпаденіи отъ римской церкви, искать сближенія съ греческою церковію, намѣрѣваясь соединиться съ нею, при этомъ Соколовіусъ, желая досадить протестантамъ, утверждалъ, что однакожъ Греческая церковь отвергла ихъ искательства. Вслѣдъ за этимъ другой папистическій писатель Вильгельмъ Линданъ, епископъ гентскій, принимая во вниманіе тѣже сношенія тюбингенцевъ съ Греками, сильно нападалъ на протестантовъ, представляя разсматриваемое дѣло, какъ самое постыдное для нихъ. Такія попытки папистовъ представить въ невыгодномъ для протестантовъ свѣтѣ сношенія ихъ съ Константинополемъ, побудили тюбингенцевъ опубликовать путемъ печати документы, относящіеся къ исторіи сношеній Тюбингена съ Константинополемъ [1]). Такъ появились въ свѣтъ драгоцѣнные въ научномъ отношеніи: „Акты Виртембергскіе" [2]). Содержаніе этихъ актовъ составляетъ: краткія письма тюбенгенцевъ къ Іереміи II и краткія письма Іереміи къ тюбингенцамъ; Аугсбургское исповѣданіе, переведенное на

[1]) Acta Wirtemb. (подробное заглавіе ниже). Praefatio.—Hefele. Beiträge zur Kirchengeschichte. B. I. S. 461—2. Tübingen, 1864. Heineccii Abbildung der Griechischen Kirche. Theil. I, S. 191—192. Leipz. 1711.

[2]) Acta er scripta theologorum Wirtembergensium et patriarchae Gonstantinopolitani D. Hieremiae. In fol. Witebergiae. 1584.

греческій языкъ и посланное въ Константинополь Іереміи и другимъ лицамъ, подробный отвѣтъ Іереміи на это исповѣданіе (писанный безъ сомнѣнія не самимъ Іереміею, а вѣроятно Іоанномъ или Ѳеодосіемъ Зигомала); подробныя сочиненія тюбингенцевъ, въ которыхъ заключается защита ученія, изложеннаго въ „Исповѣданіи", обстоятельный разборъ этой защиты со стороны Іереміи (или точнѣе его ученыхъ помощниковъ въ этомъ дѣлѣ). Все это составляетъ значительный по объему сборникъ и служитъ богатымъ матеріаломъ для изученія интереснѣйшаго и единственнаго въ своемъ родѣ явленія—сношеній Греческой церкви XVI вѣка съ представителями протестантской мысли и воззрѣній. Мы должны однакожъ сказать, что разсматриваемые акты одни сами по себѣ еще недостаточно раскрываютъ всю исторію указанныхъ сношеній. Для полноты и ясности представленія дѣла, при изученіи „Актовъ", нужно обращать серьезное вниманіе на тотъ отдѣлъ „Турко-Греціи" (liber VII) [1]), гдѣ помѣщены многіе документы, касающіеся тѣхъ же сношеній, но не вошедшіе въ разсматриваемые акты. Говоря фигурально, извѣстія и документы, находящіеся въ указанномъ отдѣлѣ „Турко-Греціи, есть какъ бы канва, истинною картиною для которой служатъ „Акты". Турко-Греція даетъ возможность изучать жизненныя условія, при какихъ происходило дѣло, а „Акты"—самое дѣло и его результаты. Но если для догматиста несомнѣнно очень важны „Акты", то для историка можетъ быть еще важнѣе тѣ извѣстія и документы, которые помѣщены въ Турко-Греціи и относятся къ этому же явленію.

Во всякомъ случаѣ наука должна быть благодарна тюбингенцамъ, издавшимъ сборникъ, извѣстный съ именемъ „Актовъ Виртембергскихъ". Французскій ученый Легранъ въ своей „Эллинской библіографіи" называетъ существующее изданіе Актовъ „драгоцѣннымъ сборникомъ" и считаетъ его „весьма рѣдкимъ". Самъ онъ описываетъ ихъ въ указанномъ сочиненіи такъ тщательно, какъ описываются только рукописи, указывая дефекты въ пагинаціи и т. д. [2]). Такую-то достопримѣчательность составляютъ Акты единственнаго изданія 1584 г.

1) Turco-Graecia, p. 410—483.

2) Legrand. Bibliographie Hellénique (XV et XVI siecl.). Tòme II, p. 41—44. Paris, 1885.

Исторія Дороѳея монемвасійскаго.—Болѣе точное заглавіе сочиненія такое: „Историческое сочиненіе (Βιβλίον ἱστορικὸν), содержащее различныя исторіи, начиная отъ сотворенія міра до паденія Константинополя и далѣе. Составлено на основаніи различныхъ точныхъ исторій и переложено на новогреческое нарѣчіе". Для насъ, конечно, эта книга любопытна постольку, поскольку она содержитъ описаніе историческихъ явленій послѣ паденія Константинополя. Судьба этой книги весьма странная, какъ впрочемъ и многихъ книгъ, касающихся Греціи. Разсматриваемая „Исторія" была очень распространена въ Греціи и оставалась „въ продолженіи 200 лѣтъ единственною историческою книгою въ рукахъ греческаго народа". Перепечатывалась она нѣсколько разъ, начиная съ 1630 или 1631 года. Автору ея посвящались біографическіе очерки: о немъ сообщалось, откуда онъ былъ родомъ, въ какихъ городахъ послѣдовательно онъ былъ митрополитомъ и какую судьбу имѣло его вышеназванное сочиненіе [1]. И вдругъ послѣ всего это оказывается, что никакого историка Дороѳея, митрополита монемвасійскаго, *никогда* и на свѣтѣ не существовало. Дороѳей есть типографскій миѳъ! Не вѣроятно, чтобы такъ было, однакожъ на самомъ дѣлѣ такъ. Уясненіемъ дѣйствительнаго имени автора Дороѳеевской Исторіи наука обязана трудолюбивому Константину Сатѣ, который послѣ нѣкотораго колебанія сталъ въ этомъ вопросѣ на настоящую точку зрѣнія. Въ такомъ необычайномъ приключеніи, какъ исчезновеніе изъ памяти потомства дѣйствительнаго имени автора и замѣна этого имени совсѣмъ другимъ именемъ, аѳинскій ученый усматриваетъ нѣчто провиденціальное: оказывается, что авторъ разсматриваемой „исторіи" списалъ свою исторію все у того же Дамаскина Студита, о которомъ не разъ упоминалось раньше — и за это, по сужденію Саты, и наказанъ жестоко: имя списателя исчезло изъ исторической памяти, замѣнилось именемъ Дороѳея монемвасійскаго, историка, не существовавшаго на свѣтѣ. Правда, какъ мы знаемъ, и раньше у Дамаскина списывали—Зигомала и Малаксъ, но они не имѣли дерзости приписы-

[1] Σάθα. Νεοελληνικὴ φιλολογία, σελ. 222—223. Аѳины. 1868 г. Потомъ Сата, какъ увидимъ сейчасъ, сталъ разсуждать объ авторѣ книги иначе

вать себѣ списаннаго, какъ дѣйствительнымъ авторомъ; не такъ поступилъ третій плагіаторъ труда Дамаскина, онъ дерзнулъ поставить на книгѣ свое (будто бы авторское) имя, но имя его исчезло изъ книги при первомъ же ея печатномъ изданіи. И на этотъ плагіатъ дерзнулъ кто же? соученикъ Дамаскина и близкій къ нему человѣкъ! Итакъ: мы узнали, что настоящимъ авторомъ разсматриваемой Исторіи былъ Дамаскинъ Студитъ, митрополитъ навпактскій и артскій. Но спрашивается: кто же безцеремонно списалъ его трудъ, имѣя намѣреніе пріобрѣсти имя историка? И какъ случилось, что дѣйствительное имя плагіатора не сохранилось въ печатной книгѣ, а въ самомъ же началѣ XVII вѣка замѣнилось именемъ какого то невѣдомаго Дороѳея? Авторомъ — плагіаторомъ разсматриваемой исторіи былъ Іероѳей, митрополитъ монемвасійскій, человѣкъ близкій къ патріарху Іереміи II и сопровождавшій этого послѣдняго въ его путешествіи въ Россію въ 1588 — 1591 году. Сата нисколько не сомнѣвается теперь, что писателемъ — плагіаторомъ указанной исторіи былъ именно Іероѳей, а не Дороѳей; основаніями для такого заключенія Саты служитъ слѣдующее: 1) нигдѣ въ этой исторіи совсѣмъ не упоминается имени митрополита Дороѳея, между тѣмъ весьма часто здѣсь сообщаются свѣдѣнія, о Іероѳеѣ монемвасійскомъ, и при томъ и такія свѣдѣнія, которыя могли быть извѣстны только этому лицу. 2) Въ числѣ преемниковъ митрополита Іероѳея монемвасійскаго нѣтъ никого, кто носилъ бы имя Дороѳея, какъ удостовѣряютъ тщательно изученные Сатою кодексы константинопольской патріархіи. Поправка имени автора-плагіатора разбираемой исторіи въ настоящее время принята и лучшими греческими историками [1]). Впрочемъ, если Іероѳей и былъ плагіаторомъ, списывавшимъ у своего соученика—Дамаскина, однакожъ, какъ это доказалъ Сата, нѣчто и свое присоединено Іероѳеемъ къ тому, что онъ занялъ со стороны. Такъ онъ независимо отъ своего руководителя описываетъ событія церковныя, начиная отъ времени патріаршества Пахомія 1-го(?) (нач. XVI в.) и до времени возвращенія Іереміи изъ Россіи. Компиляція Іеро-

[1]) Такъ поступаетъ, наприм., Γεδεών. Πατριαρχικοὶ πίνακες, σελ. 71. Константинополь, 1890.

өея много разъ была издана въ разное время, при чемъ при новомъ изданіи къ разсказу автора дѣлались краткія прибавки, въ которыхъ излагались неважныя свѣдѣнія о позднѣйшихъ событіяхъ турецкой имперіи и греческаго народа. Слѣдовательно, въ теперешнемъ видѣ исторія Іероөея есть отчасти трудъ коллективный, въ который вошли и очерки нѣсколькихъ писателей, продолжателей названнаго лица [1]).—Что касается вопроса о томъ, какимъ образомъ случилось, что трудъ(?) Іероөея сталъ извѣстенъ съ именемъ Дороөея, то Сата объясняетъ это типографской опечаткой, допущенной при первомъ изданіи книги въ Венеціи. Объясненіе, повидимому, простое, но въ то же время и нѣсколько мудреное. Въ самомъ дѣлѣ, почему при второмъ и слѣдующихъ изданіяхъ не было сдѣлано необходимой поправки? Впрочемъ, какъ говорится, книги имѣютъ свою судьбу, а въ Греціи къ тому же, по видимому, судьбу непостижимую [2]).

Но пожалуй намъ замѣтятъ: какое значеніе можетъ имѣть поправка въ имени писателя разсматриваемой исторіи? Не есть ли педантизмъ—останавливать свое вниманіе на такомъ вопросѣ?—Не все ли равно *для насъ*: кто писатель книги—Дороөей или Іероөей? Нѣтъ, не все равно. Если кто прочтетъ въ извѣстномъ трудѣ проф. И. И. Малышевскаго: „Мелетій Пигасъ" страницы, наприм. 249 и 250. тотъ пойметъ, что разрѣшеніе вопроса объ имени автора указанной хроники дѣло весьма полезное. Здѣсь читаемъ: „*Іероөей* монемвасійскій смѣло и громко проте-

---

[1]) Sathae. Bibliotheca Graeca, Tom. III. Πρόλ. σελ., XV—XVII. Не лишнее замѣтить слѣдующее о первоначальномъ составѣ исторіи Іероөея: въ ней, кромѣ Еврейской исторіи, неизвѣстно откуда заимствованной, заключались каталоги императоровъ римскихъ и византійскихъ царей и патріарховъ, а также изложеніе свѣдѣній о византійскомъ и потомъ турецкомъ правительствѣ и патріархахъ константинопольскихъ—все это (съ нѣкоторыми добавками еще откуда-то)—заимствовано собственно изъ хронографіи Дамаскина (ibid.).

[2]) Мы обладаемъ разсматриваемымъ трудомъ Іероөея, конечно подъ именемъ: Δωροθέου, въ венеціанскомъ изданіи 1798 года. Намъ извѣстна также часть этой исторіи, напечатанная въ видѣ приложенія, къ сочиненію Саты подъ заглавіемъ: Βιογραφικὸν σχεδίασμα περὶ τοῦ Ιερεμίου II. Аөины. 1870. По справедливому отзыву Саты же, это самая любопытная часть Іероөеевой исторіи, въ которой онъ повѣствуетъ о происшествіяхъ не только въ качествѣ очевидца, но и главнаго участника въ нихъ (Sathae. Bibl. Graeca, III. Πρόλ. σελ. XVI).

стовалъ, называя беззаконіемъ уже то, что безъ воли Божіей(?) Пахомій (II, патріархъ) засѣлъ въ патріархіи". Чрезъ нѣсколько строкъ: „сторонники Пахомія, архіереи и клирики, которыхъ *Дороѳей* монемвасійскій презрительно называетъ безглавыми"…. А на слѣдующей страницѣ: „*Іероѳей* монемвасійскій продолжалъ возбуждать противъ Пахомія священниковъ, архонтовъ"… [1]). Понятное дѣло, что теперь, когда уяснено, что имя Дороѳея напрасно стоитъ въ заголовкѣ книги, уже никто не станетъ писать, какъ написано въ приведенной цитатѣ, гдѣ имя Дороѳея смѣняется именемъ Іероѳея – къ немалому недоумѣнію читателя—и смѣняется потому, что въ хроникѣ то выводится говорящимъ Іероѳей, то говоритъ авторъ отъ себя, не называя себя по имени, а такъ какъ въ заглавіи хроники стоитъ имя Дороѳея, то естественно у историковъ, писавшихъ на основаніи разбираемой хроники—появлялось въ разсказѣ *новое* дѣйствующее лице—Дороѳей (какъ оказывается, вовсе не существовавшее въ то время, къ какому его относили и продолжаютъ относить и въ наше время). Теперь же, послѣ того, какъ открыто имя автора хроники подобнымъ недоумѣніямъ (чтобъ не сказать больше) мѣста уже не остается. Мало того: теперь должны кануть въ Лету и тѣ похвалы, которыя иногда расточались „безпристрастному и откровенному" писателю Дороѳею. Пусть эти похвалы, если онѣ и не совсѣмъ справедливы, достаются дѣйствительному лицу, а не существу изъ области миѳологіи.

Дневникъ Стефана Герлаха.—Герлахъ—имя для насъ извѣстное. Въ качествѣ капеллана австрійскаго посланника Унгнада въ Константинополѣ, Герлахъ оставался здѣсь отъ августа 1573 г. до іюня 1578 года, т. е. пять лѣтъ. Время это прошло для него не даромъ. Обладая любознательностію и наблюдательностію, онъ сталъ всматриваться въ окружающій греко-христіанскій міръ. Въ связи съ этимъ онъ началъ вести подробный дневникъ, въ которомъ съ нѣмецкою пунктуальностію записывалъ даже

---

[1]) Приведенное мѣсто изъ сочиненія проф. П. И. Малышевскаго въ греческомъ текстѣ можно находить: Δωροθέου. Βιβλίον ἱστορικόν, σελ. 450—451; а также въ приложеніи къ сейчасъ названной книгѣ Саты: Βιογραφικ. σχεδίασμα, σελ. 12.

мелочи относительно лицъ, съ которыми онъ встрѣчался и событій, о которыхъ получалъ свѣдѣнія. Дневникъ Герлаха постепенно разросся въ цѣлую большую книгу, которая и была напечатана въ 1674 году, въ видѣ фоліанта, подъ заглавіемъ: Stephan Gerlachs dess Aeltern Tagebuch. Книга эта составляетъ собою богатое собраніе любопытныхъ и очень точныхъ извѣстій, имѣющихъ большое значеніе для историка греческой церкви. Герлахъ раскрываетъ для насъ внутренній складъ тогдашней греко-христіанской жизни. У него найдете свѣдѣнія о патріархѣ и патріаршемъ дворѣ, о житьѣ-бытьѣ патріарха, о лицахъ его окружающихъ, о школахъ, о замѣчательнѣйшихъ представителяхъ тогдашней греческой учености, напримѣръ о Іоаннѣ Зигомала̀ и всей его семьѣ (съ ея нравами и обычаями—и въ особенности его сынѣ Ѳеодосіи). Замѣтки его объ этой семьѣ такъ рельефны, что можно съ его словъ писать портреты ея членовъ. Найдете много свѣдѣній о состояніи греческаго просвѣщенія вообще, о состояніи проповѣдничества, даже полную характеристику этого проповѣдничества. Изучите по Герлаху матеріальное положеніе лицъ, принадлежащихъ къ духовнымъ сферамъ, узнаете о разныхъ религіозныхъ обрядахъ, какъ именно они справлялись народомъ,—наприм. о свадьбахъ, узнаете о многихъ суевѣріяхъ Грековъ и разныхъ ихъ недостаткахъ. Книга Герлаха—однимъ словомъ—вещь драгоцѣнная. Конечно, какъ нѣмецъ и притомъ протестантъ, Герлахъ на многое смотрѣлъ съ своей точки зрѣнія, нѣсколько сурово и требовательно, но не трудно его сужденія отличать отъ его наблюденій. Греками иногда онъ былъ недоволенъ и за то, за что долженъ былъ бы хвалить ихъ, наприм. за ихъ вѣрность древнимъ церковнымъ вѣрованіямъ. Слогъ его дневника неуклюжъ, но это не составляетъ большой бѣды. Мы съ удовольствіемъ станемъ пользоваться дневникомъ Герлаха. Онъ цитируется нѣмцами въ родѣ Гейнекція, Цинкейзена и Пихлера, изъ него приводятся выдержки Гейнекціемъ, онъ превосходно изученъ Леграномъ. Меньше всего знаютъ этотъ дневникъ греческіе и русскіе ученые. Оканчивая рѣчь о Герлахѣ, мы, такимъ образомъ, разстаемся съ кружкомъ тюбингенцевъ XVI вѣка, которымъ такъ много обязана церковно-истори-

ческая наука и о которыхъ такъ много пришлось на говорить.

Венеціанскіе документы XV-го и XVI-го вѣка.—Ра мѣемъ одну книгу нашего русскаго ученаго, професс Владиміра Ламанскаго, который не такъ давно выдалъ подъ нѣсколько претенціознымъ заглавіемъ: Secrets d'é de Venise („Тайны Венеціанской республики") съ поясн тельнымъ добавленіемъ: Documents, extraits, notices et é des servant à eclaircir les rapports de la seigneurie avec Grecs, les Slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV et XVI siècle („Документы, извлеченія, замѣтки и этюды с жащіе къ уясненію отношеній венеціанской республики Грекамъ, Славянамъ и Оттоманской Портѣ, въ кон XV-го XVI-мъ вѣкѣ) [1]). Конечно, „тайны Венеціи" на не нужны, насъ интересуютъ документы, изданные чтеннымъ ученымъ и ознакомляющіе насъ съ отношенія Порты къ Грекамъ въ XV и XVI вѣкахъ. Книга не е перепечатка чего нибудь стараго. Нѣтъ, помѣщенные ней документы извлечены г. Ламанскимъ прямо изъ неціанскихъ архивовъ. Она несомнѣнно интересна имѣетъ большую научную цѣнность. На основаніи *п линныхъ* документовъ, въ ней заключающихся, мы уз емъ: хорошо ли или худо жилось Грекамъ подъ вла чествомъ Турокъ? Слаще ли имъ жилось подъ влады ствомъ Венеціанцевъ, христіанъ — римско-католическ исповѣданія? Силою ли лишь оружія Турки побѣжд Грековъ, подчиненныхъ Венеціи, или же отторгали изъ подъ этой власти, потому только, что владычес Турокъ было пріятнѣе для Грековъ, чѣмъ владычес Венеціанцевъ? Какъ смотрѣли Венеціанцы на Грековъ какъ на враговъ или друзей Турокъ? Почему Венеціан взирали на патріарха константинопольскаго столь враждебно, какъ и на самого султана? Чья была ху безнравственнѣе политика — христіанъ-венеціанцевъ, же нехристей—Турокъ? Все вопросы любопытные, на торые находимъ прямые и удовлетворительные отвѣты „документахъ" г. Ламанскаго. Документы изданы въ п линникахъ, т. е. на томъ языкѣ, на какомъ они пер

[1]) Издано въ Петербургѣ, въ 1884 г.

начально написаны, а такимъ для нихъ служитъ языкъ латинскій и итальянскій. Конечно, итальянскій языкъ не всѣмъ знакомъ. Для незнакомыхъ съ этимъ языкомъ, существуетъ въ книгѣ очень подробный регистръ документовъ, составленный на общепонятномъ французскомъ языкѣ; на этомъ-же языкѣ написаны и всѣ многочисленныя и иногда очень обстоятельныя замѣтки издателя. Пользовался-ли кто-нибудь книгой г. Ламанскаго въ интересахъ изученія отношеній Порты къ Грекамъ и Грековъ къ Портѣ—кто нибудь, кромѣ самого г. Ламанскаго, который, какъ видно изъ нѣкоторыхъ его сочиненій, не даромъ трудился надъ извлеченіемъ венеціанскихъ документовъ изъ пыли архивовъ—мы совсѣмъ не знаемъ. Но несомнѣнно пользоваться ею необходимо, когда дѣло идетъ объ изученіи сейчасъ указанныхъ взаимныхъ отношеній Порты и Грековъ въ XV и XVI вѣкахъ. Матеріалы, даваемые разсматриваемымъ изданіемъ, свѣжи и важны своею непосредственною правдивостію.

III. Источники для изученія греческой церкви XVII вѣка.

Монументы Эймона (Aymon).—Одною изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей греческой церкви начала XVII вѣка былъ извѣстный патріархъ константинопольскій Кириллъ Лукарь, долго управлявшій константинопольскою церковію. Онъ замѣчателенъ и самъ по себѣ и еще болѣе по тѣмъ шумнымъ спорамъ изъ за Кирилла, которые возникли по его смерти въ греческой церкви и даже за предѣлами ея. Споры эти повели къ очень важнымъ результатамъ въ исторіи греческой церкви. Въ смыслѣ научномъ споры эти не прекратились еще и теперь. Однимъ изъ очень любопытныхъ памятниковъ, имѣющихъ самое близкое отношеніе къ личности Кирилла Лукаря и его исторіи, служатъ названные нами „Монументы“ Эймона. Полное заглавіе читается такъ: „Monuments authentiques de la religion des Grecs et de la faussete de plusieurs confessions de foi des chrétiens orientaux“ („Подлинные памятники религіи Грековъ и лживости многихъ вѣроизложеній восточныхъ христіанъ“). Par Aymon, ministre du St. Evangile. A la Haye (Гага) 1708 [1]).

[1]) Тоже самое изданіе въ большей части исторической литературы цитируется иначе: «Lettres anecdotes de Cyrille Lucar et cet.», причемъ мѣстомъ печатанія обозначается: Амстердамъ, а годомъ изданія: 1718 г. Но это

Монументы Эймона заключаютъ въ себѣ множество документовъ, имѣющихъ цѣлію доказать протестантскій образъ мысли и убѣжденій Кирилла. Книга эта содержитъ въ себѣ „двадцать семь неизданныхъ дотолѣ писемъ Кирилла, извлеченныхъ изъ оригинальныхъ греческихъ (?), латинскихъ и итальянскихъ манускриптовъ,—писемъ, которыя до сихъ поръ не являлись въ свѣтъ, и которыя писаны и подписаны собственною рукою патріарха константинопольскаго" (см. оглавленіе книги). Письма адресуются къ различнымъ представителямъ духовнаго и свѣтскаго міра въ средѣ протестантовъ и выражаютъ протестантскія воззрѣнія. Всѣ эти письма написаны или на латинскомъ или итальянскомъ языкахъ (тѣмъ и другимъ изъ этихъ языковъ Кириллъ дѣйствительно владѣлъ) и отпечатаны съ французскимъ переводомъ и примѣчаніями на этомъ же языкѣ. Здѣсь же въ этихъ памятникахъ перепечатано, ранѣе опубликованное на Западѣ съ именемъ Кирилла, знаменитое „Исповѣданіе вѣры" протестантскаго и даже кальвинскаго характера въ греческомъ текстѣ съ французскимъ переводомъ. Кромѣ того у Эймона встрѣчаемъ отрывки изъ проповѣдей Кирилла и нѣкоторые другіе документы, относящіеся къ его исторіи, но изданіе ихъ указаннымъ лицемъ не имѣетъ значенія, такъ какъ эти документы другими издателями изданы много лучше. Возникаетъ вопросъ, съ какой стати какой то Эймонъ, протестантскій пасторъ въ Греноблѣ, задумалъ издавать всѣ вышеуказанные документы? Когда появилось въ свѣтъ, въ началѣ XVII вѣка, знаменитое „Исповѣданіе вѣры" протестантскаго характера съ именемъ Кирилла, то понятно, протестанты очень обрадовались этому обстоятельству: въ борьбѣ съ римско-католиками протестанты могли опираться на этотъ фактъ, какъ на доказательство, что греческая церковь на сторонѣ ихъ, а не римско-католиковъ. Въ виду этого, римскіе католики начали всячески порицать Кирилла. И вотъ на защиту Кирилла и высту-

---

изданіе «воровское» (furtim, opinor, hic liber typis exscriptus est — говорилъ Киммель: Monumenta fidei ecclesiae orientalis, prolegom. p. XLV. Jenae. 1850), такъ какъ книга эта, съ книгою вышецитированною нами, имѣетъ по указанію Киммеля, одинъ и тотъ же счетъ страницъ, напечатана однѣми и тѣми же буквами и имѣетъ однѣ и тѣ же ошибки. Мы впрочемъ владѣемъ подлиннымъ изданіемъ Эймона.

паетъ Эймонъ съ своимъ изданіемъ. Онъ говоритъ: „партизаны папства и защитники папизма были такъ озлоблены противъ этого знаменитаго патріарха, съ тѣхъ поръ, какъ онъ имѣлъ смѣлость обнародовать Исповѣданіе вѣры съ именемъ исповѣданія церкви Восточной, во всемъ сообразное съ ученіемъ церквей протестантскихъ,—такъ были озлоблены, что и по его смерти старались чернить его репутацію и опровергать его ученіе“ [1]. Какія были частнѣйшія побужденія для Эймона издать „Памятники“, для насъ не представляетъ интереса. Оставляемъ въ сторонѣ и вопросъ о томъ, достигъ ли онъ какихъ либо цѣлей, по-своему защищая Кирилла. Для науки имѣютъ значеніе только письма Кирилла, и отчасти „Исповѣданіе“ его-же, изданныя въ разсматриваемыхъ „Памятникахъ“ [2]. Въ настоящее время впрочемъ извѣстно писемъ съ именемъ Кирилла Лукаря гораздо больше, чѣмъ сколько зналъ Эймонъ, но все же его изданіе остается основнымъ. Разсматриваемое изданіе долженъ имѣть подъ руками всякій ученый, изучающій исторію греческой церкви XVII вѣка, потому что вопросъ о православіи Кирилла для иныхъ не рѣшенъ окончательно и до нынѣ. Будетъ ли подобный ученый доказывать, что Кириллъ православенъ, въ такомъ случаѣ на немъ лежитъ обязанность указать признаки неподлинности писемъ Кирилла у Эймона; а если онъ будетъ доказывать протестантизмъ Кирилла, то онъ можетъ опираться съ значительною силою на „Памятникахъ“ Эймона. Изданіе это тѣмъ важнѣе, что, какъ мы сказали, вопросъ о Кириллѣ не рѣшенъ въ наукѣ окончательно. Западная наука, какъ протестантская, такъ и римско-католическая (Hefele, Pichler) почитаетъ Кирилла протестантствующимъ патріархомъ; греческая литература напротивъ единодушно защищаетъ православіе того же лица; а русская литература колеблется между этими двумя взглядами: въ русскихъ изслѣдованіяхъ авторы ихъ (проф. Малышевскій, архим. Арсеній Брянцевъ) идутъ по слѣдамъ греческихъ ученыхъ, но уже слышатся въ нашей наукѣ

---

[1] Aymon. p. 7.

[2] Заслуги Эймона, напечатавшаго много, неизданныхъ дотолѣ, писемъ Кирилла, высоко цѣнитъ и такой серьезный ученый, какъ Kimmel: Monumenta fidei ecclesiae orientalis, prolegom. p. XXX.

и голоса скептическіе, принадлежащіе очень серьезнымъ ученымъ и склоняющіеся въ обратную сторону при рѣшеніи вопроса. Всякій, кто станетъ заниматься указаннымъ вопросомъ, вынуждается снова поднимать его во всей его широтѣ—и не можетъ обойтись безъ старинной книги Эймона.

Акты собора іерусалимскаго 1672 тода. — Почему не установилось одинаковыхъ взглядовъ на Кирилла въ православной исторической наукѣ, почему греческіе ученые очень ревностно защищаютъ православіе Кирилла, это само собой уяснится, если мы познакомимся съ содержаніемъ такого важнаго памятника, какъ Акты собора іерусалимскаго 1672 года. Хорошо извѣстно, что соборъ этотъ собранъ былъ знаменитымъ Досиѳеемъ, патріархомъ іерусалимскимъ и имѣлъ цѣлію защитить чистоту православія греческой церкви, послѣ появленія „Исповѣданія вѣры“ съ именемъ Кирилла, вслѣдствіе чего возникли нареканія и подозрѣнія въ сохраненіи святости вѣры и самою церковію греческою. Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ объ изданіяхъ Актовъ собора іерусалимскаго. Акты іерусалимскаго собора, кромѣ этого своего названія, носятъ другое, болѣе пышное: „Щитъ Православія“ (Ἀσπὶς ὀρθοδοξίας и т. д.). Самое раннее изданіе Актовъ появилось въ Парижѣ на греческомъ и латинскомъ языкѣ, въ 1676 году. По чьей иниціативѣ оно сдѣлано — неизвѣстно. Это изданіе считаютъ авторитетнымъ въ греческой церкви, какъ это видно изъ того, что оно именно цитируется въ такъ называемыхъ „Грамотахъ вселенскихъ патріарховъ съ изложеніемъ православнаго исповѣданія“ (объ этомъ русскомъ изданіи скажемъ ниже). Другое изданіе Актовъ сдѣлано извѣстнымъ Гардюэномъ въ его Acta conciliorum (tom. XI). Кромѣ того существуетъ бухарестское изданіе, сдѣланное самимъ Досиѳеемъ въ 1690 году и озаглавленное „Мечъ обличенія“ (Ἐγχειρίδιον ἐλέγχου и т. д.—длинное заглавіе). Лучшимъ изъ всѣхъ въ настоящее время считается изданіе Киммеля, вошедшее въ его двухтомную книгу: Monumenta fidei ecclesiae orientalis (Pars I, Jenae, 1850). Оно представляетъ собою сведеніе въ одно цѣлое текста парижскаго изданія 1676 года съ текстомъ изданія Гар-

дюэня [1]), но это не какая либо произвольная фабрикація, а редакція чуждая тенденцій и пристрастія. Соборъ іерусалимскій имѣлъ цѣлію освободить Кирилла отъ нареканій въ увлеченіи протестантствомъ, и въ виду этого намѣренія представилъ много выдержекъ изъ проповѣдей Кирилла въ доказательство его православія, а вмѣстѣ съ тѣмъ для удостовѣренія той мысли, что указанный патріархъ не писалъ, надѣлавшаго столько шуму, „Исповѣданія вѣры". Достигъ ли соборъ этой цѣли? Т. е. доказалъ ли онъ то, что хотѣлъ доказать? Греческіе писатели, не вдаваясь въ критическую оцѣнку дѣятельности этого собора и содержанія его актовъ, не обинуясь отвѣчаютъ: достигъ и доказалъ. Но греческіе писатели вовсе не обладаютъ такимъ авторитетомъ, чтобы наука обязывалась довѣрять имъ. Даже очень осторожные между русскими учеными иногда позволяютъ себѣ замѣчать, что акты „даютъ возможность Кириллову апологету отстаивать патріарха константинопольскаго (отъ извѣстныхъ нареканій) лишь въ его оффиціальной дѣятельности". Но если такъ, то акты, повидимому, не совсѣмъ достигаютъ своей цѣли. Дѣйствительно, текстъ актовъ во многихъ случаяхъ даетъ возможность открывать, что, хотя соборъ имѣлъ цѣлію пообѣлить Кирилла, но онъ сдѣлалъ это лишь на половину. Во многихъ мѣстахъ разсматриваемыхъ Актовъ слышится очень явная неувѣренность въ томъ, что Кириллъ заслуживаетъ защиты и покровительства со стороны церковнаго авторитета. Соборъ, напримѣръ, говоритъ, что если Кирилломъ издано извѣстное „Исповѣданіе", то слѣдуетъ, что издано оно тайно и обманомъ (Kimmel. Monumenta, p. 379 init.). Тотъ же соборъ нѣсколько далѣе говоритъ, очевидно, разумѣя никого другого, какъ именно Кирилла: „церковь постоянно слѣдуетъ не какимъ нибудь честолюбцамъ, дѣйствующимъ посредствомъ лукавства, тайно сплетающимъ, подобно паутинѣ паука, удоборазрушимые призраки, но людямъ во всемъ совершенно между собою согласнымъ" (ibid. 381 init.). Или соборъ даже еще яснѣе говоритъ: „если патріархъ Кириллъ и въ самомъ дѣлѣ еретикъ, если онъ написалъ то надѣлавшее шуму Исповѣданіе, при чемъ явно (въ проповѣдяхъ — въ церкви)

[1]) Kimmel. Monumenta, prolegom. p. XC—XCI.

училъ одному, а въ глубинѣ души вѣровалъ другому; то онъ написалъ это, не причинивъ ущерба восточной церкви, которую блюдетъ Самъ Духъ Святый, а лишь причинивъ вредъ собственной совѣсти“ (ibid. 379). Въ актахъ того же собора находимъ еще такія рѣки о Кириллѣ: „противники наши (протестанты?) хвалятся Кирилломъ, какъ человѣкомъ святымъ; но говорить такъ они не должны“ (и послѣ нѣкоторыхъ разсужденій соборъ заявляетъ, очевидно, продолжая прежнюю рѣчь о Кириллѣ), „ибо того, кто сдѣлался отцемъ нечестія, признаемъ не святымъ, какъ усиливаются это дѣлать враги наши, а признаемъ человѣкомъ жалкимъ, который совершенно не имѣетъ части со Христомъ“ (ibid. 398). Наконецъ, разсматриваемый соборъ, принимая въ свои акты опредѣленія двухъ предшествующихъ константинопольскихъ соборовъ, изслѣдовавшихъ извѣстное „Исповѣданіе“, но мало служащихъ къ чести Кирилла, тѣмъ не менѣе говоритъ отъ лица своихъ членовъ: „опредѣленія этихъ соборовъ, въ подтвержденіе того, что ими сдѣлано, мы вносимъ сюда, такъ какъ съ ними (этими опредѣленіями) мы во всемъ согласны“, и дальше слѣдуетъ: „опредѣленіе собора константинопольскаго, *противъ* Кирилла Лукаря“... и т. д. (ibid. 398). Здѣсь не мѣсто входить въ подробныя разсужденія по вопросу о соборѣ іерусалимскомъ и не затѣмъ привели мы извѣстія, извлеченныя изъ его актовъ. Послѣднее сдѣлали мы для того, чтобы показать, что акты эти недостаточно изучены и требуютъ усерднаго къ себѣ вниманія со стороны науки. Не то хотимъ мы сказать этими словами, что сами намѣрены мы заняться дѣломъ, которымъ до сихъ поръ еще никто—должнымъ образомъ не занимался. Вышеприведенныя извлеченія изъ актовъ должны свидѣтельствовать, что едва ли правы греческіе писатели, которые, безо всякой критики принимаютъ выводы собора іерусалимскаго, и что нельзя порицать тѣхъ русскихъ ученыхъ, которые скептически смотрятъ на православіе Кирилла, не давая вѣсу доказательствамъ въ этомъ родѣ. Вообще греки намъ не указъ въ разсматриваемомъ случаѣ: они слишкомъ любятъ тщеславиться своимъ православіемъ. Но исторія съ своими задачами стоитъ выше всякихъ претензій и мелкаго самолюбія.

Значительная часть актовъ собора іерусалимскаго, именно, догматическія опредѣленія его извѣстны и въ русскомъ переводѣ. Въ 1723 году или около того по какому то случаю нѣкоторые представители англійской церкви подняли вопросъ о соединеніи ихъ церкви съ греко-восточною. Съ этою цѣлію они обратились за необходимыми разъясненіями къ церкви константинопольской (и повидимому къ русской). Константинопольская церковь для ознакомленія англичанъ съ догматами православной церкви послала въ Великобританію догматическія опредѣленія изучаемаго нами собора; въ то же время константинопольская церковь эти же опредѣленія въ греческомъ текстѣ сообщила и русскому Святѣйшему Синоду, имѣя въ виду дать русской церкви руководство на случай, который въ одной патріаршей грамматѣ указанъ въ словахъ: „и вы, убо, аще намѣреніе имѣете, и хощете писати и отвѣщати онымъ (англичанамъ), тако тощно пишите, глаголюще, яко сицево есть наше Восточныя церкве мудрованіе" [1]). Мы не знаемъ, сдѣлала ли русская церковь изъ присланныхъ съ Востока документовъ то употребленіе, возможность котораго предполагалась цитируемою патріаршею граматою. Во всякомъ случаѣ русское изданіе догматическихъ опредѣленій собора іерусалимскаго появилось только въ 30 годахъ текущаго вѣка—неизвѣстно по какому случаю. Какъ скоро пришли къ мысли издать указанный памятникъ для сыновъ русской церкви, порученіе объ исполненіи дѣла возложено было на знаменитаго нашего богослова, Филарета митрополита московскаго. Филаретъ не совсѣмъ остался доволенъ греческой редакціей опредѣленій. Кое-что ему показалось не соотвѣтствующимъ точному смыслу православнаго ученія. Онъ нашелъ необходимымъ, какъ онъ выражается въ одномъ письмѣ, дать дѣлу „правильный и не дикій видъ" [2]). Для достиженія этой цѣли, Филаретъ при переводѣ догматическихъ опредѣленій собора, одно выпустилъ, а другое ради большей догматической точности и опредѣленности выразилъ много

[1]) Граматы вселенскихъ патріарховъ съ изложеніемъ православнаго исповѣданія Восточныя Каѳолическія церкве, стр. 20. Изд. 3-е. Москва 1853.

[2]) Письма митроп. Филарета къ А. Н. Муравьеву. Письмо 30, стр. 45. Кіевъ, 1869 г.

лучше, благодаря своему неподражаемому богословскому языку. Укажемъ тѣ опущенія, которыя сдѣланы Филаретомъ съ указаннымъ его намѣреніемъ. Въ опредѣленіяхъ есть прямое вѣрованіе въ неизгладимость благодати, даруемой священствомъ рукоположенному: „какъ таинство крещенія налагаетъ неизгладимую печать — говорится здѣсь — такъ и священство“ (Kimmel, p. 456). Но такого вѣрованія не держится вселенская церковь, а потому эти слова Филаретомъ изглажены. Далѣе, въ концѣ опредѣленій приложены четыре вопроса и четыре на нихъ отвѣта (вопорсы и отвѣты эти имѣютъ вѣроучительное значеніе). Въ третьемъ вопросѣ и отвѣтѣ рѣчь идетъ о томъ, какія книги Св. Писанія должно считать каноническими. Разъясняя эту сторону богословскаго вѣдѣнія, опредѣленія собора считаютъ каноническими книгами: и Премудрость Соломонову, и книгу Товитъ, и книги Маккавейскія, и Премудрость Сираха (ibid. 467—8). Но такого вѣрованія не находимъ во вселенской церкви, а потому, Филаретъ опустилъ третій вопросо-отвѣтъ. Наконецъ, первый вопросо-отвѣтъ то же подвергся исправленію. Здѣсь вопросъ въ подлинникѣ читается такъ: „слѣдуетъ ли всѣмъ вообще христіанамъ допускать читать Св. Писаніе“? А въ отвѣтѣ на вопросъ прежде всего говорится: „нѣтъ“! Это абсолютное: „нѣтъ“ (οὔ.) Филаретомъ уничтожено, съ сохраненіемъ впрочемъ дальнѣйшихъ словъ отвѣта (ibid. p. 465). Такъ возникъ и сложился русскій переводъ догматическихъ опредѣленій собора и явилась книжка: „Граматы вселенскихъ патріарховъ съ изложеніемъ православнаго исповѣданія“ и т. д. Безъ сомнѣнія догматистъ порадуется тому, что Филаретъ потрудился надъ исправленіемъ текста опредѣленій, но историкъ, имѣя пристрастіе ко всему архаическому и первоначальному, можетъ быть и поскорбитъ, что памятникъ получилъ слишкомъ „правильный и не дикій видъ“, какъ выражается святитель московскій [1]).

[1]) Кромѣ вышецитированнаго русскаго изданія, мы знаемъ еще два изданія «граматъ съ изложеніемъ православнаго исповѣданія». Оба имѣютъ свои особенности. Греческое изданіе, сдѣланное въ Петербургѣ, въ 1840 г., представляетъ полное сходство съ русскимъ изданіемъ; оно имѣетъ тѣ же пропуски, какъ это послѣднее. Второе изданіе сдѣлано старо-католиками въ ихъ журналѣ Revue internationale de Theologie (1893, № 2) и составляетъ

Досиѳей іерусалимскій и Мелетій аѳинскій.— Двоихъ этихъ писателей, не смотря на то, что они составили историческія сочиненія, охватывающія всю исторію христіанской церкви, мы станемъ разсматривать при изученіи источниковъ греческой церкви лишь XVII вѣка, потому что они жили въ этомъ именно вѣкѣ, хотя и дожили до слѣдующаго, описывали въ своихъ сочиненіяхъ XVII вѣкъ, какъ современники—очевидцы, или же какъ люди, могшіе хорошо знать указанное время. Біографію Досиѳея, патріарха іерусалимскаго, разсказывать мы не станемъ, потому что она достаточно извѣстна въ русской литературѣ [1]). Отмѣтимъ лишь годъ его рожденія: это былъ 1641 годъ, и годъ его кончины: 1707. Главнѣйшее историческое сочиненіе Досиѳея, какъ извѣстно, заглавляется такъ: „Исторія патріаховъ іерусалимскихъ" (Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων и проч.—длинное заглавіе). Замѣчательно, что сочиненіе, кромѣ греческаго, имѣетъ еще славянское заглавіе, которое начинается такъ: „Історія, сирѣчъ истинное сказаніе патріарховь іеру-

нѣмецкій переводъ «Граматъ» и проч. Оно сдѣлано съ сейчасъ упомянутаго греческаго петербургскаго текста, но имѣетъ еще болѣе пропусковъ, чѣмъ этотъ самый оригиналъ. Здѣсь пропущены всѣ четыре вопросо-отвѣта. Пропускъ двухъ первыхъ вопросо-отвѣтовъ касательно чтенія Св. Писанія міряна ми мотивируется отъ старо-католическаго издателя перевода тѣмъ, что точка зрѣнія, проведенная въ этихъ разсужденіяхъ, теперь-де оставлена православно-восточною церковію. А пропускъ очень длиннаго четвертаго вопросо-отвѣта, который начинается словами: «какъ должно думать о святыхъ иконахъ и поклоненіи святымъ» — ничѣмъ не мотивированъ. Ужъ не потому ли этотъ трактатъ пропущенъ старо-католиками, что онъ не соотвѣтствуетъ ихъ воззрѣніямъ? Быть можетъ, не безъ основанія говорятъ о старокатоликахъ, что они отъ одного берега отчалили, а къ другому не причалили. Всей вообще редакціей опредѣленій іерусалимскаго собора, переводчикъ старокатоликъ остался недоволенъ; онъ находитъ, что сюда вошли «формулы и выраженія, которыя редакторы заимствовали у западныхъ богослововъ среднихъ вѣковъ и XVII вѣка» (ibid. S. 236). Что на эти опредѣленія имѣло вліяніе богословіе римско-католическое — это вѣрно; но не до такой степени, какъ увѣряетъ переводчикъ. Вообще этотъ послѣдній ставитъ Филаретовъ катихизисъ ради его миролюбиваго тона выше разсматриваемыхъ опредѣленій (ibid).

[1]) Біографія эта подробно разсказана въ *Душеп. Чтеніи*, въ статьяхъ: «Досиѳей іерусалимскій» (1877, т. III; 1878, т. I); кратко «въ Прибавленіяхъ Твор. Св. Отцовъ» (т. 24), въ статьѣ Ректора А. В. Горскаго, подъ заглавіемъ: «о соборѣ іерусалимскомъ 1672 г.» (стр. 587—594). Богатый матеріалъ для исторіи жизни этого лица можно находить въ книгѣ проф. Н. Ѳ. Каптерева: «Сношенія Досиѳея съ русскимъ правительствомъ» (М. 1891).

салимскихъ, раздѣлено на дванадесять книгъ, начало, забирающееее отъ Іакова, брата Господня" и проч. Кстати сказать, что въ началѣ книги встрѣчаемъ „посвященіе", обращенное по адресу русскаго митрополита Стефана Яворскаго, оно открывается слѣдующими темноватыми словами: „настоящаго времене званіе и состояніе вещей препятствіемъ бысть" и проч. Какъ сочиненіе очень большое (1240 фоліантныхъ страницъ), исторія Досиѳея получила у нѣкоторыхъ Грековъ наименованіе: „Библіотеки" [1]). Относительно заслугъ Досиѳея, какъ историка, написавшаго этотъ трудъ, сказать что либо опредѣленное затруднительно. По его собственнымъ словамъ, въ основу его труда положено готовое сочиненіе извѣстнаго Паисія Лигарида, но какъ попало это сочиненіе въ руки іерусалимскаго патріарха и какъ оно было велико,—объ этомъ мы мало что знаемъ. Самъ Досиѳей говоритъ, что Паисій „написалъ исторію патріарховъ іерусалимскихъ, которая и намъ весьма (λίαν) помогала, при составленіи нашего труда", при этомъ, впрочемъ, замѣчаетъ, что „о патріархахъ со временъ Ираклія (?) Паисій не сказалъ ничего здраваго" (σελ. 1180). Разумѣется изъ этихъ словъ не легко сдѣлать точное заключеніе о степени зависимости Досиѳея отъ Паисія, котораго онъ читалъ въ неизвѣстной теперь рукописи. Кромѣ самого Досиѳея и Паисія, авторскія права на разсматриваемую „Исторію" можетъ предъявлять и издатель ея, патріархъ іерусалимскій Хрисанѳъ, преемникъ и племянникъ Досиѳея, ибо въ заглавномъ листѣ книги говорится, что она „исправлена и приведена въ лучшій порядокъ" Хрисанѳомъ. Вообще съ точки зрѣнія авторства, „Исторія" представляетъ нѣкоторую загадку, тѣмъ болѣе, что Паисій по рекомендаціи Досиѳея, былъ „латинофронъ", слѣдовательно писатель неблагонадежный. Но какъ это неблагонадежнаго писателя Досиѳей превращалъ въ благонадежнаго; что онъ дѣлалъ для этого—отвѣта нѣтъ. Впрочемъ намъ нѣтъ надобности составлять точное сужденіе о всей исторіи Досиѳея въ ея совокупности: насъ интересуютъ главнымъ образомъ свѣдѣнія, какія онъ даетъ относительно XVII вѣка. Сата говоритъ, что исторія константинопольскихъ патріарховъ

[1]) Ζαβίρας. Νέα Ἑλλάς, σελ. 269. Аѳины, 1872.

этого вѣка заставляетъ очень многаго желать, ибо и личности патріарховъ, и дѣла ихъ, и хронологія представляютъ у писателей замѣчательный хаосъ. Что же касается Досиѳея, то онъ, по словамъ Саты, съ достаточною внимательностію относится къ исторіи константинопольскихъ патріарховъ какъ своего времени, такъ и ближайшихъ къ нему временъ. Онъ сообщаетъ извѣстія о нихъ какъ на основаніи собственныхъ наблюденій, такъ и на основаніи разныхъ замѣтокъ [1]). Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ мы воспользуемся извѣстіями Досиѳея о патріархахъ константинопольскихъ XVII вѣка. Нужно сказать, что большая часть характеристикъ, указанныхъ патріарховъ, у Досиѳея не клонится къ ихъ чести: онъ выставляетъ ихъ малоспособными и плохо державшими кормило правленія въ рукахъ. Заранѣе обращаемъ вниманіе на отзывъ Досиѳея о знаменитомъ Кириллѣ Лукарѣ; этого отзыва по нѣкоторымъ основаніямъ, мы не ожидали встрѣтить здѣсь (σελ. 1171). Кромѣ свѣдѣній о патріархахъ турецкой столицы, мы почти ничего не находимъ у Досиѳея; онъ мало касается другихъ сторонъ въ жизни константинопольскаго патріархата XVII вѣка. Исторія Досиѳея издана въ 1715 году, въ Бухарестѣ. По заявленію Хрисанѳа, эта книга раздавалась даромъ благочестивымъ христіанамъ. Но какъ это происходило—не знаемъ. По словамъ одного греческаго писателя второй половины XVIII вѣка, исторія Досиѳея нуждалась во второмъ изданіи, такъ какъ она и тогда была очень дорога и рѣдка [2]). Но втораго изданія ея не послѣдовало. Какъ же рѣдка и дорога она теперь, не смотря, на неуклюжій форматъ и неряшество изданія?

О Мелетіи аѳинскомъ. Вотъ краткія свѣдѣнія изъ его біографіи. Мелетій родился въ Яннинѣ въ 1661 году; получилъ образованіе въ своемъ родномъ городѣ и сдѣлался здѣсь же священникомъ. Затѣмъ для усовершенствованія въ наукахъ отправился въ Венецію и Падую. Изучалъ здѣсь медицину и философію и освоился съ латинскимъ языкомъ. Потомъ онъ былъ сдѣланъ митрополитомъ навпактскимъ и артскимъ, и наконецъ получилъ въ управленіе митрополію аѳинскую. Умеръ въ 1714 году, въ лѣ-

[1]) Sathas. Bibliotheca Graeca. III. Πρόλ., σελ. 20.
[2]) Ζαβίρας. Loc. citat.

тахъ далеко не преклонныхъ. Извѣстное его церковно-историческое сочиненіе носитъ простое заглавіе: „Церковная исторія (Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία). Начинается она пространнымъ введеніемъ, въ которомъ читатель подготовляется къ пониманію церковно-исторической науки, а затѣмъ идетъ самая церковная исторія, расположенная по вѣкамъ и доведенная почти до времени его кончины. По всей вѣроятности, трудъ не былъ окончательно обработанъ авторомъ. Исторія Мелетія до 1766 года оставалась неизвѣстною просвѣщенной греческой публикѣ. Только въ указанномъ году она въ рукописи была открыта однимъ его согражданиномъ (Лампаничіотисомъ изъ Яннины) въ святогробской библіотекѣ въ Константинополѣ. Повидимому, находка произошла случайно. Открывшій рукопись рѣшился издать ее въ свѣтъ и съ этою цѣлію отдалъ рукопись Іоанну Палеологу, протоапостоларію великой церкви, съ тѣмъ, чтобы онъ перевелъ исторію Мелетія съ древне-греческаго языка, на которомъ она была написана, на ново-греческое нарѣчіе, какъ болѣе удобопонятное для большинства Эллиновъ. Но какъ оказалось, Палеологъ взялъ на себя трудъ перевода исключительно ради обѣщаннаго гонорара, и выполнилъ дѣло очень худо. Тогда любитель науки, открывшій рукопись, передалъ ее для пересмотра и обработкѣ нѣкоему Георгію Вендотису, изъ Закинѳа, человѣку славившемуся просвѣщеніемъ. Онъ и приготовилъ оригиналъ для печати: исправилъ переводъ, поправилъ ошибки и недосмотры въ текстѣ, снабдилъ его примѣчаніями и т. д. Исторія Мелетія была напечатана въ Вѣнѣ въ трехъ томахъ (въ 1683—4 г.). Въ пятидесятыхъ годахъ текущаго вѣка предпринято было въ Константинополѣ второе изданіе исторіи Мелетія, но вышелъ только первый томъ, при чемъ издатель со стороны языка хотѣлъ приблизить ее къ оригиналу (т. е. возстановить тотъ древлегреческій языкъ, на которомъ она была написана сначала). Смерть издателя помѣшала благополучно окончиться предпріятію [1]). Есть основаніе утверждать, что тотчасъ послѣ открытія оригинала исторіи Мелетія въ святогробской библіотекѣ, еще до времени его печата-

[1]) Σάθας. Νεοελληνικὴ φιλολογία, σελ. 390—392. Αθины, 1868. Μελετίου, Ιστορία. Τομ. 1, Πρόλογος, σελ. 14—19.

нія, разсматриваемый трудъ распространился въ публикѣ въ рукописи. Такъ мы знаемъ, что извѣстный Евгеній Булгарисъ, ученый греческій архіепископъ, состоявшій на церковной службѣ въ Россіи, владѣлъ рукописною исторіею Мелетія, но она, по его словамъ, имѣла крайне неисправный видъ, такъ что, какъ онъ выражался, походила на Авгіевы конюшни [1]). Для насъ было бы дѣломъ лишнимъ составлять сужденіе о всей исторіи Мелетія; но мы не можемъ удержаться, чтобы не привести нѣсколько словъ, принадлежащихъ вышеуказанному Евгенію Булгарису и кратко характеризующихъ этотъ ученый трудъ. Евгеній говоритъ: „по части критики Мелетій не силенъ; но за то онъ точенъ въ цитатахъ. Свидѣтельства онъ приводитъ, точно держась стиля тѣхъ авторовъ, изъ которыхъ они берутся. Поэтому, языку Мелетія не достаетъ единства. Впрочемъ, въ книгѣ выдержано единство метода. Авторъ былъ человѣкъ чрезвычайно старательный“ [2]). Значитъ, по сужденію Евгенія, книга Мелетія для своего времени была очень удовлетворительна. Для насъ важнѣе знать, хорошо ли Мелетій описалъ турецкій періодъ греческой церковной исторіи—и въ особенности XVII вѣкъ, съ которымъ аѳинскій архіерей долженъ былъ основательно быть знакомъ. Здѣсь приведемъ сужденіе Саты, съ которымъ (сужденіемъ) на этотъ разъ мы вполнѣ согласны. Названный ученый говоритъ: „послѣ Досиѳея съ наибольшимъ тактомъ изучалъ исторію константинопольской патріархіи турецкихъ временъ Мелетій; въ третьемъ томѣ своей церковной исторіи онъ собралъ много извѣстій, сюда относящихся. Правда онъ не зналъ хронографіи Дамаскина Студита и довольствуется тѣмъ извлеченіемъ, какое сдѣлано Малаксомъ и издано Крузіемъ, но онъ присоединилъ много свѣдѣній, пропущенныхъ въ этомъ извлеченіи“. Что касается XVII вѣка, то объ изученіи Мелетіемъ этого времени Сата замѣчаетъ: Мелетій „старательно передалъ намъ нѣкоторыя подробности о событіяхъ, начиная отъ времени управленія константинопольскою церковію патріарха Тимоѳея II до времени патріар-

[1]) Apud Methodium, archiepiscopum Twerensem. Liber historicus de rebus in.. ecclesia Christiana, p. 42—43. Mosquae, 1805.
[2]) Apud Methodium Twerens., ibid.

шествованія Каллиника (1614—1702 г.)—такія подробности, какихъ ни откуда еще нельзя почерпнуть" [1]). Хорошо! Но Сата не отмѣтилъ вотъ какого недостатка у Мелетія, какъ писателя, изобразившаго и свой вѣкъ, въ которомъ онъ самъ жилъ. Мелетій, говоря о XVII-мъ вѣкѣ слишкомъ много распространяется о событіяхъ и явленіяхъ западнаго христіанскаго міра, и очень коротко повѣствуетъ о греко-христіанскомъ Востокѣ. Какъ бы мы ему были благодарны, если бы онъ поступилъ какъ разъ наоборотъ. О западномъ христіанствѣ XVII вѣка мы знаемъ такъ много, что едва можемъ разобраться въ извѣстіяхъ въ этомъ отношеніи, а о христіанскомъ Востокѣ того же вѣка напротивъ такъ мало знаемъ, что остается только печалиться и скорбѣть. Въ заключеніе отмѣтимъ, что мы высоко цѣнимъ нѣкоторыя скептическія замѣчанія автора касательно дѣятельности извѣстнаго собора Іерусалимскаго 1672 года (Τομ. 3 σελ. 469), а также краткія, но мѣткія замѣчанія автора, въ которыхъ довольно вѣрно характеризуется слишкомъ суетливая натура Досиѳея іерусалимскаго (ibid. 484—486). Любопытно сравнивать извѣстія Мелетія и его современника Досиѳея іерусалимскаго, относящіяся къ исторіи константинопольской патріархіи. Вообще, церковная исторія Мелетія есть книга очень полезная для исторіи греческой церкви новѣйшихъ временъ.

А. Н. Муравьевъ и его книги: „Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ" (Части I и II. Петербургъ, 1858—1860 г.).—Вотъ наконецъ и русскій источникъ, очень важный въ дѣлѣ изученія греческой церкви XVI и въ особенности XVII вѣка. Названное изданіе не есть сочиненіе. Это сборникъ документовъ, извлеченныхъ изъ архива Министерства иностранныхъ дѣлъ и касающихся сношеній церковнаго Востока съ Россіей въ вышеуказанные вѣка. Само собою разумѣется, Греки въ сношеніяхъ съ Россіей пользовались не русскимъ, а греческимъ языкомъ. Русскій же переводъ, на которомъ изданы документы Муравьевымъ, обязанъ своимъ происхожденіемъ особому учрежденію древности—„посольскому при-

[1]) Sathas. Bibliotheca Graeca medii aevi. Vol III. Πρόλογος, σελ. 21.

казу", вѣдавшему иностранныя дѣла въ XVI и XVII вѣкахъ. Муравьевъ сознается, что иногда онъ нѣсколько уяснялъ русскій языкъ документовъ, но безъ этого обойтись было невозможно (Предисловіе къ 1-й части). При одномъ случаѣ Муравьевъ пишетъ, что онъ приготовилъ къ печати еще такія же три части, содержащія подобные же документы, но только документы нѣсколько болѣе поздняго времени. (Предисл. къ II части). Но увы, эти три части до сихъ поръ не увидали свѣта! По истинѣ, достойное сожалѣнія обстоятельство. Документы, уже напечатанные Муравьевымъ, имѣютъ несомнѣнную научно-историческую важность; таковы же — увѣрены мы—и тѣ документы, которые собраны были этимъ писателемъ, но не были имъ изданы. Важность документовъ, помѣщенныхъ во второй части и относящихся къ 1627—1645 годамъ, т. е. къ І-ой половинѣ XVII вѣка, видна уже изъ слѣдующаго: въ существѣ дѣла всѣ эти документы есть непріятное клянчанье о помощи, жалобы и сѣтованія греческихъ архіереевъ и монастырей на свою бѣдность и скорби, но тѣмъ не менѣе историческіе факты здѣсь, поскольку дѣло идетъ о константинопольскихъ патріархахъ, очень вѣрны дѣйствительности. Сравненіе этихъ документовъ съ греческими извѣстіями удостовѣряетъ правдивость первыхъ. Такъ это неожиданно! Значитъ несправедливо думать, что будто „Греки присно льстивы"! Но не будемъ ударяться въ подробности; значеніе этихъ документовъ читатель легко усмотритъ изъ тѣхъ цитатъ, какія нами будутъ приводимы въ дальнѣйшихъ нашихъ очеркахъ [1]).

Кесарій Дапонте.—Дапонте! Кто это Дапонте? Извѣстностію, какъ историкъ, этотъ мужъ сталъ пользоваться очень недавно. Неутомимый Сата составилъ подробную біографію этого мужа. Но въ этомъ жизнеописаніи не усматривается ничего замѣчательнаго. Дапонте родился въ началѣ XVIII вѣка на о. Скопелѣ, получилъ не блестящее образованіе, затѣмъ проводилъ очень подвижную жизнь, похожую нѣсколько на жизнь авантюриста, бывалъ въ Константинополѣ, долго жилъ въ Бухарестѣ, Яссахъ, побывалъ въ

[1]) Вообще о русскихъ источникахъ мы будемъ говорить кратко, такъ какъ эти источники вполнѣ доступны не только для ученаго, но и для простаго любителя греко-христіанской исторіи.

Крыму—наконецъ попалъ въ Константинопольскую тюрьму. При посредствѣ золота, откупившись отъ тюрьмы, Дапонте, должно быть съ горя, ушелъ на Аѳонъ и сдѣлался монахомъ. Умеръ въ 1789 году [1]). Ничего замѣчательнаго! Такъ какъ значительная часть его жизни протекла въ монашеской келліи, то полагаемъ, что здѣсь и получили начало его историческіе труды. Извѣстность въ качествѣ историка, Дапонте получилъ недавно. Сата въ 1872 году издалъ его сочиненія въ своей „Греческой библіотекѣ", а одинъ румынскій ученый назадъ три года, повторилъ изданіе ихъ. И вотъ Дапонте получилъ реномэ историка. Откровенно говоря, если бы изданіе историческихъ трудовъ Дапонте не было новинкою въ наукѣ, мы и говорить о нихъ не стали бы. Такъ мало привлекательности представляютъ они на нашъ взглядъ. Но какъ скоро писатель пріобрѣлъ извѣстность, мы волей-неволей должны что нибудь сказать объ историкѣ, стяжавшемъ славу хотя спустя 100 лѣтъ по смерти. Дапонте составилъ „хронографію" (Χρονόγραφος), обнимающую 1648—1704 годы бытія турецкой имперіи [2]). Уже то самое, что Дапонте описалъ такое время, въ какое онъ совсѣмъ не жилъ, мало обѣщаетъ хорошаго читателю его хронографіи. И читатель, какъ мнѣ кажется, не ошибается, если не станетъ ждать чего нибудь путнаго отъ недостаточно образованнаго Кесарія, взявшаго на себя задачу говорить о томъ, чего онъ настоящимъ образомъ не зналъ. Во всякомъ случаѣ церковный историкъ совершенно напрасно потратитъ время, читая и перечитывая хронографію Дапонте. Историческій матеріалъ гражданскаго свойства у Кесарія на первомъ планѣ, а о церковныхъ дѣлахъ онъ говоритъ мало, даже почти ничего. Онъ отмѣчаетъ смѣны одного константинопольскаго патріаршествованія другимъ, кое-что говоритъ о неурядицахъ въ патріархіи, указываетъ обстоятельства, при которыхъ Турки повѣсили патріарха Парфенія (хіоскаго),—обстоятельства лишнія, а потому излишній разъ доказывающія, что въ Турціи всякія нелѣпости возможны (σελ. 6). Въ хронографіи встрѣчаются раз-

[1]) Sathas. Bibliotheca Graeca, III. Προλογ. 28—45. Σάθας. Νεοελλην. φιλολογία, σελ. 501—502.

[2]) Sathas. Bibliotheca Graeca. III, σελ. 3—70.

сказы о томъ, какъ двое Турокъ, впрочемъ въ разное время, обратились къ христіанству; но эти разсказы производятъ странное впечатлѣніе: одинъ разсказъ—баснословенъ (σελ. 26), а другой совсѣмъ непонятенъ — видите ли? нѣкій Мустафа-эффенди, пожелавъ сдѣлаться христіаниномъ, обратился къ патріарху Каллинику, котораго онъ любилъ, и наконецъ ушелъ (вдругъ! почему?) въ Галату къ капуцинамъ, принялъ латинство и сдѣлался францисканцемъ (σελ. 42—3). Удивительно! Образованность свою Дапонте обнаруживаетъ въ томъ, что дѣлаетъ несообразныя сравненія, напр. великаго драгомана Александра Маврокордато именуетъ „вторымъ Кикерономъ" (σελ. 16). Чтеніе хронографіи Дапонте очень затруднительно вслѣдствіе множества словъ турецкихъ. И однакожъ — каковъ сюрпризъ—въ 1890 году эта самая хронографія вновь издана румынскимъ ученымъ, по имени Erbiceanu, издана въ оригиналѣ съ румынскимъ переводомъ—въ національныхъ интересахъ [1]). Объясненіе этого страннаго явленія, кажется нужно искать въ томъ, что въ хронографіи много говорится о Молдаво-Валахіи.

Христофоръ Ангелъ, Рико и Эльснеръ. — Христофоръ Ангелъ, родомъ изъ Пелопонниса, не желая переносить турецкаго деспотизма, бѣжалъ въ Англію, гдѣ въ началѣ XVII вѣка учился, а потомъ и жилъ въ Кембриджѣ и Оксфордѣ. Думаютъ, что подъ конецъ онъ сдѣлался даже кальвинистомъ [2]). Онъ написалъ сочиненіе на греческомъ языкѣ (къ которому—сочиненію—издателемъ приложены латинскій переводъ и примѣчанія), подъ заглавіемъ: De statu hodiernorum Graecorum („О состояніи теперешнихъ Грековъ") Lipsiae, 1671. Книга написана для иностранцевъ, не знакомыхъ съ православною греческою церковію, а потому будучи интересна для таковыхъ, мало имѣетъ значенія въ глазахъ человѣка православнаго, отъ рожденія знакомаго съ ученіемъ и обычаями Грековъ, какъ православныхъ. Намъ она пригодится лишь въ немногихъ вопросахъ, напр. о постахъ, именно о строгости, съ какою Греки исполняли ихъ, о матеріальномъ положеніи греческаго духовенства и т. д.—Рико (Ricaut), англичанинъ, со-

1) Theolog. Literaturzeitung, 1892, № 17, S. 422.

2) Σάθας. Νεοελλην. φιλολογία, σελ. 294.

стоялъ секретаремъ англійскаго посольства при Оттоманской Портѣ въ Константинополѣ, въ 70-хъ годахъ XVII вѣка. Былъ человѣкъ очень любознательный, написалъ впослѣдствіи нѣсколько сочиненій о Турціи, между ними пользуется особенною извѣстностію (это переводъ съ англійскаго): Histoire de l'eglise Grecque („Исторія греческой церкви"), 2—nde edition, Amsterdam, 1710. Въ сущности, сочиненіе не заслуживаетъ названія: „Исторія греческой церкви", потому что это не исторія, а рядъ очерковъ о тѣхъ или другихъ сторонахъ состоянія Грековъ, преимущественно въ XVII в. Книга Рико напоминаетъ намъ дневникъ Герлаха,—отличіе между ними лишь въ системѣ изложенія и въ степени образованности ихъ авторовъ: Рико менѣе ученъ. Рико полезенъ почти въ тѣхъ же вопросахъ, въ какихъ и Герлахъ, т. е. по вопросамъ о взаимныхъ отношеніяхъ Турокъ и Грековъ (Турки, по его сужденію, не были слишкомъ деспотичны въ отношеніи къ Грекамъ), объ особенной власти патріарха, объ уваженіи народа къ духовенству, о строгости постовъ, о разныхъ религіозныхъ обычаяхъ, объ отношеніи Грековъ къ римско-католикамъ, о христіанскомъ просвѣщеніи, о суевѣріяхъ и т. д. Мы охотно будемъ пользоваться книгою Рико,—въ немъ самомъ замѣтно теплое чувство къ Грекамъ. — Эльснеръ (Elssner), нѣмецъ, написалъ: „Neueste Beschreibung der Griechischen Christen in der Türkey" (Berlin, 1737), и еще (Fortsetsung der neuesten Beschreibung" и пр. (Berlin, 1747) — („Новѣйшее описаніе состоянія греческихъ христіанъ въ Турціи"—и „Продолженіе того же сочиненія"). Хотя книга Эльснера издана въ XVIII вѣкѣ, но взоры автора обращены на недалекое прошедшее греческой церкви, и потому она можетъ считаться описаніемъ историческаго состоянія Греціи XVII вѣка. Авторъ, повидимому, самъ не бывалъ въ Турціи и описывалъ положеніе греческихъ христіанъ со словъ какого то константинопольскаго архимандрита, Аѳанасія Доростама, прибывшаго въ Германію, а потомъ Швецію, съ письмомъ патріарха Паисія (началъ править церковію въ двадцатыхъ годахъ) для сбора милостыни на выкупъ плѣнныхъ христіанъ. Эльснеръ описываетъ внѣшній видъ пятидесятилѣтняго Аѳанасія и весьма хвалитъ нравственныя качества его. Объ этихъ

послѣднихъ качествахъ авторъ такъ пишетъ: „Разсказы Аѳанасія о теперешнемъ состояніи Грековъ имѣютъ всѣ признаки достовѣрности. Онъ архимандритъ, слѣдовательно важное духовное лице при патріархѣ, а потому можетъ сообщать вѣрныя извѣстія о разсказываемомъ, притомъ же это—мужъ разсудительный, не суевѣрный, серьезный, богобоязненный, страшащійся неправды и лжи“ (Vorrede). Въ подробности содержанія сочиненія Эльснера вдаваться не станемъ: оно вращается совершенно въ тѣхъ же сферахъ, какъ и извѣстныя книги Герлаха и Рико. Разсказы Аѳанасія авторомъ приводятся не дословно, а имъ дана самостоятельная, систематическая, обработанная форма; поэтому сочиненіе Эльснера нельзя назвать источникомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Если читатель позволитъ, мы отнесли бы книгу Эльснера, такъ сказать, къ полуисточникамъ исторической науки: здѣсь есть и то, что можно причислить къ источникамъ—разсказы Аѳанасія—и то, чего нельзя причислить сюда—собственныя сужденія автора, работавшаго кабинетнымъ способомъ и лично не бывавшаго въ турецкой Греціи. Эльснеръ имѣетъ много общаго въ воззрѣніяхъ съ Рико.—Книгою нѣмецкаго ученаго историкъ греческой церкви пользоваться обязанъ.

IV. Источники для изученія той-же исторіи XVIII вѣка.

По части разсматриваемыхъ источниковъ этотъ вѣкъ очень бѣденъ, но въ утѣшеніе себѣ и другимъ должны замѣтить, что назадъ тому четверть вѣка историки въ этомъ отношеніи были еще бѣднѣе — или точнѣе почти лишены были всякихъ источниковъ.

Опять Дапонте. — Нашъ старый знакомый Дапонте, кромѣ прежде разсмотрѣнной нами хронографіи, писалъ еще „Историческій каталогъ мужей знаменитыхъ“ (1700—1784 годовъ)—Κατάλογος ἱστορικὸς ἀνδρῶν ἐπισήμων. Этотъ каталогъ, относящійся по своему происхожденію и содержанію къ XVIII вѣку, изданъ впервые Сатою въ его „Греческой Библіотекѣ“ въ 1872 году [1]). Въ этомъ сочиненіи Дапонте описываетъ или же дѣлаетъ замѣтки о писателяхъ, принадлежащихъ къ разнымъ чинамъ, и о болѣе извѣстныхъ духовныхъ и мірскихъ лицахъ, отличавшихся своею дѣ-

[1]) Sathas. Tom. III, σελ. 73—200.

ятельностію и жизнію. Имена лицъ, вошедшихъ въ „Каталогъ" автора, расположены по порядку ихъ служебныхъ ранговъ. Сначала идутъ патріархи константинопольскіе (замѣтимъ, кстати, съ пропусками, обнимающими заразъ нѣсколько десятилѣтій), александрійскіе и пр., потомъ просто архіереи, — іеромонахи, іереи, іеродіаконы и монахи; потомъ русскіе императоры и императрицы вышеуказаннаго періода, господари, драгоманы и проч. Можно бы подумать, что авторъ съумѣлъ сказать много любопытнаго въ своемъ „Каталогѣ", но ничего такого нѣтъ. Мы напрягали всѣ усилія, чтобы добыть хотя бы одну особенно любопытную выдержку изъ книги — но ничего не добыли. Говоря о писателяхъ XVIII вѣка, авторъ, повидимому, приводитъ заголовки ихъ сочиненій на память или со слуховъ, безъ указанія точнаго ихъ содержанія, мѣста и года изданія. Такъ, обыкновенно, пишутъ по исторіи литературы, не имѣя подъ руками никакихъ книгъ. Кой-какія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности „знаменитыхъ мужей" нерѣдко заканчиваются молитвенными воздыханіями въ родѣ слѣдующихъ: „вѣчная тебѣ память", или: „Слава Тебѣ, Боже"! Курьеза ради процитируемъ отзывъ Дапонте о нашемъ Петрѣ Великомъ. Этого государя онъ именуетъ „вторымъ солцемъ" (σελ. 136). И на томъ спасибо! Откровенно говоря, не легко рѣшить вопросъ о томъ, стоитъ ли чѣмъ либо пользоваться изъ этого сочиненія или же нѣтъ. Любопытно однакожъ, что и это сочиненіе Дапонте издано въ 1890 году вторымъ изданіемъ, подъ редакціею прежде упомянутаго нами Erbiceanu, снабдившаго оригиналъ отечественнымъ румынскимъ переводомъ [1]). Мотивомъ изданія вѣроятно служитъ то, что здѣсь говорится о господаряхъ. Мы не усмотрѣли никакихъ достоинствъ въ разбираемой книгѣ Дапонте, но одинъ нѣмецъ, критикъ румынскаго изданія „Каталога" взглянулъ на дѣло иначе. Онъ усмотрѣлъ въ книгѣ признаки прогрессивнаго движенія греко-христіанской мысли, а усмотрѣлъ онъ эти признаки въ томъ, что въ Греціи, судя по „Каталогу" нѣкоторыя духовныя лица увлекались иде-

[1]) Это сочиненіе Дапонте издано въ Румыніи въ одной и той же книгѣ вмѣстѣ съ прежде разсматриваемой «хронографіей» этого автора.

ями квіетиста (еретика) Молины [1]). По истинѣ хитеръ нѣмецъ, умудрился хоть за что-нибудь похвалить сочиненіе Дапонте. Но отъ такой похвалы, конечно, православному человѣку не поздоровится.

Сергій Макрей.—Макрей (Μακραῖος)—знаменитость Саты. Указанный ученый тщательно составилъ біографію Макрея, но мы — въ интересахъ краткости — лишь немногое заимствуемъ изъ нея. Макрей родился около средины XVIII вѣка въ Фурнѣ, первоначальное образованіе получилъ въ аграфской школѣ, но ему потомъ посчастливилось дважды учиться подъ руководствомъ знаменитаго греческаго ученаго Евгенія Булгариса—сначала въ такъ называемой аѳонской Академіи, а потомъ въ константинопольской патріаршей школѣ. По окончаніи образованія, Макрей занялъ видное мѣсто преподавателя въ патріаршей школѣ. Умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, въ 1819 году [2]). Макрей извѣстенъ составленіемъ церковно-историческаго сочиненія, подъ заглавіемъ: „Достопамятности церковной исторіи" (обнимающаго 1750—1800 г.)—Ὑπομνήματα ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας. Сочиненіе это впервые издано въ свѣтъ Сатою въ 1872 году, въ его извѣстной „Греческой библіотекѣ" [3]). Оно раздѣляется на пять частей, но дѣленіе это чисто механическое. Повидимому, авторъ имѣлъ намѣреніе приложить въ концѣ каждой части списки патріарховъ и султановъ, упоминаемыхъ въ извѣстной части, но эти списки почему-то находимъ не при всѣхъ пяти частяхъ. Сата въ большомъ восторгѣ отъ церковной исторіи Макрея, почему онъ именуетъ автора „единственнымъ лицемъ, достойнымъ имени историографа", а его исторію—„однимъ изъ наиболѣе почтенныхъ памятниковъ въ ряду хронографій" [4]). Но мы не раздѣляемъ восторговъ Саты. Самое начало исторіи странное: она начинается, какъ говорится, ни съ того, ни съ сего. Исторія начинается такъ: „окончился 1750 годъ отъ Рождества Христова, и церковь стали отягощать различные взносы денегъ и издержки". И это вдругъ! Правда дальше, но

---

[1]) Theolog. Literaturzeitung, 1893 г., S. 424

[2]) Sathas., Tom. III. Πρόλογ., σελ. 71—81.

[3]) Sathas. III, σελ. 203—401. Σημειώσεις σελ. 402—419.

[4]) Ibidem. Πρόλογ. σελ., 24. 84.

не сразу, авторъ объясняетъ, чѣмъ условливалось это явленіе, но всетаки начало остается страннымъ. А оканчивается исторія такъ, какъ будто бы авторъ ради отдыха закурилъ наргиле, а потомъ и.... заснулъ. Церковная исторія Макрея въ существѣ дѣла есть исторія патріарховъ константинопольскихъ — и въ этомъ отношеніи она есть подробное изображеніе жизни и дѣятельности этихъ лицъ за цѣлую вторую половину XVIII вѣка. А это при бѣдности вообще источниковъ для указаннаго вѣка греческой церкви очень важно. Но, къ сожалѣнію, авторъ ведетъ свое дѣло далеко не такъ, чтобы мы оставались ему вполнѣ благодарны. Очевидно, Макрей слыхалъ, что въ хорошей исторіи дается мѣсто характеристикамъ дѣйствующихъ лицъ, и самъ пытается сдѣлать тоже самое, описывая патріарховъ. Но подобная задача оказалась выше его силъ. Его характеристики не выдерживаютъ даже снисходительной критики. Прежде всего, онѣ крайне монотонны и шаблонны. Если бы кто вздумалъ выписать эти характеристики въ видѣ параллельныхъ столбцовъ, то открылось бы, что въ нихъ слишкомъ много общихъ чертъ, тогда какъ дѣйствительныя историческія лица всегда носятъ печать разнообразія. Къ этому же еще нужно прибавить то, что этотъ авторъ, если желаетъ написать особенно сочувственную характеристику, то безъ мѣры сыплетъ словами, прибѣгаетъ къ риторикѣ и воображаетъ, что такимъ образомъ онъ достигаетъ цѣли. Большинство патріарховъ изъ-подъ его пера выходятъ „филаретами", „филагатами", „афиларгирами", а подчасъ къ тому же и „филомузами". Характеристики патріарховъ Макреемъ, поэтому, часто превращаются въ панегирики. Такъ описывая одного патріарха, который всего-на-всего управлялъ церковію константинопольскою пять мѣсяцевъ и четыре дня, авторъ однакожъ характеризуетъ его слѣдующими словами (это — Мелетія): былъ онъ „кротокъ, незлобивъ, благопопечителенъ, учителенъ, бережливъ, несребролюбивъ, обращалъ свою любовь ко всѣмъ, любилъ и всѣхъ архіереевъ, и іереевъ, и монаховъ, и архонтовъ, и клириковъ и весь (?) народъ; и во всемъ, по апостолу, былъ вся, да всяко нѣкая пріобрѣтетъ во Христѣ (σελ. 273 — 274). Въ уста этого же патріарха, Макрей влагаетъ длинную мо-

литву своего сочиненія, которой на самомъ дѣлѣ іерархъ, конечно, не произносилъ (σελ. 264). Еще неправдоподобнѣе характеристика другаго патріарха (Софронія). Этотъ патріархъ, по увѣренію Макрея являлся столь „учителенъ, что каждое его слово и каждый оборотъ рѣчи былъ цѣлымъ поученіемъ". „Въ толкованіи Священнаго Писанія онъ же проявлялъ сладость, силу и умъ, отличавшіе св. Отца — Златоуста" (σελ. 306. 321). Разумѣется, такая характеристика чужда правдивости. Слѣдуетъ замѣтить о характеристикахъ Макрея еще то, что если кого онъ порицаетъ, то онъ ужъ не щадитъ порицаемое лице, а если кого хвалитъ, перебираетъ чуть не весь панегирическій лексиконъ. Пытается авторъ иногда описывать и литературную дѣятельность патріарховъ, но это у него сводится къ характеристикѣ въ родѣ слѣдующей: „Каллиникъ патріархъ писалъ разное"—и конецъ (σελ. 234). Въ тѣхъ случаяхъ, когда Макрей говоритъ о цѣлыхъ массахъ людей, ему почему-либо непріятныхъ, въ выборѣ бранныхъ словъ онъ не стѣсняется. Латинянъ обзываетъ „волками въ овечьей шкурѣ" (σελ. 216), христіанскій народъ константинопольскій именуетъ „дикими звѣрями и бѣшеными собаками" „безумной паствой" (σελ. 210—211). Изъ нѣкоторыхъ, противорѣчивыхъ, сужденій автора, оказывается, что онъ не всегда имѣетъ надлежащую точку зрѣнія. Одного патріарха (Серафима, отставнаго) за то, что онъ явно держалъ сторону возмутившихся, противъ турецкаго владычества, Грековъ и поощрялъ ихъ продолжать борьбу, Макрей порицаетъ, объявляя его поджигателемъ народа къ убійствамъ, на что — говорилъ онъ — не осмѣливался ни одинъ православный патріархъ, будучи охранителями своего достоинства, какъ учителей мира и кроткихъ учениковъ Христа (σελ. 287—288). А другаго патріарха, столь же явно, дружившаго съ турками и удерживавшаго Грековъ отъ возстанія противъ турецкой власти (говоримъ о Григоріи V-мъ), онъ же склоненъ считать дѣйствующимъ легкомысленно (σελ. 394). Что-нибудь одно: или Серафимъ дѣйствовалъ хорошо, а Григорій нехорошо, или же наоборотъ; другаго взгляда быть не можетъ на это дѣло. Къ недостаткамъ Макрея нужно относить и то, что онъ является ярымъ врагомъ всякихъ новшествъ, въ чемъ-бы

эти послѣднія не заключались, хотя бы въ передѣлкѣ патріархомъ своихъ покоевъ. Историкъ долженъ любить все хорошее, не соблазняясь тѣмъ — новое оно или старое. Нѣкоторые изъ указанныхъ нами недостатковъ Макрея видитъ и Сата, но онъ считаетъ ихъ слишкомъ маловажными. Впрочемъ за то Сата указалъ одинъ такой недостатокъ у Макрея, котораго мы сами не замѣтили: оказывается, что благопріятные или неблагопріятные отзывы этого историка о патріархахъ часто зависѣли отъ того — хорошо или не совсѣмъ хорошо жилось самому Макрею при томъ или другомъ патріархѣ изъ числа тѣхъ, о которыхъ онъ писалъ и при которыхъ жилъ [1]). Къ числу достоинствъ „Церковной исторіи“ Макрея Сата относитъ то, что этотъ историкъ замѣчательно точенъ по части хронологіи и не вплетаетъ въ свой разсказъ ничего такого, что прямо къ дѣлу не относится [2]). Охотно присоединяемся къ приведенному замѣчанію аѳинскаго ученаго: дѣйствительно все это отличаетъ Макрея отъ другихъ греческихъ повѣствователей даннаго періода и заслуживаетъ похвалы. Но мы еще должны указать на благородство мысли разсматриваемаго историка: вѣроятно, какъ человѣкъ, состоявшій всю жизнь на педагогической дѣятельности, онъ съ замѣчательною теплотою относится даже къ малѣйшимъ успѣхамъ просвѣщенія и никогда не забываетъ восхвалить извѣстнаго патріарха, въ случаѣ, если этотъ обнаружитъ ревность къ устроенію новыхъ или усовершенію существующихъ школъ (σελ. 218—19). Въ возникшемъ тогда вопросѣ о томъ, крестить или нѣтъ переходившихъ отъ римскаго католицизма и протестантства въ православіе, Макрей держался болѣе гуманнаго и правильнаго взгляда, между тѣмъ даже нѣкоторые патріархи держались другаго взгляда, не имѣющаго въ свою пользу твердыхъ основаній. Повидимому, Макрей не чуждъ былъ сладостной мечты, что возможно наступленіе такого времени, когда „философы будутъ править и правители философствовать“ (σελ. 245). Вообще, если недостатки „Церковной Исторіи“ нашего историка и довольно значительны, то при помощи критическаго аппарата не трудно опе-

[1]) Sathas. Bibl. Graeca, III, Πρόλογος, σελ. 24. 84—85.
[2]) Ibidem, σελ. 85.

рировать надъ нею, какъ научнымъ источникомъ, съ значительнымъ успѣхомъ. Нѣкоторыя извѣстія Макрея сами по себѣ, непосредственно, очень любопытны; таковы наприм. его извѣстія о патріархѣ Григоріи V-мъ, котораго у насъ считаютъ, по примѣру тщеславныхъ аѳинянъ, великимъ іерархомъ единственно, кажется, за то, что Турки присудили его къ висѣлицѣ и повѣсили въ великій день Пасхи.

Аѳанасій Комнинъ Ипсилантисъ.—Ему принадлежитъ сочиненіе: (Ἐκκλεσιαστικῶν καὶ πολιτικῶν εἰς δώδεκα). Константинополь, 1870 г. Книга эта старая, хотя она издана и недавно; въ наше время въ Греціи напечатано много историческихъ сочиненій, извлеченныхъ изъ пыли библіотекъ. Мало точныхъ извѣстій имѣется объ Аѳанасіи Ипсилантисѣ. Извѣстно, что онъ жилъ въ прошломъ столѣтіи въ Константинополѣ, предполагаютъ, что онъ умеръ въ концѣ этого вѣка, по своему званію онъ врачъ. Рукопись его вышеназваннаго сочиненія найдена въ библіотекѣ Синайской метохіи въ Каирѣ. Хотя въ приведенномъ нами заглавіи труда Ипсилантиса указано 12 книгъ (частей), но на самомъ дѣлѣ изданы только 8, 9 и 10 книги—и то не сполна. Не появились въ свѣтъ первые семь книгъ, начинающіяся отъ времени Юлія Кесаря и простирающіяся до паденія Константинополя, въ виду того, что онѣ не представляютъ интереса; не появились въ свѣтъ и двѣ послѣднія книги (11 и 12), въ которыхъ, вѣроятно было продолженіе того, что теперь напечатано ибо онѣ утрачены. Въ напечатанныхъ же книгахъ разсказывается исторія Турціи отъ паденія Константинополя до конца 80-хъ годовъ XVIII вѣка. Наибольшее значеніе, конечно, имѣетъ та часть довольно большаго сочиненія Ипсилантиса, которая имъ написана въ качествѣ современника,—такою частію является вторая половина 9-ой книги и кн. 10. Но мы напрасно будемъ ожидать найти здѣсь много интересныхъ извѣстій. Даже самъ издатель „Исторіи“ Ипсилантиса (архимандритъ Германъ) очень скромно отзывается о томъ, что можетъ найти читатель въ разсматриваемой части у Ипсилантиса: „читатель часто откроетъ здѣсь основанія полюбить въ авторѣ (Ипсилантисѣ) скорѣе, любящаго свой народъ, эллина, чѣмъ безпристраст-

наго историка, скорѣе благочестиваго и добродѣтельнаго старца, чѣмъ старательнаго писателя; въ немъ богобоязненный христіанинъ беретъ перевѣсъ надъ глубокимъ политикомъ" [1]). Нашъ читатель, конечно, хорошо пойметъ, что если самъ издатель не могъ иначе характеризовать историка Ипсилантиса, то значитъ исторія этого писателя не высока по своимъ достоинствамъ даже въ той ея части, гдѣ онъ пишетъ какъ современникъ и очевидецъ. Нужно сказать, что церковно-историческій элементъ въ этомъ трудѣ не выдвигается на первый планъ и занимаетъ не видное мѣсто. Нельзя и сравнивать „Церковную Исторію" Макрея и „Исторію" Ипсилантиса по ихъ значенію для ученаго, занятого изученіемъ церковной жизни Грековъ второй половины XVIII вѣка, хотя оба названные писатели жили въ одно и тоже время и описывали, какъ очевидцы это же самое время. Макрей въ такой же степени богатъ церковно-историческими свѣдѣніями, въ какой Ипсилантисъ бѣденъ ими. Съ перваго взгляда является даже не совсѣмъ понятнымъ, почему въ заголовкѣ труда разсматриваемаго писателя исторія его напередъ наименована церковною, а потомъ уже политическою. Правильнѣе было назвать ее или просто политическою, или же напередъ политическою, а потомъ уже церковною. Указанная странность находитъ себѣ достаточное объясненіе въ другой странности: авторъ ведетъ свой разсказъ, располагая его не по порядку царствующихъ султановъ, а по порядку, правившихъ церковію, патріарховъ константинопольскихъ. Но возникаетъ вопросъ: почему авторъ поступилъ такъ, а не иначе? Если онъ хотѣлъ внушить читателю мысль, что истинными правителями греческаго народа патріархи, а не иновѣрные султаны, то, внушая подобную мысль, онъ долженъ былъ бы написать дѣйствительную исторію патріаршаго управленія греческой церкви, подъ владычествомъ Турокъ, а не ограничиваться сухими и малоинтересными замѣтками о константинопольскихъ патріархахъ. Вообще нельзя не умолчать, что заглавіе книги вводитъ въ заблужденіе читателя; онъ надѣется встрѣтить здѣсь настоящую церковную исторію, а

---

[1]) Ὑψηλάντης. Πρόλογος, σελ. 3—4 9. 11—13.

между тѣмъ встрѣчаетъ здѣсь лишь обрывки и сухія замѣтки по этой части. Несомнѣнно, что каждому, занимающемуся изученіемъ новѣйшей греческой церковной исторіи, необходимо ознакомиться съ трудомъ Ипсилантиса уже ради простаго успокоенія совѣсти: не познакомившись съ этой исторіей, онъ, вѣдь, всё будетъ думать, что въ ней въ самомъ дѣлѣ собраны и не вѣсть какія сокровища историческаго знанія. Въ одномъ русскомъ серьезномъ церковно-историческомъ сочиненіи „лѣтопись" Ипсилантиса наименована „весьма важною", разумѣется, для церковнаго историка. Было бы очень желательно узнать, въ какомъ отношеніи книга эта показалась русскому ученому „весьма важною"? Впрочемъ, мы рады были бы и тому, если бы этотъ послѣдній разъяснилъ въ какомъ отношеніи Исторія Ипсилантиса хоть сколько-нибудь важна для церковнаго историка, изучающаго XVIII вѣкъ (или какой другой) жизни церковной.

Наконецъ, Александръ Елладій (Ἑλλάδιος).—Элладій родился около средины XVII вѣка въ Ларисcѣ, въ Θессаліи, имѣлъ случай получить достаточное образованіе. Будучи въ Константинополѣ, онъ поступилъ на службу къ англійскому посланнику лорду Паджету (Πάγετ) и съ тѣхъ поръ началъ странствовать по Европѣ, сначала вмѣстѣ съ сейчасъ названнымъ лордомъ, а потомъ и безъ него. Побывалъ въ Венгріи, Австріи, Германіи, Франціи и Англіи. Въ этой послѣдней странѣ онъ слушалъ лекціи въ Оксфордѣ и зналъ англійскій языкъ [1]). О послѣднихъ годахъ его жизни мы не имѣемъ свѣдѣній. Онъ написалъ латинское сочиненіе подъ заглавіемъ: Status praesens ecclesiae Graecae („Теперешнее состояніе греческой церкви"), 1714 (указанія на мѣсто печатанія книги нѣтъ на заглавномъ листѣ). Книга почему-то посвящена нашему Петру Великому съ приложеніемъ его портрета. Мы относимъ эту книгу къ числу памятниковъ, имѣющихъ значеніе въ дѣлѣ изученія греческой церкви XVIII вѣка главнымъ образомъ потому, что она издана въ указанномъ вѣкѣ. Что же касается ея церковно-историческаго содержанія, то мы затрудняемся сказать, собственно какая эпоха греской церкви

[1]) Σάθας. Νεοελλην: φιλολογία, σελ. 447—448.

характеризуется здѣсь. Въ книгѣ сообщается много извѣстій о превосходномъ состояніи греческихъ школъ въ Турціи; но въ таковомъ состояніи эти школы не находились ни въ XVII, ни въ XVIII вѣкахъ, да и сомнѣваемся: такъ-ли онѣ хороши и теперь, какими описалъ ихъ Элладій. Школы Элладія суть школы воображаемыя. Что такихъ превосходныхъ школъ въ его время совсѣмъ можетъ быть не было въ Греціи, въ этомъ удостовѣряетъ самъ Элладій, не замѣчая того; ибо, по его словамъ, въ превосходныхъ школахъ Греціи, ни чуть не уступающихъ по достоинству нашимъ теперешнимъ гимназіямъ, если вѣрить показаніямъ автора,—было по одному нищему учителю, при чемъ ни книгъ для учениковъ, ни денегъ на содержаніе ихъ—не имѣлось. Элладій сочинилъ свои школы изъ патріотизма, имѣя въ виду восхвалить греческій народъ и возвысить его въ глазахъ западныхъ христіанъ. Элладій много говорилъ о благочестивыхъ обычаяхъ Грековъ, о необыкновенномъ уваженіи ихъ къ семейному началу и т. д.; но обо всемъ этомъ онъ говоритъ такъ, какъ это дѣлается въ проповѣдяхъ, произносимыхъ въ похвалу какого-либо знаменитаго покойника. Такую благочестиво-идиллическую жизнь Греки вели можетъ быть лишь во дни св. Андрея Первозваннаго, котораго этотъ народъ считаетъ просвѣтителемъ Византіи. Восхваляя безъ мѣры свой народъ, Элладій иногда говоритъ положительныя нелѣпости. Такъ раскрывая дикую мысль, что будто это очень хорошо, если у грековъ нѣтъ ни типографій, ни своихъ печатныхъ книгъ, Элладій въ доказательство ея правоты указываетъ на то, что гдѣ есть печать, тамъ встрѣчаются и великія злоупотребленія этой послѣднею. Одинъ изъ примѣровъ такого злоупотребленія, вслѣдъ за тѣмъ, онъ и приводитъ говоря: ut taceam jam abusum horrendum, quoties nempe Sanct. Scripturarum fragmentis ad ἀφέδρῶνας suos emungendos utuntur (p. 165). Авторъ, очевидно, совсѣмъ заболтался. Впрочемъ спѣшимъ оговориться. Книга Элладія не лишена значенія, въ ней разбросано немало микроскопическихъ замѣтокъ большой важности, но все же эта книга можетъ быть полезна только въ очень опытныхъ рукахъ: нужна полная бдительность, чтобы авторъ не ввелъ читателя въ заблужденіе своимъ

апологетизмомъ. Отзывы его о Кириллѣ Лукарѣ имѣютъ высокую научную цѣнность. Элладіева критика новогреческаго перевода книгъ новозавѣтныхъ, сдѣланнаго Калліополитомъ, какъ думаютъ подъ вліяніемъ протестантовъ,— превосходна, и мы съ истиннымъ наслажденіемъ читали эти страницы въ книгѣ, но къ сожалѣнію трактатъ автора относительно новогреческаго перевода почти выходитъ за предѣлы церковно-историческихъ интересовъ, и входитъ въ область филологіи.

V. Источники для изученія греческой церкви XIX-го вѣка.—Такими источниками служитъ *все*, и *ничего*. *Все*, не исключая плюгавой фанаріотской газетки „Востокъ", теперь уже покойной, издававшейся въ Москвѣ—въ свѣтской прессѣ, и все, не исключая безмысленнаго апокрифа подъ названіемъ: „Сонъ Богородицы", не такъ давно раздаваемаго однимъ греческимъ іерархомъ палестинскимъ паломникамъ въ Іерусалимѣ, въ качествѣ весьма назидательнаго произведенія — въ духовной литературѣ. Все — говоримъ—и ничего. *Ничего*, потому что все и ничего въ настоящемъ случаѣ являются понятіями тожественными. Главное-же, въ настоящее время, когда исторія XIX-го вѣка только-что закончилась, не легко сказать, какія теченія въ церковной жизни греко-восточнаго міра этого времени возобладаютъ, и потому какіе документы получатъ для историка особенную важность и значеніе. Всѣмъ извѣстно, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ спокойно и правильно изучать совокупность явленій ближайшаго времени. Въ тридцатыхъ годахъ истекшаго вѣка общее вниманіе людей, интересующихся дѣлами церкви, обращало на себя освобожденіе элладской церкви, изъ-подъ фанаріотскаго ига. Сколько радужныхъ надеждъ возлагалось на освободившуюся отъ посторонняго давленія церковь молодого королевства. Теперь же немногіе уже остаются подъ вліяніемъ этихъ надеждъ. Несомнѣнно, эта церковь ничего не пріобрѣла отъ того, что сдѣлалась независимою, а потеряла весьма много—и притомъ самого дорогого. Точка зрѣнія на положеніе Эллады мѣняется. И быть можетъ намъ скоро придется собирать документы, показывающіе: что потеряла, а не что пріобрѣла указанная церковь, вслѣдствіе своего освобожденія изъ-подъ власти фанаріо-

товъ. Тоже самое должно сказать о церкви болгарской. Давно ли всѣ мы восторгались отдѣленіемъ Болгаріи отъ константинопольскаго патріархата, какъ счастливой зарей, занимающейся надъ, пробудившимся къ новой жизни, народомъ. Восторгаемся ли мы этимъ событіемъ теперь? Не думаю. Освободившись отъ ига фанаріотскаго, Болгарія въ самое короткое время растеряла то, чѣмъ силенъ былъ этотъ долго порабощенный народъ—святыя преданія родной старины, которыя своими корнями держались на церковной почвѣ Константинополя. Новые документы получаютъ особенное значеніе,—это документы, въ которыхъ говорится объ упадкѣ значенія церкви и оскудѣніи вѣры въ княжествѣ болгарскомъ. И въ Элладѣ, и въ Болгаріи религіозность новаго образца, на манеръ покладистой французской религіозности, пріобрѣтаетъ особенную силу, послѣ того какъ власть патріарха константинопольскаго тамъ и здѣсь окончательно пала. Говоримъ все это затѣмъ единственно, чтобы уяснить, какъ трудно еще историку нашего времени стать на настоящую точку зрѣнія въ вопросѣ: хорошо это или худо, что Эллада и Болгарія уже не подъ властію вселенскаго патріарха? А затрудняясь этимъ вопросомъ, онъ затруднится и тѣмъ, на какихъ документахъ остановить свое вниманіе какъ на главныхъ источникахъ при изученіи греко-восточной церкви нашего времени? Только съ теченіемъ времени все это разъяснится, и только тогда-то можно будетъ писать точную исторію указанной церкви XIX-го вѣка.

Просимъ читателя припомнить, что Эллада и Болгарія съ ихъ цеквами насъ мало интересуютъ, такъ какъ предметомъ нашего особеннаго вниманія въ дальнѣйшемъ трудѣ будетъ константинопольская церковь и явленія, съ ней связанныя (см. „Введеніе"). Если же мы заговорили сейчасъ объ Элладѣ и Болгаріи, то сдѣлали это по слѣдующей уважительной причинѣ. Главнѣйшіе источники для изученія исторіи греческой церкви XIX вѣка въ указанномъ отношеніи находятся въ тѣхъ самыхъ книгахъ, въ которыхъ раскрывается исторія отпаденія Эллады и Болгаріи отъ константинопольской церкви. Почему-жъ такъ, понять не трудно. Касаясь исторіи отдѣленія этихъ двухъ странъ отъ власти константинопольскаго патріарха,

невозможно было не касаться въ то же время и разныхъ вопросовъ о патріархѣ, его власти, объ архіереяхъ прежняго типа и ихъ отношеніяхъ къ народу и т. д., и т. д. Такимъ образомъ появились въ свѣтъ книги, которыя собственно ведутъ рѣчь объ Элладѣ и Болгаріи, но которыя въ тоже время даютъ много очень цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи главнѣйшей греческой церкви, т. е. константинопольской. Къ подобнаго рода источникамъ относится прежде всего сочиненіе знаменитаго Константина Икономоса (τοῦ ἐξ Οἰκονόμων) подъ заглавіемъ: Τριακονταετηρὶς ἐκκλησιαστική, ἢ συνταγμάτιον ἱστορικὸν τῶν ἐκκλησιαστικῶν συμβεβηκότων, ἀπὸ 1821 μέχρι 1852 (Церковное тридцатилѣтіе или историческое описаніе церковныхъ происшествій), Аѳины, 1864. Икономосъ (1780—1857), этотъ замѣчательный ученый принималъ видное участіе въ устройствѣ элладской церкви послѣ ея отдѣленія отъ константинопольской, а поэтому, много говоритъ въ своей книгѣ вообще о патріархѣ и греческихъ архіереяхъ, и церковной жизни константинопольскаго патріархата. Особенную цѣнность придаетъ книгѣ Икономоса какъ то, что въ ней много документальнаго матеріала, такъ и то, что Икономосъ не сочувствовалъ отдѣленію элладской церкви отъ константинопольской и значитъ могъ быть безпристрастнѣе въ критикѣ дѣлъ этой послѣдней, чѣмъ другіе греческіе писатели, сторонники отдѣленія. Другимъ важнымъ источникомъ нашего дѣла должно служить трехтомное сочиненіе нѣмца Maurer'a. Оно возникло при тѣхъ же обстоятельствахъ, когда Эллада отдѣлилась отъ Константинополя въ церковномъ отношеніи, иноситъ заглавіе: Das Griechische Yolk in offentlicher, kirchlicher Beziehung. (B. I—III). Heidelberg, 1835 („Греческій народъ въ общественномъ и церковномъ отношеніи" и проч). Сочиненіе драгоцѣнно во многихъ отношеніяхъ. Авторъ ея, Мауреръ, былъ членомъ регентства въ Элладѣ во время малолѣтства баварскаго принца Оттона, провозглашеннаго королемъ Эллиновъ—и жилъ въ качествѣ члена регентства въ Аѳинахъ. „Источниками сочиненія, по словамъ автора, служили относительно прежняго состоянія страны (а это-то намъ и нужно, или прямо оффиціальныя извѣстія или по крайней мѣрѣ свѣдѣнія, собранныя оффиціальнымъ

путемъ, или же свѣдѣнія, полученныя отъ частныхъ, но благонадежныхъ людей" (Vorrede, XV). Несомнѣнно, что книга имѣетъ характеръ первоисточника. Она можетъ служить авторитетнымъ пособіемъ для историка, изучающаго константинопольскую церковь, такъ какъ въ ней собрано много извѣстій, замѣтокъ и свѣдѣній по этой части за время, предшествующее отдѣленію элладской церкви отъ патріаршей. Мы произнесемъ лучшую похвалу Мауреру, если скажемъ, что вся нѣмецкая, значительнаго объема, литература, появившаяся послѣ этого автора и посвященная исторіи молодого эллинскаго королевства, касаясь отношеній константинопольской церкви къ элладской до отдѣленія послѣдней отъ первой, часто лишь буквально повторяетъ по этому вопросу извѣстія все того же Маурера.—Столь же полезнымъ источникомъ знаній для историка церковнаго могутъ быть и важнѣйшія изъ сочиненій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ такъ называемой болгарской схизмѣ. Эта схизма заставила съ такимъ же усердіемъ критиковать дѣла и порядки константинопольской церкви, съ какимъ это происходило и раньше по вопросу объ отдѣленіи Эллады отъ Константинополя въ церковномъ отношеніи. Изъ книгъ, сюда относящихся и разсуждающихъ на основаніи документовъ или же сообщающихъ самые документы, наиболѣе видное мѣсто занимаетъ: „Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета митрополита московскаго по дѣламъ православной церкви на Востокѣ" (Петерб. 1886). Весь этотъ томъ состоитъ изъ документовъ, изъ выдержекъ изъ такихъ-же документовъ и сужденій Филарета — и имѣетъ высокую научную цѣну. Помѣщенные здѣсь матеріалы обхватываютъ эпоху отъ 1858 года до 1867, но эти матеріалы проливаютъ свѣтъ и на болѣе раннее положеніе вещей въ интересующей насъ, константинопольской, церкви. Не мало можно находить свѣдѣній о положеніи этой церкви и въ другихъ томахъ изданія: „Собраніе мнѣній Филарета". Было бы несправедливо обойти молчаніемъ и очень полезную для нашего дѣла книгу покойнаго грекофила, Т. И. Филиппова: „Современные Церковные вопросы" (Петерб. 1882). Около половины книги посвящено изученію константинопольской церкви

и греко-болгарской „распрѣ“. Авторъ большею частію приводитъ документы или судитъ, опираясь на нихъ. Какихъ воззрѣній держится авторъ, это видно изъ эпиграфа въ его книгѣ, взятаго у Григорія Богослова: „не побѣдити ищемъ но пріяти братію, ихъ же (Болгаръ, пояснимъ мы) разлученіемъ терзаемся“.

Для историка въ разсматриваемомъ отношеніи — глубокій интересъ представляютъ дневники, записки и сочиненія, написанныя на основаніи личныхъ наблюденій,—такихъ лицъ, которыя долго жили на Востокѣ, и которые усердно изучали состояніе греческой церкви въ наше время. Упоминать ли здѣсь о преосвящ. Порфиріи Успенскомъ, изучившимъ христіанскій Востокъ, какъ никто другой, долго живя въ этой странѣ? Думаемъ, что это лишнее. Много онъ написалъ и напечаталъ, а многое только написалъ, но не успѣлъ напечатать. Какъ много самаго цѣннаго и интереснаго матеріала находится въ произведеніяхъ еписк. Порфирія, объ этомъ превосходно можно судить по его дневникамъ подъ заглавіемъ: „Книга бытія моего“ [1]). Изъ другихъ лицъ, заслуживающихъ упоминанія по такимъ же основаніямъ, укажемъ: на проф. В. Григоровича, написавшаго: „Очеркъ путешествія по европейской Турціи“ (Казань, 1848), гдѣ можно находить свѣдѣнія о греческихъ школахъ и вообще о духовномъ просвѣщеніи; на К. Н. Леонтьева, составившаго художественные разсказы подъ скромнымъ заглавіемъ: „Изъ жизни христіанъ въ Турціи“ (Т. I—III. М. 1876), въ которыхъ нѣтъ ни одной черты, которая не находила бы себѣ подтвержденія въ литературѣ, посвященной тому же дѣлу: онъ не любитъ пускать слова на вѣтеръ; наконецъ, на архимандрита Антонина Капустина, который издалъ свои путевыя записки, подъ не громкимъ заглавіемъ: „Поѣздка въ Румелію“ (Петерб., 1879) и: „Изъ Румеліи“ (1886 г.), записки обширныя, тѣмъ болѣе драгоцѣнныя, что онѣ, поражая своею необычайною свѣжестью и новизною, до сихъ поръ остаются невѣдомыми въ наукѣ. Сочиненіе о.

[1]) Это произведеніе преосв. Порфирія въ настоящее время вполнѣ издано, подъ заглавіемъ: «Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки Е. Порфирія». Изданіе Академіи наукъ на средства Палестинскаго Общества. Томы I—VIII. С.-Петерб., 1894—1902 г.

Антонина обилуетъ остроумнѣйшими афоризмами; вотъ изъ числа ихъ одинъ, который дорогъ сердцу каждаго историка: „на бѣду или на счастіе—и исторія есть то же фактъ, и то же сила, и порознь и вмѣстѣ, смотря по тому, кто чего въ ней ищетъ“. По направленію мысли, о. Порфирій—грекофобъ, Григоровичъ — славянофилъ, Леонтьевъ—грекофилъ, а о. Антонинъ во всякомъ случаѣ не грекофилъ.

Мы исчислили лишь малую часть источниковъ для XIX вѣка, но мы и не брались за что-либо бо̀льшее: *все* не подлежитъ изчисленію.

VI. Православный палестинскій сборникъ.—Подъ такимъ неимпозантнымъ заглавіемъ, въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ Православное Палестинское Общество въ Петербургѣ издало въ свѣтъ цѣлую серію памятниковъ первостепенной важности для историка греческой церкви. Кажется, немного распространенъ этотъ „Сборникъ“ въ публикѣ, но всѣ любящіе духовное просвѣщеніе отъ души возблагодарятъ указанное Общество за его просвѣтительную дѣятельность. Изданіе „Сборника“ съ самаго начала появленія Общества сдѣлалось одной изъ цѣлей его. Въ уставѣ Палестинскаго Общества, между прочимъ читается: § 1: „Общество учреждается исключительно *съ ученою* и благотворительною цѣлями, для достиженія которыхъ ему предоставляется: собирать, разработывать и распространять свѣдѣнія о св. мѣстахъ Востока“; § 3: „Общество заботится о приведеніи въ извѣстность и сообщеніи такихъ свѣдѣній, которыя остаются безъ употребленія въ частныхъ рукахъ и въ архивахъ разныхъ мѣстъ“; § 7: „Собираніе и распространеніе свѣдѣній Обществомъ совершается посредствомъ чтеній въ собраніяхъ общества, а также печатныхъ записокъ, періодическихъ и другихъ сочиненій и сборниковъ, издаваемыхъ въ свѣтъ“. Въ силу этихъ параграфовъ устава, Общество, начиная съ 1882 года успѣло напечатать (а это далеко не все, что печатаетъ оно) болѣе 50 томовъ и выпусковъ, имѣющихъ великое научно-историческое значеніе. Эти томы и выпуски могутъ быть превосходнымъ матеріаломъ для церковнаго историка—станетъ ли онъ изучать старое время, съ IV вѣка или же новѣйшее до настоящей минуты. Вели-

ки заслуги Общества для науки. И это результатъ лишь 20-лѣтней дѣятельности? Какъ же разростется его дѣятельность ради науки въ будущіе десятки десятковъ лѣтъ? Но и теперь Обществомъ сдѣлано такъ много, что невозможно не благодарить его за просвѣщенную попечительность о наукѣ. Чувствомъ благодарности наполняется и наше сердце, когда взираемъ на серію томовъ церковно-историческаго содержанія, отпечатанныхъ Обществомъ. Но чувства, какъ извѣстно, не знаютъ логики. О логикѣ совсѣмъ забыли и мы, намѣреваясь говорить о просвѣщенныхъ плодахъ Палестинскаго Общества. Законы логики требовали, чтобы мы упомянули объ изданіяхъ Общества, имѣющихъ отношеніе къ изученію новѣйшей греческой церковной исторіи XV, XVI, XVII, XVIII и XIX вѣковъ тамъ, гдѣ мы вели рѣчь объ источникахъ для каждаго изъ этихъ вѣковъ. Но мы не пожелали этого сдѣлать, пошли наперекоръ логикѣ. А поступили мы такъ потому, что, въ знакъ благодарности Обществу, возъимѣли намѣреніе сказать объ источникахъ, изданныхъ этимъ обществомъ—не порознь, а въ совокупности, чтобы такимъ образомъ наглядно показать: что и на нашу скромную долю пало отъ просвѣщенныхъ щедротъ названнаго учрежденія. Вотъ перечень источниковъ, иногда нѣкоторой, а чаще величайшей важности для нашего дѣла, обязанныхъ появленіемъ въ свѣтъ Палестинскому Обществу: „Расказъ и путешествіе къ св. мѣстамъ Даніила митрополита Ефесскаго, 1493—1499 г.," издано подъ редакціей Дестуниса. Паисія Агіапостолита митрополита Родскаго—„Описаніе св. Горы Синайской и ея окрестностей", между 1577—1592 г., подъ ред. Пападопуло и Дестуниса. „Хожденіе Трифона Коробейникова", 1593—1596 г., подъ ред. Лопарева. Матеріалы для исторіи Іерусалимской патріархіи въ 16—19 вѣкахъ, въ переводѣ съ греческаго г. Безобразова. „Проскинитарій" Арсенія Суханова, 1649—1653 года, съ двумя „приложеніями" того же автора, подъ ред. профессора Ивановскаго (это записки Арсенія, странствовавшаго по Востоку: подозрительность въ отношеніи къ Грекамъ заставляла его чуть не заглядывать во всѣ уголки каждаго посѣщеннаго имъ дома; а цѣль — узнать точнѣе Грековъ, изощряла его критическую наблюдатель-

ность. Знаменитый памятникъ!). „Описаніе турецкой имперіи“ (съ рукописи), между 1670—1686 гг., подъ ред. профессора Сырку. „Странствованія Василія Григоровича—Барскаго по св. мѣстамъ Востока съ 1723 по 1747 годъ“, 4-е части со 145 рисунками, цѣна 25 р., подъ ред. Барсукова—„съ подлинной рукописи“. (Это такой памятникъ, равнаго которому нѣтъ ни у Грековъ, ни въ Европѣ, когда дѣло касается изученія внутреннихъ сторонъ греческой церкви XVIII вѣка. Достоинство его мы можемъ обозначить только слѣдующимъ неправильнымъ, но на этотъ разъ наиболѣе подходящимъ выраженіемъ: онъ, памятникъ, слишкомъ хорошъ.) „Описаніе путешествія отца Игнатія въ Царьградъ, аѳонскую Гору, св. Землю и Египетъ“, 1766—1776 г., подъ ред. Хитрово. „Православіе въ св. Землѣ“ (по личнымъ наблюденіямъ, заключаетъ описаніе историко-статистическое всѣхъ сторонъ іерусалимскаго патріархата), соч. Хитрово. „Сношенія Іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ въ 16—19 столѣтіяхъ“, соч. Каптерева. Изданія Палестинскаго Общества изящны и даже роскошны—на манеръ лучшихъ заграничныхъ изданій того же рода.

Превосходно; однакожъ мое ли дѣло хвалить и превозносить *такое* Общество, какъ Общество Палестинское...? Но меня ободряетъ девизъ Общества: „не умолкну ради Сіона и ради Іерусалима не успокоюсь“. И я „не умолкну“... и я „ не успокоюсь“, хотя и сознаю, что для такого назначенія, какъ возвеличеніе благословенныхъ трудовъ Общества болѣе пригодны были бы лучшіе люди, краснорѣчивѣйшіе и отмѣннѣйшіе [1]).

---

[1]) Когда я начиналъ излагать содержаніе только-что оконченной мною главы, я имѣлъ намѣреніе, кромѣ обзора источниковъ—сдѣлать краткія замѣтки относительно ученой литературы предмета; но такъ какъ эта глава вышла велика и я болѣе не осмѣливаюсь испытывать теперь же терпѣніе читателя перечнемъ книгъ, ихъ названій, изданій, ихъ авторовъ и т. д., то и рѣшился замѣтокъ о литературѣ здѣсь не дѣлать, оставляя это до слѣдующихъ главъ, гдѣ при томъ или другомъ удобномъ случаѣ, подъ строкой, и попытаюсь разъяснить значеніе той или другой книги, входящей въ составъ указанной литературы.

Взаимныя отношенія Оттоманской Порты и подвластныхъ ей христіанъ Греко-восточной церкви, послѣ паденія византійской имперіи [1]).

'Αγάπησε πολλὰ τὸ γένος τῶν χριστιανῶν καὶ ἔβλεπε καλῶς.

«Много возлюбилъ (Магометъ II) христіанскій (греческій) народъ и взиралъ на него благосклонно».

Hirtoria Patriarchica.

Магометъ II, турецкій или османскій султанъ, 1453 г., въ концѣ мая, положилъ конецъ существованію византійской имперіи, которая уже давно и состояла только почти изъ одной столицы Константинополя.

---

1) Повидимому, наиболѣе полезными пособіями при составленіи историческаго очерка подъ указаннымъ заглавіемъ, кромѣ сочиненій: Maurer'a — Das Griechische Volk, Elssner'a—Neueste Beschreibung der Griechischen Christen, Lamansky—Sesrets d'etat de Venise (о которыхъ мы говорили въ «Обзорѣ источниковъ исторіи Греко-восточной церкви») могутъ быть: 1) Zinkeisen—Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. Gothe, 1854—63. Это сочиненіе составлено на основаніи многочисленныхъ источниковъ, аккуратно цитируемыхъ, читается живо—и имѣетъ всегда цѣлью вполнѣ уяснять дѣло. Дорого оно въ особенности тѣмъ, что въ немъ достаточно подробно и основательно говорится объ отношеніи турецкаго правительства и народа къ греческимъ христіанамъ, чего почти не дѣлаетъ Hammer, написавшій очень подробную исторію турецкаго народа. Лучшей исторіи турокъ, чѣмъ многотомное сочиненіе Цинкейзена, мы не знаемъ. 2) Hertzberg. Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des Antiken Lebens bis zur Gegenwart. B. B. II—IV. Gotha 1877—1879. Въ тѣхъ вопросахъ, которые имѣютъ значеніе при изученіи отношеній Турокъ къ христіанамъ, Гертцбергъ слѣдуетъ Maurer'y и Zinkeisen'y, привнося немного новаго. Но такое новое у него все же есть, а потому и Гертцбергъ заслуживаетъ вниманія. 3) Проф. Скабалановича. Политика турецкаго правительства по отношенію къ христіанскимъ подданнымъ и ихъ религіи—отъ завоеванія Константинополя до конца XVIII в. (Напечатано въ Христ. Чтеніи, 1878, т. II). Сочиненіе по содержанію очень интересное. Жаль только, что авторъ не указываетъ своихъ научныхъ пособій, оставляя въ читателѣ недоумѣніе о томъ, чѣмъ пользовался авторъ. Но дѣло само собою разъясняется, если читатель сравнитъ сочиненіе г. Скабалановича съ сочиненіями Цинкейзена и Гертцберга. Трудъ разсматриваемаго автора появился ad hoc,—въ то время, когда русскія войска, отвоевавъ Болгарію у Турокъ, стояли подъ стѣнами Константинополя, въ Санъ-Стефано.

Что же дальше? Городъ опустѣлъ и нужно было снова заселить его. Одна часть жителей Византіи разбѣжалась еще до катастрофы, другая — тотчасъ послѣ катастрофы. Многіе изъ грековъ, захваченные въ плѣнъ побѣдителями, были этими послѣдними проданы въ рабство, въ качествѣ добычи, доставшейся на долю храбрыхъ Турокъ. Къ счастью, нужно было только заселить городъ, а не возстановлять его изъ развалинъ. Константинополь, какъ городъ мало пострадалъ во время послѣднихъ тяжкихъ для Грековъ и черезъ-чуръ радостныхъ для Турокъ, событій. Не смотря „на долговременую осаду, штурмъ и трехдневный грабежъ, столица падшаго государства пострадала менѣе, чѣмъ какъ этого можно было ожидать. Ибо, сколько мы знаемъ о событіяхъ, въ стѣнахъ города, послѣ его взятія, ничто не подверглось разрушенію: ни одинъ храмъ, ни одинъ монастырь, ни одинъ дворецъ не пострадали ни отъ огня, ни отъ опустошенія. Этому содѣйствовалъ самъ Магометъ II. Въ первый же день, послѣ паденія Константинополя, въѣхавъ сюда, онъ объявилъ своимъ войскамъ, что всѣ зданія города должны составлять его исключительную собственность. Онъ говорилъ храбрымъ грабителямъ: „довольно съ васъ сокровищъ и плѣнныхъ (вамъ достающихся); не трогайте зданій—это моя собственность" [1]). Благодаря этому вмѣшательству султана, спаслась отъ разрушенія св. Софія, а вмѣстѣ съ нею множество другихъ замѣчательныхъ построекъ до ко-

---

4) Проф. Ламанскаго. Могущество турокъ-османовъ въ Европѣ (Рѣчь, читанная на актѣ Петербургскаго Университета въ 1880 г.). Мы привыкли соединять съ наименованіемъ «рѣчи» представленіе о чемъ-то жиденькомъ, эфемерномъ и научно-маловажномъ. «Рѣчь» же г. Ламанскаго составляетъ пріятное и почти неожиданное исключеніе. Не смотря на краткость, она замѣчательно содержательна. Въ основу ея положенъ какъ обширный трудъ самого г. Ламанскаго, выше нами упомянутый (въ «Обзорѣ источниковъ»), и содержащій документы большой важности, такъ и его же сочиненіе: «Объ историческомъ изученіи Греко-Славянскаго міра» (1871 г.). Вообще объ этомъ произведеніи г. Ламанскаго можно сказать: «малъ золотникъ, а дорогъ». — Всѣ вышепоименованныя сочиненія, могущія служить руководствомъ при изученіи указаннаго вопроса изъ греческой церковной исторіи,—чужды тѣхъ ламентацій, какія встрѣчались въ большинствѣ старыхъ сочиненій и какія теперь встрѣчаются, но кажется только въ русскихъ сочиненіяхъ, и притомъ, такихъ, которыя имѣютъ цѣлію дѣйствовать не на мысль и разсудокъ, а на чувства и нервы.

[1]) Ducae. Historia Byzatnina, cap. XL, p. 1112. Migne. Gr. Tom. 157.

торыхъ уже добиралась было рука хищника—вандала. Больше всего пострадали, при взятіи Константинополя, стѣны, его окружавшіе, и строенія, расположенныя рядомъ съ ними. Но это не трудно было исправить. Тѣмъ болѣе, что Магометъ приказалъ насильственно переселить въ Константинополь жителей нѣкоторыхъ окрестныхъ городовъ и селеній, возложивъ на нихъ обязанность возстановить стѣны въ прежнемъ видѣ. И вотъ не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ палъ Константинополь, а ужъ 5,000 семействъ было переселено въ новую столицу, которыя и принуждены были сдѣлаться даровыми работниками надъ возстановленіемъ стѣнъ и укрѣпленій [1]). Но все же знаменитый городъ оставался пустъ. Сейчасъ упомянутыхъ насельниковъ въ счетъ брать нельзя, хотя число ихъ потомъ и еще на много увеличилось. А Турки?... Но ради Турокъ не стоило брать великолѣпнаго города. Ихъ еще съ начала нужно было пріучить пользоваться благами цивилизаціи... Магометъ держался другихъ мыслей. Онъ желалъ населить городъ снова Греками. Въ нихъ онъ видѣлъ залогъ будущаго развитія своего государства. Магометъ II не любилъ медлить, а потому спустя нѣсколько дней послѣ паденія Византіи, онъ объявилъ чрезъ герольдовъ разбѣжавшимся грекамъ, какъ низшаго, такъ и высшаго классовъ, чтобы они всѣ безъ страха возвращались въ свои прежніе дома, обѣщая имъ полную свободу какъ въ религіозномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи [2]). Этотъ кличъ не остался безъ должнаго дѣйствія. У многихъ бѣглецовъ, которые испугались плѣна и меча варваровъ, страхъ сталъ проходить, а брала верхъ привязанность къ отечеству. Инымъ самое иго турецкое и опасности, съ которыми могло быть сопряженно пребываніе въ Константинополѣ, казались все же легче, чѣмъ вѣчное изгнаніе изъ любимаго города. За этими болѣе смѣлыми Греками, которые повѣрили обѣщаніямъ султана и потянулись въ Константинополь, послѣдовали болѣе робкіе, ободренные примѣромъ своихъ собратій. Не замедлили возвратиться на старое пепели-

---

[1]) Zinkeisen. Geschichte des Osmanischen Reiches. Band. II, S. 4—6.

[2]) Frantzae. Chronicon majus, lib. III, cap. 11, p. 893 (Migne. Curs. patr. tom. 156).

ще и тѣ изъ плѣнныхъ и проданныхъ въ рабство Грековъ, которые имѣли деньги и могли откупиться отъ неволи. Городъ сталъ снова населяться не одними Турками, народомъ не цивилизованнымъ, но и природными Греками, на которыхъ можно было возлагать благія надежды по части возстановленія имперіи новому властелину Византіи [1]).

Но спрашивается: почему и какъ Магомету II могла придти въ голову мысль не разставаться съ Греками, а напротивъ привлекать ихъ въ ихъ прежній отечественный городъ? Магомета II нельзя представлять себѣ какимъ-нибудь Батыемъ или Тамерланомъ, которые любили воевать ради самой войны. Не смотря на прирожденную жестокость и нравственную распущенность, новый властелинъ Византіи имѣлъ много достоинствъ, которыя даютъ ему мѣсто въ ряду болѣе замѣчательныхъ историческихъ личностей. Онъ былъ человѣкомъ образованнымъ и любителемъ просвѣщенія, онъ извѣстенъ заботами объ устроеніи высшихъ и низшихъ школъ въ новой своей столицѣ, обладалъ достаточнымъ художественнымъ вкусомъ, выразившимся въ прекрасныхъ постройкахъ, украсившихъ въ его время Константинополь; но важнѣе всего было то, что онъ отличался политическою проницательностію и рѣдкимъ талантомъ организатора [2]). Сдѣлать что-либо серьезное въ политическомъ, культурномъ и общественномъ отношеніи безъ такого или другаго содѣйствія Грековъ — Магометъ мало могъ разсчитывать, а потому ему надобно было помирить Грековъ съ совершившимся фактомъ—уничтоженіемъ византійскаго царства — и привлечь ихъ на свою сторону. На что могли годиться Греки—это султанъ зналъ и раньше, ибо и раньше бывалъ въ Константинополѣ и хорошо вглядѣлся во всѣ стороны культурной жизни Грековъ [3]).

Больше всего должна была мѣшать политическому сближенію двухъ націй — побѣдителей, Турокъ, и побѣжденныхъ, Грековъ, весьма существенная разница въ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Но въ этомъ отношеніи разсма-

[1]) Zinkeisen. Ibid. S. 7—8. Hertzberg. Gesch. Griechenlands. B. II, 543, 551.
[2]) Zinkeisen. B. II, S. 14, 471—473. Hertzberg. B. II, 531.
[3]) Historia Patriarchica p. 79. Edit. Bonn. 1849.

триваемые приверженцы меккскаго пророка не были похожи ни на Арабовъ временъ основателя исламизма, ни на турокъ—сельджуковъ. Самъ Магометъ II чуждъ былъ религіознаго фанатизма. Объ этомъ удостовѣряетъ то явленіе, что названный султанъ тотчасъ же по завоеваніи Константинополя окружилъ себя лицами христіанской вѣры. По словамъ греческаго историка, его свиту составляли „любезные ему христіане въ качествѣ секретарей, такъ какъ агаряне были необразованы и не учены". Историкъ при этомъ вообще замѣчаетъ, что „ они (христіане) управляли и всѣмъ царствомъ его" [1]). Здѣсь нѣтъ большаго преувеличенія, хотя нельзя не замѣтить, что извѣстіе выражено слишкомъ обще и неопредѣленно. Самихъ Турокъ тѣхъ временъ, о какихъ у насъ рѣчь, несправедливо было бы представлять какими-то непримиримыми врагами христіанства, въ родѣ Іудеевъ. Турки питали чувства уваженія ко Христу, они вѣрили въ Его чудесное рожденіе отъ Дѣвы Маріи, которую признавали одной изъ величайшихъ женъ всемірной исторіи. Они допускали безсѣменное зачатіе не только Христа, но и Богоматери, въ чемъ отказывали однакожъ своему Магомету. Христосъ, по ихъ вѣрованію, былъ чудотворцемъ со дней отрочества. Они признавали Христа за посланника и друга Божія и за великаго пророка, который принесъ свое евангеліе съ небесъ; по ихъ вѣрованію Онъ вознесся на небо и возсѣлъ съ Богомъ—Отцомъ, но только не такъ близко къ нему, какъ Магометъ,—который молится за нихъ, Турокъ и молитва котораго всегда бываетъ услышана. Впрочемъ, за Сына Божія они Христа не признавали. За оскорбленіе имени Христа Турки наказывали какъ Іудеевъ, такъ и своихъ собратій —Турокъ [2]). Герлахъ разсказываетъ слѣдующій случай, происшедшій во время его пребыванія въ Константинополѣ (въ XVI в.). Одинъ Іудей въ ссорѣ съ Грекомъ позволилъ себѣ сказать, что Христосъ былъ незаконнорожденнымъ, а мать Его была безчестною женщиною. Дѣло происходило въ присутствіи Турокъ, которые и явились на судъ, куда Грекъ привлекъ Іудея за

[1]) Historia Politica Constantinopoleos, p. 26, Edit. Bonn. 1849.
[2]) Elssner: Neueste Beschreibung d. Griechisch. Christen. S. 162—163. Berl. 1737.

оскорбленіе христіанской религіи. Судья присудилъ виновнаго къ 80-ти ударамъ по пятамъ. Но христіане остались недовольными приговоромъ судьи и обратились съ апелляціей къ самому султану. Послѣдній опредѣлилъ, чтобы съ преступникомъ поступлено было сообразно съ законами. Магометанскій муфтій, по справкѣ съ законами, нашелъ, что Іудей, наносящій оскорбленіе Христу, долженъ быть или по грудь зарытъ въ землю, или побитъ камнями, или сожженъ, или пожизненно заключенъ въ тюрьму,—при чемъ въ послѣднемъ случаѣ въ продолженіе 40 дней надлежало давать ему 40 ударовъ по пятамъ. Заручившись указанною справкою, полученною отъ муфтія, христіане отправились въ императорскій диванъ и требовали, чтобы виновный Іудей или былъ побитъ камнями, или сожженъ. Но диванъ по нѣкоторымъ соображеніямъ не рѣшился на такую казнь виновнаго и ограничился тѣмъ, что присудилъ его къ тюрьмѣ. Возможно, что христіане настояли бы на своемъ, если бы Іудеи не собрали между собой значительной суммы денегъ въ 1,000 дукатовъ и не поднесли ихъ султаншѣ-валиде (т. е. матери царствующаго султана). Іудей былъ заключенъ въ тюрьму, и ему при томъ же положено было ежедневно давать извѣстное число ударовъ по пятамъ[1]). Какъ мы сказали, турецкій судъ не давалъ спуску и тѣмъ изъ Турокъ, которые осмѣливались неуважительно относиться ко Христу. Досиѳей іерусалимскій разсказываетъ, что по доносу какого то армянина одинъ магометанинъ эффенди Магометъ за оскорбленіе христіанской религіи былъ вытребованъ въ судъ, и когда обвиненіе подтвердилось, то опредѣлено было отрубить голову виновнику, ибо въ Коранѣ предписано—добавляетъ повѣствователь—убивать того, кто злословитъ пророка (Христа)[2]).

---

1) Gerlach. Türckisches Tage-buch, S. 374. Franckfurt am M. 1674.

2) Δοσιθέου. Ιστορία περὶ τῶν ἐν Ιεροσολ. πατριαρχευσαντῶν, σελ. 1172.—Для доказательства сейчасъ раскрываемыхъ нами мыслей касательно уваженія христіанской религіи Турками, мы могли бы воспользоваться сочиненіемъ Баязитова, подъ заглавіемъ: «Отношенія ислама къ наукѣ и иновѣрцамъ» (Петерб., 1887), но мы не дѣлаемъ этого, во 1-хъ, потому что сочиненіе это написано какимъ-то петербургскимъ «имамомъ», а во 2-хъ, оно явно проникнуто апологетическою тенденціею. Поэтому мы сочли за лучшее оставить это сочиненіе въ сторонѣ, ограничиваясь такими сочиненіями, авторитетность которыхъ для насъ представляется не подлежащею сомнѣніямъ.

Въ средѣ Турокъ можно было встрѣтить не мало людей, которые уважали христіанство не только потому, что этого требовалъ ихъ законъ и обычаи, но и по внутреннему убѣжденію въ святости христіанской вѣры. При султанѣ Магометѣ I († 1421) явились два еретика мятежника. Отъ греческихъ монаховъ въ Смирнѣ и другихъ христіанъ въ Малой Азіи набрались они завирательныхъ идей. Махмутъ Бедреддинъ и Мустафа стали учить, что Турокъ нечестивъ, когда утверждаетъ, что христіане не почитаютъ Бога, что, напротивъ, спасеніе заключается въ религіозномъ единеніи съ христіанами. Ученики этихъ еретиковъ, встрѣчая христіанъ, обнимали ихъ, какъ братьевъ и почитали ихъ, какъ ангеловъ Господнихъ. Они вступали въ самыя дружественныя связи съ хіосскимъ духовенствомъ въ Азіи, съ Волохами и другими христіанами въ Европѣ. Усмиреніе ихъ возстанія и казнь ихъ въ 1418 году не уничтожили этой ериси. Венеціанскій посланникъ въ Константинополѣ Антоніо Барбаро въ XVI вѣкѣ доносилъ сенату, что между мусульманами въ Европѣ явились въ его время еретики, учившіе, что Христосъ былъ Богъ и Спаситель. Схваченные, умирая въ мученіяхъ, обнаруживали необыкновенную твердость. Говорили въ тоже время, что многіе изъ сановниковъ Порты держатся того же ученія [1]). Такъ было въ исключительныхъ случаяхъ, но и всегдашнее отношеніе Турокъ къ религіознымъ обычаямъ Грековъ свидѣтельствовало, что мусульмане раздѣляли многія народныя вѣрованія своихъ подчиненныхъ. Многіе греко-христіанскіе обычаи стали для Турокъ какъ бы родными. Они вѣрили въ святость воды, освящаемой въ греческихъ храмахъ, приписывали ей даръ совершать чудеса, наприм. изгонять бѣсовъ. Святые колодцы Грековъ Турки посѣщали съ такою же ревностію, какъ и христіане; мало того: они ходили къ гробамъ христіанскихъ святыхъ, брали отъ нихъ чудесный елей и вѣровали, что этотъ елей окажетъ имъ помощь и врачеваніе. Они даже прямо обращались къ греческому духовенству, прося его молитвъ [2]). Извѣстно, что во время общественныхъ бѣдствій они обращались къ патріарху константи-

[1]) Ламанскаго. Могущество Турокъ. Стр. 11.
[2]) Elssner. Opus cit., S. 333—334.

нопольскому и просили его совершить общественныя молитвы, въ надеждѣ, что его молитвы будутъ услышаны небомъ, и государство получитъ избавленіе отъ той или другой общественной бѣды [1]. При такихъ отношеніяхъ Турокъ къ христіанству, Греки, лишившіеся своего царства и свободы, смѣло могли разсчитывать, что Магометъ II не наложитъ рукъ на ихъ культъ и ихъ религіозные порядки, что и оправдалось на самомъ дѣлѣ. Ибо Магометъ былъ человѣкомъ передовымъ среди своего народа, оставаясь чуждымъ фанатизму.

Да и исторія Турокъ-Османовъ до завоеванія Константинополя показывала, что не въ обычаѣ этого народа было фанатически преслѣдовать покоренныя имъ, не мусульманскія, націи. На европейской почвѣ Турки нигдѣ не руководились политикой Сарациновъ, насильно обращавшихъ всѣхъ въ исламъ въ Испаніи, Сициліи и Критѣ (въ IX вѣкѣ); въ ихъ лѣтописяхъ нельзя указать на истребленіе христіанъ, устроенное правительствомъ, подобно истребленію Мавровъ въ Испаніи; сами Греки могли бы засвидѣтельствовать, что религіозная ненависть Турокъ сильнѣе тяготѣла на ихъ собственныхъ еретикахъ (шіитахъ), чѣмъ на христіанахъ, совершенно такъ же, какъ ненависть Грековъ къ римско-католикамъ пересиливала ихъ непріязнь къ мусульманамъ [2].

Магометъ II не могъ уже оставаться позади своихъ предшественниковъ по власти—въ отношеніяхъ къ христіанамъ. Да и самый характеръ Грековъ исключалъ возможность примѣнять къ нимъ какіе либо пріемы прежнихъ Сарациновъ. „Греческая національность съ давнихъ временъ сложилась въ замѣчательно-крѣпкое цѣлое; ненависть ея ко всему чужому въ тѣ времена составляла характеристическую черту; въ ней, этой націи, былъ заключенъ твердый церковный элементъ, этотъ элементъ, не какъ у романскихъ, славянскихъ и германскихъ народовъ, составлялъ рѣшительное и преобладающее отличіе самой греческой національности. По отношенію къ такой національности, какъ греческая, которая вообще рѣдко

[1]) Ricaut. Histoire de l'eglise Greqcue, p. 17—18. Amsterd. 1710.
[2]) Гервинуса. Возстаніе и возрожденіе Греціи (Исторія XIX вѣка, том. 5), стр. 11. Рус. пер. Петерб. 1868.

склонялась къ обращенію въ исламъ, политика Порты должна была быть иная, чѣмъ въ другихъ случаяхъ" [1]). Не въ борьбу вступить съ Греками нужно было побѣдителю Византіи, а въ соглашеніе и изобрѣсти modus vivendi. По всему этому „Магометъ II поступилъ, съ подвластною ему христіанскою церковью ни какъ Сигизмундъ съ гусситами, ни какъ Карлъ V или Филиппъ II съ протестантами и ни какъ Людовикъ XIV съ гугенотами" [2]). Онъ поступилъ, какъ долженъ былъ поступить разумный политикъ. Его отношеніе къ греческимъ христіанамъ, „было въ высшей степени благопріятно и выгодно для нихъ" [3]).

Лишь только былъ выбранъ первый Константинопольскій патріархъ, подъ турецкимъ владычествомъ (а самая иниціатива возможно успѣшнаго избранія патріарха принадлежала Магомету II), какъ новый государь бывшаго греческаго царства, однажды навсегда опредѣлилъ религіозное положеніе Грековъ въ оттоманской имперіи. Свои опредѣленія въ этомъ случаѣ султанъ закрѣпилъ высочайшею граматою—фирманомъ. Къ сожалѣнію ни текстъ, ни точное содержаніе той грамоты до насъ не сохранилось. Можно даже думать, что въ планы лучшаго греческаго историка того времени Франдзія не входило желаніе изложить точнымъ образомъ текстъ этой грамоты или содержаніе ея. Для пессимиста и дряхлаго старца, не могшаго утѣшиться по поводу паденія греческаго царства и гибели трона Палеологовъ, какимъ былъ Георгій Франдзій—не интересно было записывать ради потомства о тѣхъ милостяхъ, которыхъ, повидимому, совершенно неожиданно удостоились Греки. Этотъ историкъ говоритъ, что Магометъ далъ патріарху письменно изложенныя опредѣленія за его собственною подписью, которыми удостовѣрялось, что никто не станетъ досаждать или прекословить ему, но что онъ будетъ защищенъ, обезопасенъ отъ всякаго врага и будетъ свободенъ отъ всякихъ даней и подати. Такъ будетъ поступлено какъ съ нимъ (патріархомъ Геннадіемъ), такъ и съ его преемни-

[1]) Hertzberg, B. II, S. 543—544.

[2]) Pischon (бывшій пасторъ при прусскомъ посольствѣ въ Константинополѣ). Die Verfassung der Griechisch-orthodoxen Kirche in der Türkei (Stud. und Kritik. 1864, S. 87).

[3]) Zinkeisen, B. II, S. 13.

ками, а равно и съ подчиненными имъ епископами [1]). Само собою понятно, что это не языкъ фирмана, а болѣе чѣмъ свободное изложеніе его смысла. Безъ сомнѣнія, Магометъ II даровалъ какія нибудь права и народу греческому, но объ этомъ у Франдзія нѣтъ ни слова. На основаніи историческаго изученія первоначальныхъ отношеній турецкаго правительства къ греческой церкви, съ достаточнымъ основаніемъ приходятъ къ выводамъ, что еще Магометомъ II и его ближайшими преемниками даны были слѣдующія главныя религіозныя права христіанамъ бывшаго византійскаго государства: весь греческій народъ обязанъ платить поголовную ежегодную подать въ пользу казны— хараджъ. Но за то религія и религіозныя учрежденія Грековъ сохранятся. Личности патріарха, епископовъ и священниковъ признаются неприкосновенными. Всѣ духовныя лица считаются свободными отъ подати. Половина церквей Константинополя обращается къ мечети, а другая остается въ пользованіи христіанъ. Во всѣхъ дѣлахъ, касающихся внутренняго церковнаго управленія — каноны сохраняютъ свою силу; самостоятельность церковнаго управленія, производимаго патріархомъ и епископами, ни въ чемъ Портою не нарушается. При патріархѣ существуетъ Свят. Синодъ, патріархъ и Синодъ ведутъ дѣла церковнаго управленія. Всѣ религіозныя дѣйствія отправляются свободно. Браковѣнчанія, погребенія и другіе церковные обряды совершаются безпрепятственно и открыто. Позволяется торжественное празднованіе праздника Пасхи во всѣхъ городахъ и деревняхъ; а въ Константинополѣ ворота квартала Фонаръ, гдѣ находится патріархія, должны оставаться незапертыми въ теченіе трехъ пасхальныхъ ночей [2]).

Вотъ въ общемъ та религіозная свобода, какая предоставлена была греческимъ христіанамъ. Само собою понятно, что не всегда она сохраняла свою полную силу. И вина въ этомъ случаѣ не всегда падаетъ на Турокъ и ихъ правительство. Но несомнѣнно, что патріархъ и во времена турецкія, какъ лицо священное, остался тѣмъ,

---

[1]) Frantzae. Chronicon majus, p. 896.

[2]) Pischon. Verfassung u. s. w. s. 87—88. Zinkeisen, B. II, S. 10. Hertzberg, II, 550.

чѣмъ онъ долженъ быть по канонамъ; архіреямъ ничто не препятствовало быть въ полномъ смыслѣ слова пастыреначальниками. Синодъ всегда дѣйствовалъ. И идея соборнаго управленія не угасла въ греческой церкви. Разумѣется, эта идея не въ одинаковой мѣрѣ осуществлялась, но во всякомъ случаѣ правительство препятствій къ ея осуществленію не дѣлало. Каноны всегда могли сохранять свою силу. Безъ храмовъ христіане нигдѣ и никогда не оставались. А что касается богослуженія, то оно не терпѣло никакихъ серьезныхъ стѣсненій. Исторія въ этомъ отношеніи даетъ достаточныя удостовѣренія. Греки, какъ это можно видѣть изъ надежныхъ свидѣтельствъ, свободно отправляли богослуженіе. Въ полночь или даже раньше въ большіе праздники греческіе христіане, не исключая малолѣтнихъ, съ лампадами и фонарями мирно шли въ храмъ къ утреннему богослуженію и турецкая ночная стража и другія лица не останавливали идущихъ. Въ греческихъ храмахъ во время богослуженія ни одинъ турокъ не могъ допустить себѣ безпорядка, подъ опасеніемъ тяжкаго наказанія. Въ этомъ случаѣ Турки, по замѣчанію наблюдателей, являлись болѣе толерантными, чѣмъ разные христіанскіе сектанты одни къ другимъ [1]). Турецкая терпимость простиралась такъ далеко, что мусульманское правительство не воспрещало Грекамъ ежегодно въ недѣлю Православія совершать извѣстный чинъ православія, въ которомъ между прочимъ возглашалась анаѳема противъ Агарянъ. И это происходило не гдѣ нибудь въ захолустьѣ, а въ самомъ Константинополѣ и совершалось самимъ патріархомъ. Турки приходили въ христіанскую церковь и собственными ушами слушали, что ихъ, какъ магометанъ, провозглашаютъ и нечестивыми, и проклятыми, но не препятствовали совершенію ранѣе установленнаго богослужебнаго чина. Нѣкоторые изъ Турокъ доводили объ этомъ явленіи до свѣдѣнія пашей, но эти оставляли доносы безъ вниманія. Впрочемъ, если бы кто изъ христіанъ рѣшился назвать Турка нечестивымъ внѣ церкви, таковой подлежалъ законной отвѣтственности [2]). Турки не только оставляли неприкосновеннымъ соблюде-

[1]) Elssner. Neueste Beschreib., S. 328—329.
[2]) Gerlach. Türckisches Tagebuch, S. 469.

ніе Греками богослужебныхъ обычаевъ, но деликатно относились къ тѣмъ древнимъ народнымъ обыкновеніямъ, которыя соединялись съ праздниками. Такъ, они дозволяли имъ проводить три первыхъ дня Пасхи въ полномъ веселіи, пользуясь свободою общественною. Греки могли шумѣть, заводить игры и плясать со стаканами въ рукахъ на улицахъ. Чтобы не мѣшать греческому народу веселиться на праздникѣ, Турки въ это время благоразумно сидѣли дома, рѣшаясь явиться на улицѣ только по неотложной нуждѣ. Въ свою очередь и Греки во время совершенія магометанами праздника Байрама тоже старались не мозолить глаза Туркамъ [1]).

Вотъ тѣ чисто религіозныя права и та религіозная свобода, которыя получилъ греческій христіанскій народъ отъ султановъ, со временъ Магомета II. Разумѣется права эти не очень велики. Но большихъ и трудно было ожидать отъ иновѣрнаго правительства въ тѣ нетолерантныя времена, когда палъ Константинополь. Если бы только этимъ ограничились милости султановъ къ ихъ греческимъ подданнымъ, то объ этомъ едва ли и стоило бы говорить. Но этимъ дѣло не ограничилось. Оттоманская Порта поставила себя въ такія отношенія къ греческой іерархіи и греческому народу, которыя доставили той и этому много выгодъ и преимуществъ. Эти выгоды и преимущества были такъ значительны, что „христіанская іерархія теперь пріобрѣла даже болѣе самостоятельности и болѣе полновластное положеніе, чѣмъ какъ это было при византійскихъ императорахъ“ [2]). А греческій народъ получилъ возможность жить такъ, что „мрачныя представленія о турецкомъ гнетѣ необходимо должны нѣсколько просвѣтлѣть“ [3]).

1. Отношенія Оттоманской Порты къ греческой іерархіи.

Тѣ религіозныя права, которыя мы изчислили выше и которыя султаномъ даны греческой церкви, составляли собою, такъ сказать, основные законы, по которымъ всегда должна была жить эта послѣдняя. Но помимо этого,

[1]) Elssner. Neuste Beschreib., S. 330—331.
[2]) Pischon. Opus cit. S. 88.
[3]) Гервинуса. Возстаніе Греціи, стр. 13.

каждый патріархъ константинопольскій и каждый епископъ греческій получали еще, при самомъ вступленіи ихъ въ управленіе церковью (первый при возведеніи въ патріархи, а второй при посвященіи въ архіереи) особые султанскіе бераты (μπαράτιον), которые имѣли нѣкоторое сходство съ тѣми ставленными грамотами, какія даются у насъ отъ свят. Синода архіереямъ при ихъ посвященіи. Эти бераты чрезвычайно важны по своему значенію; они даютъ такія права патріархамъ и архіереямъ, какихъ они нигдѣ не имѣютъ. Въ силу этихъ бератовъ патріархъ константинопольскій и греческіе архіереи становятся главами народа, облеченными гражданскою свѣтско-судебною и полицейскою властью. Разсмотримъ содержаніе султанскихъ бератовъ [1]) и постараемся разъяснить его

[1]) Намъ хотѣлось было составить ясное представленіе о бератахъ, изучать для этого возможно большее число ихъ—изъ разныхъ вѣковъ; но мы не нашли надлежащаго матеріала, который служилъ бы нашей цѣли. Писатели какъ иностранные, наприм. обстоятельный Maurer (B. I, 381—2), такъ и русскіе, наприм. И. Березинъ («Православная и другія христіанскія церкви въ Турціи», стр. 5 и дал. Петерб. 1855) и проф. И. С. Бердниковъ (въ статьѣ: «Церковное Право въ православной церкви». Прав. Собес. 1890, т. I, 197 и дал.) цитируютъ или цѣликомъ въ переводѣ приводятъ, когда приходится имъ говорить о патріаршемъ бератѣ, единственный текстъ подобнаго берата, выданнаго султаномъ константинопольскому патріарху Неофиту въ 1789 году и напечатаннаго во французскомъ сочиненіи: D'Ohsson'a Tableau general de l'empire Othomane, изданномъ въ 20-хъ годахъ 19-го столѣтія. Болѣе раннихъ патріаршихъ бератовъ никто изъ извѣстныхъ намъ пасателей по греко-восточной церкви не приводитъ Вотъ, послѣ этого и извольте составлять понятіе относительно исторіи бератовъ! Правда Ельснеръ о (Neueste Bescheib., 60) сообщаетъ, что онъ читалъ описаніе одного патріаршаго берата у какого-то, намъ неизвѣстнаго Tournefort'a; но самъ Ельснеръ не сообщаетъ достаточныхъ свѣдѣній объ этомъ бератѣ. Мы даже сомнѣваемся, чтобы, упоминаемый Ельсперомъ Tournefort въ самомъ дѣлѣ описывалъ бератъ патріаршій, ибо нѣмецкій писатель говоритъ, что будто въ этомъ бератѣ христіане побуждались къ послушанію патріарху, подъ угрозою палочныхъ ударовъ по пятамъ. Указанное сомнѣніе наше основывается на томъ, что бератами, какъ увидимъ ниже, давалась патріархамъ столь неограниченная власть надъ христіанами, что о такихъ пустякахъ, какъ палочные удары и говорить въ бератѣ не стоило.—Мы, впрочемъ, не вовсе лишены возможности составить хотя слабое представленіе касательно исторіи патріаршихъ бератовъ: намъ удалось отыскать еще текстъ патріаршаго берата, относящагося къ XVII вѣку и выданнаго патріарху Діонисію, извѣстному съ именемъ ларисскаго и напечатаннаго, нужно сказать вовсе не кстати, въ сочиненіи Аymon'a: Monuments authentiques de la religion das Grecs, p.48 6. Сравнивая бератъ, цитируемый и приводимый Мауеромъ, проф. Бердниковымъ и Березинымъ съ бератомъ у Эймона—мы пришли къ тому выводу, что патріаршіе бераты XVII и XVIII вѣковъ въ существенныхъ и главнѣйшихъ чертахъ ос-

посредствомъ надлежащаго историческаго комментарія.

Права, даруемыя бератомъ патріарху константинопольскому по отношенію къ всему высшему и нисшему духовенству всего его патріархата, чрезвычайно велики. Въ бератѣ значилось: „повелѣваемъ митрополитамъ, архіепископамъ всѣхъ городовъ нашей обширной имперіи, а равно всѣмъ игуменамъ, священникамъ и монахамъ и вообще всѣмъ подданнымъ греческаго обряда обращаться къ нему (патріарху) по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ его юрисдикціи, уважать его пастырскій авторитетъ, быть послушными его увѣщаніямъ, повиноваться ему, согласно правамъ его сана и обязанностямъ религіи. Патріархъ и Синодъ имѣютъ

тавались тождественными. Бератами, отпечатанными у Березина, проф. Бердникова и Эймона—мы и будемъ пользоваться ниже въ нашей работѣ. Намъ между прочимъ хотѣлось выяснить себѣ: былъ ли данъ бератъ первому патріарху турецкаго періода Геннадію? имѣли ли такіе бераты его ближайшіе преемники? когда вообще появились бераты, каково ихъ первоначальное содержаніе, росли ли права пратріарховъ или умалились? Но на всѣ эти вопросы не нашли отвѣта. Повидимому, Геннадій и его ближайшіе преемники бератовъ не брали. Если не ошибаемся, первое упоминаніе о бератѣ встрѣчается въ XVI вѣкѣ, но о содержаніи этого берата ничего неизвѣстно. Мы разумѣемъ бератъ, полученный патріархомъ Θеолиптомъ Historia Patriarch. p. 151. Edit. Bonn.). Намъ думается, что бераты патріаршіе имѣли не совсѣмъ чистое происхожденіе. О нихъ начинаются упоминанія тогда, когда рѣчь ведется о такихъ патріархахъ, которые не совсѣмъ законными путями достигли патріаршества, — именно посредствомъ подкуповъ. Достигнувъ такими способами патріаршества, эти симонисты, чтобы не встрѣтить себѣ сопротивленія въ церкви, повидимому, выхлопатывали султанскій указъ—бератъ, утверждающій ихъ назначеніе на константинопольскую каθедру. Полагаемъ, что первые патріархи турецкаго періода пользовались своими широкими правами—безъ султанскихъ указовъ—на основаніи разъ изъявленныхъ Портою преимуществъ. Впрочемъ, разъясненіе исторіи патріаршихъ бератовъ должно составить задачу греческихъ ученыхъ. Иностраннымъ историкамъ это дѣло не подъ силу. Не смотря на вышеизложенное, скажемъ, какъ мы говорили раньше въ подобныхъ случаяхъ и какъ намъ придется не разъ это повторить: сдѣлаемъ, что можемъ. — Что касается текста берата, вручаемаго прочимъ архіереямъ, то въ этомъ отношеніи мы находимся въ еще болѣе жалкомъ положеніи. Мы отыскали одинъ и единственный текстъ подобнаго документа въ сочиненіи Heineccii: Abbildung der alten und neuen Griechischen Kirche Theil II, 386—387. Leipz. 1711. Но и этотъ текстъ по нѣкоторымъ основаніямъ нужно признать недостаточно надежнымъ. Безъ іеремiадъ, при изученіи исторіи греко-восточной церкви, не обойдешься.

N. B. При содѣйствіи достопочтеннаго профессора Е. Е. Голубинскаго, я *потомъ* нашелъ еще экземпляръ патріаршаго берата, выданнаго константинопольскому патріарху Кириллу въ 1855 году. Онъ напечатанъ въ сербскомъ переводѣ въ сербскомъ журалѣ: «Гласникъ» (связка IX, 1857 г., стр. 227—242). Въ этомъ бератѣ неоднократно говорится, что онъ составленъ сообразно

право избирать и поставлять митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ; свободно распоряжаться этими дѣлами по своему усмотрѣнію и дѣлать постановленія обо всемъ, что касается священниковъ и монаховъ, могутъ ставить на мѣста и лишать мѣстъ, могутъ замѣщать и смѣщать, какъ имъ кажется лучше. Митрополиты, архіепископы и епископы не могутъ отправляться и являться въ Константинополь безъ соизволенія патріарха. Повелѣваемъ, чтобы все, касающееся управленія церквей и монастырей, управленія ихъ экономіей, доходовъ и расходовъ, относилось исключительно къ компетенціи патріаршей каѳедры. Патріархъ имѣетъ право назначать комиссаровъ и посылать ихъ въ провинціи для сбора даней, которыя обязаны платить въ пользу патріаршей каѳедры митрополиты, архіепископы, епископы, священники и прочіе. Согласно древнему обычаю упомянутыя лица обязаны безпрекословно платить обычныя дани. Во всѣхъ случаяхъ, когда явится надобность взять для цѣлей правосудія какого-либо митрополита или другое лице священнаго сана, арестъ его можетъ состояться не иначе, какъ при участіи патріарха".

Эймонъ, приводя въ болѣе сокращенномъ видѣ содержаніе подобнаго же берата, въ которомъ впрочемъ упоминается вездѣ одинъ патріархъ безъ прибавленія: „и Си-

съ древними образцами того же рода. Значитъ въ изложеніи бератовъ наблюдалась традиція. Власть патріарха и здѣсь представляется очень широкою. Наприм. здѣсь говорится: султанъ «благоволилъ дать новому патріарху полную власть, какую имѣли его предшественники». О патріархѣ говорится въ бератѣ въ тонѣ очень благосклонномъ. Но повидимому, произошли къ этому времени и нѣкоторыя ограниченія власти патріаршей. Значеніе синода поднялось по сравненію съ прежними временами; здѣсь читаемъ: «безъ согласія митрополитовъ (членовъ синода) патріархъ ничего не смѣетъ (?) дѣлать». Въ одномъ пунктѣ берата говорится: «всѣ споры изъ-за власти и по поводу святаго закона между патріархомъ, митрополитами, епископами, будутъ разсматриваться въ императорскомъ Диванѣ» (!). Порядокъ параграфовъ значительно отступаетъ отъ порядка, какой находимъ въ бератѣ 1789 года. Много есть здѣсь мелочныхъ предписаній финансоваго характера. Таковъ образецъ берата XIX-го вѣка. Въ немъ нѣтъ ничего особенно-важнаго. Въ дальнѣйшей нашей рѣчи мы будемъ пользоваться, какъ указано нами выше, текстомъ патріаршихъ бератовъ XVII и XVIII вѣка. Бератъ же, изданный въ «Гласникѣ» принадлежитъ къ порѣ начинающагося упадка значенія власти патріаршей. Онъ можетъ имѣть интересъ для будущаго изслѣдователя исторіи бератовъ, если таковой найдется. Въ этихъ цѣляхъ мы и указали на него въ настоящемъ примѣчаніи.

нодъ", съ удивленіемъ замѣчаетъ: „изъ содержанія этого берата открывается, что едва ли найдешь другой родъ тиранніи, чѣмъ какая предоставлена греческимъ патріархамъ: смѣщеніе митрополитовъ, епископовъ, священниковъ и монаховъ абсолютно зависитъ единственно отъ воли того, кто занимаетъ каѳедру патріаршую; этотъ послѣдній можетъ отнимать доходы у всѣхъ архіереевъ и другихъ церковныхъ лицъ, въ случаѣ если они не покажутъ предъ нимъ слѣпаго послушанія, онъ вообще можетъ захватить имущество лицъ живыхъ подъ разными предлогами" [1]).

Дѣйствительно удивляться есть чему. Патріархъ, по смыслу берата, становится полнымъ господиномъ надъ всѣмъ высшимъ и нисшимъ духовенствомъ его патріархата. Такого рода бераты прежде всего несомнѣнно давали особенный престижъ личности патріарха, каковъ бы онъ ни былъ. Патріархъ являлся великимъ человѣкомъ въ глазахъ всего его многомилліоннаго православнаго патріархата. Вотъ патетическое описаніе тѣхъ чувствъ, которыя волновали стариннаго Грека при мысли о патріархѣ, описаніе, разбавленное впрочемъ замѣтками иностраннаго писателя. „Пріятно смотрѣть на высокій крестъ, который утвержденъ на патріархіи и который далеко видѣнъ и на сушѣ, и съ моря. Сама патріархія вмѣстѣ съ церковію (Богоматери), находясь на вершинѣ Стамбула, и окруженный стѣнами дворъ съ деревьями и жилище патріарха,—все это казалось святилищемъ. Предъ воротами здѣсь никто не пройдетъ безъ того, чтобы не положить руку на сердце, не преклониться и затѣмъ не осѣнить себя крестомъ въ дальнѣйшемъ пути. Церковь патріархіи свѣтила, какъ солнце среди тьмы. Дѣло доходило до того, что переносились отсюда мыслію къ самому Божеству. Съ Самимъ Богомъ, сѣдящимъ на Своемъ престолѣ, сравнивали патріарха, который единое лице отъ Троицы, именно Іисуса Христа, представлялъ собою на земномъ престолѣ. Земный этотъ рай Богъ содѣлалъ, а не человѣческая рука насадила" [2]). Такъ было давно, но не прешла

---

[1]) Aymon. Monuments, p. 487.

[2]) Hertzberg. B. III, S. 83—84. Cf. Históría Patriarchica, p. 202—204 (edit. Bonn.), откуда и заимствовано вышеприведенное описаніе, но съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ варіацій.

слава патріарха и въ болѣе новое время. „Не смотря ни на что, народъ съ дѣтскимъ почтеніемъ относится къ своему духовному верховному главѣ. Провозглашеніе новаго патріарха привѣтствуется народомъ, какъ отраднѣйшее событіе. Со всѣхъ сторонъ новому пастыреначальнику шлютъ дары, часто очень скромные, но всегда щедрой рукой. Изъ Хіоса вѣрующее благочестіе посылаетъ мастику, изъ Аттики оливы, съ горы аѳонской волну, драгоцѣнныя тончайшія ткани изъ Малой Азіи" [1]). „Уваженіе къ патріарху, какъ патріарху первой каѳедры, во всѣхъ греческихъ церквахъ, весьма велико: даже прочіе патріархи чтутъ его какъ перваго между ними, признаютъ его и его церковь главой и нормой для всего восточнаго христіанства; Греки низко склоняютъ предъ нимъ голову, также и Турки" [2]).

Патріархъ имѣетъ право ѣздить верхомъ (чего лишена прочая райя), имѣть свиту, одѣваться, какъ онъ хочетъ; на пути впереди его носится крестъ, жезлъ и свѣтильники—и въ этомъ никто не можетъ дѣлать ему препятствій. Его касса, въ которую стекались всѣ доходы патріаршіе, пользовалась до послѣдняго времени такимъ кредитомъ, что сами Турки предпочтительно сюда помѣщали свои капиталы [3]).

Его власть по отношенію къ высшему духовенству турецкой имперіи не оставалась номинальною, но обнаруживалась во всей силѣ, согласно точному смыслу султанскаго берата. Патріархъ по своей доброй волѣ могъ поставлять и отставлять митрополитовъ и епископовъ. Только по его ходатайству всякій вновь назначенный епископъ получалъ отъ Порты такой важный документъ, какъ бератъ. Патріархъ высылалъ изъ столицы, если хотѣлъ, въ его епархію какого угодно митрополита и епископа, исключая четырехъ главныхъ членовъ синода, этихъ хранителей патріаршей печати. Патріархъ можетъ налагать наказаніе на клирика какой угодно епархіи, соображаясь

---

[1]) Mendelssohn-Bartholdy. Geschichte Griechenlands. Theil. I, S. 12. Leipz. 1870.

[2]) Elssner. Neueste Beschreib. S. 77—78.

[3]) Silbernagl. Verfassung und gegenwärtiger Bestand der Kirchen des Orients. S. 15. 17. Landshut, 1865.

впрочемъ, съ церковными канонами [1]). Одинъ или при участіи Синода патріархъ рѣшалъ всѣ споры, возникавшіе въ церкви [2]). Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что, не спрашивая другихъ архіереевъ, патріархъ можетъ причислять какого либо прославленнаго святаго человѣка къ лику угодниковъ Божіихъ: по правиламъ греческой церкви требуется, чтобы тысяча свидѣтелей удостовѣрила совершеніе чудесъ при гробѣ того или другаго праведнаго христіанина; поэтому въ указанной церкви рѣдко встрѣчаются примѣры канонизаціи [3]).

Патріархи, пользуясь правами, предоставленными имъ въ силу бератовъ, не только низвергали неугодныхъ имъ епископовъ съ каѳедръ, но и легко могли добиться ихъ ссылки. Такъ въ 1864 году патріархъ просилъ у Порты, чтобы она наказала ссылкою двухъ болгарскихъ епископовъ Авксентія и Иларіона, и турецкое правительство съ большою готовностью исполнило волю константинопольскаго іерарха. Нѣсколько ранѣе, двухъ назойливыхъ болгарскихъ священниковъ, никого не спрашиваясь, патріархъ заперъ сначала въ домъ для умалишенныхъ, а потомъ заточилъ въ греческій монастырь [4]). Намъ встрѣтилось у одного русскаго, знакомаго съ греческимъ церковнымъ міромъ, писателя, извѣстіе, что будто въ былыя времена патріархъ наказывалъ епископовъ, не уважавшихъ свой санъ, тѣмъ, что дѣлалъ ихъ баньщиками въ Константинополѣ; но это извѣстіе мы считаемъ сомнительнымъ [5]).

Согласно смыслу бератовъ, константинопольскій патріархъ былъ главнымъ лицомъ, въ завѣдываніи котораго находились всѣ безъ исключенія церковныя имуще-

---

[1]) Ibidem, S. 13.

[2]) Hertzberg. Op. cit., S. 80.

[3]) Maurer. Das Griechische Volk. I, 388.

[4]) Hasemann. Griechische Kirche im Mittelalter und der Neuzeit, S. 21. Ersch und Gruber. Encyklopädie, B. 84. Leipz. 1866.

[5]) Леонтьевъ К. Н. «Изъ жизни христіанъ въ Турціи». Т. III, стр. 58. М. 1876.—Свое сомнѣніе мы основываемъ на слѣдующемъ: возможно, что замѣчаніе это было выражено въ присутствіи г. Леонтьева въ его бытность въ Греціи, какимъ нибудь славяниномъ, говорившимъ о константинопольской тюрьмѣ, именуемой: «Бань», въ которую дѣйствительно могли попадать по волѣ патріарха и архіереи; а нашъ писатель, г. Леонтьевъ, собственное имя: «Бань», по ошибкѣ, принялъ за нарицательное: «баня»; и вотъ тюрьма въ его разсказѣ превратилась въ баню.

ства; и значитъ могъ распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Въ этомъ тоже состояло его отличіе отъ прочихъ архіереевъ. Въ бератѣ значилось: „Вмѣстѣ съ свободнымъ владѣніемъ церквами, принадлежащими патріархату, патріархъ имѣетъ право владѣть и всѣми недвижимыми имѣньями и угодьями, принадлежащими къ церквамъ,— какъ-то: садами, виноградниками, полями и лугами, мызами, мельницами, домами, лавками, мѣстами, назначенными для богослужебныхъ собраній (панаиръ) или благочестивыхъ подвиговъ (аясма), рабочимъ скотомъ и имуществомъ всякаго рода".

Для насъ особенно интересно узаконеніе, состоящее въ томъ, что патріархъ, оставаясь въ должности, дѣлался собственникомъ недвижимыхъ церковныхъ имуществъ. Откуда могли взяться такія имущества? Велики ли они были? Полагаютъ, что будто Магометъ II оставилъ за греческою церковью всѣ тѣ богатыя недвижимыя имущества, которыя находились въ рукахъ духовенства во время завоеванія столицы названнымъ султаномъ [1]). Съ большею основательностію можно утверждать, что тотъ же Магометъ II, заключая въ 1454 году договоръ съ Венеціей, выговорилъ при этомъ, чтобы и въ будущее время патріархъ константинопольскій получалъ съ находящихся въ венеціанской республикѣ, церковныхъ своихъ имуществъ всѣ тѣ доходы, какіе этотъ патріархъ получалъ во дни царей византійскихъ. Увѣряютъ, что договоръ этотъ имѣлъ силу и въ концѣ XVI вѣка [2]). По очень солидному свидѣтельству, во времена турецкія въ теперешней Греціи, предъ тѣмъ, какъ въ ней образовалось эллинское королевство, четвертая часть всѣхъ недвижимыхъ имуществъ находилась во владѣніи архіереевъ и церквей [3]). Извѣстно также, что св. Гробу или іерусалимской патріархіи, а также Аѳону, находящемуся подъ вѣдѣніемъ патріарха константинопольскаго, принадлежали весьма

---

[1]) Hertzberg. B. III, S. 81. Авторъ, къ сожалѣнію не указываетъ, на чемъ онъ основываетъ свое интересное показаніе. Не есть ли это показаніе простое обобщеніе того, о чемъ говоритъ Цинкейзенъ? *См. нашу слѣдующую цитату.*

[2]) Zinkeisen. B. III, S. 363.

[3]) Maurer. Das. Griech. Volk. B. I, 53—54.

значительныя имѣнія въ Грузіи, Бессарабіи и Румыніи. Послѣднія, какъ извѣстно сравнительно не очень давно были конфискованы румынскимъ княземъ Кузою. Замѣчательно при этомъ, что Порта не только не посягала на церковныя имущества, но даже и сейчасъ принимаетъ довольно близкое участіе въ вопросѣ о возстановленіи правъ греческой церкви на владѣніе только что помянутыми, подвергавшимися конфискаціи, имуществами. Въ очень компетентномъ источникѣ можно читать слѣдующее: „въ непродолжительномъ времени теперешній султанъ обратится къ державамъ, подписавшимъ берлинскій трактатъ, съ нотою о греческихъ монастыряхъ, расположенныхъ въ Румыніи и конфискованныхъ тамошнимъ правительствомъ назадъ тому 25 лѣтъ. Нота опирается на записку, представленную Портѣ патріархами Константинополя и Іерусалима, въ которой изложены ихъ притязанія. Оттоманское правительство безъ сомнѣнія имѣетъ не только право, но и обязанность защищать интересы своихъ подданныхъ", замѣчено въ нашемъ источникѣ [1]).

До сихъ поръ, говоря о бератахъ патріаршихъ и ихъ содержаніи, мы держались въ сферахъ церковныхъ. Патріархъ предъ нами являлся, хотя и необычно полновластнымъ пастыреначальникомъ въ своемъ патріархатѣ, но все же онъ оставался для насъ іерархомъ—не болѣе. Теперь мы перейдемъ къ анализу такихъ законоположеній патріаршаго берата, которыя почти заставляютъ насъ забыть, что мы имѣемъ дѣло съ патріархомъ, а не съ могущественнымъ мірскимъ начальникомъ. Въ бератахъ, даваемыхъ на имя патріарха, отъ лица султана говорилось: въ патріархіи избирается человѣкъ „способный управлять, наблюдать и держать въ своихъ рукахъ своихъ единоплеменниковъ (точнѣе: единовѣрцевъ) на всемъ протяженіи нашей славной имперіи. Повелѣваетъ, чтобы все, касающееся управленія всей греческой націи на всемъ пространствѣ имперіи относилось къ компетенціи исключительно патріаршей каѳедры и Синода. Патріархъ имѣетъ право принимать мѣры строгости противъ мірянъ, на которыхъ приносятся жалобы по дѣламъ брачнымъ или по

[1]) Сообщенія Прав. Палестинскаго Общества, томъ IV, стр. 695. Петерб. 1893.

другимъ дѣламъ, относящимся до ихъ религіозной жизни, подвергать ихъ отлученію или поражать ихъ анаѳемой, не опасаясь никакого возраженія. Онъ можетъ наказывать виновныхъ въ нарушеніи правилъ вѣры, можетъ запретить имъ входъ въ храмы, лишить ихъ погребенія, не опасаясь возраженій. Никто ни въ какомъ случаѣ не долженъ принуждать силой какого либо подданнаго изъ Грековъ къ принятію исламизма".

Принимая во вниманіе такія исключительныя права патріарха въ отношеніи мірянъ, о немъ говорятъ, что „онъ былъ не только духовнымъ начальникомъ, но и вождемъ греческой націи" или же именуютъ „верховной главой націи въ политическомъ отношеніи" [1]). Дѣйствительно, преимущества, какими награждалъ его бератъ, дѣлали патріарха чѣмъ то въ родѣ верховной главы православныхъ въ Турціи. Ему принадлежали извѣстныя мірскія полномочія, и въ этомъ отношеніи его юрисдикція простиралась далеко за предѣлы его партріархата. Каждаго изъ подчиненныхъ ему вѣрующихъ, если онъ заслуживалъ этого, патріархъ могъ отправить на галеры, не имѣя нужды испрашивать на это разрѣшенія у Порты. Присужденіе къ галерамъ—это было присужденіе къ пожизненному рабству. Эти несчастные поступали во флотъ, въ качествѣ колодниковъ-гребцовъ. Число колодниковъ-гребцовъ въ турецкомъ флотѣ въ XVI в. доходило до 10 тысячъ.—Все, что касалось управленія вѣрующими въ церковномъ отношеніи предоставлено было волѣ патріарха: во все это турецкая власть абсолютно не вмѣшивалась. Патріархъ имѣлъ право у себя въ патріархіи созывать народныя собранія для обсужденія школьнаго дѣла, устроенія госпиталей и т. п. Школы устраивались съ разрѣшенія патріарха, гдѣ угодно, и Порта не брала на себя права надзирать за методами и характеромъ преподаванія. Патріархъ обладалъ важнымъ полномочіемъ запрещать выпускъ или чтеніе какой нибудь вредной по его мнѣнію книги—и могъ наказывать сопротивниковъ въ этомъ случаѣ [2]). Это не было пустымъ и формальнымъ правомъ. Вотъ что произошло въ XVII вѣкѣ

[1]) Maurer. B. I, S. 127. Zinkeisen. B. II, 14.
[2]) Silbernagl. Verfassung... S. 14. 69.

по разсказу Рико [1]). Одинъ іезуитъ написалъ на простонародномъ греческомъ языкѣ книгу подъ заглавіемъ: „Щитъ римской церкви", напечаталъ ее въ Парижѣ и началъ раздавать ее между православными Греками. Патріархъ и Синодъ нашли эту книгу вредною для православныхъ. Опредѣлили экземпляры книги сжечь, чтенія ея воспретить, подъ опасеніемъ строгаго отлученія. Воля патріарха была приведена въ исполненіе. Если кого изъ вѣрующихъ патріархъ подвергалъ отлученію, то никто, даже само турецкое правительство, не могло заставить какого либо греческаго священника отпѣть отлученнаго, въ случаѣ его смерти. Если патріархъ требовалъ, чтобы какой либо православный христіанинъ за оскорбленіе религіи былъ наказанъ ссылкою, то подобное требованіе всегда было удовлетворяемо и т. д. [2]).

Мы знаемъ уже, что султанъ, кромѣ патріарха, выдавалъ свой бератъ митрополитамъ и епископамъ. Бератъ епископскій въ общемъ походитъ на бератъ патріаршій: митрополитамъ и епископамъ предоставлялись такія же права, какъ и константинопольскому пастыреначальнику, но въ урѣзанной степени. Въ одномъ извѣстномъ намъ епископскомъ бератѣ читаемъ: „моя (султанская) воля и желаніе состоятъ въ томъ, чтобы всѣ христіане (извѣстной епархіи), какъ высшаго, такъ и нисшаго классовъ, а также пресвитеры и монахи признавали NN своимъ епископомъ и чтобы во всѣхъ дѣлахъ, какія принадлежатъ къ его компетенціи, обращались къ нему за рѣшеніемъ и чтобы отнюдь его приговорамъ не противились; онъ поставляетъ и низвергаетъ священниковъ и монаховъ; въ случаѣ низверженія ни тѣ, ни другіе не должны ему противорѣчить. Ему предоставлена власть утверждать духовныя завѣщанія и вообще всѣ предсмертныя распоряженія". Ему же предоставлены права разбирать дѣла брачныя и свободно управлять церковнымъ недвижимымъ имуществомъ [3]).

Требованія, выражаемыя въ епископскихъ бератахъ, во всей точности исполнялись какъ духовенствомъ, такъ хри-

---

[1]) Ricaut. Histoire de l'eglise, p. 24—25.

[2]) Silbernagl. S. 70. Собственно о патріаршей судебной дѣятельности имѣемъ въ виду сказать ниже.

[3]) Heineccii. Abbildung. Theil II, S. 386—387.

стіанскимъ народомъ, подвѣдомымъ извѣстному архіерею.

Лично епископы, какъ и патріархъ, съ дозволенія Порты получили право ѣздить верхомъ и имѣть у себя свиту. Положеніе митрополитовъ и епископовъ въ политическомъ отношеніи было очень высокое и вліятельное, такъ какъ они принимали участіе въ турецкомъ провинціальномъ управленіи. Архіерей былъ непремѣннымъ членомъ важнѣйшаго органа провинціальнаго управленія—меджилиса и чрезъ это становился въ тѣсную связь съ турецкими мѣстными властями [1]).

По отношенію къ подчиненному ему клиру архіерей, въ силу берата, былъ въ собственномъ смыслѣ владыкой. Своей епархіей онъ управлялъ вполнѣ самостоятельно и свободно, такъ же, какъ патріархъ своимъ непосредственнымъ церковнымъ округомъ. Онъ имѣлъ абсолютную власть надъ своимъ клиромъ. Всѣ духовныя лица, подчиненныя архіерею, обложены были различными податями [2]) и очень походили въ этомъ отношеніи на нашихъ дореформенныхъ крестьянъ, съ которыхъ помѣщики въ старое время брали оброки. Провинціальное духовенство состояло изъ лицъ малообразованныхъ и простыхъ, мало чѣмъ отличавшихся отъ простонародья. Въ виду этого между архіереемъ и подвластнымъ ему духовенствомъ не могло установиться дружественныхъ отношеній. Архіереи обращались съ клиромъ грубо и неуважительно. Жалобы повѣствователей въ этомъ случаѣ не имѣютъ конца. Вотъ для примѣра одна изъ такихъ жалобъ: „обращеніе греческихъ епископовъ со священниками было въ высшей степени недостойно. Нерѣдко епископы били священниковъ у алтаря. Многіе епископы имѣли обыкновеніе держать священниковъ у себя въ услуженіи, заставляя ихъ работать въ своихъ дворахъ, конюшнѣ или садахъ“. Дѣло доходило до того, что иногда священникъ, которому архіерей давалъ приказаніе „таскать на дворъ изъ конюшни епископскаго дома въ коробѣ навозъ“, не желая выносить такого униженія, даже отказывался отъ христіанства и принималъ магометанство [3]).

Большею частію совсѣмъ другія отношенія устанавли-

[1]) Silbernagl. Op. cit. S. 27. 29.
[2]) Ibidem, S. 24. 27.
[3]) Иречекъ. Исторія Болгаръ, стр. 661. Переводъ. Одесса, 1878.

вались между греческими архіереями, вооруженными б ратомъ, и подчиненными имъ мірянами. Эти отношені во всякомъ случаѣ принадлежатъ къ лучшимъ страницам исторіи грековосточной церкви турецкаго періода. Отче зависѣла такая разница въ отношеніяхъ? Отчасти, вѣроя но, это зависѣло отъ того, что въ паствѣ каждаго пр винціальнаго архіерея встрѣчалось не мало людей инте лигентныхъ, вліятельныхъ, богатыхъ. Они и давали тон Въ глазахъ мірянъ архіерей пользовался большимъ авт ритетомъ и къ нему они обращались за совѣтомъ и р шеніемъ во всевозможныхъ случаяхъ. Архіерей сталъ влі тельнымъ лицемъ въ средѣ его паствы. Если Грекъ с вершалъ куплю-продажу или заключалъ какой либо др гой контрактъ, онъ нуждался въ содѣйствіи архіерея: а хіерей составлялъ актъ и для вѣрности его ставилъ немъ свою подпись. Если малолѣтній имѣлъ нужду опекѣ, или если кончился срокъ опеки, слѣдовало да отчетъ опекунамъ, или если встрѣтился затруднител ный вопросъ у опекуновъ, обращались въ такихъ сл чаяхъ къ епископу. Нужно было составить духовное з вѣщаніе, — опять шли къ епископскому нотаріусу. Міря рѣшительно ни одного, сколько нибудь важнаго, дѣла совершали безъ предварительнаго совѣта съ своимъ ар ереемъ. А въ бѣдѣ къ кому можно было обратиться помощію, какъ не къ своему архіерею? Епископъ имѣл доступъ въ мѣстныя правительственныя учрежденія, и п тому его вліяніе часто было очень нужно мірянамъ. Ес народъ былъ недоволенъ какимъ нибудь распоряженіе членовъ меджилиса, или воеводою (въ Греціи), то миря обращались съ изложеніемъ своихъ жалобъ опять къ еп скопу, который при первомъ же случаѣ доводилъ объ этом дѣлѣ до свѣдѣнія ближайшаго областнаго начальника, потомъ и самого паши (генералъ-губернатора). Одним словомъ, архіереи являлись совѣтниками и защитника своихъ пасомыхъ[1]). Все такое архіереи тѣмъ удобнѣе мог дѣлать, что бераты давали имъ широкія права по отн шенію къ ихъ пасомымъ. Это, конечно, очень отрадно.

[1]) Maurer. Das Griech. Volk. I, 95—97. Hertzberg. B. III, 81. 85 — Извѣстія Гертцберга представляютъ впрочемъ буквальное повтореніе извѣс авторитетнаго Маурера.

не слѣдуетъ упускать изъ вниманія и темныхъ сторонъ въ отношеніяхъ архіерея къ пасомымъ, такъ какъ, къ сожалѣнію, въ Турціи никакое дѣло не обходится безъ тѣневаго колера. Прежде всего, въ этомъ случаѣ нужно указать на очень усердное набиваніе архіереями своихъ кармановъ—при чемъ сильно страдали безпомощные рядовые христіане. По правиламъ, установившимся въ практикѣ въ турецкія времена, въ сборѣ денегъ на собственный прожитокъ архіерей не былъ ничѣмъ стѣсненъ: паства обязана была платить архіерею, сколько желалось этому послѣднему. По выраженію авторитетнаго греческаго писателя, при сборѣ съ пасомыхъ денегъ въ свою пользу: „воля архіерея была единственнымъ закономъ“ [1]). Само собой понятно, что такой законъ легко переходилъ въ беззаконіе. Мало того: права, даваемыя бератомъ, управлять душами вѣрующихъ, архіереи понимали въ смыслѣ дозволенности поступать съ подчиненными имъ христіанами, какъ угодно. Въ случаѣ неудовольствія на подчиненнаго ему христіанина, архіерей „отправлялъ въ монастырь, заключалъ въ тюрьму, объявлялъ его даже помѣшаннымъ въ умѣ“. А хуже всего то, что въ дѣло управленія церковью вмѣшивались геронтессы, „наложницы“ архіереевъ или, какъ ихъ иронически еще называетъ епископъ Порфирій, „преосвященныя монахини“. Онѣ настраивали архіереевъ противъ непріятныхъ этимъ особамъ лицъ, а архіереи уничижались до того, что въ угоду геронтессамъ, произносили анаѳему на совершенно невинныхъ, но несчастныхъ людей. И это только потому, что архіереи „имѣли гражданское право наказывать христіанъ“ [2]). Впрочемъ, это еще не все. „Греческіе епископы — разсказываетъ одинъ историкъ—столь же мало были образцами безкорыстія, какъ

[1]) Οἰκονόμος Τριακονταετηρὶς ἐκκλησιαστική, ἢ συνταγμάτιον ἱστορικόν. Σελ. 131. Аѳины, 1864.

[2]) Сырку. Описаніе бумагъ епископа Порфирія Успенскаго (Петерб. 1891), гдѣ въ «дневникѣ» преосв. Порфирія (стр. 18—22) можно находить всѣ подробности той исторіи, на которую мы сейчасъ указали. Изъ приведенныхъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто по отношенію къ Арабамъ, не слѣдуетъ выводить заключенія, что такое жестокое обращеніе греческихъ архіереевъ проявлялось у нихъ только среди иноплеменниковъ. Нѣтъ, эти архіереи «дѣлали тоже самое и въ Эпирѣ, и въ Критѣ и другихъ греческихъ земляхъ». Это была всеобщая жестокость нравовъ». Леонтьева. Востокъ, Россія и славянство. Т. 1, 50. М. 1885.

и образцами христіанской нравственности. Отъ преслѣдованія фанаріота не была обезпечена ни одна женщина и дѣвица въ селѣ. Въ такихъ случаяхъ рѣдко можно было найти помощь у турецкихъ чиновниковъ" [1]. (А у патріарха? Тоже?) Нужно сказать, что, не смотря на турецкое иго или, лучше сказать, благодаря этому игу, греческимъ архіереямъ жилось привольно и вообще далеко не скучно. Недаромъ, давненько уже, у Грековъ, принадлежащихъ къ свободной Греціи, появилась изложенная въ видѣ драмы сатира подъ заглавіемъ: „Русскій, Французъ, Англичанинъ". Въ этомъ произведеніи разсказывается, какъ три путешественника, принадлежащіе къ тремъ вышеупомянутымъ націямъ, прибыли въ Грецію и стали заводить разговоры съ встрѣчными Греками. Когда три чужестранца начали выражать скорбь по случаю бѣдствій, претерпѣваемыхъ греческимъ народомъ, то митрополитъ довольно холодно сказалъ имъ: „съ тѣхъ поръ, какъ я ношу эту одежду, я ничего не знаю о тѣхъ бѣдствіяхъ, о какихъ вы говорите. Впрочемъ, если Греки страдаютъ и переносятъ свои страданія терпѣливо, то это послужитъ къ заглажденію ихъ же грѣховъ. Теперь народъ — прибавилъ архіерей — началъ толковать о свободѣ, но я доволенъ, если ко мнѣ обильно притекаетъ десятина" [2].

Но обратимся къ картинамъ иного рода. Въ патріаршемъ бератѣ между прочимъ читалось: „Онъ имѣетъ право принимать мѣры строгости противъ мірянъ, на которыхъ приносятся жалобы по дѣламъ брачнымъ или по другимъ дѣламъ, относящимся до ихъ религіозной жизни. Онъ можетъ наказывать виноватыхъ въ нарушеніи правилъ вѣры, сообразно случаю и сообразно его особенной дисциплинѣ"; а въ обычномъ архіерейскомъ бератѣ значилось: „всѣ христіане (извѣстной епархіи) какъ высшаго, такъ и низшаго класса, во всѣхъ дѣлахъ, какія принадлежатъ къ его (епископа) компетенціи, должны обращаться къ нему за разрѣшеніемъ и приговорамъ его не противиться". Отъ этого дозволенія патріарху и епископамъ вѣдать собственно религіозныя дѣла греческихъ христіанъ,

[1]) Иречекъ. Исторія Болгаръ, стр. 662.

[2]) Mendelssohn-Bartholdy. Geschichte Griechenlands. Th. I, 5. Hertzberg. Op. cit., III, 397.

указанные іерархи очень легко могли перейти и къ болѣе обширному кругу разбирательства судебныхъ дѣлъ между вѣрующими. Ибо подъ понятіе „религіозной жизни", о которой идетъ рѣчь въ бератахъ, не трудно было подвести очень многое въ христіанскомъ обществѣ, если хотѣли того іерархи и ихъ пасомые и не ставило препятствій въ этомъ случаѣ турецкое правительство. Такъ на самомъ дѣлѣ и было. Явленіе это тѣмъ естественнѣе встрѣчать, что въ византійской имперіи архіереи никогда не лишались права прекращать тяжбы между вѣрующими путемъ третейскимъ: разумѣется, въ такихъ случаяхъ требовалось согласіе на подобный судъ—обѣихъ тяжущихся сторонъ. Судъ греческихъ архіереевъ во времена турецкія, чинимый по отношенію къ тяжущимся христіанамъ, всегда носилъ характеръ третейскаго, мироваго суда, хотя на самомъ дѣлѣ онъ ничѣмъ не отличался по своимъ послѣдствіямъ отъ обыкновеннаго гражданско-уголовнаго суда. Все дѣло въ томъ, что христіане уважали судъ архіерея и дорожили имъ. Но спрашивается: почему христіане предпочитали судъ архіерейскій, третейскій, правильному правительственному суду? Не должно думать, что турецкая юстиція судила Грековъ по своимъ магометанскимъ законамъ; нѣтъ, турецкая юстиція имѣла обязанность судить Грековъ по законамъ этихъ послѣднихъ. Но не всегда турецкіе судьи исполняли эту обязанность, потому что немногіе изъ нихъ имѣли терпѣніе изучать законы греческаго общества. Возможно, что это обстоятельство побуждало греческихъ христіанъ судъ архіерейскій предпочитать регулярному правительственному суду. Были и другія причины, которыя заставляли православныхъ христіанъ избѣгать суда турецкаго. Въ турецкихъ судахъ, въ случаѣ разбирательства какого-либо гражданскаго дѣла, судьи взыскивали 10% съ суммы иска тяжущихся лицъ. Этого не было на судѣ архіерейскомъ. Притомъ же горькій опытъ показывалъ, что въ результатѣ турецкаго суда было то, что истецъ и отвѣтчикъ одинаково проигрывали дѣло и несли убытки и непріятности. Къ тому же христіане не охотно вели денежныя дѣла въ судѣ турецкомъ, такъ какъ при этомъ истцу или отвѣтчику приходилось обнаруживать свое богатство,—а Греки не любили этого, да

и побаивались алчности Турокъ. Сами архіереи давали разумѣть своимъ пасомымъ, что не хорошо ходить въ суды иновѣрныхъ, когда можно судиться въ судѣ христіанскомъ. Вотъ причины, почему судъ архіерейскій третейскій получилъ большое значеніе среди турецкихъ христіанъ.

Судъ патріарха константинопольскаго при участіи нѣкоторыхъ духовныхъ сановниковъ и значительныхъ изъ мірянъ происходилъ очень торжественно, въ особомъ назначенномъ для сего залѣ (диванъ). Константинопольскій іерархъ судилъ лицъ, принадлежащихъ къ его епархіи, но не воспрещено было обращаться къ нему за правосудіемъ и христіанамъ изъ другихъ епархій. Онъ производилъ судъ съ тѣми же формами, какъ и самъ великій визирь. Судъ производился дважды въ недѣлю (середу и пятницу) или подъ предсѣдательствомъ самого патріарха, или же—его протосинкелла. Въ распоряженіи патріарха были кавассы (родъ полиціи), которые зависѣли отъ него лично, и съ точностью исполняли его приказанія. Существовала и особая тюрьма, бывшая въ вѣдѣніи патріарха. Дѣла разбирались какъ гражданскія, такъ и уголовныя. Уголовный судъ иногда кончался тѣмъ, что преступникъ присуждался даже къ галерамъ, къ тюрьмѣ, къ ссылкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ ничего не стоило испросить разрѣшеніе Порты. По дѣламъ гражданскимъ къ суду патріаршему обращались не только тогда, когда истецъ и отвѣтчикъ были Греки, но и тогда, когда отвѣтчикомъ былъ Грекъ, а истцемъ Армянинъ и даже Еврей или Турокъ. Армяне (слѣдовательно лица неправославныя), Евреи и Турки предпочитали судъ патріаршій, потому, что онъ былъ очень простъ и очень быстръ: дѣла рѣшались въ тотъ же день, когда предстали на судъ истецъ и отвѣтчикъ.

Сводомъ законовъ, по которому чинилъ судъ патріархъ, было произведеніе Арменопула, жившаго въ XIV вѣкѣ, префекта ѳессалониксаго: „Руководство къ познанію законовъ". Содержаніе этого произведенія было гражданское и заключало въ себѣ извлеченія изъ законодательныхъ памятниковъ императоровъ Василія Македонянина, его сына Льва и внука Константина съ дополненіемъ изъ послѣизданныхъ узаконеній. Это былъ кодексъ чисто византій-

ской юриспруденціи. Разъ произнесенъ патріархомъ приговоръ—дѣло считалось оконченнымъ. Въ случаѣ гражданскихъ тяжебъ никакихъ особыхъ способовъ къ приведенію приговора къ исполненію у патріарха не было: не подчинившагося его рѣшенію христіанина онъ могъ подвергнуть отлученію; но до этого дѣло никогда не доходило. Интересно, что въ случаѣ, если патріархъ (или другой епископъ) находилъ, что опредѣленныхъ данныхъ для произнесенія приговора очень мало, то іерархъ—судья въ ближайшій праздникъ во время богослуженія объявлялъ: не знаетъ ли кто изъ христіанъ чего либо по извѣстному тяжебному дѣлу, заклиналъ такого, подъ страхомъ отлученія, заявить суду о томъ, что ему извѣстно. Это было что-то въ родѣ повальнаго обыска. Говорятъ, что такое обращеніе къ народу никогда не оставалось безъ соотвѣтствующаго результата.

Таковъ былъ судъ патріаршій. Судъ епископскій ничѣмъ существенно не отличался отъ суда патріаршаго: онъ только былъ попроще—присутствовало меньше духовныхъ и мірскихъ лицъ—и лишонъ былъ торжественной обстановки. Притомъ онъ происходилъ не такъ часто, какъ патріаршій; да и компетенція суда епископскаго по дѣламъ уголовнымъ была ограниченнѣе и само собою понятно, что судъ патріарха, какъ высшаго духовнаго сановника, стоялъ въ глазахъ вѣрующихъ выше суда прочихъ архіереевъ. Но приговоръ и патріарха, и епископа сохранялъ одинаковую силу. Какихъ-нибудь апелляцій на судъ епископа къ патріарху не было въ обычаѣ. Хотя какъ на рѣшеніе епископа, такъ и на рѣшеніе патріарха, можно было апеллировать въ Синодъ константинопольскій, но это рѣдко дѣлалось, потому что наприм. патріархъ заботился о томъ, чтобы и Синодъ подкрѣпилъ его рѣшеніе и такимъ образомъ волокита не поощрялась.— Нельзя сказать, чтобы судъ епископскій былъ совершенно безгрѣшенъ: не только лицепріятіе, но подкупъ и здѣсь находилъ себѣ мѣсто. Въ Турціи ничего не совершалось по чистой совѣсти [1]).

[1]) Всѣ свѣдѣнія о судѣ патріаршемъ и епископскомъ нами заимствованы изъ слѣдующихъ сочиненій: Heimbach'a-Griechisch—römisches Recht im Mittelalter und in der Neuzeir (Ersch und Gruber-Encyklop., B. 87. S. 37—40),

Нѣтъ сомнѣнія, что такой судъ, какъ патріаршій и епископскій по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ — могъ возникнуть только въ Турціи, подъ вліяніемъ турецкихъ нравовъ. Архіереи, являясь въ роли такихъ судей въ разсматриваемое время, отступали отъ каноническихъ опредѣленій. То, правда, не мало привлекательнаго въ этого рода судѣ, — но тюрьма, ссылка, галеры—все это можетъ сойти съ рукъ развѣ только въ Турціи.

Изъ сдѣланнаго нами очерка отношеній турецкаго правительства къ греческой церкви открывается, что это правительство прямо или не прямо содѣйствовало греческой іерархіи стать въ положеніе очень благопріятное для ея интересовъ. Іерархія сдѣлалась очень сильна и вліятельна въ средѣ своего народа; она съумѣла, при благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ, усвоить себѣ такія права, которыя дѣлали ея представителей полномощными гражданскими администраторами. Греческіе іерархи въ своей дѣятельности слишкомъ явно отступили отъ древнихъ каноническихъ основоположеній. Но этого не замѣтили ни сами іерархи, ни народъ. А само турецкое правительство, освобождая себя отъ большихъ хлопотъ съ иновѣрными для нихъ Греками и возложивъ управленіе христіанскимъ народомъ на патріарха и другихъ архіереевъ, мало заботилось о томъ, въ какія чуждыя для церкви сферы введено греческое высшее духовенство. Греческая іерархія и турецкое правительство мирно уживались одна подлѣ другаго, а этого съ нихъ было и достаточно.

Положеніе греческаго высшаго духовенства, созданное условіями турецкой исторіи и турецкаго режима, нерѣдко обращаетъ вниманіе изслѣдователей судебъ греческаго народа, наводитъ ихъ на различныя разсужденія объ особенностяхъ церковной жизни христіанъ въ Турціи и вызываетъ у нихъ стремленія опредѣленнымъ образомъ характеризовать это, бросающееся въ глаза, явленіе.

Для однихъ представляется, что то положеніе, какое пріобрѣла греческая церковь, со временъ турецкаго вла-

Leipz. 1869; Maurer, Op. cit. B. I, S. 93—95, 99—101, 104—107; Silbernagl, Op. cit. S. 14; Базили—Архипелагъ и Греція въ 1830—31 годахъ, ч. I, 96—97, Петерб. 1834.

дычества надъ византійской имперіей, напоминаетъ собою какое-то „церковное государство". „Это фактъ ни съ чѣмъ не сравнимаго значенія—говорятъ намъ,—что организмъ греческой церкви признанъ со стороны Порты, какъ родъ церковнаго государства, находящагося въ предѣлахъ великаго османоисламитскаго царства" [1]). Дѣйствительно греческая церковь и ея іерархія составляютъ изъ себя нѣкотораго рода государство въ государствѣ: одна область вмѣщается въ другой области, не сливаясь и не смѣшиваясь. Въ этомъ случаѣ греческая церковь походитъ на папскую церковь, которая не отожествляетъ себя съ тѣми государствами и народами, среди которыхъ дѣйствуютъ ея представители. Самъ столичный патріархъ турецкаго періода съ его абсолютизмомъ, выражающимся въ господствѣ надъ прочимъ высшимъ духовенствомъ — представляетъ собою какъ бы сколокъ съ римскаго папы. Это сходство иногда прямо отмѣчается и русскими церковными писателями [2]). Сходство дѣйствительно есть.

Иногда находятъ, что константинопольскій патріархъ турецкихъ временъ „сталъ для Грековъ въ нѣкоторомъ родѣ преемникомъ византійскихъ императоровъ" [3]). Повидимому мысль парадоксальная, но она не лишена справедливости. Нельзя не обратить вниманія на то, что старинные греческіе историки (XVI в.) нисколько не затруднялись называть и султана (въ качествѣ императора), и патріарха совершенно одними и тѣми же титулами: αὐθέντης и βασιλέας; султанъ для нихъ αὐθέντης и βασιλέας—тоже и патріархъ [4]). Рядомъ съ выраженіемъ: Оттоманская Порта въ языкѣ Грековъ появилось названіе порта Фанара—для патріархіи. Случалось, что сами патріархи говорятъ о себѣ такъ, какъ будто бы они облечены правами чуть ли не равными съ турецкимъ султаномъ. Въ недавнее время одинъ патріархъ говорилъ великому визирю: „почему фирманъ (царскій указъ) изданъ безъ моего вѣдома?" [5]). Но главнымъ образомъ сходство между патріар-

[1]) Hertzberg. B. II. S. 549.
[2]) Проф. Θ. А. Кургановъ: Прав. Собесѣдн. 1873, I, 38.
[3]) Hertzberg. B. III, S. 81.
[4]) Historia Patriarchica, p. 94. Cf. p. 177. Edit. Bonn.
[5]) Проф. И. С. Бердниковъ: «Церковное право»: Прав. Соб. 1890, II, 153.

хомъ новыхъ временъ и дѣйствительнымъ византійскимъ императоромъ заключается въ функціяхъ: что дѣлалъ и византійскій императоръ, какъ не то же, что дѣлалъ потомъ и патріархъ въ изучаемое нами время: и этотъ послѣдній судилъ, разбиралъ дѣла, охранялъ прежніе законы, санкціонировалъ новые, слѣдилъ за исполненіемъ своихъ распоряженій повсюду среди подчиненныхъ, наказывалъ преслушниковъ, ссылалъ въ ссылку и заключалъ въ тюрьмы—вообще распоряжался по своей волѣ, имѣя обширное поле для дѣятельности? Церковь, руководимая константинопольскимъ патріархомъ, оставляетъ на заднемъ планѣ то, что должно бы характеризовать ее—духовныя мѣры и средства дѣйствованія, а вмѣсто нихъ она прибѣгаетъ къ такимъ, которыя составляютъ лишь принадлежность власти не духовной, мірской, или государственной. Преслушника ждетъ не прощеніе и обличеніе, а физическія репрессаліи. Подобно тому, какъ патріархъ, сосредоточивая въ своихъ рукахъ всѣ нити церковно-гражданскаго управленія, былъ въ нѣкоторомъ родѣ преемникомъ византійскихъ императоровъ, всѣ прочіе епископы, обладая меньшими правами въ томъ же отношеніи, были, какъ выражаются о нихъ, „истинными властителями (Beherrscher) греческаго народа“ [1]). Они являлись такимъ образомъ какъ-бы министрами при патріархѣ—царѣ.

Было бы дѣломъ несправедливымъ отрицать историческое значеніе облеченныхъ свѣтскою властію іерарховъ Востока. Это значеніе велико. Одинъ славянофильствующій русскій ученый, знатокъ Востока, нѣсколько иронически относится къ мнѣнію восточныхъ епископовъ, считающихъ себя палладіумомъ православія. Греческое духовенство—заявляетъ онъ — не на шутку думаетъ, что какъ только Болгары выбьются изъ подъ его власти, такъ и кинутся кто въ папство, кто въ протестантство“; не охранителями славянъ онъ считаетъ греческое духовенство, а просто „волками“ по отношенію къ нимъ [2]). Мы однакожъ думаемъ, что Греки, не смотря на явное тщеславіе, были ближе къ истинѣ, когда разсуждали такъ, какъ они разсуждаютъ, чѣмъ нашъ авторъ, скептически отно-

[1]) Maurer. Op. cit. B. I, 96.

[2]) Антонина арх. Изъ Румеліи, стр. 75. Петерб. 1886.

сящійся къ ихъ дѣятельности. Необычайная власть, которою обладали греческіе архіереи, благодаря турецкимъ поблажкамъ и попустительству, давала имъ всѣ способы охранять ввѣренныя ихъ попеченію православныя паствы отъ увлеченій иноземными лжеученіями. Отчасти имѣя въ виду это-то косвенное содѣйствіе турецкаго режима прочности православныхъ устоевъ народной жизни, извѣстный Леонтьевъ, будучи самъ грекофиломъ, однакожъ заявляетъ: „увы! Живя въ Турціи, я понялъ истинно ужасающую вещь: я понялъ съ ужасомъ и горемъ, что благодаря Туркамъ и держится еще многое истинно-православное на Востокѣ" [1]). Нельзя не признать и того, что греческіе іерархи, сдѣлавшись тѣмъ, чѣмъ они есть въ турецкихъ владѣніяхъ, помогли поддержанію національныхъ интересовъ Грековъ. Относительно этого справедливо говорятъ: „если греческая нація сохраняла самостоятельность своей жизни, и соединила членовъ ея тѣснѣе, чѣмъ какъ это было во времена византійскихъ императоровъ, то этимъ она обязана главнымъ образомъ церкви, которая спасла для Грековъ національное будущее" [2]).

Благодаря прямому содѣйствію турецкой власти, какъ это ясно видно изъ текста партіаршаго берата, константинопольская патріархія широко раздвинула предѣлы принадлежащей ей церковной компетенціи. Говоримъ о пріобрѣтшемъ въ то время силу закона, подчиненіи указанной патріархіи, какъ православныхъ патріарховъ прочихъ восточныхъ каѳедръ, такъ и митрополитовъ съ епископами славянскихъ народовъ, за исключеніемъ Черногоріи.— Патріархи александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій въ силу бератовъ, получаемыхъ отъ Порты, владѣли всѣми правами, присвоенными въ турецкое время рядовымъ епископамъ, и, кромѣ того, нѣкоторыми особенными прерогативами, принадлежащими лишь патріарху столицы; но они все же—тѣми же бератами—поставлены были въ нѣкоторую зависимость отъ патріарха константинопольскаго. Такъ, всѣ ихъ сношенія съ Портою происходили при посредствѣ этого послѣдняго, свои бераты они

1) Леонтьевъ. Востокъ, Россія и Славянство. Т. I, 226. М. 1885.
2) Hertzberg. B. III, S. 77. Въ томъ же родѣ говоритъ и Zinkeisen, II, 13.

получили при томъ же посредствѣ; въ Константинополь они могли пріѣзжать и здѣсь жить только съ позволенія ихъ столичнаго собрата. Послѣднее обстоятельство прямо отмѣчалось въ бератѣ патріарха константинопольскаго: въ этомъ случаѣ они подчинены тѣмъ же правиламъ, которыя имѣли силу по отношенію ко всѣмъ епископамъ патріархата константинопольскаго [1]). Значеніе такого ограниченія власти не столичныхъ патріарховъ открывается изъ того, что двое изъ этихъ послѣднихъ — патріархи іерусалимскій и александрійскій—почти постоянно жительствовали въ Константинополѣ и значитъ они каждую минуту находились въ опасности, въ случаѣ чего, быть удаленными изъ столицы. Зависимость, нѣтъ сомнѣнія, крайне унизительная.

При содѣйствіи Турецкой же власти константинопольская патріархія получила право управлять и главными церквами болгарскими и сербскими, которыя раньше совсѣмъ не были ей подчинены. Такъ во второй половинѣ XVIII вѣка присоединена была къ ней архіепископія ахридская или охридская, обладавшая правами автокефальности. Эта архіепископія составляла раньше независимый церковный округъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ епископій. Давно уже константинопольская патріархія домогалась, чтобы эта независимая отъ нея архіепископія была подчинена патріарху столицы; но успѣха долго не было. Отъ патріаршаго захвата архіепископію ахридскую охраняли мѣстные паши, которые сами наживались при избраніи какъ сказаннаго архіепископа, такъ и подвѣдомыхъ ему епископовъ. „Патріархи константинопольскіе могли выиграть дѣло противъ этихъ своихъ противниковъ только тогда, когда уже сами пріобрѣли себѣ сильныхъ ходатаевъ передъ высшимъ турецкимъ правительствомъ". Это случилось—какъ мы сказали—во второй половинѣ XVIII вѣка. Первымъ дѣломъ патріархіи константинопольской въ этомъ случаѣ было то, что она закрыла архіепископскую каѳедру въ Ахридѣ [2]). Почти одновременно съ ахридской архіепископіей былъ присоединенъ къ патріархату константино-

[1]) Silbernagl. Op. cit. S. 14. 21—22. См. также патріаршій бератъ.

[2]) Проф. Е. Е. Голубинскаго. Очеркъ исторіи церквей болгарской, сербской и др., стр. 141—2; 144; 149. М. 1871.

польскому и небольшой сербскій патріархатъ съ главной его каѳедрою въ Пекѣ или Ипекѣ. Сербскій патріархатъ или ипекскій (какъ онъ называется въ бератахъ) тотчасъ, по присоединеніи къ константинопольской патріархіи, претерпѣваетъ катастрофу: всѣ архіереи—Сербы изгнаны отсюда, а ихъ мѣста заняты архіереями греческими. Съ горя сербскіе архіереи хотѣли было присоединить свою церковную область къ церкви русской [1]. Но нужно полагать, что Турки не дозволили этого; ибо пекскій патріархатъ уничтоженъ, какъ самостоятельное цѣлое — по волѣ Турокъ. Дѣло было такъ: одинъ патріархъ этой церкви скомпрометировалъ себя въ глазахъ Порты своими освободительными идеями—и пекскій патріархатъ, съ согласія Порты, былъ подчиненъ—очевидно въ наказаніе — константинопольской патріархіи, очевидно заслужившей лестное вниманіе оттоманскаго правительства [2]. Эти новыя и важныя пріобрѣтенія константинопольской патріархіи вмѣстѣ съ вліяніемъ на всѣ древніе патріархаты имѣли сильное нравственное вліяніе на предстоятеля церкви константинопольской. „Церковь константинопольская именно подъ владычествомъ Турокъ добилась такихъ результатовъ, какіе въ самыя счастливыя времена византійскаго царства казались совершенно недостижимыми. Притязанія Константинополя на духовное верховенство среди восточной церкви теперь наконецъ сдѣлались неоспоримы" [3].

Пріобрѣтеніе константинопольской патріархіей вліянія на прочіе патріархаты (въ особенности іерусалимскій) и порабощеніе ею болгарской и сербской церквей повели къ тому, что эта патріархія задалась планами огречить помѣстное христіанское народонаселеніе. Эти планы она раздѣляла со многими знаменитыми Греками константинопольскими. Сама патріархія и вообще вся греческая іерархія была до мозга костей пропитана своимъ филэллинствомъ, т. е. узкою привязанностію только ко всему

---

[1]) Е. Е. Голубинскаго. Op. cit. 487—488.

[2]) Hertzberg, В. Ш, 205. У проф. Е. Е. Голубинскаго (ibid.) указана, впрочемъ, другая причина присоединенія этого патріархата къ константинопольскому—но, кажется, причина случайная.

[3]) Hertzberg. III, 78.

эллинскому. Исторія филэллинства и его распространенія очень любопытна, но кажется еще никѣмъ не написана; и не намъ браться за это дѣло. Отмѣтимъ лишь нѣкоторыя черты явленія, такъ какъ это должно служить естественнымъ восполненіемъ нашихъ разсужденій объ отношеніи Порты къ константинопольской іерархіи. Греческая іерархія высоко ставила одно то уже, что она никакая другая, а именно эллинская. Эллинство ей представлялось синонимомъ „благородства", „свободы". Греція ей представлялась „свѣтлою и благородною страной", очагомъ „возвышенныхъ идей, вполнѣ доступныхъ только Грекамъ" [1]). Филэллины признавали культурнымъ языкомъ только греческій, просвѣщеніе понимали только въ формѣ греческой школы и греческой же книги. Греческіе іерархи такъ любятъ цитировать „Платона, Аристотеля, Василія (В.), Златоуста"—даже тогда, когда эти цитаты совсѣмъ не къ дѣлу (наприм. въ словесной полемикѣ съ западными иновѣрцами [2]).

Подъ вліяніемъ константинопольскаго филэллинства греческій іерархическій элементъ началъ проникать и туда, гдѣ для него не могло быть много мѣста. Іерусалимскій патріархатъ, населенный преимущественно Арабами, наполнялся и пополнялся греческими архіереями. Подобное же было въ Болгаріи и Сербіи. Въ іерусалимскомъ патріархатѣ объ архіереѣ—арабѣ церковная власть и думать не хотѣла и не хочетъ [3]). Въ Болгаріи до недавняго времени Болгаръ дѣлали архіереями только въ исключительныхъ случаяхъ, когда для греческаго архіерея данной мѣстности нуженъ былъ дешевый викарій, который бы управлялъ за него въ то время, когда онъ проживаетъ въ Константинополѣ. Что касается школъ, то въ іерусалимскомъ патріархатѣ таковыхъ совсѣмъ не было, ибо Греки—архіереи находили, что учить Арабовъ не стоитъ [4]). Иначе вопросъ о школахъ рѣшался въ Болгаріи. По стараніямъ греческихъ архіереевъ въ болгарскихъ церквахъ славянская литургія была замѣнена греческою. Съ

---

[1]) Леонтьева. Изъ жизни христіанъ въ Турціи. Т. I, 180. 184.
[2]) Антонина арх. Op. cit. стр. 75.
[3]) Сырку. Описаніе бумагъ еписк. Порфирія, стр. 26.
[4]) Сырку. Op. cit. стр. 68.

этою цѣлію огречивали большинство священническихъ школъ. Обученіе шло по старому методу, но за то вмѣсто языка болгарскаго вдалбливали гораздо труднѣйшій — древнегреческій. И болгарскіе священники научились произносить греческіе молитвы какъ попугаи, безо всякаго пониманія. Эллинизація гнѣздилась въ городахъ, гдѣ имѣли свою резиденцію епископы. Но потомъ пошла и далѣе. На средства болгарскихъ купцовъ, которые не могли и помышлять о какой нибудь другой школѣ, кромѣ греческой (?), возникли скоро греческія учебныя заведенія въ чисто болгарскихъ городахъ, гдѣ вовсе нельзя было найти греческихъ семействъ. Хотя ученики были изъ семействъ купцовъ и ремесленниковъ, тѣмъ не менѣе главное вниманіе обращено было на изученіе классиковъ. Читали отрывки изъ Лукіана и Эзопа, а иногда изъ Гомера, Плутарха. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія эллинизація въ Болгаріи достигла своего апогея. Кто не умѣлъ говорить по гречески или по крайней мѣрѣ приправлять свою рѣчь греческими фразами, тотъ не принадлежалъ къ числу образованныхъ; казалось даже, что хотѣли отожествлять понятіе человѣка и Грека. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже по деревнямъ служилась литургія на греческомъ языкѣ [1]). Нашъ извѣстный знатокъ Востока арх. Антонинъ (Капустинъ), разъ путешествуя по болгарской части Румеліи, зашелъ въ школу, гдѣ дѣти сидѣли за греческими книгами, и спросилъ ихъ: „а по болгарски умѣете читать? „Еще нѣтъ“—полученъ былъ отвѣтъ. И это было въ какой то маленькой частной школкѣ [2]). Въ Молдаво-Валахіи (теперь Румынія) Молдаво-Валахи тоже огречились было частію подъ вліяніемъ греческихъ господарей, поставляемыхъ изъ Константинополя, но частію подъ вліяніемъ и константинопольской патріархіи, которая тоже оказывала и здѣсь свое хотя, можетъ быть, и не большое эллинизующее дѣйствіе [3]). Греческій историкъ Папарригапуло съ восхище-

[1]) Иречекъ. Исторія Болгаръ, стр. 655—658. Странно: по мѣстамъ здѣсь замѣтно буквальное повтореніе извѣстій нашего русскаго ученаго Григоровича («Очеркъ путешествія» и пр., стр. 198—199), но объ этомъ авторъ молчитъ.

[2]) Изъ Румеліи, стр. 113.

[3]) О вліяніи патріархіи на румынскую іерархію см. у Е. Е. Голубинскаго. Op. cit. 366 и у Maurer'a: op. cit. B. I, 384.

ніемъ разсказываетъ, что въ XVII и XVIII вѣкахъ вся Румынія обратилась въ „цвѣтущую греческую колонію" [1]).

Въ связи съ эллинизированіемъ славянскихъ и не славянскихъ народовъ, подчиненныхъ власти патріархіи, развивалась въ средѣ греческаго духовенства неистребимая ненависть къ проявленію негреческой культуры, наприм. къ славянской письменности. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ этомъ родѣ. Въ сороковыхъ годахъ текущаго вѣка, по разсказу одного болгарскаго игумена, пріѣхалъ въ одинъ болгарскій монастырь греческій архіерей на освященіе церкви, „увидалъ здѣсь множество книгъ, писанныхъ славянскими буквами, приказалъ всѣ эти книги собрать, бросить въ яму и зажечь. Такъ всѣ книги и сгорѣли, а потомъ владыка велѣлъ засыпать пепелъ землею" [2]). Даже на безмятежномъ и благочестивомъ Аѳонѣ сожженіе славянскихъ книгъ практиковалось. „Неуваженіе къ славянскимъ книгамъ дало поводъ — говоритъ одинъ путешественникъ по Востоку—къ ихъ истребленію. Книга славянская или заключаетъ въ себѣ то, что и греческая, или же написана Болгариномъ, а можетъ быть и Сербомъ, слѣдовательно—такъ умозаключали—ничего не стоитъ". Однажды на Аѳонѣ въ Ватопедѣ присудили славянскія рукописи къ сожженію. „Количество рукописей въ этомъ случаѣ было велико, потому что, какъ увѣряли, въ истопленной ими печи испекли монастырскіе хлѣбы" [3]). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣйствовало, какъ думаемъ, филэллинство безсознательное. Вотъ куда вело и приводило филэллинство, развившееся среди Грековъ.

Можно ли было бы подумать, что между фирманомъ Магомета II, даннымъ въ пользу Грековъ въ 1454 году (а не въ 1453 году, какъ обыкновенно полагаютъ) и сожженіемъ славянскихъ книгъ чуть не въ наше время, въ славянскихъ и не славянскихъ земляхъ, существуетъ генетическая связь!

---

[1]) Сообщенія Палест. Общества, т. IV, стр. 697.

[2]) Карловой (ниже-цитируемая статья написана извѣстнымъ славянофиломъ Гильфердингомъ, но съ какой стати здѣсь примѣшалось имя какой то Карловой—дать объясненія не умѣемъ). «Турецкая провинція: Вѣст». Европы, 1870, іюль, стр. 178.

[3]) Проф. В. Григоровича. Очеркъ путешествія по Европейской Турціи, стр. 97. Казань, 1848.

Жестокій и сокрушительный ударъ разсматриваемому филэллинству, нанесенъ какъ извѣстно, главнымъ образомъ отдѣленіемъ болгарской церкви отъ константинопольскаго патріархата, что̀ случилось такъ недавно. Радоваться ли такому событію? Какъ многіе привѣтствовали это событіе, какъ зарю счастливой будущности болгарскаго народа—и какъ они ошиблись! Но съ самаго же начала болгарскаго раскола появились скептики, которые только покачивали головами, при видѣ даннаго явленія; число ихъ сперва было очень незначительно, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше растетъ [1]). Не нужно ли и намъ примкнуть къ нимъ? Но не преждевременно ли? Во всякомъ случаѣ, мы лично поостережемся.

II. *Отношенія Оттоманской Порты къ христіанскому народу греко-восточной вѣры.*

„Райя, райя“!

Какое ненавистное слово! Вѣдь, райя, съ позволенія сказать, значитъ: *скотъ.*

Но знаете ли вы райю? Нѣтъ, вы не знаете райи. Во всякомъ случаѣ райя не есть синонимъ „не свободы“, рабства [2]).

Когда улеглось то ужасное волненіе, которое вызвано было паденіемъ христіанской Византіи, дѣла начали приходить хоть въ какой нибудь порядокъ. По волѣ Магомета II, избранъ былъ патріархъ для замѣщенія давно опустѣвшей патріаршей каѳедры въ Константинополѣ. Мѣстомъ жительства патріарха сталъ одинъ возвышенный холмъ въ Стамбулѣ, а потомъ, впрочемъ это было уже значительно послѣ, константинопольскій іерархъ переселился въ кварталъ Фанаръ [3]), въ которомъ онъ пребы-

[1]) Къ первоначальнымъ скептикамъ относится Т. И. Филипповъ, авторъ извѣстной книги: «Современные церковные вопросы»; къ нему болѣе или менѣе примкнули проф. И. Е. Троицкій (разумѣемъ его рѣчь по этому вопросу, произнесенную на актѣ петерб. университета и явившуюся въ печати подъ заглавіемъ: «Церковная сторона болгарскаго вопроса, 1888, Петерб.), и г. Тепловъ (см. его книгу: «Грекоболгарскій церковный вопросъ». 1884). Очень знаменательное молчаніе, царящее въ настоящее время въ рядахъ болгарофиловъ: о чемъ это они раздумываютъ?

[2]) Mauer. Das Griechische Volk. B. I, S. 56.

[3]) Относительно значенія слова: «Фанаръ» голову ломать не къ чему. «Фанаръ» значитъ просто фонарь.

ваетъ и до сихъ поръ. Патріархія въ Константинополѣ, съ самаго же начала, сдѣлалась центромъ, около котораго сгруппировались остатки византійской знати, византійской интеллигенціи. Константинопольскій патріархъ, полагать нужно, совершенно неожиданно сдѣлался царькомъ, котораго окружила просвѣщенная, но послушная толпа царедворцевъ, представлявшая собою задатки, изъ которыхъ неизвѣстно что должно выйти. Фанаръ сталъ „дворянскимъ гнѣздомъ“ въ Византіи. Было бы напрасно думать, что первоначальная судьба греческой аристократіи, по паденіи Византіи, была жестока; этого не было, во всякомъ случаѣ судьба аристократіи не принадлежала къ особенно плачевнымъ. Изъ подъ крылышка патріаршаго впослѣдствіи вышли многіе вліятельные въ политическомъ отношеніи люди греческаго происхожденія, люди богатые, люди могущественные; и всѣ они внесли въ исторію Турціи такую струю, которая всегда текла, не сливаясь съ общимъ потокомъ исламизма. Всѣ эти люди—жили ли они въ самомъ Фанарѣ, или вообще Стамбулѣ—получили не почетное имя фанаріотовъ [1]); мы увидимъ потомъ, нужно ли особенно стыдиться этого прозванія тѣмъ, къ кому оно прилагалось въ исторіи.—Константинополь получилъ особенное значеніе не только потому, что здѣсь какъ естественно, образовался центръ общественно-церковнаго устройства, но и потому, что нигдѣ христіане не чувствовали себя въ большой безопасности отъ обидъ побѣдителей, какъ именно здѣсь. Всѣ тѣ Греки, которымъ хотѣлось жить свободнѣе и поменьше останавливаться мыслію на своемъ зависимомъ положеніи, всѣ они, разумѣется, если имѣли матеріальныя средства, поспѣшили перебраться въ Константинополь, или по крайней мѣрѣ, обзавелись домами по близости столицы. Живя въ столицѣ или около нея, христіане въ случаѣ несправедливостей со стороны грубыхъ иновѣрцевъ всегда могли искать себѣ суда въ Константинополѣ—прямо или чрезъ кого нибудь, и во всякомъ случаѣ могли много пользы оказать себѣ среди невзгодъ при помощи денегъ. Въ виду этого, повторяемъ—въ столицѣ собралась очень значительная

[1]) Zinkeisen. Gesch. des Osmanisch. Reiches. B. II, S. 13—16.

христіанская греческая община. Въ концѣ XVI вѣка по довольно точному изчисленію, основанному на количествѣ хараджа, взносимаго константинопольскими Греками правительству—общее количество христіанъ здѣсь простиралось до 100,000 [1]).

Сказавъ, что лучше всего, безопаснѣе и безобиднѣе жилось греческимъ христіанамъ въ Константинополѣ, мы тѣмъ невольно внушили читателю мысль, что во всѣхъ другихъ мѣстахъ обширной оттоманской имперіи солоно приходилось указаннымъ лицамъ. Но на самомъ дѣлѣ не вездѣ, за предѣлами Константинополя, жизнь христіанъ текла одинаково. Тамъ, въ провинціяхъ, гдѣ оттоманскій народный элементъ былъ слабъ, христіане жили почти такъ же, съ тѣми же радостями и горестями, какъ и во время византійскихъ императоровъ. Турки были плохіе реформаторы и не любили новшества. По замѣчанію одного историка: „Турки можно сказать ничего новаго не создали на византійской почвѣ. Они поступали такъ: санкціонировали большую часть древнихъ византійскихъ учрежденій, слегка измѣнивъ ихъ въ турецкомъ вкусѣ, а иногда просто пересадивъ ихъ на свою почву“. Вездѣ, поэтому, держался духъ стараго ромейства, византійскихъ преданій, чувствовалось вѣяніе законовъ Палеологовъ [2]). Турки, не зная, какъ править такими чуждыми для нихъ народами, какъ Греки—христіане, просто предоставили имъ жить на тѣхъ же началахъ, какъ эти послѣдніе жили раньше—во времена византійскія. Такъ было въ большей части Мореи, или теперешняго эллинскаго королевства. Все раздѣляло другъ отъ друга Грековъ и Турокъ: и религія, и культура, и раса. Конечно, для успѣховъ государственныхъ Туркамъ было бы полезно довести Грековъ до ничтожества и самимъ занять ихъ мѣсто въ организмѣ государственномъ; но и этого они не могли сдѣлать: побѣдители уступали побѣжденнымъ въ численности населенія, а потому думать о томъ, чтобы всѣхъ Грековъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ было невозможною мечтой. Ничего не оставалось дѣлать Туркамъ, наприм. въ Мореѣ, какъ признать въ отдѣльныхъ общинахъ началь-

[1]) Zinkeisen. B. III, S. 360—361.
[2]) Hertzberg. Geschichte Griechenlands. B. III, 65. S. 65.

ственными лицами Грековъ-же, и предоставить имъ бразды правленія. Эти лица сдѣлались какъ бы посредствующимъ звеномъ между турецкимъ правительствомъ и мѣстнымъ народонаселеніемъ. Имъ вручена власть надъ народомъ; но за то они же должны были отвѣчать предъ властями за тишину, миръ и лойяльность жителей. Такъ было во всемъ Пелопонессѣ и другихъ мѣстахъ Греціи. Во главѣ общинъ въ качествѣ посредниковъ между турецкою властію и народонаселеніемъ стали или лица, принадлежавшія къ древнимъ аристократическимъ фамиліямъ, или выскочки, которые благодаря ловкости и пронырству всплыли на поверхность народной массы. Эти правители отдѣльныхъ общинъ именовались приматами (коджабаши), проэсты, архонты, димогеронты. Несмотря на нѣкоторыя темныя стороны въ характерѣ этихъ правителей (алчность, деспотизмъ), они стали опорой для сохраненія своей національности греческою райею. Они были совѣтниками и постоянными защитниками народа,—при чемъ они признавались въ такомъ достоинствѣ и оттоманскими властями [1]). Независимость жителей Греціи въ гористыхъ мѣстностяхъ, куда не умѣли ступить тяжелые на подъемъ Турки,—не подлежитъ никакому сомнѣнію. Наравнѣ съ Пелопониссомъ и вообще Греціею пользовались большою свободою греческіе острова, подчиненные владычеству Турокъ. Жители многихъ острововъ не сразу покорились иновѣрной власти: долго они были независимы. А когда и для нихъ пробилъ часъ подчиненія, они выговорили себѣ всяческую свободу. Такъ они удержали право не имѣть среди жителей ни одного Турка; они получили право избирать лицъ, которыя станутъ управлять жителями; они обладали правомъ (котораго не имѣли другіе Греки) вновь строить церкви и монастыри, звонить въ колокола и т. д. [2]). И кажется нигдѣ на греческихъ островахъ не царила такая свобода, какая отличала жителей о. Хіоса. Ихъ религія, ихъ имущество и личность вполнѣ были гарантированы отъ какихъ либо посягательствъ. Здѣсь никогда не встрѣчалось такихъ случаевъ, чтобы Турокъ, оскорбившій христіанина, избѣжалъ строгаго на-

---

[1]) Maurer. Op. cit. S. 8—9; 128—129.
[2]) Maurer. ibid. S. 8.

казанія. Эта замѣчательная свобода Хіосцевъ опиралась на капитуляціи, которыя Турки съ чувствомъ благоговѣнія соблюдали по отношенію къ этому острову. Жители острова въ одеждѣ свободно придерживались испанскихъ обычаевъ. Религіозныя процессіи здѣсь торжественно двигались по дорогамъ [1]). Обозрѣвая общее положеніе дѣлъ на материкѣ Греціи и на большинствѣ греческихъ острововъ, одинъ компетентный нѣмецкій историкъ пишетъ: „видно, что Греки пользовались большою свободою. Они избирали своихъ начальниковъ и своихъ представителей. Имѣли свое собственное управленіе, свои собственные суды. Они сами производили раскладку податей и завѣдывали ихъ сборомъ. Они держали ходатаевъ не только у мѣстнаго паши (генералъ-губернатора), но и въ самой столицѣ царства. Они имѣли патроновъ у всѣхъ и каждаго начальства. Тѣмъ не менѣе народъ греческій жилъ подъ опасеніями, ибо ни одна изъ значительныхъ привиллегій ничѣмъ не была гарантирована“ [2]).

Въ странѣ болгарской встрѣчаемъ тоже очень почтенные по размѣрамъ остатки прежнихъ свободныхъ учрежденій. Турки многое и здѣсь оставляли въ томъ видѣ, какъ нашли. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе факты. Въ самомъ дѣлѣ, интересное явленіе представляли привиллегированныя общины Болгаръ—христіанъ. Ихъ было нѣсколько классовъ—„войницы“, „арматолы“, „сокольницы“. Ихъ поселенія сохраняли извѣстную самостоятельность и поэтому въ послѣднее время стали центрами новоболгарскаго движенія. „Войницы“, которые были обязаны отправлять военную службу, пользовались за это большими преимуществами. Вообще тѣ жители, которые сдавались Туркамъ на условіяхъ, пользовались независимостію, управлялись своими воеводами или князьями, не платили почти никакихъ податей. Къ числу такихъ подданныхъ султана принадлежали и болгарскіе „войницы“. Регулярно, черезъ три года, они выставляли нѣсколько тысячъ людей, которые, не получая жалованья, частію вооруженные копьями, конвоировали обозъ (?) копали шанцы. Институтъ этотъ прожилъ почти 300 лѣтъ.

[1]) Ricaut. Histoire de l'eglise Greque, p. 354—355.

[2]) Maurer. Op. cit., S. 102.

Герлахъ въ 1578 году видѣлъ въ Константинополѣ нѣсколько тысячъ болгарскихъ „войниковъ"; они пришли въ апрѣлѣ, играя на свирѣляхъ и волынкахъ, съ танцами и пѣснями прошли по городу; въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ они косили сѣно для султанскихъ лошадей. Сходны съ „войниками" были и христіанскіе „арматолы", на которыхъ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ возлагались обязанности пограничной стражи съ жалованьемъ. Сабли и копья составляли ихъ вооруженіе. Третьимъ привиллегированнымъ разрядомъ были „сокольники". Ихъ привиллегіи похожи были на привиллегіи войниковъ, но обязанности легче. Ежегодно они должны были съ каждаго дома поставлять одного охотничьяго сокола. Поселенія ихъ, управляемыя собственными башами, были разсѣяны повсюду въ болгарской и дунайской областяхъ" [1]). Не удивительно, поэтому, если одинъ русскій путешественникъ, незадолго до освобожденія Болгаріи проѣзжая болгарскими мѣстностями, увидалъ признаки большой терпимости Турокъ къ указанному населенію. Такъ, посѣтивъ селеніе Слѣпче, онъ нашелъ здѣсь въ одной церкви рукопись: „пентикостаріонъ" (тріодъ цвѣтная), на которой между прочимъ имѣлась такая надпись: „писана сія божественная книга во дни, въ которые попущеніемъ Божіимъ мы преданы, грѣховъ ради нашихъ, въ руки враговъ беззаконныхъ и мерзкихъ и царю неправедному и лукавѣйшему паче всея земли. И тогда было запустѣніе и скорбь велія отъ безбожныхъ измаильтянъ". Открытіе этой надписи наводитъ нашего путешественника на слѣдующія размышленія: „у насъ привыкли вездѣ въ Турціи видѣть Турокъ. Для лѣнивой мысли (?) и узкаго взгляда это конечно такъ,—гдѣ Турція, тамъ и Турокъ. Но какое отношеніе имѣютъ наприм. къ слѣпченскимъ христіанамъ Турки? Немного ошибемся, если скажемъ: никакого. Вѣроятно, даже подать собираетъ какой нибудь откупщикъ битольскій (Битоль—сосѣдній большой городъ) изъ Болгаръ или Грековъ. Во всемъ прочемъ они вѣдаются и обходятся безъ турокъ. Просуществовавшая открыто въ церкви 400 лѣтъ, книга съ самою неметною (?) бранью предержащей власти

---

[1]) Иречекъ. Исторія Болгаръ стр. 577—579; 585.

говоритъ ясно, что Турокъ не мѣшаетъ славянскому селу вести дѣла свои, какъ оно хочетъ" [1]). Затѣмъ тотъ же путешественникъ, обозрѣвая какой-то небольшой полуразрушенный болгарскій монастырекъ, гдѣ онъ нашелъ нѣсколько рукописныхъ богослужебныхъ книгъ, счелъ нужнымъ сдѣлать такое замѣчаніе: „какъ опять не похвалить фатальное равнодушіе Турокъ къ церковному дѣлу райядовъ. Тогда какъ въ нѣсколькихъ часахъ отсюда къ западу, лѣтъ за пять передъ этимъ (авторъ путешествовалъ въ 1865 г.), Греки сожгли два воза древнихъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ въ патріотическомъ остервенѣніи (читай: филэллинствѣ!), Турки оставляютъ неприкосновеннымъ цѣлый складъ органовъ и проводниковъ ненавистнаго имъ ученія и при случаѣ даже свято охраняютъ ихъ" [2]). Авторъ при одномъ случаѣ задаетъ себѣ вопросъ, какъ понимать то, что православные народы на Востокѣ и Турки мирно уживаются другъ подлѣ друга? „Уже болѣе тысячи лѣтъ уживаются на Востокѣ Коранъ съ Евангеліемъ, отрицая постоянно другъ друга,—говоритъ авторъ. Чѣмъ объяснить это? Всего проще общностію понятій ихъ о Богѣ—Отцѣ небесномъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дервишъ—изувѣръ и христіанскій богословъ (восточнаго типа) протянутъ другъ другу руку, чтобы вмѣстѣ оттолкнуть отъ себя ученаго астронома (Лапласа?), не отыскавшаго на небѣ никакого слѣда Бога" [3]). Цитируемый авторъ выразилъ бы точнѣе свою мысль, еслибы сказалъ, что Турокъ больше понимаетъ Грека или славянина на Востокѣ, которыхъ вѣра пряма, непосредственна и безхитростна, какъ и у Турокъ, чѣмъ иныхъ западныхъ христіанъ, вѣра которыхъ граничитъ съ невѣріемъ и чуждается традицій, которыми одними только и живутъ и Турки и Греки—христіане на Востокѣ. Не даромъ многіе смотрятъ на Турокъ, какъ на безсознательныхъ охранителей греческаго православія.

Но отъ путешествія по окраинамъ турецкой имперіи возвратимся опять въ Константинополь. Вѣдь, здѣсь были сконцентрированы всѣ нити, связующія въ одно цѣлое многомилліонный православный восточный народъ. Какъ

[1]) Антонина архим. Поѣздка въ Румелію, стр. 281—282. Петерб., 1879.
[2]) Ibidem, стр. 299.
[3]) Ibidem, стр. 348.

это и естественно ожидать, все наиболѣе знаменательное въ исторіи православно-восточнаго народа могло исходить только изъ Фанара, гдѣ жилъ патріархъ и всѣ родовитые Греки. Около патріарха, какъ мы сказали выше, сосредоточились остатки Византійской аристократіи; но эти остатки и съ самаго начала едва ли были особенно значительны, а съ теченіемъ времени ихъ еще больше поубавилось. Аристократія безъ сытаго, но дароваго хлѣба немыслима. А въ столицѣ Турокъ даромъ ничего не давалось. Древне-византійскій аристократическій элементъ постепенно началъ оскудѣвать и исчезать. Его мѣсто должна была занять греческая аристократія ума и таланта, аристократія труда и изворотливости. Такою аристократіею и здѣлались тѣ Греки, которые извѣстны съ именемъ фанаріотовъ. Правда, фанаріоты весьма нерѣдко носятъ древнія фамиліи — Палеологовъ, Кантакузиновъ; но древность рода этихъ новыхъ Палеологовъ и Кантакузиновъ очень сомнительна. Къ немногимъ остаткамъ дѣйствительно древней аристократіи присоединилось много новыхъ фамилій, достигшихъ большаго значенія и вліятельности и съумѣвшихъ разбогатѣть. Сюда относятся фанаріотскія фамиліи: Розетти, Суцо, Маврокордато, Кантарадо, Ѵпсилантисы, Мурузи, Караджа, Рали, Аргипуло, Панайотаки, Ромадани и др. Съ Турками случилось тоже, что въ очень давнія времена случилось и съ Персами, по завоеваніи ими Малой Азіи; они, какъ и эти послѣдніе, не могли обойтись безъ помощи и содѣйствія ловкихъ и смышленныхъ Грековъ. Турки должны были, ради собственнаго благополучія, призвать Грековъ къ отправленію разныхъ должностей, въ которыхъ они сами были бы поменьшей мѣрѣ не у мѣста [1]). Но прежде, чѣмъ указать, на что и гдѣ Греки очень понадобились Туркамъ, скажемъ два-три слова о характерѣ фанаріотской аристократіи. Представители фанаріотской аристократіи рѣзко отличались отъ Турокъ воспріимчивостію къ образованію и наукѣ. Турки все еще твердили Коранъ и арабскій языкъ, а смышленнѣйшіе изъ Грековъ учились и у себя дома, и побывали на просвѣщенномъ Западѣ. Какъ люди образованные, они умѣли обращаться съ евро-

[1]) Maurer. Op. cit. S. 9, 23. Hertzberg. Op. cit. B. III, 97.

пейцами—что совсѣмъ не давалось Туркамъ—и пріобрѣли вѣсъ и значеніе въ правительственныхъ сферахъ. Нравственный характеръ фанаріотовъ обыкновенно рисуется въ чертахъ не свѣтлыхъ. Это былъ такой классъ людей, моральное и политическое реномэ которыхъ заслужило имъ названіе: „христіанскихъ Турокъ". Защищать фанаріотовъ мы, конечно, не станемъ. Но нужно помнить, что ни древне-византійскія преданія, ни окружающія ихъ (фанаріотовъ) плутоватая и разчетливая среда турецкихъ властей не давали основаній ожидать, чтобы Греки, теперь выдвигавшіеся впередъ, были выше тѣхъ условій, среди которыхъ они должны были дѣйствовать. Греки, о которыхъ мы говоримъ, были въ нравственномъ отношеніи едва ли хуже тѣхъ лицъ, изъ круга которыхъ они сами вышли и съ которыми имъ приходилось впослѣдствіи вести дѣло. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что эти фанаріоты заставили Турокъ понять превосходство греческаго генія надъ оттоманско-мусульманскимъ, заставили ихъ почитать и уважать эту націю болѣе, чѣмъ какъ хотѣлось этого гордымъ поклонникамъ аравійскаго пророка; не забудемъ, что при содѣйствіи фанаріотовъ появились разныя греческія школы и гимназіи въ столицѣ, и фанаріотамъ же Греки обязаны тѣмъ, что эти послѣднія всегда сохраняли и культивировали, хотя часто и не безъ крайностей эллинскую національную идею [1]).

Нужду въ образованныхъ Грекахъ Турки почувствовали очень рано. Мы уже имѣли случай указать выше, что самъ Магометъ II окруженъ былъ образованными Греками, занимавшими при немъ должности секретарей. Секретарями они потомъ дѣлались и при разныхъ высокопоставленныхъ особахъ турецкаго правительства. Особенно хорошо поняли Турки значеніе греческаго образованнаго элемента, когда закончилась у нихъ героическая эпоха завоеваній и они принуждены были завести дипломатическія сношенія съ цивилизованной Европой. Это случилось еще въ первой половинѣ XVI вѣка. Въ 1543 году Туркамъ пришлось заключить договоръ съ Франціей. Пусть они по прежнему оставались горды и надменны, пусть они еще

[1]) Mendelssohn—Bartholdy. Geschiechte Griechenlands von der Eroberung Konstantinopel durch die Türken bis auf unsere Tage. I Theil. S. 6—7.

продолжали разсматривать всякій договоръ съ посторон- нею державой, какъ нѣкотораго рода подарокъ съ своей стороны, какъ актъ султанскаго великодушія; но во вся- комъ случаѣ уже и въ это время была пробита брешь, которая выводила Оттомановъ изъ ихъ исключительности и надутаго самодовольства. А разъ это произошло, безъ фанаріотовъ обойтись было невозможно; и вотъ фанаріоты пошли впередъ [1]). Какого вліянія стали достигать Греки уже въ XVI вѣкѣ, это видно на примѣрѣ нѣкоего Михаила Кантакузина. Правда, онъ сдѣлалъ свою карьеру, не какъ человѣкъ образованный, но какъ великій проныра, но все же фактъ остается фактомъ. Михаилъ Кантакузинъ былъ богатый купецъ и откупщикъ. Онъ съумѣлъ сдѣлаться полезнымъ для тогдашняго знаменитаго великаго визиря Магомета Соколли; лично былъ извѣстенъ султанамъ Селиму II и Мураду III. Его вліяніе было безпримѣрно. Такъ какъ своимъ вліяніемъ онъ пользовался главнымъ образомъ, чтобы хапать себѣ деньги и снабжать ими высокопоставленныхъ лицъ, то онъ у Турокъ и Грековъ получилъ прозваніе: „шайтанъ-оглы“ (чертовъ сынъ). Для этого Кантакузина ничего не стоило кого угодно прове- сти въ митрополиты и для него не трудно было низверг- нуть даже константинопольскаго патріарха, если онъ не отвѣчалъ его видамъ. Конецъ этого Михаила Кантакузина былъ очень печаленъ. Онъ имѣлъ множество враговъ, а потому его имя примѣшали къ политикѣ, разумѣется вы- ставляя Михаила въ черномъ цвѣтѣ. И онъ былъ по- вѣшенъ на дверяхъ собственнаго дворца въ Анхіалѣ (на берегу Чернаго моря). Греки однакоже не хотѣли пом- нить его темныхъ дѣлъ, а видѣли въ немъ героя, который поднялся на замѣчательную высоту общественнаго по- ложенія. О немъ сложены были пѣсни, въ которыхъ опи- сывалась смерть богатаго „кvр—Михали“. И пожалуй, не даромъ народъ такъ милостиво отнесся къ „шайтанъ- оглы“. По его смерти въ его домѣ нашли, не имѣвшее себѣ цѣны, собраніе замѣчательныхъ книгъ и рукопи- сей [2]). Михаилъ Кантакузинъ представляетъ собою при-

[1]) Mendelssohn—Bartholdy, ibidem.

[2]) Hammer. Geschichte des Osmanisch. Reiches. B. II, S. 468—9. Pesth. 1834. Hertzberg. Op. cit. B. III, s. 98. Zinkeisen. B. III, s. 367—368.

мѣръ фанаріота съ его худшими сторонами. Но не всѣ же они были именно таковы. И кому неизвѣстно, что ложь, фальшь, пронырство даютъ только временный успѣхъ: померкла звѣзда успѣха—и все пошло прахомъ. Греки завоевали себѣ извѣстное почетное общественное положеніе тѣмъ, что всегда и вездѣ высоко цѣнится: знаніемъ, талантами и практическою сообразительностію. Довольно рано, можетъ быть въ XV вѣкѣ, многіе образованные Греки получили почетныя должности драгомановъ (переводчиковъ) при различныхъ турецкихъ сановникахъ, не хотѣвшихъ изучать греческаго языка, но однакоже имѣвшихъ постоянно дѣло съ Греками, подданными падишаха. Безъ драгомана обойтись тутъ было невозможно. Въ особенности большимъ вліяніемъ пользовался драгоманъ паши, высшаго сановника по управленію пашалыкомъ (генералъ-губернаторство). Пашей всегда былъ Турокъ, но онъ не могъ обойтись безъ Грека-драгомана. Всѣ дѣла, какія поступали на разсмотрѣніе паши, проходили чрезъ руки драгомана; онъ же смотрѣлъ за порядкомъ дѣлъ, а потому Грекъ-драгоманъ сдѣлался истиннымъ правителемъ пашалыка. Это должностное лицо назначалось изъ Константинополя турецкимъ правительствомъ. Въ его лицѣ каждый Грекъ находилъ сильнаго покровителя и заступника [1]. Такъ было на материкѣ. Острова же находились подъ управленіемъ капуданъ-паши, конечно Турка, и конечно не знающаго по гречески. Поэтому въ помощники ему приданъ Грекъ—переводчикъ съ титуломъ великаго драгомана императорскаго флота. Этотъ титулъ не долженъ обманывать насъ: великій драгоманъ не имѣлъ никакого отношенія къ дѣйствительному флоту. Онъ былъ просто посредникомъ между островитянами, большею частію Греками,—и капуданъ-пашей. Греческіе острова должны были обращаться къ великому драгоману по своимъ общественнымъ надобностямъ. Въ особенности жители островъ имѣли обычаи обращаться къ нему съ аппеляціями на Грековъ-архонтовъ, а архонтами назывались выборные отъ общины сборщики податей и третейскіе судьи. Такъ какъ всѣ дѣла рѣшались капуданъ-пашей, по до-

[1] Maurer. B. I. S. 69.

кладу великаго драгомана, то послѣдній былъ настоящимъ царькомъ (Regent) греческихъ острововъ. Онъ именно и назывался охранителемъ греческихъ законовъ, и такъ какъ въ этомъ отношеніи ему принадлежали царственныя полномочія (kaiserliche Vollmacht), то къ нему, наприм., обращались жители о. Санторина, испрашивая у него утвержденія ихъ такъ называемаго обычнаго права. Какая власть была сосредоточена въ его рукахъ и въ какомъ уваженіи онъ находился, видно уже изъ того въ какомъ униженномъ тонѣ обращались къ нему просители, величая его титуломъ: „свѣтлость". Греки занимали и еще болѣе значительную должность, — должность великихъ драгомановъ Порты. Первоначально эти были не болѣе, какъ переводчики. Но вскорѣ они сдѣлались вліятельнѣйшими совѣтниками Порты, сдѣлались членами министерства, именно министерства иностранныхъ дѣлъ, и пользовались великими милостями и привиллегіями [1]). Появленіе великихъ драгомановъ Порты въ значеніи лицъ, заправляющихъ дипломатическою частію въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, относится къ первой половинѣ XVII вѣка. Если и раньше на дипломатической службѣ у Турокъ употреблялись и Греки, то больше въ качествѣ секретарей и переводчиковъ — въ точномъ смыслѣ этихъ словъ. Но въ XVII вѣкѣ при завоеваніи Кандіи Грекъ, Панайтаки Никузіосъ, родомъ изъ Хіоса, получившій медицинское и философское образованіе въ Италіи, вступивши на службу въ качествѣ драгомана къ великому визиру Ахмеду Киприли, такъ понравился ему своею преданностію и своимъ необыкновеннымъ дипломатическимъ искусствомъ, что онъ выдумалъ для него новый оффиціальный постъ великаго драгомана Порты; а очутившись на этомъ посту, при изумительной способности къ дипломатическому искусству, Греки опять лицемъ къ лицу стали съ Европою, въ качествѣ турецкихъ дипломатовъ [2]). Послѣ Панайотаки еще болѣе прославилъ себя по части дипломатіи Грекъ Александръ Маврокордато. Родомъ тоже изъ Хіоса, Александръ Маврокордато получилъ об-

---

[1]) Ibidem. S. 91—92.
[2]) Hertzberg. Op. cit., S. 99.

зованіе въ Падуѣ и Болоньи, изучая здѣсь медицину; ь написалъ превосходное сочиненіе по своей спеціаль- сти о циркуляціи крови. Сначала онъ былъ профессо- мъ философіи и медицины въ такъ называемой высшей і патріаршей школѣ въ Фанарѣ. По рекомендаціи од- о почтеннаго Турка Александръ, какъ знатокъ язы- ъ: греческаго, латинскаго, итальянскаго, французскаго, вянскаго, турецкаго, персидскаго и арабскаго, полу- ъ должность втораго драгомана; потомъ онъ принялъ жность великаго логоѳета (нѣчто въ родѣ нашего оберъ- курора синода) и казначея при патріархіи. А по смер- вышеупомянутаго нами великаго драгомана Панай- ки, Маврокордато былъ возведенъ его патрономъ, ве- имъ визиремъ Ахмедомъ Каприли, на почетный постъ икаго драгомана Порты. Въ качествѣ великаго драго- а и вмѣстѣ лейбъ-медика самого султана Маврокор- о, въ теченіи цѣлаго поколѣнія, игралъ въ высшей пени замѣчательную роль. Отъ прочихъ фанаріотовъ отличался честностію и отсутствіемъ вѣроломства. Онъ аружилъ такой высокій дипломатическій талантъ, что ота была отъ него въ восторгѣ. По заключеніи Кар- ицкаго мира, который поставилъ его на вершину славы, ъ австрійскій императоръ Леопольдъ возвелъ его въ жеское достоинство, но только тайно отъ Турокъ, такъ ъ это могло повредить ему въ глазахъ подозритель- Порты [1]). Званіе великихъ драгомановъ Порты имѣло особенное значеніе, что они были посвящены во всѣ ны сераля. Эта вліятельнѣйшая должность впродолже- чуть не двухъ столѣтій неизмѣнно была достояніемъ ековъ. Такъ продолжалось до греческой войны за такъ ываемое освобожденіе. Великіе драгоманы Порты но- и пышные титулы „хранителей тайнъ имперіи“ или айныхъ совѣтниковъ“ и чествовались именемъ: „свѣт- йшихъ“ [2]). Впрочемъ, занимавшіе даже самыя высшія лжности, Греки не имѣли оффиціальнаго званія князей, тя неоффиціально всѣ ихъ такъ и называли князьями, е. разумѣемъ, тѣхъ, кто достигалъ должностей, давав- ихъ права на титулъ „свѣтлѣйшій“. Такъ, съ теченіемъ

[1]) Ibidem. S. 195—196.
[2]) Maurer. Op. cit., S. 93.

времени измѣнилось положеніе греческой райи. Кажется, нѣтъ никакого преувеличенія въ словахъ одного историка, который, описывая судьбу греческой націи въ турецкомъ государствѣ, говоритъ: „самымъ ходомъ дѣлъ Турки наконецъ вынуждены были броситься въ объятія образованныхъ Грековъ“. Этотъ же историкъ, выражая туже мысль при другомъ случаѣ, заявляетъ „побѣдители очутились въ зависимости отъ своихъ побѣжденныхъ“ [1]).

Разнымъ греческимъ архонтамъ, приматамъ (коджабаши), драгоманамъ паши, великимъ драгоманамъ флота и Порты жилось очень не дурно, въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые почтены были княжескимъ турецкимъ титуломъ: „свѣтлость“. Этихъ свѣтлѣйшихъ Грековъ не обошла своимъ вниманіемъ и прежде упомянутая нами греческая сатира новаго времени, изложенная въ драматической формѣ и носящая заглавіе: „Англичанинъ, Французъ, Русскій“. Мы уже знаемъ, что въ ней выведены на сцену три представителя трехъ великихъ европейскихъ державъ, проникнутыхъ желаніемъ облегчить положеніе порабощенной греческой націи. Эти лица, путешествуя по Греціи, обращаются съ разспросами о положеніи дѣлъ къ разнымъ вождямъ греческаго народа. Наконецъ доходитъ очередь до греческаго „князя“. Путешественники начали допрашивать его: „какъ и что“. Въ отвѣтъ на ихъ ламентаціи этотъ сановникъ сказалъ: „чего вамъ нужно? Я тиранствую и граблю народъ, чтобы доставить пріятное Дивану и не лишиться своей головы“. Затѣмъ онъ поспѣшно ушелъ отъ нихъ, такъ какъ приспѣло время идти въ его гаремъ, гдѣ одна изъ его женъ (значитъ ихъ было нѣсколько!) должна была принимать подарки отъ мѣстнаго народонаселенія [2]).

Но положеніе Грековъ въ качествѣ какихъ либо великихъ драгомановъ флота или Порты еще не есть верхъ благополучія. Судьба, въ лицѣ оттоманскихъ правителей, указала имъ еще болѣе завидный жребій. Оттоманская Порта стала назначать заслуженныхъ грековъ господарями, т. е. царями, въ двѣ, принадлежащія турецкой имперіи страны — Молдавію и Валахію (теперь Румынія). Для

[1]) Ibidem. S. 24, 22.
[2]) Mendelssohn-Bartholdy. Op. cit., S. 5.

:овъ открылась возможность править двумя странами ıравахъ вассальныхъ герцоговъ. Доля счастливая. Поэто случилось, дѣло остается неяснымъ: потому-ли, Молдаво-волахи (теперь Румыны) скомпроментировали чѣмъ либо во время турецкой войны съ Австріей началѣ XVIII в. или точнѣе въ 1712 г.), – или же по-, что Турки стали побаиваться нашего Петра Вели-. — но только Порта рѣшилась ввѣрить управленіе ь вышеуказанныхъ странъ - двумъ Грекамъ—фанаріа-, доказавшимъ на опытѣ свою вѣрность и предань законному султану. Это было въ началѣ XVIII вѣка. ı изъ двухъ царственныхъ мѣстъ съ самаго же перраза Порта дала сыну Александра Маврокордато — ɔлаю. Господаремъ былъ потомъ и другой сынъ Алецра—Константинъ [1]). Господари назначались Портою ри года (понятно, изъ подозрительности); но нѣкоя лица могли быть господарями не три, а много ше годовъ: сначала можно было получить назначеніе осподари Молдавіи, а потомъ – Валахіи, или же въ й какой нибудь изъ этихъ странъ можно было быть ɔдаремъ дважды. Господарство Грековъ – фанаріатовъ олжалось 100 лѣтъ и окончилось съ развитіемъ грeɔй войны за т. называемое освобожденіе 1821 г.) [2]). было очень выгодно для Турокъ и не менѣе выгодля самихъ Грековъ. Турки такою неожиданною мию надолго привязали къ себѣ сердца главарей фаɔтовъ, а это было на руку представителямъ Порты. ɔда Грековъ—не говоря о личномъ обогащеніи госпой – состояла въ томъ, что цѣлыя массы греческаго да средняго и низшаго классовъ отправились на жиство въ Молдаво-Валахію, какъ въ землю обѣтован- [3]). Не даромъ греческій историкъ Папарригапуло дѣтельство приведено выше) замѣчаетъ, что Румывъ XVIII вѣкѣ обратилась въ греческую колонію. Всѣ ıгоды греческаго господарства пали лишь на мѣст-

ı Hertzberg. Op. cit., B. III, 196—197. Maurer. B. I. S. 23.

ı Проф. Е. Е. Голубинскаго. Очеркъ исторіи церквей Болгарской, Серби Молдаво-Валашской, стр. 337—338. У автора приложенъ и списокъ дарей (342 и д.), уясняющій преемство фанаріотовъ на столѣ Молвалашскомъ.

ı Hertzberg. Op. cit. III, 198.

ное народонаселеніе — Молдаванъ и Валаховъ. Нашъ отечественный историкъ съ чувствомъ негодованія говоритъ: „съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія настали для Румыновъ истинно-бѣдственныя и несчастныя времена: періодъ правленія господарей—фанаріотовъ былъ періодомъ истиннаго и буквальнаго грабительства, и господари, за весьма немногими изъятіями были ничѣмъ инымъ, какъ истинными и дѣйствительными разорителями несчастнаго народа“... „Началось ужасное господство господарей — фанаріотовъ“ [1]). Не лучше отзывается и другой, иностранецъ,—историкъ: онъ находитъ, что Румынамъ подъ властію фанаріотовъ жилось много хуже, чѣмъ подъ управленіемъ турецкаго паши [2]). Но разумѣется, любя Грековъ, Порта ни во что ставила шалости своихъ возлюбленныхъ. Турція была слѣпа по собственной волѣ.

Что такое бессарабско-молдаво-валашскія церковныя имущества, „преклоненныя“ св. Гробу, Аѳону и пр. (инклинаты)? Когда они появились? Почему они появились именно въ этихъ странахъ, а не другихъ, напр. не въ Болгаріи, Сербіи или богатой и щедролюбивой Россіи? Указанныя Бессарабо-молдаво-валашскія имущества суть помѣстья и угодья съ монастырями, пожертвованныя св. Гробу [3]), Аѳону [4]) и проч. въ тѣхъ самыхъ странахъ, которыя находились подъ управленіемъ греческихъ господарей — въ Молдавіи (куда до 1812 года принадлежала и наша теперешняя Бессарабія) и Валахіи. Эти имущества съ те-

[1]) Е. Е. Голубинскаго. Op. cit. 337—339.

[2]) Hertzberg. III, 199. Впрочемъ считаемъ долгомъ справедливости указать одного автора, представляющаго правленіе фанаріотовъ въ болѣе мягкой формѣ. Разумѣемъ: Heimbach. Griechisch—romisch. Recht im Mittelater und in der Neuzeit: Ersch und Gruber—Encykl. B. 87, S. 56—57.

[3]) Полный списокъ свято-гробскихъ монастырей съ угодьями (но безъ всякихъ подробностей объ этихъ имуществахъ) напечатанъ у Silbernagl'я: Verfassung der Kirchen des Oriens. S. 148—150. Не полный списокъ ихъ, но съ нѣкоторыми подробностями см. у Муравьева: «Исторія св. града Іерусалима», часть II, стр. 275; 297—8; 390 (Петерб. 1844), а также у Δοσιθέου—«исторія патріарховъ іерусалимскихъ», σελ 1168; 1174.

[4]) Полный списокъ монастырей съ угодьями, принадлежавшихъ горѣ Аѳонской, напечатанъ (но безъ всякихъ подробностей) у Silbernagl'я (Op. cit.), S. 149—151. Подобный же списокъ этихъ имуществъ, съ подробностями, но далеко не всѣми, какія были бы нужны для историка, отпечатанъ у преосвящ. Порфирія: «Исторія Аѳона», часть III, отд. 2-ое, стр. 339—354 (Петерб. 1892).

ченіемъ времени составляли замѣчательное богатство: въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія румынское правительство предлагало собственникамъ ихъ 82,000,000 турецкихъ піастровъ, въ качествѣ выкупа этихъ имѣній изъ посторонних рукъ, но церковныя власти востока нашли эту сумму недостаточною, отказались отъ сдѣлки—и совсѣмъ потеряли ихъ: имущества были конфискованы. Подробная исторія происхожденія этихъ „преклоненныхъ“ имуществъ намъ лично не извѣстна. Греки, конечно, никогда не разскажутъ ее намъ: она представляетъ такъ мало назидательнаго. Появленіе этихъ имуществъ обязано главнымъ образомъ ревности и усердію греческихъ господарей. До времени господарства Грековъ фанаріотовъ, въ Молдаво-валахіи было много церковныхъ имуществъ; но только самая незначительная часть доходовъ съ нихъ, согласно волѣ жертвователей, шла въ видѣ милостыни къ св. Гробу и на Аѳонъ [1]). Господари же эти устроили такъ (какъ они устроили—это дѣло ихъ совѣсти) [2]), что большая часть многомилліонныхъ національныхъ церковныхъ имуществъ очутились приписанными св. Гробу и проч. Значительная часть ихъ

---

[1]) «Пожертвованія», которыя шли въ пользу сейчасъ указанныхъ св. мѣстъ, первоначально «были не велики и представляли собою не болѣе, какъ пособіе». Эти св. мѣста «имѣли право лишь на то, что оставалось отъ доходовъ, *только на излишекъ*» отъ доходовъ румынскихъ церковныхъ имуществъ, которые первѣе всего шли на удовлетвореніе церковныхъ и государственныхъ нуждъ націи. Князя Бибеско (Румына?): «Монастырскія имущества или посвященные монастыри въ Румыніи». (Переводъ съ французскаго. *Откуда?*) «Христ. чтеніе», 1894, март.—апр., 965—966.

[2]) Что фанаріоты—господари много содѣйствовали переходу Молдаво-валашскихъ (Румынскихъ) церковныхъ имѣній въ пользу св. Гроба, Афона и пр., объ этомъ ясно говоритъ преосв. Порфирій: «фанаріоты *угобжали* васъ (рѣчь обращена къ Грекамъ, заинтересованнымъ по части вопроса объ этихъ имуществахъ) *чужимъ* добромъ» (Сырку. Описаніе бумагъ епископа Порфирія, стр. 57. Петерб., 1891). Но какъ это дѣлали фанаріоты—господари, объ этомъ краткое замѣчаніе находимъ у Silbernagl'я, который говоритъ, что «таковое дѣло отнюдь не было актомъ благочестія» (Op. cit., 146); нѣсколько подробнѣе говоритъ о томъ же кн. Бибеско: «подъ владычествомъ князей—фанаріотовъ, у Грековъ, пришедшихъ изъ фанара вслѣдъ за своими князьями были развязаны руки, и они, увѣренные въ своей безнаказанности, всячески злоупотребляли своимъ положеніемъ: безпорядокъ, воровство продолжали развиваться въ румынскихъ монастыряхъ до конца правленія фанаріотовъ. Даже лучшій между господарями—фанаріотами Николай Маврокордато «съ удивительною смѣлостію—въ разсматриваемыхъ случаяхъ—примѣнялъ изреченіе: цѣль оправдываетъ средства». У Бибеско ведутся рѣчи даже о подѣлкѣ документовъ... Loc. citat.—968—969.

принадлежала этому послѣднему. Замѣчательно, что фанаріоты — господари, заботясь объ интересахъ іерусалимской патріархіи, повидимому совсѣмъ въ этомъ случаѣ обошли своимъ вниманіемъ интересы своей родной церкви константинопольской: ни одного имѣнія не было записано на имя контантинопольской патріархіи. Даже всякое вмѣшательство въ управленіе этими имѣніями со стороны патріарха константинопольскаго положено разсматривать, какъ нѣкотораго рода преступленіе. Все это, однакожъ, не больше, какъ искусная маска. Господари—фанаріоты, патріархъ іерусалимскій и патріархъ константинопольскій составляли одно товарищество, которое прибыли и убытки добросовѣстно дѣлило по ровну. Недвижимыя молдаво-валашскія имущества записывались на имя св. Гроба для большей внушительности и для декорума: ктобы сталъ возставать противъ такой жертвы, не желая прослыть нечестивцемъ [1])? Въ дѣйствительности же доходы шли не на одного патріарха іерусалимскаго (само собою понятно, что на гробъ Господень шла самая малость), а частію еще на Грековъ-господарей и на самого патріарха константинопольскаго. Если бы патріархъ іерусалимскій не пожелалъ, притекавшими къ нему съ сѣвера, достатками дѣлиться съ господарями, то вѣдь они мало ли что могли сдѣлать, обладая полновластіемъ въ Молдаво-валахіи [2]); а что касается патріарха константинопольскаго, то съ нимъ патріархъ іерусалимскій долженъ былъ дѣлить доходы съ имуществъ въ невѣдомыхъ странахъ не иначе, какъ по-братски. Въ противномъ случаѣ патріархъ столицы всегда могъ изгнать изъ Константинополя своего младшаго сотоварища, такъ какъ пріѣздъ и срокъ пребыванія этого

[1]) Къ сожалѣнію, у нашего достопочтеннаго ученаго Е. Е. Голубинскаго въ его «Очеркахъ исторіи церквей Болгарской, Румынской и пр.» не встрѣчается никакихъ извѣстій касательно исторіи «преклоненныхъ» имуществъ. Впрочемъ у него находимъ очень характеристическое поясненіе словъ: «Св. Гробу», т. е., замѣчаетъ авторъ—«патріарху іерусалимскому» (388). Такъ въ дѣйствительности и было. «Св. Гробъ» былъ лишь номинальнымъ владѣльцемъ имуществъ.

[2]) Благодаря своему положенію, господари могли быть и очень опасными для патріарха. Извѣстенъ, наприм., такой фактъ: по проискамъ двухъ господарей Молдавіи и—Валахіи, былъ казненъ Турками патріархъ константинопольскій Парѳеній II (въ сред. XVII в.) Γεδεών, Πατρ. πίνακες, σελ. 577.

послѣдняго въ столицѣ исключительно зависѣли, какъ мы знаемъ, отъ патріарха константинопольскаго [1]). Все это, впрочемъ, можетъ показаться не совсѣмъ яснымъ, если мы не прибавимъ еще слѣдующаго: патріархи іерусалимскіе жить въ Іерусалимѣ не любили, а любили жить въ столицѣ [2]). Понятно—почему, Іерусалимъ—скучный городъ, безъ надлежащаго общества, не имѣетъ ни роскошныхъ бань, ни другихъ принадлежностей восточнаго комфорта, тамъ нельзя было жить въ свое удовольствіе; а главное — тамъ всегда отстанешь отъ текущихъ новостей—политическихъ и всяческихъ, отъ которыхъ часто зависитъ счастливая или несчастливая перемѣна въ судьбѣ патріарха: нужно держать ухо востро. На Востокѣ безъ политики ни на часъ нельзя оставаться. Вотъ почему патріарху Іерусалимскому нужны были деньги—и не малыя, и вотъ почему, если онъ желалъ жить въ свое удовольствіе [3]), то долженъ былъ братски дѣлиться доходами съ іерархомъ столичнымъ, иначе онъ рисковалъ бы, что его безвозвратно ушлютъ въ Іерусалимъ.

Вотъ то немногое, что мы сочли нужнымъ сказать о бессарабско-молдаво-валашскихъ, принадлежавшихъ св. Гробу и Аѳону, имуществахъ (увы, большею частію теперь конфискованныхъ) для характеристики фанаріотскаго господарства, созданнаго по инициативѣ Оттоманской Порты [4]).

[1]) Да мало ли и другихъ какихъ непріятностей могъ надѣлать ему патріархъ константинопольскій, напр. могъ поссорить его съ господарями, какъ и случилось (Муравьевъ. Исторія Св. Града, II. 302); а вѣдь господари были лицами, «благопріятствовавшими Св. Гробу»; далѣе: могъ запереть у него его домовую церковь на свято-гробскомъ подворьѣ къ Константинополѣ, какъ это опять таки бывало (ibid.).

[2]) Авторъ брошюры: «Св. Земля и Православное Импер. Палестинское Общество», г. М. Соловьевъ замѣчаетъ, что «*многіе* изъ іерусалимскихъ патріарховъ (въ XVII и XVIII вв.) *совсѣмъ не бывали* въ Іерусалимѣ, переселившись въ столицу», т. е. Константинополь (стр. 77. М. 1891).

[3]) А что доходы со свято-гробскихъ и аѳонскихъ имуществъ въ теперешней Румыніи часто шли совсѣмъ не на дѣло, относительно этого вотъ что говорится въ одномъ компетентномъ русскомъ изданіи: «Обширныя матеріальныя средства восточныхъ патріархій, приходившія изъ Румыніи, употреблялись не по назначенію, и потому попущеніемъ Божіимъ излишнія богатства были отняты у тѣхъ, которые зарывали въ землю данный имъ талантъ» (Сообщенія Правосл. Палестинскаго Общества. т. IV, 82. Петерб. 1893).

[4]) Въ «Сообщеніяхъ Православнаго Палестинскаго Общества» мы встрѣтили замѣтку подъ заглавіемъ: «Румынскія церковныя имущества» (т. IV,

Можно ли было бы подумать, что между поселеніемъ, вѣроятно, не особенно многочисленнаго остатка византійскихъ дворянскихъ фамилій, малоизвѣстныхъ по ихъименамъ, сначала на одной стамбульской вершинѣ (при Магометѣ II), а потомъ въ низменномъ кварталѣ Фанаръ съ одной стороны, и конфискаціею церковныхъ имуществъ, непринадлежащихъ господствующей націи въ какой-то Молдаво-валахіи, — конфискаціею — чуть не въ наши дни,—есть прямая связь? А вѣдь, это такъ и есть на дѣлѣ.

Если съ двадцатыхъ годовъ XIX-го столѣтія турецкая власть совсѣмъ перестала поставлять греческихъ христіанъ на высокіе политическіе посты—въ родѣ великихъ драгомановъ и господарей, то это потому, что въ послѣднее время и сама она перестала владѣть собою: почти по очереди, какъ хотятъ, ее поворачиваютъ, при посредствѣ политики, въ ту или другую сторону — Русскіе, Французы, Англичане, Нѣмцы, обращаясь съ турецкимъ правительствомъ, какъ съ манекеномъ, фигурирующимъ

стр. 695—7. Петербургъ, 1893), въ которой между прочимъ сказано: «въ сороковыхъ годахъ преосвящ. Порфирій (Успенскій предвидѣлъ и *вполнѣ оправдывалъ* (курсивъ не нашъ) конфискацію румынскихъ монастырскихъ (т. е. свято-гробскихъ и аѳонскихъ) земель, которая совершилась позже». Замѣтка эта казалась очень цѣнною для насъ, потому что она еще разъ должна была удостовѣрять, что пріобрѣтеніе этихъ земель извѣстными собственниками было не совсѣмъ чисто (ибо только убѣдительнымъ указаніемъ на такое обстоятельство можно бы *вполнѣ оправдывать* ихъ конфискацію). Но должны сознаться, что въ тмучисленныхъ печатныхъ сочиненіяхъ преосв. Порфирія мы не встрѣтили ясныхъ слѣдовъ подобнаго отношенія этого ученаго къ разбираемому вопросу. Нашли же мы здѣсь вотъ какія мысли. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, касаясь вопроса о разсматриваемыхъ имуществахъ, преосвящ. Порфирій спрашиваетъ себя: «вправѣ ли молдаво-валашскія княжества (теперь Румынія) отнимать у Св. Гроба и Аѳона извѣстныя имущества и присвоивать ихъ государству?» И отвѣчаетъ: «не вправѣ, потому что имѣнія добровольно завѣщаны монастырямъ на вѣчное поминовеніе душъ завѣщателей и ихъ сродниковъ. А такія завѣщанія святы. Нарушитель ихъ—врагъ вѣчно поминаемыхъ душъ». Онъ даже не рекомендуетъ и передачу управленія этими имуществами въ руки чиновниковъ. Съ свойственною ему энергіею преосвящ. авторъ говоритъ: «чиновники—народъ лукавый, лакомый и жадный до денегъ» (Первое Путешествіе въ аѳонскіе монастыри, стр. 107, часть II, отд. 2-ое. М. 1880 г.). А при другомъ случаѣ онъ же говоритъ: «у васъ (рѣчь обращена къ Грекамъ, заинтересованнымъ по вопросу) не отнимаютъ и не отнимутъ имѣній»; и еще: «Аѳонъ не лишится своихъ имѣній ни въ княжествахъ, ни у насъ» (по отношенію къ княжествамъ авторъ ошибся, конечно). Сырку. Описаніе бумагъ, стр. 56, 59).

однакожъ въ дипломатическихъ документахъ съ именемъ Блистательной Порты.

Говоря объ отношеніи турецкаго правительства къ христіанамъ греческаго исповѣданія, мы до сихъ поръ старались составить понятіе собственно о Грекахъ привиллегированныхъ классовъ—приматахъ (коджабаши), простыхъ драгоманахъ, драгоманахъ, одаряемыхъ высокими титулами, господаряхъ—этихъ халифахъ, на часъ; но для полноты и ясности картины мы должны сказать еще и объ отношеніи того же правительства къ народу грекохристіанскому вообще. И прежде всего слѣдуетъ разрѣшить вопросъ: допустила Порта указанный народъ до участія въ какихъ либо государственныхъ и общественныхъ функціяхъ, какъ это бываетъ въ другихъ европейскихъ государствахъ? Что Порта однажды навсегда исключила всѣхъ христіанъ отъ несенія военной повинности — это всѣмъ извѣстно и останавливаться на этомъ вопросѣ не станемъ. Но быть можетъ далеко не всѣмъ извѣстно то, что христіане, отстраненные отъ службы въ арміи, отнюдь не были устранены отъ военно-морской службы. По волѣ Порты и отчасти по необходимости флотъ оставленъ въ рукахъ христіанъ, и безъ сомнѣнія больше всего Грековъ. Турки совсѣмъ не были знакомы съ искусствомъ кораблестроенія. Въ этомъ отношеніи они должны были пользоваться услугами постороннихъ лицъ. Съ самаго появленія Турокъ на исторической сценѣ караблестроителями у нихъ были или Греки или Венеціанцы. Такъ было и позднѣе. Наприм. въ извѣстіяхъ отъ 1553 года упоминается родосскій Грекъ, Михаилъ Венетто, какъ человѣкъ опытный по части кораблестроенія, въ рукахъ котораго находилось все это дѣло [1]). Да и вообще судостроителями, капитанами судовъ, лоцманами были преимущественно Греки-христіане [2]). Мало того: весь флотскій экипажъ состоялъ или изъ Грековъ или изъ другихъ христіанскихъ народовъ. Извѣстенъ слѣдующій фактъ: когда венеціанскій адмиралъ Піетро Лоредано, въ 1416 году одержалъ блистательную побѣду надъ оттоманскимъ флотомъ, то на борту всѣхъ турецкихъ кораблей, захваченныхъ въ плѣнъ

[1]) Zinkeisen. III, 292.
[2]) Ламанскій, проф. Могущество Турокъ, стр. 17.

или разбитыхъ онъ въ числѣ матросовъ нашелъ почти однихъ кандіотовъ, сицилійцевъ и людей другихъ христіанскихъ народностей. Адмиралъ пересадилъ всѣхъ этихъ турецкихъ моряковъ на свои корабли, съ тою цѣлію, какъ онъ выражается въ своемъ рапортѣ по начальству, чтобы отнять у христіанъ удовольствіе продолжать ихъ службу невѣрнымъ. Разумѣется, всѣ они сдѣлались матросами-колодниками въ венеціанскомъ флотѣ. Но такой устрашающій примѣръ остался безо всякихъ послѣдствій, и цѣли не достигъ [1]). Дѣло въ томъ, что нѣтъ на свѣтѣ худшихъ моряковъ—матросовъ, чѣмъ Турки. Увѣряютъ, что будто „ни одному Турку—по крайней мѣрѣ до недавняго времени—нельзя было вбить въ голову, что такое значитъ—надъ вѣтромъ и подъ вѣтромъ" [2]). Въ виду этого, Туркамъ волею-неволею приходилось наполнять свои корабли христіанскими матросами. Христіане, въ особенности изъ тѣхъ провинцій, которыя потомъ подчинены были власти Оттомановъ, составляли неизмѣнный контингентъ матросовъ на ихъ военныхъ корабляхъ. И вотъ мы видимъ, что военно-морское могущество Турокъ долгое время поддерживается малоазійскими Греками, Греками съ Архипелага и кандіатами. Само собою понятно, что во флотъ набиралась всякая дрянь, но все же это были христіане. Одною изъ привлекательныхъ сторонъ военно-морской службы въ турецкомъ флотѣ было большое жалованье какого не было въ европейскихъ флотахъ: жалованье, было такъ велико, что матросы европейскихъ флотовъ дезертировали къ Туркамъ, отдавая себя въ ихъ распоряженіе [3]).

Этимъ впрочемъ и ограничивалось прямое участіе Грековъ и другихъ христіанскихъ народовъ по части государственной службы въ турецкой имперіи. Но конечно христіанскому народу не воспрещены были всѣ тѣ занятія, какія должны были давать пропитаніе райѣ. Христіане занимались земледѣліемъ. По завоеваніи византійской имперіи значительная часть недвижимой собственности—полей, луговъ и пр. оставлена Турками во владѣніи по-

[1]) Zinkeisen. III, 298.
[2]) Гервинуса. Возстаніе Греціи, 15.
[3]) Zinkeisen. III, 299.

бѣжденныхъ. Ограбленіе далеко не было полнымъ. Покореннымъ предоставлены были небольшіе участки земли. Они обязаны были уплачивать пятину съ своихъ произведеній въ казну; а выполняя это условіе, могли свободно передавать свои земли дѣтямъ и внукамъ. Жребій Грековъ во многомъ былъ лучше, чѣмъ положеніе Іудеевъ и диссидентовъ въ средніе вѣка, изъ которыхъ нѣкоторые изъ Испаніи и Венгріи переселились въ Турцію; греческая райя пользовалась плодами своихъ трудовъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ даже теперь нѣкоторые крестьяне въ иныхъ странахъ [1]). Греки свободно занимались разными промыслами и ремеслами. Одно кораблестроеніе требовало множества искусныхъ христіанскихъ рукъ. Здѣсь встрѣчаемъ плотниковъ, столяровъ, желѣзниковъ и пр. И все это были наиболѣе Греки съ Хіоса, Родоса, Митилена и островъ Архипелага [2]). Торговля оставалась въ рукахъ Грековъ, а нѣкоторыя отрасли ея въ исключительномъ ихъ вѣдѣніи, наприм. очень значительная виноторговля. Греки прибрали къ своимъ рукамъ откупа, наприм. соляной откупъ. Безъ сомнѣнія, Турки отдавали откупа Грекамъ, какъ людямъ достаточнымъ, на счетъ которыхъ—въ случаѣ чего—можно было всегда вознаградить убытки казны. Греки, благодаря торговлѣ и откупамъ, часто достигали большихъ богатствъ, и чрезъ это пріобрѣтали значительное политическое вліяніе. Впрочемъ Греки, даже богачи, по внѣшности казались бѣдняками; они ходили въ худенькомъ платьѣ изъ опасенія, чтобы Турки не подобрались къ ихъ богатствамъ [3]). Въ богатствѣ Грековъ нѣкоторые наблюдатели восточно-христіанской жизни находятъ отчасти объясненіе тѣмъ притѣсненіямъ, какія позволяютъ себѣ иногда дѣлать Турки по отношенію къ Грекамъ. „Утѣсненіе (христіанъ)—говорятъ намъ—имѣетъ своимъ источникомъ чувство самосохраненія и тревоги, ощущаемой Турками при видѣ богатства, вліянія и численности христіанъ, все возрастающихъ“ [4]).

[1]) Mendelsschn—Bartholdy. Op. cit. S. 4—5.
[2]) Zinkeisen. B. III, 365. 292.
[3]) Ibidem.
[4]) Дентона, священника англійской церкви. Христіане въ Турціи («Русскій Вѣстникъ», 1864. Мартъ, стр. 122).

Оставляемъ это замѣчаніе на отвѣтственности самого наблюдателя восточной жизни.

Почти по отношенію къ каждому изъ прошедшихъ вѣковъ находимъ свидѣтельства, удостовѣряющія, что Грекамъ и всѣмъ турецкимъ христіанамъ жилось въ общемъ не очень худо. Вотъ свидѣтельство, относящееся къ 1481 году, году смерти Магомета II. Оно принадлежитъ, правда, человѣку невидному по своему положенію, какому-то „музыканту“ (кажется изъ Пармы), состоявшему въ теченіе пяти лѣтъ на турецкой службѣ въ Константинополѣ. Онъ разсказываетъ, что здѣсь „Турки не причиняютъ безпокойствъ никому изъ христіанъ, позволяютъ жить имъ по христіанскому обычаю“. Имя свидѣтеля неизвѣстно, а извѣстно только имя того господина (magnifici domini), къ которому на службу потомъ онъ перешелъ: это—Петръ-Марія-Де Рубеисъ [1]). Въ интересныхъ венеціанскихъ документахъ, изданныхъ въ оригиналѣ проф. Ламанскимъ, можно находить любопытныя указанія, удостовѣряющія, что жить подъ властію Турокъ христіанамъ было гораздо лучше, чѣмъ подъ властію Венеціанцевъ. Эти извѣстія относятся къ XV и XVI вѣкамъ. Во второй половинѣ XV вѣка венеціанскій Совѣтъ Десяти, узнавши, что между греческими христіанами Кандіи, которая долго оставалась подъ владычествомъ Венеціанцевъ, – и патріархомъ константинопольскимъ поддерживаются сношенія, при посредствѣ нѣкоторыхъ духовныхъ греческихъ лицъ, приказалъ изгнать этихъ послѣднихъ съ острова. Вотъ мотивъ этого распоряженія: „на о. Кандіи живутъ такіе люди, которые остаются почитателями патріарха, а эти почитатели могутъ быть друзьями и сторонниками Турокъ“. Очевидно было не въ интересахъ республики, чтобы приверженцы патріарха, а слѣдовательно по воззрѣнію венеціанцевъ— и друзья Турокъ проживали въ Кандіи [2]). Страхъ венеціанцевъ былъ понятенъ: сношенія кандійскихъ Грековъ съ Константинополемъ могли убѣдить этихъ послѣднихъ, что христіанскимъ подданнымъ султана жилось вовсе не

[1]) Zinkeisen. B. II, S. 472.

[2]) Lamansky. Secrets d'Etat de Venise. Documents et c. p. XX (второй пагинаціи) et. p. 048. Здѣсь между прочимъ читаемъ: in tota insula habitent tales homines, qui existentes amici Patriarchi reputari possint *amici* et benevoli Teucri.—St.-Petersb. 1884.

такъ плохо, какъ можно было думать. А отсюда одинъ шагъ и до отложенія кандіатовъ отъ венеціанцевъ и до перехода ихъ въ подданство Турокъ. Спустя немного лѣтъ тотъ же Совѣтъ Десяти, освѣдомившись, что одинъ изъ прежнихъ жителей Кандіи—Грекъ, прибылъ въ Константинополь, потомъ сдѣлался тамъ патріархомъ, отдалъ приказъ объ изгнаніи съ острова отца и брата новаго патріарха, ссылаясь на то, что невозможно оставаться имъ въ Кандіи безъ вреда для государства. Кромѣ этого тотъ же Совѣтъ Десяти, по указанному случаю приказываетъ венеціанскимъ правителямъ Кандіи прервать всякія сношенія подданныхъ Венеціи съ Константинополемъ подъ предлогомъ ли религіи или по другимъ предлогамъ, при чемъ указаннымъ начальникамъ (rectores) предписывалось строго блюсти за этимъ, подъ опасеніемъ изгнанія ихъ самихъ изъ венеціанскихъ владѣній; обѣщана была также награда доносчикамъ, выслѣживавшимъ сношенія кандіатовъ съ Константинополемъ [1]). Мотивъ приказанія очень понятенъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи генеральный provveditor (?) кандійскій Антоніо Пріули обращался къ инквизиторамъ республики съ такимъ рѣшительнымъ предложеніемъ: усматривая вредныя тайныя сношенія визиря (великаго)? съ кандійскими Греками (ясное дѣло—визирь подущалъ ихъ отложиться отъ венеціанцевъ и перейти въ подданство султана), онъ настаивалъ на необходимости удалить съ острова болѣе вліятельныхъ Грековъ, давъ имъ какія либо должности по морской части или на континентѣ [2]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что жизнь христіанъ въ Турціи въ XV и XVI вѣкахъ протекала такъ тихо и мирно, что имъ завидовали православные Греки, подчиненные венеціанской республикѣ, а Турки съ своей стороны, указывая на жизнь христіанъ въ ихъ имперіи, подстрекали островитянъ съ Кандіи къ переходу ихъ въ подданство султана. Выводъ отсюда для нашего вопроса нетруденъ. Далѣе. Свидѣтельство Эльснера, относящееся къ XVII и частію XVIII вѣку гласитъ: „всѣ христіане, а также Іудеи, живутъ въ Турціи со всею свободою и спокойствіемъ". Страхъ испытываютъ, по словамъ Эльснера, въ Турціи только чиновники и слу-

[1]) Ibidem. p. XX (второй пагинаціи) et p. 052.
[2]) Lamansky. Ibidem, p. XI (второй пагинаціи) et p. 145—146.

жилый классъ, т. е. люди, какъ о нихъ принято говорить въ Турціи, которые ѣдятъ султанскій хлѣбъ [1]). Вообще, по увѣренію нѣкоторыхъ знатоковъ дѣла, христіанскому народу европейскихъ частей Турціи жилось гораздо лучше, чѣмъ самымъ мусульманамъ Азіи и Африки. „Мусульманское населеніе Анатоліи, т. е. въ Азіи и въ Африкѣ, сверхъ Турокъ—османовъ, по преимуществу состояло изъ презираемыхъ Турками шіитовъ и Мавровъ. Оно всегда было болѣе стѣснено и унижено, чѣмъ христіанское населеніе Румеліи" (т. е. всѣхъ европейскихъ провинцій, поясняетъ нашъ авторъ) [2]). Этотъ же самый писатель въ порабощеніи Грековъ и вообще христіанъ турецкому правительству видитъ нѣчто такое, за что должно благословлять судьбу; онъ объявляетъ, что „все дурное и тяжелое, заключающееся въ господствѣ Турокъ, было зломъ относительнымъ и искупается тою пользою и тѣмъ благомъ, какое доставила Турція міру греко-славянскому, оберегая и защищая его отъ Романо-германцевъ" [3]) (съ ихъ умѣньемъ поглощать чужеродныя націи и чужія религіи). Въ этомъ-то смыслѣ Леонтьевъ не безъ основанія говоритъ: „для многихъ людей очень умныхъ и знающихъ Востокъ оказывается, что въ наше время чистѣйшіе интересы православія тѣсно связаны съ владычествомъ мусульманскаго государя" [4]). Ужъ не значитъ ли это, что Турокъ является охранителемъ самаго дорогого достоянія въ жизни греко-восточнаго народа?

Весьма любопытно, что есть одинъ русскій авторитетный ученый, который находитъ что никто въ сущности не понесъ столько бѣдъ отъ Турокъ, сколько *мы*, Русскіе. Вотъ его разсужденія: „Крымцы — татары нападали на (наши) деревни и села, угоняли съ собой тысячи, десятки тысячъ крестьянъ, ихъ женъ и дѣтей". Значительнѣйшую „массу плѣнныхъ они продавали генуэзскимъ купцамъ и Евреямъ, которые отправляли эту массу рабовъ на рынокъ въ Константинополь. Въ четыре столѣтія Великая

[1]) Elssener. Beschreibung der Griechischen Christen in d. Türckey, s. 327. Berl., 1737.

[2]) Ламанскаго, проф. Могущество Турокъ, стр. 11.

[3]) Ламанскаго, проф. Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ, стр. 27. Петерб. 1871.

[4]) Леонтьевъ. Востокъ, Россія... I, стр. 74.

Iалая Русь и часть Польши, можно смѣло полагать, ились такимъ путемъ не менѣе 3—5 милліоновъ душъ го населенія", проданныхъ на константинопольскомъ кѣ, подобно *скоту*. „Можно сказать, заявляетъ авторъ, ни одна православная, ни одна славянская народь такъ не была унижена и несчастлива въ Турціи, народность Русская. *Русскіе терпѣли отъ Турокъ бо- Грековъ, Болгаръ и Сербовъ*" [1]). Выводъ этотъ остаэмъ на отвѣтственности почтеннаго автора, такъ какъ обладаемъ свѣдѣніями изъ русской исторіи.

Еще одно замѣчаніе, и наша главная часть разсужде- объ отношеній турецкаго правительства къ христіану народу придетъ къ своему концу. Положеніе на, лишеннаго большей части гражданскихъ правъ, но водимаго и поставленнаго подъ управленіе своихъ ыхъ властителей, привело къ концентраціи всего о-православнаго общества. Дѣло въ слѣдующемъ: „чѣмъ ше власть султана ослабѣвала (а это такъ и было), ь рѣшительнѣе выступали на видъ недостатки турец- (государственнаго) устройства. И когда нельзя было дать себѣ защиты сверху, то каждый старался защиь самого себя. Въ особенности Греки все тѣснѣе и нѣе стали льнуть другъ къ другу: народъ къ епис, къ своимъ приматамъ, къ своимъ общиннымъ предтелямъ; всѣ эти лица въ свою очередь, льнули къ оманамъ паши, а эти еще въ свою очередь къ драану Порты, къ фанаріотамъ въ Константинополѣ и саy патріарху. Чрезъ такую крѣпкую связь частей обраалось собственное греческое государство въ государствѣ омановъ. Центръ этого греческаго государства нахося въ столицѣ и отсюда уже его рычаги расходились всему турецкому царству, получая въ столицѣ же импьсъ и необходимое единство движенія". Слова—автотетнаго Маурера [2]).

Такъ-то жила-была, какъ называютъ ее Турки, румейая райя (т. е. римскіе скоты) подъ безтолковымъ оттонскимъ режимомъ, представляющимъ собою лишь ис-

---

[1]) Ламанскаго, проф. Могущество Турокъ, стр. 22—23.
[2] Maurer. B. I, S. 14—15.

тинно замѣчательную каррикатуру на дѣйствительное правительство.

Знаете ли вы теперь райю?

Нѣтъ слова, *райя не была счастлива, но она и не была угнетена.*

Не была угнетена! Но кто нибудь можетъ сказать: однакожъ райя платила хараджъ, подушную подать, тяжелую и унизительную, съ христіанскихъ дѣтей райи взималась десятина въ пользу турецкаго правительства, и наконецъ христіане подвергались „многимъ искушеніямъ и прельщеніямъ", имѣвшимъ въ результатѣ печальные примѣры ренегатства? Всѣ эти явленія дѣйствительно существовали, а потому намъ нужно уяснить смыслъ и значеніе этихъ явленій въ жизни грековосточныхъ христіанъ.

Начнемъ съ хараджа. Всѣ Греки, начиная съ четырнадцатилѣтняго возраста до старости, обязаны были вносить въ казну султана подушную подать—хараджъ. Люди простаго званія и наибѣднѣйшіе вносили одинъ дукатъ (3 рубля) въ годъ. Люди болѣе состоятельные платили 2 дуката; третій классъ плательщиковъ хараджа составляли тѣ, кто обязаны были вносить четыре дуката,—они принадлежали къ людямъ богатымъ. Купцы платили подати, смотря по стоимости ихъ товаровъ, какіе они продавали или привозили изъ другихъ странъ. Хараджъ собирался въ началѣ турецкаго праздника — байрамъ; для этого учрежденъ былъ штатъ сборщиковъ податей. Кто заплатилъ хараджъ, тотъ получалъ росписку, цвѣтъ которой ежегодно мѣнялся: если въ одинъ годъ этотъ цвѣтъ былъ бѣлый, то въ другіе годы—синій, красный, желтый. На верхней части росписки значилось имя тогдашняго великаго визиря и главнаго казначея; посрединѣ росписки значилось имя лица внесшаго подушную подать, съ описаніемъ его примѣтъ и возраста, а на самомъ внизу росписки указывалось имя сборщика хараджа. Росписку нужно было носить при себѣ и предъявлять по требованію сборщика, хотя бы это было на улицѣ,—подъ опасеніемъ вторичной уплаты той же подати. Кто заплатилъ хараджъ въ одномъ мѣстѣ, тотъ свободно и безпрепятственно могъ жить гдѣ угодно: хараджъ никогда не возвышался въ цѣнѣ, несмотря на то, былъ ли миръ или происходила

на. Заплатившій хараджъ считался находящимся подъ ровительствомъ Оттоманской Порты. Онъ могъ споно владѣть тѣмъ, что ему принадлежало, ни одинъ Туь не могъ дѣлать ему непріятностей, не могъ войти въ ь райи безъ позволенія, или что-либо отнять у него. ата хараджа давала ему право считать себя такимъ подданнымъ султана, какъ Турокъ. Отъ хараджа освоцены были всѣ женщины христіанскія, а также всѣ ки, которые находились въ морской службѣ турецкаго вительства [1]). Вотъ въ чемъ состоялъ хараджъ: онъ былъ обременителенъ. Уплата его давала право жиства христіанину вездѣ въ имперіи. Въ этомъ случаѣ осписка, которая давалась въ удостовѣреніе уплаты аджа, очень походитъ по своимъ послѣдствіямъ на тѣ орты, какіе существуютъ для нашего простонародья. аджъ избавлялъ плательщиковъ отъ тяжелой и страш- воинской повинности. Онъ былъ нѣкоторою замѣною уральной воинской повинности. Хараджъ уплачивается перь [2]). Вообще нельзя считать христіанъ слишкомъ мененными податями со стороны Турокъ. Напр. о зедѣльцахъ райяхъ говорятъ: ихъ подушное (хараджъ) тану, ихъ законную подать, какъ земледѣльцевъ, ихъ окъ помѣщикамъ никогда не считали тяжелыми сами земные христіане [3]). Если же большинство греко-воныхъ христіанъ бѣдно и живетъ среди лишеній, то а-ли это нужно ставить въ вину той системѣ податей, ая практикуется въ турецкомъ государствѣ. По слоъ Гервинуса, „какъ удостовѣряютъ всѣ христіанскіе ешественники, между всѣми округами райевъ не было пче, бѣднѣе и истощеннѣе Майны, а сюда однако-жъ ступала ни одна турецкая нога“. Самая бѣдность хриянскихъ подданныхъ низшаго класса въ Турціи есть щь относительная. Тотъ же Гервинусъ отмѣчаетъ слѣ-

[1]) Elssner. Beschreibung. S. 322—327. Гиргасъ. Права христіанъ на Востокѣ мусульманскимъ законамъ, стр. 89. Петерб. 1865.

[2]) Въ такомъ видѣ безъ существенныхъ измѣненіи хараджъ взимался въ II и XVIII в. (Гиргасъ. Ibid... стр. 89. 91). Въ XIX столѣтіи уничтожены турецкіе сборщики хараджа, а собираніе и доставленіе его въ казну южены на старшинъ и вообще представителей самихъ христіанскихъ объ (Ibid. 98. слич 106).

[3]) Гервинусъ. Возстаніе Греціи, стр. 12.

дующій фактъ: „Болгары, выселившіеся съ 1829 года въ единовѣрную Россію, потомъ охотно возвращались къ турецкимъ котламъ съ мясомъ, сознавая свою ошибку" [1]).

Обращаемся къ десятинѣ съ христіанскихъ мальчиковъ. Что это натуральная или, точнѣе, ненатуральная подать есть вершина варварства—объ этомъ двухъ различныхъ мнѣній быть не можетъ. Сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о разсматриваемой десятинѣ. Наиболѣе точныя свѣдѣнія относительно вопроса мы имѣемъ изъ XVI вѣка. Десятина эта взималась ежегодно, но однако такъ, что въ каждую отдѣльную провинцію сборщики ея являлись только черезъ пять лѣтъ. Дѣло происходило такимъ образомъ: въ извѣстное время турецкое правительство отряжало въ ту или другую провинцію офицера съ 30 или болѣе янычарами; ему вручался указъ, которымъ повелѣвалось въ городахъ и селахъ взимать десятину съ мальчиковъ. Христіанскій старшина (protogeros) мѣстности, какъ знатокъ семейнаго положенія христіанъ этой послѣдней, представлялъ офицеру всѣхъ мальчиковъ не ниже семилѣтняго возраста и исключая всѣхъ женатыхъ юношей. Если отецъ скрывалъ кого-нибудь изъ своихъ дѣтей, то его тяжко наказывали, пока сынъ его не будетъ отысканъ и приведенъ къ вербовщикамъ. Если дѣтей представлено было много, то офицеръ за приличную взятку могъ всегда дать свободу сыну богатыхъ родителей. Брали въ десятину мальчиковъ самыхъ крѣпкихъ и красивыхъ. Забирая христіанскихъ мальчиковъ въ качествѣ десятины, Турки всегда помнили, что нельзя брать ихъ всѣхъ; въ такомъ случаѣ край быстро пришелъ бы къ вырожденію народонаселенія. Поэтому, извѣстная часть мальчиковъ оставлялась при родителяхъ. Десятина съ мальчиковъ взималась не во всѣхъ мѣстахъ: столица—Константинополь, предмѣстье его—Галата, городъ Навплія, страны, перешедшія отъ Венеціанцевъ къ Туркамъ добровольно, и нѣкоторыя другія мѣстности—были освобождены отъ этой безобразной повинности. Не бралась эта десятина въ Аравіи, въ Египтѣ, Венгріи. Въ болгаріи отъ нея освобождены были такъ называемые „войницы" и проч. (О нихъ была уже

---

[1]) Ibidem, стр. 13.

рѣчь раньше) [1]. Завербованныхъ мальчиковъ на мѣстѣ ихъ родины одѣвали въ особую форму и затѣмъ отправляли въ Стамбулъ, въ Галату и Андріанополь, для дальнѣйшаго воспитанія. Всѣ они обрѣзывались и обращались въ мусульманъ. Не всѣхъ ихъ ожидала одинаковая доля. Одни размѣщались по сералямъ и коллегіямъ, гдѣ ихъ обучали на турецкій образецъ—главнымъ образомъ языкамъ турецкому, персидскому и арабскому, а другіе съ самаго же начала пріучались къ исполненію низменныхъ работъ — служили въ кухняхъ, воздѣлывали султанскіе сады и огороды, учились стрѣлять изъ лука [2]). Дисциплина для всѣхъ ихъ до извѣстнаго возраста была самая строгая. Они отрѣшены были въ теченіе десятка лѣтъ отъ всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ и очень походили въ этомъ отношеніи на русскихъ институтокъ николаевскаго времени. Болѣе образованные изъ нихъ, по достиженіи извѣстнаго возраста были представляемы ко двору и султанъ ихъ жаловалъ различными должностями, наприм., они дѣлались чаушами, пажами, камеръ-пажами и т. д. [3]). Изъ этихъ отурченныхъ христіанскихъ дѣтей, какъ и изъ христіанскихъ военно-плѣнныхъ мальчиковъ, составлялась султанская гвардія — пѣхота янычары, и кавалерія—сипаги Порты [4]). Въ военныхъ сферахъ отурченныя христіанскія дѣти потомъ достигали почетныхъ должностей, наприм, генераловъ—аги—въ полкахъ янычаръ, адмираловъ флота и пр. [5]). Изъ пажей и камеръ-пажей, вообще изъ лицъ, находившихся на придворныхъ должностяхъ, потомъ выходили такъ называемые беглербеги (управители цѣлыхъ провинцій), которыми весьма рѣдко были природные Турки, баши — визири (министры). Нѣкоторые изъ взятыхъ, въ качествѣ десятины, мальчиковъ посредствомъ браковъ съ дочерьми султановъ, роднились съ самимъ

[1]) Heineccii. Abbildung der alten und neuen Kirche. Anhang. S. 16—19. Lipz. 1711. Въ этомъ Anhang'ѣ авторъ напечаталъ разныя извлеченія изъ историческихъ произведеній. На указанныхъ страницахъ (и дал.) у него напечатано извлеченіе изъ какого-то рукописнаго труда Стефана Герлаха.— Cf. Christophori Angeli. De statu hodiernorum Graecorum, p. 64—65. Lipsiae, 1655.

[2]) Ламанскаго, проф. Могущество Турокъ, стр. 10.

[3]) Heineccii. Op. cit. Anhang, S. 20—21.

[4]) Ламанскаго проф. Loc. cit.

[5]) Christophori Angeli. Op. cit., p. 71.

падишахомъ [1]). Хотя въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, но десятинныя дѣти могли достигать головокружительной правительственной высоты—дѣлались великими визирями—этими alter ego султана. Вотъ краткая біографія знаменитаго великаго визиря Магомета Соколли (т. е. Соколова). Онъ былъ родомъ изъ Требиньи близъ Рагузы, съ дѣтства готовился къ духовной должности и былъ уже чтецомъ при Саввинской церкви въ Босніи; но въ это время происходилъ въ Босніи сборъ десятины съ мальчиковъ и онъ попалъ въ число завербованныхъ, хотя ему пошелъ уже 18-й годъ. Нашъ причетникъ отведенъ былъ въ Константинополь. Повидимому, сначала онъ подавалъ мало надеждъ, а потому его сдѣлали садовникомъ при султанскомъ сералѣ. Но здѣсь онъ своею смышленностію скоро обратилъ на себя вниманіе самого султана Сулеймана, который содѣйствовалъ быстрому повышенію Магомета въ должностяхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Соколли былъ уже капуданъ-пашей (главнымъ управляющимъ островами), а потомъ въ іюнѣ 1565 года достигъ наивысшей степени могущества—былъ объявленъ великимъ визиремъ [2]). Указанные нами факты, свидѣтельствующіе о лестныхъ отличіяхъ, какихъ иногда достигали десятинные христіанскіе мальчики, имѣли весьма важныя послѣдствія: если прежде христіанскіе родители оплакивали своихъ дѣтей, взимаемыхъ въ качествѣ десятины, то теперь они не только примирялись съ этою варварскою податію, но часто и отдавали своихъ дѣтей въ указанномъ случаѣ съ полною охотою. Мы имѣемъ цѣлый рядъ авторитетныхъ свидѣтельствъ, не оставляющихъ мѣста для сомнѣній. Мартинъ Крузій говоритъ, что „многіе (многіе!) вслѣдствіе бѣдности, индифферентизма или скупости добровольно отдавали своихъ дѣтей въ десятину, за исключеніемъ какого нибудь одного ребенка. Или же они расчитывали, что въ случаѣ успѣховъ на султанской службѣ, дѣти могутъ быть полезны своимъ родителямъ“ [3]). Второе свидѣтельство принадлежитъ Стефану Герлаху: „Христіанскіе родители (нѣкоторыхъ от-

[1]) Ibidem et. Turco-Graecia, p. 194.
[2]) Zinkeisen. B. III, S. 91.
[3]) Turco-Graecia, p. 193.

даленныхъ мѣстъ въ Турціи), подъ вліяніемъ жизненныхъ лишеній, охотно (beliebig) отдавали своихъ малолѣтнихъ дѣтей Туркамъ". То же, по свидѣтельству Герлаха, было въ Албаніи и Болгаріи: здѣсь родители, обязанные нести нѣкотораго рода военныя повинности въ пользу Турокъ, чтобы самимъ имъ избавиться отъ военной службы, „охотно отдавали одного или двоихъ дѣтей въ качествѣ десятины". Тотъ же Герлахъ утверждаетъ, что сами христіанскія дѣти вовсе не боялись попадать въ число дѣтей десятинныхъ, „напротивъ, они выражали радость, что могутъ попадать на службу къ самому султану и получать жалованье". Это послѣднее сказалъ Герлаху христіанскій мальчикъ, который сопровождалъ его при осмотрѣ какихъ-то церквей и который желалъ, чтобы „какъ можно скорѣе сдѣлаться слугою султана" [1]). Сдѣлаться слугою султана— это было идеаломъ, цѣлью, на которую постоянно устремлены взоры нѣкоторыхъ христіанскихъ мальчиковъ. Венеціанскій баилъ (посланникъ) Доменико Гревизано въ это же время (т. е. въ XVI вѣкѣ) въ оффиціальномъ рапортѣ писалъ своему начальству: „эта повинность, вслѣдствіе которой каждый христіанскій подданный султана долженъ отдавать своихъ дѣтей въ десятину и которая причиняла такія печали родителямъ, теперь (въ 1554 г.), кажется, почитается почти за особенную милость" [2]). Замѣчательно еще то, что сами Турки ужасно завидовали христіанамъ, что христіанскія дѣти, даже изъ бѣднѣйшихъ классовъ, достигали самыхъ высокихъ должностей при дворѣ и въ администраціи, тогда какъ ихъ собственныя дѣти лишены такого счастія, мало того: эти послѣднія находились въ подчиненіи у своихъ враговъ. Зависть Турокъ въ этомъ случаѣ простиралась такъ далеко, что они, желая доставить своимъ дѣтямъ возможность служить въ янычарахъ, нарочито отдавали ихъ христіанамъ, прося этихъ послѣднихъ поставить ихъ въ качествѣ десятины, вмѣсто собственныхъ дѣтей. Завидовали не только простые Турки, но и сами визири [3]). Мы указали на эти удивительныя явленія, удостовѣряющія въ томъ, что хри-

[1]) Gerlach. Tage-buch, S. 257. 314.
[2]) Zinkeisen, B. III, 222.
[3]) Ibidem, S. 223.

стіане не всегда тяготились разсматриваемой десятиной, а Турки явно завидовали будущности десятинныхъ христіанскихъ дѣтей, указали съ тѣмъ, чтобы точнѣе констатировать относящіеся къ нашему дѣлу факты, а не съ тѣмъ, чтобы скрасить и оправдать данный обычай (Боже упаси!). Мы находимъ, что нѣтъ болѣе тяжкаго пятна на турецкомъ правительствѣ, чѣмъ то, какое оставило здѣсь варварское обыкновеніе брать дѣтей въ десятину и турчить ихъ. Къ счастію, это варварское обыкновеніе давно уже отжило свой вѣкъ. Подать съ дѣтей райи была отмѣнена при султанѣ Мурадѣ IV (1623—40 г.), а впослѣдствіи уничтожена еще болѣе рѣшительными постановленіями 1685 года [1]).

Теперь наконецъ поведемъ рѣчь о „многихъ искушеніяхъ и прельщеніяхъ"... Объ „искушеніяхъ и прельщеніяхъ" любятъ говорить такіе историки, которые вмѣсто фактовъ руководятся соображеніями: если Турокъ, разсуждаютъ они, то таковой не можетъ обойтись безъ „искушеній и прельщеній". Но дѣйствительность не подтверждаетъ подобныхъ теоретическихъ предположеній. Лично мы не встрѣчали ни одного сколько нибудь авторитетнаго подтвержденія разбираемой истины. Напротивъ, есть такія свидѣтельства, которыя даютъ возможность дѣлать выводъ, что Турки не пользовались всякимъ представившимся случаемъ къ обращенію христіанъ въ исламъ и даже сдерживали своекорыстное или слѣпое ренегатство. Во второй половинѣ XVI вѣка одинъ венеціанскій посланникъ въ своемъ донесеніи венеціанскому сенату положительно свидѣтельствуетъ, что султанъ воспретилъ христіанамъ переходить въ исламъ съ цѣлью освободить своихъ дѣтей отъ взятія на службу подъ видомъ десятины. „Это свидѣтельство весьма характеристично" [2]). Еще меньше Турки желали массоваго обращенія цѣлыхъ странъ, входившихъ въ составъ имперіи. Они, наприм., считали невыгоднымъ для себя очень сильное стремленіе сѣверныхъ славянъ и албанцевъ къ переходу въ исламъ, потому что съ переходомъ въ магометанство они должны были

[1]) Гервинусъ. Op. cit., стр. 28.
[2]) Проф. Скабалановича. Политика турецкаго правительства и пр. «Хр. Чт.», 1878, II, 429.

освободиться отъ подушной подачи—хараджа [1]). А главное— мы не видимъ, чтобы ренегаты за свое обращеніе къ господствующему исповѣданію получали какія либо привиллегіи отъ турецкаго правительства. Наприм., не природный Турокъ, по законамъ мусульманъ, не могъ получить мѣста судьи (кадія); эти законы такъ строго наблюдались, что ренегаты только въ рѣдкихъ случаяхъ могли попадать на это почетное и священное мѣсто [2]). Правда, изъ числа ренегатовъ два извѣстныхъ намъ лица достигаютъ самаго высокаго административнаго положенія — сана великаго визиря. Говоримъ объ Ибрагимѣ-Пашѣ и Рустемѣ. Но оба они эту должность получили вовсе не въ награду за отступничество Ибрагимъ-Паша былъ сынъ Грека изъ Пагры; еще мальчикомъ захваченъ турецкими корсарами, былъ проданъ ими, попалъ въ турецкія руки. Наконецъ изъ него вышелъ великій визирь [3]). Нѣсколько подобная же исторія случилась съ Рустемомъ. Онъ былъ сынъ сербскаго крестьянина изъ деревни близъ Босна-Сераи; попалъ къ Туркамъ совершенно случайно; его баринъ не имѣлъ денегъ, чтобы заплатить за себя хараджъ, и вмѣсто платы отдалъ Туркамъ своего крестьянина [4]). Тутъ нѣтъ и рѣчи объ искушеніяхъ и прельщеніяхъ. Если Турки не дѣйствовали для расположенія ренегатовъ искушеніями и прельщеніями, то кажется еще менѣе они пользовались насильственными мѣрами въ тѣхъ же цѣляхъ,—по крайней мѣрѣ по отношенію къ сынамъ греко-восточной церкви. Въ патріаршихъ бератахъ, повидимому, неизмѣнно повторялось слѣдующее приказаніе султана: „никто ни въ какомъ случаѣ не долженъ силою принуждать какого либо подданнаго изъ Грековъ къ принятію исламизма“. Ренегатовъ въ Турціи было положимъ много, но они сдѣлались таковыми по собственной волѣ—никто, кромѣ нихъ самихъ, въ этомъ не виноватъ. Тяжелый на подъемъ Турокъ мало интересовался успѣхами мусульманской пропаганды. Справедливо говорятъ: „при нелюбви и природномъ нерасположеніи Турокъ ко всякимъ

[1]) Hertzberg. III, 67.
[2]) Ламанскаго, проф. Могущество Турокъ, стр. 16.
[3]) Zinkeisen. III, S. 70.
[4]) Zinkeisen. Ibid. S. 81.

діалектическимъ тонкостямъ и богословскимъ спорамъ, при умственной и физической ихъ неподвижимости, христіане въ Турціи пользовались тѣмъ равнодушіемъ и терпимостію правительства и обывателей, которой, говоря вообще, могли завидовать иновѣрцы во всѣхъ христіанскихъ государствахъ XV—XVII вѣковъ“ [1]).

III. Отношенія іерархіи греко-восточной церкви и народа къ турецкому правительству.

Султаны, начиная съ Магомета II, дали церкви и ея представителямъ большія права и привиллегіи въ своемъ царствѣ и въ общемъ сохраняли неприкосновеннымъ этотъ даръ. Отношеніе Порты къ церкви, какъ они установились при Магометѣ II, историки находятъ „въ высшей степени благопріятными для нея и выгодными“ [2]). Первый патріархъ турецкаго времени Геннадій и прочіе представители церковнаго авторитета при немъ имѣли полную возможность установить ходъ церковныхъ дѣлъ сообразно съ тѣми идеями, какими руководились эти вожди церкви; „ибо Порта во внутреннія дѣла церкви совсѣмъ не вмѣшивалась“ [3]). Послѣдующее время не вызвало никакихъ такихъ перемѣнъ въ отношеніяхъ султановъ къ церкви, которыя бы вели къ худшему. Относительно всего XVI вѣка говорятъ, что церковная и общественная автономія христіанъ не была никогда нарушена“ въ это время [4]). Не принимая на себя труда въ хронологическомъ порядкѣ указывать въ подобномъ же родѣ свидѣтельства, относящіяся къ послѣдующимъ вѣкамъ, ограничимся немногими общими замѣчаніями, могущими служить къ разъясненію разсматриваемаго вопроса. Лица, наиболѣе вліятельныя и благоразумныя въ турецкомъ мірѣ всегда держались того принципа, что греческая церковь должна быть охраняема и оберегаема. „Лучшіе султаны, добросовѣстные муфтіи, болѣе разумные великіе визири, понимавшіе громадную важность греческаго народа для оттоманской имперіи, твердо держались того взгляда, что

---

[1]) Ламанскаго, проф. Могущество Турокъ, 12.
[2]) Zinkeisen. II, S. 13.
[3]) Hertzberg. II, S. 546.
[4]) Иречека. Исторія Болгаръ, стр. 575.

права восточной церкви слѣдуетъ уважать и охранять" [1]). Современные церковные историки и канонисты, обозрѣвая ходъ дѣлъ греческой церкви до послѣдняго времени, утверждаютъ, что автономія этой церкви рѣдко была нарушаема турецкою властію. По сужденію канониста Геймбаха, греческая церковь „достигла такого вліянія на самихъ мусульманскихъ владыкъ, что эти послѣдніе чрезвычайно рѣдко осмѣливались ограничивать ее въ ея правахъ или чѣмъ либо оскорблять" [2]). И во всякомъ случаѣ, по мнѣнію историка Газеманна, „турецкое правительство, по собственнымъ побужденіямъ, не вмѣшивалось во внутреннія дѣла церковныя, именно въ дѣла ея вѣры и культа" [3]).

За такое отношеніе оттоманской Порты къ іерархіи, которая болѣе всѣхъ пользовалась плодами благоволенія иновѣрной власти, греческое общество и въ особенности высшее духовенство считали долгомъ выражать свои чувства признательности по адресу лицъ благодѣющихъ. Начало такимъ выраженіямъ положено еще въ царствованіе Магомета II. Одинъ аѳонскій монахъ Критовулъ (какъ думаютъ, впослѣдствіи секретарь самого Магомета) написалъ книгу, заключающую „описаніе славныхъ дѣлъ" завоевателя Византіи. Сочиненіе представлено было Магомету, знавшему греческій языкъ. Въ предисловіи къ своему произведенію Критовулъ помѣщаетъ посвятительное письмо Магомету II и говоритъ: „блистательныя дѣла царей персидскихъ, римскихъ и эллинскихъ разсказаны разными историками, а дѣянія Магомета II блистательнѣе и превосходнѣе ихъ..." Затѣмъ авторъ превозноситъ Магомета, прибѣгая къ искаженію и замалчиванію фактовъ, неподходящихъ къ тону сочиненія [4]). Не принимая на себя оцѣнки поступка Критовула, предоставимъ слово одному нѣмецкому ученому, который говоритъ: „не радостное явленіе, что Грекъ и притомъ монахъ аѳонскій выступаетъ

[1]) Hertzberg. III, 90.
[2]) Ersch und Gruber. Encyklop. B. 87, S. 31.
[3]) Ibidem. Band 84, S. 209.
[4]) Преосв. Порфирія (Успенскаго). Исторія Аѳона, ч. III, отдѣл. 2-е стр. 448—9. Петерб. 1892. Погодина. Обзоръ источниковъ по исторіи взятія Византіи Турками: Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1889, мартъ, стр. 213—214.

въ качествѣ историографа и панегириста султана Магомета"; и прибавляетъ: „очень жаль, что бѣдствія эпохи доводятъ греческую льстивость до сочиненія такого рода произведеній" [1]). Какъ бы въ pendant Критовулу другой греческій писатель того же времени нѣкто Георгій Трапезунтскій пишетъ льстивый панегирикъ тому же Магомету; въ этомъ произведеніи Георгій, преступая всякія границы, именуетъ завоевателя Византіи „сверкающею звѣздою, ослѣпительнымъ свѣточемъ"; по его словамъ, въ Магометѣ „чудодѣйственнымъ образомъ соединились мудрость, храбрость, скромность, милосердіе, справедливость, какого соединенія не встрѣчается ни въ одномъ изъ смертныхъ" [2]). Такъ привѣтствуема была въ Греціи эпоха утвержденія магометанской власти въ христіанской Византіи.

Намъ не удалось собрать многочисленныхъ извѣстій, служащихъ къ удостовѣренію, что и іерархія подъ вліяніемъ тѣхъ преимуществъ и правъ, какими одарила ее Порта, заявляла о своихъ чувствахъ признательности по отношенію къ мусульманской власти. Но это и не особенно нужно; дальше будутъ произведены такіе факты, которые показываютъ, что признательность не только существовала, но и обнаруживалась въ соотвѣтствующей дѣятельности. Для характеристики же чувствъ, которыми наполнялась душа облагодѣтельственныхъ, приведемъ лишь немногія отрывочныя указанія въ подобномъ родѣ. Извѣстный константинопольскій патріархъ Кириллъ Лукарь, въ началѣ XVII вѣка такъ писалъ русскому царю Михаилу, выхваляя достоинства тогдашняго султана Османа. „Османъ насъ любитъ,—писалъ патріархъ царю—и заботится о насъ", и рисуя идиллическую картину, Лукарь заявляетъ: „мы христіане наслаждаемся свободою, пользуются свободою наши церкви и дома, и мы ни въ чемъ не имѣемъ стѣсненія отъ его власти; живемъ въ добрѣ, пребываемъ въ мирѣ и благодаримъ султана" [3]). Положимъ, патріархъ, пиша такъ нашему царю, дѣлаетъ видъ, ради этого послѣдняго, будто онъ пишетъ подъ диктовку представите-

---

[1]) Hertzberg. II, 547—548.

[2]) Погодина Op. cit., стр. 214—215.

[3]) Проф. Н. Ѳ. Каптерева. Характеръ отношеній Россіи къ Востоку въ въ XVI и XVII в., стр. 306 (примѣч.) М. 1885.

лей Порты въ Константинополѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что если такія вещи патріархъ и не сказалъ бы безъ особеннаго побужденія русскому государю, то во всякомъ случаѣ это именно сказалъ бы, если бы его попросили по чистой совѣсти сдѣлать оцѣнку турецкаго правительства по его отношеніямъ къ церкви.

Теперь мы хотимъ сказать объ одномъ явленіи, въ которомъ ярко выражается признательность константинопольской іерархіи къ турецкому режиму, — явленіи, по правдѣ сказать, очень странномъ, настолько странномъ, что мы не рѣшились бы оповѣстить о немъ въ нашемъ сочиненіи,— такъ какъ имѣли лишь одинъ источникъ и нѣсколько мутноватый,—если бы не нашли подтвержденія для этого явленія въ словахъ извѣстнаго русскаго востоковѣда покойнаго архимандрита Антонина (Капустина), настоятеля іерусалимской миссіи. Но къ дѣлу. Оказывается, что константинопольская іерархія позволяла себѣ имѣть близкія отношенія, доходившія до побратимства, съ такими лицами, съ какими меньше всего мыслимо это побратимство,—съ янычарами, этими грубѣйшими солдатами печальнаго прошлаго. Іерархія константинопольскаго патріархата дружила съ этими врагами христіанства и вписывала свои имена въ списки янычаръ, хотя конечно вписывала фиктивнымъ образомъ. Лица, принадлежащія къ іерархіи, оправдывали этотъ свой поступокъ цѣлями благонамѣренными; они увѣряли, что будто они дѣлали это для пользы христіанства, именно для того, чтобы въ случаѣ какой либо церковно-общественной бѣды указать на свои связи съ янычарами, какъ на доказательство лойяльности и расположенія христіанъ къ иновѣрному правительству. Разсматриваемое побратимство іерархіи и янычаръ выражалось въ слѣдующихъ фактахъ. Многіе архіереи вписывали свои имена въ списки той или другой орты или отряда янычаръ; а также записывали въ эти списки своихъ людей и своихъ преданныхъ послушниковъ, изъ которыхъ впослѣдствіи выходили епископы, архіепископы и патріархи, правившіе злополучною восточною церковію. Мало того: константинопольская іерархія, нисколько не стыдясь того, именовала въ угоду янычарамъ свой церковный чинъ и порядокъ системою или строемъ „чернаго

котла — cara-casan". Нужно знать, что кухонный котелъ игралъ большую роль въ жизни янычаръ: обѣдать изъ общаго котла значило для янычаръ выражать довольство всѣмъ и въ частности — правительствомъ, а опрокинуть котлы значило заявлять бунтъ противъ султана. Такимъ образомъ cara-casan много значилъ въ жизни янычаръ. Принимая названіе: кара-казанъ, іерархія тѣмъ самымъ хотѣла выразить мысль, что счастье и бѣды этого грубаго воинства близки для нея и что члены ея такъ же связаны другъ съ другомъ, какъ янычары, имѣющіе для сего центромъ ихъ котлы. Лица, вносившія свои имена въ списки янычаръ, а такими были и архіереи, повидимому, не мало тщеславились такою принадлежностію къ почетной части турецкаго войска; ибо они любили украшать себя символическими знаками, употреблявшимися среди янычаръ. Янычары—нужно сказать—дѣлились на сто ортъ или общинъ; каждая орта имѣла свои символическіе знаки, которые были отпечатлѣваемы на рукѣ, на дверяхъ казармъ, гдѣ они жили и тѣхъ кофеенъ, гдѣ они сходились. Такіе же знаки носили на себѣ и тѣ лица изъ константинопольскаго духовенства, которыя значились въ спискахъ янычаръ. Разсказываютъ, что одинъ греческій митрополитъ, человѣкъ видный по своему положенію, даже присвоилъ себѣ наименованіе янычара и былъ извѣстенъ съ этимъ именемъ. Описанному нами явленію — говоримъ — сначала мы не придавали полнаго значенія, сомнѣвались въ полной его реальности, тѣмъ болѣе, что о немъ разсказываетъ Грекъ Іаковъ Пиципіосъ [1]), отступникъ отъ православія въ латинство. Но нашимъ колебаніямъ и сомнѣніямъ наступилъ конецъ, когда мы прочли у о. арх. Антонина въ одномъ его восточномъ дневникѣ слѣдующую замѣтку: „каракзанъ. Такъ зовутъ укорительно и послѣдовательно (правильно?) въ Константинополѣ и *свои* и *чужіе* Великую церковь или константинопольскую патріархію. Въ переводѣ прозвище это значитъ: черный котелъ. Какой существенный признакъ заключается въ словахъ этихъ скорѣе можно почувствовать, чѣмъ опредѣлить" [2]). Разумѣется, въ 60-хъ годахъ нынѣшняго вѣка,

[1]) Pitzipios. L'Eglise orientale. II et III partie, p. 86. 84. Rome, 1855.

[2]) Арх. Антонинъ. Поѣздка въ Румелію, стр. 267. Петерб., 1879. При

когда писалъ о. Антонинъ, и когда янычаръ давно не существовало, самаго явленія, о которомъ рѣчь, уже не было, а было только очень твердое воспоминаніе о томъ, что было да прошло, оставивъ однакожъ по себѣ слѣдъ въ языкѣ и представленіяхъ [1]).

Но переходимъ къ историческимъ фактамъ, удостовѣряющимъ, что греко-восточная іерархія и дѣятельно, сколько могла, помогала утвержденію мира и благосостоянія Оттоманской Порты. Это было совершенно естественно. Если Порта одарила іерархію необыкновенными правами, то конечно она дала ихъ не даромъ. Историки утверждаютъ, что „правительственная духовная власть анатолійской церкви очень долго оставалась усердной носительницей и выразительницей турецкаго владычества надъ греческимъ народомъ". Или нѣсколько иначе передавая ту же мысль, говорятъ: „высшее духовенство анатолійской церкви многихъ столѣтій было очень существеннымъ и очень полезнымъ факторомъ турецкаго могущества" [2]). Въ чемъ же именно все такое обнаруживалось? Всѣ греко-восточные архіереи, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время обязывались смотрѣть за точнымъ и неукоснительнымъ сборомъ хараджа

другомъ случаѣ тотъ же авторъ пишетъ, что одинъ его собесѣдникъ говаривалъ (дѣло было на Востокѣ): «всѣ они (греческіе архіереи) таковы! Одинъ хуже другаго! Всѣ варились въ томъ же каракеазанѣ». — «Хорошая вещь—прибавляетъ отъ себя о. Антонинъ—неограниченная свобода въ церкви, но именно въ церкви, а не каракеазанѣ». (Патріархія и каракеазанъ янычаръ здѣсь чуть не синонимы). О. Антонина: «изъ Румеліи», стр. 87—88.

[1]) Тотъ же о. архимандритъ еще въ другомъ своемъ дневникѣ, подъ заглавіемъ: «Виѳинія», писанномъ въ 1862 году, разсказываетъ слѣдующій фактъ, свидѣтельствующій о великой услужливости греческихъ архіереевъ предъ султанами. Султанъ Абдулъ-Азисъ (въ 1862 г.) предпринялъ небольшое путешествіе по своему государству. На пути султана лежалъ г. Кій, мѣсто христіанскій. Нужно сказать, что султанское путешествіе совпало съ христіанскою страстною недѣлею Греческій архіерей г. Кія (не далеко отъ Никомидіи) встрѣтилъ дорогаго гостя у пристани въ архіерейскомъ облаченіи, причемъ ученики и ученицы мѣстнаго христіанскаго училища пѣли въ честь султана стихи, а три дѣвочки держали его портретъ; затѣмъ, архіерей и самъ послѣдовалъ за путешествующимъ султаномъ, преподнесъ ему какую-то молитву, сочиненную на турецкомъ языкѣ. Все это и само по себѣ любопытно, но любопытнѣе всего то, что архіерей совсѣмъ забылъ, что была страстная недѣля, и пропустилъ службы даже Великой пятницы и Великой субботы. Нельзя же—царь! (Христ. Чт. 1863, т. II, 519—520).

[2]) Hertzberg. B. II, 547; III, 78.

съ райи, въ ихъ епархіяхъ [1]). Они сдѣлались какъ бы нѣкотораго рода чиновниками турецкаго министерства финансовъ. Но это, конечно, не имѣетъ еще большой важности. Важнѣйшее дѣло заключалось въ томъ, что греко-восточная іерархія, въ знакъ благодарности Портѣ за тѣ привиллегіи, какими она, іерархія, пользовалась, приняла на себя ручательство за вѣрность и преданность греко-восточнаго народа Оттоманской власти и султанамъ. Она обязана была держать народъ въ страхѣ и послушаніи предъ иновѣрнымъ правительствомъ [2]).

Что обязана была дѣлать іерархія, и что она бралась дѣлать, то конечно и дѣлала, это само собою разумѣется. Но дѣлала она это, по мнѣнію лицъ, имѣвшихъ возможность наблюдать ходъ дѣлъ на христіанскомъ Востокѣ, съ такою избыточествующею готовностію, что въ концѣ концовъ „большая часть греческихъ архіереевъ ставила и цѣнила свое положеніе (т. е. свои привиллегіи и удобства жизни) гораздо выше и отечества (т. е. греческихъ народныхъ идеаловъ) и свободы“ [3]).

Факты, въ которыхъ выразилось доблестное служеніе разсматриваемой іерархіи пользамъ своего правительства относятся собственно къ XVIII и XIX вѣку. Болѣе раннихъ фактовъ въ томъ же родѣ мы не знаемъ. Вотъ первый фактъ, относящійся ко второй половинѣ XVIII вѣка. Въ 1770 году проживало на Аѳонѣ, какъ говорится на покоѣ, три константинопольскихъ патріарха—Кириллъ V, Серафимъ II и Самуилъ I. Второй изъ нихъ, когда узналъ о томъ, что въ Элладѣ началось движеніе съ цѣлью освободиться отъ турецкаго владычества, то покинулъ Аѳонъ и нашелъ себѣ пріютъ на русскомъ военномъ кораблѣ, принадлежавшемъ къ русскому флоту, крейсировавшему тогда въ Архипелагѣ. Но не въ этомъ суть дѣла. Почувствовавъ себя на свободѣ, Серафимъ началъ разсылать окружныя посланія съ воззваніемъ къ Грекамъ продолжать начатое дѣло освобожденія и не ослабѣвать. Нѣкоторыя изъ этихъ посланій были перехвачены еврипскимъ грече-

---

[1]) Проф. И. С. Бердниковъ, Церковное право правосл. церкви: «Прав. Соб.», 1890, I, 210.

[2]) Hertzberg. III, 78.

[3]) Pischon. Verfassung d. Griechisch-orthod. Kirche in der Türkei: Stud. und Krit. 1864, S. 94.

скимъ митрополитомъ Гедеономъ и доставлены въ Константинополь тогдашнему патріарху Ѳеодосію II. Этотъ послѣдній чрезъ великаго логоѳета передалъ посланіе Серафима высокой Портѣ съ изложеніемъ осужденія на поведеніе ихъ автора. Затѣмъ Ѳеодосій издалъ грамоты, въ которыхъ онъ обращается къ греческому народу съ увѣщаніемъ пребывать вѣрнымъ султанской власти и отнюдь не слушать болтовни низверженнаго Серафима; объявлялъ, что синодъ константинопольскій лишилъ писателя воззваній всякаго священническаго достоинства и чина и совершенно его низринулъ, принимая во вниманіе, что Серафимъ апостатъ, смутотворецъ и мужъ кровей [1]).

За этимъ фактомъ очень скоро послѣдовалъ другой не менѣе любопытный. Когда въ самомъ концѣ XVIII вѣка элладская молодежь, подъ вліяніемъ выдающихся греческихъ ученыхъ и писателей, какъ Кораисъ, Евгеній Булгарисъ и другихъ лицъ, получившихъ образованіе въ Парижѣ, Вѣнѣ, Лейпцигѣ и Мюнхенѣ, начала вслухъ мечтать объ освобожденіи своей родины отъ турецкой власти, то Порта встревожилась. Султанъ приказалъ тогдашнему константинопольскому патріарху Григорію V (о немъ подробнѣе—ниже) поразить анаѳемой безбожныхъ французовъ, что этотъ и исполнилъ. Интересно другое распоряженіе султана, которое тоже съ готовностію было исполнено другимъ высшимъ іерархомъ Востока въ тоже самое время. Султанъ приказалъ, пользовавшемуся уваженіемъ, патріарху іерусалимскому Анѳиму обратиться со словами увѣщанія къ жителямъ Эллады. Патріархъ исполнилъ волю падишаха. Онъ написалъ и напечаталъ брошюру подъ заглавіемъ: „отеческое наставленіе“, въ которой выразилъ свои турецкія патріотическія чувства. Въ этомъ произведеніи Анѳимъ говорилъ, что божественное провидѣніе утвердило оттоманское господство на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде владычествовали византійскіе императоры, наклонные къ западнымъ ересямъ, — съ тою цѣлію, чтобы эта новая власть сдѣлалась охранительницей народа отъ западныхъ заблужденій. Писатель всячески нападаетъ на стремленіе Грековъ къ освобожденію, называетъ это стремленіе порожденіемъ діавола, выдумкою воображенія, воз-

1) Σάθα. Τουρκοκρατουμένη Ελλάς, σελ. 513. Аѳины, 1869.

станіемъ на благочестіе, путемъ ведущимъ къ обнищанію, убійствамъ, хищеніямъ, всякому нечестію. Внушалъ, что кто увлекается ложною свободою, тотъ лишится вѣчной жизни, вѣнцовъ небесныхъ, вѣчнаго блаженства. Побуждалъ облещись въ тѣ доспѣхи, о которыхъ писалъ Апостолъ, и возстать противъ козней діавола". Когда извѣстный греческій ученый того времени Кораисъ прочелъ „отеческое наставленіе" Анѳима, то онъ заявилъ, что его блаженство сошелъ съ ума или же онъ преобразился изъ пастыря въ волка [1]). Вообще, по выраженію одного писателя, это „наставленіе" казалось Грекамъ „ушатомъ холодной воды, вылитымъ на ихъ головы" (Bertholdy).—Другіе факты въ томъ же родѣ. Почти въ то же время, о которомъ мы сейчасъ говорили, одинъ греческій священникъ Самуилъ, поставивъ цѣлію своей жизни борьбу съ исламомъ принялъ на себя грозное имя: „страшнаго суда", возбуждалъ суліотовъ въ 1803 году къ возстанію; за это греческіе архіереи предали его, какъ измѣнника законному государю, церковной анаѳемѣ [2]). Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ извѣстный константинопольскій патріархъ Григорій V. Этотъ не желалъ лишится благосклонности Порты [3]) и многое дѣлалъ, чтобы проявлять свою лойяльность. Въ началѣ возстанія придунайскихъ княжествъ въ 1820 году, назадолго до своей извѣстной несчастной кончины, патріархъ, сообразуясь съ видами Порты, поразилъ торжественною анаѳемою главаря возстанія—Александра Ипсилантиса и всѣхъ такъ называемыхъ этеристовъ [4]). Этотъ же самый Григорій при другомъ случаѣ пошелъ еще далѣе. Въ 1807 году Англичане расположились флотомъ противъ Стамбула и грозили взять столицу Турціи. Тогда Порта начала подозрѣвать, что Греки въ заговорѣ съ иностранцами и что самъ патріархъ на сторонѣ враговъ. Для того, чтобы очистить себя отъ подозрѣній, Григорій предложилъ правительству помощь своего наро-

[1]) Ibidem, σελ. 632—635.

[2]) Pichler, Geschichte der kirchl. Trennung. B. I, S. 442 (на основаніи англійскаго сочиненія Финлея). Münch., 1864.

[3]) Hertzberg. III, 398.

[4]) Hertzberg, B. IV, S. 20. Базили. Очерки Константинополя. Ч. II, 129. Петерб. 1835. Объ этомъ сочиненіи говорятъ, что оно составлено на основаніи «Константиніады» патріарха константинопольскаго Константія.

да въ защитѣ города. Предложеніе принято. И вотъ патріархъ вооружился заступомъ и повелъ съ собою 30,000 Грековъ для укрѣпленія береговыхъ крѣпостей. Султанъ смотрѣлъ изъ сераля на зрѣлище и радовался. Въ награду ревностный патріархъ получилъ отъ султана богатую шубу, которую по его словамъ никогда не носилъ [1]), но конечно хранилъ какъ зеницу ока. Печальная смерть Григорія V въ 1821 году всѣмъ извѣстна. Она, по нашему мнѣнію, нисколько неудивительна: патріархъ хотѣлъ служить и нашимъ и вашимъ, и какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ—прогадалъ.—Еще одинъ и послѣдній фактъ все въ томъ же родѣ. Преемникомъ Григорія V-го былъ патріархъ Евгеній. Патріаршествованіе его было коротко, но знаменательно. Въ это время происходили бунты янычаръ, которые подъ вліяніемъ элладскаго возстанія требовали истребленія всѣхъ христіанъ. Порта была терроризована. При такихъ обстоятельствахъ патріархъ Евгеній получилъ отъ Порты повелѣніе представить въ Константинополь всѣхъ тѣхъ христіанъ, которыхъ патріархъ считаетъ неблагонадежными и склонными къ возстанію. Епископы патріархата, увѣдомленные патріархомъ объ этомъ требованіи правительства, не безъ охоты принялись за инквизицію, удовлетворяя чувству мщенія на нѣкоторыхъ, болѣе самостоятельныхъ изъ своихъ пасомыхъ, и желая выразить свой турецкій патріотизмъ. И вотъ патріархъ засадилъ въ тюрьмы такое множество христіанъ, будто бы опасныхъ въ политическомъ отношеніи, что сами Турки нашли нужнымъ поумѣрить ревность греческихъ архіереевъ и пощадили жизнь большинства арестованныхъ, какъ людей совершенно невинныхъ [2]).

Сами Турки были очень благодарны греческимъ архіереямъ за ихъ помощь, какую они оказывали правительству, сдерживая поползновенія Грековъ къ освобожденію отъ турецкой власти. „Четыреста лѣтъ—такъ говорили образованнѣйшіе Турки—мы господствовали надъ райями чрезъ ихъ духовенство, которое всегда относилось къ намъ,

[1]) (Муравьевъ). Путешествіе ко св. мѣстамъ въ 1830 году. Ч. I, стр. 76—77. Петерб. 1840.

[2]) Pischon. Op. cit., S. 95—97.

какъ вѣрный союзникъ, и вліяніе котораго было тождественно съ нашимъ. Что-же будетъ тогда—съ грустью говорили тѣ же Турки—когда ослабнетъ связь, посредствомъ которой мы обуздываемъ эти массы, когда этотъ могущественный клиръ самъ долженъ будетъ искать новыхъ путей для удовлетворенія своего честолюбія, когда онъ соединится съ разнузданными (?) народами"? [1]). Когда это будетъ? Во всякомъ случаѣ такое время не наступило. Это мы сейчасъ докажемъ.

Напрасно было бы думать, что греческая іерархія смотритъ добрыми глазами на русскихъ, исполненныхъ, какъ извѣстно, желанія сокрушить владычество полумѣсяца надъ крестомъ въ древле-православныхъ странахъ. Греческіе архіереи прекрасно знаютъ, что ни откуда не грозитъ такой опасности для Оттоманской Порты, какъ со стороны Россіи, но это отнюдь не радуетъ ихъ, а безмѣрно печалитъ. Греки путемъ не знаютъ Россіи, однакоже, ослѣпленные своимъ филлэлинствомъ, смотрятъ на нее свысока и съ нескрываемымъ пренебреженіемъ. Попасть подъ владычество Россіи, по ихъ разумѣнію, значитъ быть объятыми невѣжествомъ и варварствомъ. Греки такъ разсуждаютъ: „что общаго между русскимъ кнутомъ и и благородною эллинскою націею? между деспотизмомъ и свободою? между скиѳскимъ мракомъ и граціею юга? Что общаго между этой свѣтлой благородной Греціею и мрачнымъ Ариманомъ Сѣвера? Мечты объ ихъ духовномъ союзѣ есть плодъ одного невѣжества толпы, для которой колокольный звонъ дороже возвышенныхъ идей, доступныхъ лучшимъ Грекамъ" [2]). Въ такомъ пренебрежительномъ тонѣ Греки относятся къ Русскимъ не съ недавнихъ только поръ, не въ XIX только вѣкѣ; а и раньше относились они также. Даже въ срединѣ XVII вѣка какіе-то греческіе купчишки, торговавшіе своими гнилыми товарами на Москвѣ, потомъ изволили разглашать въ Константинополѣ разныя небылицы о Россіи. Наприм. они разсказывали, что учителей здѣсь нѣтъ, и что самъ царевичъ (Алексѣй, сынъ Михаила Ѳеодоровича)

[1]) Розена. Исторія Турціи отъ 1826 до 1856 года. Часть II, 265—266 Петерб., 1872. Переводъ съ нѣмецкаго.

[2]) Леонтьевъ. Изъ жизни христіанъ въ Турціи. Томъ I, стр. 180. 184.

учился у нихъ, купцовъ, „играть древкомъ", что будто какой-то чернецъ „заклялъ Русскихъ", чтобы они отнюдь „не ходили войною противу Татаръ", и что будто Русскіе слушались этого чернеца. Они насмѣхались надъ самимъ русскимъ царемъ, что будто занявшись изготовленіемъ серебрянаго чана для крещенія королевича (датскаго?), онъ забылъ про всѣ важнѣйшія дѣла [1]). Но пренебреженіе къ Русскимъ, какъ менѣе будто бы культурному народу, чѣмъ сами Греки, еще не единственная причина, заставляющая главнымъ образомъ высшее духовенство побаиваться русскаго завоеванія Константинополя. Іерархія боится, что съ изгнаніемъ Турокъ изъ Европы Русскими, эти послѣдніе заставятъ архіереевъ жить и дѣйствовать по церковнымъ канонамъ, отъ чего эти архіереи совсѣмъ отвыкли. Одинъ очень образованный греческій епископъ въ 60-хъ годахъ XIX-го вѣка говорилъ то именно, что думаютъ всѣ прочіе архіереи, когда заявлялъ: „вы славяне (т. е. Русскіе) — наши естественные враги. Мы должны отнынѣ поддерживать Турокъ. Пока существуетъ Турція, мы еще обезпечены. Панславизмъ опасенъ намъ" [2]). Въ результатѣ всѣхъ указанныхъ отношеній Грековъ и въ особенности греческихъ архіереевъ получилось то, какъ засвидѣтельствовалъ одинъ русскій путешественникъ по Востоку, что начиная отъ послѣдняго монаха и кончая такими представителями церкви, какъ патріархи, все греческое духовенство ненавидитъ насъ безотчетно, но отъ души [3]).

Представимъ нѣсколько фактовъ того ненавидѣнія, какимъ одушевлены въ отношеніи къ намъ высшіе іерархи греческой церкви. Факты эти производятъ нравственно-тяжелое впечатлѣніе, а потому мы воздержимся отъ всякаго комментарія. Пусть они сами за себя говорятъ.

Преосвященный Порфирій (Успенскій) въ одномъ изъ своихъ трудовъ, посвященныхъ изученію греческой церковной жизни, передаетъ такой разсказъ, или изъ диковинъ диковину, какъ выражается авторъ. Константинопольскій

---

[1]) (Муравьевъ). Сношенія Россіи съ Востокомъ. Ч. II, 298—299. Петербургъ, 1860.

[2]) Леонтьевъ. Востокъ, Россія, Славянство. Т. I, стр. 13.

[3]) Елисеева, доктора. Путь къ Синаю въ 1881 году, стр. 7. Петерб. 1883. *Изданіе православнаго Палестинскаго Общества.*

патріархъ Мелетій (правилъ церковію не полный 1845 г.), когда онъ представлялся султану Абдулу-Меджиду, поцѣловавъ его ногу и сказалъ: „нынѣ отпущаеши раба твоего, владыко, по глаголу твоему съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе твое, еже еси уготовалъ". Повѣствователь прибавляетъ: патріархъ этотъ былъ другъ Турокъ и *врагъ Русскихъ* и будто говаривалъ: „дайте мнѣ хоть небольшой кусокъ тѣла какого-нибудь Русскаго, я изрублю его на мельчайшія части" [1]).

Тотъ же преосв. Порфирій въ другомъ своемъ сочиненіи повѣствуетъ: „Въ 1854 году, когда длилась война нашего Севастополя, вселенскій патріархъ, конечно константинопольскій (но какой—у автора не сказано, вѣрнѣе же Анѳимъ VI), по желанію и повелѣнію султана Абдулъ-Меджида извитійствовалъ и обнародовалъ молитву для православныхъ христіанъ, въ которой испрашивались у Бога побѣды нашимъ врагамъ, а намъ (т. е. нашему христолюбивому воинству)—пораженіе. Въ молитвѣ читалось: „Господи Боже нашъ, Боже Авраама, Исаака и Іакова, Иже премудростію вся создавый... Самъ и нынѣ святый Царю славы, пріими отъ насъ смиренныхъ и грѣшныхъ рабовъ Твоихъ приносимое Тебѣ моленіе о державнѣйшемъ, тишайшемъ и милостивѣйшемъ царѣ и самодержцѣ, султанѣ Абдулъ-Меджидѣ, владыкѣ нашемъ. О, Господи, Боже милости, услыши насъ смиренныхъ и недостойныхъ рабовъ Твоихъ въ часъ сей и удержи его необоримою силою, воинство же его укрѣпи, даруя ему повсюду побѣды и добычи, разруши вражды возставшихъ на державу его, и вся къ пользѣ его устрой, да тихое и безмолвное житіе поживемъ, славяще всесвятое Имя Твое Отца и Сына и Св. Духа *Аминь*. И нѣтъ сомнѣнія, что константинопольскій патріархъ и греческіе архіереи не одними устами молились Богу при этомъ, но и всѣмъ сердцемъ. „Эта молитва, добавляетъ преосвящ. авторъ,—была прислана и на Аѳонъ. Но здѣсь ее не читали ни въ церквахъ, ни въ кельяхъ" [2]).

---

[1]) Преосв. Порфирія. Первое путешествіе въ аѳонскіе монастыри. Ч. II, отд. 1, стр. 2. Кіевъ, 1877.

[2]) Исторія Аѳона, ч. III. отдѣл. 2-е, стр. 595. Греческій текстъ молитвы см. въ нашемъ «введеніи».

Или вотъ наконецъ эпизодъ изъ послѣдней русско-турецкой войны изъ за Болгаріи. Когда Русскіе заняли Болгарію, константинопольская патріархія, основываясь на ложныхъ донесеніяхъ адріанопольскаго греческаго митрополита Діонисія, туркофила, постоянно досаждала русской власти жалобами на стѣсненіе Грековъ въ религіозномъ отношеніи со стороны Болгаръ. Между тѣмъ русское военное начальство старалось держать себя равно внимательно и къ греческому и болгарскому духовенству. Графъ Тотлебенъ, главнокомандующій русской арміи, наприм. съ намѣреніемъ удовлетворить и Грековъ и Болгаръ, ходилъ въ Филиппополѣ по праздникамъ къ богослуженію въ одинъ день въ греческую, а другой въ болгарскую церковь; но этимъ онъ не достигъ желанной цѣли. Ибо Греки продолжали косо смотрѣть на Русскихъ. Интересно, что когда графъ Тотлебенъ возвращался изъ Ливадіи, значитъ отъ самого русскаго государя, въ Адріанополь, то ему вышло на встрѣчу духовенство разныхъ исповѣданій— Болгары, Армяне, Евреи и даже мусульмане; всѣ они явились къ графу, чтобы засвидѣтельствовать благодарность за оказываемое имъ русскимъ начальствомъ покровительство,—явились, за исключеніемъ греческаго митрополита Діонисія. Русскіе военные начальники вынесли изъ этого и подобныхъ фактовъ заключеніе, что „отношенія греческаго духовенства къ Русскимъ были недружелюбныя и что оно старалось выказать эти чувства даже въ мелочахъ". Извѣстно, что Адріанополь потомъ опять отошелъ къ Туркамъ. Когда же прибылъ сюда новый турецкій генералъ-губернаторъ Реутъ-паша, то Греки подготовили ему торжественную встрѣчу, и въ произнесенной при этомъ рѣчи между прочимъ было сказано: „долго мы были въ плѣну, наконецъ-то видимъ мы нашего избавителя" [1]).

Но довольно. Если, какъ говорится, отъ добра добра не ищутъ, то греческимъ іерархамъ, облеченнымъ обширною не—каноническою властію въ отношеніи къ своимъ паствамъ, нечего еще болѣе желать. Всякія побѣды и одолѣнія надъ Турками невыгодно отзовутся не только на

[1]) Теплова. Греко-болгарскій церковный вопросъ, стр. 170—172. Петерб. 889. П. С. Бердникова. Церковное право правосл. церкви: «Прав. Собесѣдн.», 1890, II, 120—1.

карманѣ, но и на душевномъ спокойствіи и честолюбіи восточныхъ епископовъ [1]). Греческое высшее духовенство, поэтому, вовсе не желаетъ сверженія турецкаго ига.

Остается сказать хотя нѣсколько словъ объ отношеніи греко-восточнаго народа, ставшаго турецкими подданными, къ Оттоманской Портѣ.

Еще византійскій вельможа Лука Нотара, современникъ паденія Византіи, говорилъ: „лучше чалма, чѣмъ папская тіара" [2]) пусть будетъ въ Византіи. И эти слова сдѣлались какъ бы лозунгомъ для многихъ православныхъ странъ, которымъ по паденіи византійской имперіи приходилось дѣлать выборъ: подчиниться ли Туркамъ, или сосѣднимъ католическимъ державамъ — Венеціанцамъ и Австрійцамъ. Турція, въ особенности со времени Магомета II, дѣлаетъ не мало мирныхъ завоеваній среди народовъ провославныхъ, сдѣлавшихся теперь, по паденіи Византіи, близкими сосѣдями Турокъ. Что же привлекало подобные народы къ Туркамъ? Прежде всего—сравнительная вѣротерпимость этихъ мусульманъ. „За немногими исключеніями мусульманство всегда отличалось гораздо большею терпимостію, чѣмъ католичество. Не въ одной фанатической храбрости и энергіи Турокъ, а преимущественно въ ихъ религіозной терпимости и въ ихъ пониманіи религіозной нетерпимости латинскаго Запада заключается тайна ихъ удивительныхъ успѣховъ въ войнахъ съ Австріею и Венеціею" [3]). Внѣшнее обращеніе Турокъ съ православными, наприм. Греками, было гуманнѣе, чѣмъ римско-католическихъ державъ. „Хотя для Османовъ всѣ христіане были не болѣе, какъ свиньи одной и той же щетины, но правительство турецкое (именно правительство) никогда не заходило такъ далеко, какъ венеціанское, римско-католическое, формально предписывавшее

[1]) Проф. И. С. Бердниковъ говоритъ: «для вселенской патріархіи дороже всего соблюденіе національныхъ (т. е. грекофильскихъ) интересовъ. Направленіе поистинѣ далекое отъ духа Христова—духа мира и любви». Справедливыя и дорогія слова,—дорогія тѣмъ, что нашего автора никто не дерзнетъ заподозрить въ такъ называемомъ либеральничаньи. (Правосл. Соб. 1890, II, 118, Op. cit.).

[2]) По свидѣтельству Франдзія.

[3]) Ламанскаго, проф. Объ истор. изученіи греко-славянскаго міра, 26. Петерб. 1871.

своимъ проведиторамъ обращаться съ вѣроломными (т. е. не римско-католическими) Греками, которымъ де-нужны только хлѣбъ да побои,--обращаться какъ съ дикими звѣрями и сбивать ихъ когти и зубы" [1]).

Подъ вліяніемъ представленій о турецкомъ народѣ, болѣе толерантномъ и гуманномъ по отношенію къ православнымъ, чѣмъ католическія правительства, страны, еще не вошедшія въ составъ Турціи, не желали идти подъ владычество римскихъ католиковъ и вступали въ подданство Турокъ. Въ царствованіе еще Магомета II двѣ православныя страны Сербія и Боснія присоединились къ державѣ этого султана только потому, что не захотѣли подчиниться папистамъ. Во времена Магомета II Сербіею управляла Елена, происходившая изъ рода Палеологовъ. Она хорошо понимала, что сохранить совершенно независимою Сербію теперь невозможно, а потому ей пришла въ голову мысль отдать Сербію въ качествѣ лена папскому престолу и такимъ образомъ найти себѣ защитниковъ въ римско-католическомъ мірѣ противъ Турокъ. Но она жестоко ошиблась въ разсчетахъ. Бояре, узнавши о планахъ Елены, всячески воспротивились имъ, ибо они пуще всего берегли свою отеческую вѣру. Чтобы избавить свою страну отъ папизма, они вошли въ сношенія съ Магометомъ II, изъявляя готовность, отъ имени Сербіи, отдаться въ подданство султана. Конечно, для султана была очень выгодна такая комбинація. Какъ оказалось потомъ, обѣ стороны остались взаимно очень довольны. Когда въ 1458 году Магометъ съ войскомъ пришелъ въ Сербію, многіе города добровольно отворяли ему ворота, а бояре столь же добровольно отдавали ему же ключи отъ городовъ. Болѣе услужливые бояре были награждены отъ султана или деньгами или помѣстьями. И Сербія стала провинціей турецкой имперіи [2]). Нѣчто подобное случилось и съ Босніею. Королева—мать Екатерина, заправлявшая ходомъ дѣлъ въ Босніи, очень желала, чтобы хоть часть государства осталась ей во владѣніе, на правахъ самостоятельнаго царства. Но какъ сохранить эту часть? Съ одной стороны сильныя римско-католическія державы, съ

[1]) Гервинуса. Op. cit., стр. 13.
[2]) Zinkeisen. II, 113—117.

другой могущественные Турки. Долго думала она, какъ поступить, и наконецъ рѣшилась для блага народнаго и личнаго принять исламъ и поставить себя подъ покровительство Турокъ [1]). Это было при Магометѣ II.

И впослѣдствіи многія страны, сосѣднія съ Турціей, если имъ нужно было разрѣшить вопросъ о томъ: подъ какимъ владычествомъ лучше жить—подъ турецкимъ или наприм. венеціанскимъ, то онѣ всегда склонялись въ пользу перваго. Обладаніе венеціанцевъ о. Кипромъ доставляло этой державѣ постоянныя хлопоты и опасенія, какъ бы жители этого греческаго острова не отпали отъ ея владычества и не перешли къ Туркамъ. Такъ въ 1560 году венеціанскій Совѣтъ Десяти требуетъ у своей собственной администраціи на Кипрѣ точныхъ свѣдѣній о тѣхъ кипріотахъ, которые ѣздятъ въ Константинополь для того, чтобы внушить Туркамъ мысль захватить Кипръ. Черезъ три года, въ 1563 году, тотъ же Совѣтъ Десяти требуетъ отъ своихъ правителей Кипра сообщенія подробностей о заговорѣ, недавно открытомъ между кипріотами и имѣющемъ цѣлію отложиться отъ Венеціи и отдаться Туркамъ. Въ 1569 году венеціанскій баилъ въ Константинополѣ доносилъ тому же Совѣту Десяти о прямыхъ сношеніяхъ кипріотовъ съ Турками съ цѣлью же отдаться подъ ихъ власть. Одинъ вліятельный кипріотъ говорилъ флотскому турецкому начальнику, что всѣ островитяне призываютъ Турокъ къ себѣ на помощь, что они увѣрены въ дарованіи Турками свободы имъ [2]). На греческомъ о. Кандіи, подчиненномъ венеціанской власти, видимъ тоже самое. „Греческое населеніе о. Кандіи, какъ и кипріоты, не терпѣло венеціанцевъ, радовалось ихъ неудачамъ и желало перейти къ Туркамъ“ [3]). Очень интересный фактъ въ этомъ случаѣ относится къ 1572 году. Венеціанскій Совѣтъ Десяти писалъ администраціи о. Кандіи, чтобы она

---

[1]) Zinkeisen. II, 143—147.

[2]) Lamansky. Secrets d'etat de Venise. Documents et. c., pp. XVIII, XIX (второй пагинаціи), 034. Petersb., 1884. Сейчасъ упомянутый вліятельный кипріотъ говоритъ: Turchi daranno la libertà a tutti—въ этихъ словахъ выражается надежда, что при Туркахъ кипріотамъ можно будетъ жить свободнѣе; а въ словахъ: e servirano in favor di essi Turchi—выражается желаніе кипріотовъ содѣйствовать предпріятію Турокъ занять островъ.

[3]) Ламанскаго. Могущество Турокъ, стр. 20.

обратила самое бдительное вниманіе на одного греческаго священника, который, находясь на островѣ, внушалъ Грекамъ, чтобы они твердо держались своей церкви, и который объявлялъ имъ, что скоро придутъ Турки на о. и избавятъ жителей его отъ власти венеціанцевъ, какъ они сдѣлали недавно на о. Кипрѣ. Мудрый Совѣтъ Десяти рекомендуетъ чинамъ своей администраціи утопить этого священника или инымъ подобнымъ образомъ развязаться съ этимъ безпокойнымъ человѣкомъ; но только слѣдовало сдѣлать это возможно секретно [1]). Въ двухъ континентальныхъ странахъ—въ Албаніи и Далмаціи — въ XVII вѣкѣ, когда заходила рѣчь у ихъ обитателей о томъ, чье господство лучше—венеціанское или турецкое, предпочтеніе всегда отдавалось этому послѣднему. Жителями этихъ странъ были Албанцы и Славяне; тѣ и другіе въ большинствѣ православные. Вотъ образчикъ разсужденій тѣхъ лицъ, которыя въ Албаніи и Далмаціи тянули на сторону Турокъ. „Стоять подъ властью Венеціанцевъ тяжело; если что Венеціанцы обѣщаютъ, то этого не сдѣлаютъ, а между тѣмъ налагаютъ тяжкое ярмо на шею; они послѣднюю свободу отнимаютъ; кто принимаетъ подданство Венеціанцевъ, тѣ дѣлаются людьми, не имѣющими ни имени, ни чести; увы, Турки отнимутъ земли, но останется вѣра“ православная [2]).

Всѣ эти желанія кипріотовъ, кандійцевъ, албанцевъ и далматинцевъ исполнились. Они сдѣлались подданными султана: кипріоты въ XVI, а всѣ остальныя въ XVII вѣкѣ.

Интересно, вотъ-что: повидимому и Сербы и Босняки, о которыхъ мы говорили выше, и Кипріоты съ Кандійцами, Албанцами и Далматинцами — стремились подъ владычество Турокъ затѣмъ, чтобы сохранить неповрежденную христіанскую вѣру, какую исповѣдывали перечисленныя народности; но что же оказалось на дѣлѣ? Лишь только мечты ихъ исполнились: Турки овладѣли ими, какъ ренегатство приняло среди нихъ замѣчательно широкіе размѣры. Въ Сербіи уже въ XVI вѣкѣ, если повѣримъ свидѣтельству, какого-то Георгіевича (повидимому Серба) мусульманство сдѣлало быстрыя побѣды надъ христіанскимъ

[1]) Lamansky. Op. cit. p. XXII (второй пагинаціи).
[2]) Lamansky. Op. cit. XXIII (второй пагинаціи); 090—091.

народонаселеніемъ, столь быстрыя, что по словамъ Георгіевича, „пройдетъ еще немного времени и объ имени христіанскомъ пожалуй не останется и памяти" [1]). Что-то подобное случилось и въ Босніи, гдѣ мусульманскій элементъ и христіанскій уравновѣсились [2]). Въ Кандіи (Критѣ) дѣла пошли нисколько не лучше. Послѣ того, какъ этотъ островъ во второй половинѣ XVII вѣка перешелъ подъ власть Турокъ, „курмулиды, сильное критское племя, на Мессарской долинѣ, перешли тогда впервые къ исламу, хотя и оставались тайными христіанами. На рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ западные путешественники замѣчали, что обитатели Кандіи во множествѣ отпадаютъ отъ христіанства" [3]). Численность какъ магометанъ, такъ и христіанъ здѣсь почти сравнялась [4]). Въ Албаніи произошло еще большее паденіе христіанства. Дворянство и вообще болѣе вліятельныя фамиліи ринулись въ исламъ. А за дворянствомъ и прочіе смертные. „Въ землѣ Албанцевъ (въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка) христіанское духовенство было въ такомъ упадкѣ, что во многихъ приходахъ по двадцати лѣтъ не появлялось ни одного духовнаго лица" [5]).

Что это могло бы значить? Тѣ самыя народности, которыя видѣли въ Туркахъ избавителей отъ нетолерантнаго и фанатическаго владычества римско-католическихъ государствъ,— вдругъ сами дѣлаются мусульманами, когда ихъ желаніе стать подъ власть Турокъ исполнилось? Какъ это понимать? Есть основаніе полагать, что это отступничество, ознаменовавшее XVII и начало XVIII вѣка, падаетъ на римско-католиковъ, а не православныхъ христіанъ. Одинъ римско-католическій писатель нашего времени, касаясь разсматриваемаго времени, въ исторіи Турціи говоритъ: „въ 1703 году такъ много отпало отъ своей вѣры римско-католиковъ, что казалось какъ будто бы противъ римско-католической религіи существуетъ какой-то заговоръ" [6]). Очень интересное извѣстіе! Оно и дѣйствительно подтверж-

[1]) Zinkeisen. III, 362.
[2]) Hertzberg. III, 132.
[3]) Гервинуса, Op. cit., 21.
[4]) Hertzberg. III, 132.
[5]) Hertzberg. III, 128. Гервинуса. I, 21.
[6]) Pichler. Op. cit., 438.

дается историческими фактами. Такъ въ Албаніи, около средины XVII вѣка число христіанъ римско-католическаго исповѣданія упало съ 350,000 до 50,000, причемъ разность поступила въ пользу магометанъ [1]). Здѣсь же въ Албаніи, въ епископіи скутарійской въ теченіи 30 лѣтъ число римско-католиковъ съ 20,000 спустилось до 12,000 [2]). Можно утверждать, что отступничествомъ отъ вѣры и въ Босніи ознаменовали себя именно римско-католики [3]). Удивительно то, что отступничества римско-католиковъ въ началѣ XVIII вѣка въ самомъ Константинополѣ были такъ поразительно часты, какъ никогда этого не было раньше [4]). Итакъ въ очень печальномъ явленіи—ренегатствѣ,—которое замѣчается въ XVII вѣкѣ, кажется нѣтъ основаній винить греко-восточныхъ христіанъ. Переходили въ исламъ, по крайней мѣрѣ большею частію, римско-католики, которые конечно раньше не желали видѣть у себя господства полумѣсяца,— и, попавъ во власть Турокъ, не обнаружили мужества. Непонятнымъ остается главнымъ образомъ слишкомъ сильный приростъ мусульманства въ XVII вѣкѣ въ Кандіи, гдѣ народонаселеніе было греческое и гдѣ сами жители какъ манны небесной ждали своего освобожденія отъ власти Венеціанцевъ и подчиненія Туркамъ. Но, какъ кажется, дѣло нѣсколько разъяснится, если обратимъ вниманіе на то, что Кандія не одно столѣтіе была подъ владычествомъ Венеціанцевъ папистовъ, что все дворянство здѣсь было латинское, что здѣсь поселилось множество колонистовъ, пришельцевъ изъ Италіи и венеціанской республики, и что наконецъ здѣсь же было въ рабскомъ, забитомъ состояніи много Арабовъ [5]). Всѣ эти обитатели острова, и помимо Грековъ, могли выдѣлять изъ себя элементы ренегатства. Но конечно и Греки не были святыми.

---

[1]) Hertzberg. III, 129.

[2]) Pichler. I, 438.

[3]) По историческимъ показаніямъ, въ XVI вѣкѣ крестьяне, сельскіе жители, принадлежали къ римско-католической религіи и терпѣли гоненія отъ своихъ помѣщиковъ, перешедшихъ въ исламъ. Вообще римско-католическая религія имѣла очень многихъ послѣдователей въ Босніи. Они-то, безъ сомнѣнія, и запятнали себя ренегатствомъ. Neigebaur. Die Süd—Slaven, S. 196. 199. Leipz. 1851.

[4]) Гервинуса. I, 21.

[5]) Zinkeisen. B. IV, 692, 4. 5. 714. 722. 728. Слич. И. И. Малышевскаго. Мелетій Пигасъ, патр. александрійскій, стр. 100. 117.

Кандія долго была подъ суровымъ владычествомъ Венеціанцевъ папистовъ; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если извѣстная часть изъ здѣшнихъ Грековъ, вслѣдствіе стѣсненій отъ Венеціанцевъ, приняла папизмъ, и что она же теперь, по завоеваніи острова Турками, не желая быть жертвою турецкаго мщенія (Турки не любили р.-католиковъ) обратилася въ исламъ. Какъ бы то ни было, нельзя себѣ представить, чтобы Турки своихъ же давнишнихъ друзей въ Кандіи—Грековъ православнаго исповѣданія—такъ стѣснили, тотчасъ послѣ того, какъ островъ попалъ въ ихъ руки, что тѣ вынуждены были принять магометанство. Впрочемъ, нужно сказать,—во всей этой исторіи, о которой у насъ рѣчь, есть довольно-таки неяснаго.

Несомнѣнно одно: Греки, особенно Константинопольскіе (нужно отдать имъ честь!) замѣчательно вѣрно хранили свою православную вѣру и не расположены были мѣнять ее на религію Магомета. Мы знаемъ, что они умѣли такъ искусно устроиться, что и достигали высшихъ государственныхъ должностей — драгомановъ, великихъ драгомановъ, господарей—и въ тоже время оставались вдалекѣ отъ магометанства. Не то нужно сказать о разныхъ другихъ народцахъ, населявшихъ въ особенности глухія провинціи Турціи—объ Албанцахъ, Боснякахъ и пр. Они охотнѣе переходили въ исламъ: у нихъ не было прочной культуры, крѣпкаго пониманія христіанства, укоренившихся историческихъ христіанскихъ традицій и пр., а потому они не могли, подобно Грекамъ, встрѣчать исламъ отпоромъ. Историкъ турецкой имперіи Гаммеръ, описывая XVI вѣкъ, представляетъ цѣлый списокъ великихъ визирей, визирей (министровъ), разныхъ высокопоставленныхъ особъ, въ сухопутномъ и морскомъ войскѣ и въ администраціи, но насчитываетъ между ними лишь три—четыре Грека (принявшихъ исламъ, вѣроятно, при исключительныхъ обстоятельствахъ, въ родѣ десятины съ мальчиковъ). Главный же контингентъ исламизма давали: Албанцы, Босняки, Герцеговинцы, Кроаты, Русскіе (славяне?), Венгры [1]). Значитъ, если намъ говорятъ, что до 1573 года, съ котораго турецкій элементъ началъ занимать видное мѣсто на разныхъ государственныхъ сту-

[1]) Hammer. Geschichte des Osmanisch. Reiches. II, 434—5.

пеняхъ, „всѣ платныя и почетныя должности на султанской службѣ принадлежали христіанамъ", обратившимся въ исламъ (слова венеціанскаго баила) [1]); если далѣе насъ увѣряютъ, согласно свидѣтельству отличныхъ знатоковъ и тонкихъ наблюдателей Турціи—венеціанскихъ пословъ,—что изъ румелійскаго (европейской части Турціи) населенія состоялъ (въ XVI в.) весь турецкій флотъ, вся султанская гвардія—пѣхота и кавалерія, и что изъ него же (этого населенія) постоянно черпался и обновлялся весь личный составъ высшей военной и политической администраціи—причемъ само собою разумѣется, что эти правящіе и служилые классы состояли изъ ренегатовъ, —то нужно утверждать, что всѣ подобные ренегаты принадлежали не къ греческой народности, а албанской, боснійской, кроатской и т. д. Слабые въ культурномъ отношеніи элементы турецкаго населенія легко поддавались вліянію исламизма. Не даромъ Гаммеръ, описывая XVI вѣкъ турецкой имперіи, когда особенно были въ силѣ и почетѣ не Турки, инородцы, въ имперіи, замѣчаетъ: „Османское государство, если поднялось подобно колоссу на сушѣ и на морѣ, то этимъ оно одолжено не своей туркманской грубости и мужеству, но греческой и славянской утонченности и хитрости, албанской и далматинской неустрашимости и вѣроломству, боснійской и кроатской твердости и упорству, вообще храбрости и безсовѣстности всѣхъ этихъ ренегатовъ, и талантамъ и властолюбію жителей странъ завоеванныхъ Турками" [2]). Напрасно только во главѣ этихъ добровольцевъ—споспѣшниковъ Турціи Гаммеръ ставитъ грековъ, ибо изъ его же списка лицъ, правящихъ въ оттоманской имперіи XVI вѣка, помѣщеннаго послѣ сейчасъ приведенной его характеристики народностей, открывается, что Грековъ насчитывается въ этомъ случаѣ очень мало: первóй—другой да и обчелся. Правильнѣе поступаетъ проф. Ламанскій, отнюдь не грекофилъ, который, исчисляя народности, своимъ трудомъ и способностями создавшія благополучіе турецкой имперіи въ XV и XVI вѣкахъ и готовыя положить свой животъ за иновѣрцевъ—Турокъ, на первомъ мѣстѣ при

[1]) Zinkeisen, III, 249.
[2]) Hammer, Op. cit., ibid.

этомъ ставитъ Албанцевъ, а на самомъ послѣднемъ—Грековъ [1]). Греки всегда были себѣ на умѣ, и не очень ужъ охотно шли на службу интересамъ Турокъ, дорожа своею вѣрою, которою приходилось бы жертвовать, если бы они захотѣли имѣть многія значительныя административныя должности. По справедливому выраженію одного русскаго посланника въ Турціи изъ временъ Петра I-го, Греки оставались „запазушными (тайными) врагами“ Турокъ [2]). Греки пользовались, чѣмъ можно было отъ Турокъ, но себя Туркамъ не продавали.

Какимъ образомъ сдѣлались ренегатами эти лица, занимавшія многіе правительственные посты и выгодныя служилыя мѣста у Турокъ—эти Албанцы, Кроаты и т. д.? Было бы напрасно о нихъ думать, что всѣ они насильственно обращены Турками въ исламъ; такого рода людей между ними было очень мало. Это были добровольцы, шедшіе на службу султану ради временныхъ выгодъ. Оказывается, что предпочтеніе, обнаруживаемое Портой ренегатамъ по сравненію съ природными Турками, служило источникомъ постояннаго недовольства для послѣднихъ; „они роптали на свое униженіе; ихъ возмущало, что ими управляютъ Босняки, Албанцы [3]). Спрашивается: могли ли бы Турки завидовать преимуществамъ, получаемымъ ренегатами отъ Порты, если бы эти ренегаты пригнаны были въ лоно мусульманства палками, а не пришли бы добровольно? Да и могли ли ренегаты быть хорошими администраторами, какими они были на самомъ дѣлѣ,—если бы они при данныхъ условіяхъ не-хотя должны были принять на себя обязанности по управленію?

Сознаемъ, что намъ слѣдовало бы еще сообщить свѣдѣнія о приватныхъ и домашнихъ отношеніяхъ христіанъ къ Туркамъ. Но мы, помимо воли, такъ распространились о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ народностей съ разныхъ другихъ сторонъ, что принуждены на сейчасъ указанный вопросъ отвѣчать сокращенно до послѣдней возможности. Спѣшимъ прежде всего отмѣтить слѣдующій любопытный фактъ: „восточные христіане при-

[1]) Могущество Турокъ, 11.
[2]) Ibid., 21.
[3]) Ibidem, 11.

выкли къ турецкому языку, они даже любятъ его. Въ Малой Азіи есть много Грековъ, не знающихъ по гречески. Въ ихъ церквахъ вся служба совершается по турецки [1]. До конца XVII вѣка было множество такихъ случаевъ, что греческія дѣвицы—христіанки выходили замужъ за Турокъ, оставаясь христіанками. Наконецъ на это печальное явленіе было обращено вниманіе одного патріарха константинопольскаго, который сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Гречанки въ томъ только случаѣ выходили замужъ за Турокъ, если готовы потурчиться,—и примѣры выхода Гречанокъ за мусульманскихъ мужей почти прекратились [2]. Греки охотно принимали къ себѣ въ домъ Турокъ, и какъ кажется научили ихъ пить запрещенное Магометомъ вино [3]. Вообще мало по малу Турки и Греки такъ сжились между собою, что для наблюдателя очень не легко было различить Турка отъ не-Турка. Рико пишетъ: „Греки живутъ между Турками, на однихъ и тѣхъ же улицахъ, часто подъ одною и тою же кровлею. Дѣти тѣхъ и другихъ играютъ вмѣстѣ, воспитываются вмѣстѣ. У тѣхъ и другихъ почти одни и тѣ же нравы, они мало отличаются другъ отъ друга, если не принимать въ разсчетъ разницы религіозной“ [4].

Вообще Греки, или точнѣе—греческая райя—относилась къ Туркамъ миролюбиво и добродушно, незамѣтно было яркихъ слѣдовъ приниженности и раболѣпства.

Но кто нибудь скажетъ: „да какъ же это такъ? А многочисленныя челобитныя Грековъ и вообще восточныхъ христіанъ, обращенныя къ Русскимъ въ былое время, челобитныя, повѣствующія о злосчастіяхъ христіанско-восточнаго люда? Вѣдь они же напечатаны во многихъ томахъ“?—Ну, что-жъ? Эти томы дали матеріалъ русскимъ ученымъ для толстыхъ сочиненій. Вотъ простое разрѣшеніе, повидимому, мудреной загадки [5].

[1] Леонтьевъ. Востокъ, Россія и пр. Т. II, стр. 344. М. 1886.

[2] Ricaut. Op. cit., p. 314—316.

[3] Elssner. Neueste Beschreibung. S. 334—5.

[4] Ricaut. p. 11.

[5] Мы только мимоходомъ касались вопроса о притѣсненіяхъ, какимъ когда подвергались христіане въ Турціи. Но этотъ недочетъ совершенно достаточно восполняется проф. Скабалановичемъ въ вышерекомендованной его статьѣ: «Политика турецкаго правительства». Здѣсь разъяснены смыслъ, объемъ и значеніе указаннаго явленія. См. въ особенности стр. 445—454; 557—8 (Христ. Чт. 1878, т. II). Вообще должны оказать, того, что сдѣлано уже другими, мы не желали бы повторять въ нашихъ очеркахъ.

Константинопольская патріархія.

Ὁ πατριάρχης καθέζεται εἰς τὸν πατριαρχικὸν θρόνον αὐτοῦ ὡς κύριος καὶ δεσπότης τῆς οἰκουμένης, καὶ κρίνει καὶ ἀποφάσεις ποιεῖ. καὶ τίμια πατριαρχικὰ γράμματα οἱ χριστιανοὶ επέρνουν εἰς τὰς υποθέσεις αὐτῶν, καὶ ἔχουν τὸ βέβαιον εἰς ὅλην τὴν οἰκουμένην.

Historia Patriarchica, ad finem.

«Одною изъ главныхъ задачъ нашего труда будетъ историческая жизнь константинопольскихъ патріарховъ, патріарховъ — хорошо знаемъ это: часто—озлобляемыхъ, унижаемыхъ, гонимыхъ, изгоняемыхъ и умерщвляемыхъ; едва ли не въ большинствѣ случаевъ — унижающихся, роняющихъ свой санъ и достоинство, корыстолюбивыхъ и порочныхъ; положимъ рѣдко—совершенно невѣжественныхъ, еле бредущихъ по части греческой грамоты; положимъ еще рѣже—шатающихся по улицамъ столицы съ протянутой рукой; живущихъ въ грязномъ и вонючемъ Фанарѣ, не знающихъ что такое дворцы прелатовъ, но все же великихъ своимъ авторитетомъ и вліятельнымъ положеніемъ въ церкви вселенской».

А. П. Лебедевъ.

Съ наименованіемъ патріархія соединяются неодинаковыя представленія. Иногда этимъ названіемъ обозначается просто мѣсто жительства патріарха константинопольскаго въ столицѣ Турціи, иногда же имъ указывается на ту систему управленія, которою руководится патріархъ и подчиненные ему архіереи въ своей церковно-общественной дѣятельности; а при другихъ случаяхъ тѣмъ же именемъ обозначается вся вообще жизнь и дѣятельность патріарховъ константинопольскихъ съ тѣми особенностями, которыя характеризуютъ этихъ іерарховъ въ теченіи всей исторіи греческой церкви турецкаго періода, при чемъ разумѣются исторически сложившіяся и теперь проявляющіяся черты умственнаго, нравственнаго, церковно-обще-

ственнаго и матеріальнаго положенія этихъ самыхъ патріарховъ—не такія черты, которыя возникли и продолжаютъ обнаруживаться въ силу церковныхъ и гражданскихъ законовъ страны, а которыя создаются вліяніемъ и условіями дѣйствительной жизни всегда разнообразной и неуклонно дѣйствующей въ томъ или другомъ направленіи и образующей то, что называется силою обстоятельствъ. Мы станемъ разумѣть выраженіе: патріархія въ этомъ послѣднемъ, широкомъ, смыслѣ, который позволитъ намъ подвести подъ это понятіе явленія очень разнороднаго свойства. Само по себѣ понятно, что проявленія свойствъ константинопольской патріархіи наблюдаются всего яснѣе на самыхъ константинопольскихъ патріархахъ, этихъ характеристичныхъ историческихъ личностяхъ, вокругъ и около которыхъ и будутъ вращаться наши разсужденія и сообщенія [1]).

---

[1]) Кромѣ тѣхъ источниковъ, которые были нами перечислены и оцѣнены въ особой главѣ, болѣе или менѣе существенную помощь при написаніи нами настоящаго очерка будутъ оказывать намъ слѣдующіе авторы и ихъ сочиненія: 1) Μανουὴλ Γεδεών. Πατριαρχικοὶ Πίνακες (Константинополь, 1890). Это заглавіе греческій авторъ затѣмъ поясняетъ такъ: «историко-біографическія свѣдѣнія о патріархахъ константинопольскихъ, начиная отъ Андрея Первозваннаго до Іоакима III или ѳессалоникскаго (36—1884 г.). Гдѣ и какое получилъ образованіе авторъ Мануилъ Гедеонъ, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній. Знаемъ только, какъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ, что волею патріарха константинопольскаго Іоакима III (1878—1884 г.), 1-го мая 1883 года онъ назначенъ редакторомъ основывавшагося оффиціальнаго патріаршаго журнала (посвященнаго, кромѣ оффиціальныхъ извѣстій, и наукѣ) подъ заглавіемъ «Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια»; поручая редакторство этого журнала Гедеону, патріархъ, кромѣ того, возложилъ на него обязанность составить и издать историческій каталогъ (или списки) всѣхъ патріарховъ константинопольскихъ (σελ. 707—708). Эту обязанность Гедеонъ выполнилъ неукоснительно и въ результатѣ получился обширный томъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Сочиненіе Гедеона Πίνακες, должно сказать, принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ церковно-исторической греческой литературы нашего времени. Честь и хвала автору! Впрочемъ должны оговориться, наши похвалы и вообще наши замѣчанія по поводу книги Гедеона будутъ относиться только къ той ея части, которую мы достаточно изучили и которая обнимаетъ исторію патріарховъ турецкаго періода (σελ. 469—709). Прямо заявляемъ, что имѣя такого серьезнаго и многоученаго руководителя, какъ Гедеонъ, мы обезпечены отъ грубыхъ ошибокъ и можемъ идти впередъ, не опасаясь встрѣтить на дорогѣ непреодолимыхъ затрудненій. Совѣтами и указаніями Гедеона мы будемъ пользоваться съ довѣріемъ и признательностью. Авторъ заслуживаетъ этого. По части греческихъ источниковъ, касающихся исторіи константинопольскихъ патріарховъ, онъ читалъ и знаетъ все существенное. Въ научномъ отношеніи—авторъ значительная сила. Вся книга испещрена многочисленными цитатами, взятыми прямо изъ

Кто нибудь и когда нибудь напишетъ полную исторію константинопольскихъ патріарховъ отъ эпохи паденія ви-

источниковъ. Кромѣ греческихъ произведеній, авторъ цитируетъ и латинскія, и французскія и нѣмецкія сочиненія. Но по части иностранной литературы его знакомство ограничивается немногимъ, что впрочемъ нельзя ставить автору въ особенную вину. Жаль только, что при изложеніи знаменательнаго правленія церковію Іереміи II онъ не пользовался извѣстнымъ нѣмецкимъ ученымъ Герлахомъ: съ Герлахомъ Гедеонъ знакомъ лишь при посредствѣ сочиненій греческаго ученаго Саты. Авторъ ведетъ свое дѣло такъ: прежде всего отмѣчаетъ очень точно годы правленія извѣстнаго патріарха, даетъ его характеристику (если для этого есть матеріалъ), приводитъ біографическія свѣдѣнія о патріархѣ и въ заключеніе исчисляетъ церковно-административные акты, которые относятся къ исторіи изучаемаго имъ патріаршества. Почти всѣ очерки патріарховъ равны между собою по объему: авторъ не увлекался. Новѣйшимъ патріархамъ, о которыхъ, конечно, у него было гораздо больше свѣдѣній, чѣмъ о болѣе раннихъ—онъ однакоже отводитъ въ своей книгѣ не больше мѣста, какъ и болѣе древнимъ. Видно, что не матеріалъ господствуетъ надъ авторомъ, а авторъ хозяйничаетъ надъ матеріаломъ. Это очень похвально. Но важнѣе всего то, что Гедеонъ пишетъ съ отверстымъ чувствомъ для воспріятія и возвѣщенія чистой истины. Ни малѣйшей тенденціи, ни малѣйшаго желанія прикрасить и разубрать картину у него нѣтъ. Онъ пишетъ, подчиняясь долгу историка и призванію христіанина не говорить лжи. Мы должны высоко ставить трудъ Гедеона, правдивый и чуждый тенденціозности! Какая разница между трудами римско-католическихъ ученыхъ, описывающихъ исторію папъ и трудомъ православнаго Грека Гедеона, описывающаго исторію дорогой ему патріархіи: первые стараются умалчивать о темныхъ сторонахъ въ исторіи папства, а второму и на мысль не приходило такое постыдное дѣло. Послѣ тѣхъ похвалъ, которыми мы осыпаемъ Гедеона, читатель вправѣ спросить: неужели трудъ Гедеона совершенство? Нѣтъ, этого мы не станемъ утверждать. Въ немъ есть недостатки. Къ существеннымъ недостаткамъ произведенія Гедеона нужно отнести его тщательное умолчаніе обо всѣхъ тѣхъ неблаговидныхъ поступкахъ, какіе допускало себѣ турецкое правительство по отношенію къ константинопольскимъ патріархамъ. Такое замалчиваніе со стороны Гедеона указанныхъ фактовъ простирается очень далеко. Напр. онъ лишь въ двухъ-трехъ неясныхъ словахъ упоминаетъ о весьма важномъ событіи столкновенія патріарха Нифонта II (XV в.) съ турецкимъ правительствомъ (σελ. 488); онъ, Гедеонъ, проходитъ полнымъ молчаніемъ обстоятельства, при которыхъ въ началѣ XVI в. лишенъ былъ патріаршества по волѣ султана ни въ чемъ не повинный патріархъ Іоакимъ I (σελ. 497). Но виднѣе всего разсматриваемый недостатокъ въ томъ, что авторъ совсѣмъ ничего не говоритъ объ обстоятельствахъ смерти такихъ патріарховъ, о которыхъ достовѣрнѣйшимъ образомъ извѣстно, что они были жертвами турецкаго деспотизма. Извѣстно, какою смертію умеръ знаменитый патріархъ XVII вѣка Кириллъ Лукарь: онъ былъ казненъ чрезъ задушеніе по волѣ Порты, при чемъ тѣло его было брошено въ море; исторія смерти Кирилла подробно описана очевидцами. А между тѣмъ у нашего автора встрѣчаемъ относительно смерти Лукаря лишь слѣдующую загадочную фразу: «руки благочестивыхъ рыбаковъ отыскали тѣло св. патріарха (гдѣ и почему?!) и съ честью погребли его» (σελ. 563). Или: Гедеонъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о трагическихъ обстоятельствахъ, при какихъ произошла смерть столь извѣстнаго патріарха текущаго

зантійской имперіи до близкихъ къ намъ временъ,—такую исторію впрочемъ можно было бы и теперь уже писать, но

вѣка Григорія V; вмѣсто всякихъ подробностей по этому поводу, авторъ отдѣлывается слѣдующею лаконическою фразою: «Григорій возсѣдалъ на тронѣ патріаршемъ до 10 апрѣля 1821 года, когда и умеръ» (ὅτε ἀπέθανε) (σελ. 684). Само по себѣ понятно, что разбираемый недостатокъ мало чувствителенъ для тѣхъ читателей книги Гедеона, которые сами занимались или занимаются исторіей патріарховъ турецкаго періода; но въ какое неловкое положеніе можетъ поставить себя читатель, наводящій справку у Гедеона и не имѣющій возможности наводить другихъ справокъ, да и не догадывающійся, что эти послѣднія нужны и при существованіи на свѣтѣ сочиненія Гедеона. Спрашивается, отчего произошелъ этотъ недостатокъ? Неужели виной этого—турецкая цензура? Неужели Турки начинаютъ стыдиться того, что когда нибудь они позволяли себѣ казнить патріарховъ константинопольскихъ? Мы склонны думать, что лишь излишняя осторожность заставила Гедеона рѣшительно умалчивать о непохвальныхъ дѣяніяхъ Порты, поскольку эти дѣянія имѣли прикосновеніе къ исторіи патріарховъ. Интересно однакожъ, что очень нерѣдко въ сочиненіи Гедеона встрѣчаются такія замѣтки: патріархъ Софроній II «пользовался уваженіемъ и любовію со стороны Порты» (σελ. 665); или, разсказывая о патріархѣ Неофитѣ VI (кон. XVIII в.), авторъ упоминаетъ объ одномъ неважномъ дѣяніи при немъ и говоритъ, что оно произошло «всѣдствіе обычной милости Высокой Порты» (678). А это и подобное—что значитъ? Повидимому, политика въ Турціи еще примѣшивается къ ученой дѣятельности. Ссылки Гедеона на различные источники замѣчательно точны. Но все же встрѣчаются изрѣдка и непріятныя исключенія изъ этого правила. Такъ иногда авторъ отсылаетъ своего читателя за справками къ такой или другой книгѣ, а случается и къ нѣсколькимъ заразъ, не принимая на себя труда указать страницы рекомендуемыхъ имъ книгъ. Нужно, наконецъ, замѣтить, что, по нашему мнѣнію, вообще Гедеонъ — человѣкъ ума не очень бойкаго. На послѣдней страницѣ своей книги М. Гедеонъ заявляетъ, что изданіе книги стоило очень дорого: 5000 франковъ. Можно порадоваться, что авторъ изыскалъ такія значительныя средства на свое изданіе.—2) Ζαχαρίου Μαθᾶ. Κατάλογος τῶν πρώτων ἐπισκόπων καὶ τῶν ἐφεξῆς πατριαρχῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει (Навплія, 1837). Мы обладаемъ переводомъ книги Маты, напечатаннымъ въ *Христіанскомъ Чтеніи* подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Историческій списокъ епископовъ, а потомъ патріарховъ константинопольскихъ». Мы впрочемъ поведемъ далѣе рѣчь исключительно о той части сочиненія, которая заключаетъ «списки константинопольскихъ патріарховъ отъ взятія Константинополя Турками до 1836 года», на которомъ оканчивается трудъ Маты (Хр. Чт. 1862 г., т. I и II). Кто такой Захарія Мата? Какимъ научнымъ авторитетомъ обладаетъ онъ? До этихъ вопросовъ намъ нѣтъ никакого дѣла, потому что хотя какой то навплійскій архидіаконъ Захарія Мата и существовалъ на свѣтѣ, но указанной книги совсѣмъ не писалъ, а дозволилъ только поставить на чужой книгѣ свое ничѣмъ неизвѣстное имя. Подлиннымъ авторомъ книги оказывается знаменитость: современникъ Маты извѣстный греческій ученый Константинъ Икономосъ. Само по себѣ понятно, что мы никогда не догадались бы, что «каталогъ» написалъ не Мата, а Икономосъ, если бы намъ со стороны не указали на это любопытное обстоятельство. Въ этомъ отношеніи нашими просвѣтителями были Гедеонъ и Сата. Первый изъ нихъ говоритъ: «считаю нужнымъ упомянуть, что раньше дру-

только мы отнюдь этого дѣлать не станемъ. Такая исторія не нашла бы ни издателя, ни читателей. Въ виду этого

гихъ Софоклъ Икономосъ (сынъ К. Икономоса) объявлялъ во всеуслышаніе, —и это было при жизни Захаріи Маты—что «каталогъ» патріарховъ, носящій имя этого послѣдняго, есть сочиненіе Константина Икономоса» (σελ. 357). К. же Сата въ своей Ново-эллинской Филологіи пишетъ, не входя въ подробности, что тоже сочиненіе хотя носитъ имя Маты, но принадлежитъ по своему происхожденію К. Икономосу (σελ. 736). Возникаетъ вопросъ, что это значитъ? Какъ понимать, что какой то невѣдомый Мата подѣлился своимъ именемъ съ Икономосомъ, а Икономосъ, не смотря на свою ученую и историческую извѣстность укрывался подъ чужимъ ничего не значущимъ именемъ? На эти вопросы мы не встрѣчали отвѣтовъ въ литературѣ; да и самыхъ вопросовъ, кажется, никто изъ ученыхъ не предлагалъ себѣ. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, рѣшить подобные вопросы есть возможность. Для того, чтобы рѣшить ихъ нужно прежде всего уяснить себѣ: какимъ научнымъ авторитетомъ обладаетъ разсматриваемый «каталогъ» Икономоса (будемъ называть автора настоящимъ его именемъ)? Но и этимъ вопросомъ опять таки никто не интересовался; исключеніе представляетъ К. Сата, но Сата у Икономоса разбираетъ слегка лишь хронологію нѣкоторыхъ патріарховъ турецкаго періода, не принимая на себя труда ставить и рѣшать другіе вопросы касательно книги. Возьмемъ на себя трудъ опредѣлить научный авторитетъ изучаемаго сочиненія Икономоса. Едва ли нужно прибавлять, что самъ Икономосъ отнюдь ни одной строчкой своего сочиненія не помогаетъ критику оріентироваться въ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ у насъ рѣчь. Научный авторитетъ каждаго историческаго сочиненія (помимо талантовъ автора) несомнѣнно главнѣе всего зависитъ отъ источниковъ, какими пользуется и какъ пользуется авторъ. Какіе же источники Икономоса? Источники его не новы—и при нѣкоторомъ вниманіи ихъ достаточно можно разглядѣть. Начало разсматриваемой нами части «каталога», т. е. разсказъ о патріархѣ Геннадіи Схоларіи написанъ подъ вліяніемъ византійскаго историка Франдзія, съ нѣкоторыми несущественными прибавками, которыя могли остаться въ головѣ автора отъ чтенія разныхъ книгъ въ разное время, затѣмъ «каталогъ», описывая правленіе константинопольскихъ патріарховъ, начиная отъ преемника Геннадіева до Іереміи II, т. е. до 70-хъ годовъ XVI вѣка, довольно рабски придерживается извѣстнаго труда Дамаскина Студита (въ передѣлкѣ Малакса): Historia Patriarchica, при чемъ по мѣстамъ присоединяются мысли самаго автора, т. е. Икономоса, но мысли малаго научнаго значенія. Тамъ, гдѣ кончается разсказъ о патріархахъ указанной Historia Patriarchica, составитель «каталога» беретъ въ руки «церковную исторію» Мелетія аѳинскаго и выписываетъ изъ нея извѣстія о константинопольскихъ патріархахъ конца XVI и всего XVII вѣка, привнося иногда сюда замѣтки о тѣхъ же патріархахъ изъ сочиненіи Досиѳея іерусалимскаго: «о патріархахъ Іерусалима». Но все на свѣтѣ имѣетъ конецъ: наступилъ конецъ и тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ такъ легко было Икономосу выписывать извѣстія касательно патріарховъ константинопольскихъ конца XVI и XVII вѣка. Нужно было Икономосу искать еще какого нибудь источника для греческой церковной исторіи XVIII вѣка. Поиски для автора не стоили большаго труда. Онъ хватается за «Церковную Исторію» Вендотиса, представляющую собою продолженіе исторіи Мелетія аѳинскаго (о Вендотисѣ, нѣ-

мы ограничиваемся краткой характеристикой константинопольской патріархіи, которую было бы удобно напеча-

---

сколько подробнѣе скажемъ въ своемъ мѣстѣ) и описывающую исторію патріарховъ константинопольскихъ почти всего XVIII вѣка—и начинаетъ компилировать Вендотиса. Но вотъ бѣда, Вендотисъ очень не мягокъ въ отзывахъ о сказанныхъ патріархахъ, а между тѣмъ Икономосу по одной причинѣ, о которой сейчасъ упомянемъ, непремѣнно нужно было, чтобы патріархи высматривали красивѣе, чѣмъ какими ихъ рисуетъ продолжатель Мелетія. Какъ поступить при такихъ обстоятельствахъ? Икономосъ ни чуть не растерялся. Онъ отыскалъ одну истинно достойную сожалѣнія книжонку (отыскалъ, если не въ рукописи, то у Фабриція) нѣкоего Димитрія Прокопія, писателя XVIII вѣка подъ заглавіемъ: «краткій перечень ученыхъ Грековъ». (ἐπιτετμημένη ἐπαρίθμησις τῶν λογίων Γραικῶν. Vid. Sathas. Biblioth. Tom. III. σελ. 480 κ. λ. π.), въ которой между прочимъ заключаются характеристики патріарховъ константинопольскихъ первой половины XVIII вѣка со стороны ихъ образованности. Всѣ характеристики эти чрезмѣру похвальны и замѣчательно шаблонны. Онѣ такъ похожи одна на другую, что какъ будто бы авторъ (Прокопій) самъ у себя списывалъ ихъ. Книжонка Прокопія такъ ничтожна, что Гедеонъ, если не ошибаемся, только чуть ли не одинъ-другой разъ цитируетъ ее. Но для Икономоса она оказалась кладомъ. Похвальные отзывы ему пришлись очень кстати. По Вендотису и Прокопію Икономосъ описываетъ краткую исторію патріарховъ константинопольскихъ XVIII вѣка до патріарха Самуила (до послѣдней четверти этого вѣка). Затѣмъ всякіе опредѣленные источники оскудѣваютъ для Икономоса (ибо тогда еще не было издано напр. Макрея) и потому съ патріарха Самуила до 1836 года (XIX-го вѣка нашему составителю «каталога» пришлось самому собирать свѣдѣнія по исторіи константинопольскихъ патріарховъ. Откуда бралъ эти свѣдѣнія Икономосъ, это можетъ рѣшить только Грекъ, ученый конечно. Да и этотъ, полагаемъ, не разъ запнется въ рѣшеніи вопроса, такъ какъ Икономосъ могъ описывать XIX вѣкъ какъ современникъ, по неписаннымъ, а потому неопредѣленнымъ источникамъ. Вотъ качества труда Икономоса. Едва ли кто рѣшится обвинять насъ въ излишней строгости сужденія, если мы скажемъ, что произведеніе Икономоса отнюдь не могло служить къ его славѣ. Такой ученый человѣкъ, какъ Икономосъ, и вдругъ сочиняетъ незначительную компиляцію. Вотъ, по нашему мнѣнію, причина, почему Икономосъ не подписалъ своего имени на произведеніи, а взялъ для этой цѣли малоизвѣстное имя какого то Маты, конечно съ добраго согласія этого навплійскаго архидіакона. Но и послѣ всѣхъ этихъ разъясненій остается открытымъ вопросъ: да зачѣмъ самому Икономосу нужно было сочинять такую не могущую прославить имя сочинителя компиляцію? У Икономоса была особая практическая цѣль, которая и объясняетъ очень достаточно самое его предпріятіе. Когда жители Мореи (Мореи есть испорченное слово: Ромея), къ которымъ принадлежалъ и самъ Икономосъ отложились отъ турецкаго владычества, то у нихъ явилось непреодолимое желаніе отложиться и отъ патріарха константинопольскаго и учредить у себя автокефальную церковь. Икономосъ не сочувствовалъ этой послѣдней мысли и старался удержать своихъ единоземцевъ отъ разрыва съ константинопольскою патріархіей. Чтобы дать своимъ стараніямъ въ этомъ отношеніи большую силу, Икономосъ, какъ мы полагаемъ, и написалъ свой «каталогъ», который долженъ былъ доказывать жителямъ свободной Греціи, что они грѣшатъ, приписывая патріархамъ злоупотребленія и деспотизмъ; но что напротивъ эти патріархи были, какъ показываетъ

тать и которая—надѣемся—найдетъ не совсѣмъ малочисленный кругъ читателей.

исторія, людьми очень достойными. Таково, по нашему мнѣнію, происхожденіе «каталога» Икономоса. Что намѣреніе Икономоса при составленіи его «каталога» дѣйствительно состояло въ томъ, чтобы поднять престижъ патріарховъ константинопольскихъ, это можно наблюдать на самыхъ первыхъ страницахъ труда указаннаго ученаго, гдѣ читаемъ: «до нынѣ не прервалась и во вѣкъ не оскудѣетъ златая цѣпь (sic!!) достойныхъ преемниковъ Первозваннаго (св. Андрея) и пастыреначальниковъ великой церкви» (Хр. Чт. т. I, 613). Такъ какъ цѣль у Икономоса была утилитарная, то ему и не было надобности очень много заниматься изученіемъ исторіи патріарховъ: ему нужно было лишь нахватать извѣстное число фактовъ, служащихъ его цѣли, а больше авторъ ни очемъ и не заботился. Поэтому же Икономосъ очень обрадовался вышеупомянутой книжонкѣ Прокопія, благодаря которой онъ могъ смягчать рѣзковатые отзывы Вендотиса о константинопольскихъ патріархахъ XVIII вѣка. Какое же значеніе въ наукѣ можетъ имѣть «каталогъ» Икономоса? Для исторіи патріарховъ XV, XVI, XVII и большей части XVIII вѣка «каталогъ» этотъ имѣетъ очень малое значеніе: почти все его содержаніе полностію можно отыскать въ первоисточникахъ. И мы видимъ, что Гедеонъ почти совсѣмъ избѣгаетъ цитировать Икономоса, когда дѣло идетъ о патріархахъ сейчасъ указанныхъ вѣковъ; также точно будемъ поступать и мы. Для конца XVIII и начала XIX вѣка трудъ Икономоса сохраняетъ значеніе, но небольшое, потому что цѣль его произведенія тенденціозна. Гедеонъ иногда беретъ Икономоса въ совѣтники себѣ, когда дѣло идетъ о временахъ, которыя давній ученый зналъ въ качествѣ современника; послѣдуемъ и мы мудрому примѣру константинопольскаго историка. Сочиненіе Икономоса не такъ давно (1884 г.) въ оригиналѣ вышло вторымъ изданіемъ въ Аѳинахъ, и почти ничѣмъ не разнится отъ прежняго. Этимъ 2-мъ изданіемъ владѣемъ и мы. Русскій переводъ книги сдѣланъ, по словамъ проф. И. Е. Троицкаго, теперь уже покойнаго, кандидатомъ Академіи Сахаровымъ, служившимъ при Аѳинской миссіи.—3) Γεδεὼν. Χρονικὰ τοῦ πατριαρχικοῦ οἴκου καὶ τοῦ ναοῦ. («Хроника патріаршаго дома и храма»—въ Константинополѣ). Константинополь, 1884. Вотъ еще сочиненіе Гедеона. Оно имѣетъ своею задачею прослѣдить тѣ перемѣны, какія претерпѣвало жилище патріарха въ столицѣ. Для насъ оно важно постольку, поскольку разъясняетъ дѣло по отношенію къ турецкому періоду. Патріархъ константинопольскій, какъ извѣстно, не сразу сталъ жить въ Фанарѣ, а предъ этимъ послѣдовательно жилъ еще въ разныхъ частяхъ Константинополя. Какъ и при какихъ обстоятельствахъ это произошло—вопросы любопытные. Впрочемъ, должны оговориться, что детальная разработка вопросовъ о патріаршемъ домѣ и храмѣ, какъ это находимъ у Гедеона, при тѣхъ не широкихъ размѣрахъ, какіе долженъ имѣть нашъ трудъ и при скромности задачи, нами на себя принятой, представляетъ почти роскошь для насъ; но извѣстно, что по части ученыхъ пособій пріятнѣе изобиліе, чѣмъ недостатокъ. Сочиненіе написано частію на основаніи первоисточниковъ, частію личныхъ наблюденій автора. Въ русской литературѣ ссылокъ на эту книгу мы, кажется, совсѣмъ не встрѣчали. — 4) Ματθαῖος Κιγάλας. Νέα σύνοψις διαφόρων ἱστοριῶν (Новый синопсисъ разныхъ исторій — отъ сотворенія міра до настоящаго времени). Венеція, 1637 года. Это сочиненіе Матѳея Кигалы или Кикалы совершенно неиз-

Чтобы не слишкомъ много мудрствовать надъ планомъ, который долженъ руководить нашимъ предпріятіемъ,

---

вѣстно въ русской наукѣ. Мы ни у одного русскаго писателя не встрѣчали слѣдовъ пользованія синопсисомъ Кигалы; мало того: одинъ русскій ученый историкъ, найдя въ иностранномъ источникѣ, относящемся къ XVIII вѣку, упоминаніе о «хронографіи Матоея» (т. е. о синопсисѣ Кигалы), даже усумнился, чтобы существовала на свѣтѣ хронографія Матоея, принялъ указаніе на Матоея за ошибку автора и предложилъ читателю вмѣсто имени: Матоей читать: Дороѳей (Монемвасійскій). Такъ мало у насъ знаютъ историка XVII вѣка Матоея Кигалу. О синопсисѣ этого историка быть можетъ слѣдовало бы вести рѣчь при «обзорѣ источниковъ» (каковой сдѣланъ нами раньше); но принимая во вниманіе полную несамостоятельность синопсиса, тамъ рѣчь о немъ была излишня. Тѣмъ не менѣе по нѣкоторымъ своимъ сторонамъ синопсисъ можетъ оказывать намъ хотя не существенную, но добрую услугу—при написаніи исторіи патріарховъ турецкаго періода; вотъ почему мы и рѣшились сказать здѣсь о немъ нѣсколько словъ. Константинъ Сата весьма недоволенъ разсматриваемымъ трудомъ Кигалы и смотритъ на появленіе его въ свѣтъ какъ на одно изъ темныхъ пятенъ въ исторіи греческой литературы. Намъ часто приходится не соглашаться съ этимъ пресловутымъ ученымъ Грекомъ; на этотъ разъ мы тоже не считаемъ себя вправѣ соглашаться съ Сатою. Сата утверждаетъ, что синопсисъ, есть плодъ гешефтмахерства, что это произведеніе составлено Кигалой по настоянію венеціанскаго типографа XVII вѣка Антонія Юліана, который видя блестящій успѣхъ уже извѣстнаго намъ (см. нашъ «Обзоръ источниковъ») историческаго сочиненія Іероѳея Монемвасійскаго, имѣвшаго выдти послѣ недавняго перваго изданія его тоже венеціанскимъ типографомъ Пинелломъ, выдти уже вторымъ изданіемъ,—рѣшился подорвать успѣхъ указанной книги, а для этого онъ и подговорилъ Кигалу составить подобную же историческую книгу, которая могла бы конкурировать съ сочиненіемъ Іероѳея. Кигала по словамъ Саты, охотно взялся за это; но вмѣсто того, чтобы составлять свою книгу, онъ кое какъ передѣлалъ трудъ Іероѳея, уже разъ напечатанный и присоединилъ кое какіе разсказы отъ себя и вотъ явилась на свѣтъ: Νέα σύνοψις. (Sathas. Bibl. Graeca III, Προλ., σελ. 18). Какъ ни значителенъ авторитетъ Саты въ наукѣ, мы должны однакожъ не обинуясь сказать, что все, наговоренное этимъ ученымъ по поводу синопсиса Кигалы, есть плодъ невниманія къ тому вопросу, о которомъ рѣшился трактовать самонадѣянный Грекъ. При какихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ появился трудъ Кигалы—для насъ не имѣетъ большаго значенія; и съ этой стороны Кигалу защищать мы не намѣрены (тѣмъ болѣе, что Сата и не указалъ, на чемъ онъ основываетъ свои инсинуаціи). Но что касается отношенія синопсиса Кигалы къ хронографіи Іероѳея (о ней—какъ мы уже замѣтили — была рѣчь въ главѣ: «Обзоръ источниковъ»), то мы рѣшительно убѣдились, что тамъ, гдѣ Кигала *могъ не* пользоваться Іероѳеемъ, онъ имъ и въ самомъ дѣлѣ не пользовался. Оговоримся впрочемъ, мы имѣемъ разсуждать о той для насъ важнѣйшей части синопсиса Кигалы, которая излагаетъ, греческую церковную исторію турецкаго періода (XV и XVI вѣка). Весь этотъ обширный отдѣлъ синопсиса Кигалы, начиная отъ Геннадія Схоларія до патріарха Іереміи II изложенъ этимъ историкомъ *не* по Іероѳею. Сата, произнося свой неумолимый приговоръ надъ Кигалой, введенъ былъ въ заблужденіе какъ тѣмъ, что вообще Кигала походитъ на Іероѳея, при чемъ торопливый Грекъ не взялъ на себя труда провѣрить—какъ далеко простирается это сходство,

мы остановимся на самомъ простомъ и обычномъ въ подобныхъ случаяхъ планѣ: сначала воспроизведемъ факты,

такъ и тѣмъ, что конецъ синопсиса заимствованъ изъ хронографіи Іероѳея, но на это есть уважительная причина, которой Сата не понялъ. Мы сказали, что весь обширный отдѣлъ синопсиса, описывающій патріарховъ отъ Геннадія до Іереміи II не заимствованъ изъ Іероѳея; и это совершенно вѣрно. Дѣло невозможное сравнивать два труда Кигалы и Іероѳея во всѣхъ подробностяхъ. Ограничимся однимъ примѣромъ. Говоря о патріархѣ Нифонтѣ (кон. XV в.), Кигала пишетъ, что родомъ онъ былъ пелопонисецъ, что мать его была римлянка или ромеянка (Ρωμαία), утверждаетъ, что однимъ изъ трехъ лицъ, казненныхъ въ это патріаршество по приказанію султана—былъ іеромонахъ по имени Антоній (σελ. 448—449). Всѣхъ этихъ извѣстій нѣтъ у Іероѳея (σελ. 431 по изданію 1798 г.) (Другіе примѣры въ томъ же родѣ приведемъ ниже, при удобномъ случаѣ). Спрашивается: какимъ образомъ Кигала, будучи, по словамъ Саты, лишь плагіаторомъ Іероѳея, могъ знать и писать такія вещи, которыхъ не сообщаетъ этотъ послѣдній? Ларчикъ просто открывается. Іероѳей и Кигала, описывая указанный отдѣлъ исторіи, пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ—хронографіей, сочиненной Дамаскиномъ Студитомъ. (См. о Дамаскинѣ «Обзоръ источниковъ»). Если мы станемъ сравнивать Кигалу въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ разнится отъ Іероѳея, съ Historia Patriarchica въ «Турко-Греціи» (напр. о патріархѣ Нифонтѣ vid. p. 139—140, этой Histotia), несомнѣнно написанной по Дамаскину, то для насъ ясно станетъ, что Кигала, какъ и Іероѳей, имѣлъ одинъ общій источникъ—и что поэтому то Кигала съ одной стороны походитъ на Іероѳея, а съ другой—разнится отъ него. Разница Кигалы отъ Іероѳея оттого и получилась, что этотъ историкъ вовсе не компилировалъ Іероѳея, а писалъ независимо отъ него, имѣя руководителемъ именно Дамаскина Студита. Остается еще рѣшить вопросъ: какъ Кигала пользовался Дамаскинымъ—въ рукописи ли (подобно Іероѳею, который читалъ и пользовался Дамаскинымъ въ рукописи. См. объ этомъ «Обзоръ источниковъ») или же при посредствѣ Historia Patriarchica, напечатанной въ «Турко-Греціи» (въ 1584 г.)? Для насъ не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что Кигала читалъ Дамаскина въ рукописи—какъ и Іероѳей—а не читалъ его въ Турко-Греціи. Доказательства нашего мнѣнія мы находимъ въ слѣдующемъ: у Дамаскина Студита не было разсказовъ ни о Арсеніи ученомъ митрополитѣ Монемвасійскомъ временъ патріаршества Пахомія I, ни разсказа о томъ, какъ Іеремія I спасалъ константинопольскія церкви отъ разрушенія ихъ султаномъ (какъ удостовѣряетъ въ томъ Сата, изучившій рукопись Дамаскина въ святогробской библіотекѣ въ Константинополѣ); того и другаго разсказа нѣтъ и у Кигалы, какъ не имѣется ихъ и у Іероѳея. Разумѣется это не случайность. Конечно, можно было бы думать, что у Кигалы нѣтъ сейчасъ упомянутыхъ разсказовъ потому, что онъ списывалъ у Іероѳея, который по увѣренію Саты читалъ Дамаскина въ рукописи, слѣдовательно, безъ вышеупомянутыхъ позднѣйшихъ прибавокъ, имѣющихся въ Турко-Греціи. Но такъ разсуждать невозможно, когда нами выше указано (и будетъ не разъ указано потомъ—и еще более доказано), что Кигала въ разбираемомъ отдѣлѣ его труда писалъ независимо отъ Іероѳея Итакъ, составляя обширный отдѣлъ своего синопсиса, охватывающій исторію патріарховъ отъ средины XV до 70-хъ годовъ XVI вѣка, Кигала не пользовался Іероѳеемъ; онъ писалъ здѣсь по тому же самому источнику, какимъ пользовался и Іероѳей. Что касается заключительныхъ страницъ синопсиса, гдѣ излагается исторія правленія па-

разъясняющіе интеллектуальную сторону жизни патріарховъ изучаемаго періода, потомъ соберемъ черты, характеризующія нравственную физіономію тѣхъ же патріарховъ и ихъ церковно-общественную дѣятельность, наконецъ опишемъ ихъ матеріальное положеніе, которое составляетъ не такой простой вопросъ, какъ гдѣ либо въ другихъ странахъ.

Хорошо понимаемъ, что этотъ обычный и довольно часто встрѣчающійся планъ не есть лучшій.

Лучше всего было бы описывать патріарховъ [1]) и ихъ

тріарховъ конца XVI вѣка—Іереміи II, Пахомія II и Өеолипта II, то нѣтъ сомнѣнія, разсказы, сюда относящіеся, Кигала взялъ у Іероөея; но взялъ онъ ихъ единственно по тому, что только Іероөей и описалъ подробно и обстоятельно эти времена; должно сказать здѣсь, что и въ настоящее время историкъ греческой церкви, хотя съ глубокимъ прискорбіемъ (отчего зависитъ это глубокое прискорбіе—уяснимъ въ своемъ мѣстѣ) вынуждается прибѣгать къ пользованію все тою же некрасивою и пристрастною повѣстью Іероөея, когда историку нашего времени приходится раскрывать исторію названныхъ трехъ патріарховъ. Итакъ, если описаніе Кигалою патріаршествованій константинопольскихъ іерарховъ отъ Геннадія до Іереміи II составлено не самостоятельно и если исторія остальныхъ патріарховъ XVI вѣка имъ написана несомнѣнно по Іероөею, то имѣетъ ли какое либо научное значеніе трудъ Кигалы? Можно подумать: не имѣетъ, а на самомъ дѣлѣ: имѣетъ. У Кигалы можно находить цѣнные варіанты, когда онъ говоритъ о патріархахъ отъ Геннадія до Іереміи II, здѣсь же у него встрѣчаются эпитеты, синонимы, своеобразные пересказы уже извѣстнаго, имѣющіе значеніе комментарія къ другимъ извѣстнымъ источникамъ. Далѣе: разъ нами доказано, что Кигала пользовался въ своихъ разсказахъ о патріархахъ до Іереміи II не Іероөеемъ, и не Турко-Греціей, а рукописью исторіи Дамаскина, то для науки открывается возможность при помощи какъ Іероөея, такъ и Кигалы (которые оба пользовались Дамаскинымъ въ рукописи) составлять себѣ понятіе о томъ, какова—исторія Дамаскина, и до сихъ поръ еще ненапечатанная, не смотря на ея великое значеніе въ наукѣ,—чѣмъ отличается отъ нея та «Патріаршая исторія», которая составлена на основаніи Дамаскина и вошла въ составъ «Турко-Греціи»? Вопросы болѣе, чѣмъ любопытные. Не смотря на такое значеніе Кигалы не только русскіе и западноевропейскіе ученые совсѣмъ не привлекаютъ себѣ въ совѣтники этого историка, но даже и греческіе писатели, въ родѣ усерднаго и многосвѣдующаго Гедеона—пренебрегаютъ, къ сожалѣнію, авторомъ синопсиса. Во всякомъ случаѣ надѣемся, что послѣ нашихъ разъясненій честь Кигалы, замаранная Сатою, снова возстановляется—и онъ опять становится, «благоговѣйнѣйшимъ во іереяхъ», какъ онъ именуется въ заглавіи его книги и что книга его, назначенная «на общую пользу» (какъ сказано въ томъ же заглавіи) дѣйствительно не лишена такого значенія. Матөей Кигала, нужно сказать, былъ греческій іерей съ о. Кипра, проживавшій въ Венеціи, что тогда случалось часто: въ XVII вѣкѣ въ Венеціи Грекамъ такъ же пріятно жилось, какъ теперь иностранцамъ въ Парижѣ.

[1]) Считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее поясненіе: 1) Мы будемъ цитировать ниже не одно, а три сочиненія М. Гедеона, поэтому тамъ, гдѣ у

дѣятельность въ хронологическомъ порядкѣ, переходя отъ описанія одного патріарха къ другому, но такой планъ, кромѣ того, что потребовалъ бы для своего осуществленія много мѣста въ печати, долженъ былъ бы вести къ частому повторенію разсказовъ одинаковаго характера, имѣющихъ значеніе въ отдѣльной біографіи [1]), но лишенныхъ значенія въ исторіи, какъ разъяснительницѣ общаго развитія и общаго движенія тѣхъ или другихъ сторонъ исторической жизни. Впрочемъ мы по возможности дадимъ мѣсто и требованіямъ этого лучшаго плана, не отступая много въ то же время отъ плана, нами принятаго.

насъ для краткости цитаціи будетъ упоминаться одна фамилія: Гедеонъ съ указаніемъ страницы, но безъ дальнѣйшихъ пояснительныхъ словъ, читатель долженъ разумѣть главнѣйшее изъ произведеній этого автора: «Πατριαρχικοὶ πίνακες, на которое намъ очень часто придется ссылаться. 2) Такъ какъ наукой принято, а нами разъяснено, что сочиненіе «каталогъ», извѣстное съ именемъ Маты въ дѣйствительности принадлежитъ К. Икономосу, то если намъ случится назвать автора этого сочиненія въ нашемъ текстѣ, мы будемъ именовать его настоящимъ именемъ (Икономосъ), а въ примѣчаніяхъ удержимъ то имя, какое автору усвояется въ печати и литературѣ (Мата); при этомъ еще слѣдуетъ замѣтить, что при цитаціи изъ сейчасъ названнаго сочиненія римскія цифры I и II будутъ означать первый и второй томы Хр. Чт. за 1862 г., гдѣ это сочиненіе напечатано въ переводѣ (а самое названіе журнала и годъ изданія для краткости рѣчи мы станемъ пропускать). 3) Въ подобномъ же родѣ, какъ Мату—Икономоса, мы будемъ именовать въ текстѣ и цитировать въ примѣчаніяхъ хронографію, извѣстную съ именемъ Дороѳея Монемвасійскаго: ученымъ Сатою удовлетворительно разъяснено (см. нашъ «Обзоръ источниковъ»), что авторомъ этой хронографіи былъ Іероѳей—митрополитъ Монемвасійскій, а не Дороѳей, а потому, если въ текстѣ намъ будетъ нужно поименовать автора разсматриваемой хронографіи, то мы будемъ именовать его настоящимъ его именемъ (Іероѳей) а въ примѣчаніяхъ удержимъ тотъ псевдонимъ, подъ которымъ трудъ Іероѳея изданъ и извѣстенъ въ печати и литературѣ (Дороѳей).

1) Если бы мы взяли на себя задачу разсказать исторію патріарховъ въ послѣдовательномъ порядкѣ—одного за другимъ, разсказать хотя бы кратко, то у насъ вышло бы нѣчто подобное тому, что написалъ Гедеонъ, но при всемъ нашемъ уваженіи къ нему, Гедеономъ быть мы не желаемъ: во 1-хъ потому, что излагая исторію патріарховъ турецкихъ временъ, намъ пришлось бы написать столько же, сколько и онъ написалъ (т. е. 241 страницу и даже болѣе, такъ какъ Гедеонъ остановился на 1884 году), а этого пожалуй много для нашей скромной цѣли; во 2-хъ, сочиненіе Гедеона, во всякомъ случаѣ сочиненіе скучное, имѣющее значеніе лишь въ смыслѣ книги справочной и не расчитанной, какъ говорится, на «большую публику», между тѣмъ мы вовсе не собираемся погребать свой трудъ, въ ожиданіи немногихъ охотниковъ до скучныхъ книгъ, а искренно желаемъ, чтобы насъ читали побольше. Поэтому нашъ планъ, не смотря на его несовершенство, намъ болѣе пригоденъ, чѣмъ какой другой.

Первымъ константинопольскимъ патріархомъ, по паденіи византійской имперіи, былъ какъ извѣстно, Геннадій Схоларій. О немъ мы скажемъ отдѣльно, сейчасъ же, не вводя его личность въ рядъ другихъ патріарховъ. Такъ поступимъ потому, что, во-первыхъ, онъ заслуживаетъ такого особеннаго вниманія историка, а во вторыхъ потому, что факты, относящіеся къ кратковременному правленію Геннадія церковію, требуютъ строгой критической провѣрки, а эта провѣрка ихъ можетъ дать удовлетворительный результатъ только тогда, когда они будутъ проанализированы въ совокупности.

Геннадій (въ мірѣ Георгій) родился около 1400 года или въ Константинополѣ или на о. Хіосѣ. Получилъ образованіе у учителей константинопольскихъ и главнымъ образомъ у Матѳея Камаріота (который оставался наставникомъ въ патріаршей школѣ и послѣ паденія Византіи) и у извѣстнаго Марка Евгеника. По окончаніи образованія онъ и самъ былъ наставникомъ въ константинопольской „академіи", затѣмъ получилъ сначала должность царскаго судьи, а потомъ государственнаго секретаря. Само собою понятно, что это было еще до катастрофы, низвергшей византійскую имперію. Объ образованности Геннадія ученые держатся—и вполнѣ справедливо — самаго высокаго мнѣнія. Онъ былъ славенъ, какъ законовѣдъ, считался человѣкомъ краснорѣчивымъ, какъ риторъ, и превосходилъ другихъ въ качествѣ богослова и философа [1]. Но мы не намѣрены распространяться о Геннадіи, какъ представителѣ вѣка Палеологовъ, а будемъ говорить о немъ исключительно, какъ о первомъ патріархѣ, избранномъ при первомъ султанѣ на тронѣ византійскомъ,— Магометѣ II.

При какихъ историческихъ обстоятельствахъ Геннадій былъ избранъ въ патріархи? Повидимому, этотъ вопросъ такого рода, что много трудиться надъ его рѣшеніемъ нѣтъ необходимости: источниковъ для рѣшенія его существуетъ не мало и притомъ достаточно компетентныхъ; но тѣмъ не менѣе мы прямо должны сказать, что вопросъ этотъ и до сихъ поръ (не смотря на сотни писателей, занимавшихся имъ) не разъясненъ и не рѣшенъ до-

[1]) Σάθα. Νεοελληνικὴ φιλολογία, σελ. 12. Афины. 1868.

статочно точно. Къ нашему удивленію оказывается, что мы должны начинать дѣло съ самаго начала. Разгадка этого, повидимому, страннаго явленія заключается въ томъ, что всѣ историки, принимаясь за рѣшеніе указаннаго вопроса, безъ дальнихъ хлопотъ брали во вниманіе какой нибудь одинъ источникъ, ни мало не заботясь ни о сравненіи его съ другими, ни о томъ, чтобы дать себѣ отчетъ о тѣхъ противорѣчіяхъ, какими переполнены источники. Не сдѣланное другими сдѣлаемъ мы сами, какъ умѣемъ.

Существуетъ три болѣе авторитетныхъ разсказа относительно обстоятельствъ избранія Геннадія въ патріархи, изъ которыхъ тѣмъ или другимъ,—иногда смѣшивая ихъ, позднѣйшіе историки и пользуются, смотря по вкусу или случайности. Эти разсказы слѣдующіе: во первыхъ Георгія Франдзія, очевидца паденія Константинополя и современника событія; во-вторыхъ разсказъ, заключающійся въ извѣстной Historia Patriarchica, изданной Крузіемъ и наконецъ разсказъ, находящійся въ Historia Politica, изданной тѣмъ же Крузіемъ. Начнемъ нашъ критическій разборъ съ перваго разсказа. Франдзій говоритъ, что въ третій день по паденіи Константинополя Магометъ II съ тріумфомъ въѣхалъ въ столицу и первымъ дѣломъ объявилъ, чтобы всѣ попрятавшіеся отъ страха люди (Греки) оставили свои убѣжища, такъ какъ имъ нечего бояться опасностей; затѣмъ онъ распорядился, чтобы и всѣ бѣжавшіе (Греки) изъ города спокойно возвращались въ свои дома, такъ какъ султаномъ давалось имъ право жить сообразно ихъ религіи, какъ было прежде. А также онъ приказалъ, что-бы жители (Греки) избрали себѣ новаго патріарха; вслѣдствіе этого послѣдняго приказанія, замѣчаетъ Франдзій, собрались архіереи, какіе только случились здѣсь, а также нѣкоторые, немногіе клирики—и народъ; собравшіеся затѣмъ избрали извѣстнаго Геннадія патріархомъ [1]). Вотъ разсказъ Франдзія. Нѣтъ сомнѣнія, въ общемъ онъ очень простъ и пробуждаетъ довѣріе къ себѣ. Но вотъ что непонятно въ немъ и что дѣлаетъ его сомнительнымъ: вѣроятно ли, чтобы султанъ на третій же день по завоеваніи Константинополя далъ приказаніе из-

[1]) Frantzae. Chronicon majus, lib. III, p. 893 (Migne Gr. tom. 156).

брать патріарха, и что бы архіереи, клирики и народъ съ необычайною торопливостью выполнили волю новаго повелителя Византіи? Это невѣроятно. Самъ Франдзій даетъ основаніе считать его разсказъ сомнительнымъ. Онъ сначала говоритъ о томъ, что султанъ приказалъ всѣмъ попрятавшимся и разбѣгшимся Грекамъ свободно возвращаться во свояси, и затѣмъ—не объяснивъ того, было ли исполнено или нѣтъ это распоряженіе султана—прямо приступаетъ къ разсказу объ избраніи патріарха клиромъ и народомъ. Но само по себѣ понятно, что если, выше нами указанное, распоряженіе о возвращеніи Грековъ въ столицу не сейчасъ же было приведено въ исполненіе—а это, конечно, не возможно было сдѣлать—то фактъ избранія перваго патріарха произошелъ не на третій день послѣ завоеванія Константинополя и даже не очень скоро послѣ этого событія, потому что нужно было значительное время, чтобы напуганный, ограбленный, раззоренный народъ вернулся въ столицу. А если, сообразно словамъ Франдзія, будемъ представлять дѣло такъ, что приказаніе султана объ избраніи патріарха было исполнено раньше возвращенія Грековъ изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстъ, куда они разбѣжались-было, то мы никакъ не можемъ дать себѣ отчета въ томъ: да кто же могъ избрать патріарха въ опустѣломъ городѣ, въ который сначала нужно было снова привлечь Грековъ? Да и откуда, какъ по мановенію волшебнаго жезла, взялись бы архіереи и клирики, участіе которыхъ въ избраніи патріарха необходимо предполагается разсказомъ самого Франдзія? Нѣтъ, разсказъ Франдзія не можетъ удовлетворять историка, критически относящагося къ историческимъ свидѣтельствамъ. Не смотря на явную несообразность разсказа Франдзія, однакожъ даже новѣйшіе и лучшіе историки и до сихъ поръ повторяютъ его въ своихъ историческихъ трудахъ [1]. Какъ случилось, что Франдзій, будучи современникомъ, интересовавшимся событіями, и человѣкомъ образованнымъ, могъ такъ напутать—рѣшить этотъ вопросъ нелегко. К. Сата хочетъ объяснить разсматривае-

[1]) Разумѣемъ извѣстнаго Пихлера, Гаммера, историка «Оттоманскаго царства», Икономоса (Мату), проф. Скабалановича, Стасюлевича («Осада и взятіе Константинополя») и др.

мую странность тѣмъ, что Франдзій писалъ на основаніи слуховъ [1]), но вѣдь слухи можно провѣрять. Не естественнѣе ли объяснять путаницу въ разсказѣ византійскаго историка тѣмъ, что онъ писалъ свою хронику въ старости и больной и потому не все твердо помнилъ? Столь же неудовлетворительно, какъ и разсказъ Франдзія относительно обстоятельствъ избранія Геннадія, повѣствованіе объ этомъ событіи, находящееся въ Historia Patriarchica. Повѣствованіе это довольно длинно, но къ сожалѣнію мы должны войти во всѣ его подробности. Разсматриваемый историкъ поступаетъ еще страннѣе, чѣмъ Франдзій, когда заставляетъ султана Магомета назначить выборы чуть-ли не въ самый день паденія Константинополя (29 мая). Разсказъ начинается извѣстіемъ, что султанъ Магометъ, въѣхавъ въ столицу и принимая поздравленія съ побѣдой, замѣтилъ съ удивленіемъ, что патріархъ константинопольскій не является привѣтствовать счастливаго побѣдителя. Такое неуваженіе къ своей личности,—по разсказу историка—возбудило его сильный гнѣвъ, и онъ, призвавъ къ себѣ клириковъ (откуда они взялись?), началъ ихъ спрашивать: почему патріархъ не явился привѣтствовать его, какъ своего законнаго царя. Клирики—по словамъ автора—отвѣчали, что въ Константинополѣ уже давно нѣтъ патріарха, что послѣдній патріархъ самовольно оставилъ каѳедру, а что на его мѣсто новаго патріарха избрано не было (нужно сказать, что слова, влагаемыя здѣсь въ уста клириковъ, заключаютъ дѣйствительную историческую истину). Тогда гнѣвъ султана остылъ, и онъ приказалъ имъ выбрать въ патріархи того, кого они сами хотятъ [2]). Повѣствованіе это, находящееся въ Historia Patriarchica, ниже всякой критики. Не говоримъ уже о хронологіи, она ни съ чѣмъ не сообразна,—и весь-то разсказъ о бесѣдѣ Магомета съ клириками виситъ на воздухѣ. Франдзій ни словомъ не упоминаетъ объ такомъ событіи. Да и взятый самъ по себѣ разсказъ обличаетъ собственную нелѣпость. Прежде, чѣмъ начать рѣчь о бесѣдѣ Магомета съ клириками, авторъ заявляетъ, что этотъ султанъ и раньше очень хорошо былъ знакомъ

[1]) Sathas. Bibl. Cr. III, Προλ., 25.
[2]) Historia Patriarch., p. 79. (Edit. Bonn.)

съ Константинополемъ и всѣми порядками въ немъ, такъ какъ по-долгу живалъ въ немъ еще когда былъ живъ отецъ его—Муратъ. Но если Магометъ въ самомъ дѣлѣ знакомъ былъ съ положеніемъ дѣлъ въ Константинополѣ, то онъ, конечно долженъ былъ знать, что патріарха въ Константинополѣ давно нѣтъ: патріархъ былъ слишкомъ важнымъ лицомъ, чтобы объ отсутствіи его не было всеобщаго говора. Далѣе: авторъ настойчиво внушаетъ читателю мысль, что будто Магометъ сильно гнѣвался, не видя патріарха, который, по его соображенію, долженъ былъ явиться на поклонъ къ новому властелину Византіи. Но гнѣвъ султана не имѣетъ для себя достаточнаго мотива, судя по разсказу автора. Прежде, чѣмъ гнѣваться, самое простое благоразуміе требовало, чтобы султанъ первѣе всего навелъ справки: въ столицѣ ли патріархъ? Не бѣжалъ ли онъ? Или не убитъ ли? Разсказывая о томъ, что султанъ гнѣвался на патріарха за неявку къ нему, историкъ въ то же время заявляетъ, что Магометъ очень сильно желалъ побесѣдовать съ патріархомъ о христіанской вѣрѣ и поучиться у него божественному. Но, конечно,—что нибудь ужъ одно нужно допускать: или то, что султанъ сильно гнѣвался на патріарха, предполагая, что онъ не является къ нему изъ упорства, или то, что онъ сильно желалъ побесѣдовать съ константинопольскимъ первосвятителемъ о предметахъ божественныхъ. Допускать одновременное существованіе въ душѣ Магомета и гнѣва, и религіозныхъ порывовъ—можетъ только авторъ разбираемаго разсказа. Затѣмъ авторъ передаетъ извѣстія о томъ, какъ происходило самое избраніе Геннадія въ патріархи и его интроникація. Но и эта часть повѣствованія не выдерживаетъ критики. Авторъ, сообщивъ краткія свѣдѣнія о Геннадіи, увѣряетъ, что архіереи, откуда-то призванные клириками, избрали Геннадія въ патріархи [1]) (несмотря будто бы на его сопротивленіе—о чемъ ничего не говорится въ другихъ источникахъ), со-

---

[1]) Проф. И. И. Малышевскій («Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ», Кіевъ, 1872) говоритъ: избраніемъ Геннадія озаботились *клирики* (Курсивъ автора) константинопольскіе, какими были не только духовные, но и міряне изъ знатныхъ фамилій города» (стр. 3). Клирики времени Геннадія и изъ числа знатныхъ лицъ, изъ аристократовъ! Въ самомъ дѣлѣ?!

вершили малое провозглашеніе его патріархомъ (μικρὸν μήνυμα), а потомъ въ присутствіи народа и великое провозглашеніе (μέγα μήνυμα), и наконецъ повели его въ храмъ св. Апостоловъ, гдѣ и рукоположилъ его митрополитъ Ираклійскій [1]). Разсказъ этотъ явная выдумка автора, ничѣмъ не подтверждающійся и заключающій внутреннія противорѣчія, и переполненъ аналогіями, взятыми изъ болѣе поздняго или болѣе ранняго времени. Въ самомъ дѣлѣ, что клирики бѣгали по окрестностямъ Константинополя и собирали архіереевъ для совершенія избранія патріарха, это ни мало не вѣроятно. Такое примышленіе явилось у автора въ качествѣ естественнаго результата, полученнаго отъ того, лишеннаго всякой вѣроятности, утвержденія разбираемаго историка, что будто султанъ допрашивалъ константинопольскихъ клириковъ: почему не явился къ нему на поклонъ патріархъ, и что будто онъ приказалъ имъ избрать новаго пастыре-начальника столицы. А что касается разглагольствій автора о маломъ и великомъ провозглашеніи Геннадія патріархомъ и посвященіи его Ираклійскимъ митрополитомъ, то все это аналогіи, взятыя авторомъ частію изъ прежняго времени, а частію изъ болѣе поздняго—аналогіи, для которыхъ нѣтъ основаній въ томъ, что мы знаемъ объ избраніи перваго патріарха изъ хроники Франдзія: актъ избранія Геннадія, конечно, происходилъ до-нельзя просто. Не до парада уже было! Наконецъ, живописуя избраніе Геннадія на константинопольскую каѳедру, авторъ явно договорился до странности, когда увѣряетъ, что посвященіе Геннадія теперь же происходило въ храмѣ св. Апостоловъ; но вѣдь храмъ то этотъ сначала нужно было получить отъ султана, которому по праву завоевателя принадлежали всѣ монументальныя публичныя зданія въ столицѣ, а потомъ уже распространяться въ немъ, по своему усмотрѣнію? Нашъ авторъ и самъ потомъ сообразилъ, что нельзя было архіереямъ вести Геннадія въ храмъ Апостоловъ, не получивъ сначала права на владѣніе имъ отъ самого султана; а потому, чрезъ нѣсколько строкъ, какъ ни въ чемъ не бывало онъ разсказываетъ о томъ, какъ Магометъ, убѣдившись въ мудрости Геннадія и почувствовавъ къ нему расположеніе, отдалъ въ его

[1]) Hist. Patr., p. 80.

распоряженіе храмъ Апостоловъ [1]). Это такъ и было въ самомъ дѣлѣ, но гдѣ и какъ происходила хиротонія Геннадія—мы ничего не знаемъ. Можемъ сдѣлать слѣдующее предположеніе и его нужно признать очень вѣроятнымъ: Геннадій былъ хиротонисанъ (нужно помнить, что Геннадій не былъ архіереемъ до избранія въ патріархи) въ храмѣ Апостоловъ, съ этимъ вмѣстѣ онъ сдѣлался и патріархомъ, но это произошло послѣ того, какъ султанъ утвердилъ его избраніе въ патріархи и отдалъ названный храмъ въ распоряженіе новопоставленнаго предстоятеля церкви константинопольской.

Спрашивается: какимъ образомъ могъ возникнуть такой, переполненный небылицами, разсказъ въ Historia Patriarchica? Авторомъ этого сочиненія, какъ извѣстно, былъ митрополитъ артскій Дамаскинъ Студитъ, рукописью котораго воспользовался Малаксъ, исполняя желаніе Крузія имѣть у себя исторію патріарховъ турецкаго періода. Но Малаксъ, который, какъ утверждаетъ Сата (см. „Обзоръ источниковъ"), иногда пополнялъ разсказы Дамаскина, на этотъ разъ ни въ чемъ невиновенъ: случаи, гдѣ Малаксъ позволилъ себѣ сдѣлать дополненія къ повѣствованію Дамаскина, извѣстны, благодаря опять таки Сатѣ (см. тамъ же), къ сообщеніямъ же о Геннадіи этотъ не дѣлалъ никакихъ прибавокъ. Значитъ вся отвѣтственность падаетъ

---

[1]) Не говоримъ уже о томъ, что разсказа о бесѣдѣ султана съ клириками, объ отысканіи и собраніи архіереевъ этими послѣдними для поставленія патріарха и пр. нѣтъ у Франдзія (это уже намъ извѣстно); но и До (Іе) роѳей и Кигала даютъ ясно понимать, что весь разбираемый разсказъ въ Hist. Patriarchica есть чистѣйшая несообразность съ историческою дѣйствительностію. До (Іе) роѳей (Βιβλίον ἱστορικόν, σελ. 419. Венеція, 1798) хотя и сообщаетъ извѣстія объ избраніи Геннадія по Hist. Patriarchica (по ней одной), но не говоритъ ни о дѣятельности клириковъ, имѣющей цѣлію отысканіе и созваніе архіересвъ, ни о двоякомъ провозглашеніи Геннадія патріархомъ, ни о посвященіи его въ архіереи въ храмѣ Апостоловъ митрополитомъ ираклійскимъ; а извѣстную бесѣду султана съ клириками замѣняетъ (конечно не безъ умысла) слѣдующимъ извѣстіемъ: «прибылъ султанъ въ городъ, спросилъ (кого—умолчено) о патріархѣ и ему сказали, что патріарха нѣтъ; тогда онъ приказалъ избрать новаго патріарха, руководясь въ этомъ случаѣ хитростію, ибо желалъ, чтобы городъ опять наполнился народомъ». А что касается Кигалы, онъ совсѣмъ избѣгаетъ извѣстій Hist. Patriarchica, когда ему приходится говорить объ избраніи Геннадія, онъ говоритъ объ этомъ событіи исключительно на основаніи Historia Politica (объ извѣстіяхъ касательно избранія Геннадія въ этомъ источникѣ рѣчь впереди). Значитъ и Іероѳея, и Кигалу смущалъ разсказъ въ Historia Patriarchica.

исключительно на первоначальнаго автора — Дамаскина. Откуда взялъ свои извѣстія Дамаскинъ, мы ничего не знаемъ. Возможно, что онъ ихъ не сочинялъ самъ, а бралъ откуда нибудь со стороны, наприм. изъ преданія. Чтобы не слишкомъ строго судить Дамаскина за его погрѣшности въ указанномъ случаѣ, мы должны сказать, что ему не была извѣстна хроника Франдзія, которая могла бы служить для него регуляторомъ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, въ вопросѣ объ избраніи Геннадія. Во всякомъ случаѣ мы дѣлаемъ, какъ намъ кажется, очень вѣроятную догадку, что Дамаскинъ, сообщая разбираемый нами разсказъ, лишь варьировалъ другой разсказъ о Геннадіи, именно тотъ, который находится въ третьемъ изъ вышеуказанныхъ нами источниковъ—въ Historia Politica [1]), которая по своему происхожденію приписывается впрочемъ

---

[1]) Сравненіе текста Historia Patriarchica съ текстомъ Historia Politica въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчь здѣсь идетъ о Геннадіи, приводитъ къ слѣдующимъ результатамъ: Hist. Patr. p., 79: καὶ τοὺς εἶπε, ὅποιον θέλουν νακάμουν (Hist. Polit. p. 27: καὶ εκλεξάμενοι ὃν ἂν θελωσι); Hist. Patr. ibid: ὅτι νὰ κάμουν πατριάρχην, τὸ ἔκαμε τέχνην διὰ νὰ ἀκούουν οἱ χριστιανοὶ ὅτι ἔχουν πατριάρχην καὶ νὰ τρέχουν εἰς τὴν πόλιν (Hist. Polit. ibid.: ἐποίησε τοῦτο ἐντέχνως, ἵν' ἀκούσωσιν οἱ ἀπανταχοῦ Γραικοὶ καὶ συναθροίζονται ἐν τῇ πόλει); Hist. Patr. p. 80. ἔκλεξαν Γεώργιον, ὁ ὁποῖος ἦτον κριτής. ἦτον δὲ ἄνδρας ἁγιώτατος, καὶ εὐλαβέστατος (Hist Polit. ibid.: ἐξελέξαντο Γεώργιον κριτὴν, ἄνδρα ἅγιον καὶ εὐλαβῆ); Hist. Patr., p. 81: ἔδιδε του βασιλεὺς μέ τὸ χέρι του τὸ δικανίκι (Hist. Polit. ibid.: ἰδίαις χερσὶ δέσωκεν αὐτῷ δεκανίκιον); Hist. Patr. tbid.: ἐδωκέ τον καὶ ναόν τῶν ἀποστόλων (Hist. Polit. p. 28: «ἔχε καὶ τὸν ναὸν τῶν ἀποστολων»); Hist. Patr,. ibid.: ἠγάπησε πολλὰ τὸν πατριάρχην (Hist. Lolit., p. 30: ἠνάπα αὐτὸν πατριάρχην). Ясно, что авторъ Historia Patriarchica бралъ фразу за фразой въ порядкѣ и послѣдовательности, съ нѣкоторыми пропусками (одинъ разъ съ значительнымъ пропускомъ) изъ Historia Politica и присоединялъ къ нимъ свои неизвѣстно откуда взятые комментаріи, которые, какъ мы видѣли, не имѣютъ подъ собой исторической основы. Авторъ, значитъ, работалъ очень не замысловато. Какъ извѣстно Historia Politica по своему происхожденію приписывается Дамаскину, который считается и авторомъ Historia Patriarchica. Отсюда возникаетъ вопросъ: списывалъ ли авторъ самъ у себя—т. е. написавъ His. Politica, сталъ ли онъ потомъ на ея основаніи создавать разсказъ объ избраніи Геннадія въ Histor. Patriarchica? или же Historia Politica не была его собственнымъ трудомъ (а только случайно приписывается ему) и онъ, лишь основываясь на ней, выводилъ свои узоры въ писанной имъ Historia Patriarchica? Рѣшеніе этого вопроса превышаетъ наши силы и средства; но какъ бы ни рѣшать этого вопроса, во всякомъ случаѣ необходимо принять, что Historia Polit. болѣе первоначальное произведеніе, чѣмъ Hist. Patriarchica, которая по крайней мѣрѣ въ указанномъ нами примѣрѣ представляетъ дальнѣйшую обработку данныхъ первой изъ сейчасъ названныхъ «исторій».

самому же Дамаскину (какъ это дѣлаетъ Сата. См. „Обзоръ источниковъ").

Лучше прочихъ разсказовъ о событіи избранія Геннадія повѣствованіе объ этомъ предметѣ, находящееся въ Historia Politica. Оно лучше впрочемъ не тѣмъ, что богаче извѣстіями или болѣе компетентно, а тѣмъ, что оно даетъ ясный и точный отвѣтъ на вопросъ о времени, когда именно избранъ былъ Геннадій въ патріархи, впрочемъ и самый разсказъ о событіи, не смотря на его краткость, даетъ удовлетворительное разъясненіе этого послѣдняго. Изъ Historia Politica, приписываемой по ея происхожденію, какъ мы сейчасъ сказали, Дамаскину и пересланной потомъ Ѳеодосіемъ Зигомола́ къ Крузію въ Тюбингенъ, гдѣ она въ первый разъ и напечатана,—открывается, что дѣло избранія Геннадія далеко не вдругъ случилось, а что между фактомъ паденія Константинополя и актомъ избранія Геннадія воды много утекло. Здѣсь говорится, что, по завоеваніи Константинополя, Магометъ первымъ дѣломъ озаботился приведеніемъ города въ благоустроенный видъ, учредилъ полицейскую стражу, назначилъ судей и вообще ввелъ административный порядокъ. А устроивъ необходимыя дѣла въ Константинополѣ, Магометъ совсѣмъ уѣхалъ изъ завоеванной столицы и сталъ жить въ Адріанополѣ [1]) (о патріархѣ въ то время еще у него, повидимому, и думы не было). Долго ли онъ оставался въ Адріанополѣ, въ точности неизвѣстно. Думаютъ, что онъ пробылъ здѣсь до осени 1453 года, а можетъ быть и до весны слѣдующаго 1454 года; изъ Адріанополя Магометъ не прямо вернулся въ столицу, а побывалъ еще въ городѣ Пруссѣ въ Виѳиніи. Во всякомъ случаѣ вернулся онъ снова въ Константинополь не раньше весны 1454 года [2]), а потому раньше этого времени и избранія Геннадія въ патріархи

[1]) Hist. Polit., p. 24—25. (Edit. Bonn.).

[2]) Въ Histor. Polit. послѣ упоминанія объ устроеніи Магометомъ дѣлъ въ Константинополѣ разсказывается что до времени избранія патріарха, Магометъ надѣлалъ еще много дѣлъ; но такъ какъ эти извѣстія представляются не согласными съ правильной хронологіей, то мы, основываясь на изысканіяхъ Саты, упоминаемъ здѣсь лишь о томъ, сколько времени Магометъ, по удаленіи въ Адріанополь, не бывалъ въ столицѣ, что такъ важно для нашего вопроса (Sathas. Bibl. Loc. cit. Προλ., σελ. 25). Думаемъ, что не допускаемъ непростительной вольности, внося въ разсказъ изъ Hist. Pol. основательную замѣтку изъ Саты.

быть не могло. Уже по тому самому не могло происходить выбора Геннадія въ патріархи и его посвященія въ скоромъ времени, послѣ паденія Константинополя,—что, какъ оказывается, и Геннадія то въ это время въ столицѣ совсѣмъ не обрѣталось. Въ виду грозящей катастрофы (паденія Константинополя) или точнѣе послѣ нея Геннадій убѣжалъ въ Адріанополь, гдѣ по близости съ величайшею тщательностію и скрылся въ какой то деревенькѣ: онъ, конечно, боялся быть схваченнымъ и проданнымъ въ плѣнъ. И многаго потомъ труда стоило отыскать его въ сельскомъ уединеніи. Думаютъ, что въ поискахъ за нимъ участіе принималъ султанъ Магометъ [1]). Развѣ все это могло произойти быстро и безъ запинокъ? Но продолжимъ разсказъ, находящійся въ Historia Politica. Когда султанъ послѣ продолжительнаго отсутствія возвратился въ столицу и увидалъ, что христіане не дѣлаютъ религіозныхъ собраній (вѣроятно здѣсь дѣло идетъ о собраніяхъ синода и торжественномъ праздновании важнѣйшихъ праздниковъ), то обратился съ вопросомъ къ своимъ приближеннымъ, а равно своимъ секретарямъ — изъ христіанъ, о томъ, что это значитъ? Понятно, что въ отвѣтъ получилось заявленіе, что греческіе христіане не имѣютъ патріарха. Тогда султанъ, вѣроятно подъ вліяніемъ христіанъ, бывшихъ на его службѣ въ качествѣ секретарей [2]), далъ повелѣніе, чтобы собрался христіанскій народъ греческій и выбралъ себѣ патріарха, какого пожелаютъ *(ходъ дѣла, замѣтимъ, очень натуральный и описаніе безъискусственно)*. Очень умѣстнымъ представляется здѣсь добавленіе писателя, что, давая подобное дозволеніе, Магометъ, руководился не чувствомъ какого нибудь расположенія къ христіанамъ, а просто этою милостью онъ хотѣлъ привлечь къ себѣ сердца своихъ новыхъ подданныхъ и заставить ихъ снова вернуться въ столицу изъ того разсѣянія, къ какому привело ихъ паденіе столицы и водвореніе здѣсь иновѣрной власти. Затѣмъ писатель Historia Politica сообщаетъ краткія свѣдѣнія о личности новоизбраннаго

---

[1]) Sathas. Bibl. Gr., III, Προλ. 26.

[2]) Этихъ самыхъ секретарей султана авторъ сочиненія Historia Patriarchica, неизвѣстно почему, превратилъ въ христіанскихъ клириковъ (вѣроятно для того, чтобы придать больше церковности избранію Геннадія).

патріарха—Геннадія; эти извѣстія уже намъ встрѣчались прежде. Наконецъ дѣлается писателемъ замѣчаніе, что султанъ подчинилъ патріарху церкви Константинополя и всѣ церкви всѣхъ прочихъ эпархій константинопольскаго патріархата, какъ это было при патріархахъ до завоеванія Константинополя [1]. *(Весь разсказъ этотъ, при его замѣчательной простотѣ, дышетъ исторической правдивостью)*. Таково сказаніе автора Historia Politica. Мы находимъ, что наука должна придавать ему большое значеніе и считать его наиболѣе достовѣрнымъ. Это сказаніе тѣмъ болѣе драгоцѣнно, что оно въ главномъ и существенномъ не разнится съ вышеприведеннымъ сказаніемъ Франдзія, современника событія. Если выбросить изъ разсказа Франдзія объ обстоятельствахъ избранія явныя несообразности, то извѣстія этого византійскаго историка и автора Historia Politica вполнѣ совпадаютъ, что не можетъ не служить къ подтвержденію достовѣрности повѣствованія этого послѣдняго автора. Кто писалъ Historia Politica— самъ ли Дамаскинъ Студитъ или же онъ нашелъ сіе въ готовомъ видѣ и усвоилъ себѣ, — во всякомъ случаѣ нужно благодарить судьбу, что она сохранила до нашего времени такой памятникъ сѣдой старины, какъ Historia Politica.

Что же послѣдовало далѣе, послѣ того, какъ избранъ былъ Геннадій патріархомъ и ему возвѣщено отъ имени султана, что онъ будетъ имѣть такіе же права, какія имѣли его предшественники по каѳедрѣ? Послѣдовало представленіе Геннадія Магомету II. Это обстоятельство всѣми болѣе авторитетными древними писателями описывается почти одинаково. Но лучше всѣхъ изобразилъ его Георгій Франдзій. Его повѣствованіе производитъ сильное впечатлѣніе на читателя своею ясностію, правдивостію и прямотою. Вотъ что говорится у Франдзія. Желая въ отношеніяхъ къ христіанамъ показать себя подражателемъ византійскихъ христіанскихъ императоровъ, Магометъ, тотчасъ по избраніи Геннадія на константинопольскую каѳедру, пригласилъ его во дворецъ. Когда онъ прибылъ къ султану, новый властелинъ Византіи принялъ его съ большою честью, раздѣлялъ съ нимъ трапезу и много бесѣдовалъ. Въ разговорѣ султанъ наобѣщалъ ему много хорошаго.

[1]) Hist. Polit. p. 26—27.

Авторъ Historia Politica прибавляетъ къ этому, что Магометъ между прочимъ сказалъ Геннадію: „да будетъ патріаршество твое благополучно, охотно буду исполнять твои желанія, даю тебѣ храмъ св. Апостоловъ, гдѣ ты и станешь жить". Когда окончилась трапеза, а съ нею и бесѣда двухъ главъ—мусульманской и христіанской—греческаго міра, тогда султанъ передалъ Геннадію многоцѣнный жезлъ, какъ дѣлывали и византійскіе императоры, при первомъ представленіи имъ новоизбраннаго патріарха; наконецъ, онъ проводилъ его до выходныхъ дверей дворца [1]), здѣсь уже приготовлена была прекрасная лошадь, богато разукрашенная; она назначалась въ подарокъ новоизбранному святителю столицы. Подобнымъ же образомъ поступали и византійскіе императоры, когда провожали новаго патріарха. Геннадій сѣлъ на коня—честь, которой лишена была греческая райя—и двинулся по направленію къ храму Апостоловъ, который, по волѣ султана, долженъ былъ стать резиденціей патріархіи. Многочисленная султанская свита, блестящая и пестрая своимъ поразительнымъ разнообразіемъ, отправилась въ путь вмѣстѣ съ Геннадіемъ,—окруживъ его какъ кольцомъ. Наконецъ новоизбранный патріархъ пріѣхалъ къ мѣсту назначенія [2]) и водворился около великолѣпнаго храма, служившаго прежде усыпальницей императоровъ. Авторъ Historia Patriarchica къ этому разсказу присоединяетъ свѣдѣніе, что султанъ весьма полюбилъ патріарха за его умъ и религіозность. Такъ ли сильно полюбилъ Геннадія султанъ за умъ и благочестіе, этого мы не можемъ утверждать съ рѣшительностію: въ глазахъ Магомета и Геннадій все же былъ гяуръ. Но несомнѣнно ему было пріятно, что избранъ именно Геннадій, врагъ уніи, папства и слѣдовательно запада, а султану было очень выгодно, въ интересахъ политики,

[1]) Кигала (σελ. 428) присовокупляетъ, что Магометъ, кромѣ того, подарилъ Геннадію извѣстную сумму денегъ золотомъ. Этотъ писатель, разсказывая исторію избранія патріарха, держится исключительно показаній Hist. Polit. въ отличіе отъ Доровея (Іеровея), который эту же исторію (419) разсказываетъ исключительно по Hist. Patriarchica. Вотъ еще новый фактъ доказывающій, что Кигала не списывалъ воровски у Іеровея, какъ инсинуируетъ Сата.

[2]) Frantzae. Chronicon majus, p. 894—895. Hist. Politica, p. 27—28. Hist. Patr., p. 81.

чтобы во главѣ Грековъ стоялъ недругъ папы и запада. Это могло служить гарантіей, что патріархъ не будетъ интриговать противъ новаго властелина и искать помощи своему народу тамъ, гдѣ искали ее императоры — Палеологи въ борьбѣ съ османлисами.

О самомъ патріаршествованіи Геннадія не много можно сказать любопытнаго. Это зависитъ не только отъ того, что наши источники не богаты въ этомъ отношеніи, но и отъ того—и это главное—что Геннадій правилъ церковію очень короткое время. Онъ вскорѣ отказался отъ каѳедры. До сихъ поръ, согласно показаніямъ общеизвѣстныхъ источниковъ, полагали, что Геннадій возсѣдалъ на престолѣ или пять лѣтъ, или столько-же лѣтъ съ нѣсколькими мѣсяцами [1]). Но теперь самымъ положительнымъ образомъ на основаніи вновь открытыхъ свидѣтельствъ, предъявляемыхъ К. Сатою и М. Гедеономъ, стало несомнѣнно, что всего навсего первый патріархъ турецкой имперіи правилъ столичною церковью лишь два года [2]). Разумѣется въ два года нельзя много сдѣлать и самому энергичному патріарху; положимъ Геннадію отнюдь нельзя отказывать въ дѣятельныхъ способностяхъ и энергіи, но все-таки онъ едва-ли много могъ сдѣлать для блага церкви въ такое время, когда всѣмъ христіанамъ Греціи, начиная съ самого патріарха, нужно было паче всего думать о томъ, какъ устроить modus vivendi. Потому то ничѣмъ особеннымъ и не было ознаменовано это патріаршенствованіе замѣчательнѣйшаго по уму и учености изъ патріарховъ турецкаго періода.

При Геннадіи произошло перенесеніе патріаршей резиденціи отъ храма Апостоловъ въ монастырь „Всеблаженной" (т. е. Богоматери). Причина перенесенія во всѣхъ лучшихъ источникахъ указывается согласно. Мѣсто вокругъ храма Апостоловъ было очень пустынно: война съ Турками и послѣдовавшее за паденіемъ Византіи бѣгство Грековъ изъ отечества имѣли слѣдствіемъ то, что окрестности этого храма походили на пустыню. Къ тому же близъ самаго храма найденъ былъ убитый. По однимъ извѣстіямъ (Франдзій)—это былъ Турокъ, по другимъ —

[1]) Hist. Polit., p. 31; Hist. Patr. 94.
[2]) Sathas. Loc. cit., σελ. 26; Γεδεών, σελ. 473.

какой то неизвѣстный человѣкъ. Такое обстоятельство привело въ страхъ патріарха. Если убитымъ былъ Турокъ, само собою понятно, что это могло вести къ непріятнымъ столкновеніямъ съ Портою, а если убитый и не былъ Туркомъ, то все же у патріарха появилась боязнь за личную безопасность и за жизнь своихъ приближенныхъ. Какъ бы то ни было подъ вліяніемъ указаннаго инцидента Геннадій рѣшился переселиться въ мѣсто болѣе людное. О своемъ намѣреніи онъ доложилъ Магомету II, который вполнѣ благосклонно принялъ извѣстіе. Согласно желанію патріарха султанъ предоставилъ ему право—перейти на жительство въ храмъ „Всеблаженной". Гедеонъ думаетъ, что патріархъ перебрался на новое мѣсто жительства или въ концѣ 1455, или началѣ слѣдующаго года [1]). Храмъ Всеблаженной составлялъ часть древняго женскаго монастыря, не покинутаго монахинями и въ то время, когда патріархъ пожелалъ взять этотъ монастырь себѣ подъ патріархію. Монахини были переведены въ какой то монастырь Предтечи, что въ Труллѣ. Такъ патріархъ водворился въ новомъ мѣстожительствѣ. Монастырь, сдѣлавшійся патріархіей, былъ очень удобенъ: на сѣверъ отъ храма находился прекрасный дворецъ, въ которомъ, конечно, и поселился патріархъ, вокругъ жило много народу и ничто не напоминало пустынныхъ окрестностей храма Апостоловъ [2]). Судя по имѣющемуся у насъ плану Константинополя XVI вѣка, мѣсто гдѣ находилась патріархія послѣ ея перенесенія, было прекрасное; сама патріархія имѣла очень внушительный и почтенный видъ—она походила на замокъ, вокругъ была обширная площадь и просторъ [3]). Патріархи оставались при храмѣ „Всеблаженной" почти до самаго конца XVI вѣка.

Въ новой патріархіи Геннадій имѣлъ удовольствіе принимать у себя рѣдкаго гостя,—разумѣемъ султана Маго-

[1]) Γεδεών. Χρονικὰ τοῦ πατριαρχ. οἴκου καὶ τοῦ ναοῦ. σελ. 52.

[2]) Frantzae, Chronicon, p. 895—6; Hist. Polit., p. 28; Hist. Patr. 81—82. Γεδεών. Χρονικὰ τοῦ πατριαρχ. οἴκου, σελ. 52—54 (но только напрасно Гедеонъ, говоря о переводѣ монахинь въ монастырь Предтечи, цитируетъ какого то Грека Паспатиса: ему слѣдовало бы цитировать Франдзія).

[3]) Caedicius. Ancien plan de Constantinople, imprimè entre 1566 et 1674. Переизданъ недавно въ Константинополѣ, но годъ новаго изданія не обозначенъ. См. также рисунки патріархіи XVI вѣка въ Турко-Греціи и у Heineccii.

мета. Источники удостовѣряютъ, что будто бы случайно султанъ разъ ѣхалъ мимо патріархіи, обратилъ на нее вниманіе, захотѣлъ сдѣлать визитъ патріарху, что, конечно, и исполнилъ. Бесѣда вселенскаго патріарха съ падишахомъ, по извѣстіямъ источниковъ, имѣла очень знаменательный характеръ. Султанъ, питая уваженіе къ вѣрѣ христіанской, долго бесѣдовалъ съ Геннадіемъ, интересуясь разными богословскими вопросами. Мы однакожъ не думаемъ, чтобы визитъ султана былъ случаенъ, а равно не допускаемъ, чтобы Магометъ искренно интересовался христіанской религіей. Магомету не сразу, конечно, удалось помирить цивилизованный греческій народъ съ новымъ варварскимъ правительствомъ; между тѣмъ въ видахъ султана было привлечь на свою сторону образованныхъ Грековъ. Съ этою цѣлью онъ при первой возможности далъ имъ право избрать патріарха; а теперь, съ тою же самою цѣлію, онъ удостоилъ посѣтить патріарха и поговорить съ нимъ о христіанской вѣрѣ [1]). Извѣстно, что по достовѣрнымъ разсказамъ, Магометъ будто бы такъ заинтересовался богословскимъ разговоромъ съ патріархомъ, что просилъ его изложить на бумагѣ главныя мысли, высказанныя Геннадіемъ въ бесѣдѣ съ высокимъ гостемъ. Къ чему это? Опять единственно затѣмъ, чтобы показать Грекамъ, какъ онъ дорожитъ де ихъ религіей. Султанъ, по нашему мнѣнію, явно обнаружилъ свою тенденцію, когда приказалъ богословскій трактатъ, изготовленный, согласно волѣ султана, Геннадіемъ даже перевести съ греческаго на турецко-арабскій языкъ [2]). Вѣдь извѣстно, что султанъ, кромѣ роднаго турецкаго и арабскаго, владѣлъ еще греческимъ языкомъ. Зачѣмъ понадобился переводъ? Опять—думаю—затѣмъ, чтобы внушить Грекамъ мысль, какъ султанъ будто-бы полюбилъ своихъ новыхъ подданныхъ. Богословскій трактатъ Геннадія, представленный Магомету, сохранился до нашего времени [3]). Нѣко-

[1]) Проф. И. И. Малышевскій въ своемъ сочиненіи о «Мелетіи» (стр. 4), упоминая о перенесеніи патріаршей резиденціи въ монастырь «Всеблаженной», замѣчаетъ: «султанъ посѣтилъ и *новый* храмъ патріаршій, бесѣдовалъ съ Геннадіемъ—и это уже не въ первый разъ». Отсюда слѣдуетъ, что будто бы Магометъ II посѣщалъ и прежній храмъ патріаршій. Но такое заявленіе противорѣчитъ всѣмъ источникамъ.

[2]) Hist. Polit., p. 29—31: Hist. Patr., 83. 93.

[3]) Это сочиненіе Геннадія находится въ Histor. Patriarch., p. 83—93.

торые ученые позволяютъ сомнѣваться въ полной подлин ности этого интереснаго документа [1]), но нужно сказат что подобное сомнѣніе ни на чемъ не основано. Тѣ из ученыхъ, которые по роду своихъ занятій имѣли случа спеціально изучить трактатъ Геннадія, заявляютъ о пол ной его подлинности [2]). Съ своей стороны касательно со держанія разсматриваемаго трактата, мы должны сказат что даже у самыхъ извѣстныхъ богослововъ древности н часто можно встрѣчать такую способность просто, ясно точно описывать догматы христіанства, какъ находимъ эт въ разсматриваемомъ памятникѣ. Особенно замѣчателен тактъ, съ которымъ христіанскій архіерей излагаетъ хри стіанскія истины предъ могущественнымъ мусульманиномъ деликатный и умный собесѣдникъ ни однимъ словомъ н затрогиваетъ чувствительныхъ струнъ иновѣрнаго султана оставаясь однакожъ нелицепріятнымъ проповѣдником истины.

Русскій ученый, проф. И. И. Малышевскій въ числ дѣйствій, ознаменовавшихъ патріаршествованіе Геннадія указываетъ на борьбу этого патріарха съ симоніею, доп скавшеюся со стороны греческихъ архіереевъ. Г. Малы шевскій пишетъ: „на дальнемъ востокѣ, давно уже пора бощенномъ мусульманами, существовалъ (особый) вид платы за поставленіе на архіерейство—эта плата взим лась иновѣрною властію. Патріархъ Геннадій въ своем извѣстномъ (?) отвѣтѣ на разные вопросы синаитовъ вн шалъ не соблазняться этою платою, какъ печальною н обходимостью. Но хуже—прибавлялъ онъ еще—это зло в нашихъ странахъ (въ его патріархатѣ); у насъ продают и покупаютъ архіерейство—христіане. Мы старались иск ренить это зло и даже подавали (добрый) примѣръ, рук полагая многихъ архіереевъ не только безо всякой мзд но и съ нашими издержками, потому что они были и плѣнныхъ; но нимало не успѣли“ [3]). Мы не знаемъ, дѣ

Кромѣ того оно отпечатано въ Турко-Греціи, у Кигалы, у Киммеля (М numenta fidei. Но здѣсь оно находится только въ латинскомъ текстѣ и прито съ варіаціями).

1) Zinkeisen. Geschicht. des Osman. Reiches, II, 10.

2) Kimmel. Monumenta fidei. Pars I, prolegomena, II—III. Janae. 18 Gass. Gennadius und Pletho. S. 10. Bresl., 1844.

3) «Мелетій Пигасъ» и пр., стр. 11. Авторъ говоритъ, что это мѣс

ствительно ли Геннадій говоритъ здѣсь о своихъ временахъ, а не о временахъ прошедшихъ? Но если онъ говоритъ о своихъ временахъ, то остается непонятнымъ: какъ неужели архіереи въ короткое правленіе Геннадія и при тѣхъ печальныхъ обстоятельствахъ, которыя перевернули весь порядокъ жизни въ византійской имперіи—не уврачевались хотя на нѣкоторый срокъ отъ своихъ старыхъ недуговъ? Давая мѣсто приведенному извѣстію, мы однакожъ находимся въ нѣкоторомъ недоумѣніи по поводу его содержанія [1]).

находится въ *извѣстномъ отвѣтѣ* (Геннадія) на вопросы синаитовъ. Но этотъ «отвѣтъ» или посланіе вовсе не такъ извѣстно, какъ можно думать на основаніи словъ г. Малышевскаго. Поименованный авторъ, какъ это мы встрѣчаемъ теперь и ниже еще увидимъ, почему то далеко не всегда имѣетъ обыкновеніе дѣлать точныхъ ссылокъ на книги, какими онъ пользуется. Нашими личными усиліями (хотя мы знакомы съ сочиненіями Геннадія по изданіямъ Миня и Гасса) мы отыскали лишь отрывокъ изъ указаннаго посланія въ книгѣ преосвящ. Арсенія (Иващенко): «Лѣтопись церковныхъ событій» (стр. 560—561. Изд. 2-е, 1880). А что касается оригинала посланія, то онъ намъ остается неизвѣстнымъ (онъ напечатанъ въ книгѣ очень рѣдкой XVII вѣка—ἱεροχοσμικὴ ἱστορία Нектарія патр. Іерусалимскаго, которой у насъ нѣтъ). Взамѣнъ оригинала, благодаря указаніямъ достоуважаемаго проф. Е. Е. Голубинскаго, мы нашли переводъ Геннадіева посланія въ книгѣ преосв. Порфирія: «Первое путешествіе въ синайскій монастырь» (стр. 138—143). Петерб. 1856. Мы сравнили выдержку изъ этого посланія, находящуюся у проф. Малышевскаго съ отрывкомъ изъ посланія у преосв. Арсенія и съ цѣлымъ посланіемъ у преосв. Порфирія и нашли, что кіевскій профессоръ тоже оригинала памятника не видалъ, а заимствовалъ свою выдержку или изъ преосв. Арсенія, или преосв. Порфирія, такъ какъ его выдержка буквально сходна съ текстомъ перевода у двухъ этихъ авторовъ, изъ которыхъ первый (преос. Арсеній) несомнѣнно заимствовалъ Геннадіевъ отрывокъ, помѣщенный имъ въ Лѣтописи,—у преосв. Порфирія. Почему-то проф. Малышевскій не процитировалъ своего *источника*.

[1]) Содержаніе посланія дѣйствительно возбуждаетъ недоумѣнія (Жаль, что мы не имѣемъ оригинала). Такъ въ посланіи съ одной стороны говорится: «мы терпимъ и скрываемъ недостатки (симонію) пастырей здѣсь (конечно, въ Константинополѣ!), гдѣ *есть свобода* дѣлать и не дѣлать зла», причемъ та страна, гдѣ живетъ авторъ противополагается странамъ, находящимся въ порабощеніи (Выходитъ, что посланіе писано до паденія Константинополя? А вѣдь въ это время Геннадій не былъ патріархомъ); съ другой стороны въ немъ же сообщается: «у насъ нѣтъ ни царства, *ни церкви свободной*, ни торжественности... и сколько истязаній отъ невѣрныхъ» (Е. Порфирія, 142—143). А эти слова указываютъ, что Константинополь уже палъ и невѣрные имъ завладѣли. Какъ разобраться среди этихъ противорѣчій? (Опускаемъ указаніе другихъ несообразностей посланія). Ужъ Геннадій ли писалъ посланіе? Содержаніе документа такъ темно, что оно, кажется сбило съ толку и самаго многоученаго преосв. Порфирія, ибо онъ допускаетъ (явно ошибочную мысль), что Геннадій сдѣлался патріархомъ

Геннадій правилъ константинопольскою церковью лишь два года и въ маѣ 1456 года онъ отказался отъ патріаршей каѳедры. Почему Геннадій патріаршествовалъ недолго? Что было причиной его отреченія? Вопросы — на которые нѣтъ въ наукѣ прямаго отвѣта. Существуетъ одинъ разсказъ, записанный въ Historia Patriarchica и наводящій на мысль, что Геннадій долженъ былъ оставить каѳедру изъ-за женщины: „ищите женщину" (cherchez la femme), повидимому, и на немъ оправдалось это изреченіе нашего времени. А разсказывается въ указанномъ источникѣ слѣдующее: жила-была красавица попадья (по гречески *παπαδία*), — она была дѣйствительно красавица (*πολλὰ ἔυμορφη*). Не хорошо было однакожъ то, что при своей рѣдкой красотѣ—она очень рано овдовѣла. Вдовье положеніе дало ей излишнюю свободу, а пользоваться свободой она не умѣла. Она начала вести зазорную жизнь, сдѣлалась притчей во языцѣхъ, тѣмъ болѣе, что она и не старалась прикрывать свою нравственную наготу фиговымъ листомъ. А такъ какъ ея домъ отстоялъ недалеко отъ патріархіи, то скоро узналъ о ея нравственной погибели и патріархъ Геннадій. Будучи ревностнымъ пастыремъ, онъ желалъ наставить заблудшую овцу на путь истинный: увѣщевалъ попадью бросить позорную жизнь—увѣщевалъ ее и келейно, и въ присутствіи синода; но потерянная женщина не измѣнила своего поведенія. Мало того, по внушенію духа злобы, она начала даже клеветать на патріарха: разсказывала всѣмъ, что однажды Геннадій, призвалъ ее къ себѣ какъ будто бы для увѣщаній, на самомъ же дѣлѣ хотѣлъ-было совершить надъ нею насиліе. Въ Константинополѣ поднялся говоръ. Одни защищали патріарха, другіе нападали на него. Тогда патріархъ въ одинъ изъ праздниковъ объявилъ всенародно въ церкви, что если та женщина говоритъ о немъ правду, то она получитъ благоволеніе въ очахъ Божіихъ, а если она распространяетъ ложь, то послѣ ея смерти тѣло ея не обратится въ персть—въ наказаніе за клевету. Скоро умерла злосчастная, и тѣло ея не обращалось въ персть: въ гробу

еще *до паденія* Константинополя. Авторъ наприм. пишетъ: «въ 1453 г. пало греческое царство. *Тогда* святительствовалъ въ Константинополѣ патріархъ Геннадій» (ibid. 138).

лежала точно живая—и только что не говорила (μόδὲν ὁμίλει) [1]. Разсказъ этотъ съ нѣкоторыми видоизмѣіями повторяетъ и Іероѳей Монемвасійскій [2]. Легенность разсказа бросается въ глаза, и не стоило бы ьшаго труда доказать его фантастичность. Но мы счимъ за лишнее дѣло брать на себя критику приведенр разсказа, потому что въ немъ совсѣмъ нѣтъ рѣчи о ъ, о чемъ мы говоримъ теперь—объ отреченіи Геннаотъ каѳедры. Изъ разсказа не видно, что-бы этотъ идентъ—допустимъ на минуту его дѣйствительность—авилъ Геннадія удалиться отъ дѣлъ правленія. И одэжъ не только писатели второстепенные, но и самъ Гедеонъ, Гедеонъ — представитель теперешней церно-исторической науки въ Константинополѣ—утверютъ, что будто красавица-попадья была причиной отнія Геннадія отъ каѳедры [3]. Какъ приходятъ къ тау оригинальному выводу разные другіе писатели—насъ мало интересуетъ; остановимся лишь на разсмотрѣтого, какимъ образомъ получился этотъ неожиданный одъ у Гедеона. Константинопольскій ученый отлично ималъ, что изъ разсказа о прелюбодѣйной красавицѣ но нельзя сдѣлать никакого заключенія по вопросу объ ченіи Геннадія. Поэтому, онъ старается дать разсказу лежащій смыслъ чрезъ сопоставленіе его съ другими ѣстіями объ обстоятельствахъ отреченія Геннадія, нащимися въ томъ же памятникѣ, гдѣ заключается и воначальная повѣсть о попадьѣ. Не мѣшаетъ пояснить читателя, что разсказъ объ этой послѣдней личности ѣщенъ въ памятникѣ при изложеніи исторіи одного днѣйшаго патріарха, правившаго церковію 20 лѣтъ стя послѣ Геннадія, а извѣстія объ отреченіи Геннаизложены въ памятникѣ тамъ, гдѣ имъ и быть надитъ—при передачѣ свѣдѣній о первомъ патріархѣ ту-кой эпохи. Что же это за извѣстія объ обстоятельахъ отреченіи Геннадія? Какую связь они имѣютъ съ ѣствованіемъ о необыкновенной попадьѣ? Въ памятѣ объ отреченія Геннадія говорится, что въ констан-

[1] Hist. Patr., p. 119—120.
[2] Δωροθέου. Βιβλ. ἱστορικόν σελ. 426—427.
[3] Γεδεών, σελ. 472.

тинопольской церкви возникло много большихъ соблазновъ, почему патріархъ и рѣшился оставить свой постъ. Онъ созвалъ соборъ, представилъ грамоту, въ которой написалъ свое отреченіе. Архіереи, клирики и весь народъ стали упрашивать Геннадія измѣнить свое намѣреніе, но Геннадій остался непреклоннымъ [1]). Гедеонъ, приводящій этотъ разсказъ подлѣ и послѣ повѣствованія о злосчастной попадьѣ—почему то воображаетъ, что сейчасъ переданное лѣтописное сказаніе объ отреченіи Геннадія служитъ выводомъ изъ повѣствованія о попадьѣ; но мы рѣшительно не видимъ ни малѣйшей связи между двумя представленными разсказами. Непонятно: какъ Гедеонъ не обратилъ вниманіе на то важное обстоятельство, что, хотя авторъ памятника, въ которомъ заключаются вышеизложенные два разсказа, зналъ оба эти разсказа, но не поставилъ ихъ въ генетическую связь, а передалъ ихъ при изложеніи исторіи разныхъ патріарховъ (Геннадія и Максима) и отнюдь не сдѣлалъ того вывода, какой дѣлаетъ Гедеонъ и ему подобные рѣшительные и смѣлые историки. А какъ скоро авторъ первоисточника не сдѣлалъ указаннаго вывода, послѣдующіе историки лишены права поступать вопреки намѣреніямъ своего руководителя въ наукѣ. Гедеонъ, повидимому, придаетъ большое значеніе въ разсказѣ объ отреченіи Геннадія фразѣ, что тогда, т. е. предъ временемъ отреченія „возникли въ Константинополѣ многіе и большіе соблазны"; но что можно построить на этой общей фразѣ? Ровно ничего. Она не даетъ никакой опредѣленной мысли историческаго достоинства. Да и нужно помнить, что эту самую фразу тотъ же самый авторъ весьма часто вставляетъ въ свои разсказы и къ дѣлу—и не къ дѣлу; это его loca topica [2]). Затѣмъ древній разсказчикъ о событіи отреченія Геннадія говоритъ, что архіереи, клирики и *весь* (ὅλος) народъ упрашивали Геннадія не покидать каѳедры; но такое общее моленіе не представимо, если возьмемъ во вниманіе разсказъ о всеобщемъ соблазнѣ изъ за попадьи, соблазнѣ, раздѣлившемъ на двѣ пар-

[1]) Hist. Patr., p. 94. Cf. Γεδεών, σελ. 473.

[2]) Hist. Patr. p. 96 (σκάνδαλα—при патр. Іоасафѣ I); ibid., p. 101 (πολλὰ σκάνδαλα—при патр. Маркѣ); ibid., p. 108 (σκάνδαλα при Діонисіи). Патріаршества этихъ ближайшихъ преемниковъ Геннадія взяты сподрядъ.

тіи и жителей столицы, и жителей подгородныхъ, о чемъ нашъ источникъ говоритъ очень настойчиво. Значитъ: или было общее моленіе, но въ такомъ случаѣ не было сейчасъ указаннаго дѣленія въ народѣ на партіи; или если были партіи, то не могло быть общаго моленія. Что нибудь одно изъ двухъ. А слѣдовательно два разсказа, о которыхъ у насъ рѣчь, не стоятъ въ связи между собою, противорѣчатъ одинъ другому, чего кажется совсѣмъ не замѣчаетъ или не хочетъ замѣчать Гедеонъ. Итакъ, по нашему мнѣнію, „искать женщину„ въ вопросѣ объ отреченіи Геннадія—не слѣдъ. Такъ многіе и дѣлаютъ, т. е. пикантный разсказъ о попадьѣ оставляютъ безъ малѣйшаго вниманія. Такъ дѣлаетъ и К. Сата, и нужно отдать ему честь — поступаетъ похвально [1]). Онъ думаетъ, что Геннадій оставилъ бремя правленія церковію потому, что пожелалъ душевнаго покоя и рѣшился остатокъ дней своихъ посвятить уединенію и молитвѣ. Нужно сказать, что, высказывая подобное соображеніе, Сата не остается одинокимъ съ своимъ мнѣніемъ. Нѣтъ, въ пользу этого ученаго говоритъ и такой источникъ, какъ Historia Politica, здѣсь говорится, что Геннадій потому отказался отъ правленія, что пожелалъ уединенія и неразвлеченнаго житія [2]). Мотивъ для отреченія Геннадія—возможный. Но къ сожалѣнію, онъ ничего рѣшительно не говоритъ ни уму, ни сердцу историка. Такой мотивъ обыкновенно выставляется тогда, когда не знаютъ, что еще можно было бы сказать. Это объясненіе событія едва ли кого удовлетворитъ. — Разсмотримъ еще одно и послѣднее объясненіе, которое дается, когда хотятъ выразумѣть причину оставленія каѳедры Геннадіемъ. Въ старинномъ жизнеописаніи Геннадія, написанномъ на латинскомъ языкѣ (напечатанномъ между прочимъ и у Миня) приводится отрывокъ изъ какого то сочиненія, будто бы Геннадіева, — сочиненія повидимому, имѣющаго цѣлью объяснить, почему этотъ патріархъ покинулъ каѳедру. Въ этомъ отрывкѣ главнымъ образомъ упирается на распущенность монаховъ, которые и прежде и теперь служили будто бы тормазомъ, препятствующимъ идти дѣламъ цер-

[1]) Σάθα-Νεοελληνικὴ φιλολογία, σελ. 18.
[2]) Hist. Polit. p. 31.

ковнымъ своимъ чередомъ [1]). Но мы не приписываемъ ни малѣйшаго значенія разсматриваемому отрывку [2]). Во-первыхъ, —этотъ отрывокъ извѣстенъ только въ латинскомъ текстѣ, и нѣтъ его на томъ языкѣ, на которомъ говорилъ и писалъ Геннадій; во-вторыхъ Греки, ученые между ними, не знаютъ никакого акта отреченія Геннадія, и, сколько знаю, никогда не пользуются подобнымъ актомъ для разясненія Геннадіева удаленія отъ дѣятельности патріаршей; въ третьихъ, документъ бѣденъ содержаніемъ и носитъ черты риторики; въ четвертыхъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ противорѣчитъ достовѣрнымъ историческимъ извѣстіямъ, напр., въ немъ говорится, что Геннадій избранъ въ паріархи „соборомъ многихъ епископовъ какъ европейскихъ, такъ и азіатскихъ", но это противорѣчитъ твердымъ лѣтописнымъ показаніямъ [3]).

Итакъ мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи точныхъ данныхъ, которыя бы давали намъ возможность уяснить побужденія, заставившія Геннадія покинуть каѳедру. Исторія не знаетъ ничего опредѣленнаго по этому вопросу. Съ своей стороны думаемъ, что заставить Геннадія оставить свой постъ могло что нибудь очень важное, непреоборимое. Съ иновѣрнымъ правительствомъ патріархъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ; духовенство его любило и уважало. Не здѣсь нужно искать поводовъ къ его отреченію. Въ то время, время тяжелое и мудреное, какое наступило съ паденіемъ Византіи и утвержденіемъ мусульманской имперіи, всякій самоуважающій человѣкъ, любящій свой народъ и свое призваніе—а такимъ и былъ Геннадій — могъ покинуть многотрудное служеніе церкви и своему народу — только по причинѣ, отъ него независящей, какова напр. болѣзнь. Думаемъ, что единственно слабость здоровья заставила Геннадія искать успокоенія

---

1) Renaudotii. De Gennadii vita, p. 264—265 (Migne, Gr. tom., 160).

2) Изъ русскихъ писателей полнымъ довѣріемъ облекаетъ этотъ документъ, кажется, только одинъ проф. Малышевскій. «Мелетій Пигасъ», стр. 7.

3) Франдзій при этомъ случаѣ (т. е. при разсказѣ объ избраніи Геннадія) говоритъ только о такихъ архіереяхъ, какіе нашлись въ Константинополѣ, и о немногихъ клирикахъ (Frantzae, 893); Hist. Patr. при томъ же случаѣ отмѣчаетъ лишь нѣсколькихъ архіереевъ сосѣднихъ мѣстъ (ἐσύναξαν μερικοὺς τοὺς πλησίον ἀρχιερεῖς) p. 80).

отъ дѣлъ правленія. Перенеся такъ много нравственныхъ потрясеній, нужно полагать, онъ заболѣлъ и физически. Нѣкоторымъ основаніемъ для нашей догадки служитъ скоро затѣмъ послѣдовавшая кончина Геннадія. Компетентные греческіе лѣтописцы ничего не говорятъ о времени смерти Геннадія. Гедеонъ тоже не дѣлаетъ никакихъ предположеній о томъ, когда умеръ этотъ патріархъ. Но Сата [1]) утверждаетъ, что онъ скончался около 1460 года. Мнѣ кажется, что смерть Геннадія случилась еще ранѣе. Дѣло въ томъ, что Сата, указывая эту дату, руководился еще старыми представленіями о продолжительности патріаршества Геннадія, т. е. полагалъ, что онъ управлялъ церковью не два года, что совершенно правильно, а пять лѣтъ, что очень не точно; поэтому, сообразно новымъ исчисленіямъ лѣтъ правленія Геннадія, можно утверждать, что смерть его, вѣроятно, послѣдовала настолько же лѣтъ раньше, насколько слѣдуетъ сократить время его патріаршествованія, т. е. допускать, что Геннадій умеръ около 1457 года.

Вотъ наши свѣдѣнія о патріаршествованіи Геннадія Схоларія.

I.

Константинопольская патріархія по ея интеллектуальной сторонѣ.

Матеріалы, относящіеся къ этому отдѣлу исторіи греческой церкви немногочисленны, но не потому, что они не сполна дошли до насъ, а потому, что патріархи изучаемаго нами времени мало оставили по себѣ слѣдовъ, которые бы давали право вести длинныя разсужденія объ ихъ образованности и просвѣтительной дѣятельности. Относительно нѣкоторыхъ константинопольскихъ патріарховъ турецкаго періода намъ не удалось встрѣчать никакихъ свѣдѣній, которыя позволяли бы составлять опредѣленное понятіе о степени ихъ образованности; это болѣе всего, кажется, зависитъ отъ того, что они, по своимъ интеллектуальнымъ качествамъ не выдѣлялись изъ ряда прочихъ священниковъ даннаго времени. Впрочемъ, есть

[1]) Σάθα. Νέοελλην. φιλολογιαα σελ. 18. Cf. Γεδεών, σελ. 474.

и такіе патріархи, о которыхъ въ наукѣ упрочилась лестная репутація, какъ о людяхъ интеллигентныхъ, но есть, напротивъ, и такіе патріархи, которые по своимъ интеллектуальнымъ качествамъ и отрицательному отношенію къ наукѣ и просвѣщенію стояли много ниже того церковнаго положенія, какое они занимали.

Во второй половинѣ XV-го вѣка выше всѣхъ прочихъ патріарховъ по своей образованности и просвѣтительной дѣятельности стоялъ, конечно, Геннадій Схоларій. Но о немъ должно сказать, что по своей образованности и научнымъ стремленіямъ онъ вревосходилъ не только патріарховъ второй половины XV-го вѣка, по патріарховъ всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ до нашихъ дней. Выше, на основаніи показаній одного греческаго ученаго, мы сказали о серьезномъ научномъ образованіи Геннадія и его великой ученой славѣ какъ оратора, богослова и философа. Для подтвержденія той характеристики намъ слѣдовало бы вести рѣчь о сочиненіяхъ Геннадія, но подобная задача не входитъ въ наши планы [1]). Перечислимъ тѣхъ изъ преемниковъ Геннадія, которые относятся къ XV вѣку и объ образованности которыхъ сохранились хоть сколько нибудь опредѣленныя свѣдѣнія. Маркъ Ксилокарависъ, родомъ изъ Константинополя, правившій церковью еще во времена Магомета II, именуется у лѣтописца весьма ученымъ человѣкомъ [2]), безъ указанія какихъ либо подробностей касательно его ученыхъ достоинствъ. У того же лѣтописца восхваляется за образованность патріархъ Максимъ III, родомъ изъ Пелопониса, тоже занимавшій каѳедру при жизни Магомета. Онъ называется въ лѣтописи наилучшимъ знатокомъ богословія; въ мірѣ онъ носилъ имя Мануила и занималъ должность великаго экклизіарха, требовавшую отъ него знанія церковныхъ законовъ; онъ извѣстенъ былъ въ свое время какъ неутомимый проповѣдникъ, поучавшій

---

[1]) Вообще говорить о писателяхъ греческой церкви мы не намѣрены. Кто знакомъ съ такими сочиненіями, какъ «Новоэллинская филологія» Сaты, «Новая Греція» Завиры, «Еллинская библіографія» Леграна, тотъ понимаетъ, что еще не наступала пора разсуждать о писателяхъ въ Греціи изучаемаго періода. Нуженъ усердный трудъ, дружная работа нѣсколькихъ поколѣній, чтобы сдѣлать возможными сколько нибудь серьезныя разсужденія объ этихъ писателяхъ.

[2]) Hist. Patr., p. 101.

родъ во всѣ праздничные дни,—проповѣди его приписыется большое вліяніе на слушателей. По другимъ изстіямъ онъ еще владѣлъ кромѣ основательнаго знанія ыка древне-греческаго также языками — еврейскимъ, абскимъ и латинскимъ [1]). Объ этомъ Максимѣ III разазываютъ, что, какъ человѣкъ образованный, онъ льзовался почти такимъ же уваженіемъ со стороны гомета II, какъ и знаменитый Геннадій. Лѣтописецъ ворить, что слава о великой учености и дарованіяхъ тріарха дошла до султана; послѣдній, поэтому, обраился къ нему съ приказаніемъ, но не лично,—чтобы ксимъ истолковалъ для него христіанскій символъ. Патрхъ сдѣлалъ, что ему было приказано и заслужилъ своей екрасно исполненной работой полное благоволеніе Маиета [2]). Въ одномъ источникѣ къ этому еще добавляется, повелитель мусульманъ распорядился, чтобы толкова Максима было переведено на болѣе понятный языкъ соплеменниковъ, т. е. на туркоарабскій языкъ [3]). Если эта исторія съ толкованіемъ символа не есть легенда, зникшая на основаніи дѣйствительнаго факта изложехристіанскаго вѣроученія для Магомета Геннадіемъ, слѣдуетъ полагать, что своимъ поступкомъ султанъ е разъ хотѣлъ зарекомендовать себя съ наилучшей стоны въ глазахъ Грековъ: настоящаго интереса къ хрианской религіи у него не было, а напускное вниманіе этой религіи могло быть несомнѣнно выгодно для него, имиряя, по возможности, Грековъ съ иновѣрнымъ влачествомъ въ христіанской Византіи. У Іероѳея монемваскаго встрѣчается извѣстіе, что будто Магометъ, цѣня ственныя качества Максима, призывалъ его къ себѣ я собесѣдованія о предметахъ христіанской вѣры [4]). Это вѣстіе, къ нашему удивленію, попало даже и въ русскую рковно-историческую литературу [5]). Но было бы гораздо чше, если бы это извѣстіе оставалось на вѣки погреннымъ тамъ, гдѣ оно хранилось до сихъ поръ. Нѣтъ

[1]) Hist. Patr. p. 115—116. Γεδεών, σελ. 486.
[2]) Hist. Patr., 117. Hist. Polit. 47—48.
[3]) Κιγάλας, σελ. 442. Cf. Hist. Polit. 48.
[4]) Δωρόθεος, σελ. 427.
[5]) Проф. И. И. Малышевскій. «Мелетій», стр. 13.

ни малѣйшаго сомнѣнія, что замѣтка Іероѳея о личномъ собесѣдованіи Магомета съ Максимомъ есть примышленіе писателя, который по аналогіи съ извѣстнымъ разсказомъ о Геннадіи и его бесѣдѣ съ султаномъ, безо всякаго основанія внесъ въ свой историческій трудъ замѣтку, что и съ Максимомъ Магометъ тоже лично бесѣдовалъ о вѣрѣ; но такого извѣстія не встрѣчается въ другихъ болѣе компетентныхъ памятникахъ, а это очень важно. Нельзя сказать, чтобы Іероѳей не имѣлъ основанія сообщать свѣдѣніе о такомъ многознаменательномъ фактѣ, какъ личная бесѣда Магомета и патріарха Максима; у него было основаніе. Такимъ для него служила невѣдомо откуда взятая имъ легенда, но легенда, нужно сознаться, чудовищная и несовсѣмъ пристойная. Читатель, надѣемся, позволитъ намъ разсказать эту легенду. Однажды Магомету захотѣлось позабавиться на счетъ монашескаго одѣянія. Кстати же у него былъ громадный и страшный псище меделянскій (ἀπὸ τὴν Λουμπαρδίαν); песъ былъ ученый, онъ умѣлъ стоять на заднихъ лапахъ и въ такомъ положеніи умѣлъ даже ходить, хотя и немного. Султану пришла на умъ блажь одѣть пса въ монашеское одѣяніе. Такъ и было сдѣлано. Затѣмъ султанъ пригласилъ къ себѣ патріарха и началъ ему говорить, что у него, султана, находится въ гостяхъ чужестранный монахъ, носящій тоже монашеское платье, какъ и самъ патріархъ; и что этотъ монахъ желаетъ получить отъ него посвященіе въ церковный санъ; при этомъ Магометъ прибавилъ: дай ему, чего онъ проситъ. Патіархъ потребовалъ, чтобы султанъ показалъ ему этого самаго монаха. Тогда привели пса, одѣтаго по монашески и въ камилавкѣ. Патріархъ, увидѣвъ, въ чемъ дѣло, не растерялся; но сказалъ Магомету: я думаю, что этотъ монахъ больше относится къ твоему вѣдомству, чѣмъ къ моему. А въ доказательство, что это и въ самомъ дѣлѣ такъ, Максимъ попросилъ, чтобы принесли немного мяса и немного пальмовыхъ плодовъ (κουκία). Султанъ исполнилъ просьбу патріарха. Тогда Максимъ сказалъ своему властелину: пусть будутъ даны твоему монаху и мясо, и плоды, если онъ будетъ ѣсть мясо и не станетъ касаться плодовъ, то значитъ онъ тебѣ подвѣдомъ, а если наоборотъ станетъ ѣсть плоды и оставитъ безъ вниманія мясо,

то значитъ онъ мнѣ подвѣдомъ. Опытъ сдѣланъ, результатъ его понятенъ самъ собою. Султанъ удивился мудрости патріарха [1]). Вотъ тотъ отмѣченный историкомъ случай, который даетъ ему основаніе утверждать, что между султаномъ и Максимомъ происходили личныя собесѣдованія о вѣрѣ. Разумѣется, такого происшествія быть не могло. Но не въ этомъ дѣло. Тѣ ученые, которые, опираясь на извѣстіе Іероѳея, говорятъ, что съ Максимомъ „какъ и съ Геннадіемъ Магометъ II любилъ вести бесѣды о вѣрѣ христіанской“, должны бы приводить и сейчасъ разсказанную исторію, ибо эта исторія служитъ единственнымъ доказательствомъ для Іероѳея правоты разбираемаго нами его извѣстія. Если же поступать такъ не цѣлесообразно, то и наука, щадя свое достоинство, однажды навсегда должна отбросить разсматриваемое извѣстіе, какъ гнилой плодъ, произращенный невѣжествомъ историка XVI вѣка. Такимъ образомъ ученую славу патріарха Максима слѣдуетъ поубавить. Съ Геннадіемъ сравнивать его нельзя. Досужая фантазія силится поднять повыше ученый авторитетъ Максима; но историческая наука должна стоять на сторожѣ неприкрашенной истины.—Въ концѣ XV вѣка славился своею образованностію патріархъ Нифонтъ, родомъ изъ Пелопониса. Онъ происходилъ изъ богатой и образованной фамиліи. Своимъ личнымъ образованіемъ впрочемъ онъ обязанъ мужамъ большею частію монашескаго чина, не составившимъ себѣ имя въ исторіи просвѣщенія. Нифонтъ, сдѣлавшись патріархомъ, являлся особенно—учительнымъ пастыремъ. Его проповѣдническое слово производило большое впечатлѣніе на слушателей, такъ какъ оно отличалось плавностью и обиліемъ мыслей [2]). Подлѣ немногихъ патріарховъ второй половины XV вѣка, относительно образованности которыхъ имѣются достаточ-

---

[1]) Δωρόθεος, 427—8. Благоразумный Кигала (σελ. 443—444), хотя, какъ намъ уже извѣстно, и пользовался иногда извѣстіями Іероѳея (Дороѳея), но на сей разъ съ пренебреженіемъ отбросилъ сказки этого послѣдняго о мнимыхъ бесѣдахъ Магомета съ Максимомъ. А у насъ еще и теперь считается книга Іероѳея (Дороѳея) «очень замѣчательнымъ хронографомъ», которымъ будто бы необходимо пользоваться въ интересахъ успѣшнаго развитія церковно-исторической науки!

[2]) Hist. Patr., p. 127—128. Κιγάλας, 448. Γεδεών, 188—9. Σάθα. Νεοελλ. φιλολογία, 98—99.

ныя свидѣтельства, въ это же время встрѣчаемъ на константинопольской патріаршей каѳедрѣ и такихъ лицъ, которыя, если вполнѣ повѣримъ источникамъ, чуть ли не были чужды всякаго образованія. Говоримъ о патріархѣ Рафаилѣ I, родомъ Сербѣ, занимавшемъ каѳедру еще при Магометѣ II. О немъ говорятъ, что онъ совсѣмъ не понималъ греческаго языка и объяснялся съ своими подчиненными только при посредствѣ переводчика. Разумѣется, что такой патріархъ представлялъ странное явленіе. Кигала именуетъ его преварваромъ [1]). Впрочемъ есть возможность нѣсколько смягчить суровыя сужденія о немъ историковъ. Но это сдѣлаемъ при другомъ случаѣ, гдѣ намъ придется сказать о Рафаилѣ нѣсколько подробнѣе.

Обращаемся къ XVI вѣку. Нельзя не удивляться тому странному явленію, что образованныхъ патріарховъ, если вѣрить историческимъ показаніямъ, въ теченіи указаннаго вѣка было очень мало, такъ что мы должны причислить его къ самымъ темнымъ вѣкамъ въ жизни Константинопольской патріархіи турецкаго періода. И это тѣмъ болѣе, что напротивъ, свидѣтельства, удостовѣряющія малую образованность, или почти необразованность значительнаго числа патріарховъ того же вѣка, встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ сколько было бы это желательно. Къ образованнымъ патріархамъ съ наибольшею увѣренностью можно причислить только двухъ предстоятелей константинопольской церкви, XVI вѣка—Іеремію II и Митрофана III. Оба они неоднократно восходили на патріаршую каѳедру во второй половинѣ этого вѣка. Іеремія, по прозванію Траносъ, родомъ изъ Анхіала, учился въ Монемвасіи, немного въ Терновѣ (у Арсенія), потомъ въ Навпактѣ у знаменитаго Дамаскина Студита (имя котораго сіяетъ яркою звѣздою въ церковной исторіографіи XVI вѣка) и наконецъ онъ слушалъ уроки у Матѳея критянина, ученика Арсенія терновскаго. Умомъ однакожъ Іеремія не блисталъ; по отзыву Іероѳея умъ его былъ тяжеловатъ (χοντρός). Этотъ отзывъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что Іеремія между прочимъ былъ и ученикомъ самого Іероѳея. Стоитъ еще упомянуть о замѣчательной любознательности Іереміи. Будучи любителемъ науки, онъ слушалъ уроки слове-

[1]) Hist. Patr., 114. Κιγάλας. 440.

сности и философіи въ патріаршей академіи въ Константинополѣ, въ то время, когда онъ самъ былъ уже патріархомъ [1]). Его интересовала вообще не только наука богословская, но и философія и „многія другія науки". Іеремія былъ неутомимымъ церковнымъ проповѣдникомъ, „подобно мудрымъ древнимъ патріархамъ" [2]). Ему дѣлаютъ иногда упрекъ, что онъ отрицалъ пользу изученія еврейскаго языка для болѣе глубокаго изученія св. Писанія [3]); но ставить ему это въ самомъ дѣлѣ въ упрекъ было бы притязательностію и непониманіемъ духа того времени. Рядомъ съ Іеремiей по степени образованности долженъ быть поставленъ и Митрофанъ III. Герлахъ, лично знакомый съ этимъ патріархомъ и строгій судья представителей греческой церкви своего времени, отзывается о Митрофанѣ слѣдующимъ образомъ: „это—человѣкъ ученѣйшій изъ всѣхъ Грековъ". Гедеонъ называетъ его мужемъ прекрасно образованнымъ и любителемъ наукъ. Онъ возстановилъ монастырь Св. Троицы на о. Халки и обогатилъ его достойной вниманія библіотекой. Герлахъ посѣщалъ эту библіотеку и описалъ ея каталогъ. Митрофанъ водилъ знакомство и съ папистами, и лютеранами, т. е. отличался широтою воззрѣній [4]).—Съ достаточнымъ правомъ можно считать человѣкомъ не чуждымъ образованія, и патріарха Іоасафа II, родомъ изъ деревни близь Яннины, правившаго церковію около средины разсматриваемаго столѣтія. Онъ учился сначала въ какой-то школѣ въ Яннинѣ, а потомъ въ Навпліи у извѣстнаго своею просвѣтительною дѣятельностію въ качествѣ великаго ритора при патріархѣ—у Іоанна Зигомала. О немъ говорятъ, что онъ зналъ языки арабскій, персидскій и турецкій и слылъ знатокомъ церковной музыки (т.-е. пѣнія). Впрочемъ свѣдѣнія наши объ Іоасафѣ, какъ человѣкѣ образо-

---

[1]) Δωροθέου, σελ. (Σάθα. Σχεδίασμα περὶ τοῦ Ἰερεμίου II: Παράρτημα, σελ. 9) Γεδεών, σελ. 519.

[2]) Hist. Patr., p. 197. Послѣ этого намъ кажется совершенно непонятнымъ замѣчаніе преосв. Порфирія (Успенскаго), что «въ XVI в. ни одинъ изъ константинопольскихъ патріарховъ не проповѣдывалъ слова Божія».—«Проповѣдники въ Константинополѣ» (Труды К. Д. Акад. 1880, II, 519).

[3]) Helneccii. Abbildung d. Griechisch. Kirche. I Theil, s. 41—42. Leipz. 1711.

[4]) Gerlach. Türk. Tagebuch. s. 59. Γεδεών, 516; Turco—Graecia, p. 512.

ванномъ, черпаются не изъ особенно надежнаго источника [1]). Относительно двухъ патріарховъ XVI вѣка мы остаемся въ нѣкоторой нерѣшительности—причислять ли ихъ къ личностямъ просвѣщеннымъ или же нѣтъ. Разумѣемъ Іоакима I, открывающаго своимъ патріаршимъ управленіемъ XVI вѣкъ, и Пахомія II, по прозванію Патеста, современника Іереміи II. Проф. И. И. Малышевскій въ своей докторской диссертаціи при одномъ случаѣ называетъ Іоакима человѣкомъ „образованнымъ". Но у греческаго лѣтописца этотъ самый патріархъ называется прямо „невѣжественнымъ" (ἰδιώτης) и совсѣмъ неопытнымъ (νέος) [2]). Въ другихъ греческихъ источникахъ какъ будто бы усвояется Іоакиму нѣкоторая степень образованія, но что-то слишкомъ нерѣшительно [3]). Въ той же нерѣшительности остаемся мы и по отношенію къ Пахомію II. Историкъ Іероѳей монемвасійскій прямо и рѣшительно объявляетъПахоміячеловѣкомъ„неграмотнымъ" (ἀγράμματος). А въ доказательство онъ приводитъ слѣдующій фактъ:

[1]) Δωρόθεος, σελ, 447. Σάθα. Παράρτημα, 8) Γεδεών, 511.

[2]) Проф. Малышевскаго «Мелетій Пигасъ», 14. Histor. Patriarchica, p. 135.

[3]) Мелетій Аѳинскій (ἐκκλησ. ἱστορία, III, 339) называетъ Іоакима: ἀγαθός τὴν γνώμην, но это выраженіе составляетъ лишь перифразъ другаго выраженія, находящагося въ Hist. Patr.: πολλὰ χρησιμώτατος и опредѣляющаго характеръ этого патріарха; но не имѣющаго никакого отношенія къ вопросу объ образованности Іоакима. Такую замѣну сейчасъ упомянутаго выраженія изъ Hist. Patr. сдѣлалъ раньше Мелетія—Кигала; у него вмѣсто сейчасъ указанныхъ словъ читаемъ: χρήσιμος εἰς τὴν γνώμην, но варіантъ Кигалы (σελ. 453), повидимому усвоенный Мелетіемъ, не уполномочиваетъ насъ отбрасывать ту характеристику Іоакима, какая принята нами выше на основаніи Hist. Patr. — Вообще очень любопытно наблюдать на примѣрѣ Іоакима то, какъ иногда въ наукѣ извращаются показанія первоисточниковъ: Hist. Patr.—говоритъ объ Іоакимѣ: ἰδιώτης, πολλά χρησιμώτατος; До(Іе)роѳей удерживаетъ первое слово, но вмѣсто двухъ остальныхъ вставляетъ: χρήσιμος καί καλός (434); Кигала уже пропускаетъ слово ἰδιώτης, а къ выраженію χρήσιμος (взятому изъ Іероѳея) прибавляетъ отъ себя εἰς τὴν γνώμην; Мелетій Аѳинскій, имѣя подъ руками Кигалу, дѣлаетъ дальнѣйшую поправку, и у него получается ἀγαθὸς τήν γνώμην; Мата (I, 621) уже прямо и безъ церемоніи пишетъ: «Іоакимъ зрѣлый (γηραιὸς) по разсудительности, *ученый*»; у проф. Малышевскаго (вѣроятно, на основаніи Маты), какъ сказали, онъ именуется просто, но ясно: «образованнымъ», что должно быть переводимо греческимъ словомъ πεπαιδευμένος, означающимъ одну изъ высшихъ похвалъ. Такъ мало по малу «идіотъ» превращается въ «образованнаго». Кругъ развитія характеристики замкнулся, крайности сошлись; дальше идти не куда. Остается возвращаться назадъ, въ XVI вѣкъ—и давно пора.

однажды потребовали патріарха Пахомія на судъ къ турецкому кадію (совершенно невѣроятное извѣстіе: скажемъ мы), патріарху сопутствовалъ въ качествѣ свидѣтеля противъ этого послѣдняго и самъ историкъ Іероѳей; у кадія—ужъ неизвѣстно почему—Іероѳей далъ одну книгу Пахомію, чтобы онъ прочелъ что нибудь въ ней; но онъ не могъ этого сдѣлать; тогда Турки (sic!) признали его невѣжественнымъ и не заслуживающимъ быть патріархомъ [1]). Вся эта исторія, разсказанная очевидцемъ (!) Іероѳеемъ, намъ кажется донельзя нелѣпою. Если бы патріархъ и въ самомъ дѣлѣ не прочелъ ничего изъ книги, какую подсунулъ ему Іероѳей, въ этомъ не было бы ничего удивительнаго: Пахомій могъ не послушаться Іероѳея, по сознанію своего достоинства; но главное дѣло не въ томъ: Іероѳей подсунулъ Пахомію сочиненія Ѳомы Аквината,—значитъ латинскаго писателя. Удивительно ли, что Пахомій не прочелъ по латыни, не зная латинскаго языка? Да и Турки что за судьи въ томъ—образованъ или необразованъ Пахомій? Турки и по гречески то не понимали, не говоря ужъ о латинской философіи. Весь разсказъ Іероѳея—очевидца, замѣтьте — намъ кажется чистѣйшею выдумкою. Во первыхъ раньше того Пахомій былъ митрополитомъ Кесарійскимъ. Можно ли представить себѣ митрополита человѣкомъ совсѣмъ невѣжественнымъ, какъ хочетъ увѣрить въ томъ Іероѳей? А главное: есть свидѣтельство, которое приводитъ Гедеонъ, и изъ котораго видно, что едва ли не нашъ Пахомій раньше, чѣмъ сдѣлаться патріархомъ, былъ учителемъ математики и философіи у самаго султана Махмута III [2]). Итакъ, несмотря на показаніе современника и очевидца событій константинопольскихъ конца XVI вѣка, мы полагаемъ, что Пахомій II былъ скорѣе человѣкомъ образованнымъ, чѣмъ невѣждою: возможно впрочемъ, что Пахомій былъ не силенъ по части богословія.—Къ числу патріарховъ мало-

---

[1]) Δωρόθεος, σελ. 451 (Σάθα. Παράρτημα, 13). Этотъ авторъ, нужно сознаться, есть одинъ изъ опаснѣйшихъ подводныхъ камней, какихъ долженъ бояться историкъ нашего времени. Со стороны недобросовѣстности (о которой много придется говорить намъ ниже) мы не знаемъ съ кѣмъ бы и сравнить его: лучше всего его сравнить съ современными намъ, такъ называемыми, *разбойниками пера*.

[2]) Γεδεών, σελ. 526.

образованныхъ или даже совсѣмъ необразованныхъ, въ XVI вѣкѣ, слѣдуетъ относить двухъ лицъ: Іеремію I и Θеолипта II. Іеремія, родомъ изъ селенія близъ Яннины, управлявшій церковію долгое время въ первой половинѣ XVI вѣка, былъ человѣкомъ „необразованнымъ и не получилъ надлежащаго воспитанія". Это свидѣтельство принадлежитъ Іероѳею. Правда, этотъ писатель рѣдко наделенъ въ своихъ извѣстіяхъ, но на этотъ разъ съ нимъ нельзя не согласиться. Греческій лѣтописецъ (авторъ Hist. Patriarch.) очень подробно говоритъ о жизни и дѣятельности Іереміи, но ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ его прикосновенности въ наукѣ; онъ больше всего упираетъ на то, что этотъ патріархъ былъ миролюбивъ и весьма смирененъ [1]). Что касается Θеолипта, современника Іереміи II, то его Іероѳей называетъ, какъ и Іеремію I, человѣкомъ „необразованнымъ". Думаемъ, что и на этотъ разъ указанный греческій историкъ правъ, какъ это можно выводить изъ того, что М. Гедеонъ, несомнѣнно нежелающій раздѣлять многихъ воззрѣній Іероѳея, не рѣшается однакожъ ничего сказать въ пользу просвѣщенности разсматриваемаго патріарха; правда онъ говоритъ, что Θеолиптъ зналъ по турецки, но знать въ Турціи по турецки— т.-е. умѣть объясняться на этомъ языкѣ — дѣло не великое [2]).

При изученіи какого бы то ни было высоко-культурнаго народа, чѣмъ дальше движется его исторія, тѣмъ яснѣе обнаруживаются прибытки знаній, тѣмъ замѣтнѣе становится прогресъ мысли и умственнаго развитія; повидимому, не совсѣмъ такъ идетъ дѣло въ греко-восточной церкви. Наприм. XVII вѣкъ, къ обзору патріарховъ котораго съ ихъ интеллектуальной стороны мы теперь приступаемъ, не только не богаче фактами, свидѣтельствующими о умственномъ преспѣяніи константинопольской патріархіи, чѣмъ XV и XVI вѣка, но даже и еще бѣднѣе. По крайней мѣрѣ, наши старанія дать читателю точный отчетъ о состояніи патріарховъ этого, XVII вѣка, въ интеллектуальномъ отношеніи,—привели насъ, какъ окажется сейчасъ, къ результатамъ очень ничтожнымъ. Источники, изъ ко-

[1]) Δωρόθεος, 444. Παράρτημα, σελ. 3) Cf. Hist. Patriarch. 153.
[2]) Δωρόθεος, 452. (Σάθα. Παράρτ., 14). Γεδεών, 548.

торыхъ можно бы черпать нужный матеріалъ и малочисленны, и очень малосодержательны. Да и самая жизнь церковныхъ руководителей, кажется, не блистала разнообразіемъ религіозно-умственныхъ интересовъ и не отличалась благороднѣйшими порывами, направленными къ просвѣщенію народа.

Число патріарховъ константинопольскихъ XVII вѣка, о которыхъ можно говорить съ полною увѣренностію, какъ о лицахъ дѣйствительно просвѣщенныхъ, замѣчательно скудно. Выше всѣхъ, кажется, стоялъ въ этомъ случаѣ извѣстнѣйшій патріархъ, возсѣдавшій на патріаршей каѳедрѣ въ началѣ этого вѣка—это Кириллъ Лукарь. Но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ его жизни, служащимъ предметомъ спора въ наукѣ, мы намѣрены впослѣдствіи говорить о немъ подробно. А потому, теперь, скажемъ о Кириллѣ, какъ представителѣ духовнаго просвѣщенія лишь вскользь. Ограничимся слѣдующими двумя отзывами, найденными нами у двухъ иностранныхъ авторовъ относительно этого знаменитаго мужа. Извѣстный издатель очень важныхъ памятниковъ, имѣющихъ значеніе въ исторіи греческой церкви (Monumenta fidei ecclesiae orientalis) говоритъ о Кириллѣ Лукарѣ: „онъ отличался замѣчательною любовію къ наукѣ, по учености онъ стоялъ выше своего вѣка и своихъ современниковъ въ Греціи, онъ имѣлъ близкое знакомство съ сочиненіями германскихъ ученыхъ; это былъ вѣрный стражъ той церкви, въ которой онъ былъ предстоятелемъ, охранявшій церковь отъ всякаго суевѣрія, онъ былъ презрителемъ и искоренителемъ невѣжества“ [1]). Положимъ, такой отзывъ нельзя назвать вполнѣ безпристрастнымъ; но несомнѣнно онъ вѣрно намѣчаетъ основныя черты, изъ которыхъ слагается интеллектуальный образъ Кирилла. Другой тоже, какъ мы сказали, иностранный писатель такъ пишетъ о Кириллѣ: „онъ понималъ высокое значеніе народнаго греческаго языка, онъ далъ возбужденіе къ тому, чтобы св. Писаніе чрезъ переводъ его на новогреческій языкъ сдѣлать общедоступнымъ для народа; горячая и сильная борьба, которая ознаменовала его жизнь, дала его сочиненіямъ (?) искренность и глубину, которыхъ до

[1]) Kimmel. Monumenta..., prolegomena p. XXXVII. Pars I. Jenae 1850.

сихъ поръ здѣсь не знали" [1]). Но перечислимъ другихъ патріарховъ того же вѣка, на которыхъ нужно смотрѣть какъ на лицъ, выдающихся по своей образованности. Современникъ Кирилла Лукаря Аѳанасій Пателларій вызвалъ у М. Гедеона слѣдующаго содержанія отзывъ: Аѳанасій, родомъ изъ Крита, „былъ мужъ образованный, знатокъ эллинскаго (т.-е. древняго) и латинскаго языка, проповѣдникъ слова Божія, философъ, филологъ и поэтъ" [2]). Къ сожалѣнію, эта очень лестная характеристика Пателларія основывается на нѣсколько мутномъ источникѣ—на Дмитріи Прокопіи, знанія котораго были очень ограничены и отзывы котораго ничѣмъ не подкрѣплены серьезно [3]). Но мы не станемъ на тотъ разъ спорить ни съ Гедеономъ, ни съ Прокопіемъ, изъ опасенія лишиться и послѣднихъ своихъ руководителей при изученіи темноватаго XVII вѣка [4]). Затѣмъ, отъ начала XVII вѣка перенесемся прямо къ его концу. Здѣсь встрѣчаемъ троихъ патріарховъ, которымъ слѣдуетъ дать мѣсто въ нашемъ исчисленіи просвѣщеннѣйшихъ патріарховъ. И прежде всего скажемъ о патріархѣ Діонисіи IV Музелимѣ-Комнинѣ. Онъ былъ родомъ изъ Константинополя, учился въ патріаршей академіи, считался мужемъ просвѣщеннымъ. Онъ славился въ качествѣ проповѣдника, не отпускавшаго безъ поученія народъ во всѣ праздничные дни. Діонисій собралъ хорошую библіотеку, которую пожертвовалъ при жизни въ Иверскій монастырь на Аѳонѣ [5]).—Каллиникъ II, Акарнанскій. Родившійся въ селеніи близъ Аграфы, онъ получилъ образованіе подъ руководствомъ славнаго въ то время наставника Евгенія Этолійскаго. О Каллиникѣ, какъ человѣкѣ просвѣщенномъ, есть нѣкоторыя подробности у Димитрія Прокопія, но ими не рѣшается пользоваться Гедеонъ, и еще меньше склонны къ тому же мы [6]). Такъ кратки наши

---

[1]) Mendelssohn — Bartoldy. Geschichte Griechenlands. Th. I, s. 23. Leipz. 1870.

[2]) Γεδεών, σελ. 559.

[3]) Δημητρίου Προκοπίου. Ἐπιτετμημένη ἐπαρίθμησις τῶν λογίων Γραικῶν: Sathas: Bibl. Gr. III, 485.

[4]) Этотъ патріархъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ лично посѣщалъ Русь. См. о немъ статью проф. Н. Ѳ. Каптерева: «Чтенія въ Обществѣ Любителей духовнаго просвѣщенія», 1889 г.

[5]) Γεδεών, 595. Μελετίου, III, 468. Cf. Προκοπίου, σελ. 482.

[6]) Γεδεών, 607. Cf. Προκοπίου, 482.

свѣдѣнія о Калиникѣ, еще короче они о Неофитѣ IV. Неофитъ, поставленный въ патріархи изъ митрополитовъ адріанопольскихъ, отличался своимъ образованіемъ въ сонмѣ современныхъ ему архіереевъ, но дальнѣйшихъ подробностей мы не имѣемъ [1]). Исторія знаетъ очень немногихъ патріарховъ XVII вѣка, которыхъ можно причислять къ лицамъ образованнымъ. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ этомъ случаѣ можетъ служить то обстоятельство, что за то и упоминанія о малообразованныхъ іерархахъ константинопольскихъ, XVII вѣка, тоже очень рѣдки. Съ полною ясностью въ этомъ отношеніи говорится въ источникахъ собственно объ одномъ патріархѣ—Гавріилѣ II. Этотъ Гавріилъ II возведенъ на патріаршую каѳедру изъ митрополитовъ ганскихъ, занималъ ее въ самой срединѣ XVII вѣка. Былъ онъ человѣкомъ „совершенно (Τελείως) непричастнымъ наукѣ". О немъ разсказываютъ, что когда ему, въ бытность патріархомъ, пришлось разъ совершать бракъ какого то констанстинопольскаго архонта (т. е. барина), то онъ такъ худо прочиталъ молитвы, что его вскорѣ отставили отъ должности за малограмотность [2]). Впрочемъ и о патріархѣ Парѳеніи IV Монгилалѣ (былъ преемникомъ Гавріила II) въ одномъ источникѣ замѣчается, безъ указанія доказательствъ, что онъ былъ человѣкомъ „неграмотнымъ и простымъ" [3]).

Если бы мы стали принимать во всей точности свидѣтельства касательно значительной образованности константинопольскихъ патріарховъ XVIII вѣка, къ обзору котораго мы теперь обращаемся, то впали бы въ значительную ошибку и преувеличенія. Судя по историческимъ показаніямъ, относящимся къ XVII вѣку, въ эти времена мало было патріарховъ просвѣщенныхъ; а судя по тѣмъ же показаніямъ, относящимся къ слѣдующему XVIII вѣку, выходитъ, что въ эти времена почти всѣ константинопольскіе іерархи стояли на значительной степени образованности.

---

[1]) Γεδεὼν, 608.

[2]) Μελετίου. III, 466. Δοσιθέου. Ἱστορία περὶ τῶν πατριαρχευσάντων, σελ. 1176.

[3]) См. недавно изданныя, до сихъ поръ неизвѣстныя въ печати, отрывки изъ «Исторіи» Досиѳея Іерусалимскаго. Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Τομ. I, σελ., 276. Петерб., 1891.

Возможно ли себѣ представить, чтобы такъ необыкновенно былъ счастливъ XVIII вѣкъ по сравненію съ предшествующимъ, когда у насъ рѣчь идетъ о степени просвѣщенности указанныхъ патріарховъ? Мы думаемъ, что на самомъ дѣлѣ не было большой разницы по отношенію къ образованію между патріархами XVII и XVIII вѣковъ; потому что XVIII вѣкъ не создавалъ никакихъ *особенно* благопріятныхъ условій для богословскаго развитія Грековъ. Дѣло объясняется гораздо проще: источникомъ касательно исторіи греческой церкви XVII вѣка въ наукѣ извѣстно мало, поэтому-то и мало мы имѣемъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности патріарховъ этого вѣка; напротивъ XVIII вѣкъ той же церкви по части источниковъ много богаче, а потому наши свѣдѣнія о жизни и дѣятельности патріарховъ гораздо обильнѣе. А главнѣе всего то, что источники XVIII вѣка сильно прикрашиваютъ дѣйствительность: отъ того-то такъ и много извѣстій, очень благопріятныхъ для интеллектуальной репутаціи патріарховъ. Если дѣло просвѣщенія въ этомъ послѣднемъ вѣкѣ и подвинулось впередъ, то лишь на самую малость. Впрочемъ съ нашей стороны было бы слишкомъ смѣло отрицать разсматриваемыя показанія источниковъ относительно патріарховъ XVIII вѣка. Мы съ соблюденіемъ возможнаго безпристрастія исчислимъ всѣхъ патріарховъ этого вѣка, о просвѣщенности которыхъ сохранились болѣе или менѣе благопріятныя извѣстія. Наше дѣло считаемъ достаточно выполненнымъ, если мы станемъ отмѣчать при случаѣ ужъ слишкомъ явныя преувеличенія въ показаніяхъ источниковъ.—Патріархъ Аѳанасій V. Онъ родился въ Критѣ, правилъ церковію въ началѣ вѣка и былъ возведенъ въ патріаршій санъ изъ митрополитовъ адріанопольскихъ. Былъ мужъ, какъ о немъ говорятъ, образованный, знатокъ эллинскаго, арабскаго и латинскаго языка, отличный музыкантъ (т. е. пѣвецъ). Хотя эта характеристика заимствуется Гедеономъ изъ Дмитрія Прокопія, писателя, какъ мы уже упоминали, не особенно авторитетнаго, тѣмъ не менѣе она находитъ себѣ подтвержденіе въ словахъ историка Вендотиса, который говоритъ, что Аѳанасій старался знакомиться съ иностранными книгами и самъ перевелъ на греческій языкъ четырех-язычный Менискіевъ лекси-

конъ [1]). Кириллъ IV, родомъ изъ Лесбоса, преемникъ Аѳанасія V-го, получилъ у греческихъ писателей тоже

[1]) Γεδεών, 119. Δ. Προκοπίου, Ἐπαρίθμησις, σελ. 483. Βενδότου. Προσθήκη τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας Μελετίου Ἀθηνῶν («Прибавленіе къ Церковной исторіи Мелетія Аѳинскаго». Иногда цитируется еще какъ 4-я часть Церк. ист. Мелетія) Вѣна, 1795 г. Хотя имя Георгія Вендотиса уже встрѣчалось въ нашемъ трудѣ, но объ его названномъ сочиненіи еще не было у насъ рѣчи; поэтому прервемъ на нѣкоторое время наше изслѣдованіе о патріархахъ, чтобы сообщить хоть немногія свѣдѣнія о Вендотисовомъ «Прибавленіи». Книга эта заслуживаетъ вниманія. Въ Россіи съ этимъ сочиненіемъ, кажется, никто не знакомъ, по крайней мѣрѣ мы не видывали цитатъ изъ него въ ученыхъ трудахъ нашего отечества. Книга Вендотиса значитъ есть для насъ такъ сказать: старая новинка. О личности самого греческаго историка распространяться много нечего. Родомъ онъ изъ Закинѳа, онъ получилъ хорошее образованіе въ итальянскихъ университетахъ, потомъ проводилъ жизнь въ Вѣнѣ, Пештѣ и въ Венеціи, занимаясь чѣмъ пришлось—напр. воспитаніемъ дѣтей въ частныхъ греческихъ домахъ. Когда нѣкто Лампаничіотисъ случайно открылъ рукопись церковной исторіи Мелетія Аѳинскаго, то Вендотисъ взялъ на себя, по порученію этого перваго, трудъ приготовить указанную рукопись къ изданію ея въ свѣтъ. Впослѣдствіи онъ завелъ въ Вѣнѣ свою типографію, гдѣ между прочимъ напечаталъ собственный свой церковно-историческій трудъ, подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ: «Прибавленіе къ церк. Ист. Мелетія». (Σάθα Νεοελλ. φιλολογία, 559—560). Извѣстно (см. «Обозр. источниковъ»), что Мелетій довелъ церковную исторію до начала XVIII вѣка; для времени, до котораго дожилъ Вендотисъ, она поэтому представлялась далеко неполной. Это побудило его составить продолженіе Мелетіева труда, которое у него доведено до того года, когда напечатано это продолженіе. Такъ возникло и появилось въ свѣтъ «Прибавленіе къ Мелетіевой исторіи» или 4-й томъ этой исторіи. Всѣ хлопоты по изданію и отысканію средствъ на типографскіе расходы взялъ на себя Лампаничіотисъ, которому, какъ видно изъ предисловія къ «Прибавленію», эти хлопоты были не легки. Здѣсь онъ жалуется на многія трудности, препятствія, непріятности, расходы и даже враждебное отношеніе къ нему (все это весьма вѣроятно); затѣмъ онъ указываетъ, что всѣ расходы по типографіи взялъ на себя тогдашній господарь Валахіи Мурузи (фанаріотъ, конечно. Нельзя не быть благодарнымъ и намъ, историкамъ, въ отношеніи къ этимъ фанаріотамъ); кстати или совсѣмъ не кстати издатель въ томъ же предисловіи внушаетъ читателю купить и этотъ четвертый томъ церковной исторіи въ добавокъ къ прежнимъ тремъ Мелетіевымъ томамъ, указывая на то, что въ такомъ случаѣ у читателя будетъ законченное и обхватывающее всѣ времена сочиненіе (это ужъ нѣсколько по торгашески!). Жаль, что самъ Вендотисъ ни словомъ не отозвался въ предисловіи къ своему же собственному произведенію. А намъ многое желалось бы услышать отъ него, напр. какими источниками онъ пользовался? Много ли ихъ было у него? Какого они были достоинства? Какъ онъ ихъ классифицировалъ? и пр. Вендотисъ всего этого не сдѣлалъ, и потому мы часто недоумѣваемъ: откуда имъ взято то или другое извѣстіе или разсказъ, или та или другая характеристика. Что касается вопроса, наиболѣе насъ интересующаго — о патріархахъ константинопольскихъ XVIII вѣка, описанныхъ въ книгѣ Вендотиса, то мы должны сказать слѣдующее: свѣдѣнія о патріархахъ до Самуила I (до 60-хъ годовъ столѣтія)

лестную репутацію какъ человѣкъ солидный по образованію. Гедеонъ говоритъ, что онъ славился какъ человѣкъ „бразованный и знатокъ Св. Писанія". Къ сожалѣнію, эта характеристика взята греческимъ ученымъ изъ Димитрія Прокопія и ничѣмъ серьезно не подтверждается [1]). Преемникомъ Кирилла IV былъ Косма III. Родомъ изъ Хризополя Виѳинскаго, онъ былъ не лишенъ какъ свѣтской, такъ и богословской образованности. Этотъ отзывъ извлекается изъ Димитрія Прокопія, но этотъ послѣдній къ этой характеристикѣ присоединяетъ еще такъ много похвалъ патріарху Космѣ за его просвѣщенность, что разборчивый историкъ не возмется повторять ихъ: не дѣлаетъ этого и Гедеонъ [2]). За Космой слѣдуетъ въ порядкѣ константинопольскихъ патріарховъ Іеремія III, тотъ самый Іеремія, по

достаточно обстоятельны, но за то остальные патріархи отъ Самуила до Герасима, описаны авторомъ чрезвычайно кратко, и чѣмъ ближе время къ той эпохѣ, когда издана книга, тѣмъ свѣдѣнія о патріархахъ становятся все скуднѣе и скуднѣе; послѣдніе патріархи, о которыхъ пишетъ Вендотисъ, только поименованы. Отчего зависѣла такая разница въ отношеніяхъ автора къ патріархамъ до Самуила и послѣ Самуила остается неяснымъ. Во всякомъ случаѣ свѣдѣнія даваемыя Вендотисомъ о патріархахъ, въ особенности когда они болѣе или менѣе подробны, очень цѣнны для науки. Его характеристики типичны и цѣльны; быть можетъ, они нѣсколько суровы и желчны, но мы не имѣемъ достаточныхъ основаній сомнѣваться въ ихъ правдивости. Языкъ, какимъ авторъ характеризуетъ патріарховъ, отличается лаконизмомъ, имѣющимъ многія достоинства: въ немногихъ мѣткихъ словахъ Вендотисъ иногда даетъ больше, чѣмъ сколько другой писатель умѣститъ на цѣлой страницѣ. Наука ничего не проиграла отъ того, что Мелетія продолжилъ Вендотисъ. Греческою богословскою средой исторія патріарховъ у Вендотиса оцѣнена по достоинству: ею пользовались въ наукѣ и будутъ пользоваться. Замѣчательно, что трудъ Вендотиса имѣетъ форматъ, шрифтъ и бумагу совершенно такіе же, какіе мы видимъ и въ трехъ томахъ церковной исторіи Мелетія: сочиненіе Вендотиса по праву названо въ заглавіи и называется въ цитатахъ другихъ ученыхъ 4-мъ томомъ Мелетія. Но замѣчательнѣе всего то, что Вендотисъ пишетъ тѣмъ же самымъ языкомъ, какимъ написана церковная исторія Мелетія. Отчего происходитъ такое сходство? Намъ кажется не отъ того, что Вендотисъ подражалъ Мелетію, а отъ того, что исторія Мелетія, найденная, какъ мы думаемъ, не въ обработанномъ — съ формальной стороны — видѣ (см. «Обзоръ источниковъ»), подверглась стилистической переработкѣ во вкусѣ нашего автора, т. е. Вендотиса. Полагаемъ, что едва ли кто найдетъ нашу характеристику книги Вендотиса излишнею, ибо если церковная исторія греческой церкви должна стать настоящей наукой, то эта послѣдняя и можетъ начинаться только съ болѣе или менѣе серьезнаго изученія самыхъ источниковъ.

[1]) Γεδεών, σελ. 620. Προκοπίος, σελ. 494.

[2]) Γεδεών, σελ. 622. Προκοπίος, σελ. 494.

инициативѣ котораго прислано было къ намъ въ Россію при Петрѣ I на греческомъ языкѣ „исповѣданіе православной вѣры каѳолической церкви", получившее потомъ значеніе въ качествѣ символическаго вѣроучительнаго памятника для нашей церкви. Іеремію, который родомъ былъ съ Патмоса, Гедеонъ называетъ человѣкомъ хорошо образованнымъ; но къ сожалѣнію константинопольскій историкъ свое сужденіе основываетъ какъ будто бы на словахъ Димитрія Прокопія, а словамъ этого Прокопія мы не расположены давать много вѣры. Очень жаль, что Гедеонъ не указалъ: не имѣлъ ли онъ въ своемъ распоряженіи еще какого-нибудь свидѣтельства въ пользу хорошей образованности Іереміи, кромѣ Прокопіева показанія [1]). Еще болѣе лестный отзывъ можно встрѣчать о патріархѣ Калиникѣ III, родомъ съ Наксоса. Предполагаютъ, что онъ учился въ патріаршей константинопольской академіи; во всякомъ случаѣ извѣстно, что въ началѣ XVIII вѣка онъ былъ схолархомъ (ректоромъ) въ этой академіи. Каллиникъ, какъ о немъ говорятъ, былъ мужъ многоученый, знатокъ эллинской словесности, священно-проповѣдникъ, философъ (?) и свѣдущъ по части толкованія св. Писанія. Въ существѣ дѣла Каллиника едва ли можно причислить къ подлиннымъ патріархамъ столицы, ибо онъ умеръ внезапно отъ радости, что его избрали на такую высокую должность, умеръ, сдѣлавшись жертвой апоплексіи [2]), въ 1726 году. Отзывы объ одномъ изъ ближайшихъ преемниковъ Каллиника по патріархіи—Серафимѣ I, родомъ изъ Кастаніи, очень хороши, но ужъ чрезвычайно кратки и ничѣмъ не подкрѣплены. Научно образованный и даже ученый—вотъ какое высокое значеніе приписывается Серафиму [3]). Въ срединѣ XVIII вѣка патріаршую каѳедру украшалъ еще другой Каллиникъ, IV, родомъ изъ Загоры въ Ѳессаліи. Церковный историкъ XVIII вѣка Сергій Макрей необыкновенно высоко ставитъ просвѣщенность Каллиника. Въ одномъ случаѣ онъ называетъ его мужемъ

[1]) Προκοπίος, σελ. 493. Βενδότου, σελ. 6 (послѣдній по Д. Прокопію). Γεδεών, 622.

[2]) Γεδεών, 627—628. (Но основанія для благопріятнаго отзыва для насъ остаются не ясны).

[3]) Βενδότου, Προσθήκη, σελ. 85. Γεδεών, 632.

„образованнымъ", а въ другомъ даже „многоученнѣйшимъ между лицами учеными и образованными", прибавляя при этомъ, что онъ былъ „жаркимъ ревнителемъ православныхъ догматовъ". Икономосъ, кромѣ того, сообщаетъ, что онъ написалъ исторію константинопольскихъ патріарховъ отъ временъ Геннадія (Схоларія) до эпохи, когда жилъ Калиникъ, но что исторія эта въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія оставалась еще не изданною [1]). Объ указанномъ трудѣ Каллиника мы ничего не знаемъ. Преемникомъ Каллиника IV былъ Серафимъ II, родомъ изъ Эпира, „любитель наукъ", заботившійся о развитіи церковнаго проповѣдыванія, интересовался обществомъ умныхъ и образованныхъ людей и охотно велъ съ ними бесѣды. Онъ устроилъ такъ называемую патріаршую философскую школу въ Константинополѣ, которая имѣла четырехъ профессоровъ, между которыми видное мѣсто занималъ Евгеній Булгарисъ; но эта школа недолго процвѣтала. Макрей замѣчаетъ, что благодаря сейчасъ указанной школѣ „Фанаръ сдѣлался Аѳинополемъ", но безъ сомнѣнія это только гипербола [2]). Немного спустя послѣ Серафима II на каѳедру константинопольскую восходитъ Самуилъ I Ханцерисъ, родомъ византіецъ, одинъ изъ самыхъ дѣйствительно просвѣщенныхъ іерарховъ столицы, XVIII вѣка. Онъ учился въ патріаршей академіи, гдѣ и слушалъ уроки по греческой словесности и философіи, знакомъ былъ съ исторіей и свѣдущъ въ богословіи. Самому ему приписываютъ очень большой умъ. Впослѣдствіи онъ является покровителемъ наукъ. „Возбуждалъ юношество къ пріобрѣтенію знаній, поощрялъ переводы классическихъ новѣйшихъ сочиненій на языкъ греческій и самъ былъ писателемъ". Макрей увѣряетъ, что Самуилъ самъ ревностно проповѣдовалъ въ храмахъ и располагалъ другихъ къ той же дѣятельности. Вѣримъ, что Самуилъ ревностно проповѣдывалъ слово Божіе; но что касается до поощренія другихъ, то строптивый характеромъ патріархъ едвали умѣлъ это дѣлать съ тою любовію и съ тѣмъ снисхожденіемъ, безъ которыхъ поощреніе бываетъ малоуспѣшно.

---

[1]) Σέργ. Μακραῖος. Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία (Sathas. Bibl. III.). σελ. 222. 224. Γεδεών, 648. Мата, I, 798.

[2]) Μακραῖος. Ἐκκλ. ἱστορία, σελ. 229. Γεδεών, 650. 653.

Преосв. Порфирій разсказываетъ слѣдующій фактъ: однажды въ патріаршей церкви (въ Константинополѣ) говорилъ надгробное слово въ присутствіи Самуила и многочисленныхъ христіанъ извѣстнѣйшій своимъ краснорѣчіемъ проповѣдникъ Никифоръ Ѳеотоки. Но не понравилось ли это слово вселенскому владыкѣ, потому ли, что робко было говорено молодымъ священнопроповѣдникомъ, или потому, что было очень длинно: но только случилось слѣдующее: патріархъ, приподнявшись съ своей каѳедры, сурово прервалъ проповѣдника и велѣлъ ему сойти съ амвона. Тотчасъ молодой монахъ замолкъ и вышелъ изъ церкви: такъ-то иногда патріархъ Самуилъ поощрялъ молодыхъ проповѣдниковъ. Самуилу приписываютъ заботу объ умноженіи греческихъ элементарныхъ школъ [1]). Къ разряду патріарховъ, несомнѣнно образованныхъ, должны быть причислены и двое іерарховъ константинопольскихъ, правившихъ церковью въ самомъ концѣ XVIII вѣка—Герасимъ III и Григорій V (послѣдній и въ XIX вѣкѣ еще дважды восходилъ на патріаршую каѳедру). О достаточной образованности Герасима (родомъ съ Кипра) свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что патріархъ Самуилъ назначилъ его въ свое время схолархомъ (т. е. ректоромъ) патріаршей академіи и поручилъ ему преподаваніе греческой словесности, какъ человѣку удовлетворительно знакомому съ „аттическими музами“ (?). Аттестуя Герасима Самуилъ письменно заявлялъ, что онъ „не нашелъ другаго, лучшаго схоларха“, помимо Герасима [2]). Григорій V, родомъ изъ Димицана въ Пелопониссѣ, получилъ основательное образованіе. Сначала онъ учился на родинѣ у двухъ іеромонаховъ, заправлявшихъ образованіемъ въ первоначальныхъ школахъ. Достигнувъ 20-ти лѣтняго возраста, онъ поѣхалъ въ Аѳины и здѣсь въ продолженіи двухъ лѣтъ проходилъ курсъ наукъ подъ руководствомъ Димитрія Водаса, написавшаго учебники по богословію и риторикѣ. Но на этомъ образованіе Григорія еще не за-

[1]) Βενδότης, σελ. 195—196, Μακραῖος. 234, 246, 260. Γεδεών, 657—858. Maurer: Das Griech, Volk, I. 429. Еписк. Порфирія: «Проповѣдники на оо. Средиземнаго моря» (Труды К. Д. А., 1880, I, 207).

[2]) Γεδεών, 673. Γεδεών. Χρονικὰ τῆς Πατριαρχικῆς Ἀκαδημίας, σελ. 176. Константинополь, 1883.

кончилось. Онъ отправляется въ Смирну и поступаетъ въ такъ называемую евангельскую школу (эта школа православная и имѣла курсъ гимназіи). Закончилъ свое образованіе Григорій на Патмосѣ, гдѣ предметомъ изученія для него въ здѣшней школѣ были богословіе и философія. Сдѣлавшись патріархомъ, Григорій озаботился о распространеніи просвѣщенія въ греческомъ народѣ. Немедленно по вступленіи на святительскую каѳедру въ Константинополѣ онъ разослалъ окружныя посланія Грекамъ о пользѣ образованія, учрежденіи школъ новыхъ и улучшеніи уже существующихъ. Повидимому, Григорій заботился не только объ устроеніи школъ, но и о томъ, чтобы эти школы имѣли извѣстное направленіе мысли. Къ послѣднимъ годамъ его правленія церковію относится окружное посланіе, въ которомъ онъ внушаетъ, чтобы изученіе философіи не сопровождалось вредомъ для цѣлости вѣры и чтобы философія находилась въ подчиненіи „отцепреданному благочестію". Смыслъ этого циркуляра понимается различно: одни выводятъ отсюда заключеніе, что Григорій подъ конецъ сталъ гасильникомъ просвѣщенія, другіе усматриваютъ въ этомъ циркулярѣ намѣреніе отклонить отъ греческихъ школъ подозрительное око турокъ, наконецъ третьи понимаютъ его буквально, не вдаваясь въ толкованія. О Григоріи извѣстно, что онъ съ большою ревностію и очень часто произносилъ проповѣди. По смерти этого патріарха племянникъ его Ангелопулъ собралъ сочиненія своего дяди и издалъ ихъ въ двухъ томахъ: судя по заглавіямъ этихъ сочиненій, между ними нѣтъ замѣчательныхъ [1]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ XVIII вѣкѣ насчитывается очень много образованнныхъ патріарховъ константинопольскихъ. Но здѣсь еще исчислены не всѣ патріархи, которыхъ выдаютъ за просвѣщенныхъ. О нѣкоторыхъ изъ тѣхъ патріарховъ, которыхъ выдаютъ за образованныхъ, мы сильно сомнѣваемся: дѣйствительно ли они принадлежатъ къ этому почетному классу. О нихъ теперь и скажемъ нѣсколько словъ. Сюда относятся двое патріарховъ Софроній II и Прокопій. Софронія II (родиной котораго была деревенька близь Дамаска), управлявшаго церковію

[1]) Σάθα. Νεοελλ. φιλολογία, 620, 622, 624. Γεδεών, 675. 685. Маты, II, 43, 48, 52—53.

въ послѣдней четверти XVIII вѣка, очень расхваливаетъ за образованность историкъ Сергій Макрей. Онъ называетъ Софронія умнымъ, свѣдущимъ, учительнымъ. Этотъ же писатель и Кесарій Дапонте [1]) приписываютъ ему прекрасное знаніе арабскаго и турецкаго языковъ. Первый изъ нихъ не знаетъ, какъ еще превознести проповѣдническій талантъ Софронія; онъ увѣряетъ, что каждое слово его и каждый оборотъ рѣчи были цѣлымъ поученіемъ; онъ же пишетъ, что проповѣдникъ отличался необыкновенною глубиною и вліяніемъ на слушателей: онъ будто бы обнаруживалъ „сладостность, силу и умъ самого Іоанна Златоуста". Всѣ эти черты, въ которыхъ описывается просвѣщенность Софронія, намъ кажутся очень подозрительными. Прежде всего, мы, не безъ причины, мало знаемъ о томъ, гдѣ обучался и умственно развивался Софроній. Макрей говоритъ, что онъ курсъ обученія проходилъ въ Іерусалимѣ; но объ іерусалимскихъ школахъ XVIII вѣка никакъ нельзя сказать, что онѣ были хороши. Значитъ, все его образованіе не превышало программы низшихъ школъ. То вѣрно, что онъ обладалъ языками и турецкимъ и арабскимъ, но нельзя сомнѣваться, что это было знаніе не научное, а практическое, навыкъ говорить на этихъ языкахъ, навыкъ опредѣлявшійся родиной Софронія въ антіохійскомъ патріархатѣ (гдѣ, кромѣ языка турецкаго, былъ въ употребленіи и арабскій) и мѣстами его первоначальнаго церковнаго служенія — сначала митрополитомъ въ Халепѣ, а потомъ патріархомъ въ Іерусалимѣ (въ томъ и другомъ мѣстахъ элементъ арабскій былъ силенъ). Что касается его проповѣдничества, допустимъ, что онъ проповѣдывалъ безъ запинки и красно, то вѣдь это не есть плодъ образованія, а природныхъ способностей, привычки, силы воли и чтенія подходящихъ книгъ. Не даромъ Гедеонъ, не смотря на всѣ комплименты, какіе посылаетъ Макрей (и Дапонте) по адресу Софронія II, говоритъ о немъ, что онъ „причастенъ образованію" и никакъ не больше — отзывъ болѣе, чѣмъ скромный. А мы съ своей стороны, зная, что Гедеонъ все же, хоть и немного, склоненъ (положимъ инстинктивно) выставлять патріарховъ константинопольскихъ насколько

[1]) О Кесаріи Дапонте и значеніи его сочиненія въ исторіографіи см. «Обзоръ Источниковъ».

можно въ приличномъ видѣ, считаемъ не безосновательнымъ указать и еще нѣсколько низшую степень образованія, на какой стоялъ Софроній [1]). Теперь скажемъ о патріархѣ Прокопіи, правившемъ церковью на нѣсколько лѣтъ позже Софронія II. Родомъ изъ Пелопонисса, Прокопій, по отзыву Гедеона, является человѣкомъ образованнымъ и любителемъ науки. Но такой отзывъ намъ кажется преувеличеннымъ. Нужно представлять себѣ Прокопія стоящимъ много ниже дѣйствительно образованныхъ патріарховъ XVIII вѣка. Думаемъ, что, дѣлая свой отзывъ о Прокопіи, нашъ Гедеонъ не оцѣнилъ тѣхъ данныхъ, которыя можно почерпать изъ источниковъ. Называя Прокопія образованнымъ, Гедеонъ цитируетъ извѣстнаго намъ историка Сергія Макрея; но его цитатъ на этотъ разъ ошибоченъ. Макрей не можетъ быть поставленъ въ числѣ свидѣтелей, удостовѣряющихъ фактъ образованности разсматриваемаго патріарха. Прежде всего, Макрей, конечно, не безъ цѣли упоминаетъ о томъ, что Прокопій происходилъ отъ самобѣднѣйшей семьи, которая, конечно, не могла и помышлять о надлежащемъ научномъ воспитаніи будущаго іерарха. Затѣмъ, тотъ же Макрей замѣчаетъ, что онъ воспитывался у брата своего, митрополита ганскаго и хорскаго. Больше ни о какихъ учителяхъ Прокопія у Макрея не говорится. Ясное дѣло, что Прокопій не получилъ сколько нибудь правильнаго и систематическаго образованія. Правда, Макрей называетъ этого патріарха: φιλομαθής (любителемъ науки или ученія), но этотъ терминъ указываетъ на склонности Прокопія, а не указываетъ на то: къ какому результату привели его эти склонности [2]). Спрашивается: на какихъ же основаніяхъ можно признавать Прокопія человѣкомъ образованнымъ? А между тѣмъ Гедеонъ именуетъ его: πεπαιδευμένος—настоящимъ образованнымъ человѣкомъ, ибо этотъ эпитетъ у греческихъ писателей употребляется только по отношенію къ лицамъ въ значительной и даже очень значительной степени—просвѣщеннымъ [3])?

[1]) Μακραῖος, 302, 306. 316. 321. Δαπόντε(s). Κατάλογος ἱστορικὸς ἀνδρῶν Επισήμων (Sathas. Bibl Gr. III), σελ. 83—84. Γεδεών, 665.

[2]) Γεδεών, 670. Μακραῖος, 361—362.

[3]) Этотъ похвальный отзывъ получился у Гедеона путемъ слѣдующей, имѣющей очень мало общаго съ истинною наукой, манипуляціи: о Прокопіи у Макрея говорится: παιδευθεὶς παρά τῷ ἀδελφῷ; изъ этихъ. ничего осо-

Итакъ и Прокопія, подобно Софронію II, нельзя причислить къ патріархамъ, блиставшимъ научнымъ образованіемъ на константинопольской каѳедрѣ. Нѣтъ сомнѣнія, онъ былъ еще менѣе образованнымъ іерархомъ, чѣмъ Софроній.

Объ одномъ патріархѣ XVIII вѣка, Кириллѣ V, по прозванію Каракалосъ, до насъ дошли извѣстія столь смѣшаннаго характера, что затрудняешься: куда его причислить— къ достойнѣйшимъ ли по своему образованію іерархамъ, или же къ лицамъ противнаго лагеря? Время правленія этого патріарха падаетъ на средину XVIII вѣка. Родомъ изъ Навпліи, онъ сначала учился въ монастырской школѣ въ Димицанѣ, а потомъ поступилъ въ очень извѣстную школу на Патмосѣ, но отсюда онъ былъ изгнанъ за свой неуживчивый характеръ (Гедеонъ). Выходитъ, какъ будто-бы, что онъ неучъ, человѣкъ невѣжественный. Но однакожъ патріаршая его дѣятельность не только не даетъ права на такой выводъ, но и склоняетъ какъ будто бы къ противоположному выводу. О немъ сообщаютъ, что къ лицамъ, составлявшимъ педагогическій персоналъ, онъ относился внимательно; заботился о развитіи способовъ общественнаго воспитанія и образованія и близко принималъ къ сердцу вопросъ о размноженіи школъ. Онъ сдѣлалъ то, чего никто до него изъ числа патріарховъ сдѣлать не догадался: устроилъ школу на горѣ Аѳонской и устроилъ ее очень хорошо, такъ что по гиперболическому выраженію современника она являлась чѣмъ то въ родѣ классической академіи или лицея (Икономосъ и Макрей). Но въ подробности о школѣ Аѳонской пускаться не станемъ: для этого будетъ еще случай. Все это прекрасно. Но историки (Гедеонъ) съ другой стороны указываютъ, что никто иной, какъ самъ же Кириллъ Каракалосъ и способствовалъ быстро послѣдовавшему упадку Аѳонской школы. Дѣло въ слѣдующемъ: лишенный патріаршей каѳедры Кириллъ проживалъ на св. Горѣ, въ скитѣ св. Анны, и сталъ донимать пре-

бенняго не означающихъ, словъ получилась у Гедеона многознаменательная характеристика патріарха: πεπαιδευμένος (!!); еще Макрей правда упоминаетъ, что Прокопій былъ φιλομαθής, но поставляетъ это слово на ряду съ слѣдующими: φιλοδίκαιος, φιλάγαθος, слѣдовательно, онъ придаетъ первому эпитету несомнѣнно нравственное значеніе, а Гедеонъ употребляетъ его для характеристики интеллектуальной физіономіи патріарха.

слѣдованіями лучшаго профессора Аѳонской академіи (какъ иногда называютъ разсматриваемую школу) и подготовилъ самую эту школу къ упадку [1]).

Упомянемъ наконецъ о такихъ патріархахъ XVIII вѣка, которые по яснымъ свидѣтельствамъ принадлежали или къ малообразованнымъ, или же совсѣмъ необразованнымъ іерархамъ: нужно сознаться, что и въ XVIII вѣкѣ встрѣчались на столичной каѳедрѣ патріархи и этого послѣдняго разряда. Къ числу малообразованныхъ константинопольскихъ іерарховъ указаннаго вѣка слѣдуетъ отнести Гавріила III-го, правленіе котораго столичною церковію совпало съ первыми годами знаменитаго вѣка просвѣщенія. Родомъ изъ Смирны, Гавріилъ III, по отзыву Гедеона „былъ причастникомъ посредственнаго образованія". Но если мы прочтемъ тѣ строки изъ „Перечня" ученыхъ Грековъ, который сочиненъ Д. Прокопіемъ, то увидимъ, что усилія этого писателя сказать хоть что нибудь въ похвалу просвѣщенности патріарха, кончаются полнѣйшей неудачей: замѣтно, что хвалить Гавріила ровно не за что, если станемъ оцѣнивать его личность по интеллектуальной ея сторонѣ [2]). Тоже самое должно сказать о Мелетіи II (правилъ церковію въ 60-хъ годахъ). Мелетій, родомъ съ о. Тенедоса, по словамъ М. Гедеона „не лишенъ былъ койкакого образованія". Разумѣется этого мало для такой важной особы, какъ патріархъ константинопольскій [3]). Прямо необразованными патріархами, относящимися къ XVIII вѣку, считаютъ Кипріана (правилъ столичною церковію въ первыхъ годахъ вѣка). Онъ былъ невѣжественъ— и пьяница (Вендотисъ) [4]). Другимъ и послѣднимъ необразованнымъ патріархомъ константинопольскимъ тѣхъ же временъ оказался Неофитъ VI, родомъ съ о. Патмоса, державшій въ своихъ рукахъ бразды церковнаго управленія

---

[1]) Μακραῖος, 218—219. Мата, II, 796, Γεδεὼν, 642. 645. Очень странно: почему Гедеонъ и Вендотисъ совсѣмъ если не ошибаемся, не упоминаютъ объ устройствѣ Кирилломъ недолговѣчной, но все же знаменитой Аѳонской школы или Академіи (иногда она же называется и гимназіей)?

[2]) Προκοπίου. 482—483. Γεδεὼν, 614.

[3]) Повидимому свой отзывъ Гедеонъ (σελ. 661) дѣлаетъ на основаніи словъ Макрея (σελ. 273).

[4]) Βενδότης, σελ. 5. Cf. Elssner: Fortsetzung der neusten Beschribung der Griech. Christen in der Türckei, s. 77, Berl. 1747.

нѣсколько раньше средины разсматриваемаго вѣка. По однимъ онъ былъ человѣкъ „не ученый" (Гедеонъ), по другимъ — „простой и почти неграмотный (Вендотисъ). Значитъ и въ вѣкъ „просвѣщенія" на Западѣ, на Востокѣ повторяются все прежніе примѣры невѣжества,—тамъ, гдѣ ему не должно быть мѣста [1]).

О истекшемъ, XIX, вѣкѣ въ разсматриваемомъ отношеніи скажемъ коротко. Это мы сдѣлаемъ изъ опасенія, что мелкота извѣстій и скрупулезность критики этихъ послѣднихъ—привнесенныя въ обзоръ и этого вѣка, могутъ слишкомъ утомить вниманіе читателя, потерпѣвшее достаточно испытанія и на предшествующихъ страницахъ. Первѣе всего мы станемъ говорить о патріархѣ XIX вѣка, по имени Константіи I. Мы отводимъ ему первое мѣсто не потому, чтобъ его правленіемъ открывался XIX вѣкъ исторіи греческой церкви—этого не было: Константій патріаршествовалъ въ тридцатыхъ годахъ,—а потому, что имя это очень замѣчательно въ исторіи христіанскаго просвѣщенія въ Греціи. Константій — это былъ дѣйствительно ученый патріархъ. Можно сказать, что по учености онъ былъ первымъ преемникомъ Геннадія Схоларія на патріаршей каѳедрѣ Константинополя. Древняя столица византійскаго царства почти 300 лѣтъ не видала такого образованнѣйшаго патріарха, какимъ является Константій. Онъ родился въ Константинополѣ въ 1770 году, сначала получилъ образованіе въ одной элементарной школѣ, а потомъ учился въ патріаршей академіи. Впослѣдствіи ему удалось кончить курсъ въ другой академіи, именно нашей Кіевской, куда направилъ его фельдмаршалъ Румянцевъ, познакомившійся съ Константіемъ въ Молдавіи. Въ Кіевской академіи будущій патріархъ учился четыре года и изучилъ здѣсь какъ философскія и богословскія науки, такъ и языки латинскій и славянскій: на русскомъ языкѣ онъ впослѣдствіи свободно изъяснялся и читалъ русскія богословскія сочиненія. По окончаніи образованія Константій былъ возведенъ въ санъ архіепископа Синайскаго, но эта должность не заставляла его жить на горѣ Синайской, гдѣ конечно ему нечего было дѣлать. Считаясь архіепископомъ Синайскимъ и получая доходы, усвоенные

[1]) Γεδεών, 634. Βενδότης, 86.

этому іерарху (эти доходы получались главнымъ образомъ отъ такъ называемыхъ „преклоненныхъ" богошественной горѣ недвижимыхъ имуществъ въ разныхъ православныхъ странахъ), онъ жилъ однакожъ на прекрасномъ о. Кипрѣ, гдѣ находился Синайскій метохъ (подворье). Цѣлыхъ шесть лѣтъ прожилъ здѣсь Константій, пользуясь тишиной, досугомъ и превосходнымъ климатомъ. Любимымъ его занятіемъ была наука: онъ здѣсь ревностно изучалъ св. Отцевъ церкви, археологію—и въ особенности историковъ, къ которымъ онъ всегда питалъ преимущественную наклонность. Въ 1811 году онъ перебрался въ самый Константинополь, гдѣ тоже находился Синайскій метохъ: на зиму онъ оставался въ этомъ метохѣ, а весной и лѣтомъ проводилъ время на прекрасномъ о. Антигонѣ въ Мраморномъ морѣ. И теперь, живя въ Константинополѣ и на Антигонѣ, Константій всего болѣе занимался наукой въ томъ же самомъ направленіи, какъ и раньше. Синайскій метохъ въ Константинополѣ еще до времени патріаршества Константія—сдѣлался по выраженію греческихъ писателей вторымъ Музеемъ (Аристотелевскимъ) и Академіей Наукъ въ Константинополѣ. Здѣсь можно было встрѣчать и патріарховъ, и архіереевъ, и сановныхъ политиковъ и вообще многихъ и многихъ: одни изъ посѣтителей Константія приходили затѣмъ, чтобы послушать его краснорѣчивую бесѣду, другіе затѣмъ, чтобы услышать отъ него полезный совѣтъ, а третьи затѣмъ, чтобы найти разрѣшеніе многихъ и разнообразныхъ вопросовъ научнаго свойства. Въ числѣ гостей Константія можно было видѣть и Русскихъ, интересовавшихся археологіей и исторіей, и эти посѣтители потомъ навсегда сохраняли память объ ученыхъ бесѣдахъ греческаго просвѣщеннаго архіерея и съ благодарностію сообщали своимъ соотечественникамъ о той научной помощи, какую находили у этого просвѣщеннаго мужа въ тѣхъ случаяхъ, когда искали и желали ея. Потомъ онъ избранъ былъ въ патріархи столицы, патріаршествовалъ однакожъ онъ недолго (1830—1834 г.). Но и въ это недолгое время онъ немало сдѣлалъ въ интересахъ народнаго просвѣщенія. Онъ устроилъ въ Константинополѣ такъ называемыя школы взаимнаго обученія, одну изъ такихъ школъ онъ устроилъ на свой соб-

ственный счетъ въ Фанарѣ, положилъ основаніе для такъ называемой филологической коммерческой школы на о. Халки, и до нынѣ процвѣтающей. Много заботъ онъ употребилъ на то, чтобы привести въ лучшее состояніе и патріаршую Академію въ Фанарѣ. Полезное патріаршествованіе Константія, какъ мы сказали, продолжалось около пяти лѣтъ. Послѣ того какъ онъ оставилъ патріаршую каѳедру, Константій возвратился къ прежней жизни патрона и воздѣлывателя науки. Мѣстомъ его пребыванія зимой былъ метохъ въ столицѣ, а лѣтомъ дача на Антигонѣ. Книги и любознательные посѣтители составляли его общество. Пользуясь свободой и накопленными знаніями, онъ составилъ нѣсколько историческихъ и археологическихъ сочиненій, списокъ которыхъ довольно длиненъ. Константій достигъ глубокой старости, онъ умеръ въ 1859 году [1]).

Само собою разумѣется, что рядомъ съ Константіемъ въ разсматриваемомъ отношеніи нельзя поставлять никого изъ патріарховъ XIX вѣка. Правда о нѣкоторыхъ патріархахъ нашего вѣка сообщаются извѣстія, дающія право утверждать, что образованность и любовь къ наукѣ въ лицѣ того или другого константинопольскаго іерарха восходила на каѳедру патріаршую, но такихъ личностей немного, да и немногое можно сказать въ похвалу ихъ интеллектуальной физіономіи. Перечислимъ ихъ. Кириллъ VI, родомъ изъ Адріанополя, учился въ здѣшнихъ школахъ, правилъ церковію въ первой четверти вѣка. Его называютъ любителемъ просвѣщенія и покровителемъ людей ученыхъ. Онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько значительныхъ сочиненій. Ему приписываютъ устроеніе въ Константинополѣ музыкальной школы (пѣнія?), въ которой дѣло велось по новымъ методамъ [2]). Къ числу сравнительно болѣе образованныхъ патріарховъ разсматриваемаго вѣка относятся еще: Хрисанѳъ, Агаѳангелъ и Іоакимъ III. Хрисанѳъ, родомъ изъ Македоніи, занималъ патріаршую каѳедру въ 20-хъ годахъ, получилъ образованіе „въ цвѣтущихъ школахъ Козани и Ѳессалоники“. Преем-

[1]) Σάθα. Νεοελληνικὴ φιλολογία, σελ. 741—743. Γεδεὼν, 689. 690. Базили: Очерки Константинополя, часть II, 152—153 (Петерб., 1835).
[2]) Γεδεὼν, σελ. 683, 684. Маты, II, стр. 51.

никъ его Агаөангелъ, родомъ адріанополецъ, называется мужемъ образованнымъ, былъ свѣдущъ въ языкахъ болгарскомъ, русскомъ (онъ нѣкоторое время жилъ въ Москвѣ), французскомъ и турецкомъ. Іоакимъ III, родомъ византіецъ, въ мірѣ имѣвшій у насъ неупотребляемое имя: Христосъ (Χρῆστος), въ первый разъ правилъ церковію въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ. Онъ былъ знатокомъ языковъ турецкаго, волошскаго, нѣмецкаго. Важнѣйшею его заслугою нужно считать основаніе церковнаго журнала въ Константинополѣ: „Церковная Истина". Этотъ журналъ служитъ богатымъ подспорьемъ въ развитіи богословской науки въ столицѣ Турціи [1]).

О другихъ патріархахъ константинопольскихъ XIX вѣка и того немногаго нельзя сказать, что нами сейчасъ сказано о Хрисанөѣ, Агаөангелѣ и Іоакимѣ III. Ихъ образованіе было или едва-едва достаточное для того, чтобы занимать съ честію такое высокое мѣсто, какъ патріаршая каөедра въ славномъ Константинополѣ, или же — чего нельзя было бы и ожидать—они были положительно необразованными. Такъ, Анөимъ III (въ 20-хъ годахъ) имѣлъ лишь посредственное образованіе. (По другимъ, былъ „не очень образованнымъ человѣкомъ"). Анөимъ IV Вамвакисъ (въ 40-хъ годахъ) имѣлъ „достаточное образованіе"—достаточное —для чего?—Очевидно, для того, чтобы не считаться малообразованнымъ. О Анөимѣ VI (патріаршествовалъ въ тѣхъ же 40-хъ годахъ) говорится, что онъ причастенъ „нѣкоторому образованію". Кириллъ VII (въ концѣ 50-хъ годовъ) извѣстенъ посредственнымъ образованіемъ — безъ указанія какихъ либо подробностей [2]).

Ниже сейчасъ перечисленныхъ патріарховъ по своему образованію стояли: Германъ IV и Іоакимъ II. Германъ IV, хотя во время своего патріаршества, въ 1844 году и основалъ извѣстную богословскую школу въ Константинополѣ на о. Халки, самъ получилъ лишь элементарное образованіе. Подобное свидѣтельство имѣемъ и о патріархѣ Іоакимѣ II: все его образованіе закончилось съ окончаніемъ имъ курса въ первоначальной школѣ (церковію управлялъ въ 60-хъ годахъ). О преемникѣ Германа Софроніи III

[1]) Γεδεὼν σελ. 688—9; 707—708.
[2]) Γεδεὼν, 686 (Маты II, 57), 694, 697, 699.

встрѣчаемъ замѣтку, что онъ любилъ музыку и устроилъ школу церковнаго пѣнія [1]. Не слѣдуетъ ли отсюда, что объ его образованіи совсѣмъ нечего сказать?

Къ совершенно неученымъ патріархамъ въ XIX вѣкѣ относятся двое: Каллиникъ V и Іеремія IV. Управленіе Каллиника V церковію совпадаетъ съ первыми годами истекшаго вѣка; хотя онъ и былъ человѣкомъ умнымъ (Икономосъ), но тѣмъ не менѣе былъ совершенно необразованъ (ἀμαθὴς ἄνθρωπος). Іеремія IV, при отличавшей его любви къ наукѣ и его умѣ (συνετός) не имѣлъ образованія (къ нему прилагаются тѣже слова, какъ и къ Каллинику). А о патріархѣ Константіи II (1834—1835 г.) Гедеонъ замѣчаетъ лишь: „это человѣкъ недостойный того, чтобы о немъ говорить" [2]. Что могла бы значить такая аттестація?

Мы довели до предположеннаго конца наши разсужденія о константинопольской патріархіи по ея интеллектуальной сторонѣ. Несомнѣнно, что они не производятъ впечатлѣнія цѣльности и гармоніи. Но въ этомъ не наша вина. О второй половинѣ XV-го и XVI вѣкѣ наши свѣдѣнія по части посвященія патріарховъ не богаты, но это такая сѣдая старина турецкаго періода греческой церкви, что мы не вправѣ ожидать богатства историческихъ матеріаловъ для эпохи, столь отдаленной отъ нашего вѣка. Тѣмъ не менѣе благодаря прекраснымъ трудамъ Дамаскина Студита, разумѣемъ его Historia Patriarchica и Historia Politica, мы достаточно вѣрно, какъ намъ кажется, представляемъ себѣ состояніе просвѣщенія патріархіи указанныхъ вѣковъ. Переходя отъ XVI вѣка къ XVII, изслѣдователь, какъ мы отмѣтили это раньше, встрѣчаетъ странное явленіе: число образованныхъ патріарховъ въ это время вмѣсто приращенія сводится къ минимуму? Отчего это происходитъ? Еще болѣе затрудненій испытываетъ историкъ, описывая XVIII вѣкъ, поскольку въ немъ жили тѣ или другіе патріархи константинопольскіе. Число образованныхъ патріарховъ этого времени вдругъ намного поднимается по сравненію съ прежнимъ вѣкомъ? Какъ понимать это явленіе? Едвали мы ошибемся, если

1) Γεδεὼν, 695, 701—703.
2) Тамъ же, σελ. 679 (Ср. Маты II, 47), 682. 692.

скажемъ, что вѣроятно и XVII и XVIII вѣка по отношенію къ образованію въ Греціи ничѣмъ существенно не отличались одинъ отъ другаго. Едвали XVII вѣкъ на самомъ дѣлѣ такъ проигрываетъ по сравненію съ XVIII. Все дѣло, кажется, сводится къ тому, что XVII вѣкъ не имѣлъ обстоятельныхъ писателей, которые сохранили бы нужныя для насъ данныя, и безцеремонныхъ панегиристовъ этого вѣка. XVIII же вѣкъ извѣстенъ тѣмъ, что тогда жило нѣсколько писателей, очень склонныхъ впадать въ оптимизмъ и многоглаголивыхъ (Дапонте, Д. Прокопій и отчасти Макрей). Вѣрить имъ на слово едвали возможно. Ихъ отзывы о патріархахъ походятъ на тѣ отмѣтки, какіе проставляются въ кандидатскихъ (а въ старину: и въ магистерскихъ) дипломахъ Духовныхъ Академій. Здѣсь обыкновенно читаемъ: отлично хорошо, весьма хорошо и пр. Но такимъ отмѣткамъ не придаютъ серьезнаго значенія ни благодушные экзаменаторы, которые наставили лестныхъ отмѣтокъ, ни сами владѣтели дипломовъ, ни начальство, которому предъявляются эти дипломы; а меньше всего значенія этимъ отмѣткамъ даютъ мусорщики, къ которымъ съ теченіемъ времени попадаютъ дипломы: мусорщики цѣнятъ больше всего бумагу и пергаментъ. Почти тоже значеніе имѣетъ и большинство свидѣтельствъ о состояніи просвѣщенія въ константинопольской патріархіи указаннаго вѣка [1]). Отзывы эти подозрительны по ихъ оптимизму. М. Гедеонъ знаетъ имъ цѣну и поступаетъ благоразумно, когда эти отзывы убавляетъ на 90% по ихъ количеству (т. е. по ихъ стремленію широко расписывать интеллигентность патріарховъ) и когда онъ же убавляетъ ихъ на 25% по ихъ качеству. Мы вполнѣ раздѣляемъ воззрѣнія Гедеона, сбавляющаго въ сейчасъ указанномъ случаѣ 90%, но должны сказать, что онъ еще мало сбавляетъ съ цѣны, когда провѣряетъ качественное достоинство оптимистическихъ отзывовъ.

---

[1]) Въ источникахъ XVIII вѣка встрѣчаемъ отзывы о патріархахъ: ἐλλόγισμος—πολυμαθής—εἰδήμος чего-нибудь — ἔμπειρος-πεπαιδευμένος— ἐπίσημος διὰ μάθησιν—τῶν πεπαιδευμένων πολυμαθέστατος—φιλόμουσος — εὐμαθής — φιλομαθής κ. λ. π. Но эти отзывы, въ особенности если они заразъ въ большомъ количествѣ прилагаются къ одному и тому же лицу (а это бываетъ съ патріархами XVIII вѣка), ясно имѣютъ очень много общаго съ вышеуказанными отмѣтками на дипломахъ.

Намъ кажется, что мы сами поступаемъ правильнѣе, сбавляя цѣну отзывовъ по ихъ качественности на 50%. Что такая процедура качественной сбавки въ отзывахъ XVIII вѣка очень позволительна, это легко усмотрѣть изъ слѣдующаго: сравнивая XVIII и XIX вѣка, мы видимъ, что въ XIX вѣкѣ число образованныхъ патріарховъ въ Константинополѣ вдругъ упадаетъ и убавляется по сравненію съ XVIII вѣкомъ. Но этого явленія въ дѣйствительности быть не могло: если много было образованныхъ архипастырей столицы въ XVIII вѣкѣ, въ XIX ихъ должно быть еще больше. Разница, столь замѣтная съ перваго взгляда между XVIII и XIX вѣками—кажущаяся: патріарховъ XVIII вѣка перехвалили, а патріарховъ XIX вѣка никто не счелъ необходимымъ хвалить до излишества [1]). Поэтому, полагаемъ, что начертанная нами, картина просвѣщенія патріарховъ XIX вѣка правильнѣе и безпристрастнѣе, чѣмъ какъ можно описывать ту же сторону дѣла за XVIII вѣкъ. Вообще, если историческіе отзывы о XV и XVI вѣкахъ оставимъ почти неприкосновенными, а слишкомъ малочисленные благопріятные отзывы о XVII вѣкѣ нѣсколько расширимъ и разбавимъ ихъ оптимизмомъ, отзывы же о XVIII вѣкѣ намного поубавимъ, растворивъ ихъ пессимизмомъ,—и оставимъ безъ существенныхъ измѣненій отзывы о XIX вѣкѣ, то полагаемъ, что мы приблизимся къ истинно-историческому представленію о степени просвѣщенности патріархіи отъ второй половины XV вѣка до ближайшихъ къ намъ временъ, при чемъ, конечно, мы не должны забывать того общаго правила, что просвѣщеніе движется впередъ, и что позднѣйшіе вѣка въ этомъ отношеніи счастливѣе прежнихъ.

---

[1]) Скромность есть лучшее украшеніе XIX вѣка. Вмѣсто пышныхъ и невѣроятныхъ эпитетовъ, какими украшались патріархи XVIII вѣка за ихъ просвѣщенность и умъ, у писателей этого самаго вѣка,—въ источникахъ XIX вѣка встрѣчаемъ очень скромныя рекомендаціи интеллектуальныхъ достоинствъ патріарховъ этого вѣка. О патріархахъ или умалчивается: каковы они были въ этомъ отношеніи (разумѣется не безъ цѣли), или же, какъ мы уже знаемъ, попадаются, и часто, замѣтки въ родѣ слѣдующихъ: μετρίας παιδεύσεως, παιδεύσεως τινος (sic!), παιδείας μετρίας; или даже замѣтки еще болѣе скромнаго характера: στοιχειώδους παιδεύσεως, στοιχειωδεστάτης παιδεύσεως; встрѣчаются и совсѣмъ обидныя замѣтки: ἀμαθής! Ужъ тутъ нѣтъ прикрасъ и лести, или пустой риторики!

II.

Нравственный обликъ, церковно-общественная дѣятельность, нестроенія и злополучія константинопольской патріархіи.

(Во второй половинѣ XV-го и XVI вѣкѣ).

Для того, чтобы самимъ намъ легче было разобраться въ многочисленныхъ матеріалахъ, служащихъ основаніемъ предлежащаго церковно-историческаго трактата, и съ другой стороны ради удобства читателя, мы раздѣлимъ этотъ трактатъ на нѣсколько отдѣловъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Не считаемъ нужнымъ скрывать, что для такого дѣленія на отдѣлы у насъ нѣтъ внушительныхъ и непререкаемыхъ основаній; но тѣмъ не менѣе поставляя грани, разграничивающія одинъ отдѣлъ отъ другаго, мы далеки отъ того, чтобы дѣйствовать произвольно. Напримѣръ, первый отдѣлъ указаннаго трактата будетъ обнимать явленія въ исторической жизни константинопольской патріархіи, начиная отъ средины XV вѣка почти до самаго конца XVI вѣка, до заключенія правленія церкви извѣстнымъ патріархомъ Іереміею II-мъ. Правленіе Іереміи II мы принимаемъ за конецъ перваго отдѣла даннаго историческаго трактата, не только потому, что съ этимъ патріаршествомъ прерывается одинъ изъ очень важныхъ источниковъ для исторіи греческой церкви турецкаго періода—разумѣемъ Historia Patriarchica Дамаскина Студита, которую нѣсколько восполняетъ извѣстный уже намъ Іероѳей монемвасійскій,—но и потому, что въ патріаршество Іереміи происходитъ важное событіе въ истотріи патріархіи: эта послѣдняя лишается монастыря „Всеблаженной", гдѣ со времени Магомета II константинопольскіе іерархи имѣли свою резиденцію, и она, патріархія, вынуждена была искать для себя новаго убѣжища, каковымъ послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ водворить патріархію тамъ или здѣсь, и сдѣлался наконецъ знаменитый или если угодно—пресловутый Фанаръ. Впрочемъ водвореніе патріархіи въ Фанарѣ было уже по смерти Іереміи; это водвореніе мы разсматриваемъ какъ естественное начало, которымъ открывается дальнѣйшій или второй отдѣлъ взятый нами на себя работы изучать патріархію съ той ея стороны, которая нами выше намѣчена такъ: „нравственный обликъ,

церковно-общественная дѣятельность... константинопольской патріархіи".

Итакъ мы сказали, что прежде всего въ видѣ отдѣльнаго цѣлаго мы постараемся изучить состояніе патріархіи въ упомянутомъ отношеніи—отъ половины XV до конца XVI вѣка [1]). Первымъ вопросомъ въ этомъ случаѣ, какъ намъ кажется, должно быть: какіе патріархи этихъ временъ оставили по себѣ память въ исторіи, какъ о лучшихъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ, по своей нравственной жизни іерархахъ, и какіе изъ тѣхъ же патріарховъ оказывались ниже того назначенія, какое имъ было предъуказано? Нѣтъ сомнѣнія, Геннадій Схоларій въ нравственномъ отношеніи долженъ быть поставленъ такъ же высоко, какъ высоко онъ стоялъ и въ умственномъ отношеніи; но говорить о Геннадіи, послѣ того, какъ нами посвящена была этой личности нѣсколько раньше отдѣльная глава, мы считаемъ дѣломъ лишнимъ. А потому обратимся къ его преемникамъ на константинопольской каѳедрѣ.

Непосредственнымъ преемникомъ Геннадія былъ Исидоръ, іеромонахъ. До возведенія въ патріархи онъ былъ общимъ духовникомъ константинопольскаго народа. Его правленіе церковію было мирно и неблазненно. О нравственномъ характерѣ этого патріарха лѣтописецъ знаетъ лишь одно хорошее. Духовная паства уважала его—и было за что: онъ являлся образомъ архіерея. Къ сожалѣнію,

---

[1]) Для большой хронологической ясности настоящаго очерка помѣщаетъ списокъ константинопольскихъ патріарховъ: Геннадій Схоларій (1454—1456 г.), Исидоръ (1456—1463), Софроній I (? 1463—1464), Іоасафъ I (1464—1466), Маркъ II (1466—1467), Діонисій I (1467—1472), Симеонъ I (1472—1475), Рафаилъ I (1475—1476), Максимъ III (1476—1482), Симеонъ I (1482—1486, вторично), Нифонтъ II (1486—1489), Діонисій I (1489—1491, вторично), Максимъ IV (1491—1497), Нифонтъ II (1497—1498, вторично), Іоакимъ I (1498—1502), Пахомій I (1503—1504), Іоакимъ I (1504—1505 вторично), *Пахомій I* (1505—1514, вторично), *Ѳеолиптъ I* (1514—1520), *Іеремія I* (1520—1522), Іоанникій I (1522—1523 или 4), Іеремія I (1524—1537, вторично), Діонисій II (1537), Іеремія I (1537—1545, третично), Діонисій II (1545—1555, вторично), Іоасафъ II (1555—1565), Митрофанъ III (1565—1572), Іеремія II (1572—1579), Митрофанъ III (1579—1580, вторично), Іеремія II (1580—84, вторично), *Пахомій II* (1584—1585), *Ѳеолиптъ II* (1585—1586), *Іеремія II* (1586—1595 г., третично). Списокъ вышепоименованныхъ патріарховъ до Іереміи II включительно—составленъ нами на основаніи извѣстной книги Πίναξ Мануила Гедеона.

никакихъ подробностей, характеризующихъ образъ Исидора—историки не сохранили до нашего времени. Лѣтописецъ прилагаетъ къ нему извѣстныя слова изъ посланія къ Евреямъ: „преподобенъ, незлобивъ, безпороченъ", но не говоря о неумѣстности этихъ словъ, тотъ же лѣтописецъ это же самое изреченіе прилагаетъ потомъ и еще къ одному патріарху (Іереміи II-му), слѣдовательно, если это изреченіе и прилагается къ Исидору, то въ немъ не заключается какой нибудь особенной исключительной похвалы по отношенію къ разсматриваемому патріарху [1]).— Пользуемся случаемъ, чтобы сдѣлать замѣчаніе о томъ, изъ кого избирались патріархи теперь и стали избираться впослѣдствіи. Исидоръ, какъ видимъ, избранъ патріархомъ изъ іеромонаховъ, а Геннадій даже изъ простыхъ монаховъ. Но такіе случаи довольно скоро перестали имѣть мѣсто. Еще четыре или пять патріарховъ въ XV вѣкѣ возведены въ патріархи не изъ епископовъ, а затѣмъ патріарховъ стали избирать исключительно изъ архіереевъ. Съ конца XV вѣка такая практика сдѣлалась господствующею. Эта практика составляетъ нѣчто новое по сравненію съ христіанскими временами византійской исторіи: при христіанскихъ императорахъ въ патріархи возводились лица не епископскаго достоинства, иногда даше міряне [2]). Новая практика, если не ошибаемся, имѣла цѣлію нѣкоторымъ образомъ уравнять патріарха константинопольскаго съ папою, который уже давно избирался изъ лицъ архіерейскаго сана.

Высокими нравственными достоинствами отличался также и патріархъ Діонисій I, извѣстный съ именемъ филиппопольскаго, такъ какъ онъ вошелъ на патріаршую каѳедру изъ митрополитовъ филиппопольскихъ. Родиной его былъ Пелопониссъ, по архіерейству онъ былъ ставленникомъ Геннадія Схоларія. Лѣтописецъ, говоря о Діонисіи, дѣлаетъ слѣдующую характеристику: онъ былъ человѣкомъ совершеннымъ въ добродѣтели и отличался монашескими достоинствами; много постился, цѣлыя ночи проводилъ въ бдѣніяхъ и молитвѣ; если ему нужно было куда нибудь отправиться по дѣламъ церковнымъ, онъ ни-

[1]) Historia Patriarchica, p. 95. Cf. p. 191. Edit. Bonn.
[2]) Γεδεών. Πατριαρχικοί Πίνακες, σελ. 21. 24.

когда не позволялъ себѣ сѣсть на лошадь, онъ всегда ходилъ пѣшкомъ, не смотря на глубокую старость. Въ его патріаршество въ Константинополѣ случилось сильное и многократное землетрясеніе, благочестивый же патріархъ, чтобы утолить гнѣвъ Царя Небеснаго, въ эти несчастные дни проводилъ время въ томъ, что ходилъ изъ одной церкви въ другую, совершая вездѣ молебныя пѣнія. Большая часть его правленія церковію протекла въ великомъ мирѣ и церковь жила въ полномъ единомысліи [1]). Впрочемъ начало его патріаршествованія ознаменовалось нѣкоторыми волненіями въ церкви, но объ этихъ волненіяхъ рѣчь впереди.

Съ большими похвалами древніе, а за ними и новые историки отзываются о патріархѣ Симеонѣ, родомъ изъ Трапезунда. Онъ былъ склоненъ дѣлать все на пользу ближнихъ; его нищелюбіе было такъ необыкновенно, что, по словамъ лѣтописца, въ этомъ отношеніи едва ли кто изъ современниковъ могъ равняться съ нимъ. За свою добродѣтель Симеонъ сдѣлался общимъ любимцемъ. Его правленіе церковію протекло въ мирѣ, безо всякой смуты и соблазна [2]). Къ сожалѣнію, мы лишены какихъ либо подробностей относительно нравственной жизни этого патріарха. Послѣ смерти патріарха Симеона осталось значительное богатство; и такъ какъ онъ умеръ не составивъ завѣщанія, то изъ-за этого богатства возникли тяжкія послѣдствія и для самой церкви [3]). Но кажется нѣтъ основаній существованіе богатства у Симеона ставить ему въ грѣхъ и вину. Нужно полагать, что самъ Симеонъ происходилъ изъ богатой фамиліи и имущество его было не благопріобрѣтеннымъ, а наслѣдованнымъ.—Выше мы сказали, что Симеонъ былъ трапезундецъ. Съ именемъ трапезундцевъ того времени, о которомъ мы говоримъ, соединяется у нѣкоторыхъ новѣйшихъ историковъ представленіе какъ о лицахъ, наклонныхъ къ интригамъ и без-

---

[1]) Historia Patriarch., p. 108. 133. Κιγάλας. Νέα σύνοψις, σελ. 449. Δωροθέος: Βιβλίον ἱστορικὸν, σελ. 431. Кигала въ данномъ случаѣ не походитъ на Доровея—новое доказательство независимости перваго отъ втораго (противъ Саты).

[2]) Hist. Patriarchica, p. 102. 112. Μελετίου, ἱστορία III, 331. Γεδεὼν, σελ. 483.

[3]) Hist. Patr. p. 129—130.

мѣрно честолюбивыхъ. Такъ какъ царство трапезундское пало отъ руки Магомета II вслѣдъ за византійскимъ (именно въ 1461 г.) и цвѣтъ трапезундскаго общества частію добровольно, частію насильственно переселился въ Византію, то полагаютъ, что эти трапезундцы, по переселеніи сюда, начали всячески интриговать въ надеждѣ пріобрѣсти значеніе и силу въ государствѣ и обществѣ [1]). Въ чемъ выражалось интриганство трапезундцевъ въ Византіи въ политическихъ сферахъ, при Магометѣ II, вопросъ этотъ для насъ не представляетъ интереса. Что же касается церковныхъ византійскихъ сферъ, гдѣ будто бы тоже много смутъ и неурядицъ возникло по винѣ трапезундцевъ въ тоже время, то мы на это должны сказать: мы рѣшительно не вѣримъ въ интригантство трапезундцевъ въ этомъ случаѣ. Вотъ напр. Симеонъ трапезундецъ, онъ сдѣлался патріархомъ; допустимъ даже, что онъ достигъ сана не прямыми путями, а при помощи своихъ единоземцевъ, имѣвшихъ значеніе при дворѣ. Что же худаго мы можемъ сказать объ этомъ трапезундцѣ? Греческіе историки древняго времени съ значительнымъ единодушіемъ говорятъ о немъ въ исключительно-похвальномъ тонѣ [2]). На какомъ бы основаніи мы стали отрицать эти свидѣтельства? И ради какой цѣли? Развѣ для того, чтобы въ трапезундцахъ отыскивать причину появившихся нестроеній и въ церкви? Но вѣдь и безъ трапезундцевъ между константинопольскими Греками много было людей негодныхъ и своекорыстныхъ, которые помимо трапезундцевъ, могли быть и были источникомъ разныхъ непорядковъ въ константинопольской церкви. Намъ кажется, дѣло лишнее сваливать на трапезундцевъ то, въ чемъ, нѣтъ сомнѣнія— виноваты сами Греки одни. Не будемъ отрицать того, что изрѣдка нѣкоторые изъ трапезундцевъ причиняли непріятности главамъ византійской церкви, но то, что случалось изрѣдка, не можетъ быть возводимо въ какое-то общее правило. Патріархъ Симеонъ трапезундецъ, — вотъ руча-

[1]) См. напр. Pichler'a: Geschichte der kirchlichen Trennung I, 425; проф. 5; Малышевскаго: «Мелетій Пигасъ», стр. 9—10.

[2]) Hist. Patr. loc. cit. Δωροθεύυ, σελ. 423—424. Μελετίου σελ. 321. И о другихъ трапезундцахъ иногда указывается, что, находясь при султанскомъ дворѣ, они прямо дѣйствовали въ интересахъ православной церкви (Hist. Patr., p. 117—118).

тельство, что были и прекрасные люди между этими пришельцами, настолько прекрасные, что ихъ скорѣе можно поставить въ образецъ Грекамъ, чѣмъ жалѣть о Грекахъ, что въ ихъ среду въ Константинополѣ вошелъ и элементъ трапезундскій, — трапезундскій, но конечно все же греческій: церковь трапезундская была въ существѣ дѣла все же церковь греческая. Не мѣшаетъ еще упомянуть и о томъ, что очень скоро эти элементы слились между собою въ Византіи, не оставивъ никакихъ слѣдовъ ихъ первоначальныхъ различій.

Къ числу достойнѣйшихъ патріарховъ относится Максимъ III. Еще будучи міряниномъ и проходя должность великаго экклезіарха, онъ показалъ себя ревностнымъ охранителемъ церковныхъ законовъ, за что и пострадалъ отъ иновѣрной власти. Избранный въ патріархи, онъ былъ посвященъ въ монахи, при чемъ прежнее его имя: Мануилъ замѣнено новымъ: Максимъ. Нравственный образъ Максима, какъ патріарха, лѣтописецъ рисуетъ очень кратко. При немъ въ церкви господствовала любовь, какъ требуетъ того христіанскій законъ. Онъ очень заботливо наставлялъ паству на путь истинный. Правленіе его характеризуется какъ мирное и неблазненное. При немъ не оставалось мѣста ни для какихъ разногласій въ церкви [1]).

Какъ человѣкъ безупречной нравственной жизни является предъ нами патріархъ Нифонтъ II. О немъ извѣстно, что онъ въ ранней молодости полюбилъ жизнь монашескую и оставивъ родительскій домъ поселился въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей. Онъ чуждъ былъ какого бы то ни было искательства, но ему суждено было сдѣлаться архіереемъ. Когда однажды сдѣлалась вакантною митрополичья каѳедра въ Ѳессалоникѣ, Нифонтъ неожиданно былъ выбранъ жителями этого города въ митрополиты. Сначала онъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы принять на себя санъ архипастыря ѳессалоникскаго; и только просьбы и убѣжденія прочихъ аѳонскихъ монаховъ побудили его принять бремя правленія ѳессалоникскою церковію. Впослѣдствіи и на каѳедрѣ патріаршей Нифонтъ сохранилъ тоже смиреніе, какимъ онъ отличался въ ка-

[1]) Historia Patr. p. 116. (Доровей 427, Кигала—441, Мелетій—333—всѣ берутъ свои отзывы о Максимѣ изъ Hist. Patr.).

чествѣ простаго монаха на Аѳонѣ. Интересно наблюдать, что Нифонтъ былъ назначенъ не константинопольскимъ синодомъ на ѳессалоникскую каѳедру, а былъ избранъ архіереями и клириками, принадлежавшими къ ѳессалоникскому округу и жителями этого города [1]). Если лѣтописецъ не фантазируетъ, то мы въ этомъ случаѣ видимъ примѣръ сохраненія древнихъ обычаевъ, въ силу которыхъ паства сама имѣла право избирать себѣ пастыря. Что касается патріаршествованія Нифонта, то оно не обошлось безъ печалей и страданій, но онъ безропотно несъ свой крестъ, о чемъ впрочемъ подробнѣе будемъ говорить послѣ.

Къ числу не худыхъ патріарховъ разсматриваемаго времени, кажется можно относить Діонисія II, родомъ изъ Галаты въ Византіи. По крайней мѣрѣ мы должны приписывать ему качества кротости и всепрощенія. Въ его жизни былъ такой случай. Однажды въ праздникъ Преображенія патріархъ совершалъ литургію, вдругъ къ нему подбѣжалъ какой-то безумецъ съ ножемъ въ рукѣ и хотѣлъ его зарѣзать. Къ счастію, дѣло ограничилось тѣмъ, что орудіе повредило носъ у патріарха. Произошло великое смятеніе. Виновникъ былъ схваченъ. Народъ требовалъ, чтобы его повѣсили. Но патріархъ разсудилъ иначе: онъ приказалъ отпустить на свободу дерзкаго человѣка. Впослѣдствіи преступникъ сдѣлался монахомъ [2]). Поступокъ этотъ, безъ сомнѣнія, совершенно сообразенъ съ тѣмъ идеаломъ, какой долженъ осуществлять собой истинный пастырь стада Христова.

Изъ числа патріарховъ изучаемаго времени болѣе или менѣе опредѣленныя свѣдѣнія имѣемъ еще о нравственныхъ достоинствахъ Іереміи II. Авторъ сочиненія Historia Patriarchica изображаетъ нравственный образъ Іереміи въ чертахъ самыхъ возвышенныхъ. Онъ именуетъ его благочестивымъ, святымъ, милосердымъ и находитъ, что онъ отобразилъ въ себѣ тѣ самыя качества, которыя были присущи, какъ говоритъ ап. Павелъ, самому Іисусу Христу въ Его земной жизни [3]). Но мы должны сказать, что

---

[1]) Histor. Pairiarch., p. 128—129.

[2]) Δωροθέου σελ. 447. (Σαθα: Παράρτημα—ἐκ τοῦ χρονογράφου Δοροθέου, σελ. 7).

[3]) Pag. 191.

этотъ авторъ писалъ свою книгу тогда, когда Іеремія только что началъ патріаршествовать, не говоря уже о томъ, что приведенная характеристика патріарха слишкомъ риторична и потому не можетъ внушать къ себѣ довѣрія. Впрочемъ мы не хотимъ отрицать нравственныя достоинства у Іереміи; мы затрудняемся лишь точно опредѣлить степень ихъ. Быть можетъ ближе къ истинѣ стоитъ та характеристика Іереміи, какую находимъ у Іероѳея монемвасійскаго. Онъ пишетъ: „Іеремія происходилъ отъ добрыхъ родителей, былъ дѣятеленъ, хотя и не чуждъ былъ грубоватости; онъ не получилъ навыка по части строго-монашеской жизни, хотя и былъ воздерженъ“ [1]). Разумѣется, эту характеристику нельзя назвать очень лестною, но съ другой стороны нужно помнить, что отъ такого пессимиста, какъ Іероѳей, лучшихъ отзывовъ, кажется, никто не дождался. Во всякомъ случаѣ мы не видимъ основаній исключить имя Іереміи изъ числа именъ наиболѣе достойныхъ патріарховъ XVI вѣка.

Затруднительнѣе рѣшить вопросъ: относить-ли къ лучшимъ патріархамъ изучаемаго времени Марка II Ксилокаровиса? Лѣтописецъ говоритъ, что его не любили клирики, и что при немъ они дѣлали много соблазнительнаго [2]). Но почему клирики не любили его и устрояли скандалы—потому-ли, что патріархъ былъ недостойный человѣкъ или еще почему. Гедеонъ составляетъ себѣ хорошее мнѣніе о Маркѣ. Онъ называетъ его мужемъ добрымъ и достойнымъ. А его столкновенія съ клириками объясняетъ тѣмъ, что патріархъ былъ человѣкъ очень строгій и желалъ ввести строгую дисциплину въ рядахъ константинопольскихъ клириковъ [3]). А если такъ, то правильнѣе будетъ относить Марка къ лицамъ нравственно-высокимъ, но недостаточно искуснымъ въ управленіи церковію.

О нѣкоторыхъ патріархахъ изучаемаго времени, по ихъ нравственнной сторонѣ, мы не находимъ очень опредѣ-

[1]) Δωρόθεος, σελ. 449: ἀπαίδευτος ἀπὸ καλογερικὴν τάξιν (Κιγάλας, σελ. 466: ἄπρακτος ἀπὸ καλογερικὴν τάξιν) Σάθα. Παράρτημα, 9. Какимъ образомъ на основаніи этого Іероѳеева извѣстія проф. Малышевскій дѣлаетъ замѣтку объ Іереміи II, что онъ называется добрымъ монахомъ, испытаннымъ практикой жизни» (Мелетій Пиг. стр. 23), мы не понимаемъ.

[2]) Historia Patriarchica, p. 101.

[3]) Γεδεὼν, σελ. 481—482.

ленныхъ свѣдѣній, а потому не дѣлая о нихъ замѣчаній здѣсь (тѣмъ болѣе, что съ иными изъ нихъ намъ придется еще встрѣтиться впослѣдствіи), мы скажемъ теперь о такихъ патріархахъ, которые по ихъ нравственному облику составляютъ противоположность лучшимъ и достойнѣйшимъ константинопольскимъ іерархамъ XV и XVI вѣка, исчисленнымъ выше.

Рѣшительно всѣ историки какъ прежняго, такъ и нашего времени говорятъ съ презрѣніемъ и негодованіемъ о патріархѣ константинопольскомъ Рафаилѣ. По извѣстіямъ единственнаго источника, изъ котораго черпаютъ извѣстія о Рафаилѣ всѣ послѣдующіе повѣствователи: именно по Historia Patriarchica—этотъ патріархъ, былъ человѣкъ крайне невоздержный. Онъ даже не былъ въ состояніи присутствовать ни при вечернемъ, ни утреннемъ богослуженіи, такъ какъ отъ пьянства не могъ выстаивать обычнаго богослуженія. Кто не являлся къ нему въ какой бы то ни было часъ дня—ради-ли духовныхъ совѣтовъ или съ цѣлью найти у него обычный судъ—таковый находилъ патріарха непремѣнно пьянымъ. Соблазнъ достигъ крайней степени, когда произошелъ слѣдующій случай: Рафаилъ пьянымъ пришелъ ко всенощному бдѣнію въ великій пятокъ страстной недѣли, но за богослуженіемъ, стоя на тронѣ, задремалъ, при чемъ изъ его рукъ выпалъ патріаршій жезлъ; задремавшаго патріарха разбудили и дали ему снова выпавшій изъ его рукъ жезлъ. Послѣ сообщенія этого извѣстія лѣтописецъ замѣчаетъ, что весь міръ возненавидѣлъ Рафаила—и священники и міряне [1]). Нужно-ли понимать эту характеристику патріарха Рафаила съ полною буквальностію? Намъ кажется, что требуется нѣкоторая критическая осторожность при изученіи выше приведенныхъ, чрезвычайно не обычныхъ свѣдѣній. Возможно, что Рафаилъ вовсе не былъ такимъ пропащимъ человѣкомъ, какимъ рисуетъ его греческая исторіографія. Нужно принять во вниманіе одно очень важное обстоятельство: Рафаилъ по своему происхожденію былъ не Грекъ, а Сербъ. Сербъ на константинопольскомъ патріаршемъ престолѣ—слыханное ли это дѣло? Во всякомъ случаѣ, то несомнѣнный фактъ, что въ теченіе многихъ вѣковъ, какіе про-

[1]) Histor. Patriarch. p. 113—114.

жила греческая церковь подъ владычествомъ Турокъ, только одинъ разъ и занималъ патріаршее мѣсто славянинъ. Разумѣемъ Рафаила. Думаемъ, что Грекамъ казалось невыносимымъ дѣломъ, прямымъ оскорбленіемъ для нихъ, что каѳедра Византіи стала достояніемъ какого-то славянина. Нужно знать, какъ Греки всегда презирали и гнушались всѣмъ тѣмъ, что лежало за предѣлами ихъ благороднѣйшей, какъ имъ казалось, націи, чтобы понять: могли ли они равнодушно видѣть Серба на каѳедрѣ Григорія Богослова и Златоуста. Давнишнее филэллинство Грековъ не могло мирить ихъ съ фактомъ появленія какого-то серба во главѣ ихъ церковнаго управленія. Это наше размышленіе не есть плодъ фантазіи. Историкъ Кигала, передавая тотъ же разсказъ о Рафаилѣ, ясно даетъ замѣтить, чѣмъ главнѣе всего возмущались константинопольскіе христіане при видѣ Рафаила. Кигала во первыхъ называетъ его человѣкомъ „преварварскимъ" (τρισβάρβαρος), давая тѣмъ знать, что для Грековъ славянинъ есть совершеннѣйшій варваръ; во вторыхъ тотъ-же историкъ пишетъ, что возненавидѣлъ его народъ между прочимъ и за то, что онъ говорилъ не греческимъ языкомъ (ἀλλόγλωσσος) [1]. Намъ представляются очень многозначительными эти замѣтки Кигалы: онѣ проливаютъ, какъ намъ кажется, настоящій свѣтъ на ту характеристику, какой удостоивается Рафаилъ у греческаго лѣтописца. Чтобы не возвращаться къ личности Рафаила въ другой разъ, мы теперь же передадимъ и нѣкоторыя другія свѣдѣнія касательно этого патріарха; изъ этихъ свѣдѣній еще яснѣе открывается, что константинопольскіе христіане, Греки, съ явной враждой встрѣтили патріаршествованіе Рафаила, что они, далѣе, не скрывали своей антипатіи къ нему во время его правленія церковію и что наконецъ только ненависть Грековъ довела Рафаила до того униженія и той злосчастной смерти, которая служила достойнымъ завершеніемъ драмы. Едва-ли нужно добавлять, что чувство нерасположенія къ Рафаилу отъ предковъ перешло къ потомкамъ, и такимъ образомъ сложилось и упрочилось въ исторіи то мрачное сказаніе, какое нами приведено выше. Рафаилъ, какъ само по себѣ понятно, не былъ народнымъ избранникомъ. Греки

[1]) Κιγάλας, σελ. 440.

никогда не позволили бы себѣ по доброй волѣ посадить на патріаршую каѳедру Константинополя—Славянина. Рафаилъ назначенъ былъ въ патріархи высочайшей волей Магомета II. Константинопольскій соборъ съ своей стороны лишь исполнилъ пустую формальность, когда изъявилъ согласіе имѣть Рафаила патріархомъ. Думаемъ, что султанъ не самъ пришелъ къ мысли возвести Рафаила въ патріархи, но что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своей мачихи, родомъ Сербки и христіанки; возможно, что эта мачиха, Марія, пожелала видѣть облеченнымъ патріаршимъ саномъ одного изъ членовъ ея свиты, какимъ могъ быть и Рафаилъ. Впрочемъ должно сознаться, что имя Маріи не упоминается греческимъ лѣтописцемъ при разсказѣ о разсматриваемомъ патріархѣ. Назначеніе Рафаила въ патріархи встрѣчено было въ византійской церкви явной оппозиціей: митрополитъ ираклійскій, который по древнему обычаю посвящалъ патріарха константинопольскаго, на этотъ разъ не пожелалъ исполнить этого долга и сказался больнымъ. Двое другихъ важнѣйшихъ іерарха кесарійскій и ефесскій тоже уклонились отъ этой чести. Посвящалъ Рафаила митрополитъ анкирскій, можетъ быть и не по доброй волѣ. И вотъ Рафаилъ сталъ патріархомъ. Но оппозиція ничуть не думала мириться съ совершившимся фактомъ. Архіереи устроили стачку (ἔκαμαν στάσιν) и отказывались служить въ церкви вмѣстѣ съ Рафаиломъ: и только изъ страха передъ султаномъ, противъ воли стали потомъ участвовать въ богослуженіи съ патріархомъ. Истиннымъ торжествомъ для оппозиціи была та минута, когда Рафаилъ долженъ былъ внести обѣщанныя имъ султану двѣ тысячи дукатовъ, а между тѣмъ въ казнѣ патріарха не было ни копѣйки. Да и откуда могли бы взяться деньги у Рафаила? Всѣ константинопольскіе христіане-клирики, архонты, и весь народъ—рѣшились отнюдь не оказывать помощи Рафаилу—по замѣчанію лѣтописца. По выраженію Кигалы не было совершенно никого, кто бы помогъ патріарху. Греки добивались того, чтобы непріятный имъ патріархъ сталъ банкротомъ. Когда Рафаилъ не въ состояніи былъ внести въ султанскую казну вышеуказанную сумму денегъ, то онъ былъ посаженъ Турками въ темницу,—по словамъ лѣтописца; а по Кигалѣ выходитъ, что

въ темницу бросили его не Турки, а сами же Греки изъ ненависти къ патріарху. Конецъ жизни Рафаила былъ печаленъ. Находясь въ темницѣ, онъ будто бы заявилъ, что пусть позволятъ ему ходить по улицамъ и собирать деньги въ надеждѣ, что ему удастся собрать столько денегъ, сколько нужно для уплаты въ казну. Ему позволили это, возложивъ однако на его шею тяжелую желѣзную цѣпь, держась за которую и водилъ его какой-то Турокъ по стогнамъ столицы. Зрѣлище отвратительное! Но у греческихъ историковъ напрасно мы стали бы искать хотя одного слова, выражающаго состраданіе къ несчастному. Вскорѣ послѣдовавшая смерть положила конецъ страданіямъ Рафаила. Разумѣется собрать ту большую сумму денегъ, какая была надобна, не было никакой возможности: Рафаилъ могъ набирать лишь столько денегъ, сколько необходимо было ему на пропитаніе, или, по саркастическому выраженію лѣтописца, на объяденіе и пьянство [1]). Вотъ исторія Рафаила. Эта одна изъ самыхъ драматическихъ страницъ въ исторіи константинопольской патріархіи новѣйшихъ временъ. Мы не сомнѣваемся, что это дѣйствительная драма, въ которой роль страдальца играетъ вселенскій патріархъ-славянинъ, а роль мучителей подчиненные ему христіане, оскорбленные тѣмъ, что какой-то славянинъ осмѣлился возсѣсть на столичную каѳедру греческаго царства и вымещающіе на страдальцѣ свою національную вражду къ тѣмъ, кто не Греки.

Дѣлая наши критическія замѣчанія по поводу исторіи патріарха Рафаила, мы однакожъ не думаемъ отвергать историческихъ фактовъ, сюда относящихся, такъ какъ не намѣрены идти наперекоръ всѣхъ историковъ всего свѣта. Было бы слишкомъ смѣло обѣлять Рафаила и выставлять его исключительно жертвой національной вражды; тѣмъ не менѣе мы рѣшаемся утверждать, что по всей вѣроятности Рафаилъ не былъ такимъ потеряннымъ человѣкомъ, какимъ рисуетъ его греческая исторіографія. Слишкомъ много тѣней наложено и безъ того на несвѣтлую личность Рафаила. Допускать сильное преувеличеніе въ изображеніи патріарха Рафаила заставляетъ уже и то обстоятельство, что не странно-ли: только одинъ

1) Hist. Patriarch. p. 114—116. Κιγάλας, σελ. 440. Δωρόθεος, 425.

славянинъ занималъ каѳедру константинопольскую, и тотъ, по увѣренію Грековъ, былъ жалчайшимъ человѣкомъ?

Другой патріархъ, о нравственности котораго можно составлять невыгодное мнѣніе—это Максимъ IV. Въ мірѣ Манассія, онъ сначала былъ аѳонскимъ монахомъ, а потомъ митрополитомъ серрскимъ; по избраніи въ патріархи онъ получилъ имя Максима. Характеризуя его нравственную жизнь, греческій лѣтописецъ пишетъ: когда онъ былъ патріархомъ, о немъ распространилась въ обществѣ худая молва—и всѣ христіане, священники и міряне начали поносить его. Справедливо или нѣтъ поносили его—это лучше всѣхъ зналъ самъ патріархъ, и онъ долженъ будетъ отдать отчетъ на страшномъ судѣ. Соблазнъ происходилъ—прибавляетъ повѣствователь — по причинѣ одного монаха, по имени Гавріила [1]). Вотъ разсказъ, дающій основаніе заподозрить нравственность патріарха; онъ конечно не ясенъ. Мануилъ Гедеонъ поставляетъ худой слухъ о патріархѣ въ связь съ личностію вышеупомянутаго Гавріила и такимъ образомъ даетъ поводъ полагать, что слишкомъ интимныя отношенія Максима къ Гавріилу были поняты обществомъ въ преступномъ для патріарха смыслѣ [2]). Максимъ вынужденъ былъ оставить патріаршую каѳедру.

Яснѣе и опредѣленнѣе констатируется нравственная распущенность патріарха Ѳеолипта I. Онъ былъ сдѣланъ патріархомъ изъ митрополитовъ Яннины. Не смотря на то, что онъ патріаршествовалъ лѣтъ пять, о немъ не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній. Въ его патріаршествованіе возникло великое смятеніе по тому поводу, что явились обвинители и свидѣтели, которые брались уличить патріарха въ совершеніи имъ плотскаго грѣха. Это нѣсколько неопредѣленное обвиненіе новѣйшие историки прямѣе называютъ обвиненіемъ въ блудодѣяніи. Для суда надъ патріархомъ собранъ былъ соборъ въ Константинополѣ, но прежде чѣмъ онъ окончилъ свое дѣло—Ѳеолиптъ умеръ и такимъ образомъ членамъ собора не было надобности доводить процессъ патріарха до конца.

1) Hist. Patriarch., p. 134.
2) Γεδεών, σελ. 491—2.

Правленіе Θеолипта замѣчательно тѣмъ, что при разсказѣ о его патріаршествованіи встрѣчается первое указаніе на то, что этотъ патріархъ испросилъ себѣ у султана бэратъ, утверждающій его въ патріаршей должности [1]. Само собой понятно, что полученіе бэрата отъ султана поставляло патріарха въ особую зависимость отъ мусульманской главы государства. И если бэратъ первый получилъ Θеолиптъ, конечно потому, что хотя и желалъ патріаршествовать, но не надѣялся быть избраннымъ путемъ законнымъ, то на этомъ патріархѣ лежитъ тяжкая вина, состоящая въ пренебреженіи церковными интересами и въ поставленіи личныхъ разсчетовъ выше этихъ послѣднихъ.

Четвертымъ и послѣднимъ лицемъ на патріаршемъ престолѣ, нравственныя качества котораго возбуждаютъ большія сомнѣнія, былъ Іоасафъ II. Онъ обладалъ значительнымъ богатствомъ, такъ какъ ему удалось открыть какой то кладъ. Въ обращеніи съ клириками онъ былъ гордъ, надмененъ и тщеславенъ. Онъ держалъ въ отдаленіи отъ себя даже своихъ секретарей, не желая прямо изъ ихъ рукъ брать и тѣ бумаги, которыя ему слѣдовало подписать и припечатать патріаршею печатію: для сношеній съ секретарями онъ избралъ особый способъ, пріучавшій ихъ къ смиренію. Но хуже всего было то, что онъ любилъ произволъ и запятналъ себя симоніею, не смотря на то, что будучи богатъ, онъ, повидимому, не долженъ былъ гоняться за золотомъ. Герлахъ зналъ, что въ Константинополѣ считали Іоасафа симоніакомъ, пускавшимъ въ продажу епископскія мѣста. Но важнѣе свидѣтельства Герлаха въ этомъ отношеніи опредѣленіе собора, бывшаго въ Константинополѣ. Самъ Іоасафъ собралъ этотъ соборъ, имѣя въ виду сдѣлать на немъ постановленія, грозныя для непослушныхъ клириковъ. Но соборъ обратилъ свою дѣятельность противъ самого Іоасафа. Ободряемые тогдашнимъ временщикомъ, Михаиломъ Кантакузиномъ, члены собора подняли дѣло о симоніи патріарха и присудили его къ лишенію каθедры, къ возвращенію незаконно имъ набранныхъ денегъ и къ ссылкѣ на

[1] Hist. Patr., p 151—152. Heineccii. Abbildung der Griechischen Kirche. I, 50.

Аѳонъ. Соборъ состоялъ изъ очень большаго числа членовъ: на немъ былъ 51 митрополитъ и епископъ [1]). Положимъ, что соборъ дѣйствовалъ можетъ быть и не совсѣмъ самостоятельно, такъ какъ онъ находился подъ вліяніемъ Кантакузина, но во всякомъ случаѣ мы не вправѣ заподозрѣвать честность его дѣйствованія, какъ иногда это дѣлается. Такой многочисленный соборъ, вѣдь, нельзя же было склонить къ несправедливости—даже и сильному временщику. Нѣкоторые изъ современниковъ Іоасафа старались обѣлить патріарха и выставить его невинной жертвой Кантакузинова деспотизма. Такъ на защиту Іоасафа выступали въ свое время Іоаннъ и Ѳеодосій Зигомалà (отецъ и сынъ), двое константинопольскихъ ученыхъ XVI вѣка. Ѳеодосій Зигомала именовалъ его мужемъ превосходнымъ, и указывалъ, что патріархъ только по ненависти лишенъ каѳедры; при чемъ давалъ знать, что дѣяніе собора константинопольскаго, 1565 года противъ Іоасафа, внесено въ Historia patriarchica (Малаксомъ) вопреки справедливости [2]). Другой Зигомалà—Іоаннъ въ бесѣдѣ съ Герлахомъ рекомендовалъ Іоасафа, какъ человѣка добраго, невиннаго и святаго, который низверженъ съ каѳедры несправедливо [3]). Но эта защита Іоасафа со стороны обоихъ Зигомалà едва-ли значительна. Прежде всего свидѣтельство двухъ такихъ лицъ, какъ отецъ и сынъ, будетъ справедливо считать за одно свидѣтельство; а одно свидѣтельство едва-ли можетъ поколебать тѣ авторитетныя сообщенія, которыя приведены выше и которыя служатъ не къ чести патріарха. За тѣмъ: Іоаннъ Зигомалà могъ любить Іоасафа какъ своего бывшаго ученика (Іоасафъ учился у Іоанна) [4]), а оба Зигомалà могли цѣнить этого іерарха, и какъ любителя и покровителя науки (какимъ былъ Іоасафъ), и какъ такое лице, которое помнило заслуги Іоанна, въ качествѣ наставника,—и сообразно съ этимъ платило какими либо милостями обоимъ Зигомалà. Вообще, намъ кажется, нѣтъ побуди-

[1]) Hist. Patr. p. 178—187. Δωρόθεος, σελ. 448. (Παράρτημα, 8). Gerlach, Tagebuch, S. 59.

[2]) Epist. Theod. Zygomalae: Turco-Graecia p. 95—96.

[3]) Gerlach. Tagebuch, s. 459.

[4]) Δωρόθεος σελ. 447 (Παράρτημα, 8).

тельныхъ причинъ много смягчать тотъ приговоръ, какой въ свое время исторія произнесла надъ Іоасафомъ. Икономосъ, не становясь ни на сторону благопріятныхъ извѣстій о Іоасафѣ, ни на сторону неблагопріятныхъ извѣстій о немъ, считаетъ возможнымъ характеризовать его и какъ мужа достопочтеннаго и какъ симоніака [1]), но такое совмѣщеніе противоположнаго едва-ли можетъ заслуживать одобренія и подражанія.

Сообразно нашему плану послѣ изображенія нравственнаго облика константинопольскихъ патріарховъ извѣстнаго времени, у насъ должна вестись рѣчь о церковно-общественной дѣятельности ихъ. Представивъ нѣсколько образцовъ, характеризующихъ нравственную сторону разсматриваемой патріархіи, обратимся къ изученію церковно-общественной дѣятельности ея въ XV и XVI вѣкахъ. Къ сожалѣнію, исторія очень не богата фактами, на основаніи которыхъ можно было бы составлять сколько нибудь обстоятельное представленіе по указанному предмету. Сообщимъ прежде всего свѣдѣнія о нѣкоторыхъ болѣе замѣчательныхъ по своимъ стремленіямъ и цѣлямъ соборахъ константинопольскихъ изучаемой эпохи.

При патріархѣ Симеонѣ I составился соборъ, созваніе котораго Гедеонъ однако относитъ ко времени Симеонова предшественника Максима III. Документъ, изъ котораго мы черпаемъ свѣдѣнія о немъ, состоитъ во первыхъ изъ краткаго опредѣленія этого самаго собора касательно извѣстнаго собора флорентійскаго и во вторыхъ узаконенія его касательно того чина, по какому слѣдуетъ принимать въ церковь латинскихъ христіанъ, ищущихъ общенія съ православнымъ обществомъ. Само собою понятно, что соборъ флорентійскій, считаемый на западѣ вселенскимъ, подвергается на разсматриваемомъ соборѣ осужденію и отверженію. Интересно, что соборъ константинопольскій называетъ себя почему-то вселенскимъ,—разумѣется такой титулъ принадлежать ему не можетъ. Можно предположить, что этотъ соборъ присвоилъ себѣ не принадлежащій ему титулъ ради того соображенія, что соборъ вселенскій, за какой выдавалъ себя соборъ флорентійскій, долженъ быть отвергнутъ только соборомъ равнаго зна-

[1]) Маты, I, стр. 626—627.

ченія. Но еще интереснѣе вопросъ: съ какой стати въ правленіе патріарха Максима и Симеона вдругъ понадобилось отвергнуть и осудить названный соборъ западный? Судя по тому, что собору константинопольскому нужно было главнымъ образомъ рѣшить вопросъ объ образѣ принятія въ церковь латинянъ, можно полагать, что встрѣчались лица, будь то въ церкви латинской или греческой, которыя считали лишнимъ подвергать латинянъ, ищущихъ общенія съ православною церковію, какому либо церковному испытанію, основываясь на томъ, что соборъ флорентійскій провозгласилъ съ согласія восточныхъ церковныхъ и гражданскихъ властей, единеніе между восточными и западными христіанами, а для людей, обязавшихъ себя къ взаимному единенію, нѣтъ надобности ни въ какомъ испытаніи въ случаѣ, если они отъ теоретическихъ представленій о единеніи желаютъ перейти къ фактическому осуществленію этого единенія. Что подобныя сужденія дѣйствительно встрѣчались въ то время, это отчасти видно изъ того, что разсматриваемый соборъ константинопольскій именуетъ себя разумѣется не безъ особеннаго намѣренія, *первымъ* вселенскимъ соборомъ, на долю котораго выпала задача подорвать значеніе собора флорентійскаго. Къ чему бы такое указаніе, если бы у разбираемаго собора не было практической необходимости обнаружить и провозгласить незаконность собора флорентійскаго? Въ самомъ чинѣ принятія латинянъ, помѣщенномъ въ разбираемомъ документѣ, между другими вопросами, которые опредѣлено предлагать обращающемуся въ православіе латинянину, стоитъ и вопросъ: „отвергаешь-ли и считаешь-ли за ничто соборъ бывшій во Флоренціи и его опредѣленія, противныя православной церкви"? Внесеніе такого вопроса въ чинъ ясно свидѣтельствуетъ, что соборъ флорентійскій какъ историческій фактъ, причинялъ безпокойство церковному правительству Константинополя—и при томъ безпокойство—какъ мы думаемъ—въ томъ самомъ смыслѣ, на какой нами указано сейчасъ. Заслуживаетъ особеннаго вниманія еще слѣдующее обстоятельство: соборъ константинопольскій именуетъ себя „первымъ", отвергшимъ флорентійскій соборъ. Значитъ не было никакого такъ называемаго Софійскаго

собора въ Константинополѣ въ 1450 году, который выдается многими восточными писателями за дѣйствительно существовавшій, и которому приписывается отверженіе указаннаго уніатскаго собора. Мы впрочемъ никогда не сомнѣвались, что, не смотря на энергическую защиту подлинности дѣяній софійскаго собора Досиѳеемъ іерусалимскимъ, этого собора на самомъ дѣлѣ не происходило и что дѣянія его кѣмъ нибудь сфабрикованы на Востокѣ, по неблагоразумію, „мняся службу приносити Богу“ [1]). Намъ думается, что поводъ къ такой фабрикаціи былъ поданъ именно соборомъ константинопольскимъ, бывшимъ при патріархѣ Симеонѣ. Дѣло понятное, что этотъ соборъ не былъ вселенскимъ, за каковой онъ выдаетъ себя, а между тѣмъ, не имѣя характера вселенскаго собора, онъ и не обладалъ правомъ отвергать флорентійскаго собора, признаннаго на западѣ всѣми, а на востокѣ церковнымъ и государственнымъ правительствомъ въ свое время—за настоящій вселенскій соборъ. Выходила нѣкоторая коллизія: флорентійскій соборъ выдаетъ себя, повидимому на достаточныхъ основаніяхъ, за соборъ вселенскій, а между тѣмъ на Востокѣ не послѣдовало соотвѣтствующаго отпора этимъ притязаніямъ; соборъ при патріархѣ Симеонѣ, хотя и имѣлъ цѣлію уничтожить авторитетъ и значеніе собора флорентійскаго, но самъ онъ былъ лишенъ должнаго авторитета; въ результатѣ получалось странное представленіе, что какъ будто флорентійская унія еще не отмѣнена и есть фактъ великой важности. Въ виду такихъ обстоятельствъ и могла придти какому либо неумѣренному ревнителю православія—мысль сфальсифицировать акты собора Софійскаго вселенскаго отъ 1450 года. Имѣлось такимъ образомъ въ виду авторитетному противопоставить равное: вселенскому собору западному вселенскій соборъ восточный. Если мы въ своихъ разсужденіяхъ сколько нибудь попадаемъ на дѣйствительно историческій слѣдъ, то соборъ при Симеонѣ долженъ быть признанъ однимъ изъ важныхъ звеньевъ въ развитіи богословскаго полемическаго движенія на Востокѣ противъ римскаго като-

1) Нѣкоторыя свѣдѣнія о соборѣ софійскомъ см. въ нашемъ сочиненіи: «Очерки исторіи Грековосточ. церкви отъ конца XI до полов. XV вѣка», стр. 294 М. 1902.

личества Запада. О самомъ чинопослѣдованіи принятія приходящихъ къ церкви, латинянъ, которое помѣщено въ разсматриваемомъ нами документѣ, много распространяться мы не имѣемъ намѣренія. Отмѣтимъ лишь слѣдующее: соборъ при Симеонѣ со стороны латинскаго ренегата требовалъ только отреченія отъ римско-католическихъ заблужденій; актъ же присоединенія выражался въ томъ, что этого ренегата помазывали св. мvромъ, какъ это происходитъ и по отношенію къ крещаемымъ младенцамъ [1]). Чинопослѣдованіе отличается простотою. Въ этомъ случаѣ греческая церковь XV вѣка много выше стоитъ греческой церкви XVIII и XIX вѣковъ. Какъ извѣстно, греческая церковь въ XVIII вѣкѣ подняла шумный споръ о томъ, какимъ способомъ принимать приходящихъ отъ латинства (и конечно и отъ протестанства) къ православію, и стала склоняться къ мнѣнію, что этихъ ренегатовъ нужно перекрещивать, какъ дѣйствительныхъ еретиковъ, не вѣрующихъ въ догматъ о Св. Троицѣ. Въ результатѣ этихъ споровъ появилась, какъ извѣстно тоже, въ церкви греческой противозаконная практика, способная охладить ревность ренегатовъ къ обращенію въ православіе и состоящая въ томъ, что такихъ ищущихъ православной истины здѣсь стали перекрещивать. Впрочемъ къ спорамъ греческой церкви по вопросу о перекрещиваніи латинянъ въ своемъ мѣстѣ мы еще возвратимся.

Второй соборъ, о которомъ мы считаемъ нужнымъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія, происходилъ около средины XVI вѣка, въ междопатріаршество по смерти Іереміи I. Объ этомъ соборѣ греческій лѣтописецъ сообщаетъ слѣдующія извѣстія: когда разнесся слухъ о смерти Іереміи, умершаго внѣ столицы, на пути въ Валахію и Молдавію, то въ Константинополѣ собрался великій соборъ, въ которомъ приняло участіе много архіереевъ, а также въ немъ участвовали клирики, архонты и замѣчательные люди изъ

1) Γεδεὼν: κανονικαὶ διατάξεις ἐπιστολὰι, λύσεις τῶν πατριαρχῶν Κωνπόλεως, Τομ. II, σελ. 65—69, Константинополь, 1889; Πατριαρχ. Πίνακες, σελ. 488. (Въ первомъ сборникѣ Гедеономъ напечатанъ самый документъ, на основаніи котораго мы сообщили выше свѣдѣнія о соборѣ при патр. Симеонѣ, а во второмъ сочиненіи имъ же сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія о томъ-же соборѣ).

остального константинопольскаго народа. Предсѣдательство на немъ взялъ на себя Германъ, тогдашній патріархъ іерусалимскій. Въ результатѣ соборныхъ совѣщаній явилось опредѣленіе, которое и было подписано какъ Германомъ, такъ и всѣми присутствовавшими на соборѣ архіереями и константинопольскими клириками. Въ опредѣленіи говорилось, что всякій архіерей, если онъ станетъ домогаться сдѣлаться патріархомъ безъ согласія всѣхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ константинопольскаго патріархата, имѣющихъ свои каѳедры на Востокѣ (т. е. въ Азіи), Западѣ (т. е. Европейской части Турціи) и Мореѣ—всякій такой архіерей долженъ быть признанъ лишеннымъ не только своей каѳедры, но и архіерейскаго сана. Это опредѣленіе было прочтено на соборѣ и затѣмъ первый изъ митрополитовъ константинопольскаго патріархата, именно митрополитъ ираклійскій, облекшись въ омофоръ и епитрахиль, провозгласилъ анаѳему на каждаго ослушника опредѣленія. Соборъ, такимъ образомъ, выработалъ слѣдующую программу, сообразно съ которой должно происходить избраніе новаго патріарха. Какъ скоро патріаршій престолъ становился вакантнымъ, архіереи, находящіеся въ Константинополѣ (а такихъ всегда бывало немало), и здѣшніе клирики должны были при посредствѣ гонца извѣстить всѣхъ архіереевъ константинопольскаго патріархата о томъ, что вскорѣ должно произойти избраніе новаго патріарха—и съ тѣмъ вмѣстѣ пригласить ихъ для совершенія этого дѣла. Соборъ надѣяся, что въ этомъ случаѣ избраніе патріарха будетъ происходить „мирно, неблазненно и безъ всякаго искушенія“. Повидимому, соборное опредѣленіе нашло одобреніе и въ самомъ султанскомъ дворцѣ [1]). Спрашивается: чѣмъ, какими побужденіями вызвано было это опредѣленіе? Что новаго представляло оно? Если будемъ читать извѣстное сочиненіе: „Исторія Патріаршая (Historia Patriarchica), то замѣтимъ слѣдующее любопытное явленіе: избраніе патріарховъ въ разное время происходило различно. Въ числѣ избирателей упоминаются то одни архіереи (случайно пребывавшіе въ Константинополѣ въ дан-

[1]) Histor. Patriarch., 169 — 170. Μελετίου ἱστορία III, 370. Γεδεών, σελ. 507.

ное время), то вмѣстѣ—и архіереи, и клирики, или же архіереи, а вмѣстѣ съ ними архонты и боголюбезный народъ. Отсюда мы выводимъ заключеніе, что до средины XVI вѣка, когда происходилъ разсматриваемый соборъ, въ константинопольской церкви не существовало нормы, сообразуясь съ которою должно бы происходить патріаршее избраніе. Это важное дѣло было игралищемъ случайностей [1]). Разумѣется, похвалить такой порядокъ нельзя. Возможно, что соборъ константинопольскій подъ предсѣдательствомъ Германа имѣлъ цѣлью урегулировать актъ избранія патріарха, дать ему опредѣленную норму. Нужно сказать, что опредѣленіемъ этого собора ничуть не исключалось участіе народа въ выборѣ патріарха (какъ иногда думаютъ). Это соборное опредѣленіе лишь хотѣло всѣхъ епископовъ патріархата сдѣлать участниками выборовъ, не устраняя однако и голоса народнаго. Вообще, разсматриваемый соборъ хотѣлъ выработать точную программу выборовъ, какая вошла въ практику лишь во второй половинѣ прошлаго XIX вѣка. Этимъ же самымъ мы хотимъ сказать, что постановленіе собора своевременно въ практику не вошло. Прежде чѣмъ разбираемое постановленіе возымѣло силу въ исторіи греческой церкви, вопросъ о наилучшемъ способѣ избранія патріарха прошелъ еще одну фазу своего развитія, о чемъ будетъ упомянуто въ свое время. Что же касается XVI вѣка, когда имѣлъ мѣсто соборъ, подъ предсѣдательствомъ Германа, то въ эту эпоху выборъ патріарха не пришелъ въ лучшее состояніе по сравненію со второй половиной XV-го и первыми десятилѣтіями XVI вѣка.

Почти такихъ же малыхъ результатовъ достигъ и многочисленный соборъ при патріархѣ Іоасафѣ II, соборъ, о которомъ мы имѣли случай упомянуть немного выше и который, хотя собранъ былъ при Іоасафѣ, но имѣлъ въ виду главнымъ образомъ подвергнуть осужденію самого-же патріарха. Соборъ этотъ, происходившій въ 1565 году и

[1]) Гедеонъ (σελ. 17—18) дѣлаетъ попытку оріентироваться въ вопросѣ о способахъ избранія патріарха въ XV и XVI вѣкахъ, но изъ его попытки видно, что авторъ не обладаетъ богатствомъ матеріаловъ для его рѣшенія и что онъ не съумѣлъ придти къ сколько нибудь яснымъ представленіямъ въ затронутомъ имъ вопросѣ.

подвергшій суду Іоасафа, поставляетъ себѣ цѣлію удержать развитіе симоніи, въ которой повиненъ былъ и самъ патріархъ. Члены собора очень подробно мотивируютъ гнусность симоніи, но всѣ ихъ разъясненія не представляютъ новизны. Во всякомъ случаѣ, судя по историческимъ свидѣтельствамъ, соборъ очень рѣшительно выступилъ въ борьбу со зломъ. На немъ было опредѣлено, что если какой архіерей будетъ брать деньги за посвященіе во священныя должности, то такой подлежитъ низверженію изъ сана. Это опредѣленіе нѣкоторое время имѣло силу и архіереи перестали брать мзду за посвященіе. Но однако вскорѣ оказалось, что соборное постановленіе противъ симоніи было паліативомъ, потому что соборъ запретилъ взиманіе платы за актъ посвященія, но ничего не сказалъ касательно такъ называемаго эмватика, т. е. платы, какую патріархи съ архіереевъ, а архіереи со священниковъ брали за право проходить свою должность въ той или другой епархіи, а также въ томъ или другомъ приходѣ. Вѣдь это тоже симонія. И не даромъ греческій лѣтописецъ, передавая свѣдѣнія о соборѣ 1565 года, говоритъ, что отцы собора посѣкли листья на деревѣ, и вѣтви его, и самый стволъ, но оставили неприкосновенными корни, отъ которыхъ снова должно было вырости древо познанія добра и зла. Такъ лѣтописецъ говоритъ о эмватикѣ, который держался на томъ же самомъ корнѣ, на какомъ и взиманіе платы за посвященіе (въ собственномъ смыслѣ симонія). И дѣйствительно, нашлись такіе архіереи, по словамъ того же лѣтописца, которые ничуть не опечалились отъ того, что соборъ 1565 года запретилъ брать деньги за посвященіе; они поступали очень искустно, обходя соборное прещеніе; отказались отъ запрещенной соборомъ платы, но за то стали брать эмватикъ двойной. Такимъ образомъ выходитъ, что то самое, что они теряли, не получая денегъ за посвященіе, они же получали полностію, взимая съ лицъ ими посвященныхъ двойную плату за право имѣть то или другое церковное мѣсто, разумѣется мѣсто, приносящее въ свою очередь доходъ ставленнику. Передавая извѣстія о подобнаго рода поступкахъ архіереевъ, тотъ же лѣтописецъ пишетъ: и вотъ „архіереи не могли подвергаться осужде-

нію съ Симономъ Волхвомъ, да и наказанія никто не заслуживалъ за свои продѣлки; началось прежнее служеніе мамонѣ. Увы, увы" [1]). Само собой понятно, что не успѣшность борьбы собора съ симоніей не можетъ служить къ тому, чтобы отрицать значеніе за его дѣятельностію. Все же соборъ ревностно стремился къ церковному благоустройству и заслуживаетъ поэтому доброй памяти въ исторіи.

Изъ числа отдѣльныхъ патріарховъ, заслуживающихъ вниманія по ихъ церковно-общественной дѣятельности, кажется, съ наибольшимъ правомъ можетъ быть упомянутъ извѣстный Іеремія II Траносъ. Лѣтописецъ въ очень высокихъ чертахъ описываетъ личность Іереміи — и нѣтъ сомнѣнія, въ чертахъ преувеличенныхъ, но это не мѣшаетъ намъ считать его однимъ изъ достойнѣйшихъ патріарховъ эпохи. Интересно, что при описаніи правленія Іереміи лѣтописецъ въ первый разъ указываетъ на содержаніе султанскихъ бератовъ, получаемыхъ патріархами при ихъ вступленіи въ должность. Такихъ бератовъ Іеремія получилъ два отъ двухъ султановъ, царствовавшихъ преемственно въ его время. Они довольно близко подходятъ одинъ къ другому по содержанію и свидѣтельствуютъ о томъ абсолютизмѣ, который усвоялся патріарху въ принадлежащихъ его вѣдѣнію сферахъ. Іеремія получилъ въ силу этихъ бератовъ „власть и владычество надъ всѣми христіанами — лицами духовными и мірскими, онъ могъ производить все то, что требуется христіанской религіей, не опасаясь никакого препятствія. Противящійся той власти, какая дана патріарху бератомъ — подлежитъ наказанію по опредѣленію самого султана". Патріарху, по смыслу берата, принадлежитъ судъ надъ митрополитами епископами, іереями и всякимъ человѣкомъ греческой вѣры. Патріархъ постановляетъ опредѣленія касательно всѣхъ церквей и монастырей [2]). Какое значеніе имѣла личность самого Іереміи по отношенію къ той формулировкѣ, какую получила власть патріарха въ этомъ документѣ, мы точно не знаемъ. Но современникъ Іереміи, Малаксъ, повидимому даетъ основаніе догадываться, что расположеніе сул-

[1]) Hist. Patr. p. 187—189.
[2]) Hist. Patr., p. 191—193. 200.

тана къ Іереміи имѣло своего рода значеніе по отношенію къ вопросу о широтѣ правъ, какими пользовался Іеремія какъ патріархъ константинопольскій [1]). Церковно-общественная дѣятельность Іереміи для его времени выразилась очень многосторонне. Въ силу султанскаго берата, Іеремія сталъ естественнымъ судьей всѣхъ христіанъ православной вѣры; и это дѣло, по словамъ Малакса-же, онъ совершалъ съ такимъ нелицепріятіемъ, что всѣ радовались, имѣя такого замѣчательнаго вселенскаго патріарха. Этотъ же патріархъ вступилъ въ рѣшительную борьбу съ застарѣлымъ зломъ—симоніей. При немъ былъ созванъ въ 1572 году соборъ, на которомъ рѣшено было не только искоренить плату за посвященіе, но и самый эмватикъ, который не былъ осужденъ соборомъ 1565 года. Лѣтописецъ, сравнивая этотъ послѣдній соборъ съ соборомъ при Іереміи, замѣчаетъ, что соборъ бывшій въ правленіе этого лица дѣйствительно срубилъ вѣтви дерева и его стволъ, вырылъ изъ земли самые корни и все это сжегъ въ огнѣ, чтобы худое дерево не могло вырости опять [2]). Малаксъ много хвалитъ заботливость патріарха о устроеніи благоукрашеніи имъ и самой патріархіи. Сейчасъ указанный писатель придаетъ высокое религіозно-нравственное значеніе постройкамъ Іереміи, соединяя съ ихъ красотой представленіе о возвеличеніи самого имени христіанскаго среди невѣрныхъ [3]). Дѣйствительно, хоть описаніе патріаршаго храма, устроеннаго Іереміей и явно преувеличено лѣтописцемъ; и хоть преувеличено имъ и описаніе перестроенной патріархіи, тѣмъ не менѣе все же эти дѣянія патріарха могли имѣть большое церковно-общественное значеніе [4]). Едва-ли нужно упоминать о тѣхъ замѣчательныхъ сношеніяхъ Іереміи съ протестантскимъ

---

[1]) Ibid. 200.

[2]) Hist. Patr., p. 194—196. Γεδεὼν σελ. 591.

[3]) Hist. Patr. 202. 204.

[4]) Ibid. 198—199. Лѣтописецъ тратитъ всѣ свои лучшія краски на описаніе великолѣпія храма и патріаршихъ зданій, и потому, конечно, онъ никакъ не могъ предвидѣть того, чтобы его витіеватая рѣчь, будучи искажена латинскимъ парафрастомъ, дала поводъ одному русскому писателю перевести словами: «съ великимъ столомъ»—такое изреченіе подлинника, которое лишь по латыни, вопреки логикѣ и оригинальному тексту, передано выраженіемъ: magnam mensam». (См. Проф. Малышевскаго: «Мелетій Пигасъ», стр. 24).

Тюбингеномъ, которыя сдѣлали его имя славнымъ на западѣ, послужили къ появленію многихъ сочиненій, имѣющихъ первостепенное значеніе въ церковно-исторической наукѣ, но объ этихъ сношеніяхъ у насъ рѣчь будетъ отдѣльно [1]).

Разсмотрѣніе церковно-общественной дѣятельности константинопольскихъ патріарховъ показало намъ, что эта дѣятельность не была ни разнообразна, ни блестяща. Богаче всего константинопольская патріархія изучаемыхъ вѣковъ была нестроеніями, къ ознакомленію съ этимъ скорбнымъ листомъ греческой церковной исторіи теперь и переходимъ. Много безпорядковъ внесено было въ жизнь церковную слишкомъ частой смѣной патріарховъ: патріархи смѣняли одинъ другаго съ нежелательною быстротою. Но на этомъ вопросѣ останавливаться не станемъ; дѣло это и безъ того ясно для каждаго, кто просмотритъ тотъ списокъ патріарховъ, который нами приложенъ въ одномъ изъ предшествующихъ примѣчаній. Не станемъ мы говорить и о тѣхъ подкупахъ султана, при помощи которыхъ часто недостойныя лица, подбавляя плату за право патріаршествованія, восходили на достопочтенный патріаршій престолъ. Повѣсть объ этихъ подкупахъ не разъ разсказана была и въ русской церковно-исторической литературѣ, и при томъ съ такою детальностію, которая быть можетъ и не совсѣмъ нужна. Если мы хотимъ вести рѣчь о нестроеніяхъ въ исторіи патріархіи, то мы имѣемъ въ виду остановить свое вниманіе лишь на фактахъ этого рода—наиболѣе крупныхъ и потому наиболѣе характеричныхъ.

Прежде всего передадимъ разсказъ лѣтописца о томъ, при какихъ обстоятельствахъ положено начало несчастному обыкновенію платить деньги султану за право полученія патріаршей каѳедры. Это случилось менѣе, чѣмъ

---

[1]) Говоря о церковно-общественной дѣятельности патріархіи, для доказательства вліянія церкви на правительственныя мусульманскія сферы можно бы было разсказать одинъ очень оригинальный фактъ, будто бы случившійся въ патріаршествованіе Максима III (Hist. Patr. p. 117—124), но этотъ фактъ обходятъ молчаніемъ болѣе благоразумные историки, какъ напр. Мелетій (III, 333—4) и Гедеонъ (485—486). Осторожность лучшихъ греческихъ историковъ побуждаетъ и насъ обойти молчаніемъ фактъ, разсказанный въ вышеуказанномъ источникѣ.

черезъ 15 лѣтъ послѣ паденія Константинополя, еще при Магометѣ II. Дѣло было такъ. Константинопольскою церковію правилъ Маркъ II Ксилокарависъ. Онъ былъ человѣкъ очень хорошій, но отличался строгостью къ подчиненнымъ ему клирикамъ; а это привело къ тому, что Маркъ сдѣлался нелюбимъ въ духовенствѣ. Нерасположеніемъ клириковъ къ Марку воспользовались трапезундцы, т. е. Греки, большею частью насильственно переселенные изъ Трапезунда въ Константинополь; между этими трапезундцами были люди вліятельные у султана и имѣвшіе видныя мѣста въ управленіи государствомъ. Трапезундцамъ пришло на мысль—поставить въ патріархи своего соотечественника, іеромонаха Симеона; для достиженія цѣли, они стали подкупать столичныхъ клириковъ и всячески обольщать ихъ, внушая имъ, чтобы они разгласили молву, что будто Маркъ сдѣлался патріархомъ внесши тысячу золотыхъ въ казну султана. Недовольные патріархомъ клирики такъ и поступили. Клевета наконецъ достигла и до ушей самого патріарха. Онъ рѣшительно отвергалъ обвиненіе. Но когда этого оказалось мало—слухъ крѣпъ и распространялся, тогда Маркъ въ присутствіи клириковъ далъ торжественную клятву на Евангеліи, доказывая, что обвиненіе, возводимое на него есть ложь. Но на враговъ не подѣйствовала и эта сильная мѣра. При такихъ обстоятельствахъ, Трапезундцы послали тысячу золотыхъ Магомету II со словами: „Маркъ вручилъ тебѣ 1000 золотыхъ при вступленіи на патріаршество, столько же посылаемъ и мы тебѣ и просимъ дозволить избрать въ патріархи одного нашего монаха". Султанъ былъ удивленъ этимъ поступкомъ. До сихъ поръ ни одинъ патріархъ, не исключая и Марка не давали султану денегъ за право быть на Константинопольской каѳедрѣ. Долго онъ думалъ о глупости Ромеевъ. Всѣ прежніе патріархи, напротивъ отъ него, султана, получали дары при возведеніи на каѳедру. Наконецъ по долгомъ размышленіи, онъ взялъ деньги и сказалъ, вопреки истинѣ, что будто бы дѣйствительно Маркъ вручилъ ему тысячу золотыхъ и далъ приказаніе, чтобы избранъ былъ новый патріархъ, какого только пожелаетъ народъ [1]). Разсказъ этотъ, не смотря

[1]) Hist. Patr. p. 101—104. До (Іе)роѳея (423), Кигала (438), Мелетій (331)—по Historia, съ тѣмъ различіемъ, что первый изъ нихъ съ особенною язвительностью при этомъ случаѣ говоритъ о клирикахъ константинопольскихъ.

на его гармоничность, намъ представляется не во всемъ вѣроятнымъ. Уже одно то, что онъ поставляетъ султана въ какое то глупое положеніе—признать себя взяточникомъ, чѣмъ онъ на дѣлѣ не былъ—возбуждаетъ подозрѣнія. Но мы не намѣрены входить въ подробную критику разсказа. Во всякомъ случаѣ можно утверждать, что по какому то поводу въ правленіе патріарха Марка положено начало платы султану за право избранія въ патріархи, или начало такъ называемаго пескезія. Ясно также и то, что само константинопольское духовенство является главнымъ виновникомъ этого несчастія. Не самъ султанъ ввелъ пескезій, а пришелъ къ мысли брать таковой, благодаря константинопольскимъ клирикамъ. Не особенно тяжелый въ началѣ, онъ, какъ извѣстно впослѣдствіи возросъ до очень крупной и обременительной суммы денегъ. Есть извѣстіе, что оклеветанный патріархъ Маркъ потомъ оправдался на соборѣ въ возведенномъ на него обвиненіи и получилъ въ управленіе архіепископію въ Ахридѣ, (въ Сербіи) [1]). Впослѣдствіи весьма часто встрѣчаются въ исторіи указанія, что тотъ или другой Константинопольскій патріархъ, по лишеніи патріаршей каѳедры, получили въ завѣдываніе извѣстную архіерейскую каѳедру. Это не значитъ однакожъ, что они изъ патріарховъ дѣлались провинціальными архіереями. Управляли подобными эпархіями отставные патріархи лишь номинально. Съ нихъ они получали доходъ, на который они и жили, оставаясь большею частію въ Константинополѣ,—доходъ этотъ замѣнялъ для нихъ пенсію, которой конечно Турки тогда не платили греческимъ патріархамъ. Само собою понятно, что номинальное управленіе часто отдаленными отъ Константинополя эпархіями отражалось вредными послѣдствіями для этихъ послѣднихъ. Въ дѣйствительности правленіе такими эпархіями находилось въ рукахъ намѣстниковъ, большею частію въ санѣ архимандрита. Отставные же патріархи, получившіе въ управленіе епархію, носили названіе: „проэдросъ“ (экспатріархъ) [2]).

Поднесеніе султану тысячи золотыхъ за право избрать трапезундца Симеона, несомнѣнно повело къ тому, что

[1]) Hist. Patr. p. 105, 107.
[2]) Ricaut. Hist. de l'eglise grecque, p. 112.

избраніе его въ патріархи могло быть лишь формальнымъ. Архіереи, желая или не желая, поставляли патріархомъ того, кого они указывали. Но этимъ на этотъ разъ не кончался безпорядокъ. Низверженіе Марка съ каѳедры послужило къ образованію въ Константинополѣ партіи, которая желала по прежнему имѣть его патріархомъ; напротивъ приверженцы Симеона—изъ числа грековъ константинопольскихъ, вѣроятно клирики, выражали явную вражду къ вышеупомянутому злополучному патріарху, они прокляли его, какъ вводителя худыхъ примѣровъ въ церкви (подкупъ султана) и не давали ему прохода по улицамъ, бросая въ него камнями. Въ виду такихъ раздоровъ появляется новый кандидатъ въ патріархи, который и садится на патріаршую каѳедру. Дѣло происходило такъ. Мачиха султана (Магота II) Марія, будучи христіанкой, рѣшилась доставить патріаршій санъ своему духовнику, митрополиту филиппопольскому Діонисію. Она поднесла на блюдѣ султану 2000 золотыхъ—и султанъ далъ позволеніе низложить Симеона и возвести въ патріархи Діонисія. Такъ и было. Соборное избраніе патріарха являлось и на этотъ разъ лишь неизбѣжною формальностію. Но и Діонисій I не долго усидѣлъ на каѳедрѣ. Въ его предшествующей жизни были нѣкоторыя обстоятельства, которыя дали поводъ возводить на него одну клевету, вслѣдствіе которой патріархъ и долженъ былъ покинуть свой престолъ. Въ то время, когда Магометъ II взялъ Константинополь, въ числѣ другихъ плѣнныхъ, проданныхъ въ рабство, оказался и Діонисій, бывшій тогда іеромонахомъ; но вскорѣ, благодаря состраданельности одного адріанопольскаго жителя онъ былъ освобожденъ изъ плѣна и поставленъ Геннадіемъ въ митрополиты Филиппополя. Этотъ то фактъ, что нѣкогда Діонисій былъ въ плѣну у Турокъ и послужилъ основаніемъ клеветы. Когда Діонисій сталъ патріархомъ, нашлись въ Константинополѣ клирики, вѣроятно изъ партіи Марка или Симеона, которые распространили слухъ, что патріархъ, находясь въ плѣну, былъ обрѣзанъ мусульманами; распространяя этотъ слухъ, они выступили и формальными обвинителями патріарха по этому дѣлу. Собрался большой соборъ, на которомъ присутствовали архіереи и клирики и участвовали архонты и представители отъ народа. Выслушано было по-

казаніе обвинителей. Но патріархъ съ полною очевидностію опровергъ обвиненіе. Обвинители были посрамлены и бросились въ ноги Діонисію, умоляя его простить ихъ грѣхъ. Но разгнѣванный патріархъ ни на что уже не обращалъ вниманія. Онъ сбросилъ съ себя омофоръ и епитрахиль и написалъ отреченіе отъ каѳедры, не смотря на просьбу собора—не покидать управленія церковію [1]). Впрочемъ Діонисій потомъ еще разъ былъ призванъ къ управленію патріархіей, причемъ время его патріаршествованія протекло въ мірѣ и тишинѣ [2]).

Нестроенія въ патріархіи отъ XV вѣка наслѣдуетъ и вѣкъ XVI. Въ этомъ вѣкѣ такихъ нестроеній происходитъ даже много больше, чѣмъ какъ это было раньше. Въ началѣ этого вѣка правилъ церковію, по соборному избранію, Пахомій I, занимавшій передъ этимъ каѳедру Зихнонскую въ Македоніи. Не долго усидѣлъ на патріаршествѣ новый патріархъ—по однимъ—два года, по другимъ—меньше года. Пахомій, несмотря на свои достоинства, былъ низверженъ, и низверженъ по проискамъ константинопольскаго духовенства. Въ средѣ этого духовенства имѣлась партія, которая была почему то привязана къ прежнему патріарху Іоакиму и желала вовращенія его на каѳедру. Но достигнуть этого она могла только путемъ незаконнымъ. Къ этому времени патріархи, кромѣ нескезія, уже стали платить султану и значительный ежегодный хараджъ—суммой въ 3000 золотыхъ. Клирики, желавшіе видѣть у кормила церковнаго опять Іоакима, сдѣлали такъ: они заявили султану, что если будетъ патріархомъ Іоакимъ, то онъ станетъ ежегодно платить на 500 золотыхъ больше теперешняго. Встрѣчаемся съ утвержденіемъ, что и самъ Іоакимъ участвовалъ въ этихъ продѣлкахъ и даже ссудилъ клириковъ деньгами, которыя нужно было напередъ внести въ султанскую казну. Послѣдствіемъ указанной интриги было то, что Пахомій, къ прискорбію для людей, желавшихъ блага церкви, лишался каѳедры [3]). Черезъ годъ впрочемъ Пахомій снова занялъ константинопольскую каѳедру и на этотъ разъ правилъ церковію довольно долго. Много споровъ у этого

[1]) Hist. Patr. p. 106. 108—110.
[2]) Ibid. 132—133. Γεδεών, σελ. 490.
[3]) Hist. Patr. 139—140. Γεδεών, 496.

патріарха происходило съ митрополитомъ монемвасійскимъ Арсеніемъ Апостоліемъ, который незаконно занялъ каѳедру и не хотѣлъ подчиняться рѣшеніямъ патріарха константинопольскаго; но дѣло это хотя и можетъ служить новымъ показателемъ существованія непорядковъ въ церкви, тѣмъ не менѣе оно лишено большаго церковно-историческаго значенія [1]).

Правленіе Іереміи I церковію тоже не обошлось безъ значительныхъ волненій и безпорядковъ. Сдѣлавшись патріархомъ, Іеремія задумалъ совершить паломничество во св. землю и поклониться св. гробу. По дорогѣ онъ заѣхалъ на о. Кипръ, вѣроятно съ цѣлью сдѣлать какія либо распоряженія относительно церковныхъ имуществъ, находившихся на этомъ островѣ. Патріархъ путешествовалъ не одинъ, а съ значительною свитою. Но въ средѣ его свиты, во время пребыванія патріарха на Кипрѣ, произошло какое то раздѣленіе; часть клириковъ, сопутствовавшихъ патріарху, покинула его и вернулась въ Константинополь. Возвратившись въ столицу, эти клирики какимъ то способомъ успѣли созвать соборъ изъ архіереевъ и представителей націи; что-то наговорили на Іеремію и патріархъ объявленъ лишеннымъ каѳедры. Все это дѣло какъ то не ясно. Но результатъ соборнаго дѣянія несомнителенъ. Вмѣсто Іереміи избранъ былъ патріархомъ нѣкто Іоанникій I, бывшій до этого времени митрополитомъ созопольскимъ. Трудно уяснить, какая причина побудила соборъ такъ несправедливо поступить съ Іеремiей. Правилъ онъ церковію, кажется, хорошо, хотя дѣлами завѣдывалъ не столько самъ, сколько нѣкоторые изъ преданныхъ ему клириковъ, и во главѣ ихъ великій риторъ Мануилъ. Не было-ли недовольства на Іеремію за то, что онъ давалъ много власти клирикамъ и Мануилу? [2]). О событіи Іеремія узналъ, находясь еще въ

[1]) Дѣло объ Арсеніи въ первоначальной редакціи Дамаскина Студита помѣщено не было, какъ свидѣтельствуетъ Сата (см. «Обзоръ источниковъ»); разсказъ о немъ прибавленъ Малаксомъ, и нужно сказать разсказъ этотъ ведется у автора безпорядочно и не ясно (Hist. Patr. 141—149). Яснѣе исторія Арсенія изложена у Legrand: Bibliographie Hellènique. Tome I, p. CXXV и далѣе.

[2]) Въ источникѣ упоминается, какъ о причинѣ низложенія то, что Іеремія вопреки канонамъ, пробылъ въ отсутствіи болѣе шести мѣсяцевъ (Іероѳей), но это поводъ или предлогъ, а не причина.

Іерусалимѣ. Здѣсь онъ поступилъ такъ: такъ какъ въ городѣ въ это время, кромѣ самого Іереміи случились и всѣ прочіе патріархи Востока—Александрійскій, Антіохійскій и конечно Іерусалимскій, то они отслужили торжественную литургію и за литургіей подвергли отлученію какъ Іоанникія, незаконно возсѣвшаго на константинопольскій престолъ, такъ и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя содѣйствовали ему достигнуть этой цѣли. Между тѣмъ въ Константинополѣ происходили жалкія дѣла. Множество народа не признавало Іоанникія патріархомъ, оскорбляло его, анаѳематствовало; той же участи подверглись и его приверженцы. Іоанникій одинъ не терялъ присутствія духа. Не находя себѣ сочувствія въ клирикахъ, вѣроятно потому, что Іеремія давалъ большія права имъ въ дѣлѣ управленія, новый патріархъ постарался рукоположить какъ можно больше новыхъ архіереевъ—и въ борьбѣ съ непокорными хотѣлъ опираться на эту рать. Но вотъ вернулся Іеремія въ Константинополь. Не вдругъ онъ собрался возвратиться въ городъ, гдѣ онъ очевидно не совсѣмъ разсчитывалъ встрѣтить вполнѣ благопріятныя для себя обстоятельства. Прошло уже больше года, какъ Іоанникій занялъ каѳедру. Возвращеніе Іереміи было тріумфомъ для него. Въ особенности участливо и радостно встрѣтили его жители Галаты, гдѣ онъ и поселился на первое время при храмѣ, называвшемся Хрисопиги. Многочисленная толпа христіанъ собралась вокругъ своего архипастыря. Узналъ о происшествіи и великій визирь (паша) или даже самъ султанъ. А христіане, недовольствуясь выраженіемъ своей радости по случаю прибытія Іереміи, рѣшились во что бы то ни стало посадить снова этого послѣдняго на патріаршій престолъ. Они пошли ко дворцу султана и заявляли: „не хотимъ имѣть патріархомъ Іоанникія, а желаемъ видѣть на патріаршемъ престолѣ Іеремію". Правительство уступило волѣ народной, разумѣется не упустивъ случая взять приличную взятку съ просителей. Такъ снова водворился Іеремія на патріаршей Константинопольской каѳедрѣ. Что же касается до Іоанникія, то „поносимый, озлобляемый и анаѳематствуемый народомъ, онъ былъ изгнанъ изъ города". Утвердившись на патріаршемъ мѣстѣ, Іеремія очень долго правилъ церковію (впрочемъ едва-ли 23 года, какъ утвер-

ждается въ одномъ источникѣ). Всѣ епископы Константинопольскаго патріархата, за исключеніемъ одного, въ концѣ концовъ оказались его личными ставленниками, а это — замѣчательно рѣдкій случай въ исторіи греческой церкви новѣйшихъ временъ. Жаль только, что будучи любителемъ строить монастыри, Іеремія часто нуждался въ деньгахъ и для пріобрѣтенія ихъ прибѣгалъ къ непохвальному средству — симоніи. „Онъ бралъ подарки съ архіереевъ, открылъ широко двери для симоніи въ турецкія времена“, если повѣримъ Іероѳею Монемвасійскому который, какъ увидимъ впослѣдствіи, слишкомъ любилъ черныя краски при изображеніи описываемыхъ имъ историческихъ личностей [1]).

Значительныя нестроенія ознаменовываютъ правленіе преемника Іереміина Діонисія II, родомъ изъ константинопольской Галаты. Выше мы сказали, что по смерти Іереміи I въ Константинополѣ происходилъ соборъ подъ предсѣдательствомъ Германа патріарха іерусалимскаго, на которомъ опредѣлено было, чтобы избраніе новаго патріарха каждый разъ происходило послѣ того, какъ соберутся въ столицу архіереи патріархата, которымъ положено было давать своевременно извѣстія о готовящемся событіи. Но что-же случилось? Прежде чѣмъ, сообразно съ этимъ опредѣленіемъ, собрались архіереи для выбора новаго пастыреначальника столицы, народомъ и нѣкоторыми архіереями случайно пребывавшими въ Константинополѣ, провозглашенъ былъ патріархомъ Діонисій, митрополитъ Никомидійскій. По смерти Іереміи, ради какихъ то другихъ разсужденій, клирики, архонты и наиболѣе видные представители изъ народа, съ присоединеніемъ къ нимъ нѣкоторыхъ архіереевъ, собрались въ патріархіи. Между прочимъ при этомъ зашла рѣчь и о новомъ патріархѣ. Присутствующіе не долго думая и провозгласили патріархомъ Діонисія. Такъ какъ Діонисій II патріаршествовалъ двукратно, то остается нерѣшеннымъ вопросъ: былъ-ли онъ при этомъ случаѣ избранъ въ первый разъ (Дамаскинъ) или во второй разъ (Гедеонъ). Главарями указаннаго собранія были жители Галаты и преимуще-

1) Hist. Patriarch. 153—155. 157. 171. Δωροθέου, σελ. 444—5 (Σάθα. Παράρτημα, σελ. 3—4). Γεδεών, 501—503.

ственно люди богатые и вліятельные между ними. Въ существѣ дѣла, выборъ происходилъ неправильно. Но тѣмъ не менѣе Діонисій и не думалъ отказываться отъ предложенной ему чести. Выборъ этотъ не обошелся безъ сильной и шумной оппозиціи. Какъ скоро узнали о событіи тѣ изъ представителей христіанскихъ общинъ въ Константинополѣ, которые раньше ратовали за вышеуказанное преобразованіе патріаршаго избранія, они тотчасъ же собрали здѣсь соборъ, на который повидимому сошлись также и тѣ лица, которые участвовали въ выборѣ Діонисія. Инициаторы собора люди мірскаго званія, обратились съ жестокими упреками къ архіереямъ, какъ нарушителямъ опредѣленія, составленнаго при Германѣ. Архіереи въ отвѣтъ сказали, что отъ опредѣленія этого они не отказываются, но что народъ (жители Галаты) совершилъ надъ ними насиліе, что будто ихъ противъ ихъ воли привлекли на собраніе, гдѣ произошелъ выборъ Діонисія, тащили ихъ при этомъ и за руки, и за ноги, и за поясъ. Мало того: архіереи жаловались, что будто народъ, приведя ихъ въ собраніе, побросалъ на землю ихъ камилавки и не выпускалъ ихъ изъ церкви, гдѣ происходило собраніе, до тѣхъ поръ, пока они не согласились провозгласить Діонисія патріархомъ; они говорили, что народъ даже прибѣгалъ къ угрозамъ, восклицая: „или дайте намъ въ патріархи Діонисія, или же мы васъ убьемъ". Защитники соборнаго опредѣленія при Германѣ не хотѣли однако оставить дѣло безъ послѣдствій. Они нашли доступъ къ великому визирю Рустемъ-Пашѣ, который принялъ ихъ сторону. Тогда партія Діонисія рѣшилась обратиться къ содѣйствію самого султана. Подано было во время одной прогулки султана по Константинополю прошеніе, въ которомъ просители заступались за патріарха. Султанъ взялъ сторону этихъ просителей, и сдѣлавъ выговоръ великому визирю, наконецъ сказалъ: пусть будетъ воля моего народа". Послѣ этого Діонисій утвердился на патріаршей каѳедрѣ [1]). Какъ начало патріаршествованія Діонисія, такъ и продолженіе его тоже не обошлось безъ нестроеній. Случилось, что одинъ изъ близкихъ къ нему митрополитовъ, Митрофанъ Кесарійскій (впослѣдствіи самъ

[1]) Hist. Patriarch. p. 173—177. Γεδεών, 500.

патріархъ) убѣдилъ Діонисія, чтобы этотъ послѣдній послалъ его къ папѣ ради испрошенія милостыни на нужды патріархіи (или по какой другой причинѣ). Патріархъ согласился. Путешествіе Митрофана состоялось и имѣло успѣшный результатъ. Но какъ скоро объ этомъ узнали греческіе христіане въ Константинополѣ, поднялся говоръ противъ патріарха. Діонисій, уступая народному волненію, отлучилъ отъ церкви Митрофана, но въ тоже время поддерживалъ связи съ отлученнымъ. Поэтому волненіе все больше и больше росло. Противъ патріарха выступилъ ученый константинопольскій великій риторъ Ѳеофанъ, который слылъ за человѣка святаго; его сторону приняли архонты. Нестроеніямъ не предвидѣлось и конца. Тогда патріархъ сдѣлалъ одинъ шагъ поистинѣ изумительный и странный. Онъ на соборѣ приказалъ прочитать его собственноручную грамоту, въ которой онъ подвергалъ отлученію каждаго, кто будетъ поминать его за богослуженіемъ какъ патріарха, при чемъ объявлялъ и себя отлученнымъ. Но вышеуказанный Ѳеофанъ не унимался, продолжая борьбу съ патріархомъ. Между архіереями вышло также раздѣленіе: одни поминали имя патріарха, а другіе не поминали, согласно его сейчасъ названной грамотѣ. Выходилъ какой то хаосъ. Но затѣмъ вскорѣ послѣдовало умиротвореніе церкви. Произошло покушеніе на жизнь патріарха. Это обстоятельство охлаждающимъ образомъ подѣйствовало на разгоряченныя головы оппонентовъ. Новый соборъ архіереевъ пожелалъ полнаго примиренія съ патріархомъ, а Ѳеофану приказалъ хранить молчаніе. Недовольный этимъ распоряженіемъ великій риторъ, покинулъ столицу и умеръ въ Верріи [1]). Правленіе Діонисія II было довольно продолжительно, обнимало около десяти лѣтъ.

Конецъ XVI вѣка прошелъ тоже среди нестроеній, — разумѣемъ патріаршества: Митрофана III, Пахомія II, Ѳеолипта II и Іеремии II [2]).

---

[1]) Δωροθέου, σελ. 446—447 (Σάθα. Παράρτημα, ϛ—7).

[2]) Главнымъ источникомъ историческихъ свѣдѣній для разъясненія нестроеній изъ времени сейчасъ перечисленныхъ патріарховъ служитъ Іероѳей монемвасійскій. Къ сожалѣнію, источникъ этотъ очень ненадеженъ, тенденціозенъ и безмѣрно пессимистиченъ. Не смотря на то, что Іероѳей описы-

Однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ нестроеній Константинопольской патріархіи разсматриваемаго времени былъ Михаилъ Кантакузинъ, богатый Грекъ, купецъ и откупщикъ, благодаря своему богатству и ловкости прі-

ваетъ это время, какъ современникъ, очевидецъ и даже участникъ событій (σελ. 445—454. Παράρτημα, σελ. 5—17), мы на самомъ дѣлѣ очень не многимъ можемъ воспользоваться изъ его показаній. Охарактеризуемъ Іероѳея, какъ писателя, описывавшаго свое время—и мы увидимъ, что наше недовѣріе покоится на серьезныхъ основаніяхъ. Почти о всѣхъ лицахъ, о которыхъ онъ говоритъ, какъ очевидецъ, авторъ отзывается съ самой невыгодной стороны, часто огульно и безъ малѣйшихъ подтвержденій фактами. Константинопольскихъ клириковъ онъ называетъ «богопродавцами» и «демонскими сосудами» —и это всѣхъ заразъ. Самихъ архіереевъ чествуетъ именемъ «сущихъ демоновъ», а отдѣльныхъ лицъ между ними саркастически обзываетъ «жирными быками». Одного изъ архіереевъ, по словамъ Іероѳея, всѣ Греки «признавали за діавола». Вообще слова: демонъ, діаволъ—не сходятъ у него съ устъ. Можно-ли отъ такого писателя ожидать безпристрастія? Многія извѣстія и отзывы Іероѳея почти о всѣхъ патріархахъ его времени не заслуживаютъ ни довѣрія, ни вниманія историка. Вотъ наприм. какія «небылицы въ лицахъ» разсказываетъ писатель о патріархѣ Митрофанѣ. Сообщивъ нѣкоторыя свѣдѣнія о родителяхъ этого патріарха, свѣдѣнія, которыя должны были набрасывать тѣнь на нравственную репутацію этихъ людей, Іероѳей о самомъ Митрофанѣ говоритъ слѣдующее: сдѣлавшись монахомъ въ Константинополѣ, онъ началъ домогаться, чтобы Іеремія II посвятилъ его во діаконы. Но Патріархъ не хотѣлъ сдѣлать его даже и иподіакономъ, такъ какъ о Митрофанѣ въ обществѣ разсказывалось много худаго. Тогда Митрофанъ отправился на Аѳонъ въ Лавру, и здѣсь вотъ что послѣдовало: отцы вывели его вонъ и посвятили его, при посредствѣ одного монаха сначала въ іеродіакона, а потомъ и іеромонаха; это произошло по словамъ повѣствователя «неожиданно и вопреки канонамъ». Вѣроятно-ли это аѳонское приключеніе? Отвѣтъ отрицательный ждать себя не заставляетъ. Если примемъ слова Іероѳея буквально, то посвященіе Митрофана въ обѣ іерархическія степени произошло при такихъ обстоятельствахъ, при какихъ можетъ быть никогда еще не происходило ничего подобнаго. Сказка однако на этомъ не оканчивается. Получивъ степень іеромонаха, Митрофанъ, по разсказу Іероѳея, вернулся въ Константинополь и здѣсь сталъ домогаться, чтобы ему дали въ управленіе подгородную приходскую церковь во имя Св. Пятницы (откуда онъ и былъ родомъ). Для достиженія своей цѣли, онъ при содѣйствіи своего отца заставилъ Турокъ (sic!) обратиться съ ходатайствомъ къ Іереміи, чтобы этотъ патріархъ далъ Митрофану вышеупомянутое мѣсто. Естественно слѣдовало бы думать, что патріархъ не уважитъ просьбы какихъ-то Турокъ, но по разсказу Іероѳея дѣло кончилось не такъ: Іеремія уважилъ просьбу нехристей и хоть противъ собственнаго желанія назначилъ Митрофана священникомъ къ Пятницкой церкви. Только Іеремія принялъ слѣдующую предосторожность: онъ отлучилъ (?!) Митрофана, такъ чтобы никто не могъ имѣть съ нимъ общенія (!!) «Итакъ,—прибавляетъ баснописецъ—многіе годы Митрофанъ держался уединенно, избѣгая общенія, пока не умеръ Іеремія». И однако выше авторъ говорилъ, что Митрофанъ литургисалъ. Читая сказаніе Іероѳея о Митрофанѣ, невольно припоминаешь изреченіе: не любо не слушай. Этотъ-то

обрѣтшій большое вляніе въ Портѣ и довольно долгое время распоряжавшійся въ патріархіи какъ настоящій хозяинъ. На общественное значеніе Михаила Кантакузина нами было указано раньше. Поэтому въ настоящемъ случаѣ сдѣлаемъ лишь нѣсколько замѣчаній объ его от-

самый Митрофанъ впослѣдствіи былъ патріархомъ. Описывая же патріаршествованіе Митрофана, Іероѳей между прочимъ говоритъ, что патріархія, т. е. монастырь Всеблаженной, при немъ совсѣмъ запустѣлъ, такъ что въ немъ человѣку нельзя было найти и крошки для ѣды. Ничему такому мы совершенно не вѣримъ. Столь же много невѣроятнаго и невозможнаго разсказываетъ Іероѳей и о другомъ современномъ ему патріархѣ, Ѳеолиптѣ II. Ѳеолиптъ былъ племянникомъ Митрофана и очутился сиротой. Тогда дядя—патріархъ посвятилъ его на первый день въ діаконы, во второй день во священники, и наконецъ (на третій день?) сдѣлалъ его архіереемъ филиппопольскимъ. Поспѣшность невѣроятная, потому что она ничѣмъ не вызвана. А вотъ повѣсть Іероѳея о томъ, какъ Ѳеолиптъ сдѣлался патріархомъ. Была ночь. Собралъ Ѳеолиптъ въ Константинополѣ толпу какихъ то мірянъ, одѣлъ ихъ въ монашескія и священническія одежды и сказалъ имъ: вотъ вы теперь стали митрополитами (!!), и повелъ эту орду къ султану. Затѣмъ онъ говорилъ султану: пришли всѣ священники Галаты и Стамбула, а съ ними и митрополиты и хотятъ, чтобы патріархомъ былъ сдѣланъ митрополитъ филиппопольскій (т. е. самъ Ѳеолиптъ), при этомъ конечно вручена была почтенная сумма для владыки мусульманской имперіи. И вотъ Ѳеолиптъ патріархъ. Такія приключенія, какъ мы не сомнѣваемся—возможны только на подмосткахъ театра въ какой нибудь комедіи. О третьемъ патріархѣ, своемъ современникѣ же, Пахоміи II тотъ же Іероѳей разсказываетъ слѣдующее. Іеромонахъ по имени Пахомій, при содѣйствіи Турокъ, захотѣлъ стать архіереемъ Терновскимъ, но послѣдовала неудача. Мало того: Іеремія, тогдашній патріархъ изгналъ его изъ Кесаріи. Читатель совершенно не пойметъ, какая связь между этими фактами; но это и не удивительно: въ этихъ словахъ Іероѳея біографія Пахомія, неизвѣстно для какой цѣли—извращена до послѣдней возможности. Объ этомъ же Пахоміи Іероѳей утверждаетъ, что онъ былъ человѣкъ совсѣмъ неграмотный и въ доказательство приводитъ сужденіе Турокъ, которые будто бы убѣдились, что патріархъ (въ это время Пахомій былъ патріархомъ) не умѣетъ читать сочиненій Ѳомы Аквината (!!). Вообще ту часть исторіи Іероѳея, какую мы теперь анализируемъ, правильнѣе было бы назвать не историческимъ повѣствованіемъ, а каррикатурой на патріархію конца XVI вѣка и при томъ каррикатурой очень аляповатой. Повидимому, Іероѳей выдѣляетъ изъ числа другихъ патріарховъ своего времени—Іеремію II и считаетъ его достойнымъ лицемъ; но и тутъ нельзя не замѣчать замашки автора чернить константинопольскихъ іерарховъ. Объ Іереміи онъ говоритъ, что онъ не былъ человѣкомъ навыкшемъ въ монашескомъ дѣланіи, а это конечно не похвала въ устахъ Іероѳея; далѣе онъ даетъ знать, что Іеремія противъ своей совѣсти и правилъ церковныхъ далъ Митрофану священническое мѣсто и т. д. Вообще и Іеремія не особенно свѣтелъ (Траносъ) выходитъ изъ подъ пера митрополита монемвасійскаго. Собственно единственное лице, заслуживающее всякой похвалы—по разумѣнію нашего автора—это самъ онъ. Въ своемъ историческомъ трудѣ, описывая разсматриваемыя нами времена, Іероѳей безъ малѣйшей церемоніи называетъ себя человѣкомъ «весьма хорошимъ,

ношеніи къ занимающему насъ вопросу касательно патріархіи конца XVI вѣка. Извѣстный Герлахъ, какъ очевидецъ, описавшій время Кантакузина, слѣдующимъ образомъ говоритъ объ этомъ временщикѣ — Грекѣ: „паша (великій визирь) и Кантакузинъ суть патріархи и поглощаютъ церковныя имущества“ [1]). Кантакузинъ обиралъ патріарховъ, пользуясь своею властію и могуществомъ въ Портѣ, такъ съ одного патріарха въ теченіи восьми лѣтъ онъ вытребовалъ 16 тысячъ дукатовъ [2]). Поставленіе въ архіереи составляло также видную статью доходовъ Кантакузина. Объ этомъ Герлахъ такъ говоритъ: „Кантакузинъ во всемъ былъ господинъ и управлялъ и распоряжался по своей волѣ и расположенію; патріархъ же ни въ чемъ не могъ ему противорѣчить, потому что временщикъ былъ близкимъ другомъ паши и раздѣлялъ съ нимъ цѣну крови. Никто не могъ быть поставленъ въ митрополиты, если не давалъ ему 600 дукатовъ. Если кандидатъ въ архіереи самъ не имѣлъ денегъ, то онъ долженъ

ученымъ и просвѣщеннымъ». Удивительный писатель! Дальше, онъ многократно указываетъ: что ни скажетъ самъ онъ при какомъ нибудь случаѣ, являясь дѣйствующимъ лицемъ, или что ни сдѣлаетъ—все это было чрезвычайно умно, кстати, дѣльно и такимъ признаваемо было другими. Главная фигура разбираемой части исторіи Іероѳея—безъ сомнѣнія самъ Іероѳей. Вотъ каковъ историкъ Іероѳей монемвасійскій. При такихъ особенностяхъ разсматриваемой части труда этого писателя нужна великая осторожность, чтобы не далъ намъ Іероѳей вмѣсто хлѣба камень. Самымъ благоразумнымъ дѣломъ было бы и вовсе не пользоваться Іероѳеемъ при изученіи вышеуказанныхъ четырехъ патріарховъ; но бѣда въ томъ, что о многомъ изъ этой эпохи митрополитъ монемвасійскій—единственный источникъ, а потому игнорировать его невозможно. Съумѣемъ ли мы воспользоваться Іероѳеемъ, избѣжавъ допускаемой имъ фальши и преувеличеній—рѣшеніе этого вопроса слѣдуетъ предоставить другимъ. Наша забота главнымъ образомъ будетъ обращена на то, чтобы какъ можно поменьше одолжаться Іероѳею. (Воспользуемся случаемъ сдѣлать здѣсь слѣдующее замѣчаніе. Ученый Сата, доказывая принадлежность разсматриваемой нами «Исторіи Дороѳея» Іероѳею (см. «Обзоръ источниковъ») выпустилъ изъ вниманія одно мѣсто въ этомъ трудѣ, окончательно рѣшающее вопросъ въ томъ смыслѣ, какъ рѣшаетъ его Сата. Авторъ «исторіи» разъ говоритъ, что Іероѳея монемвасійскаго и Ѳеолипта филиппопольскаго обвинили въ преступленіи «противъ султанскаго величества», и описывая затѣмъ судебный процессъ, онъ же выражается такъ: «*мы же* (ἡμεῖς) сказали» по поводу указаннаго обвиненія,—выражается очевидно, отожествляя себя съ Іероѳеемъ (σελ. 451 Παράρτ., 13). Сата почему то не пользуется этимъ сильнымъ аргументомъ).

[1]) Gerlach. Tagebuch., s. 271.

[2]) Ibidem. s. 247.

былъ сдѣлать займъ и расплатиться въ послѣдствіи". Одинъ изъ современныхъ грековъ говорилъ Герлаху, что за свое безмѣрное корыстолюбіе Кантакузинъ „заслуживаетъ веревки и огня" [1]).

По волѣ и инициативѣ Кантакузина поставленъ былъ въ патріархи Митрофанъ III. Этотъ послѣдній имѣлъ нѣкоторыя достоинства, былъ образованъ и умѣлъ снискивать себѣ расположеніе; но все же поставленіе его на константинопольскую каѳедру произошло не по волѣ самой церкви, а потому не могло давать добрыхъ плодовъ. Безъ содѣйствія Кантакузина, едва-ли Митрофанъ и могъ когда либо занять патріаршую каѳедру. Будучи кесарійскимъ митрополитомъ, Митрофанъ, какъ было уже упомянуто раньше, путешествовалъ для чего то въ Римъ къ папѣ и держалъ себя въ отношеніи къ папѣ очень соблазнительно: цѣловалъ его ногу, служилъ съ нимъ мессу и пользовался его гостепріимствомъ. Это обстоятельство было весьма непріязненно принято въ Греціи. Когда Митрофанъ возвращался изъ Рима, то ни въ одномъ греческомъ монастырѣ не хотѣли принимать его и давать ему убѣжище; на него смотрѣли какъ на сатану. Самъ патріархъ Діонисій долженъ былъ наложить на него отлученіе. И однако, при всемъ томъ Митрофанъ дѣлается патріархомъ. Нѣтъ сомнѣнія, поставленіе Митрофана въ патріархи, по протекціи Кантакузина, было дѣломъ нежелательнымъ для греческой церкви. Оно выгодно было главнымъ образомъ для самого Кантакузина. Этотъ послѣдній перебралъ съ Митрофана во время его патріаршествованія почтенную сумму денегъ: въ этихъ видахъ онъ и сдѣланъ патріархомъ. Для того, чтобы удовлетворить корыстолюбію Кантакузина, патріархъ конечно и самъ долженъ былъ сдѣлаться корыстолюбцемъ. Мало того: онъ долженъ былъ сквозь пальцы смотрѣть и на тотъ же порокъ въ прочихъ архіереяхъ, ему подвластныхъ. Поэтому, неудивительно, если встрѣчаемъ очень рѣшительное свидѣтельство, что симонія въ сильнѣйшей степени господствовала въ церкви константинопольской при Митрофанѣ. Поставленный не по волѣ самой церкви, Митрофанъ, повидимо-

[1]) Gerlach. Tagebuch. s. 267.

му, во время своего управленія дѣйствовалъ самовластно, не давая мѣста соборному началу; по крайней мѣрѣ, такъ, кажется, нужно понимать замѣчаніе одного источника, что при Митрофанѣ, кромѣ Кантакузина, управляли церковію клирики, а не архіереи или Синодъ подъ руководствомъ патріарха. Неизвѣстно почему (вѣроятнѣе всего потому, что не желалъ стѣснять себя монастырскими порядками) Митрофанъ покинулъ и патріаршую резиденцію—монастырь Всеблаженной и сталъ проживать въ пригородной мѣстности подъ именемъ Святой Пятницы [1]), откуда онъ былъ родомъ. Есть извѣстіе, что Митрофанъ былъ богатъ. На его богатство нужно смотрѣть, какъ на результатъ злоупотребленій съ его стороны патріаршею властію, такъ какъ Митрофанъ происходилъ отъ небогатыхъ родителей и не могъ имѣть собственнаго имущества [2]). Впослѣдствіи Митрофанъ былъ лишенъ патріаршества, по волѣ того же Кантакузина, который помогалъ ему добиться престола. Почему Митрофанъ лишенъ былъ каѳедры—относительно этого вопроса дошли до насъ не одинаковыя извѣстія: по однимъ (Іерофей Монемвас.) онъ изгнанъ былъ Кантакузиномъ вслѣдствіе тѣхъ соблазновъ, какіе возбуждало его правленіе, а по увѣренію самого Митрофана, онъ сдѣлался жертвою Кантакузинова корыстолюбія, которому не въ состояніи былъ наконецъ удовлетворять патріархъ [3]). Вѣроятнѣе всего, что Кантакузину пришло на мысль передать ее лицу, которое ему было болѣе любо.

Преемникомъ Митрофана былъ извѣстный Іеремія II. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ возведенъ былъ въ патріархи по домогательству Кантакузина же, который однакожъ доставилъ ему патріаршую каѳедру не потому, что онъ отличался многими достоинствами, а потому, что онъ былъ землякъ Кантакузину: оба они были родомъ изъ Анхіала [4]). Правленіе Іереміи относится къ

[1]) А не при храмѣ Хризопиги, какъ иногда утверждаютъ (проф. Малышевскаго. Мелетій, 22). Храмъ Хризопиги былъ въ Галатѣ, а не за городомъ.

[2]) Δωροθέου, σελ. 446. 448. (Σαθα. Παράρτημα, σελ. 6. 9). Gerlach, s. 459. Γεδεών, σελ. 516.

[3]) Δωροθέου, σελ. 448 (Σάθα, 9); Gerlach. s. 247.

[4]) Gerlach. s. 247.

числу тревожныхъ и безпокойныхъ. Въ этомъ впрочемъ не онъ виноватъ, а различные недостойные искатели патріаршаго престола, которымъ не разъ удавалось на время занять каѳедру патріаршую, произведя такимъ образомъ нестроенія и безпорядки. Прежде всего много причинялъ безпокойства Іереміи отставленный патріархъ Митрофанъ. Чтобы дать возможность Митрофану получать нѣкоторые доходы, ему предоставлены были въ управленіе двѣ эпархіи ларисская и хіосская, но Митрофанъ не хотѣлъ цѣнить этой милости: право управленія одной изъ нихъ онъ передалъ за тысячу дукатовъ, оставивъ за собою лишь хіосскую митрополію. Но не удовлетворившись этимъ самовольнымъ поступкомъ, онъ велъ постоянныя интриги противъ Іереміи, домогаясь снова патріаршей каѳедры. Оставаясь въ Константинополѣ, онъ искалъ всѣхъ случаевъ добиться аудіенціи у самого султана и обвинить въ чемъ нибудь Іеремію; въ числѣ клевретовъ Митрофана видимъ даже и султанскаго врача, жида по происхожденію и религіи, который не переставалъ напѣвать султану: „Митрофанъ снова долженъ быть патріархомъ". Но всѣ его усилія пропадали даромъ, пока живъ былъ Михаилъ Кантакузинъ, благосклонно относившійся къ Іереміи, какъ къ своему земляку. Но лишь только казненъ былъ Кантакузинъ, какъ Митрофанъ возъимѣлъ силу и снова достигъ патріаршества. Іеремія былъ низложенъ. Короткое второе патріаршествованіе Митрофана кажется тѣмъ только замѣчательно, что, надѣлавъ въ патріархіи много долговъ, онъ предъ смертію, объявилъ кредиторамъ, что уплату ихъ онъ возлагаетъ на будущаго его преемника [1]).

По смерти Митрофана Іеремія вторично занимаетъ Константинопольскую каѳедру. Но его вторичное управленіе церковію вызываетъ цѣлый рядъ интригъ со стороны нѣкоторыхъ честолюбцевъ-архіереевъ, вслѣдствіе которыхъ Іереміи потомъ опять приходится покидать патріаршее мѣсто. Во главѣ интригановъ становится племянникъ Митрофана Ѳеолиптъ, митрополитъ Филиппопольскій, человѣкъ наслѣдовавшій отъ своего дяди мате-

[1]) Δωροθέου, σελ. 448—9. (Σάθα. Παράρτ. 9—10) Gerlach, s. 247—248.

ріальныя средства и вздумавшій сдѣлаться его наслѣдникомъ и въ патріаршей власти. Со стороны людей, желавшихъ провести Өеолипта на патріаршую каѳедру начали распространяться разныя клеветы на Іеремію, цѣлію которыхъ было повредить ему въ глазахъ турецкаго правительства. О немъ разглашали, что онъ будто бы врагъ султана и дѣлаетъ нѣкоторыхъ янычаръ монахами, что будто онъ обращаетъ турчанокъ въ христіанство, что будто онъ пишетъ письма къ папѣ измѣнническаго въ отношеніи къ султану содержанія; плели они на Іеремію и многое другое. Но все это хотя ввергало въ опасность Іеремію, однакожъ было недостаточно для того, чтобы низринуть его съ патріаршества. Тогда Өеолиптъ рѣшился на другое средство. Онъ вошелъ въ сношеніе съ митрополитомъ кесарійскимъ Пахоміемъ, человѣкомъ честолюбивымъ и имѣвшимъ хорошія связи въ Портѣ. Между Өеолиптомъ и Пахоміемъ былъ заключенъ какой то странный договоръ: Өеолиптъ долженъ былъ дать денегъ Пахомію съ тѣмъ, чтобы этотъ послѣдній при ихъ содѣйствіи могъ получить патріаршую каѳедру, но не съ тѣмъ, чтобы занять ее, а съ тѣмъ, чтобы предоставить ее въ распоряженіе Өеолипта, удовлетворившись филиппопольской митрополіей, какую уступалъ ему теперешній филиппопольскій митрополитъ. Деньги Өеолипта возъимѣли силу. Султанъ приказалъ объявитъ Пахомія патріархомъ вмѣсто Іереміи. Пахомій безъ всякаго церковнаго избранія и утвержденія занялъ патріаршій престолъ. А Іеремія былъ сосланъ въ Родосъ. Въ церкви Константинопольской поднялись смятенія. Пахомія не хотѣли признавать патріархомъ. Къ этимъ нестроеніямъ присоединились еще интриги Өеолипта. Онъ обманулся въ разсчетахъ на Пахомія. Занявъ патріаршую каѳедру, послѣдній повидимому совсѣмъ не думалъ разставаться съ ней, какъ было условлено съ митрополитомъ филиппопольскимъ. Такое обстоятельство побудило Өеолипта употребить всѣ мѣры для низложенія Пахомія. Это тѣмъ легче было сдѣлать, что въ церкви почти не было лицъ, которыя бы поддерживали самозваннаго патріарха. Пахомій послѣ кратковременнаго патріаршествованія былъ низложенъ съ престола. Мало того, что былъ низверженъ, надъ нимъ еще

жестоко надсмѣялись. Главный участникъ интригъ Ѳеолиптъ и его клирики заковали низверженнаго патріарха въ двѣ цѣпи, собрался народъ смотрѣть на это зрѣлище и сталъ узникъ игрушкой и посмѣшищемъ для него [1]).

Пахомій былъ низвергнутъ, но не для того, чтобы очистить мѣсто для законнаго патріарха Іереміи, находившагося въ заточеніи въ Родосѣ. Партія Ѳеолипта работала въ интересахъ митрополита филиппопольскаго. Но больше всего и во всякомъ случаѣ больше этой партіи значило то золото, которымъ былъ богатъ наслѣдникъ Митрофана. Онъ не жалѣлъ его ни для подкупа вліятельныхъ лицъ между константинопольскими Греками (наприм., для Константина Кантакузина), ни для султана, и потому его права на патріаршій престолъ оказались значительнѣе, чѣмъ другихъ лицъ и самого Іереміи. Ѳеолиптъ дѣлается патріархомъ. Онъ былъ человѣкъ очень жалкій, лишенный какихъ-либо нравственныхъ достоинствъ, а потому все его правленіе проходитъ въ спорахъ съ лицами, которыя не хотѣли признавать его законнымъ патріархомъ. Порядка въ дѣлахъ церковныхъ не было никакого. Борьба со врагами занимала у Ѳеолипта все время. Наконецъ Ѳеолиптъ, какъ человѣкъ совершенно недостойный, былъ низверженъ съ каѳедры. Его правленіе было очень кратковременно. Тогда вызванъ былъ изъ заточенія Іеремія и вступилъ въ третій разъ на патріаршую каѳедру. Но возвратившись въ патріаршій городъ Іеремія встрѣтилъ здѣсь великое несчастіе: патріархія, т. е. храмъ Всеблаженной, гдѣ до сихъ поръ имѣли резиденцію константинопольскіе патріархи, оказалось, былъ отнятъ у его владѣльцевъ [2]). Собственно говоря, этотъ печальный фактъ нельзя причислить къ нестроеніямъ въ патріархіи, это уже положительное злополучіе; къ обзору явленій подобнаго рода теперь и обратимся мы.

Впрочемъ мы не имѣемъ въ виду разсказывать о всѣхъ случаяхъ злополучій патріархіи, остановимся лишь на болѣе замѣчательныхъ. Правленіе церковію одного изъ первыхъ по времени патріарховъ Іоасафа Коккоса протекло среди тяжкихъ несчастій, частію со стороны собственнаго

[1]) Δωροθέου, σελ. 449—451 (Σάθα, ibid. 10—13).
[2]) Δωροθέου σελ. 452—453 (Σάθα, ibid. 14—16). Γεδεών, 528—9.

клира, а частію со стороны иновѣрнаго правительства. Константинопольскіе клирики при немъ держали себя безпорядочно и необузданно; соблазны смѣнялись соблазнами; къ нимъ конечно присоединялось и непослушаніе. Все это довело патріарха Іоасафа до крайне болѣзненнаго состоянія. Въ одномъ изъ припадковъ своей болѣзни патріархъ бросился въ колодезь съ цѣлію покончить съ собой. Но о покушеніи его на самоубійство узнали христіане, вытащили его изъ колодца. Оказалось, что онъ былъ на волосъ отъ смерти. Послѣ того, какъ несчастнаго отнесли домой, онъ отданъ былъ на попеченіе врачей, которые приложили всѣ попеченія о возвращеніи ему жизни и здоровья. Патріархъ поправился. Но какъ говорится бѣда никогда не приходитъ одна. Такъ было и съ Іоасафомъ. Въ Константинополѣ въ то время проживалъ одинъ трапезундскій вельможа, протовестіарій Георгій Амируца, переселившійся сюда послѣ паденія Трапезундскаго царства. Онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, но это не устранило его отъ искушенія. Онъ воспылалъ страстію къ одной находившейся въ плѣну въ Константинополѣ аѳинянкѣ, очень красивой собой. Любовь Амируцы къ аѳинянкѣ была такъ сильна, что трапезундецъ рѣшился разойтись съ своей женой и заключить новый бракъ. Требовалось разрѣшеніе патріарха, но этотъ отнюдь не хотѣлъ давать согласія на беззаконное дѣло. Въ этомъ случаѣ Іоасафъ нашелъ себѣ сильную поддержку въ константинопольскомъ великомъ экклезіархѣ, по имени Мануилѣ, который отличался прекраснымъ знаніемъ церковныхъ правилъ и ревностію о сохраненіи ихъ. Но Амируца тоже нашелъ себѣ очень сильнаго помощника. Онъ находился по матери въ родствѣ съ вліятельнымъ придворнымъ пашею. Этотъ паша имѣлъ доступъ къ самому султану. Но и посредство султана не оказало никакого вліянія на мужественнаго іерарха. Тогда паша рѣшился отомстить и патріарху и экклезіарху. Онъ упросилъ султана, чтобы тотъ и другой были примѣрно наказаны за ослушаніе царской волѣ. Патріарха рѣшено было лишить каѳедры и изгнать, а для посмѣянія надъ нимъ отрѣзать ему бороду. Услышавъ о томъ, что ему отрѣжутъ бороду, мужественный патріархъ сказалъ: „ради истины и ради соблюденія церковныхъ законовъ я готовъ жертвовать не

только бородой, но и ногами и руками и даже головой". Патріархъ былъ изгнанъ. Великому экклезіарху Мануилу за ослушаніе же приказано было урѣзать носъ. Протовестіарій достигъ наконецъ своего. По изгнаніи патріарха, патріаршая каѳедра нѣкоторое время была праздною—и онъ воспользовался междупатріаршествомъ для исполненія своихъ желаній, но не долго онъ наслаждался счастіемъ, купленнымъ такой дорогой цѣной. По разсказу лѣтописца, внезапная смерть въ скоромъ времени положила конецъ его жизни [1]). Странно однако же, что разсказъ этотъ относится повѣствователемъ ко временамъ Магомета II. Этотъ султанъ, какъ думается, могъ отважиться на что-либо такое лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ.—Злополучіями ознаменованы были правленія нѣкоторыхъ изъ дальнѣйшихъ патріарховъ, наприм. Нифонта II, Іоакима I и Пахомія I. Во время патріаршествованія Нифонта умеръ находившійся въ отставкѣ патріархъ Симеонъ. Онъ былъ человѣкъ богатый и имѣлъ множество движимаго имущества. Повидимому, онъ доживалъ дни свои въ патріаршемъ домѣ. Но, скончавшись, Симеонъ не оставилъ духовнаго завѣщанія. Имущество умершаго оставалось такимъ образомъ въ патріархіи. Но это накликало большую бѣду для Нифонта. Одинъ изъ сыновей вышеупомянутаго нами Георгія Амируцы, кажется, принявшій мусульманство, вмѣшался въ дѣло о имуществѣ, оставшемся послѣ Симеона. Нужно сказать, что онъ былъ человѣкъ гордый и тщеславный и былъ недоволенъ тѣмъ, что хотя патріархъ жилъ недалеко отъ него, однакожъ не выражалъ ему никакихъ знаковъ почтенія и не давалъ ему подарковъ. Этотъ сынъ Амируцы занималъ видный служебный постъ государственнаго казначея. Желая чѣмъ-нибудь досадить Нифонту, онъ началъ доказывать, что имущество Симеона, и какъ выморочное, должно поступить въ казну и противозаконно будто бы удерживается патріархіей. Мало того: онъ сталъ преслѣдовать патріаршую свиту и нѣкоторыхъ изъ патріаршихъ клириковъ засадилъ въ тюрьму. Тогда патріархъ счелъ долгомъ доказывать, что имущество Симеона не присвоено патріархіей, но что оно будетъ отдано законному наслѣднику, Симеонову племяннику, по

[1]) Hist. Patr., p. 96—100. Γεδεών, 481.

имени Василію. Въ удостовѣреніе же, что этотъ Василій дѣйствительно племянникъ покойнаго патріарха, Нифонтъ указалъ нѣсколько свидѣтелей. Но злой человѣкъ постарался ослабить значеніе показаній патріарха; онъ сталъ утверждать, что хотя Василій и родственникъ патріарху Симеону, но родственникъ дальній и не имѣетъ права на наслѣдство послѣ этого послѣдняго. Затѣмъ онъ внушилъ тогдашнему султану Баязиту, что патріархъ нашелъ подставного наслѣдника Симеону и что такимъ образомъ стремился устранить казну отъ тѣхъ правъ, которыя она будто бы имѣла на спорное имущество. Султанъ разгнѣвался на патріарха и приказалъ изгнать его изъ города, а троимъ свидѣтелямъ въ пользу Василія отсѣчь носы. Впрочемъ патріархъ не былъ лишенъ каѳедры и впослѣдствіи снова занялъ ее, хотя и опять дѣло не обошлось безъ тяжкихъ несчастій для него [1]). Подобное же, по крайней мѣрѣ по своимъ послѣдствіямъ, злополучіе постигло и патріарха Іоакима I. Однажды султанъ Баязитъ прогуливался по улицацъ Константинополя и прибылъ въ мѣстность, называемую Хризокерамъ, здѣсь онъ обратилъ вниманіе на одно зданіе, выдѣлявшееся своей архитектурой изъ ряда прочихъ. Султанъ пожелалъ узнать, что это за зданіе, спросилъ объ этомъ подвернувшихся ему здѣсь священниковъ и старшинъ, и получивъ въ отвѣтъ, что это христіанская церковь, опять спросилъ ихъ: съ чьего разрѣшенія она такъ устроена. Спрашиваемые были простецы и не задумываясь много надъ вопросомъ, прямо объявили, что церковь построена съ разрѣшенія патріарха. Султанъ разгнѣвался на патріарха, который по правиламъ не имѣлъ права давать разрѣшенія на построеніе новыхъ церквей, и повелѣлъ лишить Іоакима каѳедры и изгнать [2]). Что касается Пахомія I, то съ нимъ случилось несчастіе другаго рода. Испытывая матеріальныя нужды и видя оскудѣніе патріаршей казны, Пахомій рѣшился отправиться въ Молдавію и Валахію для сбора пожертвованій. Онъ взялъ съ собою большую свиту, состоящую изъ клириковъ, монаховъ и мірянъ. Въ Молдавіи

---

[1]) Historia Patriarch., p. 129—131. Cf. p. 135.

[2]) Hist. Patr. p. 137—138.

и Валахіи приняли патріарха съ распростертыми объятіями; надежды его покрыть свои нужды вполнѣ оправдались; онъ собралъ богатые дары. Приспѣло время ѣхать въ обратный путь. Патріархъ со свитою двинулся въ путь. Доѣхалъ благополучно до Силистріи, но здѣсь ожидала его смерть. Одинъ монахъ по имени Ѳеодулъ, принадлежавшій къ патріаршей свитѣ, отравилъ ядомъ патріарха, изъ устъ его полилась кровь и онъ по нѣкоторомъ времени испустилъ духъ. По замѣчанію лѣтописца, Ѳеодулъ умертвилъ патріарха съ вѣдома и даже по наущенію прочихъ лицъ, сопровождавшихъ Пахомія [1]). Но спрашивается, съ какой цѣлью учинено это ужасное преступленіе? Съ большой вѣроятностію утверждаютъ, что мотивомъ къ убійству послужила алчность: спутники патріарха, видя множество золота, собраннаго имъ въ Молдавіи и Валахіи, пожелали воспользоваться чужимъ богатствомъ и запятнали себя ужаснымъ злодѣяніемъ [2]). Возмутительное событіе!

Есть историческій разсказъ (онъ находится въ Historia Patriarchica), имѣющій цѣлію удостовѣрить, что въ правленіе Іереміи I церкви константинопольской грозила великая бѣда, которая однакожъ была устранена благодаря дѣятельности и искусству указаннаго патріарха. Разсказывается такъ: нѣкоторымъ улемамъ и мулламъ захотѣлось достигнуть разрушенія всѣхъ храмовъ христіанскихъ въ Константинополѣ и для этой цѣли они исходатайствовали гдѣ слѣдуетъ фетву, разрѣшавшую совершить это дѣло. Но патріархъ Іеремія заблаговременно узнавъ о готовившемся злополучіи, обратился къ великому визирю, который былъ благорасположенъ къ христіанамъ и который посовѣтовалъ Іереміи явиться въ императорскомъ Диванѣ и дать увѣреніе, что взятіе Константинополя Магометомъ II произошло при такихъ условіяхъ, которыя даютъ христіанамъ всѣ права на мирное и безопасное жительство въ имперіи. Патріархъ такъ и сдѣлалъ. Диванъ удовлетворился показаніями свидѣтелей—Турокъ, выставленныхъ Іереміею для доказательства, что будто Константинополь сдался добровольно, а не былъ взятъ силою. Удовлетво-

1) Hist. Patr. p. 150.
2) Маты, I, 623.

рился этими показаніями и самъ султанъ, когда ему было доложено это дѣло. Христіанскіе храмы получили безопасность. Султанъ выдалъ грамоту, которая укрѣпляла за христіанами право на владѣніе ихъ церквами. Патріархъ и народъ возблагодарили Бога за избавленіе отъ бѣды. Таковъ въ общихъ чертахъ разсказъ, разсказъ, нужно сказать, очень длинный, изъ котораго мы привели лишь самое существенное.

Повѣствованіе это обыкновенно безо всякихъ колебаній и сомнѣній вносится въ исторію греческой церкви XVI вѣка. Но намъ кажется, что оно едва-ли заслуживаетъ того довѣрія, съ которымъ оно передается въ историческихъ сочиненіяхъ. Повѣсть о спасеніи церквей при Іереміи, если мы взвѣсимъ нѣкоторыя подробности ея, не можетъ выдерживать сколько нибудь серьезной критики; на встрѣчу такой критикѣ идутъ и нѣкоторыя соображенія и данныя довольно значительной важности. Разсмотримъ подробности даннаго разсказа. По разсказу, злоумышленіе имѣло своими виновниками улемъ и муллъ, которые, узнавъ изъ книгъ о томъ, что Константинополь взятъ силою, а не добровольно сдался, рѣшились приложить къ христіанамъ существующія у турокъ постановленія законовъ; они выхлопотали фетву, въ которой значилось, что такъ какъ Константинополь взятъ силою, то христіане не имѣютъ права владѣть своими церквами, которыя должны быть разрушены до основанія. Уже это начало разсказа возбуждаетъ много сомнѣній. Улемы и муллы являются только здѣсь, а въ дальнѣйшемъ разсказѣ они совсѣмъ исчезаютъ. Очевидно, они имѣютъ значеніе прелюдіи (съ чего нибудь да нужно начать интересную повѣсть). Если бы улемы и муллы въ самомъ дѣлѣ предначали все это дѣло, они, конечно, слѣдили бы за его развитіемъ и имѣли бы всякую возможность дать ему во многомъ другой ходъ и достигнуть другаго окончанія. И вѣроятно-ли, чтобы улемы и муллы только изъ какихъ то таинственныхъ книгъ узнали объ обстоятельствахъ паденія Константинополя, когда на самомъ дѣлѣ это событіе, какъ случившееся сравнительно не очень давно (разсматриваемое нами дѣло при Іереміи относится къ 1537 году) могло хорошо быть извѣстно и какъ оказывается изъ самаго разсказа, еще живы были

и современники событія? А главное: ссылка улемъ и муллъ на постановленія турецкихъ законовъ, если бы въ самомъ дѣлѣ это была ссылка этихъ законниковъ мусульманскихъ, свидѣтельствовала бы, что законники турецкіе не знаютъ своихъ законовъ. По закону, а такимъ у Турокъ былъ коранъ, жители христіанскихъ городовъ, въ случаѣ если они окажутъ сопротивленіе въ войнѣ съ мусульманскими завоевателями, должны быть безпощадно преданы смерти. Между тѣмъ постановленіе, о которомъ идетъ рѣчь, есть ничто иное, какъ сочиненіе, не имѣющее для себя оправданія въ коранѣ. Видно, что оно выдумано самимъ разскащикомъ, да при томъ человѣкомъ неопытнымъ. Кстати укажемъ еще и на то, что по словамъ повѣствователя, фетва (которая иногда впрочемъ здѣсь же называется султанскимъ указомъ) почему то хранилась улемами и муллами нѣкоторое время въ тайнѣ. Почему-же это? Ужъ не потому-ли, чтобы дать патріарху возможность заблаговременно принять мѣры противъ приведенія ея въ исполненіе, какъ видимъ это изъ разсказа? Само собой понятно, что для улемъ и муллъ не было никакого побужденія оставлять безъ дѣйствія фетву, хранить ее почему то въ секретѣ. Но вотъ патріархъ узналъ, что церквамъ грозитъ бѣда. Онъ идетъ къ великому визирю. Великій визирь научаетъ патріарха, какъ поступить въ такомъ казусѣ, какъ выпутаться изъ бѣды. Онъ внушаетъ Іереміи заявить въ Диванѣ, что когда Магометъ пошелъ войною на Константинополь, то хотя византійскій императоръ и сопротивлялся сначала завоевателю, но потомъ одумался, открылъ ворота города, отдалъ Магомету ключи отъ него и привѣтствовалъ его поклоненіемъ. Патріархъ, по разсказу, очень обрадовался такому совѣту и рѣшился поступить, какъ ему было внушено. Вся эта часть разсказа о свиданіи и бесѣдѣ Іереміи съ визиремъ маловѣроятна. Очень сомнительно, чтобы визирь такъ откровенно шелъ противъ предначинаній улемъ и муллъ. Если бы великій визирь былъ такъ благосклоненъ къ христіанамъ, какъ выходитъ изъ разсказа, то онъ конечно могъ бы предотвратить самое изданіе фетвы. Да и есть ли какой либо смыслъ въ томъ совѣтѣ, какой даетъ визирь патріарху? Визирь совѣтуетъ патріарху только то, что и самому Іереміи ко-

нечно должно было приходить въ голову. Главнѣйшій вопросъ былъ въ томъ, какъ сдѣлать, чтобы какія бы то ни было увѣренія патріарха возымѣли силу? Между тѣмъ касательно этого вопроса визирь не даетъ патріарху никакихъ указаній. Разскащикъ далѣе ведетъ Іеремію въ императорскій Диванъ и заставляетъ его дѣлать то, что внушилъ ему будто бы визирь. Когда патріархъ явился въ Диванъ, то великій визирь заявилъ, что греческая церковь по султанскому опредѣленію лишается своихъ храмовъ въ столицѣ и другихъ городахъ, которые прежде принадлежали къ византійской имперіи. Предполагается, что города оказали сопротивленіе завоевателю Магомету и за свою продерзость должны теперь нести наказаніе. Патріархъ на это сказалъ то самое, что внушалъ ему по разсказу самъ же великій визирь. Тогда визирь спросилъ: есть-ли у васъ свидѣтели изъ числа мусульманъ, которые подтвердили бы твои слова? Патріархъ сказалъ, что у него есть такіе свидѣтели. Визирь замѣтилъ на это: приходите завтра сюда же и мы сообщимъ вамъ дальнѣйшія распоряженія султана. Въ этомъ отрывкѣ изъ разсказа обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее: визирь говоритъ о томъ, что христіанамъ грозитъ опасность лишенія храмовъ, а между тѣмъ въ фетвѣ говорилось, по разсказу, не объ этомъ только, а о полномъ ихъ разрушеніи и истребленіи—противорѣчіе; далѣе на вопросъ визиря: есть ли нужные свидѣтели у патріарха, этотъ послѣдній безъ всякаго колебанія отвѣчалъ: „есть", какъ будто онъ ни мало не сомнѣвается въ томъ, что безъ труда можно найти свидѣтелей такого событія какого совсѣмъ не происходило. Такая увѣренность въ дѣлѣ сомнительномъ и даже чрезвычайно опасномъ — бываетъ только въ сказкахъ. Но послѣдуемъ далѣе за разсказчикомъ. На другой день патріархъ снова является въ Диванъ и на этотъ разъ въ сопровожденіи (легко сказать!) всѣхъ христіанъ Стамбула и Галаты. Визирь при этомъ объявляетъ патріарху, что султанъ согласенъ, чтобы этотъ послѣдній представилъ свидѣтелей. Выходитъ дѣло очень простымъ: и султанъ, какъ и визирь,—на все согласенъ, что можетъ клониться къ пользѣ христіанъ и личному самообману самыхъ высшихъ правительственныхъ особъ имперіи. Патріархъ въ

отвѣтъ на заявленіе великаго визиря говоритъ, что свидѣтели его проживаютъ въ Адріанополѣ и что требуется 20-дневный срокъ, чтобы ихъ привести въ столицу. Визирь даетъ требуемый срокъ, почему то на этотъ разъ не нуждаясь въ положительномъ или отрицательномъ опредѣленіи султана на этотъ счетъ. Но спрашивается: почему патріархъ не ищетъ свидѣтелей въ Константинополѣ? Почему онъ увѣренъ, что таковые непремѣнно есть въ Адріанополѣ? Развѣ Адріанополь былъ какимъ то резервомъ достовѣрныхъ лжесвидѣтелей? Чѣмъ руководился патріархъ, выговаривая себѣ срокъ круглымъ числомъ въ 20 дней? Все вопросы не удоборазрѣшимые. Изъ дальнѣйшаго разсказа выходитъ, что неизвѣстно почему патріархъ облюбовалъ Адріанополь и почему назначилъ срокъ въ 20 дней, такъ какъ послы патріарха искали нужныхъ людей въ Адріанополѣ, какъ показываетъ далѣе разсказщикъ, наугадъ, не имѣя въ виду опредѣленныхъ личностей. Но вотъ достовѣрные лжесвидѣтели отысканы, задарены и приведены въ Константинополь, само собою понятно, что они должны были оказаться столѣтними старцами. Но прежде чѣмъ представили отысканныхъ свидѣтелей въ Диванъ, патріархъ напередъ отводитъ ихъ къ великому визирю. Визирь, конечно, отлично знаетъ, что это достовѣрные лжесвидѣтели, а потому даетъ имъ двоякаго рода совѣтъ: во первыхъ, чтобы они въ Диванѣ говорили, чему научитъ ихъ патріархъ, и во вторыхъ, чтобы они ничего не боялись, не опасались никакихъ печальныхъ для себя послѣдствій. Какъ видимъ, сказочный элементъ не убавляется. Наконецъ патріархъ и его свидѣтели появляются на торжественномъ засѣданіи Дивана. Іеремія заявляетъ, что свидѣтелей онъ нашелъ и привелъ и при этомъ, обращаясь къ великому визирю, совершенно не къ мѣсту, по разсказу, замѣчаетъ: „ни противъ султана, ни противъ тебя я ни въ чемъ не солгу". Затѣмъ разсказщикъ описываетъ свидѣтелей, каковы они были. Они были дряхлы и тряслись отъ старости, бороды ихъ были точно снѣгъ, глаза слезились. Разсказщикъ не обладалъ большою фантазіей и изобрѣтательностію, и потому эти люди у него вышли, какъ двѣ капли воды, похожи одинъ на другаго, чего, какъ извѣстно въ дѣйствительности не бываетъ; но вѣдь

разскащикъ не о дѣйствительности и рѣчь ведетъ. Мало того, оказалось по разсказу, что свидѣтелямъ ровнехонько было по сту два года и они одинаково служили, во время паденія Константинополя—въ янычарахъ. Правда, по словамъ разскащика, свидѣтелей представлено было только двое—Мустафа и Пиръ,—но и между двумя лицами такое поразительное сходство въ столь многихъ отношеніяхъ—носитъ явную печать легендарности. Императорскій Диванъ пожелалъ выслушать показанія Мустафы и Пира. Они произнесли какую-то странную рацею, которая должна была бы поразить своею вздорностью и нелѣпостью даже и такихъ невѣжественныхъ слушателей, какъ Турки. Однакожъ, по разсказу, она произвела какъ разъ то впечатлѣніе, какое требовалось. Дальнѣйшій ходъ дѣла изложенъ въ повѣсти очень кратко. Обо всемъ, что происходило въ Диванѣ великимъ визиремъ доложено было султану Сулейману, который будто бы чрезвычайно удивился происшедшему. Затѣмъ тотъ же султанъ выдалъ опредѣленіе, которымъ патріарху давалось право владѣть церквами и безо всякаго препятствія жить христіанамъ согласно ихъ исповѣданію до скончанія міра. Получивъ грамоту, патріархъ бережно положилъ ее въ патріаршій скевофилакій. Всенародная христіанская молитва заканчиваетъ благопріятный исходъ дѣла [1]). Молитва впрочемъ едва-ли была тутъ умѣстна, такъ какъ все дѣло велось, по смыслу разсказа, путемъ обмана, лжи, и не соотвѣтствовало элементарнымъ христіанскимъ требованіямъ.

Мы отвергаемъ разсматриваемый разсказъ какъ недостовѣрный. Содержаніе его, какъ мы видѣли, не таковое, чтобы считать его за повѣствованіе о дѣйствительномъ происшествіи. Разсказъ этотъ записанъ греческимъ писателемъ Мануиломъ Малаксомъ второй половины XVI вѣка и вставленъ имъ въ историческое произведеніе Дамаскина Студита [2]). Значитъ, его не было въ болѣе серьезномъ и компетентномъ трудѣ этого послѣдняго, т. е. Дамаскина. Непонятно, какимъ образомъ могъ не знать это-

[1]) Разсказъ, какъ мы сказали, помѣщается въ Historia Patriarchica, p. 158—169.

[2]) См. объ этомъ въ «Обзорѣ источниковъ»—тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ Historia Patriarchica.

го знаменательнаго событія Дамаскинъ, писатель многосторонній и многосвѣдущій, или же пропустить его, если бы онъ зналъ о томъ же событіи? Ни словомъ не упоминаютъ о событіи и другіе болѣе древніе греческіе историки—Іероѳей монемвасійскій и Кигала кипрскій. Разсказъ такимъ образомъ имѣетъ за собой очень малую авторитетность. Очень возможно, что онъ возникъ въ Константинополѣ для возвеличенія патріархіи, имѣя въ своей основѣ другое дѣйствительное происшествіе, случившееся при томъ же Іереміи I, но переиначенное и перетолкованное потомками, и принявшее совершенно легендарный характеръ. При Іереміи I имѣлъ мѣсто слѣдующій печальный случай: во время его путешествія по Валахіи произошелъ пожаръ въ томъ домѣ или гостиницѣ, гдѣ онъ остановился, при чемъ у него сгорѣла шкатулка (*κατοῦνα*) и нѣкоторыя грамоты, касающіяся церкви (*ἄλλοι ὁρισμοὶ τῆς ἐκκλησίας*), по разсказу Іероѳея монемвасійскаго [1]). По разсужденію же Мануила Гедеона, это значитъ, что у патріарха погорѣли султанскіе, касающіеся патріархіи, фирманы (гаты) и бэраты [2]). Безъ этихъ фирмановъ и бэратовъ оставаться было невозможно. Поэтому, очень естественно, что по возвращеніи въ Константинополь, Іеремія первымъ дѣломъ озаботился тѣмъ, чтобы правительство выдало ему новыя грамоты взамѣнъ сгорѣвшихъ, съ тѣмъ именно содержаніемъ, какое находилось въ прежнихъ. Если смерть одного султана и вступленіе на престолъ другаго влекло за собою то, что патріархъ константинопольскій долженъ былъ выхлопатывать себѣ новый бэратъ [3]), то тѣмъ болѣе такой случай, какъ истребленіе императорскихъ грамотъ пожаромъ, должно было вынудить патріарха приняться за хлопоты о возстановленіи и возобновленіи нужныхъ грамотъ. Нѣтъ сомнѣнія, что хлопоты Іереміи I о возстановленіи и возобновленіи сгорѣвшихъ грамотъ, между которыми могъ быть и знаменитый фирманъ Магомета II на имя патріарха Геннадія—стоили не дешево—и въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи. Возможно, что печальный случай под-

---

[1]) Δωροθέου, σελ. 445. (Σάθα. Παράρτ., 4).
[2]) Γεδεών, σελ. 505.
[3]) Historia Patriarchica, p. 200.

нялъ толки среди улемовъ и муллъ, что хорошо бы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ къ сокращенію правъ христіанъ; несомнѣнно также, что Іереміи пришлось не разъ совѣщаться по указанному дѣлу съ великимъ визиремъ; приходилось ему дѣлать разные визиты пашамъ, членамъ дивана, закупать деньгами кого нужно было; самъ султанъ конечно освѣдомленъ былъ въ этомъ дѣлѣ, вѣроятнѣе всего чрезъ визиря. Хлопоты Іереміи увѣнчались успѣхомъ, фирманы и бэратъ были вновь изготовлены, по волѣ Порты; документы эти для должнаго сбереженія весьма вѣроятно положены Іереміей въ скевофилакій патріаршій. За успѣшное окончаніе дѣла патріархъ и христіанскій народъ возблагодарили Бога совокупными молитвами. Словомъ при стараніяхъ Іереміи о возстановленіи и возобновленіи грамотъ истребленныхъ пожаромъ имѣло мѣсто очень многое изъ того, что разсказано авторомъ Historia Patriarchica, по поводу того легендарнаго событія, сущность котораго была изложена и разсмотрѣна нами выше. Но конечно, когда происходило возобновленіе погорѣвшихъ грамотъ Іереміею I, то не издавалась сказочная фетва съ страннымъ содержаніемъ, не снаряжалась экспедиція для добычи достовѣрныхъ лжесвидѣтелей въ Адріанополѣ, не происходило и появленіе ихъ въ Диванѣ, не имѣла мѣста здѣсь и ихъ пустая болтовня, вообще не было и слѣдовъ той комедіи, какую съ такимъ искусствомъ, по разсказу Мануила Малакса, играли при этомъ патріархъ, великій визирь и самъ султанъ. Замѣчательно, что Мануилъ Малаксъ, хотя и составилъ свою пресловутую повѣсть, однако-же ни словомъ не упоминаетъ о томъ, что съ Іереміей I случилось такое несчастіе, какъ истребленіе пожаромъ высочайшихъ грамотъ. Мы не сомнѣваемся, что это—дѣйствительное событіе съ его дѣйствительными историческими обстоятельствами и превратилось въ его воображеніи въ легендарное происшествіе, о какомъ онъ разсказываетъ со сказочными подробностями, на какія онъ очевидно былъ щедръ. Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть и о томъ, что такой критическій писатель, какъ Гедеонъ, не счелъ нужнымъ излагать повѣсть Малакса въ своихъ Πίνακες, ограничившись только краткимъ указаніемъ на ея результаты, т. е. на

то, что султанъ Сулейманъ подтвердилъ свободу христіанскаго богослуженія для Грековъ [1]).

Итакъ мы находимъ, что въ правленіе Іереміи I произошелъ печальный случай истребленія огнемъ важныхъ грамотъ, что этотъ случай причинилъ много огорченій и хлопотъ патріарху, но что, благодаря дѣятельности Іереміи и помощи отъ Бога—печальный случай не имѣлъ никакихъ серьезныхъ послѣдствій въ жизни греческой церкви.

Истинно-великое несчастіе перенесла Константинопольская патріархія въ правленіе Іереміи II. При немъ турецкимъ правительствомъ отнята была у патріарховъ ихъ резиденція въ столицѣ—прекрасная обитель въ честь Всеблаженной. Іероѳей монемвасійскій говоритъ о томъ, какъ произошло это, но не разъясняетъ всѣхъ подробностей. Настало время, когда Іеремія по интригамъ враговъ изъ числа его же собратій, сосланъ былъ въ заточеніе въ Родосъ. Церковію правилъ Ѳеолиптъ, котораго едва-ли можно назвать законнымъ патріархомъ и правилъ такъ, что онъ предназначенъ былъ къ низверженію. Въ патріархіи былъ намѣстникомъ архидіаконъ Никифоръ, человѣкъ достойный, но лишенный авторитета. При такихъ обстоятельствахъ какой то беглербергъ рѣшился отнять патріархію у Грековъ. Онъ дѣйствовалъ въ союзѣ съ партіей Ѳеолипта. Очень возможно, что эта партія, видя паденіе своего главы, хотѣла хоть чѣмъ нибудь отомстить церкви Константинопольской за свои неудачи. Іеремія былъ въ ссылкѣ, архидіаконъ Никифоръ не имѣлъ авторитета — этими и другими обстоятельствами воспользовалась Порта, чтобы отнять у патріарховъ ихъ давнишнюю резиденцію. Іероѳей думаетъ, что Константинопольская іерархія въ этомъ случаѣ понесла должную кару отъ Бога за свои злохудожества и на этотъ разъ съ нимъ отчасти нельзя не согласиться [2]). Призванный снова къ управленію церковію, Іеремія II уже засталъ обитель Всеблаженной обращенною въ мечеть и горько плакалъ по поводу такого несчастія. Гдѣ было преклонить ему голову? Къ счастію, онъ нашелъ себѣ прибѣжище въ валашскомъ сералѣ. Это

[1]) Σελ. 503.

[2]) Δωροθέου, σελ., 453. (Σάθα Παράρτ. 16).

была не гостинница, какъ иногда думаютъ, это—дворецъ валашскихъ господарей, которые останавливались въ немъ во время пребыванія въ столицѣ; здѣсь была и церковь. Нужно думать, что патріархъ занялъ этотъ дворецъ съ разрѣшенія его владѣльцевъ [1]). Убѣжище это, думаемъ, было удовлетворительно для патріарха. Одно было въ немъ важное неудобство: оно было чужое—и нужно было создавать свое.

III.

Нравственный обликъ, церковно-общественная дѣятельность, нестроенія и злополучія константинопольской патріархіи

(отъ конца XVI вѣка до настоящаго времени).

I.—Новую группу константинопольскихъ патріарховъ, разсматриваемыхъ нами въ данномъ отношеніи, составляютъ тѣ изъ нихъ, которые правили церковію отъ конца XVI вѣка (по смерти Іереміи II) и до послѣдней четверти XVIII вѣка—до правленія патріарха Самуила включительно. Предѣломъ, отъ котораго начинается эта группа, служитъ потеря патріархами константинопольскими ихъ патріархіи въ монастырѣ Всеблаженной и водвореніе ихъ же въ пресловутомъ Фанарѣ, а предѣломъ, до котораго простирается эта же группа константинопольскихъ іерарховъ, служитъ правленіе церковію Самуила I, во времена котораго пространство власти и авторитетъ патріаршій въ греко-восточной церкви турецкаго періода достигаютъ наибольшей широты и вліятельности. Впрочемъ, не смотря на то, что намъ предлежитъ теперь изучить нравственно-общественную сторону въ исторіи константинопольскихъ патріарховъ за цѣлыя два столѣтія, наша рѣчь въ данномъ случаѣ не будетъ длинна. Источники этого отдѣла въ исторіи патріарховъ и немногочисленны и небогаты свѣдѣніями, да и вообще эта эпоха въ исторіи греческой церкви представляетъ немного любопытнаго и интереснаго.

Прежде всего константинопольскимъ патріархамъ разсматриваемой эпохи нужно было свить себѣ новое гнѣздо, ибо прежнее у нихъ было отнято турецкимъ правительствомъ еще въ концѣ правленія Іереміи II. Это удалось

[1]) Δωροθέου, тамъ-же. Γεδεών, χρονικὰ τοῦ πατριαρχ. οἴκου. σελ. 69—72.

невдругъ. На первыхъ порахъ, въ 1586 году, болѣе важное имущество, находившееся въ прежней патріархіи, перенесено было въ валашскій серай въ Константинополѣ, т. е. во дворецъ, принадлежавшій валашскимъ господарямъ. Само собой понятно, что такое водвореніе имущества патріархіи въ указанномъ мѣстѣ произошло съ разрѣшенія владѣльцевъ этого послѣдняго. Здѣсь имѣли пребываніе и константинопольскіе патріархи до 1597 года. А въ этомъ году патріархія на нѣкоторое время переносится въ новое помѣщеніе, сдѣлавшееся собственностію константинопольской церкви. Такимъ помѣщеніемъ сталъ монастырь св. Димитрія въ Ксилопортѣ. Перемѣщеніе произошло въ то время, когда константинопольскою церковію на правахъ мѣстоблюстителя управлялъ знаменитый мужъ, Мелетій Пигасъ, патріархъ александрійскій. Самъ Мелетій говоритъ объ этомъ такъ: „продавались съ торговъ два монастыря великаго Димитрія и Панагіи въ Ксипопортѣ. Я купилъ ихъ и водворилъ здѣсь патріархію". Здѣсь поселились самъ Мелетій и его ближайшій преемникъ по управленію столичною церковію, сюда переселились патріаршіе клирики и секретари, сюда-же перенесены были архивъ и св. сосуды. Храмъ св. Димитрія, который теперь сталъ каѳедральнымъ соборомъ патріарха, относится къ числу довольно древнихъ, онъ упоминается еще въ XIV вѣкѣ. Въ указанномъ мѣстѣ патріархія оставалась въ теченіе четырехъ лѣтъ. Почему патріархія не осталась здѣсь на долгое время, а вскорѣ была перенесена въ другое мѣсто—объ этомъ мы недостаточно освѣдомлены. По всей вѣроятности, монастырь св. Димитрія въ Константинополѣ оказался неудобенъ, былъ тѣсенъ и имѣлъ какіе-либо другіе недостатки, почему въ 1601 году при патріархѣ Матѳеѣ II патріаршая резиденція была водворена въ Фанарѣ при монастырѣ великомученика Георгія [1]). Извѣстно, что патріархія и донынѣ остается въ томъ же мѣстѣ. Отъ имени Фанара греческіе архіереи константинопольскаго патріархата и болѣе вліятельные Греки—міряне носятъ наименованіе фанаріотовъ, хотя основныя черты характеризующія такъ называемыхъ фанаріотовъ стали обнаруживаться и раньше

[1]) Γεδεών. Χρονικὰ τοῦ πατριαρχ. οἴκου καὶ τοῦ ναοῦ, σελ. 69—75.

начала XVII вѣка и появились вообще подъ вліяніемъ особенностей турецкаго режима.

Разсматривая патріарховъ изучаемой группы [1]) съ нравственной стороны, мы должны къ сожалѣнію сказать, что лишь немногіе изъ нихъ отличались значительными нравственными достоинствами, или по крайней мѣрѣ лишь о немногихъ патріархахъ этой группы мы можемъ съ увѣренностію говорить какъ о такихъ, которые соотвѣтствовали по своему поведенію ихъ сану и призванію. Перечислимъ этихъ патріарховъ. Патріархъ Тимоѳей II былъ извѣстенъ благочестіемъ и преданностію религіи [2]). Достойнымъ своего высокаго служенія былъ и патріархъ

[1]) Для справокъ читателей помѣщаемъ здѣсь списокъ патріарховъ отъ времени смерти Іереміи II, (1595) до конца правленія Самуила (1774 г.): патр. Матѳей II, 1595 г.; Гавріилъ I, въ 1596 г.; Ѳеофанъ I, 1596—97; Мелетій, патр. александрійскій, мѣстоблюститель, 1597—99; Матѳей II, во 2 разъ: 1599—1602; Неофитъ II, 1602—3; Рафаилъ II, 1603—7; Неофитъ II, во 2 разъ: 1607—12; Кириллъ I, въ 1612; Тимоѳей II, 1612—21; Кириллъ I, во 2 разъ: 1621—23; Григорій IV, въ 1623; Анфимъ въ 1623; Кириллъ I во 2, 3 и 4 разъ: 1623—30—1634; Кириллъ II, въ 1634; Аѳанасій III, въ 1634; Кириллъ I, въ 5 разъ: 1634—35; Кириллъ II, во 2 разъ: 1635—36; Неофитъ III, 1636—37; Кириллъ I, въ 6 разъ: 1637—38; Кириллъ II, въ 3 разъ: 1638—39; Парѳеній I, 1639—44; Парѳеній II, 1644—45; Іоанникій II, 1646—48; Парѳеній II, во 2 разъ: 1648—51; Іоанникій II, во 2 разъ: 1651—52; Кириллъ III въ 1652 г.; Аѳанасій III, во 2 разъ: 1652; Паисій I, 1652—53; Іоанникій II, въ 3 разъ: 1653—54; Паисій I, во 2 разъ: 1654—55; Іоанникій II, въ 4 разъ: 1655—56; Парѳеній III, 1656—57; Гавріилъ II, въ 1657; Парѳеній IV, 1657—62; Діонисій III, 1662—65; Парѳеній IV, во 2 разъ: 1665—67; Климъ въ 1667 г.; Меѳодій III, 1668—71; Парѳеній IV, въ 3 разъ: въ 1671; Діонисій IV, 1671—73; Герасимъ II, 1673—75; Парѳеній IV въ 4 разъ: 1675—76; Діонисій IV, во 2 разъ: 1676—79; Аѳанасій IV, въ 1679; Іаковъ, 1679—83; Діонисій IV, въ 3 разъ: 1683—84; Парѳеній IV, въ 5 разъ: 1684—85; Іаковъ, во 2 разъ: 1685—86; Діонисій IV въ 4 разъ: 1686—87; Іаковъ въ 3 разъ: 1687—88; Каллиникъ II, въ 1688; Неофитъ IV, 1688—89; Каллиникъ II, во 2 разъ: 1689—93; Діонисій IV въ 5 разъ: въ 1694; Каллиникъ II, въ 3 разъ 1694—1702; Гавріилъ III, 1702—7; Неофитъ V, 1707 г.; Кипріанъ, 1708—9; Аѳанасій V, 1709—11; Кириллъ IV, 1711—13; Кипріанъ, во 2 разъ: 1713—14; Косма III, 1714—16; Іеремія III, 1716—26; Каллиникъ III, въ 1726; Паисій II, 1726—33; Іеремія III, въ 1733; Серафимъ I, 1733—34; Неофитъ VI, 1734—40; Паисій II, во 2 разъ; 1740—43; Неофитъ VI, во 2 разъ: 1743—44; Паисій II, въ 3 разъ 1744—48; Кириллъ V, 1748—51; Паисій II, въ 4 разъ: 1751—52; Кириллъ V, во 2 разъ: 1752—57; Каллиникъ IV въ 1757 г.; Серафимъ II, 1757—61; Іоанникій III, 1761—63; Самуилъ I, 1763—68; Мелетій II, 1768—69; Ѳеодосій II, 1769—73; и Самуилъ I во 2 разъ: 1773—74.—Хронологическія даты этого списка патріарховъ взяты нами изъ Γεδεὼν'а.

[2]) Μελετίου. Ἱστορία, τομ. III, 429. Γεδεὼν, 549.

Парѳеній I, именуемый „старцемъ“ въ отличіе отъ Парѳенія II, который обыкновенно называется „молодымъ“ или младшимъ. Его прославляютъ какъ „божественнаго (θεῖος) пастыреначальника“ и человѣка „всесвятѣйшаго“. Онъ отличался рачительностію въ распоряженіи матеріальными средствами церкви и желалъ ввести въ патріархіи возможную экономію,—и это дѣло ему пришлось вести съ немалыми трудами тѣмъ болѣе, что окружающіе его, которыхъ онъ самъ именовалъ „сонмищемъ діавола“, мало сочувствовали ему въ этомъ дѣлѣ. Онъ умѣлъ вызвать на помощь, изнемогавшей отъ долговъ, патріархіи тогдашняго молдавскаго господаря Вавилія, которому патріархъ въ благодарность за его заслуги даровалъ мощи св. Параскевы Новой, сохранявшіяся дотолѣ въ патріаршемъ храмѣ. На этотъ послѣдній фактъ можно смотрѣть неодинаково. Но едва-ли можно сомнѣваться, что на эту крайность побудила патріарха другая крайность—невыносимая задолженность патріархіи, происшедшая отъ предъидущей быстрой смѣны патріарховъ, каковая смѣна отразилась самыми неблагопріятными послѣдствіями на финансовомъ положеніи патріаршей казны. Нужно сказать, что Парѳенія „старца“ очень любилъ народъ въ Константинополѣ. Когда онъ былъ низверженъ съ своей каѳедры, то константинопольскіе христіане плакали, считая это несчастіемъ для церкви [1]). Къ несомнѣнно лучшимъ патріархамъ слѣдуетъ отнести Діонисія IV Музелима, не разъ правившаго константинопольскою церковію. Онъ, какъ его характеризуютъ, былъ „строгъ въ рѣчи, неутомимъ въ дѣлахъ, твердъ въ рѣшеніяхъ, но не гораздъ былъ тратить деньги и роскошествовать“. Онъ умѣлъ добиться того, что иностранные послы въ Константинополѣ относились къ нему съ уваженіемъ и считали его выдающимся патріархомъ. Тѣмъ не менѣе онъ твердо держался преданій святотеческихъ [2]). Больше чѣмъ въ XVII вѣкѣ можно насчитывать достойныхъ патріарховъ въ те-

---

[1]) Γεδεών, σελ. 569. 572. Муравьева. Сношенія Россіи съ Востокомъ; томъ II, 276, 291—2. Кириллъ Лавріотъ, Мелетій аѳинскій и Досиѳей іерусалимскій смѣшиваютъ въ извѣстіяхъ двухъ Парѳеніевъ—Старца и Молодаго; но Гедеонъ и Муравьевъ точно отличаютъ дѣятельность одного отъ дѣятельности другаго.

[2]) Γεδεών, 595. 610. Προκοπίου (Sathas, Bibl. III), 482.

ченіе XVIII вѣка, до конца правленія Самуила I. Историки съ похвалой отзываются о Гавріилѣ III. Его называютъ мужемъ благочестивымъ, разумнымъ, кроткимъ, поборникомъ мира церковнаго, правившимъ церковію праведно и богоугодно и съ ревностію о ея благѣ [1]). Кирилла IV признаютъ также человѣкомъ благочестивымъ и ведшимъ богоугодную жизнь. Высоко долженъ быть поставленъ, разсматриваемый въ нравственномъ отношеніи, и Іеремія III. Онъ извѣстенъ по своей безукоризненной жизни, хотя и строгъ былъ къ архіереямъ и не любилъ совѣщаться съ ними. Очень замѣчательными нравственными достоинствами отличался патріархъ Мелетій II. Онъ былъ благоразуменъ, благочестивъ, любилъ постничество, желалъ быть пріятенъ для всѣхъ (по Апостолу: „всѣмъ быхъ вся"), вслѣдствіе этой послѣдней черты Мелетій пользовался расположеніемъ и духовенства и народа. Но его правленіе церковію, къ сожалѣнію, было очень непродолжительно. Почти такими-же нравственными качествами, какъ Мелетій, извѣстенъ и преемникъ его по каѳедрѣ Ѳеодосій II. Онъ былъ простъ и кротокъ, управлялъ церковію разумно и заслужилъ благодарность отъ всѣхъ; вообще замѣтно, что онъ во многихъ отношеніяхъ повторилъ правленіе Мелетія II [2]). Только его слишкомъ строгое отношеніе къ отставному патріарху Серафиму II, который ободрялъ Грековъ къ возстанію противъ Турокъ,— отношеніе выразившееся въ томъ, что Ѳеодосій лишилъ этого послѣдняго сана епископскаго, затемняетъ въ нашихъ глазахъ образъ этого патріарха, особенно если возьмемъ во вниманіе, что Серафимъ отличался руссофильствомъ—а это рѣдкое явленіе между греческими архіереями [3]). Пожалуй слѣдуетъ причислить къ лучшимъ въ нравственномъ отношеніи патріархамъ и извѣстнаго Самуила I. Правда, онъ былъ надмененъ и слишкомъ само-

---

[1]) Βενδότης. Προσθήκη της Ιστορίας Μελετίου, σελ. 4—5. (Маты I, 785 и Гедеона, 614—по Вендотису).

[2]) Вышеуказанныя свѣдѣнія сообщаютъ—о Кириллѣ IV: Βενδότης, σελ. 5; о Іереміи III: Βενδοτ., 6—7; о Мелетіи II: Βενδοτ., 196, Μακραῖος — ἐκκλεσιαστικη ἱστορία, 274: о Ѳеодосіи II: Βενδοτ., 196, Μακραῖος, 297, Γεδεών, 662.

[3]) Μακραῖος, 287—289. Впрочемъ болѣе подробныя свѣдѣнія относительно указанныхъ событій были сообщены раньше. См. стр. 170—171.

властенъ, но несомнѣнно объ былъ очень заботливымъ и рачительнымъ патріархомъ, пекущимся о нуждахъ всѣхъ его подчиненныхъ, при томъ-же при немъ авторитетъ патріаршей власти поднялся на такую высоту, на какой рѣдко его видимъ [1]).

Истинно достойныхъ патріарховъ въ разсматриваемое время было немного. Напротивъ такихъ, о недостаткахъ которыхъ источники говорятъ болѣе или менѣе ясно—встрѣчается гораздо больше. Въ XVII вѣкѣ къ числу недостойныхъ патріарховъ долженъ быть прежде всего отнесенъ Неофитъ II. Онъ лишенъ былъ каѳедры по настоянію клира и народа за расточительность, которая побуждала его безразсудно тратить общественное достояніе на обогащеніе своихъ племянниковъ [2]). Извѣстнаго Кирилла Лукаря иногда прямо называютъ „сокрушителемъ добрыхъ нравовъ", такъ какъ онъ и себѣ и прочимъ клирикамъ позволялъ носить шелковыя и другія не принятыя одежды, кромѣ того онъ будто-бы сквозь пальцы смотрѣлъ на то, что нѣкоторые клирики (безбрачные) заводили у себя женщинъ сожительствующихъ (τὰς συνεισάκτους) [3]), т. е. такихъ, которыя являлись подозрительными съ точки зрѣнія скромности и цѣломудрія. О патріархѣ Парѳеніи II дошли до насъ извѣстія исключительно неблагопріятныя. Его называютъ надменнымъ и рѣзкимъ по характеру—человѣкомъ тираннческихъ свойствъ; онъ пренебрежительно относился къ прочимъ архіереямъ. Столь же пренебрежительно онъ относился и къ богослужебнымъ порядкамъ; не любя и не уважая продолжительныхъ церковныхъ послѣдованій, онъ сталъ выводить ихъ изъ практики, такъ онъ воспретилъ употреблять въ церкви такъ называемое пѣсненное послѣдованіе, изложенное извѣстнымъ Симеономъ Солунскимъ. Кажется, за рѣзкость характера и надменность Парѳеній получилъ прозваніе: „Оксисъ" и Голіафъ [4]). Этому-же Парѳенію приписываeт-

[1]) Μακραῖος ἐκκλ. ἱστορία, 246. 259.

[2]) Γεδεών, 545.

[3]) См., недавно впервые напечатанныя, главы изъ *исторіи іерусалимскихъ патріарховъ* Досиѳея: Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Τόμ. I, 278—279. Петерб., 1891.

[4]) Μελετίου. Ιστορία III, 449; Δοσιθέου. Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ιεροσολύμοις πατριαρχ., σελ. 1171; Маты, I, 648; Γεδεών, 572—573.

ся взяточничество [1]). Не лучше этого Пареенія былъ и другой Пареенiй IV, Греками прозванный „Могилаломъ", а Турками—хумхумомъ—за то, что онъ говорилъ сильно въ носъ. Прежде всего о немъ нужно сказать то, что патріаршія рѣшенія онъ давалъ за деньги, разумѣется въ томъ случаѣ, когда они должны быть благопріятны для лицъ, искавшихъ этихъ рѣшеній. При этомъ случалось, что осторожный патріархъ напередъ требовалъ отъ своихъ просителей денегъ, а склонные къ подозрительности просители—иной разъ — говорили патріарху: „сначала дай грамату, а потомъ получишь и деньги" [2]). Съ архiереями и архонтами Пареенiй Могилалъ жилъ не въ ладахъ. И однажды раздосадованный порицаніями, которыя ему пришлось услышать отъ архiереевъ и архонтовъ, онъ позволилъ себѣ слѣдующее: отыскалъ какого-то грамотнаго араба, заставилъ его написать на имя султана доносъ на архiереевъ и архонтовъ; тѣхъ и другихъ патріархъ въ своемъ доносѣ выставилъ мятежниками, злоумышлявшими на жизнь самого султана. Къ счастію, великій визирь, которому попалъ въ руки доносъ, разъяснилъ султану, что доносъ патріарха есть клевета. И результатомъ каверзы было то, что и писецъ—арабъ и самъ патріархъ были достойнымъ образомъ наказаны [3]).

Число недостойныхъ патріарховъ было значительно и XVIII вѣкѣ. Не отличался никакими достоинствами патріархъ Косма III. Онъ сначала былъ архіепископомъ синайскимъ, а потомъ хищнически (ληστρικῶς) сдѣлался патріархомъ александрійскимъ—хищнически, потому что онъ посаженъ былъ на каѳедру еще при жизни предшествующаго патріарха александрійскаго. Народъ и клиръ были недовольны имъ и Косма переселился въ Константинополь. Здѣсь онъ жилъ въ домѣ одного грека Іоанна, дѣти и родственники котораго имѣли вѣсъ въ сферѣ турецкаго правительства. Благодаря содѣйствію дѣтей и родственниковъ Іоанна, а черезъ нихъ Порты Косма за день-

[1]) Досиѳей—въ «Исторіи іерусалимскихъ патріарховъ», стр. 1175.
[2]) Ἀνάλεκτα (см. выше), σελ. 276—277.
[3]) Досиѳей—въ «Исторіи іерус. патріарховъ», стр. 1178. Мата (Икономосъ) говоритъ (1, 775), что Пареенiй IV отличался добротою и благочестіемъ, но на чемъ основывается подобный отзывъ, мы не знаемъ.

ги сдѣлался патріархомъ. Но, конечно, его правленіе не могло быть хорошимъ. Дѣлами заправляли тѣ греки, которые доставили ему каѳедру, а самъ онъ, по выраженію Вендотиса, быль лишь „тѣнью патріарха". Косма недолго оставался на константинопольскомъ патріаршествѣ [1]). Ничего хорошаго нельзя сказать о патріархѣ Паисіи II. Онъ четыре раза былъ патріархомъ. Въ первое патріаршествованіе онъ показывалъ себя очень ласковымъ къ архіереямъ, „упражнялся въ искусствѣ нравиться". Своихъ друзей и приверженцевъ онъ сдѣлалъ членами синода, а прочихъ улещалъ и словомъ и дѣломъ. На исполненіе монашескихъ обѣтовъ архіереями и другими клириками онъ не обращалъ никакого вниманія, почему они стали жить подобно архонтамъ и вообще мірянамъ. Продолжительныя богослуженія онъ отмѣнилъ, такъ что даже самые большіе праздники, какъ Рождество Христово и Богоявленіе не имѣли богослуженія, совершаемаго по обычному чину. Слѣдствіемъ всего этого было то, что „и страхъ и благоговѣніе предъ именемъ патріарха исчезли, и всякаго рода зло водворилось въ патріархіи". Послѣ-же перваго патріаршествованія Паисій сталъ держать себя иначе. Онъ началъ обнаруживать деспотическія наклонности: архіереевъ, которые почему-либо были ему не угодны, онъ сталъ преслѣдовать, у него обнаружилась страсть къ наживѣ, незнавшая себѣ ограниченія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи его сравнили съ „волкомъ, рыскающимъ за добычей". Замѣтно, чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ болѣе портится характеръ Паисія. Въ третье патріаршествованіе онъ позволилъ себѣ слѣдующій поступокъ. Подозрѣвая въ интриганствѣ нѣкоторыхъ архіереевъ, желавшихъ, какъ ему казалось, лишить его каѳедры, Паисій вздумалъ обязать себя и другихъ архіереевъ, проживавшихъ въ Константинополѣ—взаимною клятвою, побуждавшею ихъ къ взаимному довѣрію и уваженію. И вотъ въ день Пятидесятницы послѣ заамвонной молитвы среди церкви на аналой возложено было Евангеліе, предъ которымъ патріархъ клялся въ томъ, что онъ никакого изъ находящихся въ Константинополѣ архіеревъ не бу-

[1]) Вендотиса, 6; Маты (по Вендотису) I, 778. Гедеонъ судитъ о Космѣ мягче, 621—2.

детъ преслѣдовать, а архіереи дали клятву въ томъ, что они никогда и ни въ какомъ случаѣ не будутъ устроять коварства противъ патріарха. Но прошло немного времени и эту торжественную клятву первый же нарушилъ самъ патріархъ, ни Бога не боясь, ни людей и клятвы не постыждаясь. Онъ началъ преслѣдовать безъ всякаго повода митрополита филиппопольскаго Ѳеоклита. Результатомъ всѣхъ дѣйствій Паисія было то, что онъ сталъ предметомъ ненависти для всѣхъ [1]). Не лучше Паисія въ нравственномъ отношеніи былъ и Серафимъ I. Не смотря на то, что онъ украшался кротостію, онъ былъ крайнимъ лицемѣромъ и во что бы то ни стало старался нравиться архіереямъ, и если въ началѣ его патріаршествованія всѣ полюбили—было его, то потомъ всѣ-же стали питать къ нему ненависть за неустойчивость его убѣжденій [2]). Не причисляется къ лучшимъ патріархамъ и Неофитъ VI. Онъ былъ лишенъ всякой инициіативы. Другіе распоряжались имъ какъ хотѣли, онъ былъ игрушкою въ ихъ рукахъ; при немъ синодъ распоряжался всѣмъ, по своей волѣ; потому архіереи рѣшились низвергнуть его съ каѳедры [3]). Историки единогласно порицаютъ нравственный характеръ патріарха Кирилла V. Онъ отличался непріятнымъ характеромъ, крайнимъ властолюбіемъ; по виду онъ казался благочестивымъ и у многихъ считался святымъ человѣкомъ, но на самомъ дѣлѣ былъ склоненъ къ тираніи; къ тому-же онъ былъ очень расточителенъ. Кромѣ смутъ въ церкви, онъ ничего другаго не сдѣлалъ [4]). Патріарха Серафима II называютъ любителемъ науки, а еще болѣе золота. Іоанникія же III, хотя и одобряютъ за мягкость въ обращеніи, но упрекаютъ за

---

1) Вендотисъ, 7—8; Маты I, 791. 793—795. (Греческій подлинникъ того-же сочиненія, σελ. 147—151. Изд. 1884 г. Аѳины); Гедеонъ, 629. 631.

2) Вендотисъ, 85. Мата I, 792 по Вендотису, но съ пропускомъ всего, что не въ похвалу Серафима (Греческій подлинн., σελ. 149). Гедеонъ, 632 (довольно мягко).

3) Вендотисъ 86. Мата, I, 793 (Греч. подлинн. 149), заимствуя свѣдѣнія о Неофитѣ изъ Вендотиса, неизвѣстно на чемъ основываетъ свое замѣчаніе, что будто этотъ патріархъ «многимъ нравился».

4) Вендотисъ, 87; Маты, I, 795 (Греческій подлинникъ, 151—152). Гедеона, 642.

роскошь [1]). Наконецъ, патріархъ Кипріанъ если не былъ сребролюбцемъ, какъ иные его выставляютъ, и если ненависть къ нему многихъ основывалась на томъ, что онъ былъ слишкомъ строгъ, то во всякомъ случаѣ, кажется нѣтъ основаній не считать его наклоннымъ къ пьянству [2]).

Церковно-общественная дѣятельность патріарховъ разсматриваемаго отдѣла не отличалась ни широтою, ни разнообразіемъ, какъ это было и раньше. Вотъ все, о чемъ мы считаемъ нужнымъ упомянуть въ этомъ отношеніи. Въ патріаршествованіе Паисія II обращено было вниманіе на требованія отъ пастырей церкви по отношенію къ образованію. При этомъ патріархѣ состоялось соборное опредѣленіе, чтобы въ священный санъ были возводимы лица образованныя и достойныя по своему поведенію, причемъ опредѣлено было наказаніе за нарушеніе указаннаго опредѣленія. По нѣкоторымъ извѣстіямъ опредѣленіе это однако же не долго продержалось въ силѣ, потому что оно возбудило ненависть въ лицахъ необразованныхъ къ образованнымъ [3]).

Въ XVIII вѣкѣ обращаемо было вниманіе на урегулированіе выбора въ патріархи. Дѣло это велось большею частію нестройно. Для приведенія въ порядокъ процедуры выборовъ въ патріархи постановлено опредѣленіе частію въ правленіе церковію того-же патріарха Паисія, а частію въ правленіе Самуила I. Первое изъ сейчасъ указанныхъ опредѣленій сдѣлано впрочемъ не по иниціативѣ патріарха Паисія. Въ 1741 году по ходатайству Герасима, митрополита ираклійскаго, имѣвшаго вліятельныхъ пособниковъ при дворѣ, султанъ Махмутъ I издалъ фирманъ, которымъ повелѣвалось, чтобы никто не былъ поставляемъ въ архіереи, не получивъ напередъ одобренія своей жизни и поведенія со стороны пяти митрополитовъ— ираклійскаго, кизикскаго, никодимійскаго, никейскаго и халкидонскаго, которые съ этихъ поръ получили вліяніе на выборъ константинопольскаго патріарха. Вообще эти пять архіереевъ съ именемъ геронтовъ пріобрѣли значе-

---

[1]) Гедеона, 650. 655. Макрей (Sathas. Biblioth. 232. 243) того и другаго изъ нихъ считаетъ корыстолюбцами и вообще не похваляетъ.

[2]) Вендотисъ, 5; Маты I, 785 (Греческій подлинникъ, 142).

[3]) Вендотиса, 7; Маты I, 791.

ніе по отношенію къ распоряженію церковными дѣлами [1]). Сейчасъ указанное опредѣленіе было нѣсколько видоизмѣнено и пополнено при патріархѣ Самуилѣ I въ шестидесятыхъ годахъ. Онъ узаконилъ, чтобы восемь изъ старѣйшихъ архіереевъ считались непремѣнными членами синода; они стали называться геронтами, при чемъ впрочемъ не были устранены отъ присутствія въ константинопольскомъ синодѣ и другіе архіереи, по какому-либо случаю пребывавшіе въ столицѣ; безъ согласія этихъ восьми архіереевъ или большинства ихъ не рѣшалось ни одно церковное дѣло. Эти восемь геронтовъ, по этому самому получили большое вліяніе на избраніе патріарховъ. Безъ согласія этихъ восьми равнозначущихъ геронтовъ—съ присоединеніемъ четырехъ епитроповъ (мірскаго званія) и такъ называемаго логоѳета церкви не могъ происходить выборъ новаго патріарха, а также не могла происходить и смѣна уже существующаго патріарха. Эти опредѣленія утверждены султанскимъ фирманомъ. Самуилъ I вообще положилъ нѣкоторое основаніе для ограниченія власти патріарховъ. Такъ какъ патріархъ до его времени, имѣя въ своихъ рукахъ патріаршую печать, могъ писать какіе угодно доносы Портѣ на любаго изъ архіереевъ, и могъ налагать на нихъ-же подати по своему произволу, то Самуилъ рѣшилъ ограничить власть патріарха. Для достиженія цѣли онъ опредѣлилъ, чтобы печать слагалась изъ нѣсколькихъ частей, изъ которыхъ одна должна была храниться у патріарха, а прочія у четырехъ старшихъ архіереевъ. Очевидно, въ силу этого опредѣленія патріархъ только тогда могъ воспользоваться патріаршею печатью, когда на это изъявляли согласіе хранители всѣхъ частей печати [2]).

Одинъ изъ патріарховъ, Іеремія III, сдѣлалъ-было попытку ввести нѣкоторое измѣненіе въ порядкѣ соблюденія извѣстнаго поста св. апостоловъ, но по случайнымъ причинамъ дѣло это не увѣнчалось успѣхомъ. Подъ 1719 годомъ у греческаго историка Комнина-Ипсилан-

[1]) Гедеона, 637. Κομνηνοῦ Ὑψηλάντου. Τὰ μετὰ τὴν ἅλωσιν, σελ. 350. Константинополь, 1870.

[2]) Вендотиса, 195. Маты, I, 799—800. (Греческій подлинникъ, стр. 154—155).

тиса записанъ слѣдующій разсказъ, имѣющій отношеніе къ указанному вопросу. Нѣкоторые изъ жителей Фанара начали нарушать постъ св. апостоловъ (Петровки). Противъ нарушителей возстали соблюдающіе этотъ постъ. Тогда патріархъ Іеремія III рѣшился уладить дѣло такъ, чтобы и нарушители поста, которые повидимому не совсѣмъ отметали обычай, а лишь сокращали продолжительность поста, не порицались болѣе какъ нарушители церковнаго узаконенія и древняго устава, а съ другой стороны, чтобы и порицатели успокоились, избавляясь отъ грѣха осужденія ближнихъ. Онъ созвалъ соборъ въ Константинополѣ и предложилъ членамъ его, чтобы на будущее время постъ апостоловъ имѣлъ опредѣленную продолжительность, какъ и другіе церковные посты, именно 20 дней не болѣе. На соборѣ, кромѣ нѣкоторыхъ архіереевъ константинопольскаго патріархата и клириковъ, засѣдалъ патріархъ іерусалимскій Хрисанѳъ. Между тѣмъ о созваніи собора разнеслась молва въ народѣ и нашлись лица, пожелавшія противодѣйствовать опредѣленію собора. Такими были главнымъ образомъ продавцы рыбы и сыровары (? οἱ πακάλῃδες), вообще нѣкоторые заинтересованные въ дѣлѣ съ коммерческой точки зрѣнія. Они во множествѣ собрались къ патріархіи, и начали громко кричать, что архіереи хотятъ испразднить христіанскую вѣру. Этотъ протестъ сильно подѣйствовалъ на архіереевъ, и соборъ, не смотря на согласіе съ предложеніемъ патріарха, не постановилъ никакого рѣшенія о постѣ, т. е. дѣло осталось въ прежнемъ положеніи [1]).

Въ церкви разсматриваемаго времени находимъ слѣды борьбы противъ только что начавшагося входить въ практику—обычая носить митру архіереями. Такъ извѣстно, что въ началѣ XVII вѣка при патріархѣ Тимоѳеѣ II происходилъ въ присутствіи прочихъ восточныхъ патріарховъ соборъ, на которомъ между прочимъ послѣдовало опредѣленіе о низложеніи Лаврентія архіепископа синай-

[1]) Κομνηνοῦ Ὑψηλάντου. Τὰ μετὰ τὴν ἅλωσιν, σελ. 308. Мата I, 798 на основаніи неправильнаго показанія греческаго историка Кумы полагаетъ, что событіе это было позднѣе при патріархѣ Каллиникѣ IV (Впрочемъ во второмъ изданіи» историческаго каталога» Маты, изданіе 1884 г.,—ошибка эта исправлена; но исправленіе заключается лишь въ томъ, что разсказъ о событіи выпущенъ при описаніи правленія Каллиника).

ской горы за то, что онъ носилъ на головѣ митру во время совершенія богослуженія [1]). Чтобы для насъ было яснѣе дѣло, почему указанный архіепископъ подвергся такому тяжкому наказанію за ношеніе митры, мы должны сдѣлать нѣсколько замѣчаній о томъ, при какихъ обстоятельствахъ появилось въ греческой церкви ношеніе митры архіереями. До начала XVII вѣка носить митру имѣлъ право только александрійскій патріархъ. Это право ему усвоено съ глубокой древности. Въ Константинополѣ патріархи стали носить митру только со времени патріарха Кирилла Лукаря, предшественника того Тимоѳея, при которомъ былъ осужденъ Лаврентій синайскій. Обычай носить митру у патріарховъ константинопольскихъ явился такъ: когда Кириллъ Лукарь изъ патріарха александрійскаго сдѣлался константинопольскимъ; онъ и по переходѣ въ Константинополь началъ носить митру, какъ привыкъ это дѣлать въ Александріи. Извѣстный патріархъ іерусалимскій Досиѳей, хотя и зналъ, что александрійскіе патріархи издавна усвоили обычай носить митру, однакоже находитъ его незаслуживающимъ одобренія. Досиѳей говорилъ: „при хиротоніи мы не митру пріемлемъ на главу, а Евангеліе. Имѣя Христа главой, мы должны молиться съ непокровенной головою, что конечно болѣе благочестиво". Но голоса подобныхъ ревнителей не имѣли значенія. Какъ скоро митру возложилъ на свою главу патріархъ константинопольскій, за нимъ стали дѣлать тоже самое и другіе архіереи. Однимъ изъ первыхъ началъ-было носитъ митру архіепископъ синайскій, но первый преемникъ Лукаря на константинопольской каѳедрѣ выступаетъ съ соборными прещеніями противъ синайскаго самовластника. Тѣмъ не менѣе сказанный обычай сталъ распространяться. Вслѣдъ за константинопольскимъ патріархомъ употреблять митру сталъ и патріархъ антіохійскій, а вслѣдъ за этимъ и другіе. Къ концу XVII вѣка митру стали носить и автокефальные архіепископы и нѣкоторые митрополиты. Борьба константинопольскаго патріарха Тимоѳея противъ Лаврентія не могла сдержать теченія [2]).

[1]) Мелетія III, 430. Маты I, 634. (Русскій переводъ не точенъ. См. греческій подлинникъ, 295).

[2]) Гедеона, 32—34. Слич. проф. Е. Е. Голубинскаго: Исторія русской

Многіе патріархи принимали разныя мѣры какъ для возвышенія нравственнаго характера патріархіи, такъ и для упорядоченія ея матеріальнаго состоянія. Такъ въ правленіе патріарха Рафаила II появилось соборное опредѣленіе, которымъ предписывалось слѣдующее: „отнынѣ и впредь всѣ архіереи, проживающіе въ столицѣ ради ли потребностей своихъ церквей или по собственнымъ надобностямъ, обязываются имѣть пребываніе въ самой патріархіи, а отнюдь не въ частныхъ домахъ города, ради избѣжанія подозрѣній и соблазна; архіереи обязывались пріѣзжать въ патріархію, жить въ ней и выѣзжать изъ нея въ эпархіи не иначе, какъ съ вѣдома патріарха". Тотъ же Рафаилъ распространилъ патріархію, устроивъ въ ней столько келлій, сколько было необходимо на случай пріѣзда провинціальныхъ архіереевъ въ столицу [1]).

Такъ какъ финансовая сторона сильно страдала отъ того, что почти каждый новый патріархъ при его выборахъ много тратилъ денегъ ради достиженія своихъ личныхъ цѣлей и потомъ заставлялъ патріаршую казну покрывать эти расходы, то при патріархѣ Серафимѣ II, при содѣйствіи болѣе вліятельныхъ клириковъ и мірянъ, султанъ Мустафа III выдалъ гатти, которымъ предписывалось, чтобы издержки при выборахъ патріархи принимали на свой счетъ [2]). И вообще многіе патріархи прилагали заботы о томъ, чтобы погашались мало-по малу долги патріархіи, возникавшіе вслѣдствіе нерачительнаго управленія. Для достиженія этой цѣли, наприм., при патріархѣ Өеофанѣ I на соборѣ постановлено было, чтобы каждый архіерей для улучшенія церковныхъ дѣлъ представлялъ въ теченіе года въ патріархію опредѣленное количество денегъ для погашенія долговъ (патріархіи), а неисполняющимъ этого предписанія угрожаемо было низложеніемъ [3]). Это опре-

---

церкви I, 235—236. Всѣ-же греческіе епископы начинаютъ носить митры не только въ своихъ эпархіяхъ, но даже и въ сослуженіи патріарху въ самомъ концѣ XVIII вѣка. Μακραῖος. Bibl. Gr. III), 309.

[1]) Мелетія, III, 429—430. Мата I, 633 почему-то приписываетъ вышеуказанное дѣяніе не Рафаилу, а Тимоөею I.

[2]) Гедеона, 653. Макрея (Bibl. Graeca, III), 228.

[3]) Попадопуло-Керамевса: «Өеофанъ патріархъ константинопольскій» (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., 1894. Май, стр. 9).

дѣленіе потомъ не разъ было повторено въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ.

Отъ обозрѣнія церковно-общественной дѣятельности константинопольской патріархіи, дѣятельности не блестящей и не разнообразной, обратимся къ описанію тѣхъ нестроеній, какія нашли себѣ мѣсто въ исторіи этой патріархіи въ изучаемое время.

Однимъ изъ важныхъ видовъ нестроеній въ жизни патріархіи было то, что въ разсматриваемое время патріархи очень быстро смѣняли одинъ другого на каѳедрѣ; а это въ свою очередь вело къ разнаго рода безпорядкамъ. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XVII вѣка въ теченіи 15 лѣтъ двѣнадцать разъ смѣнялись патріархи. Въ это время видимъ между прочимъ такое явленіе: одинъ патріархъ остается на каѳедрѣ только нѣсколько дней; другой слѣдующій за нимъ правитъ церковію не болѣе полутора года; смѣнившій этого патріарха константинопольскій іерархъ могъ усидѣть на каѳедрѣ лишь сорокъ дней, дальнѣйшіе патріархи, правившіе церковію одинъ за другимъ, патріаршествуютъ — годъ, полтора, опять годъ, полтора [1]). Подобное же явленіе повторяется въ самой серединѣ XVII вѣка. Историкъ Мелетій аѳинскій, описывая это время, говоритъ: „по изгнаніи Парѳенія I патріархомъ сдѣлался Іоанникій въ 1650 году, оставался на каѳедрѣ одинъ годъ, а потомъ бросилъ (ἔφυγεν) её. Патріархомъ провозглашенъ Кириллъ, митрополитъ терновскій, и пробылъ на патріаршествѣ только 20 дней; послѣ него взошелъ на каѳедру Аѳанасій Пателарій и пробывъ на каѳедрѣ 15 дней былъ низложенъ; Аѳанасію преемствовалъ Паисій ларисскій въ 1652 году: по однимъ онъ оставался патріархомъ годъ и даже нѣсколько болѣе, а по другимъ девять мѣсяцевъ“ [2]). Дѣлать отсюда какіе либо выводы нѣтъ надобности; они сами собою вытекаютъ изъ указаннаго грустнаго явленія. — Избраніе того или другаго лица въ патріархи Константинополя совершалось иногда подъ вліяніемъ, которое нужно признать нежелательнымъ и неожиданнымъ. Такъ два патріарха, возсѣдавшіе на каѳедрѣ знаменитаго Фотія, пробрались на патріаршество, благодаря содѣйствію іезуи-

[1]) Муравьева. Сношенія Россіи съ Востокомъ, ч. II, 195—196.
[2]) Томъ III, 465.

товъ. Говоримъ о Григоріи IV и Анѳимѣ II, изъ которыхъ первый даже наклоненъ былъ слѣдовать самымъ возрѣніямъ и „злочестію" іезуитовъ [1]). О патріархѣ Аѳанасіи III Пателларіи разсказываютъ, что лишившись патріаршей каѳедры, онъ отправился въ итальянскій городъ Анкону, отсюда послалъ къ тогдашнему папѣ епископа дринопольскаго Каллиста съ письмомъ, въ которомъ отставной патріархъ просилъ возвести его на престолъ константинопольскій (повидимому, номинально). Папа отвѣтилъ будтобы Аѳанасію, что онъ сдѣлаетъ его даже и кардиналомъ, если онъ подпишетъ вѣроизложеніе римско-католическаго содержанія. Патріархъ, къ счастію, не пожелалъ быть отступникомъ отъ православія, допустивъ себѣ однако сдѣлаться нарушителемъ каноновъ. Одинъ историкъ называетъ Аѳанасія за это дѣяніе человѣкомъ безразсуднымъ (ὁ μάταιος)—и вполнѣ заслуженно. Аѳанасію однако удалось какимъ-то образомъ вторично занять каѳедру константинопольскую; сдѣлавшись опять патріархомъ, онъ однажды произнесъ проповѣдь на текстъ: „ты еси Петръ", которая иными была истолкована въ смыслѣ римско-католическихъ тенденцій этого лица [2]). Такимъ образомъ нѣкоторыя патріархи восходили на каѳедру или старались возвратиться на нее такими способами, которые должны были вызвать смуты и непорядки. Церковный актъ интроникаціи патріарховъ сопровождался иногда сценами достойными истиннаго сожалѣнія. Вотъ, наприм., при какихъ обстоятельствахъ происходитъ интроникація патріарха Парѳенія II, именуемаго „молодымъ". Въ праздникъ Рождества Богородицы новый патріархъ Парѳеній собралъ въ патріархіи всѣхъ епископовъ, какіе находились въ Костантинополѣ, а равно и клириковъ; собрался и народъ. Долженствовало произойти поставленіе патріарха. Когда прочитанъ былъ протоколъ объ отставкѣ прежняго патріарха (Парѳенія I), то новый патріархъ неизвѣстно зачѣмъ возгласилъ ему анаѳему, но весь народъ возопіялъ: „Богъ да проститъ прежняго патріарха". Затѣмъ раздали народу свѣчи и когда митрополитъ ираклійскій поднесъ посохъ и возводя

[1]) Гедеона, 552—553.

[2]) Досиѳея. Исторія патріарховъ іерусалимскихъ, 1170. Мелетія III, 448. Маты I, 640—641 (Греческій подлинникъ, 126—127).

новопоставляемаго на каѳедру, произнесъ: „аксіосъ“, то народъ закричалъ: „анаксіосъ“—недостоинъ. „И былъ, по сказанію современнаго повѣствователя, великій позоръ, какого никогда не бывало“ [1]).—Въ теченіе своего правленія нѣкоторые патріархи заявляли себя дѣйствіями, которыя не могли служить къ созиданію церкви. Патріархъ Неофитъ IV, выбранный въ санъ іерарха константинопольскаго изъ митрополитовъ андріанопольскихъ, не пожелалъ оставить своей резиденціи и ѣхать въ Константинополь, почему онъ и былъ патріархомъ константинопольскимъ, проживавшимъ въ Андріанополѣ. Въ этомъ случаѣ Неофитъ поступилъ по словамъ одного источника вопреки принятому „обычаю“, а по словамъ другаго источника—вопреки „каноновъ“ [2]). Столь же мало думалъ сообразоваться съ правилами церковными и патріархъ Кириллъ II Контарисъ. Во всѣхъ исходящихъ изъ патріархіи документахъ онъ подписывался вмѣсто: „Кириллъ милостію Божіею архіепископъ константинопольскій“, такъ: „Кириллъ Веррійскій Божіею милостію“, или же: „Божіею милостію Кириллъ константинопольскій изъ Верріи“, потому что до избранія въ патріархи онъ былъ митрополитомъ веррійскимъ. Но этотъ поступокъ еще, конечно, не такъ важенъ, а гораздо важнѣе то, что онъ безчеловѣчно преслѣдовалъ приверженцевъ прежняго патріарха Кирилла Лукаря и сдѣлался причиною достойныхъ всякаго сожалѣнія порядковъ церковныхъ [3]). Странно и непохвально поступаетъ и патріархъ Іоанникій II. Запутавшись въ управленіи дѣлами церковными, онъ сложилъ съ себя патріаршество, наложивъ на себя напередъ отлученіе, если бы онъ когда либо вздумалъ еще разъ домогаться патріаршей каѳедры. Но что-же видимъ? Проходитъ очень немного времени—и Іоанникій начинаетъ искать патріаршества и достигаетъ цѣли [4]). Какой примѣръ могъ подавать такой патріархъ прочимъ архіереямъ, клиру и народу? Однимъ изъ слѣдствій случавшихся нестроеній въ патріархіи было то, что слухъ о нихъ, ко вреду для славы вселенскаго патріарха, распро-

---

[1]) Муравьевъ. Снош. Россіи съ Востокомъ II, 276.
[2]) Досиѳея. Исторія патріарховъ, 1178. Мелетія III, 483.
[3]) Гедеона, 560.
[4]) Тамъ же, 582.

странялся далеко за предѣлы греческаго народа. Древняя Русь, волею-неволею дѣлалась свидѣтельницей тѣхъ безпорядковъ, какіе встрѣчались въ церкви константинопольской. Такъ до свѣдѣнія царя Михаила Ѳеодоровича доведена была въ свое время слѣдующая исторія о характерѣ патріаршествованія вышеупомянутаго Кирилла II Контариса. „Нѣкій митрополитъ веррійскій Кириллъ, незаконно домогаясь патріаршества, когда султанъ Мурадъ ѣхалъ на войну, подалъ ему прошеніе и посулилъ 15,000 рублей, чтобы его поставилъ въ патріархи. Султанъ повелѣлъ быть ему патріархомъ. Итакъ Кириллъ беззаконно сѣлъ на патріаршество, такъ что весь міръ удивился. Усиливаясь заплатить то, что посулилъ, и еще другіе 15,000 рублей и не имѣя тѣхъ денегъ, мучилъ онъ митрополитовъ и священниковъ и весь клиръ, и собравъ вдвое противъ тѣхъ денегъ, что посулилъ, отдалъ бусурманамъ, чтобы его любили. Этотъ-же Кириллъ многихъ архіереевъ отъ епархій ихъ отставилъ напрасно, доводилъ до убытковъ и ссылалъ ихъ не по дѣлу и не оставилъ ни единаго, чтобы кому не сотворить зла, какъ тиранъ и похититель престола; также поступалъ съ іереями и монастырями [1])". Въ подобныхъ же чертахъ изображалось тому-же русскому царю и правленіе патріарха константинопольскаго Парѳенія II „молодаго[2])".

Однимъ изъ самыхъ внушительныхъ свидѣтельствъ, удостовѣряющихъ, какъ велики были иногда нестроенія въ церкви константинопольской, служитъ исторія, сопровождающая споръ касательно крещенія латинянъ. Въ правленіе патріарха Кирилла V въ 1751 году въ мѣстности Катирли въ никомидійской области появился одинъ монахъ Авксентій, носившій санъ діакона и начавшій проповѣдывать народу о заблужденіяхъ латинянъ, причемъ проповѣдникъ съ особенною настойчивостью сталъ говорить противъ дѣйствительности латинскаго крещенія, дѣлая отсюда выводъ, что латинянъ (и конечно, протестантовъ) слѣдуетъ перекрещивать при переходѣ ихъ въ греко-восточную церковь. Патріархъ Кириллъ хотя и зналъ

[1]) Муравьевъ. Снош. Россіи съ Востокомъ, ч. II, 191. 316.
[2]) Тамъ же, стр. 291.

о такой проповѣди Авксентія, но дѣлалъ видъ, что онъ ничего о ней не знаетъ, поступая такъ изъ боязни возбудить ненависть со стороны папистовъ, въ душѣ же онъ сочувствовалъ проповѣднику. Число приверженцевъ Авксентіева ученія росло со дня на день, но патріархъ изъ осторожности не выражалъ ни сочувствія, ни несочувствія пророку, какъ называли Авксентія въ народѣ. Пророкомъ же Авксентій прослылъ благодаря своему лукавству и хитрости. Онъ разузнавалъ отъ духовниковъ о грѣхахъ тѣхъ или другихъ изъ ихъ духовныхъ чадъ, и при встрѣчѣ съ этими послѣдними обличалъ ихъ въ содѣянныхъ ими грѣхахъ, тогда какъ они думали, что прегрѣшенія ихъ никому неизвѣстны—и настойчиво внушалъ имъ на будущее время удерживаться отъ болѣе тяжкаго изъ ихъ грѣховъ, угрожая въ противномъ случаѣ вѣчнымъ наказаніемъ. Обличаемый въ простотѣ души думалъ, что Авксентій провидитъ сокровенное. Такимъ-то образомъ создавалась у него слава пророка. Авксентія стали считать человѣкомъ святымъ, къ нему отовсюду стекалось много мущинъ и женщинъ, тѣ и другіе жадно слушали его слова, каялись въ своихъ грѣхахъ, просили его возложить руки, искали его благословенія и молитвы [1]). Вскорѣ, именно въ слѣдующемъ 1752 году, произошла смѣна на патріаршемъ престолѣ: вмѣсто Кирилла сдѣлался патріархомъ Паисій II. Онъ первымъ дѣломъ приказалъ Авксентію прекратить его проповѣдь о перекрещиваніи латинянъ и армянъ, говоримъ: и армянъ, потому что и крещеніе армянское пророкъ изъ Катирли объявлялъ незаконнымъ. Но этотъ послѣдній не хотѣлъ внимать голосу константинопольскаго патріарха. Авксентія и разъ и два призывали въ синодъ и увѣщевали его въ томъ-же родѣ соборно, но онъ не думалъ оставлять своего заблужденія. Затѣмъ былъ посланъ для увѣщанія Авксентія въ Катирли одинъ дидаскалъ, по имени Критій, но возбужденная фанатическою проповѣдію толпа едва не растерзала увѣщателя. Народное волненіе все росло и росло. Авксентія собирались слушать не только простонародіе, но и архонты и

---

[1]) Κομνηνοῦ Ὑψηλάντου. Τὰ μετὰ τὴν ἅλωσιν, 365—366. Βενδότης, 87. Μακαρῖος, 208.

архонтиссы, большая часть слушателей его становилась на его сторону и съ тѣмъ вмѣстѣ выражала явное недовольство патріархомъ Паисіемъ и синодомъ. Поддерживаемый толпою, Авксентій не только не хотѣлъ слушать внушеній и приказаній патріарха и синода, но всенародно осмѣливался клеймить именемъ еретиковъ какъ самого патріарха, такъ и синодъ и объявлялъ ихъ приверженцами папизма. Въ противность Паисію Авксентій восхвалялъ прежняго патріарха Кирилла V, какъ человѣка истинно православнаго, потому конечно, что Кириллъ былъ склоненъ раздѣлять воззрѣнія этого крайняго и неразумнаго противника латинства. Патріархъ и архіереи, чтобы прекратить соблазнъ и не раздувать вражды между греческими христіанами, армянами и папистами, снова воспретили Авксентію продолжать его беззаконную проповѣдь. Но слѣдствіемъ этихъ новыхъ прещеній со стороны церковной власти противъ Авксентія было лишь то, что народъ началъ выражать свою ненависть по отношенію къ патріарху и архіереямъ [1]). Противленіе партіи Авксентія церковнымъ властямъ принимало характеръ бунта. Поэтому, въ дѣло вмѣшалось само турецкое правительство, по всей вѣроятности вслѣдствіе настояній патріарха и синода. Это правительство распорядилось съ виновникомъ общественныхъ безпорядковъ по свойски. Оно понимало, что дѣйствовать противъ Авксентія прямо и открыто было не безопасно и потому пустилось на хитрость. Однажды ночью былъ посланъ къ Авксентію въ Катирли одинъ очень важный турецкій сановникъ, который долженъ былъ пригласить лжепроповѣдника въ Константинополь будто-бы для почетной аудіенціи у великаго визиря. Разчетъ удался. Честолюбіе заговорило въ Авксентіи. Приверженцы его съ своей стороны воодушевляли его принять приглашеніе визиря. Но лишь только Авксентій сѣлъ въ лодку и удалился отъ берега, какъ по заранѣе данному приказанію смутотворецъ былъ задушенъ, а тѣло его ввержено въ море [2]). На слѣдующій день прибыли въ Константинополь и приверженцы Авксентія, прошли прямо ко дворцу вели-

[1]) Комнина-Ипсилантиса, 367—369.

[2]) По другому извѣстію (Вендотиса, 88) Авксентій и двое главныхъ его приверженцевъ были повѣшены.

каго визиря; но не получили никакихъ извѣстій о судьбѣ своего вождя. Послѣ этого они всею толпою кинулись къ патріархіи, кричали, бранили патріарха. Наконецъ они захватили Паисія въ свои руки и подвергли его побоямъ; полиція Фанара еле живаго патріарха едва освободила изъ рукъ разъяренной толпы. Затѣмъ патріархъ укрылся, уплывъ въ море. Толпа однакоже не успокоилась. Свыше 5000 человѣкъ двинулось къ Портѣ—и всей толпою стали кричать, что не желаютъ имѣть патріархомъ Паисія, —и требовали возвращенія на каѳедру Кирилла V. Народъ неистово возглашалъ: „не хотимъ Паисія! Онъ армянинъ, онъ латинянинъ, потому что онъ не желаетъ крестить ни армянъ, ни латинянъ! Онъ желаетъ погубить преподобнаго (Авксентія), не хотимъ его! [1])" И Кириллъ сталъ патріархомъ. Взошедши на каѳедру, онъ сдѣлалъ все, чтобы ублаготворить партію Авксентія. Онъ издалъ грамоту, которою опредѣлялъ впередъ перекрещивать римско-католиковъ и армянъ при переходѣ ихъ въ православіе. Не всѣ согласились съ патріаршимъ опредѣленіемъ — важнѣйшие изъ архіереевъ были противъ этого опредѣленія, въ особенности сильно ратовали за истину митрополиты Акакій кизикскій и Самуилъ (впослѣдствіи патріархъ) дерконскій. Появилось даже какое-то сочиненіе, въ которомъ доказывалась незаконность перекрещиванія. Въ патріаршей грамотѣ замѣтно очень сильное желаніе ослабить дѣйствіе на умы сейчасъ упомянутаго сочиненія. Въ грамотѣ Кирилла V читаемъ: „трижды анаѳематствуемъ безглавное и антиканоническое сочиненіе; если-же кто теперь принимаетъ это сочиненіе или приметъ потомъ, тѣхъ—будутъ-ли они лица священныя или міряне—мы объявляемъ отлученными, тѣла-же ихъ по смерти не обратятся въ прахъ и пребудутъ аки тимпаны: камни и желѣзо разрушатся, а тѣла ихъ никогда! Жребіемъ ихъ да будетъ проказа Гіезія и удавленіе Іуды! Да поглотитъ ихъ земля, какъ случилось съ Даѳаномъ и Авирономъ! Ангелъ Господень да преслѣдуетъ ихъ съ мечемъ во всѣ дни живота ихъ! [2])" Ученый Вендотисъ,

---

[1]) Комнина-Ипсилантиса, 369—370. Макрея, 210.

[2]) Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος (въ статьѣ Параники: «По вопросу о перекрещиваніи, возникшемъ въ 18 вѣкѣ)», τόμος Χ, σελ. 33. 35. Константинополь, 1877.

исполненный чувства негодованія по поводу определенія Кирилла о перекрещиваніи, не находитъ словъ, чтобы достаточно выразить свои чувства. Онъ замѣчалъ: не хочетъ-ли Кириллъ уже и самого Бога объявить покровителемъ всякаго нечестія и ереси? Не хочетъ-ли онъ провозгласить, что св. апостольская и каѳолическая церковь способна впадать въ заблужденіе? Онъ же говоритъ что Кириллъ пожелалъ стать главою церкви и свой авторитетъ поставить выше авторитета соборнаго. Вендотисъ указываетъ, что Кириллу удалось поддержать свое опредѣленіе только благодаря содѣйствію турецкой власти. По его словамъ, тогдашній султанъ Османъ, узнавъ о постановленіи, сдѣланномъ Кирилломъ, сказалъ, что патріархъ поступилъ какъ мусульманскій муфтій, имѣющій право опредѣлять магометанское вѣроученіе, при чемъ султанъ прибавилъ, становясь очевидно на сторону Кирилла: всѣ митрополиты обязаны подчиняться патріарху въ этомъ рѣшеніи, а кто изъ нихъ не пожелаетъ сдѣлать такъ, пусть удалятся въ свои эпархіи, дабы въ столицѣ умолкли словопренія [1]). Нестроенія, возникшія изъ-за вопроса о перекрещиваніи, продолжались и въ правленіе Кириллова преемника — Каллиника IV-го. Вотъ что случилось съ этимъ патріархомъ. Когда Каллиникъ, совершивъ въ патріархіи первое служеніе въ своемъ новомъ санѣ, сталъ на амвонѣ для преподанія благословенія народу, послышался неистовый крикъ присутствовавшихъ: „долой франка, братія—долой франка“! Затѣмъ толпа бросилась на патріарха и извлекла его изъ храма, не желая осквернять кровію церковный помостъ. Едва-едва удалось вырвать несчастнаго патріарха изъ рукъ нафанатизированной партіи Авксентія. Одежды его были изорваны. Самъ онъ полумертвый и нагой едва спасся отъ смерти благодаря мужеству его клириковъ. Гнѣвъ народа воспылалъ на патріарха по причинамъ совершенно случайнымъ. Говорили о немъ, что онъ будто мыслитъ согласно съ латинянами, а это воззрѣніе опиралось на томъ, что онъ до патріаршества проживалъ въ разноплеменной Галатѣ, и потому думали, что онъ креатура латинянъ, здѣсь проживавшихъ.

[1]) Вендотиса, 88.

Каллиникъ пробылъ на патріаршествѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ [1]). Вотъ при какихъ плачевныхъ обстоятельствахъ произошла отмѣна древне-церковнаго обыкновенія принимать латинянъ и армянъ, переходящихъ къ православной церкви,—черезъ отреченіе отъ прежнихъ заблужденій и миропомазаніе.—Удаленіе патріарховъ съ каѳедры происходило иногда при такихъ обстоятельствахъ, которыя показывали, что жизнь патріархіи проходитъ среди ненормальностей. Такъ патріархъ Аѳанасій V низвергается съ каѳедры самими-же архіереями и клиромъ константинопольскимъ за то, за что они должны были-бы быть благодарными ему—именно за то, что онъ захотѣлъ ввести строгій порядокъ въ управленіи церковію. Замѣчательно: лица недовольныя этимъ патріархомъ, чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли—удаленія патріарха, старались въ превратномъ видѣ представлять его любовь къ просвѣщенію, выставляя патріарха любителемъ новшествъ [2]). Патріархъ Діонисій III лишается престола главнымъ образомъ потому, что онъ не понравился женѣ великаго драгомана Панайоти [3]). А патріархъ Неофитъ VI низложенъ и сосланъ по интригамъ какой-то гречанки, имѣвшей однакоже доступъ въ домъ великаго визиря [4]).

Что касается положительныхъ злополучій въ исторіи патріархіи изучаемой нами эпохи, то мы не встрѣчаемъ указаній на особенно рельефные факты въ подобномъ родѣ. Безъ сомнѣнія, трудно изчислить ту сумму бѣдствій, которая угрожала патріархіи, если бы пришелъ въ исполненіе проэктъ, изобрѣтенный въ правленіе патріарха Каллиника II отставнымъ митрополитомъ ѳессалоникійскимъ и представленный имъ великому визирю; но къ счастію проэктъ, о которомъ мы говоримъ, не осуществился. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: Нѣкто Меѳодій, прежде бывшій митрополитомъ ѳессалоникійскимъ, но отставленный отъ должности, въ видахъ мщенія патріарху представилъ великому визирю проэктъ, въ которомъ доказывалось:

---

[1]) Макрея, 223.
[2]) Вендотиса, 5. Магы, I, 786 (Греческій подлинникъ, 142—143).
[3]) Ricaut Hist. de l'eglise Grecque, 111—112.
[4]) Арсенія архим. Лѣтопись церковныхъ событій, стр. 709. Изд. 3-ое. Петерб. 1900.

въ настоящее время патріархъ отъ себя продаетъ митрополіи и епископіи и самъ съ синодомъ выбираетъ митрополитовъ и епископовъ; но то же самое могъ бы дѣлать вмѣсто патріарха и визирь, при чемъ весь доходъ отъ этого производства поступалъ-бы въ пользу казны; патріарху же достаточно предоставить лишь актъ хиротоніи и опредѣленную плату за это. Проэктъ понравился визирю и онъ думалъ было дать ему ходъ. Но патріархъ и синодъ во время узнали объ опасности и дарами и деньгами закупили турецкую власть, вслѣдствіе чего все осталось по прежнему. А самъ Меѳодій былъ сосланъ въ заточеніе [1]). Гроза миновала. Не мало несчастій перенесла патріархія отъ невѣрнаго турецкаго правительства. Но самымъ злополучнымъ фактомъ разсматриваемаго времени нужно считать смерть патріарха Парѳенія II. По однимъ извѣстіямъ онъ потерпѣлъ смерть вслѣдствіе тираніи турецкаго правительства [2]); но по другимъ—достовѣрнѣйшимъ—извѣстіямъ онъ хотя и казненъ былъ турками, но по настоянію и иниціативѣ православныхъ господарей Молдавіи и Валахіи, которые, будучи не довольны придирчивыми отношеніями Парѳенія къ патріарху іерусалимскому Паисію, добились того, что патріархъ константинопольскій былъ казненъ [3]). Православные государи являются виновниками смерти вселенскаго іерарха! Что можетъ быть печальнѣе такого факта? Это — истинное злополучіе...

Какъ ни много печальнаго представляетъ собою жизнь патріархіи изучаемаго нами времени, однакоже постъ патріарха константинопольскаго все же оставался предметомъ пламенныхъ исканій для греческихъ архіереевъ. Извѣстенъ слѣдующій фактъ: митролитъ ираклійскій Каллиникъ, когда получилъ извѣстіе, что онъ избранъ въ патріархи, такъ обрадовался, что съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ. Чрезмѣрная радость на смерть сразила этого іерарха [4]).

---

[1]) Мелетія Ш, 485 — 486. Маты I, 781 (Греческій подлинникъ, 140—141).

[2]) Маты I, 648 (Греческій подлинникъ, 132).

[3]) Досиѳея іерусалимскаго, 1175. Гедеона, 577.

[4]) Вендотиса 7; Маты, I, 791.

II. Намъ остается описать еще одну и послѣднюю группу патріарховъ—отъ Самуила I до нашего времени [1]). При Самуилѣ I патріархія достигла высшаго процвѣтанія. Послѣ него она могла или держаться на той-же высотѣ или еще болѣе подняться въ своемъ значеніи. Но этого не случилось. Напротивъ, характеристическою чертою въ исторіи патріархіи отъ конца XVIII вѣка и до нашего времени составляетъ сокращеніе размѣровъ ея внѣшняго господства и уменьшеніе ея авторитета какъ въ глазахъ турецкаго правительства, такъ и въ сферахъ церковныхъ. Турки по разнымъ обстоятельствамъ перестали оказывать свое покровительство патріархіи, и патріархія, предоставленная самой себѣ, не всегда удачно отстаиваетъ свои права и охраняетъ свое достоинство.

Но прежде чѣмъ описать нравственный обликъ патріархіи разсматриваемаго времени, ея церковно-общественную дѣятельность и ея судьбы, позволимъ себѣ привести нѣсколько замѣтокъ одного русскаго путешественника XIX вѣка по Востоку, изъ которыхъ можно составлять общее сужденіе о внѣшнемъ положеніи патріархіи въ турецкой имперіи въ ближайшія къ намъ времена. Путешественникъ былъ очевидцемъ вступленія одного новаго патріарха на патріаршую каѳедру и описалъ этотъ фактъ. Описаніе это важно въ томъ отношеніи, что оно удостовѣряетъ: какъ мало перемѣнъ произошло во внѣш-

[1]) Вотъ хронологическій перечень этихъ патріарховъ: Софроній II, 1774—80 г.; Гавріилъ IV, 1780—85; Прокопій, 1785—89; Неофитъ VII, 1789—94; Герасимъ III, 1794—97; Григорій V, 1797—98; Неофитъ VII, во 2 разъ: 1798—1801; Каллиникъ V, 1801—6; Григорій V, во 2 разъ: 1806—8; Каллиникъ V, во 2 разъ: 1808—9; Іеремія IV, 1809—13; Кириллъ, VI, 1813—18; Григорій V, въ 3 разъ: 1818—21; Евгеній II, 1821—22; Анѳимъ III, 1822—24; Хрисанѳъ, 1824—26; Агаѳангелъ, 1826—30; Константій I, 1830—34; Константій II, 1834—35; Григорій VI, 1834—40; Анѳимъ IV, 1840—41; Анѳимъ V, 1841—42; Германъ IV, 1842—45; Мелетій III, въ 1845 г.; Анѳимъ VI, 1845—48; Анѳимъ VI во 2 разъ 1848—52; Германъ IV, во 2 разъ: 1852—53; Анѳимъ VI, во 2 разъ: 1853—55; Кириллъ VII, 1855—60; Іоакимъ II, 1860—63; Софроній III, 1863—66; Григорій VI, во 2 разъ: 1867—71; Анѳимъ VI, въ 3 разъ: 1871—73; Іоакимъ II, во 2 разъ: 1873—78; Іоакимъ III, 1878—84; Іоакимъ IV, 1884—86; Діонисій V, 1887—91 и Неофитъ VIII, 1891—94 г.; Анѳимъ VII, 1895—97; Константинъ V, 1897—1901. Теперь патріаршую каѳедру занимаетъ Іоакимъ III, во второй разъ. Этотъ списокъ составленъ по Гедеону, за исключеніемъ послѣднихъ патріарховъ.

немъ положеніи константинопольскихъ патріарховъ, начиная съ временъ Магомета II, и до настоящаго времени. Очевидецъ даетъ понимать о необыкновенной торжественности, съ какою происходило восшествіе новаго патріарха на каѳедру. Сказавъ о томъ, что новоизбранный патріархъ Анѳимъ V долгое время оставался на аудіенціи у султана, описатель затѣмъ въ слѣдующихъ чертахъ изображаетъ шествіе патріарха отъ султана въ патріархію: „часу въ шестомъ по полудни услышали мы барабанный бой и военную музыку. Это уже вели патріарха (отъ султана). Впереди шло войско въ парадѣ, били въ барабаны и играла музыка; за войскомъ ѣхалъ князь самосскій Стефанакій (видное лицо въ греческой аристократіи) со всѣми знатными греками на дорогихъ лошадяхъ; за ними ѣхали двѣнадцать митрополитовъ, тоже на царскихъ убранныхъ золотомъ лошадяхъ, въ рясахъ, и клобукахъ по два въ рядъ; за ними ѣхалъ патріархъ на султанскомъ богато убранномъ конѣ; за узду велъ лошадь молодой паша въ богато украшенной одеждѣ. Патріархъ сидѣлъ въ рясѣ и клобукѣ и благословлялъ на обѣ стороны народъ; за патріархомъ ѣхали два архимандрита: одинъ держалъ патріаршій жезлъ, а другой бросалъ на обѣ стороны деньги. Потомъ ѣхали турецкіе воины. И было народу многое множество. Всякому желательно было посмотрѣть новаго патріарха, въ такой славѣ ѣдущаго и отъ самого султана такою честію почтеннаго. „Я—говоритъ о себѣ повѣствователь—смотря на патріарха, плакалъ и прославлялъ Бога, что еще въ такой чести отъ земныхъ царей пребываетъ вселенскій константинопольскій патріархъ. И недивно-бы было, если-бы такую ему часть воздавали благочестивые цари христіанскіе; но то меня приводило въ удивленіе, что воздаетъ ему такую честь самый врагъ христіанства, магометанинъ, султанъ турецкій, хотя не для Бога, но ради его сана и ради міра“ (народа греческаго) [1]. Отсюда мы видимъ, что во внѣшнихъ отношеніяхъ къ патріарху Порта и въ наше время не позабывала завѣтовъ, завѣщанныхъ ей отъ Магомета II. Тотъ-же повѣ-

[1]) Парѳенія инока. Сказаніе о путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи. Часть III, стр. 14—15. М. 1856.

ствователь съ неменьшимъ удивленіемъ разсказываетъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ низверженія прежняго патріарха Анфима IV. Когда этотъ патріархъ по волѣ турецкаго правительства лишился своей каѳедры и еще не былъ назначенъ ему преемникъ, нашему путешественнику пришлось слышать слѣдующія слова отъ греческихъ монаховъ въ Константинополѣ: „патріархъ низложенъ съ престола; за утро какъ бы не было кровопролитія на патріаршемъ дворѣ. Ибо здѣшніе обыватели какъ за Христа и за вѣру стоятъ, такъ и за патріарха. И прежде — добавляли они — когда этого (?) перемѣняли патріарха, весь дворъ обагрился кровію: больше двухъ сотъ человѣкъ убили". Послѣ этого повѣствователь дальше пишетъ отъ себя: „поутру въ самое отданіе пасхи зашумѣли по улицамъ Греки: всѣ бѣгутъ, одинъ другого перегоняютъ, всѣ спѣшатъ на патріаршій дворъ положить головы за своего пастыря. Вотъ гдѣ — восклицаетъ писатель — благословенныхъ Грековъ познается любовь и довѣренность къ своимъ пастырямъ, что души свои полагаютъ за пастырей")[1]. Опять указывается черта, которая даетъ разумѣтъ, что чѣмъ былъ патріархъ для греческаго народа въ XV—XVI вѣкахъ, тѣмъ-же онъ остается и до нынѣ.

Обращаемся къ изображенію нравственнаго характера патріарховъ отъ Самуила I до нашего времени.

Къ лучшимъ, достойнѣйшимъ, патріархамъ относятся слѣдующія лица: Гавріилъ IV: его хвалятъ за доброту нрава, кротость и нищелюбіе [2]). Прокопій: онъ былъ человѣкъ почтенный, любилъ обличать недостатки и являлся дѣятельнымъ, но такъ какъ онъ былъ вспыльчивъ, то не нравился современникамъ [3]). Герасимъ III: онъ пользовался уваженіемъ за свою непорочную жизнь, хотя старость мѣшала ему быть дѣятельнымъ [4]). Іеремія IV: онъ восхваляется за миролюбіе и благоразуміе, о его правленіи говорятъ, что оно было во всѣхъ отношеніяхъ хорошо и по истинѣ боголюбезно [5]). Кириллъ VI именуется

---

[1]) Тамъ-же стр. 12.
[2]) Маты II, 41. (Греч. подлин. 159). Макрея, 325. Гедеона, 667.
[3]) Маты II, 41. Макрея, 340 κ. λ. π. Гедеона, 670.
[4]) Маты II, 41. (Греч. подлин., 160). Макрея, 387. Гедеона, 673.
[5]) Маты, ibid. 50 (Греч. подлин., 165).

мудрымъ, прославляется за то, что горячо принималъ къ сердцу все, что клонилось къ пользѣ греческаго народа, имѣлъ однако тотъ извинительный недостатокъ, что будучи человѣкомъ образованнымъ хотѣлъ первенствовать между образованными [1]). Константій I: въ русскихъ компетентныхъ источникахъ его именуютъ „лучемъ православной іерархіи" и „столпомъ церкви", соединявшимъ въ себѣ съ мудростію ревность дома Божія, онъ и дѣйствительно оказывалъ ревность къ охраненію авторитета, хотя въ управленіи и доступенъ былъ вліянію постороннихъ лицъ [2]). Анѳимъ IV былъ любимъ за мягкость въ обращеніи (Гедеона, 694); раньше мы имѣли уже случай указать, что отставка его произвела тягостное впечатлѣніе въ народѣ и можно было опасаться бунта. Анѳимъ V являлся человѣкомъ суроваго нрава, но отличался благоразуміемъ въ управленіи (Гедеона, 695). Германъ IV славился ревностію о благѣ церкви и народа, своею добротою и въ значительной мѣрѣ нестяжательностію (Гедеона, тамъ-же). Мелетія III характеризуютъ, какъ патріарха милостиваго и дѣятельнаго (Гедеона, 696). Софроній III, сдѣлавшись патріархомъ константинопольскимъ, показывалъ себя исполненнымъ ревности о благѣ церкви и народа; впослѣдствіи, по удаленіи съ этой каѳедры, онъ избранъ былъ въ патріарха александрійскаго, долгое время управлялъ церковію александрійскою и стяжалъ себѣ здѣсь любовь и уваженіе (Гедеона, 702). Очень замѣтно выдѣляется своими достоинствами патріархъ Іоакимъ III: онъ отличается непобѣдимою убѣдительностію въ рѣчи, великою ревностію о благѣ церковномъ и народномъ, и славится добротолюбіемъ; его именуютъ знаменитѣйшимъ въ ряду многихъ его предшественниковъ (Гедеона, 707. 709) — и это послѣднее замѣчаніе вполнѣ подтверждается и многими лестными отзывами объ Іоакимѣ III и его плодотворною дѣятельностію [3]).

---

[1]) Маты, ibid. 51 (Греч. подлинникъ, 166). Гедеона, 683.

[2]) Филаретъ митр. Собраніе мнѣній по дѣламъ церкви на Востокѣ, 186. Маты, II, 60.

[3]) Не имѣя возможности вдаваться въ подробности описанія Іоакима III, отсылаемъ любопытствующихъ къ статьямъ о немъ въ «Церковн. Вѣстникѣ»: 1884, № 24, стр. 1; 1887, стр. 128; 1891, стр. 738. См. также обстоятельное описаніе его личности въ брошюрѣ И. И. Соколова: «Іоакимъ

Среднее мѣсто между лучшими патріархами и худшими (этихъ послѣднихъ исчислимъ сейчасъ) занимаетъ извѣстный Григорій V. Есть писатели, его современники, которые безмѣрно поносятъ Григорія; ихъ отзывы мы считаемъ пристрастными. Встрѣчаются съ другой стороны и такіе писатели, которые желаютъ снимать всякую тѣнь съ имени Григорія—но и этихъ писателей мы не считаемъ основательными. Всего больше худыхъ извѣстій записалъ о Григоріи V извѣстный греческій историкъ, современникъ этого патріарха—Макрей. Онъ ставилъ Григорію въ упрекъ то, что сдѣлавшись патріархомъ этотъ послѣдній сейчасъ-же повыгналъ изъ Константинополя многихъ провинціальныхъ архіереевъ, проживавшихъ въ столицѣ. Историкъ говоритъ, что патріархъ сдѣлалъ это „безвременно“ (σελ. 392). Мы не понимаемъ, что означаетъ это выраженіе: „безвременно“. Но думаемъ, что Григорій былъ правъ, выпроваживая провинціальныхъ архіереевъ изъ Константинополя. Точно также поступали и многіе другіе патріархи, люди энергичные, принимая во вниманіе то, что провинціальные архіереи часто проживали въ столицѣ безъ надобности, единственно ради жизненныхъ удобствъ. Макрей порицаетъ Григорія за то, что онъ уничтожилъ титулъ епископа и всѣхъ епископовъ, носившихъ этотъ титулъ—переименовалъ въ митрополиты и архіепископы (395). Не знаемъ: зачѣмъ Григорій поступилъ такъ. Но во всякомъ случаѣ разсужденія Макрея о томъ, что будто такимъ образомъ разрушенъ всякій законный порядокъ въ церквахъ, и что Григорій въ данномъ случаѣ шелъ вопреки апостольскимъ и соборнымъ правиламъ и законамъ древнихъ царей—неосновательны. Патріаршая константинопольская система уже давно почти сгладила правовыя отличія митрополитовъ отъ епископовъ; и если Григорій уничтожилъ титулъ епископа, то онъ ничего существенно новаго не сдѣлалъ [1]).

III, патріархъ константинопольскій». Спб., 1901. (Оттискъ изъ журнала *Странникъ*).

[1]) Что въ XVI и XVII вѣкахъ нѣкоторые греческіе митрополиты, по древнему обычаю, имѣли подчиненныхъ ихъ власти епископовъ — впрочемъ въ ограниченномъ числѣ: троихъ, двоихъ и даже одного—это видно изъ сочиненія Христофора Ангела (Christophori Angeli. De statu hodiernorum Graecorum p. 838. Lipsiae, 1671). Результатомъ вышеуказанной мѣры Гри-

Особенно сокрушаться не было повода для Макрея! Очень недоволенъ Макрей и тѣмъ, что Григорій тотчасъ-же по занятіи патріаршей каѳедры принялся за переустройку патріаршаго дома и храма. А для того, чтобы имѣть нужныя деньги для совершенія построекъ, онъ обложилъ значительными денежными взносами какъ архіереевъ, такъ и монастыри. Макрей въ поученіе патріарха замѣчаетъ, что дѣло архипастыря строить души и заботиться о паствѣ, а не заниматься строеніемъ камней и украшеніемъ стѣнъ (392—293. 395). Разсужденія Макрея въ данномъ случаѣ намъ представляются странными. Если бы патріархи совсѣмъ не заботились о внѣшнемъ благоустройствѣ своей патріархіи, то въ концѣ концовъ они остались бы безъ крова. Можно устроять и домъ—и въ то-же время и „души". Если Макрей упрекаетъ Григорія за то, что предпринявъ постройки, онъ обременялъ денежными взносами архіереевъ и монастыри, то спрашивается: развѣ это не самый обыкновенный способъ, къ которому прибѣгали патріархи для покрытія своихъ матеріальныхъ нуждъ? Григорій поступилъ такъ, какъ и другіе его предшественники. Упрекъ не можетъ лежать на немъ одномъ. Но самымъ постыднымъ дѣломъ Григорія V Макрей считаетъ слѣдующее: Григорій желалъ снискать себѣ благорасположеніе турецкаго правительства. Случай къ этому скоро представился. Въ это время вспыхнуло возстаніе Грековъ въ Элладѣ, имѣвшее цѣлью отложиться отъ власти Порты. Григорій нашелъ какого-то захудалаго греческаго писателя, приказалъ ему написать увѣщаніе къ возставшимъ Грекамъ. Изъ подъ пера автора вышла непозволительная болтовня. Григорій однако-же этимъ не смутился. Онъ напечаталъ это произведеніе въ патріаршей типографіи; а для того, чтобы придать больше вѣсу и значенія болтливому сочиненію, онъ озаглавилъ его такъ: „Отеческое увѣщаніе блаженнѣйшаго патріарха іерусалимскаго кѵръ-Анѳима". Макрей старается объяснить, какъ случилось, что Григорій дерзнулъ на указанномъ сочине-

горія было то, какъ показываетъ дальнѣйшая исторія, что всѣ архіереи патріархата стали равными по власти, между ними не оставалось зависимыхъ отъ ихъ ближайшихъ митрополитовъ, но если не ошибаемся, тѣмъ не менѣе титулъ епископа для нѣкоторыхъ изъ нихъ—менѣе видныхъ по своему епархіальному положенію—уничтоженъ не былъ.

ніи выставить имя патріарха Анѳима. По его словамъ, Григорій рискнулъ на этотъ поступокъ потому, что патріархъ іерусалимскій, проживавшій въ Константинополѣ, въ это время опасно заболѣлъ и по человѣческимъ соображеніямъ смерть его была неминуема. Однако-же не то случилось на самомъ дѣлѣ. Анѳимъ выздоровѣлъ, прочелъ приписываемое ему сочиненіе, призналъ его мерзостнымъ, и оплевалъ его, разумѣется напередъ объявивъ, что онъ и не думалъ писать его. Архіереи прочитавъ то-же произведеніе, осудили его — и хотя заплатили издержки на его печатаніе, но все напечатанное съ презрѣніемъ побросали (σελ. 394). Вотъ разсказъ Макрея. Мы не думаемъ, чтобы греческій историкъ разсказывалъ въ этомъ случаѣ историческую истину. Принимая показаніе Макрея буквально, мы должны бы признать Григорія человѣкомъ самой низкой репутаціи. Но съ другой стороны трудно критически разобраться въ приведенномъ показаніи греческаго писателя. Полагаемъ, что этотъ послѣдній былъ введенъ въ заблужденіе относительно Григорія. Что писалъ извѣстное „увѣщаніе" къ возставшимъ Грекамъ не другой кто, а именно патріархъ Анѳимъ—мы не имѣемъ основаній сомнѣваться въ этомъ. Возможно, что „увѣщаніе" было напечатано въ патріаршей типографіи: Григорій не посмѣлъ-бы запретить печатаніе произведенія въ своей типографіи. Но этимъ и ограничилось прямое участіе Григорія въ дѣлѣ. Съ своей стороны Анѳимъ могъ потомъ раскаяться въ своемъ поступкѣ, сталъ искать выхода изъ своего неловкаго положенія и началъ разсказывать ту самую сказку, которую потомъ и записалъ Макрей; эту сказку тѣмъ удобнѣе можно было пустить въ ходъ, что Григорій скоро былъ отставленъ отъ каѳедры и лишился возможности съ авторитетомъ возвышать свой голосъ. Во всякомъ случаѣ всякій признаетъ, что Макрей писалъ о Григоріи подъ вліяніемъ какого-то озлобленія на патріарха.—Съ другой стороны, какъ мы указали выше, не правы и защитники Григорія, обѣляя его вездѣ и вовсемъ и выставляя его человѣкомъ вполнѣ безупречнымъ. Извѣстно, что Григорій, уступая настояніямъ турецкаго правительства, въ началѣ третьяго своего патріаршествованія объявилъ всенародную анаѳему на вождей возстанія противъ Турокъ въ Молда-

віи и Валахіи, знаменитыхъ Грековъ: Александра Ипсилантиса и Михаила Сутцу. Анаѳематствованіе это — нѣтъ сомнѣнія—выражено патріархомъ слишкомъ энергично... до непристойности. Патріархъ писалъ; „разверзшаяся земля да пожретъ ихъ, не какъ Дафана и Авирона, но нѣкоторымъ страшнымъ образомъ, какъ чудо и примѣръ. Порази ихъ Господи холодомъ, зноемъ, опустошеніемъ и изнуреніемъ. Да будетъ небо надъ главою ихъ, какъ мѣдь, и земля какъ желѣзо подъ ногами ихъ. Да погибнутъ они преждевременно въ настоящей жизни и да наказуются въ будущей. Громъ небеснаго гнѣва да поразитъ главу ихъ. Да будутъ дѣти ихъ сиры и жены ихъ вдовы" [1]). Мы находимъ, что для Григорія было бы лучше, если бы онъ покинулъ патріаршую каѳедру или-бы пострадалъ, чѣмъ составлять такого характера анаѳематствованіе. Сами Греки прекрасно сознаютъ, что указанный шагъ не служитъ къ чести патріарха. И вотъ у нихъ возникло сказаніе, что будто Григорій за нѣсколько дней до своей смерти уничтожилъ пресловутое анаѳематствованіе. Сказаніе говоритъ, что въ глубокую ночь патріархъ отправился въ патріаршій храмъ, взялъ съ собою нѣсколько митрополитовъ; пришедши въ храмъ, онъ объявилъ, что онъ намѣренъ предать уничтоженію сдѣланное имъ анаѳематствованіе; затѣмъ онъ прочиталъ особую молитву, составленную имъ ради этого случая—и затѣмъ взявъ огонь изъ лампады, зажегъ самую грамоту, на которой было начертано отлученіе [2]). Мы сомнѣваемся, чтобы фактъ этотъ, указываемый преданіемъ, дѣйствительно происходилъ. Мы лучшаго мнѣнія о Григоріи, и не допускаемъ, чтобы онъ позволилъ себѣ разыграть комедію. Но если-бы и на самомъ дѣлѣ вышеуказанный фактъ произошелъ, онъ былъ и безполезенъ и безцѣленъ. Отлученіе, произнесенное во всеуслышаніе, при свидѣтельствѣ всей церкви, никакъ не могло быть отмѣчено частнымъ, тайнымъ актомъ, назначеннымъ къ уничтоженію всенароднаго анаѳематствованія, хотя бы это дѣло и совершено было патріархомъ. Публичное, т. е. всецерковное, анаѳематствованіе могло потерять значеніе только

[1]) Архим. Николая. Перенесеніе останковъ Григорія V-го въ Аѳины. Христ. «Чт.» 1871, т. I, 909—910.
[2]) Тамъ-же, стр. 919—922.

тогда, если бы его уничтоженіе произошло тоже публично, т. е. всецерковно. Разскащики, о которыхъ мы ведемъ рѣчь, очевидно мало знакомы съ законами церковными— и составленіемъ разбираемой легенды очистить имя и память Григорія не могли.—Григорій не лишенъ былъ многихъ, достойныхъ уваженія, качествъ, которыя сами по себѣ значительно возвышаютъ его надъ уровнемъ плохихъ патріарховъ: онъ былъ очень дѣятеленъ, думая о благѣ своего народа, умѣлъ своею настойчивостью устранять вредное вліяніе лицъ постороннихъ на дѣла церковныя. А главное—ради его трагической смерти ему многое можетъ быть прощено, что уже и сдѣлала исторія...

Не въ даваясь въ подробности, изчислимъ теперь недостойныхъ или малодостойныхъ патріарховъ константинопольскихъ, принадлежавшихъ къ тому времени, о которомъ мы пишемъ. Къ числу таковыхъ патріарховъ принадлежатъ слѣдующія лица. Софроній II: онъ любилъ лишь самое званіе патріарха, а объ остальномъ не заботился; большую часть дѣлъ онъ свалилъ на другихъ [1]). Неофитъ VII былъ тиранъ и крайній сребролюбецъ [2]). Каллиникъ V, хотя и былъ сострадателенъ, но отличался изнѣженностію, любовью къ покою, беззаботностію о церковныхъ дѣлахъ; Комнинъ-Ипсилантисъ признаетъ его „человѣкомъ недостойнымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ", за исключеніемъ благодушія [3]). Хрисанѳа характеризуютъ, какъ человѣка властолюбиваго и тирана, котораго не смотря на его дѣятельность — не любили [4]). Агаѳангелъ являлся строгимъ и суровымъ въ отношеніяхъ къ духовенству, былъ осужденъ за сребролюбіе [5]). Константій II, возведенный на каѳедру благодаря интригамъ, по выраженію Гедеона, „не стоитъ словъ" [6]). Григорій VI въ русскихъ источникахъ называется мудрымъ и проницательнымъ

---

[1]) Вендотиса, 196. Макрея, 302. Маты, II, 40.

[2]) Гедеона, 671; Макрея, 401.

[3]) Мата (Греческій подлинникъ, 162. По русски—47—очень не точно). Комнинъ-Ипсилантисъ, σελ. 618.

[4]) Маты II, 58 (Греческій подлинникъ, 172. По русски съ пропускомъ). Гедеона, 688.

[5]) Маты, II, 59. Гедеона, 689.

[6]) Маты, II, 62. Гедеона, 692.

правителемъ [1]), но греческими повѣствователями ему не усвояется такихъ качествъ: въ особенности не одобряютъ его вторичное патріаршествованіе, въ которое онъ не обнаружилъ ни твердости, ни находчивости, но и въ первое патріаршествованіе его твердость и строгость переходили иногда въ упорное отстаиваніе своихъ взглядовъ [2]). Впрочемъ Григорію нельзя отказывать въ достоинствахъ [3]). Анѳимъ VI извѣстенъ, какъ человѣкъ лукавый и крайній любитель золота (Гедеона, 697). Кириллъ VII— патріархъ ограниченный, лишенный твердости воли [4]). Іоакимъ II оставилъ по себѣ память, какъ правитель милостивый, но въ то-же время извѣстенъ былъ чрезмѣрною стяжательностію и деспотизмомъ сатрапа [5]). Іоакимъ IV ни о чемъ такъ не заботился какъ о сохраненіи своего здоровья и спокойствія; но—прибавляетъ одинъ греческій историкъ—когда дѣло заходило о личныхъ дѣлахъ патріарха, объ отрѣшеніи чиновниковъ патріархіи, о прогнаніи ихъ, объ арестѣ архіереевъ, объ оскорбленіи ихъ — то откуда, что бралось у патріарха — появляются и силы, и голосъ, и энергичные жесты [6]). Само собой понятно, съ такими качествами не можетъ быть хорошаго патріарха. Діонисія V упрекаютъ за любовь къ покою и нѣгѣ, инертность и бездѣйственность, за то, что онъ почти совсѣмъ не участвовалъ въ богослуженіяхъ патріархіи, но нужно помнить, что онъ былъ человѣкъ несомнѣнно болѣзненный; говорятъ, что его патріаршествованіе прошло безцвѣтно и безслѣдно для православнаго міра [7]), но нельзя забывать, что въ дѣлѣ внутренняго управленія патріархатомъ онъ иногда обнаруживалъ замѣчательную дѣятельность, какъ объ этомъ скажемъ нѣсколько ниже.

Переходимъ къ описанію церковно-общественной дѣятельности патріархіи въ изучаемое нами, новѣйшее время греческой церкви. Дѣятельность эта была разнообразна,

[1]) Филиппова. Современные церк. вопросы, стр. 55. Спб. 1882.
[2]) Гедеона, 693. 703.
[3]) Маты II, 62—63.
[4]) Филарета митр. Собраніе мнѣній по дѣламъ церкви на Востокѣ, стр. 1. Гедеона, 699.
[5]) Гедеона, 701. Филарета митр., тамъ-же, стр. 142.
[6]) Церковный Вѣстникъ, 1887, стр. 22—23 (неоффиц. часть).
[7]) Церковный Вѣстникъ (часть неоффиц.), 1891, стр. 182; 1892, стр. 17.

хотя и не отличалась обиліемъ благихъ послѣдствій; но мы не можемъ входить въ подробности изученія ея, а ограничимся лишь указаніемъ двухъ, очень важныхъ, фактовъ въ этой дѣятельности.

Разумѣемъ прежде всего измѣненіе порядка избранія въ патріархи Константинополя. Вопросъ этотъ поставленъ былъ на такъ называемомъ церковно-народномъ собраніи Грековъ въ Константинополѣ, осенью 1858 года. Въ одно изъ своихъ засѣданій церковно-народное собраніе назначило коммиссію изъ трехъ лицъ, которой поручено составить проэктъ правилъ объ избраніи патріарха. Проэктъ былъ представленъ на разсмотрѣніе собранія въ серединѣ ноября и состоялъ въ слѣдующемъ: по смерти патріарха, избранный синодомъ временный мѣстоблюститель приглашаетъ всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ подать лично или письменно свой голосъ въ пользу лица, которое кто считаетъ достойнымъ занять патріаршій престолъ; три лица, получившія большинство голосовъ, будутъ считаться кандидатами; особое учрежденіе, которое называется церковнымъ совѣтомъ, и которое состоитъ въ большинствѣ изъ лицъ свѣтскихъ, изъ трехъ кандидатовъ назначаетъ окончательно одного и предлагаетъ на утвержденіе султана. Проэктъ этотъ между прочимъ дошелъ до свѣдѣнія знаменитаго митрополита московскаго Филарета, который остался рѣшительно имъ недоволенъ; онъ полагалъ, что если проэктъ обратится въ законъ, въ такомъ случаѣ патріархъ, избираемый окончательно сейчасъ названнымъ церковнымъ совѣтомъ—„будетъ созданіемъ мірянъ". О мнѣніи митрополита Филарета узналъ константинопольскій святѣйшій синодъ—и принялъ его близко къ сердцу. Въ результатѣ получилось то, что церковно-народное собраніе, по настоянію синода, пересмотрѣло проэктъ и переработало его [1]). Выработанъ былъ слѣдующій порядокъ избранія патріарха, который потомъ съ 1860 года и началъ дѣйствовать въ константинопольской церкви и дѣйствуетъ и понынѣ. Въ случаѣ сиротства вселенскаго престола синодъ избираетъ мѣстоблюстителемъ престола одного изъ находящихся въ Константинополѣ митрополитовъ; затѣмъ Порта увѣдом-

[1]) Филарета митр. Собраніе мнѣній по дѣламъ церкви на Востокѣ, стр. VI—VII.

ляется какъ о сиротствѣ престола, такъ и о лицѣ мѣстоблюстителя. Всѣмъ митрополитамъ, подвѣдомымъ вселенскому патріарху, посылаются отъ синода циркуляры, коими каждый изъ нихъ приглашается прислать въ Константинополь въ наибольшій срокъ—41 день—въ запечатанномъ свиткѣ свое письменное мнѣніе о томъ, кто изъ числа всѣхъ Іерарховъ имѣетъ требуемыя для занятія патріаршаго престола качества. Члены синода съ прочими митрополитами, случайно пребывающими въ столицѣ, также пишутъ въ запечатанномъ свиткѣ каждый отдѣльно—имя достойнаго по ихъ мнѣнію лица и кладутъ его вмѣстѣ съ другими присланными изъ епархій. Въ избраніи патріарха принимаетъ участіе и избирательное собраніе, состоящее изъ мірскихъ лицъ. Членами этого собранія бываютъ: три изъ числа значительнѣйшихъ чиновниковъ патріархіи, во главѣ ихъ логоѳетъ; члены смѣшаннаго совѣта (постоянное учрежденіе, завѣдующее частію тѣхъ дѣлъ, которыя раньше подлежали вѣдѣнію патріарха и синода); три старѣйшіе изъ имѣющихъ гражданскій чинъ 1-го и 2-го класса; два изъ имѣющихъ чинъ полковника, и три изъ гражданскихъ чиновниковъ; губернаторъ о. Самоса; три представителя придунайскихъ княжествъ; четыре болѣе извѣстныхъ ученыхъ; пять отъ торговаго сословія; одинъ банкиръ; десять извѣстнѣйшихъ ремесленниковъ; два отъ приходовъ Константинополя; двадцать восемь изъ различныхъ епархій. Сейчасъ перечисленные мірскіе люди имѣютъ право отъ себя предлагать кандидата въ патріархи. Именно, если бы случилось, что нѣкоторые изъ этихъ мірянъ предлагаютъ къ избранію и другихъ кандидатовъ, имена которыхъ не встрѣчаются въ архіерейскихъ свиткахъ, то и эти лица могутъ быть причислены къ избираемымъ, если ихъ приметъ $^1/_3$ духовныхъ членовъ собранія. Имена всѣхъ кандидатовъ записываются въ особый списокъ, который и отсылается въ Высокую Порту, при чемъ Порта имѣетъ право вычеркивать изъ списка неугодныхъ ей кандидатовъ. Когда списокъ кандидатовъ сданъ Портой обратно, то синодъ и избирательное собраніе, состоящее изъ вышеуказанныхъ свѣтскихъ лицъ, тайною подачею и большинствомъ голосовъ намѣчаютъ изъ числа избираемыхъ трехъ кандидатовъ. Когда это сдѣлано, тогда

одни духовные члены собранія, взявъ имена этихъ трехъ кандидатовъ, идутъ въ церковь и по призываніи св. Духа тайною подачею и большинствомъ голосовъ указываютъ преемника патріаршаго престола въ лицѣ одного изъ трехъ кандидатовъ. Затѣмъ совершается и священный обрядъ поставленія патріарха [1]).

Мануилъ Гедеонъ остается недоволенъ, вошедшимъ въ законъ, вышеуказаннымъ порядкомъ избранія патріарха. Онъ находитъ здѣсь неразумное примѣшеніе элемента мірскаго къ духовному — и въ этомъ обстоятельствѣ видитъ между прочимъ причину плачевнаго состоянія церковныхъ дѣлъ въ Константинополѣ въ настоящее время (σελ. 700). Намъ представляется такой мрачный взглядъ на дѣло неосновательнымъ. Новый порядокъ избранія патріарха уничтожилъ значеніе геронтовъ въ синодѣ, т. е. восьми безсмѣнныхъ членовъ въ этомъ послѣднемъ, которые оказывали не всегда полезное вліяніе на избраніе патріарха. (Въ синодѣ въ это же время званіе геронтовъ упразднено [2]). Затѣмъ, обширное по составу членовъ избирательное собраніе устранило возможность интриги и подкуповъ при выборѣ патріарха. Ни подкупать, ни какъ-нибудь склонять въ свою пользу такое многолюдное собраніе стало невозможнымъ. Наконецъ, духовно—мірское избраніе патріарха представляетъ собою возвращеніе къ древне-христіанскимъ порядкамъ, когда епископъ избирался и духовенствомъ и народомъ сообща. Митрополитъ Филаретъ мыслилъ правильно, когда выразилъ удовольствіе по тому поводу, что окончательное сужденіе о выборѣ патріарха все-же принадлежитъ синоду и митрополитамъ; по его выраженію,

---

[1]) Постановленія временнаго греческаго народнаго собранія 1858—1860 годовъ: «Христ. Чт.» 1863, т. I, стр. 247—250. 252—253.

[2]) Вообще, кажется нельзя отрицать того, что геронты злоупотребляли своею властію въ синодѣ. «Эти геронты, большею частію, чтобы не сказать всегда—замѣчено въ одномъ документѣ—раздавали архіепископства своимъ любимцамъ и своимъ *тварямъ* (курсивъ не нашъ), такъ что архіепископскія каѳедры покупались часто цѣной личныхъ услугъ и доставались лицамъ, не обладающимъ требуемыми качествами». (Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митр. Московск. по дѣламъ церкви на Востокѣ, стр. 142). Значитъ, и хорошо сдѣлано, что уничтожено званіе геронтовъ въ константинопольской церкви.

въ этомъ случаѣ „все дѣло избранія входитъ въ порядокъ церковныхъ правилъ“ [1]).

Другимъ важнымъ фактомъ, который служитъ заявленіемъ о ходѣ и характерѣ церковно-общественной дѣятельности патріархіи, мы считаемъ недавнюю борьбу константинопольскихъ патріарховъ съ турецкимъ правительствомъ изъ-за привиллегій, издавна принадлежавшихъ греческимъ архіереямъ. Въ 1883 году въ правленіе патріарха Іоакима III Порта вдругъ объявила, что она отмѣняетъ тѣ исключительныя привиллегіи, которыя прописывались въ такъ называемыхъ архіерейскихъ бератахъ [2]). Именно Порта пожелала отнять у архіереевъ право судить клириковъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, утверждать духовныя завѣщанія, присутствовать на судѣ турецкомъ, когда производилось дѣло о комъ-либо изъ числа членовъ ихъ паствы, рѣшать бракоразводныя дѣла и проч. Дѣлопроизводство по всѣмъ этимъ и подобнымъ вопросамъ Порта пожелала перенести въ свое исключительное вѣдѣніе. Но патріархъ отнюдь не соглашался на отказъ отъ давнишнихъ привиллегій, принадлежавшихъ греческимъ архіереямъ. И когда Порта отъ словъ перешла къ дѣлу, вручила новопоставленному митрополиту касторійскому бератъ въ измѣненномъ видѣ, то Іоакимъ III объявилъ турецкому правительству, что въ видахъ протеста самъ онъ покидаетъ патріаршество, а всѣ церковныя учрежденія, ему подвѣдомыя, пріостанавливаютъ свою дѣятельность на неопредѣленное время. Другими словами: правящая церковь отказалась отъ своихъ функцій. Это было такъ неожиданно, что Порта оробѣла и ограничилась самыми незначительными уступками своимъ требованіямъ [3]). Турецкое правительство однако не остановилось на этомъ: въ правленіе слѣдующаго патріарха Діонисія V-го оно снова подняло вопросъ о вышеуказанныхъ привиллегіяхъ. Начало этой вторичной борьбы между Портой и патріархіей относится къ 1887 году, но своего крайняго развитія

[1]) Филарета митр. Вышецитированное «собраніе», стр. VIII.

[2]) О бератахъ у насъ рѣчь была раньше въ очеркѣ: «Взаимныя отношенія оттоманской Порты и подвластныхъ ей христіанъ греко-восточной церкви».

[3]) Церковный Вѣстникъ, 1883, № 17, стр. 3; № 50, стр. 7; № 24, стр. 1.

она достигла въ 1890 году, когда Турція позволила Болгарамъ поставить нѣсколько болгарскихъ архіереевъ въ македонскихъ городахъ, подчиненныхъ юрисдикціи патріарха. Въ дѣйствіяхъ Порты Діонисій V усмотрѣлъ посягательство вообще на права и привиллегіи вселенскаго патріархата. Патріархъ рѣшился протестовать и притомъ въ самой рѣзкой формѣ. Самъ онъ подалъ въ отставку, и когда эта мѣра осталась безъ дѣйствія, то патріархъ и синодъ рѣшились испытать другую болѣе энергичную и необыкновенную мѣру. Въ видахъ протеста, они распорядились закрыть всѣ православныя греческія церкви, находящіяся въ вѣдѣніи патріархата константинопольскаго и архіепископа македонскаго. Эта необыкновенная мѣра, какъ и естественно было ожидать, произвела сильнѣйшее возбужденіе въ греческомъ населеніи и вызвала въ Портѣ серьезныя опасенія. Турецкое правительство приказало-было отпереть церкви чрезъ полицію. Но церкви остались всетаки пусты, потому что какъ греческіе, такъ и православные священники другихъ національностей отказывались совершать богослуженіе безъ разрѣшенія высшихъ духовныхъ властей. За то вѣрующіе стали собираться на частныя богослуженія въ частныхъ домахъ и на всемъ протяженіи оттоманской имперіи на этихъ сходбищахъ стали молиться о спасеніи вселенской церкви. Само собою понятно, что Греки не оставались равнодушными зрителями борьбы церкви съ государствомъ. Повсюду межъ ними началось сильное броженіе, произошли демонстраціи, поведшія къ безпорядкамъ. Въ виду такого положенія дѣла Порта тотчасъ-же пошла на уступки, хотя сначала и пыталась показать свою самостоятельность. Чрезъ нѣсколько дней послѣ закрытія церквей Порта послала въ патріархію трехъ высшихъ сановниковъ изъ Грековъ, чтобы уговорить патріарха открыть церкви въ ближайшее воскресеніе. Но синодъ отказался входить на этотъ счетъ въ какія либо сдѣлки. Сначало-было не всѣ греческіе митрополиты въ точности исполняли волю патріарха о закрытіи церквей, но потомъ всѣ они въ числѣ 75 начали вполнѣ сообразоваться съ патріаршимъ распоряженіемъ. Интердиктъ возымѣлъ полную силу и простерся на всю область религіозныхъ дѣйствій. Общественныя молитвословія прерва-

лись, браки больше не вѣнчались, младенцы оставались безъ крещенія, мертвые не отпѣвались. Православнымъ Грекамъ въ Турціи приходилось для совершенія брака и даже для принятія причащенія выѣзжать въ свободную Элладу. Вслѣдствіе всего этого престижъ Порты палъ, а престижъ патріархіи высоко поднялся. Наконецъ Порта объявила патріарху, что она согласна оставить дѣло о привиллегіяхъ безъ измѣненій. Въ день Рождества Христова 1890 года всѣ храмы снова растворились и снова началось отправленіе религіозныхъ дѣйствій. Патріархія побѣдила Порту. Виновикъ торжества, патріархъ Діонисій, торжественно пріѣхалъ изъ своего загороднаго дома въ Фанаръ; весь путь его покрылся толпами греческаго народа, радостныя восклицанія не умолкали. Въ патріаршемъ храмѣ скучилась плотная масса въ ожиданіи пріѣзда патріарха. Наконецъ онъ пріѣхалъ и вошелъ въ храмъ, и „неистовые крики ζήτω (ура) присутствовавшихъ въ храмѣ— по замѣчанію лѣтописца—поднялись до небесъ“ [1]).

Что касается нестроеній и злополучій въ исторіи патріархіи изучаемаго нами времени, то о нихъ мы говорить не станемъ, потому что важнѣйшія изъ этихъ явленій тѣсно связаны съ вопросами объ отпаденіи Греціи и Болгаріи отъ константинопольской патріархіи — но объ этомъ много написано въ литературѣ и помимо насъ.

IV.

Матеріальное состояніе Константинопольской патріархіи.

Греческій ученый Константинъ Икономосъ, сообщая свѣдѣнія о константинопольскомъ патріархѣ начала XVI вѣка Пахоміи I-мъ, замѣчаетъ, что въ это время константинопольскіе патріархи содержали себя на счетъ добровольныхъ приношеній христіанъ, а извѣстные впослѣдствіи обязательные взносы (съ архіереевъ и христіанъ) еще не были введены [2]). Мы однакоже не думаемъ, чтобы это показаніе Икономоса было правдоподобно. Когда историкъ нашего времени впервые встрѣчается съ указаніемъ на то,

[1]) Церковный Вѣстникъ, 1887, стр. 881—882; 1890, стр. 41—43, 697, 714, 777; 1891, стр. 29, 46, 134—135.
[2]) Маты, I, 623 (греческій подлинникъ, 112).

что патріархи константинопольскіе и архіереи этого патріархата содержали себя—первые на счетъ архіереевъ и паствы, а послѣдніе на счетъ священниковъ и паствы,—а такія указанія относятся къ срединѣ XVII вѣка,—то при этомъ не дается никакого намека на то, что такой порядокъ ввелся недавно (въ XVII вѣкѣ), а напротивъ этотъ самый порядокъ разсматривается какъ такой, который водворился издавна. Мы, конечно, должны согласиться съ тѣмъ, что порядокъ матеріальнаго содержанія патріарха и архіереевъ, утверждавшійся во времена турецкія, создался не вдругъ, а развивался постепенно; но тѣмъ не менѣе, мы находимъ справедливымъ утверждать, что и раньше XVII вѣка указанныя лица жили не на добровольныя приношенія, а на взносы, къ которымъ патріархи обязывали подчиненныхъ имъ архіереевъ и непосредственную ихъ паству, а прочіе архіереи—подчиненныхъ имъ священниковъ и собственную паству. При этомъ мы думаемъ, что архипастыри константинопольскаго патріархата на первыхъ порахъ турецкаго владычества въ византійской имперіи безпрепятственно могли жить, руководясь въ матеріальномъ отношеніи правилами и обычаями, сложившимися въ византійскую эпоху. А Турки, съ самаго же начала вполнѣ подчинившіе высшей іерархіи греческій народъ, разумѣется, ничего не имѣли противъ этихъ стародавнихъ правилъ и обычаевъ. Они хорошо понимали, что греческіе архіереи—всѣ вообще—должны же были откуда нибудь получать средства для своего матеріальнаго обезпеченія.

Въ подобной мысли, что патріархъ и архіереи на первыхъ порахъ въ указанный періодъ руководствовались въ своемъ матеріальномъ обезпеченіи предшествовавшею практикою, утверждаетъ насъ то, что можно находить аналогію между турецкимъ и византійскимъ періодами по отношенію къ матеріальнымъ средствамъ разсматриваемыхъ лицъ; причемъ само собою разумѣется, что греческіе іерархи въ турецкое время много шире пользовались тѣми источниками матеріальнаго обезпеченія, которые были открыты для нихъ. Во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, что какъ въ теченіе XV вѣка, такъ и въ большую часть XVI вѣка патріархи и архіереи снискивали себѣ средства матеріальнаго содержанія тѣми-же способами, какіе имъ были извѣстны и

практиковались во времена византійскія. Еще во времена императора Юстиніана I-го указано было особою новеллою, какихъ размѣровъ пошлины позволялось брать патріарху съ посвящаемыхъ имъ архіереевъ. Такъ сообразно съ доходами епархій, въ какія поставлялся тотъ или другой архіерей, пошлины раздѣлялись на пять разрядовъ или классовъ: высшій разрядъ пошлинъ составляетъ 400 золотыхъ монетъ, затѣмъ 300, 120, 42 и низшій 28 таковыхъ монетъ. Такъ какъ золотая монета, какъ полагаютъ, заключала въ себѣ $20^1/_2$ франковъ, то выйдетъ, что высшій разрядъ равнялся 8,200 франковъ, а низшій 574 франковъ. Слѣдуетъ еще прибавить, что въ дѣйствительности, и при византійскомъ правительствѣ вовсе не слушались этого закона и что на самомъ дѣлѣ разряды пошлинъ всегда значительно превосходили установленную норму. Въ домонгольскій періодъ русской церковной исторіи поставленіе въ Константинополѣ русскаго архіерея волею константинопольскаго патріарха иногда обходилось русской правительственной власти въ 15—17,000 рублей серебромъ; и русское правительство не считало такіе расходы чрезмѣрными. Вотъ одинъ изъ важнѣйшихъ доходовъ константинопольскаго патріарха византійскихъ временъ. Провинціальный архіерей, по законамъ византійскихъ императоровъ, съ каждаго посвящаемаго во священники бралъ не болѣе семи золотыхъ монетъ. Затѣмъ патріархъ и каждый архіерей брали пошлину съ лицъ вступавшихъ въ бракъ—и съ жениха и съ невѣсты. Кромѣ того, по тѣмъ-же законамъ, всѣ селенія, принадлежащія къ извѣстной епархіи, обложены были извѣстною ежегодною податью въ пользу мѣстнаго архіерея, состоявшею какъ въ деньгахъ, такъ и въ разнообразныхъ предметахъ, доставляемыхъ земледѣліемъ, садоводствомъ и скотоводствомъ. Въ подобномъ-же родѣ что-либо получалъ и патріархъ съ своихъ пасомыхъ [1]). Какъ само по себѣ понятно, мы здѣсь исчислили далеко не всѣ статьи доходовъ патріарха и архіереевъ византійскаго періода,—но въ

[1]) Е. Е. Голубинскаго. Исторія русской церкви. 1-ая половина I-го тома. Изд. I, стр. 309. Лебедева. Очерки исторіи византійско-восточной церкви въ IX, X и XI вѣкахъ, стр. 133. Изд. 2-е. Его-же. Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка, стр. 345 и далѣе. Изд. 2-е.

этомъ и нѣтъ особенной надобности. Повторяемъ: по нашему мнѣнію, архіереямъ константинопольскаго патріархата съ патріархомъ во главѣ, въ началѣ турецкаго періода, не было никакихъ побужденій отказываться отъ тѣхъ способовъ матеріальнаго обезпеченія, какіе существовали раньше, до паденія Константинополя. И это должно сказать тѣмъ болѣе, что Турки въ особенности въ первое время своего владычества сохраняли и поддерживали у Грековъ многіе изъ тѣхъ порядковъ, какіе существовали въ византійской имперіи. Но только мы не должны представлять себѣ, что византійскіе порядки всецѣло перешли и въ турецкій періодъ греческой жизни; могли встрѣчаться и значительныя отступленія, объясняемыя обстоятельствами,—а главное и сама іерархія, какъ увидимъ ниже, пожелала, потому что имѣла къ тому возможность,—измѣнить прежнюю систему своего матеріальнаго обезпеченія на новую, болѣе благопріятную для интересовъ архіерейскихъ. Вообще, мы не раздѣляемъ ни на чемъ не основаннаго воззрѣнія Икономоса, что будто въ XV и въ началѣ XVI вѣка константинопольскіе патріархи жили доброхотными подаяніями христіанъ; патріархи могли жить такимъ способомъ только въ крайности, но подобной крайности въ положеніи ихъ мы не усматриваемъ.

Въ русскихъ документахъ, относящихся къ XVI вѣку, есть не мало извѣстій, принадлежащихъ по своему происхожденію константинопольской патріархіи и рисующихъ въ мрачныхъ чертахъ матеріальное состояніе этой патріархіи. Такъ въ пятидесятыхъ годахъ XVI вѣка къ намъ въ Россію по порученію патріарха Діонисія II пріѣхалъ митрополитъ Іоасафъ евгрипскій и принесъ съ собою патріаршую грамоту; въ этой грамотѣ между прочимъ говорилось: „нынѣ мы находимся въ тѣснотѣ, патріаршій монастырь вмѣсто каменной стѣны огражденъ досками, и мы оттого всегда въ обидѣ у безбожныхъ. Не имѣемъ мы ни келлій, ни масла деревяннаго для лампадъ, и если хочешь ты быть (обращеніе къ Іоанну Грозному) созидателемъ великой церкви, сотвори сіе по любви твоей"... Черезъ нѣсколько времени, именно въ 1561 году другой патріархъ константинопольскій Іоасафъ II тому же русскому царю писалъ, чтобы этотъ послѣдній послалъ ему милостыню

„на довершеніе монастыря и церкви", добавляя, что „находясь подъ властію Турокъ", греческіе іерархи „лишаются даже нужной пищи". Преемникъ патріарха Іоасафа Митрофанъ II поступалъ точно такимъ-же образомъ, т. е. обращаясь съ грамотою къ Грозному, весьма жаловался на бѣдственное состояніе и даже нищету константинопольской патріархіи. Именно Митрофанъ доносилъ русскому государю, что уже 50 лѣтъ не происходило мироваренія въ Константинополѣ, „ибо некому-де—замѣчаетъ патріархъ—было помочь въ этомъ священномъ дѣлѣ и вовсе уже не обрѣтается св. мира" и потому просилъ государя прислать свою милостыню, „чтобы составить сіе великое миро". Повидимому, бѣдность патріархіи въ указанное время достигала послѣдней степени. Въ томъ-же XVI вѣкѣ, въ царствованіе Θеодора Іоанновича, патріархъ Θеолиптъ II писалъ этому русскому царю, что константинопольская церковь осталась опять безъ свящ. мира. Патріархъ извѣщалъ: „миро великое, что сотворилъ отецъ твой для великой церкви у патріарха, то роздали по всѣмъ церквамъ; а нынѣ его уже не стало, и народъ христіанскій скорбитъ о немъ, а намъ то сотворить нельзя" [1]). Если такъ бѣдственно было матеріальное положеніе патріархіи въ XVI вѣкѣ, то нѣтъ сомнѣнія не лучше оно было и въ концѣ XV вѣка, подъ тѣмъ-же владычествомъ Турокъ. Но такъ-ли въ самомъ дѣлѣ бѣдствовали константинопольскіе патріархи въ XV и XVI вѣкахъ, какъ можно думать на основаніи приведенныхъ документовъ? Показанія вышеприведенныхъ документовъ нужно принимать съ большими ограниченіями. Между константинопольскими патріархами XV и XVI вѣковъ было немало лицъ состоятельныхъ и даже богатыхъ. Отнюдь нельзя считать бѣднымъ Геннадія Схоларія, о которомъ извѣстно, что онъ помогалъ изъ собственныхъ средствъ новопоставляемымъ архіереямъ, если они были людьми недостаточными; патріархъ Симеонъ-трапезундецъ былъ совершенно богатый человѣкъ; даже тѣ патріархи, которые въ своихъ грамотахъ къ вышеуказаннымъ русскимъ царямъ жаловались на бѣдность патріархіи, сами вовсе не были бѣдняками: Іоасафъ II

[1]) Муравьева. Сношенія Россіи съ Востокомъ по церковнымъ дѣламъ. Томъ I, стр. 72, 109, 124, 154.

обладалъ значительными матеріальными средствами, Митрофанъ III отстроялъ на собственныя деньги монастыри и позволялъ себѣ роскошь—заводилъ цѣнныя библіотеки, Ѳеолиптъ II былъ племянникъ Митрофана и наслѣдовалъ его деньги, тратилъ ихъ иногда безъ разсчета. Но, быть можетъ, эти перечисленные патріархи представляли собою исключеніе? Быть можетъ на ряду съ ними въ XV и XVI вѣкахъ встрѣчалось на константинопольской каѳедрѣ не мало и бѣдняковъ? Нѣтъ, ничего такого не было. Въ источникахъ означенныхъ вѣковъ нѣтъ указаній на такихъ патріарховъ, которые испытывали-бы физическія лишенія. Всѣхъ ихъ нужно относить къ лицамъ, не терпѣвшимъ матеріальной скудости. Былъ правда одинъ патріархъ-нищій; это Рафаилъ, но его нищета была умышленнымъ результатомъ коварства и интригъ самихъ Грековъ [1])...

Итакъ, за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній о средствахъ обезпеченія константинопольской патріархіи въ XV и большую часть XVI вѣка, мы вынуждены довольствоваться относительно этого вопроса догадками. Мы полагаемъ (и притомъ съ достаточною твердостію), что патріархія въ эти вѣка имѣла приблизительно тѣ-же источники доходовъ, какіе она имѣла и въ періодъ византійскихъ императоровъ. Къ этому еще можно прибавить и то, что патріархія не была бѣдна, а была достаточно обезпечена по ея матеріальной сторонѣ и иногда могла похвалиться даже богатствомъ. Думаемъ, что это можно утверждать не только о патріархахъ, но и о рядовыхъ архіереяхъ... Но пора изъ области предположеній перейти въ область историческихъ фактовъ.

Первое опредѣленное извѣстіе касательно способовъ, которыми достигалось матеріальное обезпеченіе патріархіи—самого патріарха и подвѣдомыхъ ему епископовъ константинопольскаго патріархата, находимъ въ срединѣ XVII в. у греческаго писателя-богослова Христофора Ангела [2]). Этотъ писатель, хотя не очень подробно, но за то ясно рисуетъ намъ матеріальное положеніе константинопольской

[1]) Относительно всѣхъ этихъ патріарховъ нужныя намъ въ настоящемъ случаѣ свѣдѣнія были уже приведены раньше; и повторять ихъ считаемъ дѣломъ лишнимъ.

[2]) Свѣдѣнія о немъ см. главу: «Обзоръ источниковъ».

патріархіи. Здѣсь мы видимъ, откуда брали средства для прожитія патріархъ и епископы въ XVII вѣкѣ, подъ турецкимъ владычествомъ. Было бы несправедливо думать, что такъ, какъ рисуетъ Христофоръ Ангелъ, греческіе іерархи стали жить только съ XVII вѣка. Безъ сомнѣнія начала тѣхъ финансовыхъ отношеній, какія указаны Христофоромъ, положены за много времени раньше; но насколько именно раньше, мы не можемъ рѣшить этого вопроса. Если предположимъ, что эти финансовыя отношенія стали слагаться лѣтъ за сто до средины XVII вѣка, когда писалъ Христофоръ, то едвали сдѣлаемъ большую ошибку, утвердившись на этомъ предположеніи. Все новое въ церковныхъ дѣлахъ греческой церкви создавалось всегда очень медленно. А въ извѣстіяхъ Христофора, нужно сказать, мы уже находимъ довольно ясное указаніе на тѣ задатки матеріальнаго положенія патріархіи, изъ которыхъ выросла вся позднѣйшая система налоговъ и поборовъ, лежащая въ основаніи матеріальнаго состоянія греческой іерархіи турецкаго періода.

Но предоставимъ слово Христофору Ангелу. Авторъ сообщаетъ слѣдующее о доходахъ патріарха: каждый изъ митрополитовъ и архіепископовъ, при рукоположеніи ихъ патріархомъ, даетъ небольшой даръ (какой именно—не указано) этому послѣднему. Кромѣ того каждый митрополитъ патріархата (а митрополитовъ въ это время насчитывалось семьдесятъ четыре) ежегодно вносилъ въ пользу патріарха денегъ отъ 20 до 30 минъ [1]). Съ каждаго-же митрополита взималось по 25 минъ для взноса подати въ султанскую казну. Изъ денегъ, вносимыхъ митрополитами въ пользу патріарха и на подати въ султанскую казну, въ эту послѣднюю шло 6000 золотыхъ монетъ; этотъ взносъ гарантировалъ свободу совершенія религіозныхъ дѣлъ какъ патріархомъ, такъ и прочими архіереями на всемъ пространствѣ патріархата. Собственная епархія (ἐφορεία) патріарха заключала въ себѣ одинъ городъ Константинополь. Для своего пропитанія патріархъ имѣлъ слѣдующіе доходы съ епархіи. Съ каждаго посвящаемаго

[1]) Въ древности мина стоила дорого, она заключала въ себѣ 24 нашихъ рубля. Какую цѣнность могла имѣть мина во времена турецкія—сказать не умѣемъ.

лица въ діаконы и священники для Константинополя онъ получалъ небольшой даръ. Съ каждаго священника своей епархіи патріархъ взималъ ежегодно по одной золотой монетѣ. Разрѣшеніе мірянину его епархіи вступить въ бракъ тоже обложено было пошлиною въ пользу патріарха, она состояла изъ золотой монеты. Если кто умиралъ изъ людей богатыхъ, принадлежащихъ къ епархіи патріарха, то обыкновенно таковые завѣщевали въ патріаршую церковь дома, поля, овецъ, деньги или что нибудь другое. Всѣ вѣрующіе всего патріархата дѣлали небольшой взносъ въ патріаршую казну, именно митрополиты съ каждой своей епархіи доставляли со всякаго православнаго дома по 12 динаріевъ, одинъ разъ въ три года. — О доходахъ митрополитовъ и архіепископовъ тотъ-же авторъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: каждый митрополитъ и архіепископъ имѣетъ свой каѳедральный городъ (конечно, съ близъ лежащими селеніями). Они взимаютъ небольшой даръ за рукоположеніе подчиненныхъ ихъ власти епископовъ; такихъ епископовъ, находящихся въ подчиненіи у того или другого митрополита и архіепископа, было очень по немногу — отъ трехъ до одного. Эти епископы были обложены данью въ пользу вышеуказанныхъ лицъ; они платили митрополиту, или архіепископу, 20, 15 или 10 минъ ежегодно. Когда эти послѣднія лица рукополагали кого-либо въ діаконы или священники, то получали отъ нихъ небольшой даръ. Каждый священникъ, принадлежащій къ непосредственной епархіи митрополита или архіепископа, обязанъ былъ вносить въ казну своего іерарха по одной золотой монетѣ со всякой вступающей въ бракъ четы. Подобно патріархамъ, и митрополитамъ съ архіепископами умирающіе вѣрующіе оставляли что-либо на поминъ души. Паства митрополитовъ и архіепископовъ, конечно, не освобождена была отъ взносовъ на пропитаніе этихъ архіереевъ: каждый домъ въ ихъ епархіи обязанъ былъ ежегодно доставлять имъ по одной мѣрѣ [1]) зерноваго хлѣба, также извѣстное количество вина и елея и еще кое-что.—Доходы епископовъ, находившихся въ вѣдѣніи митрополитовъ и архіепископовъ, повидимому, были очень

[1]) Въ подлинникѣ сказано: «модій». Нашъ авторъ опредѣляетъ эту мѣрку такъ: «модій составляетъ третью часть вьюка одной лошади».

незначительны. Они получали небольшой даръ съ посвящаемыхъ ими въ священныя должности и поставляемыхъ въ ихъ епархіяхъ. Ежегодно съ каждаго, подчиненнаго имъ священника, они брали по одной золотой монетѣ. Получали они по одной монетѣ и съ каждой четы, вступавшей въ бракъ. Подобно митрополитамъ, они брали ежегодную дань и продуктами съ каждаго православнаго дома, принадлежавшаго къ ихъ епархіи,—именно—мѣру зерноваго хлѣба, извѣстное количество вина и елея. Такихъ, подвѣдомыхъ митрополиту или архіепископу, епископовъ въ то время, когда писалъ Христофоръ, насчитывалось въ Константинопольскомъ патріархатѣ 72 или 73. Что касается приходскихъ священниковъ, о которыхъ, собственно говоря, нѣтъ надобности вести намъ рѣчь, - то, судя по словамъ Христофора, они имѣли такія же средства къ прожитію, какія въ большинствѣ случаевъ имѣли и теперь имѣютъ наши сельскіе священники [1]).

Въ такомъ видѣ представлялъ себѣ систему доходовъ Константинопольской патріархіи, въ срединѣ XVII вѣка, очень благожелательный къ церкви греческой Христофоръ Ангелъ, сохранившій для насъ свѣдѣнія по изучаемому нами вопросу. По извѣстіямъ же Рико, провозглашеніе новаго патріарха всегда вело къ тому, что архіереи, принадлежащіе къ патріархату, должны были посылать извѣстное количество денегъ въ патріаршую казну, которая при указанныхъ случаяхъ сильно опустошалась не только турецкимъ правительствомъ, но и разными временщиками изъ Грековъ, въ родѣ Михаила Кантакузина (въ концѣ XVI вѣка), о которомъ намъ не разъ уже приходилось говорить. Всякое назначеніе новаго патріарха давало архіереямъ поводъ, собирая деньги въ пользу новаго патріарха, не забывать и собственныхъ своихъ интересовъ, т. е. взимать съ паствы и священниковъ что-нибудь и въ свою пользу [2]). Касаясь раньше правленія патріарховъ Іереміи I, Іоасафа II, Митрофана III, мы имѣли случай указать [3]), что какъ сами патріархи, такъ и подвѣдомые имъ архіе-

1) Christophori Angeli. De statu hodiernorum Graecorum, p. 838—846 (греческій и латинскій текстъ). Lipsiae, 1671.

2) Ricaut. Histoire de l'eglise Grecque, p. 110.

3) На стран. 265. 273. 283. 290.

реи нерѣдко впадали въ грѣхъ Симона Волхва. А правленіе патріарха Іереміи II свидѣтельствуетъ, что борьба съ симоніей составляла одну изъ главныхъ задачъ лучшихъ и благороднѣйшихъ изъ числа константинопольскихъ іерарховъ. Извѣстный Мелетій Пигасъ, патріархъ александрійскій, нѣкоторое время въ концѣ XVI вѣка управлявшій на правахъ намѣстника константинопольскимъ патріархатомъ и потому имѣвшій возможность наблюдать состояніе греческой іерархіи, не безъ примѣси впрочемъ ораторскаго преувеличенія говаривалъ: „тѣ, которые должны быть руководителями прочихъ, сами совершенно слѣпотствуютъ. Сталъ у нихъ свѣтъ тьмою, церковь сдѣлалась торжищемъ. Іерейскіе и архіерейскіе чины считаютъ не призваніемъ къ евангельскому учительству, а путемъ къ корыстной наживѣ. Вотъ ты, іерей и архіерей, а между тѣмъ погруженъ въ денежные счеты, ищешь прибыли, перебираешь мелкія деньги, устанавливаешь сборы, отовсюду стягиваешь въ свою мошну (?), чтобы всячески наполнить ее“ [1]).

Вышеприведенныя нами извѣстія Христофора Ангела ознакомляютъ насъ съ матеріальнымъ положеніемъ константинопольской патріархіи первой половины XVII вѣка и отчасти XVI вѣка. Для ознакомленія съ тѣмъ же вопросомъ въ позднѣйшія времена очень пелезную услугу оказываетъ авторитетный писатель Мауреръ, о которомъ намъ не разъ приходилось упоминать раньше. Этотъ писатель изображаетъ положеніе дѣлъ въ началѣ XIX вѣка, но нѣтъ сомнѣнія, что его изображеніе можетъ характеризовать и предъидущее состояніе греческой церкви (наприм. конецъ XVII-го и XVIII вѣкъ); потому что это изображеніе во многомъ согласно съ извѣстіями Христофора Ангела. Мало того: Мауреръ долженъ служить для насъ руководителемъ и для изученія разсматриваемаго вопроса до 60-хъ годовъ истекшаго вѣка, такъ какъ въ это время матеріальное состояніе константинопольской патріархіи, какъ свидѣтельствуютъ факты, не удалялось отъ той нормы, которая дается указаннымъ писателемъ. Иначе пошло дѣло съ 60-хъ годовъ истекшаго вѣка, но объ

[1]) Малышевскаго И. И., проф., «Мелетій Пигасъ, патр. александрійскій», стр. 273—274.

этомъ рѣчь впереди. Къ тѣмъ извѣстіямъ, какъ сообщаетъ Маурерь, мы будемъ присоединять сообщенія и факты, заимствуемые изъ другихъ источниковъ и такимъ образомъ постараемся достигнуть возможно яснаго представленія объ изучаемомъ нами предметѣ.

Доходы патріарха константинопольскаго, по соображеніямъ Маурера, были очень значительны. Прежде всего они состояли изъ тѣхъ обязательныхъ приношеній, которыя дѣлали лица, посвящаемыя въ митрополиты, архіепископы и епископы [1]). Если не ошибаемся, патріархъ мало-по-малу присвоилъ себѣ право посвящать всѣхъ архіереевъ патріархата, тогда какъ раньше нѣкоторые митрополиты сами посвящали подвѣдомыхъ имъ епископовъ. Сколько именно патріархъ взималъ денегъ за посвященіе въ архіереи, сказать опредѣленно едвали возможно. Но во всякомъ случаѣ не было рѣдкимъ случаемъ, если патріархъ бралъ съ поставляемаго въ архіереи 1000 червонцевъ [2]). Эта подать называлась эмватикъ, хотя понятіе эмватика въ греческой церкви впослѣдствіи очень расширилось: этимъ именемъ назывались и разные другіе поборы въ пользу патріарха и прочихъ архіереевъ. Всѣ митрополиты и епископы, принадлежащіе къ патріархату, обложены были ежегодною податью въ пользу патріархіи, какъ на нужды патріарха, такъ и на погашеніе долговъ патріархіи [3]), а такихъ долговъ въ разное время и по разнымъ обстоятельствамъ накопилось много. Патріархъ XVIII вѣка Самуилъ считалъ эти долги болѣе тяжелыми, чѣмъ египетскія пирамиды. Для того, чтобы побудить архіереевъ исправно платить наложенныя на нихъ ежегодныя дани, патріархъ нерѣдко отъ имени синода издавалъ окружныя посланія, которыми строго внушалось архіереямъ не забывать этой обязанности. Въ XVII вѣкѣ не

---

1) Maurer. Das Griechische Volk. I, 393.

2) Митрополита Филарета. Собраніе мнѣній и отзывовъ по дѣламъ церкви на Востокѣ, стр. 158. По опредѣленію патріарха Констанція I въ 1831 году митрополитъ бѣлградскій (въ Сербіи) обязанъ былъ при своемъ избраніи платить патріарху 150 золотыхъ, а рядовые епископы Сербіи—100 золотыхъ. Γεδεών, 691.

3) На текущія нужды патріархіи двѣ сербскихъ каѳедры, въ томъ числѣ и бѣлградская платили ежегодно въ XIX вѣкѣ: 3000 грошей (піастровъ). Γεδεών, 691.

разъ разсылались такія окружныя посланія, въ которыхъ угрожалось неисправнымъ по этой части архіереямъ лишеніемъ каѳедры и сана; и дѣйствительно, по словамъ историка Мелетія, бывало такъ, что одинъ и тотъ-же архіерей по два, по три, по четыре и даже по пяти разъ изгонялся изъ своей епархіи за не взносъ податей [1]). Само собою понятно, что какъ скоро такого рода архіерей вносилъ недоимку, то онъ снова получалъ свою каѳедру. Долговыя обязательства патріаршей каѳедры были строго урегулированы. Долги патріархіи назывались дворцовыми долгами. Каждый архіерей, при восшествіи на каѳедру, получалъ особый листъ, въ которомъ обозначалось: какая часть долга патріархіи падала на извѣстную епархію и какъ велики были тѣ проценты, которые обязанъ былъ ежегодно вносить въ патріаршую казну архіерей этой епархіи. Эти долговыя обязательства имѣли большой кредитъ въ турецкой имперіи; ихъ пріобрѣтали какъ Греки, такъ и Турки, такъ какъ они считались даже болѣе вѣрнымъ обезпеченіемъ сохранности капитала, чѣмъ недвижимая собственность. Векселя эти—назовемъ ихъ такъ—переходили изъ рукъ въ руки и замѣняли собою государственныя ассигнаціи [2]). Перечислимъ и другіе доходы патріарховъ. Ежегодною податью были обложены монастыри, подчиненные непосредственному вѣдѣнію патріарха (такъ называемыя ставропигіи). Патріархъ, по обычаю, считался наслѣдникомъ всѣхъ митрополитовъ и епископовъ, если по смерти у нихъ не оказывалось законныхъ наслѣдниковъ; при такихъ-же условіяхъ патріархъ получалъ наслѣдство отъ неженатыхъ священниковъ, монаховъ и монахинь его непосредственной епархіи. Въ пользу патріархіи обращались, значитъ, такъ называемыя выморочныя имущества. Еще: митрополиты и прочіе архіереи, а равно священники и монахи, а также прочіе вѣрующіе не лишены были права завѣщевать свое имущество патріарху, но небольше третьей части достоянія. Всѣ вѣрующіе, принадлежащіе къ константинопольскому патріархату, чрезъ три года обязаны были дѣлать извѣстные денежные взносы въ пользу

---

1) Мелетія аѳинскаго. Церк. исторія, III, 403. 430. 450.

2) Maurer, ibid., 393. Маты, I, 800. Икономоса. Τριακονταετηρὶς ἐκκλησιαστική, σελ. 134.

патріарха. Къ доходамъ патріарха принадлежалъ, опредѣленный таксою, сборъ съ лицъ, ведшихъ судебный процессъ предъ патріархомъ. Патріархъ наконецъ взималъ значительную сумму денегъ за св. мvро и антиминсы. Всѣ эти доходы или большая часть ихъ стекалась въ патріаршую кассу или казначейство; эта касса находилась подъ управленіемъ патріарха и нѣкоторыхъ лицъ знатнаго происхожденія, принадлежавшихъ къ греческой національности и избираемыхъ законнымъ порядкомъ. Эта касса пользовалась такимъ большимъ довѣріемъ со стороны публики, что даже Турки помѣщали свои капиталы преимущественно сюда [1]). Мы исчислили доходы патріарха, стекавшіеся къ нему со всего патріархата; но были у него еще доходы, которые приносила ему его собственная, патріаршая, епархія—Константинополь и вѣроятно нѣкоторыя окрестности столицы. Они состояли въ слѣдующемъ. Каждый священникъ, принадлежавшій къ епархіи самаго патріарха, платилъ ему ежегодно такъ называемый канониконъ (т. е. положенное по правилу). Этотъ канониконъ состоялъ изъ золотой монеты (червонца). Также и каждый міррянинъ патріаршей епархіи обязанъ былъ вносить архипастырю отъ 10 до 12 асперовъ (мелкая монета—меньше нашей копѣйки). Въ казну патріарха поступали сборы за всѣ свадьбы, похороны, крестины, совершенныя въ его эпархіи. Наконецъ опредѣлена была извѣстнаго рода новина отъ естественныхъ произведеній, получаемыхъ христіанами его округа; эта новина состояла изъ масла, вина, меда, шелка, зерноваго хлѣба и проч. [2]). До шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка былъ въ обычаѣ слѣдующій сборъ въ пользу патріарха. Пять разъ въ годъ, именно въ праздникъ Богоявленія, въ недѣлю Православія, въ крестопоклонное воскресенье, въ недѣлю Ваій и Пасху патріархъ посылалъ извѣстныхъ лицъ съ блюдомъ къ архіереямъ (въ Константинополѣ) и архонтамъ, которые всѣ и должны были жертвовать отъ 10 до 4 золотыхъ, при чемъ имена ихъ точно обозначались въ особыхъ спискахъ; простой народъ на подобныя блюда клалъ,

[1]) Maurer, 393. Silbernagl. Verfassung der kirchen des Oriens, S. 16—17. М. Филарета. Собраніе и т. д., стр. 158.

[2]) Maurer, ibid. Silbernagl. S. 16.

что могъ—хотя бы одинъ пара (мелкая монета). Священники-же и Іеромонахи, по древнему обычаю, въ заговенье предъ Великимъ постомъ доставляли патріарху каждый по 20 птицъ, а въ сырную недѣлю—творогъ, въ Благовѣщеніе и недѣлю Вай—большихъ рыбъ, а въ Пасху—яйца и ягнятъ. Изъ этихъ приношеній священниковъ и іеромонаховъ патріархъ имѣлъ обыкновеніе удѣлять извѣстныя доли во всѣ дома архонтовъ—въ Фанарѣ—вѣроятно, въ качествѣ подарка. Но патріархъ Самуилъ I нашелъ эти „блюда" и эти сборы непристойными и уничтожилъ указаннаго рода сборы, за что его восхваляли всѣ тѣ, кто избавленъ былъ давать деньги и жизненные продукты [1]). Большая часть патріаршихъ доходовъ ясно и точно была гарантирована для него въ выдаваемомъ ему при поставленіи султанскомъ бератѣ. Доходы могли быть взносимы въ патріаршую казну и деньгами и товарами; въ послѣднемъ случаѣ товары освобождались отъ всякой пошлины. Если подати сбирались черезъ особыхъ патріаршихъ комиссаровъ, то турецкія власти не только не могли поставлять имъ какихъ-либо препятствій, но даже обязывались всячески имъ помогать [2]). Сумма доходовъ патріарха, по одному изчисленію XVIII вѣка, простиралась до 40,000 талеровъ, а по другому исчисленію XIX вѣка—до 40,000 рублей (4000 ф. стерлинговъ [3]). Но мы думаемъ, что при этомъ берется не совокупная сумма ежегодныхъ доходовъ патріаршей казны, а то, что составляло личное достояніе патріарха, получаемое на его собственную долю.

Перечисленные нами доходы патріарха были доходами болѣе или менѣе обычными. Но у него нерѣдко бывали и еще другіе источники обогащенія. Въ этомъ отношеніи особенно выдается обыкновенно, усвоенное патріархомъ, на всякую, сдѣлавшуюся вакантною, архіерейскую каѳедру переводить архіерея съ какой нибудь иной каѳедры, а на эту послѣднюю съ третьей каѳедры и такъ далѣе—перемѣщать до пяти и шести архіереевъ—съ цѣлью получать денежный даръ съ каждаго изъ перемѣщаемыхъ архіе-

---

[1]) Комнина-Ипсилантиса. Τὰ μετὰ τὴν ἅλωσιν, σελ. 399.
[2]) Silbernagl, s. 17.
[3]) Elssner. Neueste Beschreibung, S. 82. Silbernagl, 16.

реевъ [1]). Этотъ порядокъ перемѣщенія архіереевъ патріархами, усвоенный ими издавна, сохранялся до очень недавняго времени. Еще въ шестидесятыхъ годахъ, по достовѣрному свидѣтельству, одинъ константинопольскій патріархъ въ теченіе десяти мѣсяцевъ перемѣстилъ болѣе половины всѣхъ, зависимыхъ отъ него, епископовъ—перемѣстилъ съ каѳедры на каѳедру. Цѣлію такого великаго переселенія было полученіе денежнаго подарка патріархомъ отъ каждаго перемѣщаемаго [2]). Но если съ одной стороны патріархи константинопольскіе переводили архіереевъ съ мѣста на мѣсто въ видахъ экономическихъ, то съ другой стороны, по наблюденіямъ одного путешественника прошлаго вѣка, тѣ же патріархи иногда и лишали каѳедръ тѣхъ или другихъ митрополитовъ, имѣя въ виду замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ новыми лицами [3]).

Извиненіемъ для патріарха въ вышеуказанныхъ поступкахъ можетъ служить слѣдующее: хотя патріархъ и нѣсколько человѣкъ изъ его свиты давненько уже освобождены отъ всякихъ прямыхъ податей въ пользу султана, но онъ, патріархъ, всегда дѣлаетъ значительные подарки министрамъ Порты, какъ при своемъ поставленіи, такъ и при нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Кромѣ того, онъ платитъ 10% въ казну съ получаемыхъ имъ доходовъ и несетъ нѣкоторыя повинности натурой [4]). Далѣе,—нѣкоторые патріархи достигали патріаршества путемъ искательства, а это въ Турціи всегда стоило многихъ денегъ [5]). Наконецъ, нѣкоторые изъ вліятельныхъ грековъ, напр. великіе логоѳеты иногда не считали грѣ-

[1]) Проф. Ѳ. А. Кургановъ, въ Правосл. Собесѣдникѣ, 1873, I, 52—3.— Ср. Pitzipios. L'eglise arientale, tome III, p. 141. Rome, 1855.

[2]) М. Филарета. Собраніе мнѣній и отзывовъ по дѣламъ церкви на Востокѣ, стр. 145.

[3]) Проф. Ѳ. А. Курганова. Устройство въ церкви королевства греческаго, стр. 49 (слова о. Лукіанова, занятыя нашимъ авторомъ изъ «Русскаго Архива»). Казань, 1870. Сличи: Икономоса. Τριαχονταετηρὶς ἐχχλεσιαστιχή, σελ. 132.

[4]) Silbernagl, 17. Какія подати и повинности исправлялъ патріархъ въ XVIII вѣкѣ и ранѣе, достаточно матеріаловъ для рѣшенія этого вопроса находится въ исторіи Комнина—Ипсилантиса, но входить въ подробности вопроса мы находимъ лишнимъ.

[5]) Такъ извѣстно, что преемникъ казненнаго турками патріарха Григорія V, Евгеній получилъ патріаршую каѳедру, благодаря содѣйствію какой-то

хомъ поживиться на счетъ патріарха и дѣйствительно дѣлали это [1]). Все это вело къ тому, что патріархамъ константинопольскимъ приходилось быть не очень разборчивыми въ изысканіи источниковъ увеличенія доходовъ, въ виду въ особенности непредвидѣнныхъ денежныхъ тратъ.

Доходы митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ.— Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе стиралось въ Греціи различіе между митрополитомъ, архіепископомъ и епископомъ. Къ началу XIX вѣка митрополитъ и архіепископъ не имѣли уже никакой канонической власти надъ простыми епископами; первые отличались отъ послѣднихъ только титуломъ или наименованіемъ [2]). Поэтому нѣтъ препятствій обозрѣвать матеріальное положеніе всѣхъ перечисленныхъ іерарховъ вмѣстѣ, безъ какихъ-либо еще подраздѣленій.

Доходы митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ получались изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и доходы патріарховъ. За посвященіе во священники архіереемъ взималась сумма отъ 100 до 500 піастровъ, а иногда и сто червонцевъ, т. е. около тысячи рублей на наши деньги. Послѣдняя сумма денегъ, кажется, взималась съ священниковъ женатыхъ, ибо съ женатыхъ священниковъ почему-то принято было взимать гораздо больше, иногда непомѣрно много,—чѣмъ съ холостыхъ ставленниковъ [3]).

женщины низшаго класса, слывшей подъ именемъ Элфіетзидены, которая имѣла связи съ нѣкоторыми турками. Въ благодарность за ея содѣйствіе Евгеній долженъ былъ подарить ей каменный домъ въ Фанарѣ и сдѣлать много другихъ цѣнныхъ приношеній. (Pischon. Die Verfassung der Griech.—orthodox. Kirche in der Türkei: Theolog. Studien und Kritiken, 1864, S. 95).

[1]) Вотъ что говорится въ «Собраніи мнѣній и отзывовъ митроп. Филарета по дѣламъ церкви на Востокѣ» о великомъ логоѳетѣ Николаѣ Аристархи, проходившемъ свою должность въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XIX-го вѣка: будучи недоволенъ жалованьемъ въ 50,000 піастровъ, которое онъ получалъ отъ патріархіи, Аристархи въ началѣ 60-хъ годовъ потребовалъ себѣ прибавки жалованья. И когда его желаніе не было исполнено, то онъ началъ угрожать, что онъ испроситъ у Порты такой фирманъ, отъ котораго задрожатъ упорные. А въ доказательство своей силы и могущества, онъ указывалъ на то, что онъ уже успѣлъ низвергнуть десять патріарховъ и 50 архіепископовъ. Соплеменники-же Николая Аристархи публично утверждали, что каждое такое низверженіе было весьма выгодно для этого логоѳета, ибо каждый вновь избираемый патріархъ и архіепископъ должны были платить значительную сумму денегъ алчному, но вліятельному Аристархи (стр. 97—98).

[2]) Maurer, 397.

[3]) Maurer, 402. «Собраніе мнѣній и отзывовъ», стр. 158.

Есть основаніе думать, что эти деньги иногда вносились въ казну архіерея не самимъ новопоставляемымъ священникомъ, но его будущей паствой. Подобное явленіе имѣло мѣсто въ томъ случаѣ, если паства сама себѣ избирала кандидата во священники и испрашивала у архіерея посвященія избранному. Нерѣдко при этомъ происходилъ родъ торга между избирателями и архіереемъ. Напр., въ одномъ документѣ оффиціальнаго происхожденія записанъ такой случай, относящійся къ истекшему вѣку: поселяне одного мѣстечка предлагали епископу—Греку за посвященіе для нихъ священника 800 піастровъ, а епископъ просилъ 1200; документъ не указываетъ, на какой суммѣ помирились торговавшіеся [1]). Многіе провинціальные архіереи получали болѣе или менѣе значительный доходъ отъ своихъ каѳедральныхъ соборовъ. Такъ въ прежнее время каѳедральный соборъ Коринѳа имѣлъ ежегодно отъ недвижимыхъ имуществъ 1500 испанскихъ талеровъ (такой талеръ заключалъ 6 франковъ); соборъ лакедемонскій — 800; соборъ о. Санторина на одномъ только виноградномъ винѣ выручалъ 1000 талеровъ. Этого рода доходы обыкновенно поступали въ собственность архіереевъ. Недвижимая собственность нѣкоторыхъ православныхъ церквей въ турецкую эпоху была очень значительна. Такъ, при началѣ войны теперешней Греціи съ турками за свое освобожденіе, $^{1}/_{4}$ всего землевладѣнія въ этой странѣ принадлежала церквамъ и монастырямъ [2]). Монастыри, находившіеся въ епархіи того или другого архіерея, тоже доставляли ему значительныя суммы денегъ. Они были двухъ родовъ: епархіальные и ставропигіальные. Епархіальные монастыри обложены были ежегодною податью въ пользу архіерея; а ставропигіальные, внося подати въ пользу патріарха, не вносили въ казну мѣстнаго архіерея ничего болѣе, кромѣ значительнаго подарка по случаю назначенія его на епархію, гдѣ находились эти монастыри. Тѣ и другіе изъ этихъ монастырей иногда обладали достаточными средствами и въ особенности были богаты недвижимыми имуществами [3]). Архіереи считались прямыми наслѣдниками всѣхъ священ-

[1]) «Собраніе мнѣній и отзывовъ», стр. 188.
[2]) Maurer, 399; 52—53.
[3]) Maurer, I, 402; II, 178—180.

никовъ и монаховъ ихъ епархіи, которые умирали, не имѣя законныхъ наслѣдниковъ. Также по обычаю, приняту во многихъ мѣстахъ, и міряне изъ получаемаго ими наслѣдства отдавали иногда $1/3$ часть епископу на поминъ души усопшаго его пасомаго [1]). Въ частности священники вносили въ пользу своего первостоятеля слѣдующія подати: каждый священникъ при назначеніи новаго архіерея на епархію взносилъ въ его пользу такъ называемый φιλότιμον (деньги поздравительныя), который состоялъ въ крайнемъ случаѣ изъ испанскаго талера; но иногда онъ представлялъ значительную сумму, восходя до 600 піастровъ и болѣе [2]). Отъ каждаго священника за право совершать богослуженіе архіереи получали ежегодную дань: снисходительные архіереи довольствовались червонцемъ (10 руб.), но не рѣдко эта плата простиралась до 500 піастровъ, т. е. восходила до 40 р. [3]). Въ праздникъ Богоявленія священникъ приносилъ денежный подарокъ архіерею, а въ Пасху барашка. Еще значительнѣе были поборы архіереевъ съ вѣрующихъ ихъ епархій. Каждый домъ или каждое семейство, принадлежащее къ извѣстному архіерейскому округу, обязано было вносить въ пользу архипастыря опредѣленную дань—около 10 піастровъ [4]). Каждое селеніе, кромѣ того, за совершеніе здѣсь литургій вообще, заупокойныхъ литургій въ частности, обязано было платить отъ 100 піастровъ до нѣсколькихъ сотъ піастровъ, а случалось—и до 2000 піастровъ. За право вступить въ бракъ пасомый платилъ особо въ пользу архіерея: за первый бракъ отъ 5 до 15 піастровъ, за второй отъ 25 до 50, за третій отъ 50 до 200. Если же встрѣчались какія-либо препятствія ко вступленію въ бракъ, напр. если женихъ и невѣста были въ нѣкоторомъ родствѣ, то вышеуказанныя суммы увеличивались—и достигали иногда до очень крупной цифры. За самый актъ браковѣнчанія архіерею платилось особо—отъ 15 до 30 піастровъ; столько же за совершеніе крещенія. За погребеніе покойника взималось въ пользу архіерея 15 піастровъ.

---

[1]) Silbernagl, 27; Maurer I, 399.
[2]) Maurer, 401; «Собраніе мнѣній», стр. 314.
[3]) Silbernagl, 26. «Собраніе мнѣній»., ibid.
[4]) Антонина Архим. «Изъ Румеліи», стр. 155.

За разводъ брачной четы архіерей бралъ столько, сколько хотѣлъ. Помимо всего этого архіерей получалъ опредѣленную подать натурой — зерномъ, масломъ, виномъ, шелкомъ и другими произведеніями [1]). Нельзя не упомянуть и о томъ, что при поставленіи новаго архіерея каждый христіанскій домъ въ его епархіи вносилъ въ пользу новопоставляемаго извѣстную дань, приблизительно по 24 піастра. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ было принято, что архіерей объѣзжалъ свою епархію по случаю какого-нибудь праздника, напр. св. Георгія Побѣдоносца, каковой праздникъ считается всюду на востокѣ очень большимъ. При этомъ объѣздѣ архіерей иногда взималъ съ каждаго христіанскаго населенія по 600 піастровъ [2]).

Такъ разнообразны были доходы провинціальныхъ архіереевъ, получаемые ими отъ паствы и священниковъ. Эти доходы, кромѣ того, были иногда очень значительны и могли вполнѣ обезпечивать безбѣдную жизнь архипастырямъ. Такъ всѣ многочисленныя епархіи Греціи (теперь эллинское королевство)—ихъ насчитывали отъ 40 до 49—въ турецкое время дѣлились на 4 класса; къ первому классу относились епархіи, въ которыхъ архіереи получали до 80,000 піастровъ; ко второму епархіи, гдѣ архіереи имѣли доходовъ до 60,000 піастровъ; епархіи третьяго класса приносили доходовъ 40,000, а епархіи четвертаго класса—25,000 піастровъ; при чемъ въ этотъ счетъ не входятъ тѣ доходы, которые получались архіереями Греціи отъ недвижимыхъ церковныхъ имѣній [3]). По соображеніямъ одного нашего русскаго знатока Востока, епископъ одной мало чѣмъ извѣстной епархіи, именно Касторійской, лишь подобнаго дохода (т. е. дохода, платимаго ежегодно съ каждой семьи)—получалъ ежегодно 12,000 рублей [4]). Нѣкоторые епархіи нужно признать очень богатыми, если примемъ за чистую монету извѣстіе, что будто митрополитъ Смирнскій имѣлъ дохода до полутора милліона піастровъ, т. е. что доходъ этого митрополита заходилъ за

[1]) Maurer, 399—400.
[2]) «Собраніе мнѣній и отзывовъ»., стр. 314. Ср. Maurer, 402.
[3]) Maurer, 402—403.
[4]) Антонина архим. «Изъ Румеліи», стр. 155.

100,000 рублей [1]). Встрѣчаются извѣстія, что нѣкоторые архіереи въ Румеліи наживали капиталы въ не одинъ милліонъ піастровъ, при чемъ на деньги, получаемыя въ эпархіи, они вели биржевую игру не только въ Константинополѣ, но и въ Вѣнѣ. Приводя подобныя извѣстія, путешественникъ по Востоку прибавляетъ: „такъ говорятъ" [2]). Значитъ, къ нимъ нужно относиться съ большею осторожностію.

Къ сожалѣнію, нельзя не сказать, что провинціальные архіереи не всегда довольствовались доходами, опредѣленными обычаемъ, но и брали иногда не мало лишняго. Такъ случалось, что новопоставленные архіереи брали съ духовенства филотимонъ слишкомъ большой. Укажемъ примѣры. Одинъ игуменъ, по имени Ѳеодосій, своими трудами (въ XIX-мъ вѣкѣ) возстановилъ монастырь *Пречиста* у Кырчева (въ Болгаріи). Долго тамъ онъ былъ игуменомъ. Но когда въ дербскую епархію пріѣхалъ новый митрополитъ (Грекъ), то онъ потребовалъ съ Ѳеодосія 5,000 піастровъ (въ качествѣ филотимона) за позволеніе жить въ монастырѣ, имъ отстроенномъ. Ѳеодосій-же, не имѣя возможности удовлетворить требованію, долженъ былъ покинуть монастырь [3]). Другой случай. Жители трикксковй епархіи въ Ѳессаліи въ оффиціальномъ прошеніи, поданномъ въ 1851 году турецкому правительству, разсказывали слѣдующій случай: епископъ трикскій потребовалъ за дозволеніе похоронить одного крестьянина значительную сумму въ 500 піастровъ; и такъ какъ родители умершаго не могли заплатить такихъ большихъ денегъ, то епископъ запретилъ священнику той деревни, гдѣ находился покойникъ, хоронить этого послѣдняго. Жители естественно пришли въ смятеніе и силою принудили священника отпѣть покойника. Извѣстясь объ этомъ, епископъ приказалъ схватить священника и заключить его въ тюрьму, а церковь непокорливой деревни запечаталъ на шесть мѣсяцевъ. Мало того: онъ грозилъ не отпирать ее до тѣхъ поръ, пока не будетъ уплачена требуемая сумма.

---

[1]) Silbernagl, S. 27.

[2]) Антонина архим. «Поѣздка въ Румелію», стр. 276—277.

[3]) Карловой (Гильфердинга). Турецкая провинція: «Вѣстникъ Европы», 1870, іюль, стр. 179.

:ляне жаловались патріарху, но не добились никако-
ѣшенія [1]). Самое учрежденіе таксы за дозволеніе или
ршеніе извѣстнаго церковнаго дѣйствія появилось въ
еской церкви, если не ошибаемся, въ ограниченіе
звола архіереевъ при сборѣ или даней съ паствы.
:а эта несомнѣнно существовала уже во второй поло
ь XVII вѣка и вотъ какъ она произошла. Въ правле-
іатріарха Діонисія III церковію клирики, архонты и
іе жители городовъ Редеста и Паніи обратились къ
анному патріарху съ жалобой на мѣстнаго архіерея
іасія (который самъ былъ потомъ іерархомъ констан-
іпольскимъ, съ именемъ „Аѳанасія IV-го"), что онъ
ряетъ ихъ поборами по случаю дозволенія вступить
)ракъ и беретъ въ другихъ случаяхъ больше надле-
аго. Вслѣдствіе этой жалобы Діонисій III опредѣлилъ,
ы архіерей за дозволеніе вступать въ первый бракъ
іалъ 200 асперовъ, во второй—400, а въ третій—600;
а самое браковѣнчаніе взималъ только 30 асперовъ;
касается похоронъ, поминовеній и проч., то патрі-
, опредѣлилъ, чтобы за все такое архіерей получилъ
ь то, что христіане сами добровольно будутъ давать [2]).
)да, видно, что переборы податей встрѣчались давно—
въ XVII вѣкѣ. Существовали и другіе способы, слу-
шіе къ увеличенію архіерейскихъ доходовъ [3]). Вообще,
вѣрить Константину Икономосу, всѣ виды церков-
э даней въ пользу архіереевъ могли быть ими произ-
но увеличиваемы [4]).

Іровинціальные архіереи не довольствовались опредѣ-
:ными закономъ доходами по многимъ причинамъ: преж-
сего потому, что они любили жить нескудно; далѣе
му, что много и часто непредвидѣнно сами должны
ı платить патріарху и турецкимъ чиновникамъ; далѣе
му, что будущность архіерея ничѣмъ не была обезпе-
какъ объ этомъ подробнѣе скажемъ ниже и ему не-
димо было позаботиться о ней заблаговременно, и

---

[1]) Проф. Ѳ. А. Ргановъ въ Правосл. Собесѣдникѣ. 1873 г., I, 62. Ср.
os. L'eglise orientale. III, 140.
[2]) Γεδεών, σελ. 602.
[3]) Maurer, I, 401.
[4]) Τριακονταετηρὶς 'εκκλησιαστική, σελ. 131.

проч., и проч. [1]). Какъ бы то ни было, изучая способы матеріальнаго обезпеченія греческихъ архіереевъ прошедшихъ вѣковъ, невольно припоминаешь замѣтку извѣстнаго греческаго писателя Никодима Святогорца, который въ изданной имъ греческой Кормчей, говоритъ: „читай (эту книгу) и поскорби, братъ. Симонія такъ нынѣ укоренилась и дѣйствуетъ, что какъ будтобы считается добродѣтелью, а не богомерзкою ересью" [2]).

Въ такихъ-то фактахъ выражалось матеріально состояніе іерархіи константинопольскаго патріархата отъ средины или конца XVII вплоть до начала шестидесятыхъ годовъ XIX вѣка, когда происходитъ значительное измѣненіе въ положеніи изучаемаго нами предмета.

Какъ смотрѣла паства на тѣ способы, какими греческіе іерархи въ указанное время обезпечивали свое матеріальное положеніе? Несла-ли она свой долгъ безропотно и послушно, сознавая, что такъ и должно быть. На этотъ вопросъ наблюдатели церковныхъ дѣлъ на Востокѣ даютъ не одинаковый отвѣтъ. Одни, въ результатѣ своего знакомства съ Востокомъ, приходятъ къ такимъ сужденіямъ: „извѣстно, что константинопольскіе патріархи для своихъ расходовъ берутъ деньги съ митрополитовъ и епископовъ, а эти послѣдніе съ народа, по раскладкѣ, сообразуясь съ богатствомъ и бѣдностію епархій. Въ этомъ случаѣ вся тяжесть падаетъ на народъ, но онъ безропотно—пишетъ наблюдатель—несетъ ее, исполняя долгъ свой". Это явленіе цитируемый авторъ объясняетъ тѣмъ, что будто іерархи восточные „живутъ съ народомъ и для народа". А паства цѣнитъ это. „Такою близостію ихъ къ народу, по словамъ писателя, и объясняется безпрекословное повиновеніе имъ мірянъ" [3]). Но намъ представляется такой взглядъ на дѣло просто „розовыми очками". Быть можетъ, такъ и было когда-то, но это время давно миновало. Были такія блаженныя времена, когда Греки и не Греки,

---

[1]) Нисшее духовенство разсматриваемыхъ нами вѣковъ брало въ свою пользу подати съ народа въ тѣхъ-же случаяхъ, какъ и архіереи,—но его доходы, конечно, были очень скромны. См. подробнѣе объ этомъ: Maurer. I, 407—408; Silbernagl, S. 49—50.

[2]) Никольскаго. Греческая Кормчая книга—Пидаліонъ, стр. 163. Москва, 1888.

[3]) Слова преосв. Порфирія: Сырку. Описаніе бумагъ еп. Порфирія, 80.

вообще пасомые на христіанскомъ Востокѣ, отличались такимъ большимъ расположеніемъ къ своему духовенству, что они охотнѣе сами голодали, чѣмъ допускали свое духовенство до матеріальной крайности [1]). Но такая преданность паствы пастырямъ давненько убавилась. Въ одномъ русскомъ, имѣющемъ оффиціальное происхожденіе, документѣ, относящемся къ XIX-му вѣку, встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе объ отношеніи народа къ архипастырямъ въ Турціи: „надлежитъ опасаться, что паства отказалась бы отъ какой бы то ни было платы своему высшему духовенству, если бы опредѣленіе количества этой платы представлено было произволу мірянъ" [2]). Намъ кажется, что митрополитъ Филаретъ, прекрасно ознакомленный съ состояніемъ Востока, при пособіи самыхъ надежныхъ документовъ, справедливо говорилъ: матеріальныя „пособія патріарху отъ духовенства и народа, епископамъ отъ священниковъ и народа, нѣкогда свободныя, потомъ требовательныя преувеличиваемыя и принудительныя, истощили усердіе народа" въ Турціи [3]). Въ самомъ дѣлѣ, при одной административной ревизіи открылось, что какое то мѣстечко въ нижней Македоніи выплачивало своему архіерею въ годъ 3000 піастровъ, а правительству не болѣе 2000 піастровъ. И такая непропорціональность въ податяхъ встрѣчалась во многихъ мѣстахъ европейской Турціи (Румеліи) [4]).

Будущность каждому греческому архіерею въ разсматриваемыя времена мало улыбалась или даже совсѣмъ не улыбалась. Въ случаѣ отставки, даже самъ патріархъ константинопольскій долженъ былъ очутиться въ незавидномъ положеніи. Отставные патріархи не получали никакихъ пенсій изъ государственнаго казначейства. Мы знаемъ лишь два случая, когда Порта сочла долгомъ назначить пенсію отставнымъ патріархамъ (говоримъ о достойнѣйшемъ константинопольскомъ патріархѣ Іоакимѣ III, удалившемся на покой въ 1884 г. и теперь вторично вошед-

[1]) Helladii. Status praesens ecclesiae Graecae, p. 64.
[2]) «Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета по дѣламъ церкви на Востокѣ», стр. 109.
[3]) Тамъ-же, стр. 158.
[4]) Pitzipios. L'eglise orientale, tome III, 140.

шемъ на патріаршую каѳедру, и объ одномъ изъ его преемниковъ, патріархѣ Неофитѣ VIII). Кажется, большинство отставныхъ патріарховъ для своего пропитанія получало отъ новаго патріарха и синода въ управленіе какую-либо провинціальную епархію; доходъ съ подобной епархіи шелъ на покрытіе нуждъ отставнаго патріарха. Такъ извѣстно, что въ XVII вѣкѣ отставные патріархи Паисій I, Гавріилъ II, Діонисій IV получили въ управленіе слѣдующія митрополіи: первый кизикскую, второй прузскую, а третій—филиппопольскую [1]). Подобныхъ примѣровъ указать можно было бы много. Какъ мы имѣли случай замѣтить раньше, отставные патріархи въ подобныхъ обстоятельствахъ сами проживали въ Константинополѣ или его окрестностяхъ, а эпархіями управляли чрезъ эпитроповъ (намѣстниковъ) въ санѣ архимандрита. Другіе патріархи, еще находясь на каѳедрѣ, заблаговременно озабочивались такъ или иначе обезпеченіемъ своего будущаго. Такъ, иногда съ управленіемъ патріаршимъ престоломъ они соединяли и управленіе ихъ прежнею епархіей и такимъ образомъ доходъ получался двойной. Послѣдній случай видимъ въ жизни патріарха Григорія VI (истекшаго вѣка), который будучи патріархомъ, управлялъ и серрскою епархіею, откуда онъ былъ взятъ на столичную каѳедру [2]). Гораздо хуже, чѣмъ отставныхъ патріарховъ, было положеніе обыкновенныхъ архіереевъ, очутившихся за штатомъ. Мы уже говорили выше, что архіереевъ часто переставляли съ мѣста на мѣсто, а случилось и того хуже: патріархъ всегда могъ лишить архіерея его каѳедры—и послѣдній оставался ни съ чѣмъ. И хорошо тому архіерею, который съумѣлъ во время, какими бы то ни было путями, скопить приличный капиталъ, могущій обезпечивать его на случай неожиданной отставки, потому что участь отставнаго архіерея у Грековъ очень плачевна. Нѣкоторые изъ отставныхъ архіереевъ проживали въ монастыряхъ, ничѣмъ не отличаясь отъ прочихъ монаховъ. Такъ въ одномъ халкинскомъ монастырѣ, близъ Константинополя, въ XVII вѣкѣ жило сразу трое отставныхъ митрополитовъ—и пи-

[1]) Γεδεών, σελλ. 583. 586. 595.
[2]) Γεδεών, 693.

ались они подаяніями щедродателей, которыхъ они искали въ отдаленной Москвѣ [1]). Въ самомъ Константинополѣ ногда набиралась цѣлая масса такихъ отставныхъ патыреначальниковъ. Они представляли собой печальное и алкое зрѣлище. По замѣчанію одного путешественника VIII-го вѣка, безмѣстные архіереи, живучи въ столицѣ, таскались по базарамъ, да разгуливая по улицамъ, бьютъ обакъ" [2]). Чтобы не умереть съ голоду, нѣкоторые изъ акихъ отставныхъ архіереевъ не считали для себя потыднымъ заниматься мелкимъ торгашествомъ. Такъ о ѣкоемъ Неофитѣ, греческомъ митрополитѣ, лишившемся аѳедры и жившемъ въ XVII в., въ русскихъ источникахъ імѣчается, что онъ проживалъ въ Синопѣ, „продавалъ итье шаралъ (шербетъ?), медъ и пиво, да каменья разоцвѣтныя", т. е. бисеръ, и тѣмъ „себя прокармлилъ" [3]).—Есть всѣ основанія догадываться, что изъ числа ихъ-то несчастныхъ отставныхъ рхіереевъ нѣкоторые, гобы не умереть съ голоду, начинали бродить по разимъ другимъ странамъ, отыскивая всякія средства къ держанію. Они готовы были кого случится поставить і священники за самую малую цѣну—за три рубля на ши деньги [4]). Они же отправлялись въ Россію въ тѣ емена, когда на греческихъ пришлыхъ архіереевъ еще отрѣли здѣсь съ уваженіемъ, вѣнчали здѣсь браки, дали разрѣшеніе грѣховъ, ставили священниковъ [5]) и проч.

Матеріальное положеніе константинопольской патріарии представляетъ весьма существенное измѣненіе въ налѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Съ этихъ поръ наинается новый и послѣдній періодъ въ историческомъ азвитіи изслѣдуемаго нами вопроса. Когда вымогательтво, которымъ заявляло себя греческое высшее духовентво въ отношеніи къ своимъ пасомымъ, сдѣлалось слишомъ гласнымъ, тогда турецкое правительство, которое воею инертностію потворствовало архіерейскимъ неправ-

[1]) Муравьева. Сношенія Россіи съ Востокомъ, часть II, 243—244.

[2]) См. Проф. Ѳ. А. Курганова. Устройство въ церкви греческаго коротвства, стр. 49 (слова о. Лукіанова).

[3]) Проф. Н. Ѳ. Каптерева. Характеръ отношеній Россіи къ правосл. остоку въ XVI и XVII в., стр. 235—236. М. 1885.

[4]) Архим. Антонина. Поѣздка въ Румелію, стр. 87.

[5]) Проф. Каптерева. Тамъ же, стр. 225—226.

дамъ, объявило, что оно принимаетъ на себя иниціативу поправить дѣло и дать ему надлежащее теченіе. Это было въ концѣ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія. Частію подъ вліяніемъ духа времени, а частію по представленію иностранныхъ державъ, Порта выразила желаніе замѣнить епископскіе поборы опредѣленнымъ жалованьемъ отъ правительства (при чемъ, конечно, предполагается, что турецкое правительство будетъ собирать съ населенія деньги, потребныя на уплату жалованья) [1]). Но мысль о турецкомъ жалованьи архіереямъ не встрѣтила себѣ сочувствія въ средѣ этихъ послѣднихъ. Вселенскій патріархъ обращался даже къ русскому правительству съ просьбой отклонить Порту отъ указаннаго намѣренія. Въ Россіи дѣло это было отдано на разсмотрѣніе митрополита Филарета, который вполнѣ соглашался съ представленіями вселенскаго патріарха. А потому совокупными мѣрами намѣреніе Порты дать архіереямъ жалованье было своевременно отклонено [2]) по тому естественному и справедливому соображенію: что отъ Турокъ всего можно ожидать, и гораздо больше чего-либо худаго, чѣмъ хорошаго. Поэтому возникало опасеніе, что Турки, хотя и будутъ собирать деньги съ христіанско-православнаго народонаселенія на жалованье патріарху и прочимъ архіереямъ, но на самомъ дѣлѣ жалованья выдавать не будутъ, такъ какъ турецкое правительство страдаетъ неисцѣлимыми дефицитами въ государственномъ бюджетѣ [3]). Дѣло со стороны Турокъ ограничилось тѣмъ, что генералъ-губернаторы нѣкоторыхъ провинцій, гдѣ злоупотребленія архіереевъ достигали крайнихъ предѣловъ, старались особыми циркулярами упорядочить податныя отношенія христіанскихъ пастырей съ ихъ пасомыми. При этомъ архіереямъ приходилось выслушивать отъ турецкаго паши горькія назиданія, что въ томъ или другомъ случаѣ „архіерей долженъ довольствоваться тѣмъ, что ему даютъ“ [4]).

Когда Порта отказалась отъ своего намѣренія выда-

[1]) Собраніе мнѣній м. Филарета по дѣламъ церкви на Востокѣ, стр. XV и 109.
[2]) Тамъ же, стр. XV—XVII и 109.
[3]) Тамъ-же, стр. 109.
[4]) Тамъ-же, стр. 313—314.

вать казенное жалованье патріарху и прочимъ архіереямъ, тогда урегулированіемъ доходовъ вышеуказанныхъ лицъ занялось, въ началѣ 60-хъ годовъ, такъ называемое греческое церковно-народное собраніе въ Константинополѣ. Это учрежденіе выработало норму вознагражденія іерарховъ за исполненіе ими священныхъ обязанностей. Рѣшено было всѣмъ архіереямъ, начиная отъ патріарха и до самаго бѣднаго епископа выдавать жалованье изъ сборовъ съ пасомыхъ той или другой епархіи, при чемъ бы болѣе богатыя епархіи давали больше въ пользу мѣстнаго архіерея, а бѣдныя, менѣе состоятельныя—меньше [1]). Константинопольскому патріарху, обязанному содержать свиту и дѣлать необходимые для церковнаго и народнаго благолѣпія (?) расходы, назначено жалованья 500,000 піастровъ (около 40,000 руб. по теперешнему нашему курсу), съ тѣмъ, чтобы онъ не получалъ ничего болѣе изъ національной кассы подъ видомъ какихъ-либо издержекъ. Всѣ прочія архіерейскія каѳедры (ихъ въ нашемъ документѣ перечислено 117, при чемъ сюда не вошли отпавшія отъ единенія съ патріархомъ болгарскія епископіи) должны были получать неодинаковое жалованье: максимумъ—100,000 піастровъ [2]), а минимумъ—12,000 піастровъ (такихъ каѳедръ въ нашемъ спискѣ только двѣ). Кромѣ этого жалованья нѣкоторыя каѳедры еще имѣли доходы съ имуществъ митрополіи, отъ монастырей, даже отъ ярмарки. Вышеуказанное жалованье архіереямъ положено было собирать слѣдующимъ образомъ: мѣстный архіерей и такъ называемый Смѣшанный Совѣтъ при немъ должны были вызывать представителей отъ каждаго уѣзднаго города и села, и въ общемъ собраніи, взявъ во вниманіе требуемую сумму, разложить таковую на христіанъ, руководясь справедливостію, и сообразно съ численностію народонаселенія каждаго мѣста [3]). Изъ числа прежнихъ случайныхъ доходовъ, которые архіереи получали съ пасомыхъ и священниковъ, теперь удержаны только очень

[1]) Тамъ-же, стр. 88—89.

[2]) По другому извѣстію—121,000 піастровъ: «Собраніе мнѣній м. Филарета по дѣламъ на Востокѣ», стр. 88.

[3]) «Постановленія временнаго греческаго народнаго собранія, принятыя въ константинопольской патріархіи»: Христ. Чт. 1863, I, стр. 279—284.

немногіе, именно: за дозволеніе брака, перваго, втораго и третьяго, безъ различія,—во всѣхъ епархіяхъ константинопольскаго патріархата, архіерей имѣлъ право взимать только по 10 піастровъ; плата архіерею, приглашенному на служеніе литургіи, на погребеніе и на бракъ, должна быть добровольная, но впрочемъ не менѣе 50 піастровъ; наконецъ, всякій священникъ, имѣющій приходъ, даетъ, по разсматриваемымъ постановленіямъ, архіерею ежегодно 10 піастровъ, подъ именемъ канonикона,—и ничего болѣе. Всякая вынужденная дача со стороны священника—деньгами или вещами—возбраняется [1]). Вотъ и все, чѣмъ теперь могъ пользоваться архіерей отъ пасомыхъ и священниковъ. Какая большая разница съ прежними временами! Разсматриваемыми постановленіями совершенно уничтожены слѣдующіе архіерейскіе доходы: за священническую хиротонію, за назначеніе игуменовъ, за освященіе церквей, за вступленіе священника въ должность (эмватикъ), филотимонъ, за разрѣшеніе запрещеннаго брака и пр. При этомъ въ правилахъ добавлено: „уничтожаются и всѣ другіе случайные архіерейскіе доходы, подъ какимъ бы именемъ они ни были извѣстны". Этими же правилами положенъ конецъ давнему злу, заключающемуся въ томъ, что патріархъ, ради корысти, переводилъ архіереевъ съ одной каѳедры на другую; теперь перемѣщеніе архіерея съ одной епархіи на другую безъ законной на то причины запрещено, при чемъ ясно оговорено, что перемѣщеніе въ случаѣ важной причины—допускается только одно [2]). Разсматриваемыя постановленія церковно-народнаго собранія вошли въ силу въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и получили значеніе органическаго закона. Они имѣли добрую цѣль—оздоровленіе нравственной атмосферы константинопольской патріархіи, но съ другой стороны—нельзя скрывать этого—введеніе ихъ въ практику сопровождалось великимъ крахомъ финансоваго положенія той же патріархіи. Жалобы на скудность и матеріальныя утѣсненія теперь слышатся безпрестанно со стороны патріарховъ Константинопольскихъ—и эти жалобы не нарочитое

[1]) Тамъ-же, 284—285.

[2]) Тамъ-же, стр. 285—286; 256—257. Слич. «Собраніе мнѣній м. Филарета по дѣламъ на Востокѣ», стр. 88—89.

причитанье, а есть выраженіе дѣйствительной печали. Вотъ нѣсколько свидѣтельствъ объ обѣдненіи патріархіи, начавшемся со введеніемъ вышеуказанныхъ постановленій. Въ одномъ русскомъ оффиціальномъ документѣ, отъ 1863 года, читаемъ: „Наибольшая трудность великой церкви, конечно, есть ея безденежье. Въ епархіяхъ, гдѣ населеніе чисто греческое, еще не вездѣ существуетъ соглашеніе архіереевъ съ народомъ относительно подомовнаго дохода, соотвѣтственно новымъ постановленіямъ церковнымъ (1858—1860 г.), а вслѣдствіе этого и опредѣленное съ каждой епархіи пособіе патріаршему престолу доставляется ими безпорядочно и скудно. Общественная касса совершенно пуста. Служащіе въ патріархіи, синодѣ и совѣтѣ уже болѣе шести мѣсяцевъ не получаютъ жалованья" [1]). Однимъ изъ важныхъ условій, содѣйствовавшихъ упадку финансовъ патріархіи, было отдѣленіе Болгаріи отъ великой церкви, произшедшее въ это-же время. Въ томъ-же документѣ, откуда мы привели вышеприведенныя строки, говорится: „Изъ епархій съ болгарскимъ населеніемъ давно уже не присылается никакого пособія великой церкви". Много свидѣтельствъ въ такомъ-же родѣ, какъ вышеприведенное, встрѣчаемъ и позднѣе. Вотъ свидѣтельство, относящееся къ 1872 году. „Финансовое положеніе патріархата самое безотрадное. Убытокъ, понесенный патріархіею (патріаршей кассой), вслѣдствіе отдѣленія Болгаръ, простирается до 20,000 ф. стерлинговъ (200,000 рублей), и предстоятели не знаютъ, чѣмъ восполнить эту чувствительную потерю. Патріархія 1 октября созвала народное собраніе для обсужденія вопроса объ улучшеніи матеріальнаго быта греческихъ іерарховъ. На послѣднемъ засѣданіи рѣшено между прочимъ обратиться съ просьбою о помощи ко всему православному народу" [2]). Или вотъ цѣлый рядъ такихъ-же печальныхъ заявленій, относящихся къ 80-мъ годамъ. Въ 1883 году положеніе дѣла оставалось въ слѣдующемъ видѣ: „Немало озабочена патріархія вопросомъ о содержаніи подвластныхъ ей архіереевъ. Опредѣленная сумма, назначенная по органическому статуту на содержаніе каждаго архіерея, во многихъ епар-

[1]) «Собраніе мнѣній м. Филарета, томъ V, 1 половина, стр. 487—488.
[2]) Христ. Чтеніе (Вѣсти съ Востока), 1872, III, 539.

хіяхъ поступаетъ въ архіерейскую казну очень неаккуратно, что ставитъ архіереевъ въ большое затрудненіе относительно матеріальныхъ средствъ. Въ виду безплодности своихъ духовныхъ способовъ, патріархія оказалась вынужденною просить турецкое правительство понуждать неисправныхъ плательщиковъ къ аккуратному взносу причитающейся на ихъ долю суммы" [1]). Но правительство, повидимому, неохотно откликнулось на такой призывъ. По крайней мѣрѣ мы встрѣчаемся съ безотрадными фактами, когда сами архіереи берутъ на себя задачу понуждать пасомыхъ къ аккуратному взносу податей, назначенныхъ на долю ихъ пастыреначальника,— задачу, пристойную лишь полиціи. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ. Въ никейской митрополіи есть бѣдное селеніе Дервенти. Мѣстечко это обязано вносить на содержаніе своего архіерея 250 парȧ въ годъ. Представители этого мѣстечка однакоже не могли собрать въ срокъ съ нищаго населенія даже и такой, буквально грошевой, суммы, и обратились къ своему архіерею съ просьбою отсрочить ихъ взносъ на нѣсколько времени. Но разгнѣванный владыка въ отвѣтъ на ихъ просьбу приказалъ немедленно-же закрыть единственную, находящуюся въ мѣстечкѣ, церковь и объявилъ, что не откроетъ ее до тѣхъ поръ, пока жители не внесутъ оброка. Это рѣшеніе и было приведено въ исполненіе [2]). Приведемъ еще два свидѣтельства о матеріальномъ состояніи патріархіи, относящіяся ко временамъ, наиболѣе близкимъ къ намъ. Въ 1888 году, по извѣстіямъ съ Востока, „финансовое положеніе патріархіи продолжало быть запутаннымъ и тяжелымъ" [3]). Въ слѣдующемъ году находимъ такія извѣстія о состояніи изучаемаго вопроса. „Греко-болгарская схизма (?), пресѣкшая всѣ источники доходовъ патріархіи изъ Болгаріи, нанесла экономическому положенію ея такой ударъ, отъ котораго она не скоро оправится". При патріархѣ Діонисіи V († 1891) финансовыя затрудненія дошли до того, что патріархія пришла къ мысли о необходимости обратиться за помощью къ турецкому правительству—въ фор-

---

[1]) Церк. Вѣстникъ, 1883, № 17—18, стр. 2.
[2]) Тамъ-же, 1887, № 50, стр. 881.
[3]) Тамъ-же, 1888, стр. 519.

мѣ ли ссуды въ долгъ 70.000 лиръ (700,000 р.) или ежегодной субсидіи [1]). А затѣмъ финансы патріархіи еще болѣе разстроились. Въ 1894 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ Константинополѣ и его окрестностяхъ разразилось страшное землетрясеніе: пострадали церкви и монастыри, халкинское духовное училище было разрушено почти до основанія, такъ что ученики на годъ распущены по домамъ. Плохи дѣла... Недаромъ говорится, что бѣда никогда не приходитъ одна. Патріархія несомнѣнно испытываетъ тяжкія матеріальныя нужды. Да, по мѣткому выраженію митрополита Филарета: „сперва Болгарія сдѣлалась безплодною для патріарха, а потомъ и на всю область патріарха распространяется неурожай" [2]).

Не первый, но и не послѣдній знатокъ церковныхъ дѣлъ на Востокѣ г. Тепловъ, принимая во вниманіе матеріальную скудость, претерпѣваемую въ настоящее время греческимъ высшимъ духовенствомъ, говоритъ: „Россія не можетъ отстраниться отъ вселенской патріархіи (затѣмъ авторъ перечисляетъ заслуги константинопольской церкви для православія). Даже въ особенности теперь едвали слѣдуетъ оставлять безъ поддержки греческое духовенство, когда со стороны мусульманской власти проявляется стремленіе уменьшить его значеніе ограниченіемъ или совершеннымъ отнятіемъ разныхъ преимуществъ, которыми оно пользовалось съ самаго взятія Царьграда Магометомъ II" [3]). Слова эти вполнѣ правильны. И думается намъ, что было бы дѣломъ справедливости, оказывать русскую матеріальную помощь греческой константинопольской патріархіи, наравнѣ съ другими патріархатами, населенными Арабами.

Заканчивая наши рѣчи о константинопольской патріархіи и ея состояніи въ разныхъ отношеніяхъ, нельзя не коснуться вопроса о значеніи многочисленности архіереевъ на Востокѣ. Какъ смотрѣть на это явленіе? Составляетъ-ли оно благо церкви? Наблюдатели церковныхъ дѣлъ на Востокѣ даютъ на этотъ вопросъ несходный от-

---

[1]) Тамъ-же, 1889, стр. 22.

[2]) Собраніе мнѣній по дѣламъ на Востокѣ, 158.

[3]) Теплова. Греко-болгар. церковный вопросъ (рѣчь), стр. 10. Петерб., 1884 г.

вѣтъ. Одни, какъ наприм. преос. Порфирій (Успенскій), извѣстный знатокъ Востока, смотритъ на явленіе оптимистическими глазами. Онъ говоритъ: „На Востокѣ много архіереевъ. Константинопольскому патріархату (кстати сказать,—не очень большому) подвѣдомы предстоятели 150 епархій (сюда включены и епархіи болгарскія). Итакъ восточная церковь—замѣчаетъ авторъ—есть какъ бы многоочитый херувимъ. Восточные архіереи, обозрѣвая свои епархіи, посѣщаютъ въ селахъ каждый домъ и каждую овцу глашаютъ по имени. Такою близостію ихъ къ народу отчасти объясняется безпрекословное повиновеніе имъ мірянъ“ [1]). Другаго рода взглядъ на разбираемое явленіе встрѣчаемъ въ одномъ, имѣющемъ оффиціальное значеніе, документѣ. Здѣсь читаемъ (рѣчь идетъ о послѣднихъ десятилѣтіяхъ): „несомнительно, что малочисленное и бѣдное греческое населеніе обременяется содержаніемъ значительнаго числа своихъ епископовъ и уменьшеніе ихъ составило-бы существенное и большое облегченіе для Грековъ“ [2]). Кто-же правѣе? Тѣ ли, кто смотритъ оптимистически на многочисленность греческихъ епископовъ, или же тѣ, кто считаетъ это какъ-бы нѣкотораго рода зломъ? Нѣтъ сомнѣнія: чѣмъ больше епископовъ, тѣмъ лучше,—религіозный надзоръ за христіанами усиливается. Но нельзя не сказать о греческихъ архіереяхъ: во 1-хъ, ихъ слишкомъ много (управленіе церкви возможно и при меньшемъ числѣ епископовъ); а во 2-хъ, греческіе архіереи поставляются и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ или мало грековъ, вслѣдствіе чего рождается рознь между архипастыремъ и паствой. Къ нашему утѣшенію, нужно сказать, что приходское духовенство всегда пользовалось любовію и преданностью пасомыхъ въ Восточной церкви, главнымъ образомъ потому, что оно всегда народное, у Болгаръ священникъ Болгаринъ, у Арабовъ—Арабъ, и т. д., тогда какъ въ епископы во всей греческой церкви до послѣдняго времени всегда поставлялись одни Греки, преимущественно фанаріоты.

---

[1]) Сырку. Описаніе бумагъ еписк. Порфирія, 80—81.
[2]) Собраніе мнѣній м. Филарета по дѣламъ на Вост., стр. 364.

Греческія школы — общеобразовательныя и духовныя въ Константинопольскомъ патріархатѣ турецкаго періода [1]).

(Изъ исторіи Грековосточной церкви отъ паденія Константинополя, въ 1453 году, до настоящаго времени).

«Еслибы меня спросили: kakie столпы церкви и государства, я отвѣчалъ бы: во первыхъ училища, во вторыхъ училища и въ третьихъ училища».

Митрополитъ Паисій Лигаридъ.

I.

(Свѣдѣнія о литературѣ предмета (въ примѣчаніи).—Степень, на которой стояло образованіе у Грековъ въ продолженіе турецкаго періода греческой церкви;—сѣтованія ихъ по этому случаю на турецкое владычество;—необходимыя ограниченія подобнаго рода сѣтованій. — Общеобразовательныя школы.—Школы нисшія или тривіальныя, значеніе послѣдняго термина, общія свѣдѣнія о нихъ, сходство ихъ съ нашими т. н. церковно-приходскими школами, свидѣтельства о тривіальныхъ школахъ XVI-го, XVII—XVIII-го и

---

[1]) Сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о литературѣ и пособіяхъ относительно, поставленнаго нами въ заголовкѣ, вопроса. 1) Μανουὴλ Γεδεών. Χρονικα τῆς πατριαρχικῆς Ακαδημίας (Мануила Гедеона. «Хроника патріаршей Академіи», съ пояснительнымъ замѣчаніемъ автора: «Историческія свѣдѣнія о великой національной школѣ», 1454—1830 года). Константинополь, 1883. Сочиненіе Гедеона, трудолюбиваго и ученаго греческаго писателя нашего времени, должно быть для насъ очень полезнымъ руководствомъ, оно касается очень любопытнаго для насъ предмета и довольно обстоятельно, со всѣми указателями и приложеніями оно заключаетъ въ себѣ 270 страницъ. Къ сожалѣнію, въ греческомъ ученомъ мірѣ книга Гедеона ставится невысоko по ея достоинствамъ, и иногда о ней встрѣчаются очень суровые приговоры. Для ознакомленія со взглядами греческой науки на книгу Гедеона считаемъ умѣстнымъ представить здѣсь нѣкоторыя критическія замѣчанія Матѳея Параники. Замѣчанія Параники на книгу Гедеона напечатаны въ Константинопольскомъ безсрочномъ журналѣ, издаваемомъ греческимъ ученымъ обществомъ: Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος (рѣдкое изданіе). Статья Параники напечатана въ XIX-мъ томѣ этого изданія за 1884/5 года. (Παρανίκας. Περὶ τῆς ἐν Κωνσταντινοπόλει πατριαρχικῆς σχολῆς, σελ.

XIX-го вѣковъ.—Среднія школы или греческія гимназіи, извѣстія о нихъ Александра Элладія, критическія замѣчанія по поводу этихъ извѣстій, вопросъ: какъ высоко онѣ стояли, какъ образовательныя учрежденія, религіозно-учебная сторона въ нихъ;—впечатлѣнія отъ такихъ школъ XIX-го вѣка.— Патріаршая школа или «Академія».—Возникновеніе ея при первомъ патріархѣ турецкой эпохи, Геннадіи Схоларіи,—свѣдѣнія о двухъ первыхъ учителяхъ школы (XV-го и нач. XVI-го в.), характеристика направленія ихъ мысли;—

1—19: Параника. О Константинопольской патріаршей школѣ). Вотъ главное содержаніе критическихъ замѣчаній указаннаго ученаго. Гедеонъ очень высоко ставитъ значеніе патріаршей школы для развитія греческаго образованія и готовъ смотрѣть на эту «академію», какъ на своего рода университетъ. Параника же находитъ, что патріаршая школа въ отношеніи къ первымъ вѣкамъ ея бытія не имѣетъ никакой важности. Школа, говоритъ онъ, въ теченіе несчастныхъ вѣковъ (15, 16 и отчасти 17-го) имѣла только по одному учителю въ то или другое время, учениковъ же въ ней было 5, 6, 8 и много 15. Университетомъ также эта школа никогда не была, прибавляетъ онъ, какъ не есть и теперь. Въ особенности подробно Параника останавливается на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ Гедеономъ, о состояніи школы въ XVI-мъ вѣкѣ. Такъ Гедеонъ приписываетъ чрезвычайно важную роль Ѳеофану Элеавулку, утверждая, что онъ былъ «вселенскимъ архидидаскаломъ» школы въ концѣ второй половины XVI-го вѣка. Параника же опровергаетъ сообщеніе Гедеона и пишетъ: «историкъ Дороѳей Монемвасійскій (XVI в.) говоритъ, что Ѳеофанъ Элеавулкъ былъ священно-проповѣдникомъ при храмѣ Хрисопиги въ Галатѣ и имѣлъ учениковъ; но что это за ученики? Это не дѣти въ школѣ, а взрослые іеромонахи и монахи, приходившіе въ его келлію. Ѳеодосій Зигомала пишетъ къ тюбингенскому профессору Крузію: «въ Константинополѣ (въ 1597 г.) находились ученики Ѳеофана іеромонахи и монахи, до 30-ти человѣкъ» (Turcograecia 216). Но отсюда, замѣчаетъ Параника, видно, что Ѳеофанъ опять-таки училъ не дѣтей и юношей, а приходящихъ къ нему іеромонаховъ и монаховъ; это было въ обычаяхъ древности (какъ было еще и недавно), что одинъ, двое или больше приходили на домъ какого-либо учителя и слушали его». Пойдемъ далѣе за Параникой. Правда-ли, спрашиваетъ онъ, что Леонардъ Миндоній и Симеонъ Кавасила были, какъ утверждаетъ Гедеонъ, преподавателями патріаршей школы (первый съ 1578 года, а второй съ 1577 по 1588) и отвѣчаетъ: нѣтъ и нѣтъ. Что касается Миндонія, то и въ «Туркогреціи» (Крузія) говорится о немъ другое. А именно, разъясняетъ критикъ, здѣсь говорится, что Миндоній изъяснялъ патріарху Іереміи II-му commentaria Аммонія и риторику Гермогена, а объ Іоаннѣ Зигомалѣ говорится, что онъ изъяснялъ патріарху же діалектику, поику и риторику. Отсюда Гедеонъ выводитъ заключеніе, что Іеремія сдѣлался ученикомъ патріаршей Академіи и что она, значитъ, имѣла въ это время блестящую фалангу учениковъ. Но это неправда. Изъ словъ «Туркогреціи» видно, что патріархъ частнымъ образомъ интересовался указанными авторами и науками и для разъясненія своихъ недоумѣній обращался или къ Миндонію, своему врачу, или же къ Зигомалѣ—и только. А о Симеонѣ Кавасилѣ, пишетъ критикъ, Гедеонъ заявляетъ, что будто онъ подъ руководительствомъ Іоанна и Ѳеодосія Зигомалы преподавалъ въ Академіи физико-математическія науки; но въ этомъ случаѣ историкъ академіи просто исказилъ слова «Туркогреціи» (p. 495—500), изъ которыхъ открывается, что онъ преподавалъ лишь, что называется,—rudimenta linguae graecae. Подводя итогъ сообщеній Гедеона о второй половинѣ XVI-го вѣка, критикъ замѣчаетъ: перечисляя та-

заботы патр. Діонисія 2-го о благоустроеніи школы и результаты этихъ заботъ (сред. XVI-го в.);—письмо патр. Іоасафа 2-го къ царю Іоанну Грозному съ описаніемъ состоянія школы, критика содержанія письма,—неудовлетворительное положеніе школы въ 70-хъ годахъ XVI-го вѣка,—запустѣніе ея въ концѣ вѣка;—не имѣвшія благихъ послѣдствій заботы о школѣ въ началѣ XVII-го в.,—улучшеніе дѣла со временъ патріарха Кирилла Лукариса,—

кихъ (плохихъ) учителей, какъ Кавасила, Мануилъ Малаксъ, историкъ патріаршей школы до небесъ возноситъ академію XVI-го вѣка, а учителей и ихъ питомцевъ признаетъ великими πανοπλῖται, обогащенными божественной и мірской премудростію и ихъ же именуетъ полубогами (ἡμίθεοι); и когда—подумаешь—жили эти паноплиты и полубоги, заявляетъ Параника, около 1580—1600 годовъ, когда въ Греціи никто не прилежалъ ни къ книгамъ, ни къ наукамъ». Съ такою же строгостью Параника разбираетъ результаты книги Гедеона и по отношеніи XVII, XVIII и XIX-го вѣковъ и приходитъ къ тому выводу, что въ разбираемомъ имъ сочиненіи мало новаго и столько же немного достовѣрнаго.—Мы очень благодарны Параникѣ за то, что онъ предостерегъ насъ отъ увлеченій книгой Гедеона и намѣтилъ для насъ болѣе правильную точку зрѣнія на историческое значеніе пресловутой патріаршей школы. Конечно, мы не можемъ обойтись безъ книги Гедеона, но станемъ пользоваться ею съ осторожностію, принимая во вниманіе духъ эпохи, о которой говоритъ историкъ школы, и достоинство свидѣтельствъ, на которыя онъ опирается въ своихъ сообщеніяхъ.—2) Chassiotis. L'instruction publique chez les Grecs. Depuis la prise de Constantinople par les Turce jusqu' a nos jours. (Шазіотисъ. Общественное образованіе у Грековъ—отъ завоеванія Константинополя Турками до нашего времени). Парижъ, 1881. Авторъ книги лице авторитетное по части предмета его ученой работы; онъ директоръ греческаго лицея въ Перѣ, въ Константинополѣ. Книга посвящена исторіи школъ, но для насъ она полезна только отчасти, потому что больше всего она говоритъ о школахъ греческаго королевства. Тѣмъ не менѣе она можетъ оказать намъ услугу. Она устанавливаетъ болѣе безпристрастный и правильный взглядъ на исторію первоначальнаго образованія Константинопольскаго патріархата, богата статистическими данными о количествѣ учениковъ извѣстной школы въ разное время. Такъ авторъ приводитъ подобныя статистическія данныя для богословскаго факультета въ Аѳинахъ и Ризарьевской семинаріи тамъ же, а эти указанія для насъ очень цѣнны, такъ какъ мы должны будемъ коснуться этихъ учебныхъ учрежденій въ нашемъ очеркѣ. Отсутствіе увлеченій и панигиризма составляетъ основную черту разсматриваемой книги.—3) Alexander Helladius. Status praesens ecclesiae Graecae. (Элладія. Теперешнее состояніе греческой церкви). Петербургъ, 1714 г. Въ этой книгѣ греческаго писателя отведено нѣсколько главъ описанію современнаго автору состоянія низшихъ и среднихъ греческихъ школъ. Свѣдѣнія объ авторѣ и сужденія о достоинствахъ его книги помѣщены выше стр. 81—83. Къ извѣстіямъ Элладія мы относились здѣсь скептично; новый просмотръ его книги и вторичная оцѣнка его сообщеній не измѣнили нашего прежняго взгляда на это литературное произведеніе.—4) Проф. Е. Е. Голубинскаго. Статья въ журналѣ *Православное обозрѣніе*: «Очеркъ исторіи просвѣщенія у Грековъ со времени взятія Константинополя Турками до настоящаго (XIX) столѣтія. I. школы (1872, т. I). Авторъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ составить возможно полный списокъ школъ, на основаніи тѣхъ книгъ, какія у него были подъ руками. Самой исторіи школъ онъ мало касается, наприм. патріаршую школу описываетъ на трехъ страницахъ.

замѣчательнѣйшіе учителя XVII-го в.,—опять запустѣніе;—прозябаніе школы въ 1-ой полов. XVIII в.,—цвѣтущее, хотя и на краткое время, состояніе ея при Евгеніи Булгарисѣ (сред. XVIII в.),—упадокъ школы къ концу вѣка,—разныя черты изъ внутренней жизни школы въ XVIII вѣкѣ;—замѣчательные учителя въ школѣ XIX-го вѣка,—подробныя свѣдѣнія о учителѣ и схолархѣ Филоѳеѣ Вріенніи (митроп. Никомидійскомъ),—сообщеніе извѣстій о внутреннемъ состояніи школы за XIX-ый вѣкъ;—патріаршая школа изъ грязной и неумытой, какою она была еще въ 60-хъ годахъ XIX вѣка, позднѣе (недавно) становится со внѣшней стороны подобною дворцу, по увѣренію историка Гедеона).

Школьное образованіе и духовное просвѣщеніе Константинопольской іерархіи и клира, отъ паденія Византіи вплоть до ближайшаго къ намъ времени, представляютъ мало привлекательнаго. Больше всего слышится сѣтованій и жалобъ на недостатки интеллектуальнаго состоянія Греческой церкви. Это и неудивительно; греческое духовенство даже Константинопольскаго патріархата мало показывало заботливости о наилучшемъ положеніи религіозно-научнаго образованія въ своей средѣ.

Съ самыхъ первыхъ поръ порабощенія Грековъ Турками болѣе образованные и просвѣщенные люди предвидѣли, что дѣло просвѣщенія въ Греціи теперь затормозится. Но только напрасно было бы всю вину такого явле-

---

А о Патмосской школѣ только упоминается (стр. 714), хотя у автора имѣлись книги, знакомящія съ исторіей школы. Очевидно, это дѣло не входило въ его планъ. Свѣдѣнія о низшихъ и среднихъ греческихъ школахъ онъ заимствуетъ у Элладія. Литература вопроса съ того времени, какъ писалъ г. Голубинскій, значительно возросла—5) Проф. А. А. Дмитріевскаго. Статья въ журналѣ *Труды Кіев. Дух. Академіи*: «Іоанно-Богословскій монастырь на о. Патмосѣ» (1892, т. III). Значительная часть статьи («рѣчи») трактуетъ о Патмосской школѣ. Статья эта потомъ вошла въ составъ книги автора: «Патмосскіе очерки» (Кіевъ, 1894), причемъ собственно изслѣдованіе о школѣ заняло 3-ю главу, подъ именемъ: «Патмосская Академія» (стр. 108—167). Это заслуживающая похвалы работа. Въ основу положены извѣстія русскаго пилигрима XVIII-го вѣка Григоровича — Барскаго, но они иллюстрированы личными изысканіями автора на Патмосѣ, и сообщеніями, находимыми въ греческой литературѣ послѣдняго времени. Почтенный ученый держится очень оптимистическаго взгляда на значеніе школы, но, кажется, возможенъ и нѣсколько другой взглядъ на описанный имъ предметъ.—Другія пособія касательно вышеупомянутыхъ школъ будутъ указаны нами въ своемъ мѣстѣ, въ самыхъ очеркахъ.—6) Что касается духовныхъ школъ, то мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи ни одного опредѣленнаго пособія. Приходится пользоваться извѣстіями, разсѣянными въ разныхъ книгахъ, и даже газетахъ (наприм., въ греческой газетѣ: «Церковн. истина», «Церк. Вѣдом.», «Церк. Вѣстникъ»). Къ нашему утѣшенію, мы имѣемъ по крайней мѣрѣ «уставъ» Халкинской духовной семинаріи на греческомъ языкѣ.

нія сваливать, какъ обыкновенно дѣлаютъ сами Греки и иноземцы грекофилы, на поработителей греческаго народа: Турки весьма мало препятствовали Грекамъ пещись о насажденіи и развитіи просвѣщенія.

Оплакивая бѣдствія турецкаго порабощенія, первый Константинопольскій патріархъ турецкой эпохи Геннадій Схоларій восклицалъ: „гдѣ теперь у насъ училища мудрости" (ποῦ παιδευτήρια τῆς σοφίας) [1])? Просвѣщенный Эней Сильвій, впослѣдствіи папа Пій II (1458—64 г.) въ своей „рѣчи о Константинопольскомъ пораженіи" говоритъ: „теперь, когда Турки завладѣли всѣмъ, что нѣкогда держали въ своей власти Греки, боюсь, чтобы не насталъ конецъ греческому образованію" [2]). Впослѣдствіи же сдѣлалось общимъ правиломъ, что Греки, смотря на упадокъ просвѣщенія у нихъ, изливали свои сѣтованія на Турокъ, какъ на главныхъ виновниковъ въ этомъ случаѣ. Ученый Грекъ изъ Крита (кон. XV в. и нач. XVI) писалъ: „только немногіе образованные люди спаслись у насъ, какъ нѣкоторая искра отъ прежняго счастливаго времени; прочихъ же и напрасно упрекать за то, что они не покупаютъ книгъ и не учатся: они занимаются снискиваніемъ необходимаго пропитанія, стараются выплатить варвару тяжелую подать" [3]). Въ такомъ же родѣ встрѣчаемъ жалобы на Турокъ—притѣснителей, какъ на препятствія къ научному преспѣянію Грековъ и у извѣстнаго Ѳеодосія Зигомалы, просвѣщеннаго греческаго писателя, сподвижника патріарха Іереміи II, Ѳеодосія, писавшаго во второй половинѣ XVI вѣка къ протестантскому профессору Крузію слѣдующимъ образомъ: „имѣя свое царство, вы имѣете и мудрость. Одно нуждается въ другомъ, какъ тѣло въ душѣ и душа въ тѣлѣ. Мы же, несчастные Греки, въ другомъ положеніи. Съ тѣхъ поръ какъ мы потеряли царство, потеряна нами и мудрость. Долго живя среди варваровъ, мы и сами стали варварами. Нельзя намъ и глазъ поднять по причинѣ множества бѣдствій, нами претерпѣваемыхъ". „Иго порабощенія наложено агарянами на гре-

[1]) Crusii, Turcograecia, pag. 100. Basiliae, 1584.
[2]) Малышевскаго. Мелетій Пигасъ, патр. Александрійскій, стр. 52. Кіевъ, 1872.
[3]) Turcograecia, p. 492.

ческія земли, говоритъ онъ еще, и не остается тамъ мѣста для свободныхъ наукъ, развѣ кой-гдѣ найдется кто-либо ими занимающійся. А причиной этого—то, что Грековъ угнетаютъ бѣдствія и тяжкая нужда снискивать пищу и одежду" [1]). Въ дальнѣйшія времена Греки постоянно повторяютъ подобныя же іереміады, но останавливаться на нихъ нѣтъ надобности. Со словъ Грековъ тѣже рѣчи слышаться и у иностранцевъ—грекофиловъ позднѣйшихъ вѣковъ [2]).

Какъ судить объ этого рода скорбныхъ извѣстіяхъ греческихъ писателей? Дѣйствительно ли Турки суть виновники малаго процвѣтанія науки у Грековъ въ турецкія времена? Мы очень сомнѣваемся въ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мало претерпѣли преслѣдованій и гоненій первые христіане, во времена владычества языческихъ—римскихъ императоровъ? Тѣмъ не менѣе въ эту эпоху христіанская наука древности достигла быть можетъ высшаго развитія и во всякомъ случаѣ замѣчательнѣйшаго; не тогда ли жили Ириней, Юлій Африканъ, Тертулліанъ, Климентъ и Оригенъ, Ипполитъ, Лукіанъ да и самъ Евсевій... Впрочемъ наше сужденіе пріобрѣтетъ прочность и убѣдительность только тогда, когда мы потвердимъ его заслуживающими вниманія свидѣтельствами; а въ такихъ свидѣтельствахъ мы не чувствуемъ недостатка. Заимствуемъ эти показанія изъ той самой среды, о которой у насъ идетъ рѣчь. Греческій ученый нашего времени Гедеонъ, изображая состояніе просвѣщенія въ Константинополѣ за вторую половину XVI вѣка, пишетъ: „долгъ историка не пропуститъ слова благодарности со стороны школы, церкви и народа нашего (греческаго) и по отношенію къ нашей власти (турецкой), которая *никогда* не ставила препятствій народному образованію, и даже болѣе — въ послѣдующія времена поддерживала у насъ интеллектуальное движеніе (τὴν πνευματικὴν κίνησιν) и особенно дѣло обученія въ патріаршей Академіи" въ Константинополѣ [3]). Можно, конечно, подумать, что Гедеонъ, издавая свою

[1]) Turcograecia, p. 94 et cet.

[2]) Къ числу такихъ филэллиновъ съ правомъ можно относить и г. Малышевскаго, автора сочиненія: «Мелетій Пигасъ» (passim).

[3]) Γεδεών. Χρονικὰ τῆς πατριαρχικῆς Ἀκαδημίας, σελ. 52.

книгу, изъ которой мы заимствуемъ указаніе, въ столицѣ Турціи, желалъ польстить предержащей мусульманской власти; но такое мнѣніе едва ли заслуживаетъ уваженія. Едва ли Турки прочтутъ такое спеціальное сочиненіе, какъ сочиненіе Гедеона; да и помѣщено это указаніе не на такомъ видномъ мѣстѣ, чтобы обратить на себя вниманіе. Намъ представляется, что, пиша вышеприведенныя строки, Гедеонъ говоритъ какъ безпристрастный „историкъ", который не встрѣчалъ въ исторіи Константинопольской церкви фактовъ, свидѣтельствующихъ о враждебности Турокъ въ отношеніи къ греческому просвѣщенію, да подобныхъ фактовъ, кажется, и на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Затѣмъ прислушиваемся къ одному голосу, относящемуся къ XVIII вѣку и принадлежащему нѣкоему патріарху восточной церкви (впрочемъ не Греку). Въ полуоффиціальной запискѣ, представленной имъ въ 1771 году русскому начальству, значилось: „такъ какъ въ странахъ Грековъ съ самаго завоеванія не было войнъ противъ Турокъ, то Греки вполнѣ уладили свои отношенія къ Туркамъ, которые смотрятъ на нихъ, какъ на своихъ вѣрнѣйшихъ подданныхъ. У Грековъ, поэтому повсюду есть свои школы и они могутъ учиться по книгамъ, гдѣ кому угодно. Всюду Турки не запрещаютъ ученье въ греческихъ школахъ" [1]). Наконецъ, въ самое недавнее время въ одномъ торжественномъ засѣданіи въ Константинополѣ, такъ сказать въ слухъ патріарха и прочихъ Грековъ, возвѣщалось: „долженъ разсѣяться предразсудокъ, будто Турки вводили въ принципѣ уничтоженіе образованія среди покоренныхъ ими народовъ. Наоборотъ, Турки дорожили просвѣщеніемъ подвластныхъ имъ народовъ и сохранили почти неприкосновеннымъ то, что у нихъ нашли" [2]).

Слѣдовательно, если въ разсматриваемыя времена просвѣщеніе не достаточно процвѣтало у Грековъ, то отвѣтственность за это болѣе всѣхъ должны нести сами же они.

---

[1]) Костадина. Цареградская патріархія и православіе въ европейской Турціи. Переводъ, стр. 24—26. Петерб., 1896.

[2]) Изъ реферата, прочитаннаго въ русск. археологическомъ институтѣ въ Константинополѣ. «Церк. Вѣдомости», 1897 г., № 29, стр. 1006.

Сообразно церковно-историческимъ задачамъ, которыя мы имѣемъ въ виду, намъ слѣдуетъ сказать о тѣхъ школахъ, какія приготовляли или могли приготовлять греческихъ дѣтей и юношей къ прохожденію собственно пастырскаго служенія въ Константинопольскомъ патріархатѣ. До половины XIX-го вѣка здѣсь не существовало сколько-нибудь значительныхъ школъ въ родѣ нашихъ духовныхъ семинарій и тѣмъ менѣе въ родѣ духовныхъ академій съ ихъ строго-опредѣленнымъ назначеніемъ; почему пастыри церкви здѣсь въ теченіе сейчасъ указаннаго времени подготовлялись къ своей должности въ школахъ, имѣвшихъ цѣлью давать общее образованіе греческимъ ученикамъ.

Къ сожалѣнію, эти школы для народнаго образованія не отличались особымъ благоустроеніемъ. Хотя Константинопольскій патріархъ и не былъ бѣденъ подобными школами, но научное образованіе въ нихъ стояло на очень невысокой степени, было вообще очень недостаточно. И отвѣтственность за это лежитъ главнымъ образомъ на патріархіи, такъ какъ по турецкимъ государственнымъ законамъ учрежденіе греческихъ школъ и надзоръ за ними на ряду со многими другими функціями принадлежатъ патріархіи [1]).

Самую важную услугу духовному образованію, какъ разсадникъ пастырей церкви, оказали такъ называемыя нисшія (первоначальныя) школы, которыя носили имя тривіальныхъ—triviales. Странное наименованіе это ведетъ свое начало изъ временъ глубокой древности и возникло такъ: въ древнемъ Римѣ былъ обычай устроять школы на перекресткахъ улицъ—in triviis. Поэтому всѣ вообще элементарныя школы въ греко-римскомъ мірѣ стали назы-

---

[1]) Проф. Бердниковъ въ статьѣ: «Церковное право Православной церкви» пишетъ: «православная община (церковь) въ Турціи имѣетъ право открывать школы и вести въ нихъ преподаваніе безъ всякаго контроля со стороны правительства. Внутреннее управленіе школами, подвѣдомыми Константинопольской патріархіи, принадлежитъ самой патріархіи и ввѣрено патріаршему учебному комитету. Этотъ комитетъ завѣдуетъ учрежденіемъ школъ въ столицѣ и провинціяхъ, испытываетъ способности и качества лицъ, принимающихъ на себя дѣло обученія, разсматриваетъ отчеты о состояніи школъ, разсматриваетъ и одобряетъ къ употребленію въ школахъ учебники и учебныя пособія» и проч. (Православный Собесѣдникъ, 1890 г., т. II, 128—129).

ваться: triviales. Греческія школы этого рода первоначально заводились при храмахъ епископскихъ, вслѣдствіе потребности имѣть грамотныхъ священниковъ, а потомъ и вообще при храмахъ, въ цѣляхъ удовлетворенія потребности первоначальнаго христіанскаго образованія. Причемъ часто и самый храмъ отводился подъ школу, но конечно въ томъ случаѣ, если не имѣлось другаго зданія, которое могло бы быть употреблено для данной цѣли. Такое обращеніе храма въ училище хотя и не противорѣчитъ церковнымъ правиламъ (см. Трульскаго собора пр. 88), тѣмъ не менѣе обычай свидѣтельствуетъ о плохомъ положеніи первоначальнаго образованія. Такъ какъ училище помѣщалось при храмѣ и въ храмѣ, то въ связи съ этимъ и учителемъ чаще всего былъ мѣстный священникъ (или даже монахъ), но разумѣется, были и такія первоначальныя школы, въ которыхъ учителемъ состояло отдѣльное лице. Значеніе этихъ школъ заключалось въ томъ, что ихъ могло быть много, что онѣ могли возникать не только въ городахъ, но и селеніяхъ. Разсматриваемыя школы смѣло могутъ быть названы современнымъ выраженіемъ: „церковно-приходскія школы“. Программа преподаванія въ школахъ тривіальныхъ была очень несложна: послѣ того какъ мальчики научались чтенію и письму, они изучали, т. е. научались читать, октоихъ Дамаскина, Псалтирь Давида, затѣмъ Дѣянія и Посланія Апостольскія и наконецъ тріодь и часословъ вмѣстѣ съ Пятокнижіемъ и пророческими книгами; ко всему этому присоединялось изученіе и ариѳметики. Школьный день (а дѣти оставались въ школѣ цѣлый день) заканчивался совершеніемъ общей молитвы. Кромѣ другихъ молитвъ, читали: „пріидите поклонимся, 104 псаломъ („Исповѣдайтеся Господеви“) [1]) и т. п. Вышеуказанная программа проходилась учениками не въ годъ или въ два, но въ пять и болѣе лѣтъ. Разсматриваемыя школы Греки иронически иногда называли келлейными или монашескими, принимая во вниманіе общій характеръ и

[1]) Псаломъ этотъ своимъ содержаніемъ, какъ намъ кажется, долженъ былъ внушать греческимъ отрокамъ мысль о турецкой тираніи и пробуждать въ нихъ стремленія къ освобожденію изъ такого положенія; но предержащія власти, конечно, и не догадывались объ этомъ...

преподаванія и церковный санъ большинства учителей въ нихъ [1]). Какъ бы то ни было школы тривіальныя очень удобно могли приготовлять, если не блестящихъ образованіемъ, то во всякомъ случаѣ истовыхъ священниковъ, навыкшихъ обращаться съ богослужебными книгами и умѣвшихъ, вѣроятно, пѣть.

Если бы эти школы находились въ вѣдѣніи опытныхъ и знающихъ свое дѣло учителей и если бы они отличались благоустройствомъ, то къ нимъ можно было бы относиться только съ похвалой; но этого никогда не было: первоначальныя школы далеко отставали отъ своего идеала, даже скромнаго идеала. Вотъ свидѣтельство относительно школъ тривіальныхъ изъ второй половины XVI-го вѣка. Ученый нѣмецкій пасторъ Герлахъ, посѣщавшій въ это время Константинополь, въ маѣ 1576 года писалъ слѣдующее: „въ цѣлой Греціи науки нигдѣ не процвѣтаютъ. Академій и публичныхъ профессоровъ не имѣется; существуютъ лишь школы тривіальныя, въ которыхъ дѣти учатся читать часословъ, октоихъ, Псалтирь и другія книги, употребительныя при богослуженіи. Но однако между священниками и монахами найдешь развѣ очень немногихъ, разумѣющихъ эти книги. Если учитель получаетъ жалованье, то оно ничтожно; а священники (за обученіе дѣтей) получаютъ плату отъ учениковъ“ [2]). Панегиристъ греческихъ школъ Элладій, писавшій въ началѣ XVIII-го вѣка, и тотъ проговаривается, давая знать, что хвалимыя имъ первоначальныя школы могли бы быть лучше, когда говоритъ объ ученикахъ этихъ школъ, что они изъ школы „летятъ домой, какъ выпущенныя изъ тюрьмы“ (tanquam ex carcere liberati). Дѣти стремглавъ неслись домой не только потому, что школьная программа, какъ слишкомъ однообразная, была очень скучна, но и потому, что въ школѣ царила розга. По краснорѣчивому выраженію самого Элладія, „прутъ игралъ роль скипетра въ рукахъ учителя“, который при содѣйствіи этого ски-

[1]) Первоначальныя греческія школы подробно описаны Элладіемъ въ его извѣстномъ сочиненіи: Status praesens ecclesiae Graecae, p. 21—27 (С.-Петерб., 1714). Страницы эти въ переводѣ можно находить въ статьѣ проф. Е. Е. Голубинскаго: *Правосл. Обозр.*, 1872, т. I, 726—730.

[2]) Turcograecia, p. 205. Conf. 246.

петра не только управлялъ ученіемъ, но и дѣтскими забавами [1]). Нужно сказать, что греческіе учителя придавали какое-то особенное и даже мистическое значеніе этому скипетру. Нѣкоторые изъ этихъ учителей, наказывая школьниковъ за лѣнь и шалости, въ утѣшеніе ихъ говорили: „палка изъ рая вышла“ [2]). Не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ не очень пріятныхъ условій школьнической жизни тѣхъ временъ могло быть и то, что въ нѣкоторыхъ первоначальныхъ школахъ заставляли заучивать наизусть часословъ [3])—занятіе обременительное... Впрочемъ нѣтъ надобности особенно много пускаться въ догадки, почему школа казалась мальчикамъ чѣмъ-то въ родѣ тюрьмы, по Элладію. Мы хорошо знаемъ, что даже въ болѣе позднія времена первоначальная греческая школа весьма мало оправдывала свое назначеніе. Послушаемъ, что говоритъ знатокъ греческой жизни и греческихъ школъ, директоръ греческаго лицея въ Перѣ, авторъ сочиненія: l'instruction publique chez les Grecs. „Въ теченіе долгаго періода (1453—1821 г.) большая часть школьныхъ учрежденій были школами, извѣстными подъ именемъ scholae triviales (κοινὰ σχολεῖα), т. е.—добавляетъ онъ—общихъ элементарныхъ школъ, гдѣ обученіе держалось не на высокомъ уровнѣ; оно ограничивалось чтеніемъ церковныхъ книгъ, умѣніемъ считать и писать. Но *по правдѣ сказать*, замѣчаетъ авторъ, въ эти времена не существовало учрежденій, спеціально назначенныхъ для первоначальнаго образованія. Такими мѣстами служила или внутренность храма, при чемъ учитель, или приходскій священникъ, или даже ремесленникъ въ родѣ портнаго, а то и сапожника, окруженный многочисленными учениками, оглашаетъ своды святилища громкимъ и медленнымъ чтеніемъ; или же мѣстомъ для школы служилъ монастырь, которыхъ тогда было очень много и въ которыхъ учащееся юношество находило себѣ убѣжище. Не должно думать—присовокупляетъ авторъ,—что во всѣхъ первоначальныхъ школахъ порядокъ ученія былъ одинъ и тотъ же; обученіе видоизмѣнялось, смотря по способностямъ

[1]) Helladius, p. 22—23.
[2]) Леонтьева. Изъ жизни христіанъ въ Турціи. Т. II, стр. 177. М. 1876.
[3]) Иречекъ. Исторія Болгаръ, стр. 654. Переводъ. Одесса, 1878.

и степени образованія учителя". Характеризуя первоначальное образованіе изучаемой эпохи, тотъ же авторъ попутно указываетъ слѣдующую подробность быта малолѣтнихъ школяровъ. „Ученики вечеромъ предъ тѣмъ, какъ уйти изъ школы, всѣ вмѣстѣ по-гречески поютъ кантъ, въ которомъ между прочимъ говорится: „человѣкъ неученый подобенъ безплодному дереву, гораздо лучше украшаться образованіемъ, чѣмъ обладать золотомъ и серебромъ". Во всякомъ случаѣ—любопытная подробность! Свой очеркъ состоянія разсматриваемыхъ школъ ученый изслѣдователь заканчиваетъ слѣдующими словами: „таково было состояніе элементарныхъ школъ до начала XIX-го вѣка. Онѣ мало процвѣтали. Монахи и *епископы* очень мало занимались ими. Наставники получали ничтожное жалованье и были малообразованы: они были простыми приставниками (gardiens) при дѣтяхъ,—они—эти священники, привратники и ремесленники. Когда во Франціи народное образованіе улучшилось благодаря Ланкастерской системѣ, тогда по введеніи этой системы у Грековъ дѣло нѣсколько улучшилось (это было въ нач. XIX-го вѣка). Георгій Клеовулъ изъ Филиппополя сдѣлался первымъ проводникомъ взаимнаго обученія среди греческаго народа. Но эти учрежденія все еще были малочисленны до 1821 года, и большая часть элементарныхъ школъ, находясь вдали отъ большихъ городовъ и имѣя во главѣ ихъ невѣжественнаго учителя, оставались въ прежнемъ состояніи". Вообще, по словамъ цитируемаго ученаго, „первоначальное образованіе было и неудовлетворительно и мало распространено; народъ былъ погруженъ почти въ *полное невѣжество*" [1]).

Впрочемъ, можетъ быть, послѣ сейчасъ указаннаго времени дѣло школьнаго образованія въ Константинопольскомъ патріархатѣ улучшилось. Но въ это время въ названномъ патріархатѣ появляются собственно духовныя школы и первоначальныя школы стали имѣть второстепенное значеніе для образованія пастырей церкви. А много ли улучшились эти послѣднія школы въ теченіе XIX-го вѣка, касательно этого возможны нѣкоторыя сомнѣнія. Въ одномъ греческомъ ученомъ изданіи въ 70 годахъ, въ статьѣ

[1]) Chassiotis. L'instruction publique chez Grecs: depuis la prise de Constantinople par les Turcs jusqu'a nos jours, p. 14—16. 20. 22—24. Paris, 1881.

„о народномъ образованіи у насъ (Грековъ) отъ взятія Константинополя до нашего времени", ученый греческій авторъ, нарисовавъ печальную картину первоначальнаго образованія въ прежніе вѣка („глубокая тьма покрыла нашу священную землю—говоритъ онъ—вездѣ училища были и малы и бѣдны"), затѣмъ пишетъ: „надѣемся (только еще: надѣемся!), что уже приближается тотъ счастливый день, когда народное воспитаніе и у насъ покажетъ себя достойнымъ какъ великихъ педагогическихъ преданій нашихъ предковъ, такъ и той эпохи, въ которую мы живемъ" [1]). Sic! Значитъ, дѣла поправляются плохо—и наблюдателямъ приходится питаться сладкими мечтами.

Насколько удовлетворительны были въ прошедшіе вѣка такъ называемыя тривіальныя школы, послѣ предъидущихъ фактовъ и извѣстій это становится достаточно ясно. И тѣмъ не менѣе изъ этихъ-то школъ больше всего и выходило греческихъ священниковъ въ Константинопольскомъ патріархатѣ.

Рядомъ съ разсмотрѣнными нами тривіальными школами въ томъ же патріархатѣ существовали среднія школы или гимназіи.—Онѣ, по словамъ преосв. Порфирія (Успенскаго) [2]), устраивались на частныя средства православнаго населенія городовъ. Сюда поступали мальчики по окончаніи ученія въ тривіальномъ училищѣ. Эти гимназіи описаны писателемъ начала XVIII-го вѣка не разъ нами упомянутымъ грекомъ Александромъ Элладіемъ. Послѣдній истощается въ похвалахъ подобнымъ школамъ; а перечисляя различныя науки, ставитъ свои гимназіи такъ высоко, что мы должны были бы греческія гимназіи XVII-го и начала XVIII вѣка уравнивать и даже ставить выше нынѣшнихъ рускихъ гимназій. Но, очевидно, Грекъ-писатель изъ патріотизма сильно пріукрасилъ дѣйствительность. По словамъ Элладія тутъ изучали не только грамматику, но вполнѣ ознакомлялись съ письмами Василія Великаго, Гри-

---

[1]) Журналъ: Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος (какъ уже замѣчали, очень рѣдкое изданіе). Τόμος 8: статья Χασιότου. (Не одно ли это лице съ вышецитированнымъ Перскимъ директоромъ: Chassiotis?). Περὶ τῆς παρ᾽ ἡμῖν ἐκπαιδεύσεως κ. λ. (1873—1874 г.), σελ. 96. 129.

[2]) Сырку. Описаніе бумагъ епископа Порфирія Успенскаго, стр. 80. Петерб., 1891.

горія Богослова, Синезія Птолемаидскаго (т. е. съ наиболѣе трудными патристическими твореніями), но и изучали Аристофана, Эврипида, Софокла, Пиндара, Гомера; мало того: риторику, логику, метафизику, иѳику; и этого мало: еще и свящ. Писаніе, отчасти патристику и историковъ, какъ древнихъ свѣтскихъ (Фукидида), такъ и древне-церковныхъ (Евсевія, Сократа) [1]). Если бы такія школы дѣйствительно существовали у Грековъ назадъ тому 200 лѣтъ, то дѣло образованія стояло бы у нихъ чрезвычайно высоко, но этого не видно. А главное самъ Элладій и нѣкоторые другіе писатели ясно даютъ разумѣть, что эти школы, по крайней мѣрѣ въ то время, какое описываются у вышеупомянутаго Грека, были поставлены въ такія условія, при которыхъ онѣ не могли быть блестящими. Относительно греческихъ гимназій намъ говорятъ, что благодаря прекрасному климату Греціи гимназія не нуждалась въ благоустроенномъ зданіи, а могла существовать подъ тѣнью любаго вѣтвистаго дерева [2]). Но само по себѣ понятно, что правильно-организованнаго училища, въ родѣ дѣйствительныхъ гимназій подъ открытымъ небомъ, существовать не можетъ. Далѣе—Элладій говоритъ, что учебныхъ книгъ въ гимназіяхъ не было, а что ученики собственноручно списывали учебники. Опять: не признакъ благоустроенной школы. Далѣе—на всѣ классы извѣстной гимназіи нерѣдко существовалъ, по тому же Элладію, одинъ и единственный учитель: этотъ послѣдній ходилъ изъ класса въ классъ и училъ гимназистовъ всѣхъ классовъ заразъ всѣмъ наукамъ; а это—дѣло трудное и мудреное, которое не можетъ съ несомнѣннымъ успѣхомъ выполнять даже самый ревностный и свѣдущій наставникъ. Наконецъ, такихъ свѣдущихъ наставниковъ въ гимназіяхъ XVII вѣка едвали было много; потому что учителя въ этихъ гимназіяхъ такъ скудно были вознаграждаемы за свои труды, что они бѣжали изъ нихъ, если имъ обѣщали за тѣ же труды въ другой странѣ въ годъ 1000 грошей (піастровъ), т. е. 55 рублей вознагражденія. (Разу-

---

[1]) Helladii, p. 42—43. 54—55. 59—60. См. также статью проф. Е. Е. Голубинскаго: *Правосл. Обозрѣн.*, 1872, т. I, 716—722.

[2]) См. сейчасъ упомянутую статью въ *Правосл. Обозр.*, стр. 722.

мѣемъ дѣйствительный случай изъ эпохи XVII-го вѣка)[1]. Значитъ, гимназіи эти не могли имѣть хорошихъ учителей. Нельзя конечно отрицать, что гимназіи, и притомъ недурныя въ научномъ отношеніи, встрѣчались у Грековъ, но ихъ могло быть такъ мало, что онѣ должны были представлять счастливое исключеніе, да и притомъ остается еще вопросъ: служили ли онѣ интересамъ духовнаго просвѣщенія, давали ли кандидатовъ на священство? Правда, Элладій, какъ онъ говоритъ, зналъ одного ученика гимназіи, который составилъ похвальное слово на праздникъ пророка Иліи, смастеривъ его изъ однѣхъ фразъ языческихъ писателей Лукіана и Аристофана, но это скорѣе курьезъ, чѣмъ какое-либо доказательство, могущее указывать на пользу этихъ гимназій для духовнаго просвѣщенія. Важнѣе, конечно, то, что, по словамъ Элладія, въ разсматриваемыхъ школахъ имѣли мѣсто уроки по богословію, которые хотя изрѣдка преподавались даже мѣстнымъ епископомъ; но простирались ли эти уроки на дѣлѣ дальше простаго катехизиса—изъ словъ Элладія не достаточно видно [2]). Во всякомъ случаѣ воспитанники греческихъ гимназій обыкновенно избирали для себя свѣтскія профессіи, заканчивая для большаго успѣха курсъ даже заграницей. Итакъ, мы полагаемъ, что гимназій съ такимъ блестящимъ курсомъ, какъ описываетъ Элладій, или совсѣмъ не было въ XVII-мъ и началѣ XVIII-го вѣка, или если онѣ и встрѣчались, то въ видѣ исключенія. Вообще многознаменовательнымъ наименованіемъ—гимназія нельзя слишкомъ обольщаться, когда это названіе встрѣчаемъ въ извѣстіяхъ, относящихся къ Константинопольскому патріархату, ибо здѣсь даже въ первой половинѣ XIX-го вѣка гимназіями, по увѣренію туземныхъ наблюдателей, назывались и такія школы, которыя „на самомъ дѣлѣ были хуже уѣздныхъ училищъ и которыя справедливо можно называть приходскими училищами“ [3]).—Впрочемъ мы не можемъ похвалиться обиліемъ свѣдѣній о греческихъ гимназіяхъ позднѣйшаго времени, т. е. XIX-го сто-

---

[1]) Σάθα Νεοελληνικὴ φιλολογία: Βιογραφίαι τῶν διαλαμψάντων Ἑλλήνων, σελ. 377. Αθηνα, 1868.

[2]) Helladii, p. 54. 58.

[3]) Петрова, проф. Начало греко-восточной распри, стр. 9. Кіевъ, 1886.

лѣтія. Но если что и знаемъ, то это не служитъ къ славѣ разсматриваемыхъ учебныхъ заведеній. Одинъ русскій путешественникъ въ 60-хъ годахъ, изучая страну Румелійскую, посѣтилъ тамъ Янинскую гимназію, „эту—какъ выражается онъ—купель (?) возродившагося на нашихъ глазахъ эллинства" и нашелъ зданіе, гдѣ помѣщалась „именитая" гимназія", „сырымъ, темнымъ и неумытымъ". „Здѣсь, по словамъ путешественника, никто не думаетъ обитель музъ сдѣлать привлекательною, заманивающею однимъ своимъ видомъ къ себѣ юное воображеніе, а съ нимъ и сердце. Наукѣ, какъ Иракловой неодѣтой истинѣ, предоставляется, какъ видно, тутъ самой завлекать любознательную юность. И что-же? Она дѣйствительно стремится такъ сказать безъ оглядки туда, гдѣ я, даже однихъ съ нею лѣтъ будучи, безъ тоски не просидѣлъ бы и 10 минутъ". Единственно за что желалъ бы похвалить эту гимназію нашъ путешественникъ—это за отсутствіе въ ней всякой формалистики. Янинская гимназія „по сравненію съ Аѳинскими учебными заведеніями казалась, по выраженію описателя, историческою ветошью" [1]). Другой русскій ученый путешественникъ 40-хъ годовъ, на основаніи обстоятельныхъ наблюденій надъ состояніемъ греческихъ училищъ (въ Болгаріи) заявлялъ: „кругъ ученія греческихъ гимназій довольно обширенъ, но одностороненъ. Направленіе ученія риторическое. Школьная любовь къ эллинизму, безъ послѣдовательнаго изученія его, довольствующаяся отрывками, порождаетъ лишь ограниченное, одностороннее образованіе, близкое къ невѣжеству. Слѣдствіемъ этого бываетъ педантизмъ, напыщенность—отъ смѣшаннаго желанія примѣшивать къ простому разговору древнія эллинскія фразы, и наконецъ презрѣніе къ обыкновенному, но полезному знанію. Дидаскаламъ кажется лучшимъ затвердить на показъ кое-что о состояніи страны (Греціи?), какое существовало за 2000 лѣтъ, чѣмъ, оставивъ притязаніе на знаніе древности, ознакомиться съ современнымъ его положеніемъ. Византійское высокомѣріе, признающее достоинства человѣка лишь въ видѣ Грека, продолжаетъ посѣвать между христіанами самыя не гу-

[1]) Архимaнд. Антонина, покойнаго начальника русской миссіи въ Іерусалимѣ. «Изъ Румеліи», стр. 275. С.-Петерб., 1886.

манныя понятія" [1]). Вообще сущность греческаго образованія, по увѣренію того-же свидѣтеля, сводится къ слѣдующему: „стоитъ только умѣть забрасывать (древне) греческими фразами, чтобы перестать быть невѣжей" [2]). Значитъ, „сырыя и темныя" помѣщенія греческихъ гимназій ктому же давали нерѣдко и въ нашъ вѣкъ подлинно—превратное образованіе своимъ питомцамъ. Но, конечно, нѣтъ правилъ безъ исключенія: вѣроятно, существуютъ въ Турецкой Греціи и вполнѣ отвѣчающія своей задачѣ гимназіи. Во всякомъ случаѣ наименованіе: гимназіи въ приложеніи къ этимъ учрежденіямъ въ разсматриваемой странѣ могутъ говорить уму и сердцу историка и очень много, и очень мало.

Сообщимъ свѣдѣнія о тѣхъ школахъ общеобразовательнаго типа въ константинопольскомъ патріархатѣ, которыя получили громкое имя Академій.

Здѣсь первое мѣсто должна занять патріаршая Константинопольская Академія, которая также называется великою народной школой, общей народной школой или же великимъ народнымъ музеемъ. Правильнѣе и проще будетъ называть ее: патріаршей школой.

Патріаршая школа существовала во все время турецкаго владычества, начиная отъ паденія Константинополя (въ 1453 г.) и существуетъ въ настоящее время. Судьба ея въ разные періоды ея существованія была различна. Но всегда она находилась подъ особеннымъ ближайшимъ наблюденіемъ и управленіемъ Константинопольскаго патріарха, почему и называется „патріаршею". Число наставниковъ въ ней не всегда было одинаково. Большею частію, по крайней мѣрѣ въ первые вѣка ея существованія, она имѣла одного наставника, но бывало таковыхъ и по нѣскольку заразъ и школа пріобрѣтала видъ благо-

---

[1]) Мало того: «не гуманныя понятія»,—надменіе эллинизмомъ доводитъ Грековъ до прямаго богохульства. Разъ одинъ греческій архіерей, въ недавнее время, взялъ темой своей публичной лекціи: значеніе эллинизма для христіанства, и въ этой лекціи между прочимъ, но не случайно, употребилъ такую фразу: «не будь эллинизма, христіанство осталось бы простой еврейской сектой» (!!). (Архиманд. Сергія). «Изъ церковно-религіозной жизни Греціи». *Церковный Вѣстникъ*, 1896 г. № 48, стр. 1568.

[2]) Проф. Григоровича. Очеркъ путешествія по европейской Турціи, стр. 198—199. Казань, 1848.

устроеннаго учрежденія. Нѣтъ надобности доказывать, что въ настоящее время она вполнѣ носитъ характеръ благоустроенія. Нѣкоторые изъ преподавателей патріаршей школы достигли исторической извѣстности талантомъ преподаванія, учеными заслугами или заслугами для церкви. Наиболѣе заслуженнымъ изъ наставниковъ, по волѣ патріарховъ, давались видныя должности хартофилакса, великаго ритора, дикеофилакса, лагоѳета, протонатарія и пр., и усвоивался пышный титулъ: „ипата (т. е. главы) философовъ". Наставники школы нерѣдко были совѣтниками патріарховъ по труднымъ вопросамъ церковнаго управленія. Греческіе писатели увѣряютъ, что существовалъ обычай, вслѣдствіе котораго на мѣста наставниковъ школы призывались почти всегда питомцы этой-же школы. Изъ числа учителей школы нѣкоторые—и это случалось нерѣдко—достигали архіерейскихъ каѳедръ. Число учениковъ, какъ само по себѣ понятно, въ разное время было неодинаково. Иногда оно спускалось до нѣсколькихъ единицъ, а иногда подымалось до сотенъ. Изъ числа учениковъ школы иные впослѣдствіи занимали патріаршій престолъ самой Великой церкви. Нельзя утверждать, что школа существовала непрерывно. Отсутствіе какихъ бы то ни было извѣстій о школѣ за то или другое время изъ прожитаго періода ея, повидимому, указываетъ, что правильное теченіе школьнаго преподаванія иногда прерывалось. Это было во время смутъ въ Константинопольской церкви, или во время очень большаго упадка образованности въ ней-же. Направленіе школы было всегда консервативное: къ западной наукѣ съ ея новшествами и открытіями относились въ школѣ съ большей опаской, даже съ излишней опаской. Матеріальное состояніе школы большею частію было не блестящее. Бывали случаи, когда школа помѣщалась буквально въ лачугѣ, имѣла чуть не нищаго учителя; къ сожалѣнію, такое состояніе школы не было рѣдкимъ исключеніемъ. Впрочемъ въ настоящее время школа помѣщается въ прекрасномъ зданіи въ Константинополѣ, которое Греки съ гордостью именуютъ „дворцемъ". Всѣ эти извѣстія и указанія мы постараемся въ дальнѣйшей рѣчи подтвердить соотвѣтствующими историческими фактами и авторитетными свидѣтельствами.

Патріаршая школа открыта была еще при первомъ Костантинопольскомъ патріархѣ турецкаго періода, знаменитомъ Геннадіи Схоларіи. Первымъ наставникомъ этой школы считается Матѳей Камаріотъ. Онъ родился въ Костантинополѣ въ началѣ XV-го столѣтія. Есть основаніе думать, что должность преподавателя Камаріотъ имѣлъ и въ концѣ Византійскаго періода Константинопольской церкви: по одному, не лишенному значенія свидѣтельству, онъ былъ наставникомъ самого Геннадія въ юности и нѣкоторыхъ другихъ знатныхъ греческихъ юношей въ 1435 и слѣдующихъ годахъ. Поэтому, неудивительно, если по окрытіи патріаршей школы патріархомъ Геннадіемъ въ Константинополѣ, Камаріотъ ставится во главѣ ея, въ качествѣ въ одно и то же время и учителя и начальника въ ней [1]). Такъ какъ Камаріотъ, какъ думаютъ, умеръ въ 1490 году, то очень вѣроятно, что онъ исполнялъ должность наставника, не смотря на потерю зрѣнія подъстарость, чуть-ли не до самой его смерти. Быть можетъ непосредственнымъ преемникомъ Камаріота по должности преподавателя въ школѣ сдѣлался Мануилъ Коринѳскій изъ Пелопониса, почему онъ называется также и пелопонисцемъ. Родился онъ около средины XV-го вѣка, съ мѣста родины (Пелопониса) онъ прибылъ въ Константинополь и былъ ученикомъ Камаріота. Потомъ онъ зачисленъ былъ въ штатъ патріархіи и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался наставникомъ въ патріаршей школѣ, вѣроятнѣе всего по смерти Матѳея Камаріота [2]). Мануилъ Коринѳскій прожилъ долго, около ста лѣтъ, и пробылъ учителемъ школы до перваго патріаршествованія Іереміи І-го (1520—22 г.), а, можетъ быть, оставался въ той-же должности нѣсколько лѣтъ и позже этого времени. Перечислять сочиненія Камаріота и Мануила Коринѳскаго не станемъ (какъ не станемъ этого дѣлать, ведя разсказъ и о другихъ наставникахъ школы), признавая это дѣло безполезнымъ. Обратимъ лучше вниманіе на одно явленіе, которое намъ

---

[1]) Γεδεών. Χρονικα τῆς πατριαρχικῆς Ἀκαδημίας, σελ. 30. 32—34. Crusii, Turcograecia, p. 187.

[2]) Γεδεών, σελ. 38. 41. При этомъ случаѣ Гедеонъ говоритъ о тѣхъ должностяхъ, какія давались отъ патріарха учителямъ школы въ знакъ награды и отличія.

кажется довольно характеристическимъ для названныхъ нами этихъ двухъ лицъ. До нашего времени дошло небольшое сочиненіе Мануила Коринѳскаго: „о богоначальномъ мановеніи“ [1]), по поводу нѣкоторыхъ разсужденій Матѳея Камаріота. Сочиненіе это даетъ возможность остановить наше вниманіе на отношеніяхъ Мануила къ Камаріоту, потому что въ указанномъ сочиненіи есть нѣкоторые ясные намеки на эти отношенія. Мануилъ пишетъ, что онъ составилъ свое сочиненіе для того, чтобы „освободить душу свою отъ терзаній“, а такія терзанія причиняли Мануилу, какъ оказывается, сужденія и воззрѣнія Камаріота. „Я терзаюсь въ душѣ—говоритъ авторъ—слыша, что превосходнѣйшій мужъ (Камаріотъ) неосмотрительно отвергаетъ изложенное художественно и богомудренно нашими свят. отцами и рѣшается такъ сказать нѣсколько прикрывать тѣхъ изъ давнихъ эллинистовъ, которые въ писаніяхъ святыхъ отцевъ пытались находить примѣсь противорѣчія и невѣжества“. Въ чемъ же дѣло? Оказывается, что по мнѣнію Мануила, Камаріотъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, подобно инымъ давнимъ философамъ (Симпликію), осмѣливается „безъ околичностей“ упрекать составителей церковныхъ пѣсней частію въ противорѣчіяхъ очевидности, частію въ невѣжествѣ. Именно, по словамъ Мануила, Камаріотъ, не одобряя нѣкоторыя другія церковныя пѣсни, въ особенности нападалъ на одну стихиру въ честь Успенія Богородицы, начинающуюся словами: „По мановенію Божію, отовсюду богоносніи апостоли“ и утверждалъ, что нѣкоторыя выраженія въ этой стихирѣ употреблены „не въ надлежащемъ смыслѣ“. Камаріотъ подвергалъ критикѣ слѣдующія выраженія въ этой церковной пѣснѣ. Именно выраженіе: „превысшія небесныя силы съ Своимъ Владыкою (т. е. Христомъ) пришедше, пречистое тѣло (Богоматери) провождаху,... превыше же міра идяху и вопіяху горнѣйшимъ чиноначаліямъ“—онъ признаетъ „совсѣмъ непонятнымъ“. Онъ задавалъ вопросъ: зачѣмъ послѣ упоминанія о „превысшихъ

[1]) «Великаго ритора Мануила Пелопонесца отвѣтъ Іеропсалту о Богоначальномъ мановеніи, гдѣ то есть буквально понималъ господинъ Матѳей Камаріота». Греческій оригиналъ и переводъ. Изданіе преосвящ. Арсенія, епископа Кирилловскаго. Москва, 1894.

силахъ" (т. е. ангелахъ) указывается еще на „горнѣйшія" силы (т. е. опять на ангеловъ)? По поводу другаго выраженія пѣсни: „приснотекущаго Матерь Свѣта", какъ названа здѣсь Богородица, Камаріотъ замѣчалъ, что слова эти обнаруживаютъ „невѣжественность" писателя; ибо по разсужденію Константинопольскаго профессора, „не кстати здѣсь внесено слово: *приснотекущаго*, которое употребляется только въ рѣчи о влажной природѣ". Само собой разумѣется, что Мануилъ Коринѳскій являлся защитникомъ вышеуказанной церковной пѣсни, доказывая, что она по своему содержанію вполнѣ соотвѣтствуетъ воззрѣніямъ Діонисія Ареопагита, Григорія Богослова, Іоанна Дамаскина. Разбирая возраженія Камаріота, Мануилъ, какъ бы дѣлая выводъ изъ своихъ разсужденій, говоритъ: „сильно скорбитъ душа моя, когда слышу, что мужъ тотъ нападаетъ на сочиненія святыхъ съ рѣчами не свободными отъ нѣкоей человѣческой страсти; потому что желая, можетъ быть, показать себя многостороннимъ, нападаетъ на такого рода простоту ихъ, а между тѣмъ ему слѣдовало бы поступать наоборотъ" [1]). Изъ вышеизложеннаго препирательства Мануила съ Камаріотомъ видно, что первый учитель патріаршей школы излагаемой эпохи отличался свободно-критическимъ умомъ, а второй учитель той же школы твердо держался установившихся традицій. Доходили ли эти споры до ушей учениковъ разсматриваемой школы—мы не знаемъ, такъ какъ объ ученикахъ этихъ первыхъ учителей ничего неизвѣстно, даже численность ихъ не указана въ источникахъ.

Дальнѣйшее упоминаніе о патріаршей школѣ встрѣчаемъ въ срединѣ XVI-го вѣка. Патріархъ Діонисій II (1545—1555 г.) считается первымъ ревностнымъ покровителемъ ея послѣ временъ Геннадія Схоларія. Отъ Діонисія сохранилось письмо слѣдующаго содержанія. „Діонисій, Божіею милостію вселенскій патріархъ, возлюбленному духовному сыну нашему Эрмодору Листарху. Что ты Грекъ и любитель мудрости, объ этомъ давно дошелъ слухъ до насъ, а теперь особенно отъ митрополита Навплійскаго Михаила Софіона. Не заботясь ни о чемъ, прі-

[1]) Вышеуказанное сочиненіе Мануила Пелопонесца, стр. 3—6. 8—10. 16—17.

ѣзжай къ намъ, чтобы съ своими соотечественниками заниматься тѣмъ-же, чѣмъ ты добываешь средства къ жизни, пребывая среди латинянъ. Эти имѣютъ и другихъ учителей, Греки же еще нѣтъ. По справедливости болѣе заслуживаетъ похвалы поддерживающій то, что грозитъ паденіемъ, чѣмъ тотъ, кто держится около прочнаго и безопаснаго". Здѣсь рѣчь идетъ о Эрмодорѣ Листархѣ, родомъ изъ Закинѳа. Этотъ Листархъ получилъ образованіе въ греческой гимназіи въ Римѣ, а въ Феррарѣ изучалъ медицинскую науку. Въ этомъ послѣднемъ городѣ Листархъ впослѣдствіи занимался учительствомъ и медицинской практикой [1]). Его-то патріархъ и вызывалъ въ Константинополь. Но остается неяснымъ—для чего приглашалъ Діонисій Листарха: для того ли, чтобы преподавать медицину въ Константинополѣ, или же для того, чтобы принять на себя должность наставника въ патріаршей школѣ. Во всякомъ случаѣ не будетъ большою ошибкою принять послѣднее; потому что есть достаточныя данныя, удостовѣряющія, что названная школа при Діонисіи II вела свое дѣло достаточно правильно, почему наставникомъ въ ней могъ быть и Листархъ. По соображеніямъ Мануила Гедеона, названный ученый Грекъ могъ занять преподавательское мѣсто въ школѣ въ 1546—1547 году. А что патріаршая школа при Діонисіи не бездѣйствовала, объ этомъ удостовѣряетъ слѣдующее письмо, адресованное этому патріарху. Навплійскій протопапасъ (протопопъ) Николай прислалъ Діонисію II письмо, въ которомъ говорилъ: „Ты приложилъ попеченіе о возстановленіи того, что другіе оставляли безъ вниманія по какой-то безпечности. Разумѣю открытіе и возстановленіе въ Константинополѣ богословскихъ наукъ. Ибо безъ этихъ наукъ мы чувствуемъ слѣпоту въ своихъ очахъ" [2]). Но радость о возстановленіи школы скоро должна была превратиться въ печаль, ибо скоро начались смуты въ церкви Константинопольской и школа прекратила свое существованіе, кажется, при самомъ же Діонисіи. Къ счастію, преемникъ Діонисія II патріархъ Іоасафъ II (1555—

[1]) Γεδεών, σελ. 51.
[2]) Turcograecia, 251—252. Малышевскаго, Мелетій Пигасъ, стр. 58 (примѣч.).

1565 г.) приложилъ старанія о приведеніи школы въ возможный для того времени порядокъ. Онъ считается стольже ревностнымъ покровителемъ школы, какъ и его предшественникъ. Изъ одного письма этого Іоасафа къ нашему Іоанну Грозному открывается, что служило цѣлію обученія въ патріаршей школѣ. Патріархъ писалъ: „тутъ учатся дѣти, иноки и міряне всякаго возраста, изъ коихъ съ Божіею помощію со временемъ и по многомъ тщаніи выйдутъ архіереи и научатся достойно пасти христіанъ, какъ бывало прежде при царяхъ благочестивыхъ“ [1]). Изъ этихъ словъ Іоасафа II-го однакожъ не слѣдуетъ дѣлать заключенія, что школа патріаршая была школой духовной. Какъ кажется, патріархъ съ особеннымъ намѣреніемъ подчеркнулъ то обстоятельство, что школа могла приготовлять и лицъ духовныхъ. Онъ имѣлъ въ виду возможно больше заинтересовать русскаго царя патріаршей школой и побудить его къ большой щедрости подаяній на нужды патріархіи. Въ дѣйствительности разсматриваемая школа, какъ теперь была и послѣ оставалась школою общеобразовательною. Приводя въ порядокъ дѣла школы, патріархъ въ самый годъ своего вступленія на каѳедру патріаршую, сталъ искать и нашелъ достойнаго преподавателя для этой школы. Изъ Навпліи былъ вызванъ образованный Грекъ, очень извѣстный Іоаннъ Зигамалà, у котораго нѣкогда слушалъ уроки и самъ Іоасафъ, вѣроятно въ сейчасъ названномъ городѣ, и который сталъ совѣтникомъ многихъ патріарховъ. Іоаннъ Зигомалá, уже въ 1555 году занялъ должность преподавателя въ патріаршей школѣ; но онъ преподавалъ здѣсь не богословскія науки (которыя, кажется, въ XVI-омъ вѣкѣ и совсѣмъ не преподавались здѣсь), а былъ приглашенъ для обученія древне-греческому языку и греческой словесности [2]). Да и самъ Іоасафъ въ вышеуказанномъ письмѣ къ Грозному слегка касаясь предметовъ преподаванія въ школѣ, въ числѣ ихъ не указываетъ богословія. Въ первое время по возобновленіи ученія въ школѣ, подъ руководствомъ Зигомалы, учениковъ въ ней было немного—15 человѣкъ. Какъ пошло дѣло дальше при этомъ же наставникѣ—свѣ-

[1]) Малышевскаго. Мелетій Пигасъ, стр. 59.
[2]) Turcograecia, pag. 92, Γεδεών, σελ. 53. 56.

дѣній нѣтъ. Интересно, что въ цитируемомъ нами письмѣ Іоасафа къ нашему русскому царю говорится, будто учителей въ школѣ въ это время было нѣсколько, а не одинъ, и будто на жалованье имъ требовалось не мало денегъ. Но изъ историческихъ свидѣтельствъ не видно, чтобы въ патріаршей школѣ временъ Іоасафа были какіе-нибудь еще другіе преподаватели кромѣ единственно самого Зигомалы. Да и трудно этого ожидать при томъ оскудѣніи въ образованныхъ людяхъ, какое чувствовалось въ это время въ Константинополѣ. По словамъ Ѳеодосія Зигомалы, сына Іоанна Зигомалы, отецъ его вызванъ былъ въ Костантинополь изъ Навпліи потому, что въ бывшей столицѣ Византійскаго царства едва-ли кто могъ бы взяться за преподаваніе тѣхъ наукъ, которыя и сталъ излагать Іоаннъ Зигомала (οὐδεὶς γὰρ ἦν σχεδὸν τότε ὁ διδάσκων γράμματα) [1]). Не можетъ не возбуждать недоумѣній и еще одно замѣчаніе, встрѣчающееся все въ томъ же письмѣ Іоасафа къ царю Іоанну. Здѣсь говорится о сдѣланномъ при этомъ патріархѣ какомъ-то расширеніи зданій училищныхъ; „мы прибавили новыя келліи на училище", писалъ Іоасафъ. Изъ этихъ словъ письма, повидимому, слѣдуетъ заключать, что существовало зданіе училища еще до Іоасафа и что при содѣйствіи послѣдняго оно было значительно распространено. Но чтоже оказывается на самомъ дѣлѣ? Вотъ описаніе патріаршей школы и порядковъ въ ней, относящееся къ концу 70-хъ годовъ того-же XVI-го столѣтія. Мануилъ Малаксъ (преподаватель въ патріаршей школѣ) „уже старъ, учитъ дѣтей и юношей греческихъ въ маленькой и жалкой лачугѣ (parvula et misera casa), въ патріархіи; питается же онъ сушеной рыбой, которая развѣшана въ классной комнатѣ и которую онъ самъ себѣ варитъ; промышляетъ перепиской книгъ, а что добываетъ, то тратитъ на вино" [2]). Вотъ какой видъ имѣла именуемая даже „академіей", патріаршая школа вскорѣ послѣ правленія Іоасафа II-го. Куда же дѣвались зданія школы, бывшія до этого патріарха и имъ будто бы распространенныя? Думать, какъ иногда это дѣлаютъ, что будто рядомъ съ той школой, которая въ такомъ непри-

[1]) Turcograecia, 92.
[2]) Turcograecia, p. 185. См. выше, стр. 34—35.

глядномъ видѣ изображается Герлахомъ (а это описаніе принадлежитъ ему) существовала въ то-же время (въ 1578 г.) другая, болѣе благоустроенная, школа, какая создалась при Іоасафѣ (мнѣніе проф. Малышевскаго) [1]) не возможно, потому что новѣйшій греческій писатель Мануилъ Гедеонъ, при всемъ желаніи описать исторію патріаршей „Академіи" въ самыхъ блестящихъ чертахъ, сознается, что дѣйствительно эта школа въ указываемое Герлахомъ время помѣщалась въ жалкой лачужкѣ [2]). И это было когда-же? При знаменитомъ патріархѣ Іереміи II, при которомъ происходили продолжительныя сношенія съ учеными Тюбингенскаго университета, а греческіе ученые знакомили западный просвѣщенный міръ съ греческою новѣйшею исторіей, литературой, языкомъ, географіей, и когда съ запада приходили въ Константинополь образованные люди, чтобы узнать, что осталось здѣсь отъ прежней славы и величія... Невольно приходишь къ мысли, что и раньше временъ Іереміи II-го патріаршая школа помѣщалась тамъ же, гдѣ она помѣщалась при этомъ патріархѣ, а разсказы о томъ, что школа при Іоасафѣ была реставрирована и лучше устроена, представляются не болѣе, какъ своекорыстной реторикой. Замѣтимъ кстати: если жалкимъ и достойнымъ презрѣнія кажется учитель патріаршей школы временъ Іереміи II—Мануилъ Малаксъ, то, къ несчастію, немногимъ лучше обрисовывается современниками и Іоаннъ Зигомала,—наставникъ той-же школы при Іоасафѣ II-мъ по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но объ Іоаннѣ Зигомалѣ у насъ должна пойти нарочитая рѣчь впослѣдствіи.—Въ концѣ XVI-го вѣка патріаршая школа совсѣмъ запустѣла [3]); даже времена извѣстнаго Мелетія патріарха Александрійскаго, бывшаго въ концѣ этогоже вѣка мѣстоблюстителемъ Константинопольскаго патріаршаго престола (1597—1599 г.), не составляютъ исключенія.

Семнадцатый вѣкъ въ исторіи патріаршей школы начался очень не блестяще. Патріархъ Константинопольскій Рафаилъ II (1603—1607 г.) принималъ было мѣры къ вод-

[1]) «Мелетій Пигасъ», 60.
[2]) Γεδεών, σελ. 68.
[3]) Ibid. 73.

воренію порядка въ названной школѣ, но его старанія не имѣли успѣха. Ему не удалось сдѣлать что-либо существенное для того, чтобы „разогнать мракъ, облекающій Грековъ" [1]). Положеніе школьнаго дѣла улучшается съ тѣхъ поръ, какъ дѣлается (съ 1612 г.) Константинопольскимъ патріархомъ знаменитый Кириллъ Лукарисъ, человѣкъ, получившій хорошее западное образованіе. При немъ и по его приглашенію преподаваніе въ патріаршей школѣ принялъ на себя Θеофилъ Коридаллей. Коридаллей родился въ Аθинахъ, учился въ Венеціи и въ Падуѣ, потомъ былъ преподавателемъ въ греческой гимназіи въ Венеціи, а впослѣдствіи и въ Аθинахъ; онъ славился философскимъ образованіемъ. Началъ учительствовать въ патріаршей школѣ около 1629 года и продолжалъ нести эту должность до смерти Лукариса (1638 г.). Затѣмъ онъ долженъ былъ оставить школу, такъ какъ противъ него и его покойнаго покровителя Лукариса поднялись обвиненія въ приверженности къ протестантскимъ доктринамъ [2]). Столь же выгоднымъ пріобрѣтеніемъ для школы оказался и преемникъ Коридаллея—Іоаннъ Каріофилъ, его ученикъ въ патріаршей школѣ. Онъ сдѣлался преподавателемъ въ этой школѣ съ 1641 или 1642 года до 1665—довольно долгое время. О учености и дарованіяхъ Каріофила можно находить много похвальныхъ отзывовъ. И этотъ учитель школы, какъ и его предшественникъ, подвергся обвиненію въ усвоеніи протестантскихъ воззрѣній [3]). Нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что и Коридаллей и Каріофилъ и въ самомъ дѣлѣ были склонны и благопріятно относились къ протестантизму; но ни изъ чего не видно, что они злоупотребляли своимъ положеніемъ преподавателей школы и увлекали своихъ учениковъ на сторону протестантства. Вѣроятно, они, подобно самому Кириллу Лукарису, человѣку несомнѣнно приверженному къ протестантству, умѣли отличать свое личное дѣло—симпатизированіе новому западному вѣроученію—отъ оффиціальнаго дѣла и служенія. По крайней мѣрѣ намъ не приходилось встрѣчать въ извѣстіяхъ какихъ либо упрековъ Коридаллею и

[1]) Ibid., 71—72.
[2]) Ibid., 74—75. 77.
[3]) Ibid., 87—88.

Каріофилу за ихъ школьное преподаваніе. Преемникомъ Каріофила въ учительствѣ въ разсматриваемой школѣ былъ человѣкъ очень знаменитый среди Грековъ XVII вѣка—Александръ Маврокордато, учившійся въ разныхъ западныхъ школахъ—римскихъ, падуанскихъ и пр., а потомъ занявшій очень видный и вліятельный постъ въ турецкой администраціи—должность великаго драгомана. Преподавателемъ онъ былъ не долго, но оставилъ по себѣ прочный слѣдъ въ патріаршей школѣ, сдѣлавшись для нея ревностнымъ покровителемъ [1]). Конецъ вѣка, къ сожалѣнію, ознаменовался безпорядками въ школѣ—и виновниками этихъ безпорядковъ были ея питомцы. До насъ сохранилось нѣсколько писемъ того времени, изъ которыхъ видно, что ученики поднимали бунты противъ своихъ учителей—Герасима (Акарнана) и севаста (Киминита). Въ одномъ письмѣ Каріофила, относящемся къ 1683 году, читаемъ: „здѣшняя школа (т. е. патріаршая) въ постоянномъ волненіи и полномъ безпорядкѣ. Ученики ея возмутились противъ Герасима, осыпая его оскорбленіями. Нагло, съ важностію они говорятъ, что имѣютъ силу удалять и принимать учителей". Въ другомъ письмѣ нѣкто Спандони въ 1681—2 году писалъ: „возмутившіеся противъ васъ (Севаста) съ Герасимомъ, теперь уже три раза возставали противъ этого послѣдняго и разными нелѣпыми клеветами добились его удаленія" [2]). Послѣ этихъ безпорядковъ школа закрылась и оставалась въ запустѣніи до конца XVII-го вѣка [3]).

Другихъ какихъ-либо подробностей о школѣ патріаршей за періодъ XVII-го вѣка мы знаемъ очень мало. Есть указаніе, что въ 1663 году въ школѣ было всего 12 учениковъ. Въ этомъ вѣкѣ изъ числа ея учениковъ одинъ былъ патріархомъ—это Діонисій IV (1671—2 г., первое патріаршествованіе). Жалованье учителя школы до 1691 года получали отъ богатаго Грека Манолаки касторійца, отличавшагося любовію къ просвѣщенію и основавшаго нѣсколько греческихъ школъ въ разныхъ мѣстахъ [4]).

---

[1]) Ibid., 104—105.
[2]) Ibid., 101.
[3]) Ibid., 113. 115.
[4]) Ibid., 95. 117. 127—128.

Патріаршая школа, запустѣвшая въ послѣдней четверти XVII-го вѣка, съ наступленіемъ слѣдующаго вѣка снова призывается къ жизни, этимъ она обязана патріарху Гавріилу III-ему (1703—1707 г.). Антоній Византіецъ въ похвальной рѣчи этому патріарху въ 1705 г. между прочимъ говорилъ: „такъ какъ Ваше блаженство возстановили убѣжище для науки, назначивъ учителей, свободныхъ отъ всякаго другаго труда, чтобы обученіе приносило пользу, причемъ Вы не щадили денегъ и издержекъ, то мы обязаны Вамъ вѣчною благодарностію, мы видимъ въ лицѣ вашего блаженства попечителя и покровителя относительно того, что считается у людей самымъ лучшимъ и почетнымъ—просвѣщенія“ [1]). Изъ ряда преподавателей патріаршей школы въ теченіе всей первой половины XVIII-го вѣка едва ли можно указать хоть на одного, который выдѣлялся бы особенными талантами и богатствомъ знаній. Правда, одинъ изъ учителей школы разсматриваемаго времени Іоаннъ Лебосецъ († 1753 г.) получилъ очень почетный титулъ „ипата философовъ“, но, какъ кажется, не за свои преподавательскіе успѣхи, а благодаря сильной протекціи [2]). Хотя кратковременно, но цвѣтущаго состоянія патріаршая школа достигла лишь при патріархѣ Серафимѣ (1757—1761 г.), когда во главѣ школы сталъ извѣстный греческій ученый Евгеній Булгарисъ. Въ это время въ патріаршей школѣ появляется одновременно четыре наставника. Евгеній Булгарисъ взялъ на себя преподаваніе богословія, Дороѳею Лесбосцу поручено было изложеніе философіи, Критій сталъ преподавать риторику, а Ананій Антипарій (т. е. антипаросецъ) велъ логическія упражненія (τάς λογικὰς τέχνας). Изо всѣхъ этихъ учителей выдѣляется своими достоинствами впрочемъ единственно глава школы Евгеній Булгарисъ. Онъ родился въ Коркирѣ, высшее образованіе получилъ въ Падуѣ, гдѣ изучалъ богословіе и философію, затѣмъ былъ учителемъ въ нѣкоторыхъ греческихъ городахъ. Въ 1753 году былъ назначенъ главнымъ наставникомъ въ такъ называемую Аѳонскую Академію (о которой подробнѣе будемъ говорить ниже), и по закрытіи которой былъ вызванъ патріархомъ Се-

[1]) Ibid., 115—116.
[2]) Ibid., 140.

рафимомъ въ наставники патріаршей школы. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Евгеній выѣхалъ въ Россію и здѣсь былъ сдѣланъ архіепископомъ Херсонскимъ (съ именемъ архіепископа „Славянскаго") и скончался въ глубокой старости (1806 г.) [1]. Булгарисъ былъ и остается предметомъ общихъ восторговъ для Грековъ. Мануилъ Гедеонъ говоритъ: „рядомъ съ Евгеніемъ я не могу поставить никого изъ послѣдующихъ ученыхъ". Историкъ Константинъ Кума называлъ его вторымъ Платономъ. Іаковаки Ризосъ писалъ о Евгеніи: „обогащенный всѣми научными знаніями того времени, Булгарисъ обладалъ обширнымъ умомъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ мужей, которые родятся съ способностями ко всѣмъ отраслямъ образованія; всѣ научные труды имъ написаны на древнегреческомъ языкѣ" [2]. Неудивительно, если подъ руководствомъ Булгариса патріаршая школа получила громкую извѣстность. Историкъ Сергій Макрей, современникъ и ученикъ Булгариса, въ чувствѣ благоговѣнія предъ этимъ славнымъ мужемъ, говоритъ, что при немъ та часть квартала Фанара, гдѣ помѣщалась школа, превратилась въ „Аѳинополь" [3]. Но къ сожалѣнію, Аѳинополь просуществовалъ только 17 мѣсяцевъ! Такъ много обѣщала школа, руководимая Булгарисомъ и такъ скоро отжила свои дни! Непостижимая превратность судьбы! Въ Апрѣлѣ 1761 года Евгеній покинулъ школу. Отчего это такъ случилось—разъяснить дѣло предоставимъ Мануилу Гедеону. Этотъ историкъ „патріаршей Академіи" пишетъ: „вслѣдствіе несогласія, возникшаго между однимъ изъ эфоровъ (блюстителей школы), митрополитомъ Андріанопольскимъ Діонисіемъ (очевидно членомъ синода Константинопольскаго) и другими его сотоварищами—эфорами, а также вслѣдствіе неаккуратности въ уплатѣ жалованья, Евгеній оставилъ Академію". Впрочемъ вслѣдъ за этимъ Гедеонъ старается дать понять, что не эти обстоятельства вызвали катастрофу. „Истинною же причиною разстройства школы было низложеніе съ каѳедры патріарха Серафима, ко-

---

1) Γεδεών, 153. 161—2. 165. Sathas. Bibliotheca Graeca. Tom. III, p. 229 (изъ церковной исторіи Макрея). Венеція, 1872.

2) Γεδεών, 167.

3) Sathas. Bibliotheca Graeca, tom. III, 229.

торый любилъ Евгенія, тогда какъ его преемникъ Іоанникій III не удостоивалъ мудраго мужа никакого вниманія. Такъ же поступалъ и вскорѣ замѣнившій Іоанникія патріархъ Самуилъ, ибо этотъ послѣдній, будучи поклонникомъ Аристотеля, отрицательно относился къ мыслямъ Евгенія, усматривая въ нихъ новшество"[1]). А Булгарисъ, нужно сказать, по увѣренію греческихъ писателей былъ приверженцемъ новѣйшей философіи). Какъ бы то ни было звѣзда патріаршей школы съ удаленіемъ изъ нея Булгариса—померкла. Изъ послѣдующихъ наставниковъ патріаршей школы XVIII-го вѣка остановимся своимъ вниманіемъ лишь на Сергіи Макреѣ, какъ наиболѣе замѣчательномъ. Получивъ основательное первоначальное образованіе, Макрей потомъ слушалъ уроки по части высшихъ наукъ частію въ аѳонской академіи, частію въ патріаршей школѣ въ Константинополѣ, въ томъ и другомъ случаѣ подъ руководствомъ знаменитаго Булгариса, между 1777 и 1801 годами, хотя и съ перерывами, онъ состоялъ преподавателемъ философскихъ и словесныхъ наукъ въ патріаршей школѣ. Эту должность онъ проходилъ съ большею честію[2]). Впрочемъ Макрей не отличался глубиною и широтою научныхъ воззрѣній. Его „Церковная исторія", описывающая вторую половину XVIII-го вѣка греческой церкви, показываетъ въ немъ человѣка недостаточно понимающаго задачи историка[3]); а его опасливое и даже отрицательное отношеніе къ успѣхамъ современной ему науки свидѣтельствуетъ, что Макрей руководился больше всего рутиной (со взглядомъ его на науку познакомимся подробнѣе нѣсколько позже).

Изъ внутренней жизни патріаршей школы XVIII-го вѣка мы владѣемъ нѣкоторыми свѣдѣніями, не лишенными значенія и довольно любопытными. Около средины вѣка Константинопольская патріархія издала что-то въ родѣ устава школы (повидимому, это былъ не первый уже уставъ). Уставъ этотъ составленъ, преждеупомянутымъ нами, учителемъ школы Дороѳеемъ Лесбосцемъ и изданъ былъ въ началѣ 1748 года. Въ немъ говорится о двухъ отдѣлені-

---

[1]) Γεδεὼν, 162—163.
[2]) Ibid., 177—178.
[3]) См. выше подробности о церковной исторіи Макрея, стр. 75—79.

яхъ школы—философскомъ и словесномъ и сообразно съ этимъ опредѣлено было имѣть двухъ учителей школы (какъ, вѣроятно, бывало и раньше). Обыкновенно одинъ изъ учителей школы носилъ наименованіе схоларха (начальника), ему поручалось наблюденіе за преподаваніемъ, за поведеніемъ учениковъ и управленіе хозяйственною частію.—Вышеуказанное философское отдѣленіе школы имѣло превратную судьбу въ теченіе разсматриваемаго вѣка: оно то открывалось, то закрывалось. Послѣ своего открытія по уставу 1748 года оно скоро прекратило свое существованіе. Опять оно было возстановлено при патріархѣ Серафимѣ (1759—1760 г.), когда вызванъ былъ для занятія должности наставника въ патріаршей школѣ—Булгарисъ. Но оно опять было закрыто, спустя мѣсяцъ послѣ паденія этого патріарха (1761 г.). Снова призвано было къ жизни философское отдѣленіе въ 1777 году, въ правленіе патріарха Софронія II-го. Но къ концу вѣка научное положеніе патріаршей школы вообще пошатнулось; намъ говорятъ, что въ это время: „философія ея упала", мало того: даже „грамматика (словесное отдѣленіе) была въ пренебреженіи". По поводу упадка словеснаго отдѣленія Макрей въ одномъ письмѣ въ 1795 году писалъ: „теперь трое учатъ грамматикѣ, но они не стоятъ и одного" [1]).

Число учителей въ школѣ патріаршей XVIII-го вѣка было не одинаково. Судя по штату 1748 года, сначала ихъ было только двое, но потомъ составъ ихъ значительно увеличился. Въ правленіе патріарха Серафима, при Булгарисѣ, одновременно съ нимъ дѣйствовали четверо учителей. Но мы думаемъ, что общее количество учителей школы въ это время было значительно больше, ибо по всѣмъ вѣроятностямъ четверо наставниковъ во главѣ съ Булгарисомъ преподавали въ философскомъ отдѣленіи школы, а словесное или грамматическое существовало особо и требовало особыхъ учителей. Послѣ число учителей иногда сокращалось, наприм. изъ вышеприведеннаго письма Макрея видно, что въ словесномъ отдѣленіи, по закрытіи философскаго, въ концѣ вѣка было трое учителей. Въ патріаршей школѣ первой половины вѣка въ юности

[1]) Γεδεών. 134. 152—4. 203.

учился у Досиѳея Лесбосца патріархъ Константинопольскій Самуилъ [1]).

Можно составлять достаточное понятіе и о направленіи преподаванія въ патріаршей школѣ XVIII-го вѣка. По увѣренію Гедеона, Евгеній Булгарисъ знакомилъ своихъ слушателей съ новѣйшими учеными теоріями, въ особенности по части философіи, но въ послѣдствіи дѣло пошло иначе, т. е. по старому. „Къ несчастію, говоритъ тотъ же самый Гедеонъ, новѣйшія начала знанія и теоріи послѣ Булгариса до XIX-го вѣка не имѣли доступа въ школу". Въ доказательство этого онъ приводитъ слѣдующіе выпуклые факты. Когда въ 1794 году вышелъ греческій переводъ книги Фонтенелла „о множествѣ міровъ", то Макрей сильно вооружился противъ этой астрономической системы, изъ боязни въ случаѣ принятія ея, „впасть въ противорѣчіе книгѣ І. Навина съ ея извѣстнымъ повѣствованіемъ о чудесной пріостановкѣ движенія солнца и луны. Греческій ученый Константинъ Кума къ этому еще прибавляетъ, что воззрѣнія Макрея сходились съ воззрѣніями Аѳанасія Паросца (современника Макреева), который, считая новую философію пагубной для благочестія, возставалъ противъ нея и противъ астрономіи. Хотя онъ и слушалъ Булгариса на Аѳонѣ, но объявлялъ непримиримую войну западнымъ наукамъ. „Кто побывалъ въ Европѣ, тотъ, по Аѳанасію, становился безбожникомъ". Математика, по нему же служила источникомъ атеизма, первымъ выраженіемъ котораго было отверженіе постовъ [2]). Разумѣется для XVIII-го вѣка подобные взгляды являются несомнѣннымъ анахронизмомъ. А школа, державшаяся ихъ, должна быть признана отсталою, какою, ни мало не сумнясь, признаетъ ее и Мануилъ Гедеонъ.

Внѣшнее состояніе патріаршей школы въ XVIII-омъ вѣкѣ значительно улучшилось. По догадкамъ Гедеона, въ первой половинѣ этого вѣка были перестроены зданія училища. Прежнія зданія пришли въ такую ветхость, что, какъ жаловались учителя и ученики училища патріарху (неизвѣстному по имени), они (зданія) угрожали паденіемъ. Въ виду этого патріархія озаботилась построить но-

[1]) Ibid., 148. Conf. 201—202.
[2]) Ibid., 166. 248.

вое зданіе для помѣщенія учениковъ учителей и для классовъ. Матеріальное положеніе какъ учителей, такъ и учениковъ въ разное время столѣтія также измѣнилось на много къ лучшему. Въ 1748 году ко времени изданія устава школы, училище располагало незначительными доходами, получаемыми отъ двухъ константинопольскихъ церквей, причемъ опредѣлено было, чтобы съ возрастаніемъ расходовъ и другіе храмы приходили на помощь школѣ. Но дѣйствительное упроченіе матеріальнаго состоянія школы произошло только въ правленіе патріарховъ Серафима II-го и Самуила. Благодаря воззванію, съ которымъ Серафимъ обратился къ архіереямъ патріархата, послѣдніе собрали значительную сумму на нужды школы, которая и была представлена въ патріархію. А патріархъ Самуилъ побудилъ господарей Молдавіи и Валахіи (они были фанаріоты) ежегодно присылать на потребности школы опредѣленную и довольно значительную сумму; эту субсидію, согласно обѣщанію господарей, константинопольская школа имѣла получать „непрерывно и неизмѣнно и на все послѣдующее время". Что касается матеріальнаго положенія учениковъ школы, то оно еще въ самомъ началѣ XVIII-го вѣка нашло себѣ покровителей. Такъ извѣстный греческій вельможа Александръ Маврокордато вложилъ въ общее казнохранилище Великой церкви капиталъ, проценты съ котораго должны были идти на вспомоществованіе недостаточнымъ ученикамъ—„на необходимое прокормленіе и отопленіе", причемъ каждому стипендіату ежегодно выдаваемо было по 20 грошей (?). Положеніе о стипендіяхъ Маврокордато скрѣплено было патріаршимъ и синодальнымъ опредѣленіемъ въ 1709 году. Стипендіями стало пользоваться 18 учениковъ. За это пожертвованіе, а равно и за другія услуги греческому просвѣщенію со стороны рода Маврокордатовъ Макрей именуетъ ихъ Медичисами Греціи [1]).

Изъ многихъ, хотя и неполныхъ свѣдѣній, касающихся исторіи патріаршей школы XIX-го вѣка, ограничимся немногими. Изъ наставниковъ школы этого времени заслуживаетъ вниманія историка Дороѳей Проій (Πρώιος). Въ

[1]) Ibid., 149. 151. 229—230.

санѣ діакона онъ изучалъ философію въ Пизѣ и Флоренціи, въ 1792 году посѣтилъ Францію, гдѣ познакомился съ Руссо и Лавуазье. Отсюда побывалъ въ Англіи, Бельгіи, и прошелъ Венгрію, Болгарію и Македонію, возвращаясь обратно. Такимъ образомъ прошедши всю Европу, онъ занимался въ тамошнихъ школахъ преимущественно философіей. Былъ потомъ учителемъ физико-математическихъ наукъ на о. Хіосѣ, откуда онъ однакожъ удалился въ Константинополь, видя враждебное отношеніе къ новымъ теоріямъ, которыя онъ старался пересадить на греческую почву. Въ Константинополѣ, въ патріаршей школѣ, онъ занялъ каѳедру философіи и богословія, оставаясь здѣсь съ 1803 г. до 1807. Наконецъ онъ получилъ санъ архіерейскій и уѣхалъ въ свою епархію [1]). Другимъ замѣчательнымъ наставникомъ той-же школы былъ Стефанъ Дугка. Онъ родился въ Тырновѣ, впослѣдствіи изучалъ математику и философію въ нѣмецкихъ городахъ— Галлэ, Геттингенѣ и Іенѣ, былъ слушателемъ по части философіи у знаменитаго Шеллинга. По возвращеніи въ Турцію, онъ былъ наставникомъ въ патріаршей школѣ, но учительствовалъ только въ продолженіи одного года (1809—1810), „не будучи въ состояніи (по выраженію К. Кумы) перенести многочисленныхъ интригъ". Затѣмъ, получивъ приглашеніе отъ молдавскаго господаря Скарлата Каллимаха, прибылъ въ Яссы, гдѣ и былъ сдѣланъ преподавателемъ философіи въ Лицеѣ. Пребывая въ Яссахъ, Дугка занимался сочиненіемъ о соглашеніи естественно-историческихъ знаній съ богословіемъ, но обвиненный въ томъ, что вводитъ новое ученіе, вынужденъ былъ представить Константинопольской патріархіи свое исповѣданіе вѣры. Умеръ онъ въ 1830 г. [2]). Видное мѣсто въ ряду наставниковъ изучаемой школы занимаетъ Константинъ Кума, авторъ „Исторіи человѣческихъ дѣяній". Онъ родился въ Лариссѣ, для пріобрѣтенія высшаго образованія отправился въ Вѣну, гдѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ изучалъ философію и математику. Послѣ того онъ былъ приглашенъ въ учителя греческой гимназіи въ Смирнѣ. Въ 1814 г. онъ дѣлается наставникомъ и схолархомъ въ патріаршей

[1]) Ibid., 179—180.
[2]) Ibid., 183—184.

школѣ, но въ вслѣдующемъ году отказывается отъ должности по нѣкоторымъ непріятностямъ. Отъ него сохранились извѣстія о внутреннемъ состояніи данной школы. Стоитъ упомянуть также о наставникѣ и схолархѣ этой школы, Николаѣ Логадисѣ. Онъ не отличался особенно блестящимъ образованіемъ, но его значеніе состоитъ въ томъ, что онъ очень долго учительствовалъ и управлялъ въ школѣ, хотя и съ перерывами, именно съ 1804 года до 1835 года, когда онъ скончался [1]). Въ послѣдующее время во главѣ патріаршей „Академіи" въ качествѣ схолярховъ (и учителей вмѣстѣ) видимъ частію іеродіаконовъ, а большею частію архимандритовъ, т. е. вообще лицъ священнаго сана. Изъ числа ихъ было бы не справедливо не упомянуть съ особенной похвалой о знаменитомъ архимандритѣ Филоѳеѣ Вріенніи. Вріенній родился въ Константинополѣ въ 1833 году. Былъ сынъ бѣдныхъ родителей; но таланты его обратили на себя вниманіе нѣкоторыхъ архіереевъ, которые и опредѣлили его въ Халкинскую духовную школу. Въ ней онъ блистательно кончилъ курсъ. Затѣмъ онъ нашелъ себѣ поддержку въ одномъ греческомъ банкирѣ Стамбула, и на средства его совершилъ 4-хъ лѣтнее ученое путешествіе, побывавъ въ Лейпцигѣ, Берлинѣ, Мюнхенѣ. Сначала онъ состоялъ наставникомъ церковной исторіи въ Халкинской школѣ, а въ 1867 году онъ назначенъ былъ въ санѣ архимандрита схолархомъ патріаршей „Академіи", въ каковой должности и оставался до 1875 г. Въ этомъ году Вріеннію опять удалось предпринять путешествіе заграницу, гдѣ онъ свелъ знакомство съ учеными англичанами, посѣтилъ Парижъ и Вѣну. Возвратившись на родину, онъ былъ сдѣланъ митрополитомъ Никомидійскимъ. Вріенній, какъ извѣстно знаменитъ тѣмъ, что открылъ и напечаталъ полный текстъ I-го и II-го посланія Климента римскаго къ Коринѳянамъ—въ оригиналѣ, и надѣлавшее столько шуму: „Ученіе 12-ти Апостоловъ"—Διδαχὴ τῶν δώδεκα Ἀποστόλων, памятникъ начала II-го вѣка. Свои открытія Вріенній сдѣлалъ въ такъ называемой святогробской библіотекѣ, находившейся въ Константинополѣ. Посланія Климента

---

[1]) Ibid., 187—188. 191—192.

онъ издалъ въ 1875 г., а „Ученіе 12-ти“ въ 1883 г. За свои замѣчательныя открытія митрополитъ Никомидійскій получилъ степень доктора Богословія отъ двухъ университетовъ —Аѳинскаго и Эдинбургскаго. Изумленіе и восторгъ, какія возбудило въ ученомъ мірѣ открытіе „Ученія 12-ти“— неописуемы. Европейская и Американская печать всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій сообщила извѣстія о знаменательной находкѣ и перепечатала греческій текстъ памятника, сопровождая его переводомъ и комментаріемъ. Таковъ былъ одинъ изъ схолархов̆ъ „Академіи“. Вріенній здравствуетъ и по сіе время.

Изъ внутренней жизни патріаршей школы XIX-го вѣка отмѣтимъ слѣдующее. Число учениковъ въ началѣ столѣтія очень возросло. При Дороѳеѣ Проіи ихъ было 160, при Кумѣ 100, а потомъ быстро стало упадать, наприм. въ 1820—25 годахъ осталось лишь 18. По словамъ Кумы, архонтовъ ничто не привязывало къ школѣ; никто изъ нихъ не посылалъ въ нее своего сына, а каждый имѣлъ домашняго учителя. Поэтому ученики патріаршей школы въ его время были не изъ Константинополя, а изъ разныхъ мѣстъ Европы и Азіи. Впослѣдствіи дѣло получило нормальное теченіе.—Изъ наукъ въ продолженіе всего курса (4-хъ лѣтняго) кромѣ древне-греческаго языка съ присоединеніемъ чтенія классическихъ авторовъ, изучались—алгебра, тригонометрія, коническія сѣченія, физика, риторика, метафизика, а въ заключеніе астрономія (?) и богословіе. Программа довольно широкая для сравнительно краткосрочнаго курса. Обученіе велось на древнегреческомъ языкѣ. Издавая въ 1766 году логику, Булгарисъ вышучивалъ народный языкъ; послѣ этого наставники патріаршей школы стали преподавать и писать на древне-греческомъ языкѣ.—Поведеніе учениковъ не всегда было похвальнымъ. Въ то время, когда схолархомъ былъ Кума, учениковъ было около 100. Многіе изъ нихъ не имѣли средствъ, и однако не отличались, по его словамъ, ни скромностію, ни порядочностію. Такъ какъ они всѣ жили въ школѣ, то для подавленія безпорядковъ иногда нужно было прибѣгать къ содѣйствію полиціи [1]).

[1]) Γεδεών, 217—219. 247—248.

Разумѣется, недостатки, какіе замѣчались въ школѣ въ началѣ столѣтія, съ теченіемъ времени были устранены.— Въ школѣ появляется и библіотека. Она возникаетъ во второй половинѣ XVIII-го столѣтія, въ XIX-омъ же вѣкѣ значительно пріумножается частными цѣнными пожертвованіями. Въ 1830 году библіотека заключала въ себѣ 568 томовъ на греческомъ языкѣ и 840 на иностранныхъ языкахъ. Само собой понятно, съ тѣхъ поръ она увеличилась на много разъ. Въ XIX-мъ вѣкѣ появляется и особое лице, завѣдующее ею—библіотекарь [1]).

Зданія патріаршаго училища по внѣшней ихъ сторонѣ еще и въ 60-хъ годахъ XIX-го вѣка не отличались благоприличіемъ. Они были и „сыры, и грязны, и неумыты", пребываніе въ нихъ на свѣжаго человѣка нагоняло „тоску". Но эта неблагоустроенность послѣ 60-хъ годовъ отошла въ область воспоминаній. Въ началѣ 80-хъ годовъ (по выраженію Гедеона, сообщающаго о таковомъ событіи въ 1883 г.: μόλις σήμερον) патріаршая „Академія" заняла помѣщеніе, которое названный авторъ смѣло величаетъ „дворцемъ" [2]). А каковъ этотъ дворецъ, для нагляднаго представленія о предметѣ, авторъ въ началѣ своей книги: „хроника патріаршей Академіи" помѣщаетъ рисунокъ сооруженія, съ надписью: „новое зданіе патріаршей великой народной школы".

II.

(Патмосская школа, — ея происхожденіе, — основатель ея и первый наставникъ въ ней іеродидаскалъ Макарій,—какіе курсы наукъ излагались въ ней?—Съ какимъ успѣхомъ?—Двое преемниковъ Макарія по должности преподавателя въ Патмосской школѣ,—бытъ учениковъ, представленный въ описаніи школьной жизни Григоровича-Барскаго, бывшаго ученика этой школы,—послѣднія страницы изъ исторіи школы.—Аѳонская Академія,— ея возникновеніе,—профессора Академіи,—черты изъ внутренней жизни школы,—кратковременность существованія Академіи и ея паденіе, — чѣмъ объясняютъ и нужно объяснять ея паденіе?—Греческія заграничныя школы—Венеціанская, Падуанская;—иностранные университеты.—Свидѣтельства о состояніи просвѣщенія въ средѣ греческаго духовенства отъ XVI до пол. XIX-го вѣка;— черты культурности того же духовенства).

Переходимъ къ изученію другихъ болѣе извѣстныхъ общеобразовательныхъ школъ въ Константинопольскомъ

[1]) Ibid., 237—238.
[2]) Антонина архим. «Изъ Румеліи», стр. 275. Γεδεών, 68.

патріархатѣ турецкаго періода. Здѣсь мы изложимъ краткую исторію двухъ школъ, носившихъ въ свое время, подобно патріаршей Константинопольской школѣ, громкое наименованіе: академій,—разумѣемъ школу Патмосскую и Аѳонскую.

Въ теченіе всего XVIII-го вѣка на о. Патмосѣ существовала школа, которая у Грековъ, какъ мы сказали, извѣстна съ именемъ Академіи, т. е. совершеннѣйшей школы. Но насколько она заслуживаетъ такой аттестаціи, сейчасъ увидимъ.

Основателемъ Патмосской школы былъ уроженецъ о. Патмоса іеродіаконъ Макарій, получившій образованіе въ Константинополѣ у тамошнихъ учителей. Намъ кажется, что Макрей съ ранняго возраста поставилъ себѣ цѣлію открыть школу на своей родинѣ и для этого-то и принялъ на себя нелегкое дѣло многолѣтняго самообученія въ столицѣ. По словамъ нашего путешественника XVIII-го вѣка Барскаго, современника Макарія, онъ (Макарій), какъ скоро нашелъ, что достаточно обучился наукамъ, ни мало не медля оставилъ Костантинополь и поспѣшилъ на родной островъ, не смотря на болѣе заманчивыя перспективы, которыя открывались для него, еслибы онъ остался въ столицѣ. Выборъ такого мѣста для основанія школы, какъ Патмосъ, обличаетъ въ Макаріи фанатика идеи, ибо трудно представить себѣ обстановку, менѣе соотвѣтствующую задачамъ училища, чѣмъ какую встрѣчаетъ на Патмосѣ. Но очевидно Макарій сказалъ себѣ: „такъ я хочу" и сила воли побѣдила всѣ препятствія. По словамъ Барскаго, Патмосъ—это былъ „малый и уничиженный" островъ между всѣми островами Малоазійскаго архипелага, а такимъ жалкимъ считаетъ Патмосъ нашъ путешественникъ потому, что здѣсь господствовало рѣдкое невѣжество: священники по причинѣ „простоты и ненаученія" не умѣли „правила церковнаго пѣти и чести", мало того—даже сами игумены тамошняго Іоанно-Богословскаго монастыря „именъ своихъ на хартіи подписати не вѣдяху". И вдругъ среди повальнаго невѣжества долженствовала возникнуть „академія"! Патмосъ еще тѣмъ былъ не хорошъ, что тамъ почти нечего было ѣсть, хотя населеніе острова простиралось до четырехъ тысячъ. По на-

блюденію Барскаго, „мало что раждается тамо (потребнаго для питанія), но все привозится изъ-за предѣловъ острова. Одно было хорошо, на островѣ не жило Турокъ, была, значитъ, полная свобода. А Турки, по разсказу Барскаго, не жили здѣсь потому, что „ради убогаго и сухаго (безплоднаго) острова не хотятъ тамо жительствовати, обикшіи ясти и пити много, якоже свинія“ [1]). Будущіе ученики школы напередъ должны были приготовить себя къ постничеству и лишеніямъ.

Какъ бы то ни было, объятый неудержимымъ стремленіемъ создать школу на „убогомъ и сухомъ“ островѣ, Iакарій открылъ таковую въ 1712—1713 году и чрезъ ѣсколько лѣтъ въ 1720-мъ году совершился первый выускъ его учениковъ. Въ 1731 году Барскій нашелъ у Iакарія больше 50 учениковъ, а въ 1736 году даже боѣе 100. Чему же училъ Макарій своихъ учениковъ? По ловамъ Барскаго, курсъ наукъ былъ очень разнообраенъ. Наставникъ преподавалъ „ученіе граматическое, риорское, философское, богословское“, обучалъ языкамъ Эллинскому и Латинскому, а кромѣ того и „мусекійскому скуству церковнаго пѣнія“ (т. е., конечно, нотному пѣію) [2]). Остается непонятнымъ: какимъ образомъ одинъ читель могъ съ успѣхомъ преподавать столь различныя и большею частію серьезныя науки [3]) ученикамъ, безъ сомнѣнія мало и неодинаково подготовленнымъ? Правда, Макарій впослѣдствіи взялъ себѣ помощниковъ—изъ числа своихъ учениковъ,— сначала Іакова, который впрочемъ

---

[1]) Григоровича-Барскаго. Странствованія по св. мѣстамъ Востока съ 1723 по 1747 годъ. Ч. II, стр. 187. 346. 189. С.-Петербургъ, 1886.

[2]) Тамъ-же, II, 188. 347.

[3]) Хронологическія данныя изъ жизни Макарія находимъ лишь у Барскаго. Умеръ Макарій, не достигши пятидесятилѣтняго возраста (II, 347), быть можетъ лѣтъ 48-ми; преподавалъ онъ въ школѣ 25 лѣтъ (ibid), значитъ, сдѣлался преподавателемъ, имѣя отъ роду около 23 лѣтъ. Но онъ не сразу по возвращеніи изъ Константинополя открылъ школу. Прошло года 3—4, прежде чѣмъ Макарій учредилъ школу (ibid. 188), поселившись опять на родинѣ. Значитъ, Макарій кончилъ свое образованіе въ столицѣ лѣтъ 20-ти. Можно ли въ такія юныя лѣта достигнуть совершенства въ тѣхъ наукахъ, какія сталъ онъ потомъ преподавать? Сомнительно; во всякомъ случаѣ ему несомнѣнно до многаго нужно было доходить своимъ умомъ: «уча-учился». Но такое положеніе дѣла могло вредить успѣху Макаріева преподаванія.

скоро оставилъ островъ [1]), а затѣмъ Герасима, человѣка, кажется, болѣзненнаго; но съ однимъ помощникомъ учить разнымъ наукамъ съ надеждой на благіе плоды — учениковъ, умножившихся болѣе сотни—дѣло трудное. Мы истинно сожалѣемъ, что нашъ Барскій, посѣтивъ островъ въ 1731 году, не послушался совѣта Макарія (о чемъ послѣ жалѣлъ нашъ путешественникъ) остаться на Патмосѣ и посвятить себя здѣсь изученію наукъ „въ пользу себѣ и отечеству". Онъ пробылъ въ это время съ Макаріемъ только 12 дней и конечно не могъ составить яснаго представленія ни о качествахъ преподаванія, ни объ успѣхахъ учениковъ. Дневникъ Барскаго въ этомъ отношеніи очень немного даетъ намъ. Правда, Барскій вторично свидѣлся съ Макаріемъ, когда еще разъ приплылъ на островъ въ 1736 году, но онъ засталъ основателя и перваго учителя школы на смертномъ одрѣ. Въ виду такихъ обстоятельствъ Барскій сообщаетъ мало свѣдѣній о ходѣ дѣла въ школѣ и результатахъ его, на основаніи личныхъ наблюденій касательно учительства Макарія. Онъ говоритъ, что ученики Макарія отличались цѣломудріемъ и смиренномудріемъ,—но для насъ въ настоящемъ случаѣ подобныя отмѣтки не имѣютъ интереса. При другомъ случаѣ, восхваляя Макарія, Барскій пишетъ, что онъ „мнози отъ рибарей и земледѣльцевъ философи и богослови сотвори" [2]), но мы считаемъ подобное замѣчаніе ничего не значущей фразою. Ибо рыбака скоро превратить въ настоящаго философа, а крестьянина въ серьезнаго богослова можно только путемъ чудеснымъ.

Сдѣлаемъ, что можемъ, для разъясненія вопроса: чему именно и какъ, а равно съ какимъ успѣхомъ велось дѣло преподаванія науки въ Патмосской школѣ, въ ея лучшую пору при Макаріи и подъ его руководствомъ, — воспользовавшись для этой цѣли какъ скудными замѣтками въ дневникѣ Барскаго, такъ и другими, правда, немногочисленными извѣстіями. Какъ мы сказали выше, по увѣренію Барскаго, въ школѣ Макарія, при самомъ Макаріи, преподавались четыре разряда наукъ: грамматика, риторика,

[1]) Παπαδοπούλου—Κεραμέος. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη. Τόμ. I, σελ. 307. Петербургъ, 1891.
[2]) Барскаго, II, 348, 191. 188.

философія и богословіе. (Что-то въ родѣ обычнаго схоластическаго курса). Слѣдуя тому порядку наукъ, какой указанъ Барскимъ, намъ нужно бы прежде всего сказать объ изученіи грамматики въ школѣ Макарія, т. е. о томъ, по какимъ руководствамъ учились здѣсь и какъ велось дѣло преподаванія этой науки, но въ доступныхъ намъ источникахъ ничего на этотъ счетъ не говорится [1]). Нужно полагать, что „ученіе грамматическое" велось по обычному тогдашему школьному шаблону. Гораздо болѣе мы знаемъ о томъ, какъ изучалась риторика въ школѣ Макарія; объ этомъ и скажемъ нѣсколько словъ. Риторика изучалась, повидимому, по запискамъ, составленнымъ Макаріемъ. По смерти Макарія, въ 1755 году, въ Венеціи напечатано было его сочиненіе подъ заглавіемъ: „Изложеніе риторическихъ правилъ, въ особенности полезныхъ священно-проповѣдникамъ, извлеченныхъ изъ латинскихъ книгъ и назначенныхъ для изучающихъ филологію", т. е. грамматику. Конечно, книга издана на греческомъ языкѣ. Есть всѣ основанія думать, что по этой-то риторикѣ и учились ученики Макарія. Судя по заглавію книги (а кромѣ заглавія о ней ничего неизвѣстно), это была не столько риторика, сколько гомилетика, ибо указанное руководство имѣло въ виду „въ особенности священно-проповѣдниковъ", а слѣдовательно ставило цѣлію научить церковному краснорѣчію. Должно сказать, что „руководство" Макарія по риторикѣ было очень элементарно, какъ это видно изъ того, что оно состояло лишь изъ нѣсколькихъ десятковъ страницъ [2]). Впрочемъ если книга Макарія и была элементарна, то у Макарія же, какъ наставника юношества, было въ распоряженіи одно очень важное средство, которымъ онъ и пользовался въ интересахъ развитія проповѣдническаго дара у своихъ питомцевъ. Самъ онъ очень часто проповѣдывалъ съ церковной каѳедры и былъ ис-

[1]) Правда, у Саѳы и Завиры упоминается, что Макарій что-то писалъ по части грамматическаго синтаксиса и также схоліи на разныя слова греческихъ отцовъ, но эти сочиненія не изданы и извѣстны только по имени (неизвѣстно даже—сохранились ли они до нашего времени). Дѣлать отсюда какія-либо заключенія по занимающему насъ вопросу мы считаемъ себя не въ правѣ. Σάθα. Νεοελληνικὴ φιλολογία: Βιογράφιαι, σελ. 441. Ζαβίρα. Νέα Ἑλλὰς ἢ Ἑλληνικὸν Θέατρον, σελ. 436. Аѳины, 1872.

[2]) Σάθα. Νεοελληνικὴ φιλολογία: Βιογράφιαι, σελ. 441.

куснымъ проповѣдникомъ. Нашъ русскій паломникъ Барскій говоритъ объ основателѣ Патмосской школы: „особливое, глаголютъ, дарованіе имѣяше въ риторическихъ проповѣдяхъ“ [1]). Слушать хорошаго проповѣдника, нѣтъ сомнѣнія, очень полезно для тѣхъ, кто самъ готовится быть проповѣдникомъ. Поэтому, проповѣдничество Макарія можно назвать практическою школою для „священно-проповѣдниковъ“ того времени. Проповѣди Макарія могли имѣть тѣмъ большее значеніе для его школы, что онъ ихъ записывалъ. Ученики его могли читать ихъ и такимъ образомъ учиться дѣлу проповѣдничества. Говорятъ, что Макарій составилъ болѣе 2000 проповѣдей [2]). О достоинствѣ его проповѣдей, а съ тѣмъ вмѣстѣ о достоинствѣ преподаванія имъ церковнаго краснорѣчія, мы должны сказать слѣдующее: онъ былъ большимъ мастеромъ по части риторическихъ украшеній рѣчи, переполнялъ ее риторическими разсужденіями [3]). Какъ всѣ риторы, онъ могъ писать на какую угодно тему, причемъ индивидуальность описываемаго явленія для подобныхъ риторовъ имѣетъ второстепенное значеніе. Всѣ эти черты можно находить въ сочиненіи Макарія: похвальное слово мученику (турецкаго періода) Пахомію, который самовольно напросился на мученія отъ Турокъ, ибо пожелалъ загладить свой *мнимый* [4]) грѣхъ отступничества отъ Христа. При такихъ свойствахъ духовнаго краснорѣчія Макарія и его преподаванія вліяніе уроковъ Макарія на учениковъ не могло быть вполнѣ благотворно: научась виртуозности въ словѣ, они однакожъ могли оставаться, какъ проповѣдники, глухими къ живымъ потребностямъ времени и равнодушными къ дѣйствительности и точнымъ фактамъ. Впрочемъ мы должны помнить, что Макарій былъ сынъ своего вѣка—и отрицать значеніе его, какъ преподавателя гомилетики или церковной словесности никакъ не слѣдуетъ. Кромѣ церковной словесности въ программу рито-

---

[1]) Григоровича-Барскаго. II, 347.

[2]) Ζαβίρα. Νέα Ἑλλάς, 436. Часть этихъ проповѣдей напечатана.

[3]) Проф. А. А. Дмитріевскаго. Іоанно-Богословскій монастырь на о. Патмосѣ. «Труды Кіевск. Дух. Академіи». 1892, т. Ш, 448.

[4]) Курсивъ принадлежитъ Преосв. Порфирію (Успенскому), слова котораго мы цитируемъ: «Второе путешествіе его по горѣ Аѳонской», стр. 361—2. Москва, 1880.

рическаго ученія въ школѣ Макарія входило и вообще изученіе риторики и нѣкоторыхъ руководствъ по этой наукѣ; такъ изъ свидѣтельствъ видно, что ученики школы читали и списывали для себя книги Коридаллея и Александра Маврокордата по части риторическихъ познаній [1]). Такимъ образомъ, сколько знаемъ, преподаваніе риторики въ Патмосской школѣ временъ Макарія было поставлено довольно прочно.

Нельзя того-же сказать объ изученіи философіи въ той-же школѣ и того же времени. По крайней мѣрѣ мы очень мало знаемъ о томъ, что разумѣлось подъ „философскимъ ученіемъ" въ школѣ Макарія и какъ оно происходило. Нашъ паломникъ Барскій, сдѣлавшись ученикомъ Патмосской школы уже по смерти Макарія, по его свидѣтельству, изучалъ, подъ руководствомъ преемниковъ Макарія по учительству, такую отрасль философіи, какъ логика [2]). Можно полагать, что преемники Макарія, не отличавшіеся инициативой, преподавали эту науку потому, что такъ было при первомъ основателѣ школы на Патмосѣ. Но какимъ образомъ и по какимъ книгамъ учились логикѣ—неизвѣстно. Кромѣ изученія логики, ученики школы въ интересахъ ознакомленія съ философіей имѣли въ рукахъ: „толкованіе Александра Маврокордата на одно сочиненіе Аристотеля" со схоліями самого Макарія [3]); это сочиненіе Маврокордата не было напечатано и обращалось въ средѣ учениковъ въ рукописи. О значеніи Маврокордатова труда, а также и схолій патмосскаго наставника судить не беремся. Полезнымъ для изучающихъ философію нужно признать и „собраніе" писемъ Синезія Птолемаидскаго, неоплатоническаго философа, а потомъ христіанскаго епископа (IV и нач. V в.), обращавшееся въ кружкѣ патмосскихъ школяровъ [4]). Въ сущности вотъ и все, что извѣстно о преподаваніи философіи на Патмосѣ при Макаріи. Нашъ Барскій, перечисляя тѣ науки, какія ему пришлось изучать на Патмосѣ, говоритъ, что онъ „про-

[1]) Проф. А. А. Дмитріевскаго, стр. 471.
[2]) Григоровича-Барскаго, II, 356.
[3]) Проф. Дмитріевскаго, Іоанно-богосл. монастырь, 448.
[4]) Παπαδ. Κεραμέως. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη Τόμ. I, σελ. 430. Петербур. 1891.

шелъ" кромѣ логики, еще „полфизику" [1]). Принимая во вниманіе связь рѣчи, можно съ вѣроятностію думать, что нашъ добровольный патмосскій заточникъ говоритъ здѣсь объ изученіи имъ какой-то части философіи. Но что именно разумѣетъ онъ подъ „полфизикой", объ этомъ можно дѣлать только самыя нерѣшительныя догадки. У Ѳеофила Коридаллея было сочиненіе (оставшееся ненапечатаннымъ) подъ заглавіемъ: „о небѣ и землѣ" (κόσμου). У греческаго же ученаго Завиры оно относится къ философскимъ сочиненіямъ Коридаллея [2]). Это сочиненіе несомнѣнно извѣстно было Макарію, а отъ него пущено въ обращеніе и среди его учениковъ [3]). Не эту ли философскую книгу наряду съ логикой „проходилъ" въ концѣ курса и Барскій, назвавъ ее въ своемъ дневникѣ мудренымъ именемъ: „полфизики"? Во всякомъ случаѣ упоминаніе Барскаго о „полфизикѣ" не исключаетъ представленія о вышеупомянутой книгѣ Коридаллея. И съ другой стороны не можетъ возбуждаться сомнѣній и въ томъ отношеніи, что философскаго характера книга Коридаллея „о небѣ и землѣ" была въ употребленіи у патмосскихъ школяровъ какъ при Макаріи, такъ и послѣ него. Что сказать, послѣ вышеприведенныхъ извѣстій о преподаваніи философіи въ школѣ Макарія? Оно было поставлено довольно слабо и не отличалось какой-либо систематичностію.

Но еще въ худшемъ положеніи находилось преподаваніе богословія въ той-же школѣ. Мы, конечно, не должны упускать изъ вниманія того обстоятельства, что наши свѣдѣнія о разсматриваемой школѣ скудны; но и при всей скудости свѣдѣній мы могли бы знать о преподаваніи богословія хоть столько-же, сколько знаемъ объ изученіи здѣсь риторики и философіи, а на повѣрку выходитъ, что наши свѣдѣнія въ данномъ случаѣ сводятся чуть не къ нулю. Отчего это такъ? Ужь не отъ того-ли, что богословіе здѣсь процвѣтало еще менѣе, чѣмъ прочія науки? На основаніи замѣтокъ Барскаго позволительно допускать, что богословское обученіе въ Патмосской школѣ сводилось къ простымъ собесѣдованіямъ учителя съ учениками на религіозныя темы. По крайней

---

[1]) Томъ II, 356.
[2]) Ζαβίρα. Νέα Ἑλλάς, 315.
[3]) Проф. Дмитріевскаго. Іоанно-богослов. монастырь, 447.

мѣрѣ нашъ набюдательный путешественникъ богословскимъ ученіемъ называетъ именно такого рода бесѣды; такъ разсказывая о послѣднихъ дняхъ жизни Макарія Патмосскаго, онъ пишетъ: „се чудно, яко до послѣдняго издыханія со многимъ разсужденіемъ и говѣніемъ нѣкая высокая богословствоваше“ [1]). Къ этимъ богословскимъ собесѣдованіямъ присоединялось еще самостоятельное чтеніе учениками нѣкоторыхъ богословскихъ произведеній древности; напримѣръ, болѣе любознательные и смышленые прилежали „точному изложенію Православной вѣры“ Іоанна Дамаскина [2]). Но, повидимому, такихъ любителей серьезной богословской литературы встрѣчалось немного между учениками даже Макарія.—Нельзя отвергать и того, что большимъ подспорьемъ для изученія богословія было слушаніе и чтеніе многочисленныхъ проповѣдей Макарія, который, какъ можно догадываться, произносилъ до сотни поученій въ годъ. Послѣ сейчасъ сказаннаго о преподаваніи богословія въ школѣ Макарія едвали нужно добавлять, что это преподаваніе столь важнаго предмета не находилось на высотѣ своей задачи.

По какому педагогическому методу велось преподаваніе наукъ въ Патмосской школѣ временъ Макарія? Задать этотъ вопросъ насъ побудило то обстоятельство, что разсматриваемая школа очень мало походила на стройно-организованныя школы не только нашего, но своего времени. Барскій пишетъ о Макаріи Патмосскомъ: „многихъ хитрости грамматической, иныхъ же философіи, иныхъ же богословіи, иныхъ же мусекійскаго искуснаго церковнаго пѣнія изучи“ (научилъ) [3]). Изъ этихъ словъ нашего свидѣтеля видно, что въ школѣ не было обязательнаго правила изучать всѣ науки, въ ней преподававшіяся, и переходить изъ одного—низшаго класса въ другой—высшій. Больше всего охотниковъ было учиться грамматикѣ (и риторикѣ): „многихъ хитрости грамматической изучи“; изъ остальныхъ учениковъ, смотря по ихъ желанію и способностямъ, одни изучали философію, другіе богословіе, третьи искусство церковнаго пѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, встрѣ-

[1]) Барскаго, II, 346.
[2]) Πάπαδ. Κεραμέως. Ἱεροσολυμιτικὴν. Βιβλιοθήκη. Τομ. I, σελ. 307.
[3]) Барскаго, II, 347.

чались и такія лица, которыя занимались нѣсколькими науками одновременно или послѣдовательно — одною послѣ другой. Школа Макарія, значитъ, имѣла свободный характеръ, допускала свободу выбора предметовъ для изученія; въ этомъ отношеніи она нѣсколько напоминаетъ такъ называемые музеи древнихъ временъ (Аристотеля, Александрійскій, Плотина) и школы христіанскія первыхъ вѣковъ. Но какимъ же образомъ ученики, имѣя одного учителя (и много двоихъ, какъ было во второй періодъ дѣятельности Макарія), могли вдругъ учиться многимъ наукамъ? Это секретъ Макаріевой школы; но до этого секрета можно допытаться. Сохранилось одно письмо Макарія, которое достаточно разъясняетъ интересующій насъ вопросъ. Макарій именуетъ своихъ учениковъ переписчиками или копіистами (ἀντιγράφοι) [1]. Съ перваго взгляда такое наименованіе учениковъ кажется страннымъ и неумѣстнымъ; но когда мы вглядимся въ строй Макаріевой школы, тогда поймемъ, что указанное наименованіе вполнѣ соотвѣтствуетъ сущности дѣла. Макарій называетъ своихъ учениковъ „переписчиками", потому что тѣ изъ нихъ, которые обнаруживали способности и усердіе къ изученію высшихъ наукъ, по указанію учителя, списывали для себя руководства и пособія по этимъ наукамъ, и, конечно, переписывая запоминали и заучивали переписываемое. Само собой понятно, что роль учителя имѣла при этомъ большое значеніе; онъ объяснялъ то, что не понимали ученики при перепискѣ, и провѣрялъ ихъ успѣхи. Дѣло происходило такъ: лучшій изъ учениковъ Макарія Іаковъ, бывшій въ тоже время помощникомъ его по школьному преподаванію, списывалъ первый, а у него уже списывали прочіе желающіе. Такъ Іаковъ по части риторики списывалъ „изложеніе риторическихъ правилъ", сочиненіе самого Макарія, а также руководства по риторикѣ же Коридаллея и А. Маврокордата; онъ же переписывалъ письма Синезія философа, вѣроятно, какъ нѣкотораго рода пособіе къ усвоенію философіи; навѣрное онъ списалъ же и „толкованіе" Маврокордата на одно сочиненіе Аристотеля, такъ какъ это толкованіе имѣло руководственное

[1]) Παπαδ. Κεραμέως. Ἱεροσολ. Βιβλιοθ., I, 307.

значеніе при преподаваніи философіи въ данной школѣ; Іаковъ далѣе прилежно работалъ надъ извѣстной богословской книгой Дамаскина: судя потому, что эта работа мѣшала ему отправиться въ путешествіе по морю, нужно думать. что въ нашемъ источникѣ рѣчь идетъ не о чтеніи книги (что можно дѣлать и въ дорогѣ), а о перепискѣ ея; наконецъ тотъ-же Іаковъ переписываетъ какія-то сочиненія извѣстнаго полемиста противъ папства (XVII в.)—Георгія Корессія [1]). Большая часть вышепоимеванныхъ руководствъ была обогащена схоліями и толкованіями самого Макарія и тѣмъ пріобрѣла особенную важность въ глазахъ учениковъ. Въ историческихъ извѣстіяхъ Іаковъ представляется главнымъ списателемъ нужныхъ въ школѣ руководствъ, рекомендованныхъ самимъ Макаріемъ; у этого перваго копіиста уроковъ, уже потомъ, во дни же Макарія, списывали ихъ прочіе ученики, почему эти послѣдніе и называются въ одномъ документѣ (письмѣ Макарія) „переписчиками уроковъ дидаскала Іакова" [1]). Если мы укажемъ еще одну черту, характеризующую порядки Макаріевой школы, то исчерпаемъ все, что нужно сказать по этой части. Книги списывались учениками и конечно до извѣстной степени усвоялись ихъ памятью; но основательно изученнымъ руководство считалось, повидимому, только тогда, когда оно твердо заучивалось наизусть. Нашъ паломникъ, Барскій, принадлежалъ къ прилежнѣйшимъ ученикамъ Патмосской школы, однакожъ не могъ одолѣть риторики: „риторику же я оставилъ—говоритъ онъ - слабой ради моей памяти" [2]). Очевидно зубреніе составляло одну изъ принадлежностей школьнаго метода на Патмосѣ. Правда, нашъ Барскій учился не у самого Макарія, но мы думаемъ, что школьные порядки временъ основателя училища хранились въ этомъ послѣднемъ, какъ святыня.

Посмотримъ теперь: какихъ успѣховъ достигала школа Макарія въ тѣхъ наукахъ, какія преподавались и изучались здѣсь. Какъ намъ кажется, нужно считать достовѣрнымъ фактомъ то, что грамматическое преподаваніе

1) Ibidem, σελ. 418—19. 219. 430. 307.
2) Ibidem, 307.
3) Барскаго, II, 356.

въ этой школѣ приносило полезные плоды. Такъ одинъ изъ учениковъ Патмосской школы, много разъ упомянутый нами, Іаковъ, по ремомендаціи Макарія, приглашенный на должность учителя „грамматическихъ наукъ", съ успѣхомъ проходилъ эту должность сначала въ одномъ, а потомъ въ другомъ мѣстѣ Антіохійскаго и Іерусалимскаго патріархатовъ [1]). Нашъ Барскій, еще оставаясь на ученической скамьѣ Патмосской школы, сочинилъ, по его словамъ, грамматику латино-греческую, „съ расположеніемъ необычнымъ, но удобопонятнымъ", т. е. грамматику оригинальнаго характера. Главная ея оригинальность состояла въ томъ, что правила были изложены на греческомъ языкѣ, а примѣры на языкѣ латинскомъ. Назначеніемъ ея было пособить Грекамъ учиться латинскому языку [2]). Разумѣется составлять грамматику чужаго языка можетъ только ученикъ, прошедшій хорошую грамматическую школу. При этомъ случаѣ, опять повторимъ, что дѣлая заключеніе отъ времени ученія Барскаго ко времени руководства школой Макарія, мы не совершаемъ большаго грѣха. Можно бы утверждать, что наравнѣ съ грамматикой въ школѣ Макарія приносила добрые плоды и риторика [3]); но подобное утвержденіе не легко подкрѣпить соотвѣтствующими фактами. Можно догадываться, что школа, поставивъ себѣ цѣлію въ изученіи риторики приготовлять первѣе всего іерокириксовъ (священно-проповѣдниковъ) какъ приходскихъ, такъ и странствующихъ (а такихъ іерокириксовъ имѣла и теперь имѣетъ греческая церковь), въ значительной степени достигала своей цѣли. Что касается философіи и богословія, то болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы преподаваніе этихъ наукъ ознаменовывалось осязательными успѣхами въ жизни питомцевъ Макаріевой школы. Все дѣло, вѣроятно, ограничивалось нѣкоторымъ индивидуальнымъ поднятіемъ уровня развитія учениковъ Макарія.

Слѣдуетъ подвести итогъ нашимъ разсужденіямъ о научныхъ успѣхахъ, оказанныхъ Патмосской школой временъ Макарія. Но это сдѣлать не трудно. Намъ поможетъ

[1]) Παπαδ. Κεραμέως. Ἱεροσολ. Βιβλιοθ. Τόμ. III, σελ. 291. Петерб., 1879.
[2]) Барскаго, II, 354.
[3]) Проф. Дмитріевскаго, въ вышеуказан. сочиненіи, стр. 471.

сказать истинную правду никто другой, какъ самъ Макарій, довѣрять свидѣтельству котораго мы имѣемъ всѣ основанія. До насъ сохранилось одно письмо основателя Патмосской школы къ высшему антіохійскому іерарху. А въ этомъ письмѣ вотъ что говорится: „да будетъ извѣстно, что безплодный этотъ островъ не произрастилъ и *не произраститъ* (οὔτε βλαστήσει) дидаскаловъ (т. е. людей вполнѣ свѣдущихъ въ наукахъ), по немощи (ἀπορίᾳ) учащаго (такъ здѣсь Макарій аттестуетъ самого себя), а только *едва* лишь переписчиковъ наукъ“... Затѣмъ, указавъ на извѣстнаго уже намъ ученика своего Іакова, какъ на лучшаго и надежнѣйшаго изъ питомцевъ Патмосской школы, скромный учитель этой послѣдней пишетъ далѣе: „есть (у меня) и другіе... переписчики наукъ, которые имѣютъ нѣкоторыя познанія изъ наукъ первоначальныхъ (μικρὰν τῶν ἐγκυκλίων) и немножко изъ философіи“ [1]). Вотъ чуждый всякаго тщеславія аттестатъ, выданный Макаріемъ самому себѣ, школѣ и ея ученикамъ для засвидѣтельствованія истины въ исторіи.

Такимъ образомъ, хотя нашъ соотечественникъ Григоровичъ-Барскій, по чувству благодарнаго ученика Патмосской школы и величаетъ эту школу, поскольку она выросла и зацвѣла во дни Макарія, своего рода *Аѳинами*, говоря: „оное училище Грекомъ бѣднимъ вмѣсто онихъ древнихъ Аѳинъ есть“ [2]), но совокупность извѣстій выше нами указанныхъ, не доказываетъ, чтобы Патмосъ, хоть мало могъ соперничать съ дѣйствительными Аѳинами древности, да и пишетъ Барскій эту витійственную фразу съ чужихъ словъ, со словъ Грековъ, очень хорошо умѣющихъ, какъ извѣстно, дѣлать изъ мухи слона. Патмосская школа Макарія давала скорѣе домашнее образованіе своимъ ученикамъ, чѣмъ строго-опредѣленное школьное. Макарій безъ всякихъ претензій училъ тому, что самъ зналъ, нашлись любители уединенія и науки, которые охотно стали слушать его, и вотъ создалась... „академія“.

---

1) Παπαδ. Κεραμέως. Τόμ. I, 307. Переводъ письма см. также и у проф. Дмитріевскаго, 472—473.

2) Барскаго, II, 189.

Если за что въ особенности мы должны быть благодарны нашему Барскому, какъ историку Патмосской школы, въ которой онъ учился, такъ это за описаніе имъ личности основателя школы и ея перваго наставника — Макарія. Пусть Барскій пишетъ не столько на основаніи своихъ наблюденій, сколько на основаніи показаній лицъ знавшихъ Макарія, тѣмъ не менѣе цѣнность свѣдѣній описателя отъ этого не убавляется. Нашъ паломникъ отмѣчаетъ быстроту и находчивость ума Макаріева (его „бистроуміе“); онъ указываетъ, что единственное богатство Макарія составляла его библіотека, т. е. то, что наиболѣе нужно для человѣка, преданнаго наукѣ; самъ любя науку, онъ всячески старался привлекать къ занятію ею и другихъ: при первомъ же свиданіи съ Барскимъ Макарій совѣтовалъ ему покинуть всѣ его планы и остаться на Патмосѣ въ интересахъ науки („поклоненія ради святаго мѣста пришедшу совѣтова мнѣ, да оставлю все странствованіе и да приложуся къ ученію елинскому“ въ его школѣ),—и если Барскій не послѣдовалъ этому совѣту въ свое время, но послѣ откровенно сознавался, что онъ промѣнялъ лучшее на худшее. Макарій былъ человѣкъ идеи—это-то и влекло къ нему столь многихъ. Онъ жилъ мыслію о пользѣ ближняго („пользуяй многихъ“, по выраженію Барскаго). Преподаваніе его было совершенно безвозмездное, т. е. ученики ничего не платили ему за обученіе, и такъ продолжалось около 25 лѣтъ. Привязанность его къ наукѣ и школѣ была такъ сильна, что онъ не только не посѣщалъ своихъ кровныхъ родныхъ, жившихъ на Патмосѣ же, но не счелъ нужнымъ отдать имъ т. н. послѣдній долгъ, когда онъ узналъ о ихъ кончинѣ. Живое дѣло настолько поглощало его, что онъ забылъ обо всемъ на свѣтѣ. Кромѣ школы онъ зналъ еще дорогу только въ храмъ. Въ храмѣ ежедневно онъ участвовалъ въ богослуженіи и своимъ одушевленнымъ чтеніемъ и пѣніемъ умѣлъ разстрогивать сердца. Столь же большое вліяніе оказывали его проповѣди, которыя онъ произносилъ замѣчательно часто. Его церковныя поученія пробуждали въ душахъ грѣшниковъ чувство покаянія. Его личная жизнь представляла образецъ воздержанія и совершенства; почему всѣ знавшіе его считали его

еловѣкомъ святымъ [1]). Вотъ мужъ достойный памяти сторіи [2])!

Какъ мы имѣли случай упоминать раньше, Макарій скончался въ началѣ 1737 года (въ сред. января). Болѣзнь Макарія, закончившаяся его смертію, длилась дней сорокъ, и на все это время правильный порядокъ школьныхъ занятій прервался, ученики—по выраженію Барскаго — „празноваху кромѣ ученія" (оставались безъ ученія). Глубокая скорбь наполнила сердца не только учениковъ Патмосской школы, но и жителей острова. Время для учени-

---

[1]) Ibidem, 187—190. 345—347.

[2]) Въ греческой литературѣ нельзя встрѣчать ничего подобнаго той характеристикѣ Макарія, какую даетъ намъ русскій талантливый писатель Барскій. Греческій біографъ Макарія, наставникъ букарештской школы Александръ Тырновскій (1711—1761 г.), ученикъ Макарія, вмѣсто характеристики основателя Патмосской школы, пишетъ какой-то неумѣстный акаѳистъ. Напримѣръ:

Τὸν βίον αὐτοῦ τὸν ὑπὲρ ἄνθρωπον καὶ ἰσάγγελον,
τὸ περὶ τὴν ἐγκράτειαν ἀπαράμιλλον,
τὸ ἐν ἀγρυπνίαις παννύχιον,
τὸ πρὸς τοὺς πάντας φιλόστοργον,
τὸ ἐν ταπεινότητι χριστομίμητον,
τὸ ἐν προσευχαῖς σύντονον,
τὸν εἰς τὰ θεῖα ζῆλον,
τὴν τῆς σαρκὸς καθαρότητα,
τὸ ἐν πᾶσι νηφάλιον,
τὸ ἐν λόγοις ὑψιλόν,
τὸ ἐν ἔργοις θαυμάσιον κ. λ. (Sathas. Bibliotheca Graeca medii aevi, tom. III, p. 506. Венеція, 1872). Другой греческій писатель Кесарій Дапонте (XVIII в.) въ своемъ «историческомъ каталогѣ мужей знаменитыхъ», говоря о Макаріи, болѣе услаждается своимъ краснорѣчіемъ и остроуміемъ, чѣмъ описываетъ эту историческую личность (ibid., p. 128). Кстати сказать, что проф. А. А. Дмитріевскій, перечисляя источники для жизнеописанія Макарія по какой-то непонятной причинѣ смѣшиваетъ нашего Дапонте съ церков. историкомъ Макреемъ («Іоанно-богослов. монаст.», стр. 437, примѣч.). Третій греческій писатель Димитрій Прокопій (XVIII в.) въ своемъ сочиненіи: «О ученыхъ Грекахъ», хотя и пишетъ болѣе правдивую характеристику Макарія, чѣмъ двое вышеупомянутыхъ писателей, но, къ сожалѣнію, свѣдѣнія, сообщаемыя Прокопіемъ, очень кратки; да и къ тому онъ, кажется, могъ бы обойтись безъ такихъ пышныхъ эпитетовъ по отношенію къ Макарію, какъ: σοφὸς и πεπαδευμένος τὴν θύραθεν φιλοσοφίαν (ibid., p. 501). О четвертомъ же греческомъ писателѣ Ефремѣ Аѳинянинѣ (тоже XVIII-го вѣка) и упоминать едва ли стоитъ. Онъ говоритъ о Макаріи въ предисловіи къ изданной имъ «риторикѣ» этого патмосскаго учителя, и говоритъ такъ, какъ обыкновенно говорятъ издатели, рекламируя товаръ. По словамъ Ефрема Макарій былъ такъ ученъ «какъ никто другой». Дальше этого, конечно, не можетъ простираться и реклама. (Σάθα. Νεοελληνικὴ φιλολογία: Βιογραφίαι, σελ. 440).

ковъ проходило въ томъ, что они пѣли „параклиси“ за здравіе болящаго [1]). Но надеждамъ ихъ не суждено было исполниться. Макарій на вѣки оставилъ сиротствующую безъ него школу.

За этимъ великимъ бѣдствіемъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ несчастій подорвавшихъ значеніе школы. Можно сказать, что по смерти Макарія школа все болѣе и болѣе падала. Правда, число учениковъ въ ней иногда доходило до 200 человѣкъ, но вся сила каждой школы не въ числѣ учащихся, а въ достоинствѣ наставниковъ и преподаванія, между тѣмъ ни преемники Макарія по учительству, ни ихъ преподаваніе не превосходили уровня посредственности.—Первымъ преемникомъ Макарія по учительской должности былъ іеромонахъ Герасимъ, извѣстный съ именемъ византійца. Этотъ учитель былъ человѣкъ крайне болѣзненный и почти все время болѣлъ и лѣчился. Герасимъ былъ ученикомъ Макарія и получилъ свое образованіе исключительно подъ руководствомъ послѣдняго. Слишкомъ 12 лѣтъ онъ оставался при Макаріи и сдѣлался помощникомъ его въ преподаваніи наукъ. Барскій былъ высокаго мнѣнія о познаніяхъ Герасима; въ особенности восхваляетъ его за „граматическое искуство“; но если это и справедливо, то во всякомъ случаѣ новый учитель Патмосской школы не блисталъ умственными способностями, ибо нашъ „историкъ“ (какъ именуетъ себя Барскій) не скрываетъ, что Герасиму трудно давалась наука. „Сіе же онъ пріобрѣте себѣ—говоритъ Барскій—не отъ бистроты естественной, но отъ великаго прилежанія, ибо трудолюбивъ бяше“. Патмосскіе ученики возлагали было большія надежды на новаго учителя, и въ этомъ находили себѣ утѣшеніе въ потерѣ опытнаго и искуснаго наставника, т. е. Макарія. Но ожиданія учениковъ нимало не оправдались. Герасимъ открылъ грамматическій курсъ и началъ излагать что-то по философіи, но преподаваніе не пошло обычнымъ заведеннымъ порядкомъ. Шесть мѣсяцевъ еще могъ протянуть свою учительскую должность Герасимъ, да и то не очень аккуратно: болѣзнь его все усиливалась и усиливалась. Наконецъ,

[1]) Барскаго, II, 345—346.

нъ изнемогъ подъ ея тяжестію и прекратилъ уроки. арскій, впрочемъ, остался очень благодарнымъ этому чителю и за то, что онъ успѣлъ сдѣлать для школы, —ибо онъ—по свидѣтельству Барскаго—„зѣло изрядно аучаше“. Герасимъ не только прекратилъ уроки, но и овсѣмъ покинулъ островъ, предоставивъ учениковъ на роизволъ судьбы. Онъ уѣхалъ лечиться въ Смирну и по еобъяснимой причинѣ захватилъ съ собою еще и нѣкого монаха Василія, который могъ бы хоть сколько-нибудь замѣнить болящаго учителя, и который дѣйствительно впослѣдствіи сдѣлался преемникомъ Герасима по должности преподавателя. Учитель уѣхалъ, и въ школѣ остались ученики да книги. Печальное положеніе школы! И такъ продолжалось цѣлый годъ. Правда, Герасимъ вмѣсто себя водворилъ какого-то, по выраженію Барскаго „приставника“ (и это въ такъ называемой Академіи!?), которому поручено было заниматься наукой съ новичками; но понятно, къ какимъ послѣдствіямъ это повело. Нѣкоторые изъ учениковъ, пребывавшихъ здѣсь съ цѣлію изучать высшій курсъ наукъ, не желая тратить попусту время, разбрелись въ „инны страны“ и такихъ, конечно, было не мало. Школа начала пустѣть. Но вотъ по истеченіи года возвратился изъ Смирны Герасимъ, но возвратился еще болѣе хворымъ, чѣмъ какимъ уѣхалъ туда. Впрочемъ, хотя чрезъ силу, онъ принялся опять за преподаваніе, но его энергіи хватило лишь на „малое время“. Измученный болѣзнію, Герасимъ окончательно бросаетъ школу и уѣзжаетъ въ этотъ разъ на о. Критъ въ надеждѣ найти тамъ исцѣленіе отъ болѣзни—но вмѣсто исцѣленія онъ нашелъ себѣ тамъ преждевременную смерть [1]) († 1740 г.).

Дѣла въ Патмосской школѣ пошли еще хуже. Учителемъ въ школѣ по отъѣздѣ Герасима въ Критъ сдѣлался монахъ Василій Куталиносъ, ученикъ Макарія и Герасима, не имѣвшій никакого значенія въ глазахъ учениковъ. Барскій замѣчаетъ о немъ, что онъ былъ „искусенъ въ художествѣ Эллинскихъ ученій“, но затѣмъ не сообщаетъ никакихъ извѣстій, изъ которыхъ можно было сдѣлать

[1]) Тамъ-же, II, 347—348. 350—351. Σάθα. Νεοελλην. φιλολογία, σελ. 600.

благопріятный выводъ о достоинствахъ Герасимова преемника. Да какъ увидимъ впослѣдствіи и въ самомъ дѣлѣ хвалить Василія Куталиноса было не за что. Назначеніе Куталиноса на должность наставника въ школѣ произвело удручающее впечатлѣніе. Послѣдовало неудержимое бѣгство учениковъ съ Патмоса. Многіе уѣхали „во своя-си": „разбѣгошася яко овцы, оставшіися пастыря" (по замѣчанію Барскаго). Барскій впрочемъ не увлекся въ этомъ случаѣ примѣромъ своихъ сотоварищей. Онъ остался въ школѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими скромными любителями наукъ; но таковыхъ, считая въ томъ числѣ и нашего соотечественника, было немного болѣе 12 человѣкъ. Были времена—школа имѣла сотню учениковъ, но эти времена прошли. Удержавшіеся отъ бѣгства учиники принялись за науку. „Азъ же прилежахъ, елико же можахъ", говоритъ о себѣ при этомъ случаѣ Барскій; то-же, конечно, дѣлали и другіе. Но не даромъ говорится, что бѣда не приходитъ одна. Лишь только наладилось ученье въ школѣ при новомъ учителѣ, какъ пришлось прервать его. Въ 1740 году островъ постигла страшная гостья—моровая язва—и „училище затворися", школа закрылась. Шесть мѣсяцевъ дѣлала свое дѣло губительная болѣзнь и потомъ утихла. Но не совсѣмъ прошла. Вторично проявилось это „губительство" на островѣ, къ счастію, на короткое время. Все это мѣшало школѣ правильно вести свое дѣло. Но дѣло не остановилось [1]). Барскій и его товарищи стойко выдержали это несчастіе, по крайней мѣрѣ нашъ паломникъ не говоритъ, чтобы число учениковъ еще уменьшилось по сравненію съ тѣмъ, какое было въ началѣ открытія курса наукъ при учителѣ Василіи [2]). Во всякомъ случаѣ начался вялый періодъ въ жизни школы и продолжался онъ во все время единоличнаго учительствованія Василія—почти 30 лѣтъ [3]). Нашъ соотечественникъ Барскій разлучился со школою Патмосскою въ

---

[1]) Барскаго, II, 351—2. 354. Σάθα. Νεοελλην. φιλολογία, σελ. 600.

[2]) Вопреки мнѣнія проф. А. А. Дмитріевскаго, ссылающагося въ доказательство противнаго на свидѣтельство историка Макрея, который однакожъ не описывалъ сороковыхъ годовъ XVIII-го вѣка греческой церкви. «Іоанно-богосл. монастырь», 454. Слич. Барскаго, II, 361.

[3]) Проф. Дмитріевскаго, тамъ-же.

743 году. Уѣхалъ онъ съ Патмоса, прекратился и дневникъ его, сообщающій такъ много интереснаго объ изучаемой нами школѣ—а съ этимъ мы лишились наблюдательнаго и неподкупнаго свидѣтеля историческихъ фактовъ, касающихся той-же школы.

Разставаясь съ Григоровичемъ-Барскимъ, скажемъ нѣсколько словъ о школьныхъ его годахъ, проведенныхъ на о. Патмосѣ. Это дастъ намъ возможность нѣсколько познакомиться съ бытомъ учениковъ Патмосской школы, о чемъ еще у насъ не было рѣчи. Барскій провелъ на Патмосѣ много времени, именно „шесть лѣтъ и 4 мѣсяца" (или даже больше) [1]). Но не все это время на самомъ дѣлѣ прошло въ изученіи наукъ, часть его по разнымъ обстоятельствамъ, о которыхъ мы уже упоминали (годичное странствованіе учителя Герасима, двукратная чума), прошла безъ пользы. Всего на занятіе наукой Барскимъ употреблено по его вычисленію 4 года съ половиной [2]). Впрочемъ никогда онъ не оставался безъ дѣла. Такъ въ годичное отсутствіе учителя Герасима онъ переписывалъ для себя какія-то секстерны. А въ теченіе чумы онъ составилъ латино-греческую грамматику, о которой уже было говорено раньше. Находясь на островѣ, Барскій прошелъ курсъ „еллино-греческой" грамматики, логику и то, что онъ называетъ „полфизикой" [3]). Больше всего доволенъ Барскій своими успѣхами по части „еллино-греческой" грамматики. Но этимъ онъ былъ обязанъ не столько школѣ и учителямъ, сколько самому себѣ и своей прежней подготовкѣ; „въ семъ мнѣ помоществова латинское поученіе—говоритъ онъ,—егоже еще въ отечествѣ издѣтства поучахся" [4]). Началъ Барскій изученіе курса наукъ греческимъ языкомъ, которымъ онъ занимался особенно усердно, и кончилъ полфизикой (или какъ онъ иначе выражается: „полфизицей"). Повидимому, ему не удалось довести изученіе этой науки до возможнаго совершенства за поспѣшнымъ отъѣздомъ съ острова [5]). Учился же

[1]) Барскаго, II, 352, сл. 360—361.
[2]) Тамъ-же, 352.
[3]) Тамъ-же, 350—351. 354.
[4]) Тамъ-же, 356.
[5]) Тамъ-же, 359.

Барскій въ Патмосской школѣ все время учительствованія Герасима (1737—1738 г.), а затѣмъ въ первые годы управленія Василія Куталиноса школой. О Герасимѣ Барскій вспоминалъ съ признательностію не только потому, что наставникъ былъ многосвѣдущъ, очень добръ и ласковъ, но и потому еще, что онъ отличался замѣчательною любовію къ русскому народу [1] (дѣйствительно, рѣдкость между Греками!). О другомъ учителѣ — Василіи Барскій воздерживается дѣлать какіе-либо отзывы: очевидно, онъ не былъ въ восторгѣ отъ него, какъ не были довольны имъ и другіе ученики школы.— Можно догадываться; что и преемники іеродидаскала (какъ иногда называютъ его наши источники) Макарія придерживались того-же основнаго педагогическаго метода, какой практиковался при этомъ основателѣ школы. Именно ученики были „переписчиками" преподаваемыхъ уроковъ. Такъ, по словамъ Барскаго, во время чумы онъ занялся сочиненіемъ грамматики, единственно потому, что у него не было подъ руками настоящаго школьнаго дѣла („не имущи что предьуготовленно къ писанію" [2]), то есть для списыванія). Жить Барскому пришлось сначала не въ училищномъ зданіи, при монастырѣ, а въ городѣ, но потомъ онъ перебрался въ самое училище [3]). Когда онъ прибылъ на Патмосъ и когда еще живъ былъ Макарій, учениковъ было такъ много, что нашему паломнику не оказалось мѣста въ училищномъ корпусѣ. Поэтому, онъ помѣстился очень неудобно—въ городѣ на какой-то высокой скалѣ („на горѣ, въ градѣ") на разстояніи версты отъ училища, въ которое отсюда велъ каменистый путь, неудобный въ случаѣ какъ спуска, такъ и восхожденія [4]). А хуже всего былъ „домецъ", въ которомъ пришлось здѣсь жить Барскому. Домецъ этотъ былъ тѣсенъ, глубоко уходилъ въ землю, не имѣлъ ни окна и никакого отверстія кромѣ двери. Полагать можно, что этой квартирой Барскаго

---

[1]) Тамъ-же, 350—351.
[2]) Тамъ-же, 354.
[3]) Тамъ же, 358. Время проведенное Барскимъ въ зданіи училища и внѣ его, онъ опредѣляетъ такъ: «въ училищи жительствовахъ полтретя года, полтретя бо года во градѣ» (т. е. не въ зданіи школы).
[4]) Тамъ-же, 350.

снабдилъ Іоаннобогословскій монастырь, возлѣ стѣны котораго она и помѣщалась. И въ этой-то ужасной дырѣ пришлось ему провести все время моровой язвы—и притомъ почти безвыходно. Подлинно только милость Божія спасла его отъ неминуемой гибели во время смертоноснаго повѣтрія. Описывая свою крайне тяжелую и окруженную опасностями жизнь въ вышеуказанномъ „домцѣ", Барскій говоритъ: „благодарю безмѣрное милосердіе Божіе, яко сохрани мя жива всемощною своею силою [1])". Къ счастію для нашего соотечественника, по совершенномъ прекращеніи чумы, онъ переведенъ былъ на жительство въ училищное зданіе. Сначала, въ первые годы открытія школы, при Макаріи, она помѣщалась въ одномъ скитѣ при Іоанно-богословскомъ монастырѣ и занимала девять небольшихъ келлій; весь скитъ былъ окруженъ высокою стѣною въ 3 сажени и имѣлъ двое узкихъ воротъ. Но потомъ, при Макаріи же (въ 1729 г.) училище получило значительный просторъ. Нашелся одинъ константинопольскій богатый купецъ (Манолаки), который невдалекѣ отъ вышеуказаннаго школьнаго помѣщенія построилъ новый училищный корпусъ „на подобіе монастирца"; здѣсь устроены были классныя комнаты и шестнадцать келлій для жительства учениковъ [2]). Старое и новое зданія школы составили одно цѣлое—эллинское училище. Съ теченіемъ времени Барскій помѣстился въ этомъ новомъ зданіи — „на подобіе монастирца". Нужно думать, что въ школьномъ зданіи онъ былъ доволенъ помѣщеніемъ. Впрочемъ Барскій ничего не говоритъ объ условіяхъ жизни въ конвиктѣ. Одно можно утверждать, что школа давала ученикамъ только уголъ, самыя стѣны, а больше ничего. Барскій во все время пребыванія на островѣ питался милостынею, даваемою отъ монастыря. Милостыня эта была очень скудна. На недѣлю ему выдавалось пять маленькихъ хлѣбцовъ „малихъ аки булокъ" и притомъ нисшаго качества—„черниxь". Больше же ничего. Такіе хлѣбцы доставлялись ему и въ теченіе моровой язвы. Само собой понятно, что на такой пищѣ можно было съ голоду по-

[1]) Тамъ-же, 353—354.
[2]) Тамъ-же, 188. 358.

мереть. Но какъ извѣстно, голь на выдумки хитра. Поэтому, Барскій началъ давать уроки для того, чтобы добыть себѣ еще хлѣба и прочаго, что необходимо нужно, подобно тому, какъ дѣлаютъ студенты нашихъ большихъ городовъ. Онъ сталъ учить мальцовъ церковному чтенію по гречески, а также греческой грамматикѣ. Такихъ маленькихъ учениковъ училось у него по двое—по трое. Но этотъ родъ самопомощи мало обезпечивалъ русскаго самоотвержаннаго человѣка. Родители его учениковъ часто обманывали Барскаго и не платили ему условленной платы: „родителы ихъ безсовѣстни не дадоша никаковой мзди". Въ первое время перебывало у Барскаго 10 учениковъ, и только за троихъ изъ нихъ онъ получилъ вознагражденіе отъ родителей. Хороши же были жители острова! Ни святость мѣста (по преданію Іоаннъ Богословъ, какъ извѣстно, на Патмосѣ написалъ Апокалипсисъ и здѣсь же претерпѣлъ подвигъ исповѣдничества) ни нищета иностранца, проживавшаго на дальней чужбинѣ безъ родныхъ и знакомыхъ, ни таланты учителя („многихъ изучихъ чтенія и писанія" говоритъ о себѣ нашъ соотечественникъ)—ничто не помогло бѣдному скитальцу. Барскій вздумалъ было жаловаться начальству острова на своихъ должниковъ,—но изъ этого ничего не вышло. На Патмосѣ царило самоволіе,—и тутъ-то нашему грекофилу пришлось пожалѣть, что нѣтъ на островѣ законной власти, т. е. турецкой. По его словамъ, самоуправство островитянъ происходило именно вслѣдствіе этой причины: „понеже не имутъ Турка надъ главою" (sic!). Особенно тревожило и возмущало Барскаго то, что Патмосскіе священники были не только не лучше мірянъ, но даже несравненно хуже. Міряне только не платили денегъ, а священники—мало того обманывали—да ктому еще дѣлали непріятности скромному учителю. Такъ одинъ священникъ не удовольствовался тѣмъ, что не заплатилъ Барскому денегъ за обученіе своего сына, въ добавокъ еще неистово обругалъ голодавшаго чужестранца. „Не точію не даде мнѣ мзди, но и обезчести мя таковыми злословнимы словеси, яковыхъ азъ—признается Барскій—отъ рожденія моего не слышахъ". Дѣло и на этомъ не кончилось: неблагодарный греческій священникъ въ те-

ченіе цѣлаго года преслѣдовалъ несчастнаго молодаго человѣка различными клеветами. Другой примѣръ въ томъ же родѣ. „Синъ попа изучився отъ мене писанія—повѣствуетъ потерпѣвшій—убѣже безъ благодаренія. Отецъ же его не точію не даде мнѣ за труди ничтоже, но и враждова на мя многое время". Счастливѣе былъ Барскій по части учениковъ въ послѣдніе годы пребыванія своего на Патмосѣ. Онъ давалъ уроки двумъ мальчикамъ—братьямъ, родомъ изъ Смирны. Отецъ этихъ пришельцевъ хвалилъ его и благодарилъ учителя самымъ дѣломъ [1]). Одинъ ли Барскій изъ числа школяровъ заработывалъ себѣ деньги уроками—неизвѣстно. Но это очень вѣроятно, ибо по словамъ Барскаго въ средѣ учениковъ Патмосской школы было не мало и „убогихъ" [2]), т. е. бѣдняковъ. Судя по тому, что разсказываетъ о себѣ нашъ соотечественникъ, непривлекательнымъ представляется бытъ патмосскихъ школяровъ, по крайней мѣрѣ неимущихъ, а такихъ, какъ извѣстно, въ училищахъ всегда бываетъ больше, чѣмъ имущихъ. Самъ же Барскій пишетъ, что онъ проводилъ жизнь на Патмосѣ въ „нищетѣ" и свое пребываніе здѣсь называетъ прискорбнымъ и многоскорбнымъ [3]).

Доскажемъ прерванную нами исторію Патмосской школы. Третій учитель ея, Василій Куталиносъ, въ теченіе первыхъ 30-ти лѣтъ управленія и преподаванія въ ней довелъ ее до сущаго банкротства во всѣхъ отношеніяхъ. И не кому было обратить на положеніе дѣлъ школы хоть какое-нибудь вниманіе. Конецъ безцвѣтному положенію школы положилъ энергическій патріархъ Константинопольскій Самуилъ и его преемникъ Ѳеодосій II (1763—1773 г.). Они изобличили неуспѣшность преподаванія и общее нерадѣніе о школѣ Василія Куталиноса [4]). Въ 1769 году

---

[1]) Тамъ-же, 355—356.

[2]) Тамъ-же, 188.

[3]) Тамъ-же, 356. 359.

[4]) Къ обстоятельствамъ, принадлежащимъ ко времени управленія школою Василія Куталиноса и заслуживающимъ упоминанія, относится слѣдующее: въ 1745 г. Константинопольскій патріархъ Паисій выдалъ синодальную грамоту, изъ которой узнаёмъ, что представители цеха мѣховщиковъ (такой цехъ дѣйствительно существуетъ) собрали капиталъ въ 3500 грошей, съ тѣмъ, чтобы проценты съ него шли на воспособленіе бѣднѣйшимъ ученикамъ Патмосской школы (Γεδεὼν. Χρονικὰ τῆς πατριαρχικ. Ἀκαδημ.,

въ школу присланъ былъ второй учитель—монахъ Даніилъ Керамевсъ, который сталъ вести школьное дѣло вмѣстѣ съ Василіемъ. Въ школу снова стали стекаться юноши, жаждущіе просвѣщенія—и такихъ набралось болѣе 200 человѣкъ. Этимъ школа обязана исключительно способностямъ и дѣятельности Даніила Керамевса. Но его преподаваніе наукъ было, кажется, не безъ тѣневыхъ сторонъ. „Альфой и Омегой“ его грамматическаго курса была старинная грамматика Θеодора Газа „совершенно непонятная“ (совершенно непонятная!) [1]. Дѣйствительно, эта грамматика представляла собой что-то очень странное и дикое. Неофитъ Кавсокаливитъ (XVIII в.) долженъ былъ написать на нее комментарій, занявшій 1000 страницъ [2]. Какой ученикъ могъ осилить такую премудрость и зачѣмъ—вопросъ, на который могъ бы отвѣчать развѣ самъ Керамевсъ. Какъ бы то ни было, школа Патмосская еще не долго просуществовала. Керамевсъ умеръ въ первомъ году XIX-го вѣка и школа окончательно пала [3].

---

229). Любопытно знать: великъ ли это капиталъ? Греческій грошъ (τὸ γρόσιον) значитъ піастръ, а піастръ равняется нашимъ копѣйкамъ семи. А если такъ, то выходитъ, что константинопольскіе греки—коммерсанты не особенно расщедрились, дѣлая пожертвованіе на Патмосскую школу. Подтвержденіе этого нашего взгляда можно находить какъ въ томъ, что, наприм., проф. Е. Е. Голубинскій 1000 грошей считаетъ равными нашимъ 55 р. 50 к. (Очеркъ исторіи просвѣщенія у Грековъ: «Правосл. Обозр.», 1872, т. I, 723), такъ и въ томъ, что ученый Константинопольскій патріархъ Константій I жалованье «въ 200 грошей именуетъ «несчастными грошами» (рѣчь идетъ о XVII-мъ вѣкѣ, когда деньги были дороже теперешняго времени. Σάθα, 377). На этомъ и можно было бы покончить съ вопросомъ. Но насъ смущаетъ греческій историкъ Гедеонъ, который неизвѣстно на какихъ основаніяхъ цѣнность стариннаго гроша поднимаетъ, чуть не до пяти франковъ (см. вышеук. его сочиненіе, 151). Вѣрный это счетъ или же греко-патріотическій; т. е. облыжный (рѣчь у него идетъ о пожертвованіи Маврокордата)? Тотъ же Гедеонъ теперешній греческій грошъ считаетъ равнымъ одной пятой франка съ чѣмъ-то (книга его: χρονικὰ κ. τ. λ. стоющая 15 грошей, по его же объявленію, продается за $3^1/_2$ франка). Въ виду всего вышеуказаннаго, мы недоумѣваемъ: можно ли капиталъ въ 3500 грошей признавать сколько нибудь важнымъ пожертвованіемъ, а равно имѣли ли право Греки именовать Патмосскую школу напыщеннымъ названіемъ «общаго созданія всего (греческаго) народа» (см. у проф. Дмитріевскаго. Іоанно-богосл. монастырь, стр. 442, примѣч. 3)?

[1]) Проф. А. А. Дмитріевскаго «Іоанно-богосл. монастырь», 451—455. 460—461.

[2]) Σάθα. Νεοελλην. φιλολογία, σελ. 39.

[3]) Проф. Дмитріевскаго, стр. 465.

осле этого Патмосское училище низошло въ разрядъ изшихъ школъ Константинопольскаго патріархата. Да и еудивительно, если патмосскій пріютъ высшихъ накъ сравнительно не долго просуществовалъ на свѣтѣ. Іноки Патмосскаго Іоанно-богословскаго монастыря поазывали великое равнодушіе къ святилищу наукъ на ихъ стровѣ; они, по словамъ Константинопольскаго патріара Каллиника V-го (1801—1806 г.), „не только сами дѣаются предметомъ презрѣнія за свое невѣжество, но ставятся по той же причинѣ виновниками общаго поруанія прочихъ монашествующихъ лицъ" [1]. Такимъ обраомъ гораздо удивительнѣе то, что школа Патмосская, отя и съ грѣхомъ пополамъ, но протянула свое сущетвованіе едва не цѣлое столѣтіе.

Въ числѣ общеобразовательныхъ учрежденій, принадежащихъ къ патріархату Константинопольскому и изѣстныхъ въ исторіи греческой церкви, заслуживаетъ полнаго нашего вниманія школа Аѳонская, носившая имя Академіи. Эта школа съ достаточнымъ правомъ носила такое громкое названіе, но она имѣла странную судьбу: она зацвѣла и отцвѣла почти одновременно. Первое основаніе Аѳонской школы положено въ 1749 году. Она возникла по мысли игумена Аѳонскаго Ватопедскаго монастыря Неофита. Онъ построилъ вблизи монастыря на холмѣ школу, наставникомъ которой сдѣлался другой Неофитъ, по прозванію Кавсокаливитъ, принимавшій горяее участіе въ осуществленіи мысли Ватопедскаго игумеа. Учитель школы, Кавсокаливитъ, родился въ Пелопониссѣ, учился сначала въ Константинополѣ, а потомъ на Патмосѣ у извѣстнаго уже намъ тамошняго наставника Герасима Византійца; закончилъ же онъ свое образоаніе подъ руководствомъ знаменитаго Евгенія Булариса въ школѣ Яннинской. Затѣмъ онъ поселился на Аѳонѣ въ Кавсокаливитскомъ скиту (отъ котораго и полуилъ свое прозваніе), принялъ монашество и сталъ преодавать грамматику нѣкоторымъ изъ молодыхъ монаховъ. Отсюда уже онъ перешелъ на должность наставника шко-

---

[1] Miklosich et Müller. Acta et diplomata monasterium et eccleziarum orientis, m. III, p. 381. Вѣна, 1890. У проф. Дмитріевскаго, стр. 467.

лы Ватопедской [1]). Но школа эта едвали бы получила извѣстность, если бы стеченіе особенно благопріятныхъ обстоятельствъ не возвысило ея значеніе. Константинопольскому патріарху Кириллу V-ому (1748—1757 г.) пришла счастливая мысль перестроить уже существовавшую Ватопедскую школу, дать ей лучшихъ наставниковъ, расширить курсъ преподаванія въ ней до уровня высшаго учебнаго заведенія. Остается невыясненнымъ, что́ ближайшимъ образомъ побудило патріарха взяться за это благое дѣло, ибо отъ этого патріарха, при множествѣ его нравственныхъ недостаткахъ, трудно было ожидать благихъ начинаній [2]). Иногда думаютъ, что на этотъ путь направилъ патріарха знаменитый ученый Евгеній Булгарисъ [3]), но утверждать это со всею положительностію—нельзя. Нашлись добрые люди какъ среди іерарховъ, такъ и въ особенности среди богатыхъ мірянъ, пожертвовавшіе нужныя на устроеніе училища деньги,—и училище явилось [4]). Прежнее зданіе перестроено и школа получила наименованіе Академіи [5]). Выборъ мѣста для высшей школы, именно на Аѳонѣ, можно признать удачнымъ: св. гора богата матеріальными средствами, имѣла много книжныхъ сокровищницъ, давала необходимые для научной дѣятельности миръ и тишину. На построеніе зданій для Академіи денегъ, видно, не жалѣли; они построены были изъ тесаныхъ камней, представляли видъ квадратнаго монастыря, въ нѣсколько этажей; внутри постройки находился обширный дворъ, имѣвшій въ своемъ центрѣ небольшую церковь пророка Иліи [6]).

Во главѣ Аѳонской Академіи поставленъ былъ Евгеній Булгарисъ, которому назначено было неслыханное въ то время жалованье въ 1000 грошей. На вратахъ Академіи Булгарисъ, по подражанію философу Платону, прика-

---

[1]) Σάθα. Νεοελλην. φιλολογία, 510.

[2]) Μάθα. Κατάλογος τῶν πρότων ἐπισκόπον καὶ τῶν πατριαρχῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει, σελ. 318. Изданіе второе. Аѳины, 1884.

[3]) Порфирія Успенскаго, епископа. Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри. Часть II, отдѣленіе 2-ое, стр. 62. М. 1880.

[4]) Μάθα, въ вышеуказ. сочиненіи, 318.

[5]) Σάθα. Νεοελλην. φιλολογία, 510.

[6]) Порфирія епископа, въ вышеук. сочиненіи, стр. 62. Γεδεών, Χρονικὰ τῆς πατριαρχικῆς Ακαδημίας, σελ. 162.

пъ начертить слѣдующую надпись: γεωμετρήσων εισίτω. ωὐ λόωτῷ μὴ θέλοντι συζυγήσω τάς θύρας (умѣстно ли это?). По-ощниками его въ управленіи и преподаваніи были сдѣ-.ны — вышеупомянутый нами Неофитъ Кавсокаливитъ,)ежній учитель Ватопедской школы, и Панагіотъ Пала-ı, ученикъ Булгариса по Яннинской школѣ, докончившій)томъ свое образованіе въ Константинополѣ. Булгарисъ ıялъ на себя преподаваніе многихъ и самыхъ трудныхъ ıукъ—риторики, логики, метафизики и богословія [1]); фи-)софскія науки онъ сталъ преподавать, придерживаясь)вѣйшихъ воззрѣній, принятыхъ на западѣ [2]). А Кавсо-ıливитъ сталъ давать уроки по эллинской филологіи. ретій преподаватель Панагіотъ Палама читалъ въ Ака-:міи эллинскую словесность, и съ такимъ успѣхомъ, что ѣкоторые изъ студентовъ отдавали предпочтеніе его лек-:ямъ предъ лекціями самого главы школы [3]). Академія ыстро наполнилась многочисленными учениками. По сло-ıмъ самого Евгенія до него было 20, а при немъ почти)0 человѣкъ [4]). И не даромъ они спѣшили сюда. Бул-ırисъ употребилъ всѣ мѣры, чтобы школа приносила ногіе и лучшіе плоды. Булгарисъ обнаружилъ необык-)венное усердіе въ преподаваніи наукъ. Онъ обязанъ ıлъ давать два урока въ день, а на самомъ дѣлѣ да-ıлъ четыре. И притомъ каждый его урокъ по продол-ительности своей выходилъ изъ нормы. Онъ занимал-: съ учениками до тѣхъ поръ, пока они не начинали)ичать: „довольно". Предъ каникулами Булгарисъ за-)ывалъ школу не ранѣе того, какъ сами ученики на-ıнали настоятельно просить его объ этомъ. Нисколь-) не обязанный къ тому, онъ открылъ сверхштат-ый предметъ преподаванія — латынь, и платилъ учи-елю латинскаго языка изъ собственныхъ денегъ. Вооб-ще помощниковъ по части преподаванія у него было боль-ше, чѣмъ сколько полагалось по штату [5]), а плату они

[1]) Σάθα. Νεονελλην. φιλολογία, 567. 579. Порфирія епископа, стр. 63.
[2]) Μάθα, σελ. 318.
[3]) Σάθα. Νεοελλην. φιλολογία, σελ. 513. 573.
[4]) Γεδεὼν, Χρονικά κ. λ., σελ. 166.
[5]) Къ числу такихъ сверхштатныхъ учителей относится, кажется, нѣкто Кипріанъ Александріецъ, изъ числа прежнихъ учениковъ Булгариса. Онъ

получали изъ личныхъ средствъ Булгариса. Онъ помогалъ нуждающимся ученикамъ, употребляя на это часть своего жалованья. Вообще онъ говорилъ о себѣ: „я бился изо всѣхъ силъ, чтобы поставить какъ можно лучше свою Академію; для достиженія этой цѣли я не жалѣлъ ни своего здоровья, ни денегъ" [1]). И его усилія даромъ не пропадали. По словамъ Захаріи Маты (подъ именемъ котораго скрывается знаменитый греческій писатель Константинъ Экономосъ): „ученики Булгариса повсюду въ Греціи разнесли свѣтъ того образованія, какое они получили въ Аѳонской школѣ" [2]). Мануилъ же Гедеонъ пишетъ: „кто осматривалъ Аѳонскія библіотеки и находящіяся въ нихъ рукописи, тотъ находитъ не мало такихъ, которыя писаны святогорскими монахами, прошедшими школу славнаго Евгенія" [3]).

Но, къ сожалѣнію, Аѳонская Академія чрезвычайно скоро закрылась и притомъ навсегда. Она просуществовала лишь 1753—1757 года. Что за причина такого страннаго и неожиданнаго происшествія? Она закрылась потому, что ее вдругъ бросилъ Булгарисъ (а съ нимъ Кавсокаливитъ); а почему онъ бросилъ свое любимое дѣтище, относительно этого встрѣчаемъ не мало сужденій. Преосвященный Порфирій (Успенскій) въ объясненіи факта говоритъ: „игумены Аѳонскихъ монастырей вооружились противъ Булгариса, обвиняя его въ недостаточномъ послушаніи святой церкви и въ уступчивости съ его стороны гнуснымъ и постыднымъ страстямъ. Противъ него настроены были и нѣкоторые его ученики". Но такого рода обвиненіямъ авторъ немного вѣритъ. Къ вышеприведеннымъ словамъ онъ прибавляетъ: „сильно и глубоко оскорбленный Евгеній покинулъ славное дѣло свое на землѣ неблагодарной. Такъ трудолюбивый земледѣлецъ— меланхолически разсуждаетъ авторъ—видя саранчу на по-

---

занималъ должность второстепеннаго значенія (что-то въ родѣ тутора). Онъ учительствовалъ въ Академіи очень не долго. Σάθα. Ἑλληνικὴ φιλολογία, 512—513.

[1]) Проф. А. Лебедева (Харьковскаго). Евгеній Булгарисъ, архіеп. Словенскій («Древняя и новая Россія»—не существующій уже журналъ, 1876, кн. 3, стр. 212—213. Изъ письма Булгариса къ патр. Кириллу V-му).

[2]) Μάθα, σελ. 319.

[3]) Γεδεὼν, Χρονικὰ κ. λ., σελ. 166.

съвѣ его, бѣжитъ, закрывъ свою голову" [1]). Другой писатель греческій, Захарія Мата (т. е. К. Экономосъ), разъясняя разсматриваемый фактъ, говоритъ: „интригующіе монахи (Аѳонскіе) начали нашептывать болѣе простодушнымъ изъ нихъ, что школа ни къ чему не ведетъ въ трудномъ монашескомъ дѣланіи, поэтому Булгарисъ, усматривая возникшую вслѣдствіе этихъ соблазновъ смуту, покинулъ Аѳонскую Академію" [2]). Это объясненіе немногимъ отличается отъ предъидущаго, разнясь отъ него въ томъ, что оставляетъ въ сторонѣ личность самого Евгенія. Есть еще объясненіе отказа Булгариса отъ завѣдыванія и преподаванія въ Аѳонской школѣ и соединеннаго съ этимъ отказомъ запустѣнія этой школы; оно принадлежитъ самому потерпѣвшему. Существуетъ письмо Булгариса къ патріарху Кириллу V-му, который, нужно замѣтить, въ это время, когда произошла катастрофа, былъ уже въ отставкѣ и проживалъ на Аѳонѣ. Потерпѣвшій во всемъ винилъ этого патріарха. Дѣйствительно, Кириллъ V-й, и проживая на покоѣ на св. горѣ, могъ причинять непріятности указанному лицу, потому что, въ качествѣ бывшаго іерарха вселенскаго престола, онъ не лишенъ былъ права наблюденія надъ Аѳонскими монастырями и въ частности надъ школой здѣсь; притомъ же Кириллъ не отличался высокими нравственными качествами и способенъ былъ на многое худое: не входя въ подробную характеристику экспатріарха, достаточно сказать, что—по отзыву Маты (К. Экономоса), онъ „подобно разбойнику тиранствовалъ въ церкви" (ἐτυράννησε τὴν ἐκκλησίαν λῃστρικῶς) во время своего патріаршествованія [3]). Но послушаемъ, что писалъ Булгарисъ въ письмѣ къ экспатріарху — по оставленіи имъ школы. Выставляя виновникомъ своего несчастія и гибели школы патріарха Кирилла, онъ даетъ знать, что Кириллъ вообразилъ,—будто профессоръ Аѳонской Академіи желалъ соперничать съ бывшимъ патріархомъ и держался слишкомъ спѣсиво. Для того, чтобы докорить заносчиваго профессора, какимъ считалъ экспатріархъ Булгариса, первый—по словамъ втораго—подучилъ

[1]) Преосв. Порфирія, въ вышеуказ. сочиненіи, 63.
[2]) Μάθα, 319.
[3]) Μάθα, σελ. 152.

монаховъ и учениковъ подать Константинопольскому патіарху и Синоду жалобу на профессора школы. А для того, чтобы жалоба имѣла больше значенія, экспатріархъ заставилъ подъ нею подписаться и такихъ лицъ, которые не были расположены къ такому дѣйствію, напр. нѣкоторыхъ учениковъ школы; ктомуже Кириллъ — по словамъ Булгариса — угораздился добыть компрометирующія обвиняемаго какія-то показанія нѣкоторыхъ недостойныхъ учениковъ школы, даже слугъ и носильщиковъ дровъ и воды, совершенныхъ неучей [1]).

Оппозиція, создавшаяся на Аѳонѣ и направлявшаяся противъ знаменитаго профессора, зашла такъ далеко, что „ему грозили даже розгами“ [2]). Признаться: ужъ это слишкомъ! Такимъ образомъ даже личная безопасность требовала, чтобы Булгарисъ отрясъ прахъ съ ногъ своихъ и ушелъ изъ школы и съ Аѳона.

Мы сгруппировали выше всѣ извѣстныя намъ объясненія печальнаго факта, т. е. удаленія Булгариса изъ Аѳонской Академіи и закрытія этой послѣдней. Можно ли сказать, что всѣ они въ совокупности достаточно разъясняютъ дѣло и удовлетворяютъ историка? Намъ кажется, нѣтъ. Мы не сомнѣваемся, толкователи явленія указывали на дѣйствительные факты, сопровождавшіе происшествіе. Но остается все-таки недостаточно раскрытымъ такъ сказать самый корень, изъ котораго выросло случившееся. Нужно знать, что Булгарису вообще — какъ говорится — не везло въ профессорской дѣятельности. Онъ преподавалъ сначала въ яннинской школѣ, пользовавшейся извѣстностію въ то время, — но долженъ былъ кинуть эту школу; профессорствовалъ на Аѳонѣ, но и отсюда ушелъ „со скандаломъ“; профессорствовалъ онъ наконецъ въ самомъ Константинополѣ въ т. н. патріаршей Академіи, о чемъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, но и здѣсь по неудовольствію на него патріарха долженъ былъ выдти, изъ состава преподавателей школы. Отчего-же это такъ? Причина неудачъ Булгариса заключалась въ томъ, что онъ, какъ профессоръ, со своими воззрѣніями не под-

[1]) Проф. А. Лебедева (Харьковскаго), въ вышеуказ. его статьѣ (письмо Евгенія къ Кириллу), стр. 213.
[2]) Епископа Порфирія, стр. 63.

ходилъ къ тѣмъ требованіямъ, какія предъявляла тогда греческая школа къ ея преподавателямъ. Булгарисъ стоялъ выше этихъ требованій и за это страдалъ. Всѣ греческіе историки въ одинъ голосъ утверждаютъ, что онъ велъ преподаваніе наукъ, сообразуясь съ новыми западными взглядами на нее (κατὰ τὰς νεωτέρας θεωρίας) [1]). Это многимъ не нравилось въ тогдашнемъ греческомъ обществѣ. Въ Янинѣ учителя школъ, коллеги Булгариса по профессіи, находили, что „ученъ-то ученъ, да къ сожалѣнію, атеистъ". Во главѣ этихъ болтуновъ стоялъ человѣкъ, считавшійся ученымъ (ἀνὴρ πολυμαθής), наставникъ Янинской школы по имени Баланъ, который „изъ осторожности (!) чуждался всякой новизны въ философіи"; у этого главаря нашлись приспѣшники (οἱ ὀπαδοί), вооружились противъ лекцій Булгариса—и сей послѣдній во избѣжаніе скандала (πρὸς ἀποφυγὴν τῶν σκανδάλων) бросилъ Янину [2]). Это первый случай въ жизни Булгариса. Другой, который можно назвать Аѳонской драмой, нами только-что подробно разсказанъ. Въ этой драмѣ обращаетъ наше особенное вниманіе обвиненіе Аѳонскихъ монаховъ противъ Булгариса въ томъ, что онъ „не обнаруживалъ полнаго послушанія св. церкви" (δὲν ἔδειξε πληρεστέραν ὑποταγὴν πρὸς τὴν ἐκκλησίαν). Очевидно, и въ этомъ случаѣ все дѣло въ „новыхъ научныхъ теоріяхъ". Эти-то теоріи и приготовили катастрофу. Булгарисъ, оставаясь при своихъ воззрѣніяхъ, не могъ быть угоденъ аѳонитамъ, а потому (βλέπων τὴν ἐκ τῶν σκανδάλων—все изъ-за этого — ταραχήν) [3]) разстался съ Аѳонской Академіей. Что-же касается патріарха Кирилла V-го, неблагодарныхъ учениковъ, монашескихъ козней, то это только обстановка драмы, сущность же драмы лежала много глубже. Припомнимъ, наконецъ, изъ-за чего Булгарису пришлось выдти изъ коллегіи професоровъ т. н. патріаршей Академіи въ Константинополѣ. Патріарху Константинопольскому Самуилу не нравилось, что Булгарисъ въ философіи не придерживался Аристотеля, т. е. что онъ мало уважалъ старинные

[1]) Μάθα, σελ. 318.

[2]) Σάθα. Νεοελλην. φιλολογία, 567. Проф. А. Лебедева, въ вышеуказ. статьѣ, 212.

[3]) Μάθα, 319.

авторитеты; а вмѣсто того позволялъ знакомить своихъ слушателей съ сомнительнаго достоинства, какъ казалось патріарху, новизнами въ наукѣ (*ἀπεστρέφετο τὰ παρ Εὐγενίου παραδιδόμενα, ὡς νεωτέρας φρενὸς κινήματα*) [1]). А результатъ такого взгляда на Булгариса намъ уже извѣстенъ: профессоръ очутился за порогомъ Академіи. Такимъ образомъ мы видимъ, что Аѳонская драма вовсе не случайность въ жизни Булгариса. Онъ вездѣ, во всѣхъ школахъ, гдѣ ему приходилось профессорствовать, возбуждалъ неудовольствіе своими богатыми познаніями и приверженностію къ новѣйшей западной наукѣ. Булгарисъ не соотвѣтствовалъ традиціямъ, которыми жила Греція XVIII вѣка. Да и могло ли быть иначе? Общникъ нѣмецкихъ профессоровъ, собесѣдникъ Вольтера, впослѣдствіи избранникъ Императрицы Екатерины II-ой (*εἰς τὸν φθόνον τῶν συνοδικῶν τῆς ἀρκτώας Ἐκκλησίας!*) [2])—могъ ли ужиться на Аѳонѣ? Вообще могъ ли даже найти себѣ правильную оцѣнку въ греческомъ обществѣ того времени, въ такомъ обществѣ, гдѣ ученые (?) люди продолжали еще думать, что математика вредна, „ибо приводитъ къ отрицанію постовъ" [3]).

Итакъ мы видимъ, что обстоятельства на несчастіе Булгариса сложились такъ, что онъ долженъ былъ не разъ бросать профессорскую дѣятельность, впрочемъ не обстоятельства сами по себѣ, а духъ времени требовалъ такой жертвы. Да, Булгарису, по его собственному выраженію, часто приходилось на жизненномъ пути пересаживаться „съ коня на осла", т. е. изъ лучшаго положенія попадать въ худшее. Счастіе не благопріятствовало ему. Въ исторіи же Аѳонской ему приходилось не только пересѣсть съ коня на осла, но даже прямо очутиться подъ копытами послѣдняго. Вѣдь ему „грозили розгами"!

Съ удаленіемъ Булгариса изъ Аѳонской Академіи главнымъ наставникомъ въ ней и схолархомъ сдѣланъ былъ нѣкто Аѳанасій Паросецъ, тотъ самый, который разсуж-

---

[1]) Γεδεών, Χρονικὰ τῆς πατριαρχ. Ἀκαδημίας, 163.

[2]) Гедеонъ, слова котораго мы здѣсь приводимъ (Χρονικά, 165), утверждаетъ, что Екатерина II назначила Булгариса архіепископомъ Словенскимъ и Херсонскимъ «къ досадѣ членовъ Синода сѣверной (русской) церкви». Правда ли это?

[3]) Γεδεών, ibidem, 248.

алъ, что „кто путешествовалъ по Европѣ, тотъ по этому амому (!) атеистъ и что математика ведетъ къ атеизму, акъ какъ первымъ результатомъ ея становится отрицаіе постовъ". Назначенъ былъ въ Академію человѣкъ съ одобными взглядами и на чье же мѣсто? На мѣсто Булариса, который глубоко сочувствовалъ „новѣйшимъ начнымъ теоріямъ" и конечно проводилъ ихъ въ сознаніе тудентовъ. Результатовъ такого назначенія начальниомъ въ Академію отъявленнаго врага Европы и научыхъ интересовъ не долго пришлось ждать. Студенты одняли бунтъ и Академія навсегда прекратила свое существованіе. Аѳанасій Паросецъ бросилъ Академію, вслѣдтвіе, конечно, не случайной „безпорядочности и непослушанія учениковъ [1]). Исторія Аѳонской Академіи на томъ и кончается.

Гибель Академіи оплакана была однимъ изъ учениковъ Евгенія Булгариса, Черноводскимъ уроженцемъ изъ Болгаріи, Іосиппомъ Мисіодаксомъ въ слѣдующихъ словахъ: *ποῦ ὁ κλεινὸς Εὐγένιος; ποῦ ἡ πολυπαθὴς χορεία τῶν μαθητῶν, ῆς ἐν χαρᾷ τῆς Ἑλλάδος πάσης συνεκρότει ἕνα Ἑλικῶνα νέον Μουσῶν αὶ Μουσοτρόφων; ἐφυγαδεύθη ἐκεῖνος, ἐφυγαδεύθη αὐτή. Βροντὴ νεμέεως ἐπέπεσε καί ἐξεκόρπισε διδάσκοντας καὶ διδασκομένους, καὶ ἡ οἰκοομὴ εκείνη...... κατήντησεν (οἴμοι !) ἡ κατοικία, ἡ φωλεὰ τῶν κοράων* [2]).

Но и это „прибѣжище врановъ"—во что превратилась Академія—изсчезла съ лица земли. Зданія Академіи сдѣлались добычей пламени. Преосвященный Порфирій разсказываетъ: „мнѣ говорили, что монахи подожгли Акаемію—намѣренно, думая, что ученость не нужна *для то свѣта*" (курсивъ владыки) [3]). Когда это было, мы не знаемъ.

„Нынѣ — прибавляетъ тотъ-же авторъ — отъ самаго строенія (Академіи) остались только ветхія стѣны и догнивающіе брусья, а дворъ весь заросъ колючимъ кустарникомъ". Sic transit gloria mundi!

„Аѳонская Академія погибла—заключаетъ преосвящен-

---

[1]) Σάθα. Νεοελλην. φιλολογία, 631.
[2]) Σαβίρα. Νέα Ἑλλάς, σελ. 291. 350.
[3]) Преосвященнаго Порфирія (Успенскаго), вышеуказанное сочиненіе, стран. 70.

ный Порфирій свою повѣсть,—но не погибла память и слава ея основателя—Евгенія" [1]).

Достаточно познакомившись, какъ намъ кажется, съ общеобразовательными школами въ Константинопольскомъ патріархатѣ изучаемаго нами времени, сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній о таковыхъ же общеобразовательныхъ школахъ, устроенныхъ Греками, въ интересахъ ихъ просвѣщенія, за предѣлами Турко-греціи. Изъ числа этихъ школъ самое видное мѣсто занимаетъ—Венеціанская. Турецкое завоеваніе Константинополя заставило многихъ состоятельныхъ Грековъ бѣжать изъ отечества, чтобы заниматься торговлей и мореходствомъ на чужой сторонѣ, вслѣдствіе чего почти во всѣхъ торговыхъ и особенно приморскихъ городахъ Европы явились торговыя греческія колоніи. Такъ возникла греческая община въ Венеціи. Она устроилась во многихъ отношеніяхъ очень удобно. Венеціанская республика по своимъ коммерческимъ видамъ, въ началѣ XVI-го вѣка испросила Грекамъ у папы Льва X-го Медичиса (1513—1521 г.) свободное исповѣданіе ихъ вѣры. Желая сохранить однакожъ хоть нѣкоторую тѣнь власти надъ указанной греческой общиной, римскій дворъ потребовалъ себѣ, въ качествѣ дани отъ венеціанскихъ Грековъ, ежегодный взносъ нѣсколькихъ пудовъ бѣлаго воска, но и эта дань никогда не была взносима. Съ теченіемъ времени община добилась права построить и построила себѣ въ городѣ церковь, на фронтонѣ которой читается такая надпись: „Христу Спасителю и св. великомученику Георгію переселенцы греческіе и приходящіе въ Венецію, дабы прославить Бога по обрядамъ отечественнымъ, на свои средства соорудили храмъ сей въ 1561 году". Храмъ, построенный Греками въ Венеціи и носящій наименованіе храма св. Георгія, отличался великолѣпіемъ, такъ какъ былъ построенъ знаменитымъ зодчимъ Сансовино. Съ 1561 года, со времени построенія этой церкви, она сдѣлалась центромъ какъ церковно-общественной, такъ и интеллектуальной стороны въ жизни венеціанскихъ Грековъ, да и не однихъ этихъ Грековъ. При церкви появилось двое греческихъ священниковъ и

[1]) Тамъ-же, 62.

реждена была архіерейская каѳедра, епископъ которой алъ титуловаться именемъ епископа филадельфійскаго то были номинальные епископы филадельфійской епари, находящейся въ Малой Азіи); епископское управленіе нако происходило въ полной зависимости отъ Констаннопольскаго патріарха, имя котораго разрѣшено было зносить на эктеніяхъ, въ храмѣ св. Георгія. Интересно, о въ Венеціи латинскіе священники обязаны были соровождать по улицамъ каждаго православнаго покойни своего прихода, съ пѣніемъ погребальныхъ гимновъ, и тѣмъ передавать тѣло усопшаго греческому духовенству ь притворѣ церкви св. Георгія; этотъ обычай, продолавшійся не одно столѣтіе, введенъ былъ для того, чтоы не произошло какого либо оскорбленія отъ безпокойой городской черни иновѣрному духовенству и не нарушались бы мирныя отношенія венеціанскаго народонаселенія къ Грекамъ; разумѣется, Греки такой предупредиельностью обязаны не Риму, а Венеціи [1]). При той же еркви св. Георгія, въ концѣ XVI-го вѣка открыто было греческое училище, съ именемъ гимназіи [2]). Оно было строено по обычному въ то время типу греческихъ гимазій, о которыхъ мы имѣли случай говорить раньше. Нѣоторые изъ учениковъ Венеціанской гимназіи не довольтвовались тѣмъ образованіемъ, которое они получали дѣсь, и отправлялись заканчивать его въ Падуанскомъ ниверситетѣ (Падуя входила въ составъ Венеціанской еспублики). Такимъ образомъ гимназія эта служила для одготовленія Грековъ къ университетскому образованію. ромѣ юношей венеціанской греческой общины здѣсь (въ имназіи) учились и пришлые греческіе юноши съ Воока, которые тоже иногда потомъ слушали курсъ наукъ ь Падуанскомъ университетѣ, и „украсившись лаврами, озвращались къ своимъ отечественнымъ Ларамъ“ [3]). Въ енеціи, благодаря усердію мѣстныхъ Грековъ, а также и

---

[1]) Муравьева А. Н. Состояніе церкви православной въ Венеціи: «Прибаленія (1846 г.) къ Твореніямъ св. Отцовъ». Томъ IV, 294—296.

[2]) Первымъ учителемъ въ ней былъ Николай Ласкарисъ (съ 1593 г.): αθα, 233.

[3]) Pichler. Geschichte des Protestantismus in der oriental. Kirche im XVII ahrhund. S. 40. München, 1862.

Грековъ съ Востока (наприм. Филиппа Кипрянина, протонатарія великой церкви,—нач. XVII-го вѣка) устроилось нѣсколько даровыхъ общежитій (конвиктовъ) для учениковъ разсматриваемой гимназіи. Въ этомъ отношеніи въ особенности заслуживаетъ упоминанія щедрое пожертвованіе венеціанскаго Грека Ѳомы Флаггиниса, который по духовному завѣщанію оставилъ въ пользу бѣдныхъ учениковъ гимназіи большой капиталъ въ 170,000 дукатовъ; на проценты съ этого капитала имѣли право содержаться въ особомъ общежитіи недостаточные греческіе дѣти, исключительно православнаго исповѣданія, преимущественно съ островов Керкиры (мѣсто родины Ѳомы) и Кипра. Опредѣленіемъ Венеціанской герусіи (сената), отъ 6 сентября 1664 года, общежитіе это получило имя основателя („Флаггиніаново") и назначено было постоянно содержаться въ немъ одиннадцати воспитанникамъ [1].— Въ началѣ XVIII-го вѣка нѣкоторое время учился въ этой школѣ извѣстный уже намъ русскій паломникъ Григоровичъ-Барскій, который въ своемъ дневникѣ записалъ, какъ всегда, любопытныя извѣстія и о Венеціанской школѣ. Вотъ что говоритъ онъ о ней: въ Венеціи есть „семинаріумъ", т. е. греческая школа, въ которой учатся греческіе мальчики, стекающіеся сюда изъ разныхъ сторонъ. Предметами ученія служатъ языки латинскій и итальянскій, а также риторика (но можетъ быть—добавимъ—и другія науки). Курсъ ученія въ „семинаріумѣ" продолжался шесть лѣтъ. Содержаніе школы стоило большихъ денегъ. Деньги для содержанія училища доставляли венеціанскіе аристократы, они платили жалованье учителю и давали средства на пищу и одежду ученикамъ, не смотря на то, что эти мальчики принадлежали къ чужой націи. Изъ этихъ послѣднихъ замѣчаній открывается, что не одни богатые венеціанскіе Греки, но и Венеціанцы не оставляли греческую гимназію безъ надлежащей матеріальной поддержки. Нашему Барскому пришлось пробыть въ Венеціи три зимнихъ мѣсяца—ноябрь, декабрь и январь (1724 и 1725 г.). Съ самаго же начала соскучившись отъ ничего—недѣланія, онъ рѣшился записаться въ число

[1]) Σάθα. Ἑλλην. φιλολογία, σελ. 826—827.

учениковъ школы и заняться изученіемъ греческаго языка. Преподавателемъ въ школѣ было лице духовное, у котораго случалось быть на исповѣди нашему паломнику; къ нему-то Барскій и обратился съ просьбою—дозволить ему посѣщеніе училища. Преподаватель охотно согласился на его просьбу, и даже внушилъ прочимъ ученикамъ, чтобы они объясняли ему, въ случаѣ если онъ будетъ о чемъ-либо ихъ спрашивать, и вообще, чтобы они показывали ему и научали его [1]). Товарищескими отношеніями учениковъ школы Барскій былъ очень доволенъ [2]). Впрочемъ занятія Барскаго въ школѣ не имѣли, по его словамъ, большаго успѣха, какъ по кратковременности пребыванія его въ столицѣ Венеціанской республики, такъ и по другимъ причинамъ. Нужно сказать, что какъ человѣкъ бѣдный, Барскій помѣстился въ странноприимницѣ при церкви св. Георгія и испытывалъ разнаго рода неудобства, мѣшавшіе школьному обученію. Въ странноприимницѣ ему выдавали еженедѣльно по 15 солидовъ (по 2 алтыня) на харчи, но денегъ этихъ ему не хватало на пропитаніе, въ виду большой дороговизны въ Венеціи. Поэтому, нашъ Барскій поступалъ такъ: одинъ день ходилъ въ школу, да два слѣдующіе бродилъ по улицамъ, прося милостыню: плохое ужъ это ученіе! Да и жизнь въ странноприимницѣ отнюдь не благопріятствовала занятію наукою. Онъ помѣщался здѣсь „купно съ инними убогими", въ числѣ этихъ убогихъ было немало „невольниковъ отъ Турка утекшихъ или какъ-нибудь свободившихся", безъ сомнѣнія все это было отребіе народа. Сожители Барскаго не только не сочувствовали его похвальнымъ стремленіямъ къ наукѣ, но и возненавидѣли его за нихъ. Они жгли его учебныя книги и записки и дѣлали съ нимъ „прочая неугодная"; они издѣвались надъ нимъ и въ насмѣшку прозвали его „премудрымъ Соломономъ" и даже еще хуже поступали съ ревностнымъ школьникомъ—„многая пакости дѣяху" [3]). При такихъ обстоятельствахъ отъ хожденія Барскаго въ училище мало было пользы. „Благодаривъ азъ Бога и на большую Егожъ честь и по-

[1]) Барскаго. Томъ I, стр. 155.
[2]) Тамъ же. Томъ I, стр. 168.
[3]) Тамъ-же. Томъ I, стр. 155—156. Сл. 151.

хвалу учахся, обаче мало ползовахься",—заявляетъ онъ ѿ плодахъ своего ученія въ Венеціанской гимназіи.—Указанная гимназія процвѣтала во все время бытія Венеціанской республики, съ паденіемъ же ея (въ началѣ XIX-го вѣка) и подчиненіемъ Венеціи австрійской имперіи, греческая община здѣсь обѣднѣла, епископская каѳедра была закрыта, вмѣсто гимназіи при храмѣ св. Георгія осталось только „малое училище", вѣроятно просто начальная школа [1]).

Изъ числа греческихъ школъ на западѣ, важнѣйшее мѣсто, послѣ венеціанской гимназіи, занимаетъ гимназія въ Падуѣ. Что касается падуанской гимназіи, то происхожденіе ея нѣсколько иное, чѣмъ венеціанской и другихъ греческихъ заграничныхъ школъ. Въ Падуѣ не было колоніи греческихъ купцовъ, но здѣшній университетъ, какъ ближайшій къ Греціи изъ всѣхъ университетовъ западной Европы, былъ мѣстомъ образованія по крайней мѣрѣ для девяти десятыхъ частей изо всѣхъ Грековъ, которые искали этого образованія въ западной Европѣ. Такимъ образомъ, учрежденіе здѣшней гимназіи вызвано было потребностію имѣть на готовѣ среднее учебное заведеніе, открывавшее доступъ къ слушанію университетскихъ лекцій. Время возникновенія падуанской гимназіи можно относить къ началу XVII-го вѣка [2]). Подобно тому, какъ это было въ Венеціи, учреждено было въ Падуѣ, благодаря щедрости богатыхъ Грековъ изъ разныхъ мѣстностей, нѣсколько даровыхъ общежитій для учениковъ гимназіи, именно въ концѣ XVI-го и въ первой половинѣ XVII-го вѣка здѣсь возникли три общежитія: одно для 4-хъ греческихъ мальчиковъ (съ о. Кипра), другое для 8-ми вообще греческихъ учениковъ, третье для 24-хъ (16 для уроженцевъ Крита и 8 для греческихъ дѣтей, безъ различія ихъ мѣста родины) [3]). Кстати сказать, что Греки—студенты падуанскаго университета, въ виду множества учащихся въ Падуѣ и вслѣдствіе малочисленности богатыхъ Гре-

[1]) Муравьева. Состояніе церкви православной въ Венеціи, 296. 298.

[2]) Проф. Е. Е. Голубинскаго. Очеркъ исторіи просвѣщенія у Грековъ и пр. (*Правосл. Обозрѣн.*, 1872 г., т. I, 715. Σάθα, σελ. 417).

[3]) Pichler. Вышеуказ. сочиненіе, 40.

ковъ здѣсь, часто испытывали крайнія лишенія [1]). Кромѣ вышеупомянутыхъ греческихъ заграничныхъ гимназій славились еще греческія же гимназіи: въ Римѣ, она была основана греческимъ ученымъ Яносомъ Ласкарисомъ при папѣ Львѣ X-мъ [2]), и во Флоренціи, она имѣла своимъ первымъ учителемъ очень образованнаго Грека, Арсенія Апостолія [3]), но обѣ эти гимназіи были недолговѣчны [4]).

Между нѣмецкими городами наибольшею симпатіею любознательныхъ Грековъ пользовался Лейпцигъ, гдѣ была греческая церковь и гдѣ на скамьяхъ въ университетѣ можно было видѣть Грековъ въ монашескомъ и діаконскомъ одѣяніи; Лейпцигскій университетъ въ числѣ своихъ учениковъ имѣлъ и знаменитаго Евгенія Булгариса [5]). Изъ числа городовъ Великобританскихъ Греки, кажется, чаще всего попадали въ Лондонъ (и Оксфордъ). Такъ въ концѣ XVII-го вѣка (въ 1683 г.) нѣкто Веніаминъ Удрофъ изъ Оксфорда обратился съ письмами къ патріарху Іерусалимскому и другимъ Греческимъ патріархамъ и митрополитамъ; въ этихъ письмахъ Удрофъ, съ соизволенія англійскаго духовнаго начальства просилъ „послать въ Лондонъ юношей, способныхъ учиться наукамъ и знающихъ языки сирскій, арабскій и московскій, для изученія медицины и богословія по чистому откровенію Евангельскому" [6]). Такой призывъ, нужно думать, не остался напраснымъ. Говоря о протестантскихъ университетахъ, мы сдѣлали и такія указанія, которыя свидѣтельствуютъ, что не одни Греки-міряне могли учиться здѣсь, но что и духовныя греческія лица, а также и готовящіяся къ духовному сану также могли быть въ тѣхъ же высшихъ учебныхъ заведеніяхъ западной Европы, и дѣйствительно бывали въ нихъ; но, разумѣется, такіе случаи встрѣчались рѣдко.

---

[1]) Crusii. Turcograecia, p. 456—457. 500. Σάθα, σελ. 326.

[2]) О греческой же коллегіи въ Римѣ, основанной для воспитанія Грековъ папою Григоріемъ XIII-мъ, будемъ говорить при другомъ случаѣ.

[3]) Legrand. Bibliographie Hellénique (XV—XVI siècl.). Tome I, p. CLXX. Par., 1885.

[4]) Ibidem.—Σαθα, σελ. 114—116.

[5]) Порфирія епископа. Первое путеш. въ Аѳонск. монастыри. Ч. II, отдѣл. 2, стр. 63—64.

[6]) Сырку. Описаніе бумагъ епископа Порфирія Успенскаго, стр. 234. Петерб., 1891.

Мы окончили предпринятую нами задачу обозрѣть тѣ общеобразовательныя учрежденія Константинопольскаго патріархата (начиная отъ времени паденія Константинополя, въ 1453 г.), которыя служили или могли служить пользамъ духовнаго просвѣщенія, приготовляя будущихъ пастырей церкви къ исполненію ихъ обязанностей. При этомъ слегка коснулись и нѣкоторыхъ заграничныхъ школъ греческихъ и негреческихъ, въ которыхъ, хотя изрѣдка, могли учиться люди, посвящавшіе себя потомъ пастырскому долгу въ Константинопольскомъ патріархатѣ. Нашею цѣлію при ознакомленіи со всѣми вышеуказанными школами было показать — гдѣ и какое получали образованіе пастыри константинопольскаго патріархата вплоть до того времени, когда въ этомъ патріархатѣ начали появляться *спеціально-духовныя школы* (а это встрѣчаемъ лишь около половины XIX-го вѣка: въ это время открылась, наприм. Халкинская духовная школа). Изъ тѣхъ фактовъ, которые нами въ обиліи представлены выше для уясненія этого вопроса, открывается, что школъ въ разсматриваемомъ патріархатѣ было мало, что образованіе давалось въ нихъ невысокаго качества, почему, естественно, и духовенство великой церкви не стояло на высотѣ своего призванія, во всѣ вѣка до самаго того времени, когда здѣсь возникаютъ спеціально-духовныя школы. Что это дѣйствительно было такъ, видно изъ нижеслѣдующихъ свидѣтельствъ.

Въ XVI-мъ вѣкѣ, хотя въ школахъ Константинопольскаго патріархата и въ большомъ ходу были книги богослужебныя, въ родѣ часослова, октоиха, но отъ этого мало получалось пользы, потому что „только очень немногіе между священниками и монахами разумѣли написанное въ этихъ книгахъ", а не разумѣли они написаннаго вслѣдствіе отсутствія изученія въ школахъ старо-греческаго языка, на которомъ указанныя книги были изложены. Объ этомъ явленіи не молчали и сами іерархи патріархата, такъ наприм. одинъ митрополитъ Өессалоникійскій (XVI в.) сознавался, что ни одинъ монахъ въ его епархіи не зналъ старо-греческаго языка, а слѣдовательно совсѣмъ не понималъ церковныхъ молитвословій [1]).

[1]) Crusii. Turcograecia, p. 205. Pichler, указанн. сочиненіе, 29.

Свидѣтельство XVII-го вѣка. У Мелетія, митрополита Аѳинскаго, читаемъ: Кириллъ патріархъ Александрійскій (впослѣдствіи Константинопольскій) въ 1612 году, написалъ церковное (т. е. ради пользы церковной) письмо къ Іоанну Утенбогарту (голландскому богослову), отъ котораго въ Бельгіи возникъ расколъ Арминіанъ; въ этомъ письмѣ между прочимъ говорилось: „встрѣчаются нѣкоторые обличающіе Восточную церковь въ невѣжествѣ, такъ какъ изученіе наукъ и философіи перешло отсюда въ другія страны; но именно потому-то, что Восточная церковь нынѣ чужда науки, она должна считаться истинно (λίαν) блаженною (счастливою), не будучи знакома съ жалкими (ὀλέθριοι) вопросами, которые въ настоящее время оскверняютъ (μαίνουσαι) слухъ людей“ [1]). Здѣсь не только константируется фактъ невѣжества греческаго духовенства, но онъ притомъ же и восхваляется.

Свидѣтельство XIX-го вѣка, характеризующее положеніе дѣла въ концѣ XVIII-го и въ началѣ слѣдующаго вѣка. Извѣстный греческій писатель Константинъ Экономосъ († 1857 г.) утверждалъ слѣдующее: „одно простое чтеніе богослужебныхъ книгъ, и часто весьма неудовлетворительное, но если только соединялось съ мелодичностію голоса, давало уже право на священническую и діаконскую должность“. Невѣжество нисшаго клира простиралось такъ далеко, что изъ 1000 священниковъ едва 10 могли подписать свое имя; кто же изъ нихъ умѣлъ или могъ писать, тотъ уже считался за ученаго и потому, въ знакъ своей учености, носилъ при себѣ чернильницу. Немногимъ лучше нисшаго духовенства было образовано и высшее. „Между 180-ью архіереями, которые, за исключеніемъ титулярныхъ епископовъ, составляли высшій клиръ Восточной церкви, едва 10 обладали надлежащимъ образованіемъ; изъ остальныхъ 170-ти тридцать или сорокъ, если и были образованы, то все образованіе ихъ ограничивалось только одною греческою словесностью и чтеніемъ (въ точномъ смыслѣ слова) св. Писанія и святыхъ отцовъ. Если же кто-либо изъ лицъ, принадлежащихъ къ клиру и отправлялся въ Европу для образованія, то или

---

[1]) Μελετίου. Ἐκκλησιαστικὴ Ἱστορία. Τομ. III, σελ. 431.

вовсе не возвращался въ свое отечество, или же, если и возвращался, то мало былъ почитаемъ своими неучеными соотечественниками и сослуживцами, такъ называемыми дѣльцами, которые были опытнѣе его въ устроеніи разныхъ церковныхъ процессій и мірскихъ торжествъ" [1]).

Принимая во вниманіе вышеприведенныя свидѣтельства отъ XVI-го до начала XIX-го вѣка, мы можемъ утверждать, какъ и другіе утверждаютъ, что образованіе греческаго духовенства въ эпоху отъ паденія Константинополя до средины XIX-го вѣка было „самое несовершенное" [2]). Но это явленіе не должно насъ слишкомъ соблазнять. Никакъ нельзя забывать того, что греческое духовенство, по крайней мѣрѣ высшее, въ теченіе указанныхъ вѣковъ носили на себѣ черты культурности, этотъ благопріятный пережитокъ, наслѣдованный имъ отъ временъ Византійскихъ. Нѣкоторые западные писатели именуютъ Грековъ „библіотекарями древности"; у такихъ библіотекарей духовенство, въ особенности высшее, не могло быть людьми некнижными, незнакомыми съ книгой; этого и не было. Патріархъ Досиѳей говорилъ, что у греческихъ архіереевъ „книги вмѣсто вотчинъ"). Это не то значитъ, чтобы греческіе архіереи книги предпочитали вотчинамъ (такихъ примѣровъ не встрѣчалось), а значитъ то, что эти архіереи, если не имѣли вотчинъ, то имѣли хоть книги. И кто не скажетъ, что книга доброе дѣло. Благодаря книгѣ и наслѣдію культурности отъ временъ болѣе древнихъ, греческое духовенство отличалось значительною религіозною толерантностію и яснымъ религіознымъ смысломъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Православные патріархи заходили въ армянскую церковь и прикладывались здѣсь къ иконамъ („Проскинитарій Арсенія Суханова" [4]),

---

[1]) Κωνσταντίνου Οἰκονόμου. Τριακονταετηρὶς ἐκκλησιαστική, ἢ συνταγμάτιον ἱστορικὸν τῶν ἐκκλησιαστικῶν συμβεβηκότων (1821—1852), σελ. 137. Αθηνη, 1864. Слич. проф. Курганова (Устройство церкви королевства Греческаго, стр. 418—419. Каз., 1871) и Georg'a Maurer'a (Das Griechische Volk. Band II, 153. Heidelb., 1835).

[2]) Проф. Курганова, тамъ же, стр. 418.

[3]) Проф. Н. Ѳ. Каптерева. Сношенія іерусалимскаго патріарха Досиѳея съ русск. правительствомъ (1669—1707 г.), стр. 58. Москва, 1891.

[4]) «Проскинитарій» этотъ, нами здѣсь цитируемый, изданъ Православнымъ Палестинскимъ обществомъ подъ редакціей проф. Ивановскаго. Петербургъ, 1889.

стр. 55). Они же заходили и въ церковь франковъ (римско-католиковъ), при чемъ органъ игралъ, а патріархъ покланялся иконамъ (тамъ же, 56), при кажденіи же ему, онъ осѣнялъ рукою римско-католическое духовенство (56-же). Когда иновѣрный патріархъ посѣщалъ обитель, гдѣ пребывалъ православный патріархъ, то этотъ послѣдній встрѣчалъ гостя съ крестнымъ ходомъ и цѣловался съ гостемъ; для нѣго отверзались врата храмовъ, онъ могъ входить въ нихъ (храмы), при чемъ православное духовенство пѣло: „достойно есть" (т. е. входное), ему дозволялось вступать чрезъ царскія двери и лобзать св. престолъ (тамъ же, 66). Митрополиты совершали освященіе воды на рѣкѣ въ Богоявленіе вмѣстѣ съ римско-католическимъ епископомъ. (Тамъ же, 358). Въ православныхъ храмахъ при служеніи патріаршемъ одновременно присутствовали православные, римско-католики и армяне—и патріархъ завѣдомо благословлялъ всѣхъ ихъ, какъ чадъ своихъ. (Тамъ же). Въ предѣлахъ теперешняго греческаго королевства въ старыя времена случалось, что однѣ и тѣже церкви служили и для греческаго и латинскаго богослуженія; или даже бывало вотъ что: въ одной и той же церкви, въ одно и тоже время совершалось два богослуженія (литургіи)—греческое и латинское: по прочтеніи латинскимъ діакономъ „Апостола", сейчасъ же начиналъ читать этоже самое и духовное греческое лице по-гречески, тоже повторялось и по отношеніи чтенія св. Евангелія [1]).—Въ своей домашней жизни греческіе іерархи совсѣмъ не чуждались иновѣрнаго духовенства. Патріархи не считали зазорнымъ для себя посѣщать, наприм. армянское духовенство, вкушать съ нимъ вино и плоды („Проскинит.", 55); патріархи не избѣгали случая раздѣлять трапезу и съ римско-католическимъ духовенствомъ (тамъ же, 56). Дружественность отношеній представителей православія и иновѣрія простиралась иногда такъ далеко, что наприм., православный и армянскій патріархи сидѣли вмѣстѣ и „ѣли съ одного блюда" (тамъ же, 69); мало того: патріархи эти провозглашали другъ за друга „здравицу", при чемъ оба пили и въ уста цѣловались

[1]) Maurer. Der Griechische Volk. B. I, S. 418. Heidelberg. 1835.

(тамъ же, 70). Разумѣется, такъ было не вездѣ и не всегда, а большею частію тогда и тамъ, гдѣ нельзя было ожидать соблазна для людей съ немощною совѣстію. Не скрываемъ, что иногда религіозная толерантность простиралась далеко и, съ нашей точки зрѣнія, преступала предѣлы каноновъ; но *не намъ* судитъ за это греческихъ іерарховъ.—Въ частныхъ вопросахъ религіозной практики греческіе іерархи обнаруживали ясный религіозный смыслъ. Если, напримѣръ, русскому обществу XVII-го вѣка казалось непозволительнымъ въ какой-нибудь крайности для служенія литургіи употреблять вмѣсто просфоры простой хлѣбъ тогоже качества, или отпѣвать покойника въ день воскресный и праздничный, или же священнику служить (литургію) послѣ мытья въ банѣ, то патріархъ Іоанникій находилъ всѣ такіе взгляды неосновательными (тамъ же, 42—45). Если тому же русскому обществу представлялось грѣховнымъ „ѣсть хлѣбъ бусурмановъ" и жить въ ихъ домахъ, то патріархъ Досиѳей разсуждалъ, что ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ никакого грѣха [1]).—Столь же много любопытнаго представляли взгляды греческихъ іерарховъ на ихъ отношенія къ прочимъ вѣрующимъ. Епископы, митрополиты и патріархи сами принимали на исповѣдь мущинъ и женщинъ („Проскинит.", 357), они-же вѣнчали браки. Въ ихъ келліи открытъ былъ свободный доступъ по всякому дѣлу—монахинямъ, боярынямъ, дѣвамъ (тамъ же, 358). Подобно мірянамъ, іерархи постомъ употребляли и раковъ, и устрицы, и омары и другіе суррогаты рыбы, что на взглядъ русскихъ людей тогоже времени представлялось „гадостью" и „скверною" (тамъ же, 357). Близостію пастырей къ пасомымъ и происходящимъ отсюда довѣріемъ пасомыхъ къ пастырямъ объясняютъ то отрадное явленіе, что въ греческой церкви никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не возникло расколовъ [2]).

Такимъ образомъ, греческому духовенству, въ теперь изучаемое нами время, недоставало должнаго образованія, но это духовенство обладало культурностію, замѣнявшею для него образованіе.

---

[1]) Проф. Каптерева. Сношенія патріарха Досиѳея. Приложен., 30.
[2]) Сырку. Описаніе бумагъ епископа Порфирія (Успенскаго), стр. 80.

III.

(Церковыя или духовныя школы: Халкинская школа, — ея происхожденіе, мѣстоположеніе, внѣшній видъ; ея организація: администрація, преподаватели, ученики, учебные курсы, экзамены годичные и выпускные,—дисциплина и пр.;—вліяніе Московскаго митрополита Филарета на устройство школы;—впечатлѣнія отъ экзаменовъ и церемоніи выдачи дипломовъ въ Халкинскомъ училищѣ;—нѣчто по части статистики школы;—двѣ катастрофы въ жизни школы самаго послѣдняго времени;—судьба питомцевъ Халкинской школы; — мысли Грека по поводу юбилейнаго года этой школы.— Духовная школа въ Константинополѣ.—Полузаграничныя богословскія училища: Богословскій факультетъ въ Аѳинахъ, его неудовлетворительность и безплодность, Ризаріевская семинарія тамъ-же, ея отклоненіе отъ своего назначенія.—Вопросъ о состояніи клира Константинопольскаго патріархата текущаго времени по отношенію къ образованности;—опять: надежды на будущее).

Какъ ни странно это, Константинопольская патріархія почти до средины XIX вѣка не имѣла духовныхъ школъ; духовенство получало образованіе въ тѣхъ же общихъ школахъ, въ которыхъ учились всѣ ищущіе просвѣщенія безъ различія ихъ будущихъ профессій. Впрочемъ нужно сказать, что Византійское государство прожило всю свою жизнь, не имѣя спеціально-богословскихъ школъ. Но потребности нашего времени не могли не вызвать появленія богословскихъ школъ и въ средѣ греческой церкви, которая, какъ видимъ, долго жила и руководилась преданіями древней Византіи.

Первая богословская школа возникаетъ въ Константинопольскомъ патріархатѣ въ 1844 году, при патріархѣ Германѣ IV-омъ и его стараніями. Названіе ея общеизвѣстно. Это—Халкинская школа, имѣющая значеніе и главной семинаріи и духовной Академіи для Константинопольскаго патріархата.

Если въ Галатѣ, въ Константинополѣ, сѣсть на пароходъ, отправляющійся къ такъ называемымъ Принцевымъ островамъ Мраморнаго моря, то чрезъ часъ глазамъ откроется зрѣлище острова, представляющаго собой гору, сплошь покрытую густою древесною растительностію и увѣнчивающуюся ярко бѣлѣющимъ зданіемъ. Это есть островъ Халки, одинъ изъ группы Принцевыхъ острововъ, а виднѣющееся на немъ зданіе и есть интересующая насъ

школа. А еще чрезъ полчаса пароходъ причаливаетъ къ пристани названнаго острова. Съ пристани ясно открывается, что эта школа занимаетъ вершину совершенно отдѣльно стоящей горы. Впрочемъ о. Халки не представляетъ особой пустыни, онъ довольно великъ и въ значительной мѣрѣ населенъ. Кромѣ богословскаго училища и нѣкоторыхъ монастырей, на немъ находятся и другія обширныя училища какъ греческія (напр. коммерческое), такъ и турецкое (военное). Въ Константинополѣ, очевидно, держатся тѣхъ же воззрѣній, какихъ и Англичане у себя, именно, что для блага учащихся, а можетъ и учащихъ, школы должны быть основываемы вдали отъ шума городскаго и столичныхъ соблазновъ. Халки оказывается чѣмъ-то въ родѣ Константинопольскаго Оксфорда. Такъ какъ островъ въ значительной степени населенъ, то можно было бы думать, что богословское училище не представляетъ собою очень уединеннаго мѣста. Но такое предположеніе ошибочно. Училище занимаетъ совершенно отдѣльный холмъ, такъ что оно является изолированнымъ какъ корабль въ морѣ. Съ пристани острова бѣловатыя зданія училища кажутся орлинымъ гнѣздомъ, помѣщающемся на верхушкѣ скалы. Путь къ школѣ по причинѣ крутизны очень труденъ. Тяжелый этотъ путь на одного русскаго путешественника навѣялъ слѣдующія, не лишенныя справедливости, размышленія: „любящій созерцать можетъ видѣть въ такомъ подъемѣ символическое изображеніе того незримаго труда, съ какимъ христіанскій богословъ восходитъ на мысленную гору возможноточнаго и полнаго боговѣдѣнія,—особеннаго труда въ такія минуты жизни, когда жизнь какой-либо страсти утомляетъ нравственныя силы благочестиваго труженика. Такъ, *царствіе Божіе нудится и нуждницы восхищаютъ е* [1])... Дорога въ гору не только трудна, но и длинна. Когда лично намъ самимъ приходилось подниматься къ училищу, то даже на долготерпѣливомъ „осляти“ (лошадей не оказалось тамъ) мы взбирались на гору не менѣе 20 минутъ [2]). За то поднявшись на гору къ училищному кор-

[1]) Журналъ: *Дух. Вѣстникъ*, 1866, октябрь, стр. 256.

[2]) Мы посѣтили о. Халку и его богословское училище въ 1891 году. Впечатлѣніями, полученными нами отъ этой поѣздки, мы отчасти будемъ

пусу, путникъ сразу же забываетъ о трудности горнаго подъема. Съ верху холма открывается чудный, единственный въ своемъ родѣ видъ. Вдали чуть-чуть виднѣется Константинополь съ его причудливыми очертаніями, а вотъ и прочіе Принцевы острова, разсѣянные по всѣмъ сторонамъ; море и небо соперничаютъ между собою въ чистотѣ и яркости лазури, и тутъ же могучій лѣсъ, представляющій собою диковину вблизи Константинополя. Училище стоитъ среди благоухающаго лѣса и дышетъ въ одно и тоже время и горнымъ, и морскимъ, и лѣснымъ воздухомъ. Халкинскую училищную гору за ея восхитительные виды Греки именуютъ Ѳеоптрою. Но самый училищный корпусъ не представляетъ ничего внушительнаго. Школа помѣщается на мѣстѣ древняго монастыря въ честь св. Троицы, основаннаго знаменитымъ патріархомъ Фотіемъ, но отъ монастыря, кажется, ничего не осталось, если не считать небольшой церкви, занимающей центръ училищнаго двора и похожей больше на часовню (или капеллу). Зданія школы имѣютъ видъ правильнаго квадрата и не отличаются ни красотою, ни архитектурными особенностями. Вообще съ перваго взгляда видно, что богословская школа не богата матеріальными средствами и незнакома съ изысканностію. Она не похожа по красотѣ и величинѣ зданій ни на наши Академіи, ни на наши семинаріи; мнѣ она живо напоминаетъ одно подмосковное духовное училище прежняго времени (50—70-хъ годовъ), именно Николо-Перервинское, которое помѣщалось тоже въ монастырѣ, въ центрѣ котораго расположена церковь (но величественная и богатая). Я побывалъ въ Халкинскомъ училищѣ, кажется, вездѣ: и въ церкви, и въ библіотекѣ, и въ столовой, и въ классахъ, и въ помѣщеніяхъ воспитанниковъ — но все это было болѣе, чѣмъ скромно [1]). Внѣшняя училищная жизнь подчинена само-

---

пользоваться и при описаніи здѣсь Халкинской школы. Но къ сожалѣнію, наша поѣздка происходила въ самый мертвый сезонъ училищной жизни—въ іюлѣ, т. е. въ то время, когда началась вакація въ этой школѣ. См. нашу статью: «Недѣля въ Константинополѣ» («Богослов. Вѣстн.», 1892, т. II и отдѣльной брошюрой).

[1]) Описывая училищныя зданія, мы должны сказать, что таковыми они были до 1894 года, когда страшное землетрясеніе разрушило училище. Впослѣдствіи, именно уже въ 1896 году, школьный корпусъ былъ возста-

му строгому, почти скитскому режиму. Ворота всегда на замкѣ. Нѣтъ тамъ ни оглушительныхъ роялей, ни надоѣдливыхъ скрипокъ (инструментовъ, первообразъ которыхъ созданъ нечестивымъ поколѣніемъ: Быт. 4,21—23). „Женскъ полъ" можно видѣть здѣсь только на разстояніи пушечнаго выстрѣла. Еслибы какимъ-либо волшебствомъ перенести студентовъ какой-либо изъ нашихъ Академій въ запертую ограду Халкинской школы, то никто въ мірѣ не увѣрилъ бы ихъ, что они обрѣтаются въ такъ называемомъ „Училищѣ Великой Церкви", а не въ великой тюрьмѣ. Но Греки не мы и мы не Греки. У нихъ, взирающихъ на Востокъ и многое не такъ, какъ у насъ устремляющихъ взоры болѣе на Западъ.

Халкинская школа живетъ и управляется, руководясь опредѣленнымъ уставомъ, утвержденнымъ высшею церковною властію въ Константинополѣ. Первый уставъ ея въ 1845 году, а второй измѣненный въ 1852 [1]). Нынѣ же дѣйствующій уставъ ея есть уставъ новый. Можно находить значительную разницу между указанными уставами и новымъ. Второй изъ нихъ дѣйствовалъ до 1867 года, когда при Константинопольскомъ патріархѣ Григоріи VI-омъ выработанъ и изданъ уставъ, сохраняющій свою силу до теперешняго времени. Объ уставѣ второмъ до-григоріевскомъ мы имѣемъ немного свѣдѣній и этими свѣдѣніями мы обязаны извѣстному русскому изданію: „Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита Московскаго". Дѣло въ томъ, что въ концѣ 50-хъ годовъ нашему великому святителю по какой-то остающейся невыясненною, причинѣ прежній до-григоріевскій уставъ Халкинской школы отданъ былъ на разсмотрѣніе. Весьма возможно, что Константинопольская патріархія, желая дать возможно-лучшую постановку учебно-воспитательнаго дѣла въ Халкинской школѣ, обратилась къ нашему святѣйшему Синоду.

новленъ; но въ первоначальномъ ли видѣ—этого мы не знаемъ. Впрочемъ, вѣроятнѣе всего, что сохраненъ прежній видъ училищныхъ зданій, ибо Константинополь городъ археологическій и тамъ любятъ придерживаться старины.

[1]) Достаточныя свѣдѣнія о первомъ уставѣ можно находить въ статьѣ *И. И. Соколова*: «Первый уставъ Халкинской школы», о второмъ же уставѣ авторъ только упоминаетъ, указывая, что онъ появился въ 1852 году (*Христіанск. Чтеніе*, 1903 г., февр., стр. 328).

въ вѣдомствѣ котораго уже давно находилось множество спеціально-духовныхъ школъ, съ предложеніемъ выразить свой голосъ по вопросу о порядкахъ, существовавшихъ въ тогдашней Халкинской школѣ. Синодъ, какъ это часто случалось въ то время, подобную задачу поручилъ Московскому святителю. Филаретъ, исполняя это порученіе, двукратно разсматривалъ уставъ указанной школы и выразилъ о немъ свое компетентное мнѣніе. Въ общемъ Московскому владыкѣ уставъ мало нравился, хотя въ тоже время онъ находилъ, что частности этого устава заслуживаютъ одобренія и даже подражанія. Объ уставѣ Халкинской школы Филаретъ говорилъ: *организація Халкинскаго богословскаго училища незавидна; управленіе училищемъ не очень достойно подражанія; статьи о ученіи* (наукѣ) *въ уставѣ Халкинскаго училища скудны*. Но въ уставѣ — прибавляетъ мудрый критикъ—есть примѣчательныя правила относительно благочестія, нравственности, благочинія, хозяйства" [1]). Вотъ отзывъ Московскаго святителя о прежнемъ уставѣ Халкинской школы. Замѣтимъ, что многія сужденія владыки, отличающіяся, какъ всегда, проницательностію и глубиною, съ благодарностію и большою пользою приняты во ниманіе составителями новаго устава той-же школы, совершившими дѣло пересмотра этого послѣдняго, какъ мы сказали, въ правленіе патріарха Григорія VI-го (въ 1867 г.). Впрочемъ съ деталями сужденій митрополита Филарета по интересующему насъ вопросу считаемъ болѣе умѣстнымъ познакомить читателя при разсмотрѣніи теперешняго строя учебно-воспитательнаго дѣла въ изучаемой нами школѣ.

Итакъ, посмотримъ: какія характеристическія черты представляетъ теперешній строй учебно-воспитательнаго дѣла въ Халкинской школѣ? При разсмотрѣніи этого вопроса мы будемъ руководствоваться главнымъ образомъ теперешнимъ уставомъ Халкинской школы [2]), причемъ ста-

[1]) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета митрополита Московскаго. Томъ IV, стр. 389. 392. 561. М. 1886.

[2]) Когда въ 1891 году намъ посчастливилось побывать въ Халкинской школѣ, то, зайдя въ ея библіотеку, мы просили о. библіотекаря дать намъ «протоколы» или «отчеты» касательно учебно-воспитательной дѣятельности школы; но оказалось, что ничего подобнаго вовсе не существуетъ. А чтобы не оставить насъ съ обманутыми надеждами, библіотекарь любезно подарилъ

немъ держаться и того порядка въ размѣщеніи отдѣльныхъ сторонъ вопроса, какой находимъ въ томъ же уставѣ. Полный титулъ Халкинскаго училища, по указанію устава (§ 1) такой: „Богословская школа Великой Христовой церкви“. „Школа содержится на ежегодные взносы вселенскаго патріарха и святыхъ архіереевъ вселенскаго престола, на добровольныя приношенія христіанъ-любителей науки“ (§ 2). Но это не значитъ того, чтобы содержаніе школы всецѣло падало на сейчасъ исчисленные взносы. По крайней мѣрѣ, по увѣренію одного русскаго знатока современнаго востока, „контингентъ воспитанниковъ Халкинской школы составляютъ большею частію дѣти свѣтскихъ лицъ, матеріально обезпеченныхъ, воспитанники и родственники епархіальныхъ архіереевъ, послушники или докимы состоятельныхъ игуменовъ, эпитроповъ и тому подобныхъ, вліятельныхъ въ штатахъ аѳонскихъ монастыряхъ, лицъ, которыя (всѣ) дѣлаютъ опредѣленный ежегодный взносъ за своихъ питомцевъ въ школу на ихъ содержаніе“ [1]). Такимъ образомъ положенный по уставу обязательный ежегодный взносъ на практикѣ покрыва-

---

намъ «Уставъ» школы. Признаёмся, что тогда не придали этому подарку никакого значенія, ибо путешественнику профессорскаго званія всегда приходится получать въ подарокъ много всякаго книжнаго хлама отъ разныхъ лицъ. Но *теперь*, когда намъ приходится писать о Халкинской школѣ, мы возчувствовали великую благодарность за сейчасъ указанный подарокъ. Ибо достать «Уставъ» Халкинской школы русскому ученому, я думаю, не легко, тѣмъ болѣе, что: неизвѣстно существуетъ ли въ продажѣ это изданіе? Уставъ носитъ слѣдующее заглавіе: Κανονισμὸς τῆς ἐν Χάλκῃ θεολογικῆς σχολῆς, τῆς τοῦ Χριστοῦ μεγάλης Ἐκκλησίας. Κωνστ—πουλ. 1874. Уставъ этотъ изданъ въ первый разъ въ 1867 году, какъ указываетъ дата, помѣщенная при послѣднихъ строкахъ брошюры. Мы считаемъ этотъ уставъ и нынѣ дѣйствующимъ въ 1-хъ потому, что экземпляръ его подаренъ намъ былъ въ 1891 году не въ качествѣ археологической реликвіи, а во 2-хъ потому, что съ 1891 года мы усердно слѣдили за движеніемъ школьнаго духовнаго учебнаго дѣла въ Константинопольскомъ патріархатѣ и однакожъ не встрѣчали никакихъ указаній на отмѣну или новое редактированіе устава 1867 года. Позволимъ себѣ еще замѣтить, что редакція устава 1867 года носитъ слѣды поспѣшности и даже небрежности; такъ что, напримѣръ, встрѣчаемся со слѣдующимъ неизвинительнымъ противорѣчіемъ въ уставѣ: при исчисленіи школьнаго персонала (§ 12) говорится, что въ школѣ полагается *одинъ* надзиратель, а при указаніи качествъ надзирателя и его обязанности говорится, что таковыхъ лицъ должно быть *два* (§ 153). Въ оффиціальномъ изданіи такого рода погрѣшности непростительны.

[1]) Изъ библіограф. статьи проф. А. А. Дмитріевскаго. «Труды Кіевск. дух. Акад.», 1891, т. III, 138.

етъ, кажется, только часть училищныхъ расходовъ—именно содержаніе учебно-воспитательнаго персонала и поддержаніе въ должномъ порядкѣ училищныхъ зданій.

Въ административномъ отношеніи школа состоитъ въ непосредственной зависимости отъ патріарха, находится подъ вѣдѣніемъ комитета изъ архіереевъ, носящаго имя „эфоріи" и управляется схолархомъ, т. е. ректоромъ (§ 3). Эфорія состоитъ изъ четырехъ лицъ, принадлежащихъ къ числу членовъ синода, равнымъ по значенію въ завѣдываніи школы, избираемыхъ патріархомъ и синодомъ на одинъ годъ; впрочемъ позволяется одного и того же эфора избирать и еще на годъ (§ 5 и 11). О схолархѣ въ уставѣ говорится слѣдующее: онъ долженъ имѣть богословское и не богословское образованіе, но въ особенности первое. Схолархъ долженъ неотлучно оставаться въ стѣнахъ школы (за рѣдкими исключеніями) и получать продовольствіе отъ нея же. Онъ есть предсѣдатель учительскаго совѣта, созываемаго по его желанію; вопросы, разсматриваемые въ совѣтѣ, рѣшаются большинствомъ голосовъ; при раздѣленіи голосовъ по-ровну большинство признается за тѣмъ мнѣніемъ, въ пользу котораго подаетъ свой голосъ схолархъ; составляются протоколы засѣданій совѣта, но о печатаніи ихъ въ уставѣ нѣтъ ни слова. Схолархъ отдаетъ отчетъ въ своей дѣятельности эфоріи, а чрезъ нее патріарху и синоду (14. 16. 21—22). Обыкновенно схолархомъ бываетъ лице, носящее званіе архимандрита, но должность эту иногда занимаетъ и лице епископскаго достоинства и даже въ санѣ митрополита.

Преподавательскій персонамъ составляетъ десять учителей, не включая схоларха, который обязанъ преподавать какую-либо науку въ школѣ, но не обязательно богословскую (§ 17. 23). Преподаватели назначаются эфоріей по соглашенію съ схолархомъ и утверждаются патріархомъ и синодомъ. Они должны имѣть священный санъ или по крайней мѣрѣ быть богословски образованы. Жить они должны въ стѣнахъ школы и отъ нея же получать продовольствіе, обѣдать, подобно схоларху, вмѣстѣ съ учениками отъ одной и тойже трапезы, а ужинать имѣютъ право у себя въ помѣщеніи. Но во всякомъ случаѣ одинъ

или двое учителей, наблюдая между собою очередь, обязаны являться къ общей вечерней трапезѣ воспитанниковъ (§ 24. 25. 29). Замѣчу, что когда я самъ обозрѣвалъ столовую Халкинской школы, то мнѣ бросилась въ глаза слѣдующая странность: одинъ или два стола были выше другихъ и такъ сказать господствовали надъ ними. Я не могъ понять этого явленія и изъ разспросовъ проводника узналъ, что болѣе высокіе столы назначались для учительскаго персонала. (Нужно ли это?) Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ уставѣ нѣтъ упоминанія о томъ, какъ поступаютъ женатые преподаватели: неужели и они обязательно являются въ столовую къ ученикамъ для обѣда и дѣлятъ себя такимъ образомъ какъ бы между двумя семьями. А быть можетъ женатыхъ преподавтелей не полагается и ихъ не бываетъ—этого я, къ сожалѣнію не знаю. Митрополитъ Филаретъ, по поводу главы устава о преподавателяхъ сдѣлалъ такую отмѣтку: „хорошія черты, что наставники составляютъ общежитіе и могутъ оставаться на всю жизнь" (?). Но прибавляетъ, что „у насъ подражать сему неудобно" и выражаетъ по этому поводу сожалѣніе [1]).

Глава устава о воспитанникахъ представляетъ не мало любопытнаго. „Число учениковъ—говорится здѣсь—не превышаетъ 60-ти, но однако (сознаемся, нѣсколько нескладно замѣчается въ § 35) можетъ увеличиваться по мѣрѣ возрастанія матеріальныхъ средствъ школы". Намъ кажется, что появленіе этой послѣдней прибавки въ цитируемомъ нами мѣстѣ устава, можно объяснить слѣдующимъ образомъ: митрополиту Филарету въ свое время была извѣстна лишь первая половина параграфа о числѣ учениковъ („число учениковъ не превышаетъ 60-ти"). Но это указаніе нашему святителю не нравилось. Онъ писалъ: „управленіе Халкинскимъ училищемъ не очень достойно подражанія. Подъ патріархомъ три ежегодные эфора, казначей и онъ же членъ синода, потомъ схолархъ—митрополитъ, наставники, экономъ, подчиняющійся схоларху и состоящій въ ежедневномъ сношеніи съ казначеемъ, четыре части печати въ четырехъ рукахъ

[1]) Собраніе мнѣній и отзывовъ, стр. 389.

(сличи § 4), 25,000 руб. сереб. содержанія [1])—для чего все это?—для 60-ти учениковъ" [2]). Это справедливое замѣчаніе Московскаго святителя, сдѣлавшись извѣстнымъ составителямъ новаго Халкинскаго устава эпохи Григорія VI-го, можно утверждать, заставило призадуматься редакторовъ устава и они сочли нужнымъ къ словамъ: не превышаетъ 60-ти" и т. д. присовокупить добавленіе: „но однако число это можетъ увеличиваться по мѣрѣ возрастанія" и т. д. Укажемъ далѣе правила, въ соотвѣтствіи съ которыми принимаются воспитанники въ указанную школу. „Они должны быть не моложе 18-ти лѣтъ и не старше 22, за исключеніемъ кончившихъ курсъ въ гимназіи, которые могутъ быть принимаемы до 25-ти лѣтъ" (разумѣется въ этомъ случаѣ не въ первый классъ); они обязаны доставить свидѣтельство, скрѣпленное подписью архіерея о добрыхъ ихъ нравахъ и хорошемъ ихъ поведеніи". „Каждый изъ нихъ долженъ имѣть поручителемъ кого-нибудь изъ архіереевъ въ томъ, что онъ со всею точностію будетъ исполнять обязанности, возлагаемыя уставомъ на учениковъ школы, и что по достиженіи опредѣленнаго канонами возраста, онъ приметъ священный санъ". Въ случаѣ смерти поручителя уставъ требуетъ, чтобы воспитанникъ представилъ за себя другаго поручителя изъ архіереевъ же (§ 35—39). Считаемъ нужнымъ замѣтить, что приведеніе въ надлежащій порядокъ сейчасъ указанныхъ правилъ касательно воспитанниковъ совершено по мысли и критическимъ замѣткамъ Московскаго святителя Филарета. Въ прежнемъ уставѣ Халкинской школы указанъ былъ не тотъ возрастъ поступающихъ въ школу учениковъ, какъ въ новомъ уставѣ: дозволялось принимать и дѣтей 12-ти лѣтъ. Вслѣдствіи чего поручительство архіереевъ и за такихъ дѣтей, что они со временемъ примутъ священный санъ, являлось нецѣлесообразнымъ. Съ допущеніемъ въ школу дѣтей такого молодаго возраста

[1]) Въ составъ этой суммы входятъ и 2000 рублей золотомъ, ежегодно отпускаемые нашимъ святѣйшимъ Синодомъ для усиленія средствъ казначейства Халкинскаго училища. Любопытно, что на Черногорскую духовную семинарію тоже наше духовное правительство ежегодно ассигнуетъ 8000 руб. золотомъ. Спрашивается: почему такое неравенство въ воспомоществованіи великой церкви и малой церкви?

[2]) Стр. 561.

соединились и нѣкоторыя неудобства. Все это не укрылось отъ проницательнаго взора Филарета, и онъ писалъ: „ученики принимаются отъ 12 до 25 лѣтъ. Разнота трудная для единства въ ходѣ ученія. Притомъ отъ учениковъ, при вступленіи въ училище требуется подписка, что примутъ священническій санъ. Какъ можно требовать сего отъ двѣнадцатилѣтняго" чрезъ его поручителя?[1]). Составители новаго устава, какъ видно, не только приняли во вниманіе замѣчанія Филарета, но и сдѣлали соотвѣтствующія измѣненія въ уставѣ: опредѣлено было принимать въ школу учениковъ не моложе 18-ти лѣтъ, вслѣдствіе чего организація училища пріобрѣла болѣе стройности и разумности. Составители новаго устава дѣйствовали, имѣя такого проницательнаго помощника, какъ приснопамятный Филаретъ. Сдѣлаемъ перечень остальныхъ правилъ нашедшихъ себѣ мѣсто во главѣ устава: „о ученикахъ". Здѣсь перечисляются обстоятельства, при которыхъ ученики подлежатъ исключенію, при этомъ замѣчается, что если какой-нибудь ученикъ захочетъ покинуть школу раньше окончанія курса, или откажется принять священный санъ по достиженіи каноническаго возраста, то поручитель подобнаго ученика обязанъ вознаградить школу за убытки чрезъ внесеніе 15-ти турецкихъ лиръ за каждый годъ пребыванія его въ школѣ. Впрочемъ въ правилахъ сказано, что буде ученикъ отказавшійся посвятиться въ священный санъ, потомъ, сдѣлаетъ это, поручитель получаетъ обратно изъ школьнаго казначейства внесенный имъ штрафъ. Нужно сказать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ поручитель освобождается отъ возмѣщенія убытковъ при выходѣ ученика изъ школы ранѣе окончанія курса; это допускается, если ученикъ заболѣлъ прилипчивою болѣзнію, или оказался неспособнымъ къ ученію въ теченіе перваго же училищнаго курса (§ 42—44). Если мы не ошибаемся, поручители въ дѣйствительности рѣдко платятся за тѣхъ учениковъ, которые не желаютъ принять сана; это заключеніе основывается на томъ наблюденіи, что ученики часто даже заканчиваютъ курсъ, оставаясь въ мірскомъ званіи.

[1]) Стр. 389—390.

Быть можетъ, не лишнимъ будетъ для болѣе яснаго представленія школьной организаціи перечислить науки, преподаваемыя въ Халкинскомъ училищѣ. Кругъ наукъ богословскихъ составляютъ слѣдующія: церковная исторія, герминевтики и толкованіе св. Писанія, догматическое и нравственное богословіе, патрологія и еврейская археологія, пастырское богословіе, гомилетика, катихитика, литургика и церковное право, богословскія упражненія (въ чемъ состоятъ эти упражненія, скажемъ ниже). Къ общеобразовательнымъ наукамъ отнесены въ уставѣ изучаемой школы: св. исторія, катихизисъ, антропологія (точнѣе: физіологія), психологія, логика, иѳика и исторія философіи, греческій и латинскій языки и ихъ филологія, риторика и сочиненія, геометрія, ариѳметика, алгебра, математическая географія, исторія, хронологія (?), славянскій (читай: русскій) и болгарскій языки; а также языки турецкій и французскій, церковная музыка (пѣніе) теоретически и практически (§ 45). Всѣ эти науки проходятся въ теченіе семи лѣтъ. При чемъ на первыхъ курсахъ преобладаютъ общеобразовательные предметы изученія, а на послѣднихъ наоборотъ—богословскіе. Такъ, наприм., на шестомъ курсѣ, если не считать языковъ, изъ наукъ общеобразовательныхъ преподается лишь исторія философіи; а на седьмомъ — исключительно однѣ богословскія науки. Стòитъ отмѣтить, что при изученіи латинскаго языка ученики ознакомляются не только съ обычными свѣтскими писателями, но и съ церковными—Тертулліаномъ, Амвросіемъ, Августиномъ (ibid.). Въ высшемъ послѣднемъ классѣ изложеніе наукъ оканчивается въ февралѣ, а остальное время года предоставляется ученикамъ употреблять на приготовленіе къ выпускному экзамену, который именуется экзаменомъ на дипломъ (46). Въ разсматриваемой нами главѣ устава „о наукахъ“ помѣщены почему-то еще слѣдующіе параграфы: „въ каждый воскресный день схолархъ и прочіе преподаватели по очереди произносятъ въ школьномъ храмѣ предъ учениками краткое поученіе нравственнаго содержанія“; гомилетическія упражненія (опыты) воспитанниковъ седьмаго курса произносятся съ амвона школьнаго храма, въ присутствіи всѣхъ преподавателей и учениковъ“ (§ 47. 53).

Не можемъ удержаться, чтобы не похвалить это послѣднее обыкновеніе: оно очень практично и разумно. Одно остается неяснымъ для насъ въ приведенномъ правилѣ: за богослуженіемъ ли произносятся вышеуказанныя гомилетическія пробы (опыты) или внѣ его:—разумѣется,—мы хвалимъ разсматриваемое обыкновеніе лишь въ томъ случаѣ, если требуется произносить проповѣди съ амвона, но не во время богослуженія, причемъ наставникъ гомилетики можетъ дѣлать соотвѣтствующія нуждѣ замѣчанія, въ противномъ же случаѣ, т. е. если гомилетическіе опыты происходятъ въ церкви за богослуженіемъ, указанное обыкновеніе лишается оригинальности, не представляя собой ничего необычайнаго.

М. Филаретъ, разсматривая прежній уставъ Халкинской школы, замѣчалъ: „статьи о ученіи въ немъ скудны", т. е. малоудовлетворительны, не указывая въ точности—въ чемъ заключаются недостатки этихъ „статей". Во всякомъ случаѣ великій святитель былъ правъ, дѣлая подобную замѣтку. И въ новомъ уставѣ „статьи о ученіи" нельзя признать удовлетворительными. Въ нихъ совсѣмъ не указывается, на какой степени высоты должны стоять въ школѣ науки, напр. богословскія. Одни названія наукъ очень мало говорятъ о томъ, насколько серьезно и глубоко онѣ должны быть излагаемы. Притомъ въ этихъ „статьяхъ" встрѣчаются требованія, бросающіяся въ глаза своею наивностію, наприм. говорится: каждая наука должна быть преподана сполна, отъ начала до конца (ἀπ' ἀρχῆς μεχρι τέλους. § 49). Подобныя требованія скорѣе напоминаютъ нисшую школу, чѣмъ такую школу, которая въ одно и тоже время играетъ роль и семинаріи и академіи, какова школа Халкинская. Здѣсь очевидно наука понимается въ узкомъ смыслѣ, въ смыслѣ учебной книги по извѣстной наукѣ. Въ составѣ наукъ, преподаваемыхъ въ школѣ, есть такія, безъ которыхъ легко обойтись, и нѣтъ такихъ, которыя въ наше время считаются совершенно необходимыми. Напримѣръ, преподается какое-то „естественное право" (φυσικὸν δίκαιον), какъ отдѣлъ философіи (5-й курсъ), и не излагается такая простая и нужная наука, какъ физика. Какъ увидимъ ниже, Халкинская школа даетъ ученую степень, претендующую на

аксе же значеніе, какое у насъ имѣетъ степень магитра; и однако уставъ не указываетъ, чтобы воспитанники школы занимались составленіемъ научныхъ диссертаій, возбуждающихъ и развивающихъ мыслительныя спообности.

Очень любопытны экзаменные порядки, существующіе ъ изучаемой нами школѣ. Очевидно, здѣсь придается ольшое, даже преувеличенное значеніе экзаменамъ. Экамены въ Халкинской школѣ бываютъ двоякаго рода: одичные (курсовые) и экзамены на дипломъ (выпускные). Іспытанія послѣдняго рода происходятъ публично (57. 59).

Скажемъ сначала о курсовыхъ. Ученіе въ школѣ въ ервыхъ шести классахъ продолжается до конца мая, а онь мѣсяцъ назначается для подготовки учениковъ къ одичнымъ испытаніямъ. Экзаменаціонная коллегія состотъ изъ однихъ учителей подъ предсѣдательствомъ схоарха, при чемъ каждый изъ наставниковъ экзаменуетъ зъ своего предмета, прочіе же преподаватели могутъ редлагать вопросы только съ разрѣшенія схоларха. Учеики экзаменуются по жребію (διὰ κλήρου), т. е. по билеамъ, изъ всѣхъ наукъ, пройденныхъ въ теченіе годичаго курса (нужно помнить, что воспитанники послѣдняо VII-го курса годичныхъ экзаменовъ не сдаютъ). По кончаніи экзаменовъ экзаменаціонная коллегія, собравлись нарочно, опредѣляетъ степень успѣховъ учениковъ, ринимая во вниманіе въ особенности отмѣтки учителей ъ теченіе всего года. При оцѣнкѣ успѣховъ принимаются во вниманіе письменныя работы учениковъ, какъ-то—азсужденія и упражненія. Достоинство ученическихъ спѣховъ обозначается не баллами, а словами: порядочно, орошо, отлично, причемъ первая отмѣтка имѣетъ значеіе единицы, вторая—2, а третья—3. Ученики, получивіе за совокупность курсовыхъ успѣховъ отмѣтки: „отличо“ и „хорошо“, переводятся въ слѣдующій классъ. Учеикъ же, имѣющій совокупность тѣхъ же успѣховъ отмѣту: „порядочно“, для перехода въ слѣдующій классъ обяінъ удовлетворительно сдать экзаменъ предъ началомъ іенія (въ концѣ августа), иначе остается на второй годъ, томъ же классѣ. Если же по истеченіи и втораго года іеникъ будетъ имѣть отмѣтку: „порядочно“, тогда исклю-

чается изъ школы съ извѣстными послѣдствіями для его поручителя. Наиболѣе преуспѣвшіе ученики получаютъ награду, но какую—уставъ школы этого не указываетъ (§§ 62—72).

Читатель безъ сомнѣнія обратилъ вниманіе на то, что успѣхи учениковъ обозначаются не баллами, а опредѣленными словесными отмѣтками: „отлично", и пр. Эта особенность представляетъ принадлежность новаго Халкинскаго устава, а въ прежнемъ ея не было. Въ этомъ послѣднемъ предписывалось отмѣчать успѣхи учениковъ баллами. Виновникомъ же перемѣны былъ святитель Филаретъ, который подвергъ суровой критикѣ систему баллистики, усвоенную Халкинскимъ училищемъ. Преосвященный критикъ писалъ: „опредѣленіе успѣховъ учащихся числами и баллами есть странное превращеніе умственнаго въ механическое. Нельзя почитать удовлетворительнымъ этого превращенія разумныхъ свидѣтельствъ о разумныхъ дѣйствіяхъ учениковъ въ безсловесныя числа, которыя и рѣшаютъ судьбу ученика сложеніемъ и вычитаніемъ" [1]). Голосъ московскаго критика былъ услышанъ въ Константинополѣ и баллистика исчезла [2]).

Экзамены воспитанниковъ седьмаго курса на дипломъ (ἐπί διπλώματι) происходятъ такъ: они предшествуютъ годичнымъ испытаніямъ учениковъ прочихъ шести классовъ (экзамены обыкновенно начинаются 1-го іюля). Экзаменаціонная коллегія на этотъ разъ состоитъ изъ преподавателей богословскихъ наукъ; впрочемъ, если кто изъ прочихъ преподавателей имѣетъ богословскій дипломъ (какой школы?), то и этотъ можетъ входить въ составъ той же коллегіи. Выпускные экзамены раздѣляются на письменные и устные. Письменные бываютъ за 15-ть дней до наступленія устныхъ, и производятся такимъ образомъ: Каждый изъ преподавателей богословскихъ наукъ приготовляетъ столько тетрадей, сколько экзаменующихся уче-

---

[1]) Стр. 390. 562.

[2]) Въ Московской Духовной Академіи до введенія новаго академическаго устава (въ 1870-омъ году), значитъ во все время управленія ею Филарета, система балловъ въ оцѣнкѣ успѣховъ учащихся тоже не примѣнялась. Существовали, если память намъ не измѣняетъ, слѣдующія отмѣтки успѣховъ по экзамену и сочиненіямъ студента: очень хорошо, хорошо, довольно хорошо и порядочно.

никовъ, на нихъ пишетъ изъ каждой науки (богословской) по три вопроса, изъ числа которыхъ ученикъ обязанъ дать письменный отвѣтъ на какой нибудь одинъ; дѣло это происходитъ подъ наблюденіемъ схоларха и преподавателя; для написанія отвѣта дается срокъ въ три часа, пишущій не долженъ имѣть подъ руками ни книги, ни записокъ, и не долженъ совѣтоваться ни съ кѣмъ изъ присутствующихъ; по изготовленіи письменныхъ отвѣтовъ на вопросы ученикъ вручаетъ тетрадь схоларху. Тетради эти схолархомъ отдаются на разсмотрѣніе экзаменаціонной коллегіи, которая принимаетъ ихъ во вниманіе при оцѣнкѣ успѣховъ учениковъ, оканчивающихъ курсъ; мало того; онѣ приносятся на публичныя испытанія для ознакомленія съ ними всѣхъ желающихъ.—Устныя же испытанія происходятъ слѣдующимъ образомъ: на нихъ присутствуетъ самъ вселенскій патріархъ, по крайней мѣрѣ двое членовъ патріаршаго синода и членовъ эфоріи [1]). Каждый изъ преподавателей предлагаетъ экзаменующемуся различные вопросы изъ каждой богословской науки: „экзаменъ имѣетъ видъ собесѣдованія". Въ заключеніе происходитъ что-то въ родѣ диспута между авторомъ и преподавательской коллегіей, по поводу особаго сочиненія, составленнаго испытуемымъ. Въ поясненіе сейчасъ сказаннаго нужно замѣтить слѣдующее: каждый изъ оканчивающихъ курсъ по крайней мѣрѣ за мѣсяцъ до экзаменовъ обязанъ представить схоларху сочиненіе на богословскую тему, избранную самимъ авторомъ, но одобренную схолархомъ; сочиненіе должно быть написано на чистомъ греческомъ языкѣ, имѣть объемъ не менѣе печатнаго листа. Схолархъ отдаетъ это сочиненіе на разсмотрѣніе преподавателямъ каждому порознь (§ 73—78 слич. 60) [2]).

---

[1]) Иногда экзаменъ происходитъ еще болѣе торжественно: на немъ присутствуетъ Синодъ въ полномъ составѣ, съ патріархомъ во главѣ.

[2]) Кажется, въ прежнемъ уставѣ положеніе дѣла касательно сейчасъ указаннаго сочиненія было иное и отличалось крайнею неопредѣленностію. Такое заключеніе можно сдѣлать на основаніи слѣдующихъ замѣчаній митрополита Филарета: «на выпускномъ экзаменѣ схолархъ задаетъ испытуемому какой-либо изъ богословскихъ уроковъ, при чемъ позволяется имѣть тетрадку. Если предметъ назначенъ на самомъ экзаменѣ, то откуда-же возьмется готовая тетрадка о предметѣ, который до экзамена не былъ извѣстенъ? А если предметъ данъ и тетрадка написана заранѣе, что это за экзаменъ?

Остановимся на минуту на разсмотрѣніи способа, по которому производятся экзамены въ изучаемой нами школѣ. Сообразно требованіямъ устава ученики, за исключеніемъ выпускнаго класса, подвергаются испытаніямъ по билетамъ. Московскому святителю не по душѣ пришелся такой способъ испытанія учениковъ – и онъ въ свое время говорилъ о немъ съ поразительною рѣзкостью. Вотъ его разсужденія: „И въ Халкинское училище проникла *зараза* испытанія по билетамъ. Странный обычай, основанный на подозрѣніи въ обманѣ. Науку бросаютъ въ воздухъ въ безпорядкѣ на изорванныхъ лоскуткахъ. Но этотъ способъ самъ себя обманываетъ. Худой ученикъ, которому попадется знакомый вопросъ, кажется хорошимъ; хорошій ученикъ, если предметъ не по силамъ обширенъ, затрудняется иногда нечаянностію вопроса. Способнѣйшему ученику—поясняетъ свою мысль критикъ въ другомъ мѣстѣ—достается простой предметъ, и испытатель не имѣетъ случая открыть достоинства ученика. Слабому ученику достается трудный вопросъ, и испытатель затрудняется рѣшить, потому ли отвѣтъ неудовлетворителенъ, что труденъ вопросъ или потому, что ученикъ незнающъ. Еслибы испытаніе шло по порядку науки (т. е. безъ билетовъ, и въ порядкѣ учебнаго пособія), то уму и памяти ученика удобно было бы слѣдовать за движеніемъ предмета. А отъ обмана не трудно остеречься вызовомъ учениковъ не по волѣ наставника, а по назначенію испытателей, и вопросами испытателей, которые (вопросы) могутъ быть обращены не къ памяти, а къ уму испытуемыхъ и тѣмъ лучше открыть ихъ достоинство. Истина лучше открыться можетъ, когда испытатель выйдетъ изъ порабощенія билетамъ. Сіе говорится здѣсь не только противъ Халкинской школы,—прибавляетъ м. Филаретъ,—но и противъ нашихъ“ [1]). Но нашего святителя не послушалось не только начальство нашихъ школъ, живущихъ „въ порабощеніи билетамъ“, но не вняло критику и

Можно и чужое сочиненіе написать въ тетрадкѣ и читать на экзаменѣ—частію наизусть, частію по тетрадкѣ» (стр. 391). Несомнѣнно, что въ новомъ уставѣ вопросъ о сочиненіи выпускнаго ученика болѣе упорядоченъ, согласно указанію Московскаго іерарха.

[1]) Стр. 390. 562.

начальство Халкинской школы, вообще очень цѣнившее мудрыя замѣчанія Московскаго мудреца. Почему случилось это послѣднее—разъяснить не беремся. Отрадно будетъ указать на то, что выпускные экзамены происходятъ въ изучаемой школѣ не „въ порабощеніи билетовъ“. Они происходятъ въ разговорной формѣ, въ видѣ собесѣдованія экзаменаторовъ съ экзаменуемымъ (ἐν εἴδει συνδιαλέξεως). Если этотъ экзаменъ выпускнаго курса явился въ Халкинской школѣ вслѣдствіе замѣчаній Московскаго іерарха, то и это остается знаменательнымъ, какъ признакъ вліянія малой церкви на великую.

Послѣ этого небольшаго отступленія докончимъ изложеніе свѣдѣній о выпускныхъ экзаменахъ. По окончаніи экзаменовъ схолархъ и наставники богословскихъ наукъ, нарочито собравшись, посредствомъ закрытаго голосованія (διὰ μυστικῆς ψηφοφορίας) производятъ оцѣнку каждаго изъ оканчивающихъ курсъ учениковъ, принимая при этомъ во вниманіе успѣхи, оказанные ими на прежнихъ годичныхъ испытаніяхъ по богословскимъ наукамъ. Отмѣтки успѣховъ и при этомъ случаѣ остаются тѣ же, какія встрѣчаемъ и на первыхъ курсахъ: „отлично“, „хорошо“, „порядочно“. Ученики, получившіе отмѣтку: „отлично“ и „хорошо“, удостоиваются диплома, съ печатью школы, подписаннаго схолархомъ и утвержденнаго патріархомъ. А имѣющіе отмѣтку: „порядочно“ обязываются явиться на экзаменъ въ эту же школу въ будущемъ году въ обычное время. Воспитанники, еще не принявшіе свящ. сана, хотя и присужденные получить дипломъ, получаютъ таковой по посвященіи. Если же воспитанникъ, не удостоенный диплома, не пожелаетъ подвергнуться вторично экзамену, то онъ оставляетъ школу безъ всякаго аттестата, при чемъ поручитель его несетъ извѣстныя уже намъ послѣдствія (§ 79—81). Если воспитанникъ, получившій при окончаніи курса отмѣтку: „порядочно“, и во второй разъ потерпитъ неудачу, если же притомъ онъ уже носитъ священный санъ, то онъ увольняется безъ обычнаго взысканія съ поручителя и получаетъ отъ школы аттестатъ, удостовѣряющій его благоповеденіе и то, что онъ слушалъ уроки въ школѣ; аттестатъ этотъ имѣетъ подпись схоларха и утверждается патріархомъ. Если же таковой неудач-

никъ не получилъ еще посвященія, то поручитель его обязанъ понести не разъ уже упомянутыя послѣдствія, впредь до хиротоніи этого питомца школы. Лица, получающія дипломъ, именуются „дидаскалами православнаго христіанскаго богословія“ (§ 81. 83). Эта степень въ переводѣ на языкъ нашихъ ученыхъ степеней значитъ: „магистръ богословія“. Въ прежнемъ же уставѣ тѣ же, удостоивавшіеся получить дипломъ, именовались даже „дидакторами богословія“, т. е. докторами богословія [1]). Но не слѣдуетъ слишкомъ обольщаться этими громкими титулами: въ практикѣ же усвояется учено-богословской степени, даруемой Халкинской школой, не больше значенія, чѣмъ извѣстной нашей степени: студентъ духовной семинаріи [2]), что конечно вполнѣ справедливо, такъ какъ вся ученость питомца разсматриваемой школы исчерпывается представленіемъ въ совѣтъ школы письменнаго сочиненія объемомъ въ печатный листъ (о чемъ уже было упомянуто).

Экзамены напоминаютъ о вакаціи. И Халкинскій уставъ отъ экаменовъ переходитъ къ регламентаціи вакаціи. Этимъ временемъ считается время, протекающее отъ окончанія испытаній (приблизительно съ 10 іюля) до 1-го сентября, но на самомъ дѣлѣ каникулы бываютъ еще короче, потому что въ концѣ августа происходитъ переэкзаменовки и бываетъ пріемъ новыхъ учениковъ въ разные классы (§ 84 слич. 53 -54). По поводу регламентаціи каникулъ уставъ вообще очень точно перечисляетъ дни, считающіеся праздничными въ Халкинской школѣ. Отмѣтимъ нѣкоторыя особенности въ этомъ отношеніи. На масляницѣ къ праздничнымъ днямъ относится лишь суббота, повидимому нѣтъ нашихъ святочныхъ вакацій, не принадлежатъ къ днямъ праздничнымъ 9 мая, 8 мая, 26 сентября. Но за то къ праздничнымъ днямъ отнесены слѣдующіе дни, не считающіеся у насъ таковыми: 26 октября (память св. Димитрія Солунскаго), 6 февраля (память св. Фотія—мѣстный праздникъ), 23 апрѣля (св. Георгія) и 30 іюня).

---

[1]) Собр. мнѣн. и отзывовъ Филарета, стр. 391.
[2]) Изъ статьи проф. Дмитріевскаго (указана выше), стр. 140.

Переходимъ къ разсмотрѣнію обязанностей, возлагаемыхъ на учениковъ и учителей Халкинскимъ уставомъ и относящихся къ области религіозной практики и благоповеденія. Религіозныя обязанности указанныхъ лицъ заключаются въ слѣдующемъ: воспитанники поютъ и читаютъ при совершеніи церковныхъ службъ; всѣ безъ исключенія, какъ учителя такъ и ученики въ извѣстное время дня являются къ церковнымъ службамъ, совершаемымъ въ школьномъ храмѣ [1]). Воспитанники исповѣдаются и принимаютъ св. Христовы тайны по крайней мѣрѣ четыре раза въ году: въ день Рождества Христова, въ Пасху, въ праздникъ св. Апостоловъ (30 іюня) и въ Успеньевъ день. Намъ очень нравится это обыкновеніе—и мы думаемъ, что очень хорошо сдѣлали бы наши духовныя школы, если бы ввели этотъ превосходный христіанскій обычай, переносящій нашу мысль во времена священной древности. Предъ принятіемъ св. Причастія требуется совершать таинство елеосвященія [2]) (§ 88—89. 91).—Школьныя обязанности халкинскихъ учениковъ не представляютъ особенностей. Упомянемъ только о распредѣніи часовъ, назначаемыхъ на ученіе. Утромъ уроки начинаются въ 8 часовъ и продолжаются до полудня, а потомъ послѣ обѣда зимой отъ 1½ до 3½, а лѣтомъ отъ 2 до 4-хъ (§ 93).—По части благоповеденія и благочинія учениковъ въ Халкинской школѣ принято не мало очень хорошихъ правилъ. „Ученики должны быть правдивы въ сношеніи со всѣми". А „ложь подлежитъ наказанію". Золотыя слова—если откуда, то изъ школъ и въ особенности изъ духовныхъ ложь должна быть безусловно и энергически изгоняема, какъ омерзительный порокъ. „Ученики должны относится другъ къ другу, какъ братъ къ брату". Запрещены въ школѣ и споры, и раздоры, и тайныя сходбища. Особенно превосходно слѣдующее правило: „ни одинъ изъ учениковъ не имѣетъ права самовольно дѣлать никому никакихъ замѣчаній, даже самому послѣднему слу-

---

[1]) Такими службами считаются—утреня, вечерня и совершаемое на сонъ грядущій повечеріе.

[2]) Митрополитъ Филаретъ вопрошаетъ: «для чего предъ причащеніемъ елеосвященіе для небольныхъ» (561); но вопросъ этотъ остается безъ отвѣта.

гѣ. (Истинно такъ!) Въ случаѣ же неудовольствія на кого-нибудь ученикъ обязанъ обращаться къ схоларху" (§ 113—114). Не даромъ такой разумный человѣкъ, какъ митрополитъ Филаретъ, говорилъ: „въ Халкинскомъ уставѣ есть примѣчательныя правила относительно благочестія, нравственности и благочинія". Только тотъ не согласится съ великимъ святителемъ въ данномъ случаѣ, чье нравственное чувство притуплено и извращено. Вообще уставъ требуетъ отъ воспитанниковъ Халкинской духовной школы, чтобы они жили достойно ихъ предназначенію и избѣгали всего несоотвѣтствующаго ихъ священнолѣпному характеру. Въ числѣ правилъ встрѣчаются и такія: книги, одежду, письма и прочее, что поступаетъ въ школу или посылается изъ нея—должно быть передаваемо при посредствѣ вратаря и надзирателей; дозволяется входить въ комнату другаго ученика только днемъ, на короткое время и по уважительному поводу; запрещается ѣсть что-либо украдкой, употреблять напитки и курить (§ 115. 117—118). По халкинскому уставу, разъ исключенный ученикъ снова въ школу не принимается (120).— Инспекціи въ нашемъ смыслѣ слова въ изучаемой школѣ—не имѣется.

Въ уставѣ Халкинскаго училища находится глава подъ заглавіемъ: „О входѣ въ училищное помѣщеніе и выходѣ изъ него". Здѣсь говорится слѣдующее: ученики выходятъ на прогулку всѣ вмѣстѣ и одновременно дважды въ день, послѣ обѣда на полчаса, причемъ прогуливаются около школьныхъ воротъ, и подвечеръ на одинъ часъ, причемъ гуляютъ по склону холма; прогулки совершаются подъ наблюденіемъ особыхъ надзирателей и въ тишинѣ. Изъ постороннихъ никому не позволяется входить въ школу или посѣщать учениковъ безъ разрѣшенія схоларха, въ послѣднемъ случаѣ начальникъ заведенія назначаетъ мѣсто и часъ свиданія. Строго воспрещено лицамъ постороннимъ ночевать въ школѣ (§ 106—108).

Костюмъ воспитанниковъ однообразный и состоитъ изъ подрясника или полукафтанья, подпоясаннаго чернымъ кожанымъ ремнемъ и короткой полуряски. На головѣ они носятъ невысокую камилавку-скуфу, подъ которую подбираютъ свои длинные волосы. Одежда у учениковъ

своя, но одного качества и покроя. Въ уставѣ Халкинской школы съ большею подробностію исчисляются тѣ вещи, которыя должны доставить они въ школу при поступленіи въ нее. Здѣсь между прочимъ поименованы: два ночныхъ колпака, кровать со всѣми необходимыми постельными принадлежностями, смотря по времени года, одинъ стулъ и одинъ столъ и проч. Учебныя книги у воспитанниковъ должны быть свои; для домашняго чтенія ученикъ не лишенъ права имѣть свои же книги, но лишь такія, которыя не расходятся съ требованіями благочестія, государственнаго устройства страны (Турціи) и должной нравственности; употребленіе всякихъ другихъ книгъ воспрещено (§ 98—100).—Столъ ученики имѣютъ отъ училища и получаютъ ежедневно завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Трапеза совершается въ полной тишинѣ и безмолвіи. Только больные имѣютъ право на отдѣльную отъ другихъ пищу (§ 101—103). Въ мясоѣдъ столъ (обѣдъ и ужинъ) состоитъ изъ двухъ сытныхъ мясныхъ блюдъ, а въ постные дни изъ такого же числа рыбныхъ [1]).

Вообще жизнь Халкинской школы, внѣшній строй ея воспитанниковъ покоится на началахъ общежительнаго монастырскаго устройства, хотя на самомъ дѣлѣ школа не служитъ подготовленіемъ къ монашеству. Монастырскій строй жизни въ особенности напоминаетъ слѣдующее обыкновеніе, утвердившееся въ бытѣ халкинскихъ питомцевъ: являясь къ схоларху, воспитанники прежде чѣмъ начать свою рѣчь съ нимъ, дѣлаютъ метаніе (земной поклонъ) схоларху и цѣлуютъ его руку. Тоже самое повторяютъ по окончаніи бесѣды [2]). Монашескому строю изучаемой школы ни мало не противорѣчитъ то обстоятельство, что питомцы этой школы кушаютъ въ установленное на то время мясную пищу, ибо на всемъ Востокѣ эту пищу разрѣшаютъ себѣ и архимандриты, и епископы, и митрополиты и даже сами патріархи, и поступаютъ такъ по вполнѣ уважительной причинѣ: всѣ они, по ихъ твердому убѣжденію, къ сонму монаховъ не принадлежатъ [3]).

---

[1]) Изъ статьи проф. А. А. Дмитріевскаго. «Труды Кіев. Дух. Академіи», 1891, т. III, 139.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же, 141—142.

Въ уставѣ Халкинскаго училища находимъ регламентацію относительно духовника, служащихъ при училищѣ священникахъ [1]), надзирателяхъ, экономѣ, но статьи эти не представляютъ особеннаго интереса. Любопытно отмѣтить слѣдующее: прежнимъ Халкинскимъ уставомъ требовалось, чтобы завѣдывали хозяйствомъ школы казначей и экономъ. Митрополитъ Филаретъ, разсматривая этотъ уставъ, написалъ; „на что казначей и экономъ, а не одинъ?“ [2]) И вотъ—казначей исчезаетъ изъ штата Халкинской школы. Видно, что составители новаго устава не пропустили мимо ушей даже мимолетныхъ замѣчаній нашего проницательнаго святителя.

Къ сожалѣнію, внутренняя жизнь Халкинской школы рѣдко встрѣчаетъ такихъ наблюдателей, которые считали бы своимъ долгомъ знакомить публику съ вынесенными ими отъ ихъ наблюденій впечатлѣніями. По крайней мѣрѣ мы, лично, знаемъ очень мало таковыхъ наблюдателей. Намъ приходилось встрѣчаться съ изложеніемъ впечатлѣній подобныхъ наблюдателей лишь касательно двухъ сторонъ въ жизни Халкинской школы: во 1-хъ, относительно экзаменовъ, во 2-хъ,—относительно церемоніи выдачи дипломовъ кончившимъ курсъ и имѣющимъ на то право.

---

[1]) Нѣкоторые русскіе церковные историки, даже читавшіе уставъ Халкинской школы, не понимаютъ роли духовника и приписываютъ ему функціи, принадлежащія священникамъ, состоящимъ на службѣ при училищѣ. Такъ одинъ изъ такихъ церковныхъ историковъ говоритъ: «священнодѣйствуетъ на ежедневныхъ службахъ въ школѣ особый, имѣющійся здѣсь духовникъ». Но духовникъ совсѣмъ не для этого назначается. Въ уставѣ прямо сказано: «духовникъ, если онъ почему-либо не живетъ въ школѣ, обязанъ безотлагательно являться въ нее, какъ скоро онъ будетъ приглашенъ схолархомъ *для* совершенія таинства *покаянія*» (§ 143). Церковныя же службы въ школѣ совершаютъ особые священники, носящіе необычное у насъ, но употребительное на Востокѣ названіе: эфимеріи (οἱ ἐφημέριοι) (§ 144—5). Слово это остается невразумительнымъ и для нѣкоторыхъ нашихъ церковныхъ историковъ, даже знакомыхъ съ текстомъ устава Халкинской школы. Они путаютъ, перемѣшивая должности духовника и эфимеріевъ. Нужно знать, что нѣкоторые священники въ Греціи носятъ это наименованіе, означающее: дневальный, дежурный,—въ отличіе отъ священныхъ лицъ, хотя носящихъ этотъ санъ, но служащихъ или въ центральныхъ учрежденіяхъ патріархіи, или занимающихъ должности въ родѣ схоларха, или принадлежащихъ къ свитѣ патріарха, вообще въ отличіе отъ такихъ духовныхъ лицъ, для которыхъ священный санъ не есть главное. Эфимеріи—тоже, что наши *приходскіе* священники, они обязаны совершать *ежедневныя* службы.

[2]) Стр. 391.

Лице, побывшее на экзаменахъ въ указанной школѣ, раскрываетъ предъ нами слѣдующую картину. Въ небольшой комнатѣ, назначенной для экзаменовъ, прямо отъ входа, вдоль всей стѣны тянется широкій турецкій диванъ, долженствующій принять на себя іерарховъ; предъ диваномъ,—накрытый бѣлой скатертью, столъ, на которомъ приготовлено было іераршее облаченіе; далѣе влѣво отъ этого стола—къ стѣнѣ еще столъ и при немъ нѣсколько стульевъ для профессоровъ—экзаменаторовъ, по стѣнамъ—направо и налѣво—стулья для публики. Въ 9 часовъ вошли іерархи и профессора училища. Патріарха не было по причинѣ нездоровья; его лице представлялъ митрополитъ Никомидійскій, старшій между всѣми іерархами Константинопольскаго патріархата. Когда онъ облачился, началось молитвословіе, продолжавшееся около получаса. Затѣмъ іерархи заняли мѣста на диванѣ: первый помѣстился митрополитъ Никомидійскій, какъ бы на кровати; за нимъ—другіе митрополиты въ два ряда; одни сѣли на краю дивана, какъ сидятъ всѣ и у насъ, свѣсивши ноги, а другіе забрались къ нимъ за спины, усѣвшись тамъ, поджавши ноги. Схолархъ прочелъ составленный имъ отчетъ о состояніи училища [1]). Въ отчетѣ сначала изображалась идеальная сторона школы, говорилось, каковы должны быть воспитанники, готовящіеся въ ней къ пастырскому служенію; затѣмъ, переходя къ дѣйствительности, ораторъ замѣтилъ, что она, къ сожалѣнію, далеко не отвѣчаетъ идеальнымъ требованіямъ: одинъ изъ воспитанниковъ уволенъ изъ училища за дурное поведеніе, трое отправились домой для поправленія здоровья, но объ одномъ изъ нихъ замѣчено, лучше было бы, если бы онъ не возвращался [2]). Объ оканчивающихъ курсъ сказа-

---

[1]) Конечно, сообразно 61 § устава, гдѣ сказано: «предъ началомъ экзаменовъ, по окончаніи молитвословія, схолархъ читаетъ отчетъ о матеріальномъ, нравственномъ и умственномъ состояніи школы»; здѣсь же прибавлено: послѣ отчета «одинъ изъ преподавателей произноситъ краткую рѣчь на богословскую тему» (что было и на этотъ разъ, какъ увидимъ ниже).

[2]) Нужно сказать, что митрополитъ Филаретъ, принимая во вниманіе 36 § устава, гдѣ читаемъ: «каждый изъ архіереевъ имѣетъ право помѣстить одного воспитанника въ школу», — находилъ это правило непрактичнымъ и замѣчалъ: «ему (схоларху) могутъ прислать учениковъ, которыхъ онъ не призналъ бы достаточно подготовленными и *съ которыми ему трудно будетъ*» (стр. 389). И нашъ мудрый іерархъ былъ правъ. Печальные слу-

но, что только одинъ изъ нихъ рѣшился служить церкви въ духовномъ званіи и для этого принялъ уже посвященіе въ іеродіакона, а другіе еще на этотъ счетъ колеблются и такимъ образомъ всѣ заботы и всѣ затраты церковныя на ихъ образованіе могутъ остаться непроизводительными. Далѣе говорилось о составѣ профессорскаго персонала. Въ заключеніе однимъ профессоромъ произнесена была рѣчь о соединеніи церквей. Засимъ началось самое испытаніе. Экзаменовались оканчивавшіе курсъ по нѣкоторымъ богословскимъ предметамъ. Студенты вызывались по билетамъ (въ формѣ свернутыхъ бумажекъ), на которыхъ написаны были ихъ имена и которые бралъ и открывалъ схолархъ. Каждый вызванный прежде всего подходилъ къ митрополиту Никомидійскому, кланялся ему въ ноги и цѣловалъ просто безъ благословенія протягиваемую руку [1]). Экзаменъ для каждаго студента по одному предмету продолжался 5—10 минутъ. Отвѣты вообще были тверды, но довольно элементарны и повидимому буквально заучены. Вопросы давались только профессоромъ предмета, по которому шелъ экзаменъ. Сами митрополиты - синодалы хранили совершенное молчаніе [2]). Къ 12-ти часамъ экзаменаціонное засѣданіе уже кончилось.— Былъ я еще—говоритъ тотъ же посѣтитель халкинскихъ экзаменовъ—на нѣсколькихъ экзаменахъ, которые производились въ томъ же порядкѣ, между прочимъ на экза-

чаи, подобные тому, о которыхъ упоминаетъ вышеприведенный «отчетъ», повторяются, къ сожалѣнію, не рѣдко въ исторіи Халкинской школы. Такъ, напримѣръ, въ «отчетѣ» за 1886 годъ халкинскій схолархъ не обинуясь объявлялъ во всеуслышаніе: «вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ архіереевъ, руководимые только добротою, даютъ рекомендаціи и берутъ на себя поручительство безъ надлежащаго испытанія и ознакомленія съ рекомендуемыми, между учениками иногда оказываются не только недостойные заботъ школы и издержекъ на ихъ содержаніе, но и худой нравственности». Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια (Константинопольскій дух. журналъ), 1886, τόμ. 3, σελ. 221.

[1]) Нашъ описатель, видимо, изумляется такому обыкновенію. Но мы не будемъ этого дѣлать, когда уже знаемъ, что воспитанники школы, по заведенному порядку, припадаютъ къ ногамъ даже схоларха и лобзаютъ его неблагословляющую руку (объ этомъ было нами говорено нѣсколько раньше).

[2]) «Хранили молчаніе». Вѣроятно они—замѣтимъ мы—точно слѣдуютъ халкинскому уставу, который разрѣшаетъ предлагать вопросы воспитанникамъ только экзаменатору и прочимъ учителямъ (послѣднимъ съ ограниченіемъ), и никому изъ постороннихъ (§ 62).

менѣ по русскому языку. Для чтенія съ разборомъ и переводомъ назначено было слово митрополита Филарета: „чего вы ожидаете слушатели слова отъ служителей Слова“. Произношеніе нѣсколько рѣзало слухъ, но грамматическій разборъ и переводъ были совершенно удовлетворительны [1]).

Другой посѣтитель Халкинской школы записалъ свои впечатлѣнія касательно церемоніи выдачи дипломовъ кончившимъ здѣсь курсъ. Вотъ его наблюденія. Въ богословскомъ Халкинскомъ училищѣ 1 и 2 іюля производился экзаменъ воспитанникамъ VII-го, послѣдняго класса. А 3-го [2]) въ воскресенье происходилъ выпускъ окончившимъ полный училищный курсъ. Выпускъ состоитъ обыкновенно въ торжественной раздачѣ дипломовъ тѣмъ изъ питомцевъ, которые сдаютъ удовлетворительно выпускной экзаменъ, т. е. получаютъ на экзаменѣ отмѣтки: отлично и хорошо (и слѣдовало бы прибавить: „и которые уже имѣютъ духовный санъ“). На актъ былъ приглашенъ нашъ (русскій) посланникъ въ Константинополѣ. Въ посольствѣ не мало оказалось лицъ, готовыхъ раздѣлять его сочувствіе къ богословскому училищу—этому единственному

[1]) Проф. А. Лебедева (Харьковскаго). «Изъ путевыхъ воспоминаній» (*Православ. Обозрѣніе*, 1882, т. I, 146—149).—По поводу заявленія нашего описателя о совершенно удовлетворительномъ изученіи разсматриваемыми халкинцами русскаго языка, считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько ограничительныхъ замѣчаній. Со словъ какого-то Рачинскаго митрополитъ Филаретъ писалъ: «у архимандрита (очевидно, учителя) въ классѣ славянскаго (т. е. русскаго) языка (рѣчь идетъ о Халкинскомъ училищѣ) три или четыре ученика и изъ нихъ только одинъ слушаетъ внимательно» (стр. 391). Значитъ, въ Халкинскомъ училищѣ изученіе русскаго языка въ концѣ 50-хъ годовъ было въ полномъ небреженіи. Едва ли въ положеніи дѣла произошло улучшеніе и впослѣдствіи. Когда въ 1891 году я посѣтилъ Халкинское училище, то одинъ воспитанникъ его, сербскій уроженецъ, носившій званіе протосинкелла (!) въ разговорѣ со мной откровенно сознался, что русскихъ книгъ никто изъ учениковъ не читаетъ (см. нашу статью въ «Богословскомъ Вѣстникѣ», за 1892-й годъ: «Недѣля въ Константинополѣ»). Мы, впрочемъ, не сомнѣваемся, что г. Лебедевъ достаточно усвоилъ отвѣты халкинскихъ учениковъ по переводу съ русскаго языка на греческій (а это съ непривычки не всегда удается), но нужно помнить, что экзамены всегда заключаютъ много показнаго (такъ почему-то бываетъ въ духовныхъ школахъ).

[2]) На этотъ разъ церемонія выдачи дипломовъ очевидно произошла ранѣе производства экзаменовъ въ прочихъ классахъ, вѣроятно потому, что на 3 іюля пало воскресенье, а указанная церемонія всегда происходитъ въ день воскресный (§ 83).

разсаднику высшаго духовнаго образованія во всемъ константинопольскомъ патріархатѣ. Наставники и ученики богословскаго училища встрѣчали посѣтителей при входѣ въ обитель. Преславскій митрополитъ Анѳимъ въ качествѣ временнаго начальника училища сказалъ привѣтственныя рѣчи нашему посланнику по-русски [1]), греческому по-гречески. При входѣ въ училищную залу почтенные посѣтители встрѣчены были патріархомъ и всѣми членами Синода. Затѣмъ всѣ взошли въ храмъ, гдѣ имѣлъ быть актъ [2]). Патріархъ и Синодъ, учащіе и учащіеся заняли въ храмѣ каждый свое мѣсто. Патріархъ въ мантіи и омофорѣ началъ обычное молитвословіе, которое заключалось въ пѣніи тропаря и кондака Пятидесятницы, тропаря тремъ святителямъ (глубоко знаменательный обычай, замѣтимъ мы), еще нѣкоторыхъ стихиръ и молитвы— „Царю Небесный"; за пѣніемъ стихиръ слѣдовала эктенія, въ которой поминали строителей (ктиторовъ), благотворителей, учащихъ, учащихся и всѣхъ ревнителей духовнаго просвѣщенія; наконецъ отпустъ—пѣли іерархи, наставники и нѣкоторые изъ воспитанниковъ. Это—первая часть акта. Послѣ молитвы всѣ сѣли. Секретарь училища Германъ Григора, стоя прочиталъ журналъ засѣданій 1 и 2 іюля, относившихся къ питомцамъ, выходящимъ изъ заведенія. Въ нынѣшнемъ (1866) году кончили полный курсъ наукъ четыре человѣка: двое съ отмѣткой отлично и двое съ отмѣткой хорошо; всѣ они имѣли священный санъ. Изъ 40 воспитанниковъ заведенія только 4-ро кончили курсъ—число слишкомъ недостаточное для такого патріархата, въ которомъ считается больше 100 епархій. Ректоръ (схолархъ) сказалъ окончившимъ курсъ напутственное слово, что требуется уставомъ и обычаемъ. За чтеніемъ слова началась раздача дипломовъ слѣдующимъ порядкомъ. Секретарь читалъ вслухъ всѣхъ дипломъ воспитанника, оканчивающаго курсъ; ректоръ въ свою очередь читалъ написанное на особомъ листѣ наставле-

[1]) Воспитанникъ Московской духов. Академіи, впослѣдствіи экзархъ Болгарскій.

[2]) Церемонія выдачи диплома предусмотрѣна уставомъ (§ 83), но на самомъ дѣлѣ она происходитъ болѣе торжественно, чѣмъ какъ положено въ уставѣ.

ніе отъ имени училища питомцу, оставляющему это последнее; а питомецъ какъ бы въ отвѣтъ на это наставленіе съ своей стороны читалъ, писанное на другомъ листѣ, обѣщаніе служить вѣрно Христовой церкви. Подписавъ прочитанное обѣщаніе, онъ получалъ свернутый въ трубку дипломъ отъ ректора [1]), принималъ благословеніе отъ патріарха, дѣлалъ легкій поклонъ іерархамъ и возвращался на свое мѣсто. Тоже самое повторялось четыре раза, по числу оканчивающихъ курсъ. Всѣ четверо были Греки. Одинъ изъ получившихъ дипломъ говорилъ собранію благодарственную рѣчь, но говорилъ такъ тихо и вяло, такъ монотонно и безжизненно, что онъ могъ бы усыпить слушателей, если бы чтеніе его продолжалось немного больше. Но къ удовольствію публики, его скоро остановили, чтобы выслушать протоколъ выпускнаго акта, составленный секретаремъ въ то время, какъ молодой ораторъ читалъ предъ собраніемъ что-то въ полголоса. Протоколъ прочитанъ и актъ объявленъ оконченнымъ. Посѣтители—прибавляетъ описатель—цѣлый часъ потомъ оставались еще на островѣ. Въ библіотекѣ, въ училищной столовой, патріархъ былъ въ высшей степени любезенъ съ дорогими и рѣдкими гостями [2]).

По ознакомленіи съ церемоніаломъ выпускнаго акта Халкинской школы, считаемъ умѣстнымъ сообщить нѣкоторыя, доступныя намъ, статистическія данныя о количествѣ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ этой школѣ за время ея существованія. Въ 1866 году дипломы, выданные воспитанникамъ, кончившимъ курсъ и имѣющимъ посвященіе, носили №№ 107—110 [3]). Отсюда видно, что начиная съ 1848 года [4]) выдано было такихъ дипломовъ въ среднемъ выводѣ по 6-ти въ годъ. Общее число

[1]) Иногда при этомъ случаѣ дипломъ вручаетъ «дидаскалу богословія» самъ патріархъ. Такъ въ 1892 году, по сообщенію Константинопольскаго журнала, семь лицъ духовнаго сана получили дипломъ изъ рукъ его святѣйшества. Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, 1892, № 19 (10 Іюля) σελ. 145.

[2]) «Выпускной актъ богословскаго училища на островѣ Халки», статья неизвѣстнаго автора: «Духовный Вѣстникъ» (давно не существующій журналъ), 1866 года, октябрь, стр. 255—260. Слич., если угодно, *Православное Обозрѣніе*: 1881 г., т. I, 149.

[3]) Тамъ-же, 258.

[4]) Говоримъ съ 1848 г., хотя училище, какъ извѣстно открыто въ 1844 году и имѣло въ первое время лишь трехгодичный курсъ (см. выше-

учениковъ, учившихся въ Халкинской школѣ отъ ея основанія до 1878 года насчитывалось до 350 человѣкъ [1]). Изъ отчета Халкинской школы за 1886 годъ видно, что отъ основанія ея до сейчасъ указаннаго года дипломовъ въ ней удостоено 271 человѣкъ, изъ которыхъ 33 лицамъ они не были выданы на руки, такъ какъ эти 33 воспитанника не приняли посвященія [2]). Такимъ образомъ, къ этому времени въ среднемъ выводѣ была предназначена выдача дипломовъ 7-ми воспитанникамъ въ годъ, значительное большинство которыхъ и получило таковые дипломы. Въ 1886 г. учениковъ въ школѣ было 80, окончило курсъ 8-рб и получило дипломъ 6; въ 1888 году кончило курсъ 10 воспитанниковъ, изъ числа ихъ 6-мъ вручены дипломы; въ 1889 г. кончило курсъ 8 воспитанниковъ, изъ нихъ 6-ро получили дипломъ на руки; въ 1892 году удостоено дипломовъ 11 воспитанниковъ, а выдано 7 (по обычаю,—лицамъ имѣвшимъ священ. санъ ко дню выпускнаго акта) [3]). Изъ этого неполнаго статистическаго обзора, во всякомъ случаѣ съ достаточною ясностью открывается, что число учащихся и оканчивающихъ курсъ въ Халкинскомъ училищѣ не можетъ удовлетворять нуждамъ Константинопольской церкви въ образованныхъ священнослужителяхъ.

Въ девяностыхъ годахъ XIX-го вѣка Халкинское училище претерпѣло двѣ катастрофы, изъ которыхъ одна была особенно тяжела — разумѣемъ землетрясеніе, случившееся въ Константинополѣ и на Мраморномъ морѣ въ 1894 году и разрушившее зданіе этой школы [4]). И это

указанную статью *И. И. Соколова*, стр. 328). Почему не послѣдовало выпуска учениковъ въ 1847 году—въ точности не извѣстно.

[1]) Chassiotis. L'instruction publique chez les Grecs, p. 438, Paris, 1881.

[2]) Εκκλησιαστηκὴ 'Αλήθεια, 1886, τόμ. 3, σελ. 220.

[3]) 'Εκκλησιαστ. 'Αλήθεια, 1886, τόμ. 3, σελ. 220; 1888, № 34, σελ. 269; 1889, № 36, σελ. 281; 1892, № 19, σελ. 145. Нужно сказать, что краткіе ежегодные отчеты, печатаемые въ этомъ журналѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ о Халкинской школѣ, не отличаются содержательностію и даже единообразіемъ сообщаемыхъ извѣстій. Это просто наброски, а не данныя оффиціальныя.

[4]) Землетрясеніе, разрушившее Халкинское училище, описано въ одной изъ газетъ въ слѣдующихъ чертахъ: «28 іюня было роковымъ днемъ для Константинопольской патріархіи. Разразившееся въ этотъ день въ Константинополѣ и въ ближайшихъ къ нему областяхъ, страшное землетрясеніе нанесло непоправимый ущербъ всему мѣстному населенію. Кромѣ множества,

случилось въ то время, когда училище только-что закончило свое благоустройство: въ 1892 году школа была расширена чрезъ пристройку, заключавшую въ себѣ парадный ходъ, актовый залъ, залъ правленія и проч. [1]). Вслѣдствіе постигшаго бѣдствія, ученіе на о. Халки прекратилось на долгое время. На возстановленіе разрушенныхъ зданій Халкинскаго училища употреблено было два года. Освященіе возобновленныхъ зданій и водвореніе въ нихъ ученическаго и учительскаго персонала происходило весьма торжественно 6 октября 1896 года. Училище перестроено на средства какого-то грека Павла Стефановика, и обошлось 200,000 рублей. Для увѣковѣченія заслугъ строителя на фронтѣ школы, по распоряженію патріарха, золотыми буквами выбита слѣдующая надпись: „прекрасный храмъ, который раньше воздвигнулъ сонмъ архіереевъ для небесной мудрости, обрушившійся при землетрясеніи, снова создалъ щедрый мужъ по велѣнію сердца своего Павелъ Стефановикъ, подаривъ его священной матери, которой онъ есть чадо; по сему и вы обитающіе въ этомъ домѣ небесной музы, питайте такое же стремленіе къ мудрости, какое и онъ, строитель, питаетъ". Такъ какъ всѣ издержки по обновленію зданій училища указанный „великій благодѣтель церкви и народа" (какъ именуетъ его Константинопольскій Синодъ и Народный Совѣтъ) принялъ на свой счетъ, то всѣ прочія значительныя пожертвованія, сдѣланныя съ цѣлію возобновленія школы патріархомъ, церквами, монастырями и другими милостивцами, обращены въ неприкосновенный капиталъ, назна-

не рѣдко древнихъ историческихъ, монастырей, обратилась въ развалины богословская семинарія на о. Халки. Окончательное разрушеніе этой семинаріи особенно опечалило свят. Синодъ и вселенскаго патріарха. Въ нынѣшнемъ (1894 г.) году въ немъ предполагалось ввести нѣкоторыя улучшенія (вѣроятно по случаю юбилея училища), сообразныя съ требованіями настоящаго времени, но Богъ судилъ иное,—въ немъ *не осталось теперь камня на камнѣ*. Коммиссія изъ членовъ священнаго Синода, съ патріархомъ во главѣ, два дня пробыла для осмотра бѣдствія на о. Халки, рѣшила, покамѣсть, немедленно извлечь изъ-подъ развалинъ семинарскую библіотеку (до 9.000 томовъ). Синодъ же опредѣлилъ всѣхъ учениковъ немедленно распустить по домамъ, прекратить занятія на цѣлый годъ и изыскать средства для возстановленія семинаріи въ теченіе этого времени (а на самомъ дѣлѣ для такого возстановленія потребовалось болѣе времени). *Церковный Вѣстникъ*, 1894, № 32, стр. 509—510.

[1]) Ἐκκλησιαστ. Ἀλήθεια, 1892, № 19, σελ. 146.

ченный на содержаніе училища [1]). Значитъ, нѣтъ худа безъ добра. Въ лучшемъ ли видѣ возстановлено училище по сравненію съ прежнимъ, указаній на это мы не имѣемъ. Первый выпускъ изъ школы, по ея возобновленіи, происходилъ въ 1897 году, при чемъ право на дипломъ получили 12 воспитанниковъ, изъ которыхъ восьмеро имѣли духовный санъ и потому удостоены торжественной выдачи дипломовъ. Всего учащихся въ училищѣ было въ это время около 100 человѣкъ [2]).

Другая катастрофа меньшаго значенія произошла въ средѣ административнаго, педагогическаго и ученическаго міра Халкинской школы. Причина явленія остается неясна. Вотъ описаніе печальнаго событія, усмотрѣнное нами на страницахъ одного русскаго духовнаго журнала [3]). Въ стѣнахъ Халкинскаго богословскаго училища въ настоящемъ году (т. е. 1897—98 учебн. году) произошли прискорбныя событія, которыя не скрываетъ и оффиціальное изданіе Константинопольской церкви: „Церковная истина". Послѣднія двадцать лѣтъ Халкинская семинарія находилась подъ управленіемъ архимандрита Германа Григоры, человѣка весьма почтеннаго и по образованію, и по службѣ, и по лѣтамъ. Въ концѣ 1897 года между ректоромъ, Григорою, и нѣкоторыми преподавателями семинаріи возникли разногласія по обстоятельствамъ, о которыхъ греческія газеты однако умалчиваютъ. Та и другая сторона обратились къ суду Синода Константинопольской церкви. Синодъ разслѣдовалъ дѣло, постановилъ уволить отъ должности преподавателей (около (?) восьми), не находившихъ возможности служить подъ управленіемъ архим. Германа. Но чрезъ нѣсколько времени Синодъ отмѣнилъ свое постановленіе, возстановилъ въ правахъ уволенныхъ-было преподавателей и предложилъ подать въ отставку самому ректору. Это распоряженіе вызвало движеніе среди воспитанниковъ, которые весьма любили своего начальника и желали продолжать образованіе подъ его руководствомъ. Когда же Германъ Григора вышелъ въ отставку, вмѣстѣ съ нимъ покинули училище до пяти-

[1]) «Церк. Вѣдомости», 1896, № 48, стр. 1799—1800.
[2]) Тамъ-же, 1897, № 39, стр. 1407.
[3]) «Странникъ», 1898 г., т. II, стр. 199—200.

и учениковъ, и въ школѣ осталось лишь около 20-ти ковъ. Занятія въ школѣ прекратились. Они снова ись лишь въ концѣ февраля 1898 года, когда опять атились въ школу нѣкоторые изъ ея учениковъ, поъ на это разрѣшеніе отъ Синода. Въ концѣ февраъ было до 40-ка человѣкъ. Ректоромъ Халкинской аріи временно назначенъ схолархъ „великой націоой школы" архимандритъ Михаилъ Клеовулъ, а ій начальникъ Халкинской семинаріи удалился на . Вскорѣ за тѣмъ въ этой школѣ водворился миръ ядокъ, но питомцы ея не всѣ возвратились подъ своего прежняго пріюта.—Мы лично питаемъ на-, что описанныя событія не будутъ сопровождаться ыми потрясеніями въ жизни Халкинскаго училища. въ вышеприведенныхъ нами статистическихъ дансъ несомнѣнностію открывается, что большая часть цевъ Халкинской школы посвящаютъ себя на слуцеркви [1]), это именно воспитанники, получающіе мъ, какъ принявшіе духовный санъ или въ школѣ, се по выходѣ изъ нея. Эта часть воспитанниковъ и вляетъ главный контингентъ образованнаго грече духовенства въ Константинопольскомъ патріархатѣ. обыкновенно дѣлаются преподавателями въ мужскихъ скихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, занимаютъ свяическія мѣста при греческихъ церквахъ за-гранивъ Лондонѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ и въ другихъ проенныхъ центрахъ Европы и даже Америки, получаучшіе приходы въ городахъ и исполняютъ обязан секретарей, протосинкелловъ и другихъ должност лицъ при патріархѣ Константинопольскомъ и съ вмѣстѣ становятся кандидатами на высшія степени іи: епископа, архіепископа, митрополита и даже рха [2]).

кимъ образомъ мы видимъ, что карьера воспитанъ Халкинскаго училища, получившихъ дипломъ, завидна, бѣда же въ томъ, что такихъ лицъ Халое училище доставляетъ въ очень ограниченномъ .

[1]) Если проф. Дмитріевскій утверждаетъ противное, то его утвержденіе ательно: «Труды Кіев. Дух. Акад.», 1891, т. III, стр. 140.

[2]) Тамъ-же, стр. 141.

Но какъ ни завидна карьера воспитанниковъ Халкинскаго училища, съ другой стороны нужно сознаться, что ничего завиднаго не представляетъ тотъ умственный багажъ, съ которымъ они покидаютъ школу, по окончаніи курса наукъ. Одинъ греческій писатель, по случаю 50-тилѣтняго юбилея Халкинскаго училища, оцѣнивая образовательное значеніе этого послѣдняго, въ 1894 году писалъ слѣдующее: высоко ли стоитъ научная дѣятельность этой школы? Нѣтъ, не высоко. „Исключите кое-какіе маленькіе и убогіе опыты и перейдете прямо къ печальнымъ итогамъ. Гдѣ у насъ научное богословское движеніе въ послѣднее полустолѣтіе, гдѣ великія имена отечественныхъ богослововъ? Вотъ оканчиваетъ курсъ въ Халкинскомъ училищѣ современный іерархъ и всякій можетъ подумать, что онъ *отрекся* не только отъ міра, но и *отъ книгъ*. Богословское училище до сихъ поръ не ознаменовало себя изданіемъ хоть какого-либо ученаго труда. Намъ непонятно, какимъ образомъ честолюбіе нашихъ (греческихъ) іерарховъ, дозволяетъ имъ мириться съ современнымъ духовнымъ безплодіемъ и отсутствіемъ умственныхъ занятій. Только тѣ изъ нихъ, которые получили свое образованіе въ Германіи или въ Россіи, издаютъ кое-какія научныя работы и ревностно трудятся надъ духовнымъ воспитаніемъ нашего народа; всѣ же остальные, когда уѣзжаютъ съ о. Халки, *оставляютъ тамъ свои таланты*, повидимому, глубоко *закопанными въ землю*. Поэтому въ теченіе многихъ уже лѣтъ, когда заходила рѣчь объ этомъ училищѣ, заходила и заходитъ рѣчь о его преобразованіи" [1]).

Печально слышать это!

Кромѣ Халкинскаго училища въ Константинопольскомъ патріархатѣ существуетъ еще такъ называемое центральное духовное (ἱερατική) училище [2]); оно находится въ самомъ Константинополѣ и имѣетъ своимъ назначеніемъ

---

[1]) «Халкинское богословское училище» (1844—1894 г.), статья изъ журнала Νεολόγος. (Церковныя Вѣдомости, 1894, № 37, стр. 1303).

[2]) Другихъ духовныхъ училищъ въ патріархатѣ нѣтъ. И это неудивительно, ибо источникъ, изъ котораго заимствуются деньги на содержаніе школъ, случаенъ, неопредѣленъ и скуденъ. Это «тарелка», обносимая въ храмѣ за богослуженіемъ.—Свѣдѣніе взято изъ одного оффиціальнаго документа, о которомъ рѣчь ниже (Богосл. Вѣстн. 1893, III, 280).

приготовлять молодыхъ людей къ священнослужительскимъ должностямъ въ приходскихъ церквахъ. Объ этомъ училищѣ мы немного знаемъ; наше знаніе ограничивается нѣкоторымъ знакомствомъ съ дѣйствующимъ уставомъ разсматриваемаго духовнаго училища. А этотъ уставъ есть вообще сколокъ съ устава Халкинской школы лишь съ нѣкоторыми измѣненіями, обусловливаемыми спеціальною цѣлію училища. Какъ въ Халкинской школѣ, такъ и здѣсь управленіе сосредоточивается въ рукахъ Эфоріи, состоящей изъ трехъ митрополитовъ, членовъ патріаршаго синода. На разсмотрѣніе и утвержденіе Эфоріи восходятъ всѣ дѣла, касающіяся учебно-воспитательныхъ порядковъ училища. Въ училище принимаются молодые люди, принадлежащіе къ епархіямъ, входящимъ въ составъ Константинопольскаго патріархата. Всѣ они обязываются жить въ стѣнахъ заведенія, въ качествѣ казеннокоштныхъ. Ученики должны быть не моложе 18 и не старше 23 лѣтъ (здѣсь замѣтно небольшое различіе отъ требованій Халкинскаго устава). Поступающіе въ училище, ученики должны представить заслуживающаго довѣріе поручителя (а не архіерея, какъ въ уставѣ Халкинскаго училища) въ томъ, что они будутъ выполнять всѣ возлагаемыя на нихъ обязанности, и что по окончаніи курса ученія и по достиженіи опредѣленнаго канонами возраста и вступленіи въ бракъ (этого въ Халкинскомъ уставѣ нѣтъ), примутъ санъ священства. На этого поручителя возлагается долгъ въ извѣстномъ размѣрѣ вознаградить училище за напрасныя издержки въ случаѣ, если воспитанникъ по окончаніи курса не пожелаетъ принять священства, если онъ будетъ исключенъ за лѣность и худое поведеніе, или безъ всякихъ поводовъ оставитъ училище (правило это, какъ видимъ, цѣликомъ взято изъ устава Халкинскаго училища). Но вотъ новое правило, котораго не встрѣчаемъ въ этомъ послѣднемъ уставѣ. Ученики должны представить отъ того архіерея, въ епархію котораго со временемъ намѣрены вступить, письменное удостовѣреніе, что по окончаніи ими курса ученія, онъ, архіерей, позаботится устроить ихъ на соотвѣтствующія ихъ образованію мѣста.—Въ училище принимаются лишь молодые люди, представившіе свидѣтельство объ окончаніи полнаго курса въ общинной школѣ. Училище

доставляетъ ученикамъ безплатно пищу, помѣщеніе и образованіе и всякое вспомоществованіе, но одежду и книги они должны имѣть свои (опять повтореніе правила, находящагося въ уставѣ Халкинскаго училища). Преподаватели центральнаго духовнаго училища избираются изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ Халкинскомъ богословскомъ училищѣ. Училище имѣетъ четыре годичныхъ класса. Предметами преподаванія служатъ науки какъ свѣтскія, такъ и богословскія. Къ первымъ, напримѣръ, относятся: греческій языкъ, географія, исторія, начатки логики и психологіи, ариѳметика, а къ послѣднимъ: пространный катихизисъ, священная исторія В. и Н. Завѣта, церковная исторія, толкованіе свящ. Писанія, литургика, практическое каноническое право съ примѣненіемъ къ Педаліону (Кормчей), существуютъ и проповѣдническія упражненія. Разсматривая подробности училищной программы, видимъ, что въ числѣ греческихъ авторовъ, назначенныхъ для класснаго чтенія, встрѣчается Лукіанъ, сатирикъ II-го вѣка, безъ котораго, думается, легко могла бы обойтись духовная школа; но съ другой стороны съ удовольствіемъ слѣдуетъ отмѣтить то, что чрезъ всѣ классы проходитъ обязательное классное чтеніе произведеній трехъ великихъ святителей—Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста (причемъ раціонально поступаютъ, что чтеніе ихъ начинаютъ съ Златоуста, какъ простѣйшаго писателя). Не можемъ не указать на прекрасный и въ высшей степени цѣлесообразный обычай во всѣхъ классахъ упражнять воспитанниковъ въ чтеніи „молитвъ, тропарей, церковныхъ пѣснопѣній". (Быть можетъ съ объясненіями отдѣльныхъ рѣченій и вообще содержанія молитвъ и пѣснопѣній). Въ числѣ недостатковъ духовно-училищной программы Константинопольской школы должно указать на слѣдующее: основное, догматическое, нравственное, пастырское и обличительное богословія, преподаваемыя въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ, вовсе не находятъ себѣ мѣста въ кругу наукъ патріаршаго центральнаго духовнаго училища [1]). Но во всякомъ случаѣ: хорошо и то, что есть, ибо лучше что-либо, чѣмъ совсѣмъ ничего.

---

[1]) Церковныя Вѣдомости, 1889, № 11, стр. 296 и дал.

Нужно однакожъ замѣтить, что и это училище лишь въ малой мѣрѣ удовлетворяетъ широкой потребности, ощущаемой въ Константинопольскомъ патріархатѣ, имѣть болѣе или менѣе образованныхъ пастырей церкви...

Немного пользы извлекаетъ Константинопольскій патріархатъ и отъ учебныхъ заведеній, находящихся въ Греческомъ королевствѣ. Не смотря на то, что Эллада уже давно освобождена отъ турецкаго ига—на которое обыкновенно ссылаются Греки въ извиненіе своего малаго духовнаго развитія,—эта страна весьма мало дѣлаетъ для религіозно-умственнаго подъема не только Грековъ, подчиненныхъ Турціи, но и для своихъ соотечественниковъ. Первое мѣсто между учрежденіями, которыя должны быть полезны для насажденія и развитія богословской науки въ Греческомъ королевствѣ, занимаетъ богословскій факультетъ, открытый при Аѳинскомъ университетѣ въ 1837 году. Но къ сожалѣнію этотъ факультетъ не оправдываетъ даже и самыхъ малыхъ надеждъ, возлагаемыхъ на него. Аѳинскій университетъ организованъ нѣсколько иначе, чѣмъ наши университеты. Курсы въ этомъ университетѣ дѣлятся на двѣ части: на курсы общіе, обязательные для всѣхъ студентовъ безъ исключенія, и на курсы спеціальные, приноровленные къ потребностямъ каждаго факультета въ отдѣльности. Курсы общіе составляютъ слѣдующія науки: всеобщая исторія, элементарная математика, естественная исторія, экспериментальная физика, элементарная химія, фармацевтическая (?) химія (6 наукъ) [1]. Обязательность для всѣхъ студентовъ слушать общіе курсы—мы считаемъ прекраснымъ правиломъ. Но, увы, въ Аѳинскомъ университетѣ эти курсы могутъ приносить для студентовъ вообще, а для богослововъ въ частности неисчислимый вредъ. Дѣло въ томъ, что профессора Аѳинскаго университета стяжали себѣ нелестную славу безбожниковъ и нигилистовъ. Уже въ 1840 году одинъ изъ профессоровъ университета счелъ долгомъ въ актовой рѣчи защитить коллегію профессоровъ отъ упрека въ проповѣдываніи безбожія и повелъ дѣло такъ искусно, что больше оправдывалъ без-

[1]) Chassiotis. L'instruction publique chez les Grecs, p. 307.—Любопытно, что въ университетѣ православной націи въ числѣ общеобязательныхъ наукъ нѣтъ богословія. Вотъ что значитъ прогрессъ!!

божіе, чѣмъ опровергалъ его и при этомъ смѣлой рукой касался почти всѣхъ догматовъ христіанской вѣры. Въ числѣ гостей на актѣ были и члены Аѳинскаго синода, которые молча слушали оратора, склонивъ свои головы, чтобы не подать повода къ безпорядкамъ въ многочисленномъ собраніи [1]). А вотъ другой фактъ, тоже характеристическій, относящійся къ недавнему прошедшему (къ 1895 г.). Одинъ аѳинскій студентъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, устроились гражданскія похороны. Предъ раскрытой могилой выступилъ съ рѣчью товарищъ покойнаго и въ потрясающихъ чертахъ описалъ, чему ихъ учатъ въ университетѣ тѣ профессора, которые присутствовали тутъ же. „Вѣра—ничто, отечество — ничто, душа—ничто, любовь къ родителямъ — ничто. Онъ не самоубійца — говорилъ ораторъ о трагически погибшемъ юношѣ — онъ убитъ и убитъ тѣми, кто научилъ насъ презирать вѣру и все". Смѣлаго студента, конечно, исключили, а профессора... остались [2]). Чему могутъ учиться у такихъ профессоровъ студенты богословскаго факультета, обязательно слушая у нихъ общіе курсы—мы не можемъ себѣ представить.

Но перейдемъ къ описанію состоянія дѣлъ на богословскомъ факультетѣ. Когда открывался этотъ факультетъ, протестантское греческое правительство пожелало придать ему характеръ протестантскихъ богословскихъ факультетовъ. И это въ православной Греціи! Во главѣ немногочисленныхъ профессоровъ этого факультета поставленъ былъ нѣкто Ѳеоклитъ Фармакидъ, который нимало не задумываясь, училъ, что все іерархическое развитіе церкви есть результатъ честолюбія императоровъ и самой іерархіи; онъ даже отвергалъ авторитетъ вселенскихъ соборовъ; не признавалъ монашества, хотя самъ принадлежалъ къ монахамъ; онъ же отвергалъ почитаніе иконъ и т. д. Фармакидъ, въ качествѣ ретиваго профессора, часто говаривалъ, что студентамъ нечего поститься и некогда молиться

---

[1]) Проф. Ѳ. А. Кургановъ. Устройство въ церкви королевства греческаго, стр. 441. Казань, 1871.

[2]) Церковный Вѣстникъ, 1896 г., № 48, стр. 1568: С. (т. е. архим. Сергія). Письмо изъ Аѳинъ.

и что они должны думать о наукѣ [1]). О томъ же Фармакидѣ разсказываютъ, что онъ вмѣстѣ съ другими лицами хлопоталъ о введеніи Библіи, переведенной съ еврейскаго на греческій языкъ, въ народное употребленіе въ подрывъ Библіи LXX-ти и въ видахъ подготовленія народа къ усвоенію ученія лютеранскаго [2]). Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Фармакида скоро выкурили изъ университета: онъ былъ невозможенъ въ роли профессора православнаго богословія. Но это въ сущности мало улучшило общее положеніе дѣлъ въ факультетѣ. Факультетъ во всѣ времена остается какимъ-то недоноскомъ. Ученіе шло плохо, профессоровъ было мало; значеніе его сводилось чуть не къ нулю. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ можно сказать жалкомъ положеніи находился этотъ факультетъ въ 1892 году (и раньше). Свидѣтельство извлекаемъ изъ источника самаго компетентнаго, изъ оффиціальнаго доклада парламенту со стороны Аѳинскаго митрополита Германа, предсѣдателя мѣстнаго синода. Германъ въ своемъ докладѣ говоритъ: „Богословская школа при университетѣ (каковымъ именемъ на оффиціальномъ языкѣ называется богословскій факультетъ Аѳинскаго университета), считающаяся лишнею (разумѣется, съ точки зрѣнія парламентской камарильи) въ университетѣ, съ самаго ея учрежденія содержится очень бѣдно и потому она никогда не имѣла болѣе шести профессоровъ. Въ послѣднее время даже и это число уменьшилось до 4-хъ, каковое число совершенно недостаточно для систематическаго богословскаго образованія учащихся, хотя бы учащіе считались самыми трудолюбивыми и самыми учеными профессорами. Студенты записываются въ эту школу (факультетъ) одни изъ дѣйствительной любви къ наукѣ, а другіе или потому, что вынуждены къ этому какими-либо внѣшними побужденіями, или изъ желанія пользоваться стипендіями изъ оставленныхъ нѣкоторыми благочестивыми людьми по завѣщанію капиталовъ; эти послѣдніе записываются въ богословскую школу, а слушаютъ лекціи чаще всего въ дру-

1) Проф. Ѳ. А. Курганова. Устройство въ церкви королевства греческаго, стр. 440.

2) Епископа Порфирія. Книга бытія моего. Т. I, стр. 181. Петербур., 1894.

гихъ школахъ (факультетахъ). Отсюда понятно, поч плоды богословской школы нашего университета не с вѣтствуютъ надеждамъ церкви и нуждамъ націи" [1]). которые русскіе ученые причину захудалаго состоянія гословскаго факультета въ Афинахъ ищутъ въ самомъ рактерѣ и направленіи богословской науки здѣсь. Т извѣстный знатокъ православнаго Востока нашего мени проф. А. А. Дмитріевскій говоритъ: „богослов факультетъ названнаго университета зачахъ такъ ска съ момента своего рожденія на свѣтъ и въ состояніи кого прозябанія продолжаетъ существовать до сего (1892 г.), бѣдный профессорами и слушателями; пот что онъ пришелся не по вкусу греческаго юношества а это произошло отъ того, что тамошніе дидаскалы пали свою мудрость не въ твореніяхъ великихъ христ скихъ богослововъ и философовъ, а въ многотомныхъ изведеніяхъ западныхъ богослововъ мыслителей и въ диторіяхъ германскихъ и англійскихъ университетовъ" Такимъ образомъ, по словамъ почтеннаго ученаго, дуетъ, что факультетъ не процвѣталъ отъ того, что у п фессоровъ его зашелъ умъ-за-разумъ по причинѣ изл няго увлеченія западной наукой, а студенты не хот де слушать такихъ помутившихся профессоровъ. Но самомъ дѣлѣ ничего такого не было. На причину з далости факультета отчасти указываетъ вышеупомяну докладъ Германа. Эта причина много проще и не вы дитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Ее вполнѣ удовлет рительно разъясняетъ одинъ очень внимательный блюдатель именно аѳинской жизни. Онъ пишетъ: „б словскій факультетъ въ Аѳинахъ находится совсѣмъ забросѣ и не можетъ никакими силами выпросить денегъ у правительства на открытіе новыхъ каѳедръ. Ну выпрашивать, вымаливать денегъ у парламентскаго б шинства, но оно спокойно готово тратить милліоны на лованье чиновникамъ, но *ни гроша* не даетъ для церкви

1) Докладъ митр. Аѳинскаго Германа депутатамъ парламента: « словскій Вѣстникъ», 1893, томъ III, 264.

2) Труды Кіев. Дух. Академіи, 1892, т. III, 468.

3) Церк. Вѣстникъ, 1896, № 47, стр. 1542. Письмо изъ Аѳинъ С. арх. Сергія, настоятеля при Аѳинскомъ посольствѣ).

Значитъ, ларчикъ просто отворялся. Правительство смотритъ съ пренебреженіемъ на богословскій факультетъ, относится къ нему, какъ мачиха къ нелюбимому пасынку. Профессоровъ богословскихъ наукъ въ немъ очень мало, да и тѣмъ, какъ бы въ насмѣшку, правительство назначило меньшій окладъ жалованья, чѣмъ прочимъ профессорамъ университета. Спѣшимъ добавить, что вышеупомянутый докладъ митрополита Германа парламенту остался безъ всякихъ послѣдствій.

Наилучшей иллюстраціей захирѣлости богословскаго аѳинскаго факультета служатъ статистическія данныя, относящіяся къ первому сорокалѣтію существованія Аѳинскаго университета и указывающія до нельзя жалкое число слушателей, приходившееся на богословскій факультетъ въ 1837—77 годахъ. Общее число студентовъ въ 1837—77 годахъ простиралось до 8,426, изъ нихъ на богословскомъ факультетѣ было 306. Изъ вышеуказаннаго общаго числа студентовъ: 2,518 *принадлежали къ Грекамъ, подчиненнымъ турецкой власти.* На богословскомъ факультетѣ изъ 306 человѣкъ, въ теченіе 1-го десятилѣтія (1837—1847 г.) было 34 слушателя (при чемъ въ 1844 году почему-то сюда не поступило ни одного слушателя); во 2-ое десятилѣтіе (1847 — 1857 г.) — 63; въ 3-ье десятилѣтіе (1857—1867)—110; въ 4-ое же десятилѣтіе (1867—1877 г.)—99 [1]). Мало, очень мало! Любопытный вопросъ: поступаютъ ли и сколько поступаютъ въ Аѳинскій богословскій факультетъ Грековъ, подчиненныхъ турецкой власти, и въ частности изъ Константинопольскаго патріархата,—но для рѣшенія его мы не располагаемъ данными. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ невѣроятнымъ, чтобы изъ числа 2518 слушателей (въ теченіе 1837—77 г.), прибывшихъ учиться сюда и принадлежащихъ къ подданнымъ турецкой власти, совсѣмъ не было такихъ лицъ, которые записались бы на богословскій факультетъ. Но во всякомъ случаѣ, по увѣренію А. А. Дмитріевскаго, воспитанники Халкинской школы на богословскій факультетъ въ Аѳинахъ нейдутъ. Онъ говоритъ: „часть воспитанниковъ Халкинской школы по окончаніи курса, (разумѣются, не имѣющіе свящ. сана), снимая съ себя ряски и камилавки, именуемыя скуфами,

[1]) Chassiotis. L'instruction publique chez le Crecs, p. 314—315.

подстригаютъ себѣ волосы и поступаютъ на всѣ факультеты Аѳинскаго университета, кромѣ факультета богословскаго" [1]). Впрочемъ оставляемъ это извѣстіе на отвѣтственности нашего востоковѣда...

Историки греческой церкви, когда сообщаютъ свѣдѣнія о богословскомъ аѳинскомъ факультетѣ, то непремѣнно при этомъ упоминаютъ о Ризаріевской школѣ или гимназіи, находящейся въ Аѳинахъ. Что это за школа, и какое отношеніе она имѣетъ къ богословской наукѣ и духовнымъ интересамъ? Ризаріевская гимназія, по мысли ея основателей—Грековъ, братьевъ Ризаріевъ, должна была сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ духовной семинаріи въ Аѳинахъ. Обладая большимъ капиталомъ и желая помочь духовному образованію въ греческомъ королевствѣ, они, по завѣщанію, отказали свои богатства на устроеніе школы въ Аѳинахъ, которая должна была обучать и воспитывать юношей, имѣющихъ въ виду сдѣлаться впослѣдствіи священниками въ Греціи. Нѣкоторые изъ воспитанниковъ должны были и содержаніе получать отъ школы же, въ качествѣ пансіонеровъ. Ризаріевская школа открыта въ 1844 году [2]). Имѣетъ 5 классовъ, въ которыхъ проходятся слѣдующія науки. 1) Греческій и латинскій языки, 2) Исторія и географія, 3) математика, 4) физика, 5) элементарная философія, 6) французскій языкъ, 7) христіанская нравственность, 8) катихизисъ, 9) свящ. и церковная исторія, 10) догматика, 11) введеніе въ свящ. Писаніе, 12) литургика, 13) проповѣдь (практическія упражненія), 14) каллиграфія, рисованіе, церковное пѣніе. Первый классъ имѣетъ собственно приготовительный курсъ и похожъ на элементарную греческую школу, 2—4 аналогичны тремъ высшимъ классамъ гимназій съ тѣмъ различіемъ, что въ Ризаріевской школѣ богословскіе предметы и латынь изучаются пространнѣе, 5-й назначенъ на изученіе высшей богословской науки. Курсъ послѣдняго года устроенъ былъ такъ, что ученики богословскаго класса могли нужныя имъ науки слушать въ университетѣ вмѣстѣ со студентами богословскаго факультета на этомъ

---

[1]) Труд. Кіев. Дух. Акад., 1891. т. III, 140.

[2]) Chassiotis. p. 278—279; «Изъ отчета министра церковныхъ дѣлъ въ Аѳинахъ»: «Христ. Чт.», 1863, ч. II, 133—134.

факультетѣ [1]). (Очевидно университетъ и Ризаріевская школа и по мѣстоположенію находятся другъ подлѣ друга). Но не смотря на все это, школа оказалась безплодной. Въ первые годы существованія школа очутилась подъ вліяніемъ такихъ лицъ, какъ Фармакидъ, уже извѣстный намъ: богословскія науки преподавались въ духѣ, чуждомъ православію. Притомъ же этимъ наукамъ отводилось очень мало мѣста [2]). Какихъ ректоровъ имѣла иногда эта злосчастная школа-семинарія, можно видѣть на слѣдующемъ поучительномъ примѣрѣ. Разъ ректоромъ ея назначенъ былъ греческій священникъ Григорій Калаганисъ, много жившій на западѣ и проникнутый вольнымъ его духомъ. Онъ сталъ съ такимъ пренебреженіемъ относиться къ церковнымъ обрядамъ въ школѣ, что сами ученики стали просить о его смѣщеніи. Покидая ректуру, Калаганисъ съ усмѣшкою говорилъ: „слышите, мало того, что я протестантъ, нѣтъ, я еще и Лютеръ и Кальвинъ вмѣстѣ" [3]). Значитъ, въ ректора этого училища попадали люди, меньше всего идущіе къ этой роли. При такомъ положеніи вещей получались такіе изумительные результаты, которыхъ не могъ бы предсказать ни одинъ пессимистъ. Въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ существованія Ризаріевской семинаріи, на нее истрачено было болѣе 100,000 драхмъ, и однакожъ изъ числа ея воспитанниковъ только *трое* приняли на себя духовный санъ [4]). Одною изъ причинъ, по которой питомцы школы не хотѣли идти во священники—нужно сказать была крайняя необезпеченность духовенства, чисто нищенская жизнь, какую приходилось вести Греческимъ священникамъ, особенно сельскимъ. Общую картину Ризаріевской школы рисуетъ намъ вышеупомянутый Аѳинскій митрополитъ Германъ въ докладѣ парламенту, въ 1892 году. Германъ заявлялъ: „щедрый и поистинѣ царскій даръ церкви и націи, принесенный братьями Ризаріями, не былъ оцѣненъ, какъ слѣдуетъ, тѣми, отъ кого зависѣло исполне-

[1]) Chassiotis, p. 279.

[2]) Проф. Кургановъ. Вышеуказанное сочиненіе, стр. 444—445.

[3]) Архимандрита Антонина (покойнаго настоятеля при русской миссіи въ Іерусалимѣ). «Изъ Румеліи», стр. 582—583. С.-Петербургъ, 1886.

[4]) «Изъ отчета министра церковныхъ дѣлъ въ Аѳинахъ»: *Христ. Чт.*, 1863, ч. II, 134—135.

ніе воли жертвователей, и потому не вполнѣ достигнутою осталась цѣль приснопамятныхъ Ризаріевъ, чтобы въ ихъ школѣ получали образованіе лишь тѣ изъ дѣтей Грековъ, которыя намѣрены облечься въ священническое одѣяніе. Такая неудача въ достиженіи ихъ завѣтной цѣли происходитъ отъ того, что съ одной стороны люди, поставленные на стражѣ точнаго исполненія завѣщанія Ризаріевъ или вовсе пренебрегаютъ имъ, или же иногда дѣлаютъ распоряженія противоположныя указанному въ завѣщаніи и уставѣ (училища); а съ другой стороны приготовляющіеся къ принятію священнаго сана, иногда и до окончанія ученія, не обращаютъ на это вниманія, а по окончаніи курса немедленно бросаютъ священное одѣяніе (очевидно, замѣтимъ мы, воспитанники Ризаріевской школы, подобно ученикамъ Халкинскаго училища, носятъ подрясники и полуряски) и надѣваютъ свѣтское и выбираютъ другой родъ жизни, слѣдуя примѣру прежнихъ, старшихъ по курсу ученія, сотоварищей" [1]).

Статистическія данныя, относящіяся къ изучаемой нами школѣ и обнимающія 1844—1877 годы ея существованія (34 года), однако показываютъ, что избѣгаютъ священства не всѣ воспитанники Ризаріевской семинаріи, а собственно (хотя это-то особенно и странно) такъ называемыя пансіонеры, т. е. казеннокоштные. Всего пансіонеровъ въ этой школѣ въ 1844—77 годахъ было 389 человѣкъ, да кромѣ того экстерновъ (т. е. своекоштныхъ, приходящихъ) около 200. *Изъ турецкихъ провинцій было 35 человѣкъ.* Священниками изъ 389 человѣкъ сдѣлались только 38 человѣкъ (по одному на годъ бытія школы). Но вотъ что интересно, почти всѣ 200 экстерновъ приняли священный санъ [2]). Такое различіе экстерновъ отъ пансіонеровъ, какъ намъ кажется, объясняется тѣмъ, что экстерны посылаются въ школу откуда-нибудь изъ далекихъ провинцій и содержатся въ ней съ непремѣннымъ условіемъ впослѣдствіи принять священство; а пансіонеры берутъ на себя, повидимому, лишь нравственное обязательство посвятить себя на служеніе церкви [3]) и не испол-

[1]) Докладъ митр. Германа: «Богослов. Вѣстн.», 1893, т. III. 266.

[2]) Chassiotis, p. 282.

[3]) Во всякомъ случаѣ извѣстно, что пансіонеры, отказавшіеся отъ священства по окончаніи курса, никакому денежному штрафу не подвергаются. Проф. Курганова, вышеуказан. сочин. стр. 444.

яютъ этого обязательства. Что касается 35 воспитанни-)въ Ризаріевской школы, прибывшихъ изъ турецкихъ)овинцій, то, безъ сомнѣнія, они принадлежатъ къ эк-'ернамъ и слѣдовательно почти всѣ они сдѣлались впо-:ѣдствіи священниками на родинѣ, вѣроятнѣе всего въ)ширномъ Константинопольскомъ патріархатѣ. Не при-явшіе же на себя священства, пансіонеры этой школы ълались учителями (преимущественно на турецкомъ Во-'окѣ), медиками, коммерсантами [1]). Такимъ образомъ изаріевская школа хоть нѣкоторую пользу оказывала и)еческой церкви въ турецкихъ областяхъ.

Въ послѣднее время, можно сказать, на дняхъ совер-илось нѣкоторое измѣненіе къ лучшему въ положеніи ікъ богословскаго факультета въ Аѳинахъ, такъ и Ри-.ріевой семинаріи. Этимъ богословская наука обязана)койному Аѳинскому митрополиту Прокопію (воспитан-ікъ Мос. Дух. Академіи). Онъ обратился съ энергиче-.имъ ходатайствомъ къ правительству объ улучшеніи вы-еназванныхъ школъ; и въ результатѣ получилось слѣ-'ющее: на богословскомъ факультетѣ вновь открыто еще *ри* богословскихъ каѳедры, которыя и замѣщены уже до-'ойными профессорами, а въ Ризаріевской школѣ при-івленъ еще классъ (низшій), и расширено преподаваніе)гословскихъ наукъ [2]). Этимъ благопріятнымъ результа-)мъ греческая церковь обязана между прочимъ послѣд-:й постыдной войнѣ Грековъ съ Турками: Греки понесли)лное пораженіе, обнаруживъ изумительное отсутствіе ужества, и правительство королевства убѣдилось, что :зъ религіи (о которой въ Греціи, по отдѣленіи здѣш-ей церкви отъ Константинопольскаго патріархата, со-сѣмъ *забыли*) и воевать невозможно (извѣстно, что никто акъ не боится смерти, какъ люди, лишенные утѣшеній)елигіи), а потому рѣшилось снова поставить христіан-:кую церковь на подобающую ей высоту въ греческомъ :оролевствѣ. Громъ ударилъ, Грекъ перекрестился. Впро-іемъ, что на самомъ дѣлѣ выйдетъ изъ тѣхъ улучшеній, :акихъ достигли въ настоящее время богословскій Аѳин-

[1]) Chassiotis, p. 281—282.

[2]) Цер. Вѣдомости, 1898, № 5, стр. 208; и № 27, стр. 1032.

скій факультетъ и Ризаріева школа—гадать еще рано [1]....

Въ заключеніе нашего очерка церковныхъ или духовныхъ школъ Константинопольскаго патріархата и такихъ же школъ греческаго королевства, которыя тоже могли бы служить добрую службу образовательнымъ интересамъ сейчасъ упомянутаго патріархата, еслибы онѣ хоть сколько нибудь отвѣчали своему назначенію, мы должны въ нѣсколькихъ словахъ разрѣшить естественный вопросъ: въ какомъ положеніи находится духовное просвѣщеніе пастырей т. н. „Великой церкви",—лучше ли оно стало теперь (приблизительно послѣ 40-хъ годовъ XIX-го вѣка, когда получила бытіе Халкинская богословская школа), чѣмъ каково оно было раньше, то есть до появленія духовныхъ школъ какъ здѣсь, такъ и въ греческомъ королевствѣ? Послѣ того, что мы говорили выше о духовныхъ школахъ, имѣющихъ своимъ назначеніемъ подготовлять образованныхъ пастырей для Константинопольскаго патріархата, читатели, конечно, не ждутъ отъ насъ утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, и они имѣютъ на то полное право. Вотъ какія вѣсти приходится читать за послѣднее время. Теперешній Константинопольскій патріархъ Константинъ V-й, стремясь улучшить составъ приходскихъ священниковъ въ патріархатѣ, въ 1897 году повелѣлъ особой коммиссіи (эпитропіи) ознакомиться съ ихъ познаніями посредствомъ особаго экзамена и предписать всѣмъ священнослужителямъ его патріархата явиться въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ патріархію для сдачи испытаній по катихизису, свящ. исторіи и литургикѣ; этотъ экзаменъ долженъ показать, насколько каждый изъ священниковъ заботится о своемъ самообразованіи [2]). Нужно сказать, что по малочисленности воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній въ Константинопольской архіеписко-

---

[1]) Кромѣ Аѳинскаго богословскаго факультета и Ризаріевой школы въ греческомъ королевствѣ существуетъ четыре (впрочемъ одна закрылась) т. н. *священническія школы*, въ родѣ нашихъ духовныхъ училищъ; онѣ открыты въ 1856 году и имѣютъ цѣлію подготовлять юношей къ духовному званію. Разумѣется, они очень плохи, и мы не считаемъ нужнымъ говорить о нихъ, такъ какъ онѣ никакой пользы духовно-просвѣтительнымъ интересамъ *Константинопольскаго патріархата* оказывать не могли. См. о нихъ въ докладѣ митр. Германа: «Богослов. Вѣст.», 1893, Ш. 267—268.

[2]) Церк. Вѣдомости, 1897, № 39, стр. 1406.

во священники здѣсь поступаютъ и лица, неподго-енныя къ этому званію, какъ это было и прежде, въ ину, именно учившіеся лишь въ начальныхъ шко-. или же гимназіяхъ [1]). Какъ происходилъ вышеука-ый удивительный экзаменъ, какіе результаты онъ ., даже происходилъ ли на самомъ дѣлѣ — мы не мъ. Для насъ важенъ фактъ требованія подобнаго мена. Этотъ фактъ показываетъ, что священники пат-ката далеко не всѣ знаютъ того, что вѣдать обязанъ ый прошедшій школу—христіанинъ-міряниinъ. А вотъ ое извѣстіе. Въ 1898 году, въ Константинопольской гѣ: Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια (№ 42) опубликовано окруж-посланіе святѣйшаго синода Константинопольской ви, изъ котораго узнаемъ, что іерархи патріархата ополагаютъ въ санъ священника лицъ, работавшихъ вно заступомъ или пилою, не развитыхъ умственно укрѣпленныхъ нравственно и вообще *безъ всякой товки и обученія*, необходимыхъ для прохожденія свя-ической должности“ [2]). Надѣемся, что читатели послѣ) не потребуютъ отъ насъ еще другихъ фактовъ для верждения печальнаго положенія разсматриваемаго .

акончимъ нашъ очеркъ о школахъ Константинополь-) патріархата тѣми же словами, которыми закончи-ь свою статью на эту же тему греческій ученый на-. времени Хазіотисъ: „надѣемся, что уже приближается счастливый день, когда народное воспитаніе (и при-мъ: священнослужительское) у Грековъ покажетъ себя ойнымъ какъ великихъ педагогическихъ преданій ихъ ковъ, такъ и той эпохи, въ какую мы живемъ“ [3]). что-жъ? еще подождемъ.

Проф. А. А. Дмитріевскаго. (Труды Кiев. Дух. Академіи, 1891, 36).

Церков. Вѣдом., 1898, № 52, стр. 2008.

Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος, τόμ. 8, σελ.

Греческая церковь и римскій католицизмъ.

(Изъ исторіи Греко-восточной церкви отъ паденія Константинополя, въ 1453 году, до настоящаго времени).

Лучше видѣть турецкую чалму въ Константинополѣ, чѣмъ папскую тіару.
Народная греческая поговорка.

I.

Странная попытка папы Пія II-го обратить султана Магомета II въ католицизмъ;—нерасположеніе Турокъ къ римско-католицизму и націямъ, принадлежащимъ къ этому вѣроисповѣданію,—по причинамъ политическимъ;—другія причины того-же нерасположенія: заговоры противъ жизни султановъ и вообще противъ благосостоянія турецкой имперіи со стороны римско-католическихъ державъ, и первѣе всего со стороны венеціанской республики;—особенности общественнаго устройства латинской райи въ Турціи.—Предпочтеніе Турками Греческой церкви предъ римско-католической; — въ чемъ это выражалось: прежде всего на почвѣ международныхъ отношеній? Далѣе: явное стремленіе Турокъ сдерживать и препятствовать успѣхамъ римско-католической церкви на Востокѣ;—борьба турецкаго правительства съ латинскими миссіонерами и въ частности съ іезуитами,—отдѣльные случаи (въ Константинополѣ, Сиріи и проч.);—содѣйствіе Грекамъ со стороны Турокъ къ обладанію св мѣстами въ Палестинѣ, въ ущербъ для рим.-католиковъ;—еще другіе факты, свидѣтельствующіе о томъ, какъ энергически Турки брали сторону Грековъ ради противодѣйствія успѣхамъ рим.-католицизма въ средѣ турецкаго государства;—отношеніе Турокъ къ такимъ константинопольскимъ патріархамъ, которыхъ они заподозрѣвали въ тяготѣніи къ латинству.—Выгоды вышеуказаннаго положенія турецкой власти для блага Греческой церкви, въ особенности въ дѣлѣ ея борьбы съ папизмомъ.

Съ половины XV-го вѣка до самаго XIX-го и даже въ началѣ этого вѣка римскій католицизмъ почти не имѣлъ никакихъ успѣховъ въ средѣ греко-восточной церкви. Этимъ счастливымъ результатомъ Греческая церковь однако обязана не столько самой себѣ, сколько турецкому правительству. Съ перваго взгляда такое мнѣніе можетъ представляться парадоксомъ, но на самомъ дѣлѣ это такъ и есть.

Начнемъ съ описанія очень странной попытки папы Пія II-го (1458—1464 г.) обратить въ католицизмъ и крестить завоевателя Константинополя, султана Магомета II. До насъ сохранилось, какъ увѣряютъ ученые, дѣйствительно подлинное письмо названнаго папы къ Магомету [1]). Въ этомъ письмѣ говорилось: „если ты желаешь еще болѣе распространить свою власть среди христіанъ и сдѣлать свое имя славнымъ, то для этого тебѣ не нужны ни золото, ни серебро, ни арміи, ни флотъ.. Одно маленькое дѣло можетъ сдѣлать то, что ты станешь величайшимъ, могущественнѣйшимъ и славнѣйшимъ изо всѣхъ людей, которые жили донынѣ. Ты спросишь: въ чемъ заключается это маленькое дѣло? Я охотно разъясню тебѣ: его легко найти и не нужно за нимъ далеко ходить, оно вездѣ есть. Нужно лишь взять *двѣ капли воды* (т. е., конечно, креститься чрезъ окропленіе, по латинскому ритуалу) и все—прибавляетъ Пій—пойдетъ, какъ по маслу (*δύο ῥανίδες ὕδατος καὶ τὰ πάντα εὐοδοῦνται*). Если ты пожелаешь указаннымъ способомъ войти въ церковь христіанскую, то не будетъ ни одного государя въ мірѣ, который превзошелъ бы тебя въ славѣ или же сравнялся съ тобой въ могуществѣ. Мы будемъ именовать тебя императоромъ Грековъ и всего Востока, и тѣмъ, чѣмъ ты владѣешь теперь вслѣдствіе насилія и неправды, ты начнешь обладать по праву и справедливости. Тебя будутъ почитать христіане, и ты сдѣлаешься рѣшителемъ ихъ несогласій. Народы перестанутъ питать нерасположеніе къ твоей власти и мы (т. е. самъ папа) не станемъ помогать имъ идти противъ тебя, напротивъ мы станемъ умолять тебя простереть десницу твою на тѣхъ, кто иногда осмѣливается похищать принадлежащее церкви римской и воздвизать свои рога противъ этой ихъ матери“ [2]). Нельзя не сказать: интересный историческій фактъ. Современники ничего не говорятъ о томъ, какъ принялъ Магометъ такое предложе-

[1]) Письмо это было извлечено изъ Ватиканской библіотеки Францискомъ Сансовино, а потомъ цитировано въ первомъ томѣ «Исторія Магомета II-го», написанной Гилемъ (Guillet), авторомъ папистомъ, ни мало не подозрительномъ въ данномъ случаѣ. Aymon. Monuments authentiques de la religion des Grecs, p. 19 (второй пагинаціи) Haye (Гаага), 1708.

[2]) Σάθα Τουρκοκρατούμενη Ἑλλάς, σελ. 7. Аѳины, 1869; Aymon. Monuments authentiques de la religion des Grecs, p. 19—20 (второй пагинаціи).

ніе папы на счетъ „двухъ капель воды“; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ отринулъ его съ пренебреженіемъ. Можно представить себѣ турецкаго султана въ роли римско-католическаго императора на тронѣ византійскихъ государей [1])! Симпатіи перваго султана въ Константинополѣ, какъ и его преемниковъ, далеки были отъ того, чтобы уважать и любить римскій католицизмъ, папу, да и всѣ національности, носившіе на себѣ печать этого вѣроисповѣданія.

Оттоманское правительство по многимъ основаніямъ не сочувствовало латинскому исповѣданію и его послѣдователямъ, что въ концѣ концевъ было очень выгодно, какъ увидимъ, для интересовъ православной церкви въ Турціи. Турки неблагосклонно относились къ римско-католикамъ главнымъ образомъ по соображеніямъ политическимъ, что ясно обнаружилось при первомъ же султанѣ на Византійскомъ престолѣ — при извѣстномъ Магометѣ второмъ. Вотъ что видимъ при этомъ султанѣ. Палеологи до времени паденія Константинополя, въ борьбѣ съ Турками, постоянно обращали взоры на Западъ и искали помощи у папистическихъ народовъ Европы. Чтобы привлечь на свою сторону католическій западъ, они старались заручиться поддержкою папы, о могуществѣ и вліяніи котораго на народы Запада Палеологи имѣли нѣсколько преувеличенное представленіе, и потому, какъ извѣстно, затѣяли унію съ Римомъ. Но эта религіозная сдѣлка, плодъ политической необходимости, вызвала сильную оппо-

---

[1]) Нужно сказать, что если ужъ когда нибудь послѣдуетъ мало-вѣроятное событіе обращенія султана въ христіанство, то безъ сомнѣнія онъ приметъ религію, исповѣдуемую издавна его подданными, т. е. греческое исповѣданіе; это сужденіе можетъ основываться на слѣдующихъ замѣчаніяхъ, находимыхъ нами у одного русскаго наблюдателя восточной жизни. Рѣчь у него идетъ о султанѣ Махмудѣ II-мъ. Онъ пишетъ: «Махмудъ разлюбилъ свой правовѣрный народъ. Онъ предвидѣлъ, что султану предстанетъ необходимость избрать одно изъ двухъ: или самому принять христіанство, возстановить византійскій престолъ на прочномъ основаніи религіознаго союза съ подданными (т. е. Греками) или перейти въ Азію. Инымъ читателямъ покажется — говоритъ авторъ — странною мысль, что Махмудъ могъ бы довершить реформу (въ Турціи) обращеніемъ правительства въ христіанскую вѣру, принять религію большинства своихъ подданныхъ; но независимо отъ всякихъ логическихъ заключеній, мое убѣжденіе — заявляетъ онъ же — основано на фактахъ». Базили. Сирія и Палестина подъ турецкимъ правительствомъ, ч. I, 172—3, 175. Изд. 2-е. Петерб., 1875.

ію въ тѣхъ изъ Грековъ, которые особенно дорожили вославіемъ—и унія не удалась. Константинополь не ъ спасенъ, Магометъ II, для успѣшной борьбы съ коымъ Константиномъ Палеологомъ тоже дѣлалась уніон- попытка, ясно видѣлъ, что въ Греціи и Константиолѣ существуетъ двѣ партіи: одна уніонная, которая союзѣ съ Западомъ стремилась противодѣйствовать его уществу, другая же партія—православная, составляая оппозицію въ отношеніи къ первой и слѣдовательно ая, которая косвенно поддерживала интересы Магоа. Естественно, что онъ долженъ былъ покровительэвать этой послѣдней партіи. Кромѣ признательности прежнія услуги, хотя бы оказанныя безсознательно и роизвольно, Магомета побуждали къ такой политикѣ счеты на услуги этой же партіи въ будущемъ. Онъ ъ ожидать, что паденіе Константинополя не останоъ въ западной Европѣ движенія противъ Турокъ, что паганда о крестовомъ походѣ не затихнетъ, напротивъ учитъ новый толчекъ и силу. Поэтому, Магомету выно было имѣть въ средѣ восточно-христіанскаго насеія партію, непріязненно настроенную противъ католима, на которую можно было бы опереться въ борьбѣ тивъ западнаго ополченія. Вотъ почему Магометъ ялся покровителемъ православныхъ или тѣхъ изъ нихъ, орые не терпѣли папистическаго Запада. Подобнымъ азомъ Магометъ поступалъ не только въ самомъ наѣ своего правленія, но и всякій разъ и вездѣ онъ спѣлъ становиться на сторону противокатолической пари покровительствовалъ ей. Онъ не безъ основанія цѣлъ въ приверженцахъ римско-католической партіи ихъ враговъ. Такая политика была ему на пользу. Наім., когда Елена, вдова сербскаго короля, отдала Сервъ ленъ, въ подчиненіе папскому престолу, надѣясь іти на Западѣ защиту противъ Турокъ, Магометъ неиленно вошелъ въ соглашеніе съ сербскими боярами, жавшимися строго-православныхъ воззрѣній и не одовшими поступка Елены, щедро ихъ наградилъ и опись на нихъ, занялъ Сербію, обративъ ее въ Турецкую винцію [1]). Такъ относился Магометъ въ своей новой

[1]) Проф. Н. А. Скабалановича. Политика турецкаго правительства къ

имперіи къ двумъ партіямъ—строго - православной и наклонной къ уніи: къ одной онъ благоволилъ, а къ другой—нѣтъ. Здѣсь заложено была основаніе для дальнѣйшихъ отношеній Турецкаго правительства къ православію и римскому католицизму. И правительство впослѣдствіи становилось на защиту Грековъ противъ Латинянъ.

Нерасположеніе турецкаго правительства къ націямъ, исповѣдовавшимъ римскій католицизмъ въ весьма значительной мѣрѣ увеличивалось вслѣдствіе того, что нѣкоторыя изъ государствъ этого рода употребляли всѣ мѣры къ тому, чтобы погубить жизнь сначала Магомета II-го, а потомъ и нѣкоторыхъ изъ его преемниковъ. Въ этомъ отношеніи впереди другихъ шла сосѣдка Турецкаго государства Венеціанская республика. Такъ въ Мартѣ 1463 года венеціанскій Совѣтъ Десяти входитъ въ сношенія съ нѣкіимъ Георгіемъ Трагуріо, намѣтивъ его какъ человѣка, очень способнаго совершить убійство Магомета II. Этотъ Георгій дѣйствительно былъ человѣкомъ очень надежнымъ въ данномъ случаѣ: онъ былъ очень искуснымъ морякомъ, но за какія то преступленія попалъ въ венеціанскую тюрьму, но отсюда онъ бѣжалъ, добрался до Константинополя, гдѣ послѣ разныхъ приключеній вступилъ на службу въ турецкій флотъ, а что важнѣе всего—сдѣлался матросомъ на кораблѣ, принадлежащемъ самому султану (navis ipsius Teucri, т. е. султана). Случай рѣдкій, которымъ и захотѣла воспользоваться вѣроломнымъ образомъ венеціанская республика. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ заговорѣ не имѣется. Разумѣется, цѣлію, оправдывающею подобное гнусное средство, поставлялось благо христіанскаго народа, подчиненнаго Туркамъ и терпящаго невзгоды отъ иновѣрнаго султана (mala dispositio ipsius Teucri ergo christianos,—къ христіанамъ, но какимъ: не римско-католикамъ ли? это будетъ похоже на правду) [1]. Въ томъ же 1463 году, но нѣсколькими мѣсяцами позже, тотъ же ревнующій о славѣ Божіей венеціанскій Совѣтъ Десяти

христіанскимъ подданнымъ и ихъ религіи. *Христ. Чтен.* 1878, т. II, 434—5.

[1]) Lamansky Wlad. (профессоръ). Secrets d'etat de Venise. Documents, extraits, notices et etudes, servant à eclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs.... et la Porte Ottomane, à la fin du XV et au XVI siècle pag. 16—17. S.-Petersbourg, 1884.

отыскиваетъ какого-то латинскаго монаха и поручаетъ ему умертвить Магомета II (dare mortem imperatori Turchorum), обѣщая ему за это 10,000 дукатовъ золотомъ и другія земныя блага. Въ договорѣ, заключенномъ между этимъ негоднымъ монахомъ и безнравственнымъ Совѣтомъ X-ти, очень точно обозначено, съ поименованіемъ поручителей, какъ поступить съ „цѣною крови" въ томъ случаѣ, если убійство султана будетъ совершено, но при этомъ поплатится жизнію и убійца. Но интереснѣе всего то, что имѣлось въ виду совершить злодѣяніе ради славы Божіей; нашъ документъ говоритъ, что смертоубійство можетъ произойти только съ Божіяго соизволенія (si Deus permitteret) и имѣетъ своею цѣлію благо христіанства (omnes (?) intelligunt, quod id esset salus christianitatis) [1]). Изо всего видно, что римско-католическое венеціанское правительство весьма занято было мыслію преждевременно отправить къ праотцамъ султана Магомета. Ибо въ 1464 году, Совѣтъ X-ти принялъ предложеніе какого-то Мануэля Сардама Каталана, очевидно не грека, отправить при помощи его родственника какого-то Нарда,—на тотъ свѣтъ Магомета II, при чемъ этому Нарду, въ случаѣ благополучнаго совершенія злодѣянія, обѣщано было выдать 10,000 дукатовъ единовременно и отпускать изъ казначейства по 6,000 дукатовъ ежегодно въ видѣ пенсіи, съ правомъ перехода этой пенсіи и къ его сыновьямъ, а Мануэлю, за его посредничество, въ указанномъ случаѣ, предназначалась единовременная награда въ 5,000 дукатовъ и пенсія въ 300 дукатовъ съ правомъ перехода этой послѣдней къ его дѣтямъ. Нарда, кромѣ того, ожидала такъ сказать и нравственная награда; ибо ему было объявлено, что за его злодѣяніе онъ будетъ пользоваться всегдашнимъ благоволеніемъ венеціанской республики (erit ipse semper in gratia nostri dominii); да это и понятно, если стать на точку зрѣнія Совѣта X-ти: вѣдь, подвигъ Нарда долженъ былъ имѣть послѣдствіемъ salus et pax populi Cristi [2]) (хотя, конечно, Совѣтъ лучше бы сдѣлалъ, если бы къ своему предпріятію не примѣшивалъ этого святаго Имени). Но здѣсь еще не конецъ ковнямъ республики, направленнымъ противъ

[1]) Ihidem, p. 17.
[2]) Ibidem, p. 18.

перваго султана въ Константинополѣ. Въ 1477 году Совѣтъ Десяти вошелъ въ соглашеніе съ какимъ-то цирюльникомъ Павломъ албанцемъ, въ виду того, какъ выражается нашъ документъ, что необходимо употребить всѣ возможные мѣры противъ Турціи и ея властелина; въ силу этого соглашенія цирюльникъ брался собственноручно убить Магомета II-го. При этомъ указана цѣна, за которую онъ взялся сдѣлать это, съ перечисленіемъ благихъ послѣдствій для его сыновей и дочерей, въ случаѣ если дѣло не увѣнчается успѣхомъ, а самъ цирюльникъ погибнетъ. Совѣтъ X-ти затѣмъ прибавляетъ, что всѣ эти лестныя обѣщанія дѣлаются для того, чтобы утвердить будущаго убійцу „въ его благочестивомъ и христіанскомъ рѣшеніи“ (in ejus optima et christiana despositione) [1]. Нѣсколько позднѣе, но все въ томъ же 1477 году, не унывавшій отъ неуспѣховъ, Совѣтъ X-ти входитъ въ стачку съ какимъ-то жидомъ Соломончикомъ и его братьями, взявшимися устроить, что раввинъ Вальхъ (magister Valchus) оборудуетъ дѣло убійства султана Магомета [2]. Конечно, все это гнусно, но хорошо по крайней мѣрѣ то, что Совѣтъ на этотъ разъ не пріемлетъ имени Божія всуе. Какъ извѣстно, козни венеціанской республики не достигли вожделѣнной цѣли: Магометъ II спасся отъ злоумышленниковъ, имѣвшихъ намѣреніе посягнуть на его жизнь. Неудачи, испытанныя Совѣтомъ Десяти въ отношеніи къ Магомету, однакожъ не обезкуражили его: онъ продолжалъ свою преступную политику, разсчитывая умертвить кого-либо изъ преемниковъ Магомета и получить послѣ нихъ территоріальное наслѣдство. Такъ, въ 1571 году Совѣтъ X-ти декретомъ увѣдомляетъ испанскаго посланника, по имени Ре-Католико (знаменательное имя!), что онъ можетъ, отъ имени названнаго Совѣта, обѣщать испанскому дворянину (неизвѣстному по имени) 50,000 секиновъ за убійство султана Селима II, его двухъ сыновей, а также сына султана Мурада. Щедрый Совѣтъ при томъ же еще обѣщаетъ убійцѣ земельное вознагражденіе, если венеціанская республика, по случаю раздѣла имперіи послѣ убитаго султана, полу-

[1]) Ibidem, p. 24—25.
[2]) Ibidem, p. 25.

ітъ извѣстную территорію въ Левантѣ[1]). Едва ли нужно ворить, что венеціанская республика не ограничивалась опытками отправить на тотъ свѣтъ султановъ, но подобымъ образомъ поступала (и вѣроятно, не безъ успѣха) ри столкновеніи и съ другими представителями турецой власти и могущества. Приведемъ извѣстія о двухъ пизодахъ разсматриваемаго рода. Въ 1477 году Совѣтъ Х-ти ринимаетъ предложеніе епископа Радича (конечно, латинскаго) и его пріятеля отравить двухъ турецкихъ генераловъ, осаждавшихъ въ то время Кроацію. Кромѣ денежнаго вознагражденія обѣщано епископу Радичу выхлопотть отъ св. Римскаго престола бенефицію, а также обѣщано неизмѣнное къ нему благоволеніе венеціанской реублики. Послѣдняя взяла на себя и посылку требующагося яда по адресу латинскаго іерарха[2]). Или вотъ угой любопытный случай. Въ 1649—1650 году завязыется переписка между генеральнымъ проведиторомъ (губрнаторомъ) Далмаціи и Албаніи (были подчинены Веанской республикѣ) Леонардо Фосколо и венеціанскими иквизиторами относительно проекта доктора медицины икель-Анжело Саломона уничтожить часть турецкой арми посредствомъ изобрѣтеннаго этимъ эскулапомъ яда— детъ ли то въ видѣ порошка или жидкости. Это убійвенное снадобье называется въ нашемъ документѣ la quinta senza della peste, т. е. „чумной квинтэссенціею". Значитъ, о былъ ядъ перваго сорта—превосходнѣйшій. Чумная винтэссенція, сообразно рекламѣ изобрѣтателя, распространяла бубоны и карбункулы и въ короткое время поѣщала множество жизней. Изобрѣтатель, по обычаю всѣхъ ицемѣровъ, воображалъ, что онъ дѣйствовалъ во славу ожію, о чемъ ясно говорится въ нашемъ документѣ[3]). зучая, невозбуждающій никакихъ сомнѣній, подлинникъ, зъ котораго мы почерпаетъ свѣдѣнія объ этой отвратительной чумной квинтэссенціи, невольно спрашиваешь ебя: интересно было бы знать—встрѣчалось ли въ пототическихъ дѣйствіяхъ Турокъ—нехристей что-либо побное тому факту, который нами только-что приведенъ

1) Ibidem, p. 90.
2) Ibidem, p. 25—26.
3) Ibidem, p. 129—131.

и который встрѣчается въ исторіи, нѣкогда славнаго, христіанскаго государства? Видно, что венеціанцы были очень хорошими сосѣдями Турокъ!

Въ другой римско-католической державѣ, именно во Франціи, возникалъ планъ изгнать Турокъ изъ Европы и овладѣть ихъ достояніемъ здѣсь. Планъ этотъ былъ прекрасно обработанъ и принадлежалъ знаменитому французскому королю Генриху IV-му. Если этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе, то это зависѣло, по увѣренію историковъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе неожиданной трагической смерти названнаго короля, погибшаго отъ руки извѣстнаго фанатика. Что именно неожиданная смерть Генриха послужила дѣйствительнымъ препятствіемъ къ осуществленію грандіознаго плана, относительно этого дѣлаютъ весьма вѣроятныя догадки на слѣдующемъ основаніи: планъ создался въ концѣ 1609 года, а въ маѣ 1610 года Генриха не стало на свѣтѣ [1]).

Такимъ образомъ открывается, что представителей римско-католическаго исповѣданія, если смотрѣть на нихъ съ политической точки зрѣнія Османскаго государства, Туркамъ любить было не за-что. Ихъ ближайшіе сосѣди, Венеціанцы, съ которыми Турки соединены были тысячью нитей, только и помышляли объ убійствахъ и отравѣ на пагубу Османлисовъ; Испанцы, какъ мы отчасти видѣли, являлись соумышленниками Венеціанцевъ. А лучшій изъ французскихъ королей помышлялъ о разрушеніи турецкой имперіи. Правда, Генрихъ IV одушевленъ былъ планами героя и крестоносца, но Туркамъ отъ этого было не легче.

Нужно замѣтить еще, что турецкое правительство едва-ли могло полагаться даже и на тѣхъ римско-католиковъ, которые состояли, въ числѣ ихъ подданныхъ. По крайней мѣрѣ вотъ какія извѣстія приходится читать объ этого рода подданныхъ султана у болгарскаго историка Иречка. Онъ пишетъ: „Дубровчане (въ Болгаріи) были всѣ католики. Въ Турціи, кромѣ того, жили и турецко-подданные католики. Это были потомки саксонскихъ рудокоповъ, Ал-

1) Zinkeisen. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa III-er Theil Seit. 859—860. 870. Gotha. 1855.

анцы и проч. Состоя въ постоянной связи съ западомъ, ни были причиною множества революціонныхъ попытокъ ротивъ Турокъ“ [1]). И нужно замѣтить, Турки очень хоошо знали о такихъ преступныхъ наклонностяхъ своихъ одданныхъ изъ числа папежниковъ. Одинъ изъ вліятельыхъ людей Турціи еще въ 1828 году въ докладѣ султану исалъ: „если тотъ или другой изъ подчиненныхъ папѣ ародовъ, наприм. Нѣмцы (т. е. Австрійцы) или Венеціанцы находятся въ войнѣ съ Османскимъ государствомъ, о католическіе райи дѣлаютъ все, что въ ихъ силахъ, тобы своимъ предательствомъ доставить выгоды врагамъ Порты“ [2]).

Но это еще не все.... Правительство не могло сочувствовать латинянамъ и по той еще причинѣ, что религіозно-общественное устройство римско-католиковъ въ Турціи не соотвѣтствовало государственнымъ видамъ оттоманской Порты. Извѣстно, что Греки со времени Магомета II олучили такое религіозно-общественное устройство [3]), которое вполнѣ согласовалось съ желаніями новаго правительства въ Византіи. Ничего такого нельзя утверждать о римско-католикахъ, жившихъ въ странахъ, завоеванныхъ турецкимъ оружіемъ. Главное отличіе римско-католической общины отъ остальныхъ христіанскихъ общинъ въ Турціи заключается въ особливомъ положеніи, которое занимаетъ папа, глава римско-католическихъ христіанъ Порты, и которое не имѣетъ ничего общаго съ положеніемъ греческихъ патріарховъ. Папа не принималъ на себя никакой отвѣтственности за римско-католическихъ подданныхъ Турціи, онъ не давалъ Портѣ гарантіи въ ихъ повиновеніи, какъ дѣлали греческіе патріархи; и самъ папа, и находящаяся подъ его верховнымъ управленіемъ католическая церковь въ Турціи, не стояли ни въ какой связи съ государствомъ Оттоманскимъ. Римско-католическое населеніе здѣсь управляется духовенствомъ, которое нахо-

[1]) Иречекъ. Исторія Болгаръ. Стр. 594. Переводъ. Одесса, 1878.

[2]) Розена. Исторія Турціи отъ 1826 г. до парижскаго трактата. Ч. I, стр. 66. Перев. съ нѣмецк. Петерб., 1872.

[3]) См. подробности объ этомъ выше, стр. 102—129. А такъ же *Богосл. Вѣстникъ*, 1894, часть II, стр. 206—245: «взаимныя отношенія Оттоманской Порты и подвластныхъ ей христіанъ греко-восточной церкви».

дится въ тѣснѣйшей связи и исключительной зависимости отъ папскаго престола. Хотя римско-католики и представляютъ собою такихъ же подданныхъ Порты, какъ и Греки, однакожъ ихъ община совершенно изъята изъ подъ вѣдѣнія Турецкаго правительства. Тогда какъ Греческая церковь, при всей своей самостоятельности и отдѣленности отъ государства,—имѣетъ всетаки видъ правительственнаго учрежденія въ Оттоманской имперіи, римско-католическая же церковь и ея органы заняли въ Турціи особливое мѣсто: къ нимъ примѣняются не начала турецкаго государственнаго права, а статьи международныхъ договоровъ. Тогда какъ греческій патріархъ сдѣлался въ извѣстномъ смыслѣ турецкою административною властію, католическіе прелаты заняли положеніе, которое можетъ быть сравниваемо съ положеніемъ иностранныхъ миссій. Такой порядокъ вещей не находилъ себѣ оправданія въ Коранѣ и былъ положительно невыгоденъ для Турціи. Если турецкое правительство допускало его, то сдѣлало это, преклоняясь предъ необходимостію. Послѣ того, какъ попытки султановъ утвердить свою власть на Западѣ Европы не удались, и въ особенности послѣ того, какъ Турція стала обнаруживать признаки разложенія, Порта принуждена была заключить миръ съ христіанскимъ Западомъ и допустить римско-католиковъ до такого существованія въ Турціи, которое находилось въ соотвѣтствіи съ особенностями римско-католической религіи [1]).

Впрочемъ не слѣдуетъ думать, что римско-католическая община въ Турціи формально избавлена и ото всѣхъ, напримѣръ, требованій и повинностей, съ которыми Порта обращается и которыя она возлагаетъ на греко-восточную религіозную общину. Съ перваго взгляда положеніе въ этомъ отношеніи первой изъ указанныхъ общинъ представляется даже аналогическимъ съ положеніемъ этой послѣдней. Такъ римско-католическіе патріархи, митрополиты и епископы обязываются, подобно высшей греческой іерархіи, получать отъ Порты такъ называемый бератъ [2]).—

1) Проф. Скабалановича. Политика турецкаго правительства (точнѣе: было указано выше), стр. 444—445.

2) Подробнѣе о бератахъ см. выше, стр. 103 и дал., или *Богосл. Вѣстн.* 1894, II, 218 и дал.

воего рода инвеституру,—съ которымъ соединяется приз-аніе со стороны Турціи указанныхъ лицъ въ ихъ свя-ценныхъ должностяхъ [1]). Мало того: римско-католическіе рхіереи въ Турціи при полученіи бератовъ вносятъ въ ользу оттоманской казны извѣстное количество денегъ, акъ обязаны дѣлать и греческіе архіереи. Но этимъ сход-тво положенія римско-католической и Греко-восточной ;рархіи и ограничивается. Дальше уже начинается су-цественное различіе этого же положенія. Такъ избраніе ого или другаго лица въ римско-католическіе архіереи овершается съ общаго согласія съ одной стороны фран-цузскаго правительства, считающагося патрономъ латин-кой церкви на Востокѣ, и римской куріи, съ другой,—ю крайней мѣрѣ такъ происходило дѣло до временъ, не-алекихъ отъ нашей эпохи,—при чемъ Турки оставались овсѣмъ въ сторонѣ. Да и обыкновенно между турецкимъ равительствомъ и латинскими архіереями не находилось икакихъ точекъ соприкосновенія: всѣ ихъ отношенія ис-ерпывались соблюденіемъ взаимной вѣжливости. Такъ акъ указанные архіереи находились подъ покровитель-твомъ Франціи, то на нихъ смотрѣли, какъ на пришель-евъ изъ этой страны, и въ случаѣ, если имъ нужно было ойти въ дѣловыя сношенія съ турецкимъ правитель-твомъ, то они это дѣлали при посредствѣ французскихъ гентовъ или консуловъ. Въ случаѣ же возникновенія спо-овъ и исковъ, которые должна была разслѣдовать и рѣ-шить сама церковь римско-католическая (а сюда относи-:ись дѣла и чисто мірскаго характера), первою рѣшающею інстанціею служилъ латинскій епископъ, второю—таковой ке митрополитъ, а послѣднею высшею инстанціею почи-ался папа въ Римѣ. Вотъ государство въ государствѣ... Въ виду того, что латинской церкви въ Турціи приходи-ось разбирать и рѣшать очень многія гражданскія дѣла имско-католиковъ, обыкновенно каждый латинскій епи-копъ здѣсь имѣлъ въ своемъ распоряженіи канцлера отвѣтственнаго секретаря), который составлялъ дѣловыя умаги въ качествѣ нотаріальныхъ документовъ, юриди-еское значеніе которыхъ не оспаривалось никѣмъ со сто-

[1]) Проф. И. С. Бердникова. «Церковное право Православной церкви». *равосл. Собесѣдн.*, 1890, т. II. 66.

роны турецкихъ властей [1]). Такимъ образомъ мы видимъ, что т. н. бератъ отнюдь не связывалъ рукъ высшему латинскому духовенству въ Турціи и ни къ чему ихъ не обязывалъ въ отношеніи къ иновѣрному правительству.— Посмотримъ далѣе на другія стороны положенія тѣхъ же духовныхъ особъ въ Турціи. Въ средѣ греко-восточной церкви здѣсь отвѣтственность за весьма многое въ ходѣ дѣлъ греко-восточной общины несетъ предъ турецкимъ правительствомъ православный патріархъ. Повидимому, римско-католическая община на турецкомъ Востокѣ поставлена тоже подъ контроль. Такимъ контролеромъ (или генеральнымъ прокуроромъ), по назначенію турецкаго правительства, въ этой общинѣ служитъ особое лице—векиль. Но это только повидимому... На самомъ же дѣлѣ векиль, которому со стороны турецкой власти поручена гражданская юрисдикція надъ латинской райею, занимаетъ второстепенное значеніе по сравненію съ т. н. апостолическимъ викаріемъ въ турецкой столицѣ, высшимъ представителемъ папскихъ полномочій по духовному управленію латинской церковію въ предѣлахъ Турціи. Векиль— непремѣнно римско-католикъ по своему вѣроисповѣданію, и это естественно дѣлаетъ его лицемъ подчиненнымъ власти апостолическаго викарія въ Константинополѣ. Однимъ словомъ, этотъ папскій викарій въ силу своего положенія есть не только высшій представитель папской власти въ Турціи, не только руководитель папской политики на Востокѣ, но представляетъ въ своемъ лицѣ рѣшающую инстанцію во всѣхъ важнѣйшихъ свѣтскихъ дѣлахъ, касающихся латинской райи. Въ результатѣ того устройства, какое получила римско-католическая община въ Турціи, находимъ слѣдующее: если папская система— говорятъ намъ канонисты—всюду и всегда сремится къ тому, чтобы поставить церковное управленіе въ извѣстной странѣ по возможности внѣ всякаго вліянія свѣтскаго правительства, то нигдѣ эта система не доведена до такого совершенства, какъ въ Турціи. Благодаря этой системѣ не только церковныя учрежденія, существующія здѣсь для иностранцевъ—латинянъ, подлежатъ покрови-

1) Maurer. Das Griechishe Volk in öffentlichen, kirchlichen Beziehung B. I. S. 419—421. Heidelberg. 1835.

ельству иностранныхъ державъ, но и всѣ вообще католическія учрежденія въ Турціи, не смотря на то, что ихъ появленіе вызвано потребностями здѣшнихъ коренныхъ жителей латинскаго исповѣданія, такъ или иначе примыкаютъ къ системѣ иностраннаго покровительства, въ обходъ всякаго вмѣшательства мѣстной государственной власти. Всѣ эти лица, всѣ римско-католики, въ турецкой имперіи пользуются въ извѣстной степени правомъ т. н. экстерриторіальности, которое въ европейскихъ государствахъ усвояется только членамъ посольствъ [1]). „Больной человѣкъ" не въ силахъ былъ воспротивиться такого рода беззаконію и долженъ былъ уступить, но всегда горестно чувствуетъ, что его—какъ говорится—просто „обошли".

Еще одно замѣчаніе о римско-католической общинѣ въ Турціи. Эта община не была освобождена отъ обычной подати, называвшейся хараджъ и налагавшейся на всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ классу турецкой райи. Вышепомянутый векиль обязанъ дѣлать раскладку хараджа, вносимаго латинской райею и доставлять собранныя въ уплату хараджа деньги по назначенію. Но латинскіе христіане (christiani Latini) умѣли отдѣлываться отъ взноса подобной подати. Они поступали такъ: выдавали себя за членовъ фамиліи или свиты какого-либо посланника или проповѣдника (oratoris), даже царя или принца. А Генуэсцы и Рагузины совсѣмъ считались свободными отъ какихъ-бы то ни было повинностей. По крайней мѣрѣ такъ было въ прежніе вѣка [2]). Турецкое правительство, страдающее хроническимъ безденежьемъ, безъ сомнѣнія смотрѣло косыми глазами на указанные фокусы „латинскихъ христіанъ".

Вотъ тѣ обстоятельства и условія, которыя поставляли турецкое правительство въ непріязненныя отношенія къ римско-католикамъ. Едвали нужно доказывать, что такая враждебность была лучшимъ щитомъ, защищавшимъ греческое православіе отъ сѣтей папства и католицизма. Турки не позабывали о томъ, что наиболѣе ревностные православные изъ Грековъ, при завоеваніи ими Констан-

[1]) Проф. И. С. Бердникова. Вышеуказанная статья, стр. 69—73.
[2]) Christophori Angeli. De statu hodiernorum Graecorum, p. 52. Lipsiae, 1671.

тинополя, возглашали: „лучше видѣть турецкій тюрбанъ въ Кон-полѣ, чѣмъ, папскую тіару“. Греки, непріязненно настроенные противъ папизма и до настоящаго времени любятъ повторять эту поговорку [1]).

Въ чувствѣ признательности Грекамъ Турки не ограничивали свою вражду къ римско-католикамъ областію принциповъ и теорій, но проявляли ее во многихъ осязательныхъ фактахъ.

Посмотримъ, въ чемъ-же именно, въ какихъ отношеніяхъ обнаруживалось указанное непріязненное настроеніе Турокъ къ римско-католикамъ. — Оно проявлялось прежде всего въ международныхъ отношеніяхъ, но на этой сторонѣ дѣла долго останавливаться не станемъ. Несомнѣнно, что въ борьбѣ съ римско-католицизмомъ, турецкое правительство иногда забывало о простыхъ правилахъ политическаго благоразумія, именно не рѣдко позволяло себѣ наносить такія оскорбленія представителямъ католическихъ націй, которыя свидѣтельствуютъ о забвеніи Турками основныхъ началъ международнаго права. Разумѣемъ отношенія турецкаго правительства къ католическимъ посольствамъ и ихъ органамъ. Въ этомъ случаѣ не мало пришлось перенести непріятностей посольству Венеціанскому, Австрійскому и Французскому, потому что это были посольства римско-католическихъ державъ. Такъ въ правленіе Мурада III, въ 1515 году, Венеціанскій драгоманъ былъ палками выгнанъ изъ залы засѣданій оттоманскаго Дивана; въ 1575 году самъ глава Венеціанскаго посольства былъ выгнанъ тоже палками изъ того же высшаго турецкаго правительственнаго учрежденія; а въ 1620 году великій визирь приказалъ венеціанскаго драгомана даже удавить [2]). Еще больше различныхъ плачевныхъ приключеній происходило съ посольствами Австрійскимъ и Французскимъ. Въ XVI в., когда Австрійскій посланникъ баронъ Прейнеръ отказался дать великому визирю подарокъ, то визирь пригрозилъ, что

1) По крайней мѣрѣ любятъ ее приводить себѣ на память люди «ржавые» въ средѣ Грековъ, т. е. такіе, которые не очень-то прельщаются благами западной цивилизаціи. *Леонтьева*. Изъ жизни христіанъ въ Турціи. Томъ II, стр. 278. Мос., 1876.

2) Zinkeisen. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. 3-ter Theil S. 856. Gotha, 1855.

выставитъ его у позорнаго столба и что отъ этого послѣдняго онъ не уйдетъ въ живыхъ. Другаго императорскаго Австрійскаго посла Джурковича тотъ же визирь на первой же аудіенціи обозвалъ „собакой" и приказалъ сломать ему шпагу [1]). Въ началѣ XVII в., одинъ изъ великихъ визирей грозился: Австрійскаго интернунція Старцера повѣсить или выдрать плетьми, какъ „осла" [2]). Въ концѣ XVI вѣка при Мурадѣ III, по приказанію этого султана разъ устроенъ былъ родъ маневровъ: сколочено было двѣ балаганныхъ крѣпости, изъ которыхъ одна украшена была турецкими знаменами, а другая знаменами съ христіанскими эмблемами. Разумѣется, во время маневровъ эта послѣдняя крѣпость пала и разрушена турецкимъ оружіемъ. Чтобы придать больше знаменательности потѣхѣ, изъ Австрійскаго посольскаго дворца нарочно приведена была свинья, которая затѣмъ отдана на растерзаніе львамъ [3]). Здѣсь какъ видимъ, задѣта честь главнымъ образомъ посла Австрійскаго. Но подобные же факты часто случались и съ французскимъ посольствомъ. Турки относились даже къ самому французскому послу съ удивительнымъ пренебреженіемъ: послѣдній изъ янычаръ, встрѣчаясь съ этимъ посломъ на улицѣ, не давалъ ему дороги, желая какъ бы показать, что и послѣдній мусульманинъ лучше перваго „гяура". Или вотъ нѣсколько болѣе опредѣленныхъ случаевъ оскорбительнаго обращенія турокъ съ этимъ же посольствомъ. Въ концѣ XVII вѣка французскій посолъ по причинѣ собственной болѣзни отправилъ къ великому визирю своего сына Де-Вантелэ. Визирь приказалъ ему разшифрировать одну депешу его отца. Де-Вантелэ отказался, сказавъ, что ему никто не можетъ давать подобныхъ приказаній, за исключеніемъ его государя. Великій визирь, выслушавъ это разсвирѣпѣлъ, крикнулъ: „бейте эту собаку", приказалъ капиджибашѣ ударить его по щекѣ, который исполнилъ это приказаніе съ такимъ усердіемъ, что вышибъ у него два зуба; потомъ бросили его въ такое скверное и смрадное мѣсто,

1) Теплова. Представители иностранныхъ державъ въ прежнемъ Константинополѣ. *Русс. Вѣстн.*, 1890, іюнь, стр. 6.

2) Zinkeisen, Theil III, 850.

3) Теплова. Представители иностранныхъ державъ, стр. 10.

гдѣ тяжелыя испаренія часто загашали свѣчу [1]).—Когда потомъ этого самаго де-Вантелэ французское правительство назначило своимъ посломъ въ Константинополь, то великій визирь на второй аудіенціи обозвалъ его жидомъ, а капиджибаша спихнулъ его съ табурета и сталъ наносить ему побои. Когда же посолъ вознамѣрился прибѣгнуть къ своей шпагѣ, то чаушъ далъ ему пощечину, и затѣмъ де-Вантелэ былъ брошенъ на три дня въ тюрьму. Въ XVII-же вѣкѣ на другаго французскаго посла Нуантеля, по приказу великаго визиря, чаушъ набросился съ крикомъ: „пошелъ, пошелъ", а два другіе чауша сбросили посла съ дивана, приговаривая: „вонъ отсюда гяуръ". Такъ выгоняли Нуантеля, когда онъ посѣтилъ визиря [2]).—Конечно, всѣ эти приключенія съ посольствами Венеціанскимъ, Австрійскимъ и Французскимъ можно было бы объяснить турецкимъ самодурствомъ, еслибы Турки въ тоже время не принимали бы съ распростертыми объятіями посланниковъ протестантскихъ державъ—отчего зависѣла эта благосклонность оттоманскаго правительства къ протестантамъ—объ этомъ рѣчь впереди.

Такъ относилась турецкая власть къ представителямъ римско-католическихъ державъ. Это указывало, что Турки мало симпатизировали этимъ державамъ. Но для церковнаго историка важнѣе всего то, что Турки, гдѣ это было возможно, сдерживали успѣхи римско-католицизма на Востокѣ, мѣшали утвержденію здѣсь папизма и такимъ образомъ дѣйствовали на руку православныхъ Грековъ. Приведемъ факты въ подобномъ родѣ.—Нужно сказать—ихъ не мало. Одно оффиціальное лице въ высшихъ турецкихъ сферахъ въ концѣ XVII в. заявляло, что „римско-католикамъ никакихъ вольностей въ Турціи не дано, и что вообще Турки противятся всякому усиленію у себя католиковъ" [3]). И это была правда. Если Портѣ приходилось дѣйствовать не подчиняясь давленію совнѣ и не руководясь какими-либо случайными соображеніями, то ея отношенія къ христіанскимъ общинамъ въ Турціи выражались

1) Тамъ же, стр. 10. 18—19.
2) Тамъ же, стр. 21—22.
3) Проф. Н. Ѳ. Каптерева. Сношенія патріарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ. Стр. 324. М. 1891.

въ томъ, что община римско-католическая несла потери и пользовалась меньшимъ расположеніемъ, чѣмъ другія религіозныя общины и въ особенности греческая. И такъ какъ римско-католицизмъ не пользовался расположеніемъ Порты, то отсюда происходило то, что католическая пропаганда на Востокѣ встрѣчала себѣ противодѣйствіе со стороны Турокъ. Увеличеніе числа католиковъ, т. е. такихъ подданныхъ, которые ускользали изъ-подъ контроля турецкой власти, было для нея явленіемъ крайне нежелательнымъ. Порта оказывала даже прямое и рѣшительное сопротивленіе распространенію римско-католицизма въ Турціи. Католическіе миссіонеры были въ ея глазахъ политическими врагами: они изгонялись и дѣятельность ихъ парализовалась. Вновь обращенные въ католичество христіане подвергались гоненію, а греческое православіе находило себѣ поддержку. XVII и XVIII вѣка исполнены явленіями этого рода [1]). Въ это время римско-католицизмъ нашелъ ревностныхъ поборниковъ въ іезуитахъ, которые распространяли свою дѣятельность и на Грековъ и на константинопольскій патріархатъ. Усилія ихъ не были безплодны. Значительное число Грековъ перешло въ католичество. Но и Порта не дремала. Она поддерживала православныхъ Грековъ, преслѣдовала новообращенныхъ католиковъ и изгоняла іезуитовъ. — Изгнаніе іезуитовъ изъ Турціи повторялось не разъ. Вотъ напримѣръ, какъ произошло изгнаніе іезуитовъ изъ Константинополя и изъ другихъ мѣстъ въ началѣ XVII вѣка. Усилившись въ Константинополѣ въ это время, іезуиты открыли въ Галатѣ свою коллегію или училище, основали многочисленную библіотеку, привлекли на свою сторону многихъ изъ простаго греческаго народа. При недостаткѣ другихъ учебныхъ заведеній въ Константинополѣ, они принимали къ себѣ много молодыхъ людей, которые въ послѣдствіи занимали высшія мѣста въ Іерархіи, и вообще и іезуиты распространяли свои связи все далѣе и далѣе [2]). Казалось, что греческая церковь потеряла свой авторитетъ, а

[1]) Скабалановича. Политика турецк. правительства, 455.

[2]) Протоіер. А. В. Горскаго. О греческой церкви отъ 1453 г. до нач. XVIII столѣтія «Прибавлен. къ Творен. св. Отцевъ», т. 32 (1883 г.), стр. 411.

„іезуиты торжествовали и готовы стать распорядителями на Востокѣ". Но такъ продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока турецкое правительство не уяснило себѣ, куда, къ какимъ вреднымъ послѣдствіямъ поведетъ такое усиленіе римско-католическаго элемента въ Турціи. И вотъ суффраганъ, руководившій дѣйствіями іезуитовъ въ Константинополѣ, былъ внезапно и тайно удаленъ, титулярные епископы, присланные изъ Рима, заключены въ тюрьму, разныя грамоты, которыми даны были немалыя привиллегіи іезуитамъ, у нихъ отняты. Это бѣдствіе повергло ихъ въ ярость и они искали случая отомстить за него Грекамъ, которыхъ считали и, справедливо, виновниками разсказаннаго происшествія. Случай скоро представился. Въ 1627 году одинъ Грекъ, по имени Никодимъ Метакса, привезъ изъ заграницы въ Константинополь типографскія принадлежности, имѣя въ виду основать здѣсь типографію для печатанія греческихъ книгъ. Ни со стороны Турокъ, ни со стороны тогдашняго патріарха, Кирилла Лукаря, препятствій не оказалось. Типографія устроилась въ близи англійскаго посольскаго дома. Началась работа. Метакса вздумалъ напечатать нѣсколько книгъ, направленныхъ противъ папизма. Но это крайне не понравилось французскому посланнику и въ особенности іезуитамъ. Послѣдніе рѣшились во чтобы то ни стало добиться закрытія греческой типографіи. Они сдѣлали доносъ на Метаксу правительству, что будто въ типографіи его печатаются книги, направленныя противъ магометанской религіи. Великій визирь выдалъ приказаніе конфисковать типографію. Такъ и было поступлено, причемъ конфискованы были не только типографскія принадлежности, но и деньги и одежда. Но такъ какъ доносъ іезуитовъ не имѣлъ и тѣни справедливости, то наказаніе, которое они готовили другимъ, обратилось на нихъ самихъ. Ихъ общежитіе было закрыто, храмъ заключенъ, имущество конфисковано, члены ордена взяты подъ арестъ. Напрасно французскій посланникъ употреблялъ всѣ мѣры къ примиренію правительства съ іезуитами, и даже грозилъ войною Туркамъ. Ничего не помогло. Послѣ многихъ препирательствъ между указаннымъ посланникомъ и Портою, послѣдняя издала приказъ объ изгнаніи іезуитовъ изъ

предѣловъ турецкой имперіи. При этомъ же повелѣно было книги и прочія вещи, конфискованные въ типографіи Малаксы, возвратить по принадлежности [1]). Значитъ, Греки взяли верхъ. По замѣчанію одного писателя начала XVIII-го вѣка, Турки, примѣчая у іезуитовъ беззаконныя поползновенія ихъ противъ Грековъ, должны были „насильственно, уздою и удилами обуздывать“ этихъ пришельцевъ Запада [2]).

Вообще, если возвышался голосъ Константинопольскаго патріарха и болѣе ревностныхъ Грековъ противъ латинскихъ пропагандистовъ, и въ особенности іезуитовъ, то Порта поспѣшала на помощь своимъ православнымъ подданнымъ и принималась за рѣшительныя мѣры. Такъ, въ концѣ XVII-го вѣка, султанъ Мустафа II издалъ строгій гатти-шерифъ, подъ страхомъ тюремнаго заключенія и денежной пени, воспрещающій совращенія и переходъ христіанскихъ подданныхъ Турціи въ римско-католицизмъ [3]).

Даже голосъ іерусалимскаго патріарха, гораздо менѣе уважаемаго Турками, чѣмъ его столичный собратъ, имѣетъ, въ подобныхъ же случаяхъ, очень большое значеніе. Вотъ разсказъ изъ неособенно отдаленнаго прошлаго. Въ 40-хъ годахъ XIX-го вѣка римско-католическіе пропагандисты въ одномъ мѣстѣ Палестины (въ Бенжалѣ) успѣли обратить нѣсколько православныхъ семействъ къ латинской вѣрѣ. Узнавъ объ этомъ, іерусалимскій патріархъ началъ ходатайствовать предъ султаномъ о запрещеніи указаннымъ миссіонерамъ проповѣдовать ихъ вѣру среди православныхъ патріархіи. И запрещеніе исходатайствовано: новообращенные римско-католики должны были возвратиться подъ сѣнь греческой церкви [4]). Дѣло шло о какихъ-то падкихъ на деньги палестинскихъ арабахъ.

Латинскіе пропагандисты, и въ особенности іезуиты не находили себѣ простора не только среди православныхъ, живущихъ на глазахъ греческой церковной власти,

[1]) Aymon. Monuments. authentiques de la religion des Grecs, p. 216—230.

[2]) Elssner. Neueste Beschreibung derer Griechischen Christen in der Türkei, S. 272. Berlin, 1737.

[3]) Проф. Скабалановича. Политика турецкаго правительства (loc. sitat), стр. 456.

[4]) Епископа Порфирія, Книга бытія моего: дневники. Томъ I, стр. 368. 375. Петерб., 1894.

но и вдали отъ этой послѣдней, наприм., между православными сирійцами Турціи. Порта и здѣсь становилась среди дороги римско-католическихъ миссіонеровъ. Укажемъ на одинъ случай въ этомъ родѣ, поучительный по тѣмъ отзывамъ, какіе дѣлаются при этомъ относительно римско-католической религіи со стороны магометанскихъ властей. Вотъ что происходило въ Сиріи въ началѣ XVIII вѣка. Въ Сирію проникли іезуиты и нѣкоторые другіе католическіе ордена, стали утверждать папизмъ, и начали пренебрежительно относиться къ православнымъ. Тогда сирское православное духовенство чрезъ посредство константинопольскаго патріарха обратилось съ жалобой къ Портѣ и выставляло на видъ, что римско-католики и въ особенности іезуиты наносятъ вредъ ихъ религіи. Порта вняла голосу просящихъ—и вотъ появляется фирманъ, которымъ воспрещается римско-католикамъ миссіонерствовать въ Турціи. Содержаніе этого фирмана очень интересно. Здѣсь читаемъ: „нѣкоторые дьяволы (Teufel) изъ французскихъ монаховъ съ цѣлями худыми и съ намѣреніями неправыми обходятъ страну, внушаютъ греческой райѣ свое *пустое* французское *ученіе;* при посредствѣ глупыхъ рѣчей они отклоняютъ райю отъ древней вѣры и внѣдряютъ вѣру французскую; таковые французскіе монахи не имѣютъ права пребывать нигдѣ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся ихъ консулы; не должны они предпринимать путешествія и миссіонерствовать“. Вслѣдъ за этимъ начались гоненія со стороны мѣстной турецкой администраціи противъ іезуитовъ и доминиканцевъ въ Сиріи, ихъ заключали въ тюрьму, налагали на нихъ пени [1]). — Встрѣтивъ неудачу среди Грековъ въ Константинополѣ и въ Сиріи, іезуиты обратили все свое усердіе на Армянъ. Чтобы пріобрѣсти возможно большій успѣхъ, они сообщили своей пропагандѣ политическую окраску и къ религіозной проповѣди присоединили планы о возстановленіи политической независимости Армянъ и улучшенія ихъ матеріальнаго быта. Разсчеты іезуитовъ удались-было. Но здѣсь на помощь ортодоксальной партіи, т. е. не принимавшей римско-католицизма—пришла Порта. Противъ Армянъ, увлекавшихся

[1]) Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches. Band IV. S. 219—220. Zweite Ausgabe. Pesth. 1836.

імско-католицизмомъ, Порта не разъ поднимала гоненія, эти гоненія возобновлялись не только въ прошлыхъ »кахъ, но даже и въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Разумѣется та-.я ревность Порты объ охраненіи Армянской церкви пря-)й пользы Грекамъ не приносила, но во всякомъ слу-.ѣ Греки изъ этихъ примѣровъ ясно могли уразумѣвать, 'о турецкое правительство не долюбливаетъ римско-ка-ликовъ, а это позволяло имъ возлагать благія надежды ι Порту и въ ихъ собственныхъ столкновеніяхъ съ рим-:о-католиками.

Изъ исторіи этой борьбы Турецкаго правительства › римско-католическимъ элементомъ среди армянской ıродности въ оттоманской имперіи разскажемъ лишь ιинъ случай, но чрезвычайно характеристическій съ точки)ѣнія того вопроса, который насъ интересуетъ; случай 'отъ относится къ XIX-му столѣтію. Въ началѣ 1828 года ъ Константинополѣ воздвигнуто было страшное гоненіе ı Армянъ—уніатовъ за то только, что они были римско-ıтолики. Особымъ гаттиширифомъ армяно-католическому ıселенію турецкой столицы приказано было покинуть ıои дома и поселиться исключительно въ турецкихъ квар-.лахъ Константинополя; но еще не было приведено въ :полненіе это приказаніе, какъ послѣдовало новое: ука-.ннымъ лицамъ повелѣно было выѣхать на ихъ далекую)дину. Недвижимыя имущества ихъ, какъ то дома и проч., ıли описаны въ казну. Около 12,000 человѣкъ при этомъ ιучаѣ изгнаны изъ Константинополя; до 400 дѣтей, го-)рятъ, погибло на дорогѣ отъ голода и стужи. Многіе ъ гонимыхъ перешли въ исламъ только для того, чтобы : подвергнуться этой жестокой мѣрѣ. Избѣжавшіе ка-ıмъ-либо образомъ объявленнаго изгнанія были нака-ıны самимъ жестокимъ образомъ [1]). Конечно, описанное ıми, событіе крайне возмутительно. Но мы привели его : затѣмъ, чтобы лишній разъ указать на безцеремонность 'томанской Порты, а затѣмъ, чтобы ознакомиться съ эбопытными взглядами турецкаго правительства, выска-нными этимъ послѣднимъ по указанному поводу. Порта ıло того, что жестоко наказала константинопольскихъ

[1]) Розена. Исторія Турціи. Ч. I, 65. 66. Базили. Очерки Константино-ιя. Часть II, стр. 158 Петерб., 1835.

Армянъ за ихъ переходъ въ латинскую вѣру, она еще приказала имъ признавать своею главою армяногрегоріанскаго патріарха; но любопытно-то не это, а слѣдующее: это распоряженіе напомнило Портѣ, что существуютъ въ Турціи и греко-католики, а потому, не раздумывая много, она приказала по крайней мѣрѣ части ихъ считать своею главою не папу, а константинопольскаго православнаго патріарха, другими словами: отпадшихъ отъ греческой церкви возвратила въ лоно этой церкви [1]. Это ли не услуга греческой церкви со стороны магометанскаго правительства?—Но самая любопытная сторона разсматриваемаго нами факта, т. е. казни, учиненной надъ армянокатоликами, еще впереди; къ этой сторонѣ дѣла теперь и обратимся. Турецкое правительство по этому поводу выражаетъ свои затаенные взгляды на римскаго папу и на католическое исповѣданіе. Нѣкто Портевъ-эфенди, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ государственныхъ людей Турціи дѣлится своими взглядами на папу и католицизмъ съ самимъ тогдашнимъ султаномъ Махмудомъ, который, судя по всѣмъ даннымъ, находилъ ихъ вполнѣ справедливыми. Вотъ эти взгляды. Турецкій государственный мужъ, не говоря худого слова, обзываетъ папу просто — напросто „свиньей“; римско-католическое ученіе онъ же признаетъ вреднымъ: его возмущаетъ то, что папа „по крайнему своему злочестію выдаетъ себя за намѣстника пророка Іисуса“, далѣе—то, что онъ ради привлеченія послѣдователей своей доктринѣ допускаетъ „большія облегченія по части отпущенія грѣховъ“, и наконецъ—то, что папа приписываетъ себѣ власть прощать грѣхи всѣмъ умершимъ и „давать имъ паспорты на вступленіе въ рай“; тотъ же эфенди латинскихъ миссіонеровъ считаетъ хитрецами и льстецами и обзываетъ ихъ „стадомъ свиней“, а возвѣщаемое ими религіозное ученіе порицаетъ, именуя его позорнымъ именемъ „поганаго закона“, поставляющаго послѣдователей его въ уровень „съ простымъ скотомъ“ [2]. Бѣдный римскій первосвященникъ! Несчастные его миссіонеры!

1) Палеолога и Сивиниса. Очеркъ народной войны за независимость Греціи. Часть I, стр. 95. Петерб. 1867.

2) Розена. Исторія Турокъ. Ч. I, стр. 65—66. Перев. съ нѣмецкаго.

Изъ вышеописанныхъ обстоятельствъ, рисующихъ отюшенія Порты къ папѣ, римско-католическимъ миссіонеэамъ и уніатамъ, принадлежащимъ къ греческой райѣ, :амо собою открывается, что турецкое правительство не :танетъ относится индифферентно къ положенію грече:каго православія въ оттоманской имперіи. И дѣйстви'ельно турецкое правительство во многихъ случаяхъ брало юдъ свою защиту Грековъ, именно когда интересы по:лѣднихъ прямо сталкивались съ интересами римско-ка'оликовъ.

Для православныхъ Грековъ, жившихъ въ Турецкой ıмперіи весьма большое значеніе имѣлъ, напримѣръ, мно'овѣковый вопросъ касательно обладанія св. мѣстами въ Іалестинѣ. Небогатые въ матеріальномъ отношеніи, поэабощенные иновѣрнымъ народомъ Греки, сталкиваясь въ зопросѣ о св. мѣстахъ съ иностранными римско-католи(ами, богатыми, вліятельными, дипломатически хитрыми, келавшими имѣть въ своей власти указанныя мѣста, позидимому, должны бы были потерпѣть фіаско. Но этого ıе случилось. Турки не допустили совершиться такому эакту, потому что блюли интересы Грековъ. Конечно, мы ıе можемъ разсказывать здѣсь исторіи борьбы Грековъ съ югущественными римско-католиками изъ-за св. мѣстъ. Іопомнимъ лишь нѣсколько эпизодовъ изъ этой борьбы, :мѣвшей мѣсто въ XVII-мъ вѣкѣ, такъ какъ въ это время аковая достигаетъ особеннаго оживленія и силы. О томъ, :ъ какимъ результатамъ приводила эта борьба, интерес:ыя свѣдѣнія сообщаютъ намъ замѣчательнѣйшіе іерусаимскіе патріархи XVII-го вѣка, Ѳеофанъ и Досиѳей. Отъ :ерваго изъ нихъ, Ѳеофана (1608—1644 г.), сохранились ,о насъ, между прочимъ, двѣ его граматы, написанныя ıмъ и посланныя къ русскому правительству. Такъ, въ рраматѣ—къ царю Михаилу Ѳеодоровичу и патріарху Фиарету, Января 25-го 1634 года патріархъ Ѳеофанъ въ лѣдующихъ чертахъ описывалъ положеніе дѣлъ въ Виѳеемѣ: „Буди вѣдомо державный царь и о Христѣ возюбленный сынъ нашего смиренія, что намъ случилось ребывать въ Константинополѣ ради нѣкихъ причинъ, ıкія учинились во святыхъ мѣстахъ отъ Нѣмцевъ, роду атынскаго (вѣроятно, Австрійцевъ, а также и Поляковъ),

и многія бѣды и споры имѣли съ ними, ради св. пещеры Виѳлеема, гдѣ Іисусъ Христосъ родился; хотѣли насъ оттолѣ совсѣмъ удалить, и денежныя многіе протори учинились намъ отъ нихъ; только Божіе просвѣщеніе далось въ сердце — да живетъ онъ много лѣтъ — царю Султанъ Мурату; онъ оказалъ намъ христіанамъ (т. е. Грекамъ) правду, а Нѣмцевъ много опозорилъ, а Полякамъ великій страхъ воздалъ" [1]). Тому-же русскому правительству отъ тогоже патріарха Ѳеофана архимандритъ Кириллъ привезъ слѣдующую грамоту своего патріарха отъ 25-го февраля 1635 года: „Въ нынѣшнее время врагъ человѣческій возбудилъ чрезвычайный соблазнъ и смущеніе въ св. мѣстахъ, ради яслей и святыя пещеры, и сдѣлались большія распри между христіанъ (Грековъ) и живущихъ тамъ народовъ, (иновѣрцевъ) особенно со стороны франковъ. Потому мы видя, что не можемъ устранить сего соблазна на мѣстѣ, пошли въ Царьградъ и предстали съ ними на судилище до трехъ разъ, не только съ Франками, но и съ другими народами, которые хотѣли отнять у насъ св. мѣста, и мы получили побѣду. Султанъ Муратъ послалъ отъ себя повелѣніе въ Іерусалимъ, отняли тамъ ключи изъ рукъ враговъ (римско-католиковъ) отъ святой пещеры, принесли сюда и намъ отдали; восторжествовало племя христіанское" (т. е. православные Греки) [2]).—Касательно 1663 года дошло извѣстіе, что въ это время, когда Турки понесли пораженіе (на рѣкѣ Рабѣ (?), посолъ, какъ говорится въ документѣ, „паповѣнчаннаго Цезаря", очевидно Австрійскаго императора, испрашивалъ у побѣжденнаго врага уступки св. мѣстъ, но Турки отказали ему [3]). Значитъ, даже побѣды и одолѣнія римско-католическихъ державъ надъ Турками—не могли производить перемѣны въ разъ усвоенной Османлисами политикѣ ихъ по отношенію къ греческой православной райѣ.— Но интереснѣе всего случай, имѣвшій мѣсто въ правленіе іерусалимскою церковію вышеупомянутаго нами патріарха Досиѳея (1669—1707 г.). Разскажемъ, какъ было

[1]) (А. Н. Муравьева). Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ. Часть II, стр. 156.

[2]) Тамъ же, стр. 164.

[3]) Проф. Н. Ѳ. Каптерева. Сношенія патр. іерусалимскаго Досиѳея съ русскимъ правительствомъ. Стр. 302.

дѣло, по сообщеніямъ этого самаго патріарха. Въ 1673 году усердно домогался обладанія св. мѣстами у турецкаго правительства французскій посолъ, но ему было отказано въ этомъ со стороны Порты—и притомъ „съ укоризной". Но потерпѣвшій неудачу посолъ не унялся. Онъ отправился въ Іерусалимъ, чтобы силою захватить св. гробъ, а такъ какъ православные Греки противились ему, то онъ убилъ одного Грека, вслѣдствіе чего турецкое правительство вызвало его въ Константинополь, гдѣ и разсматривался его процессъ. Результатомъ было то, что великій визирь издалъ „крѣпкій указъ", которымъ св. мѣста утверждались за Греками. Вслѣдъ за тѣмъ являлись въ Константинополь послы разныхъ католическихъ націй—отъ Французовъ, Венеціанцевъ, Генуесцевъ, отъ Поляковъ—и всѣ они сообща просили уступки св. мѣстъ въ пользу римско-католиковъ, но Турки устраняли эти притязанія, не смотря на то, что послы французскіе не разъ предлагали Туркамъ и подарки и помощь противъ ихъ политическихъ враговъ[1]).

Должно сказать, что, только-что переданный нами со словъ патріарха Досиѳея, разсказъ нѣсколько иначе сообщается западными, современными событію, писателями. Вотъ какъ, напримѣръ, происходило дѣло, по извѣстіямъ англичанина Рико. Греки, въ указанное выше время, пожелали сдѣлаться исключительными обладателями св. Гроба, и поэтому рѣшились изгнать отсюда латинянъ, для чего воспользовались предпасхальнымъ временемъ; они съ палками напали на этихъ послѣднихъ, но латиняне не думали уступать св. мѣста безъ сопротивленія—завязалась драка. Въ результатѣ получилось много раненыхъ съ той и другой стороны. Въ особенности сильно былъ израненъ одинъ греческій монахъ изъ Іерусалима; однако онъ могъ бы вылечиться, но фанатикъ этого не пожелалъ: онъ отказывался отъ всякой медицинской помощи, желая лучше умереть, чѣмъ поправиться, и тѣмъ надѣлать непріятностей латинянамъ, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что за мнимое убійство Грека всѣ латиняне бубутъ изгнаны изъ св. земли. Въ это же время драгоманомъ у турецкаго великаго визиря былъ очень ревностный

[1]) Тамъ же, стр. 303.

[illegible] Панайоти; пользуясь расположенiемъ великаго визиря, названный Грекъ выпросилъ у него хатти-шерифъ, которымъ св. Гробъ передавался въ исключительное владѣнiе Грековъ. И вотъ появился „крѣпкiй указъ" въ пользу Грековъ. Повидимому, вышеупомянутая баталiя при св. Гробѣ была лишь прелюдiей къ этому радостному для православныхъ событiю. Латиняне были поражены появленiемъ неожиданнаго для нихъ указа. Посланники римско-католическихъ державъ начали хлопоты предъ визиремъ объ отмѣнѣ распоряженiя; посыпались деньги...; подняли на ноги римскаго первосвященника, христiанскихъ западныхъ королей, но напрасно. Великiй визирь остался глухъ ко всему и ко всѣмъ [1]).— Конецъ разсказа существенно тотъ же, но предшествующая драма передается, какъ видимъ, много иначе. Кто правѣе—восточные или западные писатели, рѣшенiе этого вопроса предоставляемъ изысканiямъ нашихъ ученыхъ святогробцевъ.

Впрочемъ, что толковать о XVII-мъ вѣкѣ. Даже въ срединѣ XIX-го вѣка положенiе дѣла отнюдь не измѣняется: Порта является услужливымъ другомъ греческой церкви и врагомъ ея главнѣйшихъ враговъ, т. е. римско-католиковъ; сообщенiемъ одного факта въ этомъ родѣ и закончимъ нашу рѣчь о борьбѣ Грековъ съ папистами изъ-за св. мѣстъ. Вотъ что случилось въ началѣ 50-хъ годовъ указаннаго вѣка. Въ 1852 году „Порта закрѣпила *на все будущее время за греческимъ духовенствомъ* его права на св. мѣста, въ самой согласной съ турецкимъ государственнымъ правомъ формѣ, т. е. султанскимъ фирманомъ. Послѣ того какъ Порта позволила себѣ такой поступокъ, *всѣ* думали, что французское правительство (считающееся патрономъ латинской церкви на турецкомъ Востокѣ) серьезно заступится за права католическаго клира, пренебреженiе къ которымъ должно было оскорблять чувство его собственнаго достоинства. Но еще разъ гроза прошла мимо" [2])... А солнце попрежнему продолжало свѣтить надъ Греками.

---

[1]) Ricaut. Histoire de l'eglise Grecque. 2-de edit. Pag. 348—352. Amsterdam, 1710.

[2]) Розена. Исторiя Турцiи. Часть II, 162—164.

Случалось также, что Турки, если къ нимъ поступало на разсмотрѣніе какое-либо тяжебное между Греками и римско-католиками дѣло, обыкновенно брали сторону первыхъ: отнимали у латинскаго епископа его архіерейскую юрисдикцію надъ своею паствою, предоставляя ее греческимъ епископамъ, отбирали у римско-католиковъ храмы и отдавали ихъ Грекамъ. Такіе факты очень часто встрѣчались въ исторіи о. Хіоса, гдѣ оставалось много латинянъ отъ временъ владычества здѣсь Венеціанцевъ. Сообщимъ свѣдѣнія объ одномъ изъ такихъ фактовъ. Представители латинской церкви на о. Хіосѣ въ XVII-мъ вѣкѣ сильно тѣснили Грековъ, отказывая имъ во всякой справедливости. Тогда греческій митрополитъ того-же острова рѣшился положить конецъ тягостному положенію своихъ единовѣрцевъ. Это было въ 1664 г., митрополитъ носилъ имя Игнатія Неохори, человѣкъ живой и энергическій. Онъ старался разъяснить Туркамъ, что латиняне естественные ихъ враги, такъ какъ они тяготѣютъ своими симпатіями къ западнымъ народамъ. Заявленіе митрополита возъимѣло силу. Вышло слѣдующее правительственное распоряженіе: 1) латинскій епископъ Хіоса лишался юрисдикціи по отношенію къ римско-католикамъ острова, вся она переходила въ руки греческаго митрополита; 2) не позволялось совершать ничьего брака и никакой религіозной церемоніи безъ разрѣшенія того-же митрополита; 3) никто изъ латинцевъ не могъ дѣлаться священникомъ безъ подобнаго же разрѣшенія; 4) большую часть храмовъ, которые находились во власти латинянъ, слѣдовало отдать Греческому митрополиту; 5) латинскій епископъ обязывался возвратить указанному митрополиту всѣ тѣ доходы, которые онъ получилъ отъ управленія своей эпархіей, во все время этого управленія. Разумѣется, хіосскіе римско-католики пришли въ сильнѣйшее негодованіе отъ этого распоряженія. Ихъ епископъ съ нѣкоторыми выборными изъ его паствы рѣшились немедленно отправиться въ Адріанополь, гдѣ находился въ то время турецкій Дворъ. Такъ они и сдѣлали. Но по дорогѣ они заѣхали въ Константинополь, частію для того, чтобы посовѣтоваться съ другими своими собратіями здѣсь, а частію для того, чтобы развѣдать, какъ смотритъ на инте-

ресующее ихъ дѣло—константинопольскій патріархъ. Но между тѣмъ какъ латинскій епископъ оставался въ Константинополѣ, греческій митрополитъ Хіоса тоже отправился въ Адріанополь и постарался предупредить своего соперника. Прибывъ сюда, этотъ послѣдній представился визирямъ, указалъ имъ на то, что хіосскіе латиняне питаютъ нерасположеніе къ оттоманскому правительству, и заявлялъ, что они поставили себѣ цѣлію вытѣснить греческую церковь съ о. Хіоса и сдѣлать островъ исключительно латинскимъ. Къ этому митрополитъ еще прибавилъ, что съ подобнымъ намѣреніемъ въ разныхъ странахъ запада уже сбираются деньги; на эти-то деньги куплены латинянами самые лучшіе храмы Хіоса, прежде принадлежавшіе Грекамъ. Каймаканъ нашелъ это дѣло очень серьезнымъ: вопросъ шелъ о предательствѣ латинянъ. Рѣшено было арестовать и судить обвиняемыхъ. Поэтому, лишь только латинскій епископъ и его спутники прибыли въ Адріанополь, какъ всѣ они были схвачены и посажены въ тюрьму. Назначенъ былъ судъ, подъ предсѣдательствомъ каймакана. Вызваны были обвиняемые и обвинители. Греки обвиняли, латиняне всячески старались оправдаться. Латиняне въ душѣ разсчитывали на успѣшный исходъ процесса, потому что дали большую сумму денегъ каймакану, во всякомъ случаѣ болѣе значительную, чѣмъ какую могла и должна была отсыпать греческая сторона тяжущихся. Но дѣло было не въ деньгахъ, а въ симпатіяхъ турецкаго начальства, а эти симпатіи по традиціи были наклонены въ пользу греческой райи. Поэтому, каймаканъ, хотя и постановилъ на судѣ возвратить въ распоряженіе латинскаго духовенства на Хіосѣ нѣкоторые храмы, но въ тоже время секретно вручилъ греческому митрополиту особливый указъ, въ которомъ находилось распоряженіе совершенно другого рода. Представители латинской и греческой церкви возвращались домой, въ виду указанныхъ обстоятельствъ, съ одинаково радужными мечтами: латинскій епископъ воображалъ себя такимъ же побѣдителемъ, какимъ справедливо считалъ себя греческій митрополитъ. Истина открылась только по возвращеніи ихъ на островъ. Тутъ только узналъ латинскій епископъ, что 60 храмовъ отписаны у Хіосскихъ римско-ка-

толиковъ и отданы греческой православной общинѣ острова [1]). Греки торжествуютъ надъ своими соперниками—латынцами.

Упомянемъ еще, что Турки иногда такъ далеко простирали свою ревность къ охраненію греческой церкви, отъ латинскаго вторженія въ ея интересы, что бывали случаи, когда они даже низлагали константинопольскихъ патріарховъ и наказывали ихъ ссылкою, по подозрѣнію, что высшій представитель греческой православной общины въ Турціи обнаруживалъ влеченіе и склонность къ латинству, въ религіозномъ смыслѣ. Такъ патріархъ Іеремія, по этому именно побужденію, лишенъ былъ Турками святительской каѳедры и изгнанъ на о. Родосъ. Это произошло въ 1583 году [2]).

Вотъ тѣ отношенія, въ какія поставляла себя турецкая власть къ греческой церкви и римскому католичеству. Власть эта почти буквально стояла на стражѣ греческаго православія. Поэтому, не особенно удивительно, если греческая церковь, вплоть до послѣдняго времени, весьма успѣшно отражала попытки латинянъ къ распространенію ихъ вѣроисповѣданія между Греками. Разумѣется, ставить въ большую заслугу Греческой церкви безуспѣшность латинской пропаганды на Востокѣ до указаннаго времени едва-ли кто станетъ, понимающій исторію Востока. Турки, быть можетъ, больше и сильнѣе боролись съ римско-католицизмомъ въ ихъ странѣ, чѣмъ греческая церковь.

II.

Попытка папскаго Рима распространить римскій католицизмъ на Востокѣ при пособіи самихъ-же Грековъ: учрежденіе для этой цѣли греческой (учебно-воспитательной) коллегіи въ Римѣ.—Образцемъ для нея послужила т. н. германская коллегія въ Римѣ, происхожденіе германской коллегіи при папѣ Юліи III, учрежденіе ея по мысли Игнатія Лойолы, что сдѣлано этимъ послѣднимъ въ образовательномъ и дисциплинарномъ отношеніи для этой коллегіи:—полное устройство ея при папѣ Григоріи XIII, образовательная и дисциплинарная система этой коллегіи при названномъ папѣ,—краткія свѣдѣнія изъ исторіи этой коллегіи въ послѣдующее время.—Греческая коллегія въ Римѣ, ея происхожденіе при папѣ Григоріи XIII, цѣль и задача ея; замѣчательная заботливость его о греческой коллегіи, первые ученики

[1]) Ricaut. Histoire, p. 339—347.

[2]) Pichler. Geschichte des protestantismus in der oriental. Kirche im 17 Jahrhundert. S. 23. München, 1862.

ея, первые ректора ея, первые же кардиналы—попечители въ ней (сочувственное и несочувственное отношеніе къ ней этихъ послѣднихъ); подчиненіе ея ордену Іисуса;—свѣдѣнія о системѣ образованія и дисциплины въ этой коллегіи; введеніе въ ней т. н. Маріинской конгрегаціи съ цѣлію утвержденія въ ея питомцахъ (римско-католической) религіозности.—Важнѣйшіе питомцы ея: Левъ Аллацій,—Петръ Аркудій,—Паисій Лигаридъ.—Упадокъ греческой коллегіи и незначительность ея вліянія на Востокѣ.—Успѣхи римскаго католицизма на Востокѣ въ XIX-мъ вѣкѣ, свидѣтельство объ этомъ, пессимистическія предсказанія одного римско-католическаго писателя касательно будущности католической пропаганды на Востокѣ, утѣшительныя для православныхъ.—Отношеніе греческой церкви къ западной по даннымъ греческаго каноническаго сборника, именуемаго «Пидаліонъ», рѣзкость взглядовъ «Пидаліона»; свойства обыденныхъ, практическихъ отношеній представителей греческой церкви къ западной церкви.

Изъ того, что было раскрыто выше касательно отношеній турецкихъ властей къ греческой и латинской церквамъ, слѣдуетъ, что латинская пропаганда до XIX вѣка не могла имѣть успѣха на Востокѣ. Это понимали и папы. А потому папская курія хотѣла дѣйствовать другимъ путемъ для достиженія своихъ цѣлей. Она рѣшилась воспитать возможно большее число Грековъ въ духѣ папскихъ стремленій и такимъ образомъ незамѣтно чрезъ этихъ своихъ питомцевъ распространить идеи католицизма въ средѣ Греческой церкви. Въ этомъ отношеніи очень замѣчательна дѣятельность папы Григорія XIII (кон. XVI в.). Этотъ папа былъ основателемъ такого учрежденія въ Римѣ, которое назначалось къ тому, чтобы привести восточную церковь къ усвоенію католическихъ доктринъ. Разумѣемъ учрежденіе имъ коллегіи или высшей духовной школы для греческихъ юношей, родившихся за предѣлами Италіи.

Въ срединѣ XVI вѣка въ Римѣ появляются особыя образовательныя коллегіи, называющіяся національными (nationalia) или папскими (pontificalia). Первымъ именемъ онѣ называются потому, что въ каждой изъ нихъ имѣлось въ виду воспитывать юношей какой-нибудь одной націи, папскими же онѣ именуются потому, что онѣ возникли по распоряженію римскихъ первосвященниковъ и въ нихъ находятъ себѣ главныхъ покровителей. Цѣлію ихъ учрежденія было образовать людей, готовыхъ отправляться въ разныя страны, отпадшія отъ римско-католической религіи или же никогда ея не исповѣдовавшія, для возвращенія ихъ въ лоно римской церкви или же для водворе-

нія въ нихъ римско-католическаго исповѣданія. Ближайшимъ образомъ эти коллегіи одолжены своимъ возникновеніемъ извѣстному Игнатію Лойолѣ, который основалъ по крайней мѣрѣ первую изъ нихъ, такъ называемую германскую, т. е. назначенную для протестантской Германіи; эта первая коллегія появилась въ 1552 г., слѣдовательно спустя лишь 12 лѣтъ по основаніи знаменитаго ордена Іисуса. Германская коллегія послужила образцемъ для всѣхъ „національныхъ" коллегій, устроенныхъ потомъ въ Римѣ же.

Для насъ въ настоящемъ случаѣ исключительный интересъ представляетъ греческая коллегія, возникшая тамъ же и имѣвшая цѣлію при содѣйствіи воспитывавшихся въ ней греческихъ юношей привести греческую церковь на Востокѣ къ подножію папскаго престола. Но эта коллегія, какъ и прочія коллегіи, какъ мы уже упоминали, создалась по образцу старѣйшей изъ нихъ — германской; а потому, если мы хотимъ составить полное понятіе о греческой коллегіи, то неизбѣжно должны изучить прототипъ ея, чѣмъ прежде всего и займемся.

Мысль объ учрежденіи германской коллегіи въ Римѣ съ вышеуказаннымъ назначеніемъ въ чертахъ впрочемъ неясныхъ предносилась Лойолѣ тотчасъ по основаніи имъ ордена Іисуса. Но созрѣла она не вдругъ, а лишь только она достигла зрѣлости, какъ осуществленіе ея для энергическаго учредителя знаменитаго ордена потребовало не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Лойола успѣлъ убѣдить въ великой пользѣ германской коллегіи тогдашняго папу Юлія III, раскрылъ предъ нимъ свой планъ и началъ дѣйствовать. Не было денегъ для устроенія и поддержанія вновь возникавшаго учрежденія, но и въ этомъ случаѣ Лойола нашелся — какъ дѣйствовать. Учредитель ордена Іисуса объявилъ было папѣ Юлію, что орденъ его возьметъ на себя лишь духовное руководство въ германской коллегіи, но что управленіе его въ другихъ отношеніяхъ (мірскихъ), должно быть возложено на особую комиссію изъ кардиналовъ, которымъ дано было наименованіе попечителей (protectoren), но хотя эта комиссія создалась съ самаго же начала, въ дѣйствительности же вся тяжесть по устроенію коллегіи легла на плечи одного Лойолы. Онъ, какъ мы уже гово-

рили, не растерялся: онъ устроилъ коллегію, уставъ которой былъ выработанъ вновь, такъ какъ ничего похожаго раньше не существовало, и тѣмъ не менѣе эта коллегія сдѣлалась образцомъ не только для другихъ коллегій того же рода въ Римѣ, но и вообще для школъ римско-католическаго міра. Лойола такъ былъ увѣренъ въ себѣ и въ успѣхѣ своего предпріятія, что еще не появилась папская булла, санкціонировавшая основаніе коллегіи, мало того: не было еще ни одного ученика, предназначеннаго для коллегіи, а между тѣмъ онъ торжественно отпраздновалъ въ Римѣ открытіе германской коллегіи. Это было 28 октября, 1552 г. Быть можетъ, самое трудное дѣло заключалось въ томъ, чтобы собрать питомцевъ для учрежденія—въ самый короткій срокъ. Ибо требовалось навербовать не кого попало, а юношей преимущественно знатныхъ фамилій, одаренныхъ всѣми духовными и физическими качествами, навербовать ихъ въ отдаленной Германіи, враждебно настроенной къ Риму, папѣ, римско-католицизму. Да конечно и нелегко было убѣдить подобныхъ юношей покинуть отечество, ѣхать на чужую сторону, ради стремленій, которыя могли представляться несбыточной мечтой. Тѣмъ не менѣе первые питомцы явились вслѣдъ за открытіемъ коллегіи, такихъ было 27 юношей [1]).

Въ 1553 году появилась булла папы Юлія III, утверждавшая основаніе германской коллегіи. Булла эта сочинена была никѣмъ другимъ, а все тѣмъ же Лойолою. Въ ней говорилось: въ виду большой нужды въ добрыхъ дѣя-

[1]) Steinhuber. Geschichte des Collegium Germanicum. Band I, S. 6—8. 10. 14—15. Freib. im Br., 1895.—Полное заглавіе сочиненія такое: Gesch. des Collegium Germanicum Hungaricum. B. B. I—II. Авторъ сочиненія—кардиналъ, принадлежащій къ ордену Іисуса. Для нашей цѣли нуженъ собственно первый томъ. Мы очень рады, что сочиненіе это появилось очень кстати: оно даетъ намъ много любопытныхъ свѣдѣній. Оно написано съ теплотой и, повидимому, безпристрастно. Мы впрочемъ не намѣрены увлекаться имъ. Въ извѣстной энциклопедіи Herzog—Hauck'a (въ 3-мъ ея изданіи), въ Ш-мъ томѣ (Leipz., 1897) помѣщена статья: Collegia nationalia, главнымъ образомъ посвященная характеристикѣ Германской коллегіи. Но вотъ что интересно. Авторъ статьи, составляя ее, не знаетъ о существованіи на свѣтѣ книги Штейнгубера? Неужели въ Германіи труднѣе доставать нѣмецкія книги, чѣмъ въ Московскомъ университетѣ? Видно, не одни мы, а и нѣмецкіе ученые иногда сильно подрёмываютъ. И это встрѣчаемъ въ образцовой энциклопедіи...

теляхъ Господня виноградника, учреждается коллегія, въ которой юноши нѣмецкой націи будутъ обучаться подъ руководствомъ священниковъ ордена Іисуса древнимъ языкамъ, а также философіи и богословію и ими же будутъ подготовляться къ духовнымъ должностямъ, чтобы они по достиженіи зрѣлости по возрасту, а также въ наукѣ и добродѣтели, могли въ качествѣ неустрашимыхъ борцовъ за вѣру возвратиться въ отечество и здѣсь примѣромъ своего поведенія приводить другихъ ко Христу, проповѣдовать слово Божіе, наставлять, раскрывать тайный ядъ еретическихъ ученій, опровергать явныя заблужденія, наконецъ самую вѣру распространять всѣми мѣрами и тамъ, гдѣ она искоренена, снова насаждать ее, ради спасенія душъ.—Для смотрѣнія за ходомъ дѣлъ коллегіи булла назначаетъ шесть кардиналовъ—попечителей, освобождаетъ это учрежденіе отъ всякой визитаціи и зависимости отъ римскаго сената и блюстителей (rectoren) народнаго просвѣщенія (Studium generale), предоставляетъ ему свободу отъ податей, подчиняетъ непосредственно „апостольскому престолу“, даруетъ ему всѣ привилегіи, принадлежащія римскому университету и право возводить въ ученыя степени.—Во главѣ управленія коллегіею поставленъ ректоръ [1]).

Вслѣдъ за изданіемъ буллы появился уставъ германской коллегіи, составленный неутомимымъ Лойолою. Задача была не изъ простыхъ: приходилось писать уставъ для учрежденія совершенно новаго строя, и тѣмъ не менѣе Лойола,—какъ увѣряетъ историкъ „Германской Коллегіи“—составилъ такой уставъ, который сдѣлался образцомъ и идеаломъ для безконечнаго числа семинарій [2]). Уставъ этотъ раздѣляется на три отдѣла, въ которыхъ излагаются правила: 1) о выборѣ воспитанниковъ, 2) о порядкахъ внутренней жизни въ коллегіи и 3) о возвра-

---

[1]) Gesch. des Collegium Germanicum, S. 14.

[2]) Въ исторіи педагогики, и по нашему сужденію, «Уставъ» Лойолы сыгралъ большую роль. Всѣ важнѣйшія греческія школы константинопольскаго патріархата, старо-кіевская Академія, дореформенныя духовныя академіи и семинаріи въ Россіи—носили или еще и теперь носятъ въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ черты указаннаго устава, по очень понятной причинѣ: всѣ школы всегда устроются по готовымъ образцамъ, съ нѣкотораго рода измѣненіями, вызываемыми разными обстоятельствами.

щеніи воспитанниковъ на родину. Для насъ, конечно, представляютъ интересъ лишь два первые отдѣла.

Воспитанники должны набираться въ Германіи, Швейцаріи и сѣверныхъ странахъ, зараженныхъ протестантскою ересью, они должны знать нѣмецкій языкъ, имѣть возрастъ отъ 15 до 20 лѣтъ. Старшіе же этого возраста принимаются въ коллегію лишь въ случаѣ исключительныхъ дарованій. Всѣ они должны отличаться гибкимъ характеромъ и воспріимчивостью; имѣть крѣпкую организацію, быть благообразны и производить пріятное впечатлѣніе, имѣть хорошія дарованія и отличаться правильнымъ взглядомъ на вещи. Они должны обладать чистымъ и привлекательнымъ произношеніемъ словъ, такъ какъ сообразно ихъ призванію они обязаны возвѣщать слово Божіе не только на урокахъ, лекціяхъ, въ проповѣдяхъ, но и въ бесѣдахъ какъ частныхъ, такъ и публичныхъ. Вообще они должны быть благонравны, изъ которыхъ могли бы выйти люди хорошіе и усердные: на этотъ счетъ слѣдуетъ имѣть удостовѣреніе отъ лицъ, заслуживающихъ уваженіе. Всѣ они обязаны дать обѣтъ, что въ теченіе всей жизни пребудутъ послушны папѣ, римской церкви и католической религіи. Кардиналы—попечители, по уставу, обязаны были поручать извѣстнымъ лицамъ отыскиваніе способныхъ молодыхъ людей, ознакомлять ихъ съ уставомъ коллегіи и только такихъ отправлять въ Римъ, которые выражаютъ согласіе слѣдовать этому уставу. Таковыхъ питомцевъ для коллегіи обыкновенно искали среди студентовъ университетовъ и преимущественно изъ числа подданныхъ протестантскихъ королей. По благополучномъ прибытіи въ Римъ будущіе питомцы коллегіи старательно испытывались ректоромъ и принимались въ коллегіи не иначе, какъ *по отреченіи отъ всѣхъ заблужденій* [1]).

Касательно внутренней жизни въ коллегіи „Уставъ" Лойолы предписывалъ слѣдующее: прежде всего воспитанникамъ самымъ точнымъ образомъ должно внушать ихъ будущее назначеніе. О наукѣ въ уставѣ встрѣчаемъ такія разсужденія: такъ какъ та наука полезна и плодотворна, которая основывается на благочестіи и такъ какъ

---

[1]) Gesch. der Collegium Germanicum, S. 19—20. Слич. 8.

христіанинъ—студентъ долженъ имѣть въ виду не столько успѣхи въ познаніяхъ, сколько духовное усовершенствованіе, то воспитанники по вступленіи сюда въ теченіе 8—10 дней должны упражняться въ духовномъ дѣланіи, т. е. въ такомъ, которое ведетъ къ просвѣтленію души, къ возбужденію страха Божія и устремленію духа къ Богу, такъ чтобы усвоивъ эту святую привычку съ самаго начала, потомъ охотнѣе посвящали небольшую часть дня на испытаніе своей совѣсти и на святыя молитвы и молитвенныя размышленія. Уставъ предписывалъ также ежедневно присутствовать при совершеніи мессы, посѣщать праздничныя богослуженія, и по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ очищать себя покаяніемъ и пріобщаться. Входить въ сношенія съ посторонними лицами воспитанники могутъ только съ вѣдома и разрѣшенія ректора и являться къ нимъ съ назначеннымъ для этого проводникомъ. Къ ректору воспитанники обязаны относиться съ великимъ почтеніемъ и на его внушенія взирать не какъ человѣческія, а какъ божественныя вразумленія, они должны вѣрить, что ректоръ есть прямое орудіе, посредствомъ котораго дѣйствуетъ самъ Богъ (!); они должны послушно нести возлагаемыя на нихъ наказанія (die Bussen) за небольшіе проступки. Что же касается большихъ проступковъ, то уставъ не считаетъ нужнымъ и говорить о нихъ, такъ какъ не предполагаетъ возможнымъ, чтобы они находили себѣ мѣсто въ такомъ святомъ общежитіи. При чемъ уставъ прибавляетъ: если же однакожъ подобные случаи встрѣтятся (отъ чего да хранитъ Богъ!), то виновный немедленно долженъ быть изгнанъ изъ дома, какъ овца паршивая.—Содержаніе воспитанниковъ должно быть хорошее; имъ не слѣдуетъ предписывать никакихъ особливыхъ постовъ и никто изъ нихъ не можетъ допускать никакихъ прибавленій къ обычнымъ постамъ безъ разрѣшенія ректора.—Одежда должна быть приличная и цѣлесообразная, всѣ должны носить шляпу, принятую въ духовенствѣ и плащъ (Talar) по образцу, утвержденному попечителями. Интересно узнать, что когда потомъ въ средѣ кардиналовъ—попечителей зашла рѣчь о цвѣтѣ одежды коллегіантовъ, то они опредѣлили, чтобы одежда этихъ послѣднихъ была краснаго цвѣта. Когда же они въ та-

каго цвѣта одеждѣ стали появляться на улицахъ вѣчнаго города, то на нихъ посыпались насмѣшки и остроты, что приводило въ отчаяніе коллегіантовъ. О печали воспитанниковъ по этому случаю ректоръ вошелъ съ докладомъ къ попечителямъ, которые могли посовѣтовать только—одно: терпѣніе, ибо цвѣтъ одежды былъ выбранъ Лойолой; красную одежду питомцы этой коллегіи носятъ еще и въ наши дни.—Уставъ возлагаетъ на ректора заботу о томъ, чтобы воспитанники постоянно упражнялись въ чемъ нибудь полезномъ: въ писаніи, въ диспутированіи, въ сказываніи примѣрныхъ уроковъ и такихъ же проповѣдей. Уставъ не забываетъ и развлеченій для питомцевъ, указывая такія, которыя служатъ къ тѣлесному укрѣпленію и душевному освѣженію. Деньги воспитанники обязывались вручать ректору и безъ его позволенія ничего не могли покупать, даже книгъ.—Уставъ коллегіи въ этой именно формѣ просуществовалъ 20 лѣтъ, а потомъ въ него внесены измѣненія, но во всякомъ случаѣ основныя мысли устава Игнатія Лойолы почти цѣликомъ вошли и въ новый уставъ коллегіи [1]).

Въ уставѣ Лойолы очень мало говорится о курсѣ наукъ, проходимомъ коллегіантами, но это потому, что науки они изучали не въ самой коллегіи. Тѣмъ не менѣе Лойола прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы духовному воспитанію коллегіантовъ соотвѣтствовало и научное ихъ развитіе. За годъ до основанія германской коллегіи орденъ Іисуса учредилъ въ Римѣ публичную школу—Romanum collegium, въ которой однакожъ изучалась лишь словесность (die Humaniora)—латинскій, греческій и еврейскій языки. Но этого, конечно, было недостаточно. Лойола постарался ради нѣмецкихъ воспитанниковъ его коллегіи открыть философскій и богословскій факультеты при Romanum Collegium. Эти факультеты торжественно были открыты въ 1553 году. Римская коллегія получила потомъ названіе Академіи. Программа преподаванія наукъ здѣсь была введена таже, какая существовала въ Парижскомъ университетѣ. Для занятія новыхъ каѳедръ въ римской академіи Лойола назначилъ самыхъ лучшихъ про-

[1]) Ibidem, S. 20—21. 24.

фессоровъ, какіе только нашлись во всемъ орденѣ [1]).— Распоряженія Лойолы относительно изученія наукъ коллегіантовъ служатъ естественнымъ восполненіемъ его „Устава".

На основаніи „Устава" составлены были болѣе подробныя правила, которыми должны были воспитанники руководствоваться въ своей жизни въ коллегіи; часть этихъ правилъ начертана рукою все того же Лойолы. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ правилъ, какъ представляющія восполненіе Устава. Коллегіанты ежедневно утромъ и вечеромъ обязаны посвящать по получасу благочестивымъ размышленіямъ, объ этомъ имъ возвѣщалось посредствомъ колокола. Предписано было имъ преуспѣвать во всѣхъ добродѣтеляхъ, ибо на нихъ, по выраженію правилъ „устремлены глаза всѣхъ христіанскихъ народовъ". Корреспонденція ихъ просматривается ректоромъ. Воспитанники не имѣютъ права въ неуказанное время разговаривать другъ съ другомъ, впрочемъ въ неизбѣжныхъ случаяхъ, а также о предметахъ научныхъ позволялось имъ перемолвиться между собою, но не иначе, какъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, при открытыхъ дверяхъ и тихо,—не нарушая порядка. Питомцы коллегіи обязаны были выучиться говорить по итальянски; для этой цѣли, послѣ того, какъ они достаточно усвоютъ латинскій языкъ, имъ предписывалось въ теченіе года говорить исключительно по итальянски, ибо—добавляпъ Лойола—нельзя не знать имъ языка Рима, этой „родины католической религіи". Имъ внушалось любить и уважать своихъ учителей (чего, какъ извѣстно, нынче не внушается студентамъ). Правила выражаютъ большую заботливость о здоровьѣ коллегіантовъ. Во время общаго выхода воспитанниковъ изъ дома, ихъ должны каждый разъ сопровождать два монаха (Religiosen). Если воспитанникъ оскорбитъ своего товарища, то на виновнаго возлагалось слѣдующее наказаніе: въ теченіе трехъ дней недѣли за обѣдомъ и ужиномъ ему давался неполный столъ, а лишь тарелка супу, хлѣбъ и стаканъ вина. Рукою Лойолы между прочимъ добавлены еще такія правила: воспитанники выбираютъ духовника по своей волѣ,

[1]) Ibidem, S. 26.

но выбравъ его не имѣютъ права перемѣнять; склонять коллегіантовъ къ поступленію въ орденъ Іисуса воспрещалось [1]).

По смерти Лойолы, самое большое значеніе въ устроеніи и развитіи германской коллегіи имѣлъ папа Григорій XIII (1573—1586 г.). Въ теченіе своего правленія римскою церковію этотъ папа прилагалъ всевозможныя попеченія объ указанномъ институтѣ. При предшественникахъ Григорія XIII, по смерти Лойолы († 1556 г.) дѣла коллегіи пришли въ нѣкоторый упадокъ, численность коллегіантовъ была незначительна, завелись было порядки въ коллегіи, грозившіе исказить задачу учрежденія. Все это рѣшился исправить Григорій и дать коллегіи лучшее и прочное устройство. Съ этимъ намѣреніемъ въ годъ восшествія на престолъ, этотъ папа издалъ буллу; въ ней есть нѣкоторыя любопытныя черты, съ которыми познакомимся слегка. Булла опредѣляла, чтобы воспитанниковъ въ коллегіи было не менѣе 100 (изъ Германіи и пограничныхъ сѣверныхъ странъ), и чтобы они изучали, кромѣ древнихъ языковъ, курсы философіи и богословія, а также проходили и науку каноническаго права. На содержаніе коллегіи булла назначала 10,000 дукатовъ, которые, пока не устроются финансы коллегіи, слѣдовало заимствовать изъ папскаго казначейства. Управленіе коллегіею попрежнему должно было оставаться въ распоряженіи ордена Іисуса. Въ очень точныхъ выраженіяхъ булла перечисляетъ привилегіи, принадлежащія коллегіи и опредѣленныя еще буллою Юлія III, при чемъ съ особеннымъ удареніемъ говорилось о правѣ коллегіи раздавать академическія степени (чѣмъ однакожъ, въ видахъ соблюденія безпристрастія, въ теченіе полустолѣтія она не пользовалась: воспитанники пріобрѣтали ученыя степени въ университетѣ). Упорядочивалась коммиссія кардиналовъ—попечителей, и точнѣе опредѣлялись ея отношенія къ коллегіи. Въ заключеніе булла даруетъ воспитанникамъ коллегіи полное отпущеніе содѣянныхъ ими ранѣе грѣховъ—въ день вступленія ихъ въ заведеніе и въ день выхода изъ него, по окончаніи курса, а также въ часъ смертный

[1]) Ibidem, S. 24—26.

для тѣхъ изъ нихъ, которые скончаются во время пребыванія въ томъ же заведеніи [2]).

Григорій не ограничился изданіемъ вышеозначенной буллы, но въ 1584 г. издалъ еще „Уставъ“ коллегіи, который имѣлъ тоже форму буллы. Этотъ „Уставъ“ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ въ существѣ дѣла остается неизмѣннымъ въ дальнѣйшіе три вѣка и служилъ образцомъ для школьныхъ учрежденій подобнаго же рода. Въ „Уставѣ“ Григорія XIII находимъ немало любопытныхъ правилъ касательно пріема воспитанниковъ, дисциплины коллегіи, научной стороны въ ней.—Въ опредѣленныя мѣста Германіи посылаются благочестивые и способные люди, которые должны заботиться о пополненіи коллегіи новыми даровитыми юношами; этихъ юношей они обязаны подвергать предварительному экзамену. Второй экзаменъ для этихъ лицъ, поступающихъ въ коллегію, происходилъ въ Римѣ, по ихъ прибытіи, и производился ректоромъ и тремя присяжными экзаменаторами. Кандидаты на поступленіе въ коллегію должны были знать два языка—латинскій и нѣмецкій. Нормальнымъ возрастомъ ихъ считались лѣта около 20: они должны быть подготовлены для изученія философіи и богословія. Вновь поступающіе воспитанники обязывались дать клятву или тотчасъ по вступленіи въ коллегію или же по прошествіи шести пробныхъ мѣсяцевъ. Они должны съ клятвою засвидѣтельствовать, что они имѣютъ непремѣнное намѣреніе посвятить себя духовному званію, что они примутъ посвященіе, когда прикажетъ начальство, что они не будутъ заниматься юридической наукой и медициной съ цѣлію сдѣлаться потомъ юристами или врачами, что вообще они не будутъ домогаться никакой другой карьеры и въ особенности придворныхъ званій и что наконецъ они воротятся въ отечество, по окончаніи наукъ, по указанію своего начальства. Поступающіе въ коллегію подвергаются довольно продолжительному испытанію по части поведенія, въ два срока. Первый продолжается 40 дней, въ теченіе которыхъ кандидаты, по совершеніи исповѣди, получаютъ свѣдѣнія о ихъ будущихъ обязанностяхъ и на-

---

[1]) Ibidem, 91—93.

чинаютъ исполнять ихъ, а также начинаютъ посѣщать лекціи. Второй срокъ обнимаетъ полугодіе, со включеніемъ первыхъ 40 дней и заканчивается онъ совершеніемъ вышеупомянутой клятвы. Воспитанники не выдержавшіе искуса, исключались; къ числу поводовъ къ исключенію „Уставъ" относитъ: выходъ изъ общежія безъ провожатаго, случай пьянства, ненадлежащее поведеніе въ храмѣ и проч.

Касательно дисциплины новаго въ „Уставѣ" немного. Относительно религіозныхъ упражненій повторяются прежнія правила. Къ нимъ прибавлено, кажется, только то, что предписывается коллегіантамъ въ праздничные дни читать и пѣть въ церкви. За годъ до окончанія курса воспитанники обязываются принять санъ священника, за исключеніемъ недостигшихъ каноническаго возраста, необходимаго для посвященія.

Статьи Устава о научныхъ занятіяхъ не обширны. Воспитанники слушаютъ лекціи только въ Collegium Romanum (римская академія). При чемъ на изученіе теологіи (схоластической) опредѣлено 4 года,—философіи 3 года, и на изученіе casus conscientiae (т. е. на изученіе краткаго курса богословія или т. н. казуистики, то есть главнымъ образомъ нравственнаго богословія) тоже 3 года. Къ пріобрѣнію степени доктора Богословія позволялось допускать только тѣхъ, кто, кромѣ научныхъ познаній, отличаются добродѣтелями, и имѣютъ санъ священника; расходы въ этомъ случаѣ коллегія на себя не принимала. По окончаніи курса, воспитанники еще мѣсяцъ могли оставаться въ коллегіи, а по истеченіи этого срока должны были покидать не только ее, но и Римъ, за исключеніемъ тѣхъ, кто удерживался на должности при томъ же заведеніи.

Въ разсматриваемомъ Уставѣ находимъ немало правилъ, регулирующихъ обязанности ректора коллегіи. Ректоръ долженъ употреблять всѣ мѣры къ утвержденію любви и согласія между воспитанниками, воспитывать въ нихъ любовь ко всѣмъ народамъ, ежемѣсячно дважды, а въ посты еженедѣльно посредствомъ проповѣди внѣдрять въ ихъ сердцахъ страхъ и любовь къ Богу, а также не отказывать въ своемъ участіи и тѣмъ изъ нихъ, которые уже воротились на родину, но получать свѣдѣнія о ихъ

дѣятельности и въ потребныхъ случаяхъ доставлять имъ утѣшеніе. Въ Уставѣ перечислены были и другія обязанности ректора. Такъ какъ въ Уставѣ начертаны были лишь общія правила для жизни коллегіантовъ, то папа тутъ-же требовалъ, чтобы начальство коллегіи озаботилось составленіемъ болѣе подробныхъ правилъ для той же цѣли; при этомъ имъ предписывалось руководствоваться въ этомъ случаѣ не порядками и обычаями ордена Іисуса, къ которому принадлежало начальство, а канонами и обыкновеніями, предписываемыми для руководства бѣлымъ (мірскимъ) священникамъ [1]).

Во времена Григорія XIII германская коллегія достигла цвѣтущаго состоянія и благоустройства. Главное зерно воспитанниковъ составили тѣ, кои находились въ коллегіи до временъ преобразованія при этомъ папѣ; ихъ было немного—27 юношей, но они носили въ душѣ идеалы основателя коллегіи—Лойолы. Эти питомцы, составившіе первенцовъ обновленной коллегіи, стали извѣстны въ исторіи школы съ именемъ „золотыхъ" питомцевъ. Начальство заведенія очень строго смотрѣло за соблюденіемъ въ немъ порядка и установленій. Но однакожъ отъ воспитанниковъ требовалось не то послушаніе, которое принадлежитъ солдату, а то, которое отличаетъ христіанина, руководствующагося любовію и радостнымъ сознаніемъ долга. Дисциплина была строга, но чужда крайностей: принято было принаравливаться къ характеру индивидуума. Но однакожъ бывали случаи, когда, строгость брала верхъ надъ всѣми посторонними соображеніями. Такъ одного воспитанника, написавшаго любовное письмо, немедленно исключили, не давъ ему ни свидѣтельства, ни дорожныхъ денегъ. Образъ жизни въ коллегіи былъ точно урегулированъ. Воспитанники пріучались къ вѣжливому, привѣтливому и согрѣтому нравственнымъ чувствомъ обращенію, каковое свойственно будущимъ пастырямъ церкви.—Для поддержанія порядка и дисциплины въ комнатахъ (номерахъ), въ каждой изъ которыхъ помѣщалось отъ 10 до 12 воспитанниковъ, учреждена была должность префекта; эту должность исполнялъ молодой итальянскій священникъ, бѣлецъ, по-

[1]) Ibidem, 145—147. 151—153.

лучавшій за это очень скромное годовое жалованье. Въ первое время существованія коллегіи было обыкновеніе дѣлать префектами (по нашему, старшими) болѣе надежныхъ воспитанниковъ, но потомъ это обыкновеніе упразднилось, отчасти вслѣдствіе того, что исполненіе должности префекта соединено было съ потерей времени. Однимъ изъ полезныхъ средствъ къ поддержанію дисциплины служилъ слѣдующій обычай: два раза въ годъ воспитанникамъ позволялось излагать, замѣченные ими, въ предъидущее время, безпорядки и недостатки, будутъ ли они касаться общежитія или церкви; такія замѣтки, съ соблюденіемъ однакожъ правила: nomina odiosa sunt, представлялись ректору, который потомъ сообщалъ о замѣченномъ собранію воспитанниковъ и увѣщевалъ исправить случавшіеся недостатки.—Въ теченіе каникулъ коллегіанты совершали благочестивыя путешествія въ древнѣйшій монастырь Монтекассино или къ Лоретской Божіей Матери и въ другія мѣста [1]).

Научныя занятія въ коллегіи поставлены были при Григоріи XIII на надлежащую высоту. Была устроена въ коллегіи хорошая библіотека. Наблюденіе за ходомъ научныхъ занятій было поручено особому префекту, посѣщеніе лекцій учениками въ коллегіи Римской (Академіи) велось самымъ точнымъ образомъ, появились репетиторы для изучающихъ философію и богословіе. Устроялись очень часто диспуты: они происходили каждое воскресенье въ присутствіи всѣхъ патеровъ коллегіи и не вполнѣ прекращались и въ каникулярное время. Иногда диспуты совершались торжественно и сопровождались пѣніемъ и музыкой. Наилучшіе ученики достигали степени доктора теологіи, получая ее въ университетахъ Болоньскомъ и Сіенскомъ (обыкновенно по дорогѣ на родину), при чемъ имя германской коллегіи скоро стало славнымъ въ указанныхъ университетахъ. — Григорій XIII обратилъ вниманіе и на внѣшнее состояніе „Римской коллегіи", перестроилъ ее, умножилъ ея матеріальныя средства, такъ что она сдѣлалась истинно благоустроенною Академіею [2]).

Григорій дважды удостоилъ своими торжественными

1) Ibidem, S. 96. 118. 165.
2) Ibidem, S. 161, 164.

посѣщеніями германскую коллегію; блестящая свита кардиналовъ и прелатовъ сопровождала его; эти посѣщенія имѣли большое вліяніе на развитіе учрежденія, привлекши къ нему вниманіе высшаго католическаго духовенства. Число воспитанниковъ въ коллегіи достигало при этомъ папѣ до 150, чего не было ни раньше, ни впослѣдствіи [1].

Спѣшимъ закончить затянувшуюся нашу рѣчь о германской коллегіи. Изъ дальнѣйшей ея исторіи упомянемъ лишь о преобразованіи, внесенномъ папою Климентомъ VIII въ 1592 г., и касающемся программы преподаванія наукъ коллегіантамъ. Курсъ богословія, по волѣ Климента, очень расширенъ: кромѣ спекулятивнаго богословія (схоластика), приказано было преподавать и положительное богословіе, къ которому, кромѣ казуистической морали, отнесены каноническое право и полемическое богословіе (оба эти предмета при Григоріи не изучались коллегіантами), при чемъ подъ именемъ полемическаго разумѣлись не одни собственно контроверсы (искусство споровъ), но и науки, полезныя въ борьбѣ съ заблужденіями, какъ то экзегезисъ (св. Писаніе) и восточные языки [2].

Германская коллегія существуетъ въ Римѣ и по сію пору [3].

При знаменитомъ папѣ Григоріи XIII, по образцу германской коллегіи, съ тѣми же цѣлями, какъ эта, открыты были въ Римѣ постепенно еще слѣдующія коллегіи: греческая, англійская, венгерская (которая потомъ слилась съ германской), маронитская и иллирико-ѳракійская [4]. Всѣ воспитанники этихъ коллегій на папскомъ языкѣ

---

[1]) Ibidem, S. 96. 159—160. 154.

[2]) Idid., S. 196—8.

[3]) Возможно, что иной читатель упрекнетъ насъ за излишнюю подробность изложенія извѣстій касательно германской коллегіи, но въ свое оправданіе приведемъ слѣдующее: не имѣя точнаго и обстоятельнаго знанія первоначальныхъ моментовъ исторіи вышеуказанной коллегіи, трудно составить понятіе и о греческой коллегіи, наиболѣе намъ интересной. Наши свѣдѣнія о послѣдней, хотя и не совсѣмъ скудны, но вообще недостаточны: они даютъ возможность изучать предметъ лишь немного глубже поверхности. Во всякомъ же случаѣ смѣемъ полагать, что, если и допущены нами излишки въ описаніи германской коллегіи, то всёже въ цѣломъ это описаніе едва-ли можно находить малоинтереснымъ.

[4]) Herzog—Hauck. Beal—Enzyklopädie. B. IV. 3 te. Auflage Leipz., 1897. (Статья: Collegia nationalia, S. 229).

именовались „питомцами св. престола“. Изъ послѣдующей судьбы всѣхъ этихъ коллегій отмѣтимъ то, что въ срединѣ XVII-го вѣка, по опредѣленію папскому, воспитанники этихъ учрежденій поступили въ вѣдѣніе особой римской конгрегаціи пропаганды (конгрегація de propaganda fide), при чемъ, вступивъ на поприще для дѣятельности, обязывались ежегодно, или же чрезъ два года (въ случаѣ отдаленности) извѣщать конгрегацію о своемъ мѣстопребываніи, положеніи и трудахъ, вслѣдствіе чего коллегіанты стали менѣе зависѣть отъ ордена Іисуса, такъ какъ конгрегація пропаганды не находится въ рукахъ названнаго ордена [1]).

Но обратимся къ греческой коллегіи. Греческая коллегія открыта была 13 января 1577 года. Вотъ обстоятельства, при которыхъ совершилось это знаменательное событіе. Первоначально думали открыть коллегію, имѣя въ виду Грековъ Италіи, Неаполитанскаго государства и Сициліи. Но вскорѣ взгляды измѣнились. Рѣшено было основать коллегію для воспитанія греческихъ юношей съ Востока. Въ этомъ случаѣ большое значеніе имѣлъ одинъ латинскій прелатъ, Каспаро да-Урбино; ему пришлось долго прожить въ Греціи, при чемъ онъ хорошо выучился какъ разговорному такъ и литературному греческому языку. Онъ пришелъ къ мысли, что Грековъ можно обратить въ римскій католицизмъ, а потому, возвратившись въ Римъ, онъ предложилъ Григорію XIII создать коллегію для греческихъ юношей восточнаго происхожденія, въ надеждѣ, что они потомъ посодѣйствуютъ къ переходу Восточной церкви на сторону папизма. Предложеніе Каспаро да-Урбино встрѣтило себѣ противодѣйствіе въ лицѣ нѣкоторыхъ вліятельныхъ кардиналовъ. Такъ нѣкоторые кардиналы говорили папѣ, что учреждать для Грековъ коллегію это все равно, что отогрѣвать змѣю на своей груди. Но между кардиналами же нашлись лица, которыя тепло отнеслись къ предложенію прелата да-Урбино. Въ числѣ ихъ былъ кардиналъ Антоніо Колонна, который находилъ, что уже ради множества святыхъ, принадлежащихъ восточной церкви и чтимыхъ христіанскимъ міромъ,

[1]) Ibidem, 231. Steinhuber, B. II, S. 26. 31.

слѣдуетъ обратить вниманіе на греческій Востокъ. Дѣло пошло на ладъ, тѣмъ болѣе, что самъ папа отъ души сочувствовалъ вышеуказанному плану учредить греческую коллегію для восточныхъ Грековъ. Планъ осуществился, и этому особенно радовался да-Урбино. Онъ часто посѣщалъ коллегію и смотрѣлъ на нее, какъ на родное дѣтище [1]).

Первыхъ учениковъ для греческой коллегіи набрали изъ греческихъ областей и острововъ, принадлежащихъ главнымъ образомъ венеціанской республикѣ: многіе епископы и вельможи этой республики разослали посланія на разные острова, въ Корфу, Кандію, съ цѣлью—привлечь греческихъ юношей въ коллегію и старанія ихъ не остались безъ успѣха. Мало того, многіе венеціанскіе вельможи, проживавшіе въ Римѣ, съ чисто - родственнымъ чувствомъ встрѣчали, навербованныхъ для коллегіи, Грековъ, одѣвали ихъ, давали имъ пристанище и вообще содержа-

1) Legrand. Bibliographie Hellénique au dixseptième siècle. T. III, p. 482. 484. Paris. 1895.—Указанный томъ сочиненія Леграна имѣетъ большое значеніе по отношенію къ изученію греческой коллегіи. Здѣсь мы встрѣчаемъ «приложеніе» (appendice), въ которомъ въ первый разъ изданы документы, имѣющіе ближайшее отношеніе къ исторіи этой коллегіи. Такъ здѣсь находимъ сдѣланное Петромъ Аркудіемъ описаніе открытія и первоначальнаго устроенія коллегіи, подъ заглавіемъ: Collegii Graecorum de urbe primordia (p. 481—493). Документъ представляетъ автографъ Аркудія (объ Аркудіи скажемъ ниже), написанный на итальянскомъ языкѣ. Воспроизводя этотъ автографъ, издатель говоритъ, что онъ имѣетъ большое значеніе, такъ какъ отсюда можно заимствовать такія свѣдѣнія о происхожденіи греческой коллегіи, какія мы напрасно стали бы искать еще гдѣ-либо. Автографъ извлеченъ издателемъ изъ римскаго архива греческой коллегіи, но къ сожалѣнію документъ много пострадалъ отъ времени и въ такомъ неисправномъ видѣ и отпечатанъ (p. 480). Въ томъ же «приложеніи» (p. 494—513) издатель напечаталъ нѣкоторые другіе документы, касающіеся внутренняго состоянія той-же коллегіи; они заимствованы изъ ватиканской библіотеки и написаны по итальянски. Содержаніемъ эти документы небогаты; на нихъ во всякомъ случаѣ можно видѣть, какъ далеко простиралось вліяніе коллегіи германской на греческую. Но для нашего дѣла и эти документы очень цѣнны. Имѣютъ немалое значеніе для изучающаго греческую коллегію и біографіи, помѣщенныя Леграномъ въ этомъ же томѣ, ибо здѣсь встрѣчаемъ очерки жизни питомцевъ названной коллегіи—Льва Алляція, Аркудія и друг. Французскому ученому мы истинно благодарны. Въ какомъ жалкомъ состояніи находился вопросъ о греческой коллегіи въ наукѣ, это видно изъ статьи помѣщенной въ энциклопедіи Герцога—Гаука и цитированной нами выше (Collegia nationalia), по ней нельзя составить никакого понятія объ этой коллегіи, и едвали въ этомъ можно винить автора статьи. (Прежняя литература по данному вопросу была очень скудна).

ли ихъ на свой счетъ, пока прибывшіе не устроились въ коллегіи. Поэтому, прелатъ Каспаро да-Урбино, принимавшій живое участіе въ открытіи указаннаго учрежденія, въ знакъ благодарности къ венеціанскимъ архіереямъ и вельможамъ, содѣйствовавшимъ вербовкѣ первыхъ греческихъ коллегіантовъ, приказалъ имъ носить на головѣ венеціанскіе береты (le berette) [1]).

Для помѣщенія коллегіи купленъ былъ особый домъ съ прекраснымъ садомъ, но мѣстность выбрана была не совсѣмъ удачно: многіе изъ воспитанниковъ стали хворать вслѣдствіе гигіеническихъ недостатковъ мѣстоположенія зданія.—Для содержанія коллегіи папа Григорій не назначилъ опредѣленной суммы, но за то изыскалъ источники, откуда заведеніе могло получать средства, для покрытія расходовъ. Такъ, когда сдѣлалась вакантною епископская каѳедра въ г. Киссамо на о. Кандіи, Григорій назначилъ доходы ея въ теченіе 15 лѣтъ на содержаніе коллегіи [2]). Часть доходовъ греческая коллегія должна была получать отъ германской коллегіи. Именно Григорій предоставилъ этой послѣдней въ распоряженіе одно аббатство, но съ тѣмъ, чтобы начальство ея выплачивало между прочимъ пенсіи, идущія отъ этого аббатства въ пользу нѣкоторыхъ изъ числа бѣдныхъ кардиналовъ. Но когда была учреждена греческая коллегія, тотъ же папа приказалъ одну изъ вышеуказанныхъ пенсій, по смерти перваго кардинала — пенсіонера, отчислять въ пользу этой коллегіи. Пенсія эта равнялась 1000 дукатовъ. А въ 1581 году Григорій передалъ въ вѣдѣніе той же коллегіи богатое аббатство Милето въ Калабріи, конечно съ тѣмъ, чтобы доходы съ аббатства шли на нужды греческой коллегіи [3]). Впослѣдствіи, другіе папы еще болѣе усилили матеріальныя средства разсматриваемаго учрежденія.

Григорій XIII относился съ замѣчательною заботливостію къ греческой коллегіи. Этотъ папа питалъ большое благоговѣніе къ св. Григорію Богослову, имя котораго онъ и носилъ самъ, почему устроилъ во славу этого восточнаго отца великолѣпную капеллу; онъ даже хотѣлъ

[1]) Legrand, p. 485.
[2]) Ibidem, p. 482—483.
[3]) Steinhuber. Gesch. des Collegium Germanicum. B. II, S. 14.

ыло соорудить въ честь этого святаго храмъ въ грече-
кой коллегіи, но потомъ перемѣнилъ свое намѣреніе, соз-
авъ для этой коллегіи храмъ во имя св. Аѳанасія Алек-
андрійскаго, вѣроятно потому, что Григорій Богословъ
е имѣлъ никакого отношенія къ Риму, а Аѳанасій имѣлъ
чень близкое. Устройство этой церкви стоило папѣ нѣ-
колько тысячъ лиръ. О папѣ Григоріи извѣстно, что онъ
еопустительно каждый годъ по разу запросто посѣщалъ
реческую коллегію, бывалъ въ столовой, справлялся о
ислѣ воспитанниковъ, выражалъ желаніе, чтобъ ихъ бы-
о больше. Въ эти времена въ коллегіи было до 60-ти
оспитанниковъ. Но и этого мало. Папа иногда устраи-
алъ у себя пиръ (banchetto), на который приглашалъ всю
оллегію, самъ садился съ воспитанниками ея, и особен-
о ласково обходился съ тѣми изъ нихъ, которые отлича-
ись хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ [1]).

Сохранились свѣдѣнія и о первыхъ ректорахъ грече-
кой коллегіи. Но сравнивая извѣстія о нихъ съ тѣми из-
ѣстіями, какія сохранились о ректорахъ германской кол-
егіи того же времени, можно думать, что въ ректора пер-
ой коллегіи (греческой) ставились лица менѣе извѣстныя
вліятельныя, чѣмъ какія были въ послѣдней. Судя по
менамъ и нѣкоторымъ замѣткамъ о ректорахъ греческой
оллегіи—это были итальянцы. Первымъ ректоромъ былъ
акой-то Круциферо. О нѣкоторыхъ изъ нихъ повѣство-
атель (Аркудій) дѣлаетъ очень хорошіе отзывы. Впрочемъ
е всѣ, безъ исключенія, ректора были итальянцы; одинъ
зъ нихъ въ нашихъ извѣстіяхъ названъ кипріотомъ, слѣ-
овательно былъ Грекъ [2]).

Въ коллегіи воспитанники изучали греческій языкъ
безъ сомнѣнія и латинскій). Преподаваніемъ занимался
екторъ, но кромѣ его были и еще учителя этого языка.
акими преподавателями иногда бывали столь превосход-
ые знатоки греческаго языка, что потомъ слѣдующіе за
ими казались даже ученикамъ ничего незнающими, да
ѣроятно и дѣйствительно они знали мало порученное
мъ дѣло [3]).

1) Legrand, p. 484. 488.
2) Ibidem, p. 486.
3) Ibidem, p. 487.

Для высшаго наблюденія за ходомъ дѣлъ въ коллегіи Григорій XIII назначилъ коммиссію изъ пяти кардиналовъ—попечителей, какъ это было и въ Германской коллегіи. Изъ числа первыхъ кардиналовъ—попечителей повѣствователь (Аркудій) отмѣчаетъ такихъ, которые являлись въ высшей степени благожелательными къ коллегіи, но не молчитъ и о такихъ, которые, по выраженію его, представляли обратную сторону медали. Къ лучшимъ попечителямъ относился кардиналъ Сирлето, который часто навѣщалъ коллегію, съ удовольствіемъ выслушивалъ отвѣты воспитанниковъ, побуждалъ ихъ выражаться литературнымъ греческимъ языкомъ, въ награду на свой счетъ присылалъ имъ съѣстные припасы для улучшенія стола, давалъ ученикамъ деньги на покупку книгъ. Не ограничиваясь этимъ, онъ бралъ съ собою лучшихъ учениковъ, приводилъ ихъ въ свою библіотеку, объяснялъ имъ лучшія и трудныя мѣста изъ Ѳукидита, Григорія Богослова и другихъ авторовъ. Занимаясь съ учениками коллегіи, онъ говаривалъ, что онъ занимается съ своими дѣтьми [1]). Столь же внимателенъ былъ въ коллегіи другой кардиналъ—попечитель, Барберино. Онъ былъ человѣкомъ умнымъ и знающимъ греческій языкъ. Онъ любилъ греческую коллегію и въ свою очередь былъ уважаемъ Греками. Ему принадлежитъ та заслуга, что онъ высвободилъ коллегію отъ долговъ и составилъ лучшія правила для руководства въ жизни коллегіи. Еще больше сдѣлалъ для коллегіи Барберино, когда съ именемъ Урбана VIII-го (1623—1644 г.) восшелъ онъ на папскій престолъ. Онъ умножилъ недвижимыя имущества коллегіи, положилъ регулярное и щедрое жалованье греческому архіепископу, конечно, уніату—за совершеніе праздничнаго богослуженія въ храмѣ св. Аѳанасія, устроенномъ при коллегіи Григоріемъ XIII [2]).

Къ числу кардиналовъ—попечителей коллегіи, неблагопріятствовавшихъ ей, относился Джустиніано. Онъ управлялъ коллегіею во времена папы Климента VIII (1592—1605 г.) и былъ назначенъ въ попечители ея по просьбѣ

---

[1]) Ibidem, p. 489—490.
[2]) Ibidem, 492.

наставниковъ и учениковъ указанной коллегіи. Просители, какъ увидимъ, очень ошиблись касательно Джустиніано. Онъ старался выставить коллегію въ невыгодномъ для нея свѣтѣ, находилъ, что ученики въ ней лѣнивы и малоспособны, и потому будто бы и остаются въ ней многіе годы, чего не бываетъ въ германской коллегіи. Нашъ повѣствователь (Аркудій) съ достаточною основательностію устраняетъ этотъ упрекъ, указывая на то, что въ греческую коллегію поступаютъ воспитанники моложе, чѣмъ въ германскую; что имъ приходится учиться больше, чѣмъ воспитанникамъ сейчасъ названной коллегіи: они должны усвоить латинскій языкъ, изучаемый въ германскихъ школахъ и незнакомый Грекамъ; притомъ же, для того, чтобы легче воспринять святѣйшую римскую вѣру (ha sanctissima fede Romana sic!), ученикамъ и слѣдуетъ начинать изученіе ея съ раннихъ лѣтъ. Джустиніано вообще находилъ, что достаточно было бы ограничить число учениковъ въ коллегіи 10—12-ью. Онъ же домогался отнять у коллегіи ея лучшее достояніе—аббатство Милето. Воспитанниковъ коллегіи онъ презиралъ, говорилъ, что они ведутъ себя какъ мужики, а не какъ хорошаго тона ученики. При пріемѣ учениковъ не соблюдалъ правилъ, онъ принималъ греческихъ мальчиковъ изъ Италіи, а не изъ Греціи, ради которой учреждена была коллегія. Непорядки, внесенные кардиналомъ Джустиніано, приходилось исправлять его преемнику по должности вышеупомянутому Барберино [1]), кардиналу папы Григорія XV.

Слѣдуетъ замѣтить, что учредитель греческой коллегіи, Григорій XIII-ый почему-то управленіе ею не поручилъ членамъ ордена Іисуса (какъ было поступлено по отношенію къ германской коллегіи). Подчиненіе ея вѣдѣнію членовъ указаннаго ордена произошло уже при папѣ Григоріи XV-мъ, въ 1622 году. Нашъ повѣствователь (Аркудій) говоритъ, что будто бы это совершилось по настоянію его самого, когда онъ уже выступилъ на поприще служенія папскимъ интересамъ въ Польшѣ. По словамъ все того же повѣствователя до времени подчиненія коллегіи ордену Іисуса дѣла въ ней шли плохо: занятія

[1]) Ibidem, p. 490—491.

велись небрежно, дисциплины не было, ученики своевольничали; со времени же подчиненія коллегіи вѣдѣнію членовъ ордена, по увѣренію нашего сказателя, все улучшилось: стала процвѣтать наука, водворилась дисциплина и члены ордена будто бы говорили: нѣтъ коллегіи болѣе послушной, чѣмъ греческая и что напрасно Греки считаются людьми ужасными... [1]).

Въ документахъ, изданныхъ трудолюбивымъ ученымъ — Леграномъ и относящихся къ исторіи греческой коллегіи встрѣчается немало извѣстій о дисциплинарныхъ правилахъ, существовавшихъ въ коллегіи, и свѣдѣній о ходѣ школьной науки въ ней, но къ сожалѣнію всѣ эти извѣстія и свѣдѣнія не возбуждаютъ особеннаго интереса. Дисциплинарныя правила составляютъ воспроизведеніе правилъ того же рода германской коллегіи. Напримѣръ, если дисциплина греческой коллегіи требовала, чтобы ученики въ разговоры другъ съ другомъ вступали, какъ можно рѣже, чтобы они входили въ комнаты другъ къ другу съ надлежащаго разрѣшенія, чтобы выходили изъ дома лишь съ разрѣшенія ректора, говорили между собою по латыни и по итальянски и проч., то всѣ такого рода порядки представляютъ повтореніе извѣстныхъ статутовъ германской коллегіи. Вступали воспитанники въ греческую коллегію не старше 14 лѣтъ, (точнѣе: отъ 13 до 15), что, какъ знаемъ, было иначе въ германской коллегіи, но почему ввелся такой порядокъ въ первой коллегіи, объ этомъ рѣчь уже была. Существовала и клятва на вѣрность римскому исповѣданію и папѣ, но кажется текстъ ея былъ мягче изложенъ, чѣмъ какъ было въ коллегіи германской; но нужно сказать и враги, съ которыми приходилось или долженствовало вести борьбу питомцамъ этихъ двухъ коллегій, были неодинаковы [2]).

Статьи о наукѣ и ходѣ школьнаго образованія греческихъ коллегіантовъ въ документахъ, изданныхъ Леграномъ, къ сожалѣнію очень недостаточны. Этимъ мы не то хотимъ сказать, что они малочисленны, а то, что въ нихъ не находимъ прямаго отвѣта на вопросы, сущест-

---

[1]) Ibidem, 486—488. Steinhuber. B. II, S. 14.
[2]) Legrand. p. 496. 500—1.

еннымъ образомъ связанные съ изучаемымъ нами дѣомъ. Напримѣръ, намъ очень желательно—было бы знать: акъ шло религіозное образованіе питомцевъ въ духѣ римкаго католичества? Какіе способы употреблялись для твержденія ихъ на стезѣ отступничества? Какіе взгляды бивали имъ въ голову для возбужденія недовѣрія и преебреженія къ греческой вѣрѣ? Вообще, какъ ихъ муштровали, смотря на нихъ, какъ на піонеровъ папизма на Востокѣ? Вмѣсто отвѣта на эти и подобные вопросы въ ашемъ источникѣ говорится о томъ, какихъ древнихъ или овыхъ, латинскихъ или греческихъ авторовъ, читали и зучали въ коллегіи,—но для нашего дѣла подобныя разъсненія безразличны. Даже въ томъ случаѣ, когда довольо обстоятельно тамъ уже указывается, что воспитанники зъ числа свято-отеческихъ писателей—изучали Василія 3., Григорія Богосл., Іоанна Златоуста, Кирилла іерусаимскаго, Максима Исповѣдника, Іоанна Дамаскина, изъ атинскихъ писателей—Θому Аквината (его Summa),—дае и въ этомъ случаѣ изъ подобнаго рода разъясненій ы лично не съумѣемъ сдѣлать никакихъ, прямо относяцихся къ нашей задачѣ,—выводовъ [1]).—Мы даже не нали опредѣленнаго указанія на то: учились ли греческіе оллегіанты, подобно воспитанникамъ прочихъ римскихъ оллегій, въ т. н. римской коллегіи или, что—тоже, въ имской духовной академіи? Конечно, едвали можетъ быть омнѣніе въ томъ, что питомцы греческой коллегіи учиись тамъ же и у тѣхъ же профессоровъ, гдѣ и у кого чились, наприм., германскіе коллегіанты. А если же въ ашихъ документахъ (т. е. въ изданіи Леграна) немало оворится о какихъ-то особыхъ преподавателяхъ гречекой коллегіи, то, какъ мы увѣрены, здѣсь рѣчь идетъ о ѣхъ преподавателяхъ классическихъ языковъ и римскаго атихизиса, которые подготовляли воспитанниковъ колегіи (обыкновенно, малолѣтнихъ) къ слушанію духовнокадемическихъ курсовъ. Вообще, ходъ научнаго развитія ринималъ тотъ же видъ, какъ и въ германской коллегіи; ѣже богословіе и философія, тѣже диспуты и пріученіе ъ проповѣдничеству, [2]) и проч.

1) Ibidem, p. 501—502.
2) Ibidem, p. 502.

Есть впрочемъ и извѣстія, дающія возможность отчасти догадываться о томъ, какими путями производилась ренегатская дѣятельность коллегіи по отношенію къ ея православнымъ по рожденію питомцамъ. Такъ, въ нашемъ, много разъ упомянутомъ, источникѣ говорится о томъ, что греческіе коллегіанты упражнялись въ устной (примѣрной) и письменной защитѣ латинской вѣры; или же тутъ же говорится, что при окончаніи курса греческихъ коллегіантовъ, когда они достаточно окрѣпли въ латинскомъ ученіи, имъ позволялось читать полемическія сочиненія Грековъ противъ латинской церкви, вѣроучительныя опредѣленія латинянъ и Грековъ, для того, чтобы умѣть защищать первыхъ и опровергать вторыхъ. Такъ имъ позволялось читать въ одно и тоже время постановленія флорентійскаго собора и сочиненія Виссаріона никейскаго, а также противолатинскія сочиненія Марка ефесскаго и Геннадія Схоларія. Но во всякомъ случаѣ предпочтеніе и при этомъ отдавалось такимъ писателямъ, которые, по сужденію римской церкви, особенно побѣдоносно боролись съ греческой церковію (Ансельмъ, Гуго Этеріянъ и проч.) 1).

Нѣкоторыя подробности о внутренней жизни греческой коллегіи можно заимствовать изъ одного русскаго источника, въ которомъ говорится о допросѣ въ Москвѣ, въ концѣ XVII-го вѣка, извѣстнаго Арсенія грека, человѣка близкаго къ патріарху Никону, воспитанника изучаемой коллегіи. Онъ былъ сынъ православнаго греческаго священника, пятнадцати лѣтъ онъ попалъ въ коллегію Григорія XIII-го. Въ Римѣ, по его словамъ, онъ пробылъ пять лѣтъ въ этой коллегіи, изучилъ здѣсь важнѣйшихъ древне-греческихъ авторовъ, и седмь вселенскихъ соборовъ; послѣ пяти лѣтъ пребыванія въ коллегіи начиналось изученіе VIII-го и IX-го вселенскихъ соборовъ, т. е. Ліонскаго собора 1274 года, и Флорентійскаго. По словамъ Арсенія, при этомъ требовалась клятва отъ воспитанниковъ въ соблюденіи римской вѣры, а кто не давалъ такой клятвы, того лишали права продолжать ученіе и изгоняли изъ училища. На допросѣ Арсенія затронутъ

1) Ibidem, 502. 512.

былъ вопросъ: у кого и какъ причащаются воспитанники въ коллегіи—по греческому или латинскому обряду? Арсеній утверждалъ, что при коллегіи находится православный митрополитъ съ пятью монахами, отъ этого митрополита воспитанники и онъ, Арсеній, и принимали причащеніе. Но это показаніе Арсенія допрощики, русскіе бояре, признали несправедливымъ, утверждая, что въ коллегіи причащаются воспитанники не у православнаго архіерея, а уніата [1].—Вотъ тѣ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о греческой коллегіи Григорія XIII-го.

Для восполненія нашихъ необильныхъ свѣдѣній о греческой коллегіи сообщимъ нѣкоторыя извѣстія объ особомъ учрежденіи въ ней, имѣвшемъ цѣлію утверждать и развивать духъ религіозности и благочестія въ ея воспитанникахъ. Въ 1563 году въ т. н. римской коллегіи, т. е. въ римской академіи, между ея питомцами появляется т. н. Маріинская конгрегація, т. е. конгрегація въ честь Богоматери. Черезъ два года къ этой конгрегаціи присоединяется германская коллегія, а по ея примѣру таже конгрегація находитъ для себя членовъ и въ другихъ „національныхъ" коллегіяхъ Рима, а въ числѣ ихъ и въ греческой. Маріинская конгрегація имѣла свободный характеръ, а потому члены разныхъ коллегій безо всякаго труда составляли изъ себя отдѣльныя братства, причисляя себя къ вышеуказанной конгрегаціи. По обыкновенію наибольше свѣдѣній о положеніи дѣлъ Маріинской конгрегаціи мы имѣемъ, когда изучаемъ германскую коллегію. Это учрежденіе появилось здѣсь для вкорененія въ сердцахъ питомцевъ коллегіи духа благочестія. Обыкновенно принимались въ конгрегацію не всѣ, а лишь тѣ, которые обнаружили рвеніе къ благочестію. Но въ германской коллегіи, можетъ быть вслѣдствіе того, что она состояла изъ взрослыхъ, къ конгрегаціи были причислены всѣ ея воспитанники. При этомъ отдѣльная комната, въ которой жило отъ 10 до 12 человѣкъ, составляла отдѣльную вѣтвь братства. Каждая эта маленькая община для завѣдыванія ея дѣлами по части конгрегаціи избирала себѣ префекта, изъ числа сотоварищей, и его ассистентовъ. Этотъ пре-

[1]) См. проф. Н. Ѳ. Каптерева. Отношенія Россіи къ православному Востоку. Стр. 210. М. 1885.

фектъ каждое воскресеніе собиралъ членовъ своей маленькой общины для моленія въ честь пресвятой Маріи и для назидательныхъ поученій. Праздники въ честь небесной покровительницы конгрегаціи въ этихъ общинахъ совершались съ особеннымъ блескомъ. Происходили усиленныя моленія, совершались дѣла благочестія, доступныя въ положеніи воспитанниковъ; кто-нибудь изъ членовъ произносилъ похвальное слово въ честь Богоматери. Существовалъ также обычай, что члены конгрегаціи въ извѣстные дни года посѣщали больницы, ухаживали за больными, приносили имъ небольшіе подарки и старались утѣшить ихъ бесѣдою [1]).—Греческая коллегія присоединилась къ Маріинской конгрегаціи въ 1592 году, при чемъ братство это получило здѣсь наименованіе Успенской конгрегаціи. Нѣтъ сомнѣнія, эта послѣдняя ничѣмъ существенно не отличалась отъ того же учрежденія, какъ оно утвердилось въ другихъ римскихъ коллегіяхъ, въ особенности въ германской, если не принимать во вниманіе того обстоятельства, что въ греческой коллегіи принимались въ составъ конгрегаціи только молодые люди, достигшіе болѣе или менѣе совершенныхъ лѣтъ. Благодаря французскому профессору Леграну, намъ сдѣлались извѣстны, выразимся такъ, послужные списки нѣкоторыхъ греческихъ членовъ Маріинской конгрегаціи. Изъ этихъ списковъ видно, что всѣ степени, какихъ достигали члены послѣдней, были выборными [2]). Вотъ названіе этихъ степеней: префектъ, ассистентъ, совѣтникъ, секретарь, чтецъ, канонархъ (antiennier), церковный слуга (sacristain), придверникъ (portier). Степени эти мѣнялись часто для одного и тогоже лица, иногда въ теченіе года членъ общины занималъ послѣдовательно до трехъ степеней; притомъ изъ префекта можно было сдѣлаться придверникомъ и наоборотъ. Относительно религіозной дѣятельности разсматриваемой конгрегаціи въ спискахъ нѣтъ упоминаній, за исключеніемъ одного случая: въ августѣ 1646 года скончался одинъ изъ членовъ конгрегаціи, и совершена была въ

---

1) Steinhuber. Geschichte d. Collegium Germanicum. B. I, S. 51. 117—118. 165.

2) Списки эти относятся къ концу XVI-го вѣка и къ первой половинѣ XVII-го.

конгрегаціи поминовенная служба; служба эта (missa) совершена была въ храмѣ сначала по гречески, а потомъ по латыни, причемъ присутствовали на ней члены всѣхъ отдѣловъ конгрегаціи [1]).

Нужно сказать, что Греки въ первое время не совсѣмъ ясно понимали задачу и цѣль устроенія греческой коллегіи; они, кажется, вѣрили еще, что папы изъ состраданія желаютъ оказать пользу образованію христіанъ, порабощенныхъ Турками. По крайней мѣрѣ извѣстный Ѳеодосій Зигомала, въ 1581 году писалъ профессору Крузію: „теперешній папа основалъ большое училище, собралъ греческихъ мальчиковъ, добылъ для нихъ изъ Греціи же и учителей. И вотъ теперь, какъ я узналъ изъ писемъ моихъ друзей, учителя и ученики съ Божіею помощію прилежно занимаются наукой[2])". Но само собой понятно, по прошествіи извѣстнаго времени Греки разочаровались въ папской коллегіи. Они потомъ стали относиться съ недовѣріемъ и враждою къ тѣмъ Грекамъ, которые прошли курсъ наукъ въ коллегіи Григорія XIII-го [3]).

И подобнаго рода отношеніе Грековъ къ этой коллегіи совершенно понятно. Въ цвѣтущія времена ея, наприм., при Климентѣ VIII (нач. XVII в.) здѣсь воспитывалось до 65 человѣкъ. Поэтому, изъ нея вышло не мало людей, которые потомъ энергически дѣйствовали въ пользу римской церкви. Левъ Алляцій, получившій самъ образованіе въ греческой коллегіи въ Римѣ, и сдѣлавшійся жаркимъ приверженцомъ папы, насчитываетъ болѣе 60 лицъ, которыя въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ ея существованія сдѣлались епископами, или вышли изъ нея учеными профессорами и прославились своими папистическаго духа сочиненіями или по крайней мѣрѣ своею ревностію въ распространеніи римскаго вѣроисповѣданія. Въ одну Малороссію вышло отсюда болѣе 10 уніатскихъ архіереевъ[4]).

Какія же именно лица выходили изъ греческой коллегіи въ Римѣ, чѣмъ они стали извѣстны, какого рода

---

[1]) Legrand, p. 515—530.

[2]) Crusii, Turcograecia, p. 94.

[3]) Herzog-Hauck. Real-Encykelpädie. B. I. S. 370 (Art.: Allatius), Leipz., 1896. (Изд. 3-е).

[4]) Ректора Акад. А. В. Горскаго. О церкви греческой съ 1453 г. до XVIII вѣка. *Приб. къ Твор. св. Отцовъ*, т. 32, стр. 410 (1883 г.).

дѣятельность обнаружили? Познакомимся съ нѣкоторыми изъ выходцевъ указанной коллегіи. Въ числѣ писателей, вышедшихъ отсюда и служившихъ папскимъ интересамъ достойны быть упомянуты трое: Матѳей Каріофилъ, Аркудій и Алляцій. Нельзя отказать этимъ лицамъ въ обширной учености, объясняемой ихъ серьезнымъ образованіемъ и ихъ знакомствомъ съ книжными сокровищами Рима, но съ другой стороны ихъ сочиненія не отличаются безпристрастіемъ и даже носятъ слѣды прямаго искаженія истины. Объ этомъ послѣднемъ свойствѣ ихъ не считаютъ нужнымъ молчать и нѣкоторые римско-католическіе извѣстные писатели; такъ Ренадо замѣчаетъ: „ни одинъ католикъ не можетъ поклясться словами Каріофила, Аркудія и Алляція и не желать провѣрки и поправки въ ихъ ученыхъ трудахъ [1])“. Изъ числа этихъ ученыхъ греческихъ ренегатовъ стоитъ остановиться на двухъ послѣднихъ.

Петръ Аркудій, изъ Корфу, родился въ 1562 или 3 году, поступилъ въ коллегію въ Римѣ въ 1578 году и произнесъ клятву на вѣрность папскому престолу въ 1580 г. По окончаніи курса наукъ философскихъ и богословскихъ, онъ защищалъ ученые тезисы въ этихъ обоихъ факультетахъ и первый изъ числа питомцевъ греческой коллегіи удостоился степени доктора. Между 1588 и 1591 годами посвященъ былъ во священники, разумѣется по римскому обряду, и затѣмъ отправленъ былъ въ Россію и Польшу для содѣйствованія папскимъ видамъ и для борьбы съ лютеранизмомъ. Латинскіе лѣтописцы восхваляютъ успѣхи Аркудія въ этомъ случаѣ. Въ этой миссіи онъ пробылъ около 20 лѣтъ, послѣ чего возвратился въ Римъ. По возвращеніи сюда, онъ испрашивалъ разрѣшеніе окончательно присоединиться къ римской церкви, на что, разумѣется, послѣдовало соизволеніе. Не чувствуя расположенія къ практической дѣятельности Аркудій проживалъ въ греческой коллегіи въ Римѣ, занимаясь наукой. Вскорѣ съ нимъ случилось несчастіе. На улицѣ онъ попалъ подъ телѣгу и лишился употребленія ногъ. Поэтому, его ежедневно переносили по утрамъ въ библіотеку коллегіи, гдѣ онъ и оста-

[1]) Профессора Малышевскаго. Патріархъ Мелетій Пигасъ. Т. I, стр. 506. Кіевъ, 1872.

вался отъ восхода солнца до его захода. Онъ умеръ въ 1633 году и въ знакъ почести погребенъ въ коллегіанской церкви св. Аѳанасія [1]). Всѣ сочиненія Аркудія, за исключеніемъ одного археологическаго, написаны въ существѣ дѣла въ защиту папства и въ прославленіе римско-католическаго вѣроисповѣданія [2]).

О Львѣ Алляціи.—Профессоръ Эмиль Легранъ, начиная очеркъ жизни его, говоритъ: „Этотъ мужъ славенъ почти только своими многочисленными сочиненіями. Помимо своихъ книгъ, онъ не имѣетъ исторіи, потому что онъ проводилъ уединенную жизнь *истиннаго* ученаго, отдаваясь или наукѣ или бесѣдамъ сь друзьями". Въ виду этого, нельзя ожидать отъ описателей жизни Алляція сколько-нибудь интересныхъ подробностей. Левъ Алляцій родился на о. Хіосѣ, въ 1586 г. Съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ онъ обнаруживалъ замѣчательную склонность къ наукѣ. Въ 1599 году мы видимъ его уже въ Римѣ. Его весьма охотно берутъ въ коллегію св. Аѳанасія. Онъ обладалъ феноменальною памятью и показывалъ такую живую склонность къ поэзіи, что въ разговорахъ съ другими выражался не иначе, какъ стихами. 9 Марта 1610 года онъ публично защищалъ ученые философскіе и богословскіе тезисы и возведенъ былъ въ степень доктора. Дипломъ, выданный по этому случаю Алляцію, до сихъ поръ хранится въ архивахъ греческой коллегіи. На послѣднемъ листкѣ его изображенъ въ стоячемъ положеніи Аѳанасій Александрійскій, одѣтый въ святительскія одежды и вручающій дипломъ нашему доктору, который представленъ облеченнымъ въ черную сутану, въ колѣнопреклоненномъ видѣ. Пробѣгая глазами этотъ дипломъ, отпечатанный у Леграна, мы видимъ, что составители его не находили словъ для описанія ученыхъ достоинствъ диспутанта. Приведемъ нѣсколько строкъ изъ пространнаго Алляціева диплома. Здѣсь читаемъ: in praesentia patrum in philosophia et theologia professorum, ita docte, eleganter et copïose, miro ac pulcherrimo ordine legit et recitavit, declarando, distinguendo, pro et contra arguendo, dubitationes proponendo illasque bissolvendo et ceter. Затѣмъ говорилось слѣдующее: Quibus (разумѣются профессора)... Leo Allatius tam acute, subtiliter, docte respondit ac satis-

[1]) Legrand. T. III, p. 209. 211—12. 214. 216—218.

[2]) Списокъ его сочиненій можно находить у Леграна, Саѳы и друг.

fecit, ut ab omnibus in philosophia ac theologia idoneus, intelligens habitus et dignissimus existimatus fuerit, et propterea unanimi omnes bonsensu, concorditer, pari voto, viva voce, ac nemine penitus, penitus, penitus (*трижды*— въ знакъ абсолютнаго согласія) discrepante doctoratu dignissimum approbarunt. По окончаніи образованія, Алляцій возратился было въ отечество, на Хіосъ, но здѣсь не нашлось подходящаго дѣла для человѣка съ его рѣдкими талантами. Онъ возвратился въ Римъ. Здѣсь ему пришло на мысль заняться изученіемъ медицины, которую онъ и изучилъ, получивъ дипломъ доктора медицины. Разумѣется, его интересовала медицина не ради профессіи врача; въ то же время онъ много работаетъ надъ ученіемъ греческихъ и латинскихъ писателей. Около этого времени кардиналъ Висчія назначилъ его своимъ теологомъ,—консультантомъ, съ которымъ онъ имѣлъ совѣтоваться по вопросамъ греческой церкви.

Алляцій рѣшился вести жизнь уединенную, а потому онъ не принялъ священства и не пожелалъ вступить въ бракъ. Его репутація какъ ученаго день ото дня возрастала. Онъ былъ сдѣланъ профессоромъ греческой коллегіи, а потомъ еще профессоромъ греческаго языка въ Ватиканѣ (?). Эту послѣднюю должность другіе описатели обозначаютъ иначе: онъ былъ назначенъ писателемъ (scriptor) при ватиканской библіотекѣ, т. е. значитъ чѣмъ-то въ родѣ академика. Впослѣдствіи онъ получилъ очень почетную должность ватиканскаго библіотекаря. Разсказываютъ, что кардиналъ Retz, посѣтивъ Ватиканъ, обнялъ Льва Алляція и сказалъ ему, что онъ цѣнитъ его выше всей этой библіотеки, потому что утрату этой библіотеки еще можно вознаградить, утрата же такого человѣка, какъ Алляцій—невознаградима. Объ Алляціи сохранилось много анекдотовъ, наприм., что онъ будтобы въ теченіе 40 лѣтъ писалъ однимъ и тѣмъ-же перомъ, и что когда оно потерялось, горько плакалъ и пр. [1]). Алляцій умеръ въ 1669 году, достигнувъ 83 лѣтъ [2]).

Его литературныя работы были очень разнообразнаго характера; касались исторіи, литературы, исторіи искус-

---

1) Этотъ анекдотъ разсказанъ въ Real-Encykl. von Herzog—Hauck. B. I. 300 (Изд. 2-ое, а въ 3-емъ изд. опущенъ).

2) Legrand, tome III, p. 435—38, 440, 442—446. См. еще: Real-Encyklop. von Herzog—Hauck. B. I, 369—370. Изд. 3-е.

тва, философіи и богословія. Современники изображаютъ го феноменомъ учености и ученаго трудолюбія и пролавляютъ его изумительную память. Главнымъ предмеомъ его ученой дѣятельности было его стремленіе приирить, свести раздѣленныя церкви снова воедино, хотя ы на бумагѣ. Ради этой цѣли онъ вступаетъ въ полеику съ протестантами, ратуетъ противъ своихъ соотеественниковъ — Грековъ. Стремясь къ своей цѣли, онъ е щадилъ самой исторіи, наклонялъ смыслъ древнихъ исателей, которыми онъ пользовался, къ тому именно еченію, какое ему было нужно. Главное сочиненіе Алляція носитъ такое заглавіе: De perpetua consensione eccleiae occidentalis et orientalis, т. е. о непрерывности единенія между двумя церквами, но единенія, къ сожалѣнію, поимаемаго въ смыслѣ флорентійской уніи. Всѣхъ изданыхъ и неизданныхъ сочиненій его, написанныхъ на языахъ латинскомъ, греческомъ, французскомъ и итальянкомъ, насчитываютъ больше ста. Много сочиненій его стается неиздано; сто рукописныхъ томовъ, заключающихъ корреспонденцію Алляція на латинскомъ и гречекомъ языкѣ, доселѣ гніютъ въ одной изъ римскихъ библіотекъ [1]).

Въ наше время учено-литературная дѣятельность Алляція встрѣчаетъ не одинаковые отзывы. Ученые Греки, акъ наприм., Константинъ Сата, отзываются о ней съ ольшой похвалой [2]). Римско-католическіе писатели отзыаются объ Алляціи съ еще большей похвалой. Професоръ Легранъ пишетъ: „обширная корреспонденція Алляія остается почти совсѣмъ неизданною. Только по изданіи я можно было бы составить его біографію, достойную имени лляція, достойную его блестящихъ меценатовъ, достойную го друзей, достойную наконецъ вѣка, въ какой онъ жилъ въ которомъ онъ занимаетъ столь видное мѣсто“ (p. 435). усскіе писатели говорятъ о немъ полупрезрительно. априм., проф. Малышевскій причисляетъ его къ латино-

1) Ректора А. В. Горскаго. Вышеуказанная статья, стр. 413 — 414. erz.—Hauck. Encykl. B. I (2-ое и 3-ье изд.).

2) Σάθα. Νεοελληνικὴ φιλολογία, σελ. 268. 260. Этотъ отзывъ повторяъ проф. Е. Е. Голубинскій (въ статьѣ: «Очеркъ просвѣщенія у Грековъ». рав. *Обозр.*, 1872, т. II, въ отдѣльн. изд., стр. 40).

фронамъ „греко-бичевателямъ"; находитъ у него „лабиринтъ лжи и неправды въ оцѣнкѣ вещей и лицъ" (при чемъ, конечно, авторъ этого отзыва сочиненій Алляція не читалъ) [1]. Протестантскіе писатели почему-то не долюбливаютъ его. Гассъ называетъ его „уніонистомъ въ худомъ смыслѣ слова". Вагеманнъ и Гаукъ повторяютъ слова Гасса [2]. Мы же съ своей стороны скажемъ одно: какого великаго человѣка греческая церковь потеряла въ лицѣ Алляція?

Для еще болѣе обстоятельнаго знакомства съ выходцами изъ греческой коллегіи позволимъ себѣ сообщить нѣкоторыя черты изъ жизни извѣстнаго Паисія Лигарида. Онъ родился на о. Хіосѣ въ 1609 или 10 году, вступилъ въ коллегію въ 1623 году. Онъ поступилъ въ классъ грамматики, гдѣ пробылъ одинъ годъ, затѣмъ изучалъ словестность и риторику (два года?), 3 года посвятилъ на изученіе философіи и 4 — богословія. Получилъ степень доктора философіи и богословія въ 1636 году, защитивъ ученые тезисы съ легкостію и краснорѣчіемъ—по латыни и по гречески [3]. Въ 1639 г. получилъ санъ священника. Чрезъ годъ былъ отправленъ конгрегаціею Пропаганды въ Левантъ. На Востокѣ онъ встрѣтилъ много препятствій въ своей антиортодоксальной дѣятельности. Поэтому, ему приказано было покинуть Константинополь и отправиться въ Румынію. Здѣсь онъ выступаетъ въ качествѣ придворнаго богослова, проповѣдника и духовника князя Валахіи, и такимъ образомъ играетъ жалкую роль, обманывая довѣріе и Грековъ и латинянъ. Въ Валахіи Лагиридъ знакомится съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, проживавшемъ здѣсь въ одномъ изъ іерусалимскихъ подворій, вмѣсто скучнаго и некультурнаго Іерусалима, принялъ отъ Паисія постриженіе въ монахи, и такимъ образомъ форменно отпалъ отъ Рима, и тѣмъ не менѣе не порывалъ связи съ вѣчнымъ городомъ, не переставая требовать на свои нужды денегъ отъ Пропаганды. Послѣ

[1]) Мелетій Пигасъ, стр. 506. 508.
[2]) Herzog—Hauck. Encykl., I. 370. (Изд. 3-ье).
[3]) Нѣкоторыя свѣдѣнія изъ времени обученія Лигарида въ коллегіи можно находить въ статьѣ г. Лавровскаго: «Нѣсколько свѣдѣній для біографіи П. Лигарида» (*Христ. Чтен.*, 1889 г., т. II, стр. 715—716).

ого, Паисій появляется въ Іерусалимѣ, здѣсь онъ возво-
ится въ санъ газскаго митрополита (въ 1652 г.); но по
огадкѣ Леграна, едвали и ногой ступалъ въ свою бѣдную
пархію. Изъ святой земли Лигаридъ возвращается въ
Залахію, занимается обращеніемъ въ Православіе румын-
кихъ кальвинистовъ и лютеранъ и по этому поводу пи-
иетъ нѣсколько сочиненій противъ протестантовъ. Впо-
лѣдствіи видимъ его въ Москвѣ, гдѣ онъ принимаетъ
дѣятельное участіе въ дѣлѣ патріарха Никона, но исторія
го пребыванія въ Россіи извѣстна [1]). Свою въ полномъ
мыслѣ слова странническую жизнь Лигаридъ закончилъ
въ Кіевѣ, гдѣ и былъ погребенъ. (Умеръ 24 августа,
678 г.). Таковъ былъ этотъ питомецъ папской коллегіи
в. Аѳанасія. Очевидно, римская церковь не извлекла изъ
го дѣятельности никакой пользы для себя.

Итакъ, принимая во вниманіе дѣятельность такихъ
лицъ, какъ Алляцій, Аркудій и имъ подобные, можно на-
одить, что коллегія св. Аѳанасія въ Римѣ, имѣвшая цѣ-
ію пропаганду римско-католичества среди православныхъ
при посредствѣ лицъ греческаго происхожденія не оста-
алась безъ значенія. Но все же значеніе этой коллегіи
было не такъ велико, какъ ожидали папы. Одной изъ при-
инъ этого послѣдняго явленія, кромѣ явнаго нерасполо-
женія Грековъ къ выходцамъ коллегіи, было то, что сама
коллегія чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе стала па-
дать. Въ срединѣ XVII-го вѣка въ ней было лишь 18
питомцевъ, а за тѣмъ она почти остается безъ учениковъ:
финансовыя папскія затрудненія отразились неблагопрі-
ятно и на состояніи греческой коллегіи въ Римѣ [2]).

Изъ всего вышеизложеннаго объ отношеніяхъ римско-
католицизма къ Греческой церкви слѣдуетъ, что папство
не могло имѣть успѣха на Востокѣ. Такъ продолжалось

1) Legrand. Tome IV, p. 9—12. 14. 16. 19—20. 22—23. 49 — Извѣ-
тія о пребываніи Лигарида въ Москвѣ Легранъ беретъ изъ книги проф.
Н. Ѳ. Каптерева: «Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку
въ XVI и XVII вѣкахъ»; нужныя для французскаго ученаго страницы изъ
той книги были переведены для него извѣстнымъ знатокомъ русской исто-
ріи Пирлингомъ, но помѣщены въ сочиненіи Леграна въ сокращеніи, при
чемъ этотъ послѣдній замѣчаетъ nous avons, en maints endroits, élagué les
pétitions souvent fastidieuses de l' auteur russe (p. 25).

2) Ректора А. В. Горскаго (въ прежде цитированной статьѣ), стр. 410.

вплоть до начала XIX вѣка. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія положеніе римско-католиковъ на Востокѣ измѣнилось значительно къ лучшему. Политическія затрудненія заставили Порту искать помощи на Западѣ и просить содѣйствія сильныхъ сосѣдей къ устраненію неизбѣжной погибели. Помощь была оказана. А съ нею вмѣстѣ измѣнилась и политика Порты по отношенію къ римскому католицизму. Чувство признательности съ одной стороны, а съ другой страхъ предъ сильными римско-католическими государствами заставили ее снисходительнѣе смотрѣть на приверженцевъ папской куріи и забыть прежнюю ненависть къ нимъ. А главное—въ качествѣ „больнаго человѣка" Турція на все должна была согласиться и на многое безпомощно махнуть руками..... Благодаря этому папскій дворъ сталъ чувствовать себя съ этихъ поръ гораздо свободнѣе и съ новой энергіей открылъ свои дѣйствія на Востокѣ. Католическая пропаганда стала распространяться въ Турецкой имперіи [1]). Положеніе Греческой церкви, повидимому, становится въ данномъ отношеніи день ото дня хуже и хуже. Но объ этомъ нѣтъ надобности распространяться: объ этомъ можно находить свѣдѣнія въ нашихъ газетахъ. Вотъ, наприм. одно изъ такихъ извѣстій. Римская *конгрегація пропаганды*, состоящая подъ управленіемъ извѣстнаго католическаго фанатика, бывшаго познанскаго архіепископа, („примаса Польши") кардинала Ледоховскаго, въ отчетѣ о своей дѣятельности за послѣдніе годы, даетъ интересныя свѣдѣнія объ успѣхахъ римскаго католичества на Востокѣ. Въ Азіятской Турціи по даннымъ текущаго года, „пропаганда" считаетъ 129.680 католиковъ (въ 1895 году ихъ было 128.700). Католики эти принадлежатъ какъ къ латинскому, такъ и къ сирійскому и сирохалдейскому обрядамъ. Они имѣютъ 210 священниковъ и 528 школъ, и также много благотворительныхъ учрежденій. Въ константинопольскомъ „апостольскомъ викаріатѣ", простирающемъ свою духовную юрисдикцію на Константинополь, Адріанополь, Салоники и Битолію съ ихъ округами и, въ Азіи, на малоазіатскія

1) Д. Дмитревскаго. Попытки римской церкви подчинить восточную церковь вообще и болгарскую въ частности въ XIX в.: *Душеп. Чтен.*, 1887, т. III, стр. 300.

бласти съ принадлежащими къ нимъ островами (за исключеніемъ Смирнской епархіи), числится 45.000 католиовъ. По отчету „пропаганды“, число католиковъ не увеичилось, но за то количество священниковъ возросло ъ 200 до 300 человѣкъ. Въ Египтѣ католическая церовь управляется апостольскимъ викаріемъ, проживаюцимъ въ Александріи. Ему подчинены 57.420 католиковъ атинскаго обряда, за исключеніемъ 17.416 папистовъ, ринадлежащихъ къ другимъ обрядамъ. Египетскій викаріатъ находится въ вѣдѣніи ордена миноритовъ, и въ емъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, числится 42 миссіонеркихъ пунктовъ, 64 церквей съ 94 священниками и 81 ікола. На ряду съ апостольскимъ викаріатомъ въ Египтѣ, уществуетъ еще коптско-католическая патріархія, праляемая въ настоящее время апостольскимъ администраоромъ, мансиньйоромъ Кирилломъ Макаріемъ. По послѣдимъ свѣдѣніямъ „пропаганды“, копто-католиковъ до 20.000 еловѣкъ, и распространеніе римскаго католичества между ими достигаетъ значительныхъ успѣховъ. Такъ, въ теееніе послѣднихъ трехъ лѣтъ число католиковъ между ими увеличилось съ 10.000 до 20.000 человѣкъ. Колиэство католическихъ церквей и часовень также увеличиось, и въ настоящее время число ихъ достигаетъ 60, то для небольшой общины болѣе чѣмъ достаточно. Католическое населеніе Греціи и Архипелага раздѣляется на ри архіепископіи: аѳинскую, коріатскую и наксоскую, и етыре епархіи, въ которыхъ 34.710 католиковъ, 189 церкей и часовень и столько же священниковъ, двѣ семинаіи и 72 школы съ благотворительными учрежденіями. Іто касается славянскихъ земель Балканскаго полуострова, о и здѣсь католическая пропаганда усилилась и сопроождается выдающимися успѣхами. Въ одной Македоніи, е смотря на всѣ усилія пропаганды и поддержку со стооны Австро-Венгріи, католичество не имѣетъ ни малѣйаго успѣха, и въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ число атоликовъ въ этой области не увеличилось [1]).

Впрочемъ къ показаніямъ „Конгрегаціи Пропаганды“ жно относиться съ большею осторожностію. Авторъ

1) *Московскія Вѣдомости*, за 1899, № 7, стр. 4.

статьи одного французскаго журнала, римско-католикъ, и даже человѣкъ сильно пропитанный папскими идеями, наприм., заявляетъ, что въ одной папистической книгѣ (изданной въ 1893 г.) говорилось, будто Армянъ уніатовъ насчитывается болѣе милліона, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ихъ не болѣе 100.100 [1]). Но у того же французскаго писателя встрѣчаемъ еще болѣе интересныя мысли и свѣдѣнія, съ каковыми и познакомимъ читателя. „Уніатовъ на Востокѣ — пишетъ онъ — представляютъ тѣ католики, которыхъ Римъ отторгъ отъ Православія и обществъ, отдѣлившихся отъ этого послѣдняго. Этимъ именемъ называются Греки, Армяне, Халдеи, Копты, Сирійцы, Сербы, Валахи, Болгары и другіе Славяне, которые признали „главенство“ папы, пользуясь извѣстнаго рода снисхожденіемъ по отношенію къ ихъ литургіи и ихъ обрядамъ. Но число этихъ уніатовъ образуетъ небольшую группу въ массѣ православныхъ (около 3-хъ милліоновъ). Кромѣ того, большая часть обращеній (въ католицизмъ) носитъ характеръ исключительно политическій. Напримѣръ, уніаты изъ Сирійцевъ находятъ французское покровительство; Болгары искали въ данномъ случаѣ опору для ихъ національности въ борьбѣ съ эллинизмомъ и константинопольскимъ патріархатомъ. Но объ этихъ послѣднихъ нужно замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ они получили національную церковь, они перестали обращаться въ католицизмъ и уніаты — болгарокатолики массами покидаютъ римскую церковь. Связь, которая соединяетъ уніатовъ съ римскою церковію—по сужденію автора очень не прочна и всегда готова оборваться. Это замѣчается у Армянъ и Халдеевъ и друг. Вообще по словамъ папистическаго автора, на уніатовъ нельзя возлагать большихъ надеждъ, и въ особенности не слѣдуетъ смотрѣть на нихъ, какъ на пред-

---

[1]) Bevue de deux mondes, 1894, 1-er Mars. Статья (анонимная) подъ заглавіемъ: L'union des èglises et l'église orthodoxe, p. 175. Что авторъ статьи строгій католикъ, это открывается изъ слѣдующихъ его воззрѣній. Онъ увѣренъ, что до патріарха Фотія латинская и греческая церковь (т. е. вся) обрѣталась подъ главенствомъ одного первосвященника, т. е. папы; что соединеніе церквей можетъ заключаться лишь въ возвращеніи восточной церкви къ тому положенію, какое она занимала въ отношеніи къ папѣ до Фотія (162); что латинская церковь есть носительница «духа» въ противоположность восточной церкви, служительницы «буквы» (p. 166) и проч.

течей, въ слѣдъ за которыми двинется весь Востокъ. Нѣтъ, большинство полчищъ православныхъ, и Славянъ и Грековъ, безнадежно: ни насилія, ни соборы, ни миссіи не покорятъ ихъ, не убѣдятъ и ни обольстятъ (и это очень отрадно! скажемъ мы). Въ заключеніе пессимистъ — пророкъ изъ среды католиковъ пишетъ: истина эта, положимъ, непріятна и горька, но она не врагъ намъ, какъ и всякая другая истина [1]).

Теперь намъ слѣдуетъ сказать объ отношеніи самихъ Грековъ и ихъ іерархіи къ римскому католицизму; но не пускаясь въ подробности, замѣтимъ одно: къ нимъ приложимо извѣстное изреченіе, что они „ничего не позабыли и ничему не научились". Латинской церкви, ея нравовъ, стремленій и идеаловъ православные Греки разсматриваемыхъ вѣковъ почти совсѣмъ не изучали; оставаясь при самыхъ допотопныхъ представленіяхъ о латинянахъ, какъ одной изъ казней египетскихъ. Латиняне въ своемъ церковномъ развитіи шагнули впередъ, а Греки, когда имъ приходилось бороться съ латинянами, топтались въ какомъ то заколдованномъ кругу. Въ самомъ дѣлѣ, познакомимся со взглядами на латинянъ, выраженными въ руководственной книгѣ Греческой церкви, такъ называемой *Кормчей книгѣ* (Пидаліонъ), составленной извѣстнымъ Никодимомъ святогорцемъ, въ концѣ XVIII-го вѣка [2]). Здѣсь, что ни замѣтка о латинянахъ, то странность. Явно, что Греки питаютъ ненависть къ латинянамъ, но это ничто иное, какъ ненависть варвара къ просвѣщенному человѣку. Въ указанной *Кормчей* безъ малѣйшаго стыда и совѣсти говорятся слѣдующія вещи: „одно уже то, что мы питаемъ ненависть (μῖσος) и отвращеніе (ἀποστροφή) къ латинянамъ столько вѣковъ,—это одно уже ясно показываетъ, что мы гнушаемся ими, какъ еретиками, наприм., аріанами, савелліанами, духоборцами и македоніанами". Очень хорошо! Quasi ученый Грекъ не допускаетъ у латинянъ ни существованія іерархіи, ни таинствъ. Онъ разсуждаетъ: „латиняне не только схизматики, но и

[1]) Ibidem, p. 175—176.

[2]) Объ этой книгѣ существуетъ обстоятельное изслѣдованіе на русск. языкѣ И. И. Никольскаго: «Греческая Кормчая книга — Пидаліонъ». М. 1888. (Первоначально напечатано въ *Чтен. Общ. люб. дух. просвѣщенія*, за 1887—8 г.).

еретики. А если они еретики, то очевидно, по Василію Великому и Кипріану Карѳагенскому, они суть не крещенные: по этому же, съ тѣхъ поръ какъ они отторглись отъ православной церкви, священники ихъ сдѣлались мірянами (λαϊκοὶ γενόμενοι) и не имѣютъ благодати св. Духа, силою которой православные іереи совершаютъ таинства [1])". Похвальное разсужденіе! Греки требуютъ, чтобы каждаго католика, обратившагося въ православіе, снова крестить, какъ какого-нибудь жида; по разсужденію Грековъ, крещеніе латинское—одно пустое имя (Λατίνων βάπτισμα εἶναι ψευδώνυμον βάπτισμα) [2]). Браки между православнымъ и католическимъ лицемъ безусловно запрещены. „Архіереи тѣхъ епархій, гдѣ есть латиняне (особенно на островахъ)—говорится въ Кормчей—не должны позволять латинянамъ брать въ супружество православныхъ женщинъ или православнымъ—латинянокъ; ибо какое можетъ быть общеніе между православными и еретиками?... А тѣ браки, которые уже состоялись какимъ нибудь образомъ, должны быть расторгнуты немедленно, если только латиномудрствующее лице не крестится въ православіе [3])". Полемика Грековъ противъ латинянъ, какъ она выражена въ разсматриваемой Кормчей—просто заставляетъ стыдиться за Грековъ и отъ души жалѣть ихъ. Вотъ, наприм., образчикъ полемики противъ латинскихъ опрѣсноковъ. „Утвержденіе латинянъ, что Господь совершилъ таинственную вечерю на опрѣснокахъ, совершенно ложно, ибо найденъ былъ тотъ самый квасный хлѣбъ, который преподанъ былъ Христомъ. По разсказамъ Николая Индрунта (ὁ Ὑδροῦντος—неизвѣстно что это за авторитетъ) франки (латиняне), овладѣвъ Константинополемъ (въ XIII в.), нашли въ царскомъ сосудохранилищѣ золотой сосудъ, а въ немъ хлѣбъ, преподанный Христомъ апостоламъ, хлѣбъ этотъ квасный, на сосудѣ была такая надпись" и т. д. [4]). Разумѣется, все это одни басни! Или: вотъ какъ въ этой Кормчей доказывается истинность православной пасхаліи по сравненію съ латинскою пасхаліею. „Въ Египтѣ, въ странахъ Иліополя, гдѣ двѣ (?) ве-

[1]) Πηδάλιον, ἤτοι ἅπαντες οἱ ἱεροὶ καὶ θεῖοι κανόνες τῆς ἐκκλησίας, σελ. 31, Аѳины, 1841.
[2]) Ibidem, σελ. 31.
[3]) Ibidem, σελ. 162. Ἡ σημείωσις.
[4]) Ibidem, σελ. 54. Ἡ σημείωσις.

ликія пирамиды, каждый годъ происходитъ слѣдующее чудо: съ вечера Великаго четверга—нашего, а не латинскаго, земля на кладбищахъ извергаетъ остатки и кости человѣческія, которые и остаются на поверхности до Вознесеньяго дня, а потомъ скрываются до слѣдующаго Великаго четверга. Это не миѳъ, а истина (δὲν εἶναι μῦθος, ἀλλὰ ἀληθινόν)—добавляетъ изслѣдователь,—засвидѣтельствованная древними историками [1])" и т. д. O, non sancta simplicitas! Еще одинъ и послѣдній примѣръ: „латинскіе священники—говорится въ Кормчей—сбривая волосы сверху и снизу и постоянно выстригая средину (гумёнце), такимъ образомъ уничтожаютъ сходство съ вѣнцомъ святыхъ (при чемъ ношеніе волосъ на греческій манеръ признается уподобленіемъ указанному „вѣнцу святыхъ"); Максимъ Маргуній—добавляетъ Кормчая—называетъ ихъ стрижку вѣнцомъ блудничнымъ [2])".... Мнѣ кажется, что даже у нашихъ раскольниковъ не встрѣтишь такихъ нелѣпыхъ разсужденій, какія заключаются въ *Кормчей* книгѣ якобы просвѣщенныхъ Грековъ!

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ теоріи Греки питали непримиримую ненависть къ латинянамъ. Но къ чести христіанскаго имени Греки въ обыденныхъ отношеніяхъ не обнаруживаютъ такой нетерпимости къ латинянамъ, какой можно было бы ожидать. Въ этомъ случаѣ спасаетъ Грековъ отъ крайностей ихъ старый культурный духъ. Русскій путешественникъ по Востоку, Арсеній Сухановъ въ своемъ „Проскинитаріи" (произведеніи XVII в.) съ удивленіемъ разсказывалъ о томъ, что онъ видѣлъ въ Виѳлеемѣ, во время рождественскихъ праздниковъ. А видѣлъ онъ вотъ что: „27 декабря, послѣ обѣдни патріархъ (іерусалимскій) пошелъ къ франкамъ (латинянамъ) съ невеликими людьми. Встрѣчали патріарха франки, облачась и со свѣчами. И встрѣтя, напредъ пошли старцы (монахи) римскіе начальные; патріарха подъ руки вели. И какъ пришли въ церковь, учали франки играть въ органы; а патріархъ пришедъ въ костелъ, кланялся инокамъ. А какъ кадили, патріархъ осѣнялъ ихъ рукою. Потомъ челъ евангеліе попъ римскій, а по евангеліи паки стали играть въ органы, а попъ съ евангеліемъ пришедъ къ патріарху, давалъ его цѣловать. И тако игравъ

1) Ibidem, σελ. 5. Ἡ σημείωσις.
2) Ibidem, σελ. 134, 135. Ἡ σημείωσις.

пошли попы со свѣчами изъ костела напредь, потомъ патріархъ и старцы съ нимъ франки; и гуляли по садамъ. Потомъ пошли въ трапезу. И тутъ патріархъ сидѣлъ и прочіе съ нимъ [1])". Или вотъ еще болѣе любопытный фактъ. Константинопольскій патріархъ Іеремія II, по случаю сношеній съ нимъ папы Григорія XIII, по дѣлу исправленія календаря, въ знакъ уваженія къ этому папѣ послалъ ему перстъ отъ мощей св. Іоанна Златоуста и руку отъ мощей св. Андрея Критскаго; драгоцѣнный подарокъ этотъ патріархъ сопровождалъ письмомъ Григорію XIII. Это было въ 1584 г. [2]).—Сношенія римской куріи и константинопольской патріархіи въ наше время (сношенія правда очень рѣдкія) носятъ слѣды утонченной вѣжливости.

---

[1]) *Проскинитарій*. Стр. 55—56. Изданіе палестинскаго общества. С.-Петерб., 1889.

[2]) Γεδεὼν. Πατριαρχικοὶ Πίνακες. Σελ. 525.

Сношенія греческой церкви съ протестантами во второй половинѣ XVI-го вѣка [1]).

(Изъ исторіи греко-восточной церкви подъ властію Турокъ: отъ паденія Константинополя, въ 1453 г., до настоящаго времени).

Τὴν ὑμετέραν οὖν πορευόμενοι μηκέτι μὲν περὶ δογμάτων, φιλίας δὲ μόνης ἕνεκα, εἰβουλητὸν, γράφετε.

Идите своею дорогою, и о догматахъ къ намъ не пишите, а развѣ только изъ—дружбы, если пожелаете.

Патріархъ Іеремія II.

(Главные источники и пособія, ихъ указаніе и критическія замѣчанія на нихъ.—Благосклонныя отношенія турецкой власти къ протестантамъ и протестантскимъ державамъ: значеніе этихъ отношеній для греческой церкви.—

[1]) *Съ присовокупленіемъ свѣдѣній о греческихъ ученыхъ тогоже времени I. и Θ. Зигомала.*—Главными источниками и пособіями при выполненіи нашего труда служатъ слѣдующія изданія и сочиненія: 1) Acta et scripta theologorum Wirtembergensium et patriarchae Constantinopolitani Dom. Hieremiae. In fol. Witebergiae. 1584. Чрезвычайно рѣдкое изданіе. 2) Turcograecia, a Martino Crusio edita. Basiliae. 1584. Не особенно рѣдкое изданіе. 3) Gerlach. Türkisches Tagebuch. Francfort sur-Main In. fol 1674. Рѣдчайшее изданіе. Изъ числа извѣстныхъ намъ библіотекъ, мы нашли его лишь въ Публичной библіотекѣ при Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Экземпляръ дѣвственной чистоты, и только наша грѣшная рука впервые въ теченіе вѣковъ коснулась листовъ этой книги, уже почти склеившихся на обрѣзѣ отъ долговременнаго спокойнаго лежанія на полкахъ.—Всѣ эти три изданія были уже разсмотрѣны нами въ свое время и по достоинству оцѣнены, а достоинство ихъ чрезвычайно высоко. (См. выше стрр. 41—42; 47—48. Или же *Богосл. Вѣстн., 1894*, т. I, стрр. 527—529; 533—534). Впрочемъ съ книгой Герлаха (Gerlach) ниже мы познакомимся подробнѣе, потому что изъ нея мы приведемъ потомъ многія интересныя выдержки и притомъ же сдѣлаемъ о ней же одну или нѣсколько спеціальныхъ замѣтокъ.—4) Hefele. Versuche zur Protestantisirung der griechischen Kirche. (Статья,—напечатанная въ книгѣ поименованнаго римско-католическаго епископа Гефеле (†) Beiträge zur Kirchengeschichte, Archäologie und Liturgik. I Band. Tübingen, 1864). Первая половина статьи (S. 444—463) посвящена разсмотрѣнію той самой

Попытка Филиппа Меланхтона завести сношенія съ церковнымъ Константинополемъ, ея неудача.—Болѣе удачныя и интереснѣйшія сношенія греческой церкви съ протестантами, въ Германіи, во второй половинѣ XVI-го вѣ-

---

темы, которая обозначена въ заголовкѣ нашей статьи. Этотъ очеркъ Гефеле въ свое время былъ переведенъ на русскій языкъ превосходнымъ знатокомъ нѣмецкаго языка профессоромъ Осининымъ и помѣщенъ въ *Христіанскомъ Чтеніи* (1865, т. I), съ нѣкоторыми, впрочемъ несущественными, пропусками. Разсматриваемый очеркъ съ излишнею холодностію и даже подозрительностію относится къ попыткѣ протестантовъ XVI вѣка завязать сношенія съ греческою церковію; но это не мѣшаетъ ему быть полезнымъ для первоначальнаго ознакомленія съ дѣломъ. 5) Профессора И. И. Малышевскаго. Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ. Т. I. Кіевъ, 1872. Здѣсь авторъ на стр. 208—223 излагаетъ исторію сношеній протестантовъ съ патріархомъ Іереміею. Проф. Малышевскій разсказываетъ эту исторію, по его обыкновенію, многословно, а на этотъ разъ излагаетъ дѣло съ замѣтною поспѣшностію и допускаетъ ошибки, которыя отчасти будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ. Вышеуказанныя страницы книги во всякомъ случаѣ оказываютъ значительную пользу всякому, начинающему изучать исторію сношеній протестантовъ съ вышеназваннымъ патріархомъ. Слѣдуетъ еще отмѣтить тотъ мягкій тонъ, въ какомъ говоритъ здѣсь покойный профессоръ о протестантахъ, и какой вообще свойственъ болѣе интеллигентнымъ православнымъ богословамъ и какой такъ отличаетъ этихъ отъ римско-католическихъ богослововъ, напримѣръ, хоть отъ того же Гефеле. Не мѣшаетъ также упомянуть, что ни Гефеле, ни Малышевскій не были знакомы съ «Дневникомъ» (Tagebuch) Герлаха, въ которомъ этотъ послѣдній описываетъ положеніе греческой церкви при Іереміи II-мъ, съ замѣчательною подробностію. 6) Legrand. Notice biographique sur Iean et Théodose Zygomalas. (Въ парижскомъ изданіи, подъ заглавіемъ: Publications de l' école des langues orientales vivantes. III série. Volume VI. Paris, 1889). Трудъ ученаго Леграна представляетъ очень подробную біографію двухъ ученыхъ мужей греческой церкви второй половины XVI-го вѣка, отца и сына Зигомала, этихъ важнѣйшихъ помощниковъ Іереміи въ его перепискѣ съ тюбингенскими протестантами того времени. Проф. Васильевскій (†) называетъ этюдъ Леграна весьма интереснымъ («Обозрѣніе трудовъ по Византійской исторіи». Вып. 1, см. «дополненія». Петерб., 1890). Дѣйствительно, о трудѣ Леграна можно говорить только съ похвалой. Для насъ лично онъ былъ весьма важенъ въ томъ отношеніи, что изъ него впервые мы узнали о существованіи на свѣтѣ «Дневника Герлаха» (у Леграна приводятся большія выдержки изъ указаннаго дневника), начали ревностно искать его по библіотекамъ, и къ нашему утѣшенію, очень скоро отыскали его (какъ сказано было выше). Но съ нашей точки зрѣнія этюдъ Леграна имѣетъ тотъ крупный недостатокъ, что здѣсь не излагается исторіи сношеній протестантовъ съ Іереміею: для него двое Зигомала больше всего интересны, какъ ученыя лица, послужившія въ свое время къ ознакомленію Запада съ исторіей греческаго народа и его словесностію. Но нельзя не отдавать ему дани уваженія за то, что онъ, прекрасно ознакомившись съ «Дневникомъ» Герлаха, устанавливаетъ вѣрный взглядъ на научное значеніе этого замѣчательнаго памятника по отношенію къ изученію греческой церкви временъ Іереміи II-го. Замѣчательно, нѣмцы, изъ среды которыхъ вышелъ Герлахъ, не догадались этого сдѣлать ранѣе французскаго ученаго. 7) Meyer. Die theologische Litteratur der Griechischen Kirche in XVI Iahrhundert. Leipz., 1899. Мейэръ—лице очень извѣстное въ литературѣ, относи-

ка;—свѣдѣнія о тюбингенскомъ университетѣ (70 и 80-хъ годовъ этого вѣка) гдѣ сосредоточивались нити этихъ сношеній. Ближайшій поводъ къ сношеніямъ греческой церкви съ протестантами.—Составъ протестантскаго посольства въ Константинополѣ въ 70-хъ годахъ XVI-го вѣка.—Составъ лицъ, принадлежавшихъ къ греческой церкви и принимавшихъ участіе въ сношеніяхъ.—Свѣдѣнія о научныхъ и житейскихъ сношеніяхъ Тюбингена и Кон-поля, письмо Θеодосія Зигомала къ студентамъ тюбингенскаго университета и отвѣтъ имъ на это письмо.—Стефанъ Герлахъ, протестантскій пасторъ въ Кон-полѣ, и посѣщенія имъ патріарха Іереміи II-го и отставнаго патріарха Митрофана, отъѣздъ Герлаха на родину (по «дневнику» послѣдняго). Исторія сношеній догматическаго характера.—Первый *отвѣтъ* изъ Константинополя, поводъ къ нему—сообщеніе Іереміи и представителямъ греческой науки «Аугсбургскаго исповѣданія» съ просьбой протестантовъ выразить свой голосъ о немъ; какая редакція этого «исповѣданія» сообщена была въ Константинополь? Общее содержаніе перваго отвѣта, его источники, нѣкоторыя наиболѣе оригинальныя мысли изъ него.—Второй *отвѣтъ*: чѣмъ онъ вызванъ (тюбингенцы прислали responsum oppositum на 1-ый константинопольскій «отвѣтъ»), краткое содержаніе второго отвѣта, его источники, нѣкоторыя мысли изъ него.—Третій *отвѣтъ*,—чѣмъ онъ вызванъ со стороны протестантовъ: немногія свѣдѣнія объ этомъ отвѣтѣ.—Мысли протестантовъ касательно *отвѣтовъ* и одного православнаго писателя о полемическихъ произведеніяхъ тюбингенцовъ, написанныхъ въ оппозицію «отвѣтамъ».—Рѣшеніе вопроса о цѣли вышеозначенныхъ взаимныхъ сношеній протестантства и греческой церкви.—Кто были главными составителями «отвѣтовъ»? Двое Зигомала.—Біографія Іоанна и Θеодосія Зигомала;—сообщеніе извѣстій объ умственномъ, нравственномъ и семейномъ состояніи обоихъ Зигомала, на основаніи «Дневника» Герлаха.—Значеніе догматической переписки между греческой церковію и Тюбингеномъ—для православнаго міра, для протестантской науки и для Грековъ въ разныхъ отношеніяхъ).

Тонъ отношеніямъ Греческой церкви къ римско-католикамъ и протестантамъ давали Турки. Турецкое прави-

---

щейся къ изученію исторіи греческой церкви; ему принадлежитъ прекрасное сочиненіе объ аѳонскомъ монашествѣ. Онъ не профессоръ и кажется никогда не былъ таковымъ, онъ имѣетъ званіе протестантскаго пастора. Вообще Мейэръ—свободный любитель церковно-исторической науки. Тѣмъ не менѣе, онъ имѣлъ весьма удобный случай изучать греческую церковь въ ея настоящемъ и прошедшемъ положеніи: въ продолженіе многихъ лѣтъ (1881—1888 г.) Мейэръ, въ должности протестантскаго пастора, проживалъ въ Смирнѣ, здѣсь онъ, по его словамъ, составилъ библіотеку греческихъ богословскихъ сочиненій, въ особенности относящихся къ турецкому періоду греческой церкви и не находящихся даже въ лучшихъ нѣмецкихъ книгохранилищахъ. Вышеназванная книга его такъ интересна, что она заслуживала бы того, чтобы о ней былъ написанъ подробный и серьезный отзывъ. Но это выходитъ за рамки нашей теперешней задачи. Къ нашему дѣлу прямо относится лишь нѣсколько страницъ, на которыхъ говорится о Іереміи II, и отцѣ и сынѣ Зигомала. Но эти немногія страницы чрезвычайно важны. Здѣсь между прочимъ разсматривается вопросъ о тѣхъ источникахъ, какими пользовались составители «отвѣтовъ» лютеранамъ при пространномъ изложеніи этихъ отвѣтовъ. Вопросомъ этимъ до Мейэра никто изъ ученыхъ не занимался. Какъ мы благодарны судьбѣ, что она послала намъ эту книгу, какъ разъ вóвремя!

тельство непріязненно смотрѣло на католиковъ, также относились къ нимъ и Греки. Иначе смотрѣло турецкое правительство на протестантовъ, поэтому другія отношенія къ этимъ послѣднимъ находимъ и у Грековъ. Почему Турецкое государство взирало благосклонно на протестантовъ,—на это были свои причины. Прежде всего, между протестантскими народами не было ни одного, который былъ бы сосѣднимъ съ Турецкою имперіею и могъ бы быть опаснымъ для оттоманскаго правительства. Этого мало. Религіозныя воззрѣнія протестантовъ мусульмане считали болѣе близкими къ ихъ религіи, чѣмъ римскій католицизмъ. Не трудно доказать, что въ Константинополѣ благосклонно относились ко всѣмъ протестантамъ, лютеранамъ, пресвитеріанамъ и т. д. Имъ отдавали предпочтеніе предъ папистами. Извѣстный уже намъ нѣмецкій ученый пасторъ Стефанъ Герлахъ въ XVI вѣкѣ писалъ: „Турки больше любятъ лютеранъ, чѣмъ папистовъ, потому что лютеране осуждаютъ почитаніе иконъ и имъ кажется даже, что лютеране скорѣе готовы сдѣлаться мусульманами, чѣмъ римско-католиками. Поэтому, въ случаѣ плѣненія какого либо европейца, они спрашиваютъ его: „лютеранинъ онъ или папистъ“ [1])? Вотъ одинъ изъ интересныхъ случаевъ, доказывающихъ, какъ турецкая власть относилась къ протестантскому исповѣданію. Въ 1573 году, нѣкто Іаковъ Палеологъ, будучи на Западѣ, обратился въ протестантство и потомъ возвратился на о. Хіосъ, подчиненный турецкому владычеству. Жители острова, Греки, недовольные его отпаденіемъ отъ православія, жаловались на него предъ турецкими судьями, но судьи становятся на сторону Палеолога. Они постановили такое рѣшеніе: „говорятъ, что ты лютеранинъ. Но мы беремъ лютеранъ подъ свою защиту, потому что они, кажется, лучше мыслятъ о Богѣ и очень въ немногомъ отступаютъ отъ насъ, между тѣмъ какъ паписты гораздо больше различествуютъ съ нами, такъ какъ они дѣлаютъ статуи и изображенія Божества и покланяются имъ [2])“.

[1]) Zinkeisen. Gesch. qes Osmanischen Reiches. 3-ter Theil, S. 476. Gotha, 1855.

[2]) Pichler. Gesch. der kirchlichen Trennung. B. I: Byzantinische Kirche. S. 507. München, 1864.

Замѣтимъ еще, что есть извѣстіе, что нѣкоторые Греки въ случаѣ отпаденія въ протестантство, въ интересахъ самозащиты, на судѣ епископскомъ объявляли: „мы вѣруемъ, какъ вѣруетъ и султанъ" [1]). Такимъ отношеніемъ турокъ къ протестантамъ объясняется то явленіе, что даже католическія державы старались назначать посланниками при оттоманской портѣ людей протестантскаго образа мыслей. Въ виду такихъ отношеній Турокъ къ протестантизму сами протестанты разныхъ европейскихъ странъ, въ случаѣ невзгоды, обращались къ турецкому правительству, ища для себя защиты и покровительства у враговъ христіанства. Такъ въ XVI вѣкѣ съ Турками завязываютъ сношенія—гугеноты, эти французскіе протестанты, когда имъ солоно пришлось на ихъ родинѣ. Правда, эти сношенія не привели ни къ какимъ цѣлямъ, потому что Султанъ Сулейманъ, съ которымъ происходили эти сношенія вскорѣ умеръ, да и самый смыслъ этихъ сношеній остается неяснымъ, — вожди гугенотовъ хранили ихъ въ глубокой тайнѣ [2]). Что во всякомъ случаѣ гугеноты добились благорасположенія со стороны Порты, это ясно видно изъ того, что когда произошо позорное событіе во Франціи, именуемое Варѳоломеевскою ночью, и когда несчастные французскіе протестанты были варварскимъ образомъ избиты, тогда Порта измѣнила свои отношенія къ Франціи,—тонъ холодный и враждебный сталъ характеризовать эти отношенія [3]). Но не одни несчастные гугеноты искали помощи и покровительства у турецкой власти. То же самое, но еще въ большихъ размѣрахъ произошло въ началѣ XVII вѣка. Въ царствованіе автрійскаго или, какъ онъ тогда именовался,—римскаго императора Фердинанда протестантство сильно распространилось среди семи южныхъ провинцій австрійской имперіи, между прочимъ въ Венгріи, Богеміи, Моравіи, и Силезіи; и такъ какъ австрійское правительство начало преслѣдовать новоявленныхъ протестантовъ, то указанныя семь провинцій рѣшились отложиться отъ австрійской имперіи и стали искать себѣ помощи и покровительства у турецкихъ султановъ. Австрійскіе

[1]) Ibidem.
[2]) Zinkeisen, III, 476. 490.
[3]) Zinkeisen. Ibid., 478.

протестанты отправили формальное посольство въ Константинополь. Посольство это охотно было принято не только великимъ визиремъ, но и удостоилось аудіенціи самого султана. Оно нашло себѣ ласковый пріемъ, тѣмъ болѣе, что послы, зная восточныя обычаи, явились въ Константинополь не съ пустыми руками. Они взяли съ собою множество подарковъ для великаго визиря и прочихъ визирей на сумму 70,000 гульденовъ. Протестантское посольство передало турецкой власти очень замѣчательную грамоту, которой испрашивалось покровительство гонимымъ диссидентамъ. Послы въ этой грамотѣ въ черныхъ краскахъ описывали австрійскаго императора Фердинанда, они объявляли его незаконнымъ государемъ; да если бы онъ и былъ законнымъ государемъ, все-же—говорили послы—онъ не можетъ быть другомъ султана, потому что онъ, какъ и всѣ его предшественники, при вступленіи на престолъ, далъ клятву въ теченіи всей жизни быть непримиримымъ врагомъ всѣхъ исповѣдниковъ ислама и вѣчно бороться съ ними. Затѣмъ протестантскіе послы говорили, что всѣ герцоги, князья, графы, дворяне и всѣ сословія Венгріи, Моравіи, Силезіи и проч., рѣшившись отложиться отъ Фердинанда и отвергнуть его, отправили пословъ къ блистательной Портѣ съ цѣлію заключить съ могущественнымъ султаномъ союзъ, причемъ его враги и его друзья будутъ нашими врагами и друзьями. Союзъ этотъ—замѣчали послы—нужно заключить не на нѣсколько лѣтъ, мѣсяцевъ и дней, какъ дѣлалось это прежде, но на вѣчныя времена; союзъ этотъ долженъ продолжаться до самого втораго пришествія. Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ—хвалились послы—еще не было заключаемо такого союза дружбы между христіанами и мусульманами. Вышеуказанныя провинціи съ теченіемъ времени, именно въ августѣ 1620 года, получили отвѣтъ отъ Порты, скрѣпленный Султаномъ. Порта объявила, что она заключаетъ вѣчный союзъ съ Богеміей, Моравіей и т. д.; а также объявлялось, что Фердинандъ не будетъ болѣе считаться королемъ указанныхъ провинцій и что съ этихъ поръ съ нимъ прекращаются всякія сношенія, касающіяся дѣлъ Богеміи и проч. Наконецъ, Султанъ рѣшился отправить съ своей стороны для засвидѣтельствованія добрыхъ отношеній между Портою и

вышеупомянутыми провинціями—отправить торжественное посольство съ надлежащими дарами князьямъ этихъ провинцій. И дѣйствительно, нѣсколько лѣтъ Порта съ одной стороны, и Венгрія, Моравія, Силезія и проч. съ другой,—обмѣнивались взаимными посольствами [1]).

Не должно однакоже думать, что только различные гугеноты да возмутившіеся противъ правительства протестанты клонились на сторону Турецкаго государства. Нѣтъ, и сами коронованныя особы протестантскаго міра охотно протягивали руку и братались съ султанами. Такъ англійская королева Елизавета въ борьбѣ съ папой и Испаніей или Филиппомъ II охотно искала помощи у султана и не думала скрывать существованія такого страннаго союза. Елизавета писала письма къ султану и именовала себя въ нихъ „непобѣдимой и могущественной поборницей истинной вѣры противъ идолопоклонниковъ“[2]),—кого она разумѣла подъ идолопоклонниками понять не трудно. Во всякомъ случаѣ она уравнивала себя съ магометанами, которые тоже объявляли себя разрушителями царства идолопоклонниковъ. Султанъ Муратъ III въ одномъ изъ отвѣтныхъ писемъ Елизаветѣ называетъ ее громкимъ титуломъ „почтенною отъ Бога госпожей христіанской вѣры“. Вообще Англичане хотѣли идти нога въ ногу съ Турками въ борьбѣ съ ихъ общими врагами—католиками [3]). Англійскіе протестанты такъ усердно ухаживали за Турками, что эти послѣдніе нѣсколько даже подсмѣивались надъ ними. Такъ во времена Елизаветы великій визирь однажды сказалъ: „Англичанамъ немного не достаетъ, чтобы стать истинными мусульманами, имъ слѣдуетъ еще поднять перстъ къ небу и произнести „эшхедъ“ то-есть формулу принятія исламизма [4]). Таковы-то отношенія установились между протестантами и турецкими властями. Турки, конечно, цѣнили симпатіи, какія къ нимъ питали протестанты и старались поддерживать съ ними тѣсныя связи. Въ самомъ Константинополѣ послы протестантскихъ державъ пользовались нерѣдко большимъ вліяніемъ и поче-

[1]) Zinkeisen, III, 716—724.
[2]) Zinkeisen. Ibid., S. 427.
[3]) Pichler, I, 507—508.
[4]) Zinkeisen, III, 431.

томъ по сравненію съ послами католическихъ государей. Такъ въ началѣ XVII вѣка послы голландскій, англійскій и шведскій образовали изъ себя въ Константинополѣ крѣпкій союзъ и руководили внѣшней политикой султановъ. Въ то же время посольство французское, австрійское и испанское, какъ представители католическихъ державъ, стѣснены были въ своихъ дѣйствіяхъ. Значитъ, Турки и протестанты шли держась за руки[1]). Въ XVIII вѣкѣ, въ головѣ султана Махмуда I-го возникалъ даже фантастическій планъ уничтожить всю іерархію и духовную власть улемовъ, подобно тому, какъ поступили протестантскіе курфюрсты съ римскою іерархіею[2]).

Изъ вышеуказанныхъ фактовъ открывается, какъ благосклонно Турки смотрѣли на протестантовъ, а протестанты на Турокъ. А это въ свою очередь давало возможность и для Грековъ и греческой церкви имѣть общеніе и сношенія съ протестантами совершенно безпрепятственно. Турки не могли истолковывать подобныхъ сношеній во вредъ Грекамъ. Исторія дѣйствительно свидѣтельствуетъ, что въ такого рода сношеніяхъ между протестантами и Греками не было недостатка.

Кто первый началъ сношенія —протестанты или Греки— вопросъ, рѣшеніе котораго остается неяснымъ. Повидимому, Греки. Есть извѣстіе, что константинопольскій патріархъ Іоасафъ (1555—1565) посылалъ въ Германію нѣкоего старца Димитрія Миза, греческаго діакона, который былъ въ Виртенбергѣ—съ цѣлію ознакомленія съ новымъ лютеранскимъ ученіемъ[3]). Съ этимъ Димитріемъ познакомился извѣстный Филиппъ Меланхтонъ, который, конечно, очень любопытствовалъ знать—въ какомъ положеніи находится греческая церковь. Слѣдствіемъ этого знакомства было то, что Меланхтонъ рѣшился завести сношенія съ константинопольскою патріархіею. Случай къ этому данъ былъ тѣмъ, что Димитрій Мизъ собрался въ возвратный путь. Указанный глава реформаціоннаго движенія счелъ полезнымъ послать съ Димитріемъ на имя патріарха из-

[1]) Pichler. Gesch. des Protestantismus in der orientalisch. Kirche im XVII Jahrh. S. 113—114. München, 1862.

[2]) Gervinus. Gesch. der. XIX-ten Jahrhund. B. V, 39. Leipz., 1861.

[3]) Turcograecia, p. 484.

ѣстную протестантскую Символическую книгу—Аугсбург-
кое исповѣданіе въ греческомъ переводѣ, сдѣланномъ
олціемъ[1]). При этомъ Меланхтонъ препроводилъ еще на
мя патріарха-же письмо. Письмо это дошло до нашего
ремени. Въ письмѣ онъ выражаетъ радость о томъ, что
огъ чудеснымъ образомъ сохранилъ греческую церковь
Ѳракіи, Греціи и Азіи, при чемъ сравниваетъ ее съ
звѣстными библейскими тремя отроками; далѣе онъ увѣ-
яетъ, что ученіе, исповѣдуемое новымъ протестантскимъ
бществомъ, основывается на писаніяхъ пророковъ и апо-
головъ, что приверженцы этого церковнаго общества
ринимаютъ опредѣленія древнихъ соборовъ и ученіе от-
евъ церкви, наприм., Аѳанасія Вел., Василія Великаго,
ригорія Богослова, Епифанія и Ѳеодорита, поскольку
предѣленія соборовъ и ученіе отцовъ согласны съ свящ.
исаніемъ; далѣе говорится, что приверженцы новаго
елигіознаго общества отрѣшаются отъ всѣхъ древнихъ
ресей и суевѣрій современнаго папства; наконецъ авторъ
исьма проситъ патріарха не внимать клеветамъ, распро-
траняемымъ на счетъ протестантскаго общества, и явиться
оборникомъ божественной истины[2]). Письмо это отпра-
лено было патріарху Іоасафу въ 1559 году. Но сношеній
ежду патріархомъ и Меланхтономъ не завязалось. Не-
звѣстно, отчего такъ вышло. Оттого-ли, что патріархъ
е счелъ нужнымъ завязывать отношеній съ какимъ-то
еформаторомъ, боясь унизить тѣмъ свое достоинство
натр. Іоасафъ былъ человѣкъ малодоступный), или же
ттого, что этотъ предстоятель константинопольской
ерkви самъ скоро лишился каѳедры, по обвиненію въ
имоніи—это остается неразъясненнымъ.

Но чего не устроилось при Іоасафѣ, т. е. сношеній
ежду греческой церковію и протестантами, то воспослѣ-
овало чрезъ нѣсколько лѣтъ въ томъ же XVI вѣкѣ. Го-
оримъ о завязавшихся довольно продолжительныхъ сно-
шеніяхъ греческой церкви съ тюбингенскими богословами
вообще съ тюбингенскимъ университетомъ въ проте-
тантской Германіи. Какъ они происходили, въ чемъ

1) Turcograecia, p. 488. Этотъ Долцій (Павелъ) былъ протестантскимъ
огословомъ.

2) Turcograecia, p. 557. Слич. 204.

состояли, какая была цѣль этихъ сношеній и т. д. разъясненіе этихъ вопросовъ и составляетъ нашу задачу.

Такъ какъ тюбингенскій университетъ и въ особенности богословскій факультетъ этого университета принимали весьма живое и дѣятельное участіе въ упомянутыхъ сношеніяхъ, то мы считаемъ долгомъ сказать о состояніи богословскаго факультета названнаго университета и его профессорахъ—разумѣется при этомъ мы исключительно будемъ имѣть въ виду то время, когда происходили сношенія Греческой церкви съ Тюбенгеномъ, т. е. въ 70 и 80-ыхъ годахъ XVI вѣка. Съ именемъ Тюбингена у насъ въ настоящее время соединяется представленіе о какомъ-то очагѣ раціонализма и отрицательной критики. Но ничего такого не было въ Тюбингенѣ въ XVI в. Богословскій факультетъ въ Тюбингенѣ предъ тѣмъ, какъ начались сношенія Грековъ со здѣшними протестантами, перенесъ тяжкій кризисъ: онъ только-что преобразовался изъ католическаго факультета въ протестантскій. Само собой понятно, что этотъ кризисъ совершился не легко. Но во всякомъ случаѣ въ то время, о которомъ мы говоримъ, факультетъ принялъ упорядоченный видъ [1]). Во главѣ профессоровъ богословскаго факультета въ разсматриваемое время стоялъ Іаковъ Андреэ. Кромѣ профессорской должности, онъ носилъ званіе канцлера университета, что-то въ родѣ ректора. Онъ служилъ при университетѣ долго, усердно; ему приписываютъ честь приведенія богословскаго факультета въ порядокъ [2]). Іаковъ Андреэ былъ неутомимымъ писателемъ. Онъ самъ о себѣ говорилъ, что онъ готовъ былъ бы писать не только обѣими руками, но и еслибы было можно—то и ногами: О немъ же говорятъ, что онъ писалъ съ такою ревностію и быстротою, что какъ будто бы кто-то его погонялъ и заставлялъ спѣшить [3]). Въ развитіи лютеранства онъ извѣстенъ тѣмъ, что усердно заботился объ единеніи и поднятіи значенія этого исповѣданія на счетъ ученія Меланхтона и Кальвина [4]). Объ

---

[1]) Weizsäcker. Die Lehrer und Unterricht an der theolog. Facultät de Universität Tübingen. S. 29. Tüb., 1877.

[2]) Ibid., 29.

[3]) Schmoller. Zwanzig Predigten von Iak. Andreä. S. 12. Güterl., 1890.

[4]) Ibid., 8.

этомъ же Андреэ извѣстно, что онъ имѣлъ 18 человѣкъ дѣтей [1]). — Говоримъ: Андреэ стоялъ во главѣ богословскаго факультета. Весь же факультетъ состоялъ изъ весьма небольшаго числа профессоровъ — которыхъ, кромѣ самого Андреэ, насчитывалось только три лица: Гербрандъ, Шнепфъ, Бренцъ, а по смерти этого послѣдняго мѣсто занялъ Стефанъ Герлахъ [2]), о которомъ мы упоминали прежде, и о которомъ будемъ говорить сейчасъ опять. Интересно знать, въ чемъ состоялъ курсъ богословскихъ наукъ въ то время въ Тюбингенѣ. Мы очень ошибемся, если предположимъ, что разсматриваемый факультетъ походилъ, наприм., на нашу духовную Академію. Ничего похожаго не было. Профессора излагали на лекціяхъ одинъ и единственный предметъ—св. Писаніе, т. е. экзегетику св. Писанія [3]). Вотъ наприм., что именно читалось въ теченіе одного изъ 80-тыхъ годовъ XVI-го вѣка. Одинъ профессоръ читалъ о книгахъ пророковъ, другой о Пятокнижіи, третій о Павловыхъ посланіяхъ и главнымъ образомъ о первомъ посланіи къ Коринѳянамъ; четвертый и послѣдній излагалъ какія-то loci communes, т. е., по всей вѣроятности, мѣста св. Писанія, служащія къ изъясненію и подтвержденію лютеранскаго вѣроученія [4]). Приблизительно въ такомъ же родѣ и вообще шло преподаваніе въ указанномъ факультетѣ. При этомъ нужно замѣтить, что нѣкоторые профессора одну и ту же книгу св. Писанія истолковывали чуть не въ теченіе десятка лѣтъ. Разумѣется—это было положительнымъ злоупотребленіемъ. Противъ такого злоупотребленія вооружалась и сама предержащая власть. Такъ, къ тому времени, о которомъ мы говоримъ, относится указъ герцога Виртембергскаго, въ которомъ профессорамъ богословскаго факультета въ Тюбингенѣ внушалось—не слишкомъ тянутъ свои чтенія объ одномъ и томъ же предметѣ и больше заботиться о пользѣ слушателей, чѣмъ о пріумноженіи собственной славы [5]). Въ виду того, что преподаваніе сводилось къ экзегетикѣ, кажется, и сами профессора немного были знакомы съ церковной

[1]) Ibid., 10.
[2]) Weizsäcker, 29. 34.
[3]) Weizsäcker, 30.
[4]) Weizsäcker, 37.
[5]) Weizsäcker, 37.

исторіей, каноникой, патристикой, сравнительнымъ богословіемъ и пр. Это ясно обнаружилось при ихъ сношеніяхъ съ православнымъ представительствомъ Константинополя—гдѣ они обнаружили, что они больше знаютъ свою догматику и экзегетическую казуистику, чѣмъ церковную исторію и сущность греческаго православія. Вокругъ поименованныхъ нами профессоровъ богословскаго факультета сгруппировалось нѣсколько другихъ лицъ протестантскаго исповѣданія, которыя живо интересовались вѣстями изъ Константинополя. Въ этомъ случаѣ предпочтительнѣе предъ прочими долженъ быть поименованъ извѣстный Мартинъ Крузій или Крузе, профессоръ греческаго языка и словесности въ Тюбингенскомъ университетѣ, знаменитый для того времени лингвистъ. А затѣмъ группу лицъ въ Тюбингенѣ, интересовавшихся тѣмъ же дѣломъ, дополняли собою—Лука Озіандеръ, придворный проповѣдникъ, Лейзеръ, Гунніасъ — питомцы тюбингенскаго университета [1]) и такъ далѣе. Наконецъ къ этой же группѣ принадлежали нѣкоторые студенты тюбингенскаго университета, любители эллинизма, и между ними студентъ Іоганъ Трахей, написавшій одно довольно длинное письмо въ Константинополь на греческомъ языкѣ.

Обстоятельства, давшія поводъ къ сношеніямъ Тюбингена съ церковнымъ Константинополемъ — довольно извѣстны. Въ 1573 году Австрійскій императоръ Максимиліанъ нашелъ нужнымъ отправить съ политическими цѣлями посольство въ столицу Турціи,—во главѣ этого посольства, по волѣ монарха, поставленъ былъ баронъ Давидъ Унгнадъ, ревностный протестантъ. Мы не будемъ удивляться тому, что католическій христіаннѣйшій монархъ, Максимиліанъ назначаетъ своимъ посломъ въ Константинополь—протестанта, когда припомнимъ, какъ относились Турки къ протестантамъ, и какъ поэтому выгодно было для правительства той или другой державы имѣть своимъ представителемъ въ Портѣ именно протестанта. Назначенный въ послы Унгнадъ былъ человѣкъ религіозный и пожелалъ имѣть при себѣ въ Константинополѣ протестантскаго пастора; въ этихъ видахъ онъ обратился въ Тюбин-

[1]) Weizsäcker, 34. 30.

генъ, въ университетъ, который, должно быть, славился богословскою ученостію. Вышеупомянутый нами канцлеръ и профессоръ Андреэ, горячо принялъ просьбу Унгнада, предложилъ мѣсто пастора, въ Константинополѣ при посольствѣ, только-что кончившему курсъ съ отличнымъ аттестатомъ (который и теперь можно читать въ его цѣлокупности) и со степенью магистра—Стефану Герлаху. Герлахъ согласился—и вотъ начинаются довольно продолжительныя и любопытныя сношенія Тюбингена съ Константинополемъ. Канцлеръ не обманулся въ своемъ выборѣ; Герлахъ оправдалъ всѣ надежды какія на него можно было возлагать. Онъ оказался очень любознателенъ, очень точенъ и аккуратенъ, очень услужливъ, достаточно ловокъ и находчивъ. Словомъ, для тюбингенцевъ лучшаго человѣка въ ихъ интересахъ и обрѣсти было трудно. А интересы ихъ были весьма не шуточные. Мартинъ Крузій хотѣлъ имѣть свѣдѣнія о современномъ греческомъ языкѣ и литературѣ, хотѣлъ имѣть книги, написанныя на этомъ языкѣ, пріобрѣсти обстоятельныя свѣдѣнія о греческомъ народѣ и новѣйшей его исторіи; что же касается тюбингенскихъ богослововъ, то они желали познакомить Грековъ съ ихъ новымъ протестантскимъ ученіемъ, желали найти ему поддержку и одобреніе въ Греческой церкви, желали обстоятельно знать современное положеніе этой церкви съ ея направленіемъ, идеалами и наукой.—Когда Герлахъ отправился въ Константинополь, канцлеръ Андреэ и Крузій воспользовались этимъ случаемъ—отослать письма къ патріарху, котораго они впрочемъ и по имени не знали, и въ этихъ письмахъ кратко высказывали свои разнаго рода желанія.

Само собой понятно, что въ Константинополѣ любезно и съ любопытствомъ отнеслись къ корреспонденціи тюбингенскихъ протестантовъ, иначе и самыхъ сношеній не послѣдовало бы. Извѣстно, что во главѣ лицъ, которыя въ Константинополѣ приняли участіе въ перепискѣ съ тюбингенцами, стоялъ самъ тогдашній патріархъ—Іеремія II. Онъ не былъ человѣкомъ образованнымъ, но обладалъ отзывчивой душей и умѣлъ интересоваться тѣмъ, что заслуживало интереса. Впрочемъ, къ характеристикѣ Іереміи должно послужить то, что мы ниже скажемъ объ его

отношеніяхъ къ нашимъ протестантамъ. Для тюбингенцевъ въ практическомъ и научномъ отношеніи важнѣе Іереміи были двое греческихъ богослововъ того времени— Іоаннъ и Ѳеодосій Зигомала, съ личностію и судьбою которыхъ мы познакомимся впослѣдствіи, т. е. ниже. Другихъ лицъ,—заинтересовавшихся Тюбингеномъ и протестантствомъ и принадлежавшихъ къ Греческой церкви въ Константинополѣ, перечислять нѣтъ большой необходимости.

Теперь намъ нужно сказать, въ чемъ именно состояли сношенія протестантскаго міра на западѣ съ православнымъ міромъ въ бывшей христіанской Византіи. Но прежде описанія сношеній догматическаго характера, передадимъ свѣдѣнія о сношеніяхъ научнаго и житейскаго свойства. Крузій и Андреэ — пишутъ письма къ Іереміи, старательно переводя ихъ на греческій языкъ; въ свою очередь патріархъ пишетъ и каждому въ отдѣльности изъ указанныхъ профессоровъ и всѣмъ имъ вообще въ Тюбингенъ. Тюбингенцы, можно сказать, не даютъ вздохнуть двумъ греческимъ ученымъ Іоанну и Ѳеодосію Зигомала— въ разнообразныхъ письмахъ спрашиваютъ объ одномъ, просятъ о чемъ нибудь другомъ, даютъ порученія касательно чего нибудь — и все это безъ перемѣжки. „Пришлите то-то, спишите то-то, отыщите то-то, купите то-то". И двое Зигомала охотно удовлетворяютъ благороднымъ желаніямъ тюбингенцевъ. Совсѣмъ забываешь — что сношенія происходятъ между кружками столь противоположными по вѣрѣ, нравамъ, языку, традиціямъ, историческому положенію. Все это очень любопытно.—Но можетъ быть, особенно любопытно будетъ заглянуть въ корреспонденцію, касающуюся тюбингенскаго студенчества XVI-го вѣка. Ѳеодосію Зигомала пришла фантазія написать письмо прямо тюбингенскимъ студентамъ, какъ любителямъ эллинства, которыхъ, впрочемъ, онъ совсѣмъ не зналъ. Въ своемъ письмѣ Ѳеодосій внушаетъ юношамъ старательно учиться, откинувъ всякую лѣность; совѣтуетъ имъ избѣгать увлеченій, развлеченій и разсѣянности. Указываетъ имъ, какое счастіе, что они живутъ въ своемъ царствѣ— и ничѣмъ не стѣснены. „Гдѣ свое царство—разсуждаетъ онъ — тамъ и свобода, а гдѣ свобода, тамъ и школы и

ука“. Въ противоположность этому, жалуется на то нежество, которое объяло Грековъ въ неволѣ. Увѣщеваетъ ь уважать ихъ профессора Крузія: „почитайте его, какъ ца—говоритъ онъ - и выражайте ему чувства благодарсти“ [1]). Тюбингенскіе студенты не остались въ долгу Эеодосія Зигомала; они отвѣчали ему греческимъ письмъ, вѣроятно стоившимъ не малаго имъ труда и пота. держаніе ихъ письма такое. Послѣ комплиментовъ по эесу ученѣйшаго и мудрѣйшаго Ѳеодосія, они сознася ученому Греку, что ихъ одолѣваютъ искушенія. Не гокъ путь, ведущій къ вершинѣ мудрости, съ горестію шутъ они. Ихъ одолѣвала постыдная болѣзнь—pigritia оторая извѣстна и. нашимъ студентамъ). Затѣмъ корреснденты выражаютъ благодарность Богу за то, что Онъ едрилъ ихъ многими благами; въ числѣ этихъ благъ и указываютъ на своихъ профессоровъ, одаренныхъ, по ъ словамъ, божественною мудростію и украшенныхъ бродѣтелями. А о себѣ студенты замѣчаютъ, что они достойны этихъ благъ и не обинуясь именуютъ себя годными псами—такъ и сказано псами: τοῖς κυσί [2]). Раиѣется, они такъ говорятъ о себѣ по смиренію. Корреэнденты потомъ перечисляютъ науки, которыя они процятъ. Изъ этого изчисленія наукъ открывается, что эреспондентами были не старинные товарищи студенъ духовной Академіи, не studiosi theologiae, а старинные варищи студентовъ историко-филологическаго факульга нашихъ университетовъ, т. е. — филологи. Указавъ уки, какія они изучаютъ, корреспонденты съ особенною агодарностію говорятъ о своемъ профессорѣ Мартинѣ узіи [3]); впрочемъ тюбингенскіе студенты при этомъ зачаютъ, что „они любятъ и чтутъ и прочихъ своихъ эфессоровъ“ (конечно съ нашей современной точки зрѣ—это замѣчаніе стародавнихъ студентовъ очень наивно). дъ письмомъ находимъ подпись: „Іоаннъ Трахей и его варищи“. Не удовольствовавшись этимъ, трудолюбивый ахей написалъ еще стихотвореніе въ честь Ѳеодосія

[1]) Turcograecia. Epistola in Tybingensem Academiam: Studiosis... (отъ 15 ѣря, 1575 г.), pag. 436—438.
[2]) Turcograecia. Epist. Theodosio Zygomalae (отъ 12 апрѣля 1576 г.), 452—453.
[3]) Ibid., 454—455.

Зигомала тоже на греческомъ языкѣ. Одинъ стихъ здѣсь читается такъ: „Θεοδοσίου ὑμνεῖ διὰ Τύβιγγα κλέος—т. е. Слава Θеодосія воспѣвается въ Тюбингенѣ“ [1]).

Не можемъ не сказать также хотя нѣсколькихъ словъ объ отношеніяхъ Греческой церкви къ протестантамъ въ самомъ Константинополѣ, въ изучаемое время. Въ этомъ случаѣ драгоцѣнные матеріалы даетъ намъ дневникъ Герлаха, дневникъ, съ которымъ мы отчасти познакомились раньше. Въ своемъ дневникѣ Герлахъ съ величайшею аккуратностію записалъ о всѣхъ своихъ свиданіяхъ съ патріархомъ Іереміею и другими представителями Греческой церкви. Мы извлечемъ отсюда только нѣсколько чертъ, главнымъ образомъ характеризующихъ отношенія Іереміи къ Герлаху. Первый визитъ Герлахъ сдѣлалъ патріарху 15 октября 1573 г. Объ этомъ визитѣ въ дневникѣ записано слѣдующее: Герлахъ пришелъ къ патріарху для того, чтобы вручить ему два письма отъ профессора Андрея и профессора Крузія. Объяснялся онъ съ патріархомъ при помощи переводчика, старшаго Зигомала. „Мы привѣтствовали патріарха — говоритъ Герлахъ — желали ему всякаго благополучія и цѣловали его руки“. Затѣмъ Герлахъ описываетъ, какъ одѣтъ былъ патріархъ и каковъ онъ былъ изъ себя. Онъ называетъ его „пріятнымъ и милымъ человѣкомъ“ [2]). Второе посѣщеніе патріарха Герлахомъ происходило 24 мая 1575 года. Пасторъ передалъ патріарху письмо Андреэ и экземпляръ Аугсбургскаго исповѣданія въ греческомъ переводѣ. Патріархъ принялъ то и другое отъ Герлаха съ лицемъ, выражавшимъ удовольствіе. И затѣмъ сейчасъ же раскрылъ книгу Аугсбургскаго исповѣданія—и громкимъ голосомъ началъ читать первыя пять главъ изъ него, такъ что присутствующіе тоже могли знать, что прочитано патріархомъ. Окончивъ чтеніе, Іеремія вступилъ въ продолжительный диспутъ съ Герлахомъ; они говорили объ искупительныхъ заслугахъ Христа, о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ и особенно много объ

[1]) Ibid., 456.

[2]) Gerlachs. Tagebuch, 29—30.—Проф. Малышевскій представляетъ себѣ пріемъ Герлаха очень торжественнымъ и пишетъ: «Іеремія, окруженный членами патріархіи принялъ Герлаха» и пр. (210). Но въ Turcogr. говорится объ этомъ иначе: patriarcha aliquot *domesticis* Graecis et calogeris, praesentibus: *extra* suum *conclave*, humanissime accepit illos (p. 486).

исхожденіи Духа Св. и отъ Сына. Когда Герлахъ уходилъ отъ патріарха, то послѣдній благословилъ его знаменіемъ крестнымъ [1])—по замѣчанію автора дневника.—11 іюля того же 1575 года Герлахъ снова посѣтилъ патріарха. Онъ пришелъ къ нему съ какимъ то другимъ нѣмцемъ. Патріархъ вышелъ къ нимъ въ садъ, и по мѣстному обычаю сѣлъ прямо на коврѣ на землю и приглашалъ гостей послѣдовать его примѣру. Но когда Герлахъ и его спутникъ, не умѣвшіе сидѣть по-турецки, отказались сѣсть на землю, то Іеремія приказалъ принести стулья. Кстати онъ велѣлъ захватить прислужнику и дорогаго вина для угощенія гостей. Затѣмъ, когда гости выпили вина, онъ сталъ говорить съ ними по поводу разныхъ богословскихъ вопросовъ. Много говорилъ о хлѣбѣ квасномъ и опрѣснокахъ. Разсуждалъ объ исповѣди и разрѣшеніи грѣховъ, смѣялся надъ папскими индульгенціями, и при этомъ замѣтилъ, что онъ строго запрѣтилъ греческимъ священникамъ брать деньги за совершеніе исповѣди. Въ заключеніе будтобы патріархъ сказалъ, что онъ одобряетъ (!!) то, что написано въ Аугсбургскомъ исповѣданіи, за исключеніемъ лютеранскаго отрицанія ученія о пресуществленіи [2]). Въ томъ же году въ праздникъ Успенія Герлахъ присутствовалъ при патріаршей службѣ въ патріархіи и былъ приглашенъ Іеремiей на обѣдъ, который приготовленъ былъ на 100 человѣкъ. Но Ѳеодосій Зигомала потихоньку сказалъ Герлаху, чтобы онъ не ходилъ на обѣдъ, такъ какъ тамъ начнется пьянство, которое продолжится до ночи. Ѳеодосій пригласилъ Герлаха къ себѣ на квартиру въ той же патріархіи на обѣдъ; и патріархъ былъ такъ любезенъ, что прислалъ имъ тотчасъ же великое множество мяса, хлѣба, вина, пива [3]). Когда въ сентябрѣ 1576 года Герлахъ представилъ патріарху два письма отъ Крузія, то Іеремія сказалъ: что вы рѣдко такъ у меня бываете? И затѣмъ, прочитавъ одно изъ писемъ, замѣтилъ: мнѣ пріятны и письма и ваше посѣщеніе [4]). Въ іюлѣ 1577 года Герлахъ еще посѣтилъ Іеремію,

[1]) Tageb., 94—95.
[2]) Tageb., 100—101.
[3]) Tageb., 107.
[4]) Tag., S. 248—249.

при этомъ патріархъ, подписавъ одно письмо къ кому-то, въ знакъ любезности показалъ Герлаху свою подпись [1]).—28 декабря тогоже года Герлахъ былъ въ гостяхъ у отставного Константинопольскаго патріарха, Митрофана (добавляю отъ себя, — человѣка просвѣщеннаго). Этотъ принялъ его самымъ дружественнымъ образомъ, угостилъ его конфектами, медомъ и дорогимъ мускатнымъ виномъ. Бесѣда ихъ длилась очень долго. Между прочимъ Митрофанъ говорилъ, что онъ прежде посѣщалъ домъ Германскаго посольства (которое въ это время, какъ мы знаемъ, состояло изъ протестантовъ) въ Константинополѣ, и только изъ опасенія клеветъ, что будто онъ во время этихъ визитовъ сообщаетъ свѣдѣнія, опасныя для турецкаго правительства, оставлены имъ эти посѣщенія. Много говорили Герлахъ и греческій патріархъ о церковной литературѣ [2]). Черезъ два дня послѣ этого (31 числа) Герлахъ былъ въ келіяхъ патріарха Іереміи, принесъ ему множество писемъ, пришедшихъ изъ Тюбингена и нѣсколько книгъ, написанныхъ на греческомъ языкѣ въ Тюбингенѣ и тамъ же изданныхъ (безъ сомнѣнія, книги были присланы въ даръ патріарху). При этомъ случаѣ Герлахъ роздалъ драгоцѣнные подарки патріарху и обоимъ Зигомала, присланные оттудаже. Именно всѣмъ имъ, при посредствѣ Андреэ и Крузія, по порученію герцога Лудвига, вручены были—рѣдкость въ то время—карманные часы (прехорошенькіе, добавлю я, имѣя на то основанія): Іереміи въ 40 талеровъ, старшему Зигомала въ 23 талера, а младшему Зигомала—въ 20 [3]). За этотъ подарокъ патріархъ потомъ письменно благодарилъ и Андреэ и Крузія, при чемъ онъ такъ выражается: „Богъ всяческихъ да хранитъ васъ своею благодатію, васъ питомцевъ всякой благодати“ [4]).

Мая 30-го, 1578 года происходила прощальная аудіенція патріарха Іереміи съ Герлахомъ. Патріархъ просилъ его чаще писать къ нему, обѣщался съ своей стороны подробно отвѣчать и желалъ, по выраженію автора „Днев-

1) Tag., S. 363.
2) Tag., S. 425.
3) Tag., S. 427—428.
4) Acta ea scripta theologorum Wirtembergensium, p. 386.

ника", всѣмъ намъ (?) (вѣроятно, Крузію, Андреэ и др.) тысячекратнаго счастія и благополучія (viel 1000 Glück). Онъ вручилъ Герлаху коллективное письмо на имя Андрэ Геербранда, Озіандера и Крузія, а также по отдѣльному письму для каждаго изъ нихъ. Послалъ Андреэ въ подарокъ пурпуровый Хіосскій коверъ, который и въ Хіосѣ стоилъ не дешевле 30 талеровъ, всѣмъ прочимъ поименованнымъ протестантскимъ ученымъ, по личнóму утиральнику (προσώψιον). Самому же Герлаху Іеремія подарилъ личнóй утиральникъ, а его внукъ (?) кошелекъ (конечно, пустой) [1]). Герлахъ навсегда оставилъ Константинополь.

Обращаемся къ описанію главнаго дѣла, бывшаго результатомъ взаимныхъ сношеній тюбингенцевъ съ константинопольскою церковію,—разумѣемъ знаменитыя „отвѣты" лютеранамъ, представленные этимъ послѣднимъ отъ имени патріарха Іереміи. Оставляя въ сторонѣ изложеніе извѣстій о нѣкоторыхъ предварительныхъ сношеніяхъ между представителями греческой церкви и тюбингенцами [2]), обратимся къ изученію указанныхъ „отвѣтовъ". Такихъ отвѣтовъ дано было три. Начнемъ, разумѣется, съ перваго „отвѣта" догматическаго содержанія (впрочемъ всѣ „отвѣты" такого же характера). Дѣло подвигалось, нужно сознаться, не особенно быстро. Въ 1575 году 24 мая Герлахъ вручилъ Іереміи извѣстную протестантскую вѣроучительную книгу — „Аугсбургское Исповѣданіе" (confessio Augustana) въ шести экземплярахъ, въ греческомъ переводѣ прежде упомянутаго нами протестантскаго теолога Дольція; изъ числа ихъ одинъ предназначался для самого патріарха, а другіе для ученаго Θеодосія Зигомала, Митрофана митрополита Веррійскаго и проч. Тюбингенцы желали, чтобы греческая церковь выразила свой голосъ по поводу этого „исповѣданія". Послѣдняя рѣшилась удовлетворить желанію „вопрошающихъ". Въ томъ-же году къ 30 августа составленъ былъ проэктъ отвѣта, а къ 15 апрѣля 1576 года этотъ проэктъ былъ осуществленъ;

---

[1]) Tag. S. 502.

[2]) О нихъ можно находить свѣдѣнія у проф. Малышевскаго («Мелетій»), стр. 211—213; у Hefele въ прежде упомянутомъ его сборникѣ (S. 448—452) или же въ русскомъ переводѣ этогоже трактата Гефеле (въ *Хр. Чт.*, 1865, т. 1). Повторять эти свѣдѣнія считаемъ дѣломъ излишнимъ.

30-го апрѣля въ собраніи лицъ, заинтересованныхъ дѣломъ, патріархъ прочиталъ „отвѣтъ“ и приказалъ изготовить списокъ съ него, оригиналъ же долженъ былъ оставаться въ Константинополѣ. Мая 14 въ подобномъ же собраніи было читано препроводительное письмо и отдано для переписки. На слѣдующій день „отвѣтъ“ вмѣстѣ съ препроводительнымъ письмомъ переданъ германскому посланнику, а 20 мая посылка была отправлена по назначенію съ курьеромъ Вольфомъ Вейссъ. Этотъ первый „отвѣтъ“ датированъ 15-мъ днемъ мая[1]).

Теперь слѣдуетъ познакомиться съ содержаніемъ этого „отвѣта“[2]). Приведемъ прежде всего нѣсколько строкъ изъ препроводительнаго письма. Іеремія говоритъ здѣсь: „вотъ, германцы мудрые мужи, — писаніе, котораго вы давно желали. Посылаемъ его вашей любви, какъ къ дѣтямъ“. Онъ называетъ ихъ далѣе „людьми умными, многосвѣдущими и благоразумными“, которые не станутъ истинѣ предпочитать заблужденіе. А затѣмъ патріархъ взываетъ: „О, еслибы вы согласились съ нашею церковію! Если вы истинно исполните это, то и на небѣ и на землѣ будетъ радость о соединеніи обѣихъ церквей“, (заслуживаетъ вниманія, что Іеремія въ лицѣ тюбингенцевъ обращаетъ свою рѣчь ко всѣмъ тогдашнимъ лютеранамъ). Въ заключеніе патріархъ пишетъ о характерѣ „отвѣта“ и говоритъ: „мы не будемъ говорить ничего своего, но только то, что заимствовано нами отъ св. седьми соборовъ и изъ мнѣній божественныхъ учителей“ (т. е. св. отцовъ)[3]).

---

[1]) Meyer Theolog. Litteg. der Griechischen Kirche im XVI Jahrhund. S. 95.

[2]) «Отвѣты патріарха Іереміи» (Responsa patriarchae Hieremiae), въ XVIII-мъ столѣтіи, изданы были однимъ греческимъ монахомъ съ такимъ наименованіемъ: «Книга, называемая судья истины» (Βιβλίον, καλούμενον κριτὴς τῆς ἀληθείας). См. Meyer, 96.

[3]) Греческіе «отвѣты» существуютъ и въ русскомъ переводѣ, который мы имѣемъ подъ руками. Онъ находится въ книгѣ, подъ заглавіемъ: «святѣйшаго патр. кон-польскаго Іереміи отвѣты Лютеранамъ. Переводъ съ греч. Архимандритъ Нилъ». М. 1866. Кто этотъ Нилъ—мы не знаемъ. Въ новѣйшихъ спискахъ русскихъ архіереевъ съ этимъ именемъ помѣщается лишь одинъ Нилъ ярославскій, но несомнѣнно—не онъ переводчикъ книги. Переводъ дѣйствительно сдѣланъ съ греческаго, но о. архимандритъ не пренебрегаетъ и латинскимъ текстомъ оригинала, помѣщеннымъ въ Acta et Scripta theol. Wirtemb., что однакожъ не составляетъ большой бѣды. Въ нашемъ очеркѣ мы будемъ цитировать рядомъ: и Acta и Переводъ. Вышеприведенныя слова письма Іереміи см.: Acta, p. 54, 56; Перев., 9—11.

Первый „отвѣтъ“ представляетъ собою разборъ „Аугсбургскаго исповѣданія“, присланнаго тюбингенцами патріарху и другимъ лицамъ. Разборъ этотъ ведется не такъ, чтобы брались тѣ или другія мѣста изъ этого исповѣданія и подвергались оцѣнкѣ съ православно-научной точки зрѣнія, а такъ, что воззрѣніямъ протестантскимъ противопоставляется ученіе православное, при чемъ подлинныхъ словъ Аугсбургскаго исповѣданія[1]) не приводится въ „отвѣтѣ“. „Отвѣтъ“ однакожъ не оставляетъ безъ вниманія ни одного главнаго пункта протестантскаго вѣроученія, переходя отъ одной главы „исповѣданія“ къ другой.

При разсмотрѣніи этого „отвѣта“, какъ и послѣдующихъ, мы будемъ держаться такого правила: во первыхъ, мы будемъ указывать, какими источниками пользовалась греческая церковь, излагая свое православное ученіе, а во вторыхъ, затѣмъ будемъ приводить нѣкоторыя выдержки изъ „отвѣта“, когда находимъ ихъ наиболѣе характеристическими.

Но прежде всего, во общихъ чертахъ, нужно познакомить читателя съ содержаніемъ перваго „отвѣта“.

Глава 1-ая: о единомъ и тріипостасномъ Богѣ (Acta, pag. 57—58. Перев., 12—14); гл. 2: о членахъ вѣры (pag. 58—63. Перев. 16—22); гл. 3 [2]): о прародительскомъ грѣхѣ

[1]) Для насъ представлялся любопытнымъ вопросъ: какая редакція Аугсбургскаго исповѣданія прислана была тюбингенцами въ К-поль: дѣло въ томъ, что такихъ редакцій двѣ. Первая есть та, которая представлена была лютеранами императору Карлу, въ 1530 году, на Аугсбургскомъ сеймѣ (отчего это «исповѣданіе» и получило свое имя); вторую же составляетъ та редакція, которая выработана протестантскими богословами и которая появилась въ 1540 году (въ основѣ ея лежитъ confessio Augustana, 1530 г.) и которая извѣстна съ именемъ: Confessio Augustana variata. Для рѣшенія, занимавшаго насъ, вопроса мы сравнили текстъ «Аугсбургскаго исповѣданія», присланнаго изъ Тюбингена въ К-поль и напечатаннаго въ Acta et scripta theolog. Wirtemberg (p. 5—53) съ текстомъ двухъ редакцій разсматриваемаго «исповѣданія» въ книгѣ: Kolde. Die Augsburgische Konfession lateinisch und deutsch (Gotha, 1896) и пришли къ такому результату: въ основѣ «исповѣданія», бывшаго подъ руками составителей перваго *отвѣта*, лежитъ редакція «исповѣданія» 1530 года, но въ эту редакцію привнесены отрывки изъ редакціи: Variata, 1540 года, значитъ, это была смѣшанная редакція (т. е. новая). Существовала ли такая редакція во времена Крузія и Герлаха или же она сочинена нарочито для К-поля,—сказать не умѣемъ, но больше склоняемся въ пользу рѣшенія вопроса въ послѣднемъ смыслѣ.

[2]) Составители «отвѣта» нашли болѣе логичнымъ отвѣчать напередъ на третью главу Аугсбургскаго исповѣданія, а потомъ уже на вторую, а по-

(pag. 63—64. Пер. 15—16); гл. 4: о вѣрѣ оправдывающей (pag. 64—65. Пер. 23—25); гл. 5: о исполненіи слова, т. е. Божія. Здѣсь раскрывается такая мысль: всякій долженъ совершенно и надлежащимъ образомъ исполнять то, за что возвѣщается въ словѣ Божіемъ обѣтованіе царства небеснаго (pag. 65—71. Пер. 25—34); гл. 6: о добрыхъ дѣлахъ (pag. 71—77. Пер. 35—44); гл. 7: о церкви (pag. 77—81. Пер. 44—52); гл. 8: о томъ, что въ церкви находятся и непотребные (pag. 81—85. Пер. 52—59); гл. 9: о крещеніи (pag. 85. Пер. 59—60); гл. 10: о вечери Господней (pag. 86. Пер. 60—1); гл. 11: о исповѣди (pag. 86—89. Пер. 62—65); гл. 12: о покаяніи (pag. 89—95. Пер. 66—76); гл. 13: объ употребленіи (de usu) св. таинствъ. Здѣсь опровергаются мысли протестантовъ, что таинства установлены будтобы для того, чтобы быть только нѣкоторыми символами или признаками, отличающими христіанъ отъ язычниковъ (pag. 95—104. Пер. 76—92); гл. 14: о рукоположеніи или чинѣ церковномъ (pag. 104—108. Пер. 92—99); гл. 15: о церковныхъ обрядахъ (pag. 109—111. Пер. 99—104); гл. 16: о дѣлахъ гражданскихъ (pag. 112—113. Пер. 104—107); гл. 17: о послѣднемъ судѣ (pag. 113. Пер. 107); гл. 18: о самопроизволеніи (pag. 113—117. Пер. 108—115); гл. 19: о причинѣ грѣха (pag. 117—119. Пер. 115—118); гл. 20: о добрыхъ дѣлахъ (pag. 119—127. Пер. 118—131); гл. 21: о почитаніи святыхъ (pag. 127—143. Пер. 131—158), —здѣсь впрочемъ говорится и о нѣкоторыхъ другихъ матеріяхъ, наприм., о злоупотребленіяхъ по части таинствъ въ римско-католической церкви, и о праздникахъ, постахъ, о монашеской жизни (кромѣ того здѣсь же въ концѣ главы находится обращеніе къ читателямъ, т. е. къ лютеранамъ). Вотъ общее содержаніе перваго „отвѣта".

Въ „обращеніи" къ лютеранамъ, находящемся въ концѣ отвѣта говорится: „все это нами сказанное, возлюбленные, какъ и вы хорошо знаете, утверждается (кромѣ св. Писанія) на толкованіи св. богослововъ нашихъ, на здра-

тому составивъ отвѣтъ на 3-ю главу, помѣстили его въ видѣ 2-й главы у себя, помѣтивъ ее цифрой 3 (обратное сдѣлано со 2-ой главой «исповѣданія»). Мы же, не желая вводить читателя въ недоумѣніе, помѣтили упомянутыя главы «отвѣта» обычнымъ циферным порядкомъ.

вомъ ученіи, ибо вамъ не позволено полагаться на собственное изъясненіе" (pag. 142. Пер. 155), разумѣется,— догматовъ.

И дѣйствительно, въ „отвѣтѣ" почти всегда рѣчь ведется во имя авторитетныхъ церковныхъ постановленій, отъ лица св. отцовъ и другихъ писателей церковныхъ позднѣйшаго времени. Такъ „отвѣтъ" ссылается на правила апостольскія (pag. 127. Пер. 130), на Василія Великаго, Златоуста — на того и другого безчисленное число разъ (наприм. на Василія: p. 64, пер. 23, p. 66, пер. 26; pag. 85, пер. 60; pag. 78, пер. 63 и дал.; на Златоуста: pag. 68, пер. 30; p. 87, пер. 35; p. 82, пер. 53). Изрѣдка есть указанія на ученіе Діонисія Ареопагита (p. 80, перев. 50) и другихъ древнихъ церковныхъ писателей. — Изъ болѣе новыхъ церковныхъ писателей въ „отвѣтѣ" довольно многое заимствуется изъ сочиненій слѣдующихъ лицъ: Симеона Ѳессалоникійскаго, греческаго богослова начала XV-го вѣка (наприм. pag. 64, пер. 21; p. 78—79, пер. 46—48; и др.), Николая Кавасилы, митрополита Ѳессалоникійскаго XIV-го вѣка (наприм. см. 13 главу), Іосифа Вріеннія, греческаго писателя XIV вѣка (наприм., p. 90—93, перев. 68 и дал.), Гавріила Севера, архіепископа филадельфійскаго XVI в. (см. гл. 7) и вѣроятно другихъ[1]).

Для характеристики содержанія, заключающаго въ первомъ „отвѣтѣ", представимъ нѣсколько обращиковъ, отличающихся извѣстнаго рода оригинальностію. Такъ о таинствахъ въ отвѣтѣ говорится: „каждое изъ таинствъ имѣетъ опредѣленную матерію и форму, а равно орудную опредѣленную причину. Такъ, въ крещеніи матеріею служитъ вода, а формою слова священника: „крещается рабъ Божій" и проч.; орудная же причина есть священникъ". Въ частности о таинствѣ священства здѣсь сказано: „руко-

[1]) Ни Кавасила, ни Вріенній, ни Симеонъ, ни Северъ въ отвѣтѣ не цитируются прямо. Зависимость «отвѣта» отъ этихъ писателей впервые указалъ въ литературѣ ученый Мейеръ (въ извѣстной его книгѣ, S. 98—99). Спрашивается: почему «отвѣтъ» не цитируетъ (за исключеніемъ кажется, однократнаго случая съ Симеономъ) всѣхъ этихъ писателей, какъ онъ дѣлаетъ въ отношеніи Василія и Златоуста? Намъ кажется, составители «отвѣта» поступаютъ такъ потому, что церковный авторитетъ вышеуказанныхъ писателей казался имъ не достаточно высокимъ, а потому, дѣлая выписки изъ ихъ сочиненій, они молчали о авторахъ этихъ послѣднихъ.

положеніе сообщаетъ власть и силу Творца. Безъ священника ничто не свято. Апостоламъ и ихъ преемникамъ Христосъ предалъ ключи неба". А относительно таинства брака здѣсь выражена такая мысль: „Богъ дозволилъ намъ совершать преемство рода такъ же, какъ и безсловеснымъ; дабы мы знали, въ какомъ находимся состояніи и это только дотолѣ" и пр. (Acta. 77 — 78. Пер. 45—47). Вотъ еще нѣсколько мыслей по вопросу о почитаніи святыхъ: „говоримъ, что (молитвенное) призываніе прилично главнымъ образомъ только въ отношеніи къ одному Богу и къ Нему преимущественно и собственно относится; а то, которое совершается къ святымъ, бываетъ не въ собственномъ смыслѣ и обращается къ нимъ такъ сказать случайно и по благодати. Ибо не Петръ или Павелъ слышитъ тѣхъ, которые, призываютъ ихъ, но благодать, которую они имѣютъ. Посредниками мы дѣлаемъ всѣхъ святыхъ и чтимъ ихъ храмами, и призываніями, иконами — относительно, а не служебно. Лучше мы сами не желаемъ стать святыми, нежели бояться впасть, чрезъ относительное почитаніе, во обожаніе" (p. 127—128. Пер. 131—2).— Кстати здѣсь замѣтить, что ученіе о церковномъ пастырствѣ въ Аугсбургскомъ исповѣданіи было изложено совершенно неясно, въ виду этого „отвѣтъ" похвалялъ то, что не заслуживало никакой похвалы. Въ отвѣтѣ написано: „XIV глава („исповѣданія") повелѣваетъ, чтобы никто другой не проповѣдывалъ и не раздавалъ таинствъ, кромѣ лицъ, законно поставленныхъ на сіе служеніе. Это, говоримъ мы, хорошо" (p. 104. Пер. 93). Но такъ какъ протестанты не признаютъ таинства священства, то правильнымъ ихъ ученіе о священствѣ признавать нельзя. Впрочемъ, нужно сказать, въ этомъ случаѣ вина падаетъ не на составителя „отвѣта", а на аугсбургское исповѣданіе, гдѣ сказано было: „никто не можетъ проповѣдовать и сообщать таинства, nisi rite vacatus". Читатель этихъ словъ въ латинскомъ подлинникѣ и въ греческомъ переводѣ, если не зналъ дѣйствительнаго положенія дѣла, всегда могъ допускать мысль, что протестантство признаетъ благодатное рукоположеніе. Но этого на самомъ дѣлѣ не было. Съ этой истиной греческая церковь ознакомилась изъ тѣхъ возраженій, которыми встрѣтили протестанты „отвѣтъ" на ихъ „исповѣданіе".

Слѣдуетъ еще привести заключительныя слова „отвѣта“, съ которыми греческая церковь обращается къ протестантамъ, слова, дышащія любовію къ заблуждающимся. „Если вы, германцы, читаемъ здѣсь, мудрые мужи и возлюбленныя по духу чада, желаете, какъ люди благоразумные, всей душею присоединиться къ нашей церкви, то мы, какъ чадолюбивые отцы, охотно примемъ ваше бдагорасположеніе, если только захотите, согласно съ нами, слѣдовать апостольскимъ и соборнымъ догматамъ. И когда такимъ образомъ изъ двухъ церквей состоится при помощи Божіей одна, тогда мы станемъ жить въ союзѣ и поживемъ богоугодно“ и пр. (pag. 143. Пер. 157).

На сейчасъ разсмотрѣнный „отвѣтъ“ послѣдовали замѣчанія и возраженія (не въ полемической, а положительной формѣ) со стороны тюбингенцевъ, но это произошло только чрезъ годъ по полученіи въ Тюбингенѣ этого „отвѣта“. Дѣло замедлилось отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Сводъ указанныхъ замѣчаній и возраженій составилъ изъ себя обширный трактатъ (Acta, p. 144—199), который въ греческомъ переводѣ и посланъ былъ въ Константинополь съ препроводительнымъ на имя Іереміи—вѣжливымъ письмомъ. Излагать содержаніе трактата намъ нѣтъ надобности: въ немъ заключаются довольно обычныя протестантскія религіозныя воззрѣнія. Да изложеніе это было бы и безцѣльно; потому что и второй „отвѣтъ“ константинопольской церкви протестантамъ не входитъ, какъ и первый, въ разборъ лютеранскаго ученія, поскольку оно находилось въ указанномъ трактатѣ, а прямо этому ученію противопоставляетъ свое православное ученіе, переходя отъ одного догмата къ другому, въ порядкѣ все того же трактата.

Относительно этого трактата сдѣлаемъ немногія замѣчанія, чтобы имѣть о немъ нѣкоторое представленіе. Послѣ письма къ Іереміи, здѣсь встрѣчаемъ что-то въ родѣ введенія, въ которомъ протестанты указываютъ исходныя точки ихъ ученія. Такъ, они здѣсь говорятъ, что не опредѣленія соборовъ и не писанія отцевъ служатъ къ уясненію спорныхъ религіозныхъ вопросовъ, а лишь одно св. Писаніе; что точное истолкованіе этого источника вѣры заимствуется не отъ соборовъ и не у отцовъ, а изъ самого св.

Писанія, и что если само св. Писаніе недостаточно уясняетъ себя, то нужно ожидать, что неясное уяснится для насъ въ будущей жизни (pag. 150 et cc.). Изъ отдѣльныхъ пунктовъ ученія отмѣтимъ лишь выраженный здѣсь взглядъ на іерархію. Мы уже знаемъ, что аугсбургское исповѣданіе ввело въ невольную ошибку составителей перваго „отвѣта", побудивъ ихъ похвалить взглядъ протестантовъ на іерархію. По прочтеніи же разсматриваемаго лютеранскаго трактата, всякія сомнѣнія на этотъ счетъ должны были исчезнуть въ греческой церкви. Здѣсь раскрывалось, что протестанты отвергаютъ наименованіе: священникъ Sacerdos), а вмѣсто него употребляютъ выраженіе служитель церкви (ecclesiae minister), и что ихъ эти служители могутъ жениться и послѣ поставленія въ должность (послѣ руковозложенія суперъ интендента) и даже ни одинъ разъ (pag. 175—177).

Переходимъ къ разсмотрѣнію втораго „отвѣта". Вышеуказанный лютеранскій трактатъ полученъ былъ Герлахомъ въ Константинополѣ, 1577 года, 31 декабря, и конечно переданъ въ патріархію. Въ началѣ слѣдующаго года (8 января) трактатъ этотъ отданъ былъ на разсмотрѣніе Митрофану, митрополиту Веррійскому. Затѣмъ всѣ извѣстія о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла исчезаютъ для насъ [1]). Извѣстно только, что второй „отвѣтъ" носитъ на себѣ такую дату: май, 1579 года.

Содержаніе втораго „отвѣта" такое. Сначала идетъ изложеніе ученія: „объ исхожденіи св. Духа" (Acta, 200—224. Пер. 162—200; за тѣмъ—разсужденіе: „о самопроизволеніи" (pag. 224—228. Пер. 200—208); далѣе—изслѣдуется вопросъ: „объ оправданіи и добрыхъ дѣлахъ" (pag. 229—237. Пер. 208—222), послѣ того излагается ученіе: „о таинствахъ" (pag. 238—242. Пер. 222—230), еще далѣе,—ученіе: „о призываніи святыхъ" (pag. 242—256. Пер. 230—252), въ заключеніе идетъ богословское разсужденіе: „о монашеской жизни" (pag. 257—264. Пер. 252—264), разсужденіе по нашему теперешнему пониманію изъ области нравственнаго богословія, съ точки же зрѣнія составителей „отвѣта"—изъ области православной догматики, ибо

---

1) Meyer. S. 95.

ии, согласно Діонисію Ареопагиту, относятъ монашеское освященіе къ числу внѣседмеричныхъ таинствъ (см. наало статьи: „о монашеской жизни" во второмъ „отвѣтѣ").

Изложеніе содержанія этого „отвѣта", какъ и перваго, юкоится на авторитетахъ. Мы встрѣчаемъ мѣста изъ Ва:лія Вел., Златоуста, а также изъ Діонисія, изрѣдка, изъ чиненій греческаго богослова XIV-го вѣка, Іосифа Вріення (изъ этого послѣдняго, наприм., pag. 231—234. Пер. р. 211—217; pag. 234. Перев. 217 и т. д.) [1]).

Что касается отдѣльныхъ мыслей, находимыхъ въ „отзтѣ" и заслуживающихъ вниманія, то здѣсь много глуюкихъ сужденій по вопросу о почитаніи святыхъ. Въ „отзтѣ" между прочимъ читаемъ: „вы говорите, что вы отергаете почитаніе святыхъ, боясь того, чтобы чести, коюрая принадлежитъ одному Богу, не перенести на тваэй". Составители отвѣта считаютъ нужнымъ опровергнуть го послѣднее предположеніе, и говорятъ: „мы должны тить Богородицу [2]), не какъ Бога, но какъ подлинно Маерь Божію. Пророка Іоанна, какъ предтечу и крестителя, апостоловъ, какъ очевидцевъ самого Господа мучениковъ, акъ воиновъ Христовыхъ, испившихъ Его чашу. Будемъ евновать ихъ жизни, дабы вмѣстѣ съ ними быть общиками и вѣнцовъ славы. За то, что мы покланяемся и конамъ ихъ, никто не долженъ порицать насъ, потому го мы кланяемся и другъ другу". И нѣсколько ниже цѣсь же читаемъ слѣдующее: „Нѣтъ у насъ другого Бога, эомѣ единаго въ Троицѣ познаваемаго и покланяемаго. бо хотя мы говоримъ: „св. Іоанне моли о насъ, и Преаятая Богородице, и св. Ангелы", но прежде всего мы зываемъ: „Господи силъ съ нами буди, иного" и пр. (pag. 12, 244, 246. Пер. 230. 2. 3. 5).

Интересно будетъ отмѣтить, что и по ознакомленіи съ

---

1) Болѣе подробныя указанія на цитаты изъ отцевъ церкви, а также выдержки изъ Вріеннія, найдете у Meyer'a (S. 100).

2) Въ греч. оригиналѣ здѣсь стоитъ: «икону» (т. е. Богоматери), латинскій же переводчикъ этого мѣста слово: икона замѣнилъ выраженіемъ: «св. Богородица». Русскій переводчикъ послѣдовалъ латинскому (вотъ одинъ изъ разчиковъ зависимости его отъ латинскаго текста документа). Мы съ своей стороны воспроизводимъ въ данномъ случаѣ выраженіе переводчиковъ, къ дающее лучшій смыслъ равсматриваемому мѣсту «отвѣта» (pag. 244. р. 232).

возраженіями протестантовъ на первый „отвѣтъ", Іеремія не теряетъ надежды на поворотъ къ лучшему въ умахъ заблуждающихся; ибо съ замѣчательною любовію говорилъ имъ (слова изъ письма патріарха, приложеннаго ко второму „отвѣту", см. начало онаго): „радуемся, какъ о многомъ другомъ, такъ не менѣе и о томъ, что вы во многомъ согласны съ нашею церковію. О, если бы намъ и въ томъ, въ чемъ вы съ нами несогласны, благочестиво согласиться по манію Божію!" Въ подобномъ же родѣ выражаются мысли и въ концѣ этого-же отвѣта. Здѣсь читаемъ: „Будучи согласны съ нами почти во всемъ важнѣйшемъ, вы не должны нѣкоторыхъ изреченій Писанія изъяснять иначе, нежели, какъ изъяснили ихъ вселенскіе учители. Ибо нѣтъ никакой другой причины несогласія, кромѣ одной этой. Если вы исправитесь въ этомъ, то мы, при помощи Божіей, согласимся и по вѣрѣ будемъ едино во славу Божію. Итакъ въ чемъ вы доселѣ заблуждались, въ томъ, какъ люди умные, исправьтесь, и тогда удостоитесь похвалы и у Бога, и у людей, и у насъ" (pag. 263—4. Пер. 263—4).

Третій „отвѣтъ". Онъ вызванъ былъ тѣмъ, что тюбингенскіе теологи пожелали выразить оппозицію второму константинопольскому „отвѣту" (что чувствуется и въ самомъ названіи того, чѣмъ встрѣченъ былъ въ Тюбингенѣ второй отвѣтъ: ему противопоставленъ былъ responsum oppositum,—заглавіе новаго тюбингенскаго трактата,—заглавіе, которое впрочемъ усвоялось и первому трактату, написанному въ оппозицію „отвѣту" первому. См. Acta). Что же такое написали тюбингенцы, получивъ и прочитавъ второй отвѣтъ? Да ничего путнаго. По словамъ ученаго Гефеле, новое протестантско-тюбингенское произведеніе не представляетъ *ничего новаго* [1]). Съ этимъ согласны и протестантскіе церковные историки. Такъ одинъ изъ нихъ пишетъ, что послѣ втораго „отвѣта" можно было бы и закончить переписку о догматическихъ вопросахъ между Тюбингеномъ и Константинополемъ, такъ какъ хорошо выяснилось, что соглашенія между двумя сторонами быть не можетъ [2]). Но тюбингенцы не захотѣли такъ поступить,

1) Hefele. S. 459.
2) Schröckh. Christ. Kirchengeschichte seit der Reformation. 5 Theil, S. 394. Leipz., 1806.

а сочинили еще догматическій трактатъ (Acta, p. 265—348), который однакожъ мы излагать не станемъ, ибо и, по нашему мнѣнію, въ немъ нельзя найти ничего, кромѣ повторенія прежнихъ мыслей тюбингенцевъ.

Рѣчь наша по поводу третьяго „отвѣта" будетъ коротка. Мы ничего не знаемъ относительно обстоятельствъ происхожденія этого „отвѣта", кромѣ того, что онъ появился 6-го іюня, 1581 года.

Знакомиться съ содержаніемъ „отвѣта" нѣтъ надобности, въ немъ обработываются тѣже темы, какъ и во 2-мъ отвѣтѣ, а именно: объ исхожденіи св. Духа, о сомопроизволеніи, о таинствахъ, о призываніи святыхъ (Acta, p. 349—370. Пер. 265—300).

Источниками служатъ тѣже церковные авторитетные писатели, какъ и въ двухъ первыхъ „отвѣтахъ". Впрочемъ есть и добавки по этой части. Мы нашли здѣсь свидѣтельства изъ св. Іустина и св. Максима Исповѣдника (pag. 364. Пер. 291). А изъ Вріеннія здѣсь однажды приведенъ ужъ очень большой отрывокъ (pag. 350—364. Пер. 267—291) [1]).

Изъ богословскихъ мыслей, здѣсь выраженныхъ, отмѣтимъ двѣ: во 1-хъ замѣчаніе (справедливое), что въ ученіи о св. Духѣ (filioque), протестанты, конечно и католики, обращаютъ вниманіе лишь на менѣе ясныя изрѣченія св. отцовъ, и отметаютъ очень ясныя, при чемъ, по этому поводу, въ отвѣтѣ говорится: „съ нами или лучше сказать съ истиною вы не можете согласиться никогда" (pag. 349—350. Пер. 267—268); во 2-хъ, отвѣтъ объясняетъ борьбу протестантизма противъ обрядовой стороны церкви вліяніемъ іудаизма (pag. 369. Пер. 298).

Въ заключеніе „отвѣта" слышится тонъ отчаянія: въ Константинополѣ потеряли надежду на измѣненіе къ лучшему догматизирующей мысли тюбингенскихъ и другихъ протестантовъ. „Наконецъ просимъ васъ не утруждать насъ болѣе, ни писать, ни посылать къ намъ, когда вы свѣтильниковъ церкви и богослововъ перетолковываете иначе и на словахъ почитая ихъ, на дѣлѣ отвергаете. Итакъ избавьте съ своей стороны насъ отъ хлопотъ. Идите своимъ путемъ и впередъ о догматахъ намъ не пишите". (pag. 370. Пер. 300).

1) Это послѣднее указаніе сдѣлано Meyer'омъ (S. 100).

Такъ закончилась переписка и вообще сношенія греческой церкви съ Іереміей II-мъ во главѣ и тюбингенцевъ-протестантовъ [1]).

Интересно знать, какъ смотрятъ протестанты на „отвѣты", данные въ Константинополѣ „лютеранамъ" и какъ въ свою очередь православные смотрятъ на тѣ полемическіе трактаты противъ „отвѣтовъ", изготовлявшіеся въ Тюбингенѣ и отправляемые въ Константинополь?

Протестанты прежнихъ временъ считали вышеуказанные отвѣты мало соотвѣтствующими цѣли [2]); но въ настоящее время точка зрѣнія на это дѣло значительно измѣнилась къ лучшему, т. е. въ пользу Грековъ. Извѣстный Мейеръ пишетъ: конечно, „собственно работа Грековъ (по части составленія отвѣтовъ) состояла въ томъ, чтобы болѣе или менѣе удачно соединять въ одно цитаты изъ отцевъ съ цитатами изъ позднѣйшихъ греческихъ богослововъ. Элементъ самостоятельный совершенно отодвигается на задній планъ. Но тѣмъ не менѣе произведенія эти не теряютъ своей цѣны. Составители ихъ брали изъ отцовъ тѣ или другія мѣста или буквально или же нѣсколько измѣняя ихъ сообразно съ своими цѣлями. Они также очень произвольно сливаютъ цитаты часто изъ различныхъ сочиненій и различныхъ писателей. Но нельзя отрицать того, что, руководясь православнымъ сознаніемъ, говорятъ они въ большинствѣ случаевъ лишь относящееся къ дѣлу. Они выражаютъ общее вѣрованіе греческой церкви, какъ оно понималось въ ихъ время" [3]).

Что касается протестантской полемики противъ „отвѣтовъ", то относительно ея умѣстно будетъ привести слова нашего знаменитаго ученаго богослова, ректора М. Д. Академіи А. В. Горскаго († 1875 г.). Излагая впечатлѣніе, навѣянное на него чтеніемъ этой полемики, нашъ ученый говоритъ: „протестантъ (XVI в.), имѣя въ

1) Сношенія протестантовъ съ Іереміею на этомъ не прекратились, но они продолжались и при этомъ патріархѣ и послѣ него, *въ XVI в.* Тѣмъ не менѣе они уже не имѣли строго-религіознаго характера, и потому лишены особаго интереса. Свѣдѣнія о нихъ можно находить у проф. Малышевскаго, въ его книгѣ «Мелетій» (стр. 217—228).

2) Heineccius. Abbildung der Alten und neuen Griechischen Kirche. Theil I. S. 191. Leipz., 1711.

3) Meyer, S. 97.

иду преданіе, не соблюдаемое въ чистотѣ западною (т. е. имско-католическою) церковію, преданіе, недобросовѣстно скаженное въ пользу мірскихъ цѣлей іерархіи (т. е. папгвомъ), усумнился въ важности самой церкви, защи(авшей это преданіе и отвергъ церковь совсѣмъ. Косувшись заблужденій, онъ не пощадилъ и истины; отсѣзя заблужденія, онъ посягнулъ и на неприкосновенную зятыню. Привыкши такъ смотрѣть на западную церковь составивъ себѣ свою теорію о путяхъ спасенія, протеѓантъ отвергъ и въ восточной церкви тоже, чего своеэльно не хотѣлъ видѣть (признавать) въ западной" [1]).

Теперь умѣстно будетъ поставить вопросъ: какую цѣль реслѣдовала протестантская община, начавъ догматичекаго характера переписку съ греческою церковію при ;реміи, и чего хотѣла достигнуть эта послѣдняя, долго оддерживая указанныя сношенія съ протестантской Гераніею? Есть мнѣніе, что протестанты изъ Тюбингена атѣяли разсматриваемую переписку съ греческою церовію „изъ любопытства", т. е. изъ желанія узнать, во то и какъ вѣруетъ другая церковь, независимая отъ апизма[2]). Эту же самую мысль выражаетъ одинъ протетантскій писатель, когда говоритъ: „извѣстно было (въ ;VI в.), что Греки такъ же мало признаютъ деспотичекую власть папы, какъ и протестанты, а потому у полѣднихъ рождалось желаніе войти въ связи съ Греками, ъ надеждѣ обрѣсти у нихъ много хорошаго какъ въ ченіи, такъ и въ жизни" (т. е. обратнаго въ отношеніи ъ тому, чѣмъ отличалось папство)[3]). Но это мнѣніе, что ротестанты завели сношенія съ Греками изъ простого юбопытства, намъ представляется неудобопріемлемымъ. Въ самомъ дѣлѣ, протестантами принято на себя очень ного хлопотъ въ этомъ дѣлѣ, а такія хлопоты недостаэчно объясняются любопытствомъ, которому прекрасно огли удовлетворять, напримѣръ, письма Герлаха въ Тюингенъ.—Современники событія, враги протестантизма,

---

1) «О церкви греческой съ 1453 г. до нач. XVIII столѣт.» (Прибавл. › Твор. св. Отц., т. 32, стр. 405).

2) Тамъ же, стр. 403. Впрочемъ авторъ при этомъ случаѣ ссылается : мнѣніе какого-то другого лица.

3) Heineccius (названіе сочиненія см. выше). Theil I, 186.

римско-католическіе писатели выражали увѣренность, что, расторгнувъ союзъ съ римскою церковію и чувствуя свою отчужденность, протестанты вступили въ сношенія съ греческою церковію потому, что желали войти съ нею въ прочное общеніе или соединиться съ ней, разумѣется, на почетныхъ и льготныхъ условіяхъ[1]). Но это воззрѣніе мы считаемъ совершенно неосновательнымъ. Оно выражается врагами протестантизма и ни мало не подтверждается документами, изъ которыхъ мы заимствуемъ свѣдѣнія о сношеніяхъ протестантовъ съ Греками. Если бы, притомъ, эти протестанты желали бы въ самомъ дѣлѣ войти въ союзъ съ греческою церковію, то они стали бы относиться къ представителямъ этой церкви съ большимъ вниманіемъ, радушіемъ и услужливостію, чѣмъ какъ видимъ въ исторіи: степень расположенія протестантовъ къ Грекамъ, какъ мы видѣли, не превышаетъ степени расположенія послѣднихъ къ первымъ.—Сами протестанты конца XVI вѣка, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ, какъ имъ казалось, обиды, нанесенной имъ распространеніемъ слуховъ, со стороны папистовъ, объ ихъ исканіи союза съ Греками (исканіи, кончившагося неудачей и посрамленіемъ по словамъ все тѣхъ же папистовъ), въ пылу гнѣва на клеветниковъ, въ свою очередь начали выражать очень странныя мысли. Въ борьбѣ съ папистами по указанному поводу, они стали утверждать. что будто, допуствивъ себѣ сблизиться съ Греками, они хотѣли этихъ послѣднихъ привести въ лоно протестантизма. Воззрѣніе это они выражали очень энергично (до прямого неприличія), когда возвѣщали: „на основаніи всей переписки тюбингенцевъ съ Іереміею можно усматривать, что *мы* не только не домогались соединиться съ восточною церковію, но наоборотъ мы *пытались привлечь* Грековъ въ нашу церковь". Затѣмъ протестанты резонируютъ на счетъ того, какъ опасно поступаютъ Греки, не желая войти въ существенное единеніе съ ними [2]). Трудно встрѣтить что-либо

---

[1]) Мысль эта указана и въ Praefatio къ изданію: Acta theolog. Wirtemberg. (Praefatio эта не имѣетъ пагинаціи). Она же повторяется у Hefele (S. 447) и воспроизводится у Heineccius'a (S. 192) и проч.

[2]) Сейчасъ указанная Praefatio (ad. finem). Слѣдуетъ однако замѣтить, что новѣйшіе протестантскіе историки уже не повторяютъ подобныхъ вздорныхъ мыслей.

:лѣпѣе подобныхъ мыслей! Но смущаться ими не слѣ-
етъ. Онѣ выражены въ жару полемики, а выраженное
› такого рода ажитаціи всегда нужно принимать не въ
›лномъ смыслѣ и объемѣ, а наполовину вычеркнувъ то,
'о сказано. Читая вышеприведенныя высокомѣрныя слова
›отестантовъ XVI вѣка, достаточно сказать: нѣтъ дыма
:зъ огня. Въ нихъ сказана истина, но выражена она
› гиперболической формѣ. Дѣло въ слѣдующемъ. Нужно
ıать, что въ XVI-мъ вѣкѣ въ протестантскихъ кругахъ
одобное же замѣчалось и въ католическихъ) появилось
ıрячее желаніе объединить всѣ ихъ разрозненныя партіи
темъ единодушнаго признанія и принятія ими общихъ
ıчалъ евангелическаго ученія. Это была эпоха проте-
антскаго синкретизма и протестантской уніи. При чемъ
нѣкоторыхъ синкретистовъ такое стремленіе простира-
›сь такъ далеко, что желали привлечь къ уніи даже и
эековъ: они разсчитывали, что пожалуй и Греки, изъ
ıажды къ папству, примкнутъ къ указанному движенію [1]).
мѣлось въ виду образовать родъ религіозной конфеде-
.ціи, присоединяясь къ которой, объединенныя извѣст-
ıмъ принципомъ, церкви или общества (въ разсматри-
емомъ случаѣ такимъ объединяющимъ принципомъ
лженствовали быть: оппозиція папству и свобода вѣро-
ній), оставались бы при своихъ конфессіональныхъ
эбенностяхъ. Въ этомъ-то смыслѣ вышеуказанные про-
станты и говорили, что они желали привлечь на свою
орону и Грековъ. А тюбингенцы, завязавъ сношенія съ
эеміей, именно и хотѣли такъ или иначе послужить
уществленію этой цѣли. Съ этимъ вмѣстѣ мы разъяс-
ıли: въ чемъ заключалась, по нашему сужденію, цѣль
учаемыхъ нами сношеній протестантскаго Тюбингена и
›авославнаго Константинополя.

Что касается Греческой церкви, то хотя въ ея „отвѣ-
.хъ" не разъ и ясно слышится призывъ, обращенный къ
›отестантамъ, о томъ, чтобы заблуждающіеся познали
:тину, но едвали она питала увѣренность въ возможность
:уществленія этого познанія истины, при обычныхъ усло-

1) Pichler. Gecshichte des Protestantismus in der orientalischen Kirche im lehrhund. S. 9. 12. 14—16. Shcmoller, (въ книгѣ о канцлерѣ: *Андрез*; лавіе указано раньше). S. 8.

віяхъ. Патріархъ есть глава церкви или точнѣе церковнаго общества, а потому онъ не могъ не призывать къ присоединенію къ православію отщепенцевъ, когда они показывали хотя малые признаки сочувствія православной церкви: это священный долгъ высшаго православнаго іерарха. Но патріархъ, конечно, хорошо сознавалъ, что онъ только сѣятель сѣмени; произращеніе же плода онъ предоставлялъ лишь волѣ Вседержителя. По крайней мѣрѣ такъ мы понимаемъ дѣло, изучивъ его насколько могли.

Читатель, конечно замѣтилъ, что мы еще ничего не сказали для разъясненія вопроса: кто были составителями извѣстныхъ „отвѣтовъ" греческой церкви? Но это не случайность. Мы пожелали сообщить болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія о вышеуказанныхъ составителяхъ „отвѣтовъ", но такія подробности умѣстнѣе всего было отложить къ концу нашего очерка, когда уже получили разъясненіе всѣ болѣе существенные вопросы, соединенные съ изученіемъ сношеній Грековъ съ тюбингенцами. Къ этому мы теперь и обращаемся.

На вопросъ, кто были составителями „отвѣтовъ", ученый Мейеръ даетъ неопредѣленный отвѣтъ: „богословы" (die Theologen) греческой церкви второй половины XVI-го вѣка [1]). Такими богословами были: конечно, прежде всего патріархъ Іеремія, въ качествѣ иниціатора „отвѣтовъ", а затѣмъ просвѣщенные и ревностные помощники его, греческіе ученые Іоаннъ и Ѳеодосій Зигомала. О первомъ изъ этихъ помощниковъ, т. е. Іоаннѣ, Легранъ, превосходно изучившій его біографію, рѣшительно пишетъ: „такъ какъ Іоаннъ вполнѣ владѣлъ древне-греческимъ языкомъ, то онъ и былъ одинъ изъ главныхъ редакторовъ знаменитыхъ отвѣтовъ, въ которыхъ греческая церковь съ такою силою изложила свое (православное) ученіе" [2]). А Ѳеодосій Зигомала въ письмѣ Крузію прямо называетъ себя сотрудникомъ патріарха по части составленія тѣхъ же „отвѣтовъ" [3]). Были, кажется, и другіе помощники Іереміи

[1]) S. 97.
[2]) Legrand. Notice biographique sur Jean et Théodose Zygomalas p. 84.
[3]) Turcograecia, p. 429. Письмо Ѳеодосія отъ 15 ноября 1575 года. Въ немъ говорится о томъ, что Ѳеодосій принималъ дѣятельное участіе въ редактированіи 1-го отвѣта, но весьма вѣроятно, онъ, какъ членъ патріархіи, принималъ же участіе и въ составленіи 2-го, а можетъ быть и 3-го отвѣтовъ.

въ этомъ дѣлѣ, но они, должно думать, имѣли второстепенное значеніе [1]). Такимъ образомъ главными учеными, трудившимися надъ составленіемъ „отвѣтовъ“ нужно считать двоихъ Зигомала. А такъ какъ эти два лица и вообще играютъ довольно значительную роль въ исторіи греческаго церковнаго и внѣцерковнаго просвѣщенія, то и сообщимъ о нихъ обстоятельныя извѣстія. Несомнѣнно, они являются типическими представителями греческой науки всего XVI-го вѣка.

Передадимъ сначала краткія біографическія извѣстія о Іоаннѣ и Өеодосіи Зигомала, а потомъ представимъ нѣсколько очень любопытныхъ свѣдѣній о нихъ же изъ особаго источника, которымъ мы и раньше пользовались.

Іоаннъ Зигомала родился въ Греціи, въ городѣ Навпліи, недалеко отъ Аѳинъ—въ самомъ концѣ XV вѣка. Онъ сначала учился подъ руководствомъ неизвѣстнаго по имени учителя въ Навпліи; а затѣмъ слушалъ уроки у знаменитаго Арсенія Апостолія, архіепископа Монемвасійскаго, гдѣ имѣлъ сотоварищемъ Франциска Порта, впослѣдствіи женевскаго профессора. Не удовольствовавшись образованіемъ, какое можно было получить въ тогдашней Греціи, Іоаннъ въ видахъ усовершенствованія въ наукѣ ѣдетъ въ Италію въ Подуанскій университетъ. Какъ высоко было его общее образованіе, объ этомъ трудно составить правильное понятіе: отъ него мало осталось сочиненій. По отзыву извѣстнаго Мартина Крузія онъ только въ незначительной степени владѣлъ риторикой и діалектикой, но несомнѣнно достаточно зналъ, какъ по-латыни, такъ и по-итальянски. Въ 1530 году Іоаннъ получилъ приглашеніе занять священническое мѣсто при Греческой церкви въ Венеціи, но никакихъ подробностей въ этомъ случаѣ мы не знаемъ [2]). Затѣмъ онъ снова возвращается въ Навплію, гдѣ онъ былъ священникомъ и имѣлъ еще должность нотаріуса. Въ 1555 году Константинопольскій патріархъ Іоасафъ пригласилъ его въ Константинополь занять мѣсто учителя древне-греческаго языка и словесности въ патріаршей школѣ. Долго ли Зигомала проходилъ должность учителя—неизвѣстно; извѣстно только, что онъ на-

[1]) Проф. Малышевскій (въ «Мелетіи»), стр. 223.
[2]) Legrand. Jean et Theod. Zygomalas, p. 71—2. 104.

чалъ свою преподавательскую дѣятельность, имѣя всего 15 учениковъ. Этими учениками были монахи, но эти лица, обязанныя своимъ образованіемъ Іоанну Зигомала, впослѣдствіи, по его словамъ, отплатили ему неблагодарностію—выказали себя по отношенію къ нему людьми завистливыми и ненавистниками. Вскорѣ же по переселеніи въ Константинополь Іоаннъ получилъ должность ритора великой церкви (т. е. проповѣдника) и патріаршаго секретаря [1]). Впослѣдствіи, какъ мы знаемъ, онъ завязываетъ сношенія съ тюбингенскими профессорами и между ними Крузіемъ. Послѣдній просилъ у него сообщенія разныхъ свѣдѣній о Греческой церкви, о греческой литературѣ стараго и новаго времени, а константинопольскій риторъ съ готовностію удовлетворялъ любознательнаго профессора [2]). Іоаннъ былъ человѣкомъ женатымъ, имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей. Онъ не былъ человѣкомъ богатымъ, не смотря на множество должностей. О его бѣдности отчасти уже свидѣтельствуетъ одно его письмо къ Крузію; здѣсь Іоаннъ говоритъ, что „онъ готовъ служить Крузію — мы уже упоминали въ какомъ отношеніи—но что онъ бѣденъ и если Крузій исходатайствуетъ ему субсидію отъ герцога Виртембергскаго (въ государствѣ котораго былъ Тюбингенъ), то онъ будетъ Крузію очень благодаренъ, ибо по словамъ Демосѳена—писалъ Зигомала—деньги нужны и безъ денегъ ничего не подѣлаешь. Впрочемъ онъ проситъ денегъ только потому, прибавляетъ Зигомала, что онъ въ нихъ очень нуждается главнымъ образомъ для уплаты подати султану. Если ему будетъ оказано пособіе, писалъ великій риторъ, то онъ съ большею ревностію принялся бы разыскивать неизданныя рукописи; онъ присылалъ бы Крузію копіи съ нихъ для напечатанія". Съ другой стороны Герлахъ разсказываетъ, что при всякой встрѣчѣ съ нимъ Іоаннъ имѣлъ обыкновеніе вынимать изъ кармана кошелекъ, говоря: „а онъ у меня опять боленъ" и Герлахъ долженъ былъ исцѣлять больнаго. Внѣшность Зигомала представляла много внушительнаго и величественнаго. По отзыву Крузія, Зигомала отличался изящными манерами, носилъ на себѣ отпечатокъ итальянскаго вос-

1) Legrand, p. 97.
2) Ibidem, 78—79.

питанія. Имѣлъ обыкновеніе облекаться въ длинныя шелковыя одежды и походилъ на знаменитаго Филиппа Меланхтона. Зигомала достигъ глубокой старости и умеръ имѣя свыше 80-ти лѣтъ [1]).

Сынъ его Θеодосій Зигомала родился въ то время, когда отецъ его еще былъ въ Навпліи, а не въ Константинополѣ, — въ 1544-омъ году. Θеодосій не былъ такъ счастливъ, какъ самъ Іоаннъ, чтобы имѣть возможность получить основательное образованіе въ иностранныхъ университетахъ. Все его образованіе, кажется, началось и закончилось подъ руководствомъ отца. Но любознательность юноши и прекрасныя природныя способности помогли ему достигнуть значительнаго развитія. Уже имѣя 16 лѣтъ отъ роду, Θеодосій очень интересовался классической литературой. А когда ему исполнилось 18 лѣтъ, его привѣтствуютъ въ письмахъ разные ученые какъ человѣка много обѣщающаго. На взглядъ его малоученыхъ современниковъ—грековъ, Θеодосій какъ человѣкъ слишкомъ знакомый съ классическою древностію и интересовавшійся наукою протестантовъ — представлялся чуть не еретикомъ. Подобно отцу, Θеодосій проходилъ различныя должности при патріаршей каѳедрѣ. Въ 1562 или 1563 году онъ сдѣланъ патріаршимъ нотаріемъ, т. е. секретаремъ. Потомъ онъ правилъ другую должность—дикеофилакса, т. е. что-то въ родѣ судьи при патріархѣ [2]). Когда начались сношенія Іоанна и Θеодосія Зигомала съ Крузіемъ, Θеодосій показываетъ себя человѣкомъ просвѣщеннымъ. Вотъ напр. какія порученія давалъ ему Крузій: описать, какіе изъ древнихъ знаменитыхъ греческихъ городовъ существуютъ и до сихъ поръ; въ какомъ состояніи находится греческій языкъ— есть ли у Грековъ грамматики и лексиконы древне-греческаго языка; переведенъ ли Новый Завѣтъ на новогреческій языкъ и хорошо ли и т. д. Во время одного путешествія по архипелагу и Малой Азіи, въ 1578 году, онъ собираетъ по порученію того же Крузія различныя историческія и археологическія свѣдѣнія [3]).—По счастливому случаю, до насъ сохранилось очень подробное описаніе

[1]) Ibidem, p. 80—81. 135.
[2]) Ibidem, p. 114, 134—5, 138.
[3]) Ibidem, p. 80, 115—116.

свадьбы Θеодосія. Сама по себѣ свадьба, какъ всѣ свадьбы на свѣтѣ, не замѣчательна. Но очень интересны тѣ обычаи, какіе наблюдались при этомъ Греками XVI вѣка и которые вскрываютъ для насъ любопытныя особенности народнаго быта. Наприм., если нашъ великій князь Владиміръ говаривалъ: „Руси есть веселіе пити", то и Греки стараго времени тоже не уступали имъ по этой части.— Брачный церемоніалъ Θеодосія начинается тѣмъ, что подъ вечеръ 2-го Ноября въ домъ жениха собралось множество гостей; при входѣ гостей ихъ окропляли пахучими духами; потомъ они чинно разсѣлись на скамьяхъ, какъ въ школѣ. Затѣмъ появился фокусникъ—жидъ и открылъ спектакль. Фокусникъ глоталъ огонь, продѣлывалъ разныя шутки съ обнаженной шпагой, плясалъ, позволяя себѣ жесты самаго двухсмысленнаго свойства. Представленіе тянулось часа два. Причемъ гостямъ подносились сласти, которыя одни кушали, другіе завертывали въ платокъ, чтобы взять домой. Потомъ всѣ гости съ женихомъ двинулись въ домъ невѣсты. Здѣсь по стѣнамъ помѣщенія было развѣшено на веревочкахъ все приданое невѣсты,—причемъ будущій тесть Θеодосія, а онъ нужно замѣтить, былъ портной,— разсказывалъ гостямъ, какая вещь сколько стоила, начиная отъ дорогихъ камней и кончая pantalons de femme. Но вотъ появляется и невѣста. Она выходитъ изъ своей комнаты, одѣтая въ роскошныя одежды и украшенная драгоцѣнными камнями: въ своемъ нарядѣ, по словамъ описателя, она походила на принцессу. На головѣ ея покоилась золотая корона, блещущая превосходными камнями. Лицемъ она была такъ красива, что, по словамъ описателя, сама Елена прекрасная могла бы лишь завидовать ей, и что особенно замѣчательно, по словамъ описателя, на ней не было ни бѣлилъ, ни румянъ, хотя голова ея украшена была шиньономъ изъ золотистыхъ волосъ. Описатель замѣчаетъ, что гречанки тѣхъ временъ до страсти любили шелкъ, золото, драгоцѣнные камни. Невѣстѣ было 14 лѣтъ. Одновременно съ тѣмъ, какъ невѣста, во всемъ блескѣ красоты и убранства, появилась среди гостей, прибылъ Константинопольскій патріархъ Іеремія II для совершенія обряда. Женихъ и невѣста заняли мѣсто противъ патріарха, причемъ они взяли другъ друга за мизинецъ—

ъ знакъ неразрывности брачнаго союза. Патріархъ сталъ
итать брачныя молитвы и читалъ ихъ такъ скоро, что
ъ 1/4 часа вся религіозная церемонія кончилась, причемъ
ѣшительно ничего нельзя было разслышать, такъ какъ
ости безъ всякаго стѣсненія шумѣли и разговаривали
іежду собою. Можно было разслышать одно слово, кото-
ое часто повторялось: „благословляю, благословляю". По
кончаніи обряда, Іеремія сказалъ краткое прочувствен-
ое слово къ новобрачнымъ. Наконецъ патріархъ уѣхалъ.
Іо окончаніи церемоніи весь брачный кортежъ перебрался
ъ сосѣдній домъ, гдѣ и началось пиршество. Столы ло-
ились отъ множества вкусныхъ и разнообразныхъ блюдъ.
Въ то время, какъ гости сидѣли за столомъ и кушали,
оръ и балетъ пѣлъ и плясалъ сопровождая танцы такими
естами, на которые стыдно было глядѣть.—Греки, при-
авляетъ описатель, пьютъ очень неумѣренно и изъ боязни
овалиться, разсаживаются на полъ. На греческой свадьбѣ
ьянство обыкновенно продолжалось въ то время отъ пяти
о восьми дней. Когда Грекъ напивался, то онъ растяги-
ался на полу, возлѣ самаго стола и мирно почивалъ,
колько хотѣлъ. Проснувшись онъ опять принимался пить,
мѣняя одинъ напитокъ другимъ. Гости оставались пиро-
ать на нѣсколько дней безвыходно. Нужно сказать, что
ъ пиршествѣ женщины не принимали участія. Время раз-
іообразилось только тѣмъ, что винопійцы составляли хоро-
оды и плясали [1].—Доскажемъ біографію Θеодосія. Подъ
онецъ жизни его посѣтило несчастіе. Онъ по какому то
лучаю лишился всего своего состоянія, простиравшагося
о 12,000 франковъ и впалъ въ бѣдность со своей семьей.
Келая сколько-нибудь улучшить свое положеніе, онъ обра-
цается за помощію къ своимъ тюбингентскимъ друзьямъ,
о скупые нѣмцы, собравъ складчину, послали Θеодосію
алкую сумму въ пять дукатовъ. Точно неизвѣстно, когда
меръ Θеодосій, во всякомъ случаѣ онъ дожилъ до начала
VII вѣка [2]).

Къ тѣмъ немногочисленнымъ свѣдѣніямъ, какія мы сей-
асъ сообщили относительно обоихъ Зигомала, Іоаннѣ и

[1]) Описаніе брака Θеодосія сдѣлано очевидцемъ, нѣмецкимъ писателемъ Вейглеромъ. См. Legrand, p. 125—129.

[2]) Legrand, p. 138, 142, 81.

Θеодосіи, присоединимъ интересныя извѣстія о нихъ же, находящіеся въ дневникѣ Герлаха. Легранъ, превосходно изучившій этотъ дневникъ, говоритъ, что „это богатый источникъ очень точныхъ извѣстій". Въ частности знаменитый французскій ученый не сомнѣвается, что личности двухъ Зигомала изображены перомъ Герлаха совершенно вѣрно. Слова, какіе въ присутствіи Герлаха. говорилъ Іоаннъ Зигомала, по выраженію Леграна, записаны авторомъ дневника съ точностію „неумолимаго протоколиста". Вообще Легранъ замѣчаетъ: все, что нужно для нашей работы (а онъ описываетъ обоихъ Зигомала); все это *абсолютно точно описано въ разсказахъ Герлаха* (p. 82—84). Мы выпишемъ изъ этого дневника нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ у Герлаха идетъ дѣло о Іоаннѣ и Θеодосіи Зигомала.

Въ дневникѣ Герлаха можно находить разнообразныя свѣдѣнія о домашней, умственной, нравственной и семейной жизни двухъ Греческихъ ученыхъ Зигомала, въ особенности ярко рисуется здѣсь образъ старшаго Зигомала отца Θеодосіева.

Вотъ прежде всего нѣсколько выдержекъ изъ Герлахова дневника относительно домашней жизни нашихъ ученыхъ.

Подъ 24 апрѣля 1576 года въ дневникѣ [1]) записано: „риторъ (т. е. Іоаннъ Зигомала) вкушалъ агнца пасхальнаго съ двумя своими сыновьями и двумя молодыми купцами изъ Навпліи, доводившимися ему шуринами. Приглашенъ былъ и я, и мой кавасъ. Агнецъ пасхальный былъ фаршированъ яйцами. Сверхъ того подавали намъ пирогъ съ начинкой изъципленка, сухія пелопонесскія вишни и сыръ. Каждому изъ насъ дали по ножу, по двѣ тарелки и по салфеткѣ. Вино пили, смѣшивая его съ водой. Это было вино Митиленское, наиболѣе славившееся въ Константинополѣ. Когда кто-нибудь хотѣлъ выпить, то произносилъ тостъ за всѣхъ сотрапезниковъ, потому что пили круговую и по очереди".

30-го апрѣля того же года [2]). „Риторъ (т. е. Іоаннъ) получалъ отъ патріарха ежегоднаго содержанія по 50 дукатовъ (золотыхъ). Почти столько же онъ зарабатываетъ, за-

[1]) S. 182—183.
[2]) S. 188.

нимаясь списываніемъ книгъ. (Точнѣе сказать: болѣе дорогихъ рукописей для продажи). Его сынъ Ѳеодосій, протонотарій, получаетъ отъ патріарха не болѣе 50 талеровъ (нѣсколько больше 50 серебряныхъ рублей); столько же онъ можетъ пріобрѣтать перепиской. Но ихъ издержки вдвое превосходятъ эту сумму. Имъ на одинъ столъ нужно ежедневно дукатъ, такъ какъ вся семья состоитъ изъ 8 человѣкъ".

18 іюня того же года [1]). „Честь патріархіи, гдѣ служитъ старшій Зигомала, требуетъ отъ него, чтобы онъ носилъ богатыя шелковыя одежды. Если бы онъ удовлетворялся жалованьемъ, то онъ не могъ бы покрывать своихъ издержекъ. Чтобы пополнять дефицитъ, онъ долженъ усердно работать надъ перепиской, вымаливать себѣ пособій и прибѣгать къ другимъ подобнымъ же средствамъ".

Умственная и научная дѣятельность Зигомала очень мало охарактеризована въ дневникѣ Герлаха. Вотъ почти все то, что находимъ по этой части въ дневникѣ. Іоаннъ Зигомала обнаруживалъ непоколебимую привязанность къ православію. Такъ однажды Герлахъ завелъ съ нимъ споръ по вопросу объ исхожденіи Духа св. отъ Сына. Но Зигомала не придавалъ силы доказательствамъ Герлаха и наконецъ сказалъ [2]): „еслибы Самъ Христосъ сошелъ съ неба и сказалъ, что Духъ исходитъ отъ Отца и Сына, то Греки не повѣровали бы и Христу". Въ другой разъ между Зигомала и Герлахомъ зашла рѣчь о проповѣдяхъ. Герлахъ сказалъ ему, что Крузій проситъ у него, Зигомала, какой-нибудь проповѣди, написанной на простонародномъ греческомъ языкѣ. На это Іоаннъ Зигомала отвѣчалъ: „я лучше соглашусь написать 100 проповѣдей на древне-греческомъ языкѣ, чѣмъ одну на простонародномъ: я не хочу ломать головы надъ такимъ варварскимъ языкомъ". Герлахъ возразилъ: „но вѣдь народъ не понимаетъ по древне-гречески". Тогда Зигомала заявилъ: „не бѣда, если мою проповѣдь поймутъ только одинъ или двое слушателей" [3]). Иногда Герлахъ сообщаетъ свѣдѣнія о содержаніи проповѣдей, говоренныхъ Зигомала, частію по личному желанію

оратора, а частію по просьбѣ знатнѣйшихъ лицъ Перы и Галаты [1]). Герлахъ упоминаетъ и о сочиненіяхъ Зигомала; но они не представляютъ большаго интереса.

Какъ видимъ въ дневникѣ Герлаха немного свѣдѣній объ умственной и литературной дѣятельности старшаго Зигомала, а что касается свѣдѣній о той же сторонѣ дѣятельности Θеодосія, въ дневникѣ Герлаха нѣтъ объ этомъ извѣстій. Но зато здѣсь чрезвычайное обиліе извѣстій, рисующихъ нравственный характеръ въ особенности старшаго Зигомала, и притомъ рисующихъ, къ сожалѣнію, съ непривлекательной стороны. Приведемъ нѣсколько выдержекъ въ этомъ родѣ изъ дневника.

Подъ 6-мъ апрѣля, 1577 года, записано [2]): „сегодня старикъ Зигомала приходилъ къ намъ и просилъ у посланника (германскаго) пять дукатовъ, чтобы справить праздникъ Пасхи. Однакоже Зигомала очень недавно получилъ отъ него же 10 талеровъ. Но не смотря на это, посланникъ, узнавъ о его многочисленныхъ издержкахъ, далъ ему одинъ дукатъ, да я другой дукатъ“.

3 августа, того же года [3]). „Пришелъ Зигомала (Іоаннъ) и сказалъ, что у него есть книги, которыя содержатъ акты патріаршіе, начиная отъ временъ Геннадія Схоларія, и прибавилъ, что эти документы заключаютъ въ себѣ множество интересныхъ подробностей, но что онъ хочетъ только показать ихъ мнѣ. Но это чистѣйшая выдумка: для того, чтобы возвысить свое значеніе, онъ не боялся прибѣгать ко лжи и никогда не краснѣлъ отъ лжи. На этотъ разъ онъ сказалъ мнѣ, что онъ питаетъ ко мнѣ гораздо большія симпатіи, чѣмъ къ посланнику и даже къ кому бы то ни было. Иногда онъ доходилъ до такой крайней лести въ отношеніи ко мнѣ, что предлагалъ мнѣ располагать, какъ мнѣ угодно, и его домомъ, и его книгами. Когда онъ начиналъ такъ говорить, то я напередъ зналъ, что онъ что-нибудь желаетъ выклянчить отъ меня. Такъ и теперь, онъ сталъ предлагать мнѣ купить гдѣ-то при его посредствѣ то ту, то другую книгу, расхваливая ихъ достоинства. Когда же онъ увидалъ, что я вовсе не

[1]) S. 276.
[2]) S. 331.
[3]) S. 370—371.

асположенъ дѣлать покупку, то онъ говорилъ, что въ акомъ случаѣ онъ самъ распродастъ свое платье, а уже упитъ книгу для себя. Онъ торговался со мной какъ :идъ. Онъ часто являлся ко мнѣ въ качествѣ комиссіо-ера отъ какого нибудь книгопродавца, напередъ усло-ившись съ нимъ о собственныхъ барышахъ въ случаѣ родажи. И если книга стоила столько-то, то онъ про-илъ съ меня вдвое, и при этомъ прибавлялъ: „ахъ, :либы я былъ при деньгахъ, я далъ бы еще больше за нигу". Предлагая мнѣ (философскія) сочиненія Евстратія, иитрополита Никейскаго 12-го в.) онъ говорилъ мнѣ: я самъ бы далъ за нихъ 20 дукатовъ" (золотыхъ), а отомъ отдавалъ мнѣ ихъ за 6 талеровъ," т. е. шесть ублей съ небольшимъ. „Я десятокъ разъ спрашивалъ го, гдѣ бы мнѣ купить ту или другую книгу, но онъ :егда говорилъ, что не знаетъ. Онъ всегда боялся, что :ли я куплю самъ, то конечно онъ уже ничѣмъ не по-:ивится. Они (т. е. Іоаннъ и сынъ его Ѳеодосій)—гово-итъ Герлахъ—имѣли обыкновеніе снимать съ какой-ни-удь рѣдкой рукописи копію и продавали ее за оригиналъ, оригиналъ удерживали у себя про всякій случай".

10-го ноября 1576 года [1]). „Мой посланникъ никогда е пользовался услугами рода Зигомала даромъ, потому то эти люди, если что дѣлали, то всегда думали: какъ бы то-либо получить за это или выпросить. Сегодня при-іелъ старикъ и изъявилъ желаніе взять взаймы 25 та-еровъ и обѣщалъ дать что-то въ залогъ, но однакоже ь собой онъ ничего не принесъ. Потомъ онъ сталъ про-іть нѣсколько фунтовъ телятины, которая ему и была іна; но чрезъ два или три дня, онъ снова началъ еще росить ради упитанія чрева скоромною провизіею, имѣя ь виду, что скоро наступитъ постъ (рождественскій). ромѣ провизіи онъ выпрашивалъ боченокъ панормскаго іна, считающагося очень дорогимъ и очень любимаго анномъ Зигомала. Онъ просилъ меня, чтобы я предло-илъ посланнику отъ имени Зигомала обмѣнъ: вмѣсто інормскаго вина, онъ хотѣлъ доставить боченокъ своего іна, совершенной кислятины. Но я не взялъ на себя ого порученія. Тогда старикъ сталъ дѣлать посланнику

[1]) S. 268.

разныя другія предложенія, но посланникъ не обращалъ вниманія на его болтовню. При такихъ обстоятельствахъ Іоаннъ Зигомала сталъ показывать посланнику маленькіе кусочки сокровенной земли [1]) (это такъ называемая Лемносская глина, которая будто бы исцѣляла моровую язву и останавливала кровотеченіе и которая будто бы всыпалась въ пищу самому Султану [2]), а также нѣсколько шафрану, увѣряя, что это самый лучшій шафранъ. Но посланнику все это наскучило и онъ сталъ отпускать Зигомала домой. Старикъ Зигомала и его сынъ (Θеодосій) тогда почувствовали, что они сдѣлали промахъ, что они не выудятъ подарка. Θеодосія я привелъ къ себѣ въ комнату и онъ сильно бѣсился отъ неудачи, тѣмъ болѣе, что онъ былъ пьянъ. Что же касается старика, то онъ еще не совсѣмъ отчаявался выклянчить что-либо отъ моего господина. Поэтому, онъ на другой день прислалъ ко мнѣ своего младшаго сынишку (Стаматія, по имени) будто бы за тѣмъ, чтобы я объяснилъ какія-то правила діалектики. Но это было совсѣмъ не въ обычаѣ у старика, онъ только разсчитывалъ, что сынъ что-нибудь выпроситъ у насъ. Но и этотъ подвохъ не удался. Тогда явился опять самъ старикъ и началъ говорить о своей необыкновенной дружбѣ ко мнѣ. Желая отдѣлаться отъ него, я далъ ему два талера. Но по пословицѣ, схвативъ палецъ у меня, онъ пожелалъ захватить цѣлую ладонь у моего господина: онъ сталъ просить у него 25 талеровъ, но мой господинъ отказалъ ему и приказалъ привратникамъ не пускать его въ домъ".

2-го іюня 1577 г. [3]). „Старый Зигомала сообщилъ намъ, что Греки справляютъ что-то въ родѣ праздника Бахусу, (всеѣдную недѣлю), опиваются и объѣдаются по случаю приближенія поста въ честь Петра и Павла. Онъ выпрашивалъ у насъ часть говяжьей туши, ему дали. Но вскорѣ онъ опять пришелъ просить мускатнаго вина, не взявъ даже посудины съ собой и наконецъ пришелъ въ третій разъ просить курицу".

Подъ другими числами, въ дневникѣ [4]) записано, что

[1]) Stücklein versiegleten Erden.
[2]) Turcograecia, p. 508.
[3]) S. 356.
[4]) S. 344. 304.

Зигомала—отецъ приставалъ къ посланнику, чтобы онъ купилъ у него лоскутъ отъ ризы Господней или два никуда негодныхъ платка, будто-бы сотканныхъ монахами на св. горѣ Аѳонской. Но сдѣлки не состоялось. Въ другой разъ онъ навязалъ посланнику въ подарокъ лоскутокъ шелковой матеріи для подушки, разсчитывая получить денегъ за подарокъ значительно больше стоимости лоскутка, и дѣйствительно за вещь, стоющую 30 крейцеровъ, Зигомала получилъ 10 талеровъ".

Подъ 28-мъ числомъ августа 1576 г., въ дневникѣ [1]) записано: „сегодня я ходилъ навѣстить старшаго Зигомала и узналъ, что онъ боленъ съ 15 числа. А причина его болѣзни заключалась въ томъ, что онъ очень много пилъ и очень много ѣлъ въ праздникъ Успенія. Во время праздничнаго стола — говорилъ старикъ — будто бы патріархъ всталъ и громко провозгласилъ: „кто меня любитъ, тотъ пусть ѣстъ и пьетъ сколь возможно". И затѣмъ въ теченіи шести часовъ, отъ 11 до 5 вечера, гости старались сообразоваться съ этимъ любезнымъ приглашеніемъ. На другой день Зигомала захворалъ. Герлаху (при его посѣщеніи больного) Зигомала разсказалъ слѣдующее: мнѣ было явленіе въ спальнѣ, явившееся лице пощупало мнѣ пульсъ и сказало: „не безпокойся, ты не умрешь отъ этой болѣзни". Герлахъ добавляетъ, что выздоровѣвъ Зигомала въ честь событія сочинилъ стихотвореніе, которое нашло себѣ похвалу и у патріарха и у всѣхъ ученыхъ Грековъ, какимъ онъ показалъ свою поэму".

Что касается семейной жизни фамиліи Зигомала, то дневникъ рисуетъ ее въ стольже выпуклыхъ чертахъ, какъ и нравственный образъ главы семьи. Семейная жизнь ихъ носитъ черты неурядицы и даже безобразія. Вотъ что говорится въ дневникѣ о младшемъ сынѣ его Стаматіи (испорченное имя: Евстаѳій) и объ отношеніяхъ его къ отцу.

3-го августа 1577 года Герлахъ записалъ [2]): Іоанна Зигомала почти никогда нельзя застать дома. Онъ блюдолизничаетъ то у того, то у другого изъ иностранныхъ посланниковъ. А между тѣмъ, пользуясь его отсутствіемъ,

[1]) S. 239.
[2]) S. 372.

младшій его сынъ Стаматій, который тоже занималъ мѣсто секретаря въ патріаршей канцеляріи, шарилъ дома вездѣ, отыскивая лучшее вино, циплятъ, рыбу, ѣлъ и упивался съ женщинами. Примѣръ отца научилъ его вести подобную жизнь.

19-го марта того же года Герлахъ писалъ [1]): „сегодня въ патріархіи я встрѣтился со Стаматіемъ, онъ жаловался на похотливость и деспотизмъ отца. „Истративши все, что у него было, на куртизанокъ — разсказывалъ онъ о своемъ вдовомъ и престарѣломъ отцѣ—онъ теперь хочетъ вторично жениться и продать домъ". Отецъ же напротивъ кругомъ обвинялъ Стаматія, называлъ его неблаговоспитаннымъ, упрямымъ, заявлялъ даже, что будто бы Стаматій хотѣлъ разъ задушить его; отецъ грозилъ лишить сына наслѣдства".

3-го августа того же года [2]): „Іоаннъ Зигомала и его сыновья плохіе хозяева. Разъ я проводилъ старика до его дома. Здѣсь мы встрѣтились съ его сыномъ Стаматіемъ. Отецъ началъ упрекать его за транжирство, а сынъ отвѣчалъ на это бранью, обзывая отца разными неприличными словами. Окончивши перебранку, отецъ сказалъ мнѣ, что его сынъ убійца, и что онъ уже многихъ отправилъ на тотъ свѣтъ. Стаматій съ горячностію отвѣчалъ, что если бы здѣсь не было меня (т. е. Герлаха), то онъ вышвырнулъ бы отца за окно, или же раскроилъ ему голову. Разъ случилось, что среди такой же перебранки сынъ прибилъ отца".

Очевидно, семейная жизнь фамиліи Зигомала представляла какой-то адъ. И съ другимъ сыномъ — Ѳеодосіемъ отецъ жилъ не въ ладахъ.

11-го февраля 1578 года Герлахъ писалъ у себя [3]): „Ѳеодосій жаловался мнѣ на несправедливость и деспотизмъ отца. Онъ говорилъ: „вотъ уже три года я обручился съ невѣстой, но не могу привести ее въ домъ, потому что отецъ не даетъ мнѣ ни минуты покоя. За полночь онъ бродитъ по комнатамъ, кричитъ, ругается и всячески меня поноситъ. Онъ не только тратитъ свои деньги, но онъ

[1]) S. 323.
[2]) S. 371.
[3]) S. 456—457.

занялъ 100 дукатовъ у меня и 100 у патріарха и все прошло прахомъ". Герлахъ продолжаетъ: „старикъ нерѣдко вступаетъ въ споры съ сыномъ Ѳеодосіемъ. Разъ [1]) сынъ раскроилъ ему голову виннымъ кувшиномъ, а отецъ поднялъ такой крикъ, что сбѣжались всѣ сосѣди. Эта драка вышла изъ-за того, что сынъ отказалъ отцу въ деньгахъ, нужныхъ этому старику на его амурныя похожденія. Я слышалъ — говоритъ Герлахъ — да и сынъ его подтверждаетъ, что Зигомала—отецъ, лишь только у него заводились деньги въ карманѣ, онъ бѣжитъ въ Галату за поисками чувственныхъ удовольствій. Затѣмъ описываются такія подробности, сообщать о которыхъ совершенно невозможно.

Такова жизнь всѣхъ Зигомала, этого цвѣта греческой интеллигенціи второй половины XVI вѣка—въ Константинополѣ.

Можно ли однако вѣрить *дневнику* Герлаха? Нѣсколько скептическое отношеніе къ этому дневнику въ наукѣ встрѣчается. И выражается желаніе: или поднять репутацію Іоанна Зигомала, или же смягчить строгія сужденія нѣмецкаго повѣствователя. Въ защиту репутаціи старшаго Зигомала говорятъ: изъ Герлахова дневника видно, что въ молодости Іоаннъ былъ не таковъ, и что онъ опустился только подъ старость [2]). Но эти защитники, не замѣчая того, дѣлаются изъ апологетовъ еще горшими обвинителями. А желаніе ослабить силу показаній дневника обнаруживается въ томъ, что слагаютъ вину съ Іоанна Зигомала и его семьи и переносятъ его на все общество даннаго времени: духъ времени былъ таковъ—говорятъ намъ [3]). Но мы не думаемъ, чтобы духъ времени *могъ* заставлять человѣка идти вопреки нравственнымъ законамъ. Если же мы допустили бы что либо подобное, то этимъ чуть-ли не объявили бы людей порочныхъ неотвѣтственными за свои поступки.

---

[1]) S. 372.

[2]) Замѣчаніе это принадлежитъ г-ну Дестунису, автору критическаго отзыва относительно извѣстнаго этюда Леграна о Зигомалѣ. (Журн. Мин. Нар. Просв., 1891 январь, стр. 169).

[3]) Такъ отчасти поступаетъ Legrand (п. 85).

Не желая оставлять читателя подъ нѣсколько тяжелымъ впечатлѣніемъ, производимымъ на него сейчасъ приведенными извлеченіями изъ дневника Герлаха, въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о значеніи изложенныхъ нами сношеній міра протестантскаго съ міромъ православно-греческимъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что въ русской богословской наукѣ, составляющіе ядро этихъ сношеній, „отвѣты" со стороны Грековъ цѣнятся по справедливости высоко. Архимандритъ Нилъ переводчикъ „отвѣтовъ" на русскій языкъ имѣлъ полное право говорить такъ, какъ онъ говорилъ. А онъ заявляетъ: „въ настояще время *отвѣты лютеранамъ* служатъ драгоцѣннымъ памятникомъ твердости и непоколебимости православія греко-восточной церкви въ самое бурное время религіознаго вольномыслія и вмѣстѣ богатымъ источникомъ чистаго православнаго ученія" (Предисл., стр. V). Къ сожалѣнію, въ нашей богословской наукѣ, цѣнители разсматриваемыхъ „отвѣтовъ" иногда доходятъ до того, что указываютъ имъ совершенно неподобающее мѣсто. Такъ поступалъ покойный профессоръ И. И. Малышевскій. Онъ пишетъ: „Три посланія Іереміи, выработанныя учеными членами патріаршаго синода (?), составляютъ капитальное пріобрѣтеніе православной догматики и не напрасно пріобрѣли значеніе *символической книги* (!) въ православной церкви, учащей различать православіе отъ протестантства" [1]). Здѣсь „отвѣты" названы „книгою символическою", чѣмъ они никогда не были въ право-

---

[1]) Проф. Малышевскаго: «Мелетій», стр. 221,—возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ почтенный профессоръ въ этомъ своемъ сочиненіи, на степень доктора Богословія, впалъ въ подобную ошибку? Возможно двоякое объясненіе явленія: Во 1-хъ, возможно думать, что въ мысли нашего ученаго произошло смѣшеніе «отвѣтовъ» Іереміи съ извѣстными грамотами восточныхъ патріарховъ, заключающими изложеніе православнаго вѣроученія, тѣмъ болѣе, что подъ ними подписался тоже патріархъ Константинопольскій Іеремія, но Іеремія III-ій, а не II-ый. Грамоты эти дѣйствительно имѣютъ значеніе *символической книги* въ православномъ мірѣ. (См. объ этомъ выше стр. 55—57, или же *Бог. Вѣстн.* 1894 г., т. I, стр. 541—543). Во 2-хъ, можно допускать еще, что нашъ ученый введенъ былъ въ соблазнъ тѣмъ обстоятельствомъ, что переписка Іереміи II въ XVIII вѣкѣ издана была на Востокѣ съ пышнымъ и претензіоннымъ заглавіемъ: книга—именуемая «судія истины». Какое предположеніе вѣрнѣе—первое или второе, рѣшить не беремся.

славной церкви; а потомъ сужденіе почтеннаго профессора нужно признать преувеличеннымъ.

Протестантскіе богословы нашихъ дней съ большимъ уваженіемъ относятся къ разсматриваемымъ „отвѣтамъ". Извѣстный уже намъ Мейеръ говоритъ: „самостоятельный элементъ стоитъ въ нихъ на заднемъ планѣ. Но отъ этого они не теряютъ цѣны. Посланія Іереміи во всякомъ случаѣ остаются оффиціальнымъ заявленіемъ о томъ, какъ греческая церковь, принимая во вниманіе совокупное развитіе церкви восточной, произноситъ свой судъ касательно протестантизма. А въ этомъ отношеніи посланія патріарха тѣмъ драгоцѣннѣе, чѣмъ въ большей зависимости отъ древнихъ авторитетовъ они написаны" [1]). Почти въ томъ же родѣ выражаетъ свое сужденіе по занимающему насъ вопросу и другой протестантскій богословъ, извѣстный знатокъ церковнаго византинизма, Гассъ. Онъ говоритъ: „переписка (между Константинополемъ и Тюбингеномъ) въ практическомъ отношеніи была безплодна; но тѣмъ важнѣе она является въ качествѣ историческаго собранія документовъ. Въ „отвѣтахъ" Іереміи обсуждаются почти всѣ стороны вѣроученія, отличительныя для греческой церкви, и нѣкоторыя изъ нихъ объяснены очень подробно, такъ что ими и. теперь можно пользоваться, какъ дѣйствительнымъ церковнымъ свидѣтельствомъ, въ интересахъ изученія символики греческой церкви" [2]).

Сама греческая церковь долго помнила о такомъ замѣчательномъ событіи въ ея жизни, какъ благожелательныя сношенія ея съ протестантизмомъ при Іереміи. Это событіе освѣжило застоявшуюся атмосферу греческаго церковнаго міра, угнетаемаго иновѣрною властію. А потому греческая церковь дорожила документами, относящимися къ этому дѣянію. По крайней мѣрѣ, по словамъ одного греческаго духовнаго лица, находящимся въ его письмѣ къ нѣкоему Олеарію въ Лейпцигѣ, еще въ 1670 году Аугсбургское исповѣданіе, быть можетъ бывшее въ рукахъ Іереміи II, а равно и разные „акты", сюда относившіеся,

---

[1]) Meyer. S. 97.

[2]) Real-Encyklop. vou Herzog und Plitt. B. VI. Artic. Ieremias II, S. 532. Изд. 2-е.

бережно хранились въ патріаршей библіотекѣ въ Константинополѣ [1]). И, дѣйствительно, было что̀ помнить!

Послѣ указанныхъ сношеній очень замѣтнымъ стало то явленіе, что греческіе іерархи за сборомъ подаяній стали ѣздить въ Англію, Швецію, Данію,—страны протестантскія. Нельзя ли этого явленія объяснять все тѣми же вышеописанными сношеніями? Очень любопытно еще слѣдующее: короли указанныхъ странъ очень внимательно принимаютъ греческихъ выходцевъ и всячески помогаютъ осуществленію ихъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи очень замѣчателенъ указъ англійскаго короля Іакова (нач. XVII в.): „всѣ вы духовные, въ апостольскомъ чинѣ, въ нашемъ государствѣ, въ праздничные дни возвѣщайте въ церквахъ всему народу, чтобы порадѣли и помощь учинили греческому митрополиту, и что денегъ сберется, то все бы митрополиту или его слугамъ отдали" [2]). Во всякомъ случаѣ—фактъ знаменательный...

Въ концѣ XVI и началѣ XVII-го вѣка усиливается притокъ Грековъ, желавшихъ учиться, въ протестантскіе университеты. А это не результатъ ли тоже константинопольско-тюбингенскихъ сношеній? Но впрочемъ объ этомъ явленіи подробнѣе будемъ говорить въ дальнѣйшемъ очеркѣ.

---

[1]) Heineccius (названіе книги см. выше). Theil I, 193.
[2]) (А. Муравьева). Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ. Ч. II, стр. 124—130. Спб. 1860.

Протестантская смута въ Греческой церкви XVII-го вѣка.

I.

(Умноженіе путешествій греческихъ духовныхъ лицъ заграницу, преимущественно въ протестантскія страны, въ концѣ XVI-го и нач. XVII вѣковъ, цѣль этихъ путешествій;—свѣдѣнія о такого рода путешествіяхъ изъ конца XVI вѣка; путешествіе Кирилла Лукариса съ научною цѣлію въ кон. XVI-го и нач. XVII в.;—такого же рода тринадцатилѣтнее путешествіе Митрофана Критопула въ нач. XVII-го в.,—подробности объ этомъ послѣднемъ путешествіи;—значеніе этихъ путешествій въ религіозномъ отношеніи,—какъ отозвалось заграничное путешествіе на образѣ мыслей Кирилла Лукариса?

Два взгляда на религіозный образъ мыслей Кирилла Лукариса, отзывы объ этомъ разныхъ ученыхъ и писателей;—современное намъ состояніе вопроса о перепискѣ Кирилла съ лицами протестантскаго міра и о «Исповѣданіи вѣры», приписываемомъ Кириллу и носящемъ характеръ протестантскій).

Сношенія Греческой церкви съ протестантами, достигшія значительнаго развитія при константинопольскомъ патріархѣ Іереміи II-мъ, въ XVI-мъ вѣкѣ, не только не ослабѣваютъ въ дальнѣйшемъ, XVII вѣкѣ, но еще расширяются, усложняются и вызываютъ знаменательныя движенія въ Греческой церкви.

Начало XVII-го вѣка было особенно благопріятно для сношеній Грековъ съ протестантами. Въ это время усиливается вліяніе на Порту правительствъ западныхъ протестантскихъ народовъ — англичанъ, голландцевъ, шведовъ. Послы этихъ протестантскихъ правительствъ получили большой вѣсъ въ глазахъ главнѣйшихъ представителей Порты. Это преимущественно должно сказать о посольствахъ англійскомъ и голландскомъ. Порта, какъ мы уже знаемъ, и вообще благосклонно относилась къ протестантскимъ державамъ, а въ свою очередь послы этихъ державъ, находясь въ Константинополѣ покрови-

тельствовали Греческой церкви, видя ее непріязненно настроенною противъ папства, что было пріятно представителямъ протестантскихъ государей. Между протестантскими послами и греческою церковію устанавливались вообще добрыя отношенія. А это располагало Грековъ къ болѣе обстоятельному и близкому ознакомленію съ протестантскимъ строемъ мысли и ученіемъ протестантскихъ религіозныхъ обществъ.

Наиболѣе важнымъ средствомъ къ такому ознакомленію служили путешествія на Западъ жаждущихъ просвѣщенія Грековъ. Примѣры такихъ путешествій умножились къ концу XVI го вѣка и возросли въ началѣ XVII-го. Путешествія заграницу любознательныхъ Грековъ этого времени, имѣвшихъ цѣлію усвоить плоды западнаго образованія и воспользоваться ими въ интересахъ церковныхъ, сами по себѣ, безъ сомнѣнія, представляютъ любопытное явленіе; но особенно они имѣютъ для насъ значеніе потому, что даютъ ключъ къ разъясненію тѣхъ историческихъ фактовъ, о которыхъ будемъ говорить ниже. Путешествовавшіе съ научною цѣлію Греки избирали мѣстомъ своего пребыванія чаще всего протестантскія страны, въ которыхъ, какъ и естественно, они находили ученыя учрежденія и ученыхъ профессоровъ протестантскаго направленія. Выборъ этихъ именно странъ опредѣлялся прежде всего тѣмъ, что Греки, если пускались въ ученое путешествіе съ ясно сознанными намѣреніями, избѣгали такихъ западныхъ центровъ просвѣщенія, въ которыхъ господствовала папская ферула. Нерѣдко, притомъ же, путешествующіе по западу, Греки предпринимали это трудное дѣло съ прямымъ намѣреніемъ отыскать для себя орудія, наиболѣе пригодныя въ борьбѣ съ притязательнымъ и неугомоннымъ римско-католицизмомъ. Въ виду всего этого Греки, желавшіе изучать науки, больше всего устремлялись въ Англію, Германію, Швейцарію, Голландію.

Ознакомимся съ нѣкоторыми изъ такихъ путешествій.— До насъ сохранился дневникъ извѣстнаго тюбингенскаго профессора конца XVI-го вѣка Мартина Крузія или Крузе; дневникъ этотъ недавно открытъ въ тюбингенской библіотекѣ и изученъ однимъ греческимъ ученымъ. Въ дневникѣ нашлись и нѣкоторыя замѣтки касательно Грековъ, посѣ-

давшихъ тюбингенскій университетъ въ концѣ 90-хъ го-
овъ указаннаго вѣка. Такъ, Крузій записываетъ, что его
осѣщали двое Грековъ, имѣвшихъ санъ архіепископа (?).
' нихъ не было никакихъ рекомендательныхъ писемъ или
ругихъ документовъ; все это оказалось у нихъ похищен-
ымъ. Изъ разговоровъ съ ними тюбингенскій профессоръ
зналъ, что одинъ изъ нихъ назывался Аѳанасіемъ и былъ
реемникомъ по сану нѣкоего Гавріила архіепископа Пер-
ой Іустиніаны (въ Болгаріи), который назадъ тому 12 лѣтъ
ылъ здѣсь въ Тюбингенѣ, а другой назывался Іереміею
состоялъ епископомъ Пелагонійскимъ въ Македоніи; этотъ
ослѣдній былъ спутникомъ Гавріила во время посѣщенія
мъ Тюбингена. Въ дневникѣ Крузія между прочимъ было
аписано слѣдующее: „Были у меня двое Грековъ (Аѳана-
ій и Іеремія). Съ ними я много говорилъ. Съ Аѳанасіемъ
велъ бесѣду о религіи. Мы соглашались съ нимъ въ
лѣдующихъ пунктахъ: что всѣ люди повреждены отъ
рироды; что мы возстановляемся вслѣдствіе обѣтованія
аннаго въ раю—о сѣмени; что это обѣтованіе сохраня-
ось у патріарховъ; что избранному народу Еврейскому
авались указанія на Христа, посредствомъ типовъ и сѣ-
ей (σκῆναι); что по явленіи Христа, эти послѣднія унич-
ожились, такъ какъ пришла истина и свѣтъ; что мы
правдываемся и спасаемся только вѣрою во Христа (сом-
ительно, — скажемъ мы,—чтобы греческій архіерей безъ
ольшихъ споровъ сталъ-бы раздѣлять это ученіе); что
ѣра свидѣтельствуется добрыми дѣлами, дѣлами мило-
ердія.—А не соглашались мы съ нимъ въ вопросѣ о при-
ываніи святыхъ. Онъ, Аѳанасій, настаивалъ, что святыхъ
ужно призывать, потому что все у нихъ сообразно съ
образомъ Божіимъ", духъ ихъ уже чистъ и можетъ имѣть
илу предъ Богомъ. Я же отвѣчалъ ему, что призыванія
е должно быть, потому что не слѣдуетъ отнимать чести,
ринадлежащей Богу. Да и Христосъ говорилъ: „пріидите
о Мнѣ", а не къ Петру или Маріи, и научилъ молиться:
Отче нашъ". Притомъ въ 50 (49) псалмѣ сказано: „при-
зови Мя", а не другого кого. Наконецъ: святые не всемо-
ущи, но суть существа ограниченныя и не вездѣ-сущи.
' сказалъ: „запомните эти слова". Крузій не оставлялъ
езъ вниманія и матеріальныя нужды греческихъ путеше-

ственниковъ. По его ходатайству, университетъ выдалъ имъ 3 или 4 флорина и что-то еще. Изъ Тюбингена эти Греки отправились въ Нюрнбергъ. На дорогу Крузій опять собралъ для нихъ денегъ, такихъ денегъ онъ далъ имъ 10 флориновъ. Кромѣ того, онъ снабдилъ ихъ рекомендательными письмами. Греки были очень благодарны заботливому профессору: они, по словамъ дневника, выражали ему желаніе долгой и спокойной жизни и всякаго счастія; Аѳанасій же прибавлялъ еще, что имя Крузія пользуется извѣстностію во всей Греціи. Они обѣщали писать ему о себѣ изъ Нюрнберга. Крузій каждому изъ нихъ подарилъ на память по портрету съ изображеніемъ своей личности [1]).

Изъ приведеннаго отрывка, взятаго изъ дневника Крузіева, видно, что на Западѣ очень внимательно относились къ Грекамъ, посѣщавшимъ тамошніе университеты. Видно и то, что даже профессора не-богословы, въ родѣ Крузія, любили заводить съ ними богословскіе споры, стараясь отстаивать свои религіозныя воззрѣнія.

Кромѣ отрывочныхъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ Грекахъ, посѣщавшихъ западные университеты, до насъ сохранились и болѣе обстоятельныя извѣстія объ отдѣльныхъ греческихъ выходцахъ, предпринимавшихъ заграничныя путешествія съ научною цѣлію, въ разсматриваемое время, т. е. въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го вѣковъ. Вотъ что—напримѣръ—извѣстно въ этомъ отношеніи о Кириллѣ Лукарисѣ, впослѣдствіи александрійскомъ и константинопольскомъ патріархѣ. Кириллъ Лукарисъ, родившійся въ 1572 г., очень рано сдѣлался предметомъ попеченій извѣстнаго александрійскаго патріарха Мелетія Пиги, который и позаботился объ его образованіи. По достиженіи Кирилломъ двѣнадцатилѣтняго возраста, Мелетій отправилъ его на западъ, гдѣ только и можно было тогдашнему Греку получить основательное научное образованіе. Сначала онъ учился въ Венеціи: здѣсь имъ пріобрѣтено было образованіе, подготовлявшее его къ прохожденію высшаго курса наукъ; а потомъ онъ переправляется въ Падую для занятій въ тамошнемъ университетѣ. Этотъ городъ принадле-

[1]) Mystakidès, Notes sur Martin Crusius, (Revue des études Grecques. Tome XI, 1898), p. 297. 299—301.

жалъ венеціанской республикѣ, а потому здѣсь наука мало была стѣснена по отношенію къ свободѣ преподаванія; папскій гнетъ, котораго такъ опасались и боялись Греки того времени, здѣсь отсутствовалъ. У кого же и чему учился Кириллъ въ Падуѣ? Насколько правительство здѣсь обнаруживало заботливость о нравственномъ поведеніи учащихся, настолько же оно оставляло безъ вниманія характеръ и направленіе учащихъ. Уже объ Яковѣ Забореллѣ, падуанскомъ профессорѣ, у котораго раньше учился Мелетій Пига, извѣстно, что онъ былъ скептикомъ и о немъ говорили даже, что онъ не вѣрилъ въ безсмертіе души. Еще хуже того, былъ одинъ изъ здѣшнихъ профессоровъ, у котораго довелось слушать уроки Кириллу. Говоримъ о Цезарѣ Кремонини, считавшемся первымъ философомъ своего времени. Онъ умѣлъ привлечь къ себѣ сердца своихъ учениковъ, они считали и восхваляли его, какъ единственнаго профессора въ своемъ родѣ. Онъ былъ врагомъ вновь возникшаго ордена Іезуитовъ и ходатайствовалъ предъ правительствомъ страны о закрытіи іезуитскихъ школъ въ венеціанской республикѣ. Но гораздо важнѣе этого было то, что, по увѣренію его учениковъ, Кремонини не питалъ вѣры въ безсмертіе души и держался превратныхъ мыслей о промыслѣ Божіемъ и происхожденіи міра. Другой знаменитый падуанскій профессоръ того времени Пикколомини представлялъ собою другую крайность. Онъ былъ жаркимъ приверженцемъ папизма. Изъ двухъ этихъ преподавателей Кириллъ, повидимому, отдавалъ предпочтеніе Кремонини. Но конечно вліяніе этого послѣдняго не могло быть благотворнымъ на умы слушавшихъ у него уроки, какъ показываетъ примѣръ грека Коридаллея, о которомъ рѣчь у насъ будетъ ниже. Кириллъ оставался въ Падуѣ до 23-лѣтняго возраста. Его занятія главнымъ образомъ сосредоточивались на тѣхъ сторонахъ философской науки, на которыя въ то время принято было обращать особенное вниманіе, на діалектикѣ, метафизикѣ и этикѣ въ духѣ аристотелизма. Кромѣ того, онъ изучилъ здѣсь древне-греческій, латинскій и итальянскій языки. Что касается богословскихъ знаній, то сомнительно, чтобы онъ могъ въ это время освоиться съ этою отраслію нау-

ки [1]). Чрезъ нѣсколько времени, въ санѣ уже архимандрита, Кириллъ, кажется по собственной инициативѣ, предпринялъ вторичное путешествіе на западъ, именно въ страны протестантскія. Въ началѣ XVII-го вѣка Кириллъ Лукарисъ отправляется въ Женеву и Виттенбергъ, — два извѣстнѣйшіе центра протестантизма. Остается неяснымъ, какой изъ этихъ городовъ онъ посѣтилъ сначала; вѣроятнѣе, что уже изъ Виттенберга онъ перебрался въ Женеву. Виттенбергъ въ это время еще твердо хранилъ преданія главы протестантизма и считался Дельфами лютеранской Германіи. Безъ сомнѣнія, Кириллъ проживалъ въ названномъ городѣ у кого-либо изъ профессоровъ университета, такъ какъ тогда было въ обычаѣ, что профессора брали себѣ по возможности больше нахлѣбниковъ изъ числа студентовъ. Философское образованіе въ Виттенбергѣ въ началѣ XVII-го вѣка ограничивалось исключительно учебниками Меланхтона и вообще было очень недостаточнымъ. Еще въ XVI вѣкѣ раздавались жалобы на то, что въ лютеранскихъ университетахъ встрѣчается почти полное изгнаніе всякой философіи. Въ богословіи здѣсь господствовали принципы лютеранизма, при чемъ все, что носило печать кальвинизма, подвергалось преслѣдованію. Нужно думать, что Кириллъ не долго оставался въ Виттенбергѣ. Но во всякомъ случаѣ, онъ принятъ былъ здѣсь очень предупредительно; ему оказываема была и помощь матеріальная и притомъ значительная.—Изъ этого города Кириллъ отправляется въ Женеву. Безо всякаго преувеличенія можно сказать, что Женева въ концѣ XVI-го вѣка стала кальвинистическимъ Римомъ, а его теологи священной коллегіей кальвинизма. Такимъ процвѣтаніемъ разсматриваемый городъ обязанъ въ особенности талантамъ тамошняго профессора Діодати. Притокъ новыхъ слушателей увеличился благодаря и тому обстоятельству, что отмѣнено было правило, которымъ требовалось, чтобы всѣ студенты давали подписку въ согласіи принять кальвинскую формулу вѣры. Южная митрополія протестантизма начала равняться въ блескѣ съ Виттенбергомъ. Не только изъ Франціи, Италіи и Швеціи, но и изъ Англіи стали

[1]) Pichler, Geschichte des Protestantismus in. d. orientalischen Kirche im 17 Iahrbund. S. 45—47. 50. München, 1862.

сюда стекаться любящіе науку мужи и юноши. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло вѣрныхъ извѣстій о пребываніи Кирилла Лукариса въ Женевѣ. Во всякомъ случаѣ нужно утверждать, что пребываніе его здѣсь было не безплодно: онъ имѣлъ возможность расширить и обогатить кругъ своихъ богословскихъ познаній; здѣсь же онъ пріобрѣлъ вполнѣ достаточное знакомство съ религіозными доктринами, составляющими характеристическую особенность реформатской церкви [1]).

Другой примѣръ ученаго путешествія, предпринятаго Грекомъ въ изучаемое нами время, представляетъ путешествіе Митрофана Критопула, впослѣдствіи патріарха александрійскаго. Критопулъ началъ свое путешествіе уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ и продолжалъ его цѣлые годы. Этотъ эпизодъ изъ жизни указаннаго лица недавно обстоятельно описанъ греческимъ ученымъ Реніери въ его сочиненіи: „Митрофанъ Критопулъ и его друзья въ Англіи и Германіи" (1617—1628) [2]). Первою страною на западѣ, которую посѣщаетъ Критопулъ, была Англія. Онъ предпринимаетъ свое путешествіе по иниціативѣ Кирилла Лукариса, бывшаго тогда патріархомъ александрійскимъ. Избрана же была прежде всего Англія потому, что тогдашній англійскій король Іаковъ I изъявлялъ ранѣе согласіе взять на себя попеченія объ образованіи какого либо греческаго духовнаго лица, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо Лукариса къ Георгію Абботу, архіепископу кантербюрій-

[1]) Ibidem, S. 61—64.

[2]) Ῥενιέρης. Μητροφάνης Κριτόπουλος καὶ οἱ ἐν Ἀγγλίᾳ καὶ Γερμανίᾳ φίλοι αὐτοῦ. Аѳины. 1893. Книга представляетъ собою подробное описаніе путешествія Критопула по разнымъ странамъ протестантскимъ. Въ основѣ ея положенъ очень важный современный событію документъ. Это альбомъ самаго Критопула. Въ бытность еще въ Англіи ему пришла въ голову благая мысль завести альбомъ, въ которомъ стали бы выписывать свои имена и разнаго рода отзывы, рекомендаціи и замѣтки, какъ наставники, у которыхъ ему приходилось учиться, такъ и другія, достойныя уваженія лица, съ которыми онъ входилъ въ сношенія. Тѣ, кому онъ предлагалъ свой альбомъ ради указанной цѣли, охотно исполняли его желаніе. И такъ было не только въ Англіи, но и другихъ странахъ. Такъ возникъ альбомъ Критопула, который самъ онъ называлъ Φιλοθήκη. Этотъ альбомъ довольно обширенъ и уцѣлѣлъ до нашего времени. Отзывы, рекомендаціи и разныя замѣтки, находящіеся въ альбомѣ, придаютъ изслѣдованію нашего автора, т. е. Реніери, особенную свѣжесть и сообщаютъ ему характеръ рѣдкой достовѣрности. Воспользуемся изъ книги Реніери хотя немногими свѣдѣніями, имѣющими значеніе для нашего предлежащаго очерка.

скому (отъ 1 марта, 1616 г.). Митрофанъ прибылъ въ Англію въ срединѣ 1617 года и сначала учился въ Лондонѣ въ одной коллегіи, гдѣ преподавалось богословіе и другія науки, а потомъ переѣхалъ въ знаменитый оксфордскій университетъ, въ которомъ изучалъ разныя науки, при чемъ языки латинскій и англійскій онъ изучалъ у эллениста Эдуарда Сильвестра. Нужно сказать, что Критопулъ предпринялъ путешествіе въ зрѣломъ возрастѣ, имѣя уже санъ священника. Съ цѣлью своего образованія онъ оставался въ Англіи до конца 1622 года, слѣдовательно болѣе 5-ти лѣтъ. Въ Критопуловомъ альбомѣ, о которомъ мы упоминали раньше, находимъ подписи тѣхъ лицъ, у которыхъ онъ учился съ похвальными отзывами какъ относительно успѣховъ его въ наукахъ, такъ и благонравія. Между подписями альбома встрѣчаемъ имя и архіепископа Георгія Аббота. Предъ тѣмъ, какъ отправиться изъ Англіи, любознательный Грекъ представился королю Іакову І-му и получилъ отъ него грамоту, которою внушалось подлежащимъ властямъ оказывать всякое вниманіе и содѣйствіе Митрофану, при его обратномъ путешествіи. Пятилѣтнѣе пребываніе его въ Англіи обошлось англійскому правительству, какъ видно изъ одного письма архіепископа кантербюрійскаго, въ 300 фунтовъ стерлинговъ слишкомъ. На дорогу дано было Митрофану отъ этого послѣдняго десять фунтовъ стерлинговъ; кромѣ того отъ него же подарено было ему много книгъ, которыя легли въ основу его библіотеки, впослѣдствіи очень разросшейся. Указанному архіепископу не нравилось, что Митрофанъ не прямо возвращается на Востокъ, но ѣдетъ еще въ Германію, но первому неизвѣстно было, что такова была воля Кирилла Лукариса, руководившаго путешествующимъ Грекомъ [1]).

Въ Германіи Критопулъ посѣтилъ очень многіе города, славившіеся образованіемъ. Прежде всего его видимъ въ Гамбургѣ и Бременѣ. Хотя здѣсь и не было университетовъ, но за то находились высшія гимназіи, состоявшія изъ четырехъ факультетовъ и славившіяся наравнѣ съ тогдашними нѣмецкими университетами. И учрежденія, и профессора оказывали Критопулу всякое благоволеніе.

---

[1]) Ῥενιέρης, 9—11, 22—23, 26—27.

Разумѣется, богословіе привлекало здѣсь особенное его вниманіе, какъ показываетъ и альбомъ его. Изъ указанныхъ городовъ Критопулъ переправился въ Гельмштадъ, гдѣ былъ настоящій уже университетъ и притомъ пользовавшійся большою славою. Во главѣ профессоровъ стоялъ Каликстъ, слывшій за великаго протестантскаго теолога. Въ домѣ его Критопулъ и прожилъ цѣлую зиму, пользуясь его благорасположеніемъ и любовію; столъ же онъ получалъ въ домѣ другого профессора. Расходы на содержаніе греческаго пришельца, по ходатайству университета, принялъ на себя самъ герцогъ (Брауншвейгъ-вольфенбюттельскій). Любопытно отмѣтить, что въ домѣ Каликста вся семья говорила между собою по латыни, какъ въ наше время принято въ нѣкоторыхъ домахъ изъясняться по французски. Такое обыкновеніе было полезно для Критопула, давая ему возможность усовершенствоваться въ латинскомъ языкѣ, такъ какъ и онъ обязанъ былъ раздѣлять вкусы своего хозяина. Во время пребыванія въ Гельмштадѣ, Критопулъ, по просьбѣ Каликста, составилъ обширное „исповѣданіе православной восточной церкви", которое впослѣдствіи и издано было здѣсь же. Это произведеніе Митрофана Критопула иными считалось написаннымъ въ духѣ благопріятномъ протестантскимъ тенденціямъ, но гораздо правильнѣе отрицать въ немъ подобное поползновеніе, что и раскрыто въ новѣйшее время. Въ альбомѣ Критопула встрѣчаемъ много замѣтокъ гельмштадскихъ профессоровъ, въ которыхъ они выражаютъ живыя симпатіи любознательному Греку. Въ 1625 году онъ прибылъ въ Виттенбергъ, желая зрѣть „эту гору Сіонъ истиннаго лютеранизма", по выраженію описателя Критопулова путешествія. Здѣсь пробылъ Митрофанъ не долго—лишь нѣсколько недѣль. Имѣя рекомендаціи Каликста, греческій путешественникъ радушно былъ принятъ профессорской корпораціей и въ этомъ городѣ. Затѣмъ Критопулъ появляется въ Берлинѣ, въ герцогствѣ Брандебургскомъ. Цѣлью посѣщенія имъ этого города была не наука. Въ здѣшнихъ придворныхъ кругахъ господствовала мысль о соединеніи лютеранъ и кальвинистовъ въ одно общество. Во главѣ этого движенія изъ числа протестантскихъ богослововъ оказывался Іоаннъ Бергъ, бывшій про-

фессоръ Франкфуртскаго университета, а теперь придворный проповѣдникъ герцога брандебургскаго. Однимъ изъ главныхъ и дѣятельнѣйшихъ сторонниковъ этого дѣла являлся прежде упомянутый нами Каликстъ изъ Гельмштада. Но этотъ послѣдній соединеніе церквей понималъ очень широко: ему предносилась мысль о возможности сближенія не только неодинаковыхъ протестантскихъ вѣроисповѣданій, но и союзничества между протестанствомъ и восточною православною церковію. Съ этой идеей Каликста знакомъ былъ Критопулъ и раньше; но теперь ему хотѣлось узнать, какъ смотритъ на этотъ же вопросъ Бергъ, которому планъ Каликста былъ уже извѣстенъ. Дальнѣйшихъ подробностей по поводу подобной затѣи до насъ впрочемъ не дошло. — Послѣ Берлина, Критопулъ продолжаетъ посѣщеніе такихъ германскихъ городовъ, которые славились своими университетами. Онъ появляется въ Іенѣ, гдѣ вращается въ кружкѣ университетскихъ профессоровъ; не обходитъ Кобурга, въ которомъ имѣлась лишь высшая гимназія; въ октябрѣ 1625 года его находимъ въ университетѣ въ Алтдорфѣ, вблизи Нюрнберга. Отсюда онъ перебирается въ Штутгардъ. Впрочемъ больше имѣется извѣстій о его пребываніи въ Тюбингенѣ, университетъ котораго влекъ къ себѣ Критопула. Онъ оставался здѣсь отъ октября 1626 года до іюня 1627. Тюбингенскій университетъ того времени былъ прибѣжищемъ самаго строгаго лютеранизма, доходившаго до большой нетерпимости. Съ точки зрѣнія теологовъ тюбингенскихъ не только католики, но и кальвинисты и криптокальвинисты разсматривались какъ еретики и враги религіозной истины. О нѣкоторыхъ изъ этихъ теологовъ, наприм. Лукѣ Озіандерѣ, принимая во вниманіе ихъ неукротимый фанатизмъ, говорили тогда, что на нихъ Духъ святый сошелъ скорѣе въ видѣ ворона, чѣмъ голубя. Тѣмъ не менѣе, какъ показываетъ исторія Критопула, этотъ тюбингенскій фанатизмъ не простирался на греческую восточную церковь. Изъ Критопулова альбома видно, что даже самъ Лука Озіандеръ не преминулъ наименовать здѣсь греческаго іеромонаха: dominus amicissimus et honorandissimus. Въ Тюбингенѣ Критопулъ устроился очень удобно. Онъ содержался на счетъ герцога виртембергскаго. Мало того:

онъ допущенъ былъ въ т. н. collegium illustre, превосходный пансіонъ, въ который принимались и въ которомъ содержались юноши изъ высокопоставленныхъ и благородныхъ семействъ, прибывавшіе въ Тюбингенъ для слушанія лекцій въ здѣшнемъ университетѣ. Такимъ образомъ сотрапезниками скромнаго іеромонаха были въ теченіе десяти мѣсяцевъ—князья, графы и дворяне. Впослѣдствіи Критопулъ особымъ письмомъ благодарилъ великодушнаго герцога за особливое вниманіе къ себѣ. Въ этомъ письмѣ Митрофанъ Критопулъ, благодаря за все, что сдѣлано для него герцогомъ, много говоритъ о тѣхъ удобствахъ, какія были доставлены ему во время путешествія отъ Штутгарта до Страсбурга, куда отправлялся онъ послѣ посѣщенія Тюбингена. По словамъ греческаго путешественника герцогъ приказалъ дать ему лошадей до самого Страсбурга; на дорогѣ вездѣ принимали его съ такою любовію и предупредительностію, по распоряженію герцога, что путешественнику даже хотѣлось, чтобъ дорога до Страсбурга была продолжительнѣе обыкновеннаго; ибо ему казалось, что онъ не въ пути находится, а великолѣпно проживаетъ во дворцѣ. Онъ очень доволенъ былъ и данными ему спутниками, въ числѣ которыхъ былъ и переводчикъ. — Вообще путешествіе по Германіи было счастливымъ эпизодомъ въ жизни Критопула [1]).

Изъ Германіи этотъ послѣдній на короткое время отправляется еще въ одну протестантскую страну — въ Швейцарію. Здѣсь прежде всего онъ побывалъ въ Базелѣ. Вѣроятно потому, какъ полагаетъ описатель Критопулова путешествія, что въ этомъ городѣ былъ благоустроенный швейцарскій университетъ. Изъ Базеля чрезъ Бернъ онъ поѣхалъ въ отечество кальвинизма — Женеву. Граждане Берна, принявъ его очень внимательно, на свой счетъ переправили его въ этотъ послѣдній городъ. Въ Женевѣ Критопулъ пробылъ лишь три дня, пользуясь полнымъ благорасположеніемъ со стороны здѣшнихъ протестантскихъ пасторовъ. Изъ другихъ швейцарскихъ городовъ онъ посѣтилъ еще Цюрихъ. Авторъ, описывающій путешествіе Критопула, догадывается, что во время посѣщенія

1) Ῥενιέρης, σελ. 37. 44—45. 48. 53—54. 56—57. 59. 60. 62. 74. 77. 79—80. 83.

Швейцаріи этотъ послѣдній прислушивался здѣсь къ тѣмъ мнѣніямъ, какія выражались здѣсь по вопросу, интересовавшему тогда протестантство,—о соединеніи церквей, со включеніемъ сюда и той церкви, представителемъ которой являлся самъ Митрофанъ.—Въ концѣ 1627 года Критопулъ прибылъ въ Венецію, гдѣ и оставался до 1630 года. А потомъ прибылъ въ Константинополь, въ которомъ находился въ это время Кириллъ Лукарисъ, иниціаторъ продолжительнаго путешествія Критопула, имѣя санъ константинопольскаго патріарха, а отсюда Критопулъ возвратился въ Александрію. Всего заграничное странствованіе жаждущаго знаній Митрофана Критопула обнимало полныхъ тринадцать лѣтъ [1]). Значитъ это было путешествіе удивительное по своему долголѣтію: ученый Грекъ начала XVII-го вѣка посвятилъ заграничной наукѣ столько времени, сколько не отдаютъ ей спеціалисты, профессора нашей эпохи, изучающіе свѣтскіе научные предметы, не говоря уже о лицахъ духовныхъ и преподавателяхъ наукъ богословскихъ.

Искавшіе просвѣщенія Греки, какъ видно изъ вышесказаннаго, избирали для этой цѣли протестантскія страны и протестантскія ученыя учрежденія. Само по себѣ понятно, что такое явленіе не могло обходиться безъ важныхъ послѣдствій, въ особенности когда такими искателями просвѣщенія были лица, заинтересованныя больше всего состояніемъ западнаго богословія и мало вооруженныя научной критикой. Для нихъ открывалась возможность увлеченій. Изъ числа вышепоименованныхъ лицъ такую возможность легче всего можно было бы находить у Критопула, какъ человѣка проведшаго очень много лѣтъ среди крайнихъ проявленій протестантскаго міра; и дѣйствительно иногда усматривали въ воззрѣніяхъ его нѣкоторые отпечатки неправославныхъ вліяній. Но подобнаго рода утвержденіе, нужно сознаться, неосновательно и причисляется въ настоящее время къ явнымъ ошибкамъ. Иное дѣло—Кириллъ Лукарисъ, который путешествовалъ по западнымъ странамъ съ ученою цѣлію, хотя и не такъ долго,—о чемъ мы уже говорили,—какъ Крито-

1) Ῥενιέρης, 87—89, 91. 96. 105.

, но на котораго неправославный западъ оказалъ ъ сильное дѣйствіе.

прочемъ наука не единогласно рѣшаетъ этотъ по-ній вопросъ. Въ ней замѣчается раздѣленіе въ раз-риваемомъ случаѣ. Въ чемъ же заключается эта ица?

ся западная наука, какъ римско-католическая, такъ и естантская допускала и допускаетъ, что Кириллъ Лука-, ставшій потомъ константинопольскимъ патріархомъ, ется въ исторіи греческой церкви сторонникомъ проте-скихъ воззрѣній. Поэтому приводить отдѣльныя мнѣ-ападныхъ ученыхъ, подкрѣпляющія это общее поло-:, мы не усматриваемъ надобности. Скажемъ лишь, основаніемъ для такого научнаго отношенія къ Ки-у Лукарису служатъ многочисленныя письма его къ горымъ представителямъ протестантизма того вре-. письма—своимъ содержаніемъ, а также существу-подъ его именемъ „исповѣданіе вѣры", какъ из-ю, протестантскаго или точнѣе кальвинистическаго стера (обо всѣхъ этихъ документахъ болѣе обстоя-ая рѣчь предстоитъ впереди). Но не одни римско-ическіе и протестантскіе ученые усвояютъ указанное ѣніе; а тоже можно находить у значительнаго числа скихъ и русскихъ писателей и ученыхъ.

отъ прежде всего слова Досиѳея, патріарха іеруса-каго (XVII в.). „Кириллъ Лукарисъ—заявляетъ онъ— тайный еретикъ, какъ это открылось изъ многочис-ой его корреспонденціи конечно скрытной и веден-воровски" [1]). Или онъ же, Досиѳей, говоритъ: „въ ости Кириллъ оказалъ пользу каѳолической церкви азличныхъ мѣстахъ, и въ особенности, будучи от-енъ въ Россію александрійскимъ патріархомъ Меле-, много и сильно ратовалъ за православіе, подъ ко-своей жизни умолкъ и не вступилъ въ надлежащую у противъ кальвинистовъ, и потому показалъ себя дрымъ и недостойнымъ престола и сана. Онъ, какъ шитель нравовъ и какъ злоумышлявшій противъ славія, не можетъ получить никакой пользы отъ

[1]) Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων... σελ. 1171 (кн. . 10).

того, что его гробъ находится въ церкви". При этомъ Досиѳей прибавляетъ, что одинъ изъ почитателей Кирилла, пресвитеръ Евгеній изъ Этоліи, человѣкъ пропитанный кальвинизмомъ, сочинилъ канонъ и вообще цѣлую службу въ честь Кирилла, какъ святаго; за что однако былъ отлученъ отъ церкви [1]). Въ другомъ своемъ сочиненіи, написанномъ въ 1694 году, тотъ же Досиѳей помѣщаетъ имя Кирилла Лукаря между именами Лютера, Кальвина и другими, пользовавшимися дурной репутаціей [2]). Греческій писатель Александръ Элладій (кон. XVII и нач. XVIII в.) считаетъ и называетъ того-же Кирилла приверженцомъ кальвинизма. Онъ пишетъ: „люди ученые не станутъ отрицать, что Кириллъ былъ пропитанъ мнѣніями Іоанна Кальвина". „Кириллъ былъ ученикъ Кальвина, а не сынъ церкви греческой". Для подтвержденія своего сужденія Элладій приводитъ выдержки изъ писемъ его къ нѣкоторымъ протестантамъ [3]). Ученый греческій архимандритъ Андроникъ Димитракопулъ († 1872 г.) не находилъ основаній обѣлять Кирилла, когда ему приходилось выразить свое мнѣніе о послѣднемъ, и не усматриваетъ возможности приписывать составленіе извѣстнаго „исповѣданія" злонамѣреннымъ людямъ, желавшимъ повредить названному константинопольскому патріарху [4]). Преждеупомянутый нами греческій же ученый нашего времени Маркъ Реніерисъ, касаясь личности Лукариса, не сомнѣвается, что тяготѣющее надъ нимъ обвиненіе принадлежитъ къ области историческихъ фактовъ. Для характеристики его онъ влагаетъ отъ себя слѣдующія слова въ уста Кирилла Лукариса (слова, которыхъ онъ, можетъ, никогда и не произносилъ): „теперь должно рѣшиться будущее христіанскаго міра: изъ ги-

---

[1]) Παπαδοπούλου Κεραμέως. Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Τόμ. I, 278. Петерб., 1891. Въ этомъ томѣ напечатаны между прочимъ отрывки, изъ Досиѳеевой «Исторіи іерусалимскихъ патріарховъ» въ свое время почему-то въ нее не вошедшіе (Приводимый отрывокъ относится къ 11 кн., 12-й гл. названной исторіи).

[2]) Legrand. Bibliographie Hellénique. Tome III, p. 35 Paris, 1895. (здѣсь помѣщенъ отрывокъ изъ сочиненія Досиѳея: Ἐγχειρίδιον κατὰ Ἰωάννου τοῦ Καρυοφύλλη).

[3]) Helladii. Sratus praesens ecclesiae Graecae p. 242. 246. Петерб., 1714.

[4]) Проф. И. Е. Троицкаго. Учено-литературные труды архиманд. Андроника Димитрокопула (*Христ. Чтен.*, 1873, III, 622).

антской борьбы долженъ выйти побѣдителемъ или паизмъ или протестантство. Нотара (извѣстное историчекое лице) нѣкогда говорилъ: лучше видѣть въ Констаниноплѣ турецкую чалму, чѣмъ латинскую тіару, я-же Кириллъ) скажу: лучше видѣть здѣсь протестаномудртвующаго патріарха, чѣмъ жалкаго іезуита". И въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель замѣчаетъ: „издавъ извѣстюе исповѣданіе, Кириллъ тѣмъ самымъ явно протянулъ уку кальвинизму" [1]). Что касается русскихъ ученыхъ, то и іежду ними можно находить такихъ, которые не становятся іа сторонѣ защитниковъ правовѣрія Кирилла Лукариса. акъ, проф. И. Е. Троицкій присоединяется къ воззрѣніімъ, выраженнымъ о. Димитракопуломъ и приведеннымъ іами нѣсколько выше [2]). Не стремится сколько нибудь ащищать Кирилла, хотя къ этому былъ очень прямой юводъ, и извѣстный нашъ ученый, теперь покойный, іреосвящ. Порфирій Успенскій [3]). Къ разряду этого же юда историковъ слѣдуетъ отнести и покойнаго ректора Моск. Дух. Академіи А. В. Горскаго. Имѣя случай говоить о Кириллѣ, онъ утверждалъ, что „защитникъ Киилла" не лишенъ возможности „отстаивать" (т. е. обѣіять) его въ его оффиціальной дѣятельности", какъ патріарха константинопольскаго. Къ этому выводу наклоняетъ мысль нашего изслѣдователя изученіе актовъ такъ называемаго собора іерусалимскаго (1672 г.), (бывшаго подъ предсѣдательствомъ патріарха Досиѳея и имѣвшаго цѣлію доказать, что церковь восточная не принимала и не признавала „исповѣданія", появившагося еще при жизни Кирилла съ его именемъ, хотя бы авторъ „исповѣданія" и былъ этотъ послѣдній). Но въ этихъ же самыхъ актахъ можно усматривать мысль, что оправдывать и защищать Кирилла также и въ неоффиціальной личной его дѣятельности—дѣло мудреное, во всякомъ случаѣ дѣло, выходив-

---

1) Ρενίερης, σελ. 100. 104.

2) Учено-литературные труды архимандрита Андроника Димитракопула, стр. 622—623.

3) Епископа Порфирія. Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри. Часть I, отд. 2-ое, стр. 229—31. М. 1880. (Здѣсь приведено у автора очень интимное письмо Кирилла къ архіепископу кантербюрійскому, не чуждое юхвалъ по адресу того вѣроисповѣданія, которому принадлежалъ послѣдній).

шее за предѣлы задачъ собора. Такъ, въ актахъ, въ самомъ началѣ ихъ говорится: „каковъ былъ Кириллъ (Лукарисъ) въ своей совѣсти, мы не беремъ на себя сказать рѣшительно". Тѣже акты настаиваютъ, что Кириллъ „ни публично, ни частно" ничего противнаго вѣрѣ не говорилъ „ни многимъ, ни нѣкоторымъ *изъ православныхъ*"; а этимъ давалось знать, что бесѣды и сношенія Кирилла съ неправославными, корреспонденція съ ними, обнародованіе среди нихъ какихъ-либо сочиненій не составляло предмета заботъ и разсужденій разсматриваемаго собора [1]). Такимъ образомъ, „защитникъ Кирилла", если возьметъ для себя въ руководство указанія собора 1672 года, не можетъ ручаться въ томъ, что этотъ патріархъ оставался безупреченъ и за предѣлами своей оффиціальной дѣятельности въ Константинополѣ. Безъ сомнѣнія, много значитъ и одна возможность защиты Кирилла въ его оффиціальной дѣятельности, — но здѣсь еще не конецъ дѣлу. Нельзя не отмѣтить, что обсужденіе вопроса о. А. В. Горскимъ отличается большою тонкостію.

Но если одни изъ представителей науки прямо объявляютъ Кирилла наклоннымъ къ протестантизму или же не желаютъ брать его подъ свою защиту въ данномъ отношеніи и обѣлять его, то другіе изъ ученыхъ и писателей безо всякаго колебанія становятся на сторону его апологетовъ и стараются очистить его ото всякихъ обвиненій въ неправославіи. Такъ поступаетъ большинство современныхъ намъ греческихъ историковъ. Константинъ Сата, принимая во вниманіе отзывъ о Кириллѣ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана (нач. XVII в.), именуетъ его „мудрѣйшимъ патріархомъ" и замѣчаетъ, что Кириллъ „былъ настолько далекъ отъ ереси, что онъ во истину такой архіерей, котораго, согласно слову ап. Павла, можно называть преподобнымъ, незлобнымъ" и проч. Этотъ писатель отрицаетъ принадлежность Лукарису, изданнаго съ именемъ послѣдняго,—исповѣданія, считая его подлогомъ. А на возможное возраженіе, почему въ такомъ случаѣ патріархъ не заявилъ публично объ этомъ подлогѣ, Сата говоритъ, что для Кирилла было не безопасно рѣ-

1) Ректора А. В. Горскаго. О соборѣ іерусалимскомъ 1672 года. «Прибавл. къ творен. св. Отцевъ», томъ 24, стр. 606. 616. (1871 г.).

шиться на такой шагъ, такъ какъ онъ не желалъ разгнѣвать такимъ поступкомъ протестантское посольство въ Константинополѣ, на которое онъ опирался въ борьбѣ съ іезуитами, всячески вредившими этому патріарху, но что онъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать заявленіе о такомъ подлогѣ впослѣдствіи, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ [1]). Изъ числа греческихъ ученыхъ нашего времени приведемъ сужденіе профессора церковной исторіи въ Аѳинскомъ университетѣ Діомида Киріака. Это сужденіе, при всей его краткости можетъ однако служить типическимъ обращикомъ воззрѣній греческой богословской науки. „Въ 1629 году, пишетъ онъ,—появилось въ Женевѣ кальвинистическаго характера „исповѣданіе восточной церкви“ съ именемъ Кирилла. Неизвѣстно, заявляетъ Киріакъ, кто написалъ это исповѣданіе. Вѣроятнѣе всего, его издали іезуиты, чтобы возбудить къ патріарху непримиримую вражду. Кирилъ впрочемъ не преминулъ объявить на словахъ, что онъ не былъ авторомъ „исповѣданія“, да и проповѣди, которыя онъ произносилъ до этого случая и послѣ случая, свидѣтельствовали, что онъ не держался ложнаго ученія [2]). Притомъ не вѣроятно, чтобы такой благоразумный человѣкъ, какъ Кириллъ, могъ разсчитывать, что путемъ такого легкомысленнаго обмана (т. е. путемъ обнародованія „исповѣданія“ протестантскаго характера съ именемъ патріарха) возможно было въ самомъ дѣлѣ обратить восточную церковь въ протестантство. А если же Кириллъ письменно не заявилъ о томъ, что онъ не былъ авторомъ „исповѣданія“, то такъ поступилъ онъ изъ деликатности предъ своими многочисленными протестантскими друзьями и изъ чувства признательности къ посольствамъ протестантскихъ державъ въ Константинополѣ, расположеніемъ каковыхъ посольствъ онъ дорожилъ въ тяжелой борьбѣ съ іезуитами и папизмомъ“. Киріакъ впрочемъ не молчитъ о той близости къ протестантамъ, какая отличала этого патріарха; онъ за-

---

1) Σάθα Νεοελληνικὴ φιλολογία, σελ. 246—247. Аѳины, 1868.

2) По поводу проповѣдей Кирилла будетъ умѣстно привести слѣдующее замѣчаніе ректора А. В. Горскаго, изъ вышеуказанной его статьи: «Церковныя поученія (Кирилла Лукариса) не представляли удобства для проповѣданія новыхъ (т. е. протестантскихъ) мнѣній». (Стр. 606).

мѣчаетъ: „его отношенія къ теологамъ — кальвинистамъ были извѣстны, поскольку онъ не таилъ ихъ и въ столицѣ" (Константинополѣ); но въ чемъ заключались эти отношенія, какъ смотрѣть на переписку его съ подобными теологами, историкъ не объясняетъ [1]). — Нѣкоторые русскіе богословы съ своей стороны присоединяютъ голось къ голосу сейчасъ указанныхъ греческихъ ученыхъ. Авторъ монографіи о Кириллѣ Лукарисѣ, архимандритъ Арсеній пишетъ: протестанты, какъ оказалось, вели знакомство съ этихъ патріархомъ между прочимъ и съ тою цѣлію, чтобы склонить его, а затѣмъ и его церковь, къ церковному единенію съ собою; но со стороны Кирилла никогда не видно было сочувствія этому. Съ твердымъ упованіемъ на Бога и съ совершеннымъ довѣріемъ къ своей паствѣ, Кириллъ, единственно по нуждамъ церкви, дозволилъ себѣ вступить въ сношенія съ протестантскими государями и ихъ представителями на Востокѣ.... Сильное слово его почти не умолкало. Изъ устъ его съ церковной каѳедры слышались постоянно святыя истины вѣры и обличеніе неправомыслящихъ" [2]). Авторъ отвергаетъ принадлежность Кириллу какъ извѣстнаго „исповѣданія вѣры", такъ и всѣхъ писемъ его къ протестантамъ, наиболѣе компрометирующихъ этого патріарха. Съ такою же рѣшительностію принимаетъ подъ свою защиту Лукариса и проф. И. И. Малышевскій. Вотъ его слова. „Въ XVI вѣкѣ еще не было между Греками видныхъ личностей, которыя бы серьезно заподозрѣвались или дѣйствительно изобличали себя въ протестантствѣ. Съ XVII-го же вѣка является ихъ нѣсколько. Таковы были Кириллъ Лукарисъ и нѣкоторые изъ его учениковъ. Подозрѣнія въ протестантствѣ касательно Лукариса были такъ серьезны, что перенесены были съ его лица и на всю восточную церковь, причинили немало соблазновъ и смутъ. Дѣйствительно, Кириллъ выражался, что желаетъ такого единенія съ протестантами, которое основывалось бы на единомъ краеугольномъ камнѣ Іисусѣ Христѣ. Однако онъ

1) Κυριάκου. Ἐκκλησιαστική, ἱστορία. Τομ. III, σελ, 93—94. Аѳины, 1898.
2) Арх. Арсенія. Патр. К. Лукарисъ и его заслуги для церкви. Изд. 2-ое. Стр. 204—6. Симфер. 1881. Повидимому, сочиненіе представляетъ изъ себя магистерскую диссертацію стараго времени, т. е. до времени преобразованія дух. Академій въ 1869 г.

іе становился на протестантскую точку зрѣнія, твердо стоялъ за догматы и существенныя установленія православной церкви. Что касается до пресловутаго „исповѣданія вѣры“, явившагося за подписью Кирилла въ 1631 г. ?), и проникнутаго протестантскими мнѣніями, то въ подложности его не можетъ быть сомнѣнія. Есть мнѣніе, что го выпустили іезуиты, чтобы выставивъ Кирилла еретикомъ, найти между Греками пособниковъ своей злобы ротивъ него. Мы однако склоняемся, пишетъ авторъ, къ ругому мнѣнію, что это „исповѣданіе“ сочинено кѣмъибо изъ протестантовъ или Грековъ (?), единомышленыхъ съ ними и оглашено подъ именемъ Кирилла и что но быть можетъ (?) не сразу получило окончательную реакцію“. Онъ же утверждаетъ, что въ массѣ изданныхъ исемъ Кирилла нашли себѣ мѣсто и подложныя письма выражаетъ сожалѣніе, что подлинныя письма его даеко не всѣ изданы [1]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ наукѣ можно стрѣчать два противоположныхъ мнѣнія по вопросу объ тношеніи Кирилла Лукариса, къ современному ему проестантству.

Къ какому же изъ этихъ двухъ мнѣній слѣдуетъ приоединяться? Дѣло, повидимому, очень трудное; но оно до райней степени облегчается благодаря мало кому извѣстымъ открытіямъ современной науки. Изслѣдователя исоріи Кирилла Лукариса выводитъ изъ затрудненій и ставитъ на торную дорогу очень извѣстный французскій ученый Эмиль Легранъ, выпустившій недавно въ свѣтъ четырехтомное изданіе, подъ заглавіемъ: „Еллинская библіографія или систематическое описаніе сочиненій, обнародованныхъ Греками въ XVII-мъ вѣкѣ“ (1894—1896 г.) [2]). Въ этомъ ученомъ трудѣ Леграна находимъ документы и свѣдѣнія, проливающіе обильный свѣтъ на занимающій насъ вопросъ. Оказывается, что въ воззрѣніяхъ на Кирилла права западная наука, а вмѣстѣ съ нею и тѣ изъ

---

1) Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ, стр. 569—571. Кіевъ 872. Нужно впрочемъ замѣтить, что не видно, чтобы авторъ имѣлъ случай близко изучать исторію Кирилла Лукариса.

2) Legrand. Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ourages [pub]liés par des Grecs au XVII siècle. Tomes I—IV. Paris, 1894—1896.

восточныхъ писателей, которые соглашались съ нею в данномъ случаѣ или по крайней мѣрѣ не считали справедливымъ отстаивать противоположныхъ воззрѣній на изучаемую нами личность.

Но обратимся къ тѣмъ документамъ и извѣстіямъ, какими обогатилась наука, благодаря трудамъ Леграна. И прежде всего сообщимъ то, что новаго даетъ онъ наукѣ по вопросу о такъ называемомъ „исповѣданіи вѣры“ Кирилла, исповѣданіи явно протестантскаго характера. Нужно сказать, что это произведеніе издано было двукратно при жизни Кирилла: разъ на латинскомъ языкѣ и разъ на греческомъ. Раньше появилось первое, а потому о немъ сначала и скажемъ. Оно появилось въ 1629 году, въ Женевѣ не только отъ имени Кирилла, но и отъ имени прочихъ восточныхъ патріарховъ. Французскій ученый имѣлъ подъ руками это самое первое изданіе (впослѣдствіи „исповѣданіе“ это не разъ было перепечатано) и въ немъ на послѣдней страницѣ слѣдующую любопытную замѣтку, сдѣланную на томъ же языкѣ: „эта копія списана съ автографа, написаннаго собственною рукою патріарха Кирилла, которую я очень хорошо знаю, оригиналъ остается у меня, при чемъ я удостовѣряю, что копія буквально сходна съ оригиналомъ, какъ показываетъ сдѣланное мною сличеніе“. Затѣмъ слѣдуетъ подпись имени Корнелія Гагена, голландскаго протестанта, находившагося въ это время при посольствѣ въ Константинополѣ [1]). Конечно можно бы думать, что замѣтка эта по ея содержанію есть плодъ фантазіи и злонамѣренности. Но такое предположеніе оказывается не основательнымъ, послѣ того, какъ ознакомляемся съ документами и свѣдѣніями, сообщаемыми тѣмъ же издателемъ касательно греческаго изданія Кириллова „исповѣданія“. Греческая редакція этого послѣдняго (съ латинскимъ переводомъ) появилась въ 1633 году и опять въ Женевѣ. Произведеніе это напечатано было, повидимому, послѣ продолжительнаго обсужденія этого дѣла. До насъ сохранилось что-то въ родѣ настоящихъ протоколовъ, въ которыхъ записывались различныя стадіи предпринятаго печатанія. Эмиль Легранъ пишетъ: „въ архивахъ женевской консисторіи находится нѣсколько документовъ, ка-

1) Tome I, p. 267—268.

ющихся опубликованія этого изданія *исповѣданія вѣры*. ıи помѣщены въ Регистрѣ Общества пасторовъ и про- :ссоровъ Женевской церкви и школы". Затѣмъ ученый ›анцузъ приводитъ цѣликомъ нѣкоторыя изъ протоколь- ıхъ записей, которыя велись указаннымъ Обществомъ. ›тъ, напримѣръ, запись, помѣченная: „пятница, 2 декабря 31 года. Господинъ Діодати (профессоръ женевскаго иверситета) нашъ братъ, доложилъ, что онъ получилъ :сьмо г-на Лежера (протестантскаго пастора при голланд- омъ посольствѣ въ Константинополѣ) и полное *Испо- даніе* константинопольскаго патріарха и что названный тріархъ добровольно сдѣлалъ надписаніе на немъ и по- ященіе женевскому Обществу. Разсуждали о тщатель- мъ напечатаніи этого исповѣданія. Такъ какъ оно на- сано на греческомъ языкѣ, то опредѣлено было пере- сти его на латинскій и французскій языки и для этой ›ли назначались профессора теологіи и г-нъ Лоренсъ. Что : касается посвященія его Обществу, то оно найдено ıло излишнимъ". Другая запись изъ тѣхъ же протоко- въ. „Пятница, 22 марта 1633 года. Заявлено, что пе- таніе *исповѣданія* патріарха окончено. Въ Обществѣ шло зсужденіе о томъ, нужно-ли присоединить къ нему ка- е-либо предисловіе; Общество нашло это нужнымъ и по- чило составить предисловіе Діадоти и Леклерку. При- али за благо, чтобы изданіе исповѣданія помѣчено было іенемъ города Женевы". Приведя эти и еще нѣлоторые рывки изъ протокольныхъ записей Общества, Легранъ :шетъ: „большинство Грековъ, писавшихъ о Кириллѣ /карисѣ, не соглашаются принимать, чтобы авторомъ *повѣданія* было то лицо, чье имя оно носитъ. Съ ихъ чки зрѣнія невозможно, чтобы патріархъ константино- ›льскій позволилъ себѣ измѣнить православію! Но этотъ просъ (если только это еще вопросъ) — замѣчаетъ Ле- анъ — очень нетрудно распутать. Женевская публичная ıбліотека владѣетъ греческимъ оригиналомъ *Исповѣданія ры*, написаннымъ рукою самого Кирилла Лукариса. Мы, маемъ, что fac-similé первой страницы этого драгоцѣн- .го документа будетъ въ состояніи разсѣять всѣ сомнѣ- я на этотъ счетъ (здѣсь же французскій ученый печа- етъ fac-similé первыхъ восьмнадцати строкъ оригинала,

на греческомъ языкѣ). И пусть лица, отрицающія подлинность *Исповѣданія*, продолжаетъ онъ,—въ особенности изъ числа тѣхъ, которыя находятся въ Константинополѣ, возьмутъ на себя трудъ сравнить этотъ очень хорошо извѣстный почеркъ съ автографами Кирилла, находящимися въ ихъ распоряженіи, напримѣръ съ манускриптомъ (№ 263) въ библіотекѣ святогробскаго метоха (въ Константинополѣ). Мы увѣрены, что послѣ минутнаго сличенія тождество этихъ двухъ почерковъ откроется для нихъ во всей ясности". Затѣмъ тотъ же ученый пишетъ: „оригиналъ Исповѣданія вѣры Кирилла Лукариса находится въ Женевѣ между греческими рукописями" (при этомъ онъ дѣлаетъ такое описаніе рукописи, какое принято дѣлать въ подобныхъ случаяхъ) и обращаетъ вниманіе на слѣдующую замѣтку, имѣющуюся на 24 страницѣ этого оригинала: Αὐτόγραφον Confessio Cyrilli patriarchae gr. sine locis scripturae [1]) manu propria autoris ex Musaeo .. Deodati in Bibl. publ. translata autoritate publica". Изъ этой приписки видно, что издатели старались и на будущее время предохранить себя отъ естественнаго подозрѣнія въ подлогѣ напечатаннаго ими *исповѣданія* [2]). Заканчивая передачу свѣдѣній о манускриптѣ этого послѣдняго, Легранъ говоритъ: „къ этому оригиналу приложена копія съ него, а въ концѣ ея читаются слѣдующія слова (на греческомъ языкѣ), написанныя рукою Кирилла: „настоящій списокъ согласенъ съ оригиналомъ, начертаннымъ нашею рукою. Въ спискѣ такимъ образомъ буквально воспроизведено вышеписанное. И пусть никто въ этомъ не сомнѣвается". Слѣдуетъ собственноручная же подпись патріарха: „Кириллъ патріархъ Константинопольскій" [3]).

Въ 1873 году проф. И. Е. Троицкій при одномъ случаѣ говорилъ: „къ сожалѣнію въ извѣстномъ кружкѣ греческихъ ученыхъ обвиненіе католиковъ и протестантовъ въ поддѣлкѣ сочиненій разныхъ греческихъ богослововъ

---

[1]) Sine locis scripturae, т. е. безъ тѣхъ глухихъ ссылокъ на священное Писаніе, относящихся къ тому или другому пункту разсматриваемаго исповѣданія,—ссылокъ, помѣщенныхъ въ печатномъ изданіи его, но не находящихся въ оригиналѣ.

[2]) Тоже стремленіе ясно видно въ предисловіи къ 1-му изданію *Исповѣданія* (Legrand, I. p. 316).

[3]) Legrand. Tome I, p. 315—319.

сдѣлалось своего рода конькомъ, на которомъ они слишкомъ часто и весьма неосторожно выѣзжаютъ. (Рѣчь идетъ здѣсь между прочимъ и о *Исповѣданіи* Кирилла Лукариса). Обыкновенно къ нему обращаются всякій разъ, когда не оказывается другихъ средствъ опровергнуть то или другое, почему-либо не нравящееся автору (т. е. Греку), мнѣніе объ извѣстномъ богословѣ, тотъ или другой взглядъ на него, основанный на томъ или другомъ его произведеніи. Безъ дальнихъ околичностей они спѣшатъ обозвать это произведеніе подложнымъ и дѣлу конецъ". „А что если отыщется, замѣчаетъ почтенный ученый, автографъ и несчастнаго *Исповѣданія* Кириллова, какъ отыскался автографъ „Исповѣданія" Митрофана Критопула"? (А это послѣднее произведеніе Критопула въ оригиналѣ было открыто лишь въ 60-хъ годахъ XIX-го вѣка) [1]). И вотъ предчувствіе автора вышеприведенныхъ строкъ исполнилось! Кажется, въ настоящее время вопросъ о подлинности *Исповѣданія* Кирилла вышелъ—и притомъ навсегда—изъ области тягостныхъ сомнѣній и мучительнаго недоумѣнія....

Греческіе писатели, писавшіе о Кириллѣ Лукарисѣ и не признававшіе подлинности „Исповѣданія" этого послѣдняго, вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно, безъ дальнихъ разсужденій отвергали и подлинность изданной на Западѣ „переписки" этого патріарха съ его протестантскими друзьями. Они, конечно, поступали правильно, съ своей точки зрѣнія; если „исповѣданіе" Кириллово подлогъ, то въ значительной мѣрѣ служащая иллюстраціею къ этому исповѣданію, переписка его съ протестантами, свѣдѣнія о которой шли съ Запада, должна была раздѣлять общую участь съ первымъ документомъ. Поэтому, и для насъ, послѣ того, какъ нами разъяснено современное научное положеніе вопроса объ „исповѣданіи", можно было бы и не входить въ какія-либо подробности касательно указанной переписки Кирилла съ западными иновѣрцами: если должно быть признано подлиннымъ „исповѣданіе", то нѣтъ причинъ относиться скептически и отвергать подлинность и переписки. На этомъ теоретическомъ выводѣ возможно было

---

[1]) Учено-литературные труды Андроника Димитрокопула, стр. 623. 627. (Сочиненіе это было цитировано выше).

бы и успокоиться. Но мы тѣмъ не менѣе считаемъ не безполезнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о перепискѣ Кирилла, въ виду того, что въ настоящее время открылось не мало данныхъ, указывающихъ, что такая переписка—дѣйствительный историческій фактъ, а не есть злонамѣренная поддѣлка. Въ этомъ удостовѣряетъ изслѣдователя все тотъ же вышеуказанный трудъ французскаго ученаго Леграна. Этотъ ученый снова издалъ почти всю переписку Кирилла съ представителями протестантства и притомъ на основаніи лучшихъ источниковъ. Такъ 14 писемъ Кирилла къ Давиду де-Вильгельму, писанныя частію на латинскомъ, а частію на итальянскомъ языкахъ, переизданы Леграномъ, по его словамъ, „на основаніи ихъ оригиналовъ, сохранившихся въ университетской библіотекѣ въ Лейденѣ“ [1]), то есть, какъ нужно думать, на основаніи автографовъ патріарха константинопольскаго. Одно изъ латинскихъ писемъ Кирилла къ Утенбогарту, переиздано Леграномъ, какъ онъ говоритъ, съ автографа, принадлежащаго вышеназванной библіотекѣ, а другое такое же письмо переиздано по копіи, сохранившейся въ женевской публичной библіотекѣ [2]). Въ припискѣ къ одному письму Кирилла, сохранившемуся въ копіи, читаются, по сообщенію Леграна, слѣдующія любопытныя слова: „это есть копія письма Кирилла, патріарха Константинопольскаго, писаннаго его собственною рукою къ достопочтеннѣйшимъ сенаторамъ (Швейцарской) республики и уважаемому обществу пасторовъ и профессоровъ Женевской церкви и университета; копія буквально сходна съ оригиналомъ. Въ этомъ удостовѣряемъ мы нижеподписавшіеся отъ имени цѣлаго вышеназваннаго Общества“. Затѣмъ слѣдуютъ подписи: Превостъ, Діодати, Спангеймъ и стоитъ дата: Женева, 3 апрѣля, 1637 [3]). Нѣкоторыя письма Кирилла, имѣющія интересъ въ нашемъ вопросѣ, изданы французскимъ ученымъ еще въ первый разъ, и опять таки, по словамъ его, „на основаніи оригинала или по крайней мѣрѣ, прибавляетъ осторожный издатель съ копіи, сдѣланной самимъ Кирилломъ Лукари-

---

1) Legrand. Tome IV, p. 313.
2) Ibidem, p. 291—292.
3) Ibidem, p. 456.

сомъ" [1]).—Такимъ образомъ во вновь изданныхъ письмахъ Кирилла мы находимъ не иное что, какъ документы высокой важности для исторіи этого патріарха Константинопольскаго.

Теперь познакомимся съ перепиской Кирилла съ разными представителями тогдашняго протестантскаго міра, сообщимъ свѣдѣнія о такъ называемомъ „исповѣданіи" этого патріарха, укажемъ внѣшнія условія его появленія и постараемся, насколько откроется къ тому возможность, уяснить и внутреннія условія возникновенія того же историческаго памятника.

---

1) Ibidem, p. 329.

II.

Кириллъ Лукарисъ, патріархъ александрійскій: переписка его съ голландскимъ проповѣдникомъ Утенбогертомъ и архіепископомъ кантербюрійскимъ;—взгляды Кирилла, выраженные въ письмахъ его къ кальвинисту Давиду-Вильгельму и архіепископу Дедоминисъ; — появленіе недовольства этими взглядами среди Грековъ.—Кириллъ Лукарисъ патріархъ Константинопольскій: продолженіе его сношеній съ Англіею;—появленіе въ Константинополѣ кальвинскаго пастора Лежера, сближеніе съ нимъ Кирилла, вліяніе его на этого послѣдняго; письма Кирилла къ женевскому богослову Діодати и королю шведскому Густаву-Адольфу.—«Исповѣданіе вѣры» Кириллово,—содержаніе этого исповѣданія, — характеръ его; — какъ пришелъ авторъ его къ мысли составить это исповѣданіе? — Обнаруженіе недовольства образомъ мыслей Кирилла во время его кон-польскаго патріаршествованія. — Письма Кирилла къ протестантамъ въ послѣдніе года его жизни.—Одна изъ попытокъ объяснить указанный выше образъ дѣйствій Кирилла, — поправка къ этому объясненію).

Кириллъ Лукарисъ, проходилъ патріаршее служеніе сначала въ Александріи (1602 — 1621 г.), а потомъ въ Константинополѣ (1621—1638 г.). Изъ его дѣятельности, сообразно нашей задачѣ, заслуживаютъ полнаго вниманія его сношенія съ представителями протестантскаго міра и отношенія къ нимъ [1]).

---

[1]) Важнѣйшими источниками при изученіи вопроса служатъ слѣдующія изданія: 1) Aymon. Monuments authentiques de la religion des Grecs (la Haye, 1708), въ которомъ напечатана серія писемъ Кирилла къ разнымъ протестантамъ (Объ этомъ изданіи см. выше, стр. 55—58, или: *Богосл. Вѣст.*, 1894, т. I, 535—538).—2) Legrand. Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages, pibliés par des Grecs au XVII siècle. Tome IV, Paris, 1896). Здѣсь переизданы многіе изъ тѣхъ документовъ, которые ранѣе были напечатаны у Aymon'a, перепечатаны въ болѣе исправномъ видѣ и къ нимъ прибавлено много новыхъ. Книга Леграна сдѣлалась необходимѣйшимъ и лучшимъ источникомъ свѣдѣній о Кириллѣ. Самъ этотъ ученый придаетъ большое значеніе своему изданію въ этомъ отношеніи, и съ нимъ нужно согласиться. Жаль только, что Легранъ не сдѣлалъ очерка жизни Кирилла Лукариса, на что читатели вправѣ были бы разсчитывать. Сколько знаемъ, не смотря на важность разсматриваемаго тома Легранова изданія, онъ еще никѣмъ не былъ употребляемъ въ интересахъ изученія греческой церкви.

Болѣе извѣстные и опредѣленные факты въ этомъ родѣ относятся къ срединѣ патріаршествованія Кирилла въ Александріи; на нихъ прежде всего и остановимся. Въ качествѣ Александрійскаго патріарха, Кириллу приходилось нерѣдко бывать въ Константинополѣ, а разъ даже въ 1612 году онъ оставался довольно долго здѣсь въ званіи мѣстоблюстителя патріаршаго престола, и имѣлъ случай познакомиться съ голландскимъ посланникомъ Корнеліемъ Гагеномъ, находившимся въ столицѣ. При посредствѣ этого посланника Кириллъ получилъ свѣдѣнія о голландскомъ же теологѣ и проповѣдникѣ Іоаннѣ Утенбогертѣ, съ которымъ онъ и не преминулъ войти въ переписку. Отъ этой переписки сохранились до насъ три письма, изъ которыхъ имѣетъ наибольшій интересъ одно, написанное въ сентябрѣ 1613 года. Въ этомъ письмѣ дается подробное описаніе состоянія греческой церкви того времени, на которомъ впрочемъ останавливаться нѣтъ надобности, и выражаются чувства автора, свидѣтельствующія о возникновеніи у него симпатій къ про-

Аѳинскій профессоръ церковной исторіи, Киріакъ въ изданной имъ въ 1898 году «Церковной Исторіи» (о ней мы упоминали выше) не показываетъ знакомства съ изданіемъ Леграна, даже съ первымъ томомъ его (явившемся еще въ 1894 году), очень немаловажнымъ въ вопросѣ о Кириллѣ Лукарисѣ.— Изъ отдѣльныхъ монографій, посвященныхъ изученію Кирилла, упомянемъ двѣ 1) Pichler. Geschichte des Protestantismus in der orientalischen Kirche im XVII Jahrhundert oder: der Patriarch Cyirllus Lucaris und seine Zeit. (München, 1862). Сочиненіе Пихлера представляетъ собою типъ западныхъ воззрѣній на Кирилла, въ силу которыхъ онъ изображается человѣкомъ, наклоннымъ къ протестантству, и въ частности къ кальвинизму. Оно написано съ большимъ знаніемъ дѣла и не потеряло своей цѣны, не смотря на то, что оно появилось 40 лѣтъ тому назадъ. Вредитъ книгѣ главнымъ образомъ суровый и несправедливый тонъ, въ какомъ католическій изслѣдователь говоритъ о греко-восточномъ патріархѣ. Многія сужденія, выраженныя въ книгѣ и имѣвшія проблематическій характеръ, послѣ появленія изданія Леграна получаютъ болѣе опредѣленности и становятся болѣе надежными. Вообще же эти оба произведенія въ значительной степени подкрѣпляютъ и проясняютъ одно другое. Изучать ихъ слѣдуетъ вмѣстѣ и въ связи. 2) Архим. Арсенія. Патр. Кириллъ Лукарисъ и его заслуги для православной церкви (Симфер., 1881. Изд. 2-ое). А это сочиненіе представляетъ собой типъ воззрѣній, усвоенныхъ большинствомъ греческихъ (восточныхъ) ученыхъ, въ силу которыхъ Кириллъ признается неповиннымъ въ симпатіяхъ къ протестантизму. Авторъ очень начитанъ и пишетъ съ одушевленіемъ. Въ особенности хорошо изложены біографическія извѣстія. Послѣ Леграна на многое приходится смотрѣть иными глазами, чѣмъ какъ смотритъ авторъ, но въ этомъ послѣдній не виноватъ: наука идетъ впередъ—и въ этомъ ея задача.

тестантизму. Письмо открывается слѣдующимъ привѣтствіемъ: „Кириллъ, папа и патріархъ александрійскій— ученѣйшему и достопочтеннѣйшему Іоанну Утенбогерту (Uyttenbogaert), проповѣднику слова Божія въ гаагской церкви; моему возлюбленному брату во Христѣ—спасеніе и миръ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, Спасителѣ нашемъ". Затѣмъ авторъ письма говоритъ, что онъ хочетъ открыть корреспонденту „все свое сердце". Но на самомъ дѣлѣ изъ письма узнаемъ очень мало о томъ, какихъ воззрѣній держится авторъ относительно вопросовъ, въ рѣшеніи которыхъ несогласны между собою греческая церковь и протестантское вѣроисповѣданіе. Во всякомъ случаѣ, говоря о таинствахъ, Кириллъ упоминаетъ лишь о двухъ: крещеніи и евхаристіи и притомъ говоритъ о нихъ не такъ, какъ принято было говорить въ православной церкви. Онъ замѣчаетъ, что таинства эти необходимы, ибо безъ нихъ мы не имѣли бы надлежащей твердости въ самой вѣрѣ, и называетъ указанныя таинства лишь „печатью Евангелія" [1]). Нѣтъ сомнѣнія, — разсужденія странныя. Видно приспособленіе къ взглядамъ протестантовъ, признававшихъ только крещеніе и евхаристію дѣйствительными таинствами. Что же касается выраженія: „печать евангелія", употребленнаго авторомъ для опредѣленія свойствъ этихъ таинствъ, то нужно знать, что этими самыми словами пользовался и Кальвинъ, говоря о крещеніи и евхаристіи [2]). Писатель письма, конечно, хорошо понималъ, что если въ бесѣдѣ съ протестантомъ рѣчь зашла о вѣроисповѣдныхъ вопросахъ, то необходимо сказать что либо и по жгучимъ вопросамъ протестантскаго богословія - „о свободномъ произволеніи" (de libero arbitrio), объ оправданіи и предопредѣленіи". Онъ и говоритъ объ этихъ предметахъ, но не такъ, какъ долженъ бы говорить православный богословъ. Онъ пишетъ: есть много предметовъ, о которыхъ нужно было бы написать, но о нихъ еще продолжаются споры ученыхъ, разумѣемъ — ученіе о свободномъ произволеніи, оправданіи, предопредѣленіи и тому подобномъ: обо всѣхъ этихъ вопросахъ не установи-

1) Aymon, p. 130, 133. 142. Legrand. T. IV, p. 294. 300.
2) Pichler S. 86.

лось согласія среди людей [1]). Такимъ образомъ писатель письма почему-то считаетъ умѣстнымъ оставить корреспондента въ полномъ невѣдѣніи,—какъ смотритъ греческая церковь на указанные вопросы — соглашается или отвергаетъ то рѣшеніе ихъ, какое встрѣчалось у протестантскихъ богослововъ. Затѣмъ, объявляя себя „врагомъ невѣжества", Кириллъ проситъ, чтобы прислали ему подробный каталогъ писателей, въ особенности писавшихъ о Пятокнижіи, большихъ Пророкахъ, Евангеліяхъ, посланіяхъ ап. Павла,—и вообще такихъ писателей, которыми они сами (т. е. голландскіе протестанты) наиболѣе пользуются [2]). Таковы были первые шаги Кирилла, направлявшіеся къ сближенію съ протестантами. Значеніе ихъ открылось только впослѣдствіи [3]).

Такого же значенія была и переписка Кирилла Лукариса съ тогдашнимъ архіепископомъ Кантербюрійскимъ, т. е. смыслъ ея становится вполнѣ ясенъ только въ дальнѣйшей исторіи этого патріарха. Самое раннее письмо Кирилла къ архіепископу Кантербюрійскому Георгу Абботу (Abbat) дошло до насъ отъ 1616 года; но изъ него видно, что письменныя сношенія этихъ двухъ лицъ начались

---

1) Aymon, 160. Legtand. IV. 310.

2) Aymon, p. 164. Legrand, IV. 312. Pichler, 84.

3) Греческіе писатели и вообще защитники Кирилла Лукариса, изъявляющіе стремленіе снять съ него обвиненіе въ приверженности къ протестантизму (каковы наприм. церк. историкъ Мелетій Аѳинскій и проф. Малышевскій) указываютъ на одно мѣсто изъ письма Кирилла къ Утенбогерту, писаннаго въ 1612 году, въ которомъ находятъ ясно выраженное осужденіе протестантскихъ нововведеній. Вотъ это мѣсто: «восточную церковь упрекаютъ въ невѣжествѣ (ἀμάθεια), находя, что знанія и философія перешли въ другія мѣста. Но Востокъ теперь тѣмъ и счастливъ, что неученъ: вслѣдствіе этого онъ не знаетъ тѣхъ губительныхъ вопросовъ, которые поражаютъ слухъ въ настоящее время: ему остаются неизвѣстны новые чудовищные вымыслы (αἱ καινοτομία), которыхъ скорѣе нужно бояться, а не принимать ихъ». (Aymon, p. 128). Но нужно сказать, что на языкѣ Кирилла «новшество» въ религіозномъ смыслѣ означало не новыя вѣрованія протестантовъ, а нововведенія, допущенныя въ папской церкви. Въ этомъ убѣждаютъ слѣдующія слова Кирилла, находящіяся въ письмѣ его, писанномъ нѣсколько позже. «Съ давняго времени она (папская церковь) начала домогаться примататства... выдумала многія новшества (innovationes), какъ изъ источниковъ забили новые догматы (nova dogmata), которые подтверждались указами, декретами, буллами» (Legrand. IV, p. 337). Что же касается протестантскихъ новшествъ, то Кирриллъ, съ тѣхъ поръ какъ сталъ сближаться съ протестантами, не обнаруживаетъ никакого страха предъ этимъ явленіемъ.

еще раньше. Впрочемъ это письмо представляетъ мало интереса. Оно заключаетъ въ себѣ выраженіе благодарности какъ Абботу, такъ и англійскому королю за то, что они соизволили одному изъ грековъ прибыть въ Англію съ цѣлію довершить здѣсь свое образованіе [1]). Мы уже знаемъ, что сюда отправленъ былъ Митрофанъ Критопулъ, заграничное путешествіе котораго было описано нами выше. Гораздо интереснѣе другое письмо, отправленное Кирилломъ по тому же адресу, спустя два года послѣ сейчасъ упомянутаго. Здѣсь Кириллъ осыпаетъ англійскаго примаса любезностями и говоритъ съ нимъ такимъ языкомъ, какъ будто этотъ послѣдній тоже восточный патріархъ. Вотъ что пишетъ Кириллъ къ архіепископу Кантербюрійскому. „Веселіемъ насъ исполнило священное письмо блаженства твоего, особенно когда коснулись нашего слуха тѣ произнесенные золотыми устами твоими глаголы, которые внушаютъ, что тебѣ дорогъ союзъ любви между обоими нами, дышущими одною вѣрою и однимъ православіемъ“ (съ англиканскимъ архіепископомъ-то?). „Меня удивляетъ, продолжаетъ авторъ, не блестящая внѣшность вашего царства (Великобританіи), а та духовность, которая свѣтлитъ и блаженными дѣлаетъ человѣческія души: я разумѣю преимущественно благочестіе, правую вѣру (въ протестантской церкви?) и мудрость. Благо тебѣ блаженнѣйшій отецъ (титулъ, прилагаемый, какъ извѣстно, къ восточнымъ патріархамъ), что учитель твой Христосъ избралъ тебя пастыремъ въ вашей церкви и благословилъ водить овцы на тучныя пажити и къ струямъ сладкимъ. Наслаждайся духовною радостію и въ ожиданіи вѣнца правды живи здѣсь сколько можно долѣе! Богъ свидѣтель, мы любимъ тебя столькоже, сколько и единомыслимъ съ вашею апостольскою церковью“ (такъ говорится о церкви, созданной Генрихомъ VIII-мъ). Прошу тебя отецъ мудрѣйшій: замѣни меня, поклонись отъ меня святому царю (т. е. королю Іакову) и вырази ему—какую любовь имѣю я къ тихости его, а также и то, что изливаю предъ Богомъ пламенныя молитвы мои о тихости его“. Письмо заканчивается благодарностію за тѣ попе-

[1]) Aymon, p. 44—46.

ченія, какія принялъ на себя Абботъ объ образованіи Грека Критопула въ Оксфордѣ [1]). О догматахъ въ письмѣ ничего не говорится и потому оно, не смотря на яркость выраженій, носитъ еще не совсѣмъ опредѣленный характеръ.

Совсѣмъ другого рода письма Кирилла, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить. Во время своего александрійскаго патріаршествованія Кириллъ велъ (1617—1619 г.) очень оживленную корреспонденцію съ Давидомъ Вильгельмомъ (David le-heu de Wilhelm), кальвинистомъ, виднымъ государственнымъ мужемъ Голландіи, сдѣлавшимъ продолжительное путешествіе по Востоку и познакомившимся съ Кирилломъ. Сохранилось до насъ 14 писемъ Кирилла къ Давиду — Вильгельму. Въ этихъ письмахъ очень ясно выражены протестантскія симпатіи греческаго патріарха. Изъ числа этихъ писемъ заслуживаютъ особеннаго вниманія письма: 2, 5, 6 и 12. Въ первомъ изъ указанныхъ писемъ Кириллъ выражаетъ радость, что насталъ благопріятный случай высказать, насколько его мысли согласны съ мыслями его корреспондента. „Я вполнѣ одобряю,—говоритъ онъ,—выработанный вами планъ, по которому вы думаете произвести реформу въ церкви. Въ основу этого плана, по словамъ Кирилла, лучше всего положить между прочимъ „Евангельскую простоту" (simplicitas Epangelii). Далѣе онъ пишетъ, что надежда ввести реформу въ римскую церковь очень слаба; и затѣмъ, прибавляетъ, что ничто такъ не унижаетъ достоинства Греческой церкви, какъ суевѣрія, выражая при этомъ желаніе, чтобы Господь по своему благоволенію исцѣлилъ ее отъ этого недостатка [2]). Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть выраженія того мнѣнія автора, что греческая церковь въ отличіе отъ римской можетъ быть удобнымъ объектомъ церковной реформы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Въ другомъ письмѣ Кириллъ благодаритъ Давида Вильгельма за то, что послѣдній сообщилъ ему свѣдѣнія касательно папи-

1) Епископа Порфирія. Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри. Часть II, отд. 2, стр. 229 — 231. М. 1880. Письмо это впервые открыто Преосвященнымъ Порфиріемъ и остается неизвѣстно и въ западной и греческой литературѣ.

2) Aymon, 175—179. Legrand, IV, p. 316.

стическаго, лютеранскаго и православнаго (orthodoxorum) ученія объ евхаристіи. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ именемъ „православнаго" ученія здѣсь разумѣется Кальвинское ученіе, принимаемое Давидомъ Вильгельмомъ. Выразивъ благодарность по указанному случаю, Кириллъ заявляетъ, что онъ хочетъ слѣдовать этому послѣднему ученію (Istam ego sequor). Потому онъ проситъ его сообщить ему дальнѣйшія болѣе подробныя свѣдѣнія касательно этого—важнаго предмета и заканчиваетъ письмо такими словами: Deus optimus, maximus tuam humanitatem custodiat et conservet incolumem [1]). Слѣдующее письмо по своему содержанію примыкаетъ къ предъидущему. Въ этомъ письмѣ Кириллъ говоритъ, что онъ ежедневно записываетъ себѣ на память тѣ мысли, которыя ему приходятъ при изученіи разъясненій, данныхъ протестантскимъ корреспондентомъ. Изъ дальнѣйшей рѣчи видно, что Кириллъ говоритъ здѣсь объ ученіи касательно евхаристіи. Именно далѣе онъ пишетъ: изъ предшествующаго письма Давидъ — Вильгельмъ долженъ убѣдиться, что онъ, Кириллъ, приписываетъ только символическое значеніе этому таинству (sententiam illam, quae figura admittit) и что онъ принимаетъ ученіе о духовномъ причащеніи: тотъ, кто съ вѣрою приступаетъ къ трапезѣ Господней, пріемлетъ не только видимымъ образомъ таинство, но и духовно и внутренно пріобщается тѣла и крови Господнихъ. При этомъ авторъ выражаетъ удовольствіе, что онъ и его корреспондентъ одинаково понимаютъ эту истину, и изъявляетъ желаніе имѣть съ нимъ единомысліе и въ другихъ вопросахъ, если только такое различіе есть у нихъ (sentimus in hac veritate. Utinam et in reliquis, si quae sunt, in quibus dissentimus). Письмо оканчивается словами: Tuae humanitatis amicissimus [2]). Изъ вышеисчисленныхъ, болѣе важныхъ съ нашей точки зрѣнія, писемъ Кирилла упомянемъ еще о письмѣ съ такимъ содержаніемъ: Кириллу припомнилось то, что они говорили между собою по поводу одной иконы (очевидно дѣло идетъ о какомъ-то недавнемъ свиданіи ихъ), и затѣмъ онъ замѣчаетъ: „только такую икону я чту, которая начертана Божіею рукою въ моемъ сердцѣ и есть Его печать, а что касается прочихъ

[1]) Aymon, 181—182. Legrand, p. 319.
[2]) Aymon, 182—183. Legrand, p. 319—320.

иконъ, то каждый можетъ поступать съ ними, какъ угодно". Смыслъ этихъ словъ Кирилла очень понятенъ. Затѣмъ онъ прибавляетъ: „еслибы возможно было ввести реформы въ моей (греческой) церкви, я охотно согласился бы на это; но Богу извѣстно, что такой планъ невозможно привести въ осуществленіе" [1]). Послѣднія слова не могутъ не останавливать на себѣ нашего особеннаго вниманія [2]). — Въ остальныхъ письмахъ Кирилла къ разсматриваемому лицу есть тоже коечто, не лишенное значенія и во всякомъ случаѣ характеристичное для ихъ автора. Такъ въ одномъ изъ нихъ патріархъ выражаетъ намѣреніе прислать Давиду Вильгельму для чтенія составленную ученымъ Суріемъ исторію жизни св. Георгія Побѣдоносца, прибавляя однакожъ, что онъ самъ, Кириллъ, считаетъ всѣ разсказы о мученикѣ Георгіи за простые вымыслы [3]). Не ограничиваясь этимъ замѣчаніемъ, авторъ письма еще говоритъ, что лично онъ очень мало заботится о томъ—станутъ ли продолжать дѣлать изображенія Георгія или нѣтъ [4]). Наконецъ, еще въ другомъ письмѣ Кириллъ высказываетъ свой взглядъ на посты. Онъ указываетъ, что дѣйствительное значеніе постовъ уясняется тѣми церковными пѣснями, въ которыхъ раскрывается нравственный смыслъ ихъ, какъ способъ укрощать свои злыя страсти, при чемъ у него цитируются извѣстныя слова изъ этихъ пѣсней. „Отсюда ты можешь заключать — пишетъ авторъ, какихъ мыслей мы держимся о постахъ" [5]).—Переписка Кирилла съ названнымъ лицемъ, нѣтъ сомнѣнія, показываетъ, что въ это время протестантскія симпатіи Кирилла достигли уже значительнаго развитія.

Къ этому времени относится довольно длинное письмо

---

[1]) Aymon, 193—194. Legrand, p. 326. Pichler, 107.

[2]) Эту мысль Кирилла нужно имѣть въ виду, при оцѣнкѣ міросозерцанія этого патріарха.

[3]) Aymon, 181. Legrand, p. 318.

[4]) Кириллъ вообще довольно свободно относился къ историческимъ традиціямъ своей церкви. Напримѣръ, разсказываютъ, что будучи въ Іерусалимѣ на хиротоніи Өеофана патр. іерусалимскаго (въ самомъ началѣ XVII в.), онъ открыто выражалъ здѣсь мысль о неподлинности того гроба, какой выдавался за гробъ Господень. Heineccii, Abbildung der alten und neuen Griechischen Kirche. Theil I, S. 199. Leipzig, 1711.

[5]) Aymon, 185. Legrand, 321.

шаюсь съ утверждающими, что св. Писаніе можетъ быть уравниваемо съ изобрѣтеніями человѣческихъ преданій (такъ называетъ авторъ — церковное преданіе). Затѣмъ, онъ указываетъ въ частности, какіе изъ догматовъ реформаторовъ онъ находитъ заслуживающими усвоенія. Онъ говоритъ: касательно ученія объ оправданіи, въ коемъ (ученіи) мы грезимъ, будто наши ничтожныя дѣла суть заслуги, и болѣе надѣемся на нихъ, чѣмъ на Христа Господа, пробуждаемые мы поняли, насколько пагубно упованіе на человѣческую праведность и стали взирать только на милосердіе всемогущаго Бога, снискиваемое чрезъ усвоеніе заслугъ Христа Спасителя, дѣла же свои мы ставимъ не выше стараго платья. —Входя потомъ въ разсужденія о таинствѣ евхаристіи, онъ называетъ ученіе о пресуществленіи химерой и высказываетъ мнѣніе о духовномъ причащеніи вѣрующихъ при воспринятіи таинства. „Тѣ, которые болтаютъ, пишетъ онъ,—что они не духовно, а нечистыми губами вкушаютъ св. Тѣло Господа, я думаю, введены въ заблужденіе невѣжествомъ и непониманіемъ переноснаго смысла евангельскихъ словъ“.—Съ наибольшею ясностію авторъ еще высказывается по двумъ пунктамъ: о почитаніи иконъ и о призываніи святыхъ. О почитаніи иконъ онъ говоритъ: „Свидѣтель Богъ, я оплакиваю теперешнее положеніе Востока, ибо не вижу средства, какимъ можно было бы исправить его; и не то чтобъ я осуждалъ иконы на поруганіе.... но я отвращаюсь идолопоклонства, учиняемаго ихъ почитателями. Я вижу, что народъ, не говоря о тѣхъ, которые считаютъ себя мудрецами, отклоняются отъ истиннаго и духовнаго служенія, какое подобаетъ единому Богу“. А относительно призыванія святыхъ, авторъ излагаетъ такія мысли: „призыванія святыхъ, такъ какъ оно помрачаетъ славу Христа, не принималъ я и раньше (!). Свидѣтельствуюсь Богомъ, что во время богослуженія съ глубокой скорбію слышу, какъ столько предстоящихъ призываетъ святыхъ, оставивъ Іисуса Христа, и наблюдаю, какъ великое заблужденіе охватило души, такъ что въ этомъ отношеніи я признаю себя болѣе наклоннымъ къ реформѣ, чѣмъ въ другихъ.—Авторъ вообще находитъ, что греческая церковь имѣетъ много недостатковъ и заблужденій, которыми она обогатилась

будто бы подъ вліяніемъ римскаго католицизма, и выражаетъ желаніе, чтобы эта церковь подверглась реформѣ, подобно тому, какъ это сдѣлано во многихъ частяхъ вселенной и многими [1]).

Читая вышеизложенное письмо Кирилла Лукариса, мы читаемъ мысли его по занимающему насъ вопросу.

Уже во время патріаршествованія Кирилла въ Александріи (къ каковому времени относятся письма его, которыми мы занимались выше) православная репутація его начала страдать въ общественномъ мнѣніи греческой церкви. Многіе стали замѣчать, что Кириллъ усвояетъ воззрѣнія, несогласныя съ исконными началами православія. Умы начали испытывать тревогу. Объ этомъ свидѣтельствуютъ письма самого же Кирилла. Такъ въ письмѣ къ патріарху константинопольскому Тимоѳею, написанномъ въ 1613 году, онъ жалуется, что его считаютъ „обольстителемъ, носителемъ заразы, Лютеромъ". Изъ числа такихъ обвинителей, Кириллъ между прочимъ упоминаетъ Неофита, собственнаго ученика и воспитанника (бывшаго не разъ при жизни Кирилла константинопольскимъ патріархомъ), который объявлялъ его лютераниномъ. Въ отвѣтъ на это обвиненіе, онъ говорилъ: „что касается лютеранства, то любопытно, какъ человѣкъ не знающій и не представляющій лютеранскаго ученія и богослуженія, не знающій, въ чемъ церковь восточная несогласна и согласна съ лютеранами, тѣмъ не менѣе рѣшается пятнать мое имя". Самъ патріархъ Тимоѳей, къ которому писалъ Кириллъ, тоже, по словамъ письма, не молчалъ о заблужденіяхъ его, провозглашая его „отступникомъ" [2]). Изъ другого письма Кириллова, относящагося къ 1618 году, видно, что его много безславили, принимая во вниманіе его слишкомъ тѣсное общеніе съ протестантами, и называли его прямо „еретикомъ, противникомъ св. отцевъ церкви, противникомъ соборовъ" [3]). Ропотъ противъ него

1) Epist. Cyrilli ad archiepiscopum Spalatensem Antonium De Dominis. Legrand, IV, p. 333—338. Письмо это, сколько знаемъ, издано Леграномъ еще впервые и до сихъ поръ не было извѣстно въ наукѣ.

2) Legrand, IV, p. 273—274. 279—280. Conf. 450.

3) Ibidem, p. 338.

съ теченіемъ времени, какъ узнаемъ потомъ, еще больше усиливается и разростается.

Въ 1621 году Кириллъ Лукарисъ сдѣлался патріархомъ константинопольскимъ, и съ этимъ открылся для него бо̀льшій кругъ дѣятельности. Сначала недолго продержался онъ на патріаршей каѳедрѣ: онъ былъ отставленъ отъ должности по интригамъ посланниковъ римско-католическихъ державъ въ Константинополѣ, но вскорѣ по вліянію посланниковъ протестантскихъ державъ имъ снова занята патріаршая каѳедра. Вообще его патріаршествованіе въ столицѣ было какое-то странное: онъ пять разъ былъ лишаемъ каѳедры, а потомъ опять дѣлался патріархомъ. Опору для себя Кириллъ искалъ преимущественно въ протестантскихъ государяхъ и другихъ вліятельныхъ лицахъ протестантскихъ странъ. Такъ онъ рѣшился подарить англійскому королю Іакову I-му рукопись, которой нѣтъ цѣны и которая представляла собою изумительную рѣдкость. Разумѣемъ такъ называемый „Александрійскій Кодексъ“ Библіи, написанный въ эпоху никейскую и никакъ не позже 450 года и заключавшій въ себѣ греческій текстъ LXX-ти и Новый Завѣтъ на томъ же языкѣ. Съ вышеуказанною цѣлію эту драгоцѣнность Кириллъ привезъ съ собой изъ Александріи въ Константинополь. Но за смертію короля Іакова она была вручена его преемнику Карлу I, въ 1628 году. Нѣсколько ранѣе того тотъ же Кириллъ сдѣлалъ очень цѣнный подарокъ преемнику кантербюрійскаго архіепископа Аббота Вильгельму Лауду (Laud), именно рукопись арабскаго перевода Пятокнижія, съ надписью: „въ знакъ братской любви“ [1]).

Теперь мы подходимъ къ самому знаменательному времени въ жизни Кирилла Лукариса, — ко времени, когда имъ было выдано знаменитое „исповѣданіе вѣры“ протестантско-кальвинскаго характера, надѣлавшее столько шума въ Греціи и заграницей. Вотъ что извѣстно о внѣшнихъ условіяхъ, при какихъ появило̀сь это произведеніе константинопольскаго патріарха. Въ 1627 году извѣстный уже намъ Митрофанъ Критопулъ, отправленный заграницу для основательнаго образованія, прибылъ въ Женеву, это

1) Pichlec. S. 139—140.

отечество кальвинизма, и здѣсь въ бесѣдахъ съ профессорами и пасторами изобразилъ печальное состояніе греческой и въ особенности константинопольской церкви, претерпѣвавшей немало бѣдъ отъ козней іезуитскихъ. Эти бесѣды, какъ думаютъ, и побудили женевское „общество пасторовъ и профессоровъ" завязать тѣсныя связи между кальвинизмомъ и греческою церковію. Указанное общество снеслось съ Голландіею или съ представителями кальвинизма здѣсь и съ общаго согласія рѣшились отправить способнаго человѣка въ Константинополь съ выше означенною цѣлію. Разумѣется, въ этомъ случаѣ принято было въ разсчетъ и то, что было извѣстно въ Женевѣ и Голландіи о Кириллѣ Лукарисѣ. Выборъ палъ на лице очень способное, ловкое, очень просвѣщенное и знакомое съ греческимъ языкомъ — на Антона Лежера (Leger); онъ отправленъ былъ въ Константинополь въ качествѣ пастора при голландскомъ посольствѣ, во главѣ котораго, какъ мы знаемъ, стоялъ Корнелій Гагенъ, жаркій приверженецъ кальвинизма, желавшій пропагандировать это вѣроученіе и на Востокѣ [1]). Это было въ 1628 году. Лежеръ оставался въ Константинополѣ восемь лѣтъ, не теряя изъ виду плановъ „женевскаго общества" и Гагена. Нужно сказать, что тотчасъ по прибытіи Лежера въ этотъ городъ между нимъ и патріархомъ Кирилломъ установились самыя тѣсныя отношенія. Можетъ быть, не проходило дня, когда друзья не встрѣчались бы и не вели бесѣды. Если встрѣчались препятствія къ свиданію между ними, патріархъ отправлялъ письма къ Лежеру съ выраженіемъ своей печали по этому поводу, при чемъ въ письмахъ часто фигурировала illustrissima madonna, signora Leonora, ἡ κυρία Лежеръ, т. е. жена Лежера, которой корреспондентъ обыкновенно посылалъ свои благожеланія и привѣтствія. Въ весеннее время Кириллъ нерѣдко отправлялся на очаровательные берега Босфора, приглашая съ собою Лежера и еще какого-то священника Іоанникія, гдѣ и устраивалось оживленное пиршество. Нѣтъ сомнѣнія, главное содержаніе бесѣдъ православнаго патріарха и протестантскаго пастора составляли вопросы религіознаго свойства. А имъ было

[1]) Ῥενιέρης. Μητροφάνης Κριτόπουλος καὶ φίλοι αὐτοῦ, σελ. 92.

о чемъ говорить въ этомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что Лежеръ, конечно, не тратилъ времени напрасно. Какъ думаютъ, именно Лежеръ расположилъ и убѣдилъ патріарха составить извѣстное „исповѣданіе", и оно составлено имъ въ домѣ этого друга Кириллова, здѣсь же оно было и переведено на латинскій языкъ этимъ послѣднимъ и отсюда же это исповѣданіе въ латинскомъ переводѣ было послано въ Женеву, гдѣ и увидѣло свѣтъ [1]). Это случилось въ 1629 г. Исповѣданіе издано было съ такимъ заглавіемъ: „Исповѣданіе вѣры достопочтеннѣйшаго господина Кирилла, патріарха константинопольскаго, написанное отъ имени и съ согласія (?) патріарховъ александрійскаго и іерусалимскаго и предстоятелей прочихъ восточныхъ церквей. Въ Константинополѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ, 1629 года". Наименованіе здѣсь города и хронологическая дата указываютъ мѣсто и время составленія документа, а напечатано оно, какъ доказано Леграномъ, въ Женевѣ, но безъ обозначенія этого города въ печатномъ изданіи. Но вскорѣ найдено было нужнымъ напечатать тоже исповѣданіе и на греческомъ языкѣ. Греческій текстъ исповѣданія полученъ въ Женевѣ въ концѣ 1631 года, но печатаніе его по какимъ то причинамъ очень замедлилось, и это произведеніе Кирилла Лукариса появилось въ печатномъ видѣ уже въ 1633 году, съ такимъ болѣе скромнымъ, и болѣе правильнымъ заглавіемъ: „Исповѣданіе христіанской вѣры Кирилла патріарха константинопольскаго. Женева, 1633 года" [2]).

Но болѣе обстоятельное ознакомленіе съ этимъ „исповѣданіемъ" на нѣкоторое время отложимъ, а займемся пока сообщеніемъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ фактахъ изъ жизни Кирилла, относящихся къ періоду между двумя изданіями его „исповѣданія" (т. е. между 1631 и 1633 г.). Разумѣется, мы говоримъ о такихъ фактахъ, которые съ новой стороны могутъ характеризовать отношенія Кирилла къ протестантамъ. Въ разсматриваемое время у него завязываются сношенія еще съ нѣкоторыми другими представителями тогдашняго протестантскаго міра. Къ 1632

[1]) Ῥενίερης, σελ. 101—102.

[2]) Нѣкоторыя подробности относительно изданія этихъ двухъ редакцій «Исповѣданія» были сообщены раньше: ихъ мы не повторяемъ здѣсь.

году относится его письмо къ женевскому профессору и теологу—Діодати. Въ этомъ письмѣ высказываются слѣдующія мысли и сообщаются слѣдующіе факты. Кириллъ выражаетъ удовольствіе, что отдаленность двухъ церквей (къ которымъ принадлежали авторъ письма и Діодати) не послужила препятствіемъ къ ихъ общенію. Онъ восхваляетъ божественное провидѣніе, которое поставляетъ во взаимное общеніе избранныхъ людей самыхъ далекихъ странъ, подобно тому, какъ апостолы, разсѣянные по свѣту, поддерживали союзъ между собою. Онъ въ очень яркихъ чертахъ описываетъ достоинства и добродѣтели извѣстнаго Лежера, именуетъ его даже „сосудомъ Духа Святаго и исполненнымъ помазанія Христова (vaso del Spirito Suncto e pieno di Iesu Christo) [1]). Выражаетъ надежду, что сближеніе его съ Лежеромъ послужитъ на благо греческой церкви. Затѣмъ Кириллъ передаетъ нѣкоторыя извѣстія, касающіяся его извѣстнаго „исповѣданія". Въ Константинополѣ, говоритъ онъ, находится много списковъ съ этого исповѣданія (очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о греческой редакціи, которая тогда еще не была издана); нѣкоторые изъ друзей его просили его, чтобы онъ своею подписью авторизовалъ подлинность „исповѣданія", что̀ онъ, по его словамъ, не отказывался дѣлать. Потомъ онъ пишетъ, что къ нему являлся Французскій посланникъ и отъ имени папы спрашивалъ его: онъ ли авторъ появившагося „исповѣданія", на каковой вопросъ онъ отвѣчалъ утвердительно. (Къ сожалѣнію, не ясно видно, о какомъ „исповѣданіи" здѣсь идетъ рѣчь—о латинскомъ, уже напечатанномъ или же греческомъ рукописномъ). Къ этому Кириллъ присовокупляетъ, что и другимъ лицамъ на тотъ же вопросъ отвѣчалъ также. Въ этомъ же письмѣ Кириллъ предоставляетъ профессору Діодати и всему женевскому университету распоряжаться его исповѣданіемъ, какъ они знаютъ: распространять его для ознакомленія съ вѣрою Грековъ (?), комментировать его чрезъ прибавку текстовъ св. Писанія или приведеніе доказательствъ; вообще все такое онъ предоставляетъ ихъ христіанской любви. Что-же касается римско-католиковъ,

[1]) Письмо на итальянскомъ языкѣ.

едовольныхъ образомъ дѣйствій Кирилла, то онъ говоитъ о нихъ: „пусть они лаютъ какъ цѣпныя собаки, эторыя не могутъ кусаться". Въ заключеніе письма скаано: „писано моею собственною рукою" [1]).

Замѣчательно, что въ это же время (въ 1632 г.) Кииллъ вступаетъ въ переписку даже съ одною коронованэю особою — героемъ тогдашней эпохи, шведскимъ короемъ Густавомъ-Адольфомъ. Первый шагъ въ этомъ слуаѣ дѣлаетъ король, но содержаніе его письма неизвѣстно. ириллъ смиренно привѣтствуетъ короля и говоритъ, что ь знакъ величайшаго уваженія къ нему цѣлуетъ его уку. Затѣмъ онъ воздаетъ хвалы шведскому посольству ь Константинополѣ, дѣйствующему съ большой пользой ія церкви, но въ подробности онъ не хочетъ вдаваться, бъявляя, что въ такомъ случаѣ ему пришлось бы напиіть цѣлый томъ. Онъ восхваляетъ побѣды короля надъ о врагами въ войнахъ и замѣчаетъ, что его успѣхи въ омъ отношеніи суть чудеса и обнаруженіе силы Божіей, краняющей честь Господа. (Рѣчь идетъ о т. н. тридцатиѣтней войнѣ, прославившей оружіе протестантовъ). Въ омъ же письмѣ Кириллъ жалуется королю на свое ѣсненное положеніе со стороны іезуитовъ; говоритъ, что іъ подобенъ овцѣ, ведомой на закланіе и что онъ и ія одного не имѣетъ покоя. А почему? Потому, отвѣіетъ онъ, что не хочетъ вѣрить, будто св. Писаніе неівершенно и недостаточно, что церковь не Христа имѣетъ іавою, что вѣра заключается въ однихъ обрядахъ, что іолопоклонство есть истинное богопочитаніе и пр. Мы іемъ спасенія нашихъ душъ, прибавляетъ онъ, въ истинноіангельской вѣрѣ Іисуса Христа, а не въ басняхъ. Тотъ е Кириллъ выражаетъ сожалѣніе по поводу недостатка ія него помощи со стороны и пишетъ: „кромѣ Христа ѣтъ у насъ помощника, за исключеніемъ истиннаго, вѣріго и усерднаго поборника божественной славы — Кор-элія Гагена". Въ заключеніе онъ проситъ принять коэля увѣреніе въ томъ, что онъ непрестанно молится за о благоденствіе, дабы Богъ сохранилъ его на погибель о (короля) враговъ, на утѣшеніе вѣрующихъ, на изба-

[1]) Aymon, 27—36. Legrand, IV, p. 401—406. Pichler, 152—155.

вленіе угнетенныхъ и для прославленія имени Іисуса Христа". Къ этимъ словамъ присоединено реченіе: „аминь" [1]).

Мы подошли къ 1633 году, въ которомъ издано было знаменитое „Исповѣданіе" Кирилла въ оригинальномъ текстѣ. Ознакомимся съ содержаніемъ этого документа. „Исповѣданіе" состоитъ изъ 18 главъ не одинаковой величины. Гл. 1. Въ ней въ краткихъ словахъ излагается ученіе о св. Троицѣ, при чемъ о Духѣ св. говорится, что Онъ исходитъ отъ Бога Отца чрезъ Сына. 2. Св. Писаніе произошло отъ Бога, виновникъ его св. Духъ, а ни другой кто. Его (Писанія) свидѣтельство высшаго достоинства, по сравненію со свидѣтельствомъ, принадлежащимъ церкви; ибо не одно и тоже — будемъ ли мы получать наставленіе отъ Духа св. или человѣка. Послѣдній по невѣдѣнію можетъ впадать въ заблужденіе, обманывать и обманываться (рѣчь идетъ о церкви). 3. Всеблагій Богъ прежде сотворенія міра (πρὸ καταβολῆς κόσμου) предопредѣлилъ избранныхъ къ прославленію, независимо отъ ихъ дѣлъ, а осужденныхъ, по неограниченной своей волѣ (αἰτίαν εἶναι τὴν θείαν θέλησιν) отвергъ такъ же, прежде вѣковъ (ὡσαύτως πρὸ τοῦ τὸν αἰῶνα γενέσθαι), по правосудію, ибо Онъ не только благъ, но и правосуденъ. 4. Все сотворенное имѣетъ добрую природу, потому что произошло отъ Бога, а то, что составляетъ зло, произошло отъ діавола и человѣка. 5. Всѣмъ управляетъ божественное провидѣніе. 6. Грѣхъ отъ перваго человѣка распространился на весь родъ человѣческій. 7. Въ ней говорится о воплощеніи Христа, искупленіи Имъ людей и ожидаемомъ Его второмъ пришествіи. 8. Іисусъ Христосъ, сѣдящій одесную Бога Отца есть единственный первосвященникъ и ходатай, Онъ одинъ печется о своихъ, т. е. христіанахъ (μόνος κήδεται τῶν ἰδίων). Очевидно, исключается ходатайство святыхъ за родъ человѣческій. 9. Никто безъ оправдывающей вѣры во Іисуса Христа не можетъ угодить Богу и спастись. 10. Христосъ есть единая глава церкви, человѣкъ же смертный не можетъ быть главой ея (противъ папства). 11. Члены церкви состоятъ изъ людей святыхъ, предопредѣленныхъ къ жизни вѣчной (блаженству). 12. Воинствующая церковь освящается и наставляется

1) Pichler, S. 159—162.

отъ св. Духа, котораго, какъ истиннаго Утѣшителя и Наставника, посылаетъ Христосъ отъ Отца. Нужно утверждать, что церковь въ земномъ ея состояніи можетъ заблуждаться и вмѣсто истины избирать ложь. 13. Человѣкъ оправдывается вѣрою, а не дѣлами; дѣла служатъ для выраженія нашего избранія ко спасенію, но не имѣютъ значенія предъ судомъ Божіимъ. 14. Свободная воля мертва въ тѣхъ, кто не возрождены и все что они ни дѣлаютъ — грѣхъ; у возрожденнаго же, при посредствѣ благодати, свобода возстановляется и оживотворяется. 15. Есть только два евангельскихъ таинства, установленныхъ Господомъ, свыше же этого числа нѣтъ таинствъ. 16. Въ ней говорится о таинствѣ крещенія и плодахъ его. 17. Здѣсь идетъ рѣчь о таинствѣ Евхаристіи и между прочимъ написано: вѣрующіе причастники пріемлютъ тѣло Господне не чувственно (раздробляя его зубами), но душевно (ἀλλὰ τῇ τῆς ψυχῆς αἰσθήσει κοινωνοῦντας); ибо тѣло Господне есть не то, что видимъ и объемлемъ чувственнымъ зрѣніемъ, а есть то, что вѣра духовнымъ образомъ (πνευματικῶς) постигаетъ, представляетъ и сообщаетъ; плодъ таинства потерянъ для того, кто безъ вѣры пріемлетъ тѣло и кровь (т. е. хлѣбъ и вино остаются для него, чѣмъ они суть). 18. Души, по разлученіи отъ тѣлъ, получаютъ блаженство или подлежатъ осужденію, по смерти нѣтъ покаянія, время благодати есть земная жизнь. Выдумка о чистилищѣ не должна быть принимаема, каждый въ этой жизни долженъ содѣвать свое спасеніе.—Въ заключеніе присоединены четыре вопросоотвѣта. Въ первомъ вопросѣ говорится, всѣмъ ли христіанамъ дозволительно чтеніе св. Писанія, и отвѣтъ дается утвердительный. На второй вопросъ: св. Писаніе ясно ли для христіанскихъ читателей, въ отвѣтъ говорится, что хотя пониманіе св. Писанія сопряжено съ затрудненіями, но оно становится яснымъ для просвѣщаемыхъ благодатію Божіею, при объясненіи однихъ мѣстъ въ немъ другими (допускается свободное толкованіе Библіи, безъ ближайшаго руководства церкви). На третій вопросъ: какія книги принадлежатъ къ составу Библіи, дается отвѣтъ, что книгъ св. Писанія столько, сколько указано соборомъ Лаодикійскимъ въ IV в. (прав. 60), съ присоединеніемъ Апокалипсиса,

не упомянутаго указаннымъ соборомъ, при чемъ книги неканоническія исключены изъ состава Библіи (по примѣру протестантовъ). Четвертый вопросъ формулированъ такъ: какъ нужно мыслить объ иконахъ? Въ отвѣтѣ дается знать, что почитаніе и поклоненіе иконамъ ясно запрещены въ св. Писаніи, съ присовокупленіемъ разрѣшенія имѣть иконы Спасителя и святыхъ не для поклоненія. Лучше послѣдовать заповѣди Божіей, чѣмъ нелѣпымъ вымысламъ людей,—сказано здѣсь [1]).

Изъ числа 18-ти членовъ вышеизложеннаго исповѣданія два: 3-ій о безусловномъ предопредѣленіи и 17-ый о Евхаристіи составлены несомнѣнно въ духѣ кальвинизма. Члены же 2, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15 и 18 носятъ на себѣ общепротестантскій характеръ, но въ нихъ можно находить и слѣды вліянія кальвинизма, такъ какъ, по сужденію Пихлера, всѣ сочиненія Кальвина отличаются неустойчивостію мысли и неопредѣленностію и двусмысленностію выраженій, а въ этомъ отношеніи разсматриваемое исповѣданіе очень напоминаетъ собою эти сочиненія [2]). Другіе члены этого же исповѣданія отчасти неопредѣленны, а отчасти выражаютъ православное ученіе. — Что касается четырехъ вопросоотвѣтовъ, то за исключеніемъ перваго, они отпечатлѣваютъ на себѣ духъ протестантства.

Нѣтъ сомнѣнія, что такого важнаго шага, какъ изданіе „исповѣданія" безусловно протестантскаго характера, Кириллъ Лукарисъ не могъ сдѣлать сразу, подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія. Вѣроятно, были обстоятельства въ его предшествующей жизни, которыя предрасположили его къ такому поступку. И дѣйствительно, подобнаго рода обстоятельства можно находить въ его жизни. Такъ въ 1599 и 1600 годахъ происходили сношенія между польско-литовскими протестантами и восточною церковью, имѣвшія цѣлію достигнуть между ними соединенія; въ этихъ сношеніяхъ принималъ участіе и Кириллъ и во всякомъ случаѣ хорошо ихъ зналъ. Польско-литовскіе протестант-

---

[1]) Kimmel. Monumenta fidei ecclesiae orientalis. Pars. I, p. 24—44. Ienae, 1850. Издатель помѣщаетъ исповѣданіе Кирилла въ числѣ памятниковъ вѣры православной восточной церкви, но безъ должныхъ основаній. Это исповѣданіе есть выраженіе вѣрованій лишь частнаго лица.

[2]) Pichler, 193.

скіе пасторы обратились въ 1599 г. съ письмомъ на имя Константинопольскаго патріарха, въ которомъ между прочимъ находились слѣдующія строки: „главною нашею мыслію есть — соединиться съ тѣми, которые вѣрны чистѣйшему ученію и хотя отдалены отъ насъ пространствомъ, но тѣмъ болѣе приближаются къ намъ исповѣданіемъ благочестія и вѣрою. Такою мы всегда почитали церковь восточную въ Греціи, посему мы усиленно желаемъ при семъ случаѣ вести бесѣду съ вашимъ достопочтеннымъ отчествомъ о дѣлѣ вѣры и сообща поискать средствъ соединить наши православныя общества съ вашими церквами и тѣснѣйшимъ какимъ-либо союзомъ любви связать на послѣдующее время. Мы сочли нужнымъ просить отъ васъ совѣта и содѣйствія, чтобы, если это возможно, устранивши все несогласное съ евангельскою истиною служить Богу, подъ единою главою Христомъ, въ единствѣ вѣры и братской любви. Сколько мы могли узнать изъ новѣйшихъ писателей вашей церкви, между нами существуетъ наилучшее соглашеніе. О церемоніяхъ же и внѣшнихъ обрядахъ теперь не разсуждаемъ, ибо знаемъ, что иногда многое слѣдуетъ допускать, снисходя ко времени и долгой привычкѣ". Авторы письма просили патріарха назначить время и мѣсто для веденія переговоровъ [1]). Письмо это вмѣсто патріарха константинопольскаго попало Мелетію александрійскому, управлявшему тогда дѣлами церкви Константинопольской, на правахъ мѣстоблюстителя. Сохранилось и другое письмо, написанное въ тоже время и на имя Мелетія александрійскаго и подписанное однимъ изъ тѣхъ лицъ, имя котораго значится въ подписи подъ письмомъ, нами уже изложенномъ. Здѣсь между прочимъ читаемъ: „если у васъ есть въ настоящее время какое-либо сокращенное изложеніе ученія вашей церкви, то мы охотно приняли бы и прочли. И мы питаемъ увѣренность, что наши братскія предложенія о вѣрѣ и благочестіи будутъ имѣть добрый пріемъ у васъ, такъ чтобы мы соединились въ братской любви во Христѣ и стали едино въ Господѣ и Его

[1]) Проф. Малышевскаго. Александрійскій патріархъ Мелетій, т. 2-ой. стр. 146—149. Кіевъ, 1872. Томъ этотъ представляетъ исключительно собраніе документовъ, относящихся къ исторіи Мелетія.

истинѣ" [1]). Объ этихъ сношеніяхъ протестантовъ съ восточною церковію хорошо зналъ Кириллъ, находившійся въ это время въ тѣхъ же странахъ, изъ которыхъ писаны эти письма: сюда прибылъ Кириллъ, въ санѣ архимандрита, по волѣ именно Мелетія, для наблюденія за ходомъ здѣшнихъ церковныхъ дѣлъ. Конечно, Кириллъ освѣдомленъ былъ и по отношенію къ тѣмъ отвѣтамъ, которые получились отъ Мелетія. Послѣдній благосклонно встрѣтилъ эти письма и намѣренъ былъ дать дѣлу надлежащій ходъ. Такъ въ письмѣ къ протестанту Мартину броневскому, онъ говорилъ: „Мы скорбимъ и должны скорбѣть, что мы не столько раздѣлены такими разстояніями странъ, сколько по тѣмъ дѣламъ, гдѣ слѣдуетъ быть единодушными тѣмъ, которые носятъ имя Христа Бога. Но мы уповаемъ, что будетъ нѣкогда время, когда и имъ положитъ конецъ Всевышній Промыслитель" [2]). Нужно сказать, что польско-литовскіе протестанты прислали Мелетію и свое вѣроизложеніе, состоявшее такъ же изъ 18 членовъ, какъ и „Исповѣданіе" Кирилла. Въ рѣшеніи дальнѣйшихъ вопросовъ, по мысли Мелетія, отводилось значительное мѣсто и для дѣятельности Кирилла, который, какъ видно изъ писемъ Мелетія къ вышеуказаннымъ лицамъ, пользовался благорасположеніемъ польско-литовскихъ протестантовъ [3]). Положимъ, эти сношенія протестантовъ съ восточною церковію, за скорою смертію Мелетія, остались безъ послѣдствій; но во всякомъ случаѣ они побуждали Кирилла впослѣдствіи не страшиться подобныхъ же переговоровъ съ протестантами о соединеніи церквей. Быть можетъ, и вѣроизложеніе протестантовъ, о которомъ мы упоминали, имѣло какое-либо значеніе въ дальнѣйшей исторіи Кирилла. Можно во всякомъ случаѣ утверждать, что мысль о сближеніи съ протестантами уже и въ это время заинтересовала его. Мысль эта не угасала у него и впослѣдствіи. Извѣстный уже намъ Митрофанъ Критопулъ отправленъ былъ Кирилломъ въ 1617 году въ продолжительное заграничное путешествіе по странамъ протестантскимъ какъ для его научнаго образованія, такъ и

[1]) Тамъ-же, 152—153.
[2]) Тамъ-же, 145—146.
[3]) Тамъ-же, 144—145.

ı тѣмъ, чтобы, ознакомившись съ протестантскими церзами и ихъ ученіемъ, выработать планъ соединенія этихъ ɜрквей и греческой церкви [1]). Самъ Критопулъ о составенномъ имъ заграницею „Исповѣданіи вѣры" говоритъ, :о онъ хотѣлъ при его посредствѣ облегчить соглашеніе ɜжду протестантами и Греками, именно онъ писалъ ıному протестантскому проповѣднику: „когда увидятъ ıротестанты), что мы согласны въ самомъ необходимомъ,) поймутъ что и остальное легко и удобно можетъ быть ıажено" [2]). Очевидно, мысль о сближеніи вышеуказанıыхъ исповѣданій съ давнихъ поръ глубоко залегла въ ɾшѣ Кирилла. Прибытіе въ Константинополь женевскаго ıльвиниста Лежера подогрѣло ее. Умъ и вліяніе Лежера ɔкончили остальное. Кириллъ самъ пошелъ на встрѣчу ротестантамъ и позволилъ издать въ свѣтъ его, толького разсмотрѣнное, „исповѣданіе"...

Если уже во время бытія Кирилла патріархомъ але:андрійскимъ неправославныя его идеи возбуждали двиеніе противъ него, (о чемъ было сказано раньше), то ѣмъ болѣе этого можно было ожидать съ перемѣщеніемъ :о на каѳедру константинопольскую. Такъ и случилось. :осольства римско-католическихъ державъ, вскорѣ убѣıвшись въ протестантскихъ тенденціяхъ патріарха, всяɜски старались вредить ему. Въ 1623 году французскій осланникъ писалъ своему королю: „вы приказываете мнѣ остараться, если возможно низвергнуть греческаго паріарха въ Константинополѣ, какъ еретика весьма опас:аго. Я не теряю случая. Этотъ патріархъ весьма опасıый еретикъ, онъ не имѣетъ иной цѣли, какъ довести ıерковь римскую до ослабленія и утвердить кальвинское ɾченіе въ Греціи и во всѣхъ странахъ восточныхъ" [3]). Въ виду этого, католическія посольства низвергали Кирилла съ каѳедры, а протестантскія — снова возводили го; патріаршее мѣсто въ Константинополѣ сдѣлалось реной интригъ и прискорбныхъ случайностей. Въ 1628 году

[1]) Ῥενιέρης, σελ. 100.

[2]) Письмо это въ переводѣ напечатано въ преждеупомянутой статьѣ оф. Троицкаго: «Труды архим. Андроника Димитракопула, стр. 616 Gf. grand, IV, 339.

[3]) См. ректора А. В. Горскаго вышеуказанную статью: «о соборѣ іерузимскомъ 1672 года», стр. 584. (Прибавл. къ Твор. Отцевъ, т. 34).

Константинополь посѣтилъ Мелетій Смотрицкій, архіепископъ полоцкій, и Кириллъ, безъ всякой осторожности далъ прочесть ему какое-то свое рукописное сочиненіе, въ формѣ діалога, въ которомъ утверждалось, что нужно признавать только два таинства, что молитвы за умершихъ безполезны и проч. А на словахъ Кириллъ еще сказалъ, что исповѣдь во грѣхахъ не нужна. Вскорѣ все это огласилось, благодаря одному сочиненію Мелетія, изданному въ 1629 году [1]). Кириллъ сталъ предметомъ недоброжелательнаго вниманія и за предѣлами его церкви. Первое изданіе „исповѣданія“ Кирилла въ томъ же 1631 году вызвало опроверженіе со стороны греко-унита Матѳея Каріофила [2]). Православіе Константинополя омрачилось. Но особенно сильное движеніе возникаетъ въ Константинополѣ вскорѣ по появленіи „исповѣданія“ Кириллова въ греческомъ оригиналѣ. По словамъ письма Лежера [3]), написаннаго въ 1634 г. въ Женеву, злоба враговъ Кирилла усилилась, появились „летучія сочиненія въ формѣ писемъ“ или точнѣе сказать „пасквили“, пущены были въ дѣло „всевозможныя ухищренія самого ада“. Смута росла...

По изложеніи и разъясненіи замѣчательнѣйшаго факта изъ жизни Кирилла Лукариса, т. е. обнародованія имъ извѣстнаго исповѣданія, доскажемъ остальную исторію этого патріарха, держась твердо намѣченныхъ нами рамокъ.

Вскорѣ патріархъ по проискамъ риско-католическихъ посланниковъ, нашедшихъ себѣ поддержку въ греческихъ архіереяхъ, лишается каѳедры, и претерпѣваетъ ссылку сначала на Тенедосѣ, потомъ на Хіосѣ, наконецъ на Родосѣ. Изъ этихъ мѣстъ заточенія онъ написалъ нѣсколько писемъ или точнѣе записокъ, къ извѣстному уже намъ Лежеру, находившемуся въ это время въ Константинополѣ при исполненіи своихъ обязанностей. Въ этихъ письмахъ Кириллъ неоднократно возвѣщаетъ о своей крѣпкой привязанности къ кальвинизму и сообщаетъ нѣкоторыя извѣстія о томъ противодѣйствіи его ученію, ка-

[1]) Pichler, S. 204. Малышевскаго Мелетій, т. I, 560.
[2]) Legrand. Tome I, 288.
[3]) Ibidem, p. 380.

кое онъ встрѣчалъ въ это время. Въ первомъ изъ писемъ къ Лежеру, Кириллъ, опасаясь, чтобы изгнаніе не кончилось смертію для него, проситъ своего друга въ подобномъ случаѣ заявить слѣдующее: что онъ, Кириллъ, умеръ, оставаясь вѣрнымъ ученію Кальвина, какъ это ученіе изложено въ его собственномъ „исповѣданіи" и въ прочихъ извѣстныхъ реформатскихъ исповѣданіяхъ; что онъ всегда страшился заблужденій папистовъ и суевѣрій Грековъ; что онъ одобряетъ и пріемлетъ ученіе достойнѣйшаго учителя Іоанна Кальвина и всѣхъ его послѣдователей [1]). Письмо относится къ марту 1634 г. Въ другомъ письмѣ къ Лежеру, очевидно подъ вліяніемъ споровъ съ однимъ изъ жаркихъ его противниковъ, Корессіемъ, врачемъ по профессіи, онъ, съ насмѣшкою пишетъ объ этомъ лицѣ, осмѣивая непониманіе имъ протестантскаго ученія о единомъ Ходатаѣ; по сужденію Кирилла, Корессій и его ученики такъ невѣжественны, что они могутъ возбуждать только ужасъ. Здѣсь же встрѣчаемъ неприличное въ устахъ автора замѣчаніе о Евхаристіи, именно такое: „пресуществленіе изъ кусочка хлѣба или даже изъ сухой крошки дѣлаетъ Христа" [2]). Еще въ другомъ письмѣ (1635 г., какъ и предшествующее) Кириллъ благодаритъ Лежера за присылку ему какого-то рукописнаго сочиненія о Евхаристіи; это сочиненіе Лежера онъ очень хвалитъ, называетъ его угоднымъ Богу, и собирается перевести его на греческій языкъ. Въ этомъ же письмѣ Кириллъ выражаетъ сомнѣніе въ подлинности посланія ап. Іакова, такъ какъ оно будто бы стоитъ въ противорѣчіи съ ученіемъ апостола Павла объ оправданіи вѣрою. Авторъ письма еще дѣлаетъ замѣчаніе, что писатель посланія ничего не говоритъ о таинствѣ воплощенія и вообще холодно говоритъ объ І. Христѣ, едва упоминая Его имя [3]). Послѣднее письмо, писанное Кирилломъ Лежеру изъ ссылки же, тоже заслуживаетъ вниманія (1636 г.). Въ немъ онъ всячески бранитъ вышеупомянутаго врача Корессія, его противника; отсюда можно заключать, что Корессій своею православною полемикою

[1]) Pichler, 164.
[2]) Aymon, 67. Legrand, p. 479.
[3]) Aymon, 85—86. Legrand 477—478.

слишкомъ досаждалъ патріарху. Кириллъ выставляетъ его приверженцомъ нѣкоторыхъ папскихъ доктринъ, именуетъ его презрителемъ благодати Іисуса Христа, исказителемъ ученія о Евхаристіи, объявляетъ его еретикомъ, достойнымъ вѣчнаго осужденія, идолопоклонникомъ, и наконецъ пишетъ о немъ, что въ глубинѣ сердца онъ преисполненъ атеизма [1]). Кстати передадимъ свѣдѣнія еще объ одномъ письмѣ Кирилла къ Лежеру, писанномъ уже по возвращеніи Лежера съ Востока въ Женеву, такъ сказать, прощальномъ письмѣ (въ 1637 г.). Авторъ увѣряетъ Лежера, что у всѣхъ Грековъ будетъ сохраняться о немъ память, какъ о человѣкѣ, отличающемся честностію, ученостію и святостію. Благодаритъ Бога, давшаго Лежеру возможность благополучно совершить его возвращеніе съ Востока. Обнадеживаетъ его и повидимому самъ вѣритъ, что, съ „благословеніемъ Божіимъ, церковь греческая получитъ новое лучшее теченіе, что православная евангельская (кальвинская) вѣра распространится, истина возсіяетъ и что все будетъ реформировано согласно слову Божію". Письмо оканчивается словами: „братски привѣтствую всѣхъ достопочтенныхъ учителей вашей церкви и молю Господа, чтобы Онъ благословилъ ихъ успѣхомъ во всѣхъ ихъ начинаніяхъ" [2]).

Очень любопытно письмо Кирилла, написанное имъ въ Женеву же вскорѣ по возвращеніи его въ 1636 году изъ ссылки въ Константинополь. Изъ письма видно, что въ этомъ случаѣ онъ не тотчасъ поселился въ патріархіи, хотя и занялъ патріаршее мѣсто, а долго проживалъ въ качествѣ гостя у голландскаго посланника—указаніе на большую близость хозяина и гостя. Письмо адресовано не на имя отдѣльнаго лица, а на имя — всего лучшаго общества Женевы, именно такъ: „великимъ и славнымъ сенаторамъ, достопочтеннѣйшимъ ученымъ, пасторамъ, профессорамъ и правителямъ города Женевы и ея церкви", которыхъ онъ именуетъ „друзьями и возлюбленнѣйшими братьями о Христѣ" и которымъ онъ желаетъ братскаго мира и всякаго благополучія. Затѣмъ онъ восхваляетъ Лежера за то, что онъ оказалъ большія услуги

[1]) Aymon, 107—108. Legrand, 483—484.
[2]) Aymon, 115—118. Legrand, 486—488.

церкви (греческой) и за то, что онъ разъяснилъ самому Кириллу многое по части догматовъ и вообще раскрылъ ему истину въ разныхъ отношеніяхъ. Авторъ пользуется случаемъ, чтобы возвеличить и имя Кальвина, называетъ его святѣйшимъ и мудрѣйшимъ учителемъ (dottor santissimo e sapientissimo) [1], который блаженствуетъ на небеси въ сонмѣ величайшихъ праведниковъ". Еще разъ онъ же заявляетъ, что онъ открываетъ свое сердце предъ вселюбезнѣйшими братіями, утверждая, что онъ принимаетъ ученіе ихъ за православное и каѳолическое ученіе и отвергаетъ римское, какъ извращенное. Онъ сознается, что противъ такой исповѣди его подвигнутся и самыя горы, но онъ не перестанетъ говорить: Господь мое спасеніе, кого устрашуся? Въ концѣ письма, Кириллъ въ чувствѣ благодарности предъ голландскимъ посланникомъ Гагеномъ, называетъ его „столпомъ и утвержденіемъ православной каѳолической вѣры" [2]). Въ этомъ письмѣ Кириллъ высказывается ясно и въ полной мѣрѣ.

Конецъ жизни Кирилла, какъ извѣстно, былъ въ высшей степени трагическій. По политическимъ подозрѣніямъ, онъ былъ по распоряженію турецкой власти удавленъ и трупъ поверженъ въ море. Это произошло въ 1638 году.

Какъ смотрѣть на такой странный и необычайный фактъ увлеченія протестантизмомъ со стороны патріарха Кирилла Лукариса,—увлеченія, доходившаго до того, что онъ рѣшился даже выдать „исповѣданіе" въ духѣ кальвинизма? Какъ объяснять себѣ возможность появленія такого историческаго факта? какой цѣли стремился достигнуть Кириллъ? Отвѣтъ на вопросъ старается дать извѣстный римско-католическій писатель Пихлеръ въ слѣдующихъ словахъ: „Несомнѣнно Кириллъ обладалъ, стремительнымъ умомъ и большою природною любознательностію, которые благодаря его учителямъ сильно развились и обогащены познаніями. Но въ греческой церкви не существовало никакой богословской школы, которая научила бы его разобраться въ тѣхъ воззрѣніяхъ, съ какими ему приходилось встрѣчаться. Между тѣмъ, онъ по-

[1]) Письмо написано по-итальянски.
[2]) Aymon, p. 1—6. Legrand, 457—460.

стоянно долженъ былъ выслушивать насмѣшливые отзывы европейцевъ о крайнемъ невѣжествѣ греческаго клира, и потому онъ сталъ стыдиться своей принадлежности къ этому послѣднему. Къ этому располагало его и то, что сдѣлавшись патріархомъ въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ, онъ приписывалъ такой успѣхъ своей импонирующей учености, а толпа льстецовъ поддерживала его въ такомъ сомомнѣніи. Знаменитые государственные мужи и ученые предлагали ему свою дружбу, и вотъ по Европѣ разнеслась слава о его учености и доблестяхъ. Въ немъ, Кириллѣ, утверждалось воззрѣніе, что у него нѣтъ ничего общаго съ Греками современности, что они стоятъ неизмѣримо ниже его, да и сами они говорили, что по сравненію съ нимъ они ослы. Единственное отношеніе, въ какое онъ могъ поставить себя къ нимъ,—это сдѣлаться реформаторомъ у нихъ: такъ по крайней мѣрѣ казалось ему. Но эта предполагаемая реформа могла придти только съ Запада, и притомъ отъ протестантовъ; другой возможности ему не представлялось, такъ какъ весь ходъ его образованія ставилъ его во враждебныя отношенія къ Риму. Это, а не другое что сдѣлало его еретикомъ, (т. е. протестантомъ): ненависть къ Риму съ одной стороны и гордость своимъ образованіемъ, ставившимъ его высоко надъ Греками, съ другой. Тѣмъ и другимъ воспользовались въ своихъ интересахъ протестанты; въ ихъ рукахъ онъ сталъ игрушкою. Первыми интеллектуальными виновниками нестроеній были Голландцы, которые смотрѣли на Востокъ, какъ на мѣсто развитія ихъ пропаганды, а на Кирилла при его безхарактерности, какъ на орудіе къ достиженію своихъ цѣлей. Несправедливо было бы думать обратное, т. е., что Кириллъ воспользовался кальвинистами, какъ средствомъ къ достиженію его честолюбивыхъ плановъ (разумѣется желаніе его, при ихъ посредствѣ удерживаться на патріаршей каѳедрѣ), ибо такое пониманіе дѣла противорѣчитъ не только фактамъ, но и характеру его, лишенному необходимой твердости и энергіи" [1]). Въ этомъ объясненіи факта нельзя не находить много вѣрнаго. Но мы не думаемъ, чтобы Кириллъ въ самомъ дѣлѣ мечталъ сдѣлаться дѣйствительнымъ рефор-

1) Pichler, s. 109—110.

аторомъ греческой церкви въ духѣ протестантства. амъ онъ высказывался въ двоякомъ родѣ: то представялъ себѣ реформу возможною и легко осуществимою иисьма въ Женеву), то желательною, но далекою отъ существленія (пис. къ Утенбогарту) — и едвали нужно омнѣваться, что въ послѣднемъ случаѣ онъ былъ болѣе скрененъ. Да и для роли реформатора онъ не годился. нъ много говорилъ о реформѣ и *ничего* не дѣлалъ для ея. Развѣ такъ поступаютъ дѣйствительные реформаоры? Всѣ его мысли о реформѣ мысли чужія, взятыя на рокатъ. Самъ онъ въ этомъ случаѣ не придумалъ ниего. Изъ такой личности не могло выдти иниціатора ѣла; а безъ собственной иниціативы важнаго дѣла сдѣıать невозможно. Самъ Кириллъ хорошо сознавалъ это— ı дальше словъ не шелъ. Правда, онъ издалъ извѣстное „исповѣданіе"—и въ этомъ, конечно, была своя цѣль. Кииллъ такимъ смѣлымъ поступкомъ хотѣлъ и другихъ 'рековъ сдѣлать смѣлѣе, заставить ихъ выдти изъ инертıаго состоянія. Но его поступокъ не вызвалъ соотвѣтствующаго движенія. Вѣроятнѣе всего, Кириллъ разсчиывалъ, что реформа будетъ входить въ жизнь сама собою, безъ крутого переворота, въ силу сознанія о необходимости для греческой церкви выдти изъ вѣковаго застоя. Однако разсчеты патріарха нимало не оправдались.

Одно можно утверждать: въ греческой церкви XVII вѣка, безъ сомнѣнія по примѣру и подъ вліяніемъ Кирилла, образовался небольшой кружокъ протестанствующихъ богослововъ, къ разсмотрѣнію котораго и обратимся.

III.

(Кружокъ протестантствующихъ богослововъ въ Греческой церкви XVII-го вѣка.—*Захарія Герганъ*, его образованіе въ Германіи, онъ — греческій митрополитъ; его «Катихизисъ», современное его появленію опроверженіе его.—*Ѳеофилъ Коридаллевсъ*, біографическія свѣдѣнія о немъ, рѣчь его въ Константинополѣ въ похвалу Лукариса и его «Исповѣданія», волненія изъ-за нея и торжественное опроверженіе ея, онъ дѣлается митрополитомъ; характеристическій анекдотъ о немъ, другія свѣдѣнія, свидѣтельствующія о его протестантскихъ стремленіяхъ.—*Максимъ Каллиполитъ*, его простонародный переводъ Новаго Завѣта, оппозиція противъ перевода въ Константинополѣ,—основанія считать этотъ переводъ дѣломъ, имѣвшимъ протестантскія тенденціи.—*Наѳанаилъ Канопій*, протосинкеллъ патріарха Лукариса, письмо его къ кальвинисту Лежеру съ описаніемъ смерти этого патріарха.—*Іоаннъ Каріофиллъ*, ученикъ Коридаллевса, смуты, произведенныя въ Константинополѣ его протестантскими мыслями; два собора противъ него въ К-полѣ, послѣдующая судьба его.—Значеніе исторіи протестантской смуты въ Греческой церкви XVII-го вѣка для этой церкви).

Около Кирилла Лукариса, а нѣсколько позднѣе подъ его вліяніемъ въ греческой церкви XVII-го вѣка образовался кружокъ протестантствующихъ богослововъ, которые старались знакомить Грековъ съ протестантскимъ ученіемъ и склонять къ нему. Этотъ образъ дѣйствій указанныхъ богослововъ не имѣлъ ни опредѣленнаго плана, ни твердо намѣченныхъ цѣлей и въ общемъ представляется явленіемъ случайнымъ, плодомъ необдуманныхъ увлеченій новизною. Да и самый кружокъ протестантствующихъ богослововъ былъ очень не великъ, чтò и естественно, если возьмемъ во вниманіе замѣчательную приверженность Грековъ къ исконному у нихъ православію и ихъ страхъ предъ религіозными нововведеніями. Вотъ главныя лица, принадлежавшія къ разсматриваемому кружку: Герганъ, Коридаллевсъ, Каллиполитъ, Канопій, І. Каріофиллъ.

Захарія Герганъ. Происходилъ изъ знаменитой фамиліи и былъ родомъ изъ Арты въ Албаніи. По какому-то

случаю, онъ получилъ образованіе въ Германіи и сдѣлался приверженцомъ лютеранскаго лжеученія. Въ 1622 году видимъ его еще въ Виттенбергѣ, но вскорѣ затѣмъ онъ появляется въ Константинополѣ и возводится въ санъ митрополита Навпактскаго и Артскаго; есть всѣ основанія полагать, что поставленіе его въ архіереи произошло по волѣ и опредѣленію патріарха Кирилла Лукариса [1]).

Протестантскій духъ своего ученія Герганъ выразилъ въ составленномъ имъ Катихизисѣ. Катихизисъ этотъ составляетъ библіографическую рѣдкость, такъ что даже ученымъ Грекамъ нашего времени онъ извѣстенъ только по имени [2]). Сообщимъ о немъ свѣдѣнія, какія намъ удалось собрать.

Книга имѣетъ такое заглавіе: „Христіанскій катихизисъ во славу Человѣколюбца, Бога Отца, Іисуса Христа и Духа Святаго, для чести и на помощь боголюбивымъ Грекамъ". Напечатанъ въ Виттенбергѣ, въ 1622 году. Значитъ, онъ изданъ прежде, чѣмъ Герганъ сдѣлался митрополитомъ. Катихизисъ открывается введеніемъ, въ которомъ на первомъ мѣстѣ находится обращеніе къ герцогу саксонскому Іоанну Георгу. Здѣсь говорится, что первоначальное намѣреніе автора состояло въ томъ, чтобы отправиться для научнаго образованія въ Римъ, но что Промыслъ направилъ его во владѣнія герцога саксонскаго—и за это онъ возсылаетъ хвалу преблагословенной Троицѣ. За тѣмъ Герганъ въ пышныхъ выраженіяхъ благодаритъ герцога за то, что осыпалъ его милостями въ то время, когда онъ учился въ Виттенбергскомъ университетѣ богословскимъ и другимъ наукамъ, при чемъ благодарный Грекъ указываетъ, что герцогомъ сдѣлано не мало и другихъ благодѣяній, о которыхъ онъ не хочетъ говорить открыто. „Исповѣдую имя твое во языцѣхъ и воспою его"—говоритъ Грекъ, обращаясь къ своему благодѣтелю, котораго онъ считаетъ вправѣ наименовать публично достойнѣйшимъ отцемъ греческаго народа. На-

[1]) Σάθα. Νεοελληνική φιλολογία (Біографіи ученыхъ Грековъ), σελ. 308. Аѳины, 1868.

[2]) Такъ сейчасъ упомянутый Грекъ Сата (Σάθας) не знаетъ даже—гдѣ былъ напечатанъ катихизисъ и былъ ли напечатанъ.

конецъ авторъ пишетъ, что онъ посвящаетъ свой трудъ—катихизисъ герцогу, въ изъявленіе чувства благодарности.

За первымъ обращеніемъ слѣдуетъ второе, въ которомъ рѣчь обращена къ царямъ Московіи и Грузіи, господарямъ Молдавіи и Валахіи, къ патріархамъ, митрополитамъ и пр. Затѣмъ указавъ на то, что церковь имѣетъ всегда враговъ истины, авторъ выражаетъ увѣренность, что и его книга будетъ встрѣчена враждебно. Я не сомнѣваюсь,—говоритъ Герганъ,—что діаволъ не преминетъ возбудить злыхъ и развращенныхъ людей, которые будутъ судить превратно о моей книгѣ. Такими предполагаемыми врагами книги, по мнѣнію автора, прежде всего станутъ приверженцы папства (haeretischismatopapicolae); другой родъ враговъ составятъ тѣ Греки, которые открыто признаютъ себя приверженцами греческой вѣры, а въ тайнѣ являются сторонниками папства. Авторъ считаетъ нужнымъ предостеречь своихъ читателей отъ тѣхъ и другихъ враговъ его книги, имѣющихъ вредить или открыто или прикровенно. „Вы не должны удивляться или поражаться, когда услышите—замѣчаетъ авторъ,—что злые люди худо будутъ отзываться о моей книгѣ, ибо людямъ нечестивымъ свойственно худо мыслить о благомъ и спасительномъ дѣлѣ". Есть еще въ книгѣ третье обращеніе — „къ христіанскому читателю". Здѣсь онъ проситъ этого послѣдняго извинить, что книга написана на народномъ (новогреческомъ) языкѣ (barbaro stylo), ибо — говоритъ онъ—мы лишились царства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мудрости: нѣтъ у Грековъ ни гимназій, ни академій (университетовъ), а есть только школы первоначальныя. Нашъ народъ, восклицаетъ Герганъ, нѣкогда наивысшій и мудрѣйшій, теперь занимаетъ самое низкое мѣсто! Интересно читать въ заключеніе введенія слѣдующую приписку: „этотъ богословскій трактатъ, написанный Захаріею Гергановъ, итакійскимъ грекомъ, воспитанникомъ нашей академіи, на смѣшанномъ—вульгарномъ языкѣ, ради пользы своихъ единоземцевъ, современныхъ Грековъ,—мы читали и по содержанію его (трактата) одобрили и разрѣшили къ печатанію. Деканъ, сеньоръ (senior) и прочіе докторы и профессоры богословской коллегіи въ герцог-

ıттенбергскомъ университетѣ“ [1]). Конечно, такое
з и разрѣшеніе очень странно читать при книгѣ,
ой Катихизисомъ, написанной на греческомъ языкѣ
: впрочемъ изложено еще и по латыни) и назна-
цля православныхъ Грековъ; но эта странность
ъ, если припомнимъ, что сочиненіе составлено
протестантскомъ духѣ.
ожалѣнію, катихизисъ Гергана составляетъ, какъ
ıинали, великую библіографическую рѣдкость, а
его содержанія мы не знаемъ; въ виду этого
ıожемъ сообщить никакихъ подробностей о книгѣ
ıго греческаго богослова. Извѣстно однако, что
ıослѣ появленія этой книги вышло въ свѣтъ ея
кеніе. Разумѣемъ сочиненіе Матеея Каріофилла,
который именовалъ себя архіепископомъ Иконій-
„Опроверженіе псевдохристіанскаго катихизиса,
го Грекомъ Герганомъ“ (Римъ, 1631 г.). Книга
на папѣ Урбану VIII-му. Число заблужденій, раз-
ныхъ Каріофилломъ и найденныхъ имъ у Гергана,
ιтъ до семидесяти. Къ сочиненію приложена: „мо-
бѣдствіяхъ несчастной Греціи“; по своему содер-
та монодія есть только памфлетъ, направленный
греческой церкви и архіереевъ къ ней принадле-
ь. Здѣсь между прочимъ разсказываются сплетни
цу извѣстнаго Мелетія, патріарха Александрій-
Въ подробностяхъ остается неизвѣстнымъ и это
рженіе“ Гергановыхъ воззрѣній, а потому остается
ясненнымъ — на какія стороны указаннаго кати-
ıаиболѣе нападалъ Каріофиллъ. Извѣстно только,
ъ послѣдній относился очень строго къ Гергану,
лъ его змѣею, волкомъ, нечестивцемъ, діаволомъ —
собенно важно для насъ — лютераниномъ, т. е. на-
его измѣнившимъ православію въ пользу проте-
за [3]).
ıхизисъ Гергана скоро распространился по Греціи
ıкъ въ западную Русь, безъ сомнѣнія порождая

ıand. Bibliorg. Hellen., tome I, p. 159—166.
ıand. Tome I, p. 285—287.
ıeccii. Abbildung. der alten und neuen Griechischen Kirche. Theil I,
ıig, 1711.

смуту въ умахъ. Но не видно, чтобъ тогдашній патріархъ Кириллъ Лукарисъ безпокоился по этому поводу. Да и можно ли было ожидать другихъ отношеній Кирилла къ книгѣ, автора которой онъ возвелъ даже въ санъ митрополита?

Ѳеофилъ Коридаллевсъ. — Ѳеофилъ, по выраженію историка Мелетія Аѳинскаго, „весьма много прилежалъ и соглашался съ Кирилломъ Лукарисомъ, будучи его единомышленникомъ" [1]); а по выраженію историка Саты, онъ сдѣлался „пригоднымъ орудіемъ для лютерано-кальвинистовъ, желавшихъ распространенія своего ученія между Греками" [2]). Ѳеофилъ родился въ Аѳинахъ въ 1563 году, учился сначала въ Римѣ въ греческой коллегіи, а потомъ въ Падуанскомъ университетѣ, гдѣ и слушалъ свободомысленнаго профессора Кремонини, о которомъ мы уже упоминали, когда говорили о научномъ образованіи Кирилла Лукариса. По окончаніи своего образованія, онъ возвратился на родину, въ Аѳины и открылъ здѣсь философскую школу. Вскорѣ онъ пріобрѣлъ славу перваго и великаго философа своего народа. Преподаваніе его не чуждо было того свободомыслія, которымъ отличался и вышеназванный Кремонини. Въ 1624 году Ѳеофилъ посылалъ поздравленіе Кириллу Лукарису, привѣтствуя его вторичное восшествіе на константинопольскую патріаршую каѳедру. Это открыло путь къ сношеніямъ между указанными лицами. Заботясь о процвѣтаніи патріаршей школы въ Константинополѣ, Кириллъ пригласилъ Коридаллевса занять преподавательское мѣсто въ ней и принять на себя обученіе Аристотелевой философіи. Приглашенный охотно отозвался на этотъ призывъ, пріѣхавъ въ Константинополь не позднѣе 1629 года. Для обезпеченія новаго профессора въ матеріальномъ отношеніи, ему дана была въ завѣдываніе одна изъ столичныхъ церквей [3]). И вотъ, по замѣчанію Досиѳея іерусалимскаго, съ прибытіемъ Коридаллевса къ Кириллу „обманщикъ присоединился къ лицемѣру и нечестивецъ къ еретику" [4]). При указан-

[1]) Μελετίου. Εκκλησιαστικὴ Ἱστορία. Τόμ. III, σελ. 451.
[2]) Σάθα. Νεοελλην. φιλολογία, 251.
[3]) Σάθα. σελ. 250. Γεδεὼν Χρονικὰ τῆς πατριαρχικῆς Ἀκαδημίας, σελ. 74—75. Константинополь, 1881. Pichler. S. 47.
[4]) Въ его «Исторіи іерусалимскихъ патріарховъ» (на греческ. языкѣ) кн. 11, гл. 10 § 2, стр. 1172.

номъ случаѣ Ѳеофилъ принялъ монашество и получилъ имя Ѳеодосія, но къ монашеству своему онъ относился своеобразно: то снималъ его съ себя, то опять принималъ. Въ должности преподавателя патріаршей школы онъ оставался до смерти Кирилла Лукариса (до 1638 г. [1]).

По смерти этого патріарха Коридаллевсъ на нѣкоторое время покидаетъ столицу, но потомъ опять возвращается сюда (въ 1639 г.), пользуясь тѣмъ, что на патріаршій престолъ избранъ былъ новый патріархъ Парѳеній I человѣкъ расположенный къ нему. Но возвращеніе Коридаллевса послужило къ смутамъ въ Константинополѣ. Наступилъ день, когда новый патріархъ долженъ былъ торжественно возсѣсть на патріаршій престолъ. По обычаю этотъ обрядъ интроникаціи сопровождался панегирическою рѣчью въ честь патріарха. Этотъ долгъ въ настоящій разъ принялъ на себя Ѳеофилъ Коридаллевсъ, какъ человѣкъ отличавшійся краснорѣчіемъ. Но рѣчь была необычна. Въ ней онъ распространился о предшественникахъ Парѳенія I-го и съ особеннымъ вниманіемъ остановился на личности Кирилла Лукариса. Ораторъ при этомъ осмѣлился восхвалять извѣстное протестантское „исповѣданіе“ его; онъ говорилъ, что „главы“ (Исповѣданіе) Кирилла столпъ благочестія, что церковь должна утверждаться на нихъ, и что кто не соглашается съ ними, тотъ нечестивецъ, вообще называлъ ихъ точнымъ изложеніемъ вѣры Восточной церкви. Изъ числа догматовъ онъ коснулся при этомъ случаѣ ученія о пресуществленіи и относился къ нему отрицательно. Новый патріархъ и Константинопольскій Синодъ должны были все это выслушать. Разумѣется, подобная рѣчь приводила ихъ въ смущеніе и страхъ. Но они не рѣшились прервать его и осыпать упреками. День интроникаціи патріарха считался большимъ празднествомъ, омрачать котораго пререканіями архіереи не хотѣли. Оратора выслушали въ молчаніи [2]).

Прошло нѣсколько времени прежде чѣмъ Коридаллевсъ получилъ надлежащій отпоръ своимъ воззрѣніямъ. Сначала почему-то ждали, что самъ ораторъ покажетъ рас-

[1]) Σάθα, σελ. 250. Γεδεών, σελ. 76.

[2]) Въ «исторіи іерусалимскихъ патріарховъ», тамъ же (стр. 1172). Σάθα, σελ. 251—252.

каяніе въ томъ, что онъ наговорилъ; но такого не последовало. А главное дѣло, кажется, состояло въ томъ, что Парѳеній I, питая благорасположеніе къ Коридаллевсу, желалъ щадить его. Но затѣмъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, патріархъ нашелъ нужнымъ поручить какому-либо свѣдущему человѣку публичное опроверженіе вышеуказанной рѣчи. Выборъ палъ на константинопольскаго іерокирикса Мелетія Сирига, который еще предшественникомъ Парѳенія I-го вызванъ былъ изъ Александріи въ Константинополь для борьбы съ религіозными идеями разсѣеваемыми Лукарисомъ и Коридаллевсомъ во вредъ православію. Днемъ для публичнаго изобличенія указаннаго лица былъ избранъ праздникъ (недѣля) св. Отецъ въ октябрѣ тогоже 1639 года. Сиригъ взошелъ на амвонъ и въ энергической проповѣди возсталъ противъ Лукариса и тѣхъ мыслей, которыя недавно были выражены его апологетомъ Коридаллевсомъ. Этого послѣдняго онъ приравнивалъ къ такимъ древнимъ врагамъ христіанства, какъ философъ Порфирій и къ такимъ еретикамъ, какъ Оригенъ, Аэцій, Евномій и Филопонъ, не чуждымъ философскихъ познаній. Нужно при этомъ помнить, что Коридаллевсъ въ свое время славился преимущественно, какъ философъ. Сиригъ между прочимъ говорилъ, что Коридаллевсъ скорѣе можетъ называться „богоненавистникомъ" (μισόθεος), чѣмъ „боголюбцемъ" (Θεόφιλος). Онъ въ частности разбиралъ его ложныя мнѣнія и въ особенности опровергалъ его лжеученіе относительно таинства Евхаристіи, такъ какъ Ѳеофилъ не признавалъ пресуществленія даровъ. Случилось такъ, что и самъ Коридаллевсъ, присутствуя въ храмѣ, долженъ былъ выслушать эту непріятную для него проповѣдь. Мало того: возникло народное движеніе, направившееся противъ вольнодумнаго богослова, и послѣдній едва спасся отъ народнаго мщенія, тайно убѣжавъ изъ церкви. Онъ нашелъ себѣ убѣжище въ домѣ дружественнаго ему архонта Димитрія Іуліана (или Гуліана) и потомъ началъ здѣсь снова преподаваніе наукъ, излагая, по выраженію Досиѳея Іерусалимскаго, вмѣсто богословія кальвинизмъ и вмѣсто философіи атеизмъ [1]).

[1]) «Исторія іерусалимскихъ патріарховъ», тамъ же. Σάθα, 251—2. Γεδεὼν, 80.

Дальнѣйшій фактъ въ жизни Коридаллевса представляетъ собой полную неожиданность. Этотъ заблуждающійся человѣкъ снова принимаетъ отринутое-было имъ монашество и дѣлается митрополитомъ Навпактскимъ и Артскимъ, и это произошло очень скоро, въ ноябрѣ 1640 года. Возведеніе Коридаллевса въ архіереи стараются объяснять тѣмъ, что будтобы онъ принесъ раскаяніе въ своихъ заблужденіяхъ, но послѣдующая его жизнь не доказываетъ этого. Вѣроятнѣе всего предполагать, что такое явленіе произошло вслѣдствіе излишняго послабленія со стороны патріарха Пароенія I-го, благоволившаго къ Коридаллевсу и можетъ быть не совсѣмъ холодно относившагося къ затѣямъ Кирилла Лукариса. Впрочемъ указанное лице не долго продержалось на митрополичьей каѳедрѣ—оно было смѣщено. Случилось такъ или вслѣдствіе того, что онъ оказался (чего и можно было ожидать) нетвердымъ въ догматахъ, или вслѣдствіе того, что онъ былъ крайнѣ неопытенъ въ дѣлахъ церковнаго управленія. Къ тому же о немъ говорятъ, что, принимаясь по обязанности архіерея за рѣшеніе тѣхъ или другихъ дѣлъ, хотя бы и церковныхъ, онъ позволялъ себѣ смѣяться надъ ними [1]).

О Ѳеофилѣ Коридаллевсѣ разсказываютъ слѣдующій анекдотъ, характеризующій его вольнодумство по вопросу о пресуществленіи въ таинствѣ Евхаристіи. Однажды къ нему пришелъ какой-то архіерей, котораго онъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ. Дѣло, повидимому, происходило въ Аѳинахъ. За обѣдомъ гость спросилъ хозяина: почему онъ не употребляетъ рыбы. Въ отвѣтъ Коридаллевсъ сказалъ, что онъ могъ бы имѣть даже чернильную рыбу (σηπιά, сепія,—молюскъ, составлявшій любимое блюдо древнихъ аѳинянъ), если бы онъ захотѣлъ того. Гость на это замѣтилъ, что вѣдь это дорогая рыба и что ее затруднительно найти въ данное время въ виду большаго спроса на нее. И въ отвѣтъ услышалъ слѣдующее: благій владыко, нынѣ стоитъ только благословить твою подошву и отдать ее повару для приготовленія и ты будешь уже сытъ. Но такъ какъ гость недоумѣвалъ, то хозяинъ прибавилъ въ поясненіе: не удивляйся, ибо кто обладаетъ властію претворять хлѣбъ въ тѣло Христово, тотъ еще

[1]) Σάθα, 253. Γεδεών, 78.

легче можетъ превратить въ чернильную рыбу подошву [1]).

Лишившись митрополичьей каѳедры Коридаллевсъ впалъ въ бѣдность и не смотря на старость, вынужденъ былъ приняться за преподаваніе наукъ. Онъ умеръ въ 1645 году.—Между учениками его встрѣчаемъ нѣкоего Стефана, сдѣлавшагося преподавателемъ въ Аѳинахъ и заявлявшаго себя полнымъ атеизмомъ. Въ одномъ трактатѣ (къ ученику Евгенію этолійскому) Коридаллевсъ открыто защищалъ кальвинское ученіе о Евхаристіи; а въ первомъ изъ числа изданныхъ его (въ Лондонѣ) писемъ—находятся похвальныя рѣчи относительно Кирилла Лукариса [2]).

Если при одномъ случаѣ, въ 1644 году Мелетій Сиригъ писалъ: „преисполнился міръ всякой смуты отъ лютеранъ и кальвинистовъ, смущаютъ они бѣдныхъ христіанъ (православныхъ) и говорятъ, чтобы ихъ догматы слушали, и простые люди имъ вѣрятъ“ [3]), то, безъ сомнѣнія, онъ здѣсь разумѣетъ ту смуту, какую производила проповѣдь Коридаллевса, направленная въ защиту идей Лукариса и протестантскаго лжеученія.

Максимъ Каллиполитъ.—Какъ думаютъ, Максимъ такъ называется потому, что былъ родомъ изъ Каллиполя. Греческіе историки единогласно признаютъ его ученикомъ Кирилла Лукариса (такъ поступаютъ Досиѳей, Мелетій аѳинскій, Сата, Киріакъ), но конечно они такъ называютъ его не потому, что Кириллъ былъ его учителемъ (Лукарисъ не проходилъ должности преподавателя), а потому, что Максимъ былъ близокъ къ нему и былъ пропитанъ его протестантскими мнѣніями. По словамъ Саты, Максимъ „былъ напоенъ ядомъ ереси (протестантства) и сдѣлался пригоднымъ органомъ для нея“ [4]). Дѣйствительно, все, что мы знаемъ о Каллиполитѣ, свидѣтельствуетъ, что онъ принадлежалъ къ числу ревностныхъ членовъ того протестантскаго кружка, какой образовался около Кирилла Лукариса. Правда, дѣятельность Калли-

---

[1]) Pichler, 48.

[2]) Σάθα, 253. Pichler, ibid.

[3]) (Муравьева). Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ. Часть II, 306. Спб., 1860.

[4]) Σάθα, 309.

юлита не обширна: онъ извѣстенъ лишь переводомъ Новаго Завѣта на простонародный греческій языкъ; но во всякомъ случаѣ обстоятельства, при какихъ возникъ этотъ переводъ достаточно показываютъ, какія стремленія направляли ходомъ предпріятія. Исторія этого перевода въ настоящее время можно сказать вполнѣ разъяснилась. Переводъ Новаго Завѣта на простонародный греческій языкъ совершенъ въ Константинополѣ вышеназваннымъ Максимомъ Каллиполитомъ при участіи патріарха Кирилла Лукариса, по настоянію извѣстнаго Корнелія Гагена, голландскаго посланника при Портѣ, и Антона Лежера, капеллана этого посланника. Еще въ началѣ 1632 года Гагенъ писалъ голландскому правительству, что указанный переводъ законченъ. Онъ утверждалъ, что осталось только еще разъ свѣрить переводъ съ оригиналомъ, что можетъ лучше всякаго другого сдѣлать Кириллъ Лукарисъ, если многочисленныя его занятія позволятъ ему посвятить себя этому дѣлу. Гагенъ предполагаетъ, когда будетъ исполнено и это послѣднее дѣло, послать переводъ для печатанія въ Женеву. Книга должна быть напечатана, по его предположенію, въ два столбца: въ одномъ имѣлось въ виду отпечатать древне-греческій текстъ, а въ другомъ—новый простонародный переводъ его. Такъ впослѣдствіи, нужно сказать, и было сдѣлано. Въ октябрѣ голландское правительство сочло нужнымъ обратиться къ одному изъ профессоровъ лейденскаго университета съ такими вопросами: необходимо ли печатаніе вышеуказаннаго перевода и нѣтъ ли основаній опасаться, что переводъ подобнаго рода вызоветъ споры и раздѣленіе между Греками. Спрашиваемый профессоръ высказался въ пользу печатанія перевода и тѣмъ содѣйствовалъ успѣху предпріятія. Въ томъ же октябрѣ голландское правительство постановило такое рѣшеніе: переводъ напечатать и мѣстомъ изданія Новаго Завѣта избрать Женеву, экземпляровъ изготовить 1500, которые потомъ переслать Гагену для раздачи, кому онъ заблагоразсудитъ. Но печатаніе Новаго Завѣта съ переводомъ на простонародный греческій языкъ пошло не такъ быстро, какъ желали того лица, заинтересованныя дѣломъ. Явилось не мало препятствій. Главнымъ изъ нихъ нужно считать

неожиданную смерть самого переводчика Максима Каллиполита, умершаго 24 сентября 1633 года въ Константинополѣ и погребеннаго на островѣ Халкѣ. Въ донесеніи, полученномъ въ Женевѣ, о событіи переводчикъ названъ: ὁ παπᾶς, изъ чего видно, что онъ имѣлъ санъ священника [1]). Другое препятствіе къ быстрому печатанію книги составляло то, что пересмотръ перевода потребовалъ много времени. Этимъ дѣломъ занялся самъ Кириллъ, а такъ какъ свободнаго времени у патріарха было немного, то свѣрка шла медленно. Изъ сохранившагося до насъ письма его къ Лежеру видно, что совѣтникомъ патріарха въ этомъ случаѣ былъ этотъ послѣдній протестантскій пасторъ. Въ письмѣ между прочимъ идетъ рѣчь о наилучшемъ переводѣ нѣкоторыхъ изреченій изъ Посланія къ Римлянамъ. Въ 1634 году переводъ былъ окончательно готовъ къ печати, но тутъ явилась новая помѣха: нужно было найдти корректора для печати и выслать его въ Женеву, а это тоже сопряжено было съ затрудненіями. Расходы по напечатанію изданія взяло на себя голландское правительство. Въ 1633 году голландское казначейство выдало на расходы 2500 франковъ, а въ слѣдующемъ году еще такую же сумму. Потомъ оказалось, что всѣхъ этихъ денегъ было недостаточно для приведенія дѣла къ окончанію. Печатаніе шло медленно, изданіе появилось только въ 1638 году, въ годъ смерти Кирилла, скончавшагося прежде, чѣмъ онъ увидалъ экземпляръ Новаго Завѣта съ переводомъ. Вѣроятно, кончина этого патріарха была причиною, почему замедлилась пересылка печатныхъ экземпляровъ Новаго Завѣта въ Константинополь. Только весной уже въ 1645 году Корнелій Гагенъ получилъ въ Константинополѣ шесть коробовъ, заключавшихъ въ себѣ четыреста экземпляровъ книги [2]). Остальные экземпляры рѣшено было послать туда же въ самомъ непродолжительномъ времени, но однако и въ 1666 году они еще лежали на мѣстѣ, безъ движенія. Нѣкоторые изъ нихъ

---

[1]) Точнѣе сказать: санъ іеромонаха.

[2]) Досиѳей, а за нимъ Сата и другіе утверждаютъ, что переводъ Новаго Завѣта распространенъ былъ на Востокѣ въ тысячахъ экземпляровъ, но, какъ видимъ, ничего такого на самомъ дѣлѣ не было, да и быть не могло.

ъ такомъ положеніи оставались до 30-хъ годовъ XVIII-го ѣка [1]). Разсматриваемый нами Новый Завѣтъ съ переодомъ выпущенъ былъ въ двухъ томахъ: въ первомъ аключались Евангелія, а въ другомъ прочія книги новоавѣтныя.

Какъ сказано выше, экземпляры книги отправлены ыли въ Константинополь въ 1645 году. По полученіи хъ Гагенъ убѣдилъ тогдашняго патріарха Парѳенія II-го устить ихъ въ обращеніе. Но тутъ случилось событіе, оторое послужило къ тому, что кредитъ перевода былъ одорванъ. Лишь только переводъ началъ распространяться въ народѣ, противъ него выступилъ уже извѣстный намъ іерокириксъ Мелетій Сиригъ. Однажды произося проповѣдь въ патріаршей церкви, онъ взялъ изъ укъ прислужника два тома перевода, началъ доказывать, то переводъ этотъ дѣло нечестивое, и громкимъ голоомъ возгласилъ, что и переводчикъ, и печатавшіе книгу, читающіе ее, и содѣйствующіе распространенію или тенію ея православными, что всѣ эти лица не христіане подлежатъ анаѳемѣ. Это произошло неожиданно и прозвело великій соблазнъ. И самъ патріархъ былъ смущенъ разгнѣвался на самоволіе Сирига; онъ сослалъ этого эслѣдняго на о. Хіосъ, принимая во вниманіе не одно ѣло съ переводомъ, но имѣя и другіе поводы къ тому. ажно однакожъ не это, а то, что послѣ всего разсказанаго трудъ, надъ которымъ такъ усердно работали Лукаисъ и Каллиполитъ, сдѣлался запретнымъ плодомъ въ эеческой церкви [2]). Впослѣдствіи ни одинъ соборъ, ни динъ греческій теологъ не ссылаются на это изданіе.

Грекъ Александръ Елладій, писавшій въ началѣ XVIII-го ѣка, говоритъ о переводѣ съ полнымъ неудовольствіемъ. нъ находилъ, что отъ перевода многія мѣста Новаго авѣта лишь затемнились, исказились, получили обоюдый смыслъ, т. е. онъ находилъ [3]), что переводъ сдѣланъ ылъ неправильно и неудачно. Онъ утверждаетъ даже,

---

1) Legrand. Tome I, p. 376—388.

2) Μελετίου. Т. III, 450. «Исторія іерусалимскихъ патріарховъ» (на грекомъ яз.), кн. 11, гл. 10 § 4, стр. 1173.

3) Helladii. Status praesens ecclesiae Graecae, p. 292 et caet.

что Грекъ, если внимательно станетъ читать этотъ переводъ, не раздумывая броситъ его въ огонь [1]).

Но возникаетъ вопросъ: можно ли разсматриваемый переводъ относить къ фактамъ, служащимъ къ выраженію протестантскихъ тенденцій? Вѣдь, переводъ могъ служить дѣйствительной пользѣ православнаго читателя — Грека, содѣйствуя его религіозному просвѣщенію, особенно, если взять во вниманіе, что древне-греческій языкъ многимъ новѣйшимъ Грекамъ представлялся недостаточно понятнымъ? Разумѣется, не всякій переводъ Библіи имѣетъ въ виду какія либо заднія цѣли. Но къ такого рода переводамъ нельзя относить трудъ Максима Каллиполита. О разсматриваемомъ переводѣ хлопочутъ, а иногда и тратятъ на него большія суммы денегъ, все такія лица, которыя оченъ мало заботились о просвѣщеніи греческаго народа въ духѣ православія. Руководителями дѣла являются представители голландскаго правительства—кальвинисты, женевцы—тоже кальвинисты, Лежеръ, Корнелій Гагенъ, Лукарисъ. Приписывать имъ желаніе утвердить въ греческомъ народѣ начала православія мы не имѣемъ никакихъ основаній: Кириллъ Лукарисъ и его исторія ясно свидѣтельствуютъ о совершенно противоположномъ. Нужно помнить, что протестантскіе сектанты, желая дѣйствовать въ своемъ духѣ между людьми православными и достигнуть успѣха для своей пропаганды между ними, всегда очень стараются распространять переводъ Новаго Завѣта въ общедоступномъ для нихъ изложеніи, въ разсчетѣ обнаружить для читателя разность между апостольскимъ и позднѣйшимъ положеніемъ христіанской церкви и тѣмъ возбудить въ немъ мысль о возвращеніи церкви къ ея первоначальному положенію; а какъ скоро эта мысль возбуждена, почва для пропаганды оказалась разчищенною. Нельзя сомнѣваться, что сюда направлены были намѣренія руководителей простонароднаго греческаго перевода. Впрочемъ эти наши мысли имѣли бы лишь условное проблемматическое значеніе, еслибы мы лишены были возможности найти для нихъ какое-либо подтвержденіе. Къ счастію, мы находимъ такое подтвержденіе. Переводъ былъ изданъ съ двумя предисловіями

1) Helladii. Ibidem, p. 295.

греческаго происхожденія: одно написано было Каллиполитомъ, а другое Лукарисомъ. Оба эти предисловія заслуживаютъ большого вниманія съ нашей точки зрѣнія. Каллиполитъ разсуждаетъ о необходимости чтенія Св. Писанія слѣдующимъ образомъ: по изреченію апостола, все, что не отъ вѣры проистекаетъ, есть грѣхъ, вѣра же проистекаетъ отъ слова Божія; поэтому каждое дѣйствіе, не основывающееся на Св. Писаніи, проистекаетъ не отъ вѣры и составляетъ грѣхъ [1]). Здѣсь, какъ видимъ, св. Писаніе указывается въ качествѣ единственнаго руководителя въ жизни христіанина, при чемъ исключается руководительство церкви. Въ этомъ же предисловіи авторъ приводитъ многія изреченія св. отцевъ церкви, напр. Василія Великаго, Златоуста и отчасти Аѳанасія Великаго; но изъ этихъ изреченій дается читателю извлекать мысль, что чтеніе св. Писанія и его пониманіе не требуютъ вспомоществованія со стороны предстоятелей церкви. При одномъ случаѣ, со ссылкою на Василія Великаго, авторъ прямо навязываетъ читателю протестантское воззрѣніе, что неясныя мѣста Св. Писанія совершенно достаточно уясняются другими въ немъ, болѣе ясными, причемъ святоотеческая экзегетика намѣренно оставляется въ тѣни [2]). Въ такомъ же родѣ и предисловіе Кирилла Лукариса. Здѣсь онъ раскрываетъ мысли, которыя были имъ выражены въ извѣстномъ его „Исповѣданіи". Онъ говоритъ, что въ Св. Писаніи мы находимъ всѣ событія изъ жизни Господа, ученіе и предписанія, данныя Имъ для нашего спасенія; все, чему необходимо научиться вѣрующему, все ученіе Господа заключается въ евангеліяхъ. Разсужденія эти дѣлаютъ почти излишнимъ участіе церкви въ совершеніи своего спасенія человѣкомъ: изъ чтенія Св. Писанія этотъ послѣдній узнаетъ то, что ему потребно знать въ этомъ случаѣ. Затѣмъ Кириллъ добавляетъ, что въ въ Св. Писаніи все ясно и понятно, потому что Духъ святый научаетъ избранныхъ всему [3]). Здѣсь повторяется мысль, находящаяся во второмъ вопросо-отвѣтѣ его „Исповѣданія", при чемъ подъ именемъ „избранныхъ" здѣсь

[1]) Legrand, I, 363—364.
[2]) Legrand, 369.
[3]) Ibidem, 371.

разумѣются не представители церкви, а люди, предопредѣленные ко спасенію въ смыслѣ протестантскаго ученія. И Каллиполитъ и Лукарисъ—оба выставляютъ Гагена главною пружиною, заправлявшею предпріятіемъ по изданію Новаго Завѣта и оба они за это испрашиваютъ ему милостей отъ Бога: первый пишетъ, что Гагенъ получитъ заслуженную имъ мзду отъ Бога при второмъ пришествіи Христа, а второй (Лукарисъ) призываетъ благословенія Христа на это благое и богоугодное дѣло голландскаго посланника [1]). Такимъ образомъ, вообще есть достаточно основаній считать дѣло перевода за извѣстнаго рода обнаруженіе протестантскихъ тенденцій. Такъ смотрѣла и греческая церковь XVII-го вѣка. Переводъ долженъ быть поставляемъ рядомъ съ „Исповѣданіемъ" Кирилла: онъ долженъ былъ служить какъ бы восполненіемъ этого послѣдняго и во всякомъ случаѣ шагомъ впередъ на томъ пути, на которомъ стоялъ уже Кириллъ Лукарисъ.

Наванаилъ Канопій. — Онъ былъ родомъ съ острова Кипра и былъ протосинкелломъ при патріархѣ Кириллѣ Лукарисѣ. Подобно этому послѣднему, показывалъ себя приверженцемъ протестантизма. Посѣщалъ Англію и Голландію, но это было, кажется, уже по смерти Кирилла. Въ Голландіи, прельстившись дарами и лестными обѣщаніями, Канопій принялъ на себя трудъ перевода на греческій языкъ богословскихъ наставленій Іоанна Кальвина (т. е. Institutiones Кальвина) [2]), съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы потомъ распространить это сочиненіе между Греками. Но привелъ ли онъ въ исполненіе это дѣло, остается неизвѣстнымъ. — Отъ Канопія дошло до насъ любопытное описаніе смерти Кирилла Лукариса, находящееся въ греческомъ письмѣ его къ извѣстному уже намъ Антону Лежеру. „Письмо это, по увѣренію Пихлера, почитается кальвинистами, какъ своего рода апостольское Посланіе". Содержаніе письма Канопія таково: „Страшнѣйшее несчастіе постигло насъ, такъ какъ Кириллъ

1) Ibidem, 370. 375.

2) Ζαβίρα. Νέα 'Ελλὰς, σελ. 476. Аѳины, 1872. По словамъ Саты (σελ. 403). Канопію поручали перевести «наставленія» Лютера, но это очевидно ошибка.

Контарисъ (сдѣлавшійся преемникомъ Лукариса по смерти его), это орудіе діавольское еще разъ разбойнически низвергъ съ патріаршей каѳедры святѣйшаго и православнѣйшаго патріарха и—ужаснись солнце, подвигнись земля, возрыдай учитель" (такъ наименованъ здѣсь кальвинистъ—пасторъ Лежеръ), „смѣшай свои слезы съ нашими—убилъ праведника, мужа благочестиваго, который столь долго времени былъ убѣжищемъ благочестія" (т. е. конечно, кальвинизма); увы, кто дастъ главѣ моей воду и очамъ моимъ источники слезъ, чтобы я могъ непрестанно оплакивать этого мужа, котораго погубили нечестивые паписты" (самъ Кириллъ тоже любилъ выставлять папистовъ крайними интриганами); увы, увы исчезли мои тѣлесныя силы и моя душа не въ тѣлѣ моемъ". Затѣмъ повѣствуется, при какихъ обстоятельствахъ Кириллъ Контарисъ возвелъ обвиненіе на патріарха въ политическомъ преступленіи и султанъ далъ приказаніе умертвить его. Послѣ этого Канопій продолжаетъ такъ: „Пятеро палачей съ Ахметомъ Агою во главѣ неожиданно схватили престарѣлаго патріарха и повели его въ укрѣпленный замокъ на западномъ берегу Босфора. Я посѣтилъ его здѣсь и выпросилъ у него позволеніе спастись бѣгствомъ въ Англію" (симпатіи Лукариса всегда склонялисъ въ пользу протестантской Англіи, сюда же онѣ склоняются и у его протосинкелла); „но такъ какъ изъ боязни предъ стражей онъ не рѣшился писать письмо, то отправилъ меня къ англійскому посланнику. Едва я счастливо избѣжалъ стражи, какъ около девяти часовъ пришли къ нему 15 янычаровъ, два судьи и палачъ, и такъ какъ Варавва (т. е., конечно, Кириллъ Контарисъ) получилъ свободу, то Іисуса (!) повели на смерть" (авторъ очевидно дерзаетъ проводить параллель между Господомъ Христомъ и Лукарисомъ!). „Подъ тѣмъ предлогомъ, что у семибашеннаго замка, въ Санъ-Стефано, приготовленъ корабль, на которомъ его отправятъ въ ссылку, они посадили патріарха на лодку. Блаженный патріархъ не вѣрилъ ихъ словамъ, а потому палъ на колѣна и со слезами вознесъ молитву Богу. Когда на заходѣ солнца прибыли они въ назначенное мѣсто, сдѣланъ былъ роздыхъ, а съ наступленіемъ ночи патріархъ былъ удавленъ рукою палача. Одежды

они сняли съ него и раздѣлили между собою (опять уподобленіе Христу) и продали ихъ на слѣдующее утро на городскомъ рынкѣ, говоря, что это одежды патріарха. Но какъ скоро народъ, Турки (!), Іудеи (!), христіане и Армяне (!) услыхали объ этомъ, поднялся плачъ и возстаніе противъ новаго узурпатора (т. е. Кирилла Контариса), который, не довольствуясь тѣмъ, что незаконнымъ образомъ захватилъ каѳедру, погубилъ законнаго патріарха. Многіе христіане пошли къ убійцѣ и взывали: Пилатъ, отдай намъ мертваго для погребенія (опять приноравливаніе къ евангельскому разсказу). Но преступникъ дѣлалъ видъ, что онъ ничего не знаетъ о случившемся; напрасно они просили такъ же и каймакана (турецкій сановникъ), благорасположеніемъ котораго пользовался убійца. Въ слѣдующую же ночь приказано было бросить тѣло убитаго въ море. Однакожъ чудесная тѣнь, которая вздымалась надъ святымъ тѣломъ, указала его христіанамъ, и они тайно извлекли его изъ моря и погребли въ монастырѣ св. Андрея, пока, по изгнаніи Контариса, преемникъ послѣдняго (Парѳеній I) не отдалъ ему торжественно погребальныхъ почестей. Такъ исповѣдникъ истины—заканчиваетъ Канопій—воспріялъ вѣнецъ мученичества 26 іюня, 1638 года" [1]). Изъ предпослѣднихъ словъ, въ которыхъ сказано, что преемникъ Контариса воздалъ почести тѣлу Кирилла Лукариса, открывается, что описаніе сдѣлано нѣсколько послѣ событія.—Въ устахъ протестантствующаго богослова описаніе страданій Кирилла за истину и его исповѣдничества имѣетъ одинъ смыслъ и очень ясный.

Другихъ какихъ либо свѣдѣній о Канопіи не имѣется.

Іоаннъ Каріофиллъ.—Онъ родился въ началѣ XVII-го вѣка въ селеніи Каріи, принадлежавшемъ къ Дерконской епархіи, близъ Константинополя. Происходилъ изъ бѣднаго семейства, а потому въ очень молодомъ возрастѣ отправленъ былъ въ Константинополь и отданъ одному ювелиру для изученія этого рода мастерства. Но имѣя очень хорошія умственныя способности, онъ занялся также и наукой, а впослѣдствіи прошелъ курсъ патріаршей школы въ Константинополѣ. Главнымъ руководителемъ его въ

[1]) Pichler, S. 175—177. Архим. Арсенія. Патр. Кириллъ Лукарисъ, стр. 180—182.

наукѣ былъ извѣстный уже намъ Ѳеофилъ Коридаллевсъ. Утверждаютъ, что этотъ греческій ученый не только обогатилъ Каріофилла научными познаніями, но и передалъ ему нѣкоторыя протестантскія идеи, усвоенныя самимъ Коридаллевсомъ. Вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства, онъ, по выраженію одного греческаго историка, сдѣлался „соблазномъ и искушеніемъ для (греческой) церкви Божіей“. Дѣло началось съ того, что Каріофиллъ написалъ какое-то сочиненіе касательно таинства Евхаристіи, проводившее протестантскія воззрѣнія; это сочиненіе въ рукописи онъ давалъ читать греческимъ христіанамъ на соблазнъ имъ. Не смотря на скрытность, извѣстіе о распространеніи вышеуказаннаго сочиненія дошло до слуха тогдашняго патріарха Парѳенія II-го, который призвалъ автора къ себѣ и изобличивъ его въ неправомысліи, хотѣлъ отлучить Каріофилла отъ церкви. Но до отлученія его дѣло не дошло. За него заступился предъ патріархомъ очень почтенный человѣкъ, экономъ великой церкви, доводившійся тестемъ Каріофиллу; да и самъ авторъ отрекся отъ своего сочиненія, осудивъ его и заключавшееся въ немъ ученіе [1]). Затѣмъ, Каріофиллъ занялъ мѣсто преподавателя въ патріаршей школѣ (въ 1646 году, а можетъ быть и ранѣе). А впослѣдствіи онъ сдѣлался такъ называемымъ великимъ логоѳетомъ. Въ первой должности онъ состоялъ до 1665 года, а во второй до 1691.

Мы указали выше, что Каріофиллъ отказался отъ усвоенныхъ имъ протестантскихъ воззрѣній на Евхаристію, но едвали это отреченіе было искренно съ его стороны. Во всякомъ случаѣ, съ теченіемъ времени, онъ опять возвращается къ прежнему ученію, всѣдствіе чего возникаетъ много смутъ въ Константинополѣ. Начало смутъ положено слѣдующимъ обстоятельствомъ: одинъ любознательный іеромонахъ изъ Яннины прибылъ въ Константинополь (это было въ 1689 г.) съ тѣмъ, чтобы попросить у Каріофилла, бывшаго въ то время великимъ логоѳетомъ и слывшаго за человѣка очень мудраго, разрѣшенія нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ церковныхъ вопросовъ. Логоѳетъ удовлетворилъ любознательнаго священнослу-

[1]) Γεδεών, σελ. 87. Ζαβίρα, 361—362. Δοσιθέου πατριάρχου. Ἐγχειρίδιον κατὰ Ἰωάννου τοῦ Καρυοφύλλη (Legrand, tome III, p. 32—33).

жителя, но при этомъ далъ ему списокъ небольшаго разсужденія, въ которомъ доказывалось, что „великое препятствіе для спасенія христіанъ заключается въ допущеніи пресуществленія въ таинствѣ Евхаристіи". Разсужденіе это было написано въ духѣ софистическомъ, а потому многіе стали его списывать, считая его очень полезнымъ. Патріархъ іерусалимскій Досиѳей, находясь въ то время въ Адріанополѣ, и услыхавъ о распространеніи Каріофилломъ вышеуказаннаго лжеученія, писалъ ему, чтобы онъ пересталъ распространять противное православію ученіе, но послѣдній не слушался этого вразумленія. Мало того: когда самъ Досиѳей прибылъ въ Константинополь для борьбы съ новымъ ученіемъ, Каріофиллъ, пользуясь своими связями въ столицѣ, вынудилъ іерусалимскаго патріарха поспѣшно опять удалиться въ Адріанополь. Затѣмъ, Каріофиллъ написалъ еще какія-то тетради, въ которыхъ хотя онъ и доказывалъ, что онъ собственно возстаетъ только противъ выраженія: пресуществленіе, какъ выраженія, обязаннаго своимъ происхожденіемъ римско-католикамъ и вообще неправильнаго, но на самомъ дѣлѣ, какъ утверждаетъ Досиѳей, намѣреніе писателя клонилось къ отрицанію самого ученія о пресуществленіи. Нужно сказать, что и эти тетради Каріофилла тоже многими списывались и распространялись въ народѣ. Опять поднималась смута. Въ ученіи относительно Евхаристіи Каріофиллъ былъ приверженцемъ мыслей выраженныхъ его учителемъ Коридалевсомъ, который въ одномъ письмѣ къ своему ученику (священнику) Евгенію этолійскому писалъ, что въ ученіи о таинствѣ Евхаристіи онъ держится общепринятыхъ воззрѣній, отличаясь всецѣло лишь тѣмъ, что понимаетъ это таинство въ смыслѣ духовномъ [1]).

Что отрицательное отношеніе Каріофилла не ограничивалось выраженіемъ: пресуществленіе, но и простиралось и на сущность таинства, это видно изъ тѣхъ устныхъ отвѣтовъ, какіе онъ давалъ бесѣдовавшимъ съ нимъ по этому вопросу. Такъ, если его спрашивали: праведный и благочестивый человѣкъ, принимая Евхаристію, что пріемлетъ? Онъ отвѣчалъ: истинное тѣло и кровь

[1]) Δοσιθέου. Ἐγχειρίδιον (Legrand, III, 34). Ζαβίρα, σελ. 362—363.

эсподни. А если его затѣмъ спрашивали: а что пріемэтъ грѣшникъ, то онъ давалъ такой отвѣтъ: простой іѣбъ, т. е. кусокъ хлѣба, лишенный всякой святости. ъ подобныхъ отвѣтахъ современники усматривали обаруженіе протестантскихъ заблужденій Беренгарія и альвина [1]).

Чтобы положить конецъ смутѣ, въ 1691 году констанинопольскій патріархъ Каллиникъ II рѣшился собрать оборъ, который и дѣйствительно былъ созванъ въ субэту первой недѣли великаго поста и состоялъ изъ паэіарховъ, митрополитовъ и прочихъ священныхъ лицъ. а этомъ соборѣ Каріофиллъ, какъ это было съ нимъ раньше, отрекся отъ своего ученія и произнесъ осуденіе на свои сочиненія, о которыхъ мы упоминали. Въ иду того скораго и миролюбиваго окончанія собора, на эугой день въ недѣлю Православія патріархъ всенародно ь церкви объявилъ о результатѣ соборнаго дѣянія, разоралъ одну изъ тетрадей, написанныхъ Каріофилломъ, и эдвергъ анаѳемѣ всякаго, кто будетъ списывать ихъ, а е предавать огню [2]). Вышеуказанный соборъ между проимъ высказалъ слѣдующія мысли касательно Евхаристіи: въ каждой частицѣ евхаристическаго хлѣба и вина заключается не какая либо часть тѣла и крови Христовыхъ, о всецѣло Господь Христосъ, по Его сущности, то есть ь душею и Божествомъ, однимъ словомъ совершенный еловѣкъ и Богъ. Одно и тоже тѣло Христово находится а небѣ и присутствуетъ въ таинствѣ, но оно не снисхоитъ съ неба, а хлѣбъ и вино существенно претворяются ъ тѣло и кровь Христовы, и поэтому тѣло и кровь Госодни истинны и дѣйствительны, оставаясь однако неримыми въ таинствѣ. И хотя во вселенной приносится ного евхаристическихъ жертвъ, но Христосъ прибываетъ динъ". Соборъ защищалъ и употребленіе выраженія: ресуществленіе [3]).

Но и послѣ этого собора, какъ сейчасъ увидимъ, Каіофиллъ не измѣнилъ своихъ воззрѣній. Вскорѣ къ нему ришли нѣкоторые изъ заинтересованныхъ дѣломъ лицъ,

1) Δοσίθεου. Ἐγχειρίδιον, 34—35.
2) Ibidem, 35—36. Ζαβίρα, σελ. 363.
3) Heineccii. Abbildung der Griechischen Kirche. Anhang, S. 41. 46.

желая посѣтить его. И они услышали такія рѣчи: „знаете ли, почему я молчалъ на соборѣ? да потому же, почему и Христосъ молчалъ предъ Пилатомъ, сила побѣждаетъ". И вообще онъ не воздерживался отъ порицаній на соборъ. Поэтому въ непродолжительномъ времени созванъ былъ второй соборъ въ Константинополѣ противъ Каріофилла. На этомъ соборѣ онъ уже не молчалъ, а напротивъ, насколько возможно, защищалъ себя, причемъ онъ свидѣтельства древнихъ отцовъ старался перетолковать по своему, а о новыхъ писателяхъ церковныхъ говорилъ, что они погрѣшительно разсуждаютъ о пресуществленіи, и о церкви замѣчалъ, что она находится въ состояніи обольщенія. Соборъ рѣшился было предать его отлученію, но опять пощадилъ его въ виду того, что онъ соглашался принять опредѣленія собора и подписаться подъ ними [1]).

Во всякомъ случаѣ Каріофиллъ долженъ былъ покинуть Константинополь (въ 1693 г.). Онъ переселился въ Болгарію, гдѣ и проходилъ должность священника. Есть основаніе полагать, что и въ это время онъ продолжалъ держаться прежнихъ своихъ неправославныхъ воззрѣній, отъ которыхъ онъ отказывался лишь лицемѣрно. Разсказываютъ, что однажды митрополитъ Адріанопольскій спросилъ Каріофилла: можетъ ли лице, не имѣющее посвященія, совершать таинства (повидимому, рѣчь идетъ объ Евхаристіи)? Каріофиллъ далъ такой отвѣтъ: можетъ, потому что не священство, а только вѣра христіанская содѣлываетъ таинства. Эта мысль справедливо была признана явнымъ кальвинизмомъ.—Каріофиллъ въ Болгаріи и скончался.—Однимъ изъ самыхъ сильныхъ его противниковъ былъ Досиѳей Іерусалимскій, издавшій въ 1695 году сочиненіе, подъ заглавіемъ: „мечъ (ἐγχειρίδιον) на Іоанна Каріофилла"; въ этомъ сочиненіи онъ отводитъ ему мѣсто въ ряду съ Лютеромъ, Кальвиномъ, Кирилломъ Лукарисомъ и Коридаллевсомъ [2]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что и въ самомъ концѣ

---

[1]) Δοσιθέου Ἐγχειρίδιον, 36. Ζαβίρα. 363.

[2]) Δοσιθέου. Ἐγχειρίδιον, 31. Изъ этого сочиненія Досиѳея, поскольку оно отпечатано въ оригиналѣ у Леграна, мы приводили отрывки выше. Ζαβίρα, σελ. 364.

XVII-го вѣка протестантская смута, поднятая Лукарисомъ, не совсѣмъ прекратилась, хотя и доживала въ это время свои послѣдніе дни на почвѣ греческой церкви.

Въ древнія времена Константинопольская церковь, какъ бы отдавая дань времени, видѣла на своей каѳедрѣ немало патріарховъ, зараженныхъ тѣмъ или другимъ заблужденіемъ. Она видѣла на своей каѳедрѣ и аріанъ, наприм. Евсевія никомидійскаго, Македонія, и главу несторіанства, Несторія, и явныхъ монофизитовъ въ родѣ Акакія, и явныхъ моноѳелитовъ: Сергія, Пирра, а также иконоборцевъ — Анастасія, Константина; видѣла она здѣсь и патріарховъ уніатовъ, преклонившихъ главу въ послушаніе римско-католицизму, разумѣемъ, наприм. Германа III, Іоанна Векка, Іосифа II. Чѣмъ болѣли другія, переболѣла и она. Что же удивительнаго, если оказалось, что не была застрахована она и отъ возможности протестантскихъ увлеченій. Кириллъ Лукарисъ протянулъ руку протестантизму и заразился этимъ лжеученіемъ; около него и подъ его вліяніемъ создался кружокъ протестантствующихъ греческихъ богослововъ. Явленіе—не представляющее ничего необъяснимаго... Все это дѣло естественное. Протестантизмъ привлекъ и увлекъ очень многихъ христіанъ, представляя собой не мало обольстительнаго. Лукарисъ и другіе съ нимъ отдали лишь дань времени. Въ исторіи греческой церкви это явленіе было какъ бы болѣзненнымъ кризисомъ, перенеся который она сдѣлалась невоспріимчивою къ этой болѣзни, укрѣпилась для борьбы съ этимъ врагомъ ея благополучія. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ XVII-го вѣка, протестантизмъ не имѣлъ уже никакихъ успѣховъ среди греческой церкви. Ея самостоятельность съ этой стороны сильно защищена. Западное новшество не стало прельщать и увлекать. Jamais, depuis lors, la Réforme n' a pu sérieusement entamer l' Orthodoxie grecque, замѣчаетъ Эмиль Легранъ (T. IV, Préface, p. X.).

Религіозная жизнь и нравы Греко-восточныхъ христіанъ [1]).

(Изъ исторіи Греко-восточной церкви отъ паденія Константинополя, въ 1453 г., до настоящаго времени).

I.

(Численность храмовъ,—благоустройство ихъ,—наблюденіе за ними,—колокола и звонъ въ нихъ,—била и клепала, — церковное пѣніе. — Совершеніе богослуженія и свойства этого совершенія,—посѣщеніе храмовъ народомъ,—благоповеденіе въ храмахъ.—Богослуженіе:—перечень многочисленныхъ, но небольшихъ по своему значенію особенностей въ практикѣ литургійнаго богослуженія;—мелкія бытовыя отличія въ совершеніи таинствъ крещенія и миропомазанія; — практика таинства покаянія: разрѣшительныя грамоты патріарховъ (индульгенціи?), а также чтеніе ими разрѣшительныхъ молитвъ безъ предварительной исповѣди разрѣшаемаго; свидѣтельства объ указанныхъ разрѣшительныхъ грамотахъ отъ XV-го в. до конца XIX-го; обрядъ отлученія тяжкаго грѣшника,—и обрядъ возсоединенія его съ церковію, послѣ смерти;—функціи священства: учить и проч. и замѣчанія о приведеніи ихъ въ осуществленіе въ исторіи изучаемыхъ временъ (проповѣдничество и особое учрежденіе духовниковъ); — бытовыя особенности въ практикѣ остальныхъ таинствъ.—Особые обряды и обычаи при погребеніи—въ XVII-мъ и XIX вѣкахъ,—обычай изъятія костей покойниковъ изъ земли и проч.—Къ вопросу о пріумноженіи лика Святыхъ.—Обычай при водоосвященіи въ день Богоявленія.—Изъ области суевѣрій.—Посты и ихъ соблюденіе.—Домашнее благочестіе.—Отзывъ профес. Киріака о греческомъ благочестіи).

Число храмовъ въ Византійской имперіи до времени ея паденія при Магометѣ II было очень значительно: Греки отличались религіозностію. Но владычество Турокъ, какъ и естественно было ожидать, повело къ весьма замѣтному уменьшенію числа храмовъ въ православной Греко-восточной церкви. Это удобнѣе всего наблюдать на исторіи главнѣйшаго изъ городовъ Греціи—Константинополя. Въ Константинополѣ во время его завоеванія Турками было до 86 храмовъ, посвященныхъ Христу, Бого-

[1]) Преимущественно въ бытовомъ отношеніи.

матери и Ангеламъ, а сколько было посвящено святымъ — неизвѣстно [1]). Часть этихъ храмовъ завоевателями обращена въ мечети. Остальные съ теченіемъ времени за ветхостію или недостаткомъ матеріальныхъ средствъ начали разрушаться; этимъ объясняется, что чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше число храмовъ въ бывшей Византіи убавлялось. Въ концѣ XVI вѣка въ Константинополѣ монастырей оставалось только 4: изъ нихъ одинъ въ честь св. Георгія Побѣдоносца и три въ честь Іоанна Предтечи; да въ ближайшихъ окрестностяхъ города было тоже 4 монастыря: изъ нихъ три на о. Халки. А церквей въ Константинополѣ въ это время въ рукахъ христіанъ оставалось 46 [2]). Къ концу XVII вѣка [3]) у христіанъ въ Константинополѣ было всего лишь 26 храмовъ. Затѣмъ число это къ срединѣ XVIII вѣка еще уменьшается: по извѣстіямъ одного путешественника въ это время православные Греки владѣли въ столицѣ Турціи лишь двадцатью церквами [4]). — Въ 30-хъ годахъ XIX-го вѣка извѣстный русскій путешественникъ Муравьевъ [5]) насчиталъ хотя не болѣе 25 церквей въ Константинополѣ; но очевидно, въ этомъ вѣкѣ число церквей здѣсь начинаетъ прибывать. Въ настоящее время число это и еще нѣсколько возрасло [6]).

[1]) Масловскаго. Внѣшнее состояніе православной церкви въ Турціи, стр. 230—31. (Духовн. Вѣстникъ, 1864 г.); Проф. Дмитріевскаго. Современное богослуженіе на правос. Востокѣ, стр. 86. Кіевъ, 1891.

[2]) Хожденіе Трифона Корабейникова, 1593 г., (Палестинскаго сборника, т. 27), стр. 85—89, 91—94.

[3]) Проф. Дмитріевскаго. Современное богослуженіе и т. д. Стр. 87.

[4]) Путешествіе отца Игнатія въ Царьградъ и пр., 1766—1776 г. (Палестинскій Сборникъ, т. 36), стр. 4.

[5]) Путешествіе по св. мѣстамъ, въ 1830 г. Часть I, стр. 62. Петерб., 1840.

[6]) Впрочемъ въ нѣкоторыхъ греческихъ провинціяхъ Турецкой имперіи число храмовъ было очень велико. Вотъ что наприм. извѣстно о Мореѣ и островахъ. «Въ Мореѣ и вообще на континентѣ деревня состояла изъ 7 и даже 3 домовъ, имѣла церковь и могла имѣть священника. Но такъ какъ менѣе 50 семей не могли пропитывать священника, то большая часть этихъ храмовъ оставались безъ службы и священника. А на островахъ было еще болѣе храмовъ. Такъ на островахъ Эгейскаго моря, въ области теперешняго греческаго королевства, при греческомъ народонаселеніи въ 17,000 семей было 502 церкви и 630 священниковъ; слѣдовательно на 26—27 семей приходился одинъ священникъ. Въ особенности на островахъ очень много было часовень; такъ на небольшомъ о. Скиросѣ въ срединѣ XVIII-го вѣка находилось 365 часовень» (Feldkirchen). Maurer. Das Griechische Volk. B. I, S. 408—409. Heidelberg. 1835.

По общему и единогласному свидѣтельству путешественниковъ и повѣствователей какъ и прежнихъ, такъ и нашего вѣка—греческія церкви бѣдны и некрасивы. Вышепоименованный русскій путешественникъ Муравьевъ говоритъ, что иногда „невозможно было различить снаружи церковь отъ простаго *сарая* и даже внутри ихъ бѣднѣйшій иконостасъ едва удостовѣрялъ, что это дома молитвы“ [1]). Сами Греки сознаютъ, что ихъ храмы весьма бѣдны и жалки, и сравниваютъ ихъ по виду со „складочными магазинами“ и даже „погребами“. Даже каѳедральные соборы не блещутъ великолѣпіемъ [2]). Одинъ грекъ свой невзрачный соборъ именовалъ пренебрежительнымъ именемъ большой таверны или казармы [3]). Иногда эта бѣднота и запущенность храмовъ достигала, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, невѣроятной степени. Нашъ знаменитый путешественникъ Григоровичъ-Барскій (XVIII в.) видѣлъ въ Яффѣ вотъ какую церковь; она была такъ бѣдна, какъ только возможно. Въ ней не было никакихъ украшеній внутри: ни образовъ, ни свѣтильниковъ. Мало того: въ церкви не было ни потолка, ни дверей, ни оконъ. Спрашивается что же было? Только три стѣны каменныхъ, да и тѣ были не цѣлы, а четвертая стѣна была полуразрушена: кровля тоже развалилась, осталась только небольшая часть ея надъ алтаремъ, и та была подперта бревномъ. На мѣстѣ иконостаса виднѣлась небольшая каменная стѣнка, такая же ветхая, какъ и церковь. Словомъ, говоритъ повѣствователь—это не церковь, а „аки единъ пустъ вертепъ“. Для служенія литургіи въ этой

[1]) Путешествіе по св. мѣстамъ. I, стр. 9.

[2]) Кстати сказать, что и «великолѣпіе» греческихъ храмовъ на человѣка съ изысканнымъ вкусомъ производитъ непріятное впечатлѣніе. Извѣстный архим. Антонинъ (Капустинъ) говоритъ, что Греки любятъ загораживать алтарную абсиду «тяжелымъ и безвкусно вычурнымъ съ драконами и птицами иконостасомъ съ выступающими верхними частями и какъ-бы падающимъ саженнымъ, поверхъ всего, крестомъ»; что они любятъ «навѣшивать сотни, если не тысячи, стеклянныхъ лампадъ и цѣлыхъ люстръ, болтающихся на цѣпяхъ и цѣпочкахъ, прутикахъ и веревочкахъ, утвержденныхъ или въ самыхъ мозаикахъ купола, или въ брусьяхъ, торчащихъ изъ стѣнъ или пересѣкающихъ діаметрально и сегментально, и всячески, пространство храма по всѣмъ направленіямъ», при чемъ подсвѣчники и канделябры Греки считаютъ «вольнодумствомъ и нечестіемъ». *Поѣздка въ Румелію.* Стр. 90—91. Петерб., 1879.

[3]) Архим. Антонина. Изъ Румеліи. Стр. 554. Петербургъ, 1886.

церкви приносились со стороны и священныя одежды, и свѣчи, и книги—все это по окончаніи службы относилось опять обратно [1]). Разумѣется, владѣльцы такого изумительнаго храма [2]) обвиняли во всемъ Турокъ, хотя часто Турки въ этомъ вовсе невиноваты. Туркамъ, кстати сказать, иногда даже воздаютъ чуть не похвалы за ихъ умѣнье сохранять замѣчательнѣйшіе христіанскіе археологическіе памятники. Греки, сами по себѣ, совсѣмъ не цѣнители достопочтенной древности. Чтобы не быть голословными, мы приведемъ свидѣтельство человѣка достопочтеннаго, покойнаго архимандрита Антонина, начальника Іерусалимской миссіи, извѣстнаго ученостью. Путешествуя по Румеліи въ шестидесятыхъ годахъ, онъ только тамъ встрѣчалъ интереснѣйшія христіанскія древности, гдѣ та и другая христіанская церковь перешла въ руки Турокъ. Подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній путешественникъ, обозрѣвъ одну мечеть, передѣланную изъ христіанскаго храма, замѣчаетъ: мы „усердно пожелали минарету не упасть немедленно по уходѣ нашемъ, нѣтъ, а напротивъ стоять и держаться прямо *до скончанія языкъ* (въ подлинникѣ курсивъ), охраняя христіанскій памятникъ отъ конечнаго разоренія. Живя на Востокѣ—прибавляетъ о. Антонинъ—иногда вынужденъ бываешь пожелать того, о чемъ противно и подумать на сѣверѣ—долголѣтія Магомету" [3]).

---

[1]) Григоровича-Барскаго. Странствованія по св. мѣстамъ Востока (1723—1747 г.). Часть I, стр. 279—280. Петерб., 1885.

[2]) Въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка преосвящ. Порфирію (Успенскому) довелось обозрѣвать двѣ слѣдующія необыкновенныя церкви въ іерусалимскомъ патріархатѣ. Первая: церковь эта была построена недавно (въ 1836 г.), но что она собой представляла: «я вошелъ, пишетъ авторъ, и не понималъ, куда вошелъ. Точно,—недавно построена небольшая четвероугольная комната, но въ ней нѣтъ ни алтаря, ни иконостаса и ни одной иконы; вмѣсто престола стоитъ какой-то каменный столбецъ и на немъ лежатъ грязныя тряпки, коими, вѣроятно, завернуто Евангеліе»... Вторая: «церковь эта есть длинная яма, накрытая изсохшими вѣтвями, свѣту Божія не видно въ ней. Священникъ засвѣтилъ свѣчку и я нагнувшись—говоритъ очевидецъ—полѣзъ въ эту *яму*. Ничего тамъ нѣтъ: ни иконъ, ни утвари, ни ризъ; для обозначенія царскихъ дверей складены изъ камней два кривые столба и обмазаны глиною пополамъ съ мякиною. Еслибы въ этой ямѣ было, по крайней мѣрѣ, подметено, но»... *Книга бытія моего*. Дневники (1844—45 г.). Томъ II, стр. 197. 204. Петерб., 1895.

[3]) «Изъ Румеліи». Стр. 63.—Впрочемъ подобный результатъ получается у Турокъ больше всего вслѣдствіе ихъ индифферентности и халатности. Турки мало интересуются, наприм., и тѣмъ, что происходитъ въ христіан-

Кому неизвѣстно—замѣчу я отъ себя—что св. Софія въ Кон-полѣ только потому и сохранилась въ своемъ древнѣйшемъ видѣ, что она Магометомъ II обращена въ мечеть. Что Турки весьма мало были причиной бѣдности и запущенности греческихъ храмовъ — это отчасти видно изъ слѣдующаго наблюденія Григоровича-Барскаго [1]). Онъ въ свое время видѣлъ на о. Хіосѣ множество греческихъ церквей прекрасныхъ по архитектурѣ и красиво разукрашенныхъ, хотя о. Хіосъ также находился во власти Турокъ, какъ и другія мѣста, гдѣ храмы однако находились въ совершенно другомъ видѣ.

Бѣднота и отсутствіе красоты въ греческихъ храмахъ еще не составляютъ всего, что должно быть сказано не въ похвалу ихъ. Христіане грековосточнаго исповѣданія содержали свои храмы неряшливо и грязно. Въ этомъ ужъ Турки, конечно, не виноваты. Вотъ что пишетъ нашъ соотечественникъ Арсеній Сухановъ, посѣтившій Грецію и другія страны Востока послѣ средины XVII вѣка, и имѣвшій возможность видѣть празднованіе праздника Рождества Христова въ самомъ Виѳлеемѣ. Онъ нашелъ, что храмъ Виѳлеемскій при этомъ случаѣ превращенъ былъ въ постоялый дворъ и даже хуже того. „Тутъ въ церкви, разсказываетъ онъ, народъ ночуетъ по разнымъ мѣстамъ и огни раскладываютъ во многихъ мѣстахъ великой церкви, тутъ и спятъ; и ѣсть варятъ; и ветхая испражняютъ. Церковь великая обратилась какъ бы въ съѣзжій домъ; и крикъ и шумъ; и хлѣбъ продаютъ и въ дудки играютъ; и ребята шумятъ, кричатъ, играютъ; скачутъ по всей церкви всякіе люди, и такъ поступаютъ два дня, а иные и на третій остаются“. Арсеній замѣчаетъ, что христіане въ Виѳлеемѣ „изъ церкви сдѣлали конюшню“, добавляя при этомъ, что никакъ не слѣдуетъ вѣрить Гре-

---

скихъ храмахъ ихъ государства. Въ церковныхъ книгахъ встрѣчается слѣдующее молитвенное воззваніе: «Агарянская чада, ты Огроковице, покори императору нашему молитвами твоими» (Октоихъ, гл. 4, пят. канонъ, пѣснь 9). Но оказывается, что Турки долго не знали, что есть такія мѣста въ православныхъ богослужебныхъ книгахъ, и только спустя много времени по паденіи Константинополя указалъ кто-то Турецкому правительству на подобную аномалію. *Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета митр. Московскаго* по дѣламъ церкви на Востокѣ. Стр. 361. Петерб., 1886.

1) Странствованія. Т. I, стр. 209.

камъ, если они въ свое оправданіе ссылаютття на притѣсненіе Турокъ: „иные Греки лгутъ на Турокъ и тѣмъ вымогаютъ милостыню“. Христіанамъ — продолжаетъ онъ — не было необходимости превращать храмъ въ мѣсто ночевки съ его естественными послѣдствіями, когда въ Виѳлеемѣ было 150 домовъ, гдѣ легко могли найти себѣ ночлегъ богомольцы [1]). — Безобразіе въ иныхъ случаяхъ увеличивалось еще отъ того, что Греки иногда совсѣмъ забывали, что такое храмъ и какое различіе его отъ обыкновенныхъ домовъ. Іероѳей Монемвасійскій, писатель конца XVI вѣка, указываетъ какь на общія явленія на слѣдующіе случаи: „клирики завели при церкви покои для себя, мясныхъ и мелочныхъ яствъ, жилья съ женскою прислугою и другія безчинія, Богу и людямъ ненавистныя“. Іероѳей зналъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ женщины свободно могли приходить въ храмъ, какъ будто это были ихъ кухни [2]). Даже въ XIX-мъ вѣкѣ, назадъ тому полустолѣтіе, по достовѣрному разсказу епископа Порфирія (Успенскаго) на крышѣ храма гроба Господня устроенъ былъ гаремъ алемидскаго шейха. Повѣствователю извѣстенъ былъ и планъ этого гарема. Конечно, гаремъ мусульманскаго шейха всегда можно было бы согнать съ крыши гроба Господня, если бы у Грековъ было побольше усердія къ храму Божію [3]). — (Впрочемъ нѣтъ

---

[1]) Проскинитарій (Палестинскій сборникъ, т. 21), стр. 57—59. Петерб. 1889. Сличи книгу Бѣлокурова—Арсеній Сухановъ, I, стр. 278—279 (Москва, 1891), гдѣ указаны варіанты, не принятые во вниманіе редакторомъ вышеупомянутаго Проскинитарія.

[2]) Проф. Малышевскаго. Патріархъ Мелетій Пигасъ. Т. I, стр. 258 Кіевъ, 1872.

[3]) Сырку. Описаніе бумагъ еписк. Порфирія. Стр. 69. Петерб., 1891.— Арсеній Сухановъ въ XVII в. на одномъ островѣ нашелъ греческую церковь въ слѣдующемъ видѣ: «церковь та пуста, вся засорена соромъ и птичьимъ навозомъ, а престола нѣтъ и только поставленъ камень, и тутъ священникъ на голомъ камнѣ положилъ антиминсъ и служилъ» (Проскинантарій, 29). Но особенно краснорѣчивъ въ описаніи крайне неряшливаго отношенія восточныхъ христіанъ къ храмамъ епископовъ Порфирій. 1) Церковь въ Газѣ: «вся церковь содержится нечисто. Въ алтарѣ и вездѣ валяются кувшины, бутылки, черепки; все вездѣ покрыто пылью и грязью» (Книга бытія моего, т. II, 66). 2) Сельская церковь въ іерусалимскомъ патріархатѣ: «Ужасъ мой—вонь, всякая всячина, полати на палочкахъ, заваленныя дрянью. Кабакъ лучше этого храма. Пошли къ мощамъ св. Ѳеклы, путь весь залитъ нечистотами» (*Тамъ-же*. Т. I, 233). 3) Тамъ же, въ деревнѣ Яфѣ: «отперли церковь. Насъ поразила не столько скудость ея, сколько нечистота.

сомнѣнія, указанные нами факты должны быть разсматриваемы какъ дѣло прошлое).—И въ настоящее время многое такое—уже, вѣроятно навсегда,—перешло въ область преданія [1]).

Церкви въ греко-восточныхъ странахъ, впрочемъ не по винѣ Грековъ, лишены были до послѣдняго времени нѣкоторыхъ выразительныхъ принадлежностей, къ которымъ мы такъ привыкли. По законамъ Магомета II, христіанскія церкви не должны были имѣть ни крестовъ на куполахъ, ни колокольнаго звона. И вотъ церкви въ Турціи съ тѣхъ поръ лишились и того и другого. Правда были исключенія, но они встрѣчались рѣдко. Такъ надглавные кресты сохранялись даже въ XVIII в. въ одномъ уединенномъ монастырѣ, именуемомъ Кикосъ на о. Кипрѣ [2]). Нѣсколько чаще, чѣмъ эти кресты, сохранился, не смотря на запретъ, колокольный звонъ—при нѣкоторыхъ христіанскихъ церквахъ. Арсеній Сухановъ [3]) на о. Хіосѣ видѣлъ колокольню съ небольшимъ колоколомъ; Григоровичъ-Барскій [4]) встрѣчалъ сельскія церкви на о. Пат-

---

Земляной полъ грязный, въ углахъ лежалъ хламъ. Царскихъ дверей нѣтъ, вмѣсто завѣсы виситъ нечистая тряпица. Престолъ кой-какъ сдѣланъ изъ камней и на немъ столько навозу, пыли, сору и пролитаго масла съ лежавшихъ черепковъ, что я изумился и заплакалъ. На жертвенникѣ тоже неопрятность. Сосуды оловянные—крайне нечисты. Когда я вынулъ губку изъ потира и понюхалъ, то меня обдалъ несносный запахъ». 4) Церковь въ селеніи Меджелелъ, въ томъ же патріархатѣ. «Это убогая и крайне неопрятная хижина, покрытая землею. Горшая неопрятность, нежели въ Яфѣ. Церковь была не метена со времени постройки ея. Солома валялась на полу. А что на престолѣ и жертвенникѣ? Нечего и говорить. Ужасно, страшно! 5) Церковь въ деревнѣ Магулъ, тамъ же. «Внутренность церкви достойна оплакиванія. На престолѣ, устроенномъ въ нишѣ стѣнной, мерзость запустѣнія—лежатъ бутылки, черепки; вдобавокъ въ пустыхъ толщахъ стѣны лежитъ солома и ячмень. Судя по грязному полу, думаю что попъ заводитъ иногда свою лошадь или корову въ церковь свою» (*Тамъ же*, 521—523).

[1]) Но въ полный порядокъ разсматриваемое дѣло и теперь еще не пришло. И теперь «Греки кладутъ на св. престолъ предметы посторонніе, подъ престолъ сторожъ иногда убираетъ разныя вещи, туда же кладутъ сорочки съ разныхъ больныхъ, для изцѣленія болящихъ» (*Христ. Чтеніе*, 1891, т. II, 145). Да притомъ-же нужно сказать, что если теперь поубавились нѣкоторые безпорядки, зато завелись другіе. Въ греческомъ королевствѣ, наприм., «въ храмахъ совершаются выборы (въ парламентъ?) и потому храмы много терпятъ отъ безобразій» (*Церк. Вѣстникъ*, за 1891 г., № 50).

[2]) Барскаго. Странствованія. I, стр. 401.

[3]) Проскинитарій. Стр. 22.

[4]) Странствованія. Т. II, стр. 180.

мосѣ съ однимъ или двумя колоколами; а въ одной мѣстности, находящейся въ Эпирѣ, заселенной Греками, и называемой славянскимъ именемъ: Загоры, всегда были колокола, не смотря на то, что Эпиръ всегда былъ турецкою провинціею [1]). Разрѣшеніе имѣть кресты на куполахъ и звонить въ колокола христіане Востока получили недавно, только послѣ 1856 года, послѣ нашей Севастопольской войны. Разрѣшеніе это Туркамъ, въ особенности въ глухихъ провинціяхъ, очень не нравится, и они говорятъ: „погибнемъ всѣ, а проклятаго звона гяурскаго не услышимъ“ [2]). И нужно много хлопотъ провинціальнымъ христіанамъ, чтобы добиться и въ послѣднее время фактическаго разрѣшенія имѣть колокола. Что же касается большихъ городовъ, напр. Коостантинополя, то здѣсь въ настоящее время на церквахъ стоятъ кресты, и имѣются небольшія звонницы съ двумя—тремя небольшими колоколами. Причты нѣкоторыхъ константинопольскихъ храмовъ начинаютъ уже подумывать о сооруженіи настоящихъ колоколенъ и на этотъ предметъ дѣлаются уже сборы пожертвованій [3]).

Но, кажется, прежде чѣмъ строить колокольни, Грекамъ слѣдовало бы сначала поучиться звонить, такъ какъ этого рода инструментальная музыка Грекамъ совсѣмъ не дается. Не представляетъ исключенія даже и Аѳонъ, гдѣ колокольный звонъ, если мы не ошибаемся, никогда не былъ запрещаемъ Турками. Колокола у Грековъ, даже на Аѳонѣ, скорѣе издаютъ гласъ скорби, чѣмъ гласъ радости. Но зато аѳонскіе звонари—нужно признать это—неподражаемые музыканты, когда они имѣютъ дѣло съ древними билами и клепалами. Одинъ русскій путешественникъ въ слѣдующихъ живыхъ чертахъ описываетъ свои пріятныя впечатлѣнія отъ этой послѣдней музыки на Аѳонѣ. „Ударили на колокольнѣ въ большое било, стучали въ него сначала медленно, потомъ скоро и живо, съ повышеніемъ и пониженіемъ звуковъ, съ ихъ игривою перестановкою, съ быстрымъ переходомъ отъ нисшихъ къ высшимъ и на-

1) Леонтьева. Изъ жизни христіанъ въ Турціи. Т. II, 127. М. 1876.

2) Тамъ же, стр. 277.

3) Проф. А. А. Дмитріевскаго. Современное богослуженіе на Востокѣ, стр. 88—89. Нужно помнить, что сочиненіе этого автора напечатано въ 1891 г.

оборотъ, или медленнымъ ихъ переводомъ съ постепеннымъ замираніемъ до совершеннаго прекращенія звуковъ и съ неожиданнымъ воскресеніемъ ихъ къ новой живости и силѣ. Такой звонъ или стукъ возобновлялся — на этотъ разъ, когда слушалъ его путешественникъ — троекратно послѣ остановокъ для отдыха художника, какъ называли звонаря Греки. И каждый разъ онъ позволялъ имъ слышать новыя звукосочетанія, разнообразныя отъ перваго удара молота до послѣдняго" [1]).

Какъ не удается Грекамъ музыкальное церковное искусство — звонъ въ колокола, такъ же нельзя похвалить и ихъ вокальнаго церковнаго искусства. Греки поютъ въ церквахъ преотвратительно. Вотъ свидѣтельство нашего знаменитаго путешественника по Востоку Преосвященнаго Порфирія. Свои впечатлѣнія отъ греческаго пѣнія онъ описываетъ при одномъ случаѣ съ такимъ юморомъ, на какой способенъ былъ только этотъ неистощимо веселый и остроумный писатель. „Я былъ приглашенъ къ вечернѣ—рѣчь идетъ у преосвященнаго автора о посѣщеніи имъ одной церкви на о. Халки. Мой спутникъ монахъ Григорій началъ пѣть по Гречески: *Господи воззвахъ* и въ носъ выводитъ верхнія, нижнія и всякія ноты и рулады, къ какимъ способны только греческіе и болгарскіе носа, да такъ громко, съ такою трескотнею, что я грѣшный—замѣчаетъ о себѣ повѣствователь,—избалованный мелодическимъ пѣніемъ европейскимъ, едва сохранилъ присутствіе духа и внутренно смѣялся, какъ ребенокъ. Взгляну на о. Григорія и вижу, какъ носъ его надувается точно волынка; зажму глаза, такъ трещатъ въ ушахъ дроби носоваго голоса; начну молиться: не могу докончить крестнаго знаменія отъ какой нибудь новой неожиданной рулады" [2]). Показанія другого русскаго путешественника Муравьева—въ такомъ же родѣ. Онъ говоритъ: „жители Востока совершенно не постигаютъ гармоніи нашей—по организаціи ли своего духа, или по не-

[1]) Тамъ же, стр. 108—109 (слова архим. Антонина). Подобный же отзывъ о искусномъ употребленіи била см. у преосв. Порфирія: «Книга бытія моего», т. I, 305.

[2]) Книга бытія моего. I, 197—198. Этотъ разсказъ повторяется у автора и въ его статьѣ: «Аѳонскіе книжники» (Чтен. Общ. Любит. Дух. просвѣщенія: 1883, т. I, 295—296).

вѣжеству. Можно по этому судить о ихъ хоровомъ пѣніи. Регентъ (въ церкви), всегда гордый своимъ знаніемъ, закрывъ глаза, затягиваетъ пронзительную ноту, которую наперерывъ подхватываютъ остальные пѣвчіе, по большей части изъ мальчиковъ, раздражающихъ нервы своимъ крикомъ". Но дальше у путешественника слѣдуетъ замѣчаніе, которое невольно возбуждаетъ улыбку: такъ оно неожиданно. „Но Греки, пишетъ Муравьевъ, такъ привыкли къ своему пѣнію, что въ Адріанополѣ и Молдавіи, слыша въ церквахъ стройный напѣвъ нашихъ пѣвчихъ, они совѣтовали этимъ послѣднимъ доучиться у своихъ" [1]).

Самое богослуженіе совершается у Грековъ и другихъ православныхъ, восточныхъ христіанъ не съ тѣмъ благоговѣніемъ, съ какимъ происходитъ оно у насъ. Греческіе священники привыкли не отличать церкви отъ своего дома и дѣйствуютъ слишкомъ по домашнему. Небрежное служеніе бросается въ глаза всякому, знакомому съ другимъ порядкомъ церковнаго служенія. Они такъ спѣшатъ окончить службу, какъ будто-бы кто погоняетъ ихъ. По словамъ наблюдателя греческой жизни XVII-го вѣка, „священники такъ же спѣшатъ окончить службу, какъ школьники свои уроки. Они съ такою быстротою лепечутъ слова, что едвали эти послѣднія могутъ быть признаны—членораздѣльными звуками" [2]). Если греческіе священники начинали кадить, то получалось впечатлѣніе быстрыхъ прыжковъ. Одинъ зритель, передавая свое впечатлѣніе отъ кажденія греческаго священника, говорилъ, что они кадятъ такъ: „вотъ тебѣ Христосъ"—и прыжокъ направо; „вотъ тебѣ Айяни" (св. Предтеча) и прыжокъ налѣво [3]). Иногда греческіе священники позволяютъ себѣ вставлять въ чтеніе молитвъ словечки отъ себя, имѣющія значеніе увеселительной шутки. Чтобы понять одинъ изъ такихъ разсказовъ, какой мы сейчасъ приведемъ, нужно помнить, что въ греческихъ церквахъ устрояются стасидіи, т. е. отдѣльныя огороженныя мѣстечки, иногда со скамьей—для помѣщенія богомольцевъ". Разъ одинъ греческій священникъ (бывшій впослѣдствіи даже ректоромъ Семи-

[1]) Путешествіе по св. мѣстамъ. I, 66—67.
[2]) Ricaut. Histoire de l'eglise Grecque, p. 319. Amsterdam, 1710.
[3]) Леонтьева. Изъ жизни христіанъ въ Турціи. II, 281.

наріи) оканчивалъ литургію и, не видя никого за ней изъ богомольцевъ, вмѣсто того, чтобы возглашать: „спаси Боже люди твоя и благослови достояніе твое"; произноситъ: „спаси Боже стасидіи твои и благослови подсвѣчники твои". И замѣчательно, потомъ священникъ самъ разсказывалъ всѣмъ о своей продѣлкѣ, какъ будто онъ сдѣлалъ что-то похвальное [1]). Особеннымъ неблагообразіемъ служеніе церковное отличается во св. градѣ, въ храмѣ гроба Господня. Свидѣтельства объ этомъ идутъ непрерывной чередой отъ XVII в. до самого нашего времени [2]). Приведемъ лишь свидѣтельство, принадлежащее предпослѣднему десятилѣтію XIX-го вѣка. Наблюдатель не безъ изумленія пишетъ: „нигдѣ въ мірѣ такъ не профанируется христіанство, нигдѣ служители послѣдняго не пали такъ низко, хотя они и предстоятъ гробу Господню. Весь храмъ Воскресенія носитъ слѣды такой запущенности, какой не встрѣтишь въ любой деревенской церкви (у насъ). Небрежность Грековъ въ отправленіи богослуженія поражаетъ всѣхъ; не только простые попы, но даже сами архіереи позволяютъ себѣ смѣяться и пересмѣиваться во время совершенія Божественныхъ службъ, даже въ торжественныя минуты..... Тяжело, но приходится сознаться, что при обзорѣ святыхъ мѣстъ радуешься тому, что та или другая святыня находится въ рукахъ не только католиковъ, но даже мусульманъ" [3]). – Само собой понятно, что не вездѣ и не всегда такъ именно совершается богослуженіе у Грековъ. Но это не мѣшаетъ наблюдателю порицать общія порядки Греческаго духовенства [4]).

Сыны Восточной церкви никогда не отличались и теперь не отличаются усердіемъ къ посѣщенію храма. Не только Греки, но и Армяне и Грузины, и Арабы любятъ заходить въ церковь лишь на самое короткое время.

---

[1]) Архим. Антонина. Изъ Румеліи, 582.

[2]) (Муравьева). Путешествіе I, предисловіе, стран. LXI.

[3]) Елисѣева. Съ русскими паломниками на св. Землѣ. Стр. 205—207. Петерб., 1885.

[4]) А какъ возмутительно относится духовенство къ храму во время не богослужебное, можно судить по тому факту, что священники позволяютъ себѣ вступать сюда съ трубкой во рту и курить, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ, даже иностранцевъ и притомъ духовнаго сана. *Порфирія* еписк. Книга бытія моего. Т. I, 523—524.

Одинъ, впрочемъ не безпристрастный, свидѣтель въ слѣдующихъ чертахъ описываетъ религіозный индифферентизмъ Кон—польскихъ Грековъ XVI вѣка. „Церкви посѣщаются Греками чрезвычайно небрежно; принятіе таинствъ многими совершенно оставлено, и знатные люди крайне небрежно относятся къ этимъ же таинствамъ“ [1]). Если нѣсколько смягчить это свидѣтельство, то оно будетъ возвѣщать настоящую истину. Что посѣщеніе православныхъ храмовъ на Востокѣ дѣйствительно совершается весьма небрежно, на это можно находить заслуживающее довѣрія показаніе у нашего Арсенія Суханова, посѣщавшаго Востокъ въ XVII вѣкѣ. Вотъ напримѣръ, что разсказываетъ онъ о жителяхъ Палестины, главнымъ образомъ Арабахъ. „На литургіи въ день Пасхи, въ храмѣ гроба Господня—причащались многіе тѣлу и крови Господней, причемъ происходила давка: мущины, женщины и младенцы смѣшались между собой. Нѣкоторые изъ нихъ въ давкѣ попадали въ самыя царскія двери. Причащавшій ихъ митрополитъ Виѳлеемскій хотѣлъ было затворить царскія двери и прекратить преподачу таинства. Но причастники зашумѣли крикомъ веліимъ, съ угрозами. Митрополитъ сталъ продолжать причащеніе чрезъ сѣверныя двери, но давка не прекращалась. Пошли бабы въ алтарь, а митрополитъ, прижавшись къ престолу, раздавалъ дары, не зная: кто изъ нихъ исповѣдывался, а кто нѣтъ, кто православный христіанинъ, а кто еретикъ“. Чтобы объяснить, отчего происходило такое скопленіе причастниковъ и такое безобразіе, Арсеній Сухановъ далѣе замѣчаетъ: „всѣ эти мужи и жены, дѣвицы и младенцы изъ разныхъ мѣстъ и разныхъ деревней, только на Пасху приходятъ въ Іерусалимъ и тутъ причащаются, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни церкви, ни попа“ [2]). Нѣтъ сомнѣнія, этого рода христіане мало чѣмъ отличались отъ язычниковъ. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вѣроятно подъ вліяніемъ турецкихъ обычаевъ, возникали странныя обыкновенія, которыя дѣлали совершенно невозможнымъ частое посѣщеніе храмовъ для немалой части христіанокъ. Такъ, въ Эпирѣ, лишь только дѣвушка

---

[1]) Pichler. Geschichte des Protestantismus in d. Orientalischen Kirche im XVII Iahrhund. S. 31. Münch., 1862.

[2]) Проскинитарій, стр. 88—89.

подростала, такъ что можно-было идти ей и замужъ, запираютъ ее въ домѣ, и она никуда не смѣетъ выходить— даже въ церковь. Всѣ подобныя дѣвушки посѣщаютъ храмъ разъ въ годъ—для причастія. Самый актъ причастія происходитъ такъ: причащаться дѣвушки собираются въ одну церковь ночью; кромѣ священника и пѣвцовъ ни одного мущины нѣтъ въ церкви; а митрополитъ требуетъ отъ турецкой стражи, чтобы на эту ночь дверь церковную стерегли [1]). Конечно, все это странно и не соотвѣтствуетъ здравымъ понятіямъ о благочестіи.

Но такимъ понятіямъ о благочестіи не соотвѣтствуетъ и еще кое-что въ бытѣ разсматриваемыхъ нами христіанъ. Можно, кажется, считать, къ сожалѣнію, общимъ правиломъ, что восточные христіане не умѣютъ вести себя въ храмѣ за богослуженіемъ такъ, какъ подобало бы. Архимандритъ Антонинъ (Капустинъ), этотъ тонкій знатокъ христіанскаго Востока, описывая при одномъ случаѣ свое посѣщеніе румелійскаго храма, затѣмъ замѣчаетъ: „молящихся въ храмѣ сравнительно было немного (въ Петровъ день!), но..... тишины, строгаго порядка, благоговѣнія и сосредоточеннаго вниманія, *какъ вездѣ на Востокѣ*, недоставало" [2]). Впрочемъ наблюдатели Востока иногда отмѣчаютъ и пріятныя исключенія изъ вышеуказаннаго правила. Напримѣръ, одинъ русскій странникъ видѣлъ въ Болгаріи, что мущины „стоятъ въ церкви чинно, подобно монахамъ, а женщины всѣ стоятъ на хорахъ и стоятъ тамъ благочинно" [3]). Нужно сказать, что нарушенію тишины и благоговѣйной настроенности немало способствуетъ самъ церковный клиръ. „Церковники (на Востокѣ) безпрестанно ходятъ съ тарелками (за богослуженіемъ), собирая подаяніе, иногда слѣдуетъ за ними священникъ записывая имена (!) платящихъ и такимъ образомъ отвлекая отъ молитвы" [4]). Какъ недостаточно восточные христіане понимаютъ, что храмъ молитвы есть храмъ Божій, это видно изъ прежде чуть-ли не всеобщаго ига

---

[1]) Леонтьева. Т. II, стр. 15.

[2]) Изъ Румеліи. Стр. 553.

[3]) Парѳенія инока. Сказаніе о странствіи по Молдавіи, Турціи и пр. Ч. II, стр. 52. М. 1855.

[4]) (Муравьева). Путешествіе. I, 67.

обыкновенія стоять за богослуженіемъ, по выраженію Суханова, „въ чалмахъ и шапкахъ“ [1]). Въ греческомъ королевствѣ Греки входили и стояли въ церкви въ шапкахъ и во время появленія здѣсь христіанскаго правительства— и только потомъ обычай этотъ упразднился. Что же касается Грековъ турецкихъ областей, то тамъ, не исключая и Константинополя, весьма нерѣдко мущины, особенно старики, стоятъ за богослуженіемъ въ фескахъ, которыя они снимаютъ на короткое время лишь въ самые важные моменты службы [2]). Мало того: нѣкоторые изъ міряпъ доходятъ до такой дерзости, что „во время богослуженія съ покрытою головою, т. е. въ фескахъ и шляпахъ, входятъ въ отверстыя царскія двери“ [3]). Еще менѣе, конечно, церемонятся греческіе христіане съ часовнями, которыя у нихъ называются „агіазмами“, такъ какъ устраиваются онѣ при святыхъ колодцахъ. Здѣсь можно не только помолиться, поставить свѣчку, записать кого угодно на поминовеніе, но еще разрѣшается здѣсь же „полакомиться мастикой (опьяняющій напитокъ) съ рахатъ-лукумомъ и даже потанцовать, не говоря уже о питьѣ кофе“. „Цѣлая, такъ сказать, святая афера“! восклицаетъ описатель восточнаго христіанства [4]).

Обращаемся къ обзору совершенія таинствъ въ греко-восточной церкви, при чемъ будемъ имѣть ввиду особенности не богослужебно-уставныя, а созданныя обычаемъ и практикою или особенности бытовыя. Какія же особенности въ совершеніи таинствъ можно находить тамъ по сравненію съ тѣмъ, что принято и вошло въ обыкновеніе у насъ?

Обратимъ прежде всего наше вниманіе на образъ совершенія таинства Евхаристіи или литургіи. — Литургія въ Греко-восточныхъ странахъ рѣдко совершается на пяти просфорахъ: вмѣсто пяти особыхъ просфоръ употребляется одна просфора, имѣющая лишь изображеніе пяти крестовъ, такъ что каждая часть просфоры, отмѣченная крестомъ,

---

[1]) Проскинитарій, стр. 21.

[2]) Проф. А. А. Дмитріевскаго. Современ. богослуженіе на Востокѣ, стр. 143.

[3]) *Христіанское Чтеніе*, за 1891 г., томъ II, стр. 143.

[4]) Архим. Антонина. Поѣздка въ Румелію. Стр. 303—304.

идетъ за особую просфору; въ настоящее время эти просфоры очень обычны въ греческой церкви [1]). Просфоры, необходимыя для богослуженія, а равно и приносимыя вѣрующими ко алтарю, составляютъ предметъ свободнаго хлѣбопекарнаго производства, и въ большихъ городахъ, въ родѣ Константинополя, можно слышать возгласы торговцевъ: „хорошія просфоры — купите"! Просфора впрочемъ не представляетъ необходимой принадлежности литургіи въ разсматриваемой церкви. Здѣсь позволяется совершать ее на булкѣ. „Не малою новостію было для насъ видѣть— говоритъ одинъ русскій путешественникъ,—что просфорою для совершенія таинства служила простая базарная булка, на которой священникъ самъ копьецомъ начерталъ изображеніе креста, обозначавшаго предѣлы вынимаемой части *агнца*" [2]). Злоупотребленіе по части богослужебныхъ просфоръ простирается тамъ такъ далеко, что иногда просфоры приготовляются не изъ пшеничной муки, а изъ какой-то другой, конечно низшаго достоинства. Церковная власть впрочемъ не остается безмолвною при видѣ такой небрежности. Въ греческой кормчей книгѣ говорится: „нужда не можетъ быть предлогомъ къ приготовленію просфоръ не изъ пшеницы, что трудно предположить, чтобы тамъ гдѣ есть люди, не было пшеницы; и священники, дерзающіе совершать литургію не на пшеничныхъ просфорахъ, смертно согрѣшаютъ" [3]). Вѣрующіе, приходящіе къ литургіи, кажется, не имѣютъ обыкновенія, присутствовать въ храмѣ во время проскомидіи; во время этой послѣдней они любятъ сидѣть внѣ церкви и „болтать другъ съ другомъ". Но за то въ греческой церкви существуетъ слѣдующее прекрасное обыкновеніе. Когда священникъ окончитъ совершеніе проскомидіи, онъ особымъ знакомъ даетъ знать находящимся въ храмѣ, что это дѣйствіе имъ окончено; а вслѣдъ за тѣмъ, всѣ присутствующіе выступаютъ изъ своихъ стасидій на открытое пространство и про себя поминаютъ имена своихъ родителей и родственниковъ, при чемъ, священникъ, находясь внутри алтаря,

[1]) Проф. Е. Е. Голубинскаго. Исторія русск. церкви, I томъ, 2-ая полов., стр. 309. М. 1881.

[2]) Арх. Антонина. Изъ Румеліи, 553.

[3]) Πηδάλιον καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς ἐκκλησίας, σελ. 410. Ἀθῆν., 1841. Примѣчаніе къ 8 прав. св. Θеофила.

овторяетъ слова: „помяни Господи“, пока не кончится о поминовеніе и присутствующіе не возвратятся въ свои асидіи [1]). Знакъ, которымъ возвѣщается вѣрующимъ о аступленіи времени указаннаго ихъ поминовенія, обыкно-энно дается колокольчикомъ. Нужно сказать, что коло-льчикъ, имѣющій форму нашихъ кабинетныхъ колоколь-иковъ, нерѣдко употребляется за литургіей, какъ средство ъ возбужденію особеннаго вниманія вѣрующихъ. Такъ ринято звонить въ него, при архіерейскомъ служеніи время пѣнія „иже херувимы“, когда епископъ начи-аетъ совершать поминовеніе въ отдѣленіи жертвенника; ри перенесеніи св. даровъ съ престола на жертвенникъ ъ началѣ литургіи преждеосвященныхъ, при обратномъ еренесеніи съ жертвенника на престолъ во время пѣнія ынѣ силы небесныя“; при чтеніи Евангелія на Пасху въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ [2]). Великій выходъ съ арами совершается тамъ весьма торжественно, по всей еркви, въ сопровожденіи креста на длинной рукояти, со ѣчами, кадилами, рипидами, мощами, а народъ сгибается ъ дугу, крестится, бьетъ въ перси свои, прикасается ерстами къ священникамъ и гудётъ: „Господи помилуй, омяни насъ Господи во царствіи твоемъ“ [3]). Въ менѣе оржественныхъ случаяхъ кандильанафтъ (въ родѣ поно-аря) идетъ во время великаго выхода предъ св. дарами свѣчей и кадитъ, обратясь лицемъ къ этимъ послѣд-имъ, при чемъ пятясь все время задомъ, осторожно об-одитъ больныхъ дѣтей, которыхъ матери кладутъ на до-огѣ священнику, чтобы онъ перешагнулъ чрезъ нихъ свят. дарами [4]). Во время этого выхода принято поми-ать о здравіи важныхъ лицъ, находящихся за богослу-еніемъ и въ особенности именитыхъ пришельцевъ или стей. Нашъ русскій знатокъ церковнаго Востока, проф. А. Дмитріевскій разсказываетъ о себѣ слѣдующее: во ремя совершенія литургіи въ храмѣ на вершинѣ Синай-ой горы, за чашею, во время великаго выхода архіепи-опъ этой горы съ колѣнопреклоненіемъ поминалъ имена

[1]) Ibid., σελ. 249. Примѣч. къ 19 правилу Лаодик. собора.
[2]) Проф. А. А. Дмитріевскаго. Современ. богослуженіе на Востокѣ, 143.
[3]) Преосвящ. Порфирія. Книга бытія моего. III, 71.
[4]) Леонтьева. III, 287. М. 1876.

его самого и его родственниковъ, живыхъ и умершихъ [1]).— На Востокѣ Символъ вѣры нигдѣ не поется, а вездѣ читается, что конечно вполнѣ гармонируетъ со смысломъ символа. „Во первыхъ помяни Господи" (имя рекъ) произносится всѣми служащими, сколько бы ихъ ни было, какъ бы присяга. Особенно поражаютъ не привычнаго слушателя литургіи слѣдующія особенности ея, при чемъ присутствующему пришельцу кажется, какъ будто онъ слушаетъ какую-то особую литургію. Во первыхъ, послѣ возгласа „Станемъ добрѣ" вся служба совершается почти безмолвно; только одинъ голосъ пѣвца речитативомъ, не громко произноситъ: „Милость мира... „И со Духомъ Твоимъ..... „Имамы ко Господу"... „Достойно и праведно есть". Пѣснь Богородицы поется, а „Отче нашъ" читается. По замѣчанію преосв. Порфирія, „за то все вниманіе молящагося народа въ эти моменты устремлено въ алтарь; и онъ, такъ сказать, сослужитъ съ іереемъ или епископомъ" [2]). Конецъ литургіи проходитъ иногда не совсѣмъ благообразно. Случается, что причастный стихъ поется очень скоро, и за неимѣніемъ что пѣть, псалмы (пѣвцы) съ особеннымъ искусствомъ напѣваютъ ничего не значащіе слоги: „не—не", „най—най". На вопросъ же: что значитъ такое пѣніе? вопрошающій получалъ отвѣтъ: „такъ баюкала Божія Матерь Младенца Іисуса". Но на самомъ дѣлѣ эти ничего не значащіе звуки употребляются пѣвцами тогда, когда пѣніе должно быть длинно, а между тѣмъ словъ недостаетъ (это же приходится слышать въ богослужебномъ пѣніи русскихъ раскольниковъ). Литургія, можно сказать, кончается для народа съ перенесеніемъ даровъ на жертвенникъ; тогда никто болѣе обыкновенно не стоитъ на мѣстѣ и ничего никто не слушаетъ: одни идутъ лобызать мѣстныя св. иконы, другіе выходятъ вонъ. Отпустъ совершенно незамѣтенъ [3]). Слѣдуетъ упомянуть еще, что во

---

1) Арх. Антонина. Изъ Румеліи, 263. Дмитріевскаго. Новоизбранный патріархъ Александрійскій Фотій *(Труды Кіев. Дух. Академіи,* 1900 г., т. II, стр. 133).

2) Еписк. Порфирія. Книга бытія моего. Ш, 71.

3) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета митр. Московскаго. Т. IV, стр. 431. М. 1886.—Въ нѣкоторыхъ эпархіяхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ Константинополя (но не въ самомъ Кон-полѣ) имѣетъ мѣсто такой обычай: архіерей, дѣлая отпустъ послѣ литургіи и поднявъ крестъ въ пра-

ъ восточныхъ церквахъ, по словамъ преосв. Порфирія, ›емя священнослуженія патріарховъ, ни митрополиты, пископы не носятъ митръ, а покрываются своими куми и становятся на линіи священниковъ по обѣ сто- ı престола [1]). Интереснымъ представляется также фактъ, что еще въ недавнее время нѣкоторые гре- :е священники не считали противозаконіемъ совер- › литургію дважды въ день [2]).

'еперь сообщимъ относящіяся къ нашей задачѣ свѣ- я о другихъ таинствахъ церкви, и прежде всего — о ценіи и миропомазаніи.—Въ Греко-восточной церкви ято воду для крещенія подогрѣвать и наполнять ее эухающими цвѣтами для приданія ей пріятнаго за- [3]). Чрезъ настоящее или полное погруженіе Греки тили и крестятъ только взрослыхъ. Что же касается енцевъ, то въ виду опасности утопленія, или, какъ жаются наши русскіе служебники, залитія, они боль- частію крестили и до сихъ поръ крестятъ ихъ чрезъ уженіе неполное: младенецъ помѣщается въ купели, уженный въ воду по шею, а на голову его священ- › трижды возливаетъ воду горстью правой руки. (Это чемъ не есть латинское обливаніе, которое совершается мъ образомъ: одѣтаго младенца держитъ въ рукахъ эіемникъ или воспріемница, а священникъ открываетъ зу младенца и трижды крестообразно льетъ на нее ого воды, ранѣе освященной и принесенной имъ съ э въ небольшомъ сосудѣ [4]). Но иногда, кажется, дѣло цится безъ погруженія младенца по шею въ купель, иногда купели у Грековъ устрояются столь малыя, „въ нихъ едва можетъ быть погружена только нѣко- я часть ногъ (?) крещаемыхъ дѣтей" [5]). Разумѣется

kѣ, возглашаетъ, обращаясь къ народу: такому-то Ζήτω, т. е. ура, шаетъ въ случаѣ присутствія за богослуженіемъ какой-нибудь важ- :обы,—и вся церковь кричитъ—Ζήτω (*Христ. Чт.* за 1891 г., 143).

Преосвящ. Порфирія. Кн. моего бытія, III, 70.

Πηδάλιον, σελ. 50. Примѣч. къ 68 прав. Апост.

Christophori Angeli. Enchiridium de statu hodiernorum Graecorum, p. .ipsiae, 1671.

Проф. Е. Е. Голубинскаго. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами, 5. Москва, 1896.

Πηδάλιον, σελ. 36. Примѣч. къ 50 прав. Апост.

въ подобныхъ случаяхъ крещеніе по необходимости ограничивается орошеніемъ.—Относительно миропомазанія сдѣлаемъ лишь слѣдующія немногія замѣчанія. На Востокѣ, по крайней мѣрѣ, въ прежнее время приготовленіе мира для таинства происходило почему-то рѣдко. Вслѣдствіе чего священники крайне нуждались въ немъ и позволяли себѣ въ сосуды съ малымъ остаткомъ мира вливать простой елей, и такимъ образомъ у нихъ получалось „миро состоящее почти изъ одного елея". (Πηδάλ., σελ. 274. Примѣч. къ 6 прав. карѳаг.). Въ Греціи встрѣчалось очень странное обыкновеніе: нѣкоторые свищенники помазывали миромъ христіанъ, впавшихъ въ блудъ съ еврейкой, турчанкой, католичкой и вообще еретичкой. (Кстати сказать, что нѣкоторые священники вмѣсто даровъ позволяли себѣ причащать какимъ-то мѵромъ св. Димитрія. Πηδάλ., σελ. 256. Прим. къ 48 прав. Лаодик.). Встрѣчаются случаи противозаконнаго миропомазанія покойниковъ. Такъ прежде положенія во гробъ миропомазуютъ архіереевъ, священниковъ и другихъ лицъ [1]).

Болѣе свѣдѣній имѣемъ объ особенностяхъ совершенія таинства покаянія въ греко-восточной церкви, а потому остановимся на нихъ съ надлежащимъ вниманіемъ.

Восточные патріархи присвояютъ права раздавать народу разрѣшительныя грамоты отъ грѣховъ, въ родѣ тѣхъ индульгенцій, какія извѣстны на Западѣ. Болѣе раннія извѣстія о подобныхъ разрѣшительныхъ грамотахъ относятся къ XV-му вѣку. Патріархомъ іерусалимскимъ Іоакимомъ была послана „прощенная грамота" русскому великому князю Василью Васильевичу, при жизни послѣдняго. Объ этомъ же патріархѣ извѣстно еще слѣдующее. Съ цѣлію сбора денегъ на нужды патріархіи, онъ отправился въ Россію, но на пути заболѣлъ и скончался [2]); въ Москву же пріѣхалъ лишь, сопровождавшій его, великій протосинкелъ Іосифъ, нареченный Іоакимомъ на митрополію Кесаріи Филипповой и посвященный почему-

[1]) Никольскаго. Греческая кормчая книга, стр. 178. М. 1888.

[2]) Основываясь на нѣкоторыхъ соображеніяхъ проф. Е. Е. Голубинскій думаетъ, что извѣстіе о смерти Іоакима на пути въ Россію есть «миѳъ» (Исторія Русской церкви. Т. II, 1-ая половина; стр. 530. Москва 1900). Но остается неяснымъ: кѣмъ измышленъ этотъ миѳъ (не самимъ ли Іоакимомъ?) и съ какою цѣлію?

въ Россіи. Этотъ Іосифъ привезъ съ собою въ Мо-ву посланіе патріарха Іоакима, въ которомъ патріархъ сalъ: „Іосифъ, нареченный на митрополію Кесаріи, да стъ прощеніе грѣхомъ требующимъ отъ него и *грамоту пустную* еже о грѣсѣхъ человѣкомъ". Другими словами: тріархъ уполномочилъ своего повѣреннаго раздавать отъ о (патріарха) имени разрѣшительныя грамоты, нѣчто хожее на западныя индульгенціи. Указанное посланіе ло написано въ 1463 или 1464 году [1]). Точно также XVI столѣтіи извѣстенъ случай присылки въ Москву, 1585 году разрѣшительной грамоты изъ Іерусалима тріархомъ Софроніемъ. Этотъ патріархъ писалъ царицѣ ринѣ, супругѣ царя Θеодора Ивановича, предпосылая благословеніе свыше, и по власти данной отъ Господа еникамъ своимъ вязать и рѣшить, прощалъ и разрѣ-алъ ее, если что согрѣшила предъ Богомъ: „однимъ овомъ, говоритъ А. Н. Муравьевъ, это полная разрѣ-ительная грамота" [2]). Гораздо богаче фактами разсма-иваемаго рода исторія XVII вѣка. Константинопольскій атріархъ Аθанасій III (Пателарій) былъ очень щедръ на здачу разрѣшительныхъ граматъ. Прибывъ въ Россію ля обычнаго сбора милостыни, патріархъ обратился съ рошеніемъ къ царю Алексѣю Михайловичу, въ которомъ ежду прочимъ читаемъ: „мнѣ, богомольцу твоему, вели, сударь, напечатать на своемъ дворѣ 500 разрѣшитель-ихъ грамотъ, потому что какъ я ѣхалъ къ тебѣ къ Мо-вѣ, чрезъ войско запорожскихъ казаковъ, въ то, госу-рь, время приходили на исповѣдь многіе Черкасы и осили у меня разрѣшительной грамоты, и мнѣ было тѣ поры послать въ Кіевъ напечатать разрѣшитель-ия грамоты, некого; а какъ я изъ Москвы поѣду на-дъ, запорожскіе казаки начнутъ у меня разрѣшитель-ихъ грамотъ просить, — царь государь смилуйся пожа-й" [3]). Дѣло очевидное, что въ началѣ XVII-го вѣка анасій раздавалъ разрѣшительныя грамоты, ничтоже

[1]) Кобеко. Разрѣшительныя грамоты Іерусалимскихъ патріарховъ (*Журн. ч. народн. Просвѣщ.*, за 1896 г., іюнь), стр. 271. 274.
[2]) Кобеко, стр. 278. Сл. Муравьева. Сношенія Россіи съ востокомъ. І, 161.
[3]) Житіе свят. Аθанасія, патр. Цареградскаго (составленное, какъ ду-тъ, А. Н. Муравьевымъ), стр. 28. Лубны, 1896.

сумнясь. Еще болѣе извѣстій по этому же вопросу н
димъ въ исторіи извѣстнаго антіохійскаго патріарха
карія, дважды посѣтившаго Москву въ срединѣ ук
наго столѣтія. Онъ раздавалъ разрѣшеніе грѣхов
всею готовностію. О Макаріи мы прежде всего зн
что онъ читалъ нѣкоторымъ лицамъ разрѣшительны
грѣховъ молитвы, хотя они не были у него на испо
Такъ было не однократно въ Валахіи. „По окончані
тургіи въ недѣлю Слѣпаго патріархъ, по просьбѣ г
даря, прочиталъ надъ всѣми вельможами, находящ
налицо народомъ и отсутствующими жителями Валащ
страны разрѣшительныя молитвы" [1]). Подобное же
исходило и спустя нѣсколько лѣтъ въ тойже Вал
„Начиная съ пятницы до воскресенья Сырной нед
вельможи, ихъ жены, купцы и простолюдины тол
стекались къ патріарху Макарію, чтобы испросить у
разрѣшеніе грѣховъ и чтобы онъ прочелъ надъ н
разрѣшительныя молитвы, при чемъ они падали н
предъ нимъ. Что касается самого господаря, то онъ
гласилъ патріарха (въ воскресенье) пополудни въ цер
дворцовую и повергся предъ нимъ на землю вмѣст
высшими сановниками, и Макарій прочелъ надъ в
ними разрѣшительныя молитвы" [2]). Еще болѣе инт
ныя свѣдѣнія находимъ о раздаяніи разрѣшитель
грамотъ тѣмъ же патріархомъ. Такія грамоты въ из
ліи имъ раздавались и въ Валахіи, и Малороссіи
Москвѣ. Валашскому государю и его женѣ онъ да
разрѣшительныя грамоты, облекшись въ эпитрахи
омофоръ, при чемъ оба разрѣшаемые простерлись н
млѣ. Изъ числа другихъ жителей Валахіи съ особенн
ревніемъ старались запастись разрѣшительною грам
купцы [3]). Изъ русскихъ странъ особенно хорошій с
разрѣшительныя грамоты Макарія находили въ Мало
сіи. Кіевскіе ученые держались будто-бы той мысли,
грамоты антіохійскаго патріарха предпочтительнѣе и

[1]) Павла Алеппскаго. Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарі
Россію въ половинѣ XVII-го вѣка. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса.
пускъ I, стр. 147. М. 1896.

[2]) Тамъ же. Выпус. V, стр. 16. М. 1900.

[3]) Тамъ же. Вып. I, стр. 127. 149.

ѣе такихъ же грамотъ прочихъ восточныхъ патрі-
такъ какъ этотъ патріархъ есть-де наслѣдникъ
іа Петра, обладателя власти вязать и рѣшить и
древнѣйшій изъ патріарховъ; а потому въ Мало-
,брали листы отпущенія съ великой вѣрою" [1]). Дѣй-
іьно, съ необыкновенною вѣрою принимали разрѣ-
ныя грамоты, наприм. кіевляне. Павелъ Алеппскій
: „при звонѣ всѣхъ колоколовъ патріархъ отпра-
зъ (Софійскій) соборъ. Сюда стеклись всѣ жители
и никто изъ нихъ, ни вельможи, ни священники
и монашествующіе, ни женщины, ни дѣвицы, ни
іаленькіе мальчики, никто не преминулъ придти,
получить отъ патріарха разрѣшительную грамоту.
рыя женщины, у которыхъ мужья были пьяницы
вѣры, обнаруживали заботу объ ихъ душѣ и брали
:ительныя грамоты не только для себя, но и для
мужей, ибо считали такой даръ величайшимъ" [2]).
ая же раздача грамотъ происходила и на Москвѣ,
кется, менѣе торжественно. Тотъ же Павелъ пи-
„при прощаніи съ патріархомъ Макаріемъ царь по-
ъ у него для себя разрѣшительныхъ грамотъ изъ
оторые были напечатаны въ Кіевѣ порусски и ве-
акже раздавать ихъ вельможамъ. Что касается царя,
елъ Алеппскій отправился къ нему, взялъ для него
грамотъ, на которыхъ золотомъ были написаны
царя, царицы, ихъ сына, дочерей и сестеръ его; а
:ается вельможъ, то, по приказанію царя, тотъ же
обошелъ ихъ дома и имъ роздалъ грамоты" [3]).
ли прибавлять, что этого рода грамоты служили
икомъ доходовъ для патріарховъ.—Въ XVIII-мъ вѣкѣ
русскій паломникъ Барскій послучилъ прощеную
у отъ іерусалимскаго патріарха Хрисанѳа (въ 1725 г.),
нную по-славянски. Въ концѣ XIX-го вѣка нѣко-
приходилось встрѣчать разрѣшительныя грамоты,
ія іерусалимскимъ патріархомъ Никодимомъ и на-
нныя въ типографіи патріархіи [4]).

мъ же. Вып. II, стр. 65.
мъ же. Выпускъ IV, стр. 186.
мъ же, стр. 158.
Кобеко. Разрѣшительныя грамоты. стр. 278—279.

Замѣчательнѣйшее явленіе въ покаянной дисциг Грековъ представляетъ особый обрядъ отлученія отъ кви и снятія этого отлученія. Въ греко-восточной ц подвергаютъ отлученію отъ церкви прежде всего тяж грѣшниковъ, проступки которыхъ оскорбляютъ общес ную нравственность, въ особенности если эти грѣш остаются упорными и нераскаянными; затѣмъ тойже подлежатъ лжесвидѣтели, причинившіе своимъ поступ важный вредъ ближнему; наконецъ подвергаются от нію воры и грабители, даже въ томъ случаѣ, если остаются неизвѣстны: въ подобномъ случаѣ отлученіе износится безыменно. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ отлученія отъ церкви происходитъ публично и съ пр глашеніемъ имени лица, подлежащаго церковному су Сообщимъ свѣдѣнія о самомъ актѣ отлученія. Если нибудь христіанинъ православный позволилъ себѣ нить лжесвидѣтельство или какую-либо другую очень езную обиду противъ ближняго, то преступника п дятъ къ священнику или епископу. Священникъ епископъ убѣждаетъ грѣшника сознаться въ своей ви и если онъ не показываетъ раскаянія, то въ церкви внѣ церкви подвергается отлученію, при чемъ духо лице облекается въ принадлежащія его сану священ одежды. Прежде всего въ присутствіи грѣшника чита псаломъ 108: „Боже хвалы моея не премолчи: яко грѣшнича"..; затѣмъ читаются нѣкоторыя молитвы и конецъ произносится формула отлученія. Священнослу тель говоритъ, что въ силу власти вязать и рѣшить, ной Господомъ церкви, онъ отлучаетъ его отъ общені Отцемъ, Сыномъ и Святымъ Духомъ, а также отъ об нія съ 318 отцевъ Никейскаго собора и со всѣми тыми; часть его будетъ съ діаволомъ и Іудою, а тѣло по смерти пребудетъ неразложившимся но навсегда о нется твердымъ, подобно камню и желѣзу, во свидѣт ство его нераскаянности [2]). Какъ видимъ, формула о ченія очень сурова и даже жестока. По другому св тельству, къ вышеприведеннымъ словамъ соверши

[1]) Heineccii Abbildung der alten und neuen Griechischen Kirche. 1711. Theil III, 417. Ricaut, p. 275. Christ. Angeli, p. 521.

[2]) Christoph. Angeli. Enchiridium, p. 521—522.

отлученія присоединялъ еще слѣдующія угрозы: „да поразитъ тебя проказа Гіезія, да поглотитъ тебя земля, какъ Даѳана и Авирона, да будешь ты трепетать предъ гнѣвомъ Божіимъ, подобно Каину, да обнищаешь ты и имѣніе твое да разсѣется, какъ прахъ, пусть тебѣ никто не покажетъ сожалѣнія—ни дастъ тебѣ хлѣба, и не станетъ ѣсть, пить, работать и встрѣчаться съ тобою, и да пребудешь ты непогребеннымъ по смерти“ [1]).

По вѣрованію греко-восточныхъ христіанъ, отлученіе, произнесенное надъ грѣшникомъ, не остается безъ дѣйствительнаго значенія. Яснѣйшимъ признакомъ силы отлученія они считаютъ неразложимость трупа отлученнаго христіанина. По ихъ разсказамъ, трупъ человѣка, умершаго подъ церковною клятвою, остается не предающимся тлѣнію; при чемъ этотъ трупъ или имѣетъ видъ почти живаго человѣка, въ такой степени, что онъ „только что не говоритъ“, въ немъ сохраняется кровь, которая брыжжетъ ключемъ, если сдѣлать на немъ насѣчку, или же трупъ имѣетъ ужасный и омерзительный видъ: бываетъ черенъ, но съ бѣлыми ногтями, а случается — и темнокрасенъ, надувается какъ барабанъ (отсюда названіе этого рода труповъ: τυμπανιαῖος), если бросить въ него камень, то послѣдній отскакиваетъ отъ него, какъ отъ всякаго другаго твердаго тѣла, а если приставить его къ стѣнѣ, то трупъ не падаетъ, а торчитъ точно бревно и пр. [2]). Но спрашивается: какимъ образомъ узнаютъ, что извѣстный трупъ не превратился въ прахъ и имѣетъ указанный видъ? Во 1-хъ, у Грековъ существуетъ обыкновеніе вырывать изъ земли прахъ покойника по истеченіи года или нѣсколькихъ лѣтъ и затѣмъ помѣщать кости покойника въ общую усыпальницу; а во 2-хъ, неразложившійся трупъ отлученнаго грѣшника, по вѣрованію восточныхъ христіанъ, обнаруживаетъ себя разнаго рода вредоносными послѣдствіями для живыхъ людей или же вызываетъ въ нихъ страхъ и ужасъ извѣстнаго рода таинственными явленіями [3]).

---

[1]) Ricaut. Histoire... p. 275—276.

[2]) Перечисленные признаки указываются: въ Turcograecia, у Ricaut, Christ. Angeli, Heineccii и т. д.

[3]) Christ. Angeli, p. 522. Ricaut, p. 281—2.

Отсюда возникаетъ естественная потребность съ одной стороны доставить миръ душѣ почившаго грѣшника, а съ другой избавить живыхъ людей отъ непріятнаго и даже опаснаго сосѣдства. То и другое достигается посредствомъ особаго церковнаго акта, который можно назвать снятіемъ отлученія съ умершаго грѣшника. Обыкновенно происходитъ это очень торжественно. Чинъ снятія отлученія совершается архіереемъ и только въ крайнемъ случаѣ предоставляется священнику или точнѣе духовному отцу. Неразложившееся тѣло грѣшника, по вынутіи его изъ могилы, въ гробу приносится въ церковь. Совершается литургія, во время которой съ великимъ умиленіемъ возносятся положенныя на этотъ случай молитвы. Молитвы эти читаются дважды: во время проскомидіи онѣ возглашаются всѣми іереями, имѣющими участвовать въ литургіи, а потомъ во время великаго выхода онѣ же произносятся архіереемъ колѣнопреклонно и со слезами [1]). Въ этихъ молитвахъ испрашивается у Господа разрѣшеніе грѣховъ почившему, говорится о снятіи клятвы тяготѣющей на немъ, и съ особеннымъ усердіемъ испрашиваетъ отъ Бога даровать тлѣніе неразложившемуся трупу. Въ молитвахъ говорится: „Преблагій царю, прости раба Твоего, разрѣшивъ лежащую на немъ клятву, благоволи душѣ его со святыми быть, тѣлу же отъ Тебя созданному естеству датися". „Преврати несчастное тѣло его въ то, изъ чего оно создано... „Разрѣши тѣло его всесовершенно"... „Да настанетъ истлѣніе по естеству" и пр. [2]). Если при совершеніи указанной рззрѣшительной литургіи присутствуетъ потерпѣвшее лице, т. е. лице, которому причиненъ былъ вредъ или обида умершимъ, то оно во всеуслышаніе возвѣщало: „Господи прости (его" [3]). Слѣдствіемъ такого богослуженія бываетъ, какъ утверждаютъ грековосточные писатели, разложеніе трупа: или моментальное, совпадающее съ окончаніемъ богослуженія и сопровождающееся необычайнымъ шумомъ и трескомъ (какъ удостовѣряли прежніе писатели) или же происходящее

[1]) Проф. Алмазова. Тайная исповѣдь въ Восточной церкви. Т. II, стр. 282. Одесса, 1894.

[2]) Проф. Алмазова. Тамъ же, 283. 287. Heineccii, III, 421—423.

[3]) Christoph. Angeli, p. 526.

обычнымъ путемъ, но неукоснительно (какъ разумѣютъ дѣло писатели новѣйшаго времени). Нужно еще прибавить, что „разрѣшительныя молитвы" на предметъ неразложившагося тѣла находятъ себѣ мѣсто въ греческомъ Евхологіи и въ настоящее время [1]).

Встрѣчаемъ еще слѣдующій любопытный фактъ: въ правленіе Іерусалимскою церковію патріарха Софронія (въ XVI в.?) рѣшено было похоронить одного благочестиваго и заслуженнаго христіанина въ склепѣ великой церкви св. града, но когда вошли туда, то нашли въ немъ двадцать неразложившихся священническихъ тѣлъ. Потомъ оказалось, что эти священники наказаны неразложимостью ихъ тѣлъ за то, что небрежно относились къ своимъ обязанностямъ, не исполняли предписанныхъ послѣдованій, въ родѣ утрени, часовъ, вечерни, молитвы на сонъ. Тогда всѣ священнослужители великой церкви дали зарокъ въ теченіе 20-ти лѣтъ неопустительно исполнять вышеуказанныя послѣдованія, какъ бы взамѣнъ умершихъ собратій. Въ передаваемомъ нами разсказѣ замѣчается, что по истеченіи этихъ 20-ти лѣтъ неразложившіяся тѣла предались тлѣнію. Здѣсь неразложимость тѣлъ приписана не отлученнымъ, а тяжкимъ грѣшникамъ, при чемъ живые такъ сказать возлагаютъ на себя добровольную епитимію, вмѣсто умершихъ, и соблюденіе этой епитиміи, по разсказу, благодѣтельно отражается на судьбѣ умершихъ [2]).

Отмѣтимъ некоторыя особенности, встрѣчаемыя въ Грековосточной церкви и относящіяся до остальныхъ таинствъ.—Коснемся прежде всего проповѣднической функціи, составляющей необходимую принадлежность лицъ, посвященныхъ въ іерархическія степени. Разумѣется, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ отдаленные отъ насъ вѣка проповѣдничество не особенно процвѣтало въ греко-восточной церкви. Напримѣръ, относительно XVI-го вѣка константинопольской церкви встрѣчаемъ слѣдующія извѣстія. Проповѣдничествомъ занимался первѣе всего патріархъ, предлагая поученія народу въ своей патріархіи или въ той и другой приходской церкви; кромѣ него, тѣмъ же занимались нѣкоторые ученые люди и болѣе

1) Проф. Алмазова, стр. 284.
2) Πηδάλιον, σελ. 267. Примѣч. къ 12 прав. Сардикійскаго собора.

способные къ этому дѣлу монахи. Проповѣди произносились единственно въ посты; нерѣдко они излагались языкомъ старо-греческимъ, котораго народъ совсѣмъ не понималъ. Если же проповѣдь произносилась на языкѣ народномъ, по новогречески, то и въ такомъ случаѣ изреченія Св. Писанія и мѣста изъ твореній отцовъ опять-таки цитировались на старогреческомъ языкѣ, вслѣдствіе чего проповѣдь и въ этомъ случаѣ не была вполнѣ доступна для народа. Время для проповѣди назначалось не совсѣмъ удобное,—часы по полуночи, какъ будто за тѣмъ, по замѣчанію современнаго наблюдателя, чтобы отбить охоту слушать проповѣдниковъ [1]). Дѣйствительно у Грековъ въ прежнее время существовала какая-то ночная служба, о ней Христофоръ Ангелъ сообщаетъ такія свѣдѣнія. Во дни Господскихъ и нѣкоторыхъ другихъ праздниковъ всѣ Греки съ женами и дѣтьми, послѣ полуночи собираются въ храмъ, такъ что въ домахъ остается по одному мальчику или дѣвочкѣ для наблюденія за домомъ. Пришедшіе въ храмъ пребываютъ здѣсь до утра, воспѣвая гимны, а потомъ расходятся [2]). За этимъ ли богослуженіемъ или же за раннею литургіею произносилась вышеупомянутая проповѣдь—рѣшить не беремся. Во всякомъ случаѣ можно утверждать, что не вездѣ и не всегда велось такъ дѣло проповѣдничества, какъ указано нами выше. Константинопольскіе духовные ораторы — монахи XVI-го вѣка для выразительности своей рѣчи любили прибѣгать къ жестикуляціи, но эта послѣдняя производила очень странное впечатлѣніе. Герлахъ говоритъ: „ораторъ то поднималъ свои руки кверху, то опускалъ и какъ будтобы собирался фехтовать, потомъ онъ крестообразно складывалъ ихъ одна на другую, а затѣмъ снова распростиралъ ихъ и высоко закидывалъ голову, собираясь какъ бы летѣть, проповѣдь заканчивалась съ сильнымъ тѣлодвиженіемъ“ [3]). Несомнѣнно, все это преданіе старины, и чѣмъ дальше шло время, приближаясь къ нашему, тѣмъ больше совершенства пріобрѣтало проповѣдничество въ

[1]) Heineccii, III, 276.
[2]) Pag. 157.
[3]) Pichler. Geschichte... oder Der Patriarch Cyrillus Lucaris und seine Zeit. S. 25.

изучаемой нами церкви. — Нельзя къ тому же умалчивать, что въ греческой церкви съ давнихъ временъ существуетъ очень почтенный институтъ такъ называемыхъ іерокириксовъ или священно-проповѣдниковъ. Въ каждой греческой епархіи, которыя у Грековъ очень невелики и пожалуй равняются нашимъ благочинническимъ округамъ, епископъ заботится, чтобы въ ней былъ одинъ или нѣсколько проповѣдниковъ, іерокириксовъ; въ эти іерокириксы выбираются и назначаются лица, которыя или уже заявили и доказали свою наклонность и способность къ проповѣдничеству, или же сами явятся къ архіереямъ добровольно, съ предложеніемъ своихъ услугъ и признаны будутъ способными къ указанной должности. Обязанность іерокириксовъ состоитъ въ томъ, чтобы своимъ умѣлымъ словомъ возмѣщать неумѣнье вести дѣло проповѣди у приходскихъ священниковъ. Такими проповѣдниками бываютъ и священники, и іеромонахи. Они переходятъ изъ села въ село, изъ деревни въ деревню въ извѣстной епархіи, истолковывая истины вѣры и христіанской нравственности. Кромѣ этихъ такъ сказать окружныхъ іерокириксовъ, въ Греческой церкви встрѣчаемъ еще странствующихъ іерокириксовъ, переходящихъ по своей доброй волѣ изъ епархіи въ епархію, изъ одной страны въ другую. И нужно сказать, что эти бродячіе іерокириксы иногда достигаютъ замѣчательнаго вліянія и великаго уваженія, не менѣе нашего о. Іоанна Кронштадтскаго. Таковъ, наприм., былъ странствующій іерокириксъ, іеромонахъ Козма, въ XVIII вѣкѣ. О немъ можно находить очень любопытныя свѣдѣнія даже и въ нашей небогатой церковно-исторической литературѣ [1]).

Обращаемся къ исповѣди, составляющей очень важную функцію іерархическихъ лицъ. Въ Греко-восточной церкви духовниками не гнушаются быть не только епископы и митрополиты, но и сами патріархи; всѣ они допускаютъ къ себѣ, конечно въ особыхъ случаяхъ, своихъ пасомыхъ „на духъ“ [2]). Что же касается прочихъ іерархи-

---

[1]) Еписк. Порфирія. Проповѣдники въ Греціи (*Труды Кіевск. Дух. Акад.* 1880, т. I), стр. 653—656. Проф. Е. Е. Голубинскаго. Очеркъ исторіи просвѣщенія у Грековъ (*Прав. Обозр.*, 1872, т. II). стр. 39—46.

[2]) Проскинитарій Арсенія Суханова, стр. 357.

ческихъ лицъ, то они не всѣ могутъ быть и бываютъ дѣйствительными духовниками въ Греко-восточной церкви. Отправленіе функціи духовничества организовано тамъ такимъ образомъ: всѣ приходы каждой епархіи раздѣляются на большіе или меньшіе духовническіе округа, и въ каждый округъ назначается въ духовники іеромонахъ, который постоянно живетъ при одной изъ церквей округа, а въ посты или вообще во дни, назначенные для исповѣди, онъ объѣзжаетъ желающихъ придти на исповѣдь. Отсюда, само собой возникаетъ правило, соблюдаемое тамъ, по которому каждый православный имѣетъ одного духовнаго отца и не можетъ мѣнять его по своему произволу. Указанные духовники (которыми могутъ быть и бѣлые священники, но обыкновенно отдается предпочтеніе монашествующимъ) получаютъ отъ архіерея власть совершать исповѣдь посредствомъ особыхъ грамотъ. Многіе архіереи поставляютъ духовниковъ не только простымъ дозволеніемъ и грамотою, но и присоединяютъ къ этому возложеніе рукъ на поставляемаго, что считается лучшею гарантіею добросовѣстнаго исполненія имъ своего долга [1]). Духовники пропитываются на счетъ своихъ духовныхъ дѣтей, получая отъ нихъ вознагражденіе за совершеніе исповѣдной требы, почему на Востокѣ о нихъ принято выражаться, что они „добываютъ заработокъ епитрахилью" [2]). Существованіе духовническаго института не служитъ однакожъ знакомъ того, что Греко-восточные духовники люди вполнѣ безупречные. Греческая Кормчая книга очень строго осуждаетъ такихъ духовниковъ, которые изъ-за корысти допускаютъ до св. Причастія даже лицъ, совершенно недостойныхъ того [3]). Значитъ, они не всегда стоятъ на высотѣ своей задачи.

Таинство брака на Востокѣ совершается иногда архіереями, не исключая самихъ патріарховъ, а такъ же архимандритами. Нерѣдко встрѣчается, что бракъ благословляютъ два или три архіерея заразъ, или же многіе священники вмѣстѣ. Бракъ рѣдко заключается въ храмѣ, а обыкновенно на дому, потому что на Востокѣ всѣ таин-

[1]) Πηδάλιον, σελ. 25. Примѣчаніе къ 39 прав. Апост.
[2]) Преосв. Порфирія. Книга бытія моего, III, 70.
[3]) Πηδάλιον, σελ. 135. Примѣч. къ 23 прав. VI всел. собора.

а, кромѣ священства, дозволяется совершать въ до-ъ. Вѣнцы брачащіеся приготовляютъ себѣ сами изъ ыхъ или искуственныхъ цвѣтовъ, а также покупаютъ магазинахъ. Эти вѣнцы новобрачные берутъ потомъ себѣ на домъ. Во время обхожденія около аналоя бра-ѣнчающіе и вѣнчаемые соединяются руками другъ съ гомъ. Браки считается позволительнымъ вѣнчать и въ ты, кромѣ св. Четыредесятницы [1]). Заключеніе браковъ ровождается, какъ и вездѣ, разными обрядами народ-о происхожденія. Наприм., во время обрученія, жениха евѣсту поятъ виномъ и угощаютъ вареньемъ изъ одной ки, связываютъ ихъ другъ съ другомъ подвязкой, ка-ютъ ихъ вмѣстѣ [2]). Впрочемъ о подобныхъ обычаяхъ ъ надобности много распространяться. — Касательно нства елеосвященія сдѣлаемъ лишь одно замѣчаніе. таинство на Востокѣ имѣетъ болѣе широкое при-неніе, чѣмъ у насъ. Напримѣръ извѣстно, что воспи-ники Халкинской духовной школы, обязанные говѣть ыре раза въ годъ, въ посты, по уставу школы должны дый разъ при этомъ принимать таинство елеосвяще-, какъ объ этомъ нами говорено было въ своемъ мѣстѣ. Обрядовая сторона погребенія умершихъ имѣетъ на токѣ много отличнаго отъ того, что наблюдается у ъ. Вотъ какъ происходили похороны въ XVII-мъ вѣкѣ. да кончалъ жизнь глава семьи, то въ комнатѣ, гдѣ одился покойникъ, собирались жена его, дѣти, род-енники и друзья съ растрепанными волосами и въ одранномъ платьѣ, при чемъ они ударяли себя въ дь и царапали свое лице ногтями. Слышался ужасный чъ и невѣроятный шумъ. При выносѣ покойника изъ а въ церковь, вдова покойнаго обнаруживала всѣ при-ки безутѣшнаго отчаянія: слезы лились ручьемъ, и она нимала такой вой, что казалось какъ будто бы она упо-бляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы и ея душа отлетѣла ьстѣ съ душей почившаго. Въ храмѣ по окончаніи службы,

[1]) Собран. мнѣній и отзывовъ митроп. Филарета. Т. IV, 433. Проф. А. А. грієвскаго. Труды Кіев. Дух. Акад., 1891, № 9, стр. 132 и 142.

[2]) Ricaut, p. 310. Слич. описаніе брачныхъ обычаевъ въ К-полѣ, сдѣ-ое нами выше стр. 602—603, или *Бог. Вѣст.*, 1900, т. I, стр. —287.

всѣ цѣловали крестъ, а также покойника въ лобъ и уста; наконецъ каждый же въ самой церкви съѣдалъ кусокъ хлѣба и выпивалъ стаканъ вина [1]). А вотъ перечисленіе главныхъ особенностей похоронъ на Востокѣ, соблюдавшихся въ XIX-мъ вѣкѣ. Погребеніе людей знатныхъ совершается съ большою пышностію. Духовенство обязано имѣть при этомъ бѣлое облаченіе, и всякій священникъ и діаконъ, хотя бы и не былъ приглашенъ, можетъ облачиться въ собственную ризу и сопровождать покойнаго до могилы. Изъ церквей берутся хоругви, кресты, иконы и проч.; музыка почти необходима при погребеніи всякаго довольно знатнаго человѣка; а если лице находилось на службѣ государственной, то идутъ войска и артиллерія (послѣдніе обычаи, конечно, имѣютъ мѣсто въ греческомъ королевствѣ). При погребеніи часто случается видѣть на проповѣднической каѳедрѣ людей свѣтскихъ: всякій образованный родственникъ или знакомый умершаго, а иногда и мужъ усопшей жены своей или отецъ сына имѣетъ право, съ благословенія предстоятеля, почтить ихъ похвальнымъ своимъ словомъ. Если погребеніе совершается на общемъ кладбищѣ, то одежда на умершемъ изрѣзывается на части вся, не исключая и самой обуви, въ предосторожность отъ похитителей. Бѣдные хоронятся безъ гробовъ. Женщины прощаются съ умершимъ въ домѣ, и ни въ церкви, ни при могилахъ не бываютъ, хотя-бы умершій былъ самымъ близкимъ родственникомъ. По окончаніи литіи священникъ четыре раза бросаетъ землю на гробъ: отъ главы могилы, отъ ногъ, съ правой стороны и съ лѣвой, образуя такимъ образомъ крестъ [2]). Въ Греціи существовалъ, и теперь существуетъ не новый обычай еще при жизни заказываютъ по себѣ сорокоустъ [3]). Греческая церковь отличается отъ нашей слѣдующею особенностію похоронъ. У насъ зарываютъ покойниковъ въ землю и въ ней оставляютъ навсегда. Въ Греціи же сначала зарываютъ покойниковъ въ землю, а потомъ черезъ три года, а иногда ранѣе или позднѣе, кости ихъ выкапываютъ изъ земли и полагаютъ въ особомъ помѣщеніи— кимитиріи или усы-

---

[1]) Ricaut, p. 296—298.

[2]) Собр. мнѣній и отзывовъ митроп. Филарета. IV, 432—433.

[3]) Πηδάλιον, σελ. 314. Примѣч. къ 120 прав. Кареаг. соб.

пальницѣ. Отрытіе и перенесеніе костей въ кимитирій составляютъ особый обрядъ, служащій какъ бы продолженіемъ и завершеніемъ похоронъ: приглашается священникъ и при совершеніи имъ обычной панихиды кости изъемлются изъ земли, обмываются водою и виномъ, слагаются въ небольшой ящикъ и вносятся въ церковь, гдѣ и служится заупокойная литургія и великая панихида; послѣ всего этого относятся въ кимитирій. Кимитиріемъ называется небольшой домъ или сарай при церкви, въ которомъ открывается предъ зрителемъ большая яма по срединѣ или большой ящикъ для помѣщенія костей людей бѣдныхъ, а затѣмъ шкапы съ полками для костей людей богатыхъ, въ послѣднемъ случаѣ на черепахъ дѣлаются надписи: кому они принадлежали и когда эти покойники скончались. Вышеописанный обычай проистекаетъ, вѣроятно, изъ разсчетовъ экономическихъ, изъ стремленія занимать поменьше мѣста кладбищами въ густонаселенныхъ странахъ (какъ греческій Востокъ и Италія, гдѣ тоже встрѣчается этотъ обычай). На Аѳонѣ тоже существуетъ этотъ обрядъ, но съ тѣмъ различіемъ, что черепа всѣхъ почившихъ съ надписью ихъ имени становятся на полкахъ, въ хронологическомъ порядкѣ, а черепа и даже кости заслужившихъ особенную память помѣщаются на полкахъ въ сосудахъ. Если кости обрѣтены чистыми и свѣтлыми, то аѳониты принимаютъ это, какъ свидѣтельство блаженнаго состоянія души почившаго въ загробномъ мірѣ [1]).

Во многихъ странахъ Греціи, особенно на островахъ, архіереи и священники до послѣдняго времени очень свободно позволяли погребать богатыхъ людей въ церквахъ, но дѣлалось это дѣло крайне небрежно, такъ что въ церкви появлялась вонь, и посѣтители, зажимая ротъ, должны были бѣжать отъ этихъ храмовъ, какъ отъ огня, напутствуя проклятіями здѣсь погребенныхъ. Съ этимъ безобразіемъ рука—объ—руку шло дикое обыкновеніе, по которому родственники умершаго не хотѣли ходить въ ту церковь, гдѣ погребенъ послѣдній; такъ поступали они изъ-за гнѣва на Бога (?), отнявшаго у нихъ любимаго

[1]) Проф. А. А. Дмитріевскаго. Очеркъ жизни игумена Пантелеймон. монастыря Макарія. Стр. 371—372. Петерб., 1896.

или дорогого человѣка. Греческая Кормчая очень сильно возстаетъ противъ такихъ дурныхъ обычаевъ и такихъ превратныхъ понятій [1]).

Скажемъ еще объ одномъ предметѣ, имѣющемъ отношеніе къ греческому богослуженію. Какъ происходитъ у насъ пріумноженіе лика святыхъ — это всѣмъ извѣстно. Не совсѣмъ такъ совершается тоже дѣло въ Греціи. Тамъ къ лику новыхъ святыхъ причисляются лишь почти одни мученики, пріявшіе вѣнецъ за исповѣданіе вѣры. Однимъ изъ чтимыхъ новоявленныхъ мучениковъ нужно считать Георгія новаго или янинскаго (отъ имени города Янины). Георгій пострадалъ въ 30-хъ годахъ текущаго вѣка — въ Янинѣ. Онъ былъ родомъ болгаринъ, по своему занятію Сеисъ, т. е. конюхъ. Служба его протекла въ домахъ турецкихъ. Въ свое время онъ женился на гречанкѣ и прижилъ съ ней сына Іоанна. Въ это время неизвѣстно — по какой причинѣ — по злобѣ или ошибкѣ — одинъ хаджъ объявилъ своему начальству, что Георгій сначала былъ Туркомъ, а потомъ сдѣлался ренегатомъ. Напрасно обвиняемый оправдывался. Его заключили въ тюрьму, долго мучили, домогаясь отреченія его отъ христіанства. Наконецъ онъ былъ повѣшенъ. Толпа христіанъ окружавшая мученика — вдругъ замѣтила неожиданный свѣтъ, окружавшій его голову — и объявила Георгія прославленнымъ мученикомъ. Турки въ свою очередь всполошились и тѣмъ еще увеличили силу впечатлѣнія отъ необыкновеннаго явленія. Погребеніе новомученику было сдѣлано торжественное. Отпѣвали его два архіерея: янинскій и еще другой. Въ маленькой церкви на дворѣ — въ янинской митрополіи стоитъ высокая его мраморная гробница [2]). Вдова новомученика долго жила послѣ него, пользовалась почтеніемъ и пропитывала себя доброхотными приношеніями вѣрующихъ. Сынъ новомученика Іоаннъ обзавелся хорошенькимъ бѣленькимъ домкомъ, красиво обставиль его. Одна большая комната увѣшана иконами и лампадами, какъ церковь. Въ нее, какъ и ко гробу Георгія, заходятъ христіане помолиться и

---

[1]) Πηδάλιον, σελ. 168. Примѣч. къ 83 прав. VI всел. собора.

[2]) См. еще очень любопытные разсказы преосвящ. Порфирія, подъ заглавіемъ: «Мученикотворство на Аѳонѣ». (Первое путешествіе въ аѳонскіе монастыри. Часть I, отдѣленіе 2-ое, сгр. 318. 328—341. Кіевъ, 1877).

жертвуютъ что-либо на свѣчи и масло, частію и на нужды домашнія.—Сынъ Георгія новаго женился на молодой красавицѣ—женился къ прискорбію нѣкоторыхъ лицъ, находящихъ, что сыну мученика пристойнѣе былобы пойти въ монахи, чѣмъ ожениться. Дѣйствительно, какъ-то странно слышать о женатомъ сынѣ мученика, имѣющемъ у себя въ домѣ молельню въ честь своего отца и молодую жену, одну изъ первыхъ красавицъ въ Янинѣ [1]).—Интересно, что современные Греки изображаютъ Георгія новаго на иконахъ вполнѣ сообразно тѣмъ сенсаціоннымъ обстоятельствамъ, при которыхъ происходило мученичество послѣдняго въ дѣйствительности. Въ такомъ видѣ изображены Георгій, его судъ и страданія въ Янинѣ на картинѣ, висящей на его гробницѣ. Одинъ русскій зритель этой иконописи справедливо замѣчаетъ: „привыкнувъ видѣть въ подобныхъ изображеніяхъ мучителемъ языческаго игемона въ костюмѣ римскаго воина или самаго языческаго царя, вдругъ видишь въ качествѣ мучителя изображеннымъ современнаго турецкаго пашу со всею современною обстановкою, и не знаешь чему дивиться больше — смѣлости ли живописца или равнодушію мѣстнаго (магометанскаго) начальства, которое хотя и не привыкло заглядывать въ христіанскіе храмы, но все же не можетъ не знать, что здѣсь оно выставлено на позоръ и на проклятія христіанъ“ [2]). Какъ, въ самомъ дѣлѣ объяснить, что Турки нимало не обращаютъ вниманія на то, что ихъ судъ и управленіе подвергаются осмѣянію въ христіанскихъ храмахъ въ ихъ собственномъ государствѣ, ихъ собственными подданными? Мыслимо ли это и возможно ли это еще гдѣ нибудь, кромѣ Турціи? Мы поймемъ явленіе, если узнаемъ, что и Греки и Славяне, подчиненные Туркамъ, увѣрены въ благодушіи и замѣчательной терпимости своихъ поработителей. Они сами, въ минуту откровенности, говорятъ: „съ Турками не только можно жить, но и любить ихъ можно иногда сердечно: ибо до тѣхъ поръ пока въ нихъ не возбуждено ихъ религіозное чувство до иступленія, они добры, уступчивы, великодушны, ласковы“, въ

[1]) Архим. Антонина. Изъ Румеліи, стр. 263—265. Леонтьева. Т. II, 241—245.

[2]) Арх. Антонина. Тамъ же, стр. 261.

особенности въ послѣднее время. А объ отдѣльныхъ наиболѣе добрыхъ Туркахъ у Грековъ и славянъ турецкихъ даже сложилась поговорка: „если родится добрый турокъ, то добрѣе его нѣтъ уже добраго человѣка на свѣтѣ" [1]).

Въ заключеніе сообщимъ нѣсколько свѣдѣній о такихъ предметахъ, которые хотя имѣютъ не столь близкое отношеніе къ собственно богослуженію греко-восточныхъ христіанъ, но все же ярко характеризуютъ религіозную жизнь ихъ.

Здѣсь прежде всего упомянемъ о нѣкоемъ обыкновеніи, сопровождающемъ освященіе воды въ день Богоявленія. Чинъ освященія воды въ Богоявленіе представляетъ замѣчательную особенность въ томъ, что въ концѣ священнодѣйствія въ Константинополѣ — патріархъ, а въ другихъ мѣстахъ митрополитъ или священникъ, совершающіе водоосвященіе, бросаютъ крестъ въ воду — въ море или рѣку. Вслѣдъ за тѣмъ изъ зрителей мущины, совершенно нагіе, бросаются въ воду, чтобы достать крестъ; кто въ этомъ первый успѣетъ, тотъ получаетъ право ходить съ этимъ крестомъ по домамъ цѣлый день для сбора подаяній въ свою пользу. Когда крестъ тяжелый (бываетъ и легкій— деревянный) и погружается на дно, особенно многіе бросаются, чтобы найти его; при чемъ случались даже убійства между соперниками, боровшимися подъ водою изъ-за креста [2]). Какъ бы мы ни судили объ этомъ обычаѣ, во всякомъ случаѣ нужно помнить, что разсматриваемое явленіе принадлежитъ къ числу древнихъ и встрѣчается въ XVII-мъ вѣкѣ [3]).

Извѣстно, что греческіе іерархи въ прежнее время нерѣдко снабдѣвали своихъ почитателей разнаго рода святынями сомнительной подлинности. Примѣровъ такихъ очень немало. Вотъ одинъ изъ нихъ. Константинопольскій патріархъ Пароеній I прислалъ въ даръ нашему царю Михаилу Ѳеодоровичу „муро отъ перваго вселенскаго собора 318-ти св. отцовъ" [4]); но исторія не знаетъ, чтобы

[1]) Леонтьева, II, 245; III, 12.
[2]) *Христ. Чтеніе*, за 1891 г., т. II, стр. 143.
[3]) Павла Алеппскаго. Путешествіе Макарія. Вып. V, стр. 119.
[4]) (Муравьева). Сношенія съ Востокомъ. Т. II, 261.

на І-мъ всел. соборѣ происходило освященіе мѵра. Другой патріархъ, Сильвестръ Александрійскій беретъ на себя превышающую силы человѣка задачу предсказать, на основаніи будтобы „Откровенія“ Іоанна Богослова, что у нашего царя Өеодора Іоанновича непремѣнно будетъ законный наслѣдникъ престола; а для того, чтобы это предсказаніе осуществилось, онъ послалъ супругѣ этого государя какую-то „землю Іорданскую“, которую и приказалъ ей вкушать со святой водой. Тотъ же патріархъ вручилъ русскому посланнику, возвращавшемуся въ Россію, къ вышеназванному царю, „хлѣбецъ пресвятой Богородицы“ и далъ ему такой совѣтъ: „если Божіимъ судомъ учинится въ морѣ буря (по дорогѣ), то пусть онъ кинетъ часть отъ этого хлѣбца въ море и море утишится“ [1]). Нужно имѣть слишкомъ много вѣры въ себя, чтобы поступить такъ, какъ поступилъ въ данномъ случаѣ патріархъ.

Послѣ этого не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, что нѣкоторые греческіе священники впадали даже прямо въ суевѣріе. Такъ священники, ради врачеванія больныхъ, читаютъ надъ ними какую-то суевѣрную хартію (τῆς Γιαλους); они же, ради волшебныхъ цѣлей среди горъ и долинъ, при зажженныхъ смоляныхъ факелахъ читаютъ апокрифическую Соломонову книгу, которую нашъ источникъ обзываетъ—діавольскою [2]). Само собою понятно, что подобные священники сквозь пальцы смотрятъ на суевѣрія народа, а такихъ суевѣрій у него очень много. Въ народѣ, наприм., сохраняются остатки отдаленнаго язычества. Христіане на Востокѣ отправляютъ какія-то курмбаніи (турецкое названіе), представляющія большое сходство съ языческими жертвами. Курмбанисты покупаютъ живыхъ овецъ, сами закалываютъ ихъ, зажигая свѣчи на ихъ рогахъ, окуривая өиміамомъ, затѣмъ зажариваютъ ихъ цѣльными, и изжаренныхъ и еще дымящихся кладутъ предъ свят. иконами, а кожу отдаютъ въ даръ церкви или монастырю [3]). Примѣръ другого суевѣрія. Міряне, съ разрѣшенія священниковъ, раскапываютъ гробы умершихъ, чтобы найти въ нихъ и умертвить т. называемыхъ Βρικολάκους (т. е.

1) Тамъ же. Т. I, 151—152.
2) Πηδάλιον, σελ. 156. Прим. къ 61 прав. VI-го всел. соб.
3) Πηδάλιον, σελ. 177. Прим. къ 99 прав. VI всел. соб.

вампировъ). Вампирамъ этимъ народное легкомысліе приписываетъ разнаго рода несчастія, случающія ся съ людьми[1]). Христіане Востока, какъ и въ другихъ странахъ, справляютъ сувѣрные и полуязыческіе обрядына святкахъ (календы), предаются шумнымъ гаданіямъ въ день рождества Предтечи. У нихъ же встрѣчается очень странное повѣрье, что будтобы турецкія бани обладаютъ свойствомъ вытягивать св. мvро изъ тѣла христіанина [2]), и проч.

Но если религіозность греко-восточныхъ христіанъ не чужда мутныхъ примѣсей, то, какъ бы взамѣнъ этого, они отличаются очень вѣрнымъ соблюденіемъ уставовъ церковныхъ. Какъ строго соблюдали и соблюдаютъ они посты, на этотъ счетъ можно привести много самыхъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Историкъ Рико, описывавшій состояніе греческой церкви XVII-го вѣка, заявляетъ, что греческій христіанинъ даже въ тяжкой болѣзни или въ крайности не позволялъ себѣ нарушить постъ и согласенъ былъ лучше умереть, чѣмъ оскоромиться [3]). Приблизительно тогоже времени греческій писатель Элладій замѣчалъ, что Греки избѣгали принимать во время поста даже лекарства, прописанныя врачемъ, не взирая на разрѣшенія архіерея со спокойною совѣстію вкушать изготовленное въ латинской кухнѣ [4]). Другой греческій же писатель, описывая XVII-ый вѣкъ, говоритъ, что греческіе христіане, мущины и женщины, ни въ чемъ не желаютъ уступать монахамъ по части наблюденія постовъ. Онъ же говоритъ, что Греки называютъ посты и въ особенности великую четыредесятницу „десятиною души", т. е. такимъ дѣломъ, въ которомъ какъ бы приносится въ жертву Богу часть самой души [5]). Даже постъ, называемый Петровками и считающійся у насъ, не исключая простолюдиновъ, сравнительно не важнымъ, и этотъ постъ христіане на Востокѣ соблюдаютъ очень строго. Архим. Антонинъ, описывая при одномъ случаѣ „розговѣнье" на Востокѣ по истеченіи этого поста, пишетъ: „розговѣнье это встрѣчено было съ тѣмъ же совершенно чувствомъ,

1) Тамъ же, σελ. 373. Прим. kъ 66 прав. Васил. Вел.
2) Леонтьева. T. III, 57.
3) Ricaut, p. 144.
4) Helladii. Status praesens ecclesiae Graecae, p. 168. Петерб., 1714.
5) Christoph. Angeli, p. 32. 73.

какъ и у насъ, пожалуй даже съ болѣе живымъ, потому что на Востокѣ извѣстная святцевая замѣтка о „разрѣшеніи вина и елея" принимается ни къ одному только свѣдѣнію, какъ у насъ, а прямо къ кухонному режиму" [1]. Въ греческихъ церквахъ есть обыкновеніе читать въ сырное воскресенье наставленіе патріарха о строгомъ соблюденіи наступающаго поста, и это слово не остается пустымъ звукомъ. Во всѣхъ константинопольскихъ храмахъ, въ теченіе всего этого поста всѣ ярко-блестящіе предметы бываютъ задрапированы въ черное, т. е. какъ бы облечены въ трауръ, напоминая о дняхъ плача и покаянія [2]. Посты соблюдаются во всей точности и по настоящую пору въ Греціи. Вотъ свидѣтельство очевидца, чуждаго всякаго пристрастія. „Въ постные дни здѣсь никто рѣшительно ни изъ священниковъ, ни изъ мірянъ не позволяетъ себѣ оскоромиться" [3]. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что знатные Греки въ прежнее время говѣли по четыре раза въ годъ, въ четыре извѣстные посты [4]. Возможно, что тоже правило соблюдается и нынѣ.

Наконецъ, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній касательно домашняго благочестія разсматриваемыхъ христіанъ. У Грековъ не принято держать иконъ въ пріемныхъ и жилыхъ комнатахъ; для иконъ отводится особая моленная въ помѣщеніи достаточнаго Грека, уединенная и удаленная отъ уличнаго шума; она уставляется часто дорогими иконами въ нѣсколько рядовъ со многими лампадами. Въ этой моленной найдете и аналой съ церковными книгами и шкапы, въ которыхъ хранятся частію богослужебныя книги, частію наслѣдственныя святыни. Здѣсь совершаютъ молитву домашніе. Въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ, вмѣсто моленной, устрояются небольшія домовыя церкви [5]. Въ Греціи есть обычай принимать къ себѣ священника для совершенія водосвятія въ первое число каждаго мѣсяца. Кропятъ при этомъ не только людей,

[1] Изъ Румеліи, стр. 552.
[2] Парѳенія. Сказанія о странствіи. Т. Ш, стр. 137.
[3] Карловой (псевдонимъ извѣстнаго Гельфердинга). Турецкая провинція. *Вѣст. Европы*, 1870, іюль, 157.
[4] Christoph. Angeli, p. 297.
[5] Парѳенія. Сказаніе о странствіи. Ш, 9—10.

но и стѣны домовъ, кропленіе производится миртовой вѣткой. Чѣмъ сильнѣе и обильнѣе производится кропленіе, тѣмъ оно считается дѣйственнѣе и полезнѣе для здравія. Водосвященіе происходитъ въ вышеупомянутыхъ молельняхъ или домовыхъ церквахъ. Въ бѣдныхъ помѣщеніяхъ дѣло ограничивается окропленіемъ принесенной съ собой священно-служителями святой водой. По окончаніи окропленія хозяинъ кладетъ деньги въ чашу со св. водой, которыя и поступаютъ въ пользу клира [1]).— Въ Греціи, находящейся подъ владычествомъ Турокъ, какъ извѣстно, всѣ школы христіанскія подлежатъ вѣдѣнію и власти патріархіи. Поэтому, въ интернатахъ этихъ школъ введены нѣкоторые религіозные обычаи, напоминающіе порядки нашихъ духовно-учебныхъ заведеній и пожалуй вообще монастырей. Такъ, тамъ введено чтеніе чего-либо назидательнаго, во время обѣдовъ вслухъ всѣхъ. Наприм., прочитываютъ по порядку священную исторію на новогреческомъ языкѣ. Совершается чтеніе утреннихъ и вечернихъ молитвъ для всѣхъ питомцевъ вмѣстѣ. Къ сожалѣнію, сказанный обычай иногда превращается въ пустой формализмъ. Преосвященному Порфирію разъ пришлось присутствовать на вечерней молитвѣ учениковъ народнаго училища на о. Халки — и вотъ что привелось ему наблюдать при этомъ. „Мальчики стояли лицемъ къ иконѣ, а начальникъ и учителя молились на нихъ (?). Стоя сзади, я замѣтилъ, что ни одинъ воспитанникъ не перекрестился; одни изъ нихъ стояли, какъ статуи, другіе смѣялись потихоньку, иные дремали облокотясь на стѣны. Это зрѣлище опечалило меня. Наконецъ комедія (?) была выполнена. Какихъ плодовъ, замѣчаетъ авторъ, можно ожидать отъ такого воспитанія, которое не только не развиваетъ, а еще подавляетъ чувство религіозное въ самомъ раннемъ дѣтствѣ" [2])? Но можно полагать, что наблюденіе почтеннаго автора встрѣтилось лишь съ печальнымъ исключеніемъ.

Греческіе ученые нашего времени скептически взираютъ на религіозное состояніе греческихъ христіанъ

---

[1]) Леонтьева. Т. III, 286, 288.
[2]) Книга бытія моего. I, 200.

Благочестіе Грековъ, по ихъ мнѣнію, часто лишь ограничивается суровымъ, по образцу монастырскому, соблюденіемъ постовъ, посѣщеніемъ службъ, и вообще обращено на внѣшнюю сторону религіи; благочестіе народа, вслѣдствіе недостатка образованія, часто перемѣшано съ предразсудками и суевѣріями и запечатлѣно фанатизмомъ по отношенію къ иновѣрцамъ. Такого мнѣнія держится профессоръ церковной исторіи Аѳинскаго университета Діомидъ Киріакъ [1]).

---

1) Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία. Τόμ. III, σελ. 79—80. Аѳины, 1898.

II.

(Свѣдѣнія касательно нравовъ высшаго духовенства.—Приходское духовенство и нѣсколько замѣчаній о нравахъ его. — Народъ — его отношенія къ высшему и приходскому духовенству, — поучительныя извѣстія въ этомъ случаѣ;—краткая характеристика народныхъ нравовъ: семейная жизнь,—вдовье положеніе женщины,—привитіе добрыхъ навыковъ дѣтямъ,—обычай побратимства.—Благотворительность и страннопріимство).

Нашъ русскій востоковѣдъ епископъ Порфирій (Успенскій) пишетъ: „На Востокѣ много архіереевъ. Въ Палестинѣ, гдѣ едвали есть 20,000 православныхъ христіанъ, святительствуютъ, кромѣ патріарха, восемь архипастырей. Въ Сиріи на 70,000 православнаго народонаселенія считается десять — одиннадцать іерарховъ. Константинопольскому патріарху подвѣдомы сто пятьдесятъ епархій [1]). Итакъ восточная церковь есть какъ бы многоочитый Херувимъ". „Восточные архіереи, обозрѣвая свои епархіи, въ селахъ посѣщаютъ каждый домъ и каждую овцу глашаютъ по имени. Такою близостію ихъ къ народу отчасти объясняется безпрекословное повиновеніе имъ мірянъ" [2]).

Дѣйствительно, не только епархіальные архіереи, но и сами патріархи принимаютъ на себя на Востокѣ трудъ продолжительнаго и неспѣшнаго обозрѣнія и объѣзда подчиненныхъ имъ пасомыхъ. Такъ, о патріархѣ Антіохійскомъ Евфиміи II (1635 — 1648 г.) разсказывается, что „пася народъ свой со страхомъ Божіимъ, онъ по прошествіи трехъ лѣтъ, посѣтилъ всѣ епархіи престола своего и возвратился во свояси, и опять по прошествіи трехъ лѣтъ посѣтилъ ихъ и возвратился" [3]). Подобное же извѣстно и о другомъ патріархѣ Макаріи (1648 — 1672 г.).

---

1) Нужно помнить, что авторъ писалъ эти строки въ 1846 г. Теперь же число архіереевъ на Востокѣ еще болѣе возросло.

2) Книга бытія моего. Т. III, 90—91.

3) Еписк. Порфирія. Востокъ христіанскій (Сирія), стр. 95. Кіевъ, 1874.

его путешествіе по Антіохійскому патріархату проалось почти годъ, отъ 16 іюля 1659 г. до 1 іюня года. Замѣтки объ этомъ путешествіи сдѣланы были зое время очевидцемъ, сыномъ Макарія, архидіако- Павломъ Алеппскимъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ гокъ. „Патріархъ выѣхалъ изъ Дамаска съ цѣлію .ть положенные денежные взносы и обозрѣть поло- : своей паствы. Онъ отправился въ ближайшіе къ ску города. Въ этотъ день (день выѣзда) онъ перезалъ въ деревнѣ Димасъ... Прибылъ въ Сидонъ, гдѣ ался 12 дней". Затѣмъ перечисляются различные ;а и селенія, какіе обозрѣвалъ патріархъ. Повѣство- :ь при этомъ отмѣчаетъ, гдѣ именно въ пути совер- богослуженіе патріархъ. „Мы прибыли — пишетъ -въ монастырь пророка Иліи, гдѣ совершали службу ıравились въ Бисканту подъ горой Ливаномъ и слу- въ ея церкви. Затѣмъ пріѣхали въ Кафр-Акабъ и или въ его новой церкви, послѣ того, какъ мы ее 'или и привели въ порядокъ ея алтарь. Это было)скресенье въ началѣ октября. Мы возвратились въ зе и тутъ также служили два раза" [1]). Нѣтъ сомнѣ- акого рода обзоры патріархата, сопровождавшіеся соэніемъ архіерейской службы въ разныхъ захолустныхъ ıхъ, благоустроеніемъ храмовъ и весьма естественно— ѣдованіями архипастыря съ пасомыми, собесѣдова- ı, служившими къ утвержденію вѣры и благоче- — должны были приносить большую пользу мѣстной ıи.

.изнь даже высшихъ іерарховъ, т. е. патріарховъ, проа среди простоты и при самой незатѣйливой обста- ›. Одинъ историкъ, описывающій состояніе Греческой :и начала XVIII-го вѣка пишетъ о патріархѣ Константюльскомъ: „лучше всего то, что патріархи эти носкромную одежду, которая у нихъ одинакова съ про- духовенствомъ, — это черная шляпа и черное же .е. Въ ихъ помѣщеніи все бѣдно (schlecht), къ посѣцимъ ихъ они относятся любезно и смиренно, позво- ь имъ садиться. Ихъ скромность хвалятъ даже Іе-

Іавла Алеппскаго. Путешествіе Антіохійскаго патр. Макарія въ Росреводъ. Вып. V, стр. 196—197.

зуиты. Столъ ихъ очень умѣренъ, къ столу обыкновенно приглашается одинъ или нѣсколько архіереевъ. Когда патріархъ и его гости встаютъ изъ-за стола, за него садятся монахи (свита патріарха) и пользуются остатками. Если патріархъ ѣдетъ въ городъ, то садится на лошадь въ обыкновенной своей одеждѣ, въ правой рукѣ онъ держитъ узду, а лѣвой посылаетъ благословеніе. Позади его слѣдуютъ нѣсколько діаконовъ, изъ которыхъ одинъ несетъ его жезлъ, а впереди ѣдутъ двое кавасовъ. Для прогулокъ его служитъ небольшой садъ, находящійся позади патріаршихъ покоевъ. Часто онъ отправляется въ селенія или водой на небольшіе острова, лежащіе вблизи Константинополя, гдѣ есть сады и виноградники, принадлежащіе патріархіи или его добрымъ друзьямъ. Если онъ скупъ или отличается строго-точнымъ хозяйствованіемъ, то онъ можетъ коечто сберечь изъ своихъ доходовъ и оставить наслѣдство своимъ родственникамъ" [1]). Разумѣется, патріархи остальныхъ восточныхъ патріархатовъ проводили жизнь приблизительно по тому же образцу, беря примѣръ съ Константинопольскаго патріарха. Извѣстный патріархъ Іерусалимскій Досиѳей (1669—1707 г.) говорилъ: „расходы наши суть равны съ единымъ игуменомъ наименьшаго монастыря, и на всѣ наши одежды не изойдетъ (въ годъ) и пятисотъ асперовъ" (мелкая монета), и прибавляетъ: „платья дорогія духовнымъ людямъ непристойно и носили такія платья иконоборцы". По его же словамъ, „патріархи наипаче пѣши ходятъ". Тотъ же патріархъ Досиѳей говаривалъ: „у него книги (какихъ онъ имѣлъ болѣе тысячи) вмѣсто вотчинъ, которыя имѣютъ въ Московскомъ государствѣ патріархъ, митрополиты и монастыри" [2]). И нужно сказать, что Іерусалимскіе патріархи въ самомъ дѣлѣ не чужды были библіофильства; основанная ими библіотека при свято-гробскомъ подворьѣ въ Константинополѣ до сихъ поръ продолжаетъ оказывать очень цѣнныя услуги богословской наукѣ.

Патріаршія помѣщенія вообще на Востокѣ незатѣйливы. На нашего русскаго путешественника Арсенія Су-

1) Elssner. Neueste Beschreibung derer Griechischen Christen in der Türckey. S. 71—73. 87. Berlin, 1737.

2) Проф. Н. Ѳ. Каптерева. Сношенія Іерус. патріарха Досиѳея съ русск. правительствомъ. Стр. 181. 183. 58. М. 1891.

ханова резиденція Константинопольскаго патріарха производила впечатлѣніе чего-то очень скромнаго. „Дворы патріарши, пишетъ онъ, съ малыми воротцы, якобы калитка“ [1]). Патріаршее помѣщеніе въ Константинополѣ и впослѣдствіи сохраняло видъ очень непритязательный. Александрійскій патріархъ долгое время не имѣлъ сколько-нибудь приличнаго обиталища, и только въ срединѣ XIX-го вѣка на средства русскаго императора устроенъ патріаршій домъ вполнѣ соотвѣтствующій своему назначенію [2]). Впрочемъ, патріархи восточные не отказывались отъ устроенія себѣ даже красиваго помѣщенія, когда открывалась къ тому возможность. Такъ извѣстный Павелъ Алеппскій разсказываетъ, что часть денегъ, привезенныхъ патріархомъ Антіохійскимъ Макаріемъ изъ Московскаго государства, употреблена была на сооруженіе новой патріархіи въ Дамаскѣ. Павелъ говоритъ: „мы построили новый дворецъ (патріаршій), приличествующій намъ. Съ передней стороны дворца я облицовалъ его чернымъ и бѣлымъ камнемъ, съ основанія до вершины, и устроилъ при немъ фонтанъ и водоемъ изъ пестрой мозаики и цвѣтного мрамора, выбрасывающій воду, которая, разсыпаясь въ своемъ паденіи, чаруетъ своимъ журчаніемъ“. Особенныя заботы приложены были къ украшенію зала дворца. „Залъ мы выслали, говоритъ Павелъ, матеріалами разнаго рода и разныхъ цвѣтовъ, и я посылалъ въ Алеппо за желтой и зеленой черепицей. Красота зала съ его водоемомъ и водометомъ сдѣлалась предметомъ разговоровъ—прибавляетъ онъ, въ городѣ Дамаскѣ, и многіе изъ именитыхъ людей нерѣдко приходили посмотрѣть на него“. Все устроено было сообразно лучшимъ образцамъ. Вообще, по словамъ Павла Алеппскаго, имѣлось какбы въ виду опровергнуть мнѣніе, что „мастера новыхъ временъ неспособны производить работы, подобныя древнему искусству“. Какъ ни хорошо была устроена патріархія во дни патріарха Антіохійскаго Макарія, представляя изъ себя „восхитительный видъ“, тѣмъ не менѣе Павелъ Алеппскій сознается, что при большемъ обиліи

[1]) Проскинитарій, стр. 17.

[2]) Еписк. Порфирія. Александрійская патріархія (Сборникъ матеріаловъ, изслѣдованій и записокъ), 378. Спб., 1898.

денегъ, онъ могъ бы устроить многое и еще лучше. „Конечно—замѣчаетъ онъ,—еслибы въ нашемъ обладаніи была цѣлая сокровищница золота, она подверглась бы въ нашихъ рукахъ полному израсходованію, и это сооруженіе стояло бы памятникомъ для будущихъ поколѣній, ибо хотя деньги, имѣвшіяся у насъ, составились изъ даяній христіанъ, но употребленіе ихъ на эти хорошія дѣла несомнѣнно есть весьма похвальное дѣяніе“ [1]).

Вмѣстѣ съ простотой и неприхотливостію въ жизни Греческіе іерархи отличались значительною толерантностію въ религіозныхъ отношеніяхъ. Что въ другихъ странахъ, наприм., въ Россіи, могло бы возбуждать недоумѣнія, сомнѣнія и даже соблазнъ, то, со спокойною совѣстію, свободно допускалось въ Греціи. Объ этого рода толерантности могутъ свидѣтельствовать и тѣ отвѣты, которые даетъ нашему путешественнику Арсенію Суханову Александрійскій патріархъ Іоанникій на его недоумѣнные вопросы. Арсеній, наприм., спрашивалъ этого послѣдняго: „аще въ пустыни просфиры не будетъ, можно ли изрѣзавъ простой хлѣбъ въ части и надъ тѣмъ служити“? И въ отвѣтъ получилъ: „можно, вырѣзавъ изъ хлѣба часть и назнаменовавъ крестъ и надписавъ ІС ХС и надъ тѣмъ служить“. Арсеній предлагалъ патріарху другой вопросъ: „достоитъ ли погребать мертваго въ воскресенье или Господній праздникъ“, и получилъ такой отвѣтъ: „во вся дни достоитъ погребати, и въ воскресный день и въ Господскій праздникъ, только предъ обѣднею не достоитъ погребать, если служить ему, кто погребаетъ“. Арсеній далѣе предлагаетъ тому же патріарху вопросъ, который немало смущалъ совѣсть древнихъ русскихъ людей: „егда, гдѣ купели не случится въ церкви или въ дому, можно-ли крестить обливаніемъ или и покропленіемъ, если будетъ иноземецъ боленъ или и младенецъ, а поднять къ погруженію нельзя“? Но патріархъ не видитъ и не находитъ никакихъ затрудненій тамъ, гдѣ усматриваетъ ихъ мысль, стѣсненная обрядовымъ направленіемъ; Іоанникій заявляетъ: „можно и въ дому крестить и безъ купели, аще въ церковь не можно вынести“, и прибавляетъ: „аще и оздравѣетъ, то крещеніе

1) Путешествіе патріарха Антіохійскаго Макарія. Вып. V, 150—152.

есть право, и снова крестить не подобаетъ“ [1]). Греческіе іерархи и духовенство не находятъ ничего противнаго своей совѣсти въ томъ, что они принимаютъ самое непосредственное участіе въ погребеніи неправославнаго архіерея, наприм. копта. Преосвящ. Порфирій былъ очевидцемъ слѣдующаго случая въ Каирѣ. Въ 60-хъ годахъ XIX-го вѣка здѣсь умеръ коптскій патріархъ Кириллъ. Въ его погребеніи приняло участіе и православное духовенство города. Наступилъ часъ выноса тѣла въ церковь, повѣствуетъ указанный авторъ, Синайскій архіепископъ въ мантіи, омофорѣ и митрѣ, все греческое и коптское духовенство, въ ризахъ двинулись туда подъ осѣненіемъ хоругвей съ возженными свѣчами. Въ старомъ храмѣ (православномъ?) усопшій, въ сидячемъ положеніи на креслѣ, поставленъ былъ на срединѣ противъ царскихъ вратъ; и тутъ его отпѣло греческое духовенство по своему обряду и провозгласило ему вѣчную память. Копты же молчали, потому что раньше отпѣли его дома [2]).

Если въ религіозныхъ отношеніяхъ, какъ видимъ, высшее духовенство на Востокѣ отличается толерантностію и мягкостію правилъ, то въ административномъ отношеніи тоже духовенство иногда бываетъ властительно и сурово. Извѣстно, что турецкое правительство облекло въ особенности первенствующихъ греческихъ іерарховъ большею властію гражданскаго характера въ отношеніи къ ихъ подчиненнымъ. Эта власть даетъ имъ возможность карать религіозныя преступленія, неповиновеніе, смутьянство и проч. Есть власть; естественно, что она проявляется и въ практикѣ. Представимъ нѣсколько примѣровъ примѣненія къ дѣлу указанной власти. Въ 1882 году, за смертію патріарха Іероѳея опросталась Іерусалимская патріаршая каѳедра. На мѣсто скончавшагося іерарха избранъ былъ въ преемники ему популярный въ средѣ святогробскаго духовенства архимандритъ Фотій. Но у русской дипломатіи давно созрѣла мысль возвести на Іерусалимское патріаршество лицо, наиболѣе расположенное къ Россіи и хорошо извѣстное у насъ. Выборъ нашей дипломатіи остановился на Ѳаворскомъ архіепископѣ Нико-

[1]) Проскинитарій, стр. 43. 44. 47.
[2]) Еписк. Порфирія. Александрійская патріархія, стр. 397.

димѣ, долго проживавшемъ въ качествѣ управляющаго подворьемъ св. гроба въ Москвѣ. Никодимъ, какъ ставленникъ русскій (хиротонисанъ въ архіереи въ Петербургѣ), подавалъ большія надежды на улучшеніе іерусалимскихъ дѣлъ во всѣхъ сферахъ, а потому русская дипломатія обратила свои взоры на него и постаралась, затормозивъ каноническіе выборы, добиться предъ султаномъ утвержденія на патріаршествѣ своего излюбленнаго кандидата. Новый патріархъ, какъ навязанный святогробскому духовенству извнѣ, былъ встрѣченъ въ Іерусалимѣ съ недовѣріемъ и даже прямою, плохо скрываемою враждою. Недовольные клирики стали группироваться около архимандрита Фотія, который не только не примирился съ совершившимся фактомъ назначенія Никодима въ патріархи, но и титуловалъ себя „нареченнымъ патріархомъ Іерусалимскимъ", протестовалъ противъ его незаконнаго вступленія на патріаршую каѳедру. Чтобы положить конецъ такому порядку вещей и чтобы уничтожить гнѣздо всякихъ враждебныхъ начинаній, Никодимъ рѣшился на такую мѣру: явныхъ сторонниковъ архимандрита Фотія изгналъ изъ патріархіи, а его самого подъ строгимъ турецкимъ конвоемъ отправилъ въ заточеніе въ Синайскій монастырь, съ наказомъ архіепископу Синайской горы держать его въ суровомъ режимѣ. Фотій пробылъ здѣсь въ ссылкѣ семь лѣтъ [1]). Другой примѣръ: въ началѣ XVII вѣка патріархъ Александрійскій воспретилъ синайскому монастырю, именуемому Джуванія, совершать богослужебныя дѣйствія для каирскихъ христіанъ, находя въ этомъ ущербъ для своихъ доходовъ [2]). Что касается отдѣльныхъ христіанъ, то не только патріархъ, но архіерей того, кѣмъ они недовольны, наказывали ссылкою, заточеніемъ въ монастырь въ качествѣ исправляемаго или въ качествѣ сумасшедшаго и т. д. [3]).

Скажемъ о приходскомъ духовенствѣ и его нравахъ;

---

1) Проф. А. А. Дмитріевскаго. Новоизбранный патріархъ Александрійскій Фотій. «Труды Кіев. Дух. Акад.» 1900, май, стр. 116—118.

2) Проф. Воронова. Синайское дѣло, 28—29. Кіевъ. 1872.

3) Еписк. Порфирія. Книга бытія моего. Т. III, 91; Сырку, 22.—Другія подробности о нравахъ высшаго духовенства см. въ нашемъ очеркѣ: *нравственный обликъ Константинопольской патріархіи* (выше, стр. 247—340 или: *Бог. Вѣстн.*, 1895, т. I и III).

но къ сожалѣнію наши свѣдѣнія въ этомъ отношеніи очень ограничены.

Священники, особенно въ селахъ, часто имѣютъ очень многочисленную паству. Случается, что не болѣе пятидесяти домовъ. Но вотъ что замѣчательно: имѣя такіе маленькіе приходы священники умѣютъ жить прилично и не испытываютъ недостатковъ въ матеріальномъ отношеніи. Это обстоятельство возбуждаетъ истинное удивленіе у нѣкоторыхъ наблюдателей [1]). Но дѣло это отчасти объясняется тѣмъ, что священники не избалованы въ своихъ потребностяхъ, а пасомые вообще охотно дѣлятся съ ними своими достатками.

Въ Греко-восточной церкви въ священническомъ санѣ состоятъ, безъ различія, какъ люди женатые, такъ и неженатые, что конечно вполнѣ сообразно съ канонами. Но не смотря на такое различіе, тѣ и другіе одинаково требовательны въ отношеніи матеріальной помощи со стороны паствы. Женатые, конечно, оправдываютъ себя въ этомъ случаѣ тѣмъ, что у нихъ жена и дѣти. Оправданіе—естественное, тѣмъ болѣе, что священники и ихъ семьи въ Турціи не могутъ разсчитывать ни на пенсіи, ни на щедроты отъ архіерейскихъ каѳедръ и должны сами, какъ они тамъ знаютъ, устроять свои семейныя дѣла. И нужно отдать имъ справедливость: священники привыкли не возлагать надеждъ на другихъ, а больше всего надѣяться на самихъ себя. На Востокѣ не рѣдкость видѣть, что сыновья священниковъ, воспособляемые отъ своихъ отцевъ, заводятъ торговлю и ведутъ ее не хуже настоящихъ купеческихъ фирмъ [2]). Быть можетъ, поэтому въ народѣ тамъ (какъ и у насъ) существуютъ грубо-ироническія поговорки на счетъ дѣтей священника, поповичей, въ родѣ поговорки: „сынъ попа—племянникъ діавола“ [3]). А лица безбрачныя изъ числа священниковъ, часто нося имя игумена (будетъ ли онъ священствовать въ монастырѣ, обращая послѣдній въ приходскую церковь, или же живя съ такимъ титуломъ въ приходѣ, а это не рѣдкость) тоже стремятся къ пріобрѣтенію бреннаго ме-

1) Арх. Антонина. Изъ Румеліи, 205.
2) Тамъ же, 206.
3) Леонтьева. III, 215.

талла: или для того, чтобы на деньги купить архіерейство, или же для того, чтобы, наживъ деньги, сбросить съ себя игуменство, жениться, переѣхать на жительство въ большой городъ, въ родѣ Аѳинъ, и заняться какой-либо свободной профессіею [1]).

Есть русская псоловица: отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ. Она приложима и къ греческому духовенству, священникамъ. Такъ какъ священники находятся въ Турціи въ податномъ состояніи по отношенію къ епископамъ, т. е. несутъ разнообразныя и нелегкія повинности [2]), то естественно, что они должны изобрѣтать разныя способы удовлетворить и архіерея и обезпечить свое личное положеніе. При подобныхъ обстоятельствахъ очень разборчивымъ въ способахъ добыванія копѣйки быть невозможно. Въ Греціи существовала строго-опредѣленная такса, сообразно которой взимались деньги за совершеніе всѣхъ церковныхъ требъ. Особенно выгодную статью доходовъ составляли длинные и строгіе посты. Если пасомый, исповѣдываясь предъ духовникомъ, объявлялъ, что онъ въ томъ или этомъ отношеніи нарушилъ постъ, то духовный отецъ прощалъ ему грѣхъ только подъ условіемъ извѣстной платы за нарушеніе церковныхъ предписаній. Говорятъ, что священники имѣли списки, въ которыхъ точно обозначалось: за какую сумму денегъ могъ быть отпущенъ тотъ или другой грѣхъ. Вообще о матеріальномъ состояніи священниковъ иногда приходится читать такое замѣчаніе: доходы священниковъ прямо пропорціональны порочности пасомыхъ [3]). Такъ по крайней мѣрѣ было въ старыя времена. Едва-ли нужно прибавлятъ, что священники изъ-за прибыли не гнушались никакимъ житейскимъ занятіемъ, обѣщавшимъ имъ выгоду и доходъ.

Одинъ старинный нѣмецкій историкъ, Гейнекціусъ говоритъ: „не существуетъ такого народа, который имѣлъ бы больше любви и уваженія къ своей церкви, какъ Гре-

1) Сыркy, стр. 60.

2) См. объ этомъ выше: «Матеріальное положеніе Кон—польской патріархіи», на что уже было указано.

3) Pichler. Protestantismus in der Orientalischen Kirche im 17 Iahrhund. S. 29. Münch, 1862.—Pichler. Geshichte der kirchlichen Trennung. B. I, 427. Münch., 1864.

ки". Эта любовь и уваженіе къ церкви выражается у Грековъ очевиднѣе всего въ ихъ почтеніи къ духовенству. Историкъ Рико говоритъ, что „уваженіе Грековъ къ духовенству можно называть фундаментомъ и опорой ихъ церкви". А извѣстный намъ греческій писатель Элладій прибавляетъ, что „они охотнѣе сами помрутъ отъ голода, чѣмъ позволятъ претерпѣвать недостатки своей церкви и духовенству" [1]). Такое отношеніе греко-восточныхъ христіанъ къ своему духовенству объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что духовнаго сословія, какъ понимаемъ его мы русскіе, тамъ нѣтъ, а всѣ степени церковной іерархіи и церковно-служительскія званія доступны на Востокѣ каждому безъ различія сословій и общественнаго положенія. Знаніе грамоты, умѣнье читать, писать и пѣть по нотной богослужебной книгѣ, окончаніе курса въ народной или церковно-приходской школѣ, дипломъ объ окончаніи курса въ гимназіи—вотъ что открываетъ путь для молодыхъ людей ко вступленію въ клиръ, позволяетъ имъ становиться діаконами, священниками, а современемъ благодаря личнымъ дарованіямъ и заслугамъ достигать высшихъ іерархическихъ степеней. Однимъ словомъ: тамъ все приходское духовенство „избирательное", а потому духовнаго юношества тамъ не было, нѣтъ и (вѣроятно) не будетъ [2]).

Народъ съ особеннымъ почтеніемъ относится къ высшему духовенству,—архіереямъ. Нашъ паломникъ Арсеній Сухановъ съ истиннымъ удовольствіемъ разсказывалъ о слѣдующемъ явленіи, которое ему привелось наблюдать. Если богослуженіе совершалъ самъ патріархъ, то, по его окончаніи, онъ первый выходилъ изъ церкви; въ противномъ же случаѣ первымъ выходилъ отсюда служившій іерей или игуменъ. „А прежъ патріарха—замѣчаетъ Арсеній,—ни изъ церкви, ни отъ церкви отнюдь никто не пойдетъ... прежъ служащаго іерея отнюдь никто не пойдетъ изъ церкви ни изъ иноковъ, ни мірскихъ людей; и тако творятъ вездѣ у Грековъ". Вслѣдъ за патріархомъ изъ церкви выходили священники „и прочіи вси по ряду",

[1]) Ricaut. Histoire de l'eglise Grecque, p. 13. Helladii. Status ecclesiae graecae, p. 64.

[2]) Сырку. Опис. бумагъ еписк. Порфирія, 73.

а затѣмъ и міряне, всѣ поклонялись малымъ поклономъ патріарху и становились по сторонамъ его. Когда же всѣ выходили, патріархъ отправлялся въ свои келліи и взойдя на лѣстницу, обращался лицомъ къ народу и „осѣнялъ рукою на весь міръ"; только послѣ уже этого, посѣтители церкви и службы, расходились по своимъ домамъ [1]).

Въ частныхъ сношеніяхъ съ архіереями народъ отличался и отличается крайней къ нимъ внимательностію и и предупредительностію. Вотъ прежде всего свидѣтельство изъ XVII-го вѣка. Когда извѣстный патріархъ Макарій антіохійскій, возвращаясь изъ Россіи, достигъ побережья Чернаго моря въ Малой Азіи, то встрѣченъ былъ народомъ здѣсь съ замѣчательнымъ вниманіемъ и любовію, не смотря на то, что это было за предѣлами его патріархата. Напримѣръ, когда Макарій и его многочисленная свита остановилась въ городѣ Эносѣ, то путникамъ этимъ „ни разу не пришлось покупать чего-либо на рынкѣ, ибо женщины и мужчины на перебой приносили имъ обѣденные припасы—хлѣбъ, разнаго рода кушанья, одно за другимъ, водку и вино и другіе напитки, и все это въ такомъ количествѣ и столь похвальныхъ качествъ, что превосходило всякое описаніе. Всѣ они, днемъ ли, ночью ли—были готовы къ услугамъ Макарія и его спутниковъ". Тоже повторилось, когда этотъ же патріархъ потомъ пріѣхалъ въ одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ, принадлежащихъ къ его патріархату—въ Алеппо. „Собрались всѣ съ большою торжественностію, чтобы выразить честь патріарху, котораго они наперерывъ одинъ предъ другимъ угощали обѣдомъ и ужиномъ, условившись между собою, что когда онъ пообѣдаетъ въ одномъ мѣстѣ, ужинать будетъ въ другомъ, и такъ горячо добивались чести принять его, что иногда случалось,—двое или трое въ одно время готовили угощеніе. Не менѣе многочисленны были ихъ подарки и милостыни" [2]). А вотъ и свидѣтельство изъ второй половины XIX-го вѣка. Посѣщая архіерея, „архонты (т. е. лица сановныя) почтительно цѣлуютъ

---

[1]) Проскинитарій, стр. 216—217. Сл. Бѣлокурова. Арсеній Сухановъ, ч. I, стр. 313—314.

[2]) Павла алеппскаго. Путешествіе патр. Макарія. Вып. 5, стр. 124. 147. М. 1900.

руку архіерея, низко ему кланяются, подаютъ ему туфли, безпрестанно говорятъ: отче святый. А если сановный посѣтитель застаетъ владыку предающимся кейфу на софѣ, то поправляетъ ему одѣяло на ногахъ, съ поспѣшностію принимаетъ изъ рукъ его чубукъ, не давая времени прислужнику принять послѣдній, когда архіерей сдѣлаетъ лишь одно движеніе" [1])...

Но безъ сомнѣнія, важнѣе всего — покорность и послушаніе, какое обнаруживаетъ христіанскій народъ на Востокѣ, распоряженіямъ и требованіямъ, исходящимъ отъ власти „архіерейской", Преосв. Порфирій пишетъ. „Восточное духовенство сумѣло пріучить православныхъ мірянъ къ покорности ему. Вотъ тому доказательства. По тѣснымъ обстоятельствамъ времени, цареградскіе патріархи повелѣли читать тихомолкомъ въ алтарѣ моленія объ оглашенныхъ, дабы сократить литургію; и никто не прекословилъ имъ. А вселенскій же патріархъ Германъ, въ 1843 году, предписалъ всѣмъ своимъ архіереямъ напротивъ громко сказывать эктеніи объ оглашенныхъ; и всѣ единодушно отвѣчали: да будетъ. Въ томъ же году исправлены были греческія служебныя Минеи такъ, что цѣлыя реченія прежнія замѣнены въ нихъ новыми, будто-бы лучшими; и отъ того никакого раскола, даже никакого волненія не было въ клирѣ и народѣ. Вся тяжесть взносовъ (на нужды церковно-общественныя и архіерейскія) падаетъ на народъ, но онъ безропотно несетъ ее (ради блага душъ своихъ), исполняя долгъ свой. Подите вы, владыка, постучитесь въ двери русаковъ, составляющихъ вашу паству и попросите себѣ годоваго подаянія или подарка. Получите? Дается вамъ? Ни. Почему же"? Вслѣдъ затѣмъ нашъ писатель присовокупляетъ: „во всѣхъ патріархатахъ священники избираются изъ среды народа, а потому народъ слушаетъ тѣхъ, которыхъ самъ поставилъ своими вождями, а вожди эти пользуясь народнымъ довѣріемъ къ себѣ, имѣютъ ту смѣлость, какой не имѣемъ мы" [2]).

[1]) Леонтьева. II, 275. III, 57.

[2]) Книга бытія моего. III, 89—90. — Кстати скажемъ, что народъ на православномъ Востокѣ питаетъ большое уваженіе и довѣріе къ своимъ монастырямъ. Вотъ что, наприм., пишетъ проф. А. А. Дмитріевскій объ отношеніи жителей Патмоса къ ихъ Іоанно-Богословскому монастырю. «Отно-

Разумѣется, мы не можетъ ожидать того, что бы и приходское духовенство пользовалось бы такимъ же почтеніемъ и встрѣчало бы такое же послушаніе со стороны народа, какъ сами архіереи. Нѣкоторые греческіе архіереи, повидимому, не совсѣмъ довольны отношеніями паствы къ приходскому духовенству, находя, что первая недостаточно послушна голосу своихъ непосредственныхъ пастырей. Такъ отъ иного архіерея, послѣ того, какъ имъ совершенъ объѣздъ его епархіи, можно услышать такія рѣчи. „Всякое путешествіе поучительно чѣмъ нибудь. Видѣлъ и я нѣчто полезное, видѣлъ людей (т. е. священниковъ), которые пасли овецъ и другихъ людей (опять тоже священниковъ), которые за свиньями смотрѣли. Думалъ я, какая благодать пасти кроткихъ овечекъ! Всѣ онѣ вмѣстѣ, всѣ согласны, куда бѣжитъ одна, бѣгутъ и другія. Пастырю доброму радость. Совсѣмъ иное дѣло свиньи. Пасти свиней это мука; съ утра выгнали ихъ вмѣстѣ, а къ вечеру уже и собрать ихъ нельзя; онѣ всѣ разбѣжались по рощѣ. Тогда что долженъ дѣлать бѣдный пастухъ? Онъ расщепляетъ небольшую палочку, ловитъ одну свинью и ущемляетъ ей ухо. Услышавъ только визгъ этой свиньи и вся остальная скотина сбѣгается въ ту сторону“ [1]). Понятно, что хочетъ сказать этими словами архіерей. Онъ хочетъ сказать, что строгое наказаніе какого-либо грѣшника священникомъ возбуждаетъ гвалтъ и неудовольствіе

шенія патмосцевъ къ ихъ монастырю проникнуты самыми искренними и неподдѣльными чувствами благоговѣнія и почтенія, а его насельники—монахи окружены высокими знаками вниманія, глубокаго уваженія и преданности. Съ этимъ уваженіемъ къ монастырю патміотъ родится и воспитывается, имъ переполнена его жизнь и о немъ онъ не забываетъ въ часъ смерти. Именемъ св. Іоанна Богослова, какъ величайшею святынею, патміотъ клянется, прославляетъ его въ народныхъ пѣсняхъ и ради монастыря его для патміота нѣтъ жертвы, на которую бы онъ не рѣшился. Довѣріе и уваженіе къ монастырю у патміотовъ, можно сказать, просто поразительныя для нашего времени. Патмосскіе купцы путемъ удачныхъ операцій скопившіе большіе капиталы, не отдаютъ ихъ подъ проценты въ европейскіе банки, а стараются передать ихъ на храненіе въ свой родной монастырь». Такимъ образомъ монастырь сдѣлался для нихъ такъ сказать «духовнымъ» банкомъ. Сначала монастырь давалъ небольшіе проценты своимъ кліентамъ, но когда послѣдовало чрезмѣрное скопленіе капиталовъ, онъ отказался платить проценты,—и тѣмъ не менѣе приливъ денегъ не сократился. «Іоанно-Богословскій монастырь на о. Патмосѣ». (Труд. Кіев. Дух. Академіи, 1892, т. III, стр. 350—352.

1) Леонтьева. II, 275.

со стороны другихъ грѣховодниковъ. Такъ! Но все же архіерей не отвергаетъ того факта, что иногда ревностный пастырь можетъ поучить зазнавшагося человѣка. А это очень важно! Возможно ли, напримѣръ, у насъ, схватить за ухо „свинью“? Намъ кажется, что нѣтъ основаній серьезно жаловаться на недостатокъ послушанія тамъ, гдѣ возможны такіе случаи, какъ тотъ, какой мы сейчасъ разскажемъ и какой отмѣченъ на страницахъ греческой Кормчей книги. „Одинъ умный духовникъ такимъ способомъ врачевалъ безчувственнаго скотоложника. „Вотъ ты, грѣшникъ, — говорилъ онъ ему, — пріобрѣлъ себѣ новое родство съ телицей (δάμαλις) и сдѣлался самъ, подобно ей, неразумнымъ и животнымъ. Итакъ, въ теченіе мѣсяца, каждый вечеръ заключайся въ ея хлѣвѣ, и тамъ, среди припадающихъ къ землѣ, какъ животное, возлагай на свой хребетъ ярмо своего осла и въ такомъ видѣ со слезами проси у Бога отпущенія твоего страшнаго грѣха“. Поступая такимъ образомъ—заключаетъ разсказъ Кормчая,—этотъ несчастный пришелъ въ чувство и исправился“ [1]). Разсматриваемая книга при этомъ хвалитъ строгость и находчивость духовника.

Въ нравахъ народа сохранилось много слѣдовъ староозавѣтной простоты и нѣкоторой грубоватости. Укажемъ хотя нѣкоторыя черты народныхъ нравовъ. Семейная жизнь Грековъ въ значительной мѣрѣ напоминаетъ таковую же жизнь нашего простонародья. Мужъ не обнаруживаетъ своей нѣжности къ женѣ, хотя бы и крѣпко любилъ ее: въ обращеніи съ нею, онъ почти всегда принимаетъ суровый видъ. Такой мужъ обыкновенно говоритъ о себѣ: „я деспотъ (владыка) дома, въ семьѣ я хочу быть гордымъ аристократомъ“. Жена отличается покорностію мужу, служитъ ему, она не сядетъ въ его присутствіи, пока онъ не скажетъ ей: сядь. Жена не вмѣшивается въ управленіе хозяйствомъ и часто совсѣмъ не видитъ того загороднаго сада, какой принадлежитъ ихъ дому. Въ знакъ подчиненія мужу, обыкновенно невѣсты цѣлуютъ руку у своихъ жениховъ (а не наоборотъ). Положеніе женщины въ семьѣ, поэтому, иногда бываетъ очень тяжело. А разводъ для замужней женщины устроить очень трудно,

1) Πηδάλιον, σελ. 219. Примѣч. къ 16 прав. Анкир. соб.

потому что разводъ не въ обычаѣ. Самымъ вѣрнымъ средствомъ для женщины добиться развода, это объявить предъ архіереемъ, что если ее не разведутъ съ мужемъ, то она обратится въ турецкую вѣру. Аргументъ этотъ оказываетъ свое дѣйствіе. Кстати нужно сказать, что къ этому же аргументу иногда прибѣгаютъ и мущины, если желаютъ избѣжать какого-либо наказанія, налагаемаго на виновнаго архіерейскимъ или народно-общественнымъ судомъ [1]). Но еще тяжелѣе замужняго положенія вдовья доля женщины. Вдова въ греческомъ обществѣ истинно-несчастное существо. Всѣ вдовы обязательно должны носить очень долгое время одни лишь черные цвѣта, почти не выходить изъ дому, не посѣщать даже церквей. Участь молодыхъ вдовъ еще можетъ перемѣниться къ лучшему отъ новаго замужества; но вдовы пожилыя, по крайней мѣрѣ въ Эпирѣ, осуждены общественнымъ мнѣніемъ до гроба носить одинъ черный цвѣтъ и не покидать жилища своего ни въ какомъ случаѣ: ни для пира дружескаго, ни для свадьбы близкаго, ни для молитвы, ни для простой прогулки, развѣ-развѣ для посѣщенія больнаго и умирающаго. „Что вдова? разсуждаютъ иногда гречанки. Вдова развѣ человѣкъ? Тихо пойдетъ по улицѣ, люди скажутъ: она ломается такъ нарочно; скоро пойдетъ, люди скажутъ: она мужа хочетъ, за мужемъ бѣжитъ. — Да, и такъ дѣло противное, и этакъ дѣло худое. Несчастіе"! Если встрѣчаются хулители такого безсердечнаго отношенія къ вдовамъ, то защитники обычая замѣчаютъ имъ въ отвѣтъ: „нужно хранить народное, народное — святыня" [2]).

Дѣти у Грековъ пріучаются не только къ подчиненію родителямъ, но и къ почтительности старшихъ возрастомъ. Дѣти рѣдко ѣдятъ вмѣстѣ съ родителями, и если когда случится это, то никогда не ѣдятъ изъ одного блюда съ ними, если они не взрослые. По большей части они знаютъ мать, и что она имъ дастъ, то и ѣдятъ. Имъ не дозволяется много говорить за столомъ и обыкновенно они молчатъ, если только не имѣютъ сказать чего либо необходимаго. Когда присутствуютъ за обѣдомъ родители

---

1) Леонтьева. II, 176. II, 54. II, 29. II, 77.
2) Леонтьева. I. 269—270. III, 63.

или гости, то поднося ко рту первый стаканъ вина (котораго дѣтямъ даютъ немного), произносятъ молитву: „Молитвами святыхъ отецъ нашихъ Господи І. Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, аминь“ и прибавляютъ: „благородіе твое да сохранитъ Господь Богъ на многія и добрыя лѣта, аминь“. Если же за столомъ находится лицо духовное, то говорятъ (вмѣсто: благородіе): „священство твое“, если епископъ — „святыню твою“, если митрополитъ — „всесвященство твое“, а если патріархъ, — „архіерейство твое, владыко“ [1]). Эти молитвы имѣютъ обычай говорить не только дѣти, но и другіе, сидящіе за столомъ, ибо Греки пьютъ не всѣ разомъ (какъ дѣлаетъ скотъ, по замѣчанію нашего источника), но чаша начинаетъ ходить отъ перваго и такъ по порядку доходитъ до послѣдняго. Дѣти и юноши отпиваютъ изъ перваго стакана не прежде, какъ перецѣловавъ по порядку руки у всѣхъ сидящихъ. Не позволяется имъ уходить изъ-за стола, прежде чѣмъ прочитаны будутъ молитвы; Греки недолго остаются за столомъ, если нѣтъ гостей за обѣдомъ. Тѣ дѣти, которые обѣдаютъ не вмѣстѣ съ родителями, располагаются въ другой комнатѣ, находящейся по близости; однако и они не освобождаются отъ вышеуказанныхъ обязанностей [2]). Въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ иногда за пиршествомъ провозглашается тостъ... за православіе! Приблизительно въ такихъ словахъ: „Да здравствуетъ православіе! Пусть оно идетъ впередъ, развивается на погибель всѣмъ врагамъ своимъ“! Затѣмъ чарочка идетъ по столику [3]). Но возвращаемся къ греческимъ дѣтямъ. Если дѣти идутъ или точнѣе бѣгутъ изъ школы домой и на дорогѣ встрѣтятъ почтеннаго человѣка или таковую же женщину, то цѣлуютъ ихъ руки; это же и дома дѣлаютъ приходя изъ школы и принимая благословеніе отъ родителей. Юноши, занимающіеся играми на улицѣ, если увидятъ проходящаго старца или человѣка извѣстнаго, то привѣтствуютъ его по обычаю древнихъ лакедемонянъ: если сидятъ, встаютъ, а если играютъ, пріостанавливаются, пока тѣ не пройдутъ. (Это дѣлаютъ и всѣ вообще

---

1) Такъ было во всякомъ случаѣ въ прежнія времена.
2) Helladii, p. 24—25.
3) Леонтьева, I, 124.

Греки). Если же дѣти увидятъ, что идетъ лице духовное, то привѣтствуютъ его словами: „прости, владыко", а оно отвѣчаетъ: „благословеніе Бога моего съ вами", или: „Богъ проститъ васъ". (Интересно, что если въ свою очередь лице духовное заходитъ въ чей нибудь домъ, то оно обмѣнивается тѣми же самыми привѣтствіями съ хозяиномъ, но только въ обратномъ порядкѣ). Дѣти Грековъ не чуждаются игръ и съ дѣтьми турецкими, причемъ въ случаѣ ссоръ и вообще взаимныхъ обидъ, столь обычныхъ между дѣтьми, Турки благоразумно говорятъ: „они дѣти, пусть играютъ" [1]). Дѣтямъ Грековъ все спускается, лишь бы они не глумились надъ вѣрою своихъ повелителей [2]).

Изъ народныхъ обычаевъ заслуживаетъ упоминанія— обычай побратимства. Греки, желающіе сдѣлаться побратимами, призываютъ священника, который читаетъ надъ ними молитву, послѣ чего они перевязываются кушакомъ вмѣстѣ и клянутся другъ другу въ вѣчной дружбѣ и согласіи. И эта клятва не остается безъ послѣдствій. Если одинъ изъ побратимовъ терпѣлъ обиду и не могъ постоять за себя, то другой изъ побратимовъ считалъ долгомъ чести раздѣлаться, какъ слѣдуетъ, съ обидчикомъ: дѣло въ этомъ случаѣ принимаетъ характеръ даже кровавой мести [3]). Конечно, это грубо, но такъ.

Нравственная жизнь Грековъ стоитъ на обычномъ уровнѣ христіанскихъ народовъ. Изъ недостатковъ ихъ въ этомъ отношеніи можно отмѣтить ихъ жадность къ деньгамъ. О Грекахъ говорятъ, что когда кто изъ нихъ „заспоритъ о деньгахъ, то хоть самъ король иди — не обратитъ вниманія и не будетъ интересоваться имъ; онъ смотритъ какъ бы свои полпіастра выиграть", т. е. не потерять [4]).

Въ ряду явленій нравственнаго характера съ особымъ вниманіемъ мы должны указать на благотворительность

[1]) Helladii, p. 23. 26—27.

[2]) Нужно сказать, что Турки не всегда стѣсняютъ и религіозную свободу своихъ женъ-христіанокъ (къ сожалѣнію, примѣры такихъ смѣшанныхъ браковъ встрѣчаются): нѣкоторые изъ нихъ позволяютъ своимъ женамъ ходить въ церковь, соблюдать посты и проч., и даже принимать къ себѣ въ домъ пожилыхъ священниковъ.— Леонтьева. II, 279.

[3]) Леонтьева. III, 306. 314.

[4]) Тамъ же, II, стр. 11.

греко-восточныхъ христіанъ, которою они отличаются начиная отъ іерарховъ и кончая самымъ простымъ православнымъ человѣкомъ. Весьма любопытно то, что пишетъ по этому поводу писатель сторонній для насъ, нѣмецъ Гейнекцій. Вотъ его слова. „Обычай, существовавшій въ древней церкви собирать за богослуженіемъ деньги въ пользу неимущихъ, сохраняется и нынѣ въ греческой церкви (писано въ началѣ XVIII в.). Не смотря на скудость, какую Греки претерпѣваютъ, находясь подъ игомъ Турокъ, нужно отдать имъ великую честь за то, что они не забываютъ бѣдныхъ и своею благотворительностію очень пристыжаютъ западныхъ христіанъ. Мы могли бы привести самыя замѣчательныя свидѣтельства въ доказательство нашихъ словъ, но въ этомъ, говоритъ авторъ, нѣтъ надобности. Удовольствуемся лишь словами достохвальнаго мужа Томаса Смита. Послѣдній пишетъ: Ихъ (Грековъ) молитва за утреннимъ богослуженіемъ сопровождается благотворительностію на пользу неимущихъ, при чемъ они дѣлаютъ почти болѣе, чѣмъ сколько позволяетъ имъ дѣлать ихъ скудость; эта благотворительность простирается на тѣхъ, кто вслѣдствіе какого либо несчастія впалъ въ нищету и имѣетъ письмо отъ патріарха, приглашающее вѣрующихъ къ пожертвованію. При этомъ случаѣ, Смитъ съ удивленіемъ указываетъ на то, что милостыня христіанъ распространяется даже и на ихъ поработителей—Турокъ. Приводя эти слова Смита, нашъ авторъ замѣчаетъ: легко понять, какъ велико должно быть щедролюбіе Грековъ къ своимъ бѣднякамъ [1]. Но можетъ быть, кто нибудь подумаетъ, что такъ было прежде, а теперь стало не такъ; но это несправедливая мысль. Греки настоящаго времени не получаютъ ни гроша изъ какого либо казначейства, и однакожъ въ каждомъ селѣ и городѣ содержатъ приходскія училища и гимназіи, а въ большихъ городахъ — Константинополѣ, Александріи, Смирнѣ--больницы и богадѣльни; содержатъ свое многочисленное духовенство [2]). И все это путемъ общественной благотворительности, при посредствѣ христіанской милостыни. — На христіанскомъ Востокѣ очень развитъ тотъ видъ благотво-

1) Abbildung der alten und neuen Griechischen Kirche. Theil III, 280.
2) Преосв. Порфирія. Кн. бытія моего. Ш, 89—90.

рительности, который проявляется въ страннопріимствѣ, столь свойственномъ восточнымъ странамъ. Читайте извѣстныя многотомныя „Странствованія“ нашего знаменитаго паломника Григоровича-Барскаго и вы найдете здѣсь весьма много поучительнаго въ указанномъ отношеніи. Барскій путешествовалъ по Востоку съ 1723 по 1747 годъ, безъ копѣйки въ карманѣ, и однакожъ болѣе 20-ти лѣтъ имѣлъ и кровъ—и домъ, и одежду, и пищу, и карманныя деньги,—мало того: проходилъ курсъ наукъ въ двухъ лучшихъ греческихъ школахъ того времени—венеціанской и патмосской. Съ какою благодарностію воспоминаетъ онъ объ этихъ школахъ. Правда, ему жилось въ этихъ школахъ не легко, но это не мѣшаетъ ему писать о времени проведенномъ въ нихъ, какъ о лучшемъ времени своей жизни. Приходилось ли кому либо встрѣчать подобнаго же рода воспоминанія, вышедшія изъ-подъ пера тѣхъ Сербовъ, Болгаръ, арабовъ, эфіоповъ, которые такъ комфортабельно воспитываются въ нашихъ русскихъ школахъ? Нѣтъ. Да это и неудивительно. Они смотрятъ на Россію, какъ на дойную корову, и болѣе занимаются слѣженіемъ за модою въ платьѣ, чѣмъ воспитаніемъ благородныхъ чувствъ у себя. Но обратимся къ Барскому. Почитаемъ хоть немного его удивительный дневникъ. Вотъ онъ добрался до Яффы. Заплатилъ деньги за перевозку съ корабля на берегъ. Здѣсь его пригласили помѣститься въ метохѣ или „страннопріимницѣ іерусалимской“, въ которой уже находились, ранѣе его прибывшіе, богатые купцы, благородные люди и духовныя особы. Метохъ этотъ былъ построенъ іерусалимскимъ патріархомъ Хрисанѳомъ, „угожденія ради христіанъ, путешествующихъ тамо“ и стоилъ много трудовъ и денегъ. Зданіе было такъ прекрасно устроено и расположено, что всѣ хвалили и благодарили названнаго патріарха. Оно имѣло видъ монастыря, въ которомъ было много келлій и домовъ „къ препочиванію странныхъ“. Въ каждой келліи помѣщалось по 3—4 человѣка. Барскій вступилъ сюда на правахъ нищаго, но имѣлъ не только прекрасное помѣщеніе, а и нескудный столъ [1]). Но вотъ Барскій во св. градѣ. Путниковъ во множествѣ встрѣтили жители Іерусалима. Сейчасъ же монахи всѣхъ

1) Томъ I, стр. 277.

никовъ, мущинъ и женщинъ, отвели въ главный па-
ршій монастырь. За отсутствіемъ патріарха, архіерей—
тропъ приказалъ дать всѣмъ „гостинніе келіи къ упо-
нію—и бисть тако". Послѣ того, какъ они здѣсь не-
эго заснули, ихъ пригласили за трапезу и накормили,
причинѣ пятничнаго дня, постными блюдами и ма-
нами, а кромѣ того, монахи угостили изъ своихъ рукъ
іомъ всѣхъ, кто желалъ этого напитка. Послѣ трапезы
омольцамъ показали весь монастырь, „строеніе зѣло
юе и расположеніе премудрое". На другой день про-
одилъ умилительный чинъ омовенія ногъ всѣмъ стран-
камъ, духовнымъ и мірскимъ и женщинамъ, растрогав-
і Барскаго до слезъ. Всѣхъ богомольцевъ пригласили
какую-то „умывальницу", здѣсь они чинно разсѣлись,
вецъ запѣлъ стихиру „умиленнымъ гласомъ", появи-
ь шестеро монаховъ съ большимъ тазомъ, теплой
говонной водой, полотенцемъ; началось омываніе ногъ.
э происходило такъ: по очереди подходили къ каждому
юмнику, двое монаховъ подставляли мѣдный тазъ, тре-
поливалъ воду, четвертый бралъ въ руки десную ногу
юмника, мылъ ее съ мыломъ, и когда еще другой мо-
ъ отиралъ ее „лентіемъ", омывавшій „лобизаше" ногу
цѣловалъ также голову омытаго, если это монахъ, за-
іъ омывалась шуяя нога, но безъ лобзанія. Все это
ло продѣлано и съ Барскимъ, хотя онъ сидѣлъ „на
лѣднемъ мѣстѣ". Потомъ еще другой монахъ окропилъ
ами правую руку каждаго богомольца, послѣ того какъ
і всѣ предварительно вымыли руки чистою водою; бо-
юльцы прикладывали свою раздушенную руку къ лицу
акимъ образомъ сообщали и ему благоуханіе. Но это
е не все. Всѣмъ подали по чашкѣ кофею, и когда па-
ники пили его, патріаршій намѣстникъ держалъ къ
имъ рѣчь, сообразную съ цѣлями богомольцевъ. Нако-
цъ пригласили ихъ за трапезу, угостили ихъ хорошимъ
ьдомъ ради субботы „и чествоваху довольно виномъ".
і насытились, замѣчаетъ Барскій, во славу Божію и
ігодарили Бога. Это происходило 1-го октября, кото-
на Востокѣ нигдѣ не считается праздникомъ [1]). Но
ъ хорошо и внимательно принимали Барскаго не въ

1) Т. I, 309. 314.

одной Палестинѣ, этомъ сосредоточіи паломничества, а и въ другихъ мѣстахъ Востока. Онъ задумалъ посѣтить Дамаскъ, резиденцію антіохійскаго патріарха, и привелъ въ исполненіе свое намѣреніе; нашъ паломникъ остался доволенъ этимъ посѣщеніемъ. Въ Дамаскѣ ему бросился въ глаза „многолѣпно созданный", домъ патріаршій, въ которомъ, за отсутствіемъ хозяина, проживалъ тогда патріаршій намѣстникъ съ монахами. И какова же была радость Барскаго, когда ему въ этомъ красивомъ помѣщеніи и отвели квартиру. „Пріятъ и азъ бихъ, яко страненъ и пребихъ во дворѣ патріаршемъ седмицу едину, пищію и питіемъ довольствуемъ и постелю къ спанію имій", замѣчаетъ Барскій" [1]). Но вотъ онъ попадаетъ на островъ Хіосъ, ничѣмъ неизвѣстный въ церковномъ отношеніи и мало посѣщаемый паломниками, но и здѣсь онъ нашелъ гостепріимство и немало такого, на что онъ и разсчитывать не могъ. На Хіосѣ съ нимъ произошло слѣдующее. Спутникъ Барскаго, тоже Русскій, какой-то отецъ Рувимъ внезапно и тяжко захворалъ. Положеніе Барскаго съ больнымъ спутникомъ было печально. Но оказалось, что христіанская благотворительность предусмотрѣла возможность подобныхъ несчастныхъ случайностей. На Хіосѣ была устроена „греческая страннопріимница", въ которой имѣлъ право помѣщаться всякій заболѣвшій путникъ православной вѣры, находя здѣсь пропитаніе и врачеваніе впредь до полнаго выздоровленія. Приняли въ страннопріимницу и болящаго Рувима, но онъ, къ сожалѣнію Барскаго, не поправился, а умеръ. На похороны явилось пятнадцать священниковъ, отпѣваніе совершено „съ великимъ надгробнымъ пѣніемъ", останки почившаго погребены были въ склепѣ („подъ спудомъ") одной прекрасной церкви въ честь св. Виктора. Послѣ покойнаго остались деньги, съ которыми было такъ поступлено. Половину ихъ смотрители страннопріимницы отдали мѣстнымъ священникамъ на поминъ души почившаго да еще съ добавленіемъ денегъ отъ себя лично, а другую половину „мнѣ, говоритъ Барскій, дадоша, нужди ради подорожной". Мало того: ему позволили оставаться и кормиться въ вышеуказанной больницѣ до времени отъѣзда его съ

[1]) Т. II, 100.

строва, „да не погублю оніе денги купуючи яству, но а сохраню на путь", при чемъ ему обѣщано было вылопотать даровой проѣздъ на кораблѣ. Но и этимъ дѣо не ограничилось по части благотворительности. Одинъ іѣстный молодой купецъ (Маврокордатосъ) замѣтивъ, то Барскій одѣтъ очень плохо, одѣлъ его, да еще какъ дѣлъ „отъ глави до ногу одеждою новою, яко ничтоже а себѣ прежняго не имѣхь, кромѣ сандаліи" [1]). Но доольно. Вправѣ ли мы были бы желать и ожидать больлаго?—Приведемъ еще одно свидѣтельство. Русскій инокъ Іарѳеній около половины XIX-го вѣка, совершившій паомничество въ турецкой землѣ, посѣтилъ и Болгарію— вотъ какое впечатлѣніе вынесъ онъ касательно странолюбія жителей. „Народъ здѣсь столь добрый и странолюбивый, что во всемъ моемъ путешествіи не случаось еще видѣть таковыхъ; мы отъ самаго Мачина по сему Дунаю до Рущука, какъ у родныхъ въ гостяхъ гогили, въ перебой каждый насъ къ себѣ желалъ, и не нали чѣмъ насъ угощать. И пастыри ихъ, христолюбиые священники, часто насъ отъ своихъ овецъ уводили ъ себѣ и угощали насъ неизреченно". Въ нѣкоторыхъ олгарскихъ церквахъ ктиторы позволяли ему обходить рисутствующихъ за богослуженіемъ съ блюдомъ, и онъ абиралъ „милостыню довольну" [2]).

Въ заключеніе упомянемъ о двухъ слѣдующихъ факахъ изъ области нравовъ восточныхъ христіанъ. Гречекіе разбойники (православные христіане) поймали разъ врея и обобрали; затѣмъ приказали ему сказать: „вѣую во единаго Бога Отца", еврей охотно повиновался; ітѣмъ приказали ему сказать еще: „и въ Сына", но нъ уперся, тогда, ему отрубили ухо,—еврей повиновался; о не удовольствовавшись и этимъ, разбойники потребоали, чтобы онъ прибавилъ: „и въ Духа Святаго", истягемый опять отказался, тогда ему урѣзали другое ухо,— зрей исполнилъ требованіе. Когда все это кончилось, ›еческіе разбойники сказали „вотъ мы спасли (?) его, › онъ можетъ отречься", а потому: ради вѣчнаго спа-

[1]) Т. I, 212—213.
[2]) Сказаніе о странствіи... Т. II, 45. 56. М 1856.

сенія его души, пристрѣлили его [1]). Другой фактъ. Нѣкоторые изъ Грековъ, не только юноши, но и взрослые, отправляясь въ день Пасхи въ церковь, приносятъ запазухой яйца и сыръ, и лишь только услышатъ пѣніе: „Христосъ воскресе", то и другое спѣшатъ отправить себѣ въ ротъ [2]). О чемъ свидѣтельствуютъ, на что указуютъ эти факты? Они свидѣтельствуютъ и указуютъ, что нравы Греко-восточнаго народа не отличаются той чистотою, какая требуется правилами христіанскими; но осуждать его за это мы не имѣемъ права, когда подобное же встрѣчаемъ въ быту всѣхъ православныхъ народовъ нашего времени.

---

1) Леонтьева. П. 97.
2) Πηδάλιον, σελ. 171. Примѣч. къ 89 прав. VI-го всел. собора.

Краткія свѣдѣнія объ Александрійскомъ, Антіохійскомъ и Іерусалимскомъ патріархатахъ [1]).

(Изъ исторіи Греко-восточной церкви, отъ паденія Константинополя въ 1453 г., до настоящаго времени).

I.

(Оффиціальные титулы патріарховъ Александрійскаго, Антіохійскаго и Іерусалимскаго, — насколько они соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію вещей?—Число епархій, церквей и количество православнаго населенія въ каждомъ изъ трехъ патріархатовъ.—Избраніе патріарховъ Александрійскихъ въ разное время.—Избраніе патріарховъ Антіохійскихъ: перемѣна имени при этомъ, порядокъ избранія этихъ патріарховъ въ XVI-мъ и въ большую часть XVII-го вѣка,—появленіе двоевластія (патріархъ и антипатріархъ),—печальныя слѣдствія двоевластія; вторая половина XVII в.: новый случай появленія двоевластія при новыхъ обстоятельствахъ, послѣдствія двоевластія: возникновеніе уніи и нестроенія изъ-за нея;—дальнѣйшая исторія выборовъ Ант-скихъ патріарховъ до настоящаго времени.—Исторія избранія патріарховъ Іерусалимскихъ: появленіе на патріаршей каѳедрѣ Грековъ,—перенесеніе акта этого избранія въ Константинополь, — переведеніе патріаршей резиденціи въ Константинополь же,—къ вопросу объ избраніи патріарховъ Іерусалимскихъ въ послѣдующее время).

Александрійскій патріархъ имѣетъ слѣдующій титулъ: ,,Блаженнѣйшій и достопочтеннѣйшій отецъ, папа и патріархъ великаго града Александріи, Ливіи, Пентаполя, Эфіопіи и всей земли Египетской, отецъ отцовъ, пастырь

[1]) При изученіи исторіи названныхъ патріархатовъ очень существенное пособіе могутъ оказывать слѣдующія книги и изданія. 1) Для патріархатовъ Александрійскаго, Антіохійскаго и Іерусалимскаго вмѣстѣ: *Епископа Арсенія*. Лѣтопись церк. событій. Изд. 3-е (Спб., 1900). 2) Для патріархатовъ Антіох. и Іерусалимскаго: а) *Базили*. Сирія и Палестина подъ турецкимъ правительствомъ. Ч. 1 и 2. Изд. 2-е. Спб., 1875. б). «Сообщенія Православнаго Палестинскаго Общества» за всѣ годы ихъ изданія. (Очень важны для ознакомленія съ современнымъ состояніемъ этихъ патріархатовъ). 3) Въ частности имѣютъ значеніе для изученія исторіи а) Александрійскаго патріархата: *Архим. Порфирія* (Успенскаго): Александрійская патріархія. Сборникъ матеріаловъ, изслѣдованій и записокъ, относящихся до исторіи Алекс. патрі-

пастырей, архіерей архіереевъ, тринадцатый Апостолъ и судія вселенной". Быть можетъ, въ ознаменованіе такого высокаго титула этотъ патріархъ во время совершенія литургіи носитъ двѣ эпитрахили, одну такъ, какъ принято по уставу церковному, а другую сверхъ саккоса, и употребляетъ двѣ митры—одну обычную всѣмъ восточнымъ архіереямъ, а другую въ видѣ высокой скуфьи изъ краснаго бархата съ шитыми золотомъ херувимами. Послѣднюю онъ надѣваетъ, когда принимаетъ дискосъ и потиръ въ царскихъ дверяхъ, во время великаго выхода [1]). Почти такой же пышный титулъ отличаетъ и Антіохійскаго патріарха. Вотъ этотъ титулъ: „Блаженнѣйшій, божественнѣйшій (!) и святѣйшій патріархъ великаго Божьяго града Антіохіи, Сиріи, Аравіи, Киликіи, Иверіи, Месопотаміи и всего Востока, отецъ отцовъ, пастырь пастырей, тринадцатый изъ Апостоловъ, господинъ и владыка". Сравнительно меньшею пышностію отличается титулъ патріарха Іерусалимскаго: „Блаженнѣйшій, божественнѣйшій и святѣйшій отецъ и патріархъ св. града Іерусалима и всея Палестины, Сиріи (?) и Аравіи за Іорданомъ, Каны Галилейской (!) и св. Сіона господинъ и владыка" [2]). Титулы эти провозглашаются за богослуженіемъ во время возглашенія многолѣтія тремъ вышеназваннымъ іерархамъ. Извѣстный Іерусалимскій патріархъ Досиѳей, по поводу приведенныхъ нами пышныхъ патріаршихъ титуловъ при одномъ случаѣ писалъ: „если и справедливо, чтобы патріархи употребляли въ сношеніяхъ другъ съ другомъ подобные титулы и прозвища

архіи. Т. I. Спб., 1898; *Прот. Матвѣевскаго* — Очеркъ исторіи Александрійской церкви (*Христ. Чтен.*, 1856, т. I),—при теперешнемъ состояніи науки трудъ этотъ впрочемъ имѣетъ второстепенное значеніе. б) Антіохійскаго патріархата—*еписк. Порфирія:* Сирія (Востокъ христіанскій). Кіевъ, 1874. Егоже. Сирія: Антіох. патріархи въ арабскомъ спискѣ Іоанна Жеми. Кіевъ, 1875. Егоже. Сирія: списокъ антіох. патріарховъ. Кіевъ. 1876. в) Іерусалимскаго патріархата — очень многое, наприм. (*А. Н. Муравьева*) Исторія св. града Іерусалима. Ч. 2-я (главнымъ образомъ по Досиѳею). Спб., 1844; нѣкоторые томы «Православнаго Палестинскаго Сборника» (сочиненія В. Н. Хитрово. Н. Ѳ. Каптерева, ученыя изданія старыхъ памятниковъ и пр.); *М. Соловьева.* Св. земля и Православное Палестинское Общество. М. 1891 и т. дал.

1) Архим. Порфирія. Александрійская патріархія, стр. 377—378.

2) Базили. Сирія и Палестина. II, стр. 177. 197.

(а справедливо ли это—онъ отчасти сомнѣвается, принимая во вниманіе то обстоятельство, что въ IV и V вѣкахъ ничего такого не встрѣчалось), то подобаетъ употреблять ихъ когда время пристойно есть, а когда не благополучное время, то лучше оставить притязанія на славу и предпочтительныя имена" [1]). Замѣчаніе—вѣрное. Высокіе титулы патріарховъ, которые эти іерархи продолжали употреблять и во время турецкаго господства надъ восточною церковію, были лишь отзвуками старины глубокой, пріятнымъ воспоминаніемъ о временахъ безвозвратно исчезнувшихъ. Титулы эти указываютъ на очень широкія границы патріархатовъ Александрійскаго, Антіохійскаго и Іерусалимскаго, какихъ давно уже не имѣли они, объемля на самомъ дѣлѣ иногда предѣлы, не превышающіе размѣровъ русскаго уѣзда; „архіерей архіереевъ" часто являлся единственнымъ архіереемъ тѣхъ странъ, которыя перечислялись въ титулѣ. У „отца отцовъ" дѣти лишены были—и это очень нерѣдко—не только тѣлесной, но и самой скромной духовной пищи. Вообще всѣ упомянутые патріархи ни въ какомъ отношеніи не обрѣтались въ благопріятномъ состояніи, для нихъ подлинно наступило „неблагополучное время", какъ выражается Досиѳей.

До 1517 года Египетъ, Сирія и Палестина находились подъ владычествомъ Арабовъ—Мамелюковъ. И въ это время жизнь православныхъ патріархатовъ названныхъ странъ была несладка; а съ 1517 года, когда онѣ вошли въ составъ турецкой имперіи, положеніе этихъ патріархатовъ еще болѣе ухудшилось. Въ этомъ впрочемъ сами Турки очень мало виноваты. Съ появленіемъ турецкаго правленія здѣсь, константинопольскій патріархъ получилъ въ указанныхъ патріархатахъ такую власть, какой онъ не имѣлъ раньше. Объявленный сообразно турецкимъ законамъ, отвѣтственнымъ главою всѣхъ православныхъ христіанъ имперіи, безъ различія національностей, столичный патріархъ сталъ въ начальническія отношенія къ прочимъ патріархамъ. Да и могло ли быть иначе? Онъ отвѣчалъ предъ Высокою Портою за благонадеж-

1) Проф. Н. Ѳ. Каптерева. Сношенія патріарха Досиѳея съ русск. правительствомъ. М. 1891. Приложенія, стр. 61.

ность и вѣрно-подданническую вѣрность всѣхъ подчиненныхъ ему христіанъ, а въ томъ числѣ и патріарховъ; только чрезъ него эти послѣдніе по всѣмъ ихъ дѣламъ могли входить въ сношенія съ высшею государственною властію; безъ его разрѣшенія патріархи не могли пріѣхать въ Константинополь и проч. Разумѣется, патріархъ столицы не могъ не воспользоваться и не преминулъ воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ, имѣя въ виду престижъ и интересы своего патріаршаго престола. Въ концѣ концовъ такія отношенія перваго патріарха Востока къ остальнымъ привели къ тому, что не столичные патріархи стали немного чѣмъ отличаться отъ епархіальныхъ архіереевъ его собственнаго, константинопольскаго, патріархата.

Начнемъ излагать нашу скорбную лѣтопись трехъ патріархатовъ. — Самыя наименованія: Александрійскій, Антіохійскій, Іерусалимскій принадлежатъ патріахамъ этихъ церковныхъ округовъ лишь съ неполнымъ правомъ. Патріархъ Александрійскій еще въ концѣ X-го вѣка переселился изъ древней столицы Египта въ новую—Каиръ, и здѣсь остается по настоящее время, а потому съ большимъ правомъ могъ бы именоваться каирскимъ. Въ свою очередь Антіохійскій патріархъ уже давно покинулъ свою прежнюю резиденцію. Во второй половинѣ XIII-го вѣка магометане отняли у крестоносцевъ Антіохію и въ конецъ разорили ее: изгнали жителей, разрушили церкви, изгладивъ самые слѣды ихъ, и разсѣяли христіанъ ея по разнымъ странамъ. Послѣ этого происшествія патріархи переселились въ Дамаскъ, гдѣ и пребываютъ и въ теперешнее время. (Иногда они оставляли и этотъ городъ, проживая въ Алеппѣ). А въ знаменитой нѣкогда Антіохіи не было очень долгое время ни единой православной церкви [1]). Съ большимъ правомъ носилъ свое древнее наименованіе патріархъ Іерусалимскій, но все же не съ полнымъ правомъ. Дѣло въ томъ, что въ теченіе двухъ столѣтій, принадлежащихъ къ изучаемому нами періоду,

1) Даже въ половинѣ XIX-го вѣка здѣсь не было еще ни одной церкви (Базили). Свѣдѣнія по вопросамъ сейчасъ изложеннымъ находимъ у преосв. Арсенія, у преосв. Порфирія, а также у Павла Алеппскаго: «Путешествіе патр. Антіохійскаго Макарія. Вып. V, стр. 183.

этотъ патріархъ имѣлъ своею постоянною резиденціею не святой градъ, а столицу турецкаго султана, такъ что, по выраженію одного русскаго писателя, онъ былъ въ это время какъ бы „не у дѣлъ", былъ номинальнымъ патріархомъ [1]).

Число епархій, архіереевъ, церквей и количество православнаго народонаселенія трехъ патріархатовъ въ теченіе послѣднихъ четырехсотъ лѣтъ представляли очень мало отраднаго. Въ особенности въ жалкомъ состояніи находился патріархатъ Александрійскій. Въ концѣ XVI вѣка, въ Александріи было всего четыре христіанскихъ церкви и изъ нихъ только одна—Михайловская принадлежала православнымъ. Не лучше шли дѣла и въ патріаршей резиденціи—Каирѣ, и здѣсь была лишь одна православная церковь св. Николая [2]). Въ теченіе XVII-го вѣка положеніе дѣлъ патріархата оставалось въ печальномъ состояніи, какъ свидѣтельствуетъ очевидецъ, нашъ Арсеній Сухановъ. По его свидѣтельству, въ Новомъ Каирѣ была одна церковь, въ которой и происходило служеніе патріарха, приходившаго сюда изъ другой мѣстности; Арсеній видѣлъ и другую церковь, находившуюся въ самой патріархіи, но „сказываютъ—прибавляетъ онъ, что обѣдни въ ней не служатъ". Въ Старомъ Каирѣ была тоже церковь,—вотъ и все. Всѣхъ православныхъ, Арабовъ и Грековъ, „тутошнихъ" жильцовъ, насчитывалось шестьсотъ, а со включеніемъ пріѣзжихъ по торговымъ дѣламъ простиралось до 1,000 человѣкъ; и это на весь патріархатъ. При другомъ случаѣ тотъ же Арсеній замѣчаетъ, что во всей „епархіи" было двѣ церкви, а митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ—ни одного, такъ что въ умѣ повѣствователя возникалъ естественный вопросъ: „надъ кѣмъ онъ (патріархъ) будетъ патріархъ?" [3]). Долгое время патріархатъ этотъ остается все въ томъ же жалкомъ видѣ. Въ 30-хъ годахъ XIX-го вѣка нашъ путешественникъ Муравьевъ вотъ что нашелъ здѣсь: „малое число семей греческихъ въ Каирѣ и Александріи остались для поддер-

[1]) Къ этому вопросу еще возвратимся.

[2]) Архим. Порфирія. Александрійская патріархія. Предисловіе редактора (г. Лопарева), стр. LVII и LXIII.

[3]) Проскинитарій, стр. 38. 351.

жанія бѣднаго престола патріаршаго. Бѣдность и безпрерывная вражда съ Коптами, сильными въ своемъ отечествѣ, одолѣваютъ сей древнѣйшій изъ престоловъ святительскихъ". Изъ церквей онъ упоминаетъ только о двухъ монастырскихъ храмахъ [1]). Чрезъ нѣсколько лѣтъ посѣтилъ Египетъ нашъ знаменитый востоковѣдъ преосв. Порфирій, изучалъ и изучилъ положеніе Александрійскаго патріархата. Отъ него дошло до насъ самое обстоятельное, а потому интересное описаніе этого патріархата. Вотъ свѣдѣнія, собранныя имъ и относящіяся къ 1845—1846 годамъ. „По неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ православіе—говоритъ онъ — почти совсѣмъ погасло въ Египтѣ и Африкѣ. Почему изъ числа тамошнихъ 16-ти каѳедръ митрополичьихъ и 25 епископскихъ (вѣроятно, нашъ авторъ разумѣетъ конецъ періода византійскаго владычества надъ Египтомъ, а раньше же здѣсь были сотни архіерейскихъ каѳедръ) уже давно не осталось ни одной". Но впрочемъ имѣлось въ виду открытіе по крайней мѣрѣ двухъ епископскихъ каѳедръ, кромѣ одной уже открытой въ то время. При этомъ авторъ не могъ не замѣтить: „православная паства въ Египтѣ весьма мала и для такой паствы довольно и одного пастыря". Дѣйствительно, „численность христіанъ, составлявшихъ паству патріарха простиралась до 1750 человѣкъ. Большая часть изъ нихъ Греки, привлеченные туда промышленностію и торговлею а остальные туземцы" (арабы). Такова была православная паства, тогда какъ однихъ коптскихъ христіанъ (монофизитовъ) насчитывалось тамъ же 160,000. У Александрійскаго патріарха, по малочисленности его паствы, было мало и духовенства, въ указанное время. Въ Каирѣ, резиденціи его блаженства, весь составъ клира ограничивался десятью лицами, въ число котораго входило нѣсколько монаховъ, а также псаломщикъ и пономарь. Очевидно, свита патріаршая и составляла собою клиръ египетской столицы. А въ другихъ городахъ патріархата духовенства было, конечно, и еще меньше: въ Александріи 3 монаха въ священномъ санѣ, въ Суесѣ и Даміеттѣ по одному священнику. Храмовъ въ патріархатѣ находилось не болѣе десяти, со включеніемъ сюда монастырскихъ, одного до-

[1]) Путешествіе по св. мѣстамъ. Изд. 4-ое. Ч. I, 187.

моваго и одного строившагося [1]). Въ 50-хъ годахъ число церквей оставалось тоже, но количество паствъ возросло: не считая значительнаго числа временно пребывающихъ (по дѣламъ торговли), количество православныхъ дошло теперь до 4,000 [2]). Въ настоящее же время Александрійскій патріархатъ, кромѣ патріарха, имѣетъ трехъ архіереевъ въ санѣ митрополита, а духовенство его простирается до 38 человѣкъ; безъ сомнѣнія, возрасла и паства.

Во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ выше Александрійскаго патріархата стоитъ Іерусалимскій, но конечно и онъ далекъ отъ возможнаго и желательнаго предѣла. Въ началѣ XVIII-го вѣка, по исчисленію Хрисанфа патріарха Іерусалимскаго, въ его патріархатѣ было 6 каѳедръ митрополичьихъ, 7 архіепископскихъ и 1 епископская. Изъ данныхъ, добытыхъ нашимъ Палестинскимъ Обществомъ и относящихся къ 90-мъ годамъ XIX-го же вѣка, открывается, что и въ ближайшее къ нимъ время въ патріархатѣ насчитывалось опять тоже самое число митрополій, архіепископій и епископій и съ тѣми-же наименованіями. Отсюда видно, что здѣсь съ давнихъ временъ составъ высшей іерархіи вошелъ какъ бы въ опредѣленную норму, которой и старались придерживаться въ силу преданія. Въ числѣ вышеупомянутыхъ архіепископій одна была лишь номинальная: это Кесарійская, ибо никакой Кесаріи въ Палестинѣ въ новѣйшія времена не существовало. Сколько знаемъ, титулъ архіепископа кесарійскаго давался тому лицу, которое еще при жизни патріарха Іерусалимскаго назначалось въ старое время въ преемники ему. Епископія въ патріархатѣ была одна—филадельфійская, да и то номинальная [3]). Полагаемъ, что епископія филадельфійская, появилась въ патріархатѣ единственно для декорума: духовная власть св. града желала, чтобы въ св. землѣ имѣлась налицо вся полнота іерархическихъ сановъ и наименованій. Поэтому-то и появилась на свѣтѣ епископія филадельфійская, не имѣющая практическаго смысла, но за то достойно восполняющая

1) Александрійская патріархія, 379—383.
2) Прот. Матвѣевскаго. Очеркъ исторіи Алекс. церкви, 417—418.
3) Преосв. Арсенія. Лѣтопись, 704; Базили. Сирія и Палестина, II, 230—231; Сообщенія Прав. Палест. Общества за 1891 г., стр. 14—15.

сонмъ іерарховъ, состоящій въ св. землѣ изъ патріарха, митрополитовъ и архіепископовъ. Въ послѣднее время впрочемъ произошло слѣдующее измѣненіе въ традиціонномъ числѣ архіерейскихъ каѳедръ патріархата: прибавилось еще нѣсколько номинальныхъ архіепископій, и между ними одна получила изысканное наименованіе Іорданской. Нужно сказать, что почти никогда не случается, чтобы всѣ упомянутыя каѳедры въ самомъ дѣлѣ были заняты: часто пустуетъ то та, то другая каѳедра. Точно такъ же весьма рѣдко палестинскіе архіереи, даже имѣющіе дѣйствительную, а не фиктивную паству, проживаютъ въ своей епархіи. Въ прежнее время среди паствы проживали лишь митрополиты Птолемаидскій и Виѳлеемскій, а въ послѣднее время къ числу таковыхъ же присоединился и митрополитъ Назаретскій. Всѣ же прочіе палестинскіе архіереи, какъ дѣйствительные, такъ и титулярные не покидаютъ предѣловъ Іерусалима, и не видятъ своей паствы, если она и существуетъ на дѣлѣ. Проживающіе въ Іерусалимѣ архіереи считаются членами патріаршаго синода, совершаютъ богослуженіе, исповѣдуютъ поклонниковъ, исполняютъ для нихъ требы, управляютъ какимъ-нибудь іерусалимскимъ монастыремъ, назначаемымъ для проживанія поклонниковъ, получаютъ содержаніе отчасти отъ патріархіи, отчасти отъ поклонниковъ, которые платятъ имъ за молебны, паннихиды и проч. Въ существѣ дѣла, сонмъ палестинскихъ архіереевъ представлялъ собою едвали что другое, какъ не свиту патріарха или его патріаршій клиръ. По словамъ преосв. Порфирія, архіереи эти вовсе не охотно сидѣли въ своемъ іерусалимскомъ плѣну: „еслибы патріарху угодно было бы разослать ихъ по епархіямъ, то они—пишетъ нашъ востоковѣдъ—съ радостію поѣхали бы отсюда. Но ѣхать было невозможно уже потому одному, что въ епархіяхъ не существовало архіерейскихъ домовъ, мало было въ нихъ церквей, въ особенности церквей, обладавшихъ достаточнымъ храмовымъ инвентаремъ [1]). Да и кромѣ того, нѣкоторыя палестинскія епархіи такъ ничтожны по числу пасомыхъ, что изъ нихъ нельзя выкроить

[1]) Сообщенія Пал. Общества; тамъ же; Базили, тамъ же; преосв. Порфирія. Книга бытія моего, I, 418.

даже нашего посредственнаго сельскаго прихода. Такъ архіепископство газское заключало къ себѣ 400 православныхъ, севастійское 370, а ѳаворское даже всего 105. (Эти данныя относятся къ 1891 году). Что было дѣлать архіерею среди такихъ миніатюрныхъ паствъ? Всѣхъ православныхъ христіанъ въ срединѣ XIX-го вѣка въ Іерусалимскомъ патріархатѣ въ совокупности насчитывалось отъ 20 до 22,000; а въ концѣ этого вѣка число ихъ не превышало 27,500 человѣкъ [1]). Палестина, по своему пространству, не больше нашей русской самой малой губерніи—Тульской. А если эта послѣдняя легко управляется однимъ архіереемъ, то немалочисленный штатъ архипастырей Іерусалимскаго патріархата, собственно говоря, представляетъ собою почти излишнюю роскошь. Слѣдуетъ еще прибавить, что за предѣлами города Іерусалима, въ Палестинѣ, храмовъ очень немного, да и тѣ весьма рѣдко соотвѣтствуютъ своему назначенію, а въ большинствѣ случаевъ это или крайняя бѣднота или руины.

Если теперь разсмотримъ съ тѣхъ же сторонъ, съ какихъ мы разсматривали патріархаты Александрійскій и Іерусалимскій, и третій—Антіохійскій, то увидимъ, что положеніе дѣлъ здѣсь было лучше, хотя и оно не можетъ доставлять много утѣшенія историку. Въ началѣ XVIII вѣка, кромѣ каѳедры патріаршей, насчитывалось 19 архіерейскихъ каѳедръ. Правда въ цвѣтущія времена этотъ патріархатъ имѣлъ до 200 епархій, но и указанное число нужно признать значительнымъ, если возьмемъ во вниманіе, что Сирія уже очень давно подпала подъ власть то иновѣрцевъ, то нехристіанъ. Въ половинѣ XIX-го вѣка здѣсь же встрѣчаемъ 4 митрополитовъ (одинъ изъ нихъ Иліопольскій былъ титулярнымъ и управлялъ антіохійскимъ подворьемъ въ Москвѣ), 9 архіепископовъ (изъ числа которыхъ—Пальмирскій титулярный, жилъ въ Бухарестѣ и управлялъ тамъ монастыремъ, принадлежащимъ Антіохійскому патріархату). Достойно замѣчанія, что всѣ эти архіереи, за исключеніемъ титулярныхъ, жили не при патріархіи, какъ было въ Іерусалимѣ, а непремѣнно въ

[1]) Сырку. Описаніе бумагъ епископа Порфирія, 81; еписк. Арсенія. Лѣтопись, 796; «Сообщ. Пал. Общества», 1891, стр. 14—15.

своихъ епархіяхъ, являясь дѣйствительными пастырями душъ христіанскихъ. Слѣдуетъ упомянуть еще, что Антіохійская епархія, въ виду незначительности ея православнаго населенія, была присоединена въ качествѣ приписной, къ Лаодикійской митрополіи. Въ 90-хъ годахъ XIX-го вѣка архіерейскихъ каѳедръ въ патріархатѣ числилось 16 и всѣ онѣ были замѣщены; кромѣ того при патріархѣ находилось двое титулярныхъ митрополитовъ—Пальмирскій и Вострійскій. Сонмъ архипастырей въ патріархатѣ, значитъ, былъ представленъ изрядно и жилъ съ паствою и при ней, сообразно правиламъ [1]). Православное народонаселеніе въ патріархатѣ, чѣмъ дальше шло время, отъ XVI-го вѣка, тѣмъ больше падало въ численности, и только съ половины XIX-го вѣка стало замѣтно возрастать. Въ XVI вѣкѣ одна восточная часть патріархата насчитывала еще столько православныхъ, сколько въ XVIII-мъ осталось ихъ въ цѣломъ патріархатѣ. Въ это время, именно въ началѣ XVIII вѣка, въ самой резиденціи патріарха — Дамаскѣ число православныхъ сократилось до 400 человѣкъ. Къ концу же XVIII-го вѣка нѣкоторыя страны Сиріи такъ обѣднѣли православнымъ населеніемъ, что „во многихъ епархіяхъ", когда умиралъ архіерей, никто не хотѣлъ быть преемникомъ ему. Въ 50-хъ годахъ XIX-го вѣка количество всѣхъ православныхъ жителей патріархата не превышало числа 70,000. Затѣмъ послѣ этого оно поднялось до 80,000, а въ настоящеее время, по однимъ восходитъ до 160,000, а по другимъ даже достигаетъ до 200,000 [2]). Сколько было православныхъ храмовъ въ патріархатѣ, въ прежнее время, мы точно не знаемъ; но въ 1893 году, по очень точному численію одна церковь приходится на 543 души. Конечно, утѣшительно. Но картина омрачается, если обратимъ вниманіе на то, что это за церкви! За исключеніемъ Дамаска, по увѣренію очевидцевъ, во всѣхъ остальныхъ селеніяхъ Дамасской епархіи церкви находятся въ бѣдственномъ положеніи; въ тиросидонской епархіи онѣ состоятъ большею частію изъ голыхъ стѣнъ и не имѣютъ иконъ (?),

1) Еписк. Арсенія. Лѣтопись, 704. 811—812. Сообщ. Пал. Общ., 1898, стр. 322.

2) Еписк. Порфирія. Сирія, 85. 97. Кіевъ, 1874; Е. Арсенія, 701, 861, 811—12; В. Н. Хитрово. Письма о св. Землѣ. 47. Спб. 1898; Сообщ. Пал. Общ., 1898, стр. 336.

ризъ и богослужебныхъ принадлежностей, относительно Аркадійской епархіи читаемъ: не смотря на то, что въ ней имѣется болѣе 40,000 православныхъ, церкви здѣсь въ самомъ плачевномъ состояніи и не имѣютъ самыхъ нужныхъ для богослуженія вещей. О нѣкоторыхъ епархіяхъ кратко, но краснорѣчиво пишется: во всѣхъ селеніяхъ церкви нуждаются во всемъ [1]). Разумѣется, раньше настоящаго времени было не лучше. Напримѣръ, въ нѣкогда знаменитой Антіохіи до средины XIX-го вѣка не было ни одной церкви, а въ это время здѣсь появилась единственная бѣдная церковь.

Какъ велось управленіе въ разсматриваемыхъ патріархатахъ? При изученіи этого вопроса прежде всего познакомимся съ порядками избранія въ нихъ патріарховъ. Начнемъ съ патріархата Александрійскаго. Этотъ церковный округъ былъ очень незначителенъ по численности православнаго народонаселенія и въ особенности обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что здѣсь почти не было другихъ епископовъ, кромѣ патріарха. А при такихъ условіяхъ могло ли имѣть мѣсто законосообразное избраніе патріарховъ? Выходъ изъ своего затруднительнаго положенія церковь Александрійская находила въ томъ, что патріархъ при жизни указывалъ себѣ преемника, и паства принимала его волю, какъ законъ, или же патріархъ въ Египтѣ назначался со стороны. Извѣстно, наприм., что достойнѣйшій Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ (въ XVI в.) объявилъ своимъ преемникомъ архимандрита Кирилла Лукаря впослѣдствіи знаменитаго Константинопольскаго патріарха. Патріархъ Герасимъ (въ нач. XVIII в.) умирая назначилъ своимъ преемникомъ ливійскаго митрополита Самуила, уроженца Хіосскаго. Или же, какъ мы сказали, патріархъ назначался въ Египтѣ со стороны, и разумѣется изъ Константинополя, какъ центра церковной жизни на Востокѣ. Такъ въ срединѣ XVII вѣка на вакантную каѳедру Александрійскую избранъ былъ въ Константинополѣ Іоанникій изъ митрополитовъ веррійскихъ [2]). Около средины XIX-го вѣка, Константинопольскій Синодъ, не обращая вниманіе на желанія православнаго клира и

[1]) Сообщ. Пал. Общ., 1898, стр. 327—337.
[2]) Арсенія Еписк. Лѣтопись, 691. 651.

народа, избралъ въ патріархи Александрійскіе своего митрополита Артемія [1]). Дѣло избранія патріарха Александрійскаго принимало въ Константинополѣ видъ насильственнаго вмѣшательства. Въ настоящее время впрочемъ избраніе этихъ патріарховъ происходитъ сообразно правиламъ, и притомъ въ столицѣ Египта. Вотъ какъ происходило избраніе новаго патріарха въ 1900 году. Нужно было избрать преемника почившему въ 1899 году столѣтнему старцу Софронію, и это дѣло совершено приблизительно въ томъ же порядкѣ, въ какомъ происходитъ избраніе патріарха въ Константинополѣ. Назначены были депутаты со стороны высшаго и низшаго духовенства и гражданъ; число ихъ далеко превзошло сотню, и они то и составили собою избирательное собраніе. Въ составъ собранія вошли трое наличныхъ митрополитовъ патріархата, все прочее духовенство, представители отъ православныхъ греческихъ приходовъ и общинъ, а также уполномоченные отъ разныхъ корпорацій, какъ то—преподавателей, православныхъ врачей и судей. Избирательное собраніе имѣло два засѣданія. Одно въ концѣ декабря 1899 года, когда закрытой баллотировкой (посредствомъ записокъ) намѣчены были кандидаты въ патріархи, причемъ большинство голосовъ получилъ Фотій, архіепископъ Назаретскій. Второе засѣданіе происходило 10 января 1900 года, въ патріаршемъ храмѣ. При этомъ избранъ былъ почти единогласно вышеназванный Фотій, получивъ 159 голосовъ изъ 169. Баллотировка происходила такъ же, какъ и раньше. Хедивъ утвердилъ избраніе. Говорятъ, что на покрытіе расходовъ по пріѣзду патріарха Фотія въ Египетъ и его водворенію въ патріархіи здѣсь, собрана въ Константинополѣ значительная денежная сумма въ 3,000 турецкихъ золотыхъ [2]). Это свидѣтельствуетъ, что въ глазахъ фанаріотовъ избраніе Фотія, поборника такъ называемой эллинистической идеи, нашло себѣ полное одобреніе [3]). Впро-

1) Сырку, 70.

2) Церк. Вѣдомости за 1900 г., стр. 596—597.

3) Указанную эллинистическую или точнѣе панэллинистическую идею наблюдатели иногда описываютъ, какъ «стремленіе Грековъ возвысить Константинопольскій престолъ надъ всѣми другими, и придать ему первенство, подобно престолу папы въ западномъ мірѣ и смотрѣть на собственность другихъ (восточныхъ) церквей, какъ на его достояніе, почему наприм., Греки

чемъ въ Константинополѣ давно уже привыкли смотрѣть на Александрійскій патріархатъ, какъ на епархію, зависимую отъ великаго патріарха. Нужно знать, что коренное православное населеніе Александрійскаго патріархата — Арабы, для которыхъ Грекъ есть чужанинъ.

Такихъ же результатовъ въ теченіе 400-лѣтняго владычества Турокъ въ Сиріи, вселенская патріархія старалась достигнуть и въ отношеніи къ Антіохійскому патріархату, о которомъ мы и хотимъ говорить теперь. Какъ происходило избраніе Антіохійскихъ патріарховъ разсматриваемаго времени? Какимъ перемѣнамъ оно подвергалось? Но прежде чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, укажемъ на тотъ оригинальный фактъ, что при избраніи того или другого лица въ патріархи здѣсь, избранный имѣлъ обыкновеніе перемѣнять свое имя, хотябы новый патріархъ до возведенія на каѳедру былъ уже епископомъ. Такъ, наприм., Алеппскаго митрополита Мелетія, при возведеніи его на патріаршество переименовали въ Евѳимія, Макарія, епископа Евхаитскаго нарекли Михаиломъ, другого Мелетія Алеппскаго—Макаріемъ (это извѣстный въ исторіи русской церкви патріархъ Антіохійскій), Константинъ превратился въ Кирилла и т. д. Любопытный вопросъ: почему это такъ? Слѣдуетъ припомнить, что Антіохія считаетъ своимъ первымъ епископомъ первоверховнаго апостола Петра, а о немъ извѣстно, что Господь Іисусъ далъ ему это имя вмѣсто другого прежняго: „Іисусъ сказалъ: ты Симонъ, сынъ Іонинъ; ты наречешься Кифа, что значитъ Петръ" (Іоан. 1, 42). Мало того: Антіохійскіе патріархи изъявляли притязаніе взирать на себя, какъ на „наслѣдниковъ ап. Петра" [1]). Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, какъ мы думаемъ, Антіохійскіе патріархи пришли къ мысли перемѣнять свои имена при назначеніи на каѳедру. Можно такъ же предполагать, что эти патріархи въ данномъ случаѣ руководились примѣромъ римскихъ епископовъ, поступающихъ подобнымъ же образомъ

св. Гробъ и все принадлежащее ему считаютъ національною собственностію Грековъ». Слова Константинопольскаго посланника гр. Игнатьева (Проф. Н. Ѳ. Каптерева. Сношенія Іерусалимскихъ патріарховъ съ русск. правительствомъ, стр. 804. Спб., 1898).

1) Павла Алеппскаго. Путешествіе Антіох. патріарха въ Россію. Вып. II, стр. 65.

при восхожденіи на папскій престолъ и опирающихся при этомъ, конечно, на тѣхъ основаніяхъ.

Но обращаемся къ исторіи выборовъ Антіохійскихъ патріарховъ. Въ XVI и въ большую часть XVII-го вѣка избраніе патріарховъ въ Сиріи происходитъ вообще законно и сообразно правиламъ, лишь въ немногомъ—и то не всегда,—отступая отъ лучшихъ церковныхъ преданій. Представимъ примѣры. По смерти патріарха Іоакима, надлежало выбрать новаго. Для этой цѣли собрались *всѣ* епархіальные архіереи въ Дамаскъ и изъ среды себя избрали трехъ митрополитовъ Алеппскаго, Евхаитскаго и Триполійскаго и сказали имъ, чтобы они трое совѣщались наединѣ и единодушно рѣшили, кому изъ нихъ быть патріархомъ. Тогда Алеппскій взялъ бумагу и написалъ: „объявляю, что охотно признаю патріархомъ моимъ Евхаитскаго Михаила. Триполійскій митрополитъ написалъ тоже самое. Потомъ всѣ трое вошли *въ соборъ* и показали ему подписи свои. Отцы собора съ радостію подписали ихъ выборъ и рукоположили новаго патріарха". (Фактъ относится къ 1576 г.). Другой примѣръ. Патріархъ Іоакимъ (Зеаде), поживъ добре, подъ конецъ лишился зрѣнія. Тогда привели (не указано въ нашемъ источникѣ: кто именно? Но судя по всему можно думать, что рѣчь идетъ о духовенствѣ и народѣ), привели къ нему архонта Абдулъ-Асиса (конечно, не Турка, а Араба) и послѣ того, какъ онъ рукоположилъ его въ іеродіакона, пресвитера и *патріаршаго архіерея* (очевидно, онъ назначался, какъ думалъ слѣпецъ—патріархъ,—въ помощники ему по управленію, но вышло не то), приведшіе архонта Абдула затѣмъ побудили Іоакима поставить его патріархомъ вмѣсто себя, а потомъ и рукоположили его, наименовавъ Дороѳеемъ (въ 1613 г.). Положимъ избиратели поступили грубовато съ прежнимъ патріархомъ, но самый актъ избранія не представляетъ существенныхъ отступленій отъ нормы. Слѣдуетъ однакожъ пояснить, что посвященіе Араба въ патріархи не должно нимало смущать насъ: все православное народонаселеніе патріархата сплошь, не исключая и высшей іерархіи, состояло тогда изъ однихъ Арабовъ. Приведемъ еще примѣръ. Чувствуя приближеніе смерти, патріархъ Евѳимій собралъ священниковъ (оче-

видно, епископовъ) и весь клиръ и предложилъ имъ избрать преемника себѣ, и они избрали митрополита Алеппскаго, который и былъ посвященъ соборомъ архіереевъ (дѣло происходило въ 1648 г.) [1]).

Относительное соблюденіе въ Антіохійскомъ патріархатѣ въ XVI и до половины XVII вѣка формальностей при избраніи патріарховъ, не избавило однако Сирію отъ безпорядковъ въ управленіи церковію. Дѣло въ томъ, что въ эти времена не рѣдко появлялись здѣсь антипатріархи, правившіе дѣлами на ряду съ патріархами, отсюда возникало двоевластіе и нестроенія. Укажемъ случаи появленія антипатріарховъ. Съ патріархомъ Михаиломъ (1576—82 г.) произошло несчастіе: между нимъ и какими-то лицами началась вражда, которая повела къ тому, что его вызвали на судъ и обвиняли въ какомъ-то антиканоническомъ поступкѣ, представивъ и нѣкоего лжесвидѣтеля. Послѣ этого, враги его требовали отъ него, чтобы онъ отрекся отъ патріаршества. Но онъ не только не сдѣлалъ этого, а еще отлучилъ отъ церкви жителей Дамаска, очевидно замѣшанныхъ въ его процессѣ. А послѣдніе оскорбились этимъ и устроили выборъ новаго патріарха, которымъ и сдѣлался епископъ Триполійскій Іоакимъ Довъ. Исторія знаетъ и другой случай въ томъ же родѣ. Патріархъ Аѳанасій (1617 — 18 г.), когда избирали его на патріаршество, далъ неосторожное обѣщаніе ежегодно пополнять за сирійскихъ христіанъ недоимки ихъ податей султану, въ чемъ была взята съ него и росписка. Но вотъ наступило время условленной уплаты недоимокъ; стали требовать отъ Аѳанасія исполненія обѣщанія и ничего не добившись отъ него, привлекли его къ суду, а затѣмъ заточили въ крѣпость. Наконецъ низложили его и избрали новаго патріарха (Игнатія). А между тѣмъ Аѳанасій, умирая какъ то успѣлъ посвятить себѣ преемника по патріаршеству (Кирилла). И вотъ появляется опять двоевластіе [2]). Такого рода двоевластіе, какъ естественно, приводило къ безпорядкамъ въ управленіи. Лѣтописецъ въ горькихъ словахъ описываетъ плоды его. „Отъ сего—пишетъ онъ,—увеличились соблазны и высоко

[1]) Преосв. Порфирія. Сирія, 82. 86. 96. Кіевъ, 1874.

[2]) Тамъ же, стр. 83. 87.

разрослись: тогда отецъ отдѣлился отъ сына, братъ отъ брата, жена отъ мужа, священникъ отъ сослужителя своего, потому что произошли между ними величайшіе раздоры и ужасы, достойные плача и рыданія. Тогда совершались хиротоніи и молитвословія не для прославленія Бога, а для отместки другъ другу". Описывая же послѣдствія вторично происшедшаго двоевластія и борьбу патріарха съ антипатріархомъ, лѣтописецъ заявляетъ: „оба патріарха получая султанскіе указы, вооружались одинъ противъ другаго, пока наконецъ христіане Антіохійскаго патріархата и преимущественно Дамаскинцы не пришли въ самое жалкое состояніе, почему случалось слѣдующее: ни одинъ (?) человѣкъ не приходилъ въ церковь, и всѣ бѣжали и скрывались, какъ священники, такъ и міряне: когда умиралъ кто изъ знатныхъ, не отыскивался священникъ для погребенія его; бывали и другіе достоплачевные случаи" [1]).

Конечно, печально знать, что такіе безпорядки происходили въ управленіи Антіохійскимъ патріархатомъ въ XVI и въ теченіе большей части XVII-го вѣка. Но всеже должно сказать, что указанное время было лучшимъ временемъ въ жизни православныхъ сирійцевъ. Вскорѣ наступила еще худшая пора. Церковь Сиріи начинаетъ терять свою самостоятельность, въ дѣла ея начинаютъ властно вмѣшиваться и чуждый Сиріи по національности Константинополь и папистическій Римъ. Возникаютъ еще горшіе безпорядки. Началось дѣло какъ то неожиданно, но разрослось необычайно. Умеръ Антіохійскій патріархъ Макарій (1648—1672 г.), извѣстный двукратнымъ путешествіемъ въ Россію и судомъ надъ Никономъ, человѣкъ очень любимый пасомыми какъ за его нравственныя достоинства, такъ и за его попеченіе о благоустроеніи храмовъ и зданій патріархіи: попеченія этого рода были возможны для него — изъ Россіи, щедролюбивой и христіанолюбивой, Макарій привезъ къ себѣ домой цѣлое богатство [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 83. 89.

[2]) Знаменитое «Путешествіе Макарія въ Россію», описанное его сыномъ (очевидцемъ) Павломъ Алеппскимъ, въ настоящее время появилось въ полномъ видѣ, при чемъ русскій прекрасный переводъ памятника съ арабскаго оригинала (рукописи) сдѣланъ проф. арабскаго языка Г. А. Муркосомъ. Пять выпусковъ (послѣдній вышелъ въ 1900 г.).

Умеръ, говоримъ, этотъ Макарій; христіане патріархата пожелали какимъ нибудь осязательнымъ образомъ выразить свою любовь къ умершему Макарію и не нашли другого способа для этого, кромѣ избранія молодого его внука Константина, сына Павла Алеппскаго, бывшаго тогда уже іереемъ—въ патріархіи. Пасомые Макарія сдѣлали это, какъ имъ казалось, доброе дѣло – и утѣшились. Но случилось то, чего никакъ и никто не могъ предвидѣть: избраніе Константина, переименованнаго при хиротоніи въ Кирилла, въ патріархи сдѣлалось началомъ сильныхъ болѣзней въ исторіи сирійскаго христіанства. Вскорѣ послѣ возведенія Кирилла, внука Макаріева, въ патріархи—случайно или нѣтъ—проѣзжалъ черезъ Антіохійскій патріархатъ, по пути въ Константинополь, Іерусалимскій патріархъ Досиѳей [1]), видное лице въ исторіи Іерусалимской церкви. Само собой понятно, онъ посѣтилъ новаго Антіохійскаго патріарха, но вынесъ изъ этого посѣщенія впечатлѣнія очень неблагопріятныя для Кирилла. Послѣдній показался ему слишкомъ юнымъ (по однимъ Кириллъ сталъ патріархомъ 19-ти или 20-ти лѣтъ, а по другимъ даже на 17-мъ году) и лишеннымъ опытности. А поэтому, прибывъ въ Константинополь, Досиѳей обратилъ вниманіе патріарха и константинопольскаго синода на то, что новый патріархъ Антіохіи еще юноша, не надеженъ и причинитъ соблазнъ въ сирійской церкви, вообще онъ представилъ, что посвященіе Кирилла антиканонично и не цѣлесообразно. При этомъ онъ подалъ мысль объ устраненіи Антіохійскаго патріарха отъ управленія церковію, и взамѣнъ его рекомендовалъ столичнымъ церковнымъ властямъ посвятить въ патріархи Епифанійскаго митрополита Неофита, принадлежащаго къ тойже патріархіи,—Неофита, съ которымъ онъ познакомился по дорогѣ въ Константинополь и который понравился ему и умомъ и познаніями. Константинопольскій синодъ, не раздумывая много, вызвалъ Неофита въ столицу и рукоположилъ его въ патріархи. Такъ явился патріархъ и антипатріархъ. Пораженный такимъ ходомъ дѣлъ, Кириллъ

[1]) Въ нашемъ источникѣ сказано: Хрисанфъ, но такъ какъ въ это время патріархомъ Іерусалимскимъ былъ Досиѳей, то мы и замѣняемъ первое имя вторымъ.

поспѣшилъ поѣздкой въ Константинополь же, разъяснилъ синоду здѣсь, что онъ не искалъ патріаршества, но что онъ лишь подчинился выборамъ, вообще онъ показалъ себя человѣкомъ умнымъ и разсудительнымъ. Столичный синодъ,—какъ ни странно это—присудилъ возвратить патріаршество и Кириллу, не лишая однакожъ достоинства и Неофита. Рождалось двоевластіе. Вотъ, при какихъ обстоятельствахъ началось прямое и вредное по своимъ послѣдствіямъ вмѣшательство Константинопольскаго патріарха въ дѣла Антіохійскаго патріархата. Хотя вышеупомянутый Неофитъ, утомившись долгими спорами съ Кирилломъ и завязнувши въ долгахъ, сдѣланныхъ имъ по случаю возведенія и водворенія его въ патріархахъ, добровольно сложилъ съ себя санъ; но это мало послужило на пользу Сирійской церкви, потому что вскорѣ появился рядомъ съ Кирилломъ другой антипатріархъ. Появленіе его произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Христіане Алеппской митрополіи пожелали имѣть у себя митрополитомъ одного монаха Аѳанасія, родомъ изъ Дамаска, и просили патріарха Кирилла возвести его въ это достоинство; но патріархъ по какой-то причинѣ отказалъ имъ въ этомъ. Тогда Алеппинцы, вѣроятно поощряемые примѣромъ вышеупомянутаго Неофита, рѣшили отправить депутацію въ Константинополь и просить тамошній синодъ, чтобы онъ поставилъ Аѳанасія не въ митрополиты (это казалось имъ мало), а въ патріархи, указывая въ оправданіе своего желанія на то, что Кириллу они не хотятъ повиноваться, какъ патріарху, сдѣлавшемуся таковымъ не по правиламъ церкви. Къ удовольствію Алеппинцевъ ихъ планъ осуществился. Патріархъ Константинопольскій вытребовалъ Аѳанасія въ столицу и рукоположилъ его въ патріархи Сирійской церкви, а Кирилла объявилъ низложеннымъ. Послѣ посвященія Аѳанасій прибылъ въ Алеппъ и разослалъ свои грамоты всѣмъ архіереямъ Антіохійскаго патріархата; изъ нихъ одни подчинились ему, а другіе вмѣстѣ съ христіанами Дамаска остались на сторонѣ Кирилла. Проживали же Кириллъ въ Дамаскѣ, а Аѳанасій въ Алеппѣ, и оба по случаю взаимной распри, писали въ Константинополь, издержи-

вались и сѣяли соблазны [1]). Вотъ новый фактъ вмѣшательства церковнаго Константинополя въ судьбу патріарха Кирилла, а съ нимъ и въ судьбы Антіохійскаго патріархата. Едвали кто съумѣетъ въ этомъ случаѣ оправдать Константинопольскую власть, не прибѣгая къ натяжкамъ и софизмамъ. Самыя печальныя послѣдствія Антіохійскаго двоевластія не замедлили проявиться. Лѣтописецъ такъ говоритъ о временахъ правленія Кирилла и его антипатріарха Неофита: „одинъ патріархъ добывалъ бератъ (султанское утвержденіе въ правахъ патріаршихъ) и овладѣвалъ престоломъ, отлучалъ отъ церкви своего соперника—патріарха и сторонниковъ его, отрѣшалъ архіереевъ и священниковъ его съ ущербомъ для мірянъ; тоже самое дѣлалъ и другой патріархъ. Патріархи эти завязли въ долгахъ, а люди ни во что стали ставить христіанскую честность". Тотъ же лѣтописецъ пишетъ, что съ появленіемъ другого антипатріарха (Аѳанасія), возлѣ Кирилла, „возобновились неизреченные соблазны гораздо большіе, чѣмъ тѣ, которые происходили, когда Кириллъ имѣлъ антипатріархомъ Неофита, такъ что христіане, раздѣленные на двѣ партіи, получили наименованіе: *комаровъ* и *скнипов*ъ" [2]). Константинополю же оставалось только радоваться, видя такіе обильные плоды своихъ трудовъ!

Но это еще не все. На тойже нивѣ, воздѣланной руками константинопольскихъ фанаріотовъ возросъ прегорькій плодъ—это папистическая унія. Она создалась въ Сирійской церкви въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII-го вѣка. Кто былъ прямымъ или косвеннымъ виновникомъ этого прискорбнаго явленія—патріархъ ли Кириллъ, который въ трудныхъ обстоятельствахъ вынужденъ былъ заигрывать съ папами, или его антипатріархъ Неофитъ, неосмотрительно позволившій латинянамъ открыть въ Сиріи свои школы, или же другой антипатріархъ Аѳанасій, согласившійся на то, чтобы Алеппинцы смягчили строгія практическія требованія Православія, сообразно съ обычаями папской церкви, или же наконецъ какой-то Сидонскій архіерей Евфимій, который, пользуясь смут-

[1]) Преосв. Порфирія. Сирія, 119—121; 122—4. Кіевъ, 1874.
[2]) Тамъ же, стр. 99—100.

нымъ временемъ, будтобы сдѣлался „первымъ послѣдователемъ появившихся тогда въ Сиріи папскихъ мудрованій": рѣшать этого вопроса [1]) не беремся, но несомнѣнно въ документахъ можно находить достаточныя основанія въ пользу каждаго изъ вышеуказанныхъ объясненій происхожденія Сирійской уніи [2]). Во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться въ томъ, что первый камень въ созиданіи уніи положенъ рукою того Константинопольскаго патріарха, который противозаконно рукоположилъ антипатріарха Неофита. Какъ происхожденіемъ уніи, такъ и дальнѣйшимъ развитіемъ ея Сирія одолжена всё томуже Константинополю. Въ этомъ достаточно удостовѣряемся, если возьмемъ во вниманіе хотя слѣдующее извѣстіе лѣтописца: „Алеппинцы по злости и упорству возстали противъ Антіохійскаго патріарха Сильвестра (съ 1724 г.) и издержавши много денегъ принесли на него жалобу высокой Портѣ, а потому освободились отъ подчиненія ему. Молва же гласитъ, добавляетъ повѣствователь, что это совершилось посредствомъ Паисія, патріарха Константинопольскаго и Хрисанѳа Іерусалимскаго, нерасположеннаго къ Антіохійскому Сильвестру" [3]). А нужно знать, что упоминаемые здѣсь Алеппинцы, христіане Алеппской митрополіи, и составили главное зерно уніатовъ въ Сиріи. Унія, конечно, не могла служить къ процвѣтанію Антіохійскаго патріархата: бѣдствія его умножились. Лѣтописецъ говоритъ: сколько отъ того (отъ развитія уніи) было убытковъ, обидъ и несчастій—и перечислить трудно". Турки стали пренебрежительно относиться даже къ патріархамъ: „случалось, что чиновные мусульмане съ трубками табаку входили въ алтарь и тутъ разговаривали съ патріархомъ во время литургіи. Явленіе поистинѣ достоплачевное"! Раздѣленіе, возникшее въ Сирійской церкви изъ-за уніи, сдѣлалось источникомъ обогащенія для Турокъ: эти послѣдніе дѣлали видъ, что содѣйствуютъ патріарху возвратить въ церковь отдѣлившихся отъ нея и обирали уніатовъ [4]). Нашъ русскій путешественникъ Гри-

[1]) Вопросъ объ уніи—большой, и мы къ сожалѣнію не можемъ отвести ему мѣста въ нашихъ *Краткихъ Свѣдѣніяхъ*.

[2]) Еписк. Порфирія. Сирія (Списокъ Антіох. патріарховъ), стр. 14—15. К. 1876. Егоже. Сирія, 127. К. 1874.

[3]) Преосв. Порфирія. Сирія, 105. Кіев., 1874.

[4]) Тамъ же, 105—106.

горовичъ-Барскій, самолично наблюдавшій въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка надъ ходомъ дѣлъ въ этомъ патріархатѣ, потрясенномъ уніатскою смутою, записалъ въ своемъ дневникѣ: „отшатишися большая часть христіанъ отъ благочестивыя вѣры и отъ догматовъ восточной церкви и не причащахуся съ православными, ниже вхождаху въ церковь ихъ, но въ уніатскія; иные же имѣху храмы римскіе и единомудрствующихъ поповъ; на всякъ же день готовы бяху убити святѣйшаго патріарха". Затѣмъ онъ же съ прискорбіемъ замѣчаетъ: „сице православные умоляхуся, уніаты же умножахуся" [1]). А лѣтописецъ, оцѣнивая значеніе распространенія уніи въ Сиріи, писалъ, что приверженцы папизма еще во время борьбы Кирилла съ его антипатріархомъ Аѳанасіемъ „усилились такъ, что современники ихъ ѣли ягодки, а намъ (писано это во второй половинѣ XVIII-го вѣка) досталась оскомина" [2]). Прибавимъ, что унія въ Сиріи существуетъ и до сихъ поръ.

Но и здѣсь не конецъ несчастіямъ Антіохійскаго патріархата, возникавшимъ изъ-за безпорядковъ въ избраніи его патріарховъ. Произошло то, что можно назвать порабощеніемъ Сирійской церкви. Поработителемъ сдѣлался панэллинистическій Константинополь. Началось съ того, что по смерти Антіохійскаго патріарха Сильвестра, Антіохійскій патріархатъ получилъ готоваго патріарха изъ Константинополя,—Филимона (въ 1766 г.), который и выбранъ былъ и посвященъ по опредѣленію тамошняго синода, безъ участія Сирскихъ христіанъ. Одно было хорошо, что новоизбранный патріархъ былъ одной національности съ своею Сирскою паствою. Но вскорѣ и это хорошее принесено было въ жертву фанаріотскому стремленію эллинизировать всю восточную церковь. О преемникѣ Филимона Антіохійскомъ патріархѣ Даніилѣ лѣтописецъ замѣчаетъ: „Даніилъ хіосецъ, рукоположенъ (въ Антіохійскаго патріарха) въ Константинополѣ 6 августа 1767 года, по опредѣленію тамошняго патріарха Самуила и священнаго синода его" [3]). Кратко и ясно. Съ указан-

[1]) Странствованія. Т. II, 218. Спб., 1886.
[2]) Еписк. Порфирія. Сирія, 102. К. 1874.
[3]) Тамъ же, 112.

наго года началось кненократія на Антіохійской патріаршей каѳедрѣ: поставленъ на ней, по домогательствамъ Константинополя, Хіосецъ, т. е. чистокровный Грекъ наступилъ конецъ серіи Антіохійскихъ патріарховъ изъ Арабовъ и началась серія тѣхъ же патріарховъ изъ Грековъ: патріархатъ, населенный исключительно арабской христіанской національностію, подпадаетъ власти Грековъ, чужаковъ для Сиріи. Интересно, что о дѣятельности вышеупомянутаго Даніила мы ничего не знаемъ, кромѣ слѣдующаго факта, сообщаемаго преосв. Порфиріемъ: патріархъ этотъ „посвятилъ за 1000 червонцевъ нашимъ раскольникамъ нѣкоего архимадрита Іосифа и сказалъ ему: привезешь другую тысячу, такъ получишь архіерейство" [1]. Но раскольники должо быть поскупились! Съ теченіемъ времени, Антіохійскій патріархатъ, кажется, совсѣмъ забылъ о томъ, что онъ вправѣ выбырать кого угодно патріархомъ, не спрашиваясь объ этомъ на сторонѣ. По крайней мѣрѣ извѣстно, что въ 1850 г., по смерти патріарха Меѳодія, Сирійцы уже „умоляли Синодъ Константинопольскаго патріарха назначить имъ патріарха изъ среды своей" (т. е. фанаріотской), [2]), что, конечно, Константинополь съ удовольствіемъ и сдѣлалъ. Правда, потомъ съ развитіемъ самосознанія Сирійцевъ, послѣдніе стали избирать себѣ главъ патріархата, но они еще не осмѣливались выбирать никого другого, кромѣ Грека. Такъ въ 1892 году на Антіохійскую патріаршую каѳедру былъ избранъ сирійцами митрополитъ Спиридонъ, Грекъ, который возлюбя этотъ санъ, самъ предложилъ за него 90,000 рублей, но денегъ этихъ однако не соблаговолилъ заплатить [3]). Но въ настоящее время случилось очень важное событіе, которое, быть можетъ, положитъ конецъ порабощенію Сирійской церкви Греками и уничтожитъ навсегда ксенократію въ Антіохійскомъ патріархатѣ. Дѣло въ слѣдующемъ: когда послѣ правленія Спиридона, патріаршая каѳедра стала вакантною, тогда выступила на сцену довольно сильная церковная партія, которая пожелала имѣть патріархомъ не Грека, а природнаго Араба. Довольно долго происходила

[1]) Сирія. (Списокъ Антіох. патріарховъ), 121.
[2]) Тамъ же, 124.
[3]) Сообщ. Палест. Общ. 1895, стр. 74—75.

борьба между грекофильскою и арабофильскою партіями, пока послѣдняя не одержала верха—и наконецъ въ 1899 г. на патріаршую каѳедру Антіохіи былъ посаженъ арабъ—митрополитъ Лаодикійскій Мелетій [1]). Есть основаніе думать, что Сирійцы обязаны такимъ счастливымъ результатомъ благовременному содѣйствію со стороны Россіи..... Во всякомъ случаѣ въ жизни Антіохійскаго патріархата совершился въ наши дни благодѣтельный кризисъ, значеніе котораго узритъ и оцѣнитъ послѣдующая исторія.

Ни въ одномъ изъ разсматриваемыхъ нами патріархатовъ не произошло такого быстраго и крутого переворота въ положеніи патріаршей каѳедры, съ паденіемъ господства Мамелюковъ и съ утвержденіемъ турецкаго владычества въ нихъ, какой произошелъ въ патріархатѣ Іерусалимскомъ. Во все время владычества Мамелюковъ въ Палестинѣ, православное народонаселеніе которой состояло исключительно изъ Арабовъ, патріархи Іерусалимскіе избирались изъ однихъ арабовъ. Но едва успѣлъ на вѣки сомкнуть глаза Арабъ, патріахъ Дороѳей (въ 1534 г.), начавшій править церковію еще во время мамелюкскаго господства, какъ дѣла приняли совершенно новый оборотъ. Преемникомъ Дороѳея былъ уже Грекъ Германъ, и съ тѣхъ поръ Греки стали неизмѣнно возсѣдать на патріаршей каѳедрѣ Іерусалима. Но какъ же это случилось? Греческіе писатели разсказываютъ, что Германъ, родомъ изъ Мореи и проживавшій потомъ въ Египтѣ будто очень скоро и основательно изучилъ арабскій языкъ; почему, когда судьба заставила его поселиться въ Іерусалимѣ онъ будто бы былъ принимаемъ туземцами за Араба, которые, имѣя въ виду его достоинства, и избрали его патріархомъ, по смерти Дороѳея [2]). Такъ ли происходило дѣло—сомнительно. Греческая передача факта носитъ очевидную печать сказочности. Не вѣроятно, чтобы избиратели не позаботились возможно внимательно изучить біографію избираемаго въ столь высокій санъ, какъ патріаршество. Представляется болѣе вѣроятнымъ думать, что Константинопольская патріархія, воспользовалась растерянностію палестинскихъ арабовъ, происшедшею вслѣдствіе быстрой

[1]) Церк. Вѣдомости, 1899, стр. 550; 1900, стр. 645.
[2]) Исторія св. града Іерусалима, стр. 270.

перемѣны прежняго правительства на новое, и опираясь на послѣднее,—правительство ей благосклонное,—хорошо оцѣнила выгоды своей позиціи и стремительнымъ ударомъ положила конецъ арабской патріаршей власти, замѣнивъ ее греческою такою же властію. Думаемъ, что такъ именно нужно понимать замѣщеніе Германомъ Іерусалимской каѳедры, освободившейся по смерти Дороѳея. Грекъ Германъ, въ свою очередь, приближаясь къ смерти, выбралъ своимъ преемникомъ Грека же и постарался потверже укрѣпить за нимъ свое наслѣдство. Историки разсказываютъ, что Германъ пригласилъ изъ Константинополя одного греческаго священника, доводившагося ему родственникомъ, облекъ его въ монашество съ именемъ Софронія; а затѣмъ собралъ соборъ, на которомъ и объявилъ, что онъ отказывается отъ власти и назначаетъ его своимъ наслѣдникомъ. Конечно, соборъ, составленный изъ лицъ, благопріятствующихъ Герману, принялъ его волю какъ законъ. Въ заключеніе устроена была очевидная комедія, въ которой будто бы не преднамѣренно жребій палъ не на кого другого, какъ именно на Софронія. И вотъ является второй Грекъ на Іерусалимскомъ патріаршествѣ [1]). За этимъ Грекомъ послѣдовали другіе. Замѣчательно, что первые четыре Іерусалимскіе патріарха турецкаго періода исторіи разсматриваемаго патріархата не только были единоплеменниками, но приходились близкими родственниками между собою: каѳедра сдѣлалась наслѣдственною въ одной фамиліи и передавалась отъ одного патріарха другому по праву непотизма. На четвертомъ патріархѣ произошла новая перемѣна въ актѣ избранія Іерусалимскаго высшаго іерарха. Недолго думая, отложили всякія церемоніи въ обращеніи съ палестинскими христіанами. Четвертаго патріарха изъ грековъ — Паисія не сочли нужнымъ избирать на мѣстѣ его будущаго служенія, а нарекли патріархомъ вдали отъ Іерусалима,—тамъ, гдѣ въ это время (въ 1645 г.) находились Константинопольскій патріахъ и его синодъ. Вообще съ этого времени вошло въ правило, что патріарха Іерусалимскаго избирали въ Константинополѣ, и обыкновенно

[1]) Тамъ же, 272. 273.

амъ Іерусалимскій патріархъ, въ виду приближающейся мерти, назначалъ себѣ преемника (какимъ образомъ это огло происходить, разъяснимъ сейчасъ). А въ Іерусалимъ олько сообщалось о совершившемся фактѣ избранія и поставленія такого-то въ патріархи [1]). Указанное измѣненіе ь актѣ избранія патріарха однакожъ не встрѣтило себѣ очувствія среди арабскихъ христіанъ Палестины: они находили, что къ ихъ правамъ относятся ужъ слишкомъ ренебрежительно. Они устроили любопытную оппозицію овому патріарху. Во главѣ этой оппозиціи стало арабкое духовенство Іерусалима, которое „не восхотѣло воiать ему подобающей почести по старой памяти своего іянія при Мамелюкахъ". Противники избранія Паисія отъ что сдѣлали: когда новый патріахъ приблизился къ ѣнамъ Іерусалима, они всѣ вышли изъ города и предъ ратами его набрасали цѣлую кучу камней „въ знакъ неокорности ему" [2]). Разумѣется, то была праздная затѣя, одившаяся въ ихъ головахъ съ отчаянія и не могшая эинести никакой пользы ихъ дѣлу.

Патріархи Іерусалимскіе, будучи Греками, имѣли боѣе тѣсныя связи съ Константинополемъ, чѣмъ съ Іерулимомъ, населенномъ Арабами; а потому они и сами ачали чуждаться своей паствы, предпочитая Палестинѣ олицу имперіи. Мало помалу они стали смотрѣть на юй Іерусалимскій патріархатъ, какъ на свое помѣстье, ь которомъ можно было жить, но можно было и не жить, іравляя имъ въ послѣднемъ случаѣ изъ прекраснаго дака. Извѣстно, что еще въ началѣ XVII-го вѣка Іерусаимскіе патріархи устроили себѣ уютный уголокъ въ Конантинополѣ и стали избирать его своей резиденціей, мѣсто патріархіи во св. градѣ. Многое побуждало ихъ оступать такъ. Въ Константинополѣ удобнѣе было слѣить за перемѣнами курса въ церковной и гражданской олитикѣ, которыя такъ или иначе могли отражаться на дьбѣ самого патріарха; отсюда удобнѣе было управлять н. святогробскими недвижимыми имуществами, которыя ікъ быстро умножались и находились въ Европѣ, глав-

[1]) Проф. Н. Ѳ. Каптерева. Господство Грековъ въ Іерус. патріархатѣ › Досиѳею). *Бог. Вѣст.* 1897, т. II, 200—201.

[2]) Исторія св. града Іерусалима. II, 300—301.

нымъ образомъ въ теперешней Румыніи и нашей Бессарабіи. А въ Іерусалимѣ, по ихъ представленію, ихъ ожидала только скука и бездѣлье. Результатъ же указаннаго положенія вещей былъ слѣдующій: „Въ теченіе двухъ вѣковъ Іерусалимъ даже рѣдко видалъ въ своихъ стѣнахъ наслѣдниковъ ап. Іакова (Добавимъ, наприм., энергичный Іерусалимскій патріархъ Досиѳей цѣлыхъ 18 лѣтъ подрядъ не бывалъ здѣсь). Были и такіе патріархи, которые умирали, не посѣтивъ св. града. Живя постоянно въ Константинополѣ, управляя патріархатомъ чрезъ своихъ намѣстниковъ (въ архіерейскомъ санѣ) Іерусалимскіе патріархи были сами не болѣе, какъ бы членами Константинопольскаго синода" [1]). Здѣсь же, конечно, не безъ соизволенія этого послѣдняго, они назначали себѣ преемниковъ, не заботясь о желаніяхъ и потребностяхъ палестинской своей паствы. Такъ продолжалось до средины XIX-го вѣка.

Іерусалимскіе патріархи, находясь какъ бы въ плѣну въ Константинополѣ, очень мало проявляли свою церковную дѣятельность. Главнѣйшимъ дѣломъ, въ которомъ выражалась извѣстная доля независимости патріарха этого, было принадлежащее ему право назначать себѣ преемника, съ разрѣшенія вселенскаго патріарха. Но и этой доли независимости пытались лишить его Константинопольскія церковныя власти. Такъ Константинопольскій патріархъ Константій I изъ видовъ корыстолюбія хотѣлъ, при содѣйствіи Порты, подчинить себѣ каѳедру Іерусалимскую и тѣмъ разрушить древній строй восточной церкви. Попытка, благодаря постороннему вмѣшательству не удалась [2]). Не удалась такъ же и другая попытка въ томъ же родѣ, имѣвшая мѣсто въ 1845 году. Патріархъ Іерусалимскій Аѳанасій, по укоренившемуся обычаю, проживая въ столицѣ Турціи, назначилъ себѣ преемникомъ Іерофея, архіепископа Ѳаворскаго, хорошо знакомаго съ Россіею, гдѣ онъ пребывалъ для сбора подаяній, и находившагося въ то время, о которомъ мы говоримъ, вмѣстѣ съ Аѳана-

---

[1]) В. Н. Хитрово. Православіе въ св. Землѣ (Палест. Сборникъ. 1), стр. 53. Спб., 1881. Базили, II, 201.

[2]) Проф. Н. Ѳ. Каптерева. Сношенія Іерусал. патріархомъ съ русск. правительствомъ въ XIX-мъ столѣт. («Палест. Сборн.» Вып. 43), стр. 6[illegible]. Спб. 1898.

емъ. Чтобы дѣло было надежнѣе, Аѳанасій составилъ ормальное завѣщаніе, въ которомъ изъявлялъ свою поіѣднюю волю о преемникѣ, и подъ которымъ подписался эгдашній Константинопольскій патріархъ Германъ; мало эго, съ вышеуказанною цѣлію, за немного времени до черти онъ отрекся отъ патріаршества. Но лишь только черъ Аѳанасій, какъ дѣло приняло совсѣмъ другой обоэтъ. Константинопольскіе фанаріоты рѣшили окончательэ уничтожить іерархическую независимость Іерусалимкаго патріарха, а во главѣ ихъ сталъ патріархъ Германъ, этъ самый, который собственноручно скрѣпилъ завѣщаіе умершаго патріарха Іерусалимскаго о его преемникѣ. ужно сказать, что дѣло именно и касалось избранія ноіго патріарха для Іерусалима. По смерти Аѳанасія Конантинопольскій синодъ вознамѣрился однажды на всегда зять исключительно въ свои руки назначеніе этихъ паэіарховъ, и такимъ образомъ желалъ превратить Іерусаімскій патріархатъ въ дѣйствительную епархію вселенкаго патріарха. Чтобы подготовить умы къ такому акту, готъ послѣдній отпѣвалъ тѣло покойнаго патріарха не ь церкви Іерусалимскаго подворья, а въ храмѣ Констанінопольской патріархіи, и это дѣлалось въ знакъ вообіжаемаго подчиненія Іерусалимскаго патріарха Констанінопольскому. Затѣмъ синодъ вошелъ въ сношенія съ эдлежащими турецкими властями съ цѣлію добиться отраненія Іероѳея и выбрать новаго патріарха, безъ всяіго участія Іерусалимской церкви. „Интрига ведена была эсьма хитро". Турецкому правительству было доложено, го вселенскій патріархъ и синодъ его имѣютъ-де законэе право назначать въ Іерусалимъ патріарха, кого они зберутъ и кого утвердитъ султанъ; что Іерусалимскіе паэіархи незаконно усвоили себѣ власть заживо назначать эбѣ преемниковъ, потому что де — эта власть принадлеитъ одному султану (Игра на вѣрноподданическомъ чувтвѣ къ султану!); что архіепископъ Іероѳей преданъ Росси и проч. Султанское правительство очень благосклонно тнеслось къ этому представленію синода. Повидимому, іступалъ часъ торжества для фанаріотовъ. Но увы, хитро еденная интрига привела совсѣмъ къ другому результату. усское посольство въ Константинополѣ во время развѣ-

дало о затѣѣ патріарха и разметала фанаріотскую паутину. Кончилось дѣло тѣмъ, что въ Іерусалимъ послано было повелѣніе избрать патріарха изъ числа Іерусалимскаго братства [1]). Что было бы вообще съ Восточною церковію, еслибы она осталась безъ призора со стороны Россіи, являющейся предусмотрительнымъ пѣстуномъ для нея?

„Послано повелѣніе въ Іерусалимъ избрать патріарха изъ числа Іерусалимскаго братства". Это значитъ, что двухвѣковой обычай, по которому Іерусалимскіе патріархи, живучи въ Константинополѣ, по своему произволу назначали себѣ преемниковъ, покончилъ свое существованіе. Признано было необходимымъ возвратиться къ канонической нормѣ избранія патріарха тою самою церковію, которою онъ имѣетъ управлять. Въ Іерусалимѣ, (это было въ 1845 г.) въ патріархи выбранъ митрополитъ Лиддскій Кириллъ. Выбранный въ Іерусалимѣ, новый патріархъ и жить обязанъ былъ здѣсь же [2]). Такова была воля Россіи. И съ тѣхъ поръ патріархи Іерусалимскіе разстались со столицею и проживаютъ въ Іерусалимѣ.

Со временъ разсказаннаго событія выборъ новыхъ патріарховъ для Іерусалима происходитъ уже здѣсь и совершается мѣстнымъ синодомъ. Какъ происходитъ здѣсь иногда выборъ патріарха, съ этимъ достаточно можетъ познакомить исторія выбора новаго патріарха, на мѣсто вышедшаго въ отставку патріарха Никодима, въ 1890 году. Вотъ эта исторія. По отреченіи Никодима, нужно было избрать мѣсто-блюстителя патріаршаго, который дѣлался временнымъ предсѣдателемъ синода. Для этой цѣли собранъ былъ синодъ, на которомъ большинствомъ голосовъ избранъ въ мѣсто блюстителя Епифаній, архіеп. Іорданскій. Но это избраніе не понравилось т. н. намѣстнику патріаршаго престола, митрополиту Петры-Аравійской, престарѣлому Никифору, члену синода. Пользуясь своимъ положеніемъ намѣстника, онъ на другой же день созвалъ опять синодъ, въ которомъ присутствовали лишь члены, благорасположенные къ Никифору. Теперь мѣстоблюстителемъ выбранъ былъ самъ Никифоръ, чего ему и хотѣлось. На этомъ однакоже онъ не успокоился. Ему захотѣ-

[1]) Проф. Каптерева. Тамъ же, 795—800. 803. Базили, II, 198.
[2]) Проф. Каптерева. Тамъ же, 805.

ь пробраться въ патріархи, о чемъ онъ очень откроно заявилъ и на засѣданіи синода, сказавъ, что его ѣтное желаніе такое—умереть патріархомъ или мѣстостителемъ. Но шансы его на выборъ въ патріархи зывались очень ничтожными. Поэтому онъ сталъ приать къ разнымъ незаконнымъ мѣрамъ для приведенія эго завѣтнаго желанія въ исполненіе. Напримѣръ, одо члена собранія, какъ ненадежнаго въ данномъ слу-, онъ отстранилъ и ввелъ совершенно незаконно трехъ имандритовъ, расположенныхъ къ нему, въ число члеъ синода. Эти дѣйствія престарѣлаго Никифора были отестованы оппозиціонною ему партіею синода, котоосмѣлилась назвать синодъ Никифора псевдосиноъ и даже разбойничьимъ соборомъ. Свой протестъ озиція довела до свѣдѣнія Порты, которая сейчасъ занныя дѣйствія мѣстоблюстителя признала противоэнными и отмѣнила ихъ. Наконецъ, послѣ долгаго медленія наступилъ день выборовъ. Но увы, избранъ ъ не Никифоръ, а Антіохійскій патріархъ Герасимъ. умѣется, Никифоръ и его клевреты не хотѣли примиься съ такимъ исходомъ дѣла. Они послали доносъ Герасима къ турецкому правительству въ Константиолѣ. А въ этомъ доносѣ между прочимъ обвиняли его дружбѣ къ Россіи (Назидательный фактъ для тѣхъ, воображаетъ, что Греки хоть сколько-нибудь любятъ новѣрную и щедродательную Россію! Къ тому же ну- прибавить, что обвиненіе это было клеветой). Но поты Никифоровой партіи пропали даромъ. Султанъ ердилъ Герасима патріархомъ Іерусалимскимъ [1]).—Въ гоящее время (съ 1897 г.) патріархомъ Іерусалима оитъ Даміанъ, бывшій архіепископъ Филадельфійскій [2]).

) Сообщенія Палест. Общ., за 1891 г., стр. 3—10.

Не имѣя желанія обременять читателя подробностями, мы оставляъ сторонѣ весь біографическій матеріалъ, относящійся въ личной характеристикѣ патріарховъ Александр., Антіох., и Іерусалимскихъ; поэтому ы возможности вести рѣчь даже о замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ на-, Мелетіи Александрійскомъ, Макаріи Антіохійскомъ и Досиѳеѣ Іерусаомъ.

II.

(Высшая іерархія въ Іерусалимскомъ патріархатѣ, — быстрая эллинизація ея;—сила и власть Іерусалимскаго патріарха во время его проживанія въ Константинополѣ;—упадокъ силы и власти этого патріарха съ обратнымъ водвореніемъ его въ Іерусалимѣ,—возрастаніе значенія синода и святогробскаго Братства на счетъ авторитета Іеру—скаго патріарха.—Низшее туземное (арабское) духовенство въ Іерусалимскомъ патріархатѣ,—отношенія къ нему высшей іерархіи;—отношеніе этой послѣдней къ народу (арабамъ).—Высшая іерархія въ Антіохійскомъ патріархатѣ—частію изъ Грековъ, частію изъ Арабовъ;—отношенія патріарха къ архіереямъ изъ Арабовъ и своей паствѣ;—отношенія этихъ архіереевъ къ своей паствѣ; замѣчанія о приходскомъ духовенствѣ патріархата.—Характеристика православной паствы патріархата,—отношенія ея къ архіереямъ и прочему духовенству.—Іерархія и народъ въ Александрійскомъ патріархатѣ (замѣтка).—Монастыри въ разсматриваемыхъ трехъ патріархатахъ.—Школы и духовно-учебныя заведенія: нѣчто о школахъ Александрійскаго патріархата;—городскія и сельскія школы Антіохійскаго патріархата, — вопросъ о духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ немъ:—школы патріархата Іерусалимскаго.—Крестная школа или духовно-учебное заведеніе въ Іерусалимѣ.—Матеріальное состояніе патріархатовъ:—бѣдность Александрійскаго,—матеріальное состояніе Антіохійскаго патріархата въ разное время,—тоже состояніе Іерусалимскаго патріархата.—Императорское православное Палестинское Общество, его задачи и дѣятельность на православномъ Востокѣ).

Иногда говорятъ, что „борьба и раздѣленіе между двумя противоположными элементами: греческимъ, господствующимъ и негреческимъ, подчиненнымъ составляютъ основу церковной жизни на всемъ церковномъ Востокѣ". Но будетъ болѣе правильнымъ сказать, что борьба греческаго элемента *противъ* не-греческаго составляетъ указанную основу. Кромѣ Константинопольскаго патріархата, это особенно ясно видно въ исторіи патріархата Іерусалимскаго, гдѣ шла прежде и идетъ и теперь борьба между греческимъ пришлымъ элементомъ и туземнымъ арабскимъ элементомъ населенія. Можно сказать — исторія внутренняго церковнаго управленія въ этомъ патріархатѣ только и вращается вокругъ указаннаго вопроса.

Во времена владычества Мамелюковъ въ Палестинѣ православные „патріархи и епископы избирались здѣсь изъ туземныхъ Арабовъ“ [1]). Эти послѣдніе изъ опасенія, чтобы Греки, отличавшіеся всегда особенною юркостію, не завладѣли исключительно св. мѣстами, воспользовались тѣмъ неблагопріятнымъ положеніемъ, въ которомъ находились Греки предъ паденіемъ и вскорѣ послѣ паденія Константинополя, поставили правиломъ, чтобы никто изъ Грековъ не былъ посвящаемъ не только въ патріархи, но и въ епископы въ Палестинѣ [2]). Дѣйствительно ли существовало такое строгое правило—неизвѣстно. Потому что приведенное извѣстіе проистекаетъ изъ греческихъ источниковъ, а Греки имѣютъ основаніе искажать истину въ видахъ самооправданія въ ихъ собственномъ панэллинизмѣ. Во всякомъ случаѣ это извѣстіе свидѣтельствуетъ, что было время, когда высшая іерархія въ Палестинѣ состояла изъ туземцевъ Арабовъ: это просто объясняется и тѣмъ обстоятельствомъ, что Мамелюки, вѣроятно, не благосклонно смотрѣли на Грековъ, которые напоминали имъ о враждебной исламу Византійской имперіи. Да наконецъ:

[1]) Спрашивается: кто такіе эти Арабы Палестины? Откуда они взялись? Оказывается Арабы здѣсь тоже, что и феллахи. А феллахи — кто такіе? «Феллахомъ—говорятъ намъ—называютъ собственно каждаго осѣдлаго поселянина туземца (въ Палестинѣ), какъ наоборотъ, бедуиномъ каждаго туземца кочующаго. Это различіе именъ, не есть различіе племенное или религіозное, это различіе занятій, образа жизни. Бедуинъ, разъ онъ обзаводится землею, домомъ, становится феллахомъ.

Первоначально, различіе это существовало, не только по образу жизни и по имени, но дѣйствительно существовало и племенное отличіе. То, что мы называемъ теперь феллахами, составляло собственно автохтоновъ Св. Земли, это тѣ обитатели ея, которые образовались изъ остатковъ всѣхъ населявшихъ ее въ теченіе тысячелѣтій народностей, начиная отъ древнихъ ханаанскихъ племенъ, евреевъ, выходцевъ изъ Персіи, образовавшихъ одну общую смѣсь подъ именемъ Сирійцевъ. Бедуины же принадлежатъ къ чисто арабскому племени. Послѣ арабскаго завоеванія, эти бедуины начали переходить въ феллахи, т. е. изъ кочующихъ становились осѣдлыми, сливаясь съ прежними Сирійцами. Изъ нихъ безспорно православные имѣютъ наиболѣе чистую кровь, безъ существенной примѣси арабской, ибо мы имѣемъ православныхъ, перешедшихъ въ магометанство, но нѣтъ магометанъ, перешедшихъ въ православіе.

По условіямъ жизни, по внѣшней обстановкѣ, наконецъ по обычаямъ, феллахи между собою не отличаются, они въ Св. Землѣ одинаково бѣдны, одинаково беззащитны и одинаково загнаны». (В. Н. Хитрово. Письма о св. Землѣ, стр. 42).

[2]) Исторія св. града Іерусалима. II, 269—270.

что можетъ быть естественнѣе того явленія, что у Арабовъ была своя, а не чуждая имъ высшая іерархія? Но это столь естественное явленіе въ теченіе изученнаго нами періода исторіи смѣнилось противоестественнымъ: не только патріархъ въ Палестинѣ (о чемъ мы уже говорили), но и вся высшая іерархія изъ арабской превратилась въ греческую? Теперь спрашивается: какъ же это случилось? О первомъ же патріархѣ изъ Грековъ Германѣ разсказываютъ, что онъ началъ постепенно посвящать епископовъ въ патріархатѣ изъ Грековъ; а такъ какъ его правленіе продолжалось долго, то со смертію послѣдняго члена Іерусалимскаго синода изъ Арабовъ, онъ постановилъ правило, чтобы и впредь не смѣли посвящать въ мѣстные епископы никого изъ Арабовъ [1]). Но если Германъ и постановилъ такое правило, что весьма вѣроятно, то эллинизація высшаго духовенства приведена къ концу много позднѣе, въ правленіе патріарха Паисія (съ 1645 г.). О немъ, Паисіи, сообщаютъ, что онъ назначалъ монаховъ въ Іерусалимѣ исключительно изъ Грековъ, отстранивъ совершенно мѣстныхъ чадъ Іерусалимской церкви, и такимъ образомъ создалъ неслыханную дотолѣ въ церкви систему ксенократіи. Въ ихъ рукахъ находилось управленіе патріаршимъ престоломъ, изъ нихъ избираются и рукополагаются архіереи, они же входятъ въ составъ синода. Этотъ патріархъ создалъ такъ называемое греческое святогробское Братство. Паисій, какъ видимъ [2]), упрочилъ и расширилъ планъ Германа и окончательно принципъ ксенократіи провелъ въ практику. Съ тѣхъ поръ и по настоящее время вся высшая іерархія въ патріархатѣ избирается изъ Грековъ. Поставленіе новыхъ архіереевъ долгое время оставалось или въ рукахъ патріарха, проживавшаго въ Константинополѣ, или же его намѣстника, который былъ облеченъ отъ него всякимъ полномочіемъ по управленію патріархіею [3]). Что же касается Іерусалимскаго синода, то онъ былъ безгласенъ—и дѣлалъ только то, что ему прикажутъ. Такъ продолжалось до времени,

[1]) Исторія св. града Іерусалима. II, 270.

[2]) Проф. Муркоса. Современн. состояніе и нужды православія въ Іерусал. церкви. (*Прав. Обозр.*, 1883, т. I), стр. 471.

[3]) Базили. II, 231.

когда патріархъ снова возвратился на жительство въ Іерусалимъ; съ этихъ поръ патріархъ волей-неволей сталъ совѣщаться съ синодомъ и значеніе послѣдняго возросло.

Съ возвращеніемъ резиденціи Іерусалимскаго патріарха изъ Константинополя во св. градъ, значеніе синода здѣшняго — говоримъ — возросло. Это и понятно. Живя вдали отъ своего патріаршаго города, высшій іерусалимскій іерархъ не могъ входить въ сношенія съ своимъ синодомъ и дѣйствовалъ какъ неограниченный властелинъ; а съ возвращеніемъ во св. градъ, патріархъ неминуемо становился фактическимъ главой синода и вынужденъ былъ къ совѣщанію съ членами его, права патріарха нашли ограниченія. Укажемъ примѣръ. Чувствуя усиливающееся значеніе синода, Іерусалимскій патріархъ Герасимъ (въ 1893 году) возымѣлъ намѣреніе увеличить благопріятствующую ему партію этого священнаго учрежденія. Онъ рѣшилъ назначить архіерея въ Тиверіаду, гдѣ до сихъ поръ не было еще таковаго. Но предложеніе Герасима открыть эту новую архіерейскую каѳедру встрѣтило оппозицію въ синодѣ, потому что въ указанномъ городѣ не существовало православнаго населенія. Во главѣ несогласныхъ стоялъ Епифаній архіепископъ Іорданскій. Тѣмъ не менѣе патріархъ захотѣлъ настоять на своемъ. Онъ воспользовался тѣмъ, что архіеп. Іорданскій въ началѣ января по обычаю уѣхалъ въ свою безлюдную епархію—въ Іерихонъ и на берега Іордана для богослуженія въ день богоявленія. Главный оппонентъ, такимъ образомъ, выбылъ изъ Іерусалима и не могъ препятствовать выбору. Оставалось такъ или иначе уговорить нѣкоторыхъ изъ числа прочихъ оппонентовъ, чтобы потомъ добиться требуемаго большинства голосовъ въ Синодѣ. И это благополучно устроено. Одному изъ противорѣчившихъ предложенію Герасима членовъ синода обѣщано было воспособленіе деньгами для начатой постройки дома, и строптивый членъ былъ пріобрѣтенъ. Другого, извѣстнаго дѣтской простотой чѣмъ-то припугнули — и онъ легко сдался. Съ третьимъ поступили еще проще: ему сказали, что большинство голосовъ за предложеніе будтобы образовалось, и онъ не желая себѣ нажить враговъ въ лицѣ большинства, обѣщалъ подать свой голосъ за предложе-

ніе". Когда нашли, что голосовъ будетъ теперь совершенно достаточно для открытія новой архіерейской каѳедры, поспѣшили окончаніемъ дѣла. Все это устроилось такъ прекрасно, „благодаря искуснымъ дѣйствіямъ заправилы патріаршихъ дѣлъ, секретаря синода, архимандрита Фотія". Какъ неимовѣрно спѣшили окончаніемъ указаннаго дѣла, явствуетъ изъ того, что уже и самая хиротонія архимандрита Поликарпа во епископа Тиверіадскаго произошла въ самый день богоявленія. Когда на другой день „Епифаній Іорданскій возвратился въ Іерусалимъ, то дѣло уже было сдѣлано [1]). Такимъ образомъ въ послѣднее время и патріархъ Іерусалимскій всякими способами вынужденъ былъ добиваться, нужнаго ему въ томъ или другомъ случаѣ, парламентскаго большинства голосовъ въ своемъ собственномъ синодѣ. Времена измѣнчивы. — Вслѣдъ за синодомъ, со времени переселенія Іерусалимскаго патріарха изъ Константинополя во св. градъ, по разнымъ причинамъ усилилось здѣсь и значеніе т. н. святогробскаго Братства, состоящаго и нынѣ лишь изъ однихъ Грековъ. Стали встрѣчаться слѣдующія явленія: если патріархъ обнаруживаетъ большую или меньшую наклонность къ самостоятельности въ дѣйствованіи, то святогробское Братство идетъ противъ него, ратуя въ подобныхъ случаяхъ очень единодушно. Плодами такого единодушія было низложеніе съ патріаршей каѳедры патріарховъ Кирилла (въ 1872 г.), Прокопія (въ 1875 г.) и отчасти Никодима (въ 1892 г.). Отсюда святогробцы уразумѣли, что при содѣйствіи мѣстнаго синода, они могутъ возводить и низлагать патріарховъ. Примѣръ частыхъ смѣнъ Константинопольскихъ патріарховъ перенесенъ въ Іерусалимъ съ тою разницею, что вѣсъ голоса Цареградской Порты замѣнялся въ Іерусалимѣ лишь губернаторомъ, а потому здѣсь избраніе и низложеніе патріарха оказывалось всецѣло въ рукахъ одного святогробскаго Братства (конечно, въ союзѣ съ синодомъ) и стоило этому Братству сойтись съ Іерусалимскимъ пашею или Константинопольскимъ патріархомъ, чтобы смѣстить стараго патріарха и обезпечить выборъ—новаго. Въ подобныхъ случаяхъ Братство дѣйствуетъ сообща и единодушно. Въ

[1]) Сообщ. Палест. Общ., за 1894, стр. 180—182.

остальныхъ же—каждый ведетъ борьбу противъ всѣхъ, съ цѣлію получить болѣе доходное мѣсто, а если представится возможность и патріаршій санъ [1]).

Вотъ условія возникновенія и дальнѣйшаго комплектованія греческой высшей іерархіи въ разсматриваемомъ патріархатѣ; вотъ общая характеристика этой іерархіи и т. н. святогробскаго Братства, служащаго разсадникомъ архіереевъ для Палестины.

Греки захватили въ свои руки всѣ іерархическія мѣста высшаго ранга въ Палестинѣ. Что же дальше? Можно было бы думать, что палестинскіе архіереи воспользуются такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы начать эллинизацію туземнаго арабскаго народонаселенія православной вѣры. Но этого не случилось. Для достиженія такой цѣли нужно имѣть много терпѣнія и самотверженности, но такихъ качествъ у греческихъ архіереевъ не обрѣталось. Они додумались только до того, что отдѣлили себя рѣзкою чертою отъ туземнаго православнаго народа и замкнулись въ своемъ кружкѣ. Они считали себя какими-то аристократами, а мѣстныхъ Арабовъ третировали, какъ какихъ-то плебеевъ. По одному свидѣтельству: „Арабы признаются Іерусалимскою церковію (точнѣе: ея іерархами) нечистымъ племенемъ, хуже того евангельскаго мытаря", который находилъ, что онъ не достоинъ принять у себя Христа [2]). Греческіе архіереи не знаютъ и не желаютъ изучать языка, на которомъ говоритъ ихъ палестинская паства, находя такое изученіе дѣломъ, не стоющимъ вниманія. При такомъ отношеніи къ арабской православной національности, они хотя и ставятъ въ арабскіе города и села туземныхъ священниковъ, но смотрятъ на это лишь какъ на неизбѣжное зло. Бѣлое духовенство въ Палестинѣ, исключительно состоящее изъ Арабовъ (Грекъ не унизится до того, чтобы сдѣлаться священникомъ для арабской паствы), по словамъ Кирилла, епископа Мелитопольскаго, бывшаго настоятелемъ при русской миссіи въ Іерусалимѣ, „находится въ положеніи худшемъ послѣдняго при-

[1]) В. Н. Хитрово. Православіе въ св. Землѣ, 63.

[2]) См. проф. Н. Ѳ. Каптерева. Сношенія Іерусал. патріарховъ, стр. 713. 715. Сообщ. Палест. Общ., за 1895 г., 540.

служника греческаго монастыря" [1]). Архіереи, по свидѣтельству преосв. Порфирія, не принимали къ себѣ въ домъ арабскихъ священниковъ и не желали имѣть съ ними разговора хотя бы при посредствѣ драгомана. „Вмѣсто того, чтобы наставлять арабскихъ священниковъ, архіереи выгоняютъ ихъ отъ себя, какъ презрѣнныхъ рабовъ". „Архіереи не принимаютъ къ себѣ арабскихъ священниковъ, дабы не уронить архіерейскаго достоинства". Если же кто со стороны замѣчалъ такимъ архіереямъ, что это непорядокъ и разъяснялъ имъ, въ чемъ должны заключаться отношенія архіерея къ іерею, то таковый получалъ въ отвѣтъ: „не намъ вводить новые обычаи. Про то знаетъ патріархъ" [2]). Архіереи мало задумывались надъ вопросомъ о томъ, кого они рукополагаютъ въ пастыри арабскимъ христіанамъ. Между рукополагаемыми во священники встрѣчались прямо нищіе или же люди крайне невѣжественные, такіе, которые только за два мѣсяца до посвященія начали учиться грамотѣ и выучивались только читать псалтирь" [3]). Архіереи мало заботились о томъ, есть ли при извѣстной городской или сельской церкви священникъ у православныхъ Арабовъ. И случается, что если даже при городскомъ храмѣ съ тысящнымъ православнымъ приходомъ умираетъ священникъ, а назначенный на его мѣсто находитъ это назначеніе невыгоднымъ для себя, то за храмомъ поручается смотрѣть простому прислужнику. Еще чаще остаются безъ священника небольшія арабскія селенія [4]). Раньше (до 40-хъ годовъ XIX в.) арабскихъ священниковъ изъ близлежащей мѣстности допускали поочередно служить обѣдни въ монастыряхъ (палестинскихъ) Крестномъ и Ильинскомъ (остающихся обыкновенно безъ службы, по окончаніи поклонническаго періода), но потомъ стали гнать

---

[1]) Проф. свящ. Ѳ. И. Титова. Кириллъ, еписк. Мелитопольскій, бывшій настоятель русск. миссіи въ Іерусалимѣ, (*Труды Кiев. Д. Акад.* 1899, т. II стр. 334).

[2]) Книга бытія моего, II, 270.

[3]) Проф. о. Титова. Кириллъ, еписк. Мелитопольскій (*Труд. К. Д. Акад.* 1899, т. II, стр. 330—331).

[4]) В. Н. Хитрово. Православіе во св. Землѣ, 68—69.

ихъ и отсюда. Арабъ не можетъ помышлять сдѣлаться не только архіереемъ, но и монахомъ [1]).

Таковы были отношенія высшей палестинской іерархіи къ низшей іерархіи, принадлежавшей къ арабской національности; не лучше были отношенія ея и къ православной паствѣ тойже національности. Архіереи, подъ сердитую руку, именовали своихъ арабскихъ пасомыхъ „злодѣями, варварами" и людьми, не имѣющими „никакой вѣры". Пасомые жаловались, что на ихъ голову сыплются проклятія отъ ихъ архипастырей, и притомъ при самой торжественной обстановкѣ. „Не проклинай-те насъ, говорили они, и не отлучайте отъ церкви безъ важной причины, и притомъ во время божественной литургіи и молитвословій, ибо прежде не слыхивали этого ни мы, ни наши отцы и дѣды". О благоустроеніи храмовъ для арабскихъ христіанъ никто не заботился. Преосв. Порфирій пишетъ: „храмы арабскіе находятся въ столь жалкомъ положеніи, содержатся въ такой неопрятности, что я плакалъ при обозрѣніи ихъ" [2]). Самое имущество арабскихъ христіанъ не оставалось въ безопасности. Одинъ наблюдатель палестинскихъ дѣлъ пишетъ: „имѣя пашей іерусалимскихъ и другихъ мѣстныхъ чиновниковъ въ своихъ рукахъ, палестинскіе архіереи указывали пашѣ или губернатору на кого-либо изъ зажиточныхъ христіанъ-арабовъ въ Іерусалимѣ, имѣвшаго свой домъ и жившаго безбѣдно. Губернаторъ или паша, котораго Греки давно уже пріучили къ бакшишамъ, тѣмъ менѣе церемонились съ указанною ему жертвою, что зналъ, что ограбивъ араба—христіанина, онъ этимъ угождалъ фанаріотамъ и пріобрѣталъ въ нихъ себѣ покровителей въ Константинополѣ и въ тоже время набивалъ свой карманъ на счетъ беззащитныхъ и не опасныхъ для него христіанъ—арабовъ. Араба, подъ ничтожнымъ предлогомъ сажали въ тюрьму, обвиняли его въ такомъ преступленіи, о которомъ онъ и думать не думалъ, грозили ему, иногда даже подвергали пыткамъ (надѣвали ему на голову раскаленныя мѣдныя чашки), а между тѣмъ шептали ему,

---

[1]) Проф. Н. Ѳ. Каптерева. Сношенія іерусал. патріарховъ съ русск. правительствомъ въ текущемъ столѣтіи, стр. 715. 717.

[2]) Тамъ же, 713. 715. 736.

что отъ него самого зависитъ избавиться отъ всѣхъ бѣдъ, стоитъ только уплатить пашѣ или кадію, столько-то тысячъ піастровъ. Если арабъ упрямился, его продолжали томить въ тюрьмѣ и стращать пытками. Доведенный до отчаянія, онъ рѣшался продать свой домъ, чтобы уплатить требуемую сумму. Но кому продать? При подобномъ самоуправствѣ властей немного было охотниковъ покупать недвижимую собственность. Кто купитъ, кромѣ греческой патріархіи? И посылалъ несчастный въ патріархію уже не съ предложеніемъ, а съ слезною просьбою купить его домъ. Тогда обитатели ея, выражая притворную печаль о несчастіяхъ ихъ собрата-араба, отвѣчали ему, что они сами угнетены магометанами и никакъ не въ состояніи добыть требуемой суммы. Результатомъ такихъ переговоровъ было то, что наконецъ арабъ-христіанинъ, доведенный до крайней степени отчаянія, рѣшался продать имъ свой домъ за самую ничтожную сумму. Тогда покупатели дѣлались удивительно великодушными: купивъ за 1,000 піастровъ домъ, стоившій 10.000, они утѣшали разореннаго араба тѣмъ, что давали въ его же собственномъ домѣ уголокъ, чтобы онъ тамъ помѣстился съ семействомъ по конецъ своей жизни. Другіе христіане арабы, запуганные этими примѣрами и боясь, чтобы рано или поздно и съ ними не случилось того же самаго, спѣшили дѣлать свои дома *вакуфами* монастыря, т. е. объявляли, что они жертвуютъ эти дома въ пользу патріархіи, и при этомъ только выговаривали для своихъ дѣтей маленькое помѣщеніе въ домѣ. Бывали и такіе примѣры, что къ лежащему при смерти владѣльцу дома—арабу подсылали монаха, который наединѣ уговаривалъ его сдѣлать свой домъ вакуфомъ монастыря. Такимъ образомъ произошло то, что почти всѣ дома въ Іерусалимѣ, принадлежавшіе прежде христіанамъ — арабамъ, составили собственность греческой патріархіи, которая отдаетъ ихъ внаймы поклонникамъ, получая за то немалый доходъ. Дѣтей же, разоренныхъ его домовладѣльцовъ, патріархія великодушно (?) помѣщаетъ въ тѣхъ хижинахъ, которыя уже разваливаются и не годятся для поклониковъ. Или же бѣдныя семейства арабовъ были помѣщаемы въ самыхъ сырыхъ и гнилыхъ (?) землянкахъ.

хотя постоянно въ непаломническое время оставалось весьма много сухихъ и здоровыхъ квартиръ совершенно пустыми. Отъ дурного помѣщенія въ разваливающихся землянкахъ; гдѣ зимою во время дождей посреди комнаты всегда стоятъ лужи воды и течетъ съ потолковъ прямо на постели—люди заболѣвали горячками и другими опасными болѣзнями. Такимъ образомъ, Греки іерусалимскіе имѣли полное право (?) говорить: мы платимъ ежегодно огромныя суммы мусульманамъ, мы даемъ въ нашихъ собственныхъ домахъ пріютъ бѣднымъ арабамъ—христіанамъ, слѣдовательно, мы вполнѣ имѣемъ право ожидать себѣ помощи. Такъ было въ старые годы, прибавляетъ повѣствователь, съ тѣхъ поръ обстоятельства много измѣнились" [1]). Вотъ какимъ образомъ дѣйствовали Іерусалимскіе Греки, воображая, что служатъ пользамъ того эллинизма, которымъ до мозга костей проникнуты въ особенности константинопольскіе фанаріоты, считающіе себя цвѣтомъ своей націи.

Интересно отмѣтить, что даже Іерусалимскій патріархъ Никодимъ (1882—8 г.), ставленникъ русской политики, на котораго возлагалось такъ много надеждъ по части благоустроенія дѣлъ палестинскихъ, мало чѣмъ отличался отъ другихъ грекофильствующихъ мѣстныхъ патріарховъ, ибо хотя онъ и не проявлялъ своего грекофильства въ фактахъ, о которыхъ мы сейчасъ упоминали, но однакожъ явно бралъ сторону палестинскихъ Грековъ въ ущербъ даже существеннѣйшихъ интересовъ православныхъ арабовъ. Среда слишкомъ властна здѣсь [2]).

Взирая собственными глазами на то, какъ обращались въ палестинѣ съ христіанами туземцами ихъ же собратья православные Греки, преосвящ. Порфирій (Успенскій) восклицалъ: „это—народъ мученикъ!" [3]).

Другой опытный знатокъ палестинскихъ церковныхъ отношеній, видный дѣятель Императорскаго палестинскаго Общества, г. Хитрово еще недавно даже предсказывалъ, что арабы, подъ вліяніемъ гнетущихъ обстоя-

[1]) Сообщенія Палестинскаго Общества, 1895 г., стр. 540—543. 579.
[2]) Подробности см. у Соловьева. Св. Земля и Правосл. Палестинское Общество, стр. 87—88. М. 1891.
[3]) Проф. Н. Ѳ. Каптерева. Сношенія Іерусал. патріарховъ и пр., 715.

тельствъ, перейдутъ на сторону враговъ православія и что „менѣе, чѣмъ черезъ полвѣка во св. Землѣ останутся православными только 100 или 200 членовъ святогробскаго братства" [1]). Но къ счастію, въ настоящее время уже нѣтъ мѣста для подобнаго пессимизма: немного воды утекло, какъ писалъ эти слова указанный палестиновѣдъ, но многое измѣнилось къ лучшему, засвѣтились лучшія надежды... но объ этомъ рѣчь ниже.

Переходимъ къ обозрѣнію патріархата Антіохійскаго, въ которомъ тоже происходила борьба между греческимъ пришлымъ и туземнымъ арабскимъ элементами, но борьба эта далеко не имѣла здѣсь тѣхъ размѣровъ, какихъ она достигала въ Палестинѣ. Авторъ „Лѣтописи церковныхъ событій", преосв. Арсеній, еписк. Кириловскій, пишетъ: „въ Антіохійскомъ патріархатѣ издавна (вѣрно!) существовала нѣкая рознь между паствою и патріархомъ изъ-за того, что епископскія каѳедры давались только Грекамъ" [2]). Характеристику это приводитъ авторъ, когда ведетъ рѣчь о церковныхъ событіяхъ, относящихся къ концу XIX-го вѣка. Такое констатированіе розни между патріархомъ и антіохійскою паствою его, конечно должно имѣть значеніе въ нашихъ глазахъ. Но только напрасно авторъ называетъ ее „нѣкоею", правильнѣе было назвать ее значительною; съ другой стороны едвали справедливо утверждаетъ онъ, что патріархи только Грековъ ставили въ архіереи: такой эллинизаціи высшаго духовенства въ арабскомъ Антіохійскомъ патріархатѣ, кажется, никогда не было.

Раньше мы имѣли случай сказать, при какихъ обстоятельствахъ въ XVIII вѣкѣ греческій фанаріотскій элементъ появляется на Антіохійской патріаршей каѳедрѣ. Разъ появившись здѣсь, онъ, какъ естественно, долженъ былъ внести свою закваску въ управленіе церковію. Главнымъ желаніемъ Грековъ, возсѣвшихъ на Антіохійской патріаршей каѳедрѣ, — стало эллинизовать все высшее духовенство, привести его къ тому же состоянію, какое

---

1) Сборникъ Правосл. Палест. Общ., выпускъ I (Православіе въ св. Землѣ), стр. 71. Спб., 1881.

2) Стр. 842.

этличало патріархатъ Іерусалимскій. Но однакожъ архіереи изъ туземцевъ арабовъ, сколько знаемъ, тутъ никогда не переводились. Въ началѣ 60-хъ годовъ XIX-го вѣка ихъ здѣсь было шестеро, т. е. до половины общаго ихъ числа [1]). При предшественникѣ нынѣшняго патріарха—патріархѣ Спиридонѣ число Грековъ на архіерейскихъ каѳедрахъ должно было бы, судя по человѣческимъ соображеніямъ, сильно возрасти. Вотъ что разсказываютъ объ обстоятельствахъ постановленія этого Спиридона въ патріархи Антіохіи. „Когда Ѳаворскій епископъ Спиридонъ выставилъ свою кандидатуру на Антіохійскій престолъ и его эмиссары начали дѣйствовать между прочимъ и обѣщаніями греческихъ орденовъ, Іерусалимскій патріархъ Герасимъ созвалъ на совѣщаніе свой синодъ по этому предмету. На этомъ засѣданіи потребовали отъ Спиридона, если онъ будетъ избранъ (Антіохійскимъ синодомъ) въ патріархи, клятвеннаго обѣщанія быть всегда солидарнымъ съ святогробскимъ братствомъ и рукополагать въ епископы, въ предѣлахъ Антіохійской патріархіи, однихъ только Грековъ и преимущественно изъ іерусалимскаго святогробскаго Братства. Патріархъ Герасимъ замѣтилъ при этомъ, что это единственное средство покончить съ претензіями и стремленіями сирійцевъ (арабовъ) и обезпечить навсегда за членами указаннаго братства Антіохійскій патріаршій престолъ со всѣми его правами и доходами". Другими словами имѣлось въ виду сдѣлать Антіохійскую каѳедру ни больше—ни меньше какъ епархіальною каѳедрою, находящеюся въ вѣдѣніи Іерусалимской патріархіи. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы весь синодъ Антіохійской патріархіи состоялъ изъ святогробцевъ, то конечно, стали бы выбирать въ патріархи лишь своего собрата. Спиридонъ обѣщался исполнять вышеуказанную волю патріарха и синода Іерусалимскихъ. Сдѣлавшись патріархомъ Антіохійскимъ онъ „первымъ дѣломъ своимъ назначилъ епископомъ въ одинъ городъ архимандрита Іерусалимской патріархіи Веніамина, а въ другой своего архидіакона Нектарія, пріѣхавшаго изъ Іерусалима вмѣстѣ съ нимъ". Тѣмъ не менѣе Спиридону не удалось эллинизовать

1) О. Титова. Кириллъ еписк. Мелитопольскій. *Тр. К. Д. Ак.*, 1899, , 332.

высшую іерархію въ своемъ патріархатѣ. Въ 1893 г. изъ числа всѣхъ архіереевъ этого патріархата только 5-ро было Грековъ, а Арабовъ – семь [1]). Затѣмъ между греколюбивымъ патріархомъ и его арабскою паствою начались раздоры—и Спиридонъ покинулъ свой престолъ и удалился на покой въ столицу фанаріотовъ—Константинополь. Какъ безуспѣшна была смѣлая попытка Спиридона окончательно эллинизовать патріархатъ, создать въ немъ ксенократію, видно изъ того, что къ концу его правленія двѣ третьихъ изъ числа архіереевъ въ Антіохійскомъ патріархатѣ были Арабы [2]). Какъ реакція грекофильствующимъ патріархамъ Антіохійскимъ, въ настоящее время на Сирійскій престолъ св. Петра возсѣлъ—Арабъ. Такъ кончилась продолжавшая болѣ ста лѣтъ затѣя превратить эту арабскую патріархію въ греческую!

Одна изъ причинъ, воспрепятствовавшихъ успѣшному проведенію въ жизнь сирійской церкви вредной эллинистической идеи, заключалась въ томъ, что Антіохійскіе патріархи—Греки не въ состояніи были дѣлать того, что могли дѣлать Іерусалимскіе патріархи—Греки. Извѣстный писатель по исторіи Востока, Базили пишетъ: „назначеніе епископовъ въ епархіи, игуменовъ въ монастыри и священниковъ въ приходы менѣе зависитъ отъ патріарха (Антіохійскаго) и отъ архіереевъ, чѣмъ отъ народнаго выбора" [3]). Значитъ, сама паства спасла себя отъ іерархической ксенократіи.

Хотя и противъ собственной воли и желанія, Антіохійскіе патріархи должны были очень нерѣдко поставлять въ архіереи малосимпатичныхъ имъ сирійцевъ или арабовъ. И они ставили; но какихъ, куда и какъ съ ними обращались? На всѣ эти вопросы любопытные отвѣты даетъ преосв. Кириллъ, еписк. Мелитопольскій, бывшій настоятель русской миссіи въ Іерусалимѣ, животъ свой положившій за небоязненное служеніе нелицепріятной истинѣ (да будетъ имя его священно въ исторіи церкви!). Предоставимъ же слово святителю Кириллу. Куда ставили арабскихъ архіереевъ? Въ медвѣжьи углы. „Эти архіе-

[1]) Сообщенія Палест. Общества, 1898 г., стр. 325—326.
[2]) В. Н. Хитрово. Письмо о св. Землѣ, 48.
[3]) Сирія и Палестина. Т. II, 180.

реи (изъ Арабовъ) находились въ полной власти Грековъ патріарховъ), будучи разсѣяны по отдаленнымъ концамъ патріархіи, согласно съ напередъ обдуманными планами греческихъ іерарховъ". Какихъ арабовъ хиротонисали въ архіереи? „Патріархіею принято за правило—поставлять на архіерейскія мѣста тѣхъ изъ Арабовъ, которые менѣе всего къ тому годны, чтобы самихъ Арабовъ убѣдить опытомъ, что изъ Арабовъ дѣлать архіереевъ нельзя и что все спасеніе въ Грекахъ". „Плохи эти архіереи, прибавляетъ лѣтописецъ, хотя винить ни ихъ, ни арабское племя за нихъ нельзя". Какъ принято было относиться къ этимъ архипастырямъ? „Между арабскими епископами, говоритъ нашъ русскій святитель, я нашелъ только одного архіерея умнаго и вполнѣ достойнаго своего званія, преосвященнаго Герасима, который, вѣроятно, по этой именно причинѣ и состоялъ безъ епархіи и подъ опалою патріарха". Вотъ краткій формуляръ этого злосчастнаго Герасима, со словъ того же наблюдателя Востока. „Герасимъ, прежде пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ патріарха, въ то время, т. е. съ 1858 г., разошелся съ нимъ, получилъ бѣднѣйшую епархію, гдѣ невозможно было существовать, и потому оставилъ ее, но не получилъ другой епархіи, не получилъ даже позволенія жить въ Дамаскѣ. При томъ попавшій въ опалу архіерей (т. е. Герасимъ же) не получилъ никакого пособія отъ патріархіи, которая предложила—было ему только помѣщеніе, иначе ссылку въ одномъ изъ отдаленныхъ монастырей. Постороннія старанія примирить Антіохійскаго патріарха съ этимъ преосвященнымъ остались безъ всякаго успѣха". Наконецъ начальникъ русской миссіи въ Іерусалимѣ взялъ его къ себѣ на скромное мѣсто толмача [1]).

При такомъ положеніи дѣла, когда патріархія частію состояла изъ Грековъ, искавшихъ опоры единственно въ лицѣ единоплеменнаго патріарха, а частію изъ Арабовъ, чуждыхъ всякаго значенія, Антіохійскій іерархъ являлся неограниченнымъ распорядителемъ въ дѣлахъ сирійской церкви. Преосвящ. Мелитопольскій говоритъ: „ни тѣ, ни другіе не принимали никакого участія въ дѣлахъ патрі-

[1]) О. Титова. Кириллъ Мелитопольскій. *Тр. К. Д. А.* II, 332. 340—341.

архіи" (т. е. значитъ синода не существовало). „Нѣкоторые архіереи жили, а другіе, не имѣвшіе постояннаго пристанища, скитались по своимъ епархіямъ, и всѣ находились внѣ Дамаска, резиденціи патріарха: обстоятельство, отличавшее Антіохійскій патріархатъ отъ Іерусалимскаго и имѣвшее свою хорошую и дурную сторону—хорошую въ томъ, что архіереи всетаки были на своихъ мѣстахъ и черезъ нихъ можно было дѣйствовать на всѣ самыя отдаленныя части патріархата; дурную же въ томъ, что патріархія дѣйствовала уже совершенно самостоятельно (т. е. произвольно), не имѣя даже кажущагося (т. е. номинальнаго) участія архіереевъ въ дѣлахъ церкви, какъ это было, наприм., въ Іерусалимѣ" [1]).

Кромѣ того несомнѣнно благопріятнаго для хода дѣлъ церковныхъ обстоятельства, что архіереи Антіохійскаго патріархата жили съ паствой и среди паствы, нужно отмѣтить еще слѣдующее явленіе, характеризующее съ лучшей стороны—церковное управленіе въ названномъ патріархатѣ: „перемѣщеніе архіереевъ изъ одной епархіи въ другую, столь обычное въ Константинопольскомъ патріархатѣ и столь предосудительное по своимъ корыстолюбивымъ мотивамъ, по своимъ послѣдствіямъ, по своему вліянію на нравственность духовенства, какъ увѣряютъ насъ,—здѣсь совершенно не было извѣстно. Смѣна патріарха—дѣло не слыханное въ Антіохійской церкви. Пастыри живутъ и умираютъ при одной и той же паствѣ; развѣ глубокая старость подастъ поводъ къ добровольному, искреннему отреченію [2]). Если все это такъ, то подобный порядокъ управленія переноситъ нашу мысль въ глубокую древность. Извѣстно, наприм., что Григорій Богословъ, вступившій было въ управленіе Константинопольскою церковію, по требованію отцовъ II вселенскаго собора долженъ былъ покинуть столицу и удалиться на покой, такъ какъ раньше онъ значился епископомъ мѣстечка Сасима, хотя онъ здѣсь никогда и не былъ.

Но въ общемъ правленіе патріархатомъ лицъ иноплеменныхъ, пришельцевъ, не связанныхъ родственною связію съ паствою, не могло служить къ утвержденію благо-

[1]) Тамъ же, 340.
[2]) Базили. Сирія... II, 180.

тоянія въ Сирійской церкви. Къ положенію провинльныхъ архіереевъ патріархъ-грекъ оставался равноценъ, предоставляя имъ бороться съ распространеніь латинской уніи и протестантства какъ они хотятъ и ;ъ умѣютъ. А до борьбы ли тутъ со врагами, когда покеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ среди паствъ, одолѣваехъ и уніею и протестантствомъ, было таково, что и при эсобностяхъ они едвали могли что-либо сдѣлать въ ьзу православія. Кириллъ Мелитопольскій зналъ одго архіерея, занимавшаго каѳедру Тиросидонскую и навшагося среди самыхъ жалкихъ жизненныхъ условій. нъ едва имѣлъ 3000 піастровъ (150 руб.) годоваго дода, не имѣлъ діакона для служенія въ церкви и слупъ съ двумя священниками, получая за заказную лигію 10—12 піастровъ: такого жалкаго явленія, прибавътъ описатель, я доселѣ не встрѣчалъ, да признаться е думалъ встрѣтить“ [1]). А какого печальнаго состоядостигала иногда паства сирійской церкви, прямо или прямо зависимая отъ патріарха, объ этомъ достаточно дѣтельствуютъ слѣдующіе факты. Есть мѣстечко Аръ, насчитывающее, среди его жителей, 300 православкъ, находящееся въ 5 верстахъ отъ Дамаска и подвѣюе патріарху, какъ епархіальному архіерею. Что же вимъ? Здѣсь долгое время не было ни священника, ни экви, къ православнымъ пріѣзжалъ въ крайнихъ слуяхъ, раза два въ годъ, священникъ изъ Дамаска. Въ зультатѣ такого порядка, жители стали православными шь по имени и никакого понятія не имѣли ни о Хриѣ, ни о крестѣ, и совершенно омасульманились, они ялись Магометомъ, постились въ рамазанъ и проч. Друй разсказъ. Въ 20 верстахъ отъ Дамаска, слѣдователь, почти на глазахъ у патріарха находится городокъ Каіа; въ немъ живетъ около 300 православныхъ. И однакъ церкви у нихъ нѣтъ, но въ нее превращенъ какойжалкій домишко. Раньше здѣсь былъ священникъ, но томъ онъ сбѣжалъ: жители бѣдняки платить ему нио не могли, а отъ патріархіи никакой поддержки не ло; такъ и остались православные безъ священника [2]).

[1]) Проф. о. Титова. Кириллъ Мелит. (*Тр. К. Д. Ак.*, 1899, II, 433).
[2]) Сообщ. Палест. Общ., 1896, стр. 473—4. 476.

Даже уніаты, только что возвратившіеся къ православію и нуждающіеся въ особой заботливости, не встрѣчали ее у иноплеменниковъ—патріарховъ. Вотъ извлеченія изъ любопытнаго письма, настоятеля православной церкви въ Мусулѣ, архимандрита Кирилла, къ Антіохійскому патріарху Спиридону (въ 1896 году). Адресатъ—архимандритъ, но это не мѣшаетъ ему быть приходскимъ священникомъ, ибо на Востокѣ, гдѣ много неженатыхъ священниковъ, архимандриты, игумены и іеромонахи часто назначаются священниками въ приходахъ. Паства арх. Кирилла состояла изъ православныхъ, недавно обращенныхъ отъ уніи къ церкви. Онъ писалъ патріарху. „Ради Христа, распятаго за насъ, читайте это письмо со вниманіемъ и отвѣчайте намъ, какъ можно скорѣе, такъ какъ мы находимся въ большомъ затрудненіи". По словамъ автора письма, его пасомые, только-что перешедшіе изъ уніи въ православіе „справедливо говорили": „мы въ ужасномъ положеніи, никто о насъ не думаетъ, мы стали посмѣшищемъ и позоромъ для другихъ, мы не имѣемъ ни церкви, ни кладбища, ни школы, и если вы (патріархъ) откажете въ своей помощи, мы не знаемъ, что намъ дѣлать". „Еслибы ваше блаженство, пишетъ далѣе о. Кириллъ, оказали бы намъ пособіе, то увидали бы и услыхали, какое большое число людей присоединилось къ нашей церкви; но до сихъ поръ мы ничего не имѣемъ, а въ вашемъ посланіи къ намъ, вы приказываете, чтобы мы побуждали чадъ вашихъ управляться самостоятельно и учреждать домъ для молитвы. Въ моихъ прежнихъ письмахъ, я извѣщалъ ваше блаженство о томъ, что у меня нѣтъ церковной утвари и нужныхъ книгъ для богослуженія и вы обѣщали прислать мнѣ, но до сего времени я ничего не получилъ и вы оставили меня безъ вниманія, по той причинѣ, что я изъ арабовъ и надоѣдалъ вамъ своими письмами. Я не въ состояніи больше тратиться на почтовые расходы, вѣдь вамъ извѣстно, что всѣ расходы по церкви на свѣчи, масло и ладонъ и другія церковныя нужды я беру изъ моего собственнаго заработка, и никто обо мнѣ не думаетъ". Затѣмъ онъ говоритъ, что не смотря на свой архимандричій санъ, онъ занимался ремесломъ ткача, чтобы и самому не умереть съ голода и помочь вышеука-

заннымъ нуждамъ церковнымъ. „Разсудите по справедливости, пишетъ обнищавшій пастырь, и прикажите, что дѣлать и кому описать свое положеніе? Я дошелъ до крайности въ нуждѣ. Кто же терпитъ, что я терплю, я, который такъ работалъ для церкви. Вотъ моя награда отъ вашего блаженства, я оставленъ безпомощнымъ, нуждающимся, какъ сирота, съ меня этого довольно, я готовъ и умереть, потому что нищеты этой не могу выносить. Еще просимъ васъ ради литургіи, которую вы совершаете, не медлить отвѣтомъ, ибо послѣ этого отъ насъ другого не получите" [1]). Вообще, какъ оказывается, уніаты Антіохійскаго патріархата потому главнымъ образомъ медлили переходомъ въ православіе, что они не желали опять попасть подъ власть патріарха—грека. По мнѣнію Кирилла Мелитопольскаго, „скорому положительному разрѣшенію, обнаруживавшагося среди сирійскихъ уніатовъ, стремленія къ возсоединенію съ церковію больше всего препятствовала *вражда* между іерархіею—греческою и паствою—арабскою. Вражда эта была настолько сильна, что эти уніаты изъявляли желаніе возвратиться въ православіе подъ единственнымъ условіемъ, чтобы имъ не быть въ подчиненіи у антіохійскаго патріарха". Уніаты боялись (и по разсужденію преосвящ. Кирилла они были правы въ этомъ отношеніи) „притѣсненій, обидъ и злоупотребленій, которыя, *по принятому* здѣсь *порядку*, не замедлятъ явиться" въ случаѣ если уніаты опять подпадутъ подъ власть греческой патріархіи [2]). Въ томъ же родѣ разсуждаетъ и современный намъ востоковѣдъ г. Хитрово. „Будетъ во главѣ Антіохійской патріархіи мѣстный уроженецъ и число уніатовъ,—говоритъ онъ, упадетъ на половину и болѣе, останется же во главѣ ея пришлый архипелажецъ и пелопоносецъ и въ такомъ размѣрѣ уменьшится число православныхъ. Отстаиваніе Грека-патріарха на Антіохійскомъ престолѣ равняется преданію сотни тысячъ православныхъ въ унію" [3]). Къ счастію, въ настоящее время нѣтъ надобности доказывать, что у православныхъ сирійцевъ патріар-

---

[1]) Тамъ же, стр. 487—494.

[2]) Проф. о. Титова. Кириллъ Мелит. (*Тр. К. Д. Ак.*, 1899, III, 263—264).

[3]) Письма о св. Землѣ, 54.

хомъ можетъ быть только сиріецъ: теперь патріархъ и паства Антіохійскаго патріархата единоплеменны.

Какъ относились къ своей паствѣ епархіальные архіереи Антіохійскаго патріархата изъ числа Грековъ мы не знаемъ; вѣроятнѣе всего, индифферентно. Что же касается епархіальныхъ архіереевъ изъ Арабовъ, то они попечительно и задушевно относятся къ своимъ пасомымъ. Высшее духовенство, если оно единоплеменно со своею паствою, то оно живетъ съ нею, по увѣренію наблюдателей, однимъ сердцемъ, заботясь о ней, насколько въ его силахъ и борясь до истощенія, какъ съ своими единовѣрными, но иноплеменными сослуживцами, такъ въ особенности съ надвигающимися изъ всѣхъ странъ инославными пропагандистами. Правда, высшее сирійское духовенство необразовано, но не болѣе его образовано и иноплеменное православное духовенство; однакоже этотъ недостатокъ куда далеко искупается у сирійскихъ іерарховъ беззавѣтною любовію къ своей паствѣ, своему народу, любовью, ради которой оно нерѣдко приноситъ себя въ жертву. Можетъ быть, неумѣло берутся они за дѣло, самое дѣло можетъ быть не то, какъ по нашимъ понятіямъ и взглядамъ оно должно быть, но кто поставитъ имъ это въ вину, видя ихъ ежечасную борьбу, видя ихъ почти идеальное стремленіе, заявляетъ наблюдатель [1]).—Приходское духовенство Антіохійскаго патріархата (а оно всецѣло арабское) производило на Кирилла Мелитопольскаго вообще отрадное впечатлѣніе. Въ самомъ Дамаскѣ приходское духовенство, по его отзыву, было даже достойно всякаго уваженія. Между священниками здѣсь были люди очень умные, и всѣ они вообще не были такими невѣждами, какъ въ Іерусалимскомъ патріархатѣ и держали себя весьма прилично. Причина этого быть можетъ заключалась, по объясненію преосв. Кирилла, и въ томъ, что они были люди большею частію очень достаточные. И внѣ Дамаска, во всѣхъ мѣстахъ, какія посѣтилъ онъ же, арабское духовенство не производило на него того безотраднаго впечатлѣнія, какое поражало его въ предѣлахъ Іерусалимскаго патріархата. Правда, оно было бѣдно, скудно, но

[1]) Тамъ же, 48.

[в]мѣстѣ съ тѣмъ не лишено смысла, не забито. Болѣе дру[г]ихъ терпятъ въ матеріальномъ отношеніи священники [и]зъ новообратившихся греко-уніатовъ, къ которымъ па[т]ріархія относится непростительно холодно [1]). Но почему [т]акъ? Не потому ли что они причиняли много хлопотъ [п]атріархіи, требуя отъ нея много-ли мало-ли заботъ по [у]строенію новыхъ приходовъ, образовавшихся изъ ново[п]рисоединившихся къ православію?

Переходя къ характеристикѣ православнаго населенія [в]ъ Антіохійскомъ патріархатѣ, мы должны прежде всего [у]казать, что въ Сиріи и Палестинѣ живутъ люди не [т]олько одной расы, но одного племени, мало того—одного [я]зыка (арабы). Православныхъ въ Сиріи до 160,000 жите[л]ей и въ процентномъ отношеніи они представляютъ нѣ[с]колько большій процентъ, чѣмъ въ Палестинѣ (если брать [в]ъ разсчетъ общее народонаселеніе той и другой страны). [Н]о еще болѣе сильный элементъ представляютъ они по [с]воему благосостоянію. Между тѣмъ какъ въ Палестинѣ [м]ы встрѣчаемъ православныхъ только среди нищетвую[щ]ихъ семействъ, въ Сиріи мы наталкиваемся, и не на [е]диничные примѣры, православныхъ сирійцевъ — милліо[н]еровъ, а зажиточныхъ можемъ насчитать тысячами. На[к]онецъ, въ то время какъ въ Палестинѣ арабъ чувствуетъ [с]ебя безправнымъ паріемъ, угнетаемымъ не только мѣст[н]ою властію, но и иноплеменными духовными пастырями [(]Греками), православный сиріецъ, благодаря своему отно[с]ительному благосостоянію терпитъ гораздо менѣе отъ мѣ[с]тной власти и отъ кого-бы то ни было [2]). Кириллъ Мелито[п]ольскій съ своей стороны замѣчалъ о православномъ на[р]одонаселеніи патріархата: по мѣстамъ оно было богато, по

[1]) О. Титова. Кириллъ Мелит. (II, 343).—Русскій посланникъ въ Кон[с]тантинополѣ, князь Лобановъ-Ростовскій въ 1859 году доносилъ русскому [м]инистру иностранныхъ дѣлъ: «мельхиты (уніаты) съ самаго начала не [в]стрѣтили со стороны Антіохійскаго патріарха того ободряющаго сочувствія, [к]оторое могло бы болѣе всего поощрять ихъ къ братскому возсоединенію [с]ъ православною церковью; уніатское духовенство, къ сожалѣнію, сдѣла[л]ось предметомъ недоброжелательства и зависти (?) со стороны греческаго [д]уховенства, подвѣдомаго антіохійскому престолу; отъ патріарха Іероѳея, [е]сли онъ будетъ представленъ собственному влеченію и внушеніямъ прибли[ж]енныхъ къ нему совѣтниковъ, трудно ожидать необходимыхъ уступокъ [н]аціональному чувству уніатовъ (какъ арабовъ), особенно же обезпеченіе [б]удущей участи ихъ епископовъ». Тамъ же, т. III, 274.

[2]) Хитрово. Письма о св. Землѣ, 46—48.

мѣстамъ оно было бѣдно и стѣснено, но вездѣ довольно живо и самостоятельно, обнаруживало здравое стремленіе къ образованію и умѣло стоять за свою народность. Особенную черту, отличительную для православныхъ патріархата, этотъ же авторъ усматриваетъ въ удивительной приверженности его къ Россіи и русской власти. „Я не боюсь утверждать, говоритъ преосв. Кириллъ, что весь этотъ народъ живетъ только вѣрою въ Россію, надеждою на Россію. Онъ убѣжденъ, что престолъ православія только въ Россіи; туда и обращаетъ онъ свои завѣтныя вѣрованія; оттуда влечетъ къ себѣ успокоительныя надежды. Выраженія этой вѣры, встрѣчавшія и сопровождавшія меня по всему пути отъ горъ Ливанскихъ до горъ Іудейскихъ, поражали меня, потрясали все мое существо. Право, мнѣ кажется, не иначе принимали апостоловъ Господнихъ, когда они посѣщали свои паствы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какая безграничная и какъ поразительно высказывалась любовь и благоговѣніе къ имени Государя императора нашего! За него у всѣхъ здѣсь молитва пламенная! На него у всѣхъ здѣсь надежда! Онъ царствуетъ здѣсь во всѣхъ сердцахъ безраздѣльно! За него всѣ готовы положить души"! [1]). Ту же характеристическую особенность обрѣлъ въ самое недавнее время у православныхъ сирійцевъ и почтенный г. Хитрово. „Есть еще одна у нихъ отличительная черта, пишетъ онъ, которая немало меня поражала и которую я въ одинаковой степени замѣчалъ — и въ церкви, и въ хижинѣ и въ мраморномъ дворцѣ православнаго—это беззавѣтная любовь—мало любви, вѣра въ Россію. Для православныхъ сирійцевъ всѣхъ классовъ Россія представляется какимъ-то отдѣльнымъ миѳическимъ олицетвореніемъ всего хорошаго, свѣтлаго, могущественнаго, чрезъ посредство котораго когда-то наступитъ для нихъ золотой вѣкъ" [2]). Какая громадная разница въ отношеніяхъ къ Россіи—съ одной стороны невѣдомыхъ намъ сирійцевъ и съ другой очень намъ хорошо извѣстныхъ Грековъ! Кто не знаетъ руссофобства большинства теперешнихъ Грековъ! [3]).

[1]) Проф. о. Титова. Кириллъ Мелитоп. (II, 343—5).

[2]) В. Н. Хитрово. Письма, 52.

[3]) Съ руссофобствомъ греческаго духовенства мы уже имѣли случай ознакомить читателя раньше (см. выше, стр. 169—176, или же *Богосл. Вѣст.*, 1894, т. III, стр. 253—256), обозначивъ это явленіе точнымъ его названіемъ: «ненавидѣніе».

Въ какихъ отношеніяхъ находится православный народъ Антіохійскаго патріархата къ своему духовенству—высшему и низшему? Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ мы не можемъ дать точнаго отвѣта. По свидѣтельству Кирилла Мелитопольскаго, высшее духовенство почти вездѣ въ патріархатѣ уже потеряло довѣріе и уваженіе въ глазахъ народа: здѣсь не было различія между архіереями изъ Грековъ и архіереями изъ Арабовъ: Грековъ не любили, какъ Грековъ, а Арабовъ, за то, что они, какъ люди неспособные (замѣчено уже было, что патріархія нарочито выбирала таковыхъ, прибавляетъ нашъ авторъ), не поднимали собою, а роняли арабское населеніе въ глазахъ единовѣрцевъ и иновѣрцевъ. Но отношенія мірянъ къ приходскому духовенству, продолжаетъ нашъ авторъ, — здѣсь были такъ хороши, какъ можно было желать того, эти два элемента связаны были между собою крѣпкимъ взаимнымъ довѣріемъ и любовію: что было бы — восклицаетъ онъ — еслибы это духовенство было образовано, какъ должно" [1]).

Другой писатель, ничего не говоря объ отношеніяхъ православныхъ сирійцевъ къ Грекамъ (да и что говорить объ этомъ!) дѣлаетъ существенную поправку къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ же православныхъ къ арабскому высшему духовенству; онъ утверждаетъ, что сирійцы близко стоятъ къ своимъ архіереямъ—сирійцамъ и живутъ одною жизнію съ ними [2]). Свидѣтельство это появилось въ самое послѣднее время — и можно думать, что въ теченіе послѣднихъ 40-ка лѣтъ произошло значительное измѣненіе къ лучшему во взглядахъ и расположеніи народа въ патріархатѣ къ своимъ единоплеменнымъ архіереямъ. А это явленіе нисколько не удивительно: между архіереями сирійской церкви встрѣчались такія личности, какъ образованнѣйшій и гуманнѣйшій Герасимъ (Яредъ), родомъ арабъ, недавно скончавшійся.

Нельзя умолчать о томъ, что по адресу сирійскихъ христіанъ нерѣдко слышатся упреки въ отсутствіи у нихъ энергіи въ сферѣ церковныхъ дѣлъ. Намъ говорятъ: Въ Антіохійской патріархіи мы видимъ 5—6 пришлыхъ Гре-

[1]) Проф. о Титова. Кириллъ Мелитоп. (II, 344).

[2]) В. Н. Хитрово. Письма, 48.

ковъ съ одной стороны, а съ другой почти 160,000-ное православное населеніе, не какъ въ Палестинѣ нищихъ съ такимъ же неимущимъ духовенствомъ, а съ высшими собственными іерархами, милліонерами соотечественниками, жены которыхъ не носятъ другого платья, какъ сшитаго въ Парижѣ. И эти 160,000 съ своими іерархами, своими милліонерами, не могутъ сами справиться съ 5—6 пришельцами (изгнать ихъ?) и не видятъ иного исхода, какъ въ денежной подачкѣ со стороны Россіи, угрожая ей въ противномъ случаѣ, что она будетъ отвѣчать за поголовный переходъ въ латинство" [1]). Еще ранѣе въ 40-хъ годахъ XIX-го вѣка, преосв. Порфирій упрекалъ тѣхъ же христіанъ въ косности, въ неумѣньи дѣйствовать единодушно. Онъ писалъ: „церковь Сирійская подобна старому кораблю, обуреваемому ярыми волнами и поставленному на якорь у опасныхъ скалъ. Православные не имѣютъ единодушія и крайне легкомысленны и тщеславны. Въ храмахъ Божіихъ они безчинствуютъ въ присутствіи архіереевъ и вовсе не молятся Богу, а только кланяются въ ноги владыкамъ... Много жителей въ Сиріи, но ихъ вліяніе на православіе незначительно". При другомъ случаѣ тотъ же авторъ замѣчаетъ: „Антіохійскому престолу (т. е. Антіохійскому патріархату) нужна помощь Россіи словомъ и дѣломъ. Безъ нея онъ рушится" [2]). Мы, конечно, не въ состояніи рѣшить вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ Россія можетъ пособить разсматриваемому дѣлу; но во всякомъ случаѣ наше отечество теперь взяло подъ свое покровительство Сирійскую церковь, какъ объ этомъ скажемъ ниже, и тѣмъ привело въ исполненіе одно изъ завѣтныхъ желаній человѣка, столь соболѣзновавшаго несчастіямъ христіанскаго Востока [3]).

---

[1]) Сообщ. Палест. Общ., 1895, стр. 78. Если Сирійцы равнодушно переносили греческую іерархію, представляемую у нихъ епархіальными архіереями, то не такъ они же относились къ назначенію для нихъ патріарха изъ Грековъ. По словамъ одного наблюдателя, «православные Сирійцы всегда протестовали (противъ послѣдняго порядка вещей), но безуспѣшно, ибо эллинская дипломатія успѣвала въ Константинополѣ убѣдить турецкихъ министровъ въ томъ, что будто протесты и жалобы православныхъ сирійцевъ заключаютъ въ себѣ опасныя революціонныя тенденціи, подогрѣваемыя русскими агентами». Тамъ же, за 1898 г., стр. 343.

[2]) Проф. Н. Ѳ. Каптерева. Сношенія патр. Іерусалимскихъ и пр., 704—705.

[3]) Теперь намъ слѣдовало бы тѣ же самые вопросы, которые мы разсматривали на предъидущихъ страницахъ при изложеніи исторіи двухъ па-

Поведемъ рѣчь о монастыряхъ. Въ благоустроенныхъ православныхъ церквахъ монастыри, какъ извѣстно, служатъ къ утвержденію и развитію благочестія и религіозныхъ представленій. На христіанскомъ Востокѣ есть также достаточно монастырей, встрѣчаются они и въ разсматриваемыхъ нами патріархатахъ. Но каковы монастыри этихъ патріархатовъ? Служатъ ли они вышеуказанной цѣли? Если и служатъ, то очень немного. Въ бѣдномъ Александрійскомъ патріархатѣ всего-навсего два монастыря: въ Александріи св. Саввы и въ Каирѣ св. мученика Георгія. Въ первомъ,—въ 50-хъ годахъ XIX-го вѣка, кромѣ игумена, находились: одинъ іеромонахъ, одинъ іеродіаконъ и четыре бѣлыхъ священника, которые, за неимѣніемъ приходской церкви въ городѣ, исправляли для православныхъ требы. Въ другомъ и совсѣмъ не было монаховъ, а здѣсь подъ наблюденіемъ архимандрита проживало до 50 человѣкъ престарѣлыхъ, увѣчныхъ и больныхъ [1]). Очевидно, первый монастырь будетъ правильнѣе

тріархатовъ—Іерусалимскаго и Антіохійскаго, поставить и по отношенію къ третьему патріархату—Александрійскому; но къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія по исторіи этого патріархата вообще скудны. Слѣдуетъ ограничиться лишь слѣдующими замѣчаніями. Алек-скій патріархатъ весь состоялъ изъ малой паствы, слагавшейся главнымъ образомъ изъ Грековъ и незначительнаго числа Арабовъ, конечно православныхъ. Въ виду этого никакой борьбы между греческимъ и негреческимъ элементомъ не происходило здѣсь, по крайней мѣрѣ не примѣтно таковой. А патріархи Александрійскіе смотрѣли снисходительно на ту часть своей малолюдной паствы, которая принадлежала къ чужой, негреческой національности. Наприм., въ XVIII в. патріархъ Косма, сказывая проповѣди по гречески, въ то же время приказывалъ переводить ихъ на языкъ арабовъ, посѣщавшихъ богослуженіе (Барскаго. Странствованія. I, 411). Тѣже патріархи для этихъ своихъ пасомыхъ поставляли арабскихъ священниковъ (Еписк. Порфирія. Александрійская Патріархія. 381). Однакоже не слѣдуетъ думать, что эллинско-фанаріотская идея здѣсь глохнетъ. Нѣтъ, она обнаруживается въ руссофобствѣ. Патр. Артемій, поддержанный при своемъ избраніи въ 1846 г. вліяніемъ Россіи, не продержался на престолѣ и года (о. Матвѣевскаго. Очеркъ исторіи Алек. церкви, 416—17); патр. Никаноръ (1866—1870), ставленникъ Россіи, долженъ былъ влачить жалкое существованіе на патріаршествѣ (См. его печальную исторію въ вышеназванной книгѣ Еп. Порфирія. Предисловіе, стр. CXVIII—CXXII). Наконецъ, избраніе нынѣшняго патріарха Фотія принято въ Константинополѣ съ особеннымъ восторгомъ, выразившемся между прочимъ въ значительной денежной помощи ему отъ фанаріотовъ: явленіе это будетъ для насъ очень понятнымъ, если припомнимъ прежнюю судьбу этого патріарха.

[1]) Прот. Матвѣевскаго. Очеркъ истор. Алекс. церкви (*Христ. Чт.*, 1856, I, 418).

считать приходскою церковію, а второй—богадѣльней. Оба эти монастыря номинальные, и оба они, по словамъ преосв. Порфирія, малы, но изрядны.

Въ предѣлахъ Антіохійскаго патріархата въ настоящее время имѣется 17 православныхъ монастырей, изъ которыхъ шесть считаются ставропигіальными, зависящими непосредственно отъ патріарха, а 11 принадлежатъ Бейрутской и Триполійской епархіямъ. Изъ числа этихъ монастырей 13 находятся на Ливанѣ [1]), и одинъ изъ общаго количества монастырей женскій. Всѣ эти монастыри имѣютъ малочисленную братію. Преосв. Кириллъ Мелитопольскій идетъ далѣе и утверждаетъ, что монастыри въ патріархатѣ поддерживались только номинально, только для сборовъ, а монаховъ на самомъ дѣлѣ въ нихъ не существовало [2]). Но это не совсѣмъ справедливо: не всѣ монастыри здѣсь стояли безъ монаховъ. Обѣднѣнію монастырей много содѣйствовали патріархи—Греки. Какъ чужеплеменники, они не заботились о поддержаніи иноческихъ обителей и смотрѣли на арабскіе монастыри, какъ на источники для покрытія своихъ дефицитовъ. Преосв. Порфирій въ своемъ „Дневникѣ" подъ 2 числомъ декабря 1843 года записалъ слѣдующее: „Белемеидскій монастырь построенъ на склонѣ послѣдняго хребта Ливана. Сегодня поутру монахи этого монастыря просили подъ проклятіемъ о. Григорія сказать мнѣ, что они чрезвычайно обижены патріархомъ и что они всѣ убѣгутъ въ маронитскую (неправославную) главную обитель, если не будетъ улучшено ихъ содержаніе. Патріархъ забираетъ изъ монастыря полотенца, салфетки и деньги будто на сохраненіе. Монастырь имѣетъ доходу до 120—130 тысячъ піастровъ, но на монаховъ (арабовъ) и прочія нужды расходуется отъ 20 до 30 тысячъ піастровъ. Варварство. Греки—разорители", восклицаетъ авторъ. „Смѣлыхъ монаховъ, прибавляетъ онъ же, патріархъ вызываетъ въ Дамаскъ и болѣе не возвращаетъ ихъ, а разсылаетъ въ разные монастыри" [3]). Но это не единственное свидѣтельство въ подобномъ родѣ. Авторъ одной статьи въ

[1]) Сообщ. Палест. Общ., 1898, стр. 337.
[2]) Проф. о. Титова (въ указанной ранѣе статьѣ), II, 346.
[3]) Книга бытія моего. I, 317.

Сообщен. Прав. Палест. Общества пишетъ: „если церкви и монастыри находятся въ плачевномъ состояніи въ предѣлахъ Антіохійскаго патріархата, то этому виною не недостатокъ матеріальныхъ средствъ и не сами Сирійцы, а патріархи, главная забота которыхъ состоитъ не въ поддержаніи православія и православныхъ, а въ пользованіи средствами патріархіи для личныхъ цѣлей или для интересовъ и видовъ эллинскаго правительства". (Слѣдуютъ примѣры) [1]). Вообще, каковы бы то ни были тому причины, монастыри патріархата не могутъ считаться благоустроенными. Въ числѣ монастырей здѣсь выдѣляется своею древностію и значеніемъ Седнайскій монастырь: на немъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается Павелъ Алеппскій, о немъ, какъ достопримѣчательности, говоритъ Григоровичъ-Барскій. Это единственный на всемъ православномъ Востокѣ женскій монастырь. И однакожъ вотъ въ какомъ состояніи онъ находился назадъ тому сорокъ лѣтъ. Кириллъ еписк. Мелитопольскій пишетъ: „древняя нѣкогда величественная церковь этого монастыря оставалась безъ оконъ и съ провалившеюся по мѣстамъ крышею". И затѣмъ прибавляетъ, говоря о монастыряхъ: „все это еще существуетъ, не брошено совсѣмъ, обо всемъ этомъ еще болитъ сердце народа" (т. е. арабскихъ христіанъ) [2]). Или вотъ въ какомъ состояніи находится одинъ монастырь, лежащій въ 40 вестахъ отъ Дамаска въ Малулѣ. При этомъ монастырѣ есть маленькая церковь въ пещерѣ во имя св. первомученицы Ѳеклы, жившей по преданію въ этой пещерѣ; эта церковь-пещера и есть мѣстная святыня для всего окружнаго населенія какъ христіанскаго, такъ и нехристіанскаго. „Монастырь—говоритъ повѣствователь, какъ и всѣ греческіе монастыри (вѣроятно—тѣсенъ и невзраченъ,—хочетъ сказать онъ), но здѣсь вмѣсто монаховъ у настоятеля лишь двѣ какихъ-то злополучныхъ монашенки" [3]). И такъ встрѣчаемъ странный мужской монастырь съ обитательницами монахинями!

О монастыряхъ патріархата Іерусалимскаго распро-

---

[1]) С. П. О., за 1898 г., 340—341.
[2]) Проф. о. Титова. Кириллъ Мелит. (*Тр. К. Д. Ак.*, 1899, II) 346—347.
[3]) Сообщ. Палест. Общ., 1896, стр. 486.

страняться не станемъ. Приведемъ лишь отзывъ о монастыряхъ самаго города Іерусалима, помѣщенный въ періодическомъ изданіи Православнаго Палестинскаго Общества. „Въ Іерусалимѣ монастыремъ называется нѣсколько домовъ, соединенныхъ вмѣстѣ внутренними переходами. Въ каждомъ изъ такихъ монастырей есть нѣсколько десятковъ комнатъ. Въ каждомъ монастырѣ живетъ только одинъ игуменъ и его прислуга; монаховъ же въ монастыряхъ вовсе нѣтъ. Монастыри эти назначаются для помѣщенія въ нихъ пріѣзжающихъ поклонниковъ; каждый поклонникъ платитъ за свое помѣщеніе. Надѣюсь, что теперь будетъ понятно, пишетъ авторъ, что въ Іерусалимѣ монастыремъ называется гостинница, а игуменъ есть человѣкъ, взявшій эту гостинницу на откупъ у патріархіи" [1]).

Въ какомъ состояніи находится религіозное просвѣщеніе народа и богословское развитіе пастырей церкви въ разсматриваемыхъ нами патріархатахъ? Тому и другому, конечно, способствуютъ школы, но школы въ этихъ патріархатахъ до послѣдняго времени были въ пренебреженіи, а потому указанное дѣло не могло имѣть успѣховъ.— Что касается Александрійскаго патріархата, то, если не ошибаемся, до XIX-го вѣка тамъ не было православныхъ школъ. За неимѣніемъ этихъ послѣднихъ, нѣкоторые патріархи, какъ наприм., Кириллъ Лукарисъ отправляли православныхъ молодыхъ людей, жаждущихъ просвѣщенія, въ Англію, пользуясь тѣмъ, что англійское правительство само предлагало Александрійской патріархіи оказывать помощь въ разсматриваемомъ отношеніи. Но вскорѣ закрытъ былъ и этотъ путь къ полученію образованія православными юношами патріархата. Найдено было, что нецѣлесообразно православнымъ учиться у неправославныхъ. Въ этомъ отношеніи очень любопытно письмо патріарха Паисія (1668—1676 г.) къ какому-то англиканскому пресвитеру Веніамину, (Вильяму?) „Въ 1673 г. мы получили отъ васъ, пишетъ Паисій, нѣкоторыя книги и положили ихъ въ библіотекѣ. Потомъ въ разныя времена мы получили два письма, въ коихъ вы писали, чтобы друзья еллиновъ посылали туда къ вамъ молодыхъ

[1]) Сообщ. Палест. Общ., 1895, стр. 550—551.

остроумныхъ дѣтей, способныхъ къ изученію философіи и священнаго богословія по древнему изданію (преданію?), основаннаго на еллинскихъ философахъ и древнихъ отцахъ нашей каѳолической Христовой церкви. Недоумѣвая же, какихъ вы разумѣете отцовъ и какое ученіе, мы получили нѣкоторую книгу подъ названіемъ *Исповѣданіе англиканской церкви*, прямо противорѣчащую священному ученію древнихъ святыхъ, чего мы не принимаемъ. Отсюда мы подозрѣваемъ, что если кто отправится къ вамъ для ученія, тотъ не возвратится православнымъ. Подозрѣвая же сіе, мы не рѣшаемся привести сего въ дѣйствіе. Ибо справедливость требуетъ, чтобы учащіе преподавали учащимся у нихъ все то, что они сами думаютъ и учатъ. А можетъ ли кто правильно преподавать то, чего онъ не понимаетъ и чему онъ не вѣритъ. Сія-то пропасть раздѣляетъ тѣхъ и другихъ. Мы съ самаго начала и понынѣ неизмѣнно чтемъ божественныя и священныя правила св. вселенскихъ соборовъ. Вы же какъ папистане, возобновляете новыя стези, т. е. какъ бы исправляете древнее, чего мы опасаемся и потому отказали вашему требованію и просимъ у васъ извиненія за сей отказъ" [1]). Намъ думается, что не одни подозрѣнія, но и опредѣленные факты побудили патріарха такъ нелюбезно отвѣчать на любезное предложеніе.—Православныя школы открыты были въ патріархатѣ лишь въ 40-хъ годахъ XIX-го вѣка, не безъ посторонняго содѣйствія, и въ частности не безъ помощи русскихъ благотворителей. Въ Александріи появилось двѣ школы, помѣщавшіяся въ наемныхъ домахъ—ланкастерская и еллинская. Въ первой однимъ учителемъ преподаваемы были: сокращенный катихизисъ, свящ. исторія и начала ариѳметики; во второй также одинъ учитель преподавалъ пространный катихизисъ Платона, митрополита Московскаго, въ греческомъ переводѣ, изъясненіе одного греческаго классика; географію, нѣчто изъ гражданской исторіи и ариѳметику. Два совершенно подобныя же училища находились въ то же время и въ Каирѣ, въ новомъ церковномъ домѣ, примыкающемъ къ патріархіи [2]).

1) Еписк. Порфирія. Александрійская патріархія, 295—296.
2) Тамъ же, стр. CIX и 383—384.

Къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ: въ какомъ состояніи были эти школы, и были ли допускаемы въ высшую изъ нихъ арабы или же она предназначалась для однихъ греческихъ мальчиковъ. Но во всякомъ случаѣ нужно полагать, что школы эти оставались въ дѣйствіи и въ послѣдующее время.

Нужно сказать, что всѣ православныя школы въ Турціи находятся въ непосредственномъ завѣдываніи и управленіи патріарховъ: и потому, еслибы онѣ были бы благоустроены, то служили бы къ развитію православнаго религіознаго знанія въ народѣ.

Антіохійскій патріархатъ, не смотря на свою обширность и значительное число православнаго населенія въ немъ, не богатъ школами, а существующія школы находятся въ плохомъ состояніи.—Первое упоминаніе объ устроеніи школы въ патріархатѣ относится къ началу XVIII-го вѣка, къ началу правленія антіохійскаго патріарха Сильвестра. О ней сообщаетъ свѣдѣнія нашъ Григоровичъ-Барскій. По обыкновенію, этотъ авторъ, когда у него рѣчь идетъ о разсадникахъ просвѣщенія, хвалитъ эту школу, какъ и другія православно-восточныя школы, видѣнныя имъ во время его паломническаго путешествія. Онъ, кромѣ того, отдаетъ дань уваженія вышеназванному патріарху за его отеческую заботливость о питомцахъ школы. Сильвестръ приказалъ бѣднѣйшихъ учениковъ учить даромъ, а одѣвать и кормить на его счетъ. Школа эта, вслѣдствіе смутныхъ обстоятельствъ времени, проводила жизнь бродячую: сначала утвердилась въ Алеппѣ, а потомъ была перенесена въ Триполь и наконецъ появляется въ Дамаскѣ—и все это происходитъ въ правленіе одного и того же патріарха Сильвестра. Успѣхи ея, поэтому, были сомнительны; она имѣла одного учителя Іакова (съ Патмоса)—но и тотъ потомъ покинулъ школу, оставивъ на мѣсто себя учителемъ „единаго отъ ученикъ" своихъ [1]. Затѣмъ судьба школы покрывается мракомъ неизвѣстности. Есть также извѣстіе о существованіи православной школы въ Дамаскѣ, въ началѣ XIX вѣка. Въ правленіе патріарха Серафима (1813—23 г.) здѣсь находилась одна маленькая школа для мальчиковъ. Въ ней

1) Григоровича-Барскаго. Странствованія, II, 135—154. 217—218.

обучали простому чтенію (по арабски?) и закону Божію. Содержаніе преподавателя было самое жалкое: изъ церковныхъ доходовъ выдѣлялись ему гроши; сверхъ того, сами ученики платили ему по 10 пара за каждую недѣлю (т. е. по 1½ коп.), и столько же за каждую выученную молитву, или псаломъ или главу Евангелія. Въ такомъ видѣ и при такихъ условіяхъ упомянутая школа продолжала держаться и при слѣдующемъ патріархѣ Меѳодіи— до 1832 года [1]). Къ концу XIX-го вѣка школы умножились въ Антіохійскомъ патріархатѣ, но положеніе ихъ оставляло много желать лучшаго. Вотъ наприм., въ какомъ положеніи еще очень недавно найдены онѣ очевидцемъ въ самомъ Дамаскѣ. „Православныя школы здѣсь, говоритъ онъ, при правильной постановкѣ въ нихъ дѣла могли бы быть пріятнымъ мѣстомъ (какъ требуетъ того здравая педагогія) для учащихся. Къ сожалѣнію, живой интересъ въ этихъ школахъ принесенъ въ жертву рутинному и безсмысленному затверживанію текстовъ по всѣмъ отраслямъ знаній. Ученикъ, какъ принято выражаться въ такихъ случаяхъ, долбитъ заданное ему и повторяетъ предъ учителемъ заученное, какъ попугай, безъ всякаго сознанія смысла или значенія имъ разсказываемаго. И странное чувство приходится иной разъ испытывать, говоритъ описатель, при видѣ бойкаго мальчика, не умѣющаго разсказать, ужъ не только своими словами, но хотя бы съ замѣною однихъ словъ другими, простой эпизодъ изъ священной исторіи. Мѣриломъ знаній для учащихъ и родителей учениковъ служитъ умѣнье учащихся передать на память словами текста эпизодъ, начиная съ любой строчки и даже слова страницы“ [2]). Не лучше были православныя школы и въ другомъ важнѣйшемъ городѣ— Сиріи, Бейрутѣ. Вотъ въ какомъ видѣ находилась здѣсь еще недавно школа для мальчиковъ. Внѣшняя сторона школы, по описанію очевидца, непривлекательна: учебныхъ пособій—географическихъ картъ, глобусовъ, картинъ и т. п.—нѣтъ. Училищная библіотека помѣщалась въ небольшомъ старомъ шкафикѣ. Въ четырехъ классныхъ комнатахъ (изъ 5-ти) не было даже образовъ, только въ одномъ

[1]) Сообщ. Палест. Общ., 1895, стр. 513.
[2]) Сообщ. Палест. Общ., 1895, стр. 533—4.

классѣ замѣтили мы небольшую иконку, подаренную, какъ намъ сказывали, какимъ-то русскимъ посѣтителемъ, да въ пріемной комнатѣ оказался небольшой образъ іерусалимскаго письма. На неосторожное же наше замѣчаніе относительно недостатка иконъ въ классахъ, мы получили заслуженный отвѣтъ, что школа-де ждетъ пожертвованій иконъ изъ Россіи [1]). Судя по вышеизложенному, можно догадываться, что сельскія школы обрѣтаются въ еще болѣе жалкомъ положеніи. Оно такъ и есть. Приводимъ выдержки изъ записки одного русскаго путешественника обозрѣвавшаго сельскія школы подъ Дамаскомъ. Школа въ селеніи Дарея. Полутемная, грязная небольшая комнатка около церкви служитъ здѣсь помѣщеніемъ для школы: человѣкъ 10 ребятишекъ сидѣли на дворѣ и во весь голосъ кричали—кто молитву, кто псалмы; учителя въ школѣ не было, онъ пришелъ потомъ; оказалось, что онъ слѣпъ на оба глаза и обучаетъ дѣтей по слуху. Этотъ слѣпой учитель, какъ мнѣ удалось узнать, жалованья отъ патріархіи раньше не получалъ, хотя въ спискахъ патріархіи ему числилось по 60 піастровъ въ мѣсяцъ. Другая школа въ селеніи Дждейде. Она помѣщается въ тѣсной и грязной комнатѣ, никакой классной мебели нѣтъ, дѣти сидятъ на полу—на рогожкахъ. Самые маленькіе были заняты азбукой, а большіе долбили псалтирь; нѣкоторые читаютъ Евангеліе, пишутъ лишь нѣсколько человѣкъ, ариѳметикой совсѣмъ не занимаются, креститься никто изъ дѣтей не умѣетъ. Еще школа въ селеніи Сахная. Помѣщается она въ небольшой проходной комнатѣ около церкви; это скорѣе какой-то подвалъ, а не комната. Здѣсь грязь страшная, дѣти сидятъ на старыхъ овечьихъ шкурахъ, у кого таковыя есть, а другіе просто на полу. У нѣкоторыхъ дѣтей есть псалтирь или октоихъ, но у большинства ничего нѣтъ. Учитель, житель этого же села, получалъ жалованье отъ патріарха по 60 піастровъ въ мѣсяцъ и столько-же собиралъ съ учениковъ [2]).

Духовныхъ школъ, назначенныхъ быть разсадниками сколько нибудь образованныхъ пастырей церкви, до послѣдняго времени не существовало въ Антохійскомъ пат-

[1]) Тамъ же, за 1892 г., стр. 46.
[2]) Тамъ же, за 1896 г., стр. 471—473.

ріархатѣ. И лишь въ 1885 году возникло здѣсь духовное училище; оно основано въ Бейрутѣ по личному почину и на собственныя средства мѣстнымъ митрополитомъ Гавріиломъ (арабомъ). Еще при жизни патріарха Іероѳея (1850—85 г.) духовенство и народъ антіохійскій неоднократно пытались склонить своего патріарха къ учрежденію, хотя при одномъ изъ пяти немалодоходныхъ (патріаршихъ) ставропигіальныхъ монастырей, духовной семинаріи или духовнаго училища для образованія и подготовленія мѣстныхъ священнослужителей, но не смотря на тогдашніе значительные доходы антіохійской патріархіи изъ преклоненныхъ Румынскихъ и Бессарабскихъ имѣній и на громадную сумму семидесяти пяти тысячъ турецкихъ лиръ (ок. 750,000 руб.), которую получилъ патріархъ Іероѳей отъ турецкаго правительства, какъ вознагражденіе за убытки, причиненные Антіохійской патріархіи и православнымъ храмамъ въ Дамаскѣ рѣзней христіанъ магометанами въ 1860 году,—онъ однако постоянно отклонялъ подъ разными предлогами (и часто подъ предлогомъ скудныхъ доходовъ своей патріархіи!) указанное всеобщее желаніе своей паствы. Преемникъ его Герасимъ, желая задобрить антіохійскую паству, недовольную тѣмъ, что онъ вышелъ изъ чужаковъ, членовъ святогробскаго братства, поднялъ съ перваго же года своего патріаршества дѣло объ учрежденіи духовной школы при патріархіи въ Дамаскѣ; и съ этою цѣлію онъ не замедлилъ обратиться за помощію къ разнымъ учрежденіямъ и благотворителямъ, мѣстнымъ и чужеземнымъ. На собранныя деньги былъ отремонтированъ смежный съ патріархіей домикъ и на этомъ дѣло остановилось. Однимъ изъ главныхъ обѣщаній его преемника, Антіохійскаго патріарха Спиридона, было немедленное открытіе вышеуказанной духовной школы въ Дамаскѣ, но обѣщаніе это осталось обѣщаніемъ. Патріархъ нашелъ болѣе полезнымъ обратить назначенный его предшественникомъ для духовнаго училища домикъ въ жилище для своей многочисленной свиты (благо, онъ былъ рядомъ съ патріархіей).—Убѣдившись въ суетности надеждъ на обѣщанія патріарховъ—Іероѳея, а потомъ Герасима и Спиридона, вышеназванный митрополитъ Гавріилъ сначала открылъ духовную школу въ Бейрутѣ, а

затѣмъ и озаботился ея организаціею. Дѣло это онъ дѣлалъ безо всякой посторонней помощи и поддержки, расходуя свои средства. Училище это въ 1894 году состояло изъ четырехъ классовъ при 7-ми преподавателяхъ и 30-ти ученикахъ, преимущественно изъ Бейрутской епархіи, живущихъ въ самомъ училищѣ. Въ немъ преподавались исключительно на арабскомъ языкѣ 29 научныхъ предметовъ. Затѣмъ они исчисляются въ нашемъ источникѣ. Между предметами преподаванія значатся: введеніе въ В. и Н. Завѣтъ, эгзегетика, литургика, церковная исторія, патристика, догматика, гомилетика, нравственное богословіе, церковное право. Выходитъ такимъ образомъ, что устроилась полная духовная семинарія. Интересенъ слѣдующій параграфъ устава этой школы: „ученикамъ, дающимъ обѣщаніе поступить въ клирики, училище предоставляетъ даромъ все необходимое: одежду, бѣлье, книги, столъ, помѣщеніе и ученіе" [1]). Спрашивается: если епархіальный архіерей имѣлъ возможность такъ хорошо устроить духовную школу, то почему патріархи Антіохійскіе, какъ люди обладавшіе гораздо большимъ нравственнымъ авторитетомъ и значительными матеріальными средствами, не озаботились сдѣлать того, что сдѣлалъ подчиненный имъ митрополитъ? Опредѣленный отвѣтъ на вопросъ находимъ и онъ свидѣтельствуетъ, что виной указанной непопечительности патріарховъ все тоже, что служитъ подкладкой очень многихъ явленій въ исторіи патріархатовъ Антіохійскаго и Іерусалимскаго: антагонизмъ между пришлымъ—греческимъ и туземнымъ—арабскимъ элементами. Намъ говорятъ слѣдующее: „чтобы закрѣпить навсегда за собою антіохійскій патріаршій престолъ, Антіохійскіе патріархи (т. е. Греки) не допускаютъ къ высшему духовному образованію мѣстнаго Сирійскаго юношества, а открывающіяся архіерейскія вакансіи въ епархіяхъ замѣщаютъ своими земляками. Какъ чужеземцы, имѣющіе въ виду только эксплуатацію матеріальныхъ средствъ патріархіи, они находятъ свою выгоду не въ образованіи и прогрессѣ своей паствы, а въ невѣжествѣ и деморализаціи ея (конечно, стремленія къ деморализаціи не можетъ быть у

[1]) Сообщ. Палест. Общ., 1894 г., стр. 604—607.

нихъ, замѣтимъ мы, и мысль о таковомъ стремленіи представляется преувеличеніемъ со стороны цитируемаго автора), ибо только при подобныхъ условіяхъ, они могутъ господствовать и распоряжаться безконтрольно. Антіохійскіе патріархи—прибавляетъ тотъ же авторъ,—не устроили доселѣ и не устроютъ, конечно, и въ будущемъ ни одной духовной школы для образованія мѣстнаго духовенства, сколько бы денегъ они не получали изъ Россіи. Они всегда будутъ обѣщать и народу и намъ (т. е. русскимъ), но на дѣлѣ ничего не исполнятъ, потому что образованіе и подготовленіе мѣстнаго сирійскаго духовенства идетъ прямо въ разрѣзъ съ ихъ личными видами и цѣлями" [1]).

Къ счастію для Антіохійскаго патріархата времена эти прошли, и вѣроятно, безвозвратно. Въ настоящее время, послѣ вѣковаго господства Грековъ въ Сирійской церкви, возсѣлъ на патріаршей каѳедрѣ Мелетій, мужъ арабской національности. (Султанское утвержденіе новаго патріарха произошло 26 октября 1899 г., а вступленіе его на патріаршую каѳедру послѣдовало 2 ноября). И что же мы видимъ? Этотъ патріархъ *уже* учредилъ (3 января, 1900 г.) на собственныя средства духовную семинарію при монастырѣ Баламандъ, на сѣверѣ Сиріи. Программа семинаріи широкая, курсъ 6-ти лѣтній. Ученики семинаріи считаются стипендіатами его блаженства, учатся безплатно и пользуются полнымъ пансіономъ; по окончаніи курса, они обязаны поступать на службу по распоряженію патріарха [2]). Въ добрый часъ!

Обращаемся къ патріархату Іерусалимскому. Что повѣдаютъ намъ такъ наз. школы патріаршія, здѣсь находившіяся? Мы не станемъ описывать внѣшняго состоянія ихъ: въ этомъ отношеніи онѣ были не лучше, а даже хуже подобныхъ же школъ Антіохійскаго патріархата [3]). Коснемся порядковъ въ нихъ господствовавшихъ и отношенія къ нимъ мѣстной духовной власти. Школъ устойчивыхъ и непрерывно продолжающихъ свое дѣло — было мало. Обыкновенно же, „по неотступнымъ просьбамъ на-

[1]) Сообщ. Палест. Общ., 1898, стр. 344.
[2]) Церк. Вѣстникъ, 1900 г., стр. 48. 63.
[3]) См. описаніе патріаршихъ школъ въ Назаретѣ, Виѳлеемѣ и Кайфѣ. Сообщ. Палест. Общ., 1892, стр. 41—44.

селенія (арабовъ), патріархія пріискивала учителей подешевле, платила ему нѣкоторое время жалованіе, прекращала плату подъ предлогомъ безденежья и школа угасала" [1]). Населеніе жаловалось на то, что хотя школы открывались собственно для арабовъ, но они-то меньше всего таковыми и пользовались. Сохранилось прошеніе, представленное православными арабами въ 1850 году въ свят. Синодъ Русской церкви. Въ этомъ прошеніи между прочимъ говорится: „въ училищахъ (патріархата іерусалимскаго) учатъ только одной псалтири, ибо другихъ книгъ кромѣ псалтири нѣтъ; нѣтъ даже катихизиса. И вы найдете дѣтей сей епархіи (патріархіи) ослами, ничего они не знаютъ, ни чина церковнаго, ни духовныхъ предметовъ. Въ нынѣшнемъ году открыли училище въ самомъ городѣ Іерусалимѣ для наученія дѣтей языку арабскому и построили вновь училище, въ которомъ учителемъ поставили грека. У него тридцать учениковъ изъ Грековъ, и всѣ они набраны изъ учениковъ монаховъ, а въ арабскомъ училищѣ, собственно назначенномъ для здѣшней епархіи, только восемь учениковъ. Послѣ этого судите же, какъ они (Греки) пристрастны къ своему роду" [2]). Да и тѣ мальчики, которымъ удавалось поступить въ школу, не могли извлекать всей пользы отъ нея. Грекамъ мало было заботы до образованія арабскихъ дѣтей. Встрѣчаемъ слѣдующее необычайное извѣстіе: „для арабскихъ дѣтей греческая патріархія открыла училище; и въ тоже время тайно сообщено было учителямъ, чтобы они всѣми мѣрами старались продержать ребенка въ училищѣ какъ можно долѣе, но такъ, чтобы онъ ничему не выучился. Потомъ Греки говорятъ: вотъ видите ли: чего-чего мы не дѣлаемъ для этихъ арабовъ — и все не впрокъ. Мы открыли для нихъ училища; каждый годъ мы издерживаемъ большія суммы на покупку и печатаніе учебныхъ книгъ, а они ничему не выучиваются; — наша ли вина, если они имѣютъ такія тупыя головы" [3]). Но все же нѣкоторые изъ нихъ достигали грамотности. А тутъ являлось новое неблагопріятное обстоятельство, — оказывалось,

[1]) Соловьева. Св. Земля и Палестин. Общество, стр. 158.
[2]) Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ. Сношенія Іерусалимск. патріарховъ, 718.
[3]) Сообщ. Палест. Общ., 1895, стр. 545.

что нечего читать. Правда въ Іерусалимѣ была англійская книжная лавка, гдѣ продавались св. книги на арабскомъ языкѣ, напечатанныя въ Англіи. Но патріархія внушила чрезъ арабскихъ священниковъ арабамъ, что Евангелія еретическія, что читать ихъ большой грѣхъ, и что будто эти Евангелія не согласны съ Евангеліями православной церкви. Арабы повѣрили священникамъ и стали опасаться брать въ руки Евангелія, продаваемыя протестантами. Но запретивши имъ это, патріархія не позаботилась сама напечатать Евангелія. Но между тѣмъ арабы-православные не согласились вполнѣ съ мнѣніемъ патріархіи, что будто имъ довольно читать одни святцы и что Евангелія читать вовсе не нужно. Поднялись жалобы. Чтобы заставить ихъ молчать, патріархія въ 1861 году приказала *начать* печатаніе Евангелія на арабскомъ языкѣ. Къ концу 1863 года было отпечатано уже листовъ съ десять, но на этомъ все дѣло и остановилось [1]).

Очень типическій обращикъ обнаруженія антагонизма греческаго элемента съ негреческимъ въ Іерусалимскомъ патріархатѣ представляетъ исторія Іерусалимской духовной семинаріи, иначе называемой иногда духовной Академіей.

Конечно, вездѣ въ христіанскихъ церквахъ необходимы духовныя школы, назначающіяся для подготовки пастырей и учителей, которые могли бы утверждать народъ въ истинахъ христіанства. Но особенно это необходимо въ разсматриваемомъ патріархатѣ, гдѣ даже архіереи назадъ тому полвѣка не имѣли свѣдѣній по части обыкновеннаго катихизиса. Преосв. Порфирій разсказываетъ (со словъ впрочемъ другихъ): „отсюда (т. е. изъ Іерусалима) послано было представленіе Іерусалимскому патріарху (въ Константинополь), въ которомъ просили его учредить училище въ самой патріархіи для монашествующихъ и прислать учителя изъ Грековъ, если не архимандрита, то по крайней мѣрѣ ученаго іеромонаха, дабы у него могли слушать катихизическіе уроки здѣшніе архіереи“. Но вмѣсто ученаго архимандрита или іеромонаха патріархъ почему-то прислалъ для указанной цѣли какого-то женатаго грека,

1) Тамъ же, стр. 546—547.

проходившаго должность приходскаго учителя въ одномъ селеніи, близъ Константинополя. „Іерусалимскій синодъ изумился, но долженъ былъ подчиниться волѣ патріарха. Такимъ образомъ архіереи ходили къ этому учителю слушать его уроки". Но ученіе архіереевъ катихизису скоро прекратилось по слѣдующему случаю. „Такъ какъ учитель часто говорилъ, что внутреннее благочестіе спасаетъ, а не наружное лицемѣрное, что добрыя дѣла важнѣе паче поста и продолжительныхъ молитвъ и т. под., то архіереи взбунтовались противъ него, огласили его еретикомъ предъ патріархомъ и успѣли отставить его" [1]).

Такимъ образомъ нужда въ духовной школѣ была очень сильна въ отношеніи Іерусалимскаго патріархата, а была нужда, послѣдовало и удовлетвореніе ея, хотя и поздно.

Вотъ внѣшняя исторія этой школы. Богословское училище въ Іерусалимѣ было открыто патріархомъ Кирилломъ, въ 1855 году и помѣщалось въ 3-хъ верстахъ отъ города въ Крестномъ монастырѣ, почему школа называется иногда крестною. При преемникѣ Кирилла, патріархѣ Прокопіи, она была закрыта, тоже послѣдовало при другомъ патріархѣ Іероѳеѣ: при немъ она даже дважды закрывалась; при чемъ запустѣніе школы простиралось такъ далеко, что помѣщеніе для школы превратилось въ конюшню для лошадей патріаршаго архидіакона [2]). Въ 1884 году патріархъ Никодимъ вновь открылъ школу, но онъ же въ 1888 году опять закрылъ ее. Въ настоящее время школа существуетъ и дѣйствуетъ. Причиной закрытія каждый разъ выставлялся недостатокъ матеріальныхъ средствъ, но такъ ли это — по запутанности вопроса рѣшать не беремся.

Преосвящ. Кириллъ Мелитопольскій, имѣвшій возможность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, наблюдать состояніе указанной школы, говоритъ слѣдующее: патріархъ Кириллъ былъ человѣкомъ безъ всякаго образованія, но не безъ природнаго ума, который ставилъ его много выше окружающаго его большинства, человѣкомъ съ самолюбіемъ иногда мелочнымъ, всегда сильнымъ и щекотли-

[1]) Книга бытія моего. I, 648—649.
[2]) «Правосл. Обозрѣн.», 1883, т. I, 475 (Изъ статьи проф. Муркоса).

вымъ; онъ проявлялъ нѣкотораго рода дѣятельность „если не на истинную пользу церкви, то на славу своего имени": онъ устроилъ въ Крестномъ монастырѣ нѣчто въ родѣ духовной семинаріи или академіи, и открылъ типографію. „Оба эти заведенія имѣли цѣли одностороннія и тенденціозныя. Академія или семинарія представляла тогда чисто греческую школу, въ которой три пришлыхъ Грека насчитывались на одного Араба, да и этимъ бѣднымъ Арабамъ то старались внушить, что они не Арабы, а Греки, забывшіе свое происхожденіе, то на дѣлѣ усиливались показать, что лучше выдавать себя за Грека, чтобы имѣть какой либо почетъ и вниманіе, нежели оставаться Арабомъ въ приличествующемъ этому племени пренебреженіи". По другому извѣстію, уроженцамъ Палестины не дозволялось оканчивать полный курсъ ученія въ Крестной школѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ, какъ Арабамъ, не дозволяется вступать въ монашество и принимать высшія іерархическія степени [1]). „Богъ вѣдаетъ, продолжаетъ тотъ же преосв. Кириллъ, къ чему приведетъ эта школа, вовсе не соотвѣтствующая потребностямъ мѣстной церкви: добраго не предвидится. Что будутъ дѣлать съ этими „учеными арабами" при существующемъ здѣсь правилѣ—не допускать по возможности арабовъ до принятія обѣтовъ монашества"?—На типографію, основанную въ Іерусалимѣ, Кириллъ Мелитопольскій, не возлагалъ особенныхъ надеждъ въ смыслѣ просвѣщенія края и смотрѣлъ на дѣло пессимистически. Типографія „была занята только перепечаткою греческихъ книгъ; для арабскихъ же удѣлялось едва нѣсколько недѣль въ году, и то развѣ по какимъ-либо особеннымъ побужденіямъ. Правда, кладовыя типографіи на всякій случай, для виду были набиты арабскими псалтирями и катихизисами, которые лежали неподвижно, такъ какъ даромъ патріархія ихъ никому не давала, а за деньги арабы не покупали, хотя, по замѣчанію того-же автора, за 40 лѣтъ предъ тѣмъ было еще хуже: тогда жгли арабскія богослужебныя книги". Въ заключеніе авторъ пишетъ: „страшно подумать о послѣдствіяхъ этихъ предпріятій патріарха (т. е. духовной

[1]) Тамъ же, стр. 478.

школы и типографіи), задуманныхъ болѣе съ цѣлію устранить участіе русской духовной миссіи въ просвѣщеніи арабовъ, нежели съ желаніемъ истинной пользы для церкви" [1]).

Насъ увѣряютъ, что между преподавателями Крестной школы встрѣчались люди образованнѣйшіе, но съ другой стороны существуетъ прямое указаніе на то, что „профессора Крестной школы" иногда пріѣзжаютъ доучиваться въ наши духовныя Академіи и здѣсь оканчиваютъ курсъ со степенью дѣйствительнаго студента [2]), т. е. съ тою степенью, которой удостоиваются въ нашей высшей духовной школѣ лишь не совсѣмъ успѣвшіе питомцы ея. Значитъ, можно думать, что образованность указанныхъ прдподавателей стоитъ ниже той ступени, на которой стоитъ этого рода качество у нашихъ молодыхъ богослововъ.

Мы сказали выше, что Іерусалимская богословская школа въ настоящее время находится въ полномъ дѣйствіи, а судя по краткимъ сообщеніямъ, имѣющимся въ нашемъ распоряженіи, даже, что называется, процвѣтаетъ. Классовъ въ ней пять, преподавателей десять, воспитанниковъ болѣе 30, успѣхами ихъ всѣ довольны, преподаваніе прогрессируетъ и расширяется и проч. [3]). Но очень жаль, что въ сообщеніяхъ послѣдняго времени нѣтъ данныхъ для рѣшенія вопроса: кому она приноситъ больше пользы Грекамъ или Арабамъ? Только съ рѣшеніемъ этого вопроса можно составлять себѣ понятіе о дѣйствительномъ значеніи школы для мѣстнаго православнаго населенія.

Преосв. Порфирій, обозрѣвая общее состояніе Іерусалимскаго патріархата своего времени, находилъ, что „Палестинская церковь возлежитъ разслабленная у самой купели Силоамской и непрестанно взываетъ къ небесному Жениху Своему: Господи человѣка не имамъ. Сіи истины, говоритъ онъ, (указывая и другія истины, кромѣ упомянутой) надлежитъ возвѣщать съ дерзновеніемъ" [4]). Послѣ

[1]) Проф. о. Титова. Кириллъ Мелитоп. *Тр. К. Д. Ак.*, 1899, II. 335—336).

[2]) «Труд. К. Д. Академіи», 1900 г., майск. кн., 114—115. 144. (Изъ статьи проф. А. А. Дмитріевскаго).

[3]) «Церк. Вѣдомости», за 1898, стр. 206; за 1900 г., стр. 926—7.

[4]) Н. Ѳ. Каптерева. Сношенія іерусал. патріарховъ, 696.

того, что сообщено было нами выше о состояніи Іерусалимскаго патріархата, можно судить—имѣемъ ли мы право и въ какой мѣрѣ имѣемъ его повторять вышеприведенныя слова „соглядатая Востока", какъ именовалъ себя покойный знаменитый востоковѣдецъ?

Но быть можетъ, многое изъ того, что нами указано раньше касательно разнаго рода неблагоустройства въ трехъ патріархатахъ, какъ-то убожество храмовъ, недостатокъ въ нихъ церковной утвари, жалкое состояніе школъ, отсутствіе или же малообезпеченное положеніе духовно-учебныхъ заведеній, зависѣли отъ скудости матеріальныхъ средствъ этихъ патріархатовъ? Поставляя этотъ вопросъ, мы тѣмъ самымъ побуждаемся повести рѣчь о матеріальномъ состояніи ихъ. Сознаемся, что вопросъ этотъ не легкій, ибо считать деньги въ чужомъ карманѣ очень трудно. Но такъ какъ существуютъ авторы, которые, считаютъ себя обладающими возможностію судить о финансовомъ положеніи патріархатовъ и ихъ представителей, то и мы примемся за тоже пользуясь ихъ данными, но не вдаваясь ни въ какія подробности вопроса.

Начнемъ съ Александрійскаго патріархата, но рѣчь о немъ будетъ коротка, за недостаткомъ надлежащихъ свѣдѣній. Несомнѣнно, это одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ патріархатовъ. Во второй половинѣ XVIII-го вѣка александрійцы писали Константинопольскому патріарху Самуилу: „Александрійскій престолъ всюду носитъ слѣды паденія и какъ вамъ извѣстно, едва въ состояніи прокормить патріарха съ его братіею и уплачивать царскія подати; православные Египта всѣ бѣдны, живущіе здѣсь купцы рѣдки и несчастны (?): Александрійскій монастырь поддерживается одними православными мореплавателями, помѣщеніе гостиницъ (?) въ Георгіевскомъ монастырѣ въ старомъ Каирѣ едва можетъ прокормить тамошнихъ бѣдняковъ, ибо этотъ монастырь есть вмѣстѣ и больница и пріютъ для бѣдныхъ и престарѣлыхъ" [1]). Вѣроятно извѣстіе это страдаетъ преувеличеніемъ, но съ общимъ взглядомъ на дѣло нужно соглашаться. Въ 40-хъ годахъ XIX-го вѣка, финансовое положеніе Александрійской па-

1) Еписк. Порфирія. Александрійская Патріархія, стр. CV.

тріархіи стало лучше, но все же остается незавиднымъ. Преосв. Порфирій пишетъ: „доходы Александрійскаго патріарха отъ обычныхъ взносовъ духовенства и христіанъ ничтожны по причинѣ малочисленности его паствы; и онъ не могъ бы существовать безъ пособія отъ монастырей, принадлежащихъ его престолу въ Валахіи и Молдавіи. Но численность доходовъ, получаемыхъ съ упомянутыхъ монастырей и ихъ имѣній, намъ—замѣчаетъ авторъ—достовѣрно неизвѣстна. Слышали мы въ Константинополѣ, что прежній патріархъ Іероѳей получалъ оттуда 1000 голландскихъ червонцевъ. Эти доходы употреблялись, кромѣ содержанія патріарха и его дома, на училища, и богоугодныя заведенія въ Каирѣ и Александріи"[1]. Такимъ образомъ, главнымъ источникомъ доходовъ патріархіи были Молдаво-валашскіе монастыри и ихъ имѣнія (такъ называемыя „преклоненныя монастыри")[2]; но такъ какъ эти имущества, принадлежавшія этому и другимъ патріархатамъ были въ 1864 году конфискованы княземъ Румыніи (прежней Молдавіи и Валахіи), то матеріальное положеніе разсматриваемой патріархіи едва ли находится въ хорошемъ состояніи и въ настоящее время. А если такъ, то требовать многаго отъ Александрійской патріархіи и за прежнее и за настоящее время—нельзя; на этомъ и окончимъ наши счеты съ указаннымъ патріархатомъ.

Богаче и интереснѣе наши свѣдѣнія о патріархатѣ Антіохійскомъ. Изъ болѣе раннихъ патріарховъ антіохійскихъ упомянемъ только о двоихъ—дѣдѣ и внукѣ, Макаріи и Кириллѣ (1648--1720 г.). Макарій очень ревностно объѣзжалъ свой патріархатъ съ цѣлію между прочимъ „собрать положенные денежные взносы съ своей паствы", такъ однажды на такого рода объѣздъ онъ употребилъ почти цѣлый годъ[3]; о немъ извѣстно, что онъ былъ богатъ. А относительно его внука, Кирилла, въ одномъ источникѣ читаемъ: „онъ собралъ достаточное

1) Тамъ же, стр. 378—379.
2) О «преклоненныхъ» имуществахъ см. выше, стр. 144—146 (или: *Бо. Вѣст.*, 1894, т. II, 452—5), а также: А. Стадницкаго. Гавріилъ экзархъ Молдаво-валахійскій, стр. 196—206. Кишин., 1894.
3) Павла Алеппскаго. Путешествіе Макарія. V, 196—197.

богатство частію изъ доходовъ престола, а частію изъ наслѣдства дѣда его Макарія, а остальное изъ другихъ источниковъ" [1]). Значитъ въ XVII и XVIII вѣкахъ Антіохійская патріархія могла быть состоятельною въ матеріальномъ отношеніи.—Что касается XIX-го вѣка, то судя по извѣстіямъ, относящимся къ 40-мъ годамъ, матеріальное положеніе патріархіи было очень неблестяще. Авторъ сочиненія: „Сирія и Палестина", Базили, утверждаетъ, что „доходы Антіохійскаго патріархата (указаннаго времени) простирались до 3.000 рубл. въ годъ, при чемъ половина этой суммы поступала съ двухъ („преклоненныхъ") монастырей, находившихся въ Дунайскихъ княжествахъ". (Авторъ подробно исчисляетъ, изъ чего слагался весь доходъ патріарха). Базили не забываетъ упомянуть, что бѣдный патріархъ отъ одного сельскаго монастыря получалъ ежегоднаго взноса по три рубля [3]). Такъ ли была бѣдна Антіохійская патріархія, въ указанное время, какъ говоритъ авторъ—не знаемъ; но принимая во вниманіе то, что Базили—грекъ и желалъ покрыть греческихъ іерарховъ Сиріи и Палестины ореоломъ убожества (это видно изо всей его книги), а такъ же и то, что имѣемъ ввиду сказать сейчасъ о матеріальномъ положеніи той же патріархіи въ это же время и позже, полагаемъ, что онъ говорилъ не всю правду. Преосвящ. Порфирій, упоминая о состояніи патріархата тогоже періода времени (40-хъ годовъ), пишетъ, что „всѣ сирійскіе монастыри имѣютъ имѣнія и доходы и могутъ содержать монаховъ и училища". При существованіи достаточныхъ монастырей, изъ которыхъ часть была патріаршими, антіохійскій іерархъ не могъ испытывать скудости. Объ этомъ ясное свидѣтельство находимъ у того же автора. Его увѣряли, что патріархъ (Меѳодій) изъ 130,000 піастровъ, составлявшихъ годичный доходъ Белемендскаго монастыря, бралъ въ свое распоряженіе 100,000 [3]). Какъ ни считать піастръ, все же получается порядочная сумма денегъ, доставляемая лишь однимъ монастыремъ. Временно, въ рукахъ патріарха Антіохійскаго Іероѳея

[1]) Еписк. Порфирія. Востокъ христіанскій (Сирія), стр. 102.
[2]) Базили, II, 179. 185.
[3]) Книга бытія моего. I, 317. 643.

очутилась очень крупная сумма въ 500,000 рублей. Она выдана была патріарху послѣ сирійской рѣзни христіанъ масульманами, въ 1860 году, и представляла собой вознагражденіе изъ султанскаго казначейства за убытки, понесенные христіанами при указанномъ случаѣ. Деньги эти получили неизвѣстно какое употребленіе, ибо на требованіе отчета христіанской общины въ способѣ расходованія этихъ денегъ (а также и другихъ посланныхъ изъ Россіи), патріархъ отказался дать какой-либо отвѣтъ [1]). Для насъ это послѣднее свѣдѣніе не имѣетъ большой важности, но за то изъ вышеприведеннаго разсказа открывается, что патріархія не сидѣла безъ денегъ, а это для насъ важно.—Въ 1893 году доходъ антіохійскаго патріарха простирался до 330,000 піастровъ, т. е. до 25,000 рубл. (въ томъ числѣ отъ однихъ монастырей въ пользу патріархіи поступало 160,000 піастровъ); а съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ поступленій, не подлежащихъ точному учету, патріаршій доходъ въ полномъ видѣ доходилъ до 400,000 піастровъ [2]). Значитъ, едва ли когда Антіохійская патріархія оставалась въ критическомъ матеріальномъ положеніи и была лишена возможности воспособлять своей паствѣ въ наиболѣе потребныхъ случаяхъ ея религіозной жизни, особенно это можно сказать касательно второго полустолѣтія XIX-го вѣка.

Что касается до патріархата Іерусалимскаго, то въ началѣ изучаемаго нами періода матеріальное положеніе Іерусалимской церкви несомнѣнно находилось въ бѣдственномъ видѣ. Говоримъ о тѣхъ временахъ, когда патріархами здѣсь были люди арабской національности. Бѣднота доходила до того, что богослуженіе въ самомъ Іерусалимѣ совершалось въ полотнянныхъ ризахъ, съ желѣзными трикиріями и мѣдными сосудами, а архіереи должны были питаться трудами рукъ своихъ [3]). Это зависѣло отъ того, что въ тѣ времена, при подозрительномъ управленіи Мамелюковъ Палестиною—изсякъ притокъ поклонниковъ въ святую землю изъ Греціи и другихъ странъ, а потому Іерусалимская патріархія должна

[1]) Сообщ. Палест. Общ. 1895, стр. 516—517.
[2]) Тамъ же, за 1898 г., стр. 341—342.
[3]) Муравьева. Исторія св. Града, II, 269.

была довольствоваться мѣстными доходами, болѣе чѣмъ скудными. Но конечно, указанная бѣднота не бросаетъ тѣни на достоинство патріархіи: и пастыри и пасомые имѣли одинаковый достатокъ и это заставляло ихъ безропотно преклоняться предъ судьбою. - Улучшеніе финансовъ патріархіи началось тотчасъ же, когда Турки овладѣли Іерусалимомъ и когда приливъ паломниковъ изъ обширной Оттоманской имперіи и изъ другихъ странъ усилился. А патріархи Греки, овладѣвшіе патріархіей еще въ XVI и XVII вѣкахъ, благодаря фанаріотскимъ князьямъ Молдавіи и Валахіи, получили въ свое распоряженіе не мало монастырей и другихъ имуществъ въ этихъ странахъ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ число этихъ „преклоненныхъ“ монастырей еще увеличилось. Матеріальное положеніе патріархіи улучшилось. Вотъ нѣсколько данныхъ, указывающихъ на то, въ какомъ состояніи находились матеріальныя средства патріархіи въ XIX-мъ вѣкѣ приблизительно до того времени, когда конфискованы были святогробскія имущества въ Румыніи и когда, конечно, наступили другія времена въ жизни патріархіи. Преосв. Порфирій „казну Іерусалимской патріархіи сравниваетъ съ огромнымъ водоемомъ, въ который текутъ золотыя струи многочисленными каналами. Хотя ему и не были извѣстны общіе годовые итоги всѣхъ доходовъ и расходовъ казны святогробской, однако нѣкоторыя данныя заставляли думать его (преосв. Порфирія), что отливъ ея менѣе прилива“. И затѣмъ онъ говоритъ: „велико богатство, прилагаемое къ гробу Господню“ [1]). Тотъ же авторъ зналъ и указывалъ и источники, откуда получались доходы святогробской казны [2]). Вообще онъ говоритъ объ іерусалимскихъ архіереяхъ, какъ лицахъ, „привыкшихъ къ благолѣпію церковному и окруженныхъ богатствомъ“ [3]). Но куда же и на что расходовался этотъ матеріальный достатокъ? Конечно, не на нужды мѣстной арабской паствы, церкви и школы которыхъ оставались въ бѣдственномъ состояніи, какъ мы уже знаемъ объ этомъ? Это была, какъ оказывается, какая-то тайна, въ которую патріархія не желала

[1]) Проф. Каптерева. Сношенія съ Іерус. патріархами, стр. 737.
[2]) Тамъ же, 762—763.
[3]) Книга бытія моего, I, 524.

посвящать постороннихъ лицъ. По словамъ преосв. Порфирія, „члены Іерусалимскаго синода, предъ пріѣздомъ его въ Іерусалимъ, наложили другъ на друга проклятіе, если кто изъ нихъ вздумаетъ измѣнить тайнамъ ихъ управленія“ [1]). Одна изъ тайнъ впрочемъ была хорошо извѣстна вышепоименованному автору еще до его водворенія въ Іерусалимъ (въ 1847 году), онъ зналъ, что „въ сущности боялись обнаруженія количества доходовъ, ибо тогда совѣстно уже будетъ нищенствовать“ [2]). Но раскрытіе этой тайны, свидѣтельствующей впрочемъ о значительности доходовъ патріархіи, еще не рѣшаетъ вопроса о томъ, куда и на что расходовались тѣ немалыя деньги, которыя стекались въ ея казну. Какъ и на что тратились онѣ — въ подробности пускаться не станемъ, да это для нашей цѣли и не нужно. Достаточно сказать, что есть основанія думать, что онѣ растрачивались непроизводительно. Въ самомъ дѣлѣ, съ давнихъ поръ, масса денегъ тратилась въ борьбѣ за охраненіе св. мѣстъ отъ посягательствъ на нихъ со стороны латинянъ. При подобныхъ обстоятельствахъ текли деньги не только со стороны патріархіи, но и со стороны послѣднихъ, тѣмъ болѣе, что защита принадлежащихъ имъ (т. е. патріархіи и латинянамъ) св. мѣстъ по временамъ превращалась въ стремленіе „оттягивать таковыя, насколько позволяли обстоятельства, другъ у друга“. А въ результатѣ получалось вотъ что. „Еслибы сосчитать все то, что при подобномъ положеніи дѣлъ перешло чрезъ руки тѣхъ и другихъ, латинянъ и православныхъ къ магометанамъ, то смѣемъ думать—пишетъ г. Хитрово, оно какъ толстою золотою корою покрыло бы не только Палестину, но и Сирію“ [3]). Сколько на это дѣло пошло золота патріархіи счесть невозможно, но безъ сомнѣнія много. Затѣмъ, очень много изъ доходовъ Іерусалимской патріархіи тратилось на Іерусалимскаго патріарха, въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ проживавшаго вмѣсто св. града въ столицѣ Турціи. Жить въ столицѣ, особенно высокопоставленному человѣку, всегда дорого, гораздо дороже, чѣмъ въ тихомъ уголкѣ, въ родѣ

[1]) Проф. Каптерева. Сношенія... 723.
[2]) Тамъ же, 695.
[3]) В. Н. Хитрово. Письма о св. Землѣ, 22.

Іерусалима. Преосв. Порфирій сообщаетъ слѣдующее извѣстіе, которое ему довелось слышать: „Іерусалимскій патріархъ ровно ничего не высылаетъ сюда (т. е. въ Іерусалимъ) изъ Царьграда. Всѣ доходы тамъ пропадаютъ" [1]). Рѣчь, безъ сомнѣнія, идетъ главнымъ образомъ о доходахъ, получавшихся съ заграничныхъ недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ св. гробу. Кромѣ большихъ тратъ на обстановку и свиту въ Константинополѣ, Іерусалимскому патріарху, проживавшему въ столицѣ, приходилось задаривать деньгами вселенскаго патріарха [2]), безъ чего этотъ послѣдній едвали дозволилъ бы ему пребываніе не на своемъ мѣстѣ. Наконецъ, нельзя умолчать о томъ, что вкрадывались злоупотребленія въ финансовое положеніе патріархіи. Объ этомъ свидѣтельствовалъ самъ султанъ турецкій (Махмудъ). Онъ издалъ гатти—шерифъ, по замѣчанію одной греческой газеты, не имѣющій себѣ подобнаго въ исторіи оттоманской имперіи. Въ немъ говорилось: „чрезмѣрный долгъ св. Гроба возбуждаетъ удивленіе и недоумѣніе. Этотъ долгъ, несомнѣнно происходившій вслѣдствіе безпорядковъ, злоупотребленій и мошенничества монаховъ, хотя и сдѣлался причиной моего негодованія, тѣмъ не менѣе нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что они (?) очутились въ затруднительномъ положеніи вслѣдствіе бѣдствій, которыя имъ было суждено претерпѣвать въ теченіе столькихъ лѣтъ" [3]). Султанъ затѣмъ приказываетъ Іерусалимскому патріарху, „озаботиться, чтобы веденіе денежныхъ дѣлъ поручалось монахамъ честнымъ и вѣрнымъ, и чтобъ впередъ не случалось подобныхъ безпорядковъ въ общественной кассѣ" [4]).

Въ положеніи денежныхъ дѣлъ Іерусалимской патріархіи произошла большая перемѣна съ тѣхъ поръ какъ

---

1) Преосв. Порфирія. Книга бытія моего, I, 376. 563. 598.

2) Тамъ же, I, 419.

3) Здѣсь разумѣется главнымъ образомъ пожаръ, случившійся въ 1808 г., въ Іерусалимскомъ храмѣ Воскресенія и превратившій въ развалины эту важнѣйшую святыню св. града. На возстановленіе ея употреблено было до 4,000,000 руб., при чемъ конечно образовался большой долгъ (Муравьева. Ист. св. Града, II, 368. 375). Долгъ этотъ къ 40-мъ годамъ, по словамъ еписк. Порфирія, былъ уже покрытъ.

4) Проф. Муркоса. Современное состояніе и нужды православія въ Іерус. церкви («Прав. Обозр.», 1883, т. I), стр. 474.

князь Румынскій Куза, въ 1864 г., конфисковалъ имущества, принадлежавшія разнымъ православнымъ патріархіямъ Востока, а больше всего Іерусалимской, или же святогробской казнѣ. Доходы этой послѣдней сразу на много упали, о прежнемъ богатствѣ и помину не осталось. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы патріархія впала въ бѣдность. По исчисленію г. Хитрово, произведенному въ концѣ 80-хъ годовъ, полный активъ патріархіи, опредѣлялся въ шесть милліоновъ рублей, при пассивѣ въ 1,500,000 руб. [1]). Положимъ, это активъ богатой, но не богатѣйшей, торговой фирмы; тѣмъ не менѣе при немъ можно имѣть сотни тысячъ доходу. Конечно, у патріархіи и расходовъ много, наприм. она на свои средства содержала архіереевъ патріархата (сполна или отчасти) и святогробскую братію. Но ошибочно было бы думать, что эти архіереи и эта братія состояла изъ бѣдняковъ. „Какъ на примѣръ накопленія капиталовъ, сосредоточившихся въ рукахъ этихъ духовныхъ лицъ, можно указать на то, что при принудительномъ займѣ, сдѣланномъ патріархомъ Никодимомъ, святогробскій архим. Серафимъ далъ слишкомъ 100.000 руб., другой архим. Евѳимій 13,000 руб., завѣдывавшій виѳлеемскою епархіею, Ѳаворскій архіеп. Спиридонъ, 25,000, при чемъ первый выговорилъ себѣ 7%, а остальные по 8% въ годъ. Понятно, что эти суммы, прибавляетъ изслѣдователь, не составляютъ наслѣдственнаго ихъ состоянія, ни сбереженій отъ получаемаго ими содержанія“ [2]). Откуда же и какимъ образомъ пріобрѣтаются подобные капиталы, распространяться объ этомъ не считаемъ нужнымъ. Слѣдуетъ также сказать, что какъ прежде, такъ и въ ближайшее къ намъ время деньги расходовались патріархіею безпорядочно: „они иждивались безъ предварительнаго расчета подробностей и вѣроятностей и безъ соотвѣтствующей ими раскладки суммъ и безъ строгой отчетности; такъ какъ даже первоначальнаго (элементарнаго) понятія о счетоводствѣ и отчетности—въ патріархіи не существуетъ“ [3]).

---

[1]) Сообщ. Палест. Общ., 1891, стр. 25.
[2]) Тамъ же, стр. 24.
[3]) Проф. Каптерева. Сношен. Іерус. патріарховъ, стр. 737. Сл. «Сообщенія», тамъ же, стр. 15.

Преосвящ. Порфирій, принимая во вниманіе тѣневыя стороны въ положеніи восточной церкви, наиболѣе пристально наблюдаемыя имъ въ особенности при изученіи патріархатовъ Александрійскаго, Антіохійсхаго и Іерусалимскаго, говорилъ, что „прозрѣніе въ будущность не обѣщаетъ ничего отраднаго, что едвали не постигнетъ церковь восточную таже трагическая судьба, какая постигла Византійскую имперію“ [1]). Удручающая мысль! Но съ другой стороны, при иномъ случаѣ, тотъ же глубокій знатокъ историческихъ явленій говорилъ: „многіе упрекаютъ восточную церковь въ духовномъ безплодіи. Давно эта церковь заматорѣла и не только никого не рождаетъ въ жизнь вѣчную внѣ предѣловъ своихъ, но и у себя дома не старается примирить и сблизить своихъ собственныхъ чадъ. Она не Сарра, а Сара. Но Господь силенъ дать ей новое тмочисленное потомство. Онъ уже идетъ къ ней, чтобы возобновить юность ея и возвратить ей прежнее плодородіе, честь и славу ея“. Въ этомъ отношеніи авторъ возлагаетъ большую надежду на Русь православную [2])...... Утѣшительная надежда!

Къ счастію, вышеуказанная удручающая мысль должна уступать мѣсто утѣшительной недеждѣ, ибо „Русь православная“ уже начала обнаруживать оживляющее и зиждительное свое вліяніе на христіанскій Востокъ. Говоримъ о Императорскомъ Православномъ Палестинскомъ Обществѣ съ его задачами и дѣятельностію.

Палестинское Общество въ значительной мѣрѣ стало наслѣдникомъ тѣхъ задачъ, которыя возлагаемы были нашимъ правительствомъ на особое учрежденіе въ Палестинѣ, именовавшееся Русскою миссіею здѣсь, но исполненіе которыхъ оказалось невозможнымъ для этого учрежденія. Правда, Русская миссія и теперь существуетъ въ Палестинѣ, но ея дѣятельность очень ограничена. Во всякомъ случаѣ можно утверждать, что Палестинское Общество начало свое дѣло, обогатившись тѣми опытами и испытаніями, какія выпали на вышеупомянутое нами Палестинское учрежденіе.

Сообщеніе извѣстій о дѣятельности Палестинскаго

[1]) Епиcк. Порфирія. Книга бытія моего, I, 203.
[2]) Александрійская Патріархія, 408.

Общества остается неяснымъ, если мы не ознакомимся съ скорбной лѣтописью Русской миссіи въ Палестинѣ. Поэтому необходимо дать понятіе о нѣкоторыхъ сторонахъ прошедшей судьбы ея. Въ виду увеличенія числа русскихъ поклонниковъ и также въ виду усиленія иновѣрной пропаганды въ Палестинѣ, русское правительство въ 1847 году сочло нужнымъ назначить въ Іерусалимѣ, какъ бы своимъ представителемъ при патріархатѣ, русскую духовную миссію, во главѣ которой былъ поставленъ извѣстный архим. Порфирій (впослѣдствіи сдѣлавшійся уже въ Россіи—епископомъ), человѣкъ замѣчательно умный и энергичный, еще ранѣе того превосходно ознакомившійся съ церковнымъ Востокомъ, въ качествѣ, какъ онъ себя называлъ, „соглядатая Востока". Въ инструкціи, которая дана была миссіи, между прочимъ указывались слѣдующія чрезвычайно любопытныя цѣли назначенія ея: „преобразовать мало по-малу само греческое духовенство (sic!), возвысить его въ собственныхъ его глазахъ столько же, сколько и въ глазахъ православной паствы": а затѣмъ: „привлечь къ православію и утвердить въ ономъ мѣстные народные элементы, которые подъ вліяніемъ агентовъ разныхъ исповѣданій слишкомъ легко отступаютъ отъ православія, вслѣдствіе недовѣрія къ греческому духовенству и неблагоразумнаго поведенія сего послѣдняго" (sic!) [1]. Само собой понятно, что подобныя обширныя и мудреныя цѣли не могли быть осуществлены миссіею, какъ по причинамъ нравственнаго свойства, такъ и по причинѣ великой скудости ея въ матеріальныхъ средствахъ. Къ тому же—чего и естественно было ожидать—„Іерусалимскій патріархатъ отнесся къ появленію нашей миссіи крайне недружелюбно и смотрѣлъ на нее, какъ на непрошенныхъ гостей". Но почему—такая немилость? Виной — все тотъ же панэллинизмъ, о которомъ мы не разъ упоминали, но который въ этомъ случаѣ принялъ особый оттѣнокъ. Сущность этого явленія описываетъ извѣстный палестиновѣдъ г. Хитрово въ слѣдующихъ чертахъ. „Филэллинизмъ и результатъ его панэллинизмъ есть порожденіе западнаго увлеченія въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія (хотя,

[1]) Палестинск. Сборникъ, выпус. I, (В. Н. Хитрово, Православіе въ св. землѣ), стр. 76.

добавимъ мы, въ формѣ фанаріотства это увлеченіе существовало и на много ранѣе того), оттуда же, съ запада, перешли они къ quasi образованнымъ классамъ эллинскаго королевства и Турецкой имперіи. Оттуда же съ запада, и по той же причинѣ идетъ къ этимъ quasi образованнымъ классамъ, и руссофобство. Со всею неблагодарностію обязаннаго, забывая, что своимъ нынѣшнимъ положеніемъ православные на Востокѣ обязаны исключительно одной Россіи, они удивляются, какъ до сихъ поръ Россія пользуется вліяніемъ на массу необразованныхъ православныхъ (Востока) и вмѣсто того, чтобъ объяснить себѣ это просто тѣмъ, что не всѣ же обязаны быть неблагодарными, они, также со словъ запада, громко кричатъ противъ всепоглощающаго стремленія сѣвернаго медвѣдя. Эти, такъ сказать, модныя политическія воззрѣнія восточныхъ людей обуяли и архипелагскихъ пришельцевъ Іерусалимскаго патріархата" [1]).

Какъ бы то ни было, русской миссіи не удалось ничего сдѣлать для достиженія ея задачъ. „Не позже, какъ черезъ годъ послѣ своего прибытія, наша миссія, безъ всякой поддержки со стороны своего правительства, безъ достаточныхъ средствъ, оказалась не болѣе какъ гостемъ Іерусалимскаго патріархата, да къ тому же гостемъ, тяготящимъ своего хозяина и не упускающаго ни одного случая заявить это своему гостю. Крымская война положила конецъ отношеніямъ, становившимся невозможными" [2]).

Съ окончаніемъ этой войны, русское представительство во св. Градѣ найдено было необходимымъ опять поручить духовной миссіи, обставивъ ее, для поднятія нашего политическаго значенія болѣе торжественно, чѣмъ при архимандритѣ Порфиріи. Во главѣ ея былъ поставленъ Кириллъ, еписк. Мелитопольскій. Новая миссія прибыла въ Іерусалимъ въ самомъ началѣ 1858 года. Въ любопытнѣйшей инструкціи, которая вручена была миссіи, между прочимъ излагались слѣдующія требованія: 1) „Миссіи поручается не смотрѣть болѣе на церковь въ Сиріи и Палестинѣ сквозь греческую призму (sic!), подобно тому,

[1]) Тамъ же, 66.
[2]) Тамъ, 79—80.

какъ мы поступали прежде, а заботиться прямо о настоящихъ интересахъ Россіи. 2) Ей предоставляется дѣйствовать преимущественно на арабскій элементъ, притѣсняемый Греками (sic!), дабы удержать Арабовъ въ православіи и не допускать ихъ къ переходу въ латинскую вѣру. 3) Миссіи поручается не ограничивать своей дѣятельности однимъ Іерусалимомъ, но распространить оную на всю Палестину, Сирію, Ливанъ, Синай и Египетъ" [1]).

Какъ видимъ, задачи указаны были новой миссіи въ Іерусалимѣ, еще болѣе широкія, чѣмъ прежде. Не удивительно, если и результатъ получился неудовлетворительный. Денегъ почти не было въ распоряженіи миссіи, а безъ денегъ ничего не сдѣлаешь на чужбинѣ. А главное— „недружелюбное отношеніе Іерусалимской патріархіи къ русской миссіи ни въ чемъ не измѣнилось". Дѣло дошло до того, что самъ патріархъ Іерусалимскій, по имени Кириллъ, по увѣренію начальника русской миссіи преосвящ. Кирилла, еписк. Мелитопольскаго, „употреблялъ дѣятельнѣйшія мѣры къ тому, чтобы вооружить противъ присутствія русской миссіи на Востокѣ Антіохійскаго патріарха, какъ онъ вооружилъ предъ тѣмъ Александрійскаго". Къ этому еще нужно прибавить, что и изъ Константинополя выписанъ былъ агентъ для соотвѣтствующей дѣятельности ученый митрополитъ Типальдосъ, назначеніемъ котораго сдѣлалось „ослабить силу и вліяніе русскаго епископа" [2]). Уже въ 1858 году поэтому начальникъ русской миссіи писалъ петербургскому митрополиту Григорію: „вижу, что принято за правило—мѣшать мнѣ во всемъ, что могло бы имѣть тѣнь покушенія утвердиться въ Іерусалимѣ, открыть способы къ лучшему вспомоществованію здѣшнимъ христіанамъ" [3]). Къ чему же все это свелось? „къ печальному концу" [4]). Преосвящ. Кириллъ, ученый и энергичный, сердечно отдавшійся своему призванію, противъ собственной воли, долженъ былъ бросить дѣло. Скорая смерть положила предѣлъ его бѣдствіямъ.

---

[1]) Тамъ же, 82—83.

[2]) Проф. о. Титова. Кириллъ Мелит., (*Тр. К. Д. Ак.*, 1899, II), 170—171.

[3]) Тамъ же, 167.

[4]) Палест. Сборн., I, 86.

Послѣ этого русская духовная миссія въ Іерусалимѣ не прекратила своей дѣятельности, но размѣры этой дѣятельности были очень скромны и сама миссія держала себя, что называется, тише воды. Но вотъ, въ 1882 году открываетъ свою дѣятельность Православное Палестинское Общество, богатое матеріальными средствами и сильное своимъ нравственнымъ авторитетомъ. Дѣла, направленныя къ утвержденію и развитію Православія на Востокѣ, пріобрѣтаютъ болѣе оживленное теченіе, хотя и это Общество достигаетъ своихъ благотворныхъ цѣлей не безъ борьбы и не безъ препонъ. Оно поставило себѣ цѣлію (кромѣ устроенія разнаго рода удобства для паломниковъ русскихъ) построеніе храмовъ въ Палестинѣ для мѣстнаго арабскаго православнаго населенія. „Видя, что во многихъ мѣстахъ храмы рушатся, Общество старалось исправить и устроить ихъ, но дѣлать это только тамъ, гдѣ у мѣстной высшей духовной власти и у населенія не было средствъ построить или исправить храмъ Божій“ [1]). Повидимому, дѣло столь похвальное, что ему слѣдовало только сочувствовать. Но не то вышло въ дѣйствительности. Общество, зная, что со стороны турецкаго правительства не можетъ быть препятствій къ возстановленію полуразрушенныхъ церквей, полагало, что высшее греческое духовенство съ радостію встрѣтитъ даровое возсозданіе церквей въ Палестинѣ и окажетъ этому дѣлу полное содѣйствіе. Но ожиданія Общества не всегда сбывались. Въ отчетѣ Общества за 1893 г. встрѣчаемъ слѣдующія строки: „Рамесская церковь (т. е. въ селеніи Раме), которую, какъ извѣстно, бывшій патріархъ Никодимъ запретилъ намъ (т. е. Обществу) возобновлять, пришла въ совершенное разрушеніе, и значительное православное селеніе болѣе года пребывало даже безъ священника. Прежнее недовѣріе патріархіи, думаемъ не лично къ намъ (Обществу), а вообще ко всему русскому, остается въ прежней силѣ, а пока оно будетъ существовать, мы въ отношеніи удовлетворенія этой духовной потребности (возстановленія и построенія храмовъ) мѣстнаго населенія безсильны“ [2]). А въ отчетѣ Общества за 1898 г. говорится: въ Палестинѣ,

---

[1]) Сообщ. Палест. Общ., 1899, стр. 679.
[2]) Сообщ. Палест. Общ. за 1893, стр. 143.

„мы стѣснены по вопросу о сооруженіи церквей. Года проходятъ, нужны исключительныя обстоятельства, чтобы Общество могло добиться разрѣшенія на сооруженіе одной только церкви" (рѣчь идетъ о разрѣшеніи со стороны патріархіи) [1]). Сколько при такихъ условіяхъ Общество успѣло возобновить или устроить храмовъ для мѣстнаго православнаго населенія—точно не знаемъ.

Съ неменьшими трудностями Общество вынуждено бороться и при устроеніи школъ для православнаго населенія Палестины, хотя усилія его въ данномъ отношеніи и увѣнчиваются значительнымъ успѣхомъ. Трудно себѣ представить, въ какомъ положеніи Общество нашло школьное дѣло въ Палестинѣ. Въ одномъ отчетѣ Общества читаемъ слѣдующее: „не только школъ для высшаго или вѣрнѣе средняго образованія, но и простыхъ сельскихъ школъ для православнаго мѣстнаго населенія мы (Общество) въ Палестинѣ не нашли. При этомъ понятно, что нѣтъ даже простыхъ учителей, не говоря уже о педагогически подготовленныхъ. Мало этого: даже мысль о возможности воспитательнаго значенія школы очевидно никому не приходила и—скажемъ болѣе—не приходитъ въ голову тѣмъ, на которыхъ возложена прямая обязанность заботиться о православной паствѣ. Мѣстные учителя, претендующіе на это званіе, никогда и нигдѣ къ этому не приготовлялись. Случайно выучился онъ, болѣе или менѣе читать и писать—вотъ и все его познаніе. Сегодня онъ сапожникъ или другой какой ремесленникъ, завтра онъ можетъ заработывать учительствомъ въ мѣсяцъ 5—10 франковъ, онъ дѣлается учителемъ; послѣ завтра ему предложили 5—10 франковъ болѣе, чтобы поступить прислугой въ гостинницу, онъ, нисколько не сомнѣваясь, бросаетъ школу" [2]). При всемъ этомъ Общество брало на себя попеченіе созидать школы не тамъ, гдѣ ему вздумается, но обнаруживая особенную осторожность, оно стремилось воздвигать школы или тамъ, „гдѣ вовсе не существовало митрополичьей школы или таковая существовала въ самомъ жалкомъ состояніи, но гдѣ высился благолѣпный костелъ или красивая кирка, а также находились одна или

[1]) Тамъ же, за 1899 г., стр. 41.
[2]) Тамъ же, за 1893 г., стр. 139.

вѣ инославныя школы, дружно посѣщаемыя юнымъ поколѣ-іемъ даже изъ православныхъ семействъ, въ томъ числѣ ногда и дѣтьми православнаго священника" [1]). Однако при такой осторожности Обществу приходилось строить учреждать школы лишь съ большимъ трудомъ [2]). Дѣя-ельность Общества по части развитія школьнаго дѣла реимущественно сосредоточивалась въ Галилеѣ, области итрополита Назаретскаго, сравнительно независимаго тъ Іерусалимской патріархіи. Что же касается Іудеи, то цѣсь Обществу удалось въ окрестностяхъ Виѳлеема уст-оить лишь женскій пансіонъ, т. е. учительскую семинарію пя подготовленія учительницъ изъ туземокъ, и двѣ жен-кихъ низшихъ школы. А между тѣмъ „патріаршія школы ь Іудеѣ оставались въ прежнемъ ограниченномъ, далеко едостаточномъ количествѣ и притомъ на самомъ низкомъ ровнѣ развитія, не заслуживая даже вполнѣ наимено-анія школъ". Для объясненія этого явленія авторъ этого ообщенія прибавляетъ: „почившій патріархъ Іарусалим-кій (предшественникъ теперешняго) Герасимъ, при сво-хъ личныхъ высокихъ качествахъ, какъ воспитанникъ ѳинскаго университета, проникнутаго панэллинистиче-кимъ направленіемъ, недовѣрчиво взиралъ на просвѣти-ельную помощь Россіи, которая проявляется чрезъ Импе-аторское Палестинское Общество и не допускалъ раз-итія въ Іудеѣ русскихъ учебныхъ заведеній" [3]). Въ 1898 оду, Обществу какимъ-то образомъ посчастливилось от-рыть школу для туземныхъ дѣтей въ самомъ Іерусалимѣ, о вотъ что было послѣдствіемъ этого поступка, по сло-амъ отчета Палестинскаго Общества за тотъ же годъ: тѣ наши единовѣрцы, которые, какъ кажется, наиболѣе олжны были бы намъ содѣйствовать, оффиціально наз-али открытіе нашей Іерусалимской православной школы— нтиканоническимъ поступкомъ" [4]). Сенаторъ Н. М. Анич-овъ, въ 1899 г. ревизовавшій учебныя заведенія, учре-денныя Обществомъ на Востокѣ, вынесъ такого рода печатлѣнія объ отношеніи Іерусалимской патріархіи къ

[1]) Тамъ же, за 1899 г., стр. 679.
[2]) Въ началѣ XX-го вѣка положеніе дѣла въ данномъ отношеніи улуч-илось, благодаря вмѣшательству турецкаго правительства.
[3]) Тамъ же, за 1897 г., стр. 139—140.
[4]) Сообщ. Палест. Общ., за 1899, стр. 40.

этимъ школамъ: „Палестинскія мѣстныя высшія духовныя власти, по какимъ-то особымъ обстоятельствамъ, относятся безучастно къ училищамъ Палестинскаго Общества. Въ Іудеѣ и намъ, къ сожалѣнію, пришлось слышать такое выраженіе представителя мѣстнаго духовенства: школы Палестинскаго Общества существуютъ сами по себѣ, а духовная іерархія сама по себѣ; намъ до этихъ школъ нѣтъ дѣла. Въ Галилеѣ, продолжаетъ г. Аничковъ—пансіонъ (т. е. учительская семинарія для приготовленія туземныхъ учителей) и школы извѣстны высшему духовному лицу, ученикамъ охотно дозволяютъ пѣть и читать во время митрополичьяго служенія, для нихъ служатъ въ церкви Благовѣщенія молебны въ царскіе и другіе торжественные дни, но не выражаютъ желанія поближе познакомиться, хотябы съ преподаваніемъ закона Божія или церковнаго пѣнія въ пансіонѣ и школахъ, чтобы убѣдиться, правильно ли наставляются въ вѣрѣ „малые сіи" отъ словеснаго стада, пасомаго единымъ пастыремъ" [1]). При вышеуказанныхъ обстоятельствахъ Общество могло открыть до 1900 года лишь 23 школы въ Палестинѣ.

Въ отчетѣ Общества за 1896 г. говорилось: „вотъ что сдѣлали мы: мы бросились въ воду, „чтобы спасти брата, но не легко это, когда и вода глубока и утопающаго отпихиваетъ отъ берега стоящій подлѣ васъ" [2]). Въ виду этого и другихъ побужденій Палестинское Общество съ 1895 г., рѣшилось расширить кругъ своей дѣятельности, включивъ въ нее Антіохійскій патріархатъ или Сирію. Обстоятельства благопріятствовали указанному намѣренію. Патріархъ Антіохійскій Спиридонъ (находящійся теперь на покоѣ) и многіе митрополиты патріархата обратились къ Палестинскому Обществу съ предложеніемъ принять на себя попеченіе о школахъ патріархата. Одинъ изъ этихъ митрополитовъ, просившихъ общество принять школы подъ свое покровительство, писалъ, что Палестинское Общество „несомнѣнно устроилось по внушенію св. Духа" [3]). Предложеніе принято было съ радостію. Пріятно—дѣйствовать въ согласіи и единодушно. Общество, распро-

1) Тамъ же, стр. 664.
2) Тамъ же, за 1897 г., стр. 10.
3) Тамъ же, за 1898 г., стр. 85.

стирая свою дѣятельность на Антіохійскій патріархатъ, знало, что оно въ этомъ случаѣ найдетъ себѣ поддержку, ободреніе и сочувствіе въ высшемъ духовенствѣ, единоплеменномъ съ народонаселеніемъ Сиріи; оно понимало, что и населеніе это отнесется къ дѣлу болѣе сознательно и дѣятельно здѣсь, чѣмъ въ Палестинѣ, такъ какъ православные арабы Сиріи развитѣе и неподавлены такъ матеріальной нуждой, какъ ихъ собратья въ сосѣднемъ патріархатѣ. Вообще Общество надѣялось и надѣется, что успѣхъ его дѣятельности въ Сиріи отразится благотворно и на его дѣятельности въ Палестинѣ, потому что въ политическомъ и этнографическомъ отношеніи Сирія первенствуетъ предъ Палестиной. Дѣло Палестинскаго Общества въ Антіохійскомъ патріархатѣ пошло очень успѣшно. Уже, въ 1897 году, изъ числа 13 епархій, входящихъ въ составъ этого патріархата, Общество имѣло свои учебныя заведенія въ шести: Дамаской, Тиро-сидонской, Селевкійской, Эмесской, Триполійской и Бейрутской [1]). Правда, какъ и во всякомъ другомъ трудномъ предпріятіи, оно встрѣтилось съ нѣкоторыми осложненіями, наприм., въ виду болѣе развитаго населенія требовались бы не однѣ первоначальныя школы, а и среднія, какихъ Общество открывать еще не можетъ; но несомнѣнно подобнаго рода осложненія не могутъ парализовать его дѣятельности. Насколько успѣшно идетъ развитіе школьнаго дѣла въ Антіохійскомъ патріархатѣ, видно изъ того, что къ 1900 году русскихъ училищъ здѣсь было уже 42 [2]).

Въ отчетѣ Палестинскаго общества за 1897 годъ читаемъ: „Благо мы говоримъ о Востокѣ, позвольте употребить кстати восточную аллегорію, которая, по нашему убѣжденію, нагляднѣе всего объяснитъ намъ настоящее положеніе: мы—(Общество) 0, туземные православные — 0, патріархъ—1, въ патріархіи Іерусалимской патріарху угодно было поставить нули справа, въ Антіохійской — слѣва“ [3]). Такою математическою формулою опредѣляетъ

[1]) Тамъ же, стр. 84.

[2]) Тамъ же, за 1899 г., стр. 666. Къ сожалѣнію, въ нашемъ краткомъ очеркѣ 3-хъ патріархатовъ, мы лишены возможности сказать хоть что-либо о положеніи русскихъ школъ въ патріархатахъ Антіохійскомъ и Іерусалимскомъ, не смотря на то, что *Сообщенія* даютъ много и самаго любопытнаго матеріала для изученія этого вопроса.

[3]) Тамъ же, за 1897 г., стр. 12.

само Общество симпатизированіе ему Антіохійскаго патріархата, по сравненію съ Іерусалимскимъ. При этомъ тоже Общество возлагаетъ большія надежды на примѣръ доброжелательныхъ отношеній къ нему указаннаго патріархата, полагая, что онъ не останется безъ благихъ послѣдствій. Въ томъ же отчетѣ говорится: „Можетъ быть, примѣръ Антіохійской патріархіи послужитъ къ устраненію тѣхъ глубоко для насъ прискорбныхъ недоразумѣній, которыя существуютъ противъ Палестинскаго общества, его цѣлей и дѣятельности въ Іерусалимской патріархіи“ [1]).

Замѣчательную сторону въ дѣятельности Палестинскаго Общества представляютъ его печатныя изданія, посвященныя изученію церковнаго Востока и въ особенности св. Земли. Развивая этого рода дѣятельность, Общество руководится слѣдующими параграфами своего Устава: „Общество заботится о приведеніи въ извѣстность и сообщеніи такихъ свѣдѣній (о св. мѣстахъ Востока), которыя остаются безъ употребленія въ частныхъ рукахъ и въ архивахъ разныхъ мѣстъ“ (§ 3); при чемъ „собираніе и распространеніе свѣдѣній Обществомъ совершаются посредствомъ чтеній въ собраніяхъ Общества, а также печатныхъ записокъ, періодическихъ и другихъ сочиненій и сборниковъ“ (§ 7). Общество уже и въ настоящее время много и даже чрезвычайно много сдѣлало въ этомъ отношеніи, поставивъ дѣло очень широко и не щадя издержекъ.

Чтобы достойнымъ образомъ оцѣнить ученыя заслуги Общества по части „собиранія, разработыванія и распространенія въ Россіи“ (§ 1) вышеозначенныхъ свѣдѣній, нужно принять во вниманіе то, въ какомъ положеніи еще недавно находилось у насъ церковное палестиновѣдѣніе и востоковѣдѣніе. Книгъ, на основаніи которыхъ можно было бы составлять себѣ понятіе о св. Землѣ, почти не было. Такъ, когда одному изъ піонеровъ Палестинскаго Общества, назадъ тому 20 лѣтъ потребовалось ознакомиться съ вопросомъ о положеніи православія въ св. Землѣ, то онъ испытывалъ даже „страхъ, происходившій вслѣдствіе отсутствія матеріаловъ“; а если

[1]) Тамъ же.

коечто и нашлось въ нашей литературѣ относящагося къ дѣлу, то находившееся на лицо было не высокаго качества. „Если же матеріалъ этотъ будете цѣнить не по количеству, а по качеству —замѣчаетъ тотъ же авторъ,— то итогъ будетъ еще меньше“ [1]). И такому состоянію нашей науки по части палестиновѣдѣнія и вообще востоковѣдѣнія нечего много удивляться. Охотниковъ вглядываться въ положеніе церковныхъ дѣлъ, наприм. въ Палестинѣ было очень мало. А ознакомиться съ восточною церковію на основаніи мѣстныхъ источниковъ, свѣдѣній было невозможно. Въ 40-хъ годахъ XIX вѣка, нѣкто А. С. Стурдза (русскій Грекъ), какъ его рекомендуютъ, „знатокъ тогдашняго состоянія православнаго Востока, тамошнихъ дѣлъ и лицъ“, писалъ въ одной оффиціальной запискѣ: „разъединеніе патріаршихъ престоловъ между собою доходитъ до невѣроятной степени. У св. Гроба, на Синайской горѣ слышать даже не хотятъ о томъ, что дѣлается на Аѳонской горѣ, Дамаскѣ, Бейрутѣ и Александріи. О Греціи, Европейской Турціи и помину нѣтъ“. Сообразно такому положенію дѣлъ, русскіе люди, являвшіеся на Востокѣ, заражались, такъ сказать, тѣмъ же индеферентизмомъ. По словамъ тогоже Стурдзы, „наши (т. е. русскіе) поклонники, даже самые образованные, были ни-чуть не зорче и не заботливѣе тамошнихъ жителей. Осяжутъ, обойдутъ св. мѣста, но о живомъ храмѣ и не спрашиваютъ“ [2]), а этимъ-то больше всего и интересуется церковная исторія. Да и много тяжкаго труда нужно было полагать на изученіе Палестины тѣмъ изъ русскихъ просвѣщенныхъ людей, которымъ желалось пролить свѣтъ на положеніе тамошнихъ дѣлъ. Извѣстно, что „предъ пріѣздомъ архим. Порфирія въ Іерусалимъ, члены Іерусалимскаго синода положили другъ на друга проклятіе, если кто изъ нихъ вздумаетъ измѣнить тайнамъ ихъ управленія и жизни и объявить ихъ Порфирію“ [3]). Все было шито-крыто, и непосвященному въ тайну, постороннему человѣку, не легко было оріентироваться. И нужно отдать честь іерусалимлянамъ, они умѣ-

[1]) В. Н. Хитрово. Православіе въ св. Землѣ, 47.
[2]) Н. Ѳ. Каптерева. Сношенія Іерусал. патріарховъ, 696.
[3]) Тамъ же, 723.

ли быть солидарными и настойчивыми въ достиженіи вышеозначенной цѣли. Въ прошеніи, поданномъ православными палестинскими Арабами, въ русскій св. Синодъ, въ 1850 г. встрѣчаемъ такія свѣдѣнія: „смотрите, когда явится (въ Палестину) кто нибудь изъ Россіи, какъ наприм., князь Андрей (т. е. А. Н. Муравьевъ, который впрочемъ, ни княземъ, ни графомъ не былъ), Греки ухаживаютъ за нимъ, оставляютъ его жить у себя въ монастырѣ, ходятъ съ нимъ повсюду, не даютъ ему ходить одному, опасаясь, чтобы онъ не встрѣтился съ кѣмъ нибудь изъ природныхъ горожанъ (Арабовъ) и не поговорилъ съ ними о чемъ-нибудь. Такимъ образомъ, онъ поклонится св. мѣстамъ и возвратится съ миромъ во свояси, не узнавъ, что есть". „Въ прошедшемъ году—другой разсказъ изъ тогоже источника,—пріѣхалъ сюда архим. Порфирій и спрашивалъ (т. е. хотѣлъ взять) мальчика изъ Арабовъ, знающаго по гречески и по арабски, чтобы жить при немъ; монахи же сказали ему, что въ этомъ городѣ не найдется ни одного, кто годился бы ему: они боялись, чтобы онъ не взялъ кого-либо изъ этой страны, и тотъ не объяснилъ бы ему положенія дѣлъ" [1]). А въ результатѣ такого храненія тайнъ получилось то, что у насъ не оказывалось даже элементарныхъ свѣдѣній о жизни христіанскаго Востока. Наприм., „Россія до послѣдняго времени, судя по себѣ, гдѣ духовенство и народъ живутъ одною жизнію, предполагала тоже и въ Палестинѣ и разубѣдиться ей пришлось только *недавно*, при ближайшемъ ознакомленіи съ палестинскимъ дѣломъ и условіями" [2]). Правда, такимъ неутомимымъ и ревностнымъ изслѣдователямъ Востока, какъ архимандритъ Порфирій еще въ 40-хъ и 50-хъ годахъ удалось развѣдать многія изъ тайнъ церковнаго Востока, но сочиненія этого писателя въ подобномъ родѣ долгое время оставались „безъ употребленія", „въ архивахъ".

Пелена, закрывавшая для насъ дѣла православнаго Востока и въ особенности Палестины, теперь снята и этимъ наука и русское общество обязано печатнымъ изданіямъ Палестинскаго Общества. Оно издало массу сочи-

[1]) Тамъ же, 719.
[2]) В. Н. Хитрово. Письма о св. Землѣ, 43.

неній и документовъ высокаго научнаго значенія, и это сдѣлано имъ съ большимъ тщаніемъ, потому что приготовленіе изданій къ печати оно поручало лицамъ наиболѣе компетентнымъ. Если прежде человѣку, желавшему изучать Востокъ и главнымъ образомъ Палестину, было почти нечего читать по русски, то теперь, благодаря Обществу, книгъ накопилось такъ много, что изъ нихъ образуется цѣлая библіотека. Само общество съ такою поспѣшностію печатало книгу за книгой, томъ за томомъ по части христіанскаго Востока, что въ настоящее время чувствуетъ даже оскудѣніе въ матеріалѣ, пригодномъ для его цѣлей и заслуживающемъ обнародованія въ интересахъ науки [1]). Другими словами Общество уже въ короткій срокъ своего существованія издало почти все болѣе цѣнное, что необходимо было издать для цѣли изученія главнымъ образомъ св. Земли, начиная отъ IV вѣка до ближайшихъ къ намъ временъ. Дѣло великое и славное. На первомъ мѣстѣ должна быть поставлена, исполненная глубокаго значенія научнаго, серія изданій Общества, подъ скромнымъ заглавіемъ: „Православный Палестинскій Сборникъ" и переступившая за полсотню томовъ. Чего-чего только здѣсь нѣтъ: есть многое и все — самое цѣнное. Но „сборникъ" далеко не обхватываетъ всѣхъ ученыхъ изданій Общества. Въ него не вошли многотомныя сочиненія и изданія, выпущенные Обществомъ отдѣльно. А въ томъ числѣ такіе труды, какъ „Странствованія" Григоровича-Барскаго (4 тома), „Книга бытія моего" (дневники и автобіографическія записки) преосвящ. Порфирія Успенскаго (5 томовъ), изданія Пападопула-Керамевса на греческомъ языкѣ, посвященныя описанію „Іерусалимской библіотеки" и документовъ, относящихся къ исторіи Іерусалимской церкви (Ἀνάλεκτα), цѣлая серія томовъ. При этомъ нужно замѣтить, что трудъ Керамевса остается неоконченнымъ по слѣдующей причинѣ: „на описанія 450 рукописей хранящихся въ константинопольской метохіи Іерусалимской патріархіи мы (Общество) до сихъ поръ не получили разрѣшенія и долго еще, прибавляетъ повѣствователь — вѣроятно не получимъ его. Конечно, этотъ пробѣлъ прискорбенъ, но вина ложится не

[1]) Сообщ. Пал. Общ., за 1898 г., 173.

на Общество" [1]), заканчиваетъ онъ свою іеремiаду. Чего стоили? Какихъ расходовъ потребовали всѣ эти изданія? Но за то результатъ вышелъ превосходный. Общество прорубило окно на Востокъ....

Для пониманія и изученія внутреннихъ отношеній Греческой церкви новѣйшаго времени имѣетъ большое значеніе многотомное сочиненіе еписк. Порфирія: „Книга бытія моего", а также періодическое изданіе Общества, подъ непретязательнымъ заглавіемъ: „Сообщенія Прав. Пал. Общества", начавшія появляться съ 1886 г., но пріобрѣтшія характеръ журнала лишь съ 1892 г. „Сообщенія" — это богатѣйшій и любопытнѣйшій сборникъ извѣстій о положеніи церковныхъ дѣлъ въ св. Землѣ, Антіохійскомъ патріархатѣ и отчасти въ Константинополѣ. Кто станетъ читать сейчасъ упомянутыя изданія, тотъ уразумѣетъ [2]).... Только теперь, по развитіи учено-литературной дѣятельности нашего Палестинскаго Общества [3]), оказалось возможнымъ „не смотрѣть болѣе на церковь въ Сиріи и Палестинѣ *„сквозь греческую призму"*, какъ повелѣвала Русская власть русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ еще въ 50-хъ годахъ. Палестинское Общество исполнило и исполняетъ эту волю предержащей власти, смотрить на дѣла церковнаго Востока безъ всякихъ приспособленій, создающихъ оптическій обманъ.

Интересно знать—какъ относится русская публика и печать къ плодотворной дѣятельности Палестинскаго Общества? Отношенія эти имѣютъ много оттѣнковъ: есть лица, остающіяся въ полномъ невѣдѣніи о дѣятельности его, есть такія, которыя неправильно представляютъ ее себѣ, есть—непріязненно молчащія о ней, есть хамелеоны, измѣняющіе свои отношенія къ ней — смотря по обстоя-

---

1) Изъ отчета Пал. Общества «Сообщенія», за 1898 г., стр. 172.

2) Восполненіемъ того, что можно находить новаго и свѣжаго въ изданіяхъ Палестинскаго Общества по вопросу о положеніи восточной церкви, служитъ превосходное сочиненіе проф. о. Ѳ. И. Титова: «Преосв. Кириллъ Наумовъ, еписк. Мелитопольскій», начатое печатаніемъ въ *Тр. К. Д. Акад.* съ 1898 г. и оконченное въ 1902 году (и отдѣльной книгой въ 1902 же году). Какъ было бы хорошо, если бы Палестинское Общество, съ своей стороны обнародывало всѣ документы, касающіяся «миссіи» преосв. Кирилла и хранящіеся въ разныхъ архивахъ Петербурга!

2) Кстати сказать: мы не брали на себя задачи перечислить всѣ изданія Общества: ихъ очень много и они очень разнообразны.

тельствамъ, но есть и лица яростно нападающія на Общество и его дѣятельность [1]). Меньше всего, кажется, истинныхъ почитателей и цѣнителей у этого Общества. Немало еще сохранилось людей, которые продолжаютъ смотрѣть на дѣла Востока сквозь захватанную „греческую призму"— отчасти въ цѣляхъ оппозиціи Обществу. Къ этому послѣднему вполнѣ примѣнимы евангельскія слова: „не бываетъ пророкъ безъ чести, развѣ только въ отечествѣ своемъ и въ домѣ своемъ" (Мѳ. 13, 57).

Слѣдуетъ пожелать Православному Палестинскому Обществу, чтобы оно съ теченіемъ времени расширило свою многополезную и благотворную дѣятельность до тѣхъ размѣровъ, какія намѣчены были немощной тогда русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ—назадъ тому 40 и 50 лѣтъ (о чемъ мы упоминали уже выше).

Во всякомъ случаѣ все, что совершено уже Палестинскимъ Обществомъ и все, что оно совершитъ въ томъ же направленіи въ ближайшемъ будущемъ, составитъ блестящую страницу въ исторіи Россіи и многопоучительнѣйшую въ исторіи Греко-восточной церкви.



[1]) Въ недавнее время намъ прислана (безъ нашего вѣдома) изъ Константинополя брошюра подъ заглавіемъ: Lettre d'un pieux orthodoxe Russe au patriarche oecuménique sur l'action systématique pour suivee en Russie contre les églises orthodoxes de l'orient. (Athènes, 1899). Какъ видно изъ заглавія, она написана русскимъ и посвящена главнымъ образомъ оцѣнкѣ дѣятельности Палестинскаго Общества на Востокѣ. Авторъ—отчаянный врагъ этого Общества, и въ одномъ мѣстѣ своего произведенія пишетъ: «Общество не имѣетъ другой цѣли, какъ выгнать (?) греческое духовенство изъ Сиріи и Палестины и стать обладателемъ св. Гроба и другихъ св. мѣстъ» (p. 5). Можно подумать, что рѣчь идетъ о русскомъ крестовомъ походѣ! Сколько появилось бы подобныхъ же памфлетовъ въ самой Россіи, если бы Общество не такъ называлось, какъ оно называется, и если бы оно не имѣло могущественнаго покровительства!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

церквей, пустынь и часовень въ Россіи, воздвигнутыхъ во имя св. Николая, а также снимки съ картинъ, изображающихъ жизнь и дѣянія св. угодника. Нельзя не поблагодарить авторовъ и издателя за ихъ прекрасный трудъ, который лишній разъ дастъ возможность благоговѣйному читателю проникнуться чувствами удивленія, восторга и любви къ святителю. Издана книга очень хорошо и не дорого». «Вѣд. Спб. Град.» 25 марта, 1899 г. № 67.

Воробьевъ, Г. О Московскомъ соборѣ 1681—1682 г. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб., 1885 г., ц. 1 р.

Вруцевичъ, М. Руководство для консисторій, дух. слѣдов. и дух. Законы о подсудн. и произв. слѣдствій по проступкамъ священноцерковно-служителей. Изд. 3-е. Спб., 1896 г., ц. 1 р. 25 к.

Вѣтвѣницкій I., прот. Руководство къ преподаванію Закона Божія для народныхъ школъ, городск. учил., дѣтск. пріютовъ и элем. зан. съ дѣтьми дома. Изд. 4-е. *(Одобр. Мин. Нар. Просвѣщенія).* Спб., 1899 г., ц. 75 к.

Гейки К., д-ръ. Святая земля и Библія. Описаніе Палест. и нравовъ ея обит. Съ оригин. рис. Г. А. Гарпера. Переск. съ англ. подъ редак. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1894 г. Въ 2 т., ц. 10 р., въ роскошн. коленк. пер. 12 р.

Георгіевскій, В. Святый Благовѣрный великій князь Андрей Боголюбскій. *Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ учен. старш. возр. библ. средн. учебн. завед.* (28 іюля 1895 г., № 16240). Изд. 2-е, исправленное, съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1900 г., ц. 40 к.

Гермогенъ, еп. Минуты пастырскаго досуга. 2 т. Спб., 1899—1901 г., ц. 3 р.

— О святыхъ таинствахъ Православной Церкви. Спб., 1894 г., ц. 40 к.

— Очеркъ исторіи славянскихъ церквей. Изд. 2-е. Спб., 1899 г., ц. 1 р.

— Утѣшеніе въ смерти близкихъ сердцу. Изд. 10-е. Спб., 1898 г., ц. 30 к., въ кол. пер. 75 к. *Мин. Нар. Просв. одобр. для библ. средн. и низш. учебн. завед. 30 марта 1885 г. № 5188. Внесена въ каталогъ книгъ для безплатн. народн. читаленъ, изд. по распоряж. Мин. Нар. Пр. 1896 г., стр. 4-я.*

Гетте, Э. Ренанъ предъ судомъ науки, или опроверженіе извѣстнаго сочиненія Э. Ренана „Жизнь Іисуса", основанное на выводахъ изъ Библіи и проч. М. 1889 г., ц. 2 р.

Голубинскій, Ѳ. Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка (о конечныхъ причинахъ). Спб., 1894 г., ц. 2 р., въ коленк. пер. 3 р. *Учебнымъ Ком. при Св. Сгнодѣ опред. утверж. г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Сгнода, постановлено: рекомендовать для фундам. библ. средн. дух.-учебн. зав.* (*„Церк. Вѣд.", № 29-й, 1898 г.*).

Голубцовъ, А. Памятники преній о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу Королевича Вальдемара и Царевны Ирины Михайловны. М., 1892 г., ц. 2 р. 25 к.

— Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ Королевича Вальдемара и Царевны Ирины Михайловны. М., 1891 г., ц. 2 р.

— Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго собора. М., 1899 г., ц. 1 р. 75 к.

Граниковъ, М. Разговоръ священника съ прихожаниномъ противъ леченія заговорами. Спб., 1894 г., ц. 15 к. *Включ. въ каталогъ книгъ для употр. въ низш. учил. вѣдом. Мин. Нар. Пр. въ отдѣлъ для учен. библ. и для народн. чт.* (Стр. катал. 36, 1882 г.).

Григорій, мит. День святой жизни или отвѣтъ на вопр. какъ мнѣ жить свято? Спб. 94 г., ц. 30 к., въ кол. пер. 75 к. *Внесена въ спис. книгъ для библ. церк.-прих. шк.*

Громачевскій, А. Практическія задачи дѣятельности сельск. православнаго священника. Спб., 1890 г., ц. 1 р.

Дебольскій Г. С., прот. Дни богослуженія православной каѳолической восточн. Церкви. 2 т. въ 6 ч. Изд. 10-е. Спб., 1901 г., ц. 3 р., въ роск. кол. пер. 4 р. *Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. одобр. для учен. библ. средн. и низш. учебн. завед.* 2 сентября 1884 г., № 12959.

«Литургическіе труды покойнаго о. протоіерея Дебольскаго автора «Дней Богослуженія Православной Церкви», пользуются такою вполнѣ заслуженною извѣстностью, что мы считаемъ излишнимъ говорить о достоинствѣ разсматриваемаго сочиненія, которое составлено въ такомъ же родѣ, какъ и «Дни богослуженія», и которое составляетъ какъ бы дополненіе къ послѣднему. «Попеченіе Православной Церкви о спасеніи міра» можно назвать «днями жизни христіанина, многоразлично отъ колыбели до гроба освящаемаго благодатными дарами Церкви», тогда какъ «Дни богослуженія» суть «дни богослуженія дневнаго, седмичнаго и годичнаго». Правда, въ томъ и другомъ разсматривается и уясняется церковное богослуженіе—со стороны его состава, смысла и отчасти исторіи, но въ первомъ («Попеченіе Православной Церкви») это дѣлается примѣнительно къ теченію и обстоятельствамъ человѣческой жизни, а въ послѣднемъ («Дни богослуженія»)—примѣнительно къ перемѣнамъ времени въ кругѣ сутокъ, недѣли, мѣсяцевъ и цѣлаго года. Оба эти сочиненія можно смѣло рекомендовать особенному вни-

нанію не только духовныхъ, но и свѣтскихъ лицъ, желающихъ познакомиться съ полнымъ кругомъ нашего православнаго богослуженія. Въ особенности же они полезны для пастырей Церкви въ собесѣдованіяхъ съ пасомыми: для этихъ собесѣдованій они могутъ дать неистощимый матеріалъ. Обѣ эти книги должны бы быть настольными книгами каждаго священника («Церк. Вѣстн.», 1885 г., № 7).

Дебольскій, Г. С. прот. Житіе святаго равноапост. князя Владиміра. Съ прилож. Бесѣды о святыхъ въ православной церкви. Прот. В. Нордова. Спб., 1903 г., ц. 10 к.

— Житія святыхъ: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Съ изобр. ихъ акад. Ѳ. Г. Солнцева. Спб., 1897 г., ц. 30 к. *Мин. Нар. Просв. одобрено для фунд. библ. среднихъ учебн. зав. (25 Ноября 1898 г., № 28740).*

— Краткое обозрѣніе богослуж. православной Церкви. Съ рис. въ текстѣ. Изд. 4-е. Спб., 1886 г., ц. 50 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для употр. въ гимн. и прогимназ.*

— Необходимость и важность христіанскаго поведенія и послушан. правосл. Цер. Изд. 2-е. Спб., 1898 г., ц. 50 к. *Одобр. для пріобр. въ учеб. библ. ср. и низш. уч. зав. М. Н. П.* 21 іюля 1894 г. № 14375.

— О говѣніи по уставу. правосл. Церкви. Изд. 3-е. Спб., 1901 г., ц. 50 к. *Мин. Нар. Пр. одобр. для пріобр. въ уч. библ. сред. и низш. учеб. завед.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

— О любви къ отечеству и трудѣ по слову Бож. Спб., 1898 г., ц. 25 к. *Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. одобр. для уч. библ. сред. и низш. уч. зав.* 2 сент. 1884 г. № 12959.

— О пользѣ чтенія Библіи сирѣчь книгъ священ. писанія. Изд. 2-е. Спб., 1897 г., ц. 60 к.

— Попеченіе православн. Церк. о спасеніи міра, выражен. въ ея богосл. объемлющемъ всю жизнь христ. отъ рожден. до смерти, или объясненіе обрядовъ, требъ, таинствъ и богослуж. православ. Церк. Съ рис. въ тек. Изд. 4-е. Спб. 1894 г., ц. 2 р., въ изящ. кол. пер. 3 р. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для уч. библ. сред. и низш. уч. зав.* 2 сент. 1884 г., № 12959.

— Седмица говѣнія, исповѣди и причащенія. Изд. 5-е. Спб., 1899 г., ц. 20 к. *Внесена въ спис. книгъ для библ. цер.-пр. школъ* (Цер. Вѣд. № 2, 1896 г.).

— Установленія ветхозавѣтной Церкви и христіанскія, для которыхъ первыя служили образцами. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 60 к.

Дестунисъ София. Житія святыхъ. Сост. по Четь-Минеямъ и другимъ книгамъ. Съ изобр. свят. и празд. акад. Солнцева. 12 книгъ, Спб., 1892 г., ц. 6 р. въ кол. пер. въ 4-хъ книг. 9 р. *Одобр. Уч. Ком. при Св. Сгнодѣ для учен. библ. дух. сем. и училищъ въ кач. назидат. чтен. для учащихся* (27 іюля 1886 г., № 428). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для уч. библ. учебн. зав. Мин. Нар. Пр.* (20 мая 1887 г., № 7623). *Собств. Его Импер. Вел. Канц. циркул. реком. мнст. начальст. учебн. и восп. зав. вѣд. Импер. Маріи для библ. ввѣрен. имъ зав.* (24 фер. 1887 г., № 2995).

— Житія святыхъ, ежедневн. чтеніе для народа и для церк.-приход. школъ. Со вкл. 1) мѣсяцеслова, 2) объясн. праздн. и 3) указанія дней особен. честв. Бож. Мат. Съ 120 изобр. св. 12 книж. Спб., 1897 г., ц. 1 р. 80 к., въ кол. пер. въ 2-хъ кн. ц. 3 р. 30 к. *Ученымъ Комит. Мин. Нар. Пр. одобрено для пріобрѣт. въ учен. библ. средн. уч. зав. М. Н. П.* (21 іюля 1894 г., № 14375).

Дестунисъ, С. Житіе святаго Давида Богоотца пророка и Царя Іудейск. Съ изображ. его. Спб., 1887 г., ц. 20 к.

— Житіе свят. отца нашего Николая, арх. Мурл. чуд. съ изоб. его. Изд. 2-е. Спб., 1895 г., ц. 10 к.

Дмитревскій, И. Истор., догм. и таинст. изъясненіе божествен. литургіи, основ. на свящ. пис., прав. всел. и помѣстн. собор. и на писан св. отцовъ Цер. Съ рис. акад. Солнцева. Спб., 1897 г., ц. 2 р. 50 к., въ кол. пер. 3 р. 50 к. *Мин. Нар. Пр. одобр. для фундам. библ. ср. уч. зав.* (21 іюля 1894 г., № 14375).

Добровольскій, И. Канд. Бог. Справочная книга для православнаго духовенства Спб., 1898 г., ц. 1 р., въ кол. пер. 1 р. 75 к.

Добромысловъ, П. П. Оскопленіе предъ судомъ священнаго писанія, каноновъ. церковныхъ и здраваго смысла. Изд. 2-е. Спб., 1902 г., ц. 25 к.

Есиповъ, Н. Н. Свят. и чудотв. арх Черн. Ѳеодосій Угл. 1) Житіе. 2) Просл. и чуд. 3) Торжество открыт. мощей свят. Съ прил. патріарш. и царск. грамотъ, автограф. и писемъ св. Ѳеодосія, хронологич. указат. событ. съ 1630 по 1696 г. и опис. собор., гдѣ покоились и нынѣ почив. мощи св. Ѳеодосія и со мног. рис. Спб., 1897 г., ц. 1 р., въ кол. пер. 2 р.

Опр. Уч. Ком. при Св. Сгн., утвержд. г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Сгнода, постановлено: допустить къ пріобрѣтенію въ учен. библіотеки духовныхъ семинарій

мужск. дух. и женск. епарх. учил. («Церк. Вѣд.» № 29-й, 1898 г.).

Завьяловъ, А. (Оберъ-Секр. Св. Сvн.). Циркулярные указы Свят. Правит. Сvнода 1867—1900 гг. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1901 г., ц. 2 р., въ полушагр. переп. 3 р.

Звѣринскій, В. В. Матеріалъ для историко топографич. изслѣдован. о Православн. монастыр. въ Россійской Имп. съ библіографическимъ указателемъ. I. Преобразованія старыхъ и учрежд. новыхъ монастыр. съ 1764—65 по 1 іюля 1890 г. (594 монастыря). Спб. 1890 г., ц. 3 р. — Тоже, II. Монастыри по штат. 1764, 1786 и 1795 г.г. Спб., 1892 г., ц. 3 р.

Ивановъ, А. Руков. къ изъяснит. чтенію Апостольск. посланій и Апокалипсиса. Изд. 4-е. *Одобр. Уч. Ком. при Св. Сгн. для сем.* Спб., 1893 г., ц. 2 р. 50 к.

— Руков. къ изъясн. чтен. четвероевангелія и дѣяній Апостольск. Изд. 2-е, съ прил. карты Палест. во время жизни І. Христа. Спб. 1894 г., ц. 2 р. 50 к. *Уч. Ком. при Св. Сгн. одобр. для употр. въ сем.*

Игнатій Богоносецъ, св. Посланія въ русскомъ переводѣ съ введеніемъ и примѣчаніями къ нему прот. *П. Преображенскаго.* Съ изображ. св. Игнатія Богоносца. Спб., 1902 г., ц. 50 к.

Игнатій, еп. (Брянч.). Сочиненія. Съ прил. портр. авт. Изд. 2-е. 6 т. Спб., 1886—1903 г., ц. 13 р., въ кол. пер. 19 р.

— О кончинѣ міра. Три поученія: 1) О царствѣ Божіемъ.—2) О причинѣ отступленія человѣковъ отъ Бога. — 3) О второмъ пришествіи Христовомъ. Спб., 1899 г., ц. 20 к.

— О терпѣніи скорбей. Ученіе святыхъ отцовъ. Изд. 3-е. Спб., 1893 г., ц. 50 к., въ кол. пер. 1 р. *Мин. Нар. Пр. одобр. для учен. библ. сред. и низш. уч. зав.* 2 сент. 1881 г., № 12959.

— Отечникъ. Избран. изр. св. иноковъ и повѣсти изъ жизни ихъ собр. Спб., 1903 г., ц. 3 р., въ кол. пер. 4 р.

— Правила наружнаго поведенія для новоначальныхъ иноковъ. Изд. 6-е. Спб., 1903 г., ц. 20 к.

— Приготовлен. къ таинств. испов. и свят. причастія. Спб., 1899 г., ц. 30 к.

— Слово о смерти и прибавленіе къ нему. Изд. 6-е. Спб., 1900 г., ц. 1 р. 25 к., въ коленк. пер. 2 р.

Игнатьевъ, П. Благочестивыя размышл. пр. христіанина о своей душѣ. На каждый день мѣсяца. Съ изреч., заимствов. изъ свящ. писан., св. отцовъ и святит. Церкви и древн. филос. Спб., 1890 г., ц. 30 к., въ коленк. пер. 75 к.

Избранныя изъ житій святыхъ чудеса и видѣнія, какъ доказ. различн. истинъ христ. правосл. вѣры. Матеріалъ для пастыр. при составл. поуч. и назид. чтен. для всѣхъ прав. христ. Сост. пр. Ѳ. Л. Изд. 3. Спб., 1891 г., ц. 1 р., въ кол. пер. 1 р. 75 к.

Измайловъ А. А. Въ Бурсѣ. Бытовая хроника въ двухъ частяхъ. Спб. 1903 г., ц. 1 р.

— Черный воронъ. (Разсказы изъ быта духовенства). Изд. 2-е. Спб. 1903 г. ц. 1 р.

Ириней св., еп. Ліонскій. Сочиненія. Изданы въ русскомъ переводѣ прот. П. А. Преображенскимъ. М., 1900 г., ц. 2 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. одобр. для библ. средн. учебн. завед. Министерства.* (25-го ноября 1898 г., № 28740).

Іоаннъ св. Дамаск. Точное изложеніе правосл. вѣры. Твореніе св. Іоанна Дамаскина. Съ греч. перев. и снабд. перв. предисл., примѣч. и указат. А. Бронзовъ. Спб., 1894 г., ц. 2 р., въ пер. 3 р.

Іоаннъ св. Дамаск. Три защитит. слова противъ порицающ. св. иконы или изобр. Съ греч. пер. А. Бронзовъ. Спб., 1893 г. ц. 1 р., въ кол. пер. 1 р. 75 к.

Іоаннъ Злат. св. О воспитаніи дѣтей. Переводъ Филарета, арх. Черниговск. Спб., 1889 г., ц. 10 к.

— О дѣвствѣ. Перев. Маріи В—вой. Изд. 2-е. Спб., 1892 г., ц. 50 к.

Іоаннъ, іеромон. Обрядникъ Византійскаго двора, какъ церк.-археол. источ. М. 1895 г., ц. 2 р.

Іосифъ, архим. Поученія на великіе праздники правосл. Церкви и на первую недѣлю велик. поста. Спб., 1881 г., ц. 1 р., въ кол. переплетѣ 1 р. 75 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. одобр. для учен. библ. средн. и низш. учебн. зав.*

Іустинъ, еп. Зерцало православн. исповѣданія свят. Димитрія Рост. въ рус. перев. Спб., 1898 г., ц. 15 к.

Іустинъ, еп. Что такое жизнь и какъ должно жить. Статьи для религ. нравств. чтенія. Спб. 1901 г., ц. 1 р., въ кол. пер. 1 р. 75 к.

— Ручная книжка правосл. христ., содерж. въ себѣ божеств. слова и рѣчи Госп. наш. Іисуса Христа. Изд. 2-е. Спб., 1901 г., ц. 1 р., въ кол. пер. 1 р. 75 к.

Іустинъ, св., философъ и муч. Сочиненія. Изд. въ русск. перев. со введен. и примѣч. къ нимъ, прот. П. А. Преображенскимъ. М. 1891 г., ц. 2 р.

Калашниковъ, С. В. Алфавитный указатель, дѣйствующихъ и руководственныхъ каноническихъ постановленій, указовъ, опредѣленій и распоряженій Святѣйшаго Сvнода (1721—1901 г. вклю-

чительно) и гражданскихъ законовъ, относящихся къ духовному вѣдомству православнаго исповѣданія. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное содержаніемъ узаконеній и распоряженій послѣдняго времени. Спб. 1902 г., ц. 3 р. 50 к.

Калашниковъ, С. В. Сборникъ законовъ. I. О порядкѣ веденія метрическихъ книгъ о бракахъ, рожденіи и смерти раскольниковъ и выдачѣ изъ оныхъ выписей. II. О судопроизв. по брачнымъ дѣламъ раскол. Изд. 2-е. Спб. 1902 г., ц. 50 к.

Карповъ, П. Системат. указатель статей по основному, догматич., нравств. и сравнит. Богословію, помѣщ. въ журн. Изд. 2-е. испр. и дополн. Спб. 1888 г., ц. 1 р.

Кающійся грѣшникъ. Размышленія. Спб. 1900 г., ц. 20 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. одобр. для учен. библ. сред. и низш. учеб. зав.*

Кириллъ, еп. Туровскій. Молитвенныя возношен. къ Богу. (Литературн. памятникъ XII вѣка). Спб., 1876 г., ц. 25 к.

Клопштокъ. Мессіада. Поэма. Въ трехъ ч. Перев. стихами С. И. Писаревъ. Спб., 1868 г., ц. 4 р.

Комарскій, Ф. С. Карта Палестины. Съ план. древн. и соврем. Іерусалима и съ прил. алфав. указ. Спб., 1893 г., ц. 75 к.

Ковальницкій А., прот. Взглядъ на учен. соціал. объ общеніи имущ. Слово, ц. 5 к.

— Голосъ прир. о величіи Божіемъ и слабости человѣка. Изд. 3-е, ц. 5 к.

— Евангельская женщина, обличен. въ грѣхѣ людьми и оправданная Спасителемъ, ц. 5 к.

— Жена христіанка. Слово, ц. 5 к.

— Исповѣдь предъ духовникомъ не лишнее-ли дѣло? ц. 25 к.

— Іерусал. вечер. и свящ. на Голгоѳѣ у Креста Господня. Изд. 3-е, ц. 10 к.

— Іосафатова долина въ Іерусалимѣ или мѣсто страшнаго суда Христова. Съ 2-мя рисунками. Спб., 1898 г., ц. 30 к.

— Каковы мы были бы безъ Іисуса Христа, ц. 15 к.

— Материн. любовь у животн., ц. 10 к.

— Много ли знаетъ человѣкъ о вселенной? ц. 20 к.

— Надгробныя надписи выраж. слов. свящ. книгъ. Изд. 2-е. Спб. 1898 г., ц. 10 к.

— Нравственное богословіе евреевъ талмудистовъ. Спб., 1898 г., ц. 20 к.

— Обращеніе изъ невѣрія въ христіанство философа Августина — напом. невѣрующ. нашего врем. Изд. 2-е, ц. 10 к.

— О величіи Божіемъ на небѣ. Слово, ц. 10 к.

— О постѣ, на основаніи вѣры и науки. Слово противъ доказывающихъ, что постановл. Церкви о постахъ уже, отжило свое время, ц. 10 к.

Ковальницкій А., прот. О современномъ воспитаніи дѣтей мат. Слово. Изд. 3-е, ц. 5 к.

— О таин. св. причащ. тѣла и крови Господа наш. І. Христа. ц. 5 к.

— Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ! Небеса,—Отецъ,—Дѣти. Изд. 2-е, ц. 10 к.

— Послѣдніе дни жизни Пилата, осудившаго Христа на смерть, ц. 10 к.

— Послѣдніе дни жизни преступника, осужден. на смертную казнь, ц. 20 к.

— Препод. Марія Егип. какъ образецъ борьбы самой съ собой. Съ изобр. Изд. 3-е, ц. 5 к.

— Причины невѣрія въ наше время. Слово. Изд. 2-е, ц. 10 к.

— Примѣры свят. въ жиз. христіанъ бывшихъ врачами. Съ изображен. свят. акад. Ѳ. Г. Солнцева. Изд. 3-е, ц. 10 к.

— Примѣры святости въ жизни христіанъ, бывшихъ ремесленник. Съ изобр. свят. акад. Ѳ. Г. Солнцева, ц. 20 к.

— Происходитъ-ли челов. отъ обезьяны? Спб., 1899 г., ц. 20 к.

— Проповѣдь Іисуса Христа, какъ доказательство Его божествен., ц. 10 к.

— Рождество Іисуса Христа, какъ доказательство Его божествен., ц. 10 к.

— Свидѣтельство природы о Богѣ. Съ фр. Изд. 3-е. Одобрено Св. Син. и Мин. Нар. Пр. Спб., 1893 г., ц. 20 к.

— Св. Іосифъ Обрученникъ, ц. 10 к.

— Св. Филаретъ милостивый какъ земледѣлецъ. Съ изображеніемъ, ц. 5 к.

— Смерть Іисуса Христа, какъ доказательство Его божеств. Изд. 3-е, ц. 10 к.

— Сократъ и Іисусъ Христосъ. Съ нѣм., ц. 20 к.

— Состояніе рода человѣческ. предъ явленіемъ Христа на землю и основаніе христіан. Церкви. Изд. 2-е, ц. 20 к.

— Стѣна плача іудеевъ въ Іерусалимѣ и взглядъ на евреевъ нашего времени. Съ рис. Изд. 3-е. Спб., 1898 г., ц. 30 к.

— Теоретическое богословіе евреевъ талмудистовъ. Спб., 1898 г., ц. 20 к.

Корелли, М. Варавва. Повѣсть временъ Христа. Перев. съ англ. Кн. Е. Ф. Кропоткиной. Спб., 1902 г., ц. 1 р., въ изъ кол. пер. 1 р. 75 к.

«Исторія жизни извѣстнаго изъ евангелія разбойника Вараввы въ освѣщеніи Корелли, конечно далеко не чуждомъ элементовъ вымысла, сдѣлаетъ книгу интересною для значительнаго круга читателей, наиболѣе привыкшихъ цѣнить въ повѣствованіи внѣшнюю его занимательность. Для насъ повѣсть о Вараввѣ представляется болѣе любопытною со стороны исторической и археологической. Видно, что авторъ положилъ не мало труда на изученіе эпохи съ этихъ сторонъ и су-

мѣлъ взглянуть на нее взоромъ художника. Вся исторія Вараввы проходитъ на фонѣ послѣднихъ дней жизни Христа. Мѣста, гдѣ выдвигается на сцену великій Назарянинъ, исполнены строгой красоты и поэзія». (Бирж. Вѣд.).

Корелли, М. Печаль сатаны. Романъ. Переводъ съ англійскаго кн. Е. Ф. Кропоткиной. Въ двухъ частяхъ. Спб., 1904г. ц., 1 р. 25 к. Книга читается какъ и всѣ произведенія Маріи Карелли съ захватывающимъ интересомъ.

Корсунскій И., Проф. Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка. Серг. Пос., 1898 г., ц. 3 р.

Кремлевскій, А. Первородный грѣхъ по ученію блаж. Августина Иппонскаго. Спб. 1902 г., ц. 1 р.

— Гермогенъ, патріархъ Всероссійскій. Историч. очеркъ. Спб., 1903 г., ц. 20 к.

Кремлевскій, П. Нужна ли церковь христіанину? Спб. 1902 г., ц. 1 р.

Кругловъ, А. В. Запросы духа. Размышленія Православнаго христіанина. Спб. 1903 г., ц. 50 к.

Кудрявцевъ А., прот. Сравнительный очеркъ епархіальной дѣятельности по свѣчной операц. Одесса. 1879 г., ц. 60 к.

Ландышевъ Е., свящ. Краткій объяснит. словарь малопон. церк. слав. словъ и выраж., встрѣч. въ свят. Евангеліи, часословѣ, псалтири и др. богослуж. кн. Спб., 1891 г., ц. 10 к.

Лебедевъ, А. П., проф. Собраніе его церковно-историческихъ сочиненій:

— Т. I. Церковная исторіографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV в. по XX. М. 1898 г., ц. 3 р.

— Т. II. Эпоха гоненій на христіанъ и утвержденіе христіанства въ грекоримскомъ мірѣ при Константинѣ Великомъ. Изд. 2-е. М. 1879 г., ц. 2 р. *Уч. Ком. при Св. Син. одобр. для фундам. и учен. библ. дух. сем. и для учен. библ. сред. учеб. зав. М. Н. П.*

— Т. III. Исторія вселенскихъ соборовъ, часть I: Вселен. соборы IV и V вѣк. Изд. 2-е, Сергіевъ-Посадъ. 1896 г., ц. 2 р.

— Т. IV. Тоже Часть II Вселенскіе Соборы IV, VII и VIII вѣковъ. Изд. 2-е. М. 97 г., ц. 2 р. *Уч. Ком. при Св. Син. одобр. для фундам. и учен. библ. дух. сем. и для учен. библ. сред. учеб. зав. М. Н. П.*

— Т. V. Исторія раздѣленія церквей въ IX, X и XI вѣкахъ. М. 1900 г., ц. 2 р. 25 к.

— Т. VI. Очерки внутренней исторіи Византійско-восточной церкви въ IX, X и XI вѣкахъ. (Отъ конца иконоборческихъ споровъ, 842 г., до начала Крестовыхъ походовъ—1096 г.). Изд. 2-е, дополненное. М., 1902 г., ц. 2 р. 40 к.

— Т. VII. Историческіе очерки состоянія Византійско-восточной. Церкви отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка. (Отъ начала крестовыхъ походовъ до паденія Константинополя въ 1453 г.) Изданіе 2-е, пересмотрѣнное. М. 1902 г., ц. 3 р. 20 к.

— Т. VIII. Исторія греко-вост. церкви подъ властію турокъ. Отъ паденія Константинополя до настоящаго времени. Изд. 2-е Спб. 1904 г., ц. 4 р.

— Т. IX. Церковно-историческія повѣствованія общедоступнаго содержанія и излож. Изд. 2-е. Спб. 1903 г., ц. 2 р.

Легатовъ И., прот. Бесѣды о церковн. таинствахъ и исправленіи книгъ, съ опроверженіемъ мнѣній о семъ глагол. старообр. (преимущ. безпопов. толка). Изд. 2-е. Спб., 1897 г., ц. 1 р.

— Дополнительные уроки по закону Божію въ отношеніи къ старообрядчеству. Съ приложеніями. Изд. 5-е, исправл. и дополн. Спб. 1902 г., ц. 15 к.

Леонтій, митр. Моск. бывш. арх. Холм.-Варш. Слова и рѣчи. Изд. 3-е, въ двухъ том., съ порт. авт. Спб. 1888 г., ц. за 2 т. 3 р., въ кол. пер. 4 р.

Лопухинъ, А. П. Библейская исторія при свѣтѣ новѣйш. изслѣдован. и открытій. Ветхій и Новый Зав. Въ 3-хъ больш. том., изд. иллюстр., содерж. около 900 полит., снимк. съ древн. памятн., ландшафтовъ и картинъ вост. жизни, нѣск. рисун. худож. Густава Доре, съ прил. больш. карты Палест. Роск. изд., отпеч. на веленев. глаз. бум. Спб. 1889—95 г., ц. 26 р., въ из. кол. пер. 32 р.

Лопухинъ, А. П. Руководство къ библейск. исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта. Спб., 1888—96 г. Въ 2-хъ томахъ, ц. 4 р. *Одобр. къ пріобр. въ библ. дух. сем.* (Церк. Вѣд. 1889 г., №№ 18 и 34).

Лунинъ А., свящ. Христіанскій путь. (Сборникъ для назидат. чтенія). Спб., 1892 г., ц. 1 р.

Лѣсковъ, Н. А. Русскіе богоносцы, религ. бытов. картины. 1) На краю свѣта. 2) Владычн. судъ (оба разск. вновь авторомъ пересм. и исправл.). Спб., 1880 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 25 к.

Лютардтъ, Х. Э., ордин. проф. Лейпц. универ. Апологія христіан. Публичн. чтенія. Переводъ съ XI нѣмец. изданія А. П. Лопухина. Спб., 1892 г., ц. 4 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 5 р.

Макарій арх. (нынѣ еп.). Слова, бесѣды и поуч. Спб., 1881 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Пр.*

одоб. для уч. библ. средн. и низш. учебн. завед.

Макаровъ П., свящ. Катихизическія поученія къ прост. народу на сумв. вѣры, молитву Госп., блаж. Еванг. и на десять запов. Бож. Спб., 1892 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 25 к. *Мин. Нар. Пр. одобр. для учен. библ. ср. и низш. учебн. зав.* 2 сент. 1889 г., № 12959.

Малевинскій Н., Свящ. Инструкція благочин. приходскихъ церквей, изъясн. указ. Св. Сvн., распоряж. епарх. нач., сводомъ закон. и церк. практ. Настольная книга для каждаго свящ. и церк.-служ. и церк. старосты. Спб., 1898 г., ц. 1 р. 25 к., въ кол. пер. 2 р.

Малицкій, П. Руководство по исторіи Русской церкви (Прим. къ прогр. для дух. сем.). Вып. I. Курсъ V кл., ц. 90 к. Вып. II и III (въ одной книгѣ) Курсъ VI класса, ц. 60 к. *Учебн. Ком. при Св. Сгн. книги одобр. къ употр. въ дух. сем. въ качествѣ учебн. пособ. Мин. Нар. Пр. реком. въ учен. библ. ср. учебн. зав.*

Мансветовъ Г., прот. Краткое изъясненіе на литургію, собр. изъ разн. писат. Спб., 1894 г., ц. 20 к.

Маркъ, игуменъ. Злые духи и ихъ вліяніе на людей. Изд. 2-е. Спб., 1902 г., ц. 1 р.

С о д е р ж а н і е: I. Бытіе злыхъ духовъ.—II. Происхожденіе злыхъ духовъ, ихъ первый грѣхъ и наказаніе.—III. Темное царство злыхъ духовъ. IV. Несомнѣнность вліянія злыхъ духовъ на людей.—V. Отношеніе Бога къ падшимъ духамъ.—VI. Способы вліянія злыхъ духовъ на людей. VII —Историческіе примѣры вліянія злыхъ духовъ на людей.—VIII. Вліяніе злыхъ духовъ на людей по смерти послѣднихъ.—IX. О чрезвычайномъ вліяніи злыхъ духовъ на людей—X. Условія, благопріятствующія вліянію злыхъ духовъ на людей.—О духовныхъ средствахъ для борьбы со злыми духами.—XII. Качества, требуемыя отъ читающихъ заклинательныя молитвы.

«Итакъ, устреми, читатель, свои духовныя очи въ темный міръ духовъ злобы, узнай изъ сей книжки своихъ враговъ и оружія для побѣды ихъ. Если бы діаволъ, достойный самъ по себѣ всякой ненависти сразу открывалъ себя, то всѣ бы гнали его. По этой причинѣ онъ прячется и прикрываетъ себя, принимая на себя личину правды и этимъ средствомъ изливаетъ ядъ на своихъ послѣдователей. Отсюда, Богу споспѣшествующему, великую пользу можетъ принести тебѣ сія книжка, ибо на свои гадательныя мысли излагаю, а собираю свидѣтельства изъ Слова Божія, богомудрыхъ писаній св. Отцовъ и ученія св. Церкви. Если тебѣ удалось прочесть въ разныхъ мѣстахъ разсѣянныя свѣдѣнія о злыхъ духахъ, прочти еще разъ все вмѣстѣ собранное. Не читавшій же—прочти съ тѣмъ большимъ вниманіемъ, да не будешь уловленъ діаволомъ и, послѣ страшнаго суда Христова, не будешь раздѣлять одинаковую съ нимъ участь (Апок. 20, 10, 15).

Мильтонъ. Потерянный рай. Поэма. Перев. стих. С. И. Писаревъ. Спб. 1871 г., ц. 2 р.

Марсальскій Л., свящ. Объясненіе святыхъ таинствъ и церковныхъ требъ въ формѣ народ. поучен. Спб., 1892 г., ц. 30 к.

Мартенсенъ, Г., докт. бог. Еп. Зеландск. въ Даніи. Христіанск. ученіе о нравственности. Перев. А. П. Лопухина. Въ 2-хъ т. Спб., 1890 г., ц. 5 р., въ коленк. переп. 7 р.

Медвѣдицынъ Евѳ., свящ. Объясненіе всенощн. бдѣнія и божественной Литургіи Іоанна Златоуста въ бесѣдахъ для домашняго чтенія своимъ сельскимъ прихожанамъ. Спб., 1891 г., ц. 50 к.

— Поученія на символъ вѣры, молитву Господню, блажен. евангельскія и на божествен. десятословіе, составл. по руковод. пространнаго катихизиса для домаш. чтенія своимъ сельскимъ прихожанамъ для большаго уясненія таковыхъ, преподаваем. имъ съ церк. каѳедры. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 1 р., въ коленк. перепл. 1 р. 75 к.

Мансветовъ, Г., прот. Обязанности домашняго общества по Слову Божію. Изд. 2-е. Спб., 1894 г., ц. 60 к.

Мельвиль Уайтъ. Гладіаторы. Римъ и Іудея. Историческій романъ изъ временъ осады Іерусалима. Въ 3-хъ част. Переводъ съ прим. А. А. Измайлова. Спб. 1898 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 3 р.

Меѳодій, іером. Буддійское міровоззрѣніе или ламаизмъ и обличеніе его. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб., 1902 г., ц. 50 к.

Митрофанъ, монахъ. Какъ живутъ наши умершіе и какъ будемъ жить и мы по смерти. По ученію православн. церкви, по предчув. общечел. духа и выводамъ науки. Въ 3-хъ больш. т. Спб. 1889—97 г., ц. кажд. тома 2 р., въ кол.пер. 3 р.

Михайловскій В., прот. Библейскій Богословскій словарь. Изд. 4-е. Спб. 1899 г. ц. 1 р. 50 к., въ кол. переп. 2 р.

Москалевичъ Р., свящ. Двѣ ночи и два дня изъ земной жизни Богочел. Госп. нашего Іисуса Христа. Размышл. христ. посвящ. юношеству. Съ рис. въ текстѣ, Изд. 2-е. Спб., 1894 г., ц. 25 к.

Навиль Эрн. Христосъ. Публичн. чтенія. Изд. 2-е. Спб., 1901 г., ц. 75 к.

Надеждинъ, К. Споры безпоповц. Преображенскаго кладбища и Покровской часовни о бракѣ. Спб. 1865 г., ц. 60 к.

Наумовичъ І., прот. Какъ въ простотѣ живутъ люди. Спб., 1900 г., ц. 50 к. *Мин. Народ. Просв. одобрено для пріобрѣтенія въ ученич. библ. средн. учебн. завед.* 21 Іюля 1894 г., № 14375.

— Христіанскія добродѣтели. Спб., 1900 г., ц. 25 к. 1.—Вѣра. 2. Надежда.—3. Любовь.—4. Кротость.—5. Мудрость.—6. Воздержаніе.—7. Молчаливость. — 8. Справедливость. — 9. Честность. — 10. Бережливость.— 11. Богобоязненность.—12. Смиреніе.—13. Терпѣніе.— 14. Милосердіе. *Мин. Нар. Пр. одобр. для пріобр. въ учен. библ. ср. уч. зав.* 21 Іюля 1894 г., № 14375.

Начало и конецъ нашего земного міра. Опытъ раскрытія пророчествъ апокалипсиса. Часть 1 и 2-я. Изд. 2-е. Спб., 1904 г., ц. 1 р.

Недешевъ І., свящ. Законъ Божій для полков. учебн. командъ. Одобр. Главн. Комит. по образов. войскъ. Изд. 5-е. Спб., 1891 г., ц. 30 к.

— Поученія воинамъ. Изд. 2-е, дополненное. *Одобрено Гл. Ком. по образ. войскъ.* Спб., 1881 г. ц. 20 к.

— Замѣтки касат. препод. Зак. Бож. въ полков. учебн. ком. *Одобр. Гл. Ком. по образ. войскъ.* Спб. 81 г., ц. 15 к.

Недзѣльницкій І., свящ. Штундизмъ, причины появленія и разборъ ученія его. Изд. 2-е. Спб., 1899 г., ц. 1 р.

— Злой врагъ человѣка — или что посѣешь, то и пожнешь (Противъ пьянства). Изд. 3-е. Спб., 1898 г., ц. 5 к.

Неофитъ, архим. Нравственныя бесѣды на Воскресныя Евангелія. Переводъ съ греч. Изд. 2-е. Спб. 1884 г., ц. 75 к.

Никаноръ, еп. Арх. и Холм. Правосл. Христ. Нравств. Богосл. Сост. примѣн. къ семин. прогр. Изд. 2-е. Учебн. Ком. при Св. Сун. въ 1891 г. допущ. къ пріобр. въ библ. дух. сем. Спб., 1894 г., ц. 80 к.

Никольскій Т., прот. О молитвѣ за умершихъ. Разсужденіе. М. 1890 г., ц. 1 р.

Нордовъ В., прот. Сѣятель Благочестія или полный кругъ церковныхъ бесѣдъ, поученій и словъ (съ порт. авт.). Въ двухъ т. Спб., 1891 г., ц. 5 р., въ кол. переп. 7 р. *Мин. Нар. Пр. одобр. для пріобр. въ учен. библ. средн. учебн. зав.* 21 Іюля 1894 г., № 14375.

Нордовъ, В., прот. Катих. поученія на Сvмволъ вѣры, молитву Господню, Божественное Еванг. и на 10 зап. Бож. Изд. 5-е. Спб., 1891 г., ц. 1 р. *Мин. Нар. Пр. одобр. для пріобр. въ учен. библ. средн. учебн. зав.* 21 Іюля 1894 г., № 14375.

— Бесѣда самого съ собою, или мысли на досугѣ. Спб., 1868 г., ц. 60 к.

— Бесѣды въ воспоминаніе священ. событій и приснопамятныхъ лицъ, произнесенныя на всенощныхъ бдѣніяхъ. Спб., 1870 г., ц. 75 к.

Нравственное ученіе свят. отца нашего Исаака Сирина. Спб., 1902 г., ц. 50 к.

Образцовъ, П., свящ. Исторія христіан. церкви, общедоступно изложен. 3 вып. Гадчино. 1877 г., ц. 2 р.

— Опытъ толкованіе книги св. пророка Захаріи, въ порядкѣ послѣдоват. чтенія священ. писанія. Спб., 1873 г., ц. 1 р.

Одинцовъ Н. Порядокъ обществ. и частн. богосл. въ древней Россіи по XVI в. Церк.-историч. изслѣдов. *Одобр. Учебн. Ком. при Св. Сун. для фундам. библ. дух. Семин.* Спб., 1881 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 25 к.

О Евангеліяхъ. *Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. одобр. для библ. средн. и низш. учебн. зав.* (30 Марта 1885 г. № 5188). Изд. 2-е. Спб., 1898 г., ц. 20 к.

О подражаніи Христу. Твореніе Ѳомы Кемпійскаго, перевелъ Мѣщаниновъ. Напечат. въ 16 д. крупн. и четк. шрифтомъ. 700 стр. Спб., 1897 г., ц. 1 р., въ изящн. кол. переп. 1 р. 50 к.

Оригенъ. О молитвѣ и Увѣщаніе къ мученичеству твор. учителя церк.; съ первоначальн. текста перев. съ примѣчан. Н. Корсунскаго. 2-е изд. Спб. 1897 г., ц. 1 р.

Отвѣты на главнѣйшія возраж. противъ вѣры истинной. Изд. 4-е. Спб., 1872 г., ц. 50 к.

Палимпсестовъ, И. Мои воспоминанія объ Иннокентіи архіеп. Херсонскомъ. Спб. 1888 г., ц. 1 р. 50 к.

Писанія мужей Апостольскихъ, изд. въ русскомъ пер. со введеніемъ и прим. къ нимъ, прот. П. А. Преображенскимъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г., ц. 1 р. 50 к.

Пискаревъ І., прот. Поученія къ сельскимъ прихож. Спб., 1854 г., ц. 80 к.

Подвижники благочестія, процвѣтавшіе на Синайской горѣ и въ ея окрестностяхъ. Спб., 1860 г., ц. 75 к.

Покровскій І., прот. Исторія единой, святой, соборн. и апостольской церкви Христовой, въ объемѣ курса средне-учебныхъ, военныхъ и гражданскихъ заведеній. Спб., 1875 г., ц. 50 к.

Покровскій, С. Курсъ практич. руков. для пастырей. Часть общая. Сост. прим. къ пр. Изд. 2-е. Спб., 1898 г., ц. 2 р.

Покровскій, С. Очерки методики народной школы. 4-е изд. исправленное. Спб., 1900 г., ц. 50 к.

Полисадовъ І., прот. О загробной жи-

ни. Противъ спиритовъ. Слово на Евангел. притчу о богатомъ и Лазарѣ. Спб., 1881 г., ц. 15 к.

Полянскій В., свящ. Краткая священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. Спб., 1865 г., ц. 10 к.

Поляковъ, П., свящ. Подъ сѣнью благодати. Отвѣты на запросы духа. Спб., 1904 г., ц. 50 к.

Поминанье (для записыв. о здравіи и за упокой), отпечат. на лучшей почтов. бумагѣ. Спб., цѣна въ красив. коленк. пер. съ футл. 60 к., въ бар. съ зол. об. ц. 2 р.

Поповъ Евг., прот. Земная жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Общ. бес. Въ 2 ч. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 3 р.

— Объ исповѣди. Домашнія наставленія духовнаго отца говѣющимъ съ прилож. свойствен. исповѣднику молитвен. возношеній къ Богу во дни причастные. Изд. 2-е. Спб. 1893 г., ц. 50 к.

— О святомъ причащеніи. Домашнія наставленія пастыря, готовящимся ко свят. причащ. съ прилож. молит. вознош. къ Богу во дни причастные. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 50 к.

— По православ.-догматическ. богословію. Общенар. бесѣды. Въ 6 ч. Пермь, 1880—85 г., ц. 6 р.

— Общенародныя чтенія по правосл.-нравственному богословію. Въ порядкѣ десяти заповѣдей, 2 ч. изд. 2-е. Спб., 1901 г., ц. 3 р., въ кол. пер. 4 р.

— Письма по православно-пастырскому богословію. Въ 4 част. Изд. 2-е, зн. доп. Пермь. 1877 г., ц. 2 р.

Поселянинъ, Е. Божья Рать. Разсказы изъ жизни святыхъ по четьи-Минеѣ святителя Димитрія Ростовскаго. Съ рисунками въ текстѣ. Спб., 1902 г., ц. 40 к.

— Въ похвалу Богородицѣ. (Знаменія Ея благодатной силы, являемыя вѣрующимъ чрезъ ея св. иконы). Съ рисунками въ текстѣ. Спб., 1903 г., ц. 40 к.

— Дѣтская вѣра и Оптинскій старецъ о. Амвросій. Съ портр. и рисунками. Спб., 1901 г., ц. 20 к.

— Русскіе подвижники 19-го вѣка. Историко-біографич. очерки. Изд. 2-е, значит. дополн. всего 45 жизнеописаній, съ 50 порт. и видами. Спб., 1901 г., ц. 2 р., въ роск. кол. переп. 3 р.

— Задушевныя бесѣды. Спб., 1901 г. ц. 20 к.

— Преподобный Серафимъ, Саровскій чудотворецъ. Съ новыми свѣдѣніями о старцѣ. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1903 г., ц. 50 к.

Послѣднія минуты православн. христіанина. Спб. 1886 г., ц. 30 к., въ кол. пер. 75 к.

Причастникъ свят. Христовыхъ таинъ. Размышленія, взят. изъ сочиненій—св. *Димитрія*, митр. Ростовск., *Иннокентія*, архіеп. Херсонскаго, *Димитрія*, архіеп. Волынскаго, *Өеофана*, епископа Владимірскаго, протоіерея *Родіона Путятина* и др. Изд. 2-е. Спб. 1888 г., ц. 20 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. одобр. для учен. библ. средн. и низш. учебн. завед.*

Пругавинъ, А. С. Расколъ - сектантство Матеріалы для изученія религіозно - бытовыхъ движеній русск. народа. М. 1887 г., ц. 3 р.

Путятинъ Р., пр. Полное собр. поученій. Съ портрет. автора. Изд. 25-е. Спб., 1901 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 3 р. *Одобр. Мин. Нар. Пр. для учен. библ. и для народ. чтен.* (стр. кат. 48, 1882 г.). *Внесена въ списокъ книгъ для библ. церков.-прих. школъ.* (Церк. Вѣд. № 2, 1896 г.).

Пюшъ Эме. Св. Іоаннъ Златоустъ и нравы его времени. Соч., удост. преміи франц. акад. нравств. и полит. наукъ. Перев. съ франц. А. А. Измайлова. Спб., 1897 г., ц. 1 р.

Пѣвницкій В., проф. Служеніе священника въ качествѣ дух. руководителя прихожан. Изд. 3-е. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 3 р.

Разумовскій, А. Свят. прор. Даніилъ и его книга. Спб. 1891 г., ц. 1 р. *Одобр. Учебн. Ком. при Св. Син. въ употр. въ дух. Сем. въ кач. учебн. пособ. по Священ. Пис.* (Церк. Вѣд. № 6, 1891 г.).

Робертсонъ и Герцогъ. Исторія христіанс. церкви отъ апостольскаго вѣка до нашихъ дней. Перев. съ англ. А. П. Лопухина. Въ 2 т. Спб., 1890—91 г., ц. 10 р., въ кол. пер. 12 р.

Рождественскій, А. Откровеніе Даніилу о семидесяти седьминахъ. Опытъ толкованія 24—27 стиховъ 9-й гл. книги пророка Даніила. Спб., 1896 г., ц. 2 р.

Рождественскій Н. П., проф. Христіанская апологет. Курсъ основ. Богословія 2 т. Спб., 1893 г., ц. 4 р., въ кол. пер. 5 р.

Романовъ І., прот. Полное собр. поуч. Два т. Спб., 1887 г., ц. 4 р. 50 к., въ коленк. пер. 6 р.

— Краткія поученія о богослуженіи Православной церкви. Спб., 1897 г., ц. 50 к.

— Поученія и нѣсколько словъ. Новый, третій выпускъ (выбрано изъ полн. собр. поученій). Спб., 1877 г., ц. 1 р.

— Законъ Божій для русскихъ народн. школъ. Въ 4 вып. Спб., 1882—94 г., ц. 95 к. (*Мин. Нар. Просв. допущ. къ употр. въ начальн. учил. въ качествѣ*

учебн. руков. 24 сент. 1884 г. № 13237).

Романовъ, I., прот. Краткіе уроки о прав. жизни и оглав. обязан. христ. Спб., 1889 г., ц. 15 к.

— О правильномъ и душеполезномъ приг. къ исповѣди. Спб., 1889 г., ц. 10 к.

— Уроки Закона Божія по катихизису. Изд. 3-е. Спб., 1893 г., ц. 30 к. *Мин. Нар. Пр. одобр. для пріобр. въ ученич. библ. сред. учеб. зав.* 21 Іюля 1894 г. № 14375.

— Уроки о богослуженіи православной церкви. Съ 98-ю рис. въ текстѣ. Спб., 1886 г., ц. 50 к.

— Уроки по церковной исторіи. Изд. 2-е. Спб., 1886 г., ц. 60 к.

Руновскій, П., свящ. Сборникъ поученій. Спб., 1887 г., ц. 1 р.

— Значеніе христіанства въ духовно-нравственномъ развитіи и отношеніе его къ благоустройству земной жизни человѣчества, основанное на ученіи новозавѣтнаго откровенія. Популярное изслѣдованіе. Спб., 1889 г., ц. 40 к.

— О Богѣ и о домостроительствѣ Божіемъ. Чтеніе для русскаго православнаго народа Спб., 1887 г., ц. 40 к.

Русановъ Н., прот. Катихизическія поученія, приспособленныя къ пониманію простого народа. Спб., 1897 г., ц. 1 р. 25 к.

— Краткія поуч. къ простому народу. Изд. 2-е, допол. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к.

— Поученія изъ Священной Исторіи Ветхаго Завѣта. Спб. 1893 г., ц. 50 к.

— Поученія (произнесен. въ г. Бугусусланѣ и Самарѣ). Спб. 1893 г., ц. 50 к.

— О православной христіанской вѣрѣ по ученію слова Божія. Противъ молоканъ, баптистовъ и штундистовъ. 2 вып. Спб., 1891—96 г., ц. 60 к.

Свирѣлинъ А., прот. Православное исповѣданіе христіанской вѣры въ четіихъ-минеяхъ св. Димитрія Ростовскаго. Спб., 1893 г., ц. 60 к.

Свѣтила Церкви. Солнце правды—Христосъ Богъ нашъ.—Святые апостолы Христовы.—Святые Отцы Церкви. Спб., 1886 г., ц. 1 р.

Свѣтловъ П., проф. Мистицизмъ конца XIX вѣка въ его отношеніи къ христ. религіи и философ. Спб., 1897 г., ц. 1 р.

Святый Димитрій Ростовскій и его избр. творен., перевед. на рус. яз. Спб., 1888 г., ц. 1 р. 25 к., въ кол. переп. 2 р.

Семейство Виѳаніи. Размышленія о болѣзни, смерти и воскрешеніи Лазаря. Спб. 1871 г., ц. 50 к.

Сергій, арх. Влад. Бесѣды объ основныхъ истинахъ святой православной вѣры. Изд. 3-е, испр. и доп. *Одобр. Уч. Сов. для библ. церк.-прих. шк.* (Цер. Вѣд. № 2, 1896 г.). Спб. 1899 г., ц. 1 р. 25 к.

Сергій, арх. Православное ученіе о почитаніи святыхъ иконъ и други соприкосновенныя съ нимъ истины православ. вѣры. Спб., 1899 г., ц. 25 к.

— Свят. и животв. крестъ Господень. Спб., 1899 г., ц. 6 к.

— Полный мѣсяцесловъ востока 2 тома. Изд. 2-е. Влад. 1901 г., ц. 6 р. 25 к.

— Годичный кругъ словъ на воскресные и праздничные дни и на разные случаи. Влад., 1898 г., ц. 2 р.

Серединскій Т., прот. О богослужебномъ благочиніи западной церкви. Спб., 18[illegible] г., ц. 1 р.

Сильвестръ, арх. Кавк. и Астр. Праточникъ Евангельскій. Объясн. наход. въ св. Евангеліяхъ притчей, основ. на свящ. пис. и мнѣніяхъ св. отцовъ и учит. церк., съ прил. нрав.-назид. размыш. Изд. 4-е (пересм.). Спб., 1894 г., ц. 1 р.

Синайскій, А., **свящ.** Отношеніе русской церковной власти къ расколу старообрядчества въ первые годы синодальнаго управленія при Петрѣ Вел. Изслѣдованіе. Спб. 1895 г., ц. 1 р. 75 к.

— Магометанство въ его исторіи и отношеній къ христіанству. Изд. 2-е, дополненное. Спб., 1904 г., ц. 40 к.

Скальскій, К. свящ. Литургія св. Іоанна Златоустаго. Руководство для священно и церковно служителей при Архіерейской службѣ съ изложеніемъ порядка посвященія въ священно-церковно-служительскія степени и награжденія набедренникомъ, скуфьею, камилавкою и проч. Спб., 1902 г., ц. 30 к.

Славинъ, А. Помилуй мя, Боже, помилуй мя! Душевные и сердечные вопли, стенанія и воздыханія кающагося грѣшника. Изд. 3-е. Спб., 1899 г., ц. 20 к.

— Размышлен. кающагося грѣш. о страшномъ Судѣ или о второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа на землю и всеобщемъ воскрес. мертвыхъ. Изд. 4-е. Спб., 1897 г., ц. 15 к.

Смирновъ. П. Исторія русск. раскола старообр. *Учеб. Ком. по опредѣл. отъ [illegible] Дек. 1892 г. книга реком. къ употребл. при изуч. раскола въ дух. сем. Свят. Син. по опред. отъ 1—12 Февр. 1893 г. за № 296, удост. полной преміи моск. митр. Макарія.* Изд. 2-е, исправ. и дополн. Спб., 1895 г., ц. 1 р. 30 к.

— Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ. Спб., 1898 г., ц. 3 р.

Семеновъ, Я. Д. Руководство къ духовно-нравственной жизни. По сочиненіямъ св. Ефрема Сирина и другихъ духовныхъ писателей. Спб. 1901 г., ц.

50 к. *На основаніи циркулярнаго предложенія Минист. Народн. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г. допущена въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безпл. народ. читальни и библіотеки.*

Смирновъ С., свящ. Алфав. сборникъ распоряж., необходимыхъ для каждаго члена причта. (Настольн. книга). «Никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона». (Осн. зак., ст. 62). Спб., 1898 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 25 к.

Снессорева, С. Земн. жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворн. ея иконъ, чтимыхъ православн. церк. на основаніи свящ. писанія и церковныхъ преданій. Съ изображен. въ текстѣ праздниковъ и иконъ Божіей Матери. Изд. 2-е, значительно дополнен. *Одобр. для фундам. библ. сред. учеб. завед. Мин. Нар. Пр.* (21 іюля 1894 г., № 14375). *Опред. Учил. Сов. при Св. Синодѣ отъ 12—20 Ноябр. 1902 г. за № 1142, утвержденнымъ Г. Синод. Оберъ-Прокуроромъ постановлено: допустить для пріобрѣтенія въ библіотеки церковныхъ школъ.* (Церк. Вѣд. № 48-й, 1902 г.) Спб., 1898 г., ц. 3 р., въ роскошн. коленк. переп. съ золототисн. 4 р.

Составительница вышедшей вторымъ изданіемъ книги о Пресвятой Богородицѣ и Ея чудотворныхъ иконахъ, достопочтенная С. Снессорева, несмотря на свои старческіе годы (ей уже болѣе 80 лѣтъ отъ роду), по милости Божіей и при помощи Царицы Небесной, продолжаетъ еще трудиться на литературномъ поприщѣ, во славу Бога и Его Преблагословенной Матери, пренепорочной Дѣвы Маріи. Книга, заглавіе которой обозначено выше, составлена г-жею Снессоревою и издана книгопродавцемъ И. Л. Тузовымъ еще въ 1891 году. Въ томъ же году въ 12 № Богословскаго Библіографическаго Листка, издаваемаго при нашемъ журналѣ, данъ былъ отзывъ о сей книгѣ, какъ заслуживающей полнаго вниманія духовенства и полезной для благоговѣйнаго чувства всѣхъ вѣрующихъ. Теперь вышло второе изданіе вышеупомянутой книги г-жи Снессоревой, которое сравнительно съ первымъ изданіемъ представляется значительно дополненнымъ. Во второмъ изданіи книги помѣщены свѣдѣнія о 293 чудотворныхъ иконахъ, какъ въ первомъ изданіи, но о 500 иконахъ Божіей Матери. Свѣдѣнія эти, слѣдуетъ замѣтить, не всѣ одинаковы по своему объему, такъ—объ однѣхъ иконахъ Богоматери даются свѣдѣнія болѣе или менѣе подробныя и довольно пространныя, таковы, напр., свѣдѣнія объ иконахъ—Владимірской, Иверской Казанской, Кіево-Печерской, Курской-Коренной, Почаевской, Смоленской, Тихвинской; о нѣкоторыхъ же иконахъ сообщается только то, когда Православная Церковь воспоминаетъ явленіе извѣстной иконы.

Въ разсматриваемой книгѣ сообщаются свѣдѣнія также и о томъ, о чемъ именно молятся, предъ тою или иною иконою Божіей Матери, такъ напр., о Тихвинской иконѣ Богоматери, находящейся въ г. Кіевѣ въ церкви греческаго Екатерининскаго монастыря, замѣчено, что предъ сею иконою православные молятся о *сохраненіи здоровья младенцевъ* (стр. 271, 339), или же о Чистительной (такъ называемой) иконѣ сообщается, что эта икона Богоматери имѣетъ благодатный даръ исцѣлять и очищать *глазную болѣзнь*, и по этой чудотворной силѣ икона эта названа Чистительною (стр. 339).

Для удобства пользованія въ концѣ книги приложенъ какъ и въ первомъ изданіи, алфавитный списокъ чудотворныхъ иконъ Пресвятой Богородицы, съ указаніемъ городовъ явленія или перенесенія въ Россію и дней празднованія ихъ. Книга издана книгопродавцемъ г. Тузовымъ на прекрасной веленевой бумагѣ весьма опрятно и даже роскошно. Въ книгѣ находятся болѣе 200 отчетливыхъ изображеній Богоматери. Судя по этимъ изображеніямъ, а также и по объему книги (648 страницъ), нельзя сказать, чтобы цѣна ея—3 р. была дорогою. Эту книгу можно рекомендовать къ выпискѣ нашимъ духовенствомъ въ церковныя библіотеки. Книга одобрена для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія. С. Д. Д.

(*«Богосл. Библ. листокъ», прилож. къ «Рук. для сельск. Пастырей», № 5, 1898 г.*).

Соколовскій А. А., прот. Всѣмъ сомнѣвающимся. Религія любви и эгоизмъ. М., 1891 г., ц. 1 р. 50 к.

Соколовъ, А. Священная исторія въ простыхъ разсказахъ для чтенія въ школѣ и дома. Ветх. и Нов. Зав. 40 рис. по ориг. Доре и Плокгорста и съ 109-ю полит. въ тек. Спб., 1901 г., ц. 1 р., въ роскошн. кол. переп. 2 руб.

«Разсказы ни въ какомъ случаѣ нельзя упрекнуть въ сухости и однообразіи рѣчи. Вездѣ почтенный разсказчикъ живо представляетъ себя въ обществѣ дѣтей съ ихъ своеобразнымъ настроеніемъ души и ограниченнымъ кругомъ понятій; къ нимъ онъ часто обращается съ вопросами по поводу сказаннаго; заставляетъ ихъ перенестись мысленно въ положеніе дѣйствующаго или страдательнаго лица и вмѣстѣ съ тѣмъ—подумать и сказать, чтобы они сами почувствовали и

сдѣлали въ такихъ или иныхъ обстоятельствахъ. Всегда говоритъ авторъ рѣчью самою простою, не нуждающеюся въ особыхъ поясненiяхъ. Въ изложенiи предмета не видно ничего недосказаннаго. Авторъ такъ простъ и естественъ, что, кажется, и самыя маленькiя дѣти поймутъ сказанное. Приложенныя къ тексту картины и политипажи также способствуютъ пониманiю и болѣе наглядному представленiю сказаннаго. Нравственныя приложенiя и разсужденiя по поводу приведенныхъ исторiй—не велики, но замѣчательно мѣтки и вообще дѣльны. Вообще, по своей простотѣ, общедоступности, легкости и живости изложенiя книга эта восполняетъ пробѣлъ въ существующей литературѣ по предмету закона Божiя» («Богосл. Библ. Лист.» Прил. къ «Руков. для Сельск. Паст.», № 8—9, 1892 г.).

Соколовъ, А. Евангельскiя событiя. Иллюстрированный систематическiй сборникъ Евангельскихъ событiй, изложенныхъ въ стихахъ лучшими русскими писателями. Со снимками съ картинъ извѣстныхъ худож. М., 1900 г., ц. 40 к.

Соколовъ, И. И. Монашеская республика. (Афонъ). Спб., 1904 г., ц. 40 к.

Соловьевъ I., свящ. Пособiе къ доброму чтенiю Святой Библiи. Руководств. свѣд. объ ея богодухнов. значен., составѣ, раздѣл. и внѣшн. особен.; о происхожд., содерж. и богослуж. употребленiи каждой изъ свящ. книгъ Библiи въ отдѣльности. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1898 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 75 к.

— Что нужно знать прав. христ. о св. Еванг. Спб., 1898 г., ц. 30 к.

Соловьевъ, Н. И. Православное духовенство. Очерки, повѣсти и разсказы изъ жизни приходскаго духовенства. Спб., 1902 г., ц. 1 р.

Сочиненiя древнихъ христiан. апологетовъ. Изд. въ русск. перев. со введен. и примѣч. прот. П. А. Преображенскимъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г., ц. 1 р. 50 к.

Спасскiй, П. Н. Сборникъ правилъ о школахъ церк.-прих. и грам., съ относящимся къ нимъ опредѣл. и указ. Св. Сvн., Училищн. при ономъ Сов. Изд. 3-е, испр. и дополн. Спб., 1898 г., ц. 60 к.

— Толкованiе на пророческiя книги Ветхаго Завѣта, сост. на основан. святоотеч. толков. примѣнит. къ славян. (и греч. 70) тексту по прогр. для 4-го кл. дух. семин. Книги пр.: Исаiи, Iеремiи, Iезекiиля и Дан. Спб., 1898 г. ц. 2 р.

Стихотворное переложенiе псалмовъ Прор. и Царя Давида, составляющихъ псалтирь. Съ объяснен. истор. таинственнаго или нравствен. смысла псал. Изд. 2-е, 1874 г., ц. 40 к., въ кол. пер. 1 р.

Стихотворенiе 8 д. л. на велен. бумагѣ, 1 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р. 50 к.

Стратилатовъ, К. Собранiе церковныхъ поученiй для сельскаго народа. Удостоен. премiи Св. Сvнода. Въ 2 част. Изд. 3-е. Спб., 1903 г., ц. 1 р. 50 к.

— Катихизич. бесѣды къ сельск. прихожан. Изд. 5-е. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к.

Терлецкiй, Г. Секта Пашковцевъ. Спб., 1891 г., ц. 60 к.

Терновскiй, Ф. Русская и иностранная библiографiя по исторiи Византiйской церкви IV—IX в.в. Алфавитный списокъ авторовъ и краткiй обзоръ ихъ трудовъ. Кiевъ. 1885 г., ц. 2 р.

Тихомировъ Д., прот. Апологетическiя бесѣды о религiи. Спб., 1884 г., ц. 1 р.

Толстой М., графъ. Книга, глаголемая описанiе о Россiйскихъ святыхъ, гдѣ и въ которомъ градѣ или области или монастырѣ и пустыни поживе и чудеса сотвори, всякаго чина святыхъ. М., 1887 г., ц. 1 р. 80 к.

Тренчъ, арх. Дублин. Толкованiе притчей Господа нашего Iисуса Христа. Переводъ съ англ. Зиновьева. Спб., 1888 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 3 р.

Тренчъ, арх. Дублин. Чудеса Господа нашего Iисуса Христа. Объяснит. примѣч. къ Евангельск. повѣствован. о чудесахъ Христ. М., 1883 г., ц. 1 р. 30 к.

Училище благочестiя, или примѣры христ. добродѣт., выбран. изъ житiй святыхъ. Съ 16-ю рис. акад. Ѳ. Г. Солнцева. Изд. 18-е. (5-е иллюстр.). Спб. 1899 г., ц. 80 к., въ кол. пер. 1 р. 75 к. *Мин. Нар. Просв. одобр. для прiобр. въ учен. биб. средн. уч. зав.*, 21 iюля 1894 г., № 14375. *Внесена въ спис. книгъ для церк.-прих. школ.* (Церк. Вѣд. № 2, 1896 г.).

«Кто не знакомъ съ этой прекрасной книгой, въ теченiе цѣлаго полувѣка бывшей воспитательницею религiознаго чувства и учительницею христiанской нравственности для множества поколѣнiй? Написанная необыкновенно простымъ и доступнымъ языкомъ, она по выбору предметовъ отвѣчаетъ на всѣ запросы вѣрующаго духа и нравственнаго чувства, ищущихъ въ живыхъ примѣрахъ осуществленiя тѣхъ высокихъ добродѣтелей и тѣхъ подвиговъ вѣры, которые входятъ въ самую сущность христiанства.

Новое изданiе этой книги снабжено 16-ю рисунками, составленными нашимъ первымъ знатокомъ и профессоромъ церковной живописи, академикомъ Ѳ. Г. Солнцевымъ. Достаточно назвать это славное въ исторiи нашей церковной живописи имя, чтобы понять, сколько въ этихъ ри-

сункахъ вѣрности христіанской идеѣ, жизненности и художественности исполненія. Книга посвящена издателемъ церковно-приходскимъ школамъ и по своему содержанію и внѣшнему виду вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію. Но мы думаемъ, что и всякій любитель назидательнаго чтенія съ удовольствіемъ отдохнетъ душой и многому научится на высокихъ примѣрахъ христіанской доблести, какъ жемчугъ разсыпанныхъ въ этой столь извѣстной и столь дорогой по своему содержанію книгѣ.

Книга издана прекрасно. Крупный, четкій шрифтъ, хорошая бумага и незначительная цѣна дѣлаютъ ее доступною и для не богатыхъ читателей. Въ ней около 500 стр. въ большую 8-ю долю листа и 16 превосх. рисунковъ, а стоитъ она всего 80 к. («Русскій Паломникъ» № 48, 1889 г.).

Ушаковъ, А. Н. Сборникъ службъ, молитвъ и пѣснопѣній, употребляемыхъ при богослуженіяхъ въ православной церкви. Съ объясненіемъ непонятныхъ словъ и оборотовъ рѣчи на русскомъ языкѣ. Изд. 3-е. Спб., 1904 г., ц. 60 к.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Нов пер. съ 30 англ. изд. А. П. Лопухина съ прил. ученыхъ изысканій по отд. вопросамъ изъ жизни І. Христа и прим. къ тексту. Изд. 8-е, испр. со множ. илл. и прил. раскр. карты Палест. Роск. изд. опт. на вел. бум. Въ 2 т. Спб., 1900 г., ц. 6 р., въ кол. пер. 8 р.

— Жизнь Іисуса Христа. Пер. А. П. Лопухина. 7-е общед. изд. Съ прил. 16-ти полит. Въ 2 ч. Спб., 1899 г., ц. 2 р. 50 к. въ кол. пер. 3 р. 50 к. *Мин. Нар. Пр. одобр. для пріобр. въ учен. библ. средн. уч. зав.* 21 Іюля 1894 г., № 14375.

— Жизнь и труды святаго апостола Павла. Полный переводъ съ послѣдняго англ. изданія. А. П. Лопухина. Со множеств. иллюстр. и прилож. 4-хъ раскр. картъ. Роск. изд. Спб., 1901 г., ц. 8 р., въ кол. переп. 10 р.

— Жизнь и труды святаго апостола Павла. Перев. съ 19 англ. изд. А. П. Лопухина. 3-е общедоступное изданіе въ 2 ч. Спб., 1893 г., ц. 3 р., въ кол. пер. 4 р. *Мин. Нар. Пр. одобр. для пріобр. въ учен. библ. средн. учебн. зав.* 21 Іюля 1894 г. № 14375.

— Молитва, какъ средство къ утол. печали. Спб., 1888 г., ц. 10 к.

— Власть тьмы въ царствѣ свѣта. Перев. съ англ. А. П. Лопухина. Спб., 1897 г. ц. 3 р., въ кол. пер. 4 р.

До послѣдняго времени Фарраръ былъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ талантливый изслѣдователь и бытописатель исторической жизни первыхъ вѣковъ христіанства, и его главнѣйшія четыре сочиненія—«Жизнь Іисуса Христа», «Жизнь св. апостола Павла», «Первые дни христіанства», «Жизнь и труды свв. отцовъ и учителей церкви» (всѣ переведены на русскій языкъ)—облетѣли весь міръ и сдѣлались достояніемъ всеобщей христіанской литературы. Но, не удовлетворяясь строго научнымъ воспроизведеніемъ изучаемой эпохи, Фарраръ года три тому назадъ сдѣлалъ попытку воспроизведенія одного изъ интереснѣйшихъ моментовъ этой эпохи въ литературно-художественномъ произведеніи, издалъ историческую повѣсть подъ заглавіемъ *«На зарѣ христіанства»*. Совершенно въ томъ же родѣ онъ издалъ теперь и другую книгу, составляющую предметъ нашей замѣтки. Это историческій разсказъ, но изъ другой эпохи, и нужно сказать, не менѣе интересной и важной въ историческомъ смыслѣ—именно изъ временъ св. Іоанна Златоуста. Какъ сама личность великаго проповѣдника, такъ его исполненная глубокопоразительность приключеній жизнь и наконецъ самый вѣкъ его жизни—все это само собой напрашивается на кисть художника-живописателя, и Фарраръ съ свойственнымъ ему талантомъ воспроизвелъ эту эпоху, оживотворяя ее художественнымъ изображеніемъ подробностей. Книга начинается описаніемъ извѣстнаго бунта въ Антіохіи, послужившаго для Златоуста поводомъ къ произнесенію его знаменитыхъ рѣчей къ антіохійскому народу о статуяхъ и оканчивается изображеніемъ ссылки Златоуста, такъ что въ сущности въ разсказѣ художественно воспроизводится вся глубокопоучительная жизнь Златоуста. Одно это уже съ достаточностью говоритъ объ увлекательности содержанія книги, которая вполнѣ заслуживала бы перевода на русскій языкъ («Христ. чтеніе» 1896 г.).

Фарраръ, Ф. В. На зарѣ христіанства, или сцены изъ временъ Нерона. Истор. разсказъ. Перев. съ анг. А. П. Лопухина. Спб. 1901 г. Ц. 3 р., въ кол. съ зол. тисн. пер. 4 р.

— Первые дни христіанства. Перев. съ послѣдняго англ. изд. А. П. Лопухина. Въ 2 част. Спб., 1892 г., ц. 4 р., *Мин. Нар. Пр. одобр. для пріобр. въ учен. библ. средн. учебн. зав.* 21 Іюля 1894 г., № 14375.

— Аллегоріи. Борьба добра со зломъ. Съ 20-ю рисунками въ текстѣ. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. переп. 2 р.

— Безхарактерность—причина многихъ бѣдствій. Очеркъ нравовъ школь-

ной жизни. Въ двухъ частяхъ. Съ англ. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 50 к.

Фарраръ, Ф. С. Въ дни твоей юности. Дух.-нрав. бесѣд. Подъ ред. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1895 г., ц. 2 р., въ коленк. пер. 2 р. 50 к.

— Голосъ съ Синая. Вѣчное основаніе нравственнаго закона. Духовно-нравственныя бес. Подъ ред. Ф. С. Комарскаго. Спб. 1894 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р.

— Голосъ совѣсти. Бесѣды о нравственности. Съ англ. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р.

— Искатели Бога. Примѣры высокой правильной жизни въ средѣ грубаго язычества. Съ рисунками. Спб., 1898 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р.

— Раскаяніе — основаніе нравствен. совершенства. Очерки нрав. школьной жизни. Спб., 1898 г. Ц. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 50 к.

— Семейный очагъ. Мужчина и женщина. Необходимыя условія для сохраненія доброй христіанской жизни. Спб., 1898 г., ц. 60 к., въ кол. пер. 1 р.

— Сила добр. вліянія — результатъ правильн. воспитанія. Очеркъ нрав. школ. жизни. Спб., 1898 г., ц. 2 р. 50 к. въ пер. 3 р.

— Христіан. отвѣтственность. Бесѣды о нравственности. Съ англ. Спб., 1899 г., Ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р.

— Христіанскіе труженики. (Обзоръ жизни великихъ дѣятелей, мучен., пустынниковъ, монаховъ и др.) Спб., 1898 г., ц. 60 к., въ кол. пер. 1 р.

Умеръ знаменитый Фарраръ, книги котораго извѣстны всему христіанскому міру, сочиненія котораго усердно читаются у насъ въ Россіи и пользуются широкой популярностью. «Жизнь Іисуса Христа» Фаррара считается классическимъ произведеніемъ, съ которымъ знакомятся еще на школьной скамейкѣ одновременно съ изученіемъ Закона Божія по оффиціальнымъ учебникамъ и по подлинному тексту св. Писанія.

Покойный писатель былъ однимъ изъ выдающихся богослововъ и церковныхъ проповѣдниковъ Англіи. Онъ родился въ Индіи въ 1831 году, а образованіе получилъ въ университетахъ Англіи, причемъ кончилъ курсъ съ блестящимъ отличіемъ, послѣ чего принялъ въ 1857 году священническій санъ. Оставаясь все время примѣрнымъ пастыремъ и учителемъ церкви, Фарраръ сталъ замѣчательнымъ ораторомъ и писателемъ. Широко и всесторонне образованный, дѣятельный и талантливый человѣкъ, вносилъ въ свои рѣчи и литературные труды массу эрудиціи, знанія и внутренняго убѣжденія. Тщательное изученіе, удивительная стройность и логичность мысли, блестящее, чисто художественное изложеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокая искренность и задушевность, сіяющія съ каждой страницы— таковы отличительныя, выдающіяся качества произведеній Фаррара.

Его главнѣйшія сочиненія, буквально облетѣли весь міръ; многія изъ нихъ у себя на родинѣ—въ Англіи—выдержали по 30 и болѣе изданій и въ такомъ же количествѣ изданій появились и въ другихъ странахъ Европы. Америка и Австралія съ своей стороны отдали дань вниманія Фаррару, оцѣнивъ по заслугамъ его книги и давъ имъ такое же почетное мѣсто, какое онѣ занимаютъ у себя дома.

Фарраръ писалъ и на церковно-историческія темы («Жизнь Іисуса Христа», «Жизнь и труды св. апостола Павла», «Первые дни христіанства», «На зарѣ христіанства) и на темы нравственнаго характера («Голосъ совѣсти», «Семейный очагъ», «Раскаяніе»). Какъ проповѣдникъ и пастырь, онъ нерѣдко избиралъ и темы педагогическаго свойства: «Сила добраго вліянія», «Въ дни твоей юности», «Безхарактерность» и пр.

Фарраръ умѣлъ не повторяться въ своихъ сочиненіяхъ и не разбрасываться. Несмотря на такое разнообразіе темъ, онъ не только не страдалъ легковѣсностью и поверхностью трактованія ихъ, но наоборотъ, глубочайшимъ и основательнѣйшимъ образомъ исчерпывалъ каждую тему, увлекая читателя своимъ богатымъ, образнымъ языкомъ и возвышаясь мѣстами до истинно-поэтическаго паѳоса.

Не только Англія понесла въ его лицѣ тяжелую утрату, но и вся міровая богословская литература, для которой онъ былъ однимъ изъ надежнѣйшихъ столповъ; въ настоящее время трудно и даже невозможно указать другого такого же талантливаго и разносторонняго писателя въ этой области, какъ Фарраръ! («Нива». 1903 г., № 15).

Филаретъ (Гумилевскій) архіеп. Черниговск. Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа. Съ портр. автора. Въ 2-хъ част. Изд. 3-е. Спб. 1884 г., ц. 3 р., въ кол. пер. 4 р.

— Житіе свят. Кирилла и Меѳодія, славян. просвѣтит. Въ память 1000 лѣтія. Спб., 1885 г., ц. 10 к.

— Житіе св. Митрофана, епископа Воронеж. Съ изображ. Спб., 1904 г., ц. 10 к.

— Историч. ученіе объ отцахъ Церк. (въ сокращ.). Черниговъ. 1864 г., ц. 1 р. 25 к.

— Исторія русской Церкви. Въ пяти періодахъ. (988—1826) Періодъ I. Отъ начала христіанства въ Россіи до на-

шествія Монголовъ.—Періодъ II, Монгольск., отъ опустош. Россіи до раздѣл. митрополіи.—Періодъ III. Отъ раздѣленія митрополіи до учрежденія патріаршества.—Періодъ IV. періодъ патріаршества. — Періодъ V. Сvнод. правл.

— Гласъ Божій къ грѣшнику. Спб., 1891 г., ц. 30 к. *Учен. Ком Мин. Нар. Просв. рекоменд. для библ. средн. учебн. завед.*

— Житія святыхъ подвижницъ Восточ. Церк. Изд. 3-е, съ изображ. свят. подвиж. акад. Ѳ. Г. Солнцева. Спб., 1898 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 25 к.

— Житія святыхъ чтимыхъ православною Церковью, съ свѣдѣніями о праздникахъ Господскихъ и Богородичныхъ и о явленіяхъ чудотворныхъ иконъ съ дополн. изъ друг. Съ изобр. свят. и праздн. акад. Ѳ. Г. Солнцева и друг. Съ прилож. портр. преосв. Филарета. На рус. яз. за кругл. годъ, 12 мѣс. Спб. 1900 г., ц. за всѣ 12 кн. 15 р. въ кол. пер., въ 6 кн. 20 р., въ 12 кн. 24 р. *Мин. Нар. Пр. внесена въ каталогъ книгъ для безпл. народ. читаленъ и для ученич. библ. средн. учебныхъ завед. Мин. Нар. Пр.* Стр. кат. 17-я, 1897 г.

«Новое изданіе «Житій Святыхъ» представляетъ собой первый опытъ соединенія въ одномъ цѣломъ произведеній архіепископа Филарета «Русскіе святые», «Святые южныхъ славянъ» и Подвижницы восточной Церкви». Вмѣстѣ съ тѣмъ для удобства любителей назидательнаго чтенія включены сюда дополненія другихъ святыхъ, чтимыхъ восточною Церковію, и о праздникахъ, извлеченныя изъ Четьи-Миней Димитрія Рост., Прологовъ и извѣстнаго сочин. прот. Дебольскаго «Дни богослуженія православн. Церкви». Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ этомъ изданіи полный сборникъ жизнеописаній святыхъ на каждый день года, а иногда по нѣскольку на одинъ и тотъ же день, расположенныхъ въ порядкѣ мѣсяцеслова, помѣщаемаго при слѣдованной псалтири,— сборникъ единственный въ своемъ родѣ, настольная нужда въ которомъ не требуетъ доказательствъ. Главное мѣсто въ немъ занимаютъ житія и подвиги русскихъ и юго-славянскихъ святыхъ и подвижницъ; какъ подробныя свѣдѣнія о жизни этихъ святыхъ, такъ особенно разсказы о чудесахъ проникнуты поученіемъ и назиданіемъ, духъ благочестія вѣетъ на каждой страницѣ сочиненія. Языкъ сочиненія — русскій, простой, точный и сжатый, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ того же автора. Не можемъ не отмѣтить еще той пріятной особенности изданія, что оно, помимо своей опрятности, снабжено обильно рисунками, изображающими въ отдѣльности всѣхъ святыхъ и праздники, о которыхъ идетъ рѣчь въ текстѣ. Рисунки исполнены академикомъ Ѳ. Г. Солнцевымъ, извѣстнымъ своею превосходною техникой и знакомствомъ съ художественными памятниками русской старины. Нѣкоторые рисунки прямо перенесены сюда съ древнихъ лучшихъ образовъ, что свидѣтельствуетъ объ особенной цѣнности ихъ; другіе сочинены вновь съ возможнымъ соблюденіемъ древняго византійско-русскаго стиля. Съ этой стороны, независимо отъ общаго интереса, возбуждаемаго во всѣхъ почитателяхъ старины, названное изданіе можетъ принести пользу и русскимъ иконописцамъ, нерѣдко, къ сожалѣнію, отличающимся необузданною фантазіею и полнымъ незнакомствомъ съ древними иконографическими преданіями», («Церк. Вѣстникъ», № 43, 1884 г.).

Житія святыхъ должны быть повседневною настольною книгою каждаго православнаго христіанина, и въ особенности необходимо ихъ имѣть каждому священнику, а также въ библіотекахъ какъ церковныхъ, такъ и всѣхъ учебныхъ заведеній.

Филаретъ, (Гумилевскій) архіеп. Черн. Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній греч. Церкви. Изд. 3-е. Спб., 1902 г., ц. 1 р. 50 к.

— Историческое ученіе объ отцахъ Церкви, въ 3 томахъ Спб., 1882 г., ц. 5 р., въ кол. пер. 6 р.

— Опытъ объясненія на посланіе апостола Павла къ Галатамъ. Черниговъ, 1862 г., ц. 75 к.

— Исторія русской Церкви. Изд. 6-е. Спб., 1894 г., ц. 3 р., въ кол. пер. 4 р.

— Обзоръ русской духовной литературы. Изд. 3-е, съ поправками и дополнен. автора. Спб., 1884 г., ц. 3 р., въ кол. пер. 4 р.

— Правосл. догматическ. богословіе. Изд. 3-е. Спб., 1882 г., ц. 3 р., въ кол. переп. 4 р.

— Святые южныхъ славянъ. Описаніе жизни ихъ. Съ изобр. свят. Ѳ. Г. Солнцева. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 50 к.

— Слова, бесѣды и рѣчи. Въ 4-хъ част. Изд. 3-е. Спб., 1883 г., ц. 3 р. 50 к., въ кол. пер. 4 р. 50 к.

Хергозерскій, А. Обозрѣніе пророческихъ книгъ Ветх. Зав. Изд. 4-е. Спб., 1899 г., ц. 1 р. *Одобр. для употр. въ семин.*

Хитровъ, М. И., прот. Древняя Русь въ великіе дни. Съ 6-ю рис. въ текстѣ. Спб., 1899 г., ц. 30 к. *Учебн. Ком. при Св. Сгн. одобрена для ученич. библ.*

55-00

дух. сем. мужск. дух. и жен. епар. уч. (Церк. Вѣд. № 49-й, 1899 г.).

Христіанскія размышл. на каждый день мѣсяца. Спб., 1898 г., ц. 10 к.

Церковные хоры (Сборникъ нотныхъ пѣснопѣній для школьн. пѣнія). Часть I. Пѣснопѣнія всенощн. бдѣнія. Сост. А. В. Касторскій. *Учил. Сов. при Св. Сгн. одобр. въ кач. учебн. пос. по церк. пѣнію.* Спб., 1899 г., ц. 60 к.

Чепурковскій, Д. В. Подготовка къ вѣчному блаженству. Спб., 1891 г., ц. 20 к.

Чижевскій I., прот. Церковное хозяйство или правила и постановленія касательно благоустройства храмовъ, благочинія въ оныхъ, веденія церковн. хозяйства и постройки церк. молитвен. домовъ и часовенъ. Излечен. изъ церковно - гражданск. законовъ. Харьковъ, 1891 г., ц. 2 р.

Чистовичъ, И. Древне-Греческій міръ и Христіанство въ отношен. къ вопросу о безсмерт. и будущ. жизни человѣка. Истор. изслѣдован. Спб. 1871 г., ц. 1 р.

— Очеркъ исторіи западно-русской церк. 2 час. Спб. 1882—1884 г., ц. 2 р. 75 к.

Шарбонель, В. Жажда жизни. Философско-нравственное разсужденіе. Спб., 1898 г., ц. 1 р.

Шаффъ, Ф. Іисусъ Христосъ — чудо исторіи. Соч., заключающ. въ себѣ опроверж. ложн. теорій о лицѣ Іисуса Христа, и собраніе свидѣт. о высокомъ достоин. характ., жизни и дѣлъ Его, со стороны невѣрующ. Спб., 1896 г., ц. 1 р. въ кол. пер. 1 р. 75 к.

Ширкевичъ, С., свящ. Церковно-славянскій словарь. Пособіе при чтеніи и разборѣ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. (Для духовныхъ училищъ и др. школъ). Издан. 3-е, испр. и дополн. Спб., 1898 г., ц. 15 к. *Одобр. Мин. Нар. Пр.*

Ювачевъ, И. П. Между міромъ и монастыремъ. Очерки и разсказы:—Три дня у иноковъ.—Лѣчебница души.—Монастырская работа.—Въ трапезной.—Борьба съ родителями и проч. Спб., 1903 г., ц. 50 к.

Янышевъ I. Л., Протопресв. Руководство къ обученію каѳолической вѣрѣ въ высшихъ школахъ. Издано по порученію старокатолическ. Сѵнода. Боннъ 1875 г. Спб., 1876 г., ц. 50 к.

Ярославская, К. Л. Пасха Красная. Сборн. для назид. чтенія во дни Святой недѣли. Одесса, 1898 г., ц. 80 к. *Одобр. Мин. Нар. Просв.*

— Общедоступное чтеніе во время гов. Изд. 5 е. Спб. 1902 г., ц. 15 к. *Одобр. Мин. Нар. Просв.*

Ѳаворскій, Д., свящ. Православное христіанское нравственное ученіе и современная естественно-научная мораль. Спб., 1900 г., ц. 15 к.

— Христіанскіе догматы о безсмертіи души, и воскресеніи мертвыхъ. Спб., 1900 г., ц. 30 к.

Книги изданныя въ свѣтъ съ разрѣшенія духовной цензуры, безпрепятственно допускаются, на основаніи циркулярнаго предложенія Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 10—19 Ноября 1901 г., за № 31977, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.



